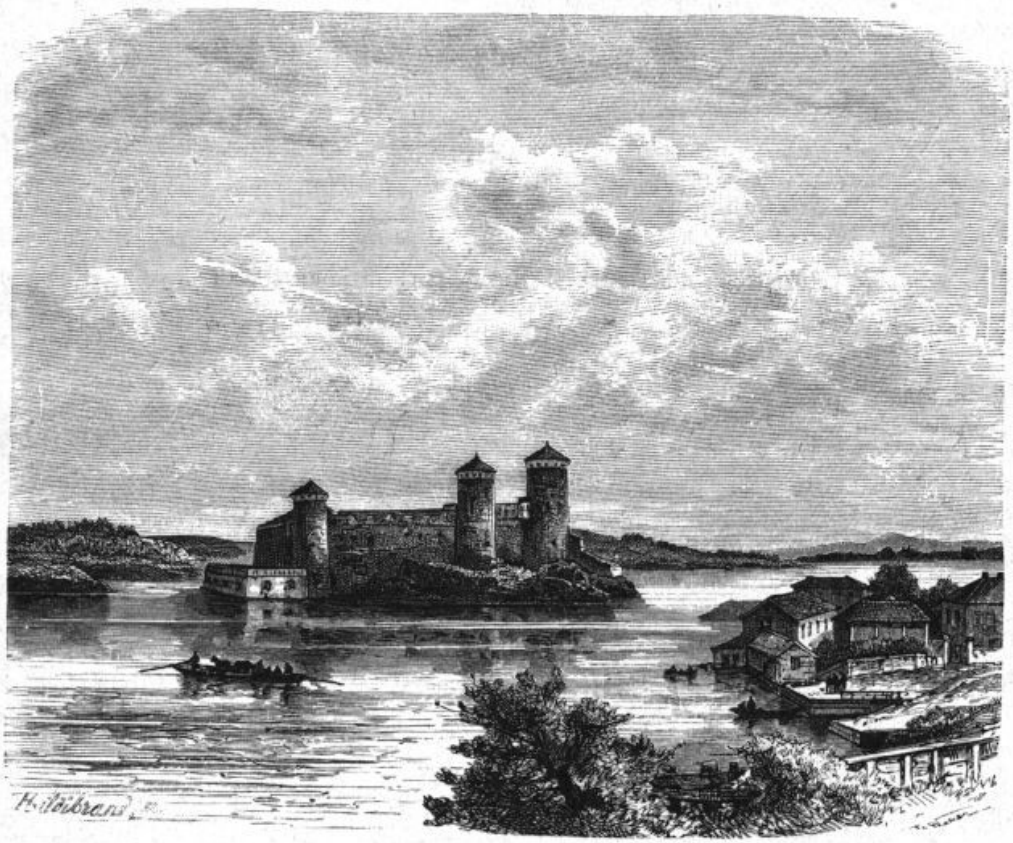
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.



КНИГА ТРЕТЬЯ.

Томъ 5.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза» и К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

Том V.

Северо-Атлантический океан.—Бельгия.—Великое герцогство Люксембургское.—Нидерланды.—Дания.—Скандинавский полуостров: Норвегия и Швеция.—Острова европейского Ледовитого океана.—Европейская Россия.

Дозволено цензурою. С.-Петербург, 6 июня 1898 г

Типография Высочайше Утвержденного Товарищества "Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39

Предисловие к V-му тому.

При первом издании настоящего тома редакция не нашла возможным ограничиться исключительно только буквальным переводом оригинала. Она дала массу сведений как более новых, так и более достоверных по всем отраслям как географии России, так и её статистики.

Ныне прошло уже слишком много со времени первого издания как на русском, так и на французском языках, а между тем нового издания в Париже этого тома не сделано, да если бы это и было, то редакция, подобно тому, как она сделала это при первом издании, не считала бы себя в праве ограничиться только переводом, упустив из виду отечественные материалы, имеющие первостепенную важность и непоколебимый авторитет. Эти добавления тем более ценны, что ныне редакция имеет возможность воспользоваться самыми новейшими сведениями, почерпнув их, помимо массы разных других источников, из двух капитальных изданий, полных самого живого научного интереса «Народная перепись 1897 года» и «Производительные силы России».

Глава I Северо-Атлантический океан.

I.

Воды, омывающие, на северо-западе и севере Европы, Нидерланды, Британские острова, Ферёрский архипелаг, Исландию, Данию, Скандинавию, Шпицберген, образуют заливы и моря мало открытые; вся эта часть Атлантического океана есть лишь боковой бассейн, второстепенная котловина, гораздо меньшая по размерам и глубине чем обширная южная Атлантика, извивающаяся между двумя континентами—Старым и Новым Светом. Северные моря Европы, где, по свидетельству геологии, материки неоднократно исчезали в морских пучинах и снова выступали из-под жидкой массы, покрывают пространства, которые земля и вода постоянно оспаривали друг у друга в течение неизмеримо-длинных циклов жизни нашей планеты: острова, архипелаги, песчаные мели, широкие подводные пороги делят бездны северной Атлантики на множество второстепенных бассейнов, и, в соседстве с Европой, пространства, составляющие дно Ламанша, Исландского канала, Северного и Балтийского морей, могут быть рассматриваемы как принадлежащие геологически к твердой земле: это не что иное, как затопленные морскими водами равнины.

Если уже на материках трудно распознавать границы естественных областей, потому что переходы между смежными странами относительно рельефа почвы и климата совершаются по большей части постепенно, нечувствительно, то на океане совершенно невозможно провести идеальные линии раздела. Не говоря уже о том, что перемены времен года и чередование ветров происходят более свободно на гладкой поверхности морей, самая жидкая масса постоянно перемещается от действия бурь, приливов и отливов, течений и противутечений, поверхностных и глубоких, или нижних; кроме того, между водами происходит непрерывный обмен температур и различных физических условий. Вследствие этого, вообще говоря, можно только приблизительно обозначить раздельные пространства между океаническими областями.

Однако, подводные исследования, произведенные, при помощи промеров морского дна, с половины нынешнего столетия, дали возможность определить переходные пояса между различными бассейнами океана. Часть северной Атлантики, которую можно бы было назвать Скандинаво-британским океаном, отделена от американских вод пучинами глубиною больше 4.000 метров (около четырех верст): в этом месте проходит ров или канал, вырытый между двумя континентальными массами. Боковая долина этой пропасти, открывающаяся напротив Нью-Фаундлендской мели, направляется на восток к середине Атлантического океана, навстречу другому глубокому бассейну, который простирается на запад от Бискайского залива и Пиренейского полуострова; между этими двумя впадинами лежит порог, соединяющий плато Азорских островов с подводными плоскогорьями европейских морей. В своей совокупности Атлантика, омывающая север Европы, имеет небольшую относительно глубину, так что если бы морское дно поднялось на сотню метров, то восточные её заливы: Балтика, Северное море, канал св. Георгия, Ламанш, почти совсем исчезли бы. Кроме плоской возвышенности, служащей фундаментом для Британских островов, в северной Атлантике рассеяны и другие подводные плоскогорья менее обширные, именно плоскогорья о. Роккаль (Rockall), Ферёрских островов, Исландии, Ян-Майена. От Шотландии до Грен-

ландии тянется подводный перешеек, рельеф которого еще не измерен вполне, но который покрыт слоем воды толщиною менее 700 метров даже в самых глубоких местах, между Оркадскими островами и мелью Ферёрских островов; между этими последними островами и Исландией порог лежит, средним числом, на расстоянии 500 метров от поверхности моря; на основании одного промера, сделанного по средине пролива, отделяющего Исландию от Гренландии, полагают, что и эта часть порога погружена на такую же глубину, то-есть около 500 метров. Камни, вынутые Валличем[1] со дна моря, позволяют думать, что перешеек, соединяющий Исландию с Ферёрскими островами, вулканического происхождения, и что подземные силы содействовали разделению вод северного Атлантического океана на два отдельные бассейна. Что касается Роккальского подводного плато, то оно соединено с Гебридскими островами порогом, лежащим на расстоянии около 1.500 метров от поверхности моря. Средняя глубина всего восточного бассейна, который простирается от Исландии до Норвегии и который Мон (Mohn) предлагает назвать Норвежским морем[2], тоже равна 1.500 метрам, то-есть составляет около трети приблизительной толщины океанических вод на земном шаре. Впрочем, в центре этого моря найдена глубина в 3.405 метров.

В прежнее время многие географы, основываясь на некоторых обманчивых признаках, считали вероятным мнение, что глубина северного Атлантического океана постепенно уменьшается по направлению к полюсу; но исследования шведской полярной экспедиции 1868 года доказали ошибочность этой предвзятой идеи. В расстоянии около 300 километров к западу от Шпицбергена лот достал дно только на глубине 4.836 метров, так что даже такая гора, как Монблан, будучи брошена в эту бездну, не доставала бы своей верхушкой поверхности воды. Измерение, сделанное далее на севере, в море, носящем имя Парри, дало глубину 2.000 метров. Уже в 1818 году знаменитый полярный мореплаватель Скоресби опускал лот между Шпицбергеном и Ян-Майеном, и не нашел дна на глубине 2.150 метров. Из этого видно, что со стороны севера так же, как и в южном направлении, европейская Атлантика ограничена глубокими пучинами. Полярные льды, которые, в форме сплошных ледяных пространств и плавающих гор, проникают более или менее далеко на юг, также составляют для людей Европы естественную демаркационную линию. Замечательно, что дно океана представляет в своем рельефе много сходства с очертаниями соседних континентов. Если бы нынешний уровень моря понизился на 2.000 метр., так чтобы обнаружилась форма морского ложа, то мы увидели бы между Европой и Гренландией два новые, выступившие из-под воды, полуострова, направляющиеся к югу, на подобие Скандинавии, Иберии. Италии, Греции. Если бы затем исчез еще слой жидкой массы толщиною в 2.000 метров, то на востоке от Нью-Фаудленского моря появился бы поверх волн обширный полуостров, с многочисленными второстепенными разветвлениями, продолжающийся тоже по направлению к югу; наконец, порог, разделяющий две океанические пучины, западную и восточную, образовал бы перешеек, соединяющий северные земли с огромным полуостровом, орьентированным опять-таки по направлению с севера на юг и протянувшимся до Азорских островов или еще далее. По словам древних легенд, которые некогда собирались составителями морских карт как достоверные факты, один из этих погрузившихся в море полуостровов, контуры которых теперь можно проследить только при помощи батометра, был еще видим под волнами, когда первые мореплаватели отважились проникнуть в эти воды. Эта исчезнувшая земля носила даже особое название: она была известна под именем «потопленной земли Бусса». По мнению Делиля и некоторых географов прошлого столетия, в этом месте находился остров Финляндия (Finlandia), открытый в конце четырнадцатого столетия братьями Зено (венецианцами) и с той поры тщетно отыскиваемый мореплавателями.

Движения, совершающиеся в массе вод северной Атлантики, имеют, как и движения всех других морей, сложное происхождение; но они отличаются своей амплитудой и разнообразием своих уклонений от нормального хода. Нигде эти явления океана не исследованы

1 „North Atlantic Sea-bed".

2 „Petermann's Mittheilungen", январь 1878 г

более тщательно и подробно, но, вместе с тем, нигде они не перепутываются таким странным образом, как в северной Атлантике. Многие вопросы остаются еще неразъясненными в изучении этих движений жидкой массы, ибо одного знакомства с поверхностными течениями моря далеко недостаточно; нужно, кроме того, проследить мысленно все скрытые от взоров нижния противотечения, нужно наблюдать изменчивую температуру и соленость вод по всей их толщине.

Благодаря его суточной периодичности, нормальный ход приливов и отливов в морях и заливах северной Европы гораздо лучше известен, чем нормальный порядок морских течений. Большая приливная волна, которая распространяется с юга на север в нейтральной долине Атлантического океана, ударяясь в одинаковый час о противолежащие берега Старого и Нового Света, делится естественно на три отдельные волны, когда достигнет перекрестка проливов на юго-западе от Британских островов. Главная волна продолжает направляться к северу, вдоль западных берегов Ирландии, тогда как две второстепенные волны проникают —одна в пролив св. Георгия, другая в канал Ламанш. Но приливная волна, огибающая Ирландию на западе, тоже находит другие морские ворота: она проникает, через северный пролив в море между Англией и Ирландией и встречается с волной, вступающей через южные ворота. Вокруг Великобритании столкновение приливов происходит подобным же образом: приливная волна, которая, обойдя вокруг Шотландии, распространяется с севера на юг вдоль восточных берегов Англии, сталкивается, в соседстве с проливом Па-де-Кале, с волною, идущею гораздо более коротким путем, именно—чрез канал Ламанш. Впрочем, этот порядок встречи приливных волн постоянно видоизменяется, смотря по положению луны и солнца относительно земли, силе и направлению ветров, бесконечным изменениям состояния атмосферы; так что ход столкновения приливных волн можно изобразить лишь в общих чертах—можно, так сказать, дать только среднюю его величину. Английские гидрографы Уэвель, Эри, Бичи, Скотт-Россель и другие, начертали на морских картах так называемые «изорахическия» или «котидальныя» линии для английских морей, то-есть кривые, образуемые последовательно, час за часом, приливными волнами, при распространении их вокруг Британских островов. Эти линии далеко не параллельны между собою: все неровности морского ложа и берегов производят неправильности или уклонения в ходе прилива, и, следовательно, в начертании изорахических кривых. Чем глубже воды, тем быстрее распространяется приливная волна; каждый выступ дна, каждое съужение берегов замедляет движение её пропорционально силе трения, и таким образом можно приблизительно угадать, по расстоянию котидальных линий, как велика толщина слоя воды на морском ложе в данном месте. Что касается амплитуды прилива, то она бывает весьма различна. В заливах, куда разом проникают две, даже три приливные волны, идущие с разных точек горизонта, как, например, в Бристольском канале, прилив поднимается до высоты 15 и даже 18 метров; через каждые шесть часов обширные пространства морских берегов попеременно покрываются водой и снова обнажаются. В других местах, как, например, на юго-восточных берегах Ирландии или перед английским мысом Портленд, прилив одной волны совпадает с отливом другой волны, идущей в обратном направлении, вследствие чего противоположные движения жидкой массы нейтрализуются, волны интерферируются, и поверхность воды испытывает лишь незначительные колебания. Кроме того, местная география указывает множество кажущихся неправильностей в повороте, скорости распространения и высоте прилива.

За пределами подводного плоскогорья, на котором стоят Британские острова, значительная глубина морей позволяет волнам распространяться с большею скоростью, и потому изорахические линии, означающие их поступательное движение из часа в час, разделены там гораздо большими промежутками; но вокруг островов и архипелагов происходят точно такия же явления бифуркации, затем встречи и пересечения приливных волн. В этих местах, то-есть вокруг островов, два повышения жидкой массы тоже соединяются, налегают одно на другое, удваивая высоту приливной волны, тогда как в других водах прилив и отлив взаимно уничтожаются, оставляя поверхность моря всегда на одном и том же уровне. Сильные течения проходят через проливы, когда воды по бокам их стоят на различной высоте, и мно-

гие морские ущелья на Шетландских, Фарерских, Лофоденских островах опасны для рыболовных судов, по причине быстроты временных рек, которые попеременно несутся по той и другой стороне пролива, словно через огромный шлюз, и образуют страшные водовороты, ударяясь о другие течения, с которыми они приходят в равновесие. Такия же явления представляют приливы на берегах Англии. Наука гидрографов только с большим трудом успела распутать сеть приливных кривых, взаимно пересекающихся по всем направлениям, и самые опытные моряки могут лишь приблизительно, в общих чертах, узнавать в этих водах час, продолжительность, направление и все явления прилива и отлива, которые видоизменяются до бесконечности и нормальный ход которых постоянно нарушается следующими один за другим ветрами. Мысы английского Корнваллиса, Лендсэнд (Lands End), Лизард, так же, как острова Билли и островки, которые выступают далеко в море между Ламаншем и Бристольским каналом, возвышаются среди вод, постоянно волнуемых приливом и отливом, равно как бурями и течениями, идущими с открытого моря. Береговые утесы сверху постепенно разрушаются атмосферными деятелями, дождями, ветром, солнцем, снизу подтачиваются приливом, вследствие чего по временам происходят обвалы—громадные каменные глыбы отрываются и образуют у основания утесов груды странного вида. Из некоторых этого рода подводных камней, у мыса Лендсэнд, в Корнваллисе, народное воображение создало «Вооруженных рыцарей» (armed knights), защищающих континент: они целые столетия выдерживают разрушительное действие морских вод, но в конце концов уступают, в свою очередь, и их черная масса погружается в волны океана.

Подобно приливам, общие течения, пробегающие европейскую Атлантику, идут с юга и юго-запада. В своей совокупности, поверхностные воды океана, на толщине нескольких сот и даже тысячи слишком метров, движутся несомненно с юго-запада на северо-восток и с юга на север, от Бермудских и Азорских островов к Британским островам, к Исландии, Скандинавии и архипелагу Шпицберген, доказательством чего служат растения и семена тропического происхождения, переносимые течением на берега северной Европы и полярных островов, равно как различные предметы человеческого искусства, сохранившие еще признаки, указывающие на место их производства; но трудно сказать, в какой мере обширный поток, занимающий всю ширину северной Атлантики, составляет продолжение так называемого гольфстрема, или «заливного течения», выходящего из Мексиканского залива через Багамский канал. По мнению Карпентера[1], Финдлея и других физиков, этот исполинский поток мы должны рассматривать, главным образом, как результат общего перемещения теплых вод жаркого пояса, идущего навстречу холодным водам полярного моря. Это предположение само собой представляется уму, ибо Флоридский пролив слишком узок для того, чтобы давать проход могучему потоку, который расстилается от края до края между Скандинавией, Исландией, Нью-Фаундленскою мелью, на пространстве по меньшей мере 4 миллионов квадр. километров, и присутствие которого обнаружено даже на глубине 1.500 метров под поверхностью моря. Разные ученые, сообразно своим теориям, исчисляют количество воды, протекающей в Багамском гольфстреме в секунду времени, различно—от 3 миллиардов[2] до 500.000 куб. метров[3]; между тем, приблизительные измерения, сделанные моряками, не имевшими в виду поддерживать ту или другую гипотезу, указывают, для нормального дебита, жидкую массу около 40 миллионов куб. метров, так что, следовательно, потребовалось бы не менее десяти лет для того, чтобы эта соленая река могла наполнить все пространство, где ныне движутся теплые воды. При том гидрографы, исследовавшие море вокруг Бермудских островов, убедились, что гольфстрем делится, на широте Соединенных Штатов, на множество частных потоков, разделенных полосами более холодной воды и постепенно теряющихся в большом общем течении Атлантического океана. Из этого видно, что, строго говоря, название «гольфстрем» не может быть употребляемо, как это делается в обыкновенном языке,

1 Lecture at the Royal Institution, „Nature",10 march 1870.
2 James Croll, „Philosophical Magazine", february 1870.
3 Findlay, „Journal of the Geographical Society", 1853.

для обозначения огромной поверхности теплой воды, протекающей по северной части Атлантики.

Скорость этого теплого течения до сих пор еще не определена с точностью; это зависит оттого, что оно движется очень медленно, и потому его невозможно различить среди разнообразных движений жидкой массы, производимых ветром на поверхности океана. Адмирал Ирмингер приписывает ему среднюю скорость не более 5 километров в сутки, тогда как капитан Отто нашел, для того же периода времени,—по крайней мере на берегах Норвегии,—гораздо более значительную скорость, именно около 20 километров[1]. По Финдлею, этому течению нужно от одного года до двух лет, чтобы пройти путь из Флориды в Европу, тогда как по Петерману для этого достаточно нескольких месяцев. И действительно, в 1823 году, во время пребывания генерала Сабина в Гаммерфесте, там были пойманы в море боченки с пальмовым маслом с корабля, погибшего в предъидущем году у мыса Донец, на берегах Африки, близ экватора: эти боченки должны были менее чем в год два раза переплыть через Атлантический океан. Выловленные в разных областях моря плавающие бутылки с письмами находящихся в опасности мореплавателей позволяют определить приблизительно в шесть месяцев время, необходимое для перемещения вод от одного до другого берега северного океана.

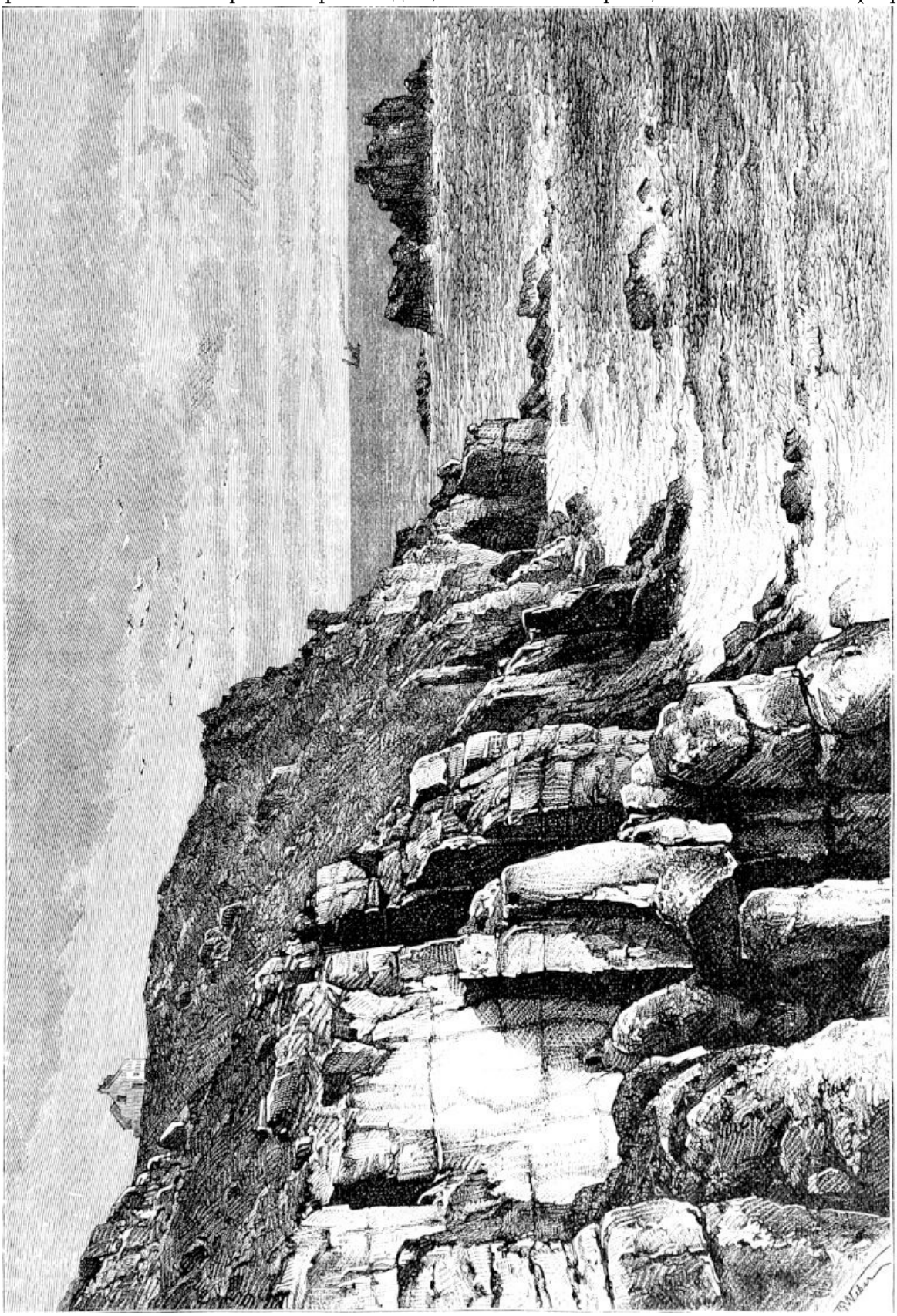
Но если общее течение европейской Атлантики невидимо мореплавателям по скорости движения его вод, то оно ясно обнаруживается своею высокою температурой: наблюдения, сделанные сотнями тысяч и прославившие между гидрографами имена Мори, Андрау, Валлича, Бухана, Ирмингера, Инглефильда, Мона, дали возможность даже составить точную карту этого течения на каждый месяц и начертить его изменчивые границы. Летом, когда контуры его, вследствие борьбы с полярным течением, наиболее неправильны, оно сильно изгибается под напором холодных вод, выходящих из Баффинова залива; но, миновав эту полярную реку, которая на глубине, в нижних слоях жидкой массы, продолжает течь на юг, южный поток опять принимает свое прежнее направление к северо-западу, причем обнаруживающие его изотермические линии
не уклоняются от своего нормального пути. Южное течение ударяется о западные берега Исландин и идет вдоль побережья, обращенного на север; но тут оно встречает второй полярный ток, который ударяется о восточные мысы Исландии и даже поворачивает вдоль южного берега острова. В этой области океана теплые воды, подверженные огромному давлению, должны снова изгибаться, уклоняться от своего первоначального направления к северо-западу. Полярное холодное течение не погружается тотчас же под поверхностные слои, чтобы образовать для южных вод ложе, движущееся в обратном направлении; оно долго борется за преобладание, и два течения делятся на параллельные полосы, движущиеся одна возле другой по противуположным направлениям. По наблюдениям адмирала Ирмингера, все пространство моря, заключающееся между Исландией и Шотландией, пересекается этими полосами, попеременно теплыми и холодными, принадлежащими к двум противуположным течениям. Лорд Дюфферин, отправившийся в июне 1856 года из Сторновая, на Гебридских островах, в Рейкиавик, в Исландии, измерял, во время плавания, температуру поверхностного слоя воды через каждые два часа, всего 90 раз, и констатировал не менее 44 изменений, от 1 до 5 градусов, тогда как в месте отправления и в месте назначения термометр, погруженный в море, показывал одинаково 8°,89[2]. На дне морском встречаются рядом предметы, происходящие с острова Ян-Майен и с Антильских островов. Увлекаемые небольшими частными течениями полярного происхождения, плавающие льдины, хотя менее многочисленные на юге от сплошного ледяного пространства, нежели у берегов Гренландии, спускаются гораздо далее в этих холодных водах, чем в других областях северной Атлантики. В 1822 г. Скоресби, плавая на востоке от Исландии, встретил огромное количество отдельных льдин, двигавшихся в южном направлении; сэр Джемс Клерк Росс видел их даже на юго-

1 „Mittheilungen von Petermann", 1873, 1878.

2 La Tour du Pin, „Annales hydrographiques", 4° trimestre 1873.

востоке от Ферёрских островов.

Пройдя через полярное течение, нормальное направление которого, как кажется, идет от острова Ян-Майен к берегам Фрисландии, океаническая река, называемая Гольфстримом,



Скалы „Вооруженныхъ рыцарей" у мыса Лендсэндъ въ Корнваллисѣ.

продолжает течь к северо-востоку, параллельно берегам Скандинавии, затем она огибает этот полуостров на севере, направляясь к Новой Земле. Но в то время, как главная масса её вод следует вдоль континента, второстепенная ветвь, задерживаемая подводным порогом, кото-

рый тянется от Медвежьего острова до архипелага Шпицберген, поворачивает к северу под 75° с. ш. и направляется,—по крайней мере в продолжение трех месяцев: июля, августа и сентября, когда море свободно от льда,—на север, параллельно западным берегам Шпицбергена, потом, обойдя вокруг островов, следует в северо-восточном направлении и, наконец, мало-по-малу теряется в полярном море. Средняя температура этой ветви теплого течения 4° стоградусного термометра[1].

На западе от Шпицбергена и от подводного порога, отделяющего этот архипелаг от Скандинавии, средняя глубина океана гораздо больше, чем на востоке, в морях, окружающих Новую Землю: промеры морского дна, сделанные д-ром Бессельсом, обнаружили незначительные глубины между этим большим островом и восточным Шпицбергеном. Причину этого контраста в подводном рельефе, вероятно, следует искать в борьбе течений. Между тем как на западе относительно теплые воды одерживают верх и отклоняют полосы плавучего льда к другим областям моря, на востоке преобладают холодные токи, движущиеся со скоростью 15 километров, так что лодка, управляемая несколькими сильными гребцами, с трудом может держаться против них[2]; эти течения увлекают на юг массы ледяных глыб с их грузом камней, которые летом падают на дно в месте прикосновения с южною ветвью атлантических вод. Обширная мель, которая тянется на северо-запад от Медвежьего острова, есть, вероятно, огромная подводная морена, в роде Нью-Фаундлендской мели[3]. Но за этими грудами камней полярное течение продолжается до более теплых вод, текущих с юга, и врезывается в них длинными косами холодной воды, в роде тех, которые мореплаватели встречают в области моря, лежащей к востоку от Исландии.

Итак, мы видим, что прилегающая к Европе часть Атлантического океана в своей совокупности довольно точно ограничена формой морского ложа, общим движением вод и метеорологическими условиями; по крайней мере летние месяцы европейские моря почти целиком бывают заняты волной тропической Атлантики. Зимою, правда, теплое течение, хотя гораздо более правильное в своем движении, чем в холодное время года, оттесняется далеко к югу на всем протяжении океана: на севере от Ян-Майена и Медвежьего острова вода холоднее точки замерзания, и почти вся поверхность моря покрыта льдами; но, тем не менее, средняя температура европейской Атлантики все-таки гораздо выше, чем должна бы быть по широтам, под которыми лежит эта область океана. В среднем выводе разность между наибольшею и наименьшею степенью тепла, между температурой июля и января, составляет всего только 5 градусов. Во всем морском бассейне, заключенном между Шотландией и Норвегией, Исландией и Шпицбергеном, поверхностные воды на один, два и даже три градуса теплее окружающего воздуха; только в летние месяцы отношение это изменяется: температура атмосферы тогда бывает несколько выше; море освежает климат, тогда как обыкновенно, в другие времена года, оно делает его теплее[4].

Общее влияние, оказываемое большим южным течением на климат всего европейского континента, и преимущественно на климат стран, омываемых его водами, так значительно, что без этого течения Британские острова и Скандинавия были бы необитаемыми пустынями; подобно Лабрадору, эти земли оставались бы местопребыванием диких животных, и разве только по берегам защищенных бухточек могли бы жить какие-нибудь маленькие народцы; только южное течение, в соединении с юго-западными ветрами, дало возможность английскому народу возникнуть и достигнуть той степени развития, на которой мы его видим теперь; следовательно, это течение имеет капитальную важность в современной истории человечества.

Уклонение изотермических линий от нормального направления, производимое в северной Атлантике воздушными и морскими токами, есть замечательнейшее явление этого рода,

1 Von Freeden, „Mittheilungen von Petermann“, VI, 1869.
2 Lamont, Masquaray, „Bulletin de la Societe de Geographie“, oct. 1872.
3 „Mittheilungen von Petermann“, IV, 1870.
4 H. Molin, „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1876.

какое только было наблюдаемо на поверхности земного шара: значение географических широт для местного климата, повидимому, совершенно уничтожается во многих местах, и средняя температура возрастает не от севера к югу, как обыкновенно, а наоборот—от юга к северу. Это происходит оттого, что южное течение увлекает за собой тепло тропиков и выделяет его в областях северной Европы; таким образом, климат, приносимый движущеюся жидкою массою с юга, так сказать, покрывает собою нормальный климата страны. Между тем как по средине северной Атлантики, под 50° северной широты, воды океана даже в январе месяце имеют температуру свыше 12 градусов Ц., в Силезии и в России, под тою же широтой, термометр иногда падает до 30 и даже до 35 градусов ниже точки замерзания. На западных берегах Ирландии, где мирт цветет, как на берегах Средиземного моря, зимняя температура выше, чем в Неаполе или Афинах. В Великобритании северная оконечность Шотландии, омываемая водами, идущими с юга, пользуется в январе месяце более теплым воздухом, чем Лондон и другие города южной Англии: обыкновенные законы климата действуют, так сказать, в обратном порядке. Зимы Исландии, этого «острова льдов», менее суровы, чем зимы Дании. Наконец, средняя температура моря, наблюдаемая в январе на станции Фругольм, близ Северного мыса (Норд-Кап) Скандинавии, под широтой, где зимой солнце остается под горизонтом в продолжение целого месяца, равна 3,27°, то-есть на 3 градуса выше, чем в городе Веве, на берегу Женевского озера, и на 2 градуса выше, чем в Венеции, на берегу Адриатики. На острове Треско, одном из главных островов архипелага Силли или Сорлингенского, пальмы и другие тропические растения могут расти под открытым небом в садах, хотя Азорские острова, лежащие на 10 слишком градусов по широте ближе к экватору, находятся еще вне географической области пальмовых деревьев[1]. Путешественник, который отправился бы в январе из Филадельфии на Северный мыс Европы, лежащий 3.500 километрами ближе к полюсу, оставался бы постоянно под одною и тою же изотермическою широтою, от 2 до 3 градусов; но если бы он поехал прямо на север, в Баффинов залив, то нашел бы под тою же параллелью, на которой лежит крайняя оконечность Скандинавии, среднюю температуру—25 градусов. Общее количество теплоты, выделяемой водами Атлантического океана, так велико, что оно дает всему северо-западу Европы столь высокую зимнюю температуру, какой без него эта часть земного шара не имела бы даже в летние месяцы.

Благодаря двум движущимся одно над другим течениям: морских вод и воздушного океана, которые прикасаются к северо-западным берегам континента, эти берега являются, так сказать, главною лабораторией европейского климата, областью, через которую преимущественно вступают в нашу часть света большие бури; кривая циклонов, начинающаяся на Антильском море и в Соединенных Штатах Северной Америки, идет через Атлантический океан поверх теплого морского течения и развертывается над Европой, проходя через Британские острова. Нигде сравнительное изучение барометрических волн не имеет более важного значения, как на европейских берегах северной Атлантики: метеорологи должны обращать взоры преимущественно к этой области, чтобы быть в состоянии предсказывать вероятное состояние погоды в ближайшем будущем. Западные ветры, дующие на берегах западной Европы в продолжение большей части года, служат источником дождя для наиболее значительного пространства европейского континента и вызывают там к жизни множество рек: атмосфера водяных паров, омывающая Европу до центра России, берет начало и распространяется, главным образом, с поверхности северной Атлантики. Правда, влажность воздуха постепенно уменьшается по мере удаления от скопления вод: вдали от морей мы не видим уже густых туманов, столь часто наблюдаемых у берегов Англии; может быть, это и были те выдыхания или «легкия» моря, которые, не будучи ни воздухом, ни водой, ни землей, состояли из смешения стихий и задерживали плавание кораблей, как утверждал Питеас, родившийся под ясным небом, близ лазурных вод Средиземного моря. Как на пример этой области туманов, можно указать на пространства моря, которые тянутся к северу и западу от Исландии. В 1868 году члены немецкой полярной экспедиции нашли в этих север-

1 Oscar Drude, „Mittheilungen von Petermann“, 1878.

ных водах туманы, продолжавшиеся, средним числом, по восьми часов в сутки и дотого густые, что с одного конца корабля невозможно было различить другого конца; в продолжение всего июня месяца они не видали ни разу синевы неба. Но зато атмосфера, окружающая эти моря, обыкновенно находится в спокойном состоянии; сильные бури там редки, хотя по причине низкой температуры воздуха они иногда кажутся более сильными, чем есть в действительности. Большею частью эти бури непродолжительны и всегда сменяются совершенным штилем[1].

Температура поверхностных вод океана дала возможность метеорологам определить с точностью внешния границы теплого течения, идущего по северной Атлантике; точно также, посредством измерений температуры на глубинах, успели узнать нормальную толщину этого течения в различных морях, исследованных научным образом. Но эти трудные и дорогостоющие измерения, понятно, могли быть сделаны пока только на незначительном протяжении океана. Еще недавно почти все наши познания по этому предмету ограничивались результатами, полученными Уивиллем Томсоном и Карпентером, при содействии других ученых, входивших в состав экспедиций, совершенных в 1868 и 1869 годах на кораблях «Lightning» и «Porcupine». После того в тех водах произведены были новые исследования, под руководством шведских и норвежских ученых, и метеоролог Мон, объехавший в 1877 году на корабле «Voringen» почти все Норвежское море, получил возможность составить изотермическую карту моря, на основании как собственных измерений, так и исследований своих предшественников[2].

Так как наблюдения производились в теплое время года, когда поверхностные воды нагреваются исключительно лучами летнего солнца, то температура поверхности океана, наблюдаемая до сих пор учеными, всегда оказывалась высокою и уменьшалась довольно быстро в более низких слоях, до глубины около 100 метров. Зимою, когда поверхность моря охлаждается, мы, разумеется, увидели бы обратное явление: температура воды в это время года должна возрастать до слоя нормальной теплоты, показывающего среднюю годовую температуру и находящагося по меньшей мере на глубине около ста метров. На этой глубине прекращаются влияния местных времен года, и лот или батометр погружается в морские пучины, температура которых не изменяется от быстрых перемен времен года. Ниже этого верхнего пояса, изменяющагося с временами года, термометр показывает постоянное уменьшение теплоты; последовательные слои воды становятся все холоднее, без всяких скачков возврата к теплу; самая низкая температура свойственна дну, но нигде она не была найдена на точке замерзания, которая для морской воды с среднею соленостью равна—3,67° Ц.[3] Таким образом термометрические промеры Томсона и его спутников окончательно опровергли гипотезу сэра Джемса Росса, утверждавшего, что кривая, имеющая постоянную температуру 4° Ц.,—которая ошибочно считалась температурой точки наибольшей плотности,—занимает дно океана от одного полюса до другого.

В северной Атлантике, как и во всех других морях, теплота воды уменьшается от поверхности к дну морского ложа, но уменьшается не равномерно: между тем как в иных слоях уменьшение измеряется лишь десятыми долями градуса на целые сотни метров толщины, оно вдруг достигает нескольких градусов в жидких массах, находящихся под этими слоями. Эти значительные скачки в последовательном понижении температуры моря можно объяснить только встречей масс воды различного происхождения. Так, например, в той области Атлантического океана, которая заключается между Ирландией и островом Роккаль, вода охлаждается медленно на глубинах от 100 до 1.000 метров; она вся принадлежит к движущейся теплой массе, идущей из тропических морей. Но на глубинах от 1.000 до 1.500 и до 2.000 метров понижение температуры идет гораздо быстрее, причину чего, без сомнения, следует искать в притоке холодной воды полярных морей, медленно текущей в обратном

1 Von Freeden, „Mittheilungen von Petermann“, lV,1869.

2 „Mittheilungen von Petermann“, янв. 1878.

3 Despretz, „Recherches sur le maximum de densite des dissolutions aqneuse“

направлении с верхними водами, более теплыми. Наконец, ниже 2.000 метров до самого дна уменьшение теплоты опять совершается постепенно, посредством нечувствительных переходов. В самом глубоком месте, куда ученые, принадлежавшие к составу экспедиции корабля «Porcupine», опускали лот и термометры, на глубине 4.455 метров они нашли температуру 1,65°; но это место лежит уже за пределами собственно так называемой северной Атлантики, как раз на западе от французской Бретани.

Исследование температуры воды на различных глубинах моря показало, что два бассейна северной части Атлантического океана, разделенные подводным порогом, идущим от Шотландии к Исландии, резко различаются между собою. На западе от этого порога океан наполнен до самого дна водой, температура которой нигде не понижается до нуля, тогда как на востоке теплая вода встречается только на поверхности и лежит на слоях жидкой массы очень холодных и менее соленых.

В широком проливе между Ферёрскими и Шетландскими островами промеры морского дна ясно обнаружили существование на глубине массы холодной воды, движущейся под верхними, более теплыми слоями моря, и ученым удалось даже определить приблизительно берега этой исполинской подводной реки. По обе стороны этой области холодных вод температура моря понижается почти в такой же пропорции, как и в соседних местах океана; на глубине около 1.500 метров термометр показывает еще около 5 градусов Цельзия, тогда как в холодном поясе эта 5-ти-градусная температура встречается уже на глубине 350 метров, а на расстоянии 600 метров от поверхности термометр падает до нуля: средним числом, разность между температурой вод холодного пояса и температурой окружающих морей равна 7° стоградусного термометра. Эта движущаяся масса холодной воды, судя по её направлению, составляет продолжение полярного течения, которое проходит на востоке от Шпицбергена и Медвежьего острова, затем спускается вниз под более теплые слои и течет на глубинах. Дойдя до порога, соединяющего мель Ферёрского архипелага с Гебридскими островами, пояс холодной воды вдруг оканчивается: различные промерочные станции, устроенные в этой области моря, дали результаты, не оставляющие никакого сомнения относительно прекращения слоя студеной воды. Однако, холодное течение поднимается в этом месте немного выше порога, и могло бы пройти через него, если бы не встречало идущего навстречу тока более теплой воды; не будучи в состоянии одолеть это препятствие, холодные воды принуждены течь обратно с верхним течением, которое увлекает их за собой, и которое они, взамен того, сильно охлаждают, так что оно превращается в тонкий поверхностный слой[1]. Мон начертил приблизительно,—насколько это было возможно на основании сделанных до сих пор исследований,—контуры моря холодных вод, покрытых на поверхности тонким слоем теплой воды, текущей из тропических областей океана. Границы этого моря, означаемые изотермой нуля, почти совпадают с границей глубин от 500 до 700 метров на востоке от Ферёрских островов и Исландии и выступают на юге в виде длинного полуострова в пролив Lightning (названный так в честь корабля того же имени), то-есть в глубокий ров, отделяющий Ферёрские острова от Шетландских. Порог мелей везде служит пределом контуров холодного моря.

Анализ морских солей также дает средство исследования,—очень деликатное, впрочем,—для того, чтобы следить за океаническими водами в их обширных круговоротах. При помощи этого средства физики убедились, что соленость собственно так называемой северной Атлантики значительно превосходит среднюю соленость всего океана, и эту разницу они, естественно, приписывают испарению, происходящему в тропических морях на поверхности течений, идущих по направлению к северу. Во всех областях океана, где заметно движение тропического течения, воды его всегда можно узнать по большей пропорции солей, тогда как присутствие полярного течения тотчас же обнаруживается меньшей соленостью воды. По Форхгаммеру («Philosophical Transactions»,1865), средняя соленость океана: 33,404 на 1.000.

1 Mohn, „Mittheilungen von Petermann“, I, 1878.

Средняя соленость северной Атлантики:

Тропическое течение: между Шотландией и Нью-Фаундлендом—35,946 на 1.000; между Исландией и Лабрадором—35,301 на 1.000; между Норвегией и Шпицбергеном—35,347 на 1.000.

Полярное течение на севере Шпицбергена—33,623 на 1.000.

II.

Новейшие научные исследования в водах северной Атлантики не только разрушили гипотезу сэра Джемса Росса относительно предполагаемой однообразной температуры на дне океана, но, вместе с тем, окончательно опровергли теории Эдварда Форбса (Edward Forbes), утверждавшего, что в глубинах моря не существует никакой животной жизни[1]. И прежде имелись в изобилии доказательства противного: натуралисты и мореплаватели находили много животных форм ниже границ, начертанных для них английским ученым; однако, свидетельство этих исследований не было принято с должным вниманием: нужны были удачные ученые экспедиции кораблей «Lightning» и «Porcupine», чтобы находки, сделанные ранее в пучинах моря Россом, Валличем, Бирсом, Флеминг-Джейкином, Мильн-Эдвардсом, были признаны окончательно приобретенными для науки фактами. Во всех своих станциях для производства промеров в окрестностях островов Шетландских, Гебридских, Ферёрских, Роккаль, так же, как в самых глубоких местах северной Атлантики, Карпентер, Уивилль Томсон, Гуин Джеффриз (Gwyn Jeffreys) нашли морское ложе покрытым животными организмами. Точно также в больших впадинах окружающего Шпицберген моря Торрель открыл огромное множество организмов, которые при том по богатству и разнообразию форм превосходят морскую фауну скандинавских берегов. В некоторых областях дно моря буквально кишит животными всякого рода, представляя из себя, так сказать, нечто в роде похлебки. Даже самое низкое место Ледовитого океана, до которого опускался лот, на глубине около 5.000 метров, имеет фауну, состоящую из многочисленных видов животных. Эти исследования морского ложа мало увеличили число рыб, известных естествоиспытателям; но зато музеи обогатились многими новыми иглокожими, между которыми встречаются чрезвычайно любопытные и очень красивые экземпляры. Один Томсон описал 250 видов моллюсков, доселе неизвестных. Что же касается границ морской флоры, то они остались те же, какими были известны и ранее: ниже 100 метров от поверхности океана водоросли становятся редки, а на глубине 350 метров они исчезают совершенно[2].

Богатство фауны в северных морях Европы тем значительнее, что воды их притекают из областей, отличных по климату. Между тем как теплое течение, составляющее верхние слои, приносит с собою южных животных, противуположное ему полярное течение увлекает рыб и других живых существ северного происхождения; так, например, в «холодном поясе» канала Ферёрских островов почти все иглокожия принадлежат к тем же видам, как и животные этого рода, свойственные водам Скандинавии и Гренландии[3]. Но хотя европейские моря гораздо лучше изучены, чем моря других частей света, каждое исследование приводит еще к открытию новых организмов, прежде неизвестных науке.

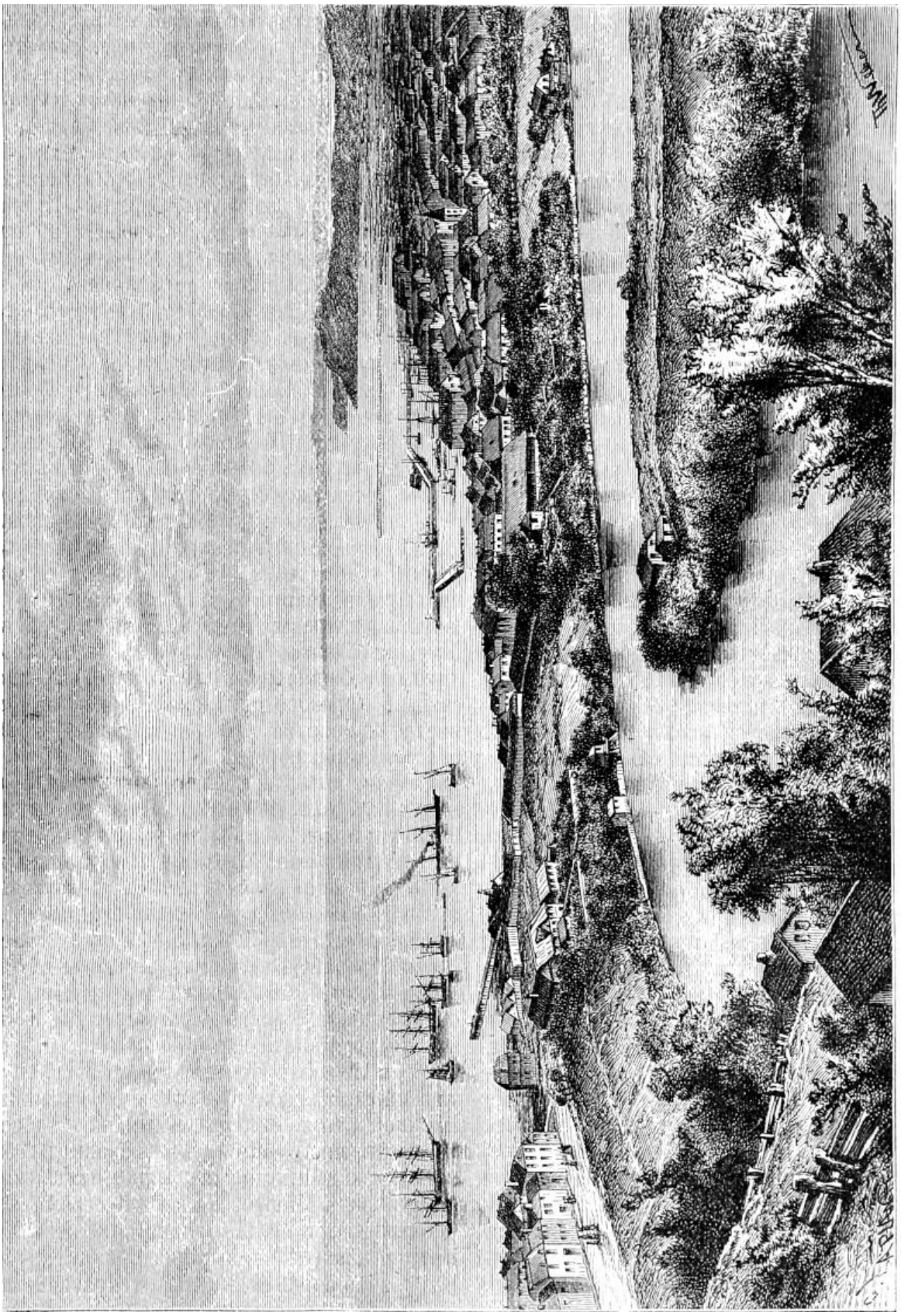
О богатстве органического мира в северном Атлантическом океане можно составить понятие по геологическим формациям, которые непрерывно образуются на дне моря, благодаря могучему развитию этой животной жизни. В морской области, которая простирается между Норвегией, Исландией и Ферёрскими островами, дно моря, на глубине 2.000 метров и более, везде покрыто сероватою известковою глиной, состоящею, главным образом, из остатков одного вида фораминифер, называемого натуралистами binoculina. Этот организм играет в Норвежском море такую же роль, как вид globigerina в водах Гренландии; он также образует меловые пласты, даже быстрее, чем многодырочник западных морей: глина, вынутая со

1 „The Natural History of the European Seas“.

2 Wyville Thomson, „Depths of the sea“, p. 45.

3 Wyville Thomson, „Depths of the sea“, p. 43.

дна, скоро превращается в твердый камень[1]. Изучая эти новые формации, постоянно отлагающиеся на дне Атлантического океана, Томсон и Карпентер уподобили их мелу и даже высказали гипотезу, что так называемый меловой периода, продолжался без перерыва и про-



Видъ Дронтгейма въ Норвегіи.

должается до настоящего времени на дне северных морей. В самом деле, мел, образующийся ныне в этих водах, до такой степени похож на мел береговых утесов Англии, что самому ис-

1 Sars,—Broch, „Bulletin de la Societe de Geographie“, mais 1877.

кусному микрографу не всегда легко различить их; он содержит также большое число форм, тождественных ископаемым древнего мела (19 фораминифер на 110, по Руперту Джонсу), и различные виды представляют один и тот же тип: они, как кажется, мало-по-малу видоизменялись в течение веков. Химические анализы Форхгаммера, подтвержденные впоследствии английскими исследователями, доказали, что самая богатая известковыми веществами часть океана есть именно область северной Атлантики, заключающаяся между Ирландией и Нью-Фаундлендом: микроскопические животные находят там в количестве более чем достаточном элементы, которые они переработывают в слои скалы, где иногда оказывается до 60.000 известковых оболочек на каждый квадр. сантиметр[1]. В некоторых заливах Атлантического океана, как, например, в Каттегате и Балтийском море, пропорция извести еще значительнее. Разрушение береговых утесов постоянно доставляет морю материал для образования новых формаций. По Форхгаммеру («Philosophical Transactions», за 1865 г.), содержание извести в морской воде представляет следующие числа:

Средний процент для всего океана—2,96 на 1.000; в северной Атлантике между 30° и 53° широты—3,07 на 1.000: в Каттегате—3,29 на 1.000, в Балтийском море—3,59 на 1.000.

В течение последних десяти столетий деятельность человека могла до некоторой степени видоизменить морскую фауну северной Атлантики. Сначала бискайские рыболовы истребили вид кита, посещавший их воды. Впоследствии настоящий кит, которого встречали против европейских берегов во всех морях севера, был беспощадно преследуем басками и другими моряками; с начала восемнадцатого столетия китопромышленники, гоняясь за своею добычей, принуждены были забираться все далее и далее по окраине пловучих льдов полярного океана; плавая по морям, куда удалился этот великан животного царства, Скоресби собрал богатый запас наблюдений, благодаря которому книга его («An account of the Arctic Regions», 1820 г.) представляет одно из самых полезных пособий при изучении Ледовитого моря. В начале нынешнего столетия ежегодно убивали, средним числом, тысячу слишком китов в морях, окружающих Шпицберген; в 1811 году в этих водах было поймано 1.437 китов; но с той поры исполинское животное с каждым годом встречалось все реже и реже, а в 1810 году оно исчезло совершенно. Чтобы настичь свою добычу, китоловы должны теперь подвергаться таким же опасностям, как и исследователи полярных путей. В настоящее время ловля кита почти оставлена в северной Атлантике. Китопромышленники не ищут уже этих гигантов моря; что же касается громадных рорквалов (гренландский кит), то количество получаемого от них жира не настолько значительно, чтобы ловля их могла быть выгодна; до сих пор их употребляли только для фабрикации гуано, или удобрения. Морж, некогда столь обыкновенный, что норманны, не покидая вод Скандинавии, находили, чем платить свою «лепту св. Петра», в виде клыков этого животного, заменявших слоновую кость, в наши дни встречается только в полярных морях. Прежде число моржей, населявших остров Магдалины, доходило, по приблизительному исчислению, до 70.000 или 80.000 голов, теперь же они там так малочисленны, что не стоит труда охотиться за ними; но китоловные суда все-еще преследуют черную морскую свинью (delphinus globiceps, Grindehval), и моряки с Ферёрских островов одни убивают ежегодно более 1.200 экземпляров этого морского млекопитающего, принадлежащего к семейству плотоядных китов[2].

Рыболовы охотятся также за гакалом (scimmus borealis; haakjtiring, hakal), большой акулой, которая плавает одиноко в глубинах северного океана и которую они убивают ради её печени; на одних только берегах Исландии ежегодно убивается около 23.000 акул этого вида. Особенно значительна охота на тюленей, которые, в числе пяти видов, населяют берега Исландии, Ян-Майена, Шпицбергена и, кроме того, иногда попадаются в полярных морях, унесенные на пловучих льдах, гонимых ветрами и течениями. Количество тюленей, ежегодно убиваемых на водах, простирающихся от Скандинавии до Гренландии, исчисляется при-

1 Mantell,—Wyville Thompson, „Depths of the sea“ p. 477.

2 Irmninger, „Notes sur les peches du Danemark, des iles Faroer“, etc.

близительно в тысячу штук[1]. Современная промышленность, постоянно расширяющая размеры своего производства, требует все больший и больший запас жиров и шкур, и потому морские рыболовы продолжают свою кровавую охоту за китообразными и ластоногими с возрастающим ожесточением. Но так как в природе все связано одно с другим, и совокупность организмов образует бесконечную цепь, от чудовищных китообразных до незаметных для простого глаза многодырочников, то понятно, что всякое нарушение прежнего равновесия в одной из частей морской фауны должно произвести общее перемещение во всех других частях этого живого мира до самых элементарных, имеющих простейшую организацию, существ.

Что касается морских рыб, которые преследуются рыболовами в соседстве берегов и на мелях, то им, кажется, до сих пор еще не грозит опасность быть истребленными человеком: так громадна масса их яиц или икры; при том, количество рыбы, умерщвляемой моряками, ничтожно в сравнении с страшным побоищем, которое происходит в недрах моря между враждебными видами. Известно, какое важное значение имеет треска для питания человека; однако, нет причины опасаться, что рыболовы берегов Исландии, о. Роккаль, Ферёрских островов и Доггербанка, в Северном море, а также двадцать тысяч норвежцев и лапландцев, преследующие ее вокруг Лофоденских островов, уменьшат породу этой рыбы: она только не всегда появляется стаями в одних и тех же водах, и потому недавно, до проведения электрических телеграфов, моряки часто теряли на поиски её многие дни и даже недели. Между тем как большинство рыб между прочим, лосось, осетр, корюшка (Salmo eperlanus), покидают глубины моря и отправляются класть яйца в реки и вдоль морских берегов, треска, как это открыл Сарс, знаменитый норвежский натуралист, мечет икру среди моря, и зародыши её развиваются вдали от берегов. Таким образом, как бы ни было велико истребление мелюзги и большой рыбы в соседстве морского прибрежья, оно не наносит вреда огромным лабораториям, где обновляется самая порода.

Сельди, которых ежегодно вылавливают на одних только берегах Норвегии по меньшей мере триста миллионов штук, имеют еще более важное значение в истории экономического быта народов, чем треска: известно, как много способствовала эта рыба общему благосостоянию Голландии и её могуществу среди европейских наций. Рыболовы часто думали, что эта рыба перестала размножаться в океане; но на самом деле стаи сельдей только переходят с одного места на другое, и каждый год они появляются то тут, то там такими же, как всегда, густыми массами, делая море, так сказать, живым, и в сопровождении многочисленных верениц гоняющихся за ними хищных животных: «кажется, говорит Мишле, как будто огромный остров поднялся на поверхность воды, и целый континент готов выступить из недр моря[2]». В первые два века текущего тысячелетия сельдь появлялась преимущественно в восточной части Балтийского моря; затем, до половины шестнадцатого столетия, она направлялась предпочтительно к берегам Скании, после того главные станции для лова сельдей были сосредоточены в Северном море, вдоль берегов Шотландии и Норвегии; наконец, в течение восемнадцатого столетия, сельди появились в большом числе на берегах западной Швеции, в Каттегате. Эти неожиданные переселения сельдей имели иногда следствием общую нужду и голодуху между рыбаками покинутого рыбой прибрежья. Несмотря на все эти перемещения, сельдь не принадлежит к странствующим рыбам, совершающим ежегодные путешествия, как полагали прежде; она живет в глубоких океанических долинах, откуда поднимается к берегам для метания икры, из которой там, под влиянием теплоты, развиваются зародыши. Натуралисты открыли также, что эта рыба не может жить в водах, температура которых менее трех с половиной градусов стоградусного термометра[3]; поэтому, когда рыболовы вступят в жидкий слой более холодный, они знают заранее, что не найдут тут сельдей. Сведущие люди могут узнать вдали от мест лова, к какой именно разновидности принадлежат

1 Ch. Grad, „Esquisse physique des iles Spitzbergen“.

2 Мишле, „La mer“.

3 А. Бек, ван-Бенеден и др.

данные сельди—пойманы ли они у берегов Норвегии или у берегов Шотландии, в Балтийском или в Северном море.

Эта последняя часть северного Атлантического океана, нечто в роде залива, заключенного между Скандинавией и Великобританией, но сообщающагося с другими морями через Ламанш и через Зунд, чрезвычайно богата животною жизнью, и одна из её областей совершенно справедливо названа «Мелью рыболовов» (Fishers' Bank): на этой мели рыба играет мириадами, и рыболовные суда приходят сюда ловить живую треску для рынков Лондона и других больших городов северной Европы. По справедливому замечанию Мебиуса[1], дно Северного моря гораздо более производительно для человека, чем обширные песчаные пространства, составляющие на юге часть его прибрежья. Средним числом, на эти мели ходит каждый год около 900 рыболовных шлюпок, из которых 650 принадлежат английским судохозяевам, и ежегодный улов рыбы в этом месте исчисляют в 75.000 тонн; с одной из мелей, называемой Доггербанк, или «Лугерной банкой» [по имени судна лугер[2]], получается лучший сорт трески. Северное море, покрывающее тонким слоем воды плоскую возвышенность, на которой стоят Британские острова, представляет такия превосходные места для ловли рыбы именно по причине незначительной его глубины и потому, что ложе его нигде не усеяно подводными скалами и камнями; единственные сопротивляющиеся предметы, на которые иногда наталкиваются рыболовные снаряды,—это устричные мели. Эти моллюски открытого моря не очень вкусны; гораздо более ценятся прибрежные устрицы, особенно устрицы с берегов Франции и Англии, откармливаемые в Бельгии в особо устроенных «парках» и известные под именем остендских. Попытки разведения устриц на немецких берегах Северного моря в большинстве случаев не увенчались успехом. Кроме некоторых пунктов на плоских берегах Ганновера и в соседстве островов Сильт, Амрум и Фер, где насчитывают около 5 миллионов устриц, распределенных на 47 мелях, в других местах германского побережья не удалось развести этого моллюска; это объясняется тем, что мягкая тина, покрывающая дно немецких берегов, не представляет устрицам достаточной точки опоры; по рассказам мореплавателей, устричные мели на островах Фрисландии существуют только с начала прошлого столетия[3]. Вообще говоря, животные виды на этих берегах немногочисленны, по причине крайнего однообразия морского дна; но зато большая часть этих видов представлены огромными количествами особей, благодаря обилию пищи, доставляемой им морскими водорослями, которых насчитывают до ста пятидесяти видов[4], и всякого рода нечистотами, приносимыми реками, впадающими в это море. Нужно считать сотнями миллионов ракушки, гребенки (Pecten) и другие раковины, которых собирают каждый год на морских песках Шлезвиг-Голштейна, для приготовления извести или для удобрения полей. Разнообразие видов, животных и растительных, действительно, велико, относительно поверхности, только в одной части Северного моря, именно вокруг скал Гельголанда. Тут разнообразию форм морского рельефа соответствует разнообразие населяющих его организмов.

Северное море, превосходящее по пространству Британские острова, ограничено со стороны северной Атлантики крутым обрывом, известным под именем Kimmer, и резко отличается своею малою глубиной от соседнего океана, который свободно катит свои могучия волны по направлению к полюсу. Почти везде лот достигает дна, пройдя жидкий слой не более как в 50 метров толщины. Большие пучины этого моря, на востоке от Шотландии, не превышают по глубине 100 и 120 метров. В южной его области самое глубокое место, в расстоянии 5 километров к югу от Гельголанда, имеет всего только 56 метров глубины: это—слой воды, почти равный высоте скалы, господствующей над этою областью моря. В целом дно Северного моря походит на так называемые Watten его берегов, где бассейны тянутся на необозримое пространство, пересекаемые по всем направлениям рвами, вырытыми в песках тече-

1 „Das Thierleben am Boden der Ost-und- Nord-See".

2 А не „Собачьею мелью", как ее означали на старых картах.

3 „Expedition... der Pommerania" в 1871 году.

4 Престель, „Boden von Ostfriesland".

ниями или борьбой приливов, и которые можно сравнить с руками медуз, разветвляющимися до бесконечности. Все ложе Северного моря представляет одну огромную мель, разделенную на множество второстепенных отмелей. Очевидно, эти равнины моря, где весь естественный рельеф исчез под слоями песка и ила, обязаны своим замечательным однообразием какому-либо общему явлению, действующему одновременно на обширных пространствах. Большинство геологов полагает, что Северное море было в ледяную эпоху заливом, где плавали, гонимые течениями, длинные вереницы льдин, оторвавшихся и упавших в воду с глетчеров Скандинавии, Исландии, Великобритании[1]. Эти плавающие ледяные массы, постоянно обновлявшиеся в замкнутом заливе, оставляли в нем камни и всякого рода обломки, которыми они были нагружены; остатки гор и плоскогорий, размельченные до бесконечности, сделались, таким образом, морским дном. Этот процесс засыпания Северного моря продолжается и до настоящего времени; теперь, правда, не прибивает к берегам Фрисландии пловучих льдов, как это было в ледяном периоде, но полярное течение, мало ощутительное в этом обширном заливе, приносит туда пемзу, извергаемую вулканами Исландии и Ян-Майена[2]. Следовательно, мы видим и до сих пор то же самое явление, хотя несравненно менее важное по геологическим его результатам. При этом возникает вопрос: как могло случиться, что в то время, как Северное море мало-по-малу мелело, вследствие отложения наносов, на северо-западе его ров, называемый Скагерраком, сохранял свою глубину от 300 до 500 и даже до 800 метров вдоль берегов южной Норвегии? Причиной этого были, вероятно, ледники, наполнявшие некогда этот глубокий ров, древний, погрузившийся в воду фиорд, в котором соединяются многие другие второстепенные фиорды; соединенные массы ледяных рек уже за пределами этой впадины вступали в большое полярное течение, которое увлекало отделявшиеся от них льдины далее на юг и рассеивало содержавшиеся в этих льдинах обломки по дну моря.

III.

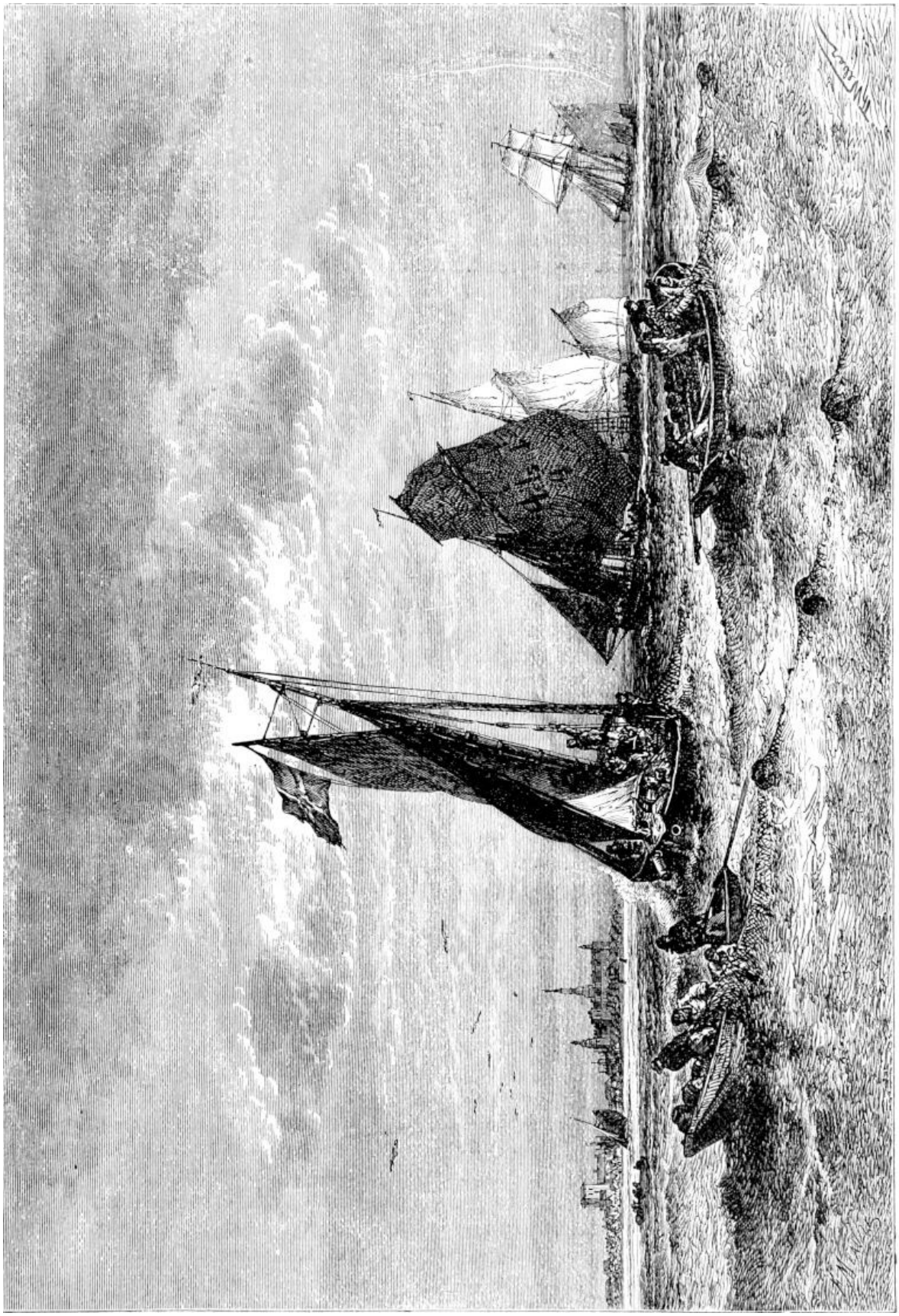
Балтийское море, к которому примыкает, в форме рукава, этот глубокий ров или канал, называемый Скагерраком, представляет, как и Немецкое море, залив северной Атлантики; но оно отличается от этого океана как составом, так и явлениями своих вод. Название «Балтийское» или «Балтика»,—вероятно, литовского происхождения, как и название острова Балтия, о котором упоминает Плиний,—есть, как говорят, синоним «Белого моря», и дано ему, будто бы, за его короткия и бурливые волны, покрытые белеющеюся пеной. Что касается немцев, то они в старину, когда южные берега этого внутреннего или средиземного моря были заняты славянами, называли его «Восточным морем» (Ostsee), и это наименование, верное по отношению к Дании и Швеции, осталось, в конце концов, за всем морским бассейном.

В некоторых отношениях это «Восточное море» может быть рассматриваемо как приток Атлантического океана, ибо оно дает ему гораздо больше воды, чем сколько само получает от него. Нева, Неман, Висла, Одер и двести пятьдесят других рек, больших и малых, которые вливаются в Балтийское море, приносят ему жидкую массу, значительно превосходящую по объему ту массу, которую оно теряет путем испарения. Количество приносимой этими реками воды до сих пор еще не было измерено непосредственно; но, судя по среднему количеству дождевой и снежной воды, выпадающей в продолжение года в бассейне Балтики, можно принять нормальное увеличение этого внутреннего моря равным двенадцати тысячам кубических метров в секунду. Весь этот избыток должен утекать в Атлантический океан через Зунд и в особенности через пролив Большой Бельт, ибо уровень Балтики не выше уровня Северного моря, как полагали недавно: точные измерения, произведенные на оконечностях Эйдерского канала, доказали, что в обыкновенное время поверхности этих двух морей лежат

1 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain“, p. 157.

2 „Annales hydrographiques“, 4-me trimestre 1873.

на совершенно одинаковой высоте[1]. Следовательно, излишния воды Балтики должны искать выхода к Северному морю, и, действительно, в Зунде существует поверхностное течение, направляющееся обыкновенно от Копенгагена и Гельзингера к Каттегату, кроме тех случаев,



Рыбная ловля въ Зундѣ у Эльзенера.

когда северные ветры нейтрализуют это течение или даже сообщают ему обратное направле-

1 Ант. фон-Этцель, „Die Ostsee und ihre Kustenlander“.

ние. По наблюдениям Форхгаммера и Просилиуса[1], ход поверхностного течения в Зунде оказался следующий в продолжение 134 дней:

Из Балтики в Северное море—86 дней, из Северного моря в Балтику—24 дня, равновесие —24 дня.

В Большом Бельте, главном соединительном канале между двумя морскими бассейнами, ход течения, направляющагося из Балтики в Немецкое море, отличается гораздо большею правильностью, чем в Зунде[2].

Тем не менее, морские реки, вытекающие из Балтийского моря, не занимают всей глубины ложа, представляемого им проливами. Так же, как в Дарданеллах и в Босфоре, нижнее течение воды более соленой и, следовательно, более тяжелой движется в противоположном направлении с верхним током воды относительно пресной и легкой, и разливается далеко в бассейне Балтики. Если бы эта скрытая река, текущая из Атлантики, не поддерживала солености Балтийского моря, то это последнее, принимающее в себя лишь пресноводные притоки, в несколько столетий утратило бы всю содержащуюся в нем соль; оно превратилось бы в широкую реку, имеющую вид залива Атлантического океана, но не составляющую одну из его частей. Химический анализ воды, почерпнутой на различных глубинах Балтики, подтвердил существование этих нижних контр-течений, идущих через Большой Бельт и Зунд и постоянно обновляющих соленость шведского моря: пропорции соли, содержащейся в водах поверхности и в водах нижних слоев, всегда разнятся на несколько тысячных. По исследованиям Мейера, Мебиуса, Карстена, Гензена, оказалось, что в Большом Бельте верхнее течение малосоленой воды имеет 18 метров в толщину, и что ниже масса соленой воды, текущей из океана, образует слой толщиною около 50 метров[3]. Впрочем, гидравлические работы, предпринятые в Копенгагенском порте и в Зунде, доставили инженерам возможность измерить непосредственно нижнее соленое противотечение. Часто замечали, что когда два парусные судна разной величины пытаются подняться по Зунду, плывя против верхнего течения, образующего в этом проливе гораздо более тонкий слой, чем в Большом Бельте, то большое судно имеет в этой борьбе с течением огромное преимущество над малым, благодаря тому, что оно сидит глубоко в воде и, следовательно, достигает нижнего противотечения, которое и помогает его движению. Весной, во время таяния льдов, тоже ощущается действие соленых вод: будучи несколькими градусами теплее поверхностного течения и, вместе с тем, тяжелее по причине содержащейся в них примеси морской соли, эти воды быстро расплавляют нижнюю часть льдин, и, благодаря им, явление таяния льда совершается в очень короткий промежуток времени. Чтобы объяснить исчезновение, почти внезапное, льдов, рыболовы утверждают, что лед массами погружается в воду и медленно тает на самом дне моря.

Хотя нижнее противотечение, идущее из Атлантического океана, постоянно обновляет соленость внутренних вод, как это неоднократно наблюдали на германских берегах до острова Рюгена[4], однако, заливы, наиболее отдаленные от входа в Балтийское море, получают лишь весьма незначительную пропорцию солей: от Скагеррака до отдаленных бухт Ботнии и Финляндии волны Балтики становятся все менее и менее солеными. Тогда как соленость Северного моря, хотя уже ослабляемая большим количеством пресной воды, приносимой его притоками—Маасом, Рейном, Везером, Эльбой, очень мало уступает средней солености океана, нормальная пропорция солей на целую половину меньше при входе в Балтику, в Каттегате, в Большом Бельте и Зунде, по крайней мере на поверхности воды. Около середины этого внутреннего моря, у юго-восточных берегов Швеции, соленость составляет уже шесть тысячных, а в крайних заливах, близ Петербурга, Умео, Торнео, поверхностная вода

1 „Philosophical Transactions“, 1865.

2 „Expedition der Pommerania“, 1871;—C. Ackermann, „Beitrage zur Geographie der Ostsee es“.

3 „Expedition der Pommerania“, 1871.

4 Мейер, „Untersuchungen uber pnysicalische Verhaltnisse des westlichen Theiles der Ostsee. Ein Beitrag zur Physik des Meeres“

почти пресная. По Форхгаммеру[1], средняя соленость океана 34,404 на 1.000; средняя соленость Северного моря 32,823 на 1.000; средняя соленость Каттегата и Зунда 16,230 на 1.000; средняя соленость Балтийского моря 4.331на 1.000; средняя соленость Кронштадтского рейда 0,610 на 1.000.

Даже в окрестностях Стокгольма, во внешних бухтах, прибрежные жители могут пить, без всякого вреда для здоровья, чуть солоноватую воду моря; но когда восточные ветры долго дуют и гонят воду из открытого моря в лабиринт стокгольмских каналов, даже в Меларском озере вода приобретает соленый вкус. Вообще, смотря по направлению ветров и обилию рек, впадающих в Балтику, соленость её вод постоянно изменяется даже в одном и том же месте; однако, она никогда не бывает настолько значительна, чтобы прибрежные жители могли извлекать соль из морской воды. Во время Крымской войны жители Финляндии и Эстляндии, лишенные запаса соли, обыкновенно привозимого им на судах из южной Европы, приходили просить соли на английские и французские военные корабли, рискуя быть задержанными в качестве пленных[2].

Балтика отличается также от Немецкого моря и от северной Атлантики большими разностями её температуры по временам года; в этом отношении она больше походит на пресноводные озера северной Европы, чем на открытое море, омывающее западную и северную стороны Скандинавии. Между тем как берега Норвегии и Лапландии, даже за Северным мысом (Норд-Кап), в самые большие холода, среди зимы, никогда не окаймляются ни одною льдинкой, вся поверхность Ботнического и Финского заливов покрывается ледяною корой: меньшая соленость вод, малая их глубина, наконец, действие холодных восточных и северо-восточных ветров, которых холмы Финляндии и России не в состоянии задерживать,—таковы причины этого замерзания значительной части Балтийского моря. Два названные залива остаются подо льдом, средним числом, в продолжение пяти месяцев в году, с ноября до апреля; но и германские берега главного моря тоже бывают обрамлены ледяным поясом на довольно большом протяжении от береговой линии; незамерзающие воды в центре морского бассейна усеяны зимой плавающим льдом, да и входные каналы остаются закрытыми для судоходства, по причине множества льдин, которые, будучи увлекаемы течениями, движутся там длинными вереницами. Средняя продолжительность замерзания варьирует от 32 дней в Любекском порте до 233 дней в порте Торнео.

В некоторые годы, отличавшиеся особенно суровою зимой, Балтийское море замерзало даже все сплошь, и по его поверхности временно прокладывались санные торговые пути. В течение тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого столетий по меньшей мере раз десять ледяной покров простирался сплошною равниной от берегов Лапландии; острова Дании были соединены со всех сторон с твердою землей, и даже за пределами Балтики Ютландия соединялась посредством ледяного моста с Норвегией. Купеческие караваны ездили по льду из Швеции и Дании в Любек, в Росток, в Штральзунд, в Гданск (Данциг); по краям этих санных дорог были даже устроены гостинницы для проезжающих и товарных обозов, и ярмарки происходили среди ледяной равнины. Волки перебегали по льду из лесов Норвегии в равнины Ютландии. В 1658 году даже армии смело шествовали по замерзшему морю и давали друг другу сражения на его ледяной поверхности. В этом году Фридрих III, король датский, необдуманно объявил войну Швеции, и король последней, Карл Густав, воевавший в то время в Польше, тотчас же двинулся с своим войском к пределам Дании; он стал лагерем на берегу Малого Бельта с двадцатитысячною армией и, испробовав крепость льда, пустил по морю конницу, артиллерию и весь военный обоз. Разбив неприятеля, пытавшагося преградить ему доступ на остров Фионию (Fyen), он отправился далее по льдам из Большего Бельта через острова Лаланд и Фальстер, достиг острова Зеландии и продиктовал мир в Копенгагене. Но в 1809 г. и сама Швеция, в свою очередь, подверглась нападению русских войск, которые, под предводительством Барклая де—Толли, перешли по льду Балтийское

1 „Philosophical Transactions“, 1865.

2 Ant. von Etzel, „Die Ostsee und ihre Kustenlander“.

море в самом узком месте Ботнического залива, там, где находится архипелаг Кваркен. В последние четыре столетия случаи замерзания Балтики на большом пространстве бывали реже, чем в прежнее время. Вообще суровость зимних холодов несколько уменьшилась для всего бассейна этого моря,—факт, противоречащий гипотезе Адемара (Adhemar), по которой, будто бы, начиная с двенадцатого столетия, северное полушарие постепенно охлаждается[1].

В Балтийском море путешественник не увидит плавающих ледяных гор, как в полярных морях; но там и сям глыбы льда, оторвавшиеся от берега, возвышаются метра на четыре и на пять над горизонтом воды и дают некоторое, хотя и весьма слабое, понятие о громадных ледяных массах, движущихся по волнам на юге от Шпицбергена и Гренландии. Эти глыбы, подобно льдинам ледяных эпох, иногда несут на себе камни и другие обломки: они продолжают, только в несравненно меньших размерах, тот перенос эрратических камней, который, как мы знаем, имел столь важное значение в геологической истории Скандинавского полуострова, Финляндии и Германии. Научные мемуары приводят множество фактов, свидетельствующих об этом перемещении скал, уносимых ледоходом с севера на юг: видали даже огромные глыбы гранита, переносимые льдом с финляндского берега на остров Гохланд[2]. Прибрежные льды двояким путем получают свой груз каменных обломков—или от действия оттепели, когда береговые скалы трескаются и раскалываются, или вследствие сильных холодов, от которых лед приобретает большую толщину и, захватывая верхушки подводных камней, вырывает их со дна моря. Кроме того, в мелководных областях Балтики встречаются места, где лед образуется сначала на дне, прежде чем замерзнет поверхность моря. На севере от города Гельзингера есть небольшая песчаная мель, где при наступлении зимы рыбаки вдруг видят себя окруженными льдинами, которые поднимаются со дна и в которых содержатся еще куски водорослей, оторванные от мели[3]; явление это очень часто наблюдали также на Аландских островах.

Закон уменьшения температур с увеличением глубины, наблюдаемый в Атлантическом океане, преобладает также и в водах Балтики, по крайней мере в летние месяцы; но переход от градуса к градусу совершается там гораздо быстрее, так как это внутреннее море испытывает лишь в очень слабой степени влияние течения, повышающего температуру воды северных морей. Нижние слои имеют различную температуру, как и нижние слои океана, и, вообще говоря, очень близки к точке замерзания; таким образом лот, достигающий дна на глубине 100 и 200 метров, проходит на очень коротком расстояния жидкие слои, представляющие разность температур, равную по меньшей мере 10 градусам. Балтийское море нигде не имеет такой глубины, как Скагеррак. Между Копенгагеном и Борнгольмом лот ни в одном месте не достигает даже 60 метров глубины; к востоку от Борнгольма и под тою же широтой он опускается до 120 метр., но средним числом только до 80 метров, и подводные мели, какова, например, банка Штольпе (Stolpe-Bank), покрытая лишь слоем воды от 14 до 18 метров толщиною, высоко поднимаются над уровнем дна. Далее на севере, там, где Балтика представляет наибольшее протяжение между берегами, глубина возрастает пропорционально увеличению поверхности. К востоку от Готланда, самая низкая впадина, найденная в морском ложе экспедициею, совершенною на судне «Померания» в 1871 году, имеет 230 фут.; но в узком канале, отделяющем островок Готска-Санде от скал Уто, против фиордов Стокгольма, лот опускается на 323 метра: это наибольшая известная до сих пор глубина Балтийского моря. Порог около 40 метр. высотой ограничивает центральный бассейн, к северу от Стокгольма; но далее находятся еще две пропасти глубиной слишком 200 метр.: одна между Аландским архипелагом и приморским городком Эрегрунд, другая—в непосредственном соседстве с берегом, между городами Гернезанд и Умео[4]. Но как на юге, так и на севере

1 „Revolutions de la mer“.
2 Von Baer; Forchhammer; Anton v. Etzel, „Die Ostsee“.
3 „Philosophical Transactions“ за 1865 год, статья Форхгаммера.
4 C. Ackermann, „Beitrage zur physischen Geographie der Ostsee“.

порты имеют, вообще говоря, незначительную естественную глубину и могут принимать лишь суда, сидящие в воде не глубже 5 или 6 метров. Однако Балтика, в целом, глубже Северного моря в собственном смысле: ложе её, так сказать, не было выровнено и представляет еще многочисленные неровности, возвышения и углубления. В этом отношении оно походит на дно пресноводных озер, рассеянных во множестве по смежным областям твердой земли на Скандинавском полуострове и в Финляндии. Размеры Балтийского моря:

Поверхность 358.000 кв. километр.; средняя глубина, по Мейеру, 63 метра; приблизительный объем жидкой массы 22.554 кубич. километров.

В Балтийском море не бывает заметных приливов и отливов, свойственных океану и открыто сообщающимся с ним морям. На юге от проливов, ведущих в этот морской бассейн, моряки не имеют надобности принимать во внимание прилив, хотя физики могут констатировать существование его в портах Мекленбурга и Померании и нашли, что высота его доходит до нескольких миллиметров: так, в Висмарском порте разность между высотой прилива и отлива исчисляется в 9 сантиметров; далее в восточном направлении эта разность постоянно уменьшается до того, что, наконец, она ускользает от самых искусных наблюдателей. Но что значат эти ничтожные колебания высоты воды вследствие прилива и отлива в сравнении с изменениями морского уровня, производимыми действием атмосферных течений? Сильные и продолжительные западные ветры иногда понижают воду в Кильском порте на 1.20 и даже на 1,50 метра[1]. На низменных берегах Балтики береговая линия перемещается на многие сотни метров, смотря по направлению ветра.

Как во всех замкнутых бассейнах, колебания воздушного моря сообщают жидкой массе Балтики большие качания, сходные с поднятием и падением ртути в чашечке барометра: это —внезапная прибыль и убыль воды, подобная той, какую мы замечаем на озерах Женевском и Нефшательском, где она известна под именем «seiches». Шультен первый дал объяснение этого явления, указав на совпадение его с движениями барометра. Высота этих волн тем больше, чем слабее давление атмосферы: нередко она достигает целого метра и более, а в некоторых случаях, когда прибыль воды поддерживается правильными ветрами или течениями, образующимися вследствие различия уровней, разность колебания между высокими и низкими водами гораздо значительнее. Всего чаще вода повышается в Балтике весной и осенью, в эпоху перемены времен года; но это явление иногда происходит также и зимой, под слоями льда, который от напора поднимающихся вод изгибается в виде свода или трескается с страшным шумом. Кроме того, в водах Балтики бывают иногда,—впрочем через очень отдаленные промежутки времени,—другие движения, отличные от сейчас упомянутых и до сих пор еще не объясненные. Рассказывают, что иногда, при ясной погоде, море вдруг начинает бушевать, сильно вздувается и заливает берега на большое пространство: так, например, в 1779 году оно совершенно затопило город Леба, в восточной Померании, поднявшись на 5 метров выше своего среднего уровня. Местные жители называют эти внезапные повышения морского уровня Seebaren (морские медведи), вероятно, не по причине рева, которым сопровождается прибыль воды, а скорее потому, что это явление Baren имеет некоторое сходство с так называемым баром, наблюдаемым в морских лиманах. В другие разы замечали обратное явление: море вдруг, без всякой видимой причины, отступало на большое расстояние вдоль низменных берегов[2].

Не подлежит сомнению, что в недавния геологические эпохи Балтика значительно изменила свою форму, и наблюдения, сделанные на её берегах, показали, что это изменение продолжается и в текущем периоде. В своей совокупности шведское море занимает длинную долину, параллельную скандинавскому плоскогорью; но выход этой долины, её ворота, посредством которых она сообщается с океаном, переменили место. Проливы Зунд, Большой и Малый Бельт открылись через скалы, которые некогда составляли сплошную землю; во многих местах этих морских проходов противоположные берега соответствуют один другому, так

1 Мебиус, „Das Thierleben am Boden der deutschcn Ost-und-Nord See“.

2 „Globus“, № 22, 1872.

что, очевидно, они были прорваны напором вод. Кроме того, морские отложения, оставленные во внутренней Швеции, доказывают, что Балтика сообщалась непосредственно с Каттегатом через большие озера Венерн и Веттерн, соединенные ныне Гетеборгским каналом. Натуралист Ловен выловил в этих озерах, на значительных глубинах, различные арктические виды морских ракообразных, из которых одни принадлежат к фауне Ледовитого океана, а другие к фауне Ботнического залива[1]. Присутствие этих животных доказывает, что в ледяном периоде эти озера сообщались с Балтийским морем: в то время это были не пресноводные озера, а обширные проливы, наполненные соленою водой и извивавшиеся от одного моря к другому. Вследствие поднятия Скандинавского полуострова, которое продолжается и в наши дни, эти проливы превратились в замкнутые бассейны, и мало-по-малу вода, непрерывно питаемая дождями и ручьями, утратила всю свою соленость. Большая часть животных погибли, но некоторые успели акклиматизоваться, и эти-то выжившие виды и находят теперь в самых глубоких водах шведских озер[2].

Балтика—одно из самых бедных морей по числу животных видов: смешение пресной и соленой воды и большая разность годовых температур неблагоприятны развитию в этом бассейне органической жизни. По Нильсону, морских рыб в этом море не наберется и тридцати различных видов, а из ластоногих и китообразных там водятся только пять видов тюленей и дельфинов, ибо киты и другие большие морские животные, которых иногда встречают у берегов Скании и даже севернее, попадают туда случайно, как заблудившиеся путешественники. Все виды морских рыб и китообразных, живущие в водах Балтики, находятся, равным образом, в Северном море: это просто эмигранты, а не коренные жители. Единственные различия, замеченные до сих пор между животными Скандинавского моря и представителями фауны соседнего океана, суть простые видоизменения, происшедшие от различия среды: переселяясь из более теплых и более соленых вод Каттегата в холодные и почти пресные воды Финского и Ботнического заливов, некоторые виды, естественно, должны были несколько измениться, чтобы приспособиться к местным условиям своего нового отечества; это изменение состояло преимущественно в уменьшении величины животных: так, например, съедобная ракушка, длина которой в Кильской бухте, средним числом, от 8 до 9 сантиметров, имеет на берегах Готланда только 3 или 4 сантиметра в длину, и раковина её сделалась так тонка, что разрушается почти тотчас же после смерти моллюска. Однако, эти слабые видоизменения недостаточны для того, чтобы оправдать создание специально балтийских типов, как это пытаются сделать скандинавские натуралисты; из морских рыб, кажется, всего более имеет право считаться действительно балтийским видом одна порода трески, очень ценимая за её вкусное мясо,—именно gadus callarius или balticus. Хотя виды, переселившиеся из Каттегата в Балтику, немногочисленны, но зато те из них, которым среда благоприятна, размножаются там в огромном количестве особей. О плодовитости этих видов можно составить понятие по тому факту, что в Кильской бухте рыбаки налавливали до 240.000 сельдей в день, и что у каждой сельди было в желудке по меньшей мере десять тысяч маленьких ракообразных, называемых tamora longicornis; следовательно, в период лова, который продолжается около трех недель, более 50 миллиардов раков tamora были съедены одним видом животного в одной бухте Балтики[3]. Фиорд Одензе, которым воды Каттегата врезываются в северный берег острова Фионии, посещается такою массой превосходной трески, что, за недостатком сбыта, эту рыбу употребляют иногда вместо навоза для удобрения полей, продавая ее крестьянам, которые платят от 2 до 3 франков за полную телегу[4]. Вообще богатство животной жизни в Балтике так велико, что нужно считать миллиардами миллионов организмы, кишащие в каждой малейшей бухточке этого моря.

Такой же точно контраст, какой замечается между свободным морем и морем, запертым

1 Мемуары шведской академии наук за 1861 г.
2 Loven;—Ch. Martius, „Da Spitzberg au Sahara“.
3 Мёбиус, „Expedition der Pommerania“, 1871.
4 Ирмингер, „Notice sur les peches du Danemark“. „Revue maritime et coloniale“, sept. 1863.

датскими островами, существует и между двумя бассейнами Балтики—западным и восточным. На западе от острова Рюгена, на берегах Мекленбурга и Любека, морские растения и животные представляют множество разновидностей, не встречающихся на берегах Штеттинского залива[1]. В целом, восточный бассейн Балтики гораздо менее населен, чем её западные воды, что объясняется более холодною и резче изменяющеюся температурой этого бассейна, а также солоноватым свойством его жидкой массы, которая непригодна ни для пресноводных, ни для морских животных: приспособиться к этой неблагоприятной среде, очевидно, могли только те организмы, которые могут без вреда для себя выносить крайности тепла и холода, и которых Мёбиус, на основании этого, предлагает называть эвритермами. Так, в этой водяной области найдено только 69 видов беспозвоночных животных, что составит около трети фауны морей, омывающих датские острова. Везде, где вода становится годною для питья, морская фауна исчезает. В Ботническом и Финском заливах моллюски все без исключения пресноводные, да и рыбы, которые встречаются там, в числе двадцати различных пород, также похожи на виды, населяющие озера Финляндии и Швеции. Таким образом Балтика представляет любопытный пример моря, имеющего две различные фауны: одну—океаническую, другую—озерную. Действительно, это море имеет двоякий характер: по своим большим бассейнам, западному и южному, оно—морской залив; по своим оконечностям, северной и восточной, оно состоит из открытых озер, похожих, по их явлениям и продуктам, на воды окружающего материка.

Глава II Бельгия.

I.

На севере от пролива, где соединяются приливные течения, обогнувшие Великобританию, Северное море окаймлено, на протяжении всего только 67 километров, территориею, известною под именем Бельгии. Это королевство, лежащее всею своею площадью на водоскате рек Шельды, Мааса и Рейна, есть одно из самых маленьких государств Европы, и, как независимая держава, оно существует недавно (с 1830 года). Оно заключено в слишком узкие пределы, чтобы могло гордо рассчитывать на свои собственные силы в столкновениях народов; незначительные размеры занимаемой им области, которая составляет только около 4.500-й части поверхности суши (точнее: 4.541-ю часть поверхности суши, по Бему и Вагнеру, и 17.314-ю часть общей поверхности земного шара), давали бы ему полное право требовать для себя привилегии нейтралитета, если бы даже могущественные соседи его сами не признали нужным оставить ему самостоятельное существование в интересе европейского общественного порядка. Но, будучи столь бедною пространством, Бельгия отличается между всеми странами Европы многими характеристическими особенностями и даже, в некоторых отношениях, занимает среди них первое место. Подобно тому, как в каменистых массах часть камня остается с своим особенным строением между частицами, группирующимися вокруг равносильных центров кристаллизации, Бельгия, присвоиваемая одновременно Францией, Германией, Англией. Голландией, принадлежавшая в продолжение многих веков иноземным господам: испанцам, австрийцам, французам, голландцам, сохранила, тем не менее, несмотря на все превратности своей политической судьбы, самобытное существование, признанное ныне оффициально другими европейскими державами. Очень богатая сама по себе, она сделалась по преимуществу страной проезда для людей и провоза для товаров: ни одна область Западной Европы не имеет, пропорционально своему пространству, равной важности, как посредница в международных торговых сношениях. Бельгия есть, так сказать, обширный перекресток; население сгруппировано там в гораздо большем числе, для

1 Mobius, „Expedition der Pommerania“, 1871.

одной и той же площади, чем в большей части стран Старого и Нового Света: ни одно из государств Европы не имеет так много жителей на квадратный километр; во многим сельских округах Бельгии люди гуще скучены, чем в русских городах. Богатства, скрытые в недрах земли, так же, как удобства торгового обмена, помогли этому столь многочисленному населению найти средства к существованию на том тесном пространстве, которое оно занимает. По некоторым отраслям мануфактурной промышленности, равно как по своей внешней торговле, Бельгия, относительно числа своих жителей, есть первая страна Европы; в этом отношении она превзошла даже Англию. Наконец, как ни мала её территория, эта страна, считающая между своими городами Люттих, (Льеж), Куртре, Гент, Брюгге, может претендовать на некоторые из самых блестящих страниц истории.

Пространство и народонаселение Бельгии:

29.456 кв. километр.; в 1840 г.—4.073.150 душ; в 1880 г.—5.520.069 душ; в 1890 г. 6.069.320 душ; среднее число жителей на 1 кв. километр: 212.

От равнин морского прибрежья, где некоторые поля, обведенные плотинами, лежат ниже среднего уровня морских вод, почва Бельгии постепенно повышается по направлению к востоку и юго-востоку до нагорья, называемого Арденнами и составляющего общий хребет всей бельгийской территории и Люксембурга, так же, как части северной Франции.

Арденнские высоты, кульминационная точка которых поднимается на 700 метров, состоят из древнейших горных пород Бельгии, шиферов и кварцитов, образующих центральное ядро, вокруг которых отлагались слоистые осадочные формации страны. Гораздо более возвышенное в предъидущие геологические эпохи, Арденнское плоскогорье представляет ныне большую развалину, которая, вследствие трещин, обвалов, разрушительного действия вод, распалась на несколько отдельных отрывков, и постоянно понижалась в течение веков. Однако, незначительная высота Арденнских холмов, свойство их каменных пород, отсутствие растительной земли—придают этой области Бельгии особый отпечаток, резко отличающий ее от всей остальной части страны. Юго-восточный угол королевства, который тянется от Франции до Германии, от береговых утесов Мааса до берегов Весдры, заключая в себе горную массу или цепь Гот-Фань (Hautes Fagnes, по-немецки Holihe Fenn) или Арденны в собственном смысле, представляет как бы отдельный мирок, совершенно отличный от низменной Бельгии, столь замечательной богатством возделанных земель, многочисленностью городов, густотой населения. Высоты между Мозелем и Маасом имеют вообще печальный вид; если исключить несколько поросших травою долин, где разветвляются по всем направлениям оросительные канавки, да ущелья, где воды пруда приводят в движение мельничные колеса и толчеи, путешественник встречает здесь только мелкий лесок из буков, дубов, берез, сосновые леса, ланды, из которых там и сям выглядывают верхушки скал, тощие пажити, где папоротники и кусты можжевельника перемешаны с дерном скатов, тогда как на дне лощин тростник и мох растут по краям торфяных болот. Впрочем, в эти последние годы предпринятое с успехом насаждение дерев изменило физиономию страны: в некоторых частях Арденнов снова появились настоящие леса, придающие местности такой же вид, какой она имела полторы тысячи лет тому назад, в те времена, когда дремучие леса тянулись от берегов Уазы до берегов Рейна.

На холмах самой дикой области слой растительной земли имеет едва несколько сантиметров толщины, и во многих местах лежит на голом камне; маленькия деревца едва могут прикрепить в этой тонкой почве свои ползучие корни; в иных местах скала, покрытая вязкой водонепроницаемой массой, образовавшейся из разложения глинистого сланца[1], задерживает дождевые воды на поверхности, и последние расстилаются болотистыми лужами в углублениях камня. Человеческие жилища очень редки в этой неприютной местности; встречающиеся кое-где. среди вересковых пространств или лесов, домишки построенные из кирпича или камня и крытые шифером или соломой, все имеют такой невзрачный вид, что рядом с ними самая убогая итальянская лачуга показалась бы памятником архитектурного

1 J. C. Hoozeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique“

искусства. Самое прозвище «Париж в Арденнах», данное в насмешку городу Бастонь (Bastogne), свидетельствует о бедности городков и местечек этого пустынного края. Редкое население Арденнов, защищенное против иноземного нашествия своим уединенным положением, так же, как и своею бедностью, могло долго сохранять свои старинные нравы и обычаи. Культ богини Ардонны (Arduinna), которую смешивали с Дианой, держался гораздо дольше в области нагорья, чем в соседних равнинах; последние жертвенники этой богини были низвергнуты лишь в седьмом столетии[1], в ту эпоху, когда, по преданию, св. Губерт встретил в Арденнском лесу оленя, несшего на голове, между рогами, сияющий крест[2]. Однако, жители равнины, которые некогда переменили, добровольно или по принуждению, свои религиозные верования, нравы и обычаи, обновляют постепенно и самую почву. В окрестностях городов, по окраинам Арденнских гор, можно убедиться, как велика потребность труда в Бельгии, по тому усердию, с каким утилизируются рессурсы, на которые в другом месте никто бы не обратил внимания. При помощи извести, разбрасываемой по полям, земледельцы стараются оживить бесплодную землю; там, где почва состоит из голой скалы, каменоломы добывают из неё известь, шифер, строевой камень, руду, пластическую глину; малейший ручеек запружен плотинами, рассеянных по берегам его мельниц и заводов.

На южном склоне Арденнских гор, один лотарингский округ, юрские пласты которого продолжаются далеко внутрь Франции и Люксембурга, политически принадлежит еще к территории Бельгии: это часть бассейнов рек Семуа (Semoy) и Шиера (Chiers); но этот «Маленький Прованс», хорошо защищенный с северной стороны горною массой Фань или Фен, имеет незначительное протяжение. Северный скат Арденнов, напротив, занимает значительную часть Бельгии: известковые и сланцевые породы этой области, средняя высота которой около 275 метров, тянутся от границ Франции до пределов Германии и образуют очень неровное плоскогорье, пересеченное глубокими долинами: леса, растущие на сланцевых формациях, чередуются там с прекрасными нивами известковых косогоров и зеленеющими лугами сырых лощин. В целом, вся эта область, по её виду, так же, как и по высоте, может быть рассматриваема, как внешний уступ Арденнов. Между реками Самброй и Маасом она известна под именем Фань (Fagne); между Маасом и Уртой ее называют Кондроз (Condroz), —старинное галльское имя, принадлежавшее храброй нации кондрузов; далее на юге, вокруг города Марш, местность носит название Фамен (Famenne), данное ей, как полагают, по имени народца пеманнов (Pemannes) или феманнов[3]; наконец, прекрасные пастбища, раскинутые между Маасом и Вездрой, пользуются обширною известностью под именем области Герв (Herve). Геологи и агрономы называют эту полосу кондрузскою областью, по имени местности Кондроз, которая составляет важнейшую её часть.

Самора и Маас своим течением приблизительно указывают границу гористой страны. На севере от этих рек начинается средняя Бельгия, слегка волнистая плоская возвышенность, постепенно наклоняющаяся к морю и орошаемая многочисленными реками и речками, которые извиваются в широких, но не глубоких долинах. Леса, ручьи, пологие косогоры, мельницы, здания с башенками—придают привлекательный вид пейзажам этой средней полосы; но, к сожалению, рельеф края слишком мал, и потому нет ничего удивительного, что он во многих местах обезображен кучами вульгарных построек и беспорядочно разбросанными культурными землями. В этой части территории самая живописная местность—та, которая продолжается на запад до границ Франции. В области Турне (Tournaisis), или Дорник, огромные дубы, вязы и другие деревья, окаймляющие дороги и каналы двойными, тройными и даже семерными рядами, наконец, холмы, которые, по причине их уединенности, кажутся более величественными, чем они есть в действительности,—все это сообщает стране характер истинной красоты. Все области средней Бельгии: на востоке Гесбе (Hesbaye), в

1 Alph. Leroy, „Patria Belgica“. III.

2 Alfred Maury, „Grandes forets de la Gaule“, p. 161,

3 Charles Piot, „Les Pagi de la Belgique“;—Emil Tandel, „Рукописные заметки“.

центре Брабант, на юге и юго-западе Гено (Hainaut) или Геннегау, и Турне, покрыты иловатым слоем, кое-где перемешанным с мелким камнем и песком, которые были перенесены сюда с гористых плато Арденнской цепи наводнениями, имевшими место в четвертичную эпоху; наносные камни или, как их называют, «камни из нагорных болот» (pierres de fagnes), наполняют там толстыми слоями ближайшие к нагорью долины; затем количество их постепенно уменьшается в северном и западном направлении, по мере удаления от исходной точки. Этот ил, сходный с лессом рейнской долины и известный у бельгийских геологов под общим наименованием гесбейского ила, закрывает все более древние формации подпочвы: сланцы и порфиры, конгломераты, песчаники и известняки, и те каменноугольные породы, которые наполняют длинную впадину, идущую от Люттихского бассейна до бассейна Монса и французской Фландрии; каменный уголь в собственном смысле составляет в этих породах около сороковой части.

На поверхности горные породы каменноугольной формации довольно ровны, но подземные исследования геологов показали, что дно каменноугольной впадины очень неровное и что около Намюра оно приподнимается до поверхности нынешней почвы: в этом месте, вследствие выветривания и размывания, все верхние слои исчезли, и самые нижние каменноугольные пласты, те, которые дают так называемый «тощий уголь, горящий коротким пламенем», касаются теперь земной поверхности. По обе стороны этого порога, каменноугольная формация наклонена на восток к Люттиху, на запад к Монсу, так что образует два бассейна с противоположным скатом, глубина которых постепенно увеличивается в направлении этих двух городов: по приблизительному исчислению, глубина эта достигает 2.370 метров ниже уровня моря близ Буссю, на западе от Монса[1]. Под городом Люттихом она, кажется, менее значительна. В гагенауском бассейне так называемый «жирный» уголь начинает попадаться только близ Шарлеруа; «длиннопламенные» угли, употребляемые преимущественно для приготовления светильного газа и известные в просторечии под именем «charbon Flenu», находятся лишь в окрестностях Монса, между верхними слоями бассейна. Различные слои, средняя толщина которых от полуметра до одного метра, очень многочисленны: в местности Боринаж, на юге от города Монса, таких слоев известно от 130 до 160, и из них две трети годны к разработке; в Люттихской провинции существует около пятидесяти подобных пластов, которые могут быть с выгодой разработываемы[2]. Но чтобы добраться до этих залежей и добывать из них уголь, поддерживая при этом прочность горных пород, составляющих «стены» и «крышу» копи, нужно выполнить громадный труд—нужно вывести целую систему подземных галлерей, похожих на улицы городов, расположенных один над другим. На западе от Монса, около французской границы, «мертвые породы», покрывающие каменный уголь, имеют слишком 300 метров толщины и заключают в себе неисчерпаемые резервуары воды и слои сыпучих песков, которые при разработке нужно бы было пройти, чтобы добраться до производительных жил. «Эти работы по устройству каменноугольных копей, говорит Корне, по справедливости должны считаться самыми грандиозными, какие когда-либо были предпринимаемы горным искусством». Ископаемая фауна, находимая в каменноугольной области Бельгии, не особенно богата, но остатки растительности в ней очень многочисленны; всего явственнее сохранились остатки папоротников, каламитов, лепидендроидов, сигиллярий.

Вследствие бокового сжимания или сдавливания, примеры которого довольно часты в расположении земных пластов, верхние слои шарлеруаского бассейна были многократно изогнуты самым странным образом: под городом Шарлеруа они согнуты 22 раза и занимают в ширину только 6.600 метров, вместо одиннадцати с половиной километров, которые они покрывали бы, если бы остались горизонтальными[3]. Эта низменная область, по которой протекает река Самбра, и еще более та, где некогда текли воды реки Ген, замененной ныне ка-

1 M. Mourlon;—Cornet, „Patria Belgica“, t. 1, p. 134, 206 etc.

2 R Maiherbe;—Dewalque, „Bulletin de l'Academie de Belgique“, 1875 г.

3 Amedee Burat, „Geologie de la France“.

налом, были до мелового периода одною из самых гористых стран земного шара. Эта страна была пересекаема горами, которые колоссальностью и высотой не уступали нынешним Альпам, и которые тянулись от берегов Ламанша до бассейна реки Рер, господствуя над местностями, составляющими теперь южную Бельгию. Огромные взбросы пластов, встречающиеся в каменноугольных породах, свидетельствуют о громадности геологических переворотов, совершившихся в этой части Европы. Взброс при Буссю заставил опуститься пласты с высоты около 2.200 метров; на юге другой взброс передвинул формации с юга на север, перенес их на пространстве 10 километров и приподнял их на высоту по меньшей мере 5.000 метров над уровнем, который они занимают в настоящее время[1].

История рассказывает нам, как велика была стратегическая важность, в столкновениях народов, этих равнин средней Бельгии, которые покрыты грунтом, подвергавшимся в течение веков столь сильным геологическим переворотам, и которые теперь сделались такими богатыми посредством земледелия и промышленности. География объясняет естественную судьбу этой страны, как большой дороги народов: здесь до открытия искусственных путей сообщения простирались первые легкодоступные поля и деревни между бассейнами Мааса и Рейна и бассейном Сены, соединенным посредством Орлеанского перешейка с долиной Луары; течение Уазы и Шельды, так сказать, направляло к равнинам шедшие населения, которые, следуя этим путем, избегали, с одной стороны, крутых скал Арденнских гор, с другой—неудобных для прохода болотистых пространств морского прибрежья. Эта область, хотя мало возвышенная, составляет, однако, естественный водораздельный хребет между двумя речными бассейнами, и при проходе через нее нигде не встретишь на пути многоводных рек: единственные естественные препятствия, которые там нужно переходить,—это простые ручьи; выбитые дороги в этой местности более опасны, чем долины. Кроме того, на этой дороге во все времена легко можно было найти продовольствие, благодаря естественному плодородию края. Все эти выгоды, которые прежде имели гораздо более важное значение, чем в наши дни, делали среднюю Бельгию, так же, как и французскую Фландрию, одною из тех территорий, которые особенно часто служили театром военных действий и оспаривались друг у друга враждебными армиями. От Куртре до Жемана, Флёрюса и Ватерлоо—сколько кровопролитных битв происходило в этой области, начиная со времен истребления храбрых нервов (Nervii) легионами Цезаря, и сколько крепостей было построено в соседстве политических границ для того, чтобы восполнить недостаток естественных границ! В обширных равнинах, простирающихся на юг и на восток от Брюсселя, самая архитектура домов на фермах напоминает, что этот край, отличающийся замечательным земледельческим богатством, часто подвергался неприятельскому нашествию. Жилища, низкие и массивные, открываются окнами на внутренний двор и сообщаются с внешним миром только посредством ворот, на верху которых обыкновенно стоит четыреугольная башня[2].

Миновав область гесбейского ила, мы вступаем в страну, где поверхностная почва, состоящая из песку, имеет несомненно океаническое происхождение. Эта страна, известная под именем Кампины (la Campina, т.е. campagne) или брабантской Кампаньи (Campania brabantica), обнимает большую часть северо-восточной Бельгии. Уже на окраинах её обширные пространства, имевшие некогда такой же пустынный вид, как и внутренняя Кампина, так сильно изменились под влиянием земледелия, что теперь их смело можно причислить к соседней области Гесбе: такова, например, местность Гагеланд (Hageland, Pays des Haies), на северо-западе от Брабанта, где бесплодные пески и кустарник давно заменились цветущими нивами. В самой Кампине, средняя высота которой над уровнем моря около 75 метров, поверхность ландов усеяна оазисами плодородных полей, и число таких оазисов постоянно увеличивается. Во многих местах находят глину на глубине менее метра, так что земледельцы могут без большего труда доставать ее на поверхность и смешивать с песком для получения хорошей пахатной почвы. Но прежний вид Кампины еще долго сохранится в са-

1 Cornet et Briart, „Sur le relief du sol en Belgique apres les temps paleozolques“.

2 Вим-Беммель, „Patria Belgica“, I.

мых песчаных её частях. В этих местностях возвышаются песчаные бугры, совершенно сходные с дюнами прибрежья Северного моря, с тою только разницей, что первые состоят из более крупного песку и содержат маленькие отрывки наносных формаций[1]. Кампинские дюны покрыты теми же видами растений, как и прибрежные; хотя песчаные горки Кампины удалены на большое расстояние от нынешнего берега моря, они еще не утратили своей подвижности: ветер и теперь перемещает их в тех местах, где песок не закреплен деревьями; как на пример подобного перемещения, можно указать на дюны Беверлоо, где происходят большие маневры войск. Между рядами песчаных бугров почва покрыта вереском, тимьяном, душистыми губоцветными растениями, и кое где усеяна лужами. Дождевая вода, падающая на эти пустынные местности, насыщается дубильным веществом, содержащимся в вереске, и, проникая в подпочву, склеивает песчинки и образует из них плотный туф красноватого цвета, совершенно похожий на алиос (alios, род железняка) ландов Гаскони и Ютландии; туф этот тоже содержит во многих местах железо, которое можно добывать как руду. Есть причины думать, что некоторые части Кампины некогда были гораздо более обработаны, чем в половине текущего столетия, до обширных работ, предпринятых с целью приобретения этой пустынной области для земледельческой промышленности. Под поверхностным слоем почвы находили поваленные высокоствольные деревья, оружие, остатки строений. Известно, что в средние века большие аббатства были окружены обширными пространствами возделанных земель; но во время войн шестнадцатого столетия население принуждено было бежать из деревень в города, как в более безопасные места, и дикия растения снова завладели почвой[2].

Соседняя с Кампиной провинция, Фландрия, составляет и в геологическом отношении непосредственное её продолжение. Поверхностные слои почвы в этой провинции также состоят из песков морского происхождения, а ниже следуют, на большой глубине, относительно недавния формации, как это обнаружилось при бурении артезианского колодца в Остенде. Буровой снаряд встретил, на глубине 300 метров, под меловыми слоями, грунт, принадлежащий, как полагают, к силурийской формации[3]: только на такой большой глубине находятся здесь твердые континентальные пласты, которые в Арденнах залегают на высоте 600 слишком метров над уровнем моря. Работы по возведению укреплений в Антверпене (Anvers) тоже дали возможность исследовать часть этого древнего морского дна, обнажив большие третичные отложения, которые содержат тысячами кости китов и тюленей, пресмыкающихся, рыб и птиц, словом—целую исчезнувшую фауну. Неплодородные пески Фландрии давали бы очень плохие урожаи, если бы жители не догадались извлечь на поверхность глинистую подпочву; этим способом они превратили свою землю, от природы бесплодную, в плодоноснейшие поля; они создали из песчаной пустыни «эту прекрасную Фландрию, лучшее графство во всем христианском мире», как говаривал один из её сынов, великий географ Ортелий. Край их сделался тем, чем может сделаться, благодаря труду, и самая Кампина в более или менее отдаленном будущем. Впрочем, песчаные земли Фландрии во многих местах, особенно в соседстве с морским прибрежьем, продолжаются пространствами, которые прежде были покрыты торфом, но которые плуг земледельца так же преобразил, как и бесплодные пески. Так, например, местность Вес (Waes) некогда представляла одно огромное болото: и теперь еще видны там и сям остатки прежних торфяников, а широкия канавы, прокопанные между полями, еще до краев наполнены водой; но жирная земля в этих местах сама по себе очень плодородна, и трудолюбивые фламандцы сумели расчистить ее и превратили топкия болота в настоящий сад. Поля, обнесенные изгородью, обсаженные высокими деревьями, по большей части разбиты правильными четыреугольниками; в каждом хуторе стоит домик, скромный по наружности, но чистенький, удобно устроенный, украшенный цветниками, окруженный овинами и сараями. Деревень здесь мало; издали кажется, что вся местность сплошь покрыта лесами, так как все постройки спрятались в зеле-

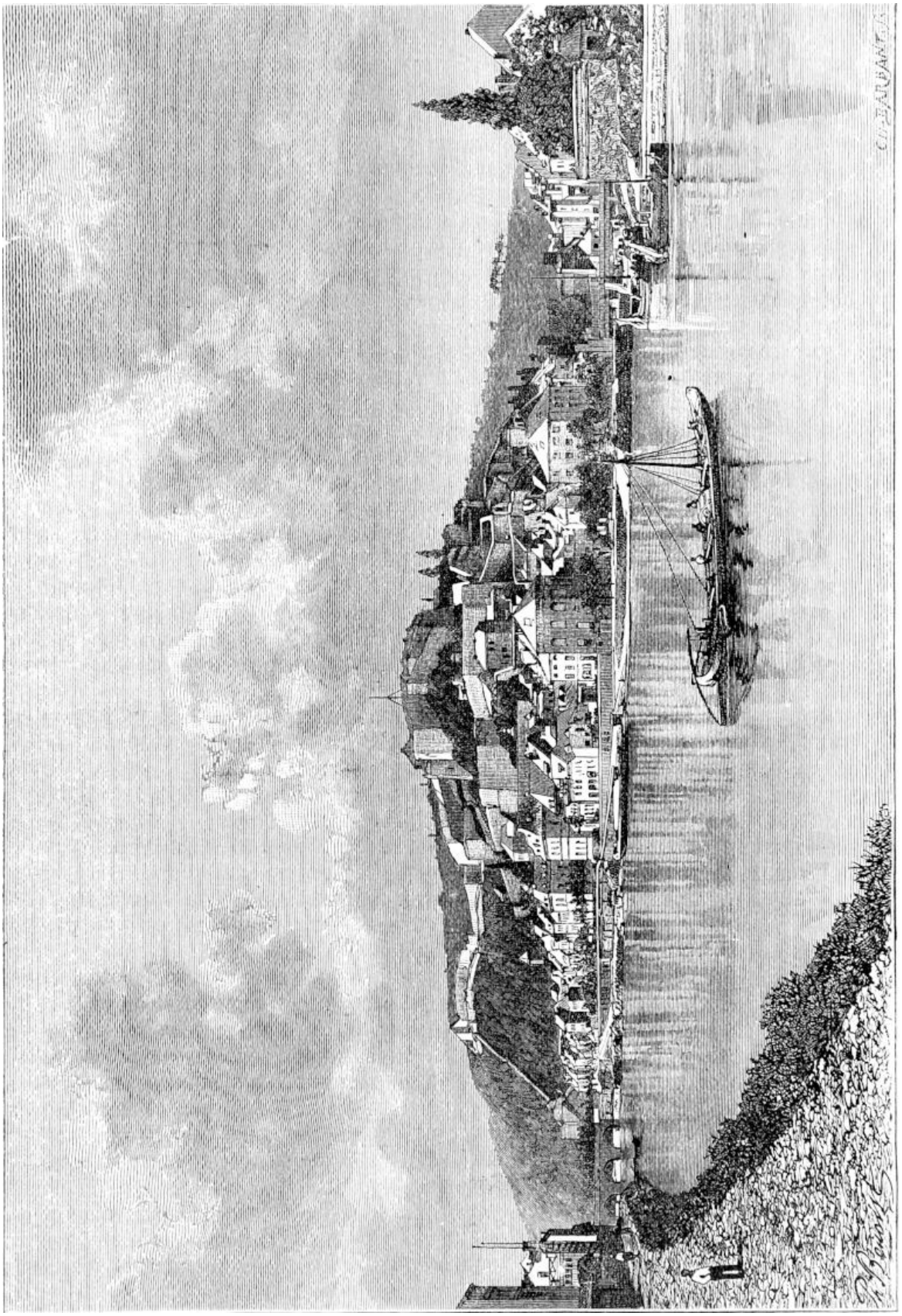
1 Alpli. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".

2 Эм. де-Лавеле, „Patria Belgica", t. 1. p. 511.

3 Мишель Мурлом, „Patria Belgica", t. I, p. 180.

ни.

Внутренния озера (по местному moeres), образовавшиеся вследствие скопления вод у восточного основания пояса дюн, были осушены человеком, как и болота области Вес, и



Сліяніе Мааса съ Самброю у Намюра.

превращены в польдеры, подобные голландским, хотя и менее обширные. И здесь, как в Голландии, поверхность почвы лежит ниже среднего уровня моря; и здесь обработанные земли защищены от вторжения рек и приливов высокими и крепкими плотинами; и здесь

поля разрезаны правильно на прямоугольные островки каналами, по которым земледельцы плавают на своих маленьких лодках: почти все названия мест напоминают прежнее полужидкое состояние здешней почвы[1]. Прежде этот край имел очень нездоровый климат, так что в здоровых местностях внутренней Бельгии с ужасом говорили об «ипрской или эйперской смерти» (mort d'Ypres). Равнина эта еще не вполне ассенировапа растительностью, и болотные миазмы, поднимающиеся летом из лощин, значительно увеличивают смертность в городах западной Фландрии[2]; но в непосредственном соседстве с этою нездоровою областью находятся главные санитарные станции Бельгии, города с морскими купальнями, привлекающие массу посетителей в летнее время.

Пояс приморских дюн, составляющий внешний оплот страны со стороны моря, так мал по своему протяжению, так узок в некоторых местах, так невысок, что теперешние размеры его кажутся ничтожными в сравнении с прежними песчаными буграми Кампины: общая площадь этого пояса исчисляется ныне только в 374 гектара. Сравнение старинных карт с новейшими документами вполне подтверждает распространенное в народе предание о постепенном уменьшении кордона дюн. В последние десять веков этот естественный оборонительный вал несомненно убавился в толщину; в то же время он был прорван во многих местах напором вод, и эти опустошительные нашествия моря заставили прибрежных жителей искать убежища в соседних государствах[3]; выселившиеся отсюда фламандцы основали многочисленные колонии в Германии и даже в Трансильвании, где их потомки известны теперь под именем саксонцев. Так, в 1331 году сильною бурей было разрушено несколько городов на морском берегу, между прочим, Скарфут, и в соседстве возникшего впоследствии на его месте города Бланкенберге (Blankenberghe, т. е. «Белые горы») теперь не существует уже ни одной из тех дюн, от которых он получил свое имя, и которые фигурируют в его гербе[4]. Еще недавно, в 1877 году, большая часть песчаных бугров, которые возвышались между Остенде и Мариакерке, была снесена в море во время бури. В давния времена дюны, гонимые волнами моря, могли беспрепятственно распространяться внутрь материка по равнине и по болотам, простиравшимся вдоль их восточного основания, но со времени заселения края им пришлось вести борьбу с человеком, который упорно защищает расчищенные им с такими усилиями культурные земли от губительного вторжения сыпучих песков. Очутившись, таким образом, между двух противоположных сил, между слепым морем с одной стороны и сознательным трудом земледельца с другой, пояс песчаных холмов естественно должен был уменьшаться из века в век, и теперь, для того, чтобы оградить территорию, которую прежде защищали эти бугры, нужно строить с большими издержками плотины и жете. Не разумнее ли было бы заботливо сохранять то, что еще уцелело от прежних дюн, и укрепить их насаждениями тростников и осин? Без этого воды моря могут опять завоевать территорию, которую они некогда покрывали.

Приводим высоты некоторых пунктов Бельгии: Барак-Мишель (Арденны)—689 метр. Средн, высота области Кондроз—225 метр. Мон-Трините (близ Турне)—146 метр. Пелленберг (близ Лувена)—101 метр. Дюны, средняя высота,—от 10 до 12 метр. Арлон—444 метр. Ставелот—280 метр. Шарлеруа—100 метр. Люттих—60 метр. Брюссель—15 метр. Гент—5 метр. Гренендик, близ Сен-Жиль-Вес—0,77 метр.

Бельгия занимает такое ограниченное пространство, что ни одна большая река не принадлежит ей на всем своем течении от истока до устья; но она захватывает бассейны двух рек, текущих к иностранным большим рекам: французская река Уаза берет начало в Бельгии, недалеко от Шиме; точно также река Сюр или Зауер, маленький приток немецкого Мозеля, а через него и Рейна, выходит из ущелий бельгийских Арденнов и затем протекает извилистой линией через великое герцогство Люксембургское, где она является главною ре-

1 Joossens, „Bulletin de la societe belge de geographia“, 3, 1877.
2 Meynne, „Topographie medicale de la Belgique“.
3 Emile de Borchgrave, „Essai historique sur les coloniea belges“.
4 Bortier, „Le littoral de la Flandre au neuvieme et au dix-neuvieme siecle“.

кой. Реки Маас и Шельда, которые уносят в море почти весь избыток дождевых вод, выпадающих в Бельгии, в общих чертах похожи друг на друга направлением и извилинами своего течения; равным образом замечается некоторый параллелизм между главными долинами низменности: это происходит оттого, что ложе их было как-бы заранее начертано формой рельефа, наклоном почвы и расположением желобов или борозд, образовавшихся вследствие изгиба или разрыва верхних пластов, и в которых должны были течь воды[1]. Выходя из пределов французской территории, Маас и Шельда текут в северном направлении; затем, по соединении с главным западным притоком, обе реки вдруг поворачивают на северо-восток и следуют по долине, открывающейся на продолжении той, из которой вышел их приток: так, Маас как будто продолжает собою Самору, а Шельда становится нижним течением реки Лис. Наконец, прежде, чем покинуть бельгийскую территорию и вступить на почву Голландии, обе названные главные реки снова принимают свое нормальное направление с юга на север, и потом каждая из них изгибается к западу, приближаясь к морю. Кроме того, Маас и Шельда представляют сходство еще в том отношении, что наибольшее количество воды они получают с восточной стороны, как того требует общий скат местности, наклоненной по направлению от Арденнов к океану.

Но самое это сходство делает еще более поразительным контраст, представляемый двумя важнейшими реками Бельгии в других отношениях. Маас (Mense по-французски, Mouse по-валлонски, Maes, Maas по-фламандски и голландски,) наиболее многоводный из этих двух потоков,—хотя бассейн его обнимает не самую значительную часть территории государства,—можно назвать почти горною рекой, в сравнении с тихой Шельдой. На пространстве от Мезьера до Намюра, Маас, вступающий в Бельгию на высоте около 100 метров, идет прямо через Арденны, вместо того, чтобы обогнуть их на западе, как это, повидимому, указывал ему наклон почвы. Шиферные или кварцевые скалы, разрезанные в виде высоких мысов, поднимаются метров на 50 и даже на 100 над поверхностью течения; в некоторых местах с берегов виден верхний край арденнских плато, возвышающихся метров на 300 над уровнем этих берегов. Города и деревни, теснящиеся на узком берегу реки, лепятся своими предместьями вверх по скату соседних утесов; древние замки, теперь развалины, замененные в иных местах новейшими укреплениями, высятся на вершинах крутых скал, которые своими странными, неправильными формами еще более усиливают впечатление, производимое диким видом горных ущелий[2]. Андре Дюмон, а за ним и другие геологи пришли к тому заключению, что в значительной части пролома в массе Арденнов Маас воспользовался существовавшим тут взбросом почвы, так как стены утесов по ту и другую сторону реки не соответствуют между собою, и местами встречаются даже формации, принадлежащие к разным геологическим эпохам: так, например, близ развалин замка Пуальваш, против каменноугольных сланцев на другом берегу находим известняки той же формации[3]. Но если расселины плоскогорья облегчили проход реки, то вся её долина, очевидно, не могла образоваться иначе, как постепенным поднятием страны: каждая извилина все более углублялась по мере того, как поднимались её берега.

Известковые части горных пород, пересекаемых Маасом и его притоками в Арденнах и Кондрозе, изрезаны во многих местах трещинами, где воды дождей или ручьев исчезают под землей, после чего снова выходят на поверхность на значительном расстоянии, или в той же самой долине, или в другой. Слои водо-непроницаемой глины, наполняющие очень многие впадины в самой низкой области Арденнов, образуют естественные запруды; вода, задерживаемая этими препятствиями, должна искать себе другого выхода и вытекает через трещины холмов, называемые в крае «aiguigeois» или «chantoirs». Самая большая из этих трещин—знаменитый грот Ган, в который низвергается Лесса, один из восточных притоков Мааса. Прежде эта река (Лесса) огибала скалу на поверхности земли, да и ныне еще, при больших

1 J. C. Houzeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique".
2 J. C. Houzeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique".
3 E. Dupont, „Patria belgica", I.

разливах, некоторая часть её вод утекает через этот поверхностный канал; но нормальное ложе было пробито течением реки в самой внутренности камня. Река, называемая Ломм (Lhomme), также проходила бы вся под южною частью города Рошфор, если бы не преградили вход в подземный канал, чтобы заставить ее течь по старому руслу. Подобно большей части известковых пещер, гроты Гана и Рошфорский состоят из галлерей и зал разной величины, украшенных белыми или сероватыми сталактитами, в которых воображение может представлять себе самые фантастические предметы, от кружев фей до статуй и храмов богов. Эти гроты и другие пещеры,—менее обширные, но еще более любопытные, потому что они менее изменены рукой человека,—способствуют, вместе с высокими утесами и живописно раскинутыми лесами и пастбищами—справедливо заслуженной славе этих глубоких долин бассейна бельгийского Мааса. Извилистая Семуа (Semoy), окаймленная на севере отлогими скатами триаса, на юге крутыми склонами юрских формаций; Лесса (la Lesse), текущая между высоких скал, изрытых по бокам пещерами; Урта (l'Ourthe), посещаемая летом многочисленною публикой из Люттиха, и её приток Амблева (Ambleve), богатый водопадами, скалами, старинными замками; Весдра (Vesdre), то скрывающаяся, то появляющаяся перед взорами путешественников, уносимым поездами железных дорог,—все эти реки, так же, как и самый Маас, славятся своими прекрасными ущельями и живописными берегами. В двух местах Весдра исчезает и течет подземными галлереями, раз между Лимбургом и Вервье, другой—близ Пепинстера[1].

Подобно Сене, так хорошо исследованной Бельграном, Маас некогда был могучею рекой, в роде Миссисипи. Боковые террасы, ил и галька, оставленные на древних берегах, высокие гроты береговых утесов, наполненные несколькими лежащими один на другом слоями речных насосов, доказывают, что в четвертичные века Маас достигал высоты, превосходившей метров на 60 средний уровень нынешних вод, и что река имела от 7 до 8 километров в ширину выше Динанского ущелья, где ныне расстояние между берегами не более 60 метров[2]. Даже в текущем геологическом периоде Маас, как кажется, уменьшился в объеме: многие указания, рассеянные в старинных хрониках, свидетельствуют, что лет четыреста или пятьсот тому назад эта река была значительно многоводнее, чем в наши дни[3]; только ценой огромных сумм, посредством устройства нескольких запруд со шлюзами, инженерам удалось в новейшее время дать канализованному Маасу глубину 2 метра 10 сантиметров, достаточную для плавания маленьких пароходов; теперь установлен правильный судоходный путь от Седана до Люттиха по ложу Мааса, затем по боковому каналу, проведенному от Люттиха до Маастрихта[4]. Маас при выходе из пределов Бельгии, на высоте 25 метров, представляет почти двадцатую часть того Рейна, на встречу которому текут его воды, и с которым он соединяется, чтобы сообщить ему свое имя.

Длина Мааса до слияния с Рейном или Валом: 790 километров; длина Мааса в Бельгии 194 километров. Среднее количество протекающей воды: при входе Мааса в Бельгию (по Гильери) 40 куб. метр. в сек.; у Люттиха 65 куб. метр. в сек.; при выходе из Бельгии 90 куб. метр. в сек.

Шельда (Schelde по-фламандски, l'Escault по-французски) заключает в своем бассейне большую часть Бельгии, то-есть почти всю область равнин. По выходе из Франции, эта река все время течет по ровной местности, исключая разве окрестностей Турне, где она омывает основание незначительных холмов. Там средний её уровень находится на высоте всего каких-нибудь 16 метров; поэтому Шельду нетрудно было преобразовать в большой судоходный канал, разделив ее на шесть бассейнов разной длины. Впрочем, не успела еще река пробежать половины своего пути по бельгийской территории, как уже течение её усиливается отливом. У города Гента, где Шельда принимает в себя приток Лис (Lys), берущий свое нача-

1 J. O. Houzeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique“
2 „Annales des travaux publics de Belgique“, III. 1845.
3 E. Dupont, „Patria Belgica“, t. 1, p. 56 и suiv.
4 Emil Tandel, „Рукописные заметки“.

ло тоже во Франции, воды её встречаются с морским приливом, который достигает в этом месте 1 метра 19 сантиметр. средней высоты и продолжается более четырех часов[1]; приливная волна распространялась бы еще гораздо выше по реке, особенно во время засухи, если бы движение её не было задерживаемо шлюзами. Ниже Гента, Шельда, чем ближе к устью, тем более принимает характер морского лимана. Пресная вода составляет, средним числом, только около стодвадцатой части в жидкой массе, наполняющей Зеландский рукав моря, называемый западной Шельдой[2]; воды реки утрачивают соленость только в небольшом расстоянии ниже Антверпена. На юге от этого города прилив поднимается не только вверх по Рупелю, главному притоку Шельды, но даже и по трем образующим его речкам—по Нете (Nethe) до Лиера, по Диле (Dyle) до Мехельна, по Сенне (Senne) до Вильворде, отстоящего на 11 километров от Брюсселя. Хотя эти три потока представляют собою избыток всей жидкой массы, падающей из атмосферы на пятую часть пространства Бельгии,—они имеют вид больших ручьев до тех пор, пока не усиливаются приливной волной; Рупель, образующийся из их соединения, обязан морю своей шириной, глубиной и режимом своих вод: это скорее морской канал, чем пресноводная река. В прежнее время сельди поднимались вверх по Рупелю огромными стаями, и прибрежные жители ловили эту рыбу массами для удобрения своих полей[3], а тюлени и теперь еще иногда появляются в водах Антверпена.

Во всей низменной части Бельгии различные потоки так хорошо канализованы и соединены один с другим посредством судоходных путей, естественных и искусственных, что среди этой водной сети теперь невозможно распознать прежнее течение вод: каналы, речки и ручьи сделались дотого похожими, что их легко смешать. По исследованиям Вифкена (Vifquain) и других гидрографов, Шельда, Лис, Диле, Дендра, которые ныне изливаются в море через одно и то же устье, впадали прежде в разные морские бассейны и обязаны своим соединением труду человека. Река Лиева (Lieve), соединяющаяся теперь с Шельдой и Лис в городе Генте, прежде была, как кажется, рукавом этой последней, который потом отделился от главной реки[4]. Вообще сеть естественных потоков и искусственных каналов в этой области до такой степени перепутана, что самый ученый географ-историк не в состоянии ориентироваться в этом хаосе вод; можно сказать, вместе с Альфонсом Бельпером, что, благодаря многочисленным каналам страны, река Лис течет по всем направлениям, продолжаясь до Брюгге и Остенде, хотя оффициально течение её оканчивается в Генте. Этот последний город, опасаясь наводнений от разлива протекающих через него рек Шельды и Лис, не переставал, в продолжение почти тысячи лет, рыть водоотводные каналы к нижней Шельде, чтобы избавиться от излишка вод, а голландцы, владеющие заливом, куда впадает эта река, нередко заваливали эти предохранительные рвы, вследствие чего гентцы принуждены были рыть в других пунктах, увеличивая таким образом лабиринт каналов. Точно также главный лиман Шельды следовал прежде совсем другому направлению; в исторические времена он не переставал наклоняться к западу. Некогда Гонт, или западная Шельда, сделавшаяся ныне главным торговым путем Антверпена и всей Бельгии, была простым протоком, очень мелким, доказательством чего служит тот факт, что в 1058 году целые процессии, странствовавшие из деревни в деревню, направлялись вдоль фландрского берега и без труда переходили на остров Вальхерен[5]. Если верить средневековым хроникам, в 1173 г. дюны во Фландрии и на Вальхерене были на большом протяжении снесены ветром, и через образовавшееся в этом месте широкое отверстие воды моря получили доступ в Шельду[6]: этот новый лиман вначале носил название «Долларт» (то-есть «Бешеный»), подобно заливу Фрисландии, в который впадает река Эмс[7]. До этого вторжения морских вод западная Шельда со-

1 Stcssels, „Port d'Anvers“.
2 Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqo'au Danemark“.
3 Van Beneden, «Patria Belgica», t. I.
4 Du Fief „Patria Belgica“. II.
5 Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“.
6 Stessels, „Le Fort d'Anvers“.
7 Карта Фландрии, составл. Меркатором;—Wauwermanns, „Bulletin de la Societe de Geographie d'Anvers“,

единялась с Маасом через рукав восточной Шельды, проходя в соседстве Берген-оп-Цоома и Толена; в 1867 году этот пролив был уже так узок, что через него можно было перекинуть железнодорожный путевод, а теперь он окончательно засорился песком.

Когда морские воды могли свободно входить в Шельду, вся нижняя часть её, от Антверпена до устья в собственном смысле, имела скорее вид залива, нежели реки. Течение её легко перемещалось среди тинистого побережья, смотря по напору приливов и бурных ветров; в час прилива вода разливалась на необозримое пространство по так называемым шорренам (schorrens), которые опять показывались в период отлива, пересекаемые по всем направлениям каналами с изменчивым ложем. Даже выше Антверпена Шельда, усиленная приливной волною, была настолько широкою рекой, что неприятельские флоты могли сражаться на ней, точно на море. Так, например, в 1302 г. мехельнские корабельщики, воевавшие с герцогом Брабантскпм, были разбиты войсками этого государя на обширной водяной площади, находившейся при слиянии Рупеля, в местности, которая в наши дни почти вся занята гингенскими польдерами. Среди аллювиальных земель возвышались doncken, искусственные холмики, подобные голландским terpen.

Но, начиная с одиннадцатого столетия, прибрежные жители стали обводить плотинами эти затопляемые приливом пространства и превращать их в культурные земли; в двенадцатом веке хроники уже определенно говорят об устройстве плотин на шорренах Шельды; под 1124 годом упоминается о польдере Лилло, ниже Антверпена[1]. Эмиль де-Лавеле исчисляет в 50.000 гектаров земледельческую площадь, которою увеличилась Бельгия с тринадцатого столетия посредством обведения польдеров плотинами; с 1815 года приобретение этим путем новых земель превышает 8.000 гектаров, и культурная территория может еще много увеличиться, так как лиман Шельды, от Флессингена до Бургта, выше Антверпена, обнимает, смотря по высоте прилива, от 22.352 до 33,612 гектар.[2]. Но осуществление какого-либо общего плана по преобразованию этих периодически заливаемых водою земель в пахатные поля, защищенные плотинами, сделалось очень затруднительным по причине разделения территории между двумя независимыми государствами, из которых каждое имеет свои специальные интересы и собственный корпус инженеров, следующий своим особенным традициям. Нынешния завоевания земледелия в этой области составляют частию лишь возврат пространств, присоединенных к твердой земле в прежния времена, начиная с половины шестнадцатого столетия. Осада Антверпена герцогом пармским Александром Фарнезе, продолжавшаяся с 1583 по 1585 год,—осада, которая была одним из крупных военных фактов в истории Нидерландов,—имела, вместе с тем, весьма важное значение для физической географии страны; физиономия края совершенно изменилась, и до сих пор еще можно видеть следы этого великого события в равнинах Антверпенской области: некоторые из прежних польдеров Заафтингена, простиравшиеся к северу от Гульста, на голландской территории, остаются и поныне под водой, равно как и другие пространства, затопленные еще в 1542 году, во время сильной бури. Взамен того, болота, осушенные и защищенные плотинами по распоряжению пармского герцога, и теперь еще принадлежат к плодоноснейшим местностям Бельгии: к этой эпохе относится преобразование большей части области Вес в цветущий сад[3]. При конце осады поверхность затопленных польдеров превышала 300 кв. километров; выше Антверпена берега Рупеля были покрыты водой почти до самого Мехельна; ниже—почти все земли, которые прибрежные жители успели оградить плотинами, начиная с двенадцатого столетия, были снова отданы во власть моря, одни—осажденными, которые хотели этим средством заставить удалиться неприятельские войска, другие—осаждающими, которым нужно было открыть проход своим кораблям. Самые ожесточенные и кровопролитные битвы происходили на узкой земляной насыпи, соединявшей форт св. Иакова с фортом

t. 1, 5 fasc. 1877.

1 Куммер, „Annales des traveaux publics de Belgique“, II, 1874.

2 Стессельс, „Le port d'Anvers“.

3 Мотлей, „История Нидерландов“

св. Креста, и обладание которою составляло для обеих воюющих армий вопрос жизни или смерти. Часто траншеи, уже выведенный для разрыва насыпей, наполнялись трупами убитых воинов.

Длина течения Шельды, от истока до Антверпена—332 километр.; длина течения её в Бельгии—212 километр.; средний дебит этой реки при входе её в Бельгию—57(?) кубич. метр. в секунду; в устье, по Бельперу—200(?) кубич. метр. в секунду.

Еще более значительные перемены,—сравнительно с переменами, произведенными на берегах Шельды,—совершены были трудом человека в бассейне Изера (Yser или Ijzere) и других речек, впадающих непосредственно в Северное море. При устьях этих маленьких потоков древние бухты совершенно исчезли от действия постепенно отлагавшихся морских наносов; торговые порты превратились в земледельческие селения, и бассейны, в которых плавали большие купеческие корабли, сменились польдерами, где теперь можно встретить только паромы да крестьянские челноки, снующие по водоотводным рвам и канавам. В 1116 году порт Ломбардзид был совершенно засыпан песком во время сильной бури, вследствие чего принуждены были открыть «Новый порт» (Nieuport, Nieuwport), который, благодаря течению реки Изер, сохранился до сего дня. Брюгге—тоже один из этих покинутых портов: прежде здесь корабли могли легко подниматься с приливом, что, вероятно, и было причиной основания города в этом месте. Впоследствии большие суда должны были останавливаться в городке Дамме, куда иногда зараз, в один прилив, входило по 100 и по 150 судов. Так как отложение наносов и обмеление вод продолжалось непрерывно, то главный порт основался гораздо ниже на лимане Цвин, там, где в 1213 году происходила страшная морская битва при Слюйсе (Sluis, l'Ecluse, т. е. шлюз) между флотом Филиппа-Августа, состоявшим из 200 парусных судов, и союзными флотами фламандцев и англичан. В свою очередь, и рейд Слюйса постепенно обмелел, так что в наши дни даже маленькия шлюпки в несколько тонн вместимости с трудом поднимаются до пограничной голландской деревни. Колоссальные плотины Слюйса, о которых говорит Дант в своей «Божественной комедии»[1], сделались бесполезны как оплот против вторжений моря; последнее само отступает от берегов, и залив Цвин, еще столь обширный в конце шестнадцатого столетия, как показывает карта его, оставленная живописцем Петром Пурбусом в ратуше города Брюгге, представляет в настоящее время лишь незначительный вырезок в линии побережья, который инженеры предлагают совсем завалить. Голландское местечко Слюйс, с его грозными укреплениями, которым теперь нечего более защищать, бельгийский городок Дамме, с его прекрасными муниципальными зданиями, почти покинутыми, наконец, и самый город Брюгге (Bruges), с его пустынными улицами, свидетельствуют своим видом о важных переменах, происшедших в географии страны. Правда, «северная Венеция», как называли в старину Брюгге, была снова соединена с морем посредством канала, глубиною более четырех с половиною метров, впадающего в Остендский порт, но прежняя кипучая торговая жизнь не вернулась.

В то время, как воды морской поверхности приносят песок, из которого образуются прибрежные дюны, и ил, который постепенно засаривает лиманы, нижние слои жидкой массы не перестают подтачивать подводное основание берегов. Куски торфа, где находят дубовые листья, лесные орехи и даже семена дрока, равно как другие обломки, происходящие от погрузившихся в море земель, каждый день выбрасываются волной на низкий песчаный берег, свидетельствуя о процессе размывания, совершающемся в глубинах моря. На берегу, около деревни Гейст (морские купальни), между остатками ныне живущих в Северном море видов моллюсков, иногда встречается ископаемая раковина эоценовых формаций, cardita planicosta[2]. Достоверно известно, что побережье бельгийской Фландрии уже в историческую эпоху отступило перед надвигающимся морем внутрь материка, по крайней мере, к востоку от Ньюпорта: доказательства, собранные Антуаном и Альфонсом Бельпер, не оставляют ни-

1 „Inferno“, XV, 4-6.

2 Э. Дюпон, „Patria Belgica“, 1, p. 38.

какого сомнения в этом отношении[1]. Город Остенде формой своего берега тоже указывает на следы разрушительного действия морских волн в продолжение трех последних столетий: морская плотина, на которой стояла старая цитадель, выступает метров на двести из-за общего профиля побережья; пространство, на котором она была построена, сохранилось на прежнем месте, тогда как по обе стороны его низкий песчаный берег должен был отступить перед водами моря. В целом, побережье Бельгии, в том виде, какой оно приняло с той поры, как заливы его засорились, отличается замечательною правильностью: оно почти прямолинейно; но чтобы защитить его от нападении моря, принуждены были построить во многих местах плотины, следующие непрерывным рядом вдоль берега. В Европе мало найдется морских берегов, которые приходилось бы укреплять при помощи сооружений, подобных, по громадности размеров, дамбам и перемычкам, которыми усажены берега в соседстве городка Бланкенберге и селения Гейст, и которые заменили собою древнюю плотину, известную под именем «Плотины графа Жана». Все это побережье очень бедно раковинами, по причине недостатка скал и подводных камней, где они могли бы прикрепляться: из общего числа известных нам видов моллюсков (около 9.000) в песках морского берега Бельгии найдено было только 158 различных видов[2]. Многочисленные банки из мелкого песку, черного или сероватого, расположены параллельно берегу и кое-где возвышаются в виде так называемых поллертов (pollaerts), очень опасных для мореплавателей, потому что во время отлива глубина на мелях не превышает 3 метров; прилив, средняя высота которого около 4 метров, недостаточен для того, чтобы суда большего водоизмещения могли безопасно плавать среди этих скрытых под водой камней.

По своему положению между океаническим поясом западной Европы и равнинами северной Германии, равно как по контрасту своих низменных областей с южными нагорьями, составляющими крайний выступ скалистых высот европейского континента, Бельгия принадлежит к трем различным климатам: на западе, температура времен года и метеорологические явления те же самые, как во Франции и Англии на обоих берегах Па-де-Кале; на востоке, в соседстве с Германией, климат имеет более континентальный характер,—зимы холоднее, чем в предъидущей полосе; на юго-востоке, в области Арденнского плоскогорья, средняя температура всего года ниже, и местные климаты более разнятся между собою по причине различия экспозиций (расположения местности относительно стран света, ветров и т. д.). Летом вся низменная Бельгия, от Фюрна до Моресне, имеет одинаковый климат: одни и те же культурные растения созревают там в одно и то же время; но зимой восточные равнины часто бывают покрыты снегом, тогда как на западе, в соседстве с атлантическим прибрежьем, снежные хлопья тотчас же тают, как только упадут на землю. Наконец, среднюю разность между температурой равнин Брабанта и Фландрии и нагорьем Гот-Фань (Hautes Fagnes) можно считать равною 3 градусам. Эта разность в 3 градуса между основанием и вершинами Арденнов равняется разности, которую путешественник наблюдает, отправляясь с берегов Бельгии к берегам южной Норвегии[3]. Средняя климата низменной Бельгии очень близко подходит к климату Брюсселя, лежащего в центральной области страны: это, впрочем, один из городов мира, где метеорологические явления, благодаря трудам знаменитого Котле, были наилучше изучены[4]. Средняя температура Брюсселя немногим ниже средней температуры Парижа: из наблюдений, обнимающих период времени в 1833 по 1872 год, вычислено, что средняя температура года в первом из этих городов равна 9°,24; средняя температура весны: 9°,13; лета: 17°.36; осени: 10°,27; зимы: 2°,87[5]. Но крайности тепла и холода, в бельгийской столице значительнее: в январе и феврале различных годов констатированы из-

1 „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".
2 Нист, „Patria Belgica", I, p. 392.
3 J. C. Houzean, „Essai d'une geographie pbysique de la Belgique"; „Patria Belgica, t. I.
4 Ad. Quetelet, „Meteorologie de la Belgique, comparee a celle du globo".
5 Ernest Quetelel, „Bulletins de l'Academie de Belgique". 1875.

менения температуры, достигавшие 32°,3 и даже 34°,8[1]; разность между среднею температурой июля и среднею температурой января равна 16 градусам: следовательно, она четырьмя градусами больше, чем в Англии, шестью градусами меньше, чем в центральной Германии. Подобно тому, как это мы видим во всей западной Европе, воздушные течения, идущие с запада и юго-запада, несут тепло, тогда как ветры, дующие с севера и северо-востока, охлаждают атмосферу. Теплые или жаркие ветры дуют всего чаще, даже во все времена года; в среднем выводе, ветры, дующие из четверти горизонта, заключающейся между 15 градусами к северу и 75 градусами к югу от истинного запада, одни уравновешивают ветры, исходящие из трех других четвертей. Наблюдения показали, что сила атмосферных течений больше зимой, нежели летом, больше днем, нежели ночью. Распространяясь от запада к востоку, средний ветер Бельгии принимает направление все более и более косвенное в отношении меридиана: когда он дует с юга в Остенде и Генте, он уже над Брюсселем уклоняется от этого направления и дует с юго-запада; для городов же, лежащих близ германской границы, этот ветер становится почти западным[2].

Так как в Бельгии преобладают влажные ветры, дующие с Северного моря и с Атлантического океана, то воздух там постоянно наполнен водяными парами, и в зимние месяцы очень часто бывают туманы. В Брюсселе средняя влажность воздуха: в июне 75%, в декабре 93%. Количество дождевой воды, падающей на страну, значительно; будучи меньше количества, изливающагося на скаты Альп и Пиренеев, оно, несомненно, превышает жидкий столб, измеряемый дождемерами в равнинах Франции. Почти вся западная полоса Бельгии орошается в продолжение года 70 или 80 сантиметрами дождя, тогда как к востоку от реки Маас количество дождевой воды возрастает с повышением рельефа почвы.

Средняя высота слоя дождей, выпадающего в течение года:

Гент—0,777 метр. (16 лет наблюд.); Брюссель—0,712 метр. (30 лет наблюд.); Лувен—0,721 метр. (13 лет наблюд.); Люттих—0,750 метр. (7 лет наблюд.); Ставелот—1,029 метр. (3 года наблюдений).

По всей Бельгии дождливые дни очень часты; но число их значительно разнится по годам: так, например, в Брюсселе в 1857 году таких дней было только 154, а в 1860 году их насчитали 244; точно также количество выпадающей из атмосферы воды в некоторые годы бывает вдвое больше, чем в другие. Как бы то ни было, жители никогда не могут рассчитывать на ряд ясных дней; в среднем выводе число безоблачных дней не превышает 12 в год. По наблюдениям Ад. Кетле, в Брюсселе, средним числом, дождливых дней бывает 197, туманных 60, дней со снегом 25, дней с градом 10[3]. Сентябрь всегда самый тихий и самый ясный месяц в году.

II.

Так как Бельгия лежит под одним небом с Галлией и Германией, то и органический мир её, естественно, должен был состоять, вообще говоря, из растений и животных той же самой породы; в сравнении с соседними странами, она представляет в этом отношении лишь незначительные различия или, вернее сказать, простые переходы от флоры к флоре и от фауны к фауне. Однако, некоторые виды находят здесь свою границу от действия климата. Так, например, каштановое дерево, которое не переходит за пределы поясов, где средняя температура января достигает по малой мере двух градусов, неизвестно в Арденнах и очень редко встречается во Фландрии, где плоды его с трудом созревают. Маис, требующий жары летом, не удается в местностях сырого морского прибрежья, но отлично родится на южном склоне Арденнских гор. Наконец, виноград, который хорошо выносит зимние холода, не может произрастать по недостатку необходимой для него теплоты в летние месяцы, и потому бельгийские равнины не производят виноградного вина; виноградники существуют только на бе-

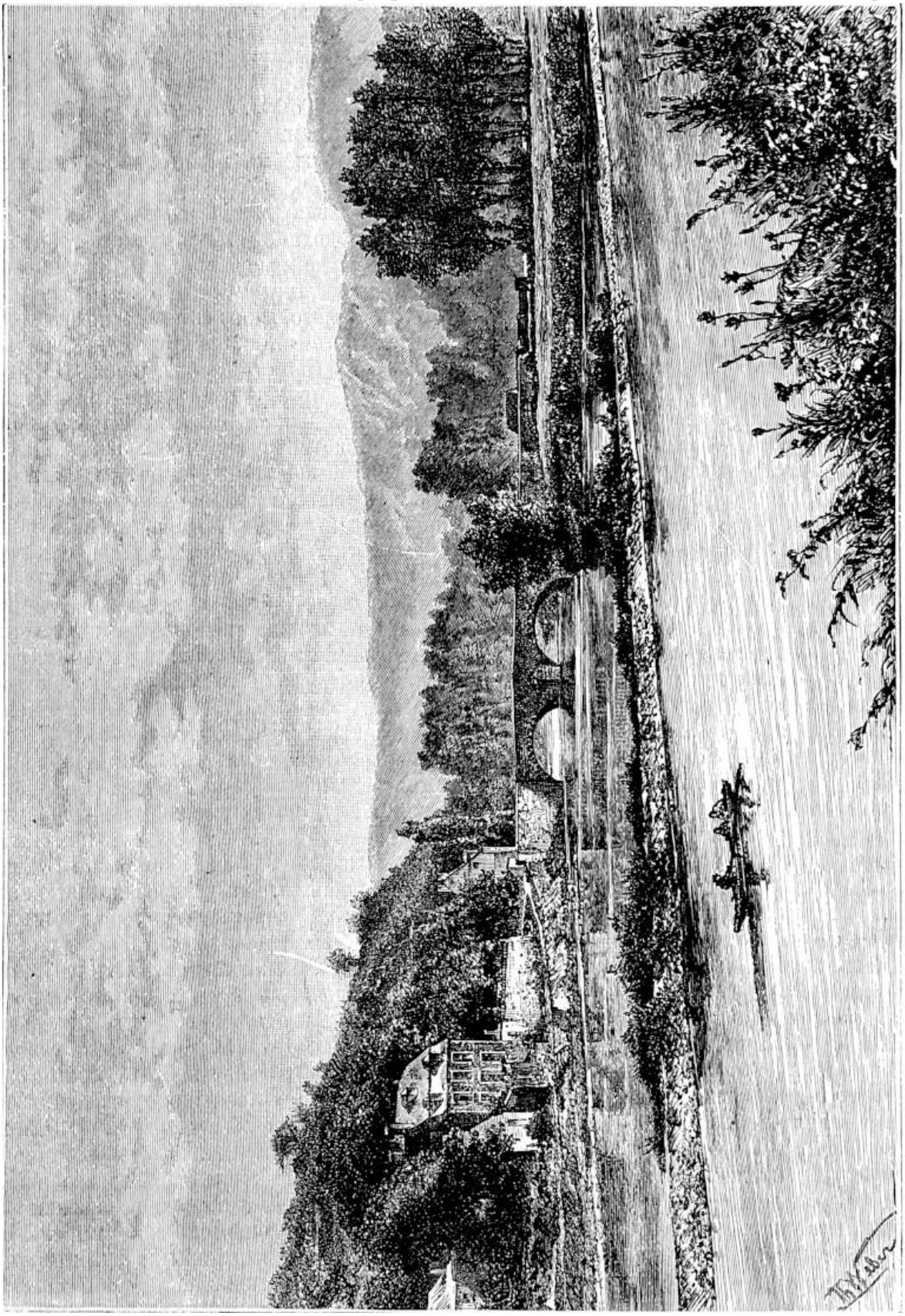
1 Ad. Quetelet, „Metdorologie de la Belgique, comparee a celle du globe“.

2 Ad. Quetelet, „Meteorologie de la Belgique".

3 Ad. Quetelet, „Meteorologie de Ia Belgique, comparee a celle du globe“.

регах реки Маас[1].

Подобно тому, как во Франции и Германии, виды животного царства стали и в Бельгии менее многочисленны, вследствие разработки почвы для целей земледелия и истребления



Входъ въ долину Лесса.

древних лесов. Из больших млекопитающих, лось, первобытный бык (bos urus), зубр исчезли из этой страны уже с первых времен исторического периода; бурый медведь, который

1 J. C. Houzeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique"

жил еще в лесах Геннегау в двенадцатом столетии нашей эры, давно уже перестал бродить даже в самых уединенных уголках Арденнов. Рысь тоже принадлежит к числу животных, порода которых вывелась в крае в течение последних двадцати столетий. Млекопитающее средней величины, бобр, долго выдерживал против цивилизованного человека борьбу за существование, но и он, наконец, пал; точно также и ежу, который теперь находит убежище в худо содержимых изгородях, грозит истребление в близком будущем. Взамен вымерших видов Бельгия приобрела двух грызунов—черную крысу и пасюка, пришедших несметными колониями, первая после крестовых походов, последний в прошлом столетии. Эти новые пришельцы едва-ли не страшнее для земледелия, чем были некогда медведь и рысь[1].

Само собою разумеется, что древняя фауна страны всего лучше могла сохраниться в Арденнах, благодаря дикому характеру местности и уединенным пустыням, которые человек еще оставляет там. Косуля до сих пор часто встречается в этой части Бельгии. Олень, некогда столь распространенный во всей стране, попадается еще в некоторых лесах Люксембурга, особенно в окрестностях Сен-Гюбера, легендарного города охотников; впрочем, если эта порода животных еще не истреблена окончательно, то этим она обязана некоторым крупным землевладельцам, которые держат оленей в своих парках для собственной охоты. Дикий кабан или вепрь, более обыкновенный, нежели олень, живет также в арденнских лесах, откуда делает набеги, очень опасные для сельских хозяев, в Кондрозе и до самых ворот Люттиха; он не истреблен даже в области между реками Самброй и Маасом. Волк, за голову которого назначена премия, лисица, куница, ласочка, каменная куница или белодушка, хорек, барсук, дикая кошка, белка, заяц, кролик и разные мелкие грызуны также принадлежат к нынешней фауне Бельгии, равно как речная выдра, которая еще ловит рыбу в Семуа, самой рыбной реке Бельгии[2]. На необработанных плато водятся куропатки и рябчики. Еще не все животные, обитающие на бельгийской территории, оделись в ливрею слуг человека. По словам Гузо (Houzeau), последний след рыцарского искусства соколиной охоты сохранился в Арендонке, где и до сих пор приручают соколов для ловли дичи.

Известно, какое важное значение приобрели, в области археологии, открытые в Бельгии древние пещеры с костями ископаемых животных; но драгоценные остатки, найденные в этой стране, принадлежат не одним только животным, порода которых погибла: между разбросанными по дну пещер костями встречаются также кости людей, живших здесь в доисторические времена. Такие гроты, как грот Гойе, в котором найдено не менее ста пятидесяти «пещерных медведей», конечно, очень любопытны; но несравненно больший интерес представляет пещера Энжис, близ Люттиха, где Шмерлинг нашел, в 1833 г., человеческий череп, лежавший вместе с костями носорогов, слонов и других больших животных, ныне исчезнувших. Эта счастливая находка подтвердила открытие ископаемого человека, сделанное Турналем, из Нарбонна, в 1828 году; она доказала несомненным образом, что человек был современником всех этих исполинских толстокожих первобытного мира, что он вел борьбу из-за обладания пещерами, служившими ему убежищем, с медведями разных пород, с гиенами, львами и другими свирепыми хищниками. Доказательства, представленные Шмерлингом, были неопровержимы; однако, рутина долго еще сохраняла в школах противоположную теорию, пока, наконец, открытия, сделанные в долине Соммы, не установили окончательно истины.

Древнейшим обитателем бельгийской территории, без сомнения, следует считать того человека, которому принадлежал грубо иссеченный кремень, найденный в Месвенской траншее, близ Намюра. Этот современник мамонтов и носорогов имел, конечно, самую простую, первобытную промышленность, как и люди той же эпохи, обитавшие в долинах Соммы, Сены, Темзы. Он жил преимущественно на равнинах; однако, остатки его встречаются также

1 Selys-Longchamps, „Patria Belgica“ t. I.

2 J. C. Houzeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique“.

в некоторых пещерах холмов[1].

Очаровательная долина реки Лессы, соединяющаяся с долиной Мааса немного выше города Динана, до недавнего времени редко посещалась туристами, несмотря на горделивый вид утесов, которые над нею господствуют, и пропастей, в которых кружится кристаллическая вода горного потока. Но в 1864 году она вдруг приобрела громкую известность, когда геолог Дюпон открыл часть её обширных доисторических сокровищ. Близ деревни Фюрфоз, стены скал, возвышающихся над рекой Лессой, изрыты многочисленными пещерами, между которыми замечательна так называемая «Чортова дыра» (le trou des Nutons); народное суеверие, может быть, питаемое каким-нибудь смутным преданием, считает ее жилищем нечистых духов, называемых по-местному nutons и sotais. Эти-то пещеры и служили убежищем туземным жителям в эпоху, известную под именем каменного века. Троглодиты берегов Лессы знали употребление огня, который они добывали посредством удара кремня о кусок колчедана. Живя исключительно звериной ловлей, они не имели ни одного домашнего животного; даже собаки у них не было. Будучи очень плотоядными, они употребляли в пищу по меньшей мере сорок восемь различных видов животных, остатки которых найдены в гротах. Были ли они людоеды? По мнению г. Дюпона, нет достаточного основания отвечать на этот вопрос утвердительно; однако найденные в некоторых местах человеческие кости, расколотые и носящие отпечаток зубов, заставляют думать, что по крайней мере обитатели пещеры Шово (Chauvaux) питались человеческим мясом, подобно многим племенам современных им европейцев. Дикие троглодиты очень любили наряды, судя по многочисленным ожерельям из раковин и просверленных зубов, найденным на дне гротов, по красной краске, которую они, может быть, употребляли для раскрашивания лица и тела, и по обделанным костям, которым археологи дали название «предводительских жезлов». Некоторые из этих костей носят знаки грубых рисунков. Эти доисторические обитатели края вели уже значительную торговлю, ибо они должны были добывать издалека большую часть материалов, в которых они нуждались для своей промышленности. Так, кремень, которого нет ни в Кондрозе, ни в области, заключающейся между Самброй и Маасом, они, вероятно, доставали или из окрестностей Маастрихта, или с южной оконечности Шампаньи. Ископаемые раковины, которые они употребляли, были приносимы с Реймской горы; полипники, тоже ископаемые, получались из местностей около Вузье (Vouziers), гагат—с границ Лотарингии; наконец, шифер добывался из скал Фюме. Все эти обломки различного происхождения покрывают пол пещер, которые, нужно заметить, содержались с крайнею небрежностью. Разлагавшиеся остатки пищи, а также сырость, просачивавшаяся сквозь стены, без сомнения, делали эти первобытные жилища очень вредными для здоровья; и действительно, человеческие кости, находимые в пещерах, носят на себе явные следы английской болезни[2]. Вообще говоря, эти пещерные люди были маленькие: рост их не превышал 140 сантиметров.

Три последовательные уровня долины Мааса соответствуют трем ступеням цивилизации троглодитов. Когда эта река имела несколько километров в ширину и воды её доходили до входа верхних гротов, каковы, например, гроты Магрит и Нолет, где в то время укрывался человек, последний должен был вести борьбу с мамонтом, носорогом, львом, пещерным медведем, пещерной гиеной. Впоследствии, когда понизившийся Маас омывал вход пещер второго яруса, человеку уже не нужно было бороться с этими страшными врагами; в тогдашних его жилищах находят только остатки животных, которые до сих пор водятся в Европе, но переселились в другие страны, как-то: остатки северного оленя, серны, каменного барана. Наконец, на нижнем уровне долины, некогда обитаемые гроты содержат лишь кости домашних животных или диких зверей, породы которых доныне существуют в крае.

В эту последнюю эпоху уже начались иноземные нашествия в Бельгию; мы находимся в периоде шлифованного камня, тогда как в пещерах двух верхних уровней долины Мааса все инструменты и оружие сделаны из расколотого или грубо отесанного камня, из кости или

1 G. de Mortillet, „Рукописные заметки“.

2 E. Dupont, „L’homme pendant l’age de la pierre“.

оленьего рога. К этому периоду полированного камня, вероятно, относятся и знаменитые могилы грота Фронталь (trou du Frontal), названного так по лобной кости человека, которая была там открыта одним из первых ударов заступа. Эта пещера была обитаема в эпоху северного оленя и, по всей вероятности, служила кладбищем, так как в ней нашли кости шестнадцати человеческих скелетов и, кроме того, множество различных вещей, положенных подле умерших.

В те времена, когда жители страны хоронили своих покойников в гроте Фронталь, раса была уже сильно смешанная; между костями, найденными в этом пещерном кладбище, ученые признали три различные типа[1]. Однако, главный тип отличается удлиненным черепом, с резко выдающимися дугами бровей, и «фюрфозский человек» имел еще многочисленных представителей в стране[2]. Смешанное население века шлифованного камня состояло уже из земледельцев, промышленников и торговцев. У него были уже домашния животные, заводы для приготовления глиняной посуды, мастерские для выделки оружия. В окрестностях города Монса, близ деревни Спиенн, обширное пространство земли усеяно кремнями, частию обделанными, в таком большом числе, что местные жители прозвали это пространство «полем голышей» (Camp des cayaux). Это, очевидно, остатки обширной мастерской топоров и других орудий, для фабрикации которых материал добывался на месте, из подлежащих пластов меловой формации; подпочва оказалась изрытою по всем направлениям шахтами и галлереями[3]. Большая часть кремневых орудий, находимых на поверхности земли во Фландрии, вышла, без сомнения, из этой геннегауской мастерской, где, впрочем, топоры, как кажется, фабриковались только вчерне, в неотделанном виде. По всей вероятности, люди этого века должны были выдержать удар германских нашествий, предшествовавших эпохе завоевания края римскими легионами. Что касается культа долменов (друидических памятников над могилами), то он, повидимому, мало был распространен в этой стране, так как камни этого рода редко встречаются на бельгийской территории; для погребения усопших обыкновенно употреблялись естественные пещеры. Могильные курганы считались прежде сотнями на водораздельной возвышенности между Тирлемоном, Тонгром и Маастрихтом, но все они были срыты[4]. Сложенные в кучу камни, которые, может быть, были посвящены, в германскую эпоху, Брингильде, воинственной Валькирии, сделались, в народной речи, «камнями Брунегильды», австразийской королевы, возвеличенной воображением людей[5].

По замечательному совпадению, контраст, существующий в общем виде природы между юго-восточной Бельгией, то-есть холмистою частью страны, и северною и западною полосой, то-есть областью равнин, воспроизводится и в характере самых населений, валлонов и фламандцев: между этими двумя этнографическими элементами замечается резкая противоположность. Линия, проведенная из Сент-Омера в Маастрихт, через среднюю Бельгию, указывает почти точным образом северо-западную границу валлонского языка, тогда как другая линия, направляющаяся от Маастрихта к Мецу, означает, с гораздо меньшею правильностью, восточный предел той же речи. Вершина угла этой глоттологической области, лежащая под 50° 50' северной широты, есть крайний северный пункт, где говорят языком, принадлежащим к латинской семье. За пределами этой области одержали верх германские наречия: на востоке говорят верхне-немецким (hoch-deutsch) и нижне-немецким (platt-deutsch), на севере и западе голландским диалектом.

Статистика, составленная, под руководством Вандеркиндере, во всех школах Бельгии, и обнимающая свыше 60.000 детей, доказала, что весь север страны есть область белокурого типа: провинция Антверпен, Лимбург, две Фландрии и север Брабанта составляют по пре-

1 E. Dupont, „Patria Belgica“, t. I, 346
2 De Quatrefages, „L'Espece humaine“.
3 Cornet et Briart, „Bulletin de l'Academie de Belgique“, t. XXV, p. 126, 1868.
4 Bauduin, „Рукописные заметки“.
5 Simrock, „Mythologie“; Vanderkindere, „Recherches sur l'enthologie de la Belgique“.

имуществу пояс голубых глаз и светлых волос. Линия, указывающая границу языков фламандского и валлонского, образует приблизительно демаркационную черту между двумя типами. Разделение между блондинами и брюнетами здесь гораздо яснее, чем в Германии, где смешанная группа значительнее.

По общепринятому мнению, валлоны—народ галльского происхождения, тогда как фламандцы должны быть признаны потомками германцев. В основе этого мнения есть, конечно, доля истины; но не подлежит сомнению, что смешение племен посредством браков было во все времена весьма значительно в этих краях, столь часто подвергавшихся иноземным нашествиям и постоянно посещаемых торговым людом из всех частей Европы. При том же туземные жители, населявшие страну в эпоху, предшествовавшую вторжениям арийских народов, без сомнения, доставили своим потомством один из важнейших этнографических элементов нынешней Бельгии. Не говоря уже о «фюрфозском человеке» (l'homme de Furfooz), антропологи указывают во всех частях бельгийской территории родовые группы и даже целые населения, тип которых никоим образом не может быть приурочен к типу галлов или арийских германцев. В долине Мааса и в провинции Геннегау (Hainaut) часто можно встретить женщин с желтоватой кожей, с черными волосами и глазами, с узким и выдающимся лбом, с широким лицом, очень низкого роста, так что, глядя на этих существ странного вида, невозможно отделаться от мысли, что находишься в присутствии людей другой породы. Процентное отношение типов в Бельгии: блондины составляют 42,29%, брюнеты 27,50%.

Во многих сельских общинах западной Фландрии, на юг от Диксмуда, бедняки, единственный промысел которых—приготовление метел и веников, живут в шалашах и в логовищах, вырытых в земле. На территории восточной Фландрии эти «лесные люди», Boschkerlen, еще гораздо многочисленнее. В Зеле, где они известны под именем Burjongs или «работников на фермах», они по большей части служат разносчиками и говорят особым жаргоном, совершенно отличным от местного наречия[1].

Гюйтенс указывает в гентской Фландрии многие роды или группы населения, которые также разнятся от других жителей края и отличаются менее высоким ростом, большею частью черными волосами, темно-карими глазами, более живым и веселым характером, меньшею методичностью и последовательностью в поступках. Но, как показывают таблицы народной переписи, тип брюнета встречается во всей Бельгии, не только в Люттихской области, где он представляет около половины общего числа жителей, но также и на фламандской территории, где этот тип составляет треть или четверть населения[2].

Почти все антропологи усматривают в этом смуглом элементе долю влияния, которая должна быть приписана прямому потомству древнейших, до-арийских племен страны. Этот элемент, во всех отношениях сходный с тем, который мы находим в соседней Франции под именем галльского типа, и который многими писателями приписывается лигурам, объясняет большое число людей с округленною головой и малорослых, которые встречаются в обеих Фландриях. Но было бы ошибочно приписывать образование этого типа этническому влиянию испанцев, которые некогда жили и господствовали в стране, составляющей нынешнюю Бельгию[3]. Нельзя, конечно, отрицать этого влияния, о котором свидетельствуют многие доселе сохранившиеся родовые имена или фамилии, но оно было сильно преувеличено некоторыми писателями.

Что касается по большей части галльского происхождения валлонов, то-есть «галлов»—таково значение в германских языках слова валлон,—то оспаривать его могут только писатели с предвзятыми идеями. Бельгийские народцы, о которых говорят древние авторы, носят галльские имена, и от границ Франции до нынешней Голландии мы находим множество городов с галльским названием[4], каковы, например, Намюр, Динан, Корториакум

1 Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".
2 Ruelens, „Congres geographique d'Anvers".
3 Selys-Longchamps, „Patria Belgica", I.
4 Grandgagnage, „Memoire sur les anciens noms de lieux de la Belgique orientale".

(Cortoriacum, ныне Куртре), Лугдунум (Lugdunum), Новиомагус (Noviomagus, ныне Нимвеген). Римское завоевание сделало в бельгийской земле то же, что и в остальной Галлии—оно ввело латинский язык, который, постепенно изменяясь в течение веков, превратился в валлонский посредством процесса, аналогичного тому, которым образовались языки итальянский, провансальский, французский. Многочисленные колонисты германской расы, поселившиеся среди валлонов в бассейне Мааса, стояли на более низкой степени цивилизации, и потому, естественно, должны были принять язык туземного населения. Однако, влияние их оставило по себе заметные следы в диалектах, преобладающих около границы. Люттихское наречие,—самое богатое из валлонских наречий по своей литературе и наиболее разработанное, без сомнения, по причине важности города, где им говорят,—усвоило множество германских слов, даже некоторые грамматические обороты немецкого происхождения и отличается сильными придыханиями. Наречия намюрское, монское, турнезийское ближе подходят к диалектам, употребляемым во Франции; последнее, то-есть турнезийское, мало разнится от валансьенского наречия [rouchi de Valenciennes][1]. Всего менее немецкий язык имел влияния на валлонский диалект, как кажется, в провинции Геннегау, где число иммигрантов германского племени в продолжение всего средневекового периода было весьма незначительно[2].

По физическим качествам валлона легко отличить от его соотечественника-фламандца. Первый имеет гораздо более костлявую фигуру, более сильные члены, более угловатое тело; мясистые части у него менее развиты; он редко имеет свежий и румяный цвет лица, какой так часто встречаешь между германцами, жителями равнин: вообще он не может похвалиться ни красотой, ни стройностью форм. Между валлонами больше встречается рослых мужчин, чем между жителями Фландрии: при наборах средний рост конскриптов всегда оказывается самый высокий в провинциях с населением галльского типа, в Намюре и Люксембурге. Валлоны имеют еще то преимущество над фламандцами, что они вообще долговечнее их и менее подвержены болезням. Так, между тем, как в обеих Фландриях и в провинции Антверпен насчитывают 90 смертных случаев на 100 рождений, в четырех валлонских провинциях, Геннегау, Намюре, Люттихе и Люксембурге, число этих случаев не превышает 70. Чему приписать эту относительную долговечность валлонов—влиянию ли расы или скорее сравнительно большему материальному довольству и более благоприятным санитарным условиям? Они пользуются более значительным благосостоянием, живут в более возвышенных и более здоровых местностях и сгруппированы менее скученными населениями; в этом, может быть, и заключается причина большей продолжительности жизни. В средние века фламандцы,—которым, впрочем, благоприятствовало географическое положение их страны, столь выгодное для торговли и промышленности,—вообще говоря, превосходили, если не люттихцев, то, по крайней мере, других валлонов, не только богатством, но также действительною цивилизацией и практикой свободы. Большие перевороты, театром которых была Бельгия, и медленные преобразования, совершившиеся в массе народа, постепенно переместили центр могущества. В наши дни валлоны стоят выше фламандцев по промышленной деятельности и степени образования, но фламандцы сохранили свое превосходство в области изящных искусств: это они в особенности дают стране её живописцев и музыкантов. Что касается числа бельгийцев, говорящих французским языком, то оно меньше числа фламандцев; но многие валлонские колонии рассеяны за пределами бельгийской территории, в больших городах Голландии и Прирейнской Германии, где хвалят их трудолюбие, настойчивость и честность. Характер люттихцев в частности отличается чем-то южным: веселостью, увлечением, присутствием духа, любовью к шуткам.

Фламандцы, которые в низменной равнине превосходят численностью потомков коренных жителей края, суть «чужеземцы», «беглецы», как показывает их саксонское имя,

1 Adolp. Leroy, „Patria Belgica“, III.

2 Beddoc. Vanderkindere, etc.

Flaminger или Vlaminger[1], если не признать более правдоподобным толкование Мейра, который, в своей хронике Фландрии, производит это название от слова vlae, болота[2], так что, следовательно, по этой этимологии, «фламандцы» значит «жители болот». Они тем легче могли поселиться в западных областях страны, что эти области в то время были еще почти необитаемы. По сю сторону цепи дюн простирались обширные болота и озера, образовавшиеся вследствие разлива рек, затем почти вся остальная часть края, занимаемая ныне Фландрией, провинцией Антверпен и Лимбургом, представляла пустынную и бесплодную песчаную равнину. Наконец, земли, на которых поселилось большинство колонистов германского племени, были отделены от валлонских областей широким поясом лесов, известных в древности под именем Silva carbonaria, и который на юго-востоке соединялся с Арденнами. В Брабанте, где существуют еще значительные остатки этого большого древнего леса, все деревни, лежащие к востоку от этих лесов остались валлонскими, тогда как деревни, рассеянные на западной их стороне, населены фламандцами[3]. Но там, где колонисты находились в соприкосновении с островами романизованного населения, различие рас долго сохранялось. Так, в средние века жителей округа pagus mempiscus или «земли менапиев» (Menapii), говоривших французским языком, часто противопоставляли фламандцам, населявшим окрестные местности[4].

Со времен римской эпохи, германцы толпами приходят на равнины Бельгии. Как показывают окончания названий населенных мест и многочисленные исторические свидетельства, большое число этих чужеземцев были франки: племена или роды этого германского союза и доставили главный элемент для образования фламандской народности. Однако, самое имя фламанцев должно быть приписано саксонским эмигрантам, которые заселили преимущественно морское прибрежье, с той поры долго называвшееся по имени их «саксонским» (littus saxonicura). Эти иммигранты, вероятно, состояли в очень близком племенном родстве с англо-саксами, заселившими Англию, судя по окончаниям muth, mude, которые они давали устьям своих рек, и ham, которое получили многие из их деревень. Может быть, как думают некоторые историки, эти поселенцы приходили также морем, следуя вдоль берегов Фрисландии и Голландии. В пользу этой гипотезы говорит, между прочим, тот факт, что влияние западных фризов, поселившихся в Зеландии, распространялось далеко по всему бельгийскому прибрежью. Во всей этой области мы находим черты нравов, сходные с чертами, наблюдаемыми в северной Голландии, а один из средневековых историков даже прямо называет город Остенде фризским портом. К этим первым иммигрантам саксонского происхождения впоследствии присоединились другие поселенцы, насильно водворенные в крае Карлом Великим, вследствие его больших войн. Существование этих саксонцев во Фландрии дает, может быть, ключ к объяснению происхождения имени Sachsen (саксы или саксонцы), которое носили фламандские колонисты, поселившиеся в двенадцатом столетии в Трансильвании, и которое там до ныне носят их потомки. В самом деле, большая часть этих переселенцев, уходивших преимущественно с морского прибрежья, более других частей страны подверженного бедствиям наводнений, были саксонского происхождения. Большие переселения фламандцев не следует приписывать склонности к перемене места жительства или страсти к приключениям; напротив, эти переселения всегда вынуждались суровой необходимостью; фламандец по природе большой домосед, он очень привязан к родной земле: «Oost, west, 't huis best» (на востоке хорошо, на западе хорошо, а у нас лучше), говорит одна из его народных пословиц. Кроме того, воины, часто опустошавшие край, заставляли многих жителей браться за ремесло солдат и идти, в качестве наемников, на службу к тому, кто больше платил. Точно также роты брабантцев (Brabancons) и валлонские полки странствовали по Европе в качестве наемного войска иностранных королей.

1 Guillard;—Bertillon;—Meynne, etc.
2 Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".
3 Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".
4 Alph. Wanters, „Revue trimestrielle", janvier 1867.

Чистокровные фламандцы, как и валлоны, представляют совершенно особенный тип. У них светлые глаза, белокурые или светлорусые волосы; цвет лица отличается необыкновенною свежестью, и кровь легко приливает к коже при малейшем проявлении гнева. Контуры лица часто неопределенны, особенно у женщины, и рано обезображиваются: красота, зависящая от блеска кожи, обилия крови, приятность взгляда—иногда сменяется почти внезапно одутловатостью, угреватостью и уродливостью. Старинные картины, к которым всегда полезно обращаться для сравнительного изучения типов, указывают на одну черту, свойственную лицам фламанцев и северогерманцев—разделение подбородка и щеки тонкою бороздкою[1], что придает физиономии выражение благоразумия и сметливости. Что касается роста фламандцев, то общее мнение в этом отношении расходится с показаниями статистики. Народное выражение: «рослые фламандцы» не оправдывается действительностью, так как в настоящее время, из всех бельгийских провинций, именно во Фландриях: восточной и западной, встречается наибольшее число малорослых людей. Правда, что средняя величина роста выходит сравнительно малая от влияния на нее людей смуглого типа, которые представляют собою потомство древнего населения края. Фламандцы белокурого германского типа—самые высокие между жителями низменной части Бельгии; особенно многочисленны люди высокого роста на морских берегах, там, где преобладает саксонский элемент.

Фламандский язык, древний dietsch, известный некогда валлонам под именем thiois, есть наречие нижне-немецкого (platt deutsch), так же, как голландский и фризский. По мнению Мюлленгофа[2], он сохранил первоначальный характер франкского языка и, следовательно, более приближается к арийскому корню, чем верхне-немецкий (hoch-deutsch), принятый теперь самими франками в собственно так называемой Германии. Фламандцы, жители Кампины, или брабантской Кампаньи, и в особенности жители окрестностей Турнгута, где франкская иммиграция продолжалась долее, чем в других областях Бельгии, всего лучше сохранили свои старинные нравы, обычаи, суеверия и, вместе с тем, говорят самым чистым фламандским языком. Впрочем, различие наречий и говоров, понятно, весьма велико, ибо, смотря по кантонам, мы находим там корни франкские, саксонские, даже фризские и, наконец, многочисленные элементы, заимствованные из языков валлонского и французского.

С двенадцатого столетия thiois сделался письменным языком, и песни, сказки и былины начали постепенно установлять его правописание. В эпоху развития общинных вольностей фламандская литература тоже достигла цветущего состояния, но потом, во время бургундского господства, она превратилась в пустую, бессодержательную реторику. Во время войн за освобождение от испанского владычества она имела своего великого писателя, Марникса де-Сент-Альдегонда; затем, сделавшись опять языком побежденных, под властью испанцев и потом австрийцев, она все более и более нисходила на степень областного наречия, простонародного языка, и писатели все более и более стали пренебрегать фламандскою речью. В 1803 году Наполеон I издал декрет, повелевавший, чтобы все оффициальные акты, публикуемые в департаментах бывших австрийских Нидерландов, где сохранился местный язык, были впредь составляемы на французском языке, а в 1812 году император приказал, в видах облегчения работы цензуры, чтобы всякое фламандское периодическое издание сопровождалось французским переводом. Когда Бельгия, по решению венского конгресса, была соединена с Голландией, нидерландский язык, в свою очередь, пользовался, как язык новых властителей, значительными привилегиями, в ущерб правам фламандцев, наречие которых значительно разнится от чистого голландского, как и правам самих валлонов; во Фландриях так же, как и в восточных провинциях, подписывались петиции против употребления нидерландского языка, внушенные, впрочем, в большой мере чувством религиозной ненависти. Революция 1830 года повела за собою новые перемены, и французский язык сделался оффициальным языком на всем пространстве Бельгийского королевства. В то время, впрочем, еще не знали, что фламандский элемент имеет столь важное численное значение, и результа-

1 Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique“.

2 Mullenhof, „Einleitung zu den Denkmalern deutscher Prosa und Poesie“.

ты народной переписи, обнаружившей истинное процентное отношение языков в стране, удивили самих фламандцев: по этой переписи оказалось, что из семи бельгийцев четверо говорят фламандским наречием (thios или dietsch).

С той поры численное отношение языков изменилось, как видно из следующей сравнительной таблицы:

Фламандцев насчитывалось: в 1830 году—1.860.000; в 1846 г.--2.471.250; в 1876 году—2.659.900.

Валлонов насчитывалось: в 1830 году—1.360.000; в 1846 г.—1.827.140; в 1876 году—2.256.850.

В переписи 1890 г., говорящих фламандским наречием оказалось 45,2%, говорящих французским языком 40,9%, говорящих обоими языками 11,5%; остальные говорили или только по-немецки (0,51%), или, кроме того, еще по-французски или по-фламандски.

На границе языков некоторые селения, может быть, офранцузились, вследствие частых перемещений населения. И действительно, указывают в провинции Лимбург одну деревню, по имени Heure-le-Tiesche (то есть le Thiois), которая с прошлого столетия перестала быть фламандскою. Точно также Комин и некоторые другие общины, прежде фламандские, принадлежат теперь к области французского языка[1]. Но французская речь одерживает верх над германскою[2] не столько непосредственным завоеванием территории, сколько медленным распространением, особенно в городах. Обязательное употребление французского языка в законодательных палатах и совещательных собраниях, во всех административных и судебных учреждениях, равно как и в армии, способствует, может быть, в известной мере, распространению его в крае; но всего более он обязан своими успехами добровольному употреблению его в группах ученых, литературных, промышленных, коммерческих. Французская речь в гораздо большей мере, чем фламандская, служит языком цивилизации в нынешней Бельгии. Около двух третей периодических изданий печатаются на французском языке, и эта часть прессы имеет наибольший круг читателей. Что касается книг, то влияние французского языка, благодаря соседству Парижа, сделалось еще более преобладающим: в этом отношении нет ни одного бельгийского города, который бы, так сказать, не офранцузился. В литературном отношении Брюссель теперь почти совершенно французский город, хотя еще в конце прошлого столетия оффициальные бумаги писались там по-фламандски. А между тем этот город находится среди области германского языка; только в квартале Мароль валлонские рабочие были в прошлом настолько многочисленны, что создали особый жаргон, принадлежащий к обоим главным языкам, как по словам, так и по грамматической конструкции.

Хотя французский язык с каждым годом делает новые успехи, как преобладающий язык в Бельгии,—фламандский диалект выиграл, если можно так выразиться, в силе сцепления, в достоинстве, со времени его литературного возрождения в последние тридцать лет. В 1840 году ежедневных газет во всем королевстве было: французских 28, фламандских ни одной, а в 1874 г. первых выходило 54, последних 14. В настоящее время фламандская литература имеет многочисленных писателей, и Генрих Консьенс, главный романист Бельгии, писал на этом языке; фламандские поэты и ораторы сделались популярными; во всех частях страны основались сотни обществ, поставивших себе задачей поощрять изучение и усовершенствование национального языка. Замечательно, что соединение нидерландского и фламандского в один язык, которое не могло быть достигнуто под властью голландского правительства, совершилось само собой со времени оффициального разделения двух народов: чего не могла сделать государственная власть, то осуществлено свободною волей граждан. Несмотря на оппозицию одной партии, с ужасом отвергавшей всякий союз по языку с «еретиками» голландцами, нидерландское правописание было окончательно принято в 1864 году для фла-

1 Ch. Grangagnage, „Bulletin de l'Institut archëologiqe liegeois“.

2 Raoux, „Memoires sur l'origine des langues flamandes et wallones“, memoires de l'Academie, V, 1826.—Scheler, „Patria Belgica“, III.

мандского языка, и частые лингвистические конгрессы, собирающиеся то на северной, то на южной стороне таможенной границы, содействуют исчезновению всяких местных различий. Можно без преувеличения сказать, что в настоящее время в Нидерландах, принимая их в обширном смысле, то-есть в Бельгии и Голландии, существует один германский язык, которым говорят более шести миллионов человек.

III.

В наши дни центры населения в Бельгии скучены преимущественно на равнинах, в той узкой полосе, где во времена римского владычества было только два города в собственном смысле: Turnacum (ныне Турне) и Atuatuca Tungrorum [ныне Тонгр][1]; третий, существовавший тогда в этой области город Bagacum (ныне Баве), находится теперь на французской территории. Во многих округах низменной Бельгии городские группы более многочисленны, чем деревни в большей части европейских государств, и притом эти группы отличаются сильно развитою общинною индивидуальностью: это были самостоятельные города, в роде городов древней Греции, республиканских городов Италии или вольных городов германской Ганзы. После продолжительной борьбы национальностей и сословий, следы которой ясно видны в романе «Похождения лисы»[2], некогда очень популярном во Фландрии, бельгийские города, прочно устроившиеся в организованные коммуны или общины, завоевали себе независимое существование, и каждый из них получил свою особенную физиономию: подобно городам северной Франции, города Брабанта и валлонского Люттиха, вольные муниципии бельгийских Фландрий, сопротивлявшиеся с такою смелостью и энергией епископам, баронам и королям, могут, наравне с Флоренцией и Венгрией, претендовать на значительную долю влияния в том движении, из которого вышел современный западно-европейский мир.

Происхождение городских общин (коммун) в Бельгии, как и во Франции, было естественным следствием перемещения социально-экономических интересов. Из деревни, где господствовал помещик, центр тяжести постепенно передвигался к городу, где соединялись торговые люди, где работали цехи ремесленников. Уже в 779 году Карл Великий, предчувствуя опасность, которую ассоциации людей труда могли причинить верховной власти, нашел нужным воспретить всякий союз, всякий клятвенный «сговор» (conjuration) между крепостными Фландрии (Fleandreland), округа «Мемписка» (pagus mempiscus) и других прилегающих к морю местностей. «Никому не дозволяется—так гласил относящийся сюда указ—приносить присягу, посредством которой обыкновенно соединяются в гильдии...; никто не должен связывать себя клятвенными обещаниями насчет денежной складчины, предназначенной для оказания пособия в случае кораблекрушения или пожара...»[3]. Несмотря на эти запрещения и преследования, «опасные» гильдии, содержавшие в зародыше свободу общин, успели сохраниться, окрепнуть и создать мало-по-малу промышленную деятельность городов. Когда городские общины появляются в первый раз в истории,—что случилось в одиннадцатом столетии,—войны, конвенции, трактаты способствовали там и сям, в известной мере, их возникновению; но главною, так сказать, внутреннею, причиною этого переворота все-таки было постоянно возраставшее влияние ассоциаций ремесленных и торговых, цехов и гильдий.

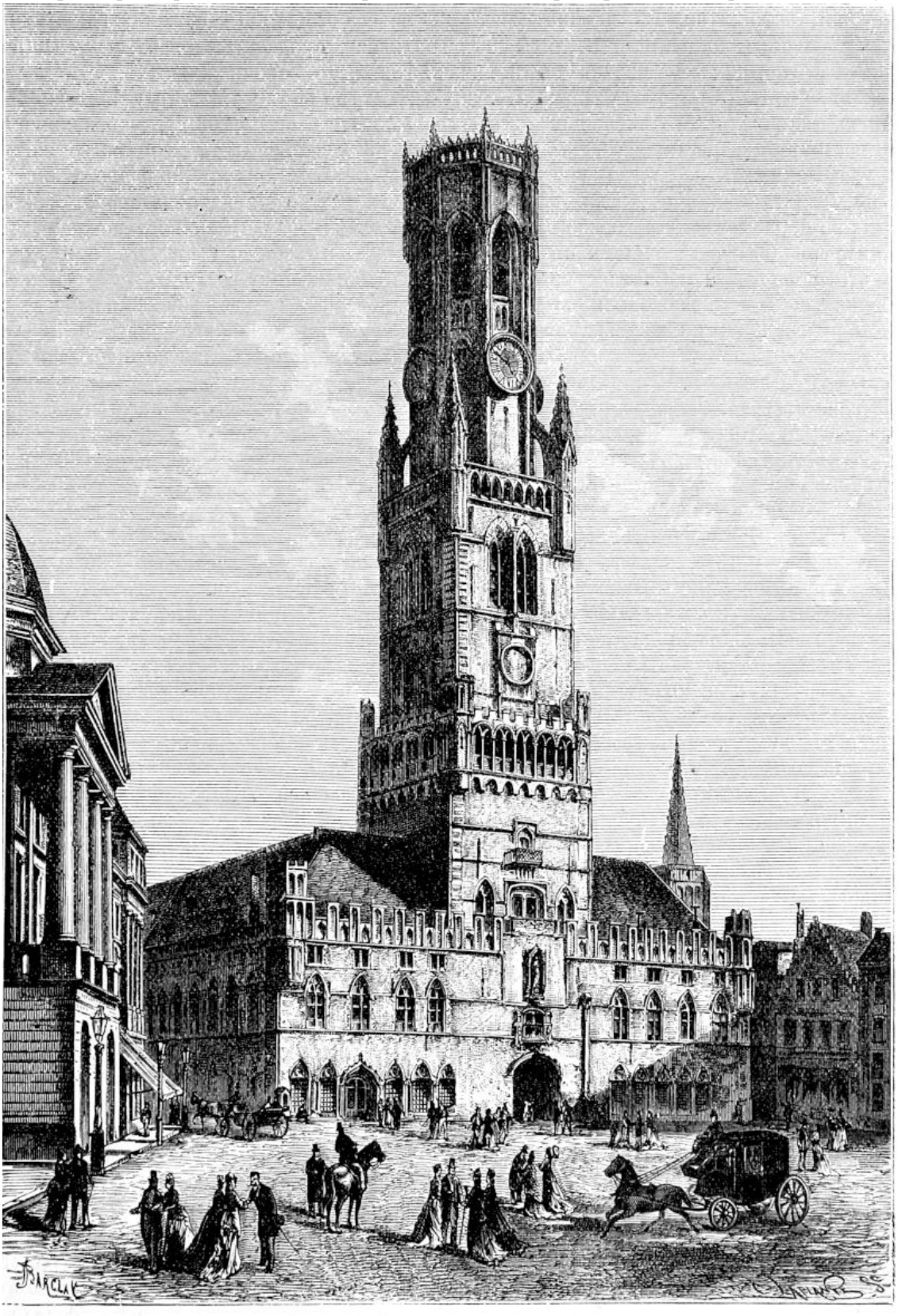
Однако, первоначальная городская община, организовавшаяся как оплот против феодального порядка, и сама в сущности была основана на чисто-феодальных началах; представители муниципальной власти, головы (меры или бургомистры) и члены городского совета, всегда избирались из именитых или, как их называли, «родовитых» фамилий (lignages или «linages, Geslachten), подобно тому, как в имперских городах Германии важнейшие места в городском управлении были предоставлены членам знатных родов (Geschlechter). Эти высокородные особы одни управляли городом, и доступ к власти был строго воспрещен не только

1 L'iot, „Patria Belgica“, II;—Ernest Desjardins. „Geographie de la Gaule“.

2 Willems;—Vendevelde;—Oetker, etc.

3 Vandenpeereboom, „Patria Belgicau, t. II.

рабочим, но также и мещанам, даже самым богатым[1]. Следствием этого были постоянные раздоры между «мелкотой» и «знатью» каждого города, между патрициями и простыми мещанами,—раздоры в роде тех, какие происходили в Нюрнберге, во Флоренции между «жир-



Рынокъ и башня въ Брюгге.

ными» и «тощими» гражданами. Ремесленные корпорации часто восставали и пользовались каждою войною, внутреннею и внешнею, чтобы предъявить свои права на участие в го-

1 Borgnet, „Bulletin de l'Academie“, 2 serie, t. XXVII.

родском управлении. При каждом поражении они подвергались жестоким карам: так, например, после одного усмиренного бунта полторы тысячи ткачей и других мастеровых из города Ипра или Эйперна были колесованы, обезглавлены или повешены без суда. Летописцы рассказывают с некоторою гордостью, чтобы прославить могущество господствующего класса, что города Фландрии иногда походили на леса—так многочисленны были виселицы на площадях и улицах[1]. Несмотря на поражения и казни, гильдии и цехи мелких обывателей в конце-концов заставили патрициев дать им место в совете городов. В тринадцатом столетии и особенно в первой половине четырнадцатого мы видим учреждение почти во всех городских общинах большого совета («large conseil»), где «нации» (nations), то-есть уполномоченные, депутаты или выборные (consaux, jures) от ремесленных корпораций, заседали на-ряду с эшевенами и именитыми гражданами (нотаблями) и совещались, на равных с ними правах, о «важных» делах («affaires majeures») города. В Брюсселе, в Лувене и в других городах Брабанта «нации» имели своего особенного бургомистра, отличного от головы «родовитых граждан» (lignages). В славном городе Люттихе, где граждане с давних пор носили титул «господ», и где жилище гражданина считалось священным и неприкосновенным, торжество мелкого мещанства было гораздо более полное: в силу англёрского мирного договора, заключенного в 1313 году, было постановлено, что никто из люттихских граждан, принадлежащих к дворянскому сословию, не может сделаться городским головой (бургомистром) или членом муниципального совета, если не принадлежит к корпорации какого-либо из двадцати пяти цехов[2]; все были избирателями, как мастера, так и простые рабочие; даже ремесленные ученики—пример очень редкий в Европе того времени—имели право подавать голос на выборах.

В этом мрачном хаосе феодального мира, господа жили в постоянной борьбе друг с другом, но где не было «ни одного клочка земли без господина», где всякая власть считалась исходящею свыше чрез посредство папы, императора или короля,—для бельгийских городов было большой победой сделаться равными баронам, приобрести феодальную личность, добиться чести вступать в непосредственные сношения с государями. С этого времени начинается новый порядок вещей, ибо независимость городов вышла снизу, из глубокой массы народа. Судя по отдельным элементам нового общества фламандского и валлонского, такого, каким оно пыталось организоваться и каким мы видим его преимущественно в Генте, под руководством Якова ван-Артевельде, диктатора Фландрии, можно заключить, что оно стремилось образовать большую лигу или союз самостоятельных городов, которые бы, в свою очередь, состояли из вольных ремесленных корпораций: братство (frairie) каждой группы трудящихся—такова была первоначальная частичка или молекула этого нового общества. Каждая ассоциация, мастеровых ли или граждан, была полным социальным организмом или союзом, который представлял в миниатюре совокупность государства, который имел многосложный характер религиозной общины, трибунала для суждения преступлений и проступков, торгового синдиката для защиты общих интересов и даже общества для устройства народных празднеств[3]. Впрочем, нужно заметить, что цехи налагали на всех своих членов очень суровую дисциплину: не только военный костюм, но даже рабочая одежда были строго определены уставом, и в известные сроки производились осмотры, чтобы удостовериться, в исправности ли у членов братства оружие, военное облачение и обыкновенная одежда. Во всех актах своей жизни отдельный гражданин должен был сообразоваться с правилами и требованиями корпорации, к которой он принадлежал[4]. И теперь еще во многих местах сохранились следы этого средневекового порядка вещей. Так, например, жители Гента разделены на «десятки» (decades) и носят костюм шестнадцатого столетия, с брыжами на шее и с алебардой в руках; они созываются в торжественных случаях, когда нужно устроить

1 Vaudeupeereboom, „Patria Belcgica“, II.
2 Мишле, „Histoire de France“, t. XV.
3 Cellier, „Une commune flamande“, „Recherehes sur les institutions de la ville de Valenciennes“
4 Henri Hymans, „Patria Belgica“, III.

торжественный «выход» в парадных костюмах, или для того, чтобы приветствовать возвращение какого-нибудь знаменитого соотечественника, или для того, чтобы отпраздновать годовщину какого-нибудь великого подвига предков[1].

Городская община, составленная из мещанских ассоциаций и ремесленных корпораций, образовала высшую социальную группу, и, когда колокол ратуши призывал граждан к оружию, все единодушно должны были идти биться с врагом. Часто этим врагом было войско другого соперничествующего города; но общая опасность скоро убедила города в необходимости союза или федерации. Первое практическое осуществление этой мысли мы видим уже в 1312 году, когда, в силу так называемой кортенбергской хартии, восемнадцать городов и слобод («franchises») Брабанта соединились с некоторыми из вассалов Иоанна II и составили, вместе с ними, нечто в роде законодательного собрания. В 1334 году был заключен договор о федерации между жителями Брабанта; этим договором было постановлено, что торговля между двумя провинциями будет освобождена от всяких пошлин и стеснений, что денежные знаки будут одни и те же и что большие города: Брюссель, Антверпен, Лувен, Гент, Брюгге, Эйперн, будут посылать три раза в год депутатов в совещательное собрание, где будут заседать также представители графа Фландрского и герцога Брабантского, и которое должно быть созываемо поочередно в Генте, в Брюсселе и в Алосте. Уже в предыдущем столетии главные корпорации фламандских городов образовали международную гильдию, так называемую «Лондонскую Ганзу», в которой купечество семнадцати бельгийских городов соединилось с торговым сословием Англии[2]. Правда, статуты этой Ганзы были далеко не демократические. Так, например, красильщики, «которые своеручно красят и у которых синие ногти» («ki tignent de leurs mains meismes et ki ont les ongles bleus»), котельники, «которые делают котлы и продают их на улицах» («ki afaitent les caudieres et ki vont criant aval les rues»), все те, которые занимались розничною торговлей, не могли быль членами этого коммерческого союза или братства[3].

Хотя форма нового общества, выработывавшагося в городах Бельгии, не могла вполне осуществиться на деле, и хотя благосостояние граждан было постоянно подвержено бесчисленным опасностям, тем не менее успехи всякого рода, достигнутые в этом уголке Европы, возвысили его в средние века на степень одного из центров цивилизации. Даже в некоторых деревнях возникли гильдии и цехи, подобные городским, и эти сельские ассоциации, гордившиеся своими «Keures» или грамотами, подтверждавшими их права, как нельзя более оправдывали это завоевание превосходною обработкой своих земель. Фландрские крестьяне сделались, начиная с двенадцатого столетия, наставниками других народов северной Европы: благодаря трудолюбивым фламандским колонистам, которые были приглашаемы самими государями, маленькие Фландрии основывались повсюду, во Франции, в Англии, в Германии, в Дании. Ремесленный класс фламандских и брабантских городов, не довольствуясь приобретением богатств старыми способами, старался создать новые отрасли промышленности, и, под влиянием возраставшего разнообразия производств, число ремесленных корпораций или цехов постоянно увеличивалось. Город Брюгге, стоявший одно время во главе мануфактурной промышленности во всем свете, имел в пятнадцатом столетии восемьдесят ремесленных корпораций; почти столько же было их и в Генте, где одни ткачи составляли двадцать семь ассоциаций, из которых каждая занималась производством особенного рода тканей. В Брюсселе существовало около пятидесяти цехов, сгруппированных в девять «наций»; в Турне—более сорока, в Люттихе и Эйперне—более тридцати в каждом. Что касается успехов фламандских общин в сфере духовной жизни, в трудах мысли, то эти успехи засвидетельствованы тем важным значением, которое получил их язык в современной литературе, и большим числом ученых, которое она дала Голландии в эпоху преследований.

Всего нагляднее свидетельствуют о прежнем процветании фламандских общин их обще-

1 Эрнест Дежарден, „Рукописные заметки“.
2 Ernest van Bruyssel, „Patria Belgica“, II.
3 Wandenpeereboom, „Patria Belgica“, II.

ственные здания. Большая часть храмов, построенных в ту эпоху, остались недоконченными; но гражданские памятники архитектуры, воздвигнутые, впрочем, по более обширному плану и богаче украшенные внутри, были почти все закончены вполне, и нынешним архитекторам остается только поправлять или реставрировать поврежденные временем части здания. Различные корпорации имели каждая свой общественный или так называемый «Гильдейский» дом, который был тем усерднее украшаем, что члены братства сами жили в домах очень убогого вида. Особенно гостиные дворы и крытые рынки, поражающие своими колоссальными размерами, свидетельствуют о солидном богатстве граждан, которые могли сооружать подобные каменные громады. Городские ратуши или думы имеют величественный вид и, вместе с тем, отличаются блеском архитектурного украшения: этими зданиями граждане выражали в одно и то же время и свою гордость, внушаемую сознанием того, что они принадлежат к городскому обществу, и сыновнюю радость, которую они испытывали, украшая внешний вид своего родного города. Каждый город считал за честь построить свой муниципальный дворец по оригинальному, исключительно ему принадлежащему, плану; за исключением общего сходства, зависящего от архитектурного стиля эпохи, все в этих зданиях разнообразно и самобытно; они не были, как большая часть общественных зданий, воздвигаемых городами нашего времени, банальною копиею какого-нибудь столичного памятника архитектуры, рабски принятого за образец: иная ратуша, как, например, лувенская, походит на огромный ларчик для драгоценностей; другая, как, например, брюссельская, замечательна в особенности изяществом своего стройного, сквозного шпица; некоторые отличались живописным видом или благородною простотой фасада. Почти во всех этих муниципальных дворцах платформа, с которой представители общественного управления держали речь к народу, разнится местоположением и формой: в некоторых городах это—площадка, устроенная в виде выступа на фасаде здания, в других—балкон или мраморное крыльцо. Сторожевая башня или каланча (beffroi, Belfried, Belfroot), символ независимости города, или стоит отдельно, как в Генте, или возвышается над гостиным двором, как в Брюгге, или господствует над ратушей, как в Алосте, и помещена или на одном из углов, или по середине фасада. Некоторые из них похожи на башню, другие—на колокольню: оригинальный характер города высказывается преимущественно в этом памятнике, в «тайнике» которого хранились хартии местного права, и откуда раздавался звон большого вечевого колокола, когда нужно было праздновать решительную победу или отвратить общую опасность.

Эти общественные здания и площади, где они стоят, были главною ареной народных празднеств, до которых бельгийцы во все времена были большие охотники. Здесь происходили те торжественные процессии, которые изображены на старинных картинах, хранящихся в музеях; здесь приносились «присяги», раздавались награды отличившимся стрелкам из лука, певцам или стихотворцам, ибо фламандские общины, подобно городам древней Греции, устраивали также литературные празднества: депутации от других городов приезжали на триумфальных колесницах или ладьях, и граждане торжественной процессией выходили им навстречу. Однако эти литературные празднества мало-по-малу выродились в состязания «риторов» и рифмоплетов. В эпоху упадка, когда города имели уже только вид свободы, блеск народных празднеств, обилие речей, многословие и пустозвонство были именно рассчитаны на то, чтобы заставить граждан забыть, что они прежде были сами себе господа.

Цветущее состояние фламандских городов скоро сменилось периодом упадка, и произошло это большею частию по вине самих общин. Когда им грозила опасность, они хорошо понимали пользу федерации и соединялись для дружного действия против общего врага; но, по восстановлении внешнего мира, между ними опять начинались внутренние раздоры. Брюгге и Гент, как слишком близкие соседи, всегда были готовы затеять междоусобную войну: завистливое соперничество разделяло эти два города и побуждало их делать друг другу всевозможный вред посредством силы или хитрости. Так, в 1379 году, гентцы вооруженною рукой завалили канал для морского судоходства, который жители Брюгге рыли в направле-

нии к Дейнце[1]. По уставам городских братств, купцы одного города, если отправлялись целым обществом в соседний город, обязаны были идти хорошо вооруженными, дабы могли, в случае надобности, защитить честь своего города и своей корпорации, и те, которые не исполняли этого правила, должны были платить штраф[2]. При малейшей тревоге граждане хватались за оружие, вступали в бой между собою. Даже дети от десяти до четырнадцати лет соединялись в военные роты: в 1488 году две такия детские банды завязали битву на улицах Брюгге, и пять мальчиков остались мертвые на мостовой. Строгость уставов, обеспечивавших монополию различным цехам и делавших их враждебными друг другу, тоже способствовала в большой мере несчастиям городов и ослаблению их патриотической энергии. В Турне, например, были цехи «разносчиков масла», «разносчиков углей», «разносчиков мануфактурных товаров», и горе тому, кого встречали несущим товар, предназначенный, по регламенту, не для его плеч[3]. Так же или почти так же было во всех фламандских общинах. Еще в начале нынешнего столетия в Брюгге существовала корпорация «краненкиндеров» (Kraanenkinder, т. е. дети «крана»), которые одни имели право цедить вино из бочек: в высокоторжественные дни они еще носили свой традиционный мундир[4].

Герцоги бургундские, которых соблазняло богатство фламандских городов, воспользовались их междоусобиями и сделались господами страны. Промышленность городов служила им к увеличению блеска их двора; граждане же были угнетены, система высоких налогов, покровительственных пошлин, герцогских повелений или ордонансов заменила самоуправление коммун,—и упадок начался. Попытки возмущения против этого ига были жестоко усмиряемы, и герцоги не упускали ни одного случая унизить города в их гордости. В 1468 году Люттих был почти уничтожен, около сорока тысяч его жителей были перебиты, и колодезь на главной площади, называвшийся «le perron», который считался палладиумом города, символом его муниципальных вольностей, был разрушен; в предъидущем году Карл Смелый отнял у гентских работников их знамена и велел развесить их на сводах церквей в отдаленных городах, как трофеи своей победы над народом. Император Карл Пятый, сам гентский уроженец, отменил вольности Гента, осудил наиболее энергичных граждан на казнь и изгнание, подчинил жителей суровым регламентам и приказал снять с городской башни большой вечевой колокол, называвшийся «Роландом» и представлявший собою как бы глас города. Когда писатель Яков Майер напечатал свою «Историю Фландрии», в 1538 году, Карл V разрешил издание этой книги только под условием, чтобы в ней ничего не говорилось о привилегиях городов (d'ombettre l'insertion des privileges d'aulcunes villes»). Грамоты или luyster Брабанта были заперты в одной из башен Брюсселя, и граждане увидели их опять только тогда, когда это здание было разрушено неприятельскими бомбами во время осады города войсками Людовика XIV[5].

В царствование преемника Карла V, Филиппа II, религиозные войны сопровождались великими бедствиями, разорением края, и безмолвие террора воцарилось в некогда вольных и богатых городах. Даже литературные собрания, или так называемые «палаты реторики» (chambres de rhetorique), навлекли на себя подозрение властей; свирепый герцог Альба велел повесить большое число граждан, принимавших участие в этих литературных состязаниях, и бургомистр ван-Стрален, главный организатор празднества, устроенного в 1561 году в Антверпене, погиб на эшафоте[6]. Промышленность пришла в упадок, города обеднели и опустели, даже цветущие селения были покинуты жителями; во многих местах страна приняла вид безлюдной пустыни. Сильное эмиграционное движение направилось к северным провинциям Нидерландов; число бельгийцев, переселившихся в Голландию, определяют в сто

1 „Annales des travaux publics de la Belgique", 1843
2 L. Cellier, „Une commune Flamande".
3 Фридрих Эткер, „Belgische Studien".
4 Эмиль Тандель, „Рукописные заметки".
5 Ch. Potvin, „Patria Belgica" III.
6 Stecher, „Histoire de la litterature flamande", „Patria Belgica", 111.

тысяч душ[1]. Прискорбнее всего было то, что эти добровольные изгнанники были именно самые энергичные люди,—те люди, которым нация обязана была своею интеллектуальною жизнью и самодеятельностью; вместе с ними Бельгия, так сказать, лишилась своих жизненных соков. Эта эмиграция еще в большей мере, чем войны, резня и казни, была причиной нравственного ослабления страны в последующие века. Вандеркиндере даже высказывает предположение,—не настаивая, впрочем, на его безусловной верности,—что уменьшение среднего роста у фламандцев было, может быть, косвенным следствием происходившего в ту эпоху выселения массами, так как, по его словам, покидали родину, главным образом, жители саксонской расы[2].

Бельгийские коммуны вновь приобрели некоторую автономию; однако, муниципальные советы назначаются ныне ограниченной подачей голосов, и бургомистр уже не избранник своих сограждан. Советы эти в действительности—маленькия буржуазные олигархии, масса же народа не получила своих прежних вольностей. Но как ни велико было политическое несчастие страны, старый муниципальный дух сохранился в ней с замечательною силою до наших дней и обнаруживается особенно рельефно во время храмовых и местных праздников в честь святого, покровителя города. На этих патрональных праздниках и «кермессах» религиозные процессии, военные кортежи, театральные представления, народные игры и пляски перемешиваются различным образом, как в средние века, так что совокупность церемоний сохраняет в каждом городе оригинальный вид. В Кортрейке или Куртре, в Фюрнесе, символические процессии напоминают средневековые духовные мистерии; в Шателе и в других городах провинции Геннегау крестные ходы имеют двоякий характер—религиозный и военный; в Тимеоне, близ Госселиса, в Геннегау, как говорят, существуют еще процессии с пляской. Наконец, многие старинные городские общины: Монс, Ат, Турне, или Дорник, Мехельн, Антверпен, Гент, подобно коммунам французской Фландрии, например, городу Дуэ, считают долгом устраивать во время местных праздников так называемые «кавалькады», где исторические сцены, перемешанные с аллегориями, наглядно рассказывают историю города.

В двух принадлежащих к Бельгии кусках бассейнов Уазы и Сюры или Зауера, притока Рейна, нет ни одного бельгийского города: но в бассейнах извилистой Семуа и Шера, которые соединяются с Маасом во французском департаменте Арденнов, мы находим несколько городков и местечек. Только один из этих населенных пунктов имеет свыше 5.000 жителей—это Арлон (Arlon), некогда римская деревня Orolaunum vicus, а ныне главный город провинции Люксембург; он построен амфитеатром на высоте более 400 метров, на плоской возвышенности, по которой свободно разгуливают северные ветры, и не заключает в себе ничего достопримечательного, кроме римских древностей, хранящихся в местном музее; но он замечателен большим числом и превосходной организацией своих общественных школ; между прочим, здесь существует прекрасно устроенный музей учебных пособий. Неподалеку от французской границы встречаем маленький городок Виртон (Virton), хорошо защищенный от холодных ветров; это бельгийская Ницца. Бульон (Bouillon), другое местечко, носящее название города, лежит в долине Семуа, недалеко от того места, где эта река, образуя бесчисленные излучины, вступает на французскую территорию; дома этого городка скромно группируются у подножия высокого выступа горы, на котором стоит древняя крепость, прославленная известным Годфридом Бульонским и другими знаменитыми воителями.

Выйдя из пределов Франции, на севере от Живе, Маас скоро встречает на своем пути бельгийский город Динан (Dinant), тесно построенный на узкой полосе между правым берегом этой реки и отвесными утесами, на вершине которых высятся стены бывшей крепости, ныне покинутой. После страшного погрома, совершенного по приказанию герцога Филиппа Бургундского, которого так несправедливо прозвали «Добрым», этот город пришел в упадок,

1 De-Smet, „Histoire de la Belgique“, II, 15;—Gaillard, „De l’enfinence exercee par la Belgique sur les Provinces-Unies“, „Memoires publies par PAcademie de Belgique“. t. VI, 1853.

2 „Recherches sur l’ethnologie de la Belgique“.

и с той поры не мог уже вполне подняться до прежнего цветущего состояния. Динан не славится более, как в средние века, своими изделиями из меди, известными с двенадцатого столетия под названием dinanderies; теперь из произведений его промышленности наибольшею известностью пользуются так называемые couques, пряники, приготовляемые особенным способом и украшенные изображением людей, процессий, пейзажей и даже сцен из повседневной жизни. Динан, один из живописнейших городов Бельгии, есть, вместе с тем, главный центр экскурсий для любителей прогулок в верхнюю долину Мааса и в долину Лессы, которая поднимается на юго-востоке в самое сердце Арденнов. Городки Сине (Ciney), «столица» Кондроза, Марш (Marche), «столица» Фаменны, Бастонь (Bastogne l'Ardennaise) построены на плоскогорьях этой мало населенной области. Город Сен-Гюбер (Saint-Hubert), через который проходит одна из самых оживленных в древности дорог горной группы Арденнов, прославился в особенности своими охотами. Встарину здесь был обычай праздновать 3 ноября, день ангела рыцаря-епископа, от которого город получил свое имя, большою псовою охотою. На этот праздник собиралось множество охотников в сопровождении многочисленных свор: прежде чем отправиться в лес, они присутствовали на литургии. Аббатство получало первинки дичи, убитой в этот день, и десятую часть дичи, убиваемой в продолжение целого года. Монахи, сами большие любители охоты, разводили особую породу собак и должны были ежегодно посылать по шести пар их в подарок французскому королю; теперь эта порода существует лишь в очень малом числе представителей, и то только в одной Англии[1].

Ниже Динана и Бувиня (Bouvignes), скромного городка, который некогда был соперником Динана, Маас не встречает на своем пути ни одного города до Намюра (Namur), построенного на обоих берегах Самбры, у подошвы крутого мыса, господствующего над слиянием этих двух рек. Местоположение Намюра (в древности Namurcum) очень выгодно в стратегическом отношении, и потому он уже во времена римлян был важным оборонительным пунктом; сильная крепость, занимающая весь угол мыса, заменила, с конца прошлого столетия, стоявший там некогда укрепленный замок графов Намюрских. История рассказывает о многочисленных кровопролитных битвах между армиями, которые оспаривали друг у друга обладание этим военным опорным пунктом. Еще в 1815 году, после сражения при Ватерлоо, арьергард французской армии задержал здесь войска союзников. Осады, бомбардирования, пожары, которым так часто подвергался этот город, уничтожили почти все его древние здания: городская башня (beffroi) и монастырь св. Альбина, превращенный ныне в здание судебных учреждений,—единственные средневековые памятники, которые еще сохранились в столице провинции Намюр. В кафедральном соборе, сооружение которого относится уже к новому времени (он был освящен в 1772 г.), заслуживает внимания гробница Дон-Жуана Австрийского, победителя при Лепанто, скончавшагося в 1578 году в соседнем лагере. Из замечательных уроженцев Намюра назовем филолога Оноре Шаве (Honore Chavee). Промышленность города довольно деятельна; он производит стеклянные изделия, ножевый товар, кожу, химические продукты, имеет большие металлургические заводы. Обработка железа практикуется в крае по меньшей мере две тысячи лет, доказательством чего служат открытые в окрестностях города следы древних плавильных печей и ямы, содержавшие куски расплавленной руды.

Средняя долина Самбры, благодаря её богатству каменным углем, превосходит Намюр числом и важностью своих фабрик и заводов. Главный пункт этой промышленной области, произведения которой расходятся по всему свету,—город Шарлеруа (Charleroi), названный так в честь Карла II. короля испанского, лет двести тому назад; до того времени он был простою деревней и назывался Шарнуа. Знаменитый Вобан окружил его крепостною оградой, которая много раз подвергалась неприятельской осаде, и которую теперь заменили площади, бульвары, большие современные здания. Главный памятник строительного искусства, как и подобает такому деятельному промышленному городу, каков Шарлеруа, представляющий

1 Ernest Parent, „Patria Belgica", I.

собою центр металлургической промышленности в Нидерландах,—это громадное здание железнодорожной станции, где останавливаются поезды, нагруженные каменным углем и железною рудой. Шарлеруа продолжается в долине Самбры многочисленными городками и местечками, составляющими отдельные общины, и образует как-бы один обширный город: таковы на юге и юго-востоке—Марсинель (Marcinelle) и Кулье (Couillet); на востоке—Монтиньи-на-Самбре (Montigny sur Sambre), Шателе (Chatelet), Шателино (Chatelineau); на северо-востоке—Жилли (Gilly), Рансар (Ransart), Курсель (Courselles); на севере—Лоделинсар (Lodelinsart), Жюме (Jumet), Госсели (Gosselies); на северо-западе Ру-ле-Шарлеруа (Roux lez-Charlroi); на западе и юго-западе—Дампреми (Dampremy), Маршиенн-о-Пон (Marchienne au Pont), Монсосюр-Самбр (Monceau sur Sambre), Монсюр-Маршиенн (Mont-sur-Marshienne), Тюэн (Thuin), лежащий выше в долине Самбры, находится уже вне Шарлеруа: это отдельная группа фабрик, так же, как и старинный городок Фонтен-Левек (Fontaine l'Eveque), лежащий западнее, на плато, разделяющем бассейны рек Самбры, Гены и Сенны. На территории общин, составляющих агломерацию Шарлеруа, путешественник только и видит что фабричные заведения, с вечно дымящимися трубами, высокие доменные печи, железоделательные и чугуннолитейные заводы, стеклянные фабрики, заводы химических продуктов; повсюду горизонт ограничен грудами шлаков, которые образуют целые горы.

Железное производство в провинции Геннегау в 1893 году: чугуна—259.510 тонн; железа —337.180 тонн.

Несколько железных дорог пересекают в этой каменноугольной области главную рельсовую линию, идущую из Люттиха в Париж; кроме того, канал, по которому постоянно движутся длинные вереницы нагруженных судов, соединяет течение Самбры с сетью судоходных путей низменной Бельгии. На юге, в соседстве с французскою границей, встречаем городки Мариембург (Mariembourg), Филиппвиль (Philippville), Шиме (Chimey), часто упоминаемые в истории войн и политических трактатов. К северу от Шарлеруа находятся знаменитые поля битв при Флёрюсе (Fleurus) и Линьи (Ligny). Часть равнины около Флёрюса покрыта беловатым налетом (эффлоресценцией), сернокислым баритом, который в последние годы стали разработывать в больших размерах; к сожалению, этот порошок, как кажется, употребляют не только для разных дозволенных законом производств, но также для фальсификации многочисленных продуктов и товаров: бессовестные спекулаторы примешивают его даже к крупичатой муке.

Ниже слияния Самбры и Мааса, последняя из этих рек течет длинными извилинами между живописными склонами гор, усеянных старыми развалинами и новыми замками. На правом берегу прежде всего встречаем город Анденн (Andenne), где есть фабрики (бумажные, фаянсовые) и в окрестностях каменоломни. Далее следует город Гюй (Huy), лежащий на том же берегу, у подножия крепости, теперь бесполезной, но имеющей живописный вид. Гюй—один из старинных городов валлонской земли; прежде в нем было семнадцать монастырей, в одном из которых находилась гробница Петра Пустынника, проповедника первого крестоваго похода. К северу от большой общины Сен-Жорж-на-Маасе (Saint Georges-sur-Meuse) и деревни Энжис (Engis), замечательной своими каменоломнями и прославившейся в ученом мире драгоценными доисторическими остатками, найденными в её пещерах, берега Мааса усеяны фабриками и деревнями рабочих: мы уже вступили в промышленную область Льежа, или Люттиха (Luttich, Liege, Luik).

Эта столица валлонской Бельгии расположена на обоих берегах Мааса, ниже впадения в него реки Урты; на западе возвышается продолговатый холм, на вершине которого стоит цитадель, и откуда открывается прекрасный вид, когда горизонт не затемнен дымом, поднимающимся из бесчисленных фабричных труб. Город продолжается далеко своими фабричными предместьями, рассеянными в долине и по скатам холмов, и покрывает своими строениями большой остров, образуемый Маасом и одним из его канализованных рукавов. Несколько мостов соединяют берега реки; один из них, «мост Арок» (Pont des Arches), который

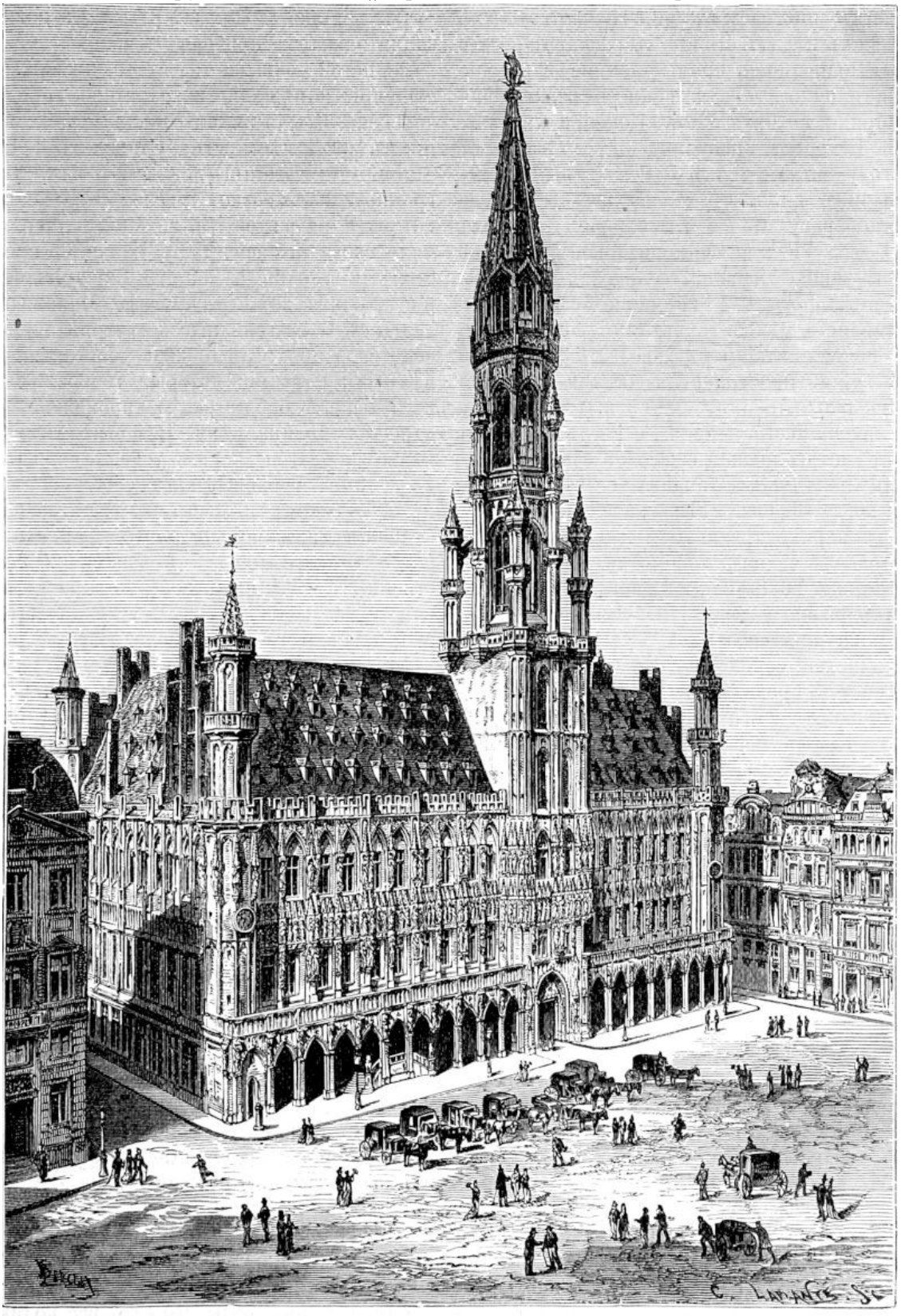
несколько раз перестраивали, стоит, по преданию, на месте главного моста, «Souverain pont», сооруженного паладином Ожье Датчанином. Льеж—один из тех городов, имя которых, повторяемое поэтами цикла Карла Великого, так же, как летописцами и историками, приобрело громкую известность во всей Европе. Едва-ли найдется в германской и романской Европе такая деревня, где не знали бы двуязычного «Люттихского альманаха» Матвея Ленсберга.

Центр Льежа расположен недалеко от моста Арок. В этой части города, на площади ратуши, стоит колонна, окруженная фигурами трех граций на месте древнего колодца «Перрон» (le Perron), который был символом местных вольностей для граждан старого республиканского города. Недалеко оттуда находится бывший дворец князей-епископов, в котором теперь помещаются судебные учреждения, архивы, присутственные места: это—обширное здание, господствующее над площадью Сен-Ламбер, получившей свое название от стоявшего тут прежде великолепного собора св. Ламберта, на который каждый житель Льежа, богатый и бедный, должен был завещать, умирая, какую-нибудь сумму, хотя бы копейку, и который был разрушен во время первой французской революции. Университет, основанный в 1817 году нидерландским правительством, вместо прежней иезуитской коллегии, заключает в себе драгоценную библиотеку, нумизматический музей, многочисленные коллекции предметов естественной истории, анатомических препаратов, физический кабинет, химическую лабораторию. С университетом соединены школа искусств и мануфактур, горное училище, нормальная школа (педагогический институт). В 1892-93 г. в университете числилось 960 студентов и в принадлежащих к нему технических заведениях 300 слушателей. В непосредственном соседстве с университетским зданием помещается музыкальная консерватория, откуда вышли многие воспитанники, сделавшиеся знаменитыми. Академия художеств также посещается большим числом учащихся. Льежский археологический институт обладает замечательным музеем древностей. Перед фасадом университета стоит статуя великого геолога Андрея Дюмона, а на театральной площади поставлен памятник другому льежскому уроженцу, композитору Гретри. Льеж соорудил также монумент Карлу Великому, так как он—один из городов, считающих себя местом рождения легендарного императора. Многочисленные церкви высоко поднимаются над домами своими колокольнями и куполами. Самая любопытная из них в историческом отношении—церковь св. Мартина, построенная на углу выступа горы, господствующей над городом с восточной стороны; высокая башня её заменила прежнюю башню, куда укрылись патриции во время народного восстания в 1312 году, и где они были сожжены живыми разъяренною толпой. В этом храме в 1246 году был впервые установлен праздник Тела Господня, сделавшийся с той поры одним из важнейших торжеств католической церкви.

По сказанию местных хроник, залежи и употребление каменного угля были открыты, в конце двенадцатого столетия, одним кузнецом по имени Гуллос (Houllos), от фамилии которого, несколько видоизмененной, и произошло, как полагают, французское название этого минерального топлива (la houille). Каково бы ни было достоинство этой этимологии [по мнению А. Шелера[1], слово houille происходит от немецкого Scholle, глыба, ком земли], она во всяком случае доказывает, что в льежском крае с очень давнего времени пользовались ископаемым углем. Каменный уголь, пласты которого разрабатываются в окрестностях Льежа и даже под течением Мааса и под некоторыми кварталами города, составляет необходимый материал многочисленных фабрик, возвышающихся, в виде громадных закоптелых зданий с вечно дымящимися трубами, в самом городе и в его предместьях и пригородах. В 1890 году в Льежской провинции разрабатывались 93 копи, которые все вместе дали 5.056.430 тонн угля, ценностью около 71 миллиона франков. Главная отрасль мануфактурной промышленности Льежа—оружие, выделка которого производится большею частию на дому: оружейные мастера обыкновенно имеют кузницу и мастерскую в соседстве с своим скромным жи-

1 „Dictionnaire d'etymologie francaise“, par A. Scheler;—„Patria Belgica“ III. ’

лищем;[1] здесь все куют, везде видны пылающие горны, целые улицы окрашены в огненный цвет от блеска пламени ружейных мастерских. Во многих странах, особенно во Франции, почти все охотничьи ружья льежской фабрикации. Бельгийское правительство имеет в Лье-



Площадь ратуши въ Брюсселѣ.

же, с 1802 года, пушечный литейный завод и с 1840 года фабрику военного оружия, заказчиками которых были по очереди почти все государства Европы. В 1894 году было выделано

1 Bauduin, „Рукописные заметки“

465.490 ружей, 388.450 револьверов, 25.560 пар кавалерийских пистолетов, 2.515 карманных пистолетов и 157.748 штук разного другого оружия. Величайшее промышленное заведение Бельгии и одно из важнейших в свете—это фабрика, которую Джон Коккериль и Вильгельм I, король нидерландский, основали, в 1817 году, в местечке Серен (Seraing), в нескольких километрах выше Льежа, на правом берегу Мааса, в бывшем летнем дворце льежских князей-епископов. Подобно Крезо и заводу Круппа, серенская фабрика, принадлежащая ныне акционерному обществу, представляет целый город амбаров, доменных печей, литейных заведений и мастерских, где на пространстве 108 гектаров работают около 11.000 мастеровых (рудокопов, литейщиков и проч.) и сотни паровых машин, потребляющие ежегодно около 6 миллионов центнеров топлива. С 1822 года, эпохи, когда Серен сделал свою первую машину для парохода, и до 1835 года, когда был приготовлен первый локомотив, эта громадная фабрика поставила на всемирный рынок, в виде разного рода паровых двигателей, силу, равную нескольким миллионам паровых лошадей; серенские сталеделательные заводы могут прокатывать до 365 тонн рельсов в один день. Техническое училище в Серене имеет более 200 воспитанников. Общая ценность годового производства серенской фабрики простирается до 45 миллионов франков. Выше на Маасе находится огромная стеклянная фабрика Валь-Сан-Ламбер—одно из важнейших заведений этого рода на континенте Европы; Жемепп (Jemeppe), лежащий на левом берегу реки, против Серена, в действительности есть лишь предместье этого последнего; лежащие ближе к Льежу Склессен и местечко Угре (Ougree, угорское), получившее это название, как говорят, от поселившейся здесь некогда венгерской колонии[1], замечательны своими обширными металлургическими заводами. На юго-востоке от города, при слиянии рек Урты и Вездры, находим деятельное фабричное местечко Шене (Chenee), с важными цинколитейными заводами, принадлежащими обществу «Vielle Montagne». На западе лежит большое предместье Анс (Ans), окруженное каменноугольными копями. Население Льежа, вместе с подгородными местечками и селениями, расположенными вокруг него в десятиверстном районе, простирается до 250.000 душ.

Металлургическое производство провинции Льеж представляло в 1893 году следующия цифры: сырого железа 293.200 тонн; стали—170.943 тон.; цинка—82.700 тон.; цинка в листах—26.800 тон.; серебра—33.000 килограмм.

В верхней долине Урты и в долине её значительного притока Амблевы бесплодие каменистой почвы и недостаток удобных сообщений помешали возрастанию городов и деревень. Самая значительная группа населения в этой местности—Ставелот (Stavelot. Stabuletum, Stablum), лежащий близ немецкой границы. Княжество Ставелот, происхождение которого относится к седьмому веку, сохраняло свою независимость до конца прошлого столетия; оно было леном Германской империи, и один из его округов, Мальмеди, сделался с 1815 года прусскою территорией. Ставелотское аббатство обладало многими драгоценными книгами, которые теперь рассеяны по большим библиотекам европейских государств. Долина реки Вездры, поставленная в более благоприятные условия сравнительно с долиной Амблевы, как естественный путь между Ахеном и Льежем, достигла важного значения, как промышленный край. Проезжая из немецкого города в валлонский, путешественник везде встречает по дороге фабрики и заводы. Однако, знаменитейший исторический бург этого края, расположенный на скале, в непосредственном соседстве с германскою границей, представляет теперь одни развалины: это древний Лимбург (Limbourg. Lindburg), некогда могущественный, сильно укрепленный город и столица герцогства того же имени. Но именно богатства его и стратегическая важность его местоположения и были причиной того, что он часто подвергался нападениям врагов; Лимбург был несколько раз опустошаем неприятельскими войсками, затем окончательно разрушен в 1675 и 1701 годах армиями Людовика XIV. Новый город, не феодальный, а мануфактурный, выстроился у подошвы холма, на котором стоял старый, и находится уже вне пределов провинции, получившей от него название.

Маленький ручей Жилепп, берущий начало на юге от Лимбурга, в области лесистых хол-

1 Goblet d'Alviella, „Patria Belgica". III.

мов, бежит по живописной долине, где недавно построена огромная запруда, увенчанная колоссальною фигурой льва. Эта массивная каменная стена, в 48 метр. высоты и 235 метр. длины между двумя холмами, имеет не менее 66 метр. ширины при основании. Она может задерживать более 12 миллиардов кубич. метров воды, то-есть все количество, приносимое Жилеппом в продолжение шести месяцев, и узенький ручеек, нормальный водосток которого не превышает 730 литров в секунду, превращается тогда в озеро, поверхность которого равна нескольким квадратным километрам. Назначение этого искусственного озера—задерживать зимние и весенние разливы и доставлять фабрикам и заводам бассейна Вездры питательную воду, необходимую им во время летних засух. Эти промышленные заведения, поднявшие так высоко экономическое значение Вервье, Дизона, Энсиваля,—по большей части суконные фабрики. Ткацкая промышленность была известна в крае уже с двенадцатого столетия, но она возвысила Вервье (Verviers) на степень одного из важнейших в свете фабричных центров только после промышленного упадка Фландрии; около половины восемнадцатого столетия фабрикация сукон окончательно перешла из западной Бельгии в восточную: цеховая организация ремесл, составлявшая некогда политическую силу обеих Фландрии, сделалась, в конце концов, причиной их обеднения, задерживая всякий прогресс, всякое обновление, замыкая мастеров в непереходимый круг рутинных способов производства. Главные произведения вервьетской промышленности—сукна, драп, фланель, казимир, легкия шерстяные материи, а также шерстяная пряжа, большая часть которой вывозится в Англию. Сукна, употребляемые для армии и известные под именем «солдатских», отправляются преимущественно в Италию и восточные страны. Крашеная шерсть привозится в Вервье по большей части из северной Франции. С 1872 года производство в округе Вездры уменьшилось почти на половину. Скрипач Вьетан был уроженец Вервье.

Небольшая долина, ручей которой впадает в реку Вездру у Пепинстера, ниже Вервье, замечательна не столько своими фабриками, сколько минеральными водами. Здесь находится город Спа (Spa), который в прошлом столетии был самым знаменитым и модным местом вод в Европе, и который, после продолжительного периода упадка, ныне снова привлекает тысячи больных. Что касается праздных посетителей, приезжающих просто для развлечения, то число их сильно убавилось с той поры, как запрещены азартные игры, и на долю города остались только дозволенные законом роды промышленности, каковы эксплоатация минеральных вод, резьба и раскрашивание разных вещиц из дерева, (гостей ежегодно бывает от 11 до 12 тысяч). Минеральные источники, именно железистые, чрезвычайно многочисленны в этой местности, почва которой содержит железную руду в больших количествах. Тенистые аллеи, рощи, маленькия живописные долины, которыми окружен Спа, делают этот город приятным местопребыванием; холера никогда не проникала в эту долину, хотя все окрестные города испытали на себе страшное действие этого бича. Другой городок с минеральными водами, Шодфонтен (Chaudfontaine, Calida de Fontana), лежащий на берегу Вездры, в 10 километрах от Льежа, тоже представляет для любителей загородных прогулок много прелестных пейзажей. В летнее время жители Льежа толпой отправляются на эти термы.

По выходе из провинции Льеж, Маас продолжает извиваться между бесчисленными фабриками и деревнями, населенными рабочими. Вместе с тем это одна из интереснейших областей северной Европы по историческим воспоминаниям. На правом берегу реки находится местечко Жюпиль (Jupille), где часто проживал Карл Великий, и где умер Пепин Геристальский. На другом берегу стоит Герсталь (Геристаль), сделавшийся ныне одним из фабричных предместий Льежа: здесь родился Пепин Короткий; здесь же Карл Лысый и Людовик Немецкий заключили между собою в 870 году договор о разделе Лотарингии, то-есть земель между Маасом и Рейном. Далее первая из этих рек протекает по голландской территории, в анклаве Маастрихта, затем снова омывает своим левым берегом территорию Бельгии: в этом месте находится старинный городок Маасейк (Mazijk, Macseyck), родина знаменитых живописцев братьев ван-Эйк, которым здесь поставлен памятник.

К северо-западу от Льежа, в долине р. Геер, притока Мааса, лежит город, еще ранее про-

славившийся в летописях Бельгии: это Тонгр или Тонгер (Tongres, Tongern, в древности Atuatuca Tungrorum), древняя крепостца, castellum, адуатуков [называвшихся в последствии тонграми][1], народца, который кимвры оставили позади себя во время нашествия на Галлию, и который, спустя полтораста лет, был перебит или продан в неволю, по приказанию Юлия Цезаря. В соседстве с городом возвышаются два могильные кургана неизвестной эпохи. Кроме того, уцелела часть колоссального городского вала, построенного из кремня и цемента: это древнейшая оборонительная стена Бельгии; местные жители обыкновенно называют ее «плотиной», Zeedyk[2]. Честь быть главным городом бельгийской провинции Лимбург, после отделения этой области от Голландии, казалось бы, следовало предоставить Тонгру, как старейшему из городов; однако, выбор пал на Гассельт, бывший в то время простым местечком, но занимающий более центральное и выгодное положение относительно совокупности округа. Гассельт (Hasselt), хотя лежащий в небольшом расстоянии от Мааса, находится уже в бассейне Шельды, на маленькой речке Демер. Соперники Гасселта по важности, Сен-Трон (Saint-Trond, по-фламандски Sint-Truyden, в средние века Fanum Sancti Trudonis), и Тирлемон (Tirlemont), или Тинен (Thienen, Thenae), орошаются ручьями, принадлежащими к тому же бассейну. Первый из этих городов, Тирлемон, имеет, как и все вообще большие коммуны Фландрии, свою сторожевую башню (beffroi), символ его прежней независимости, а соседний с ним бург Лео (Leau), один из «мертвых» городов Бельгии, сохранил свою городскую ратушу и древнюю церковь, чудо красоты и оригинальности. Тирлемон походит на многие из фламандских городских общин не только своею образцовою чистотой, но также своею тишиной и запустением, так как он давно утратил свое прежнее промышленное значение. Его стены, имеющие 2 часа пути в окружности, обнимают площадь слишком обширную для нынешнего города, население которого не достигает 20.000 душ, и потому некоторые из старых кварталов заменены уже садами и возделанными полями. Село Ланден, лежащее между Тирлемоном и Сен-Троном, по несколько южнее, напоминает Пепина Ланденского, палатного мера (majordomus) Клотара II и основателя карловингского могущества, который здесь умер и погребен (640 г.); в настоящее время чрез эту деревню проходят пять железных дорог, и это обстоятельство придало ей некоторую важность в экономическом отношении. В соседстве с Ланденом находится другая деревня Нервинден (Neerwinden), получившая известность в истории по двум происходившим здесь сражениям, разделенным столетним промежутком, в 1693 и в 1793 годах, с различным результатом для французов, которые в первой из этих битв одержали победу, а во второй понесли поражение. Нервинден лежит на естественном стратегическом пути из Брюсселя в Льеж и из Монса в Маастрихт.

Бельгийские коммуны бассейна Мааса, с населением не менее 5.000 душ (по переписи 31-го декабря 1890 года):

Провинция Люксембург. Арлон—8.030 жит.

Провинция Намюр. Намюр—30.090 жителей; Анденн—7.075; Динан—7.050 жителей.

Провинция Геннегау. Округ Шарлеруа: Жюме—24.000 жителей; Жилли—20.450; Шарлеруа—22.000; Монтиньи на Самбре—15.480; Маршиенн-о-Пон—15.160; Курсель—12.650; Шателе—11.180; Марсинель—11.190; Шателино—10.190; Госсели—9.120; Дампреми—8.940; Ру-ле-Шарлеруа—8.430; Кулье—8.330; Мон-сюр-Маршиен—6.750; Лоделинсар—7.000; Монсо на Самбре—6.685; Рансар—6.750; Тум—6.000; Фонтен-Левек—5.250 жителей.

Провинция Льеж. Льежский округ: Льеж (Люттих)—158.900 жителей; Серен—36.445 (1895 г.); Герсталь—13.880; Угре—10.240; Гривенье—9.570; Жемепп-ле-Льеж—7.000; Анс—6.875; Шене—7.040. Вервье—50.000; Гюй—14.000; Дизон—13.220; Спа—8.135; Сен-Жорж на Маасе—6.000; Энсиваль-ле-Вервье—6.500 жителей.

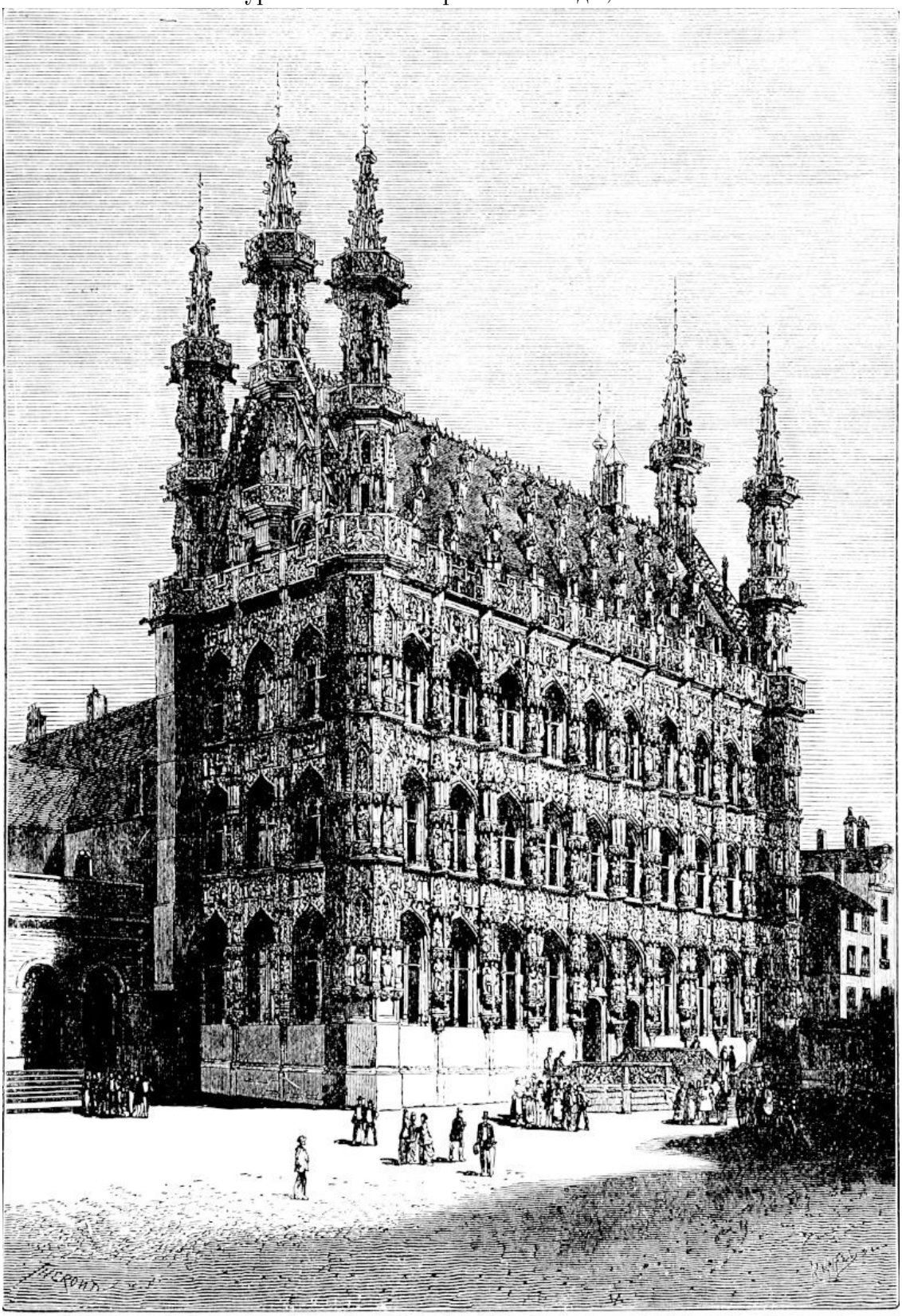
Провинция Лимбург. Тонгр—8.820 жителей (1894 г.).

Город Дист (Diest, Distemium), лежащий к западу от Гасселта и на той же реке, ниже

1 Эрнест Дежарден, „Geographie de la Gaule romaine“, t. II.

2 Бодюэн, „Рукописные заметки“.

впадения в нее Большой Геты, текущей от Тирлемона, замечателен как крепость, защищающая страну со стороны Голландии. Из промышленных его заведений заслуживают внимания многочисленные винокуренные и пивоваренные заводы; особенно славятся многие при-



Лувенская ратуша.

готовляемые на этих заводах сорты пива, между прочим, так называемое «гильдейское пиво», gilden bier, которые пьют на праздниках некоторых корпораций. Ниже лежит городок Сихем (Sichem), с старинными круглыми башнями, окруженный лугами и рощами и

тоже известный своими пивоваренными заводами. Течение реки Демер отделяет холмы Гагеланда от песков Кампины, по которым там и сям рассеяны сосновые лески.

Ниже Эршота река брабантской Кампаньи или Кампины соединяется с р. Диле, которая перед тем пробегает равнины области Гессе. Эта последняя река берет начало на юге от Вавра и проходит через знаменитый Лувен [Louvain, по-фламандски Leuven или Loven[1], который некогда был столицей Брабанта и одним из многолюднейших и богатейших городов Бельгии. В 1360 году в этом городе, по словам Юстуса Липиуса, насчитывалось от трех до четырех тысяч фабрик и мастерских для тканья сукон, а население его, вероятно, простиралось до 100.000 душ[2]. Масса ремесленного люда в ту цветущую эпоху Лувена была так велика, что введено было правило каждый будничный день звонить в большой колокол в продолжение получаса до закрытия мастерских, с целью предупредить прохожих, чтобы они остерегались толпы мастеровых, наводнявших улицы по окончании дневной работы. Кроме суконного производства, в Лувене существовали и другие отрасли промышленности, из которых назовем, как важнейшие, выделку кож и фабрикацию военного оружия, преимущественно оборонительного, шлемов, лат и щитов; купцы его ввозили из-за границы большое количество меду, который употреблялся на приготовление напитка того же имени. К промышленной важности Лувена присоединилась еще научная, со времени основания его знаменитой высшей школы. Курсы Лувенского университета открыты в 1426 г., и с следующего столетия он сделался одним из первых в Европе по числу учащейся молодежи (в то время он насчитывал у себя более 6.000 студентов): особенно славился медицинский факультет. Но около конца шестнадцатого столетия умственная жизнь почти совершенно погасла в Лувене, как и в других частях Бельгии. К общим причинам упадка прибавилась еще чума, которая похитила пятьдесят тысяч жителей и всех профессоров медицины, исключая одного[3]. Однако, Лувенский университет продолжал существовать по имени, не оказывая никакого влияния на успехи наук; наконец, он был закрыт во время французской революции. Восстановленный в 1817 году королем Вильгельмом нидерландским, он снова был упразднен в 1830 году, затем с 1836 года заменил вольный католический университет, основанный за два года перед тем в Мехельне. Располагая обширными фондами, пожертвованными некоторыми богатыми фамилиями, это высшее учебное заведение привлекает большее число слушателей, чем другие бельгийские университеты; оно является представителем духа церкви против Брюсселя, защищающего дело свободной науки. В 1892-93 году в Лувенском университете числилось 1.645 студентов, считая в том числе воспитанников существующих при нем специальных учебных заведений: горного и мануфактурного училища, школы гражданских инженеров и богословского факультета или духовной академии.

Город прошлого,—хотя и ныне он имеет много весьма важных промышленных заведений, каковы пивоваренные заводы, паровые мукомольные мельницы, крахмальные фабрики,—Лувен самым видом своих площадей и улиц свидетельствует о своем упадке сравнительно с прежним цветущим состоянием. Окруженный кольцеобразным бульваром или валом, превращенным ныне в прекрасное гульбище, он не покрывает уже всего пространства, на котором был раскинут прежде; добрая часть этого пространства занята теперь садами и огородами, полями и пастбищами; обширные площади почти пустынны, за исключением мест, прилегающих к центру пересечения главных улиц. Городская ратуша, оконченная постройкой в 1448 г.,—один из прекраснейших готических памятников Бельгии, а по богатству и изяществу наружных резных и скульптурных украшений бесспорно превосходит все подобные здания; этот chef-d'oeuvre строительного искусства, исполненный по плану Матвея Лайенса, «мастера каменщичьего цеха», сравнивали с великолепною ракой, с громадным ларчиком для хранения драгоценных вещей. Здание бывшего гостиного двора, построенное

1 Loo по-фламандски значит лесистая возвышенность, Veen—болото, и, вероятно, от этих слов и произошло название города—Loven. Прим. перев.

2 Ромберг, „Patria Belgica“, III.

3 Victor Desguin, „Patria Belgica“, III.

в 1317 г., как склад товаров для гильдии суконщиков, а в 1679 г. уступленное под университет, заключает публичную библиотеку; церкви, особенно готическая церковь апостола Петра, отличающаяся благородным стилем, обладают многими замечательными произведениями искусства: картинами, статуями, резьбой по дереву. Если смотреть с горы Цезаря,—холма, на котором находятся развалины замка герцогов Брабантских,—Лувен, с его многочисленными высокими зданиями, поднимающимися над массою домов, имеет еще вид большого города.

Мехельн (по-фламандски Mechelen), или Малин (Malines), лежащий тоже на реке Диле, но ниже впадения в нее Демера, походит на Лувен как историей, так и внешним видом. Это —тоже город, пришедший в упадок, утративший большую часть своей промышленности; во время своего процветания он насчитывал между своими рабочими одних ткачей более двенадцати тысяч и снабжал все Нидерланды металлическими изделиями, котлами и колоколами; его позолоченная кожа, из которой делали обои, находила обширный сбыт и вывозилась даже в отдаленные страны; точно также мехельнские кружева, «point de Malines», которые отличаются от других кружев гладкою нитью вокруг цветов, высоко ценились во всей Европе. В наши дни несколько женских мастерских плетут еще «malines» в том самом городе, который сообщил свое имя этому роду кружев; введенная в Мехельне фабрикация обоев производит прекрасные «гобелены»; но всего этого еще недостаточно, чтобы сделать город промышленным центром, и улицы старых кварталов остаются пустынными. Только новый квартал, построенный подле громадного здания вокзала, имеет довольно оживленный вид, так как Мехельн долгое время был, вместо Брюсселя, центральною станциею бельгийских железных дорог, и поезды перекрещиваются здесь почти непрерывно. Благодаря своей реке, усиливаемой морским приливом, и судоходному каналу, соединяющему его с Лувеном, Мехельн служит, вместе с тем, пристанью, которая посещается большим числом судов. В четырнадцатом столетии он имел даже значительные верфи для судостроения[1].

Несмотря на эти торговые выгоды своего местоположения, Мехельн есть один из городов, страдающих особенно сильным развитием пауперизма; число бедных иногда равнялось в нем трети всего населения. Так, например, в 1857 году, при 31.136 жителях, бедных, получавших вспомоществование, постоянное или временное, было 9.969 (39% в 1877 г.). Эта масса голодающих пролетариев живет не собственным трудом, а подаяниями общественной и частной благотворительности, которая, как известно, может только поддерживать существование нищеты, но не уменьшать ее. Несмотря, однако, на бедность большого числа жителей, широкия, правильные улицы и старинные дома, с выступающими этажами и пиньонами в форме лестницы, своим опрятным видом вполне оправдывают эпитет «чистенький» (Malines la Propre), которым исстари пользовался Мехельн. Соперничество городов было причиной того, что в средние века его наградили еще другим, совершенно незаслуженным, прозвищем «города дураков»: «Gaudet Mechlinia stultis»—такова была обычная поговорка студентов Лувенского университета, когда речь заходила об этом городе. Мехельн служит резиденцией кардинала архиепископа со времен короля Филиппа II, учредившего здесь архиепископскую кафедру, и потому может считаться церковною столицею Бельгии. Кафедральный собор его, постройка которого продолжалась с XIII по XV ст., есть один из прекраснейших готических храмов северной Европы; но башня этого собора, отличающаяся колоссальными размерами и совершенно непропорциональная остальному зданию, осталась недоконченною: однако, она выведена до высоты почти 98 метров. Внутренность храма, украшенная превосходными картинами, поражает своим грандиозным видом. Самое драгоценное из произведений искусства, которыми обладает Мехельн, находится в другой церкви —в церкви Богоматери. Это—картина Рубенса, изображающая «Чудесный лов рыбы» и нарисованная для корпорации рыбаков.

Две реки: Большая и Малая Нета (Neethe), которые, после своего слияния в один поток, соединяются с Диле и Сенной и образуют Рупель, орошают северо-восток Бельгии, наи-

1 Ernest van Bruyssel, „Patria Belgica“, II

менее населенную часть Кампины. Однако, и в этой области есть несколько важных городских общин. Таков в соседстве с голландскою границей город Турнгут (Turnhout, Taxandria), имеющий суконные фабрики и ведущий довольно обширную торговлю с Нидерландами; таков, далее, город Лиер (Ledi, по-фламандски Lier, по-французски Lierre), при слиянии Большой и Малой Неты, который тоже имеет многочисленные промышленные заведения, пивоваренные и свеклосахарные заводы, прядильни, ситцевые, шелковые, кружевные фабрики, и где есть готическая церковь пятнадцатого столетия, принадлежащая к числу замечательнейших памятников церковной архитектуры в Бельгии. Гораздо менее значительны Герентальс (Herenthals), называемый «столицей Кампины» и лежащий на половине дороги из Турнгута в Лиер, и Моль (Moll), похожий скорее на большое местечко, чем на город. По близости находится большая община Гель (Gheel), единственная в свете по существующим в ней колониям сумасшедших, живущих на воле в семьях земледельцев. В 1286 году в Геле была основана больница для умалишенных: но уже с незапамятных времен сюда приводили сумасшедших, чтобы дать им возможность прикоснуться к мощам св. Димфны, покровительницы безумных. Медицинский надзор за этими колониями, где живет около 1.500 душевнобольных, поручен четырем докторам[1].

Маленькая река Сенна (Senne), менее обильная, нежели Диль и Нета, заключает гораздо более многочисленное население в своем бассейне: здесь мы находим Брюссель, сделавшийся столицей королевства, и многие другие важные города, расположенные в близком расстоянии один от другого. Сенеф (Seneffe), близ истоков речки Сеннеты, напоминает многочисленные сражения; Нивель (Nivelles), который вначале был просто монастырем среди лесов, представляет теперь довольно значительный промышленный пункт, занимающийся преимущественно производством вагонов; с начала тринадцатого столетия здесь выделывали тонкое полотно, фабрикация которого перешла впоследствии в Валансьен. В Нивеле есть замечательная церковь, построенная в романском стиле, и монастырь той же эпохи: здесь был лен Монморанси-Нивель, принадлежавший Жану де-Нивель и отнятый у него за измену его отцом и королем Людовиком IX[2]. Суаньи (Soignies), на верхнем течении Сенны, также обладает романскою церковью двенадцатого столетия, которая замечательна как древнейший и наиболее почитаемый храм этого края. Из трех городков, носящих имя Брен: Брен-ле-Конт (Braine-le-Comte), Брен-л'Алле (Braine-l'Alleud), Брен-ле-Шато (Braine-le-Chateau), последний сохранил один интересный остаток старины—вертящийся позорный столб (pilori), окруженный высокими липами. Город Галь (Hal), лежащий ниже слияния Сенны и Сеннеты, славится во всей Бельгии своей святыней (чудотворной иконой Божией Матери), привлекающей массу богомольцев; его старинная готическая церковь богато украшена мрамором, бронзой, золотом и серебром. На половине дороги из этого города в Брюссель находится небольшая община Руисбрук (Ruysbroeck), где родился знаменитый путешественник Вильгельм Руисбрук или Рубруквис (Rubruquis), которого Людовик IX посылал в Среднюю Азию, и который посетил Каракорум. Верхний бассейн Сенны есть одна из тех частей Бельгии, где каменоломни разрабатываются самым деятельным образом: каменоломни окрестностей Суаньи и Экоссин-д'Энгиен поставляют так называемый «малый» или «фландрский» гранит, каменноугольный известняк, отличающийся большою твердостью; каменоломни Квеназта, между городами Брен-ле-Конт и Галь, открыты в массе порфира, пробившаго пласты силурийской формации. Этот порфир, более или менее окрашенный в зеленый цвет от примеси хлорита (зеленый тальк), дает самый прочный материал для мощения, какой только известен до сих пор в Западной Европе[3], и при том поверхность его не делается полированною от трения вследствие езды, как это бывает с базальтовою мостовой; его употребляют для мощения улиц и больших дорог не только в Бельгии, но и в других странах: несмотря на огромные издержки перевозки, Париж ввозит этот камень миллионами плит. Обломки этой

1 Рамон-де-ла-Сагра, «Voyage en Hollande et en Belgiquie»;—Жюль Дюваль, «Ghoel».

2 Эрнест Дежарден, «рукописные заметки».

3 Cornet, „Mines et Carrieres“, „Patria Be]gica“, I.

горной породы превращаются, при помощи особенных, нарочно для этой цели устроенных, снарядов, в макадам (битый камень) и в балласт для железных дорог. 1877 году эксплоатация квенастских каменоломен дала следующие результаты: больших выровненных кусков камня добыто 258.716 тонн; плит для мощения—17.373.500 штук[1].

На неровном плато, которое простирается к востоку от Галя и Сен-Пьера, между долиной Диля, находится поле битвы при Ватерлоо, получившее такую громкую известность в новейшей истории Европы: можно без преувеличения сказать, что в нашей части света ни одно из прославившихся мест сражений не описывалось так часто историками и не привлекает так много туристов, как Ватерлоо. Каждый пункт на этом театре кровавой борьбы сделался знаменитым: замок Гомон или Гугомон, подвергавшийся бешеной атаке и оказывавший отчаянное сопротивление во все продолжение битвы; кладбище Планшнуа, могилы которого были покрыты массами трупов; гостиница Бель-Альянс, ферма Ге-Сент, деревня Мон-Сен-Жан. Роковая дорога в лощине, где решилась участь дня, не существует более; она заменена тропинкой вровень с полями.

Брюссель (Brussel по-фламандски, Bruxelles по-французски), столица Бельгии, занимает совершенно центральное положение в государстве, на самой границе двух языков, по средине между областью равнин и областью холмов, в том пункте, где, так сказать, уравновешиваются все народности страны. Вначале это был, как говорят, замок, построенный на одном болотистом острове (Broeksele) Сенны; но в половине одиннадцатого века он уже является настоящим городом, окруженным валом и стенами, и при том одною из торговых станций между Фландрией и Рейном. Спустя столетие, он сделался резиденцией герцогов Брабантских и с той поры всегда был местопребыванием владетельных князей, наместников или королей. Теперь Брюссель принадлежит к числу больших городов Европы, ибо хотя пятиугольник собственно так называемого города, ограниченный широким кольцеобразным бульваром, не заключает в своих стенах даже 200.000 жителей, но вся агломерация бельгийской столицы, с её предместьями: Иссель, Эттербек, Сен-Жосс-тен-Нод, Шербек, Лакен, Кекельберг, Моленбек-Сен-Жан, Андерлехт, Сен-Жиль, насчитывает не менее 500.000 населения. Брюссель постоянно разростается, выделяя из себя новые кварталы вдоль больших дорог, постепенно приближающиеся к внешним местечкам, к Укль, Оверисше, и ко многим другим деревням кантонов Асше, Иссель, Моленбек, Сен-Жосс, Вильворде. Леса, сады окрестностей мало-по-малу замыкаются кругами домов. В некоторых отношениях столица Бельгии есть также один из главных городов Европы: благодаря её центральному положению между Францией, Англией и Германией, она часто избирается как место собрания для международных конгрессов.

Брюссель может указать на многие памятники архитектуры, достойные обширного и красивого города. В самом центре, на большой площади, возвышается здание, составляющее красу и гордость столицы,—городская ратуша, с высокою изящною башней (выс. $113^{3}/_{4}$ метр.), которую зодчий почему-то поместил, вопреки требованиям симметрии, не на средине крыши, и которая увенчана на верхушке бронзовою фигурой Михаила Архангела. В пятнадцатом столетии,—может быть, даже до восемнадцатого,—башня и угольные башенки ратуши, которые по большей части не были восстановлены во время реставрирования этого памятника готической архитектуры, были сплошь покрыты листами золота; эта позолота, по мнению Мельсенса. предохранила здание от разрушения во время больших гроз предшествовавших веков. Напротив ратуши стоит замечательное готическое здание, искусно реставрированное, «Дом короля», где Эгмонт и Горн провели свою последнюю ночь. Церковь св. Гудулы, кафедральный собор Брюсселя, представляет готический неф тринадцатого и четырнадцатого столетий, испорченный пристроенными к нему капеллами позднейшего времени, которые часто починялись и переделывались. Прекрасные цветные оконницы шестнадцатого столетия, изображающие знаменитых современников, богато украшенные стекла новейшей эпохи, статуи, поставленные на гробницах, великолепная кафедра, резные орнамен-

1 Emile Tandel, „рукописные заметки“.

ты которой заключают в себе целый курс зоологии для слушателей проповеди,—все это оживляет внутренность храма, ансамбль которой отличается несколько холодною правильностью. Две недоконченные башни собора, постройка которых относится к концу пятнадцатого столетия, придают зданию величественный вид; по мнению некоторых археологов, эти башни должны были служить боковыми подпорами центральному шпицу, который строители храма предполагали воздвигнуть над фронтоном фасада. Здание парламента, или Palais National (построенное Марией-Терезией и называвшееся прежде Palais des etats generaux), отстроено заново после пожара 1883 г. Королевский дворец не представляют ничего замечательного, кроме произведений искусства, которыми украшены его аппартаменты. Новое здание судебных установлений, с длинными колоннадами, поражает громадностью своих размеров; оно больше собора апостола Петра в Риме и доминирует над городом, как гигантский акрополь. Что касается биржи, то это—одно из тех вульгарных новейших зданий, которых так много в больших городах и в которых архитектурная красота заменена обилием и вычурностью украшений.

Брюссель имеет редкия сокровища в своих музеях и картинных галлереях. Обширное здание промышленности, «Palais de l'Industrie», где собраны драгоценнейшие коллекции, заключает в себе, кроме музея моделей, музей естественной истории и залы, наполненные предметами доисторического происхождения и достойными страны, которая так много содействовала новейшим открытиям в области антропологии; далее, богатую библиотеку, содержащую свыше 300.000 томов книг и 23.000 рукописей, между которыми есть чрезвычайно редкие и дорогие экземпляры, собранные герцогами Бургундскими (так называемая bibliotheque de Bourgogne); и, наконец, картинную галлерею, содержащую около 600 картин старинных мастеров, главным образом фламандских и голландских: здесь можно видеть произведения Рубенса, преимущественно портреты, картины Иорденса, ван-Дейка, Филиппа Шампань, две доски знаменитого «Мистического агнца» братьев ван-Эйк; здесь же всего лучше можно изучать творения Гаспара Крайера. Картинная галлерея герцога Аремберг, посвященная почти исключительно произведениям голландской живописи и так называемых малых фламандских мастеров, составлена из отборных полотен. Музей новейшей живописи (musee moderne) тоже драгоценная галлерея, так как нынешняя школа бельгийских художников занимает одно из первых мест в современной живописи; произведения одного из представителей этой школы, Антона Вирца, сами по себе составляют целый музей (musee Viertz). Что касается древностей и предметов средневековой эпохи, изделий из слоновой кости, обоев, оружия, скульптурных произведений, резьбы и т. п., то город поместил их в живописной башне Гальских ворот, которая теперь изолирована между двумя аллеями одного бульвара. В этом музее древностей находится, между многими любопытными эпиграфическими памятниками, знаменитый миллиарий (мильный камень) из Тонгра, важность которого для определения расстояний на римских дорогах долины Рейна и Бельгии давно уже оценена учеными[1].

Столица Бельгии, родина Андрея Везаля, ван-Гельмонта, Филиппа Шампань, ван-дер-Мейлена, Дюкенуа, естественно, сделалась местопребыванием главных ученых обществ и различных академий. Так, в последнее время здесь основалось географическое общество; кроме того возникло общество, имеющее специальную цель—исследование Африки и состоящее под председательством самого короля: это высокое покровительство, быть может, сделало более, чем любовь к науке, чтобы обеспечить народившемуся обществу значительный бюджет, ибо в Европе другие общества, более древния, поставившие себе ту же самую задачу, далеко не так богаты. Бюджет бельгийского общества для исследования Африки 1-го января 1878 года представлял следующие цифры: общий приход—437.275 франков; членские взносы и годовой доход—113.250 франков.

Брюссельская обсерватория, существующая с 1830 года и превосходно устроенная, оказала весьма важные услуги науке, благодаря её знаменитому директору Кетле, который сто-

1 Эрнест Дежарден, „рукописные заметки“.

ял во главе научного исследования, имевшего целью записывать повторения периодических явлений природы. Брюссельский университет, открытый в 1834 году, обязан своим основанием инициативе частных лиц и не зависит ни от государства, ни от церкви (число студентов в 1890-91 г.: 1.577). Политехникум, учрежденный в 1873 г., имел в 1890-91 г. 115 слушателей. Между учебными заведениями Брюсселя не последнее место занимает музыкальная консерватория, превосходно устроенная и едва-ли не лучшая в свете по достигаемым ею замечательным результатам в отношении музыкального образования, которое она дает своим воспитанникам. Вообще, Брюссель, по своим концертам, по своим обществам пения и инструментальной музыки может быть без преувеличения назван одною из европейских столиц искусства. Парки, тенистые бульвары и аллеи и многочисленные сады, между которыми первое место занимает ботанический, много способствуют украшению и ассенизации города. Два главные парка, Лекенский на севере и Камбрский (le bois de la Cambre) на юге, тоже могут быть названы ботаническими садами, потому что в них, рядом с местными растениями, насажены различные породы иноземных дерев; первый из этих парков имеет богатейшую в Европе коллекцию пальм. Близ Лекенского парка находится кладбище, служащее местом погребения для брюссельской знати и усеянное богатыми надгробными памятниками: здесь похоронена знаменитая певица Малибран.

Благодаря многолюдству Брюсселя и важности его центрального положения для транзита, торговая деятельность его постоянно увеличивается, и товарное движение, как и пассажирское, на станциях его четырех железных дорог весьма значительно. Кроме того, он ведет обширные торговые сношения с другими городами Бельгии по водяным путям. Его можно даже считать приморским портом, так как он имеет непосредственное сообщение с Северным морем, не чрез Сенну, которая теперь превратилась в сточную канаву и застроена домами, а чрез канал Виллебрук, который соединяется с Рупелем в небольшом расстоянии выше впадения этой реки в Шельду. В 1891 году в брюссельском порте было в приходе 146 морских судов, общая вместимость которых равнялась 21.278 тоннам. В пятнадцатом столетии, когда Сенна была гораздо шире и глубже, чем ныне, на ней существовало очень деятельное судоходство[1]; вся торговля Брюсселя и северной части провинции Геннегау производилась исключительно по этой реке. Бюджет города Брюсселя в 1893 г. представлял следующие цифры: доходы—29.447.663 франка; расходы—29.310.436 фр.; проценты по городскому долгу (около 290 милл.)—8.800.000 франков.

Значительнейшие общины бассейна Шельды, в Лимбурге и Брабанте:

Лимбург. Гассельт—13.000 жител. Сен-Трон (Сент-Труйден)—13.000 жителей.

Брабант. Брюссель—194.505 жител. (31 декабря 1896 г.). Моленбек-Сен-Жан—54.278 жител. Шербек—60.178 жител. Иссель—54.385 жител. Сен-Жиль—48.156 жител. Сен-Жосстен-Нод—31.133 жител. Андерлехт—40.012 жител. Лекен—28.826 жител. Эттербек—17.735. жител. Лувен (Левен)—40.625 жител. Тирлемон (Тинен)—16.865 жител. Нивель—10.640 жител. Укль—14.840 жител. Галь—10.440 жител. Вильворде (Вильворден)—12.260 жител. Дист—8.530 жител. Вавр—7.920 жител. Асше (Assche lez-Bruxelles)—7.063 жител. Брен-Лалле—7.000 жител. Оверисше—5.500 жител. Эршот (Арсхот)—6.235 жител.

Бассейн реки Дендры или Дендера, следующий за бассейном Сенны в западном направлении, тоже очень густо населен; но в нем нет ни значительных городов, ни главных административных пунктов провинциального управления. Ат (Ath)—торговый город, близ которого находится замок княжеского рода де-Линь, с великолепною картинною галлереей; Лез (Leuze), на половине дороги из Ата в Дорник, фабрикует шелковые материи; Лессин (Lessines), где Дендра принимает в себя ручей, текущий из Эльзеля, превосходит даже Квенаст по важности своих порфировых каменоломен (на всех лессинских каменоломнях ежегодно добывается плит для мощения и мелкого камня около 60.000 тонн). Граммон или Гертсберген (Grammont, Gertsbergen) славится своими черными кружевами; Нинов (Ninove) имеет мануфактуры ниток, бумажных материй, перчаток; Алост (Alost, по-фла-

1 „Annales destravaux publics de Belgique“, III, 1845.

мандски Аальст) служит складочным местом для торговли хмелем, производимым окрестными деревнями; в историческом отношении этот город замечателен тем, что он был столицей императорской Фландрии, а также тем, что в нем была основана Мертенсом, в 1473 году, первая в Бельгии типография. Термонд (Termonde) лежит, как показывает его фламандское имя, Дендермонде (Dendermonde), то-есть «устье Дендера» или Дендры, при слиянии этой реки с Шельдой, и, благодаря этому положению в низменной местности, которую, в случае надобности, легко затопить, он мог в 1667 году заставить Людовика XIV снять предпринятую им осаду города. Он до сих пор сохранил свои укрепления, и в случае вторжения неприятеля в пределы Бельгии будет служить первым оборонительным постом впереди Антверпенской крепости. Главный промысел этого города—льноводство, фабрикация полотен, канатное и маслобойное производство. На юге от Термонда находится сельская община Леббеке.

Монс (Mons Hannoniae, Montes), главный город провинции Геннегау, построенный недалеко от французской границы, на скатах холма, возвышающагося по средине Геннегау, то есть бассейна реки Ген (Haine или Haisne), еще недавно был окружен поясом укреплений, которому он, без сомнения, и обязан тем, что так мало изменился в течение нынешнего столетия,—в то время, когда край, которого он служит средоточием, постепенно получил важное промышленное значение, и когда население этого края быстро увеличивалось массами пришельцев из других мест, привлекаемыми обширным развитием горной промышленности. Город точно остановился в своем росте, окаменел, тогда как огромные скопления рабочего люда покрывали его окрестности новыми городскими общинами, в особенности на западе и юго-западе. Подобно Шарлеруаскому округу, округ Монса есть, так сказать, громадный, разбросанный на большом пространстве город, главные центры которого составляют группы домов и фабричных заведений, сообщивших свое имя различным общинам, каковы: Кюэм, Жемапп, Кареньон, Сен-Гислен, Буссю близ Монса (Boussu-lez-Mons), Горню, Вам-ан-Боринаж, Патюраж, Фрамери, Дур, ла-Бувери. Причиной того, что такое большое число жителей устремились к бассейну Гены, были его каменноугольные копи, богатейшие во всей Бельгии; но участь этих рудокопов, в гораздо большей мере, чем участь земледельцев, зависит от колебаний торговли, и часто они гибнут из десяти один от нужды, причиняемой понижением цен на рынке. Каменноугольные залежи области Геннегау начали разрабатываться, кажется, не ранее первой половины четырнадцатого столетия, то-есть слишком сто лет спустя после открытия копей в окрестностях Льежа, но эти залежи скоро получили более важное значение, чем льежские: начиная с половины шестнадцатого столетия, каналы Монса были постоянно запружены барками, нагруженными земляным углем, и во времена Людовика XIV пласты, разрабатывавшиеся до 70 метров глубины, были обследованы от Маримонта до Кьеврена, на пространстве около 40 километр. в длину и 10 километр. в ширину. В настоящее время рудокопы знают в Монском каменноугольном бассейне 156 слоев, жил и жилок; но многие из этих месторождений угля слишком тонки, чтобы их можно было утилизировать. Залежей, которые теперь разрабатываются, только 80, и они разделены на четыре яруса, которые различаются между собою качеством минерального топлива. Количество угля, добываемого ежегодно в шахтах Монса и Боринажа (так называется камменно-угольный округ, прилегающий к французской границе) и перевозимого по каналу из Монса в Конде и по его разветвлениям, идущим к Турне или Дорнику и к долине Дендера, нужно считать миллионами тонн.

Главный город провинции Геннегау не имеет того вульгарного вида, какой свойствен большей части горнозаводских городов. Кафедральный собор св. Вальтруды (S-te-Waudru), построенный на вершине горы, от которой Монс и получил свое название (Mons—по-латыни гора), представляет прекрасное здание готического стиля, к сожалению, несколько обезображенное позднейшими пристройками и лишившееся башни, самое основание которой обратилось уже в бесформенную груду развалин. Недалеко от церкви, на высшей точке горы, стоит сторожевая башня, заменившая, по преданию, римскую башню, сооружение которой приписывают Юлию Цезарю. Площадь перед городскою ратушей тоже отличается

оригинальным характером; в пятидесятых годах на ней поставлен памятник композитору Орландо ди-Лассо (Roland de Lattre), родившемуся здесь в 1530 г. Монс напоминает многие замечательные факты военной истории. Он часто подвергался осаде, и в окрестностях его происходили многие памятные битвы. Впрочем, деревня Мальпляке, к юго-востоку от города, многими принимается ошибочно за место большего сражения 1709 года: эта кровопролитная битва происходила в пределах Франции, на расстоянии 16 километров к юго-западу от бельгийского Мальпляке. На западе от Монса находится Жемапп (Jemappes), где французы, под предводительством Дюмурье, одержали блистательную победу в 1792 году.

Между Монсом и Шарлеруа важнейшие центры каменноугольного бассейна—Лувьер (la Louviere) и живописный городок Бинш (Binche), к западу от которого, в замке д'Эстин, король Дагобер долгое время имел свою резиденцию; Андерлю, Морланвельц, Карньер, Гуденг-Эмери и Гуденг-Геньи тоже принадлежат к многолюдным общинам этой области; по другую сторону Монса, в направлении к Турне, находится Перувельц (Peruwelz), очень промышленная община, так же, как Бодур (Baudour), лежащий на северо-западе, недалеко от истоков Дендера. В копи Берниссар, к ю.-в. от Перувельца, нашли 23 скелета игуанодона; одно из этих чудовищ выставлено в брюссельском музее.

Турне, или Дорник (Tournay, Tournai, Doornik), самый почтенный город Бельгии по своей древности (Civitas Nerviorum, Tornacum), превосходит главный город провинции Геннегау и по числу жителей. Основанный могущественным и воинственным народом, нервами (Nervii), бывший затем галло-римским городом и местопребыванием первых вождей франко-салийского государства, меровингских королей, Дорник во все времена сохранял важное значение, которое давало ему его счастливое положение на обоих берегах большой судоходной реки, Шельды, в точке соединения многих естественных торговых путей. У широких набережных этого города всегда теснятся многочисленные суда, нагруженные по большей части каменным углем; железные дороги, сходящиеся в Турне, соединяются в пышном вокзале. Кафедральный собор, колоссальное здание в романском стиле, построен почти весь во второй половине двенадцатого века; хоры его, сделанные в готическом стиле, относятся к началу четырнадцатого столетия. Эта церковь, увенчанная пятью башнями,—откуда и произошло прозвище «пятибашенный город», ville aux choncq clotiers, даваемое Дорнику,—есть, бесспорно, замечательнейший и оригинальнейший архитектурный памятник средневековой эпохи, какой только существует в Бельгии: между тысячами капителей его колонн и колоннок не найдется двух подобных,—до такой степени скульпторы следовали каждый своей фантазии; школа ваяния, существовавшая в этом городе в половине четырнадцатого столетия, была тогда лучшею в Европе. Городская башня (beffroi) Дорника, недавно реставрированная, замечательна, как древнейший памятник этого рода в Бельгии: сооружение её относится к концу двенадцатого столетия (1190 г.); кроме того, здесь есть два частные дома той же эпохи, составляющие большую редкость: известно, как мало частных зданий уцелело от пожаров и всякого рода опустошений, которым подвергались европейские города со времени средневекового периода. На Большой площади стоит памятник принцессе д'Эспинуа, которая в 1581 году защищала город против Александра Пармского. В церкви св. Брисы, построенной в XII столетии, погребен Хильдерик. Главная местная промышленность —фабрикация вязаных изделий и так называемых брюссельских ковров; эта промышленность завещана нынешнему городу средневековым Дорником, но она прошла через длинный период упадка, и способы производства, так же, как и самые произведения, должны были часто видоизменяться, сообразно капризам моды и конкурренции соперничествующих городов. Большая часть ковров и вязаных изделий ткутся на дому, вследствие чего ремесленник пользуется большей независимостью в своей работе. В торговом мире Турне славится еще произведениями своих плодовых садов: почва его окрестностей, глубокая и состоящая из смеси глины с известью, очень благоприятна для возделывания груш и других деревьев того же семейства. Многие разновидности «дессертных фруктов» созданы в самом крае. Наконец, отсюда вывозится много извести, которую ломают на окружающих город холмах.

Значительнейшие общины бассейна Шельды, в провинции Геннегау, с населением свыше 5.000 жителей:

Турне или Дорник—35.760 жит. (1895 г.); Монс—25.240; Кареньон—14.360; Вам-в-Боринаже—13.775; Жемапп—12.000; Патюраж—10.740; Фрамери—10.820; Дур—10.605; Буссю-ле-Монс—9.705; Горню—8.855; Кюэм (Cuesmes)—8.370; Ла-Бувери—6.200; Ла-Лувьер—14.260; Ат—9.870; Перувельц—8.270; Бинш (Бенш)—10.105; Брен-ле-Конт—8.790; Лессин—8.225; Лёз—5.840; Морланвельц—7.000; Бодур—5.650; Гуден-Эмери—6.820; Карньер—6.000; Эллезель—5.385; Андерлю—6.340; Экоссин-д'Энгьен—6.085; Гуденг-Геньи—6.033; Суаньи—9.245 жителей.

Оденард или Уденард (Audenarde, Oudenarde), лежащий тоже на Шельде, между Дорником и Гентом, давно утратил то важное значение, которое он некогда имел между городскими общинами Фландрии; по числу жителей он теперь уступает даже Сен-Рене (St. Renaux) или Ронсу (Ronsse), новому фабричному городу, построенному на юге, среди удаленных от реки равнин, которые уже поднимаются там в виде небольших возвышенностей. Но Оденард сохранил еще много старинных зданий, свидетельствующих о прежней его славе и цветущем состоянии: такова, например, городская ратуша, готическое здание шестнадцатого века, с высокою башнею и обширною залою, украшенною великолепными резными дверями в стиле эпохи возрождения. Замечательны также две церкви, частию романского стиля, построенные одна в двенадцатом, а другая в тринадцатом столетии; оденардские стрелки, славившиеся своим искусством в стрельбе из лука и получавшие много призов на состязаниях во время народных праздников, часто приносили в эти храмы для освящения добытые ими трофеи. Город утратил ковровую промышленность, которая составляла источник его благосостояния в половине шестнадцатого столетия, и которою в то время занимались от 12.000 до 14.000 ремесленников[1]. В настоящее время он имеет кое-какие промышленные заведения—кожевенные заводы, химические, цикорные, канатные фабрики и пр. Вокруг Оденарда, затопленные земли напоминают неоднократные осады, выдержанные этим городом, и наводнения, которые гораздо лучше защищали его от врагов, чем крепостные стены.

Река Лейс или Лис (Lys), впадающая в Шельду в городе Генте, при своем вступлении в пределы Бельгии омывает набережные нескольких многолюдных городов. Во-первых, она делит пограничное местечко Комин (Comines, Comineum), бывший город и крепость, на две половины—французскую, расположенную на правом берегу, и бельгийскую, занимающую левый берег; затем она протекает мимо Вервика (Wervicq)—древне-римская станция Viroviacum—и его табачных фабрик, где запасаются товаром контрабандисты; далее проходит перед Мененом (Meenen, Menin), фабричным и торговым городом, который встарину, лет двести тому назад, славился своими многочисленными пивоваренными заводами. Город Куртре или Кортрейк (Courtrai, Kortryk, Cortoriacum), который мы встречаем ниже на берегах той же реки, важен, как главный рынок для большой части западной Фландрии: окрестные деревни производят лен превосходного качества, из которого прежде здесь выделывали прекрасное тонкое полотно, пользовавшееся обширною известностью. Столовое белье, приготовляемое в Кортрейке, до сих пор высоко ценится, и сбыт его постоянно возрастает; но лучшие сорты льна, возделываемого в окрестностях этого города, теперь скупаются англичанами, в самой же Бельгии прядут лен только низшего достоинства. Кроме того, в Кортрейке существует значительное кружевное производство, которым занимается несколько тысяч кружевниц. Кортрейк, древний и знаменитый город, обладает прекрасною ратушей, которой недавними реставрациями придали тот вид, какой она имела в шестнадцатом столетии. Недалеко от муниципального здания, по другую сторону неправильной площади, стоит главная городская башня (beffroi), небольших размеров, но очень живописно поднимающаяся над окружающими ее строениями. Готическая церковь св. Мартина, памятник тринадцатого века, с красивыми цветными стеклами, тоже доминирует своим высоким нефом над домами города; во внутренности её заслуживает внимания картина ван-Дейка. Близ Кортрейка на-

1 Пиншар, „Patria Belgica“, III.

ходится поле битвы, где корпорации фламандских ремесленников одержали в 1302 году решительную победу над французскими рыцарями Филиппа Красивого, и где победители подобрали после сражения несколько сот золотых шпор.

Ниже Менена и до самого Гента—Куртре, единственный важный город на реке Лейс или Лис; все многолюдные городские общины находятся внутри страны, далеко от болотистых берегов этой реки. Одна из этих общин, Мускрон (Mouscron), лежит к югу у Куртре, близ французской границы. На запад от р. Лейс, главные общины суть: Ивгельмюнстер, где фабрикуются обои, известные под именем «гобеленовских», Шеген, Мейлебеке, Румбеке, Рулер или Русселер, Морследе, Ардуа, Тильт, Руйселед, Сомергем, Эльтре. Эти общины замечательны в особенности богатством окружающих культурных земель, производящих лен, табак, мак, разного рода хлеб. Рулер, кроме того,—один из важнейших рынков Бельгии по торговле полотняным товаром. К востоку от р. Лейс, самые значительные группы населения —Круисгаутем, Вегерем, Гарлебеке.

Гент (по-фламандски Gent, по-французски Gand, по-латыни Gandavum), главный город провинций восточной Фландрии, некогда один из многолюднейших городов Европы, занимает чрезвычайно выгодное географическое положение, благодаря чему он мог оправляться от всех постигавших его бедствий. Расположенный при слиянии Шельды, Лейса и речек Ливе и Мере, город этот служит естественным складочным местом для произведений этих верхних долин. Кроме того, Гент находится в углу, где Шельда, уже усиливаемая морским приливом, наиболее приближается к морю, прежде чем сделать поворот направо, к востоку, и гентцы с давнего времени воспользовались этою близостью океана для своих выгод, прорыв каналы, которые, с одной стороны, служили им для спуска лишней воды при разливах Шельды и Лейса, а с другой—давали их городу возможность вести непосредственные торговые сношения с заграничными рынками, при помощи мелких судов. К водяным путям, представляемым реками и каналами, присоединились сухопутные дороги и рельсовые пути: в настоящее время ни в одном из городов Бельгии не сходится так много железных дорог, как в Генте. Поэтому нет ничего удивительного, что столица восточной Фландрии сделалась третьим городом королевства по количеству населения, которое увеличивается с каждым годом; по степени же развития промышленности и торговли она занимает одно из первых мест в ряду бельгийских городов. Вероятно, нынешнее число её жителей не меньше того, которое она имела в ту эпоху, когда её коммунальное могущество еще не было сломлено. Гент, несомненно, был в то время важнейшим и многолюднейшим городом Бельгии: подобно тому, как в Лувене, ремесленники и работники были здесь так многочисленны, что в тот час, когда звонил большой колокол, призывавший их на работу или отдых, обыватели спешили укрываться в своих домах, чтобы дать пройти огромной и стремительной волне рабочего люда. Однако, этот факт, дающий понятие о тогдашних правах, не доказывает еще, чтобы в Генте было, как это часто утверждалось, до восьмидесяти тысяч граждан, способных носить оружие: старинные планы и достоверные исторические свидетельства показывают, что пространство, занимаемое городом, никогда не было обширнее, чем в наши дни. Что касается знаменитой фразы императора Карла V: «Je mettrai votre Paris dans mon gant», то это не более, как игра слов, и по злой иронии судьбы, гентец, гордо кинувший эту фразу своему сопернику, Франциску I, есть именно один из тех людей, которые всего более способствовали упадку благородного города.

Гент, по справедливости, может назваться одною из «северных Венеций», благодаря бесчисленным каналам и речным рукавам, разрезывающим его на множество кварталов неравной величины: он состоит из 26 островков, соединенных сотней мостов, которые, вместе с набережными, тихими водами и снующими по ним пузатыми ладьями, придают городу почти голландскую физиономию. Но исторические воспоминания делают Гент оригинальным городом: перед высокою четыреугольною сторожевою башнею или «бельфридом» (Belfried, Belfroot, beffroi), с её многочисленными колоколами, призывавшими некогда гентцев на вече или к оружию, в залах богато украшенного здания городской ратуши, или на Базарной

площади, где с 1863 г. стоит бронзовая статуя Якова ван-Артевельде, великого диктатора Фландрии, перед городскими воротами Рабо, с их массивными башнями,—везде припоминаются дни прежнего величия города. Муниципальные здания, исторические дома, площади, где происходили многолюдные народные собрания—вот что представляет Гент наиболее любопытного историку. Но художника прежде всего привлекает кафедральный собор св. Бавона, готическое здание тяжелых размеров, но поражающее блеском внутреннего убранства; хоры и многочисленные капеллы его—настоящие святилища искусства: здесь много превосходных картин, между которыми особенно замечательны картины Рубенса и «Мистический агнец» братьев Губерта и Яна ван-Эйк, одно из капитальных произведений живописи, одно из тех произведений, которые, несмотря на искажения и реставрации, все-еще сохранили свою первоначальную красоту. К сожалению, в гентском соборе осталась только средняя часть этой знаменитой картины; две створки её, изображающие Адама и Еву, находятся ныне в брюссельском музее, шесть других—в берлинском, так что целое этой религиозно-эпической поэмы, резюмирующей, на одной странице чудной живописи, все мистические верования пятнадцатого столетия, теперь можно видеть только благодаря копиям.

Метрополия Фландрии до сих пор еще имеет право на название города искусств: её академия художеств посещается сотнями воспитанников и обладает богатым музеем, составленным по большей части из картин бывших монастырей, упраздненных во время первой французской революции; в высшем техническом училище (ecole d'industrie) бывает до 800 воспитанников. Старейшее из бельгийских периодических изданий, «Gazette van Gent» («Гентская Газета»), основанная в 1667 году, поныне выходит в этом городе. В Генте же находится и государственный университет фламандской области Бельгии; по числу учащейся молодежи он уступает вольным университетам Брюсселя и Лувена, но с ним соединены два высшие специальные учебные заведения: училище гражданских инженеров (ecole du genie civil) и школа искусств и мануфактур (ecole des arts et manufactures). В 1891-92 году в Гентском университете числилось—543 студента. Публичная библиотека, помещающаяся в бывшем монастыре Бодело, есть одна из богатейших в Европе. В Генте находятся две значительнейшие из существующих в Бельгии «beguinages»[1], или общины незамужних женщин, произнесших временный обет. Бегинки вначале живут в общей обители; но по достижении двадцативосьмилетнего или тридцатилетнего возраста они могут поселиться, вместе с одною или несколькими подругами, в одном из отдельных домиков общины. Главный гентский бегинаж (Beggynhof), основанный в 1234 году, переведен в предместье Сент-Аман: это настоящий городок, где около семисот женщин, посвятивших себя религиозной жизни и делам милосердия, соединены в одно общество под управлением нескольких патеров. Желающая поступить в общину должна представить удостоверение относительно имения ею небольшого дохода и дать обязательство в том, что сама будет зарабатывать себе средства к существованию; но так как расходы членов общины очень невелики, благодаря жизни сообща, то бегинки могут продавать кружева и другие работы иглой, которые они делают, дешевле, чем вольные мастерицы Гента. Знаменитый смирительный дом Гента, образцовая тюрьма, где содержится более 2.000 заключенных, тоже представляет огромную фабрику (производство холста для войска) и делает конкурренцию местной промышленности, которая оказывается недостаточною для утилизирования всех рабочих рук. Число бедных в Генте очень велико: иногда доходило до того, что пятая часть городского населения зависела, в отношении своего существования, от общественной и частной благотворительности.

Между промышленными заведениями столицы Фландрии первое место, по размерам производства, занимают фабрики полотняных, бумажных и шерстяных материй[2]; одна из прядильных фабрик,—та, которая построена на берегу Лейса,—принадлежит к числу об-

1 Название beguinage, beggynhof произошло, как полагают, от to beg, молиться, или от св. Бенги, или от имени люттихского священвика le Begue. Прим. перев.

2 В прежнее время фабрикация полотняных и шерстяных тканей достигала в Генте колоссальных размеров; так, в 1400 г. здесь насчитывали 40.000 ткачей, которые могли выставить из своего цеха 18.000 годных к войне мужчин. Прим. перев.

ширнейших заведений этого рода в Европе: вечером, куда ни посмотришь, везде видишь ярко освещенные окна фабрик и заводов. Чтобы дать понятие о размерах прядильной промышленности Гента, приводим цифры, относящиеся к 1893 году: бумагопрядильни—600.000 веретен; льнопрядильни—200.000 веретен.

Кроме прядильных мануфактур, здесь есть ситценабойные фабрики, кожевенные, свекло-сахарные заводы и т. д. Вообще Гент с гордостью величает себя «бельгийским Манчестером», но ему нужно бы было иметь «Ливерпуль» более близкий, чем Антверпен: отсюда постоянные усилия его торгового класса устроить удобное сообщение с голландским портом Тернейцен. И усилия эти не были напрасны; старый канал, имевший прежде только 4,20 метр. глубины, был значительно углублен, и теперь число проходящих по этому водяному пути судов с грузами лесного товара, льна, каменного угля увеличивается с каждым годом; он сделался доступным даже для больших судов, имеющих до 6 метров водоуглубления, и однажды купеческий корабль в 633 тонны вместимости свободно вошел в доки Гента, который ныне возвысился на степень третьего порта Бельгии.

Движение судоходства в Гентском порте: В 1841 г. в приходе было 241 судно, вместимостью 30.102 тонн; в 1891 г.: в приходе—1.013 судов (в том числе 901 пароход) в 496.828 тонн; в отходе—1.011 судов в 494.744 тонн.

Новый бассейн, на северо-восточной стороне города, может вместить до 400 судов. Кроме мануфактур и морской торговли, Гент имеет еще одну специальную отрасль промышленности—культуру декоративных растений. Он еще в большей мере, чем Брюссель и другие бельгийские города, заслуживает названия «города цветов». Его ботанический сад (plantentium)—один из лучших в Бельгии; его цветочные выставки—верх совершенства в своем роде; пройтись по его цветочному рынку или по оранжереям его садоводов и любителей садоводства—истинное наслаждение. В Генте насчитывается 80 крупных цветочных торговцев и свыше 400 оранжерей.

Промышленный капитал гентских садоводов (более 400 теплиц) 75.000.000 франк. Ежегодный вывоз цветов и растений простирается на сумму около 10.000.000 франков.

Весь Гентский округ и прибрежные равнины Шельды вплоть до самого Антверпена усеяны многолюдными городскими общинами. На юге, Ледеберг (Ledeberg), при Шельде и в точке соединения нескольких железных дорог, есть лишь передовое предместье Гента, так же, как и местечко Мон-Сент-Аман (Mont-Saint-Amand, по фламандски Sint-Amand-Berg); на северо-западе, Экло (Eecloo), лежащий на едва заметном водораздельном хребте, отделяющем среднюю Шельду от океана,—промышленный городок; Сомергем, Эвергем, Калькен—земледельческие центры; Веттерен, на правом берегу Шельды, с королевским пороховым заводом, славится своим превосходным крепким пивом, называющимся uitzet; Локерен, к северу от Шельды, мануфактурный город, с большими белильными фабриками, так же, как соседния общины Зеле и Мербеке близ Локерена (Morbeke-lez-Lokeren); Стекене, близ голландской границы, служит складочным местом для торговли между долиной Шельды и зеландским портом Гульст; Весмюнстер—одна из богатых городских общин плодородной области Вес (Waes), главным рынком которой можно считать Сан-Николас-Вес; Беверен-Вес производит кружева в большом количестве: Бом (Boom), на Рупеле и при выходе канала Виллебрук, служит складочным местом для судоходства между Брюсселем и Антверпеном и, кроме того, известен своими кирпичными заводами, самыми значительными в Бельгии; местечко Гамме близ Термонда (Hamme-lez-Termonde), лежащее к северу от Термонда или Дендермонда, числом жителей превосходит город, от которого оно получило вторую половину своего имени; городок Тамиз (по-фламандски Темпше), на левом берегу Шельды, с прядильными фабриками (пенька и джут), важен как место провоза товаров; между этим городом и Борнгемом находится последний путевод на главной бельгийской реке. Ниже Тамиза, Рупельмонде, с многолюдным пригородом Базеле, расположен, как показывает самое имя его (monde по-фламандски—устье), при слиянии Руппеля и Шельды. Этот городок, окруженный кирпичными заводами, замечателен, как родина знаменитого Кремера, который под

латинским именем Меркатора, издал в 1559 году карту с параллельными меридианами, столь полезную географам и безусловно-необходимую морякам[1]. К счастию для прогресса человечества, Меркатор, обвиненный в ереси в 1544 году, успел избегнуть ожидавшей его смерти на костре. Рупельмонде недавно воздвиг ему памятник.

Антверпен (Antverpen, от aen t'werf, на верфи; по-французски Anvers, по-испански Amberes), второй город Бельгии по числу жителей, первый по торговле, важнейший приморский порт и единственная большая крепость королевства, существует по меньшей мере тысячу двести лет; но в ту эпоху, когда имя его в первый раз упоминается в летописях страны, он далеко не обладал теми выгодными условиями для торговых сношений, какие представляет в наши дни. Он находился тогда, правда, у оконечности лимана, к которому текли Шельда и два её притока, Большой и Малый Шейн (Schyn), в то время более многоводные, чем ныне[2]; но лиман, куда изливались эти речные воды, не открывался прямо в океан: только в половине пятнадцатого столетия пролив Гонта или восточной Шельды сделался удобным для судоходства, вследствие чего незначительное местечко Антверпен, затерянное до той поры внутри материка, превратилось в приморский город. Окружающий его край был покрыт болотами, еще не осушенными и не преобразованными посредством обработки почвы. Наконец, залив Цвайн, оконечность которого занимает город Брюгге, был гораздо выгоднее расположен для внешней торговли, чем лиман Шельды, и естественно, что там именно, в непосредственном соседстве с самою промышленною областью Фландрии, должен был установиться главный поток торговых сношений. В 1444 году в Антверпене было не более четырех купцов, и весь его коммерческий флот состоял из шести мелких судов, годных лишь для речного плавания; но по мере того, как мелел Цвайн, лиман соперничествующего города Антверпена приобретал все более важное значение. Однако, этот город поднялся на степень большего рынка только с той эпохи, когда португальцы, проложившие прямой морской путь в Индию, основали здесь свою факторию: это случилось в 1503 году. Купцы других европейских наций последовали примеру португальцев, и в половине шестнадцатого столетия Антверпен достиг высшей степени процветания: в то время иногда в один прилив в его гавань входила целая сотня купеческих кораблей; более тысячи иностранных торговых домов имели в нем свои конторы. «В ту эпоху, говорит Гишарден, не было, за исключением Парижа, ни одного города по сю сторону гор, который бы мог сравниться с ним (Антверпеном) богатством и могуществом». Это цветущее состояние вдруг прекратилось вследствие войн, побоищ, моровой язвы, и лучшие граждане бежали из города, чтобы не попасть в руки трибуналов инквизиции. Население Антверпена, простиравшееся в 1568 году до 125.000 душ, уменьшилось в половине следующего столетия до пятидесяти тысяч душ. Голландцы, владевшие устьем Шельды, из зависти все более и более затрудняли судоходство по нему, пока, наконец, вход в эту реку был окончательно заперт постановлениями Вестфальского мирного трактата. С этого времени торговля Антверпена перешла к Амстердаму[3]. Однако географическое положение бельгийского города на большой реке в 10 метров глубиною так счастливо, что торговля его, естественно, пользовалась всеми благоприятными политическими обстоятельствами, чтобы снова подняться. Теперь Антверпен многолюднее, деятельнее, богаче, чем он был в шестнадцатом столетии, и пока образование песчаных мелей, изменение фарватера, или какая-нибудь другая естественная причина в том же роде, или, наконец, война с Голландией, не закроют проход судам,—участие Антверпена в общем движении европейской жизни, вероятно, будет постоянно увеличиваться. Засорение фарватера илом приняло с половины нынешнего столетия такие большие размеры, что инженеры предложили заменить естественную Шельду искусственною рекой (в 7 метров глубиною), которая, проходя исключительно по бельгийской территории, впадала бы в рейд, Гейст. Но неминуемым следствием прорытия этого канала было бы то, что Антверпен должен бы был уступить Брюгге свое пер-

1 Фон-Ремдонк „Gerard Mercator, sa vie et ses oeuvres".

2 Вуверман, „Notes sur les variations de l'Escaut au seizieme siecle". „Bullet, de la Soc de Geograp. d'Anvers", fasc. 2.

3 Gaillard, „Memoires de l'Academie de Belgique", t. VI, 1853 r.

венство между торговыми рынками Бельгии, и таким образом колесо фортуны еще раз повернулось бы не в его пользу[1].

Каѳедральный соборъ въ Антверпенѣ.

Старый город занимает вдоль правого берега Шельды пространство около 2 километров,

1 Van Alstein;—Bauduin, „Debordements et envasement de l'Escaut", journal d'Anvers, 1872.

ограниченное на севере бассейнами или доками, запруженными купеческими судами всех наций, на юге—железнодорожною станциею, построенною на месте недавно срытой цитадели. Городской вал, окружавший Антверпен в эпоху памятных осад 1814 и 1832 годов, давно срыт и заменен прекрасными бульварами. Вследствие этого, новые кварталы могли беспрепятственно разростаться в прежнем городском округе (banlieue) и теперь расположены на пространстве гораздо более значительном, чем то, какое занимает старый город, хотя население не наполнило еще обширного полукруга, образуемого стенами нынешней городской ограды: большие предместья, Боргергут и Берхем, составляющие отдельные общины, раскинулись на просторе в пределах этого полукруга. Центральная часть города доныне сохранила свои неправильные улицы, свои неровные площади, тогда как кварталы новейшей постройки перерезаны широкими аллеями и заключают многочисленные сады, великолепный парк—один из лучших и живописнейших внутренних городских парков в Европе,—прекрасный зоологический сад, прославившийся в свете замечательными успехами, получаемыми там в отношении сохранения и размножения множества редких пород птиц, красного зверя и других животных. Антверпен очень богат статуями и памятниками. Он воздвиг монумент в честь древних бельгов, так храбро дравшихся с легионами Цезаря: кроме того, площади его украшены бронзовыми или мраморными изображениями Рубенса, Теньера, ван-Дейка и других его граждан, прославившихся в мире искусства. Один из знаменитейших сынов Антверпена, Авраам Ортельс, еще ожидает себе памятника: а между тем этот географ своею книгою «Theatrum mundi» наиболее способствовал, после Страбона, распространению сведений о земном шаре; изданием своих карт,—лучших, какие в то время существовали, Ортельс, по справедливому замечанию Вувермана, «столько же сделал для успехов географии, сколько Христофор Колумб своими открытиями»[1]. В Антверпене же была выгравирована в первый раз вполне известная таблица Пейтингера: эта гравюра 1598 года исполнена с изумительным искусством[2].

Антверпен может похвалиться многими прекрасными памятниками архитектуры. Таковы: биржа, вновь выстроенная в 1869 году в том же пышном готическом стиле, как и прежнее здание, истребленное пожаром 1858 г.: городская ратуша, в стиле возрождения, главная зала которой украшена историческими картинами огромных размеров; дома средневековых цехов и гильдий; многочисленные церкви, богатые замечательными произведениями живописи. В одной из них, именно в церкви св. Иакова, находится гробница Рубенса, помещенная под картиной, на которой великий художник представил, под именем святых, самого себя и все свое семейство. Главное украшение Антверпена составляет его кафедральный собор Богоматери, начатый постройкой в четырнадцатом, а оконченный (не вполне) в шестнадцатом столетии; это самый красивый и самый грандиозный храм в Бельгии. К сожалению, он заключен в очень тесном пространстве, между домами, окружающими его с трех сторон, да и фасад его с главным порталом, украшенным скульптурными работами, выходит на маленькую площадь, где находится старый колодезь с навесом в форме купола из кованных железных прутьев, сделанным, как полагают, известным живописцем Квентином Матсисом. Чудный ажурный шпиль колокольни вздымается на высоту 123 метр.; на колокольне 40 колоколов, из которых самый большой весит 160 центнеров. Внутренность храма поражает простотой и величием; но слава его—в картинах знаменитых мастеров и особенно в картинах Рубенса, которого нигде, за исключением разве Мадрида, нельзя лучше изучить, чем в Антверпене: великий художник является здесь во всем блеске своего могучего таланта, соединяя силу чувства и возвышенность мысли с изумительною легкостью исполнения[3]. Антверпенский собор обладает известнейшими из его мастерских произведений, каковы: «Снятие Спасителя со Креста», «Распятие на Кресте», «Успение Божией Матери», тогда как «Поклонение волхвов», «Прободение голени», «Христос в яслях», «Причащение св. Фран-

1 Wauwermans, „Bulletin de la Societe de Geographie d'Anvers", fasc. 3, 1877.

2 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

3 Eugene Fromentin, „Les maitres d'antrefois";—Taine, „De la philosophie de l'art dans les Pays Bas"—Montegut, „Les Pays-Bas, impressions de voyage et d'art".

циска Ассизскаго» находятся в музее. Этот музей, богатейший во всей Бельгии, содержит, кроме того, драгоценные творения Яна ван-Эйка, Квентина Метсиса, ван-Дейка, Иорданса, Рюисдаля, всех фламандских мастеров, и картины многих неизвестных художников, самая анонимность которых служит доказательством общего увлечения, которое сообщало некогда, в этом уголке Фландрии, такой яркий блеск живописи. Впрочем, искусства всегда были в почете в этом коммерческом городе, который гордится тем, что в стенах его жили Рубенс, ван-Дейк, Теньер и др. При музее существует академия художеств, которая сменила собою старую академию св. Луки, основанную уже в половине пятнадцатого века. Число воспитанников этой академии постоянно возрастает; так, в 1841 году оно равнялось 443, в 1850 г.—1.060, в 1860 г.—1.274, в 1881 г.—1.792.

Как приморский торговый город, Антверпен получил чрезвычайно важное значение с половины текущего столетия: движение судоходства в его порте, считая по количеству вместимости приходящих и отходящих судов, увосьмерилось в три последние десятилетия; теперь тоннаж его порта равняется тоннажу двух других главных портов континента Европы —Гамбурга и Марсели.

Движение судоходства и торговли в Антверпенском порте: в 1891 г. было в приходе: морских судов,—4.461 (в том числе 3.773 парохода), вместимостью 4.693.238 тонн; речных судов —28.448, вместимостью 3.071.577 тонн.

Торговое движение в 1888 г.:

	Милл. килог.	Ценность в милл. франк
Ввоз (общая торг.)	3.513	1.295
Вывоз (специальн. торг.)	1.331	465
Транзит для вывоза	389	324

Морское судоходство бельгийского прибрежья производится на девять десятых через Антверпенский порт, и торговый обмен этого порта представляет более трети коммерческих оборотов всего королевства. Перечислить товары и продукты, которые нагружаются на суда в Антверпене, и которые выгружаются на набережные и в склады этого города, значило бы поименовать все, что служит к удовлетворению потребностей бельгийцев и доставлению материала для их промышленности,—все, что производят их поля и фабрики. Многочисленные линии пароходного сообщения, соединяющие Антверпен не только с другими европейскими портами, но также с дальними заморскими краями, имеют свою точку отправления в доках Шельды. Когда поток эмиграции из Европы в Новый Свет принимает значительные размеры, порядочная доля этого эмиграционного движения направляется через Антверпен; так, в 1881 году, из Антверпенского порта отплыло в Америку 47.525, в 1890 г. 38.670 переселенцев. Внутренние бассейны или доки, расположенные в северной части города, близ Северной цитадели, занимают площадь в 40 гектаров; глубина их от 20 до 21 фута, а при большом приливе до 22 футов. Кроме того, сама Шельда, обведенная правильными набережными на протяжении 4 верст, служит рейдом и гаванью для сотен судов. Замечательно, что город, посещаемый ежегодно многими тысячами судов всех наций, всевозможной величины и формы, сам обладает, в лице своих судохозяев, сравнительно очень скромною коммерческою флотилиею: в 1892 году эта флотилия состояла всего только из 46 судов, общая вместимость которых равнялась 68.856 тоннам. Что касается специальной промышленности Антверпена, то она относится почти исключительно к предметам морского судоходства, каковы: постройка, починка, нагрузка, снаряжение судов, содержание экипажей и такелажа; однако она обнимает также сахаро-рафинадное производство (26 заводов) и некоторые наследственные ремесла, для которых Антверпен, повидимому, не представляет никаких особенно выгодных условий. Так, например, обделка алмазов в форме «розы» составляет специальность антверпенских ювелиров, которые особенно славятся своим искусством вставлять граненые алмазы в оправу.

Редко бывает, чтобы укрепленные пункты были, вместе с тем, торговыми городами; но в Бельгии Антверпен есть именно такой город, который, благодаря своему географическому

положению, может быть в одно и то же время главным приморским портом и важнейшею крепостью государства. Удобства, представляемые низменным грунтом окрестностей для искусственных наводнений в видах обороны, выгодный операционный базис, даваемый лиманом, схождение всех естественных путей страны к этому стратегическому пункту—все это заставило военных инженеров избрать Антверпен главным оборонительным местом королевства. Но в наши дни удобства нападения увеличились в огромной степени, благодаря орудиям дальнего боя и циркумваллационным железным дорогам: чтобы защищаться с успехом, Антверпену уже недостаточно его крепостных стен и отдельных фортов, которыми он окружен по обе стороны реки на протяжении 30 километров в окружности; теперь его оборонительная линия дополняется новыми укреплениями на Руппеле и Нижней Шельде.

Между фортами, расположенными вдоль реки ниже Антверпена, самые интересные в историческом отношении—форты Марии и св. Филиппа, построенные в 1584 году герцогом Пармским: между этими-то двумя крепкими точками опоры были воздвигнуты эстакады и мост, которые окончательно отрезали антверпенцев от их союзников, зеландцев, вследствие чего город принужден был сдаться осаждающим.

Общины восточной и западной Фландрии и провинции Антверпен, в бассейне Шельды, с населением свыше 5.000 жителей:

Восточная Фландрия: Гент—(31 дек. 1896 г.) 159 218 жителей; Сен-Николас—28.230 жителей; Алост (Альст)—25.750 жителей; Локерен—20.000 жителей; Рене (Ронс)—16.910 жителей; Зеле—12.286 жителей; Гаммелез-Термонд—12.040 жителей; Веттерен—13.080 жителей; Экло—11.640 жителей; Тамиз (Темише)—11.305 жителей; Ледеберг—12.360 жителей; Граммон (Герстберген)—10.890 жителей; Термонд (Дендермонде)—9.610 жителей: Беверен-Вес—8.000 жителей; Стекене—7.425 жителей; Эльтре (Альтре)—7.020 жителей; Нинове—6.870 жителей; Мон-Сент-Аманд (Сент-Амандс-Берг) 11.095 жителей; Эвергем 7.000 жителей; Весмюнстер—5.755 жителей: Круйсгаутем—5.590 жителей: Сомергем—5.755 жителей; Оденард (Уденард)—6.140 жителей; Леббеке—6.575 жителей; Калькен—5.380 жителей; Базеле—5.725 жителей; Мербеке-лез-Локерен (Moerbeke-lez-Lokeren)—5.150 жителей.

Западная Фландрия: Кортрейк (Куртре) 30.385 жителей; Рулер (Рауссела)—20.340 жителей; Менен—13.710 жителей; Тильт—9.998 жителей; Мускрон—13.765 жителей. Мейлебеке—9.035 жит.; Изегем—9.965 жит.; Верегем (Варегем)—7.630 жителей; Вервик—7.880 жителей; Руисселад—7.000 жителей; Ардуа—6.145 жителей; Морследе—6.485 жителей; Румбеке—5.660 жителей; Ингельмюнстер—6.225 жителей; Гарлебеке—6 480 жителей; Вевельгем—5.300 жителей.

Провинция Антверпен: Антверпен (Anvers)(31 дек. 1896 г.)—267.902 жителей; Боргергут—29.250 жителей; Берхем—9.805 жителей; Лиер—20.135 жителей; Турнгут (Торнгаут)—19.350 жителей; Бом—13.890 жителей; Гель—12.030 жителей; Моль—6.310 жителей; Виллебрук—9.008 жителей; Гейст-оп-ден-Берг—5.310 жителей; Борнгем—5.200 жителей; Дуффель—5.155 жителей; Герентальс—5.000 жителей.

Город Брюгге (по-фламандски Brugge, по-французски Bruges), столица одной из Фландрий, хотя пришел в сильный упадок сравнительно с прежним своим цветущим состоянием, но и до сих пор остается самым многолюдным городом западного склона Бельгии. Так же, как Гент и Антверпен, и даже гораздо раньше этих двух городов, Брюгге был могущественнейшим фламандским городом и одним из важнейших рынков Европы; имя его фигурирует в древнейших испанских описаниях берегов океана. Доки его в ту блестящую эпоху его истории были запружены купеческими кораблями всех наций; негоцианты двадцати иностранных государств имели в нем свои конторы. Ганзейский Союз и лондонское купечество устроили здесь свои товарные склады. В этом городе, как говорят, были основаны первые страховые общества; здесь же капиталисты изобрели первые способы выигрышного займа,—открытие, делающее менее чести древнему фламандскому городу. «Биржи», где собираются в торговых городах все деловые люди, также свидетельствуют о той огромной важ-

ности, которую имел некогда Брюгге, как центр торгового обмена, ибо эти заведения получили такое название от дома богатого купца ван-ден-Бурзена, украшенного гербом с изображением трех туго набитых деньгами кошельков (Beurse, Borse, Bourse), перед которым, т. е. домом, негоцианты сходились потолковать о своих покупках и продажах; но если Брюгге дал собраниям коммерсантов имя, которое они носят до сих пор, то Антверпену принадлежит честь постройки первого здания, специально предназначенного для этих собраний. Исключая Италии, ни один город тогдашней Европы не мог, в отношении совершенства произведений некоторых ремесл, поспорить с Брюгге, где ткались прекраснейшие материи, где выделывались богатейшие драгоценности и ювелирные работы. Брюггенцы не без гордости припоминают тот факт из истории своего города, что когда, в 1301 году, Жанна Наваррская, супруга Филиппа Красивого, совершала триумфальный въезд в Брюгге, она с досадой заметила, что не ее одну можно назвать королевой. Все эти купеческие жены и дочери, которые вышли ей навстречу, и из которых, без сомнения, многие блистали поразительною красотою, —качество, которым всегда славились брюггенские женщины[1],—были также царицы по изяществу и богатству своих нарядов. Картины Мемлинга или Гемлинга, по справедливому замечанию одного критика, еще лучше, чем старинные хроники, доказывают, как велика была в Брюгге роскошь нарядов в эпоху его процветания. Задолго до венецианцев и не придавая этим костюмам такой важности в видах достижения яркости колорита, какую им придавали художники венецианской школы. Мемлинг, копируя просто пышные узорчатые платья дам, которых он видел вокруг себя, воспроизвел в своих картинах блестящие материи, которым могли бы позавидовать Тициан, Веронез и Рубенс[2].

Соперничество Антверпена и Гента, внешния войны, внутренния революции, утрата местных вольностей и самоуправления, отнятых герцогами Бургундскими, которые в половине пятнадцатого столетия сделали этот фламандский город своею резиденцией,—все эти причины объясняют отчасти упадок Брюгге; но он, без сомнения, оправился бы от постигших его бедствий, как это было с Антверпеном, если бы сама природа не действовала против него, засаривая лиман Цвейна. Правда, естественный фарватер был заменен искусственным, и город, соединенный посредством других каналов со всею судоходною сетью Бельгии, вступил, кроме того, в прямое сообщение с Остендским портом, посредством водяного пути в 4,7 метра глубины, от которого идут ветви к Слюйсу, Бланкенберге, Ньюпорту. Брюгге, следовательно, не переставал быть приморским городом, и в его доках нередко можно увидеть пароходы в 300 тонн вместимости, нагруженные английским каменным углем; в 1873 году один корабль в 480 тонн, имеющий более $4^1/_2$ метров водоуглубления, поднялся по каналу до самого города, чтобы выложить на брюггенские набережные свой груз, состоявший из сурепного семени. Но что значат эти коммерческие выгоды в сравнении с выгодами, которые дает Шельда антверпенским негоциантам? Нынешний Брюгге далеко не наполняет пространства, которое заключалось внутри старых городских стен, замененных теперь бульварами. Случается даже, что население его уменьшается от одной переписи до другой, тогда как во всей стране, взятой в совокупности, оно быстро возрастает; так, в 1846 году в Брюгге насчитывали 49.803 жителя, а по переписи 31 декабря 1890 года оказалось только 47.497 жителей. Всего печальнее то, что нищета, этот социальный недуг, который существует во всей Бельгии, гнетет брюггенцев еще более, чем жителей других городов: число людей, зависящих в отношении пропитания от общественной благотворительности, часто равнялось здесь числу граждан, живущих постоянно своим трудом; кружевная промышленность, которою занимается большинство бедных брюггенских женщин, далеко не достаточна для их содержания. Впрочем, даже во времена своего процветания, гордый и блестящий город, бывший одним из центров всемирной торговли, имел в составе своего многолюдного населения больше бездольных бедняков, чем богатых и зажиточных обывателей. Рядом с пышными зданиями, свидетельствующими о роскоши и тщеславии тогдашнего купечества, мы видим

1 .... Formosis Brugga puellis gaudet (Брюгге богат красивыми девицами,), гласит средневековая пословица.

2 E. Montegut, „Les Pays-Bas, impressions de voyage et d'art".

невзрачные низенькие домики, где жил некогда бедный люд[1].

Тишина, царствующая на большей части широких, но пустынных улиц Брюгге, еще более усиливает своим контрастом впечатление, производимое на путешественника массивными, богато разукрашенными старинными памятниками архитектуры: гуляя по городу, который до сей поры вполне сохранил свою средневековую физиономию, даже в костюмах жителей, можно подумать, что идешь по залам какого-нибудь музея древностей. Все замечательные здания скучены на тесном пространстве, около центральной части города: здесь возвышается над крытым рынком или гостиным двором (суконные и мясные ряды), построенным в 1364 г., колоссальная городская башня (beffroi), слегка наклоненная, с превосходными курантами, лучшими в Европе; здесь же находятся: кафедральный собор, тяжелое готическое здание XIII века; церковь Богоматери, где особенно обращают внимание фигура Мадонны, изваянная резцом Микель-Анджело, и великолепные гробницы Карла Смелого и его дочери, Марии Бургундской; капелла «Св. Крови», привлекающая массы богомольцев[2]; ратуша, где графы Фландрские (статуи которых, в числе 48, украшают фасад здания) должны были произносить клятву о соблюдении привилегий Брюггенской коммуны; здание судебных учреждений, с великолепным колоссальным камином, мастерским произведением в стиле возрождения; академия художеств, где в числе картин есть несколько произведений кисти Яна ван-Эйка и Мемлинга, чрезвычайно интересных. Госпиталь св. Иоанна, существующий уже слишком пятьсот лет,—наиболее посещаемый памятник Брюгге, потому что здесь можно видеть много старинных картин, между прочим, капитальные произведения Мемлинга, его украшения к раке св. Урсулы и его «Брак св. Екатерины». На площадях воздвигнуты монументы людям, составлявшим славу Брюгге, между прочим, знаменитому математику Симону Стевину, родившемуся в этом городе в 1548 году. Известные современные ученые Мильн-Эдвардс и Поттер—тоже брюггенцы по рождению.

Прежний порт Брюгге, Дамме (Damme), представляет теперь скорее деревню, чем город, хотя он еще сохранил из своего славного прошлого ратушу и красивую городскую башню. Слюйс (Sluis, то-есть «Шлюз»), где соединяются потоки старого Цвейна и ручей, текущий из многолюдного местечка Мальдегем, также пришел в упадок и принадлежит ныне Голландии. Нынешний порт западной Фландрии лежит не на лимане, а на берегу самого океана: это—Остенде (Ostende).

Этот город, прославившийся, в начале семнадцатого столетия, трехлетней осадой, которую он выдержал против испанцев, есть второй, по важности, порт Бельгии; он даже бывал первым её портом в разные эпохи, когда война, блокада или трактаты запирали устье Шельды; так, например, в продолжение двух лет, следовавших за революцией 1830 года, Остенде временно заменял Антверпен, главный порт на Шельде, который тогда был еще занят голландскими войсками. Но с той поры, как мир возвратил антверпенскому рынку его естественную роль, Остенде снизошел на степень маленькой гавани, которою пользовались только рыболовные суда, и которая служила кроме того, местом перехода между континентом и Англией. В настоящее время движение судов в этом порте составляет лишь десятую или одиннадцатую долю судоходства Антверпена. Торговые сношения Остенде ведутся почти исключительно с Великобританией и чрез посредство английских судов, преимущественно пароходов, совершающих правильные рейсы (в 1894 году в этом порте было в приходе 1.500 судов, вместимостью 974.405 тонн).

Собственная флотилия Остенде, принадлежащая бельгийским судохозяевам, весьма незначительна и состоит всего из какого-нибудь десятка судов. Недавно, благодаря конкурренции Флессингена, Остендский порт потерял почти треть пассажирского движения между Англией и материком Европы.

Та же конкурренция лишила его значительной доли его международной транзитной тор-

1 Фан-Беммель, „Patria Belgica“, I

2 Капелла „Св. Крови“—маленькая красивая церковь, XII и XV ст., великолепно реставрированная, в которой хранятся несколько капель крови Спасителя. Прим. перев.

говли. Размеры рыбной ловли (треска и пр.) тоже уменьшились в Остенде против прежнего времени. В 1876 году здесь насчитывали только 139 рыболовных судов, принадлежащих по большей части судостроителям, парусинкам, канатчикам, поставщикам всякого рода, которые принимали участие в постройке или оснастке этих шлюпок. Очень редко бывает, чтобы судохозяин имел свой пай в предприятии, а экипаж никогда не участвует в барышах[1]. Остендские моряки занимаются также разведением и откармливанием устриц, за которыми они ездят на берега Англии, в Кольчестер, Гарвич, Грет-Ярмут, и омаров, которых они привозят из Норвегии и кормят в садках, куда проникает морской прилив. Наконец, разведение кроликов приняло такие обширные размеры в крае, что Остенде отправляет их миллионами на лондонский рынок. Но главный источник заработков и доходов для остендского населения составляют иностранцы и иногородные жители, которые приезжают сюда каждое лето, в числе от пятнадцати до двадцати тысяч, прогуливаться по набережным и купаться в море. Морские купальни в Бланкенберге (Blankenberghe) и Гейсте, деревнях, лежащих на том же берегу, также привлекают множество посетителей.

В маленьком бассейне реки Изер самый многолюдный город—Эйперн или Эйперен (по-фламандски Ijpern, Ijperen, по-французски Ypers), окруженный старыми стенами, которые теперь обращены в гульбища. По преданию, в тринадцатом и четырнадцатом столетиях, этот город, имевший важное торговое значение, как центр обширной ткацкой промышленности, насчитывал в своих стенах до 200.000 жителей. Во всяком случае, достоверно то, что в старину он был гораздо значительнее, чем в наши дни: стоит взглянуть на его великолепный гостиный двор, самое обширное и величественное из всех зданий этого рода, какие только существуют в Бельгии, чтобы убедиться, что Эйперн был в то время одним из главных городов Фландрии; по размерам этого здания можно судить, как велика была масса торговцев, для которой понадобилось воздвигнуть такую громаду[2]. В настоящее время главный источник заработков для женского населения Эйперна составляет плетенье кружев,—промысел, к которому прибегают почти все обедневшие города Фландрии. Недавно предпринят колоссальный труд украшения историческими картинами громадного здания бывшего гостиного двора, служащего ныне ратушей. Из других зданий Эйперна замечателен готический собор, где находится могила Янсениуса или Янсена (основателя секты янсенистов), на которой положен простой камень, без всякой надписи.

Поперинге (Poperinghe), близ французской границы,—довольно оживленный городок, хорошо известный пивоварам по причине производимого им в большом количестве хмеля. Осткамп, Турут, Вингене, Лангемарк, Стаден, Свевезеле и Лихтервельде—имеют некоторое значение как рынки для продуктов земледелия; но, взятый в целом, этот уголок Бельгии представляет собрание «мертвых городов»; это в то же время—область болотных лихорадок. Вайнендальский замок, где Христиан де-Труа слагал в двенадцатом столетии свои поэмы, теперь обращен в завод, где не видно ни малейшего следа той роскоши, которою щеголял двор графов Фландрских, имевших здесь свою резиденцию. Диксмуд или Диксмуйден (Dixmude, Dixmuyden), хорошенький городок, был, вероятно, приморским портом[3], теперь же лежит внутри материка, на берегу р. Изера; в одной из церквей его замечателен амвон великолепной резной работы. Фюрн (Furnes, по-фламандски Venrne), лежащий при каналах, в полумиле от моря, не более, как многолюдное местечко; даже Ньюпорт или Нивпорт (Nieuport) похож скорее на местечко, чем на город. Освобожденный от старых укреплений, которые стесняли его и делали одним из самых нездоровых мест бельгийского прибрежья, Ньюпорт, повидимому, имеет все выгоды, которые могли бы возвратить ему его прежнее цветущее состояние, привлекая к его порту морскую торговлю: у него есть собственная, хотя и небольшая река, продолжающаяся до самого моря посредством судоходного фарватера, у него есть каналы и железные дороги; а между тем он не принимает почти никакого участия

1 Ван-Бенеден, „Patria Belgica“, I.

2 Ван-Бенеден, „Patria Belgica“, I.

3 Бельцер, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“.

в торговых сношениях Бельгии с иностранными рынками; он имеет лишь небольшое число рыболовных судов, и в расстоянии 3 километров от него, на песчаном берегу моря, нарождается новый Ньюпорт, купальный (Nieuport-Bains). Главное, чего недостает старому Ньюпорту,—это большего судоходного канала, который соединял бы непосредственно течение Лейса с течением Изера через р. Эйперле (Yperlee) и давал возможность доставлять прямо из провинции Геннегау в западную Фландрию каменный уголь для фабричной промышленности и известку для земледелия. Этот канал, который был предложен еще Вобаном, и до сих пор не прорыт, несмотря на то, что он безусловно необходим для пополнения сети главных путей сообщения Бельгии. В настоящее время суда, идущие из Монса в Эйперн, принуждены делать большой обход на север через Гент и Брюгге, и хотя плавание по прямому пути могло бы быть совершено в несколько недель, оно обыкновенно продолжается от двух до пяти месяцев[1].

Область Фюрн или Ферне—самая плодородная часть Бельгии, так что встарину ее называли «туком Фландрии». Роскошные луга, покрывающие большое пространство земли в местности Ферне-Амбахт, благоприятствуют развитию скотоводства, давая великолепный, сочный корм скоту: на одном гектаре этих лугов легко можно, в один летний сезон, откормить на убой двух быков, оставляя их день и ночь в поле[2]. Молодые лошади, воспитываемые в этой области, покупаются английскими и французскими торговцами по средней цене от 750 до 800 франков.

Общины западного склона Бельгии, с населением не менее 5.000 душ:

Брюгге—50.338 ж. (31 дек. 1896 г.), Остенде—27.230, Эйперн (Ипр)—17.000, Поперинге—11.110, Турут—9.605, Мальдегем—9.010, Вингене—8.120, Лангемарк—7.040, Лихтервельде—7.040, Осткамп—5.940, Стаден—5.430, Свевезеле—5.140 жит.

IV.

Хотя некоторые города бельгийской территории в последние три столетия уменьшились в отношении количества населения и хотя гористая область Арденнов может прокармливать лишь небольшое число жителей, Бельгия, тем не менее, занимает, по густоте или сплоченности населения на данном пространстве, первое место между государствами Европы. Если бы вся земля была пропорционально так же плотно населена, как Бельгия, то на ней насчитывалось бы слишком двадцать пять миллиардов людей, то-есть в семнадцать или восемнадцать раз больше, чем сколько их существует теперь.

Исчисляя приблизительно население рассматриваемой страны на основании числа мужчин, способных носить оружие, приводимого у Юлия Цезаря в его «Комментариях», мы находим, что вся территория, известная ныне под именем Бельгии, заключала в своих пределах около пяти сот тысяч душ, что составляет почти одну восьмую теперешней цифры населения[3]; но после того, как римский завоеватель прошел со своими легионами по бельгийской Галлии, этот край превратился почти в пустыню. С той эпохи в движении народонаселения происходили постоянные колебания в ту или другую сторону, и рост его то усиливался, то замедлялся или приостанавливался, смотря по альтернативам войн и мира, обильных жатв и неурожаев. В настоящее время оно постоянно возрастает, соразмерно развитию торговли и местной производительности. В продолжение полустолетия, протекшего со времени отделения Бельгии от Голландии, число бельгийцев не переставало увеличиваться, исключая рокового 1847 года, когда «острый голод», «famine aigue», постигший обе Фландрии, увеличил число смертных случаев и уменьшил число рождений.

В этих западных провинциях королевства общая убыль народонаселения в течение трех лет, предшествовавших революционному периоду 1848 года, составляла около 53.000 душ. С 1830 года это был единственный шаг назад в нормальном движении бельгийского народона-

1 Бюше, „Canal de jonction de la Lys a l'Yperlee“.

2 Э. де-Лавеле „Patria Belgica“, I.

3 Ch. Piot, „Patria Belgica“, II.

селения: в последние сорок восемь лет около миллиона восьми сот тысяч душ прибавилось к числу бельгийцев, что составляет около половины числа жителей, оказавшагося по первой народной переписи. И это значительное увеличение населения совершилось единственно вследствие естественного прироста самого народа, то-есть вследствие избытка числа рождений над числом смертных случаев, и вследствие увеличения средней продолжительности жизни[1], ибо число иностранцев, поселяющихся в крае на постоянное жительство, относительно весьма невелико. В 1890 г. во всей Бельгии насчитывалось 161.438 иностранцев, в том числе: голландцев—56.306, французов—45.430, немцев—47.338, англичан—4.523, других национальностей—7.841.

Прежде густота населения делала битву жизни очень трудною в бельгийских городах, и потому чужеземцы не осмеливались увеличивать собою число участников в этой борьбе за существование; теперь притягательная сила больших городов привлекает их в постоянно возрастающем числе; очень многочисленны также уроженцы страны, которые, утомившись продолжительными усилиями завоевать себе обеспеченный кусок хлеба, отправляются искать счастья на чужбине, преимущественно во Франции. Однако, взятый в совокупности, бельгийский народ, как показывает статистика, отличается большою привязанностью к родной земле и домоседством: более трети обитателей страны родятся, живут и умирают в одной и той же общине: в десятилетие с 1856 по 1866 г. пропорция этого неподвижного населения даже немного возрасла, если только в статистические документы не вкралась какая-нибудь ошибка: бельгийцы, родившиеся в общине своего постоянного местопребывания, в 1856 г. составляли 69,1%, а 1866 г. 69,4%; после того она уменьшилась (в 1880 г.—67,2 %). В Бельгии, как и в других странах Европы, значительное эмиграционное движение увлекает деревенских жителей к городам, к окружающим их предместьям и к областям каменноугольного производства.

Возрастание народонаселения в Бельгии с 1840 по 1882 г.:

Округа: Шарлеруа—165,70 проц., Брюссель—95,71 проц., Льеж—87,53 проц., Вервье—64,62 проц., Монс—49,22 проц.

Города теперь заключают в себе уже более четверти жителей Бельгии, и эта пропорция возрастает с каждым годом. В чисто-земледельческих округах народонаселение остается почти неподвижным, и даже в последние тридцать пять лет оно уменьшилось в трех округах: Оденардском, Тильтском и Атском.

Сравнительно с другими европейскими нациями, бельгийцы занимают одно из первых мест в отношении продолжительности жизни и благоприятных гигиенических условий. В период с 1841 по 1866 г. один родившийся приходился, в Бельгии, ежегодно на 33 жителя, а умирал только один из 45 жителей. Средняя продолжительность жизни составляет от 40 до 41 года и более 50 годов для тех, кто пережил первые пять лет: это почти такая же продолжительность жизни, как и во Франции. Однако, в этом отношении и в Бельгии замечается большая разница, не только между городами и деревнями,—последние, разумеется, оказываются гораздо более здоровым местопребыванием, как это видно из того, что один смертный случай в бельгийских городах приходится, средним числом, на 36,4 жителей, а в деревнях только на 44,8 жителей,—но также и между различными провинциями. Карта, на которой смертность различных областей Бельгии обозначена более или менее густыми красками, совершенно соответствует гипсометрической карте этого государства: возвышенные области, то-есть валлонские провинции, населены людьми сравнительно наиболее долговечными; в низменных местностях фламандской земли средняя жизнь короче; наконец, промежуточная страна, представляющая область холмов посредственной высоты, есть, вместе с тем, область посредственной здоровости, занимающая середину между двумя прежде названными частями Бельгии[2]. Восточная и западная Фландрия, где жители наиболее скучены на данном про-

1 Бертильон, „Dictionnaire des Sciences medicales“, ст. „Belgique“

2 Meynne, „Topographie medicale de la Belgique“; „Patria Belgica“, II,—Bertillon, „Dictionnaire encyclopedique des Sciences medicales“.

странстве, суть провинции, где они умирают всего скорее, и где годовой прирост населения относительно наименее значителен. Между Намюрскою областью (le Namurois) и Фландриями разность средней жизни достигает огромной пропорции: она составляет больше четверти, как видно из следующей таблицы, показывающей смертность и процентное увеличение народонаселения в различных провинциях королевства:

	Годовой процент умирающих. 1 житель на	Процентное увеличение населения с 1830 по 1881 г.
Западная Фландрия	39,6	13,73 проц.
Восточная „	43	18,70 „
Брабант	43,1	75,37 „
Антверпен	43,4	64,95 „
Лимбург	45	31,70 „
Люттих	46,1	77 „
Геннегау	48	59,42 ”
Люксембург	50	30
Намюр	54,4	50,92 „

Все статистические ведомости общин и больниц свидетельствуют об этом жизненном превосходстве валлонов сравнительно с населениями германской расы. Чахотка, этот бич, который похищает около одной пятой бельгийского народа и который свирепствует в городах западной Бельгии с большею силой, чем во всех других городах Европы, производит свои опустошения преимущественно между фламандцами[1]; их сравнительно чаще поражают рахитизм, различные недуги, раковидные болезни, умопомешательство; между ними оказывается гораздо больше, чем между валлонами, неспособных к военной службе; они даже во чреве матери подвергаются относительно наибольшей опасности смерти. Чем объяснить эту противоположность между фламандцами и валлонами? Следует ли смотреть на нее просто как на следствие различия чистоты воздуха на возвышенностях и в низменных равнинах, или мы должны предположить здесь какое-нибудь неизвестное нам влияние, происходящее от племенного различия? Один исследователь, Мейн (Menne), полагает, что менее благоприятное санитарное состояние фламандских провинций есть следствие нищеты рабочего класса: ничтожная, сравнительно, заработная плата—такова, по его мнению, истинная причина рахитизма и большой смертности в крае. Может быть, в этом печальном явлении следует также видеть действие «исторических и нравственных причин, под влиянием которых население этих провинций утратило часть своей энергии и самодеятельности».

Как бы то ни было, увеличение производительности почвы позволило добывать средства для содержания постоянно возрастающего населения. Большинство шести слишком миллионов людей, населяющих эту страну, далеко не пользуется обеспеченным материальным благосостоянием; питание их весьма недостаточно, но, тем не менее, нельзя не удивляться, что такая маленькая территория может прокармливать, даже скудно, столь многочисленные массы народа.

Разсматриваемая в своей совокупности, Бельгия между всеми странами Европы имеет наиболее производительную почву, при равенстве поверхности: здесь земледелец заставляет землю родить продукты в относительно наибольшем количестве; здесь он съумел лучше, чем где-либо, превратить пространства, от природы бесплодные, в необычайно плодородные поля, дающие обильные урожаи.

Земледельческие области бельгийской территории совпадают с её геологическими областями. Древние формации Арденнских гор, составляющих общий хребет страны, суть также те местности, где почва эксплоатируется наиболее примитивным способом. Более четверти поверхности покрыто там еще пустырями, поросшими вереском и мелким кустарником. Другая часть Арденнов, не разделенная на правильные поля, обработывается только через каждые десять, двенадцать или пятнадцать лет, и способ обработки состоит в том, что каж-

1 Meynne;—Bertillon;—Janssens;—Lombard.

дый раз предварительно выжигают траву, для того, чтобы удобрить почву при помощи золы, остающейся после сгоревшего растительного покрова. Рядом с этими новинами, «sarts», существуют поля, возделываемые лишь в течение трех последовательных годов и затем оставляемые под паром в продолжение, по крайней мере, такого же периода времени. Во многих местах поземельная собственность составляет нераздельное владение всей общины, как у славянских народов восточной Европы, и домашния животные пасутся вместе на общинном выгоне. В области Кондроз, менее возвышенной и более нового геологического образования, чем Арденны, общинное землевладение уже не встречается, и поземельная собственность везде разделена; необработанные пространства здесь редки, но значительная часть земледельческой территории, треть или четверть, остается каждый год под паром. У подошвы возвышенностей, область, покрытая слоем так называемого «гесбейского ила», уже не знает отдыха—земледелие находится здесь уже на очень высокой степени развития, и почва, повсюду дренированная и глубоко распаханная, производит, при господствующей системе плодопеременного полеводства, каждый год различные роды хлебных растений. Наконец, песчаная область, обнимающая более половины низменной Бельгии, заключает еще, правда, обширные пространства ландов и лесов, особенно в Кампине или Брабантской Кампанье; но в этой же полосе находится Фландрия, земля, наилучше обработанная из всех бельгийских провинций,—земля, которую заступ превратил в громадный сад, дающий не один, а два урожая в год. Замечательно, что Фландрия, теперь богатейший край Бельгии, была от природы одна из самых бесплодных местностей: эта территория есть лишь западное продолжение Кампины и всей той области песков, которая, по другую сторону Рейна, образует «гест» (Geest) Ганновера и ланды Люнебурга. Однако, как замечает Э. Лавеле, когда хотят указать плодородный край, то называют «обильно производящие поля», «тучные земли» Фландрии. Никто, конечно, не станет оспаривать верности этих выражений, никто не найдет их преувеличенными, так как действительно в этом крае неутомимый труд человека дал земле все, чего ей недоставало, сделал, при помощи искусственного удобрения, плодоносною почву, от природы тощую и песчаную. В наши дни фламандское земледелие может служить образцом по обилию и разнообразию его произведений; область Вес с полным правом могла поместить в своем гербе золотую репу. Но зато сколько нужно расходов, чтобы улучшать почву и постоянно поддерживать ее во всей её производительной энергии! Вычислено, что фламандский земледелец каждый год издерживает средним числом от 80 до 100 франков на гектар для покупки навоза: таких значительных затрат на удобрение земли не делают ни в Ломбардии, ни в Англии[1]. Фламандский способ культуры мало-помалу распространяется и в соседней Кампине. В этой последней области для приобретения культурной земли обыкновенно поступают так: сначала на песках разводят сосновые насаждения, затем лесные работники расчищают маленький уголок земли, заводят немного скота; расчищенная просека, покрытая пашнями, постепенно принимает все большие размеры, и таким образом новый клочок Кампаньи присоединяется к земледельческой Фландрии. Около половины текущего столетия поросшие вереском пустоши продавались, средним числом, франков по десяти за гектар: в настоящее время цена их везде возвысилась по меньшей мере в десять раз. Площадь необработанных земель Бельгии уравновешивается площадью полей, на которых получают по два урожая в год: принимая в рассчет эти земли, дающие двойную жатву, можно считать поверхность производительной почвы в Бельгии равною пространству всей территории, именно около 3 миллионов гектаров.

Посвященная земледелию площадь почвы в 1880 г. составляла 2.215.533 гектара. Из этого количества различные культуры занимали следующие площади:

Хлебные растения—933.664 гектар.; бобовые—33.093 гект.; промышленные растения—79.272 гект.: картофель—199.357 гект.; кормовые травы—217.941 гект.; луга и пастбища—351.155 гект.; виноградники—206; фруктовые сады—37.948; огороды—39.723 гектаров. Совокупность земледельческого производства: 1.650.976.000 франк.

1 Э. де-Лавеле, „Patria Begica“, t. I.

Нигде в других странах не встретишь в одной меже такого обширного пространства производительных земель, представляющих такой огромный капитал, ибо сумму, которую представляют собою культурные земли Бельгии, нужно считать по меньшей мере в 15 милиардов франков. Ценность земли и величина арендной платы постоянно и быстро возрастали: в 1856 году гектар продавался, средним числом, по 3.171 франк.; в 1866 году средняя цена его была уже 4.173 франка; то есть поднялась почти на целую треть; с той поры произошло дальнейшее повышение цен; земельные участки дорожают с каждым годом. По различным областям или полосам, ценность земель в Бельгии представляла в 1866 году следующие цифры (по Лавеле):

	Средняя продажная цена за гектар	Средняя арендная цена за гектар	Население на каждые 100 гектар
Пояс польдеров	4.438 фр.	125 фр.	109 жит.
Фландрии	5.087 „	112 „	274 „
Пояс плодородного гесбейского ила	5.540 „	127 „	202 „
Камнина	4.203 „	126 „	127 „
Кондроз	3.233 „	83 „	136 „
Арденны	1.736 „	55 „	39 „

В равнинах Бельгии роды культуры чрезвычайно разнообразны, так как там большинство крестьян, кроме питательных и кормовых злаков, возделывают еще и промышленные растения. Разнообразие форм и цветов, которое представляют различные культурные растения, покрывающие поля, придают стране вид сада. Однако, каждая область имеет какой-либо главный род культуры: польдеры производят преимущественно кормовые травы, а из хлебных злаков—ячмень; во Фландриях и в Кампине обыкновенный продукт пахатных полей—рожь; в области Гесбе, где почва состоит из плодородного ила, преобладающий род хлеба—пшеница. Гористые области тоже имеют свои специальные отрасли хлебопашества: в Кондрозе сеют полбу, в Арденнах—овес и в особенности ячмень; наконец, в юго-восточном углу Бельгии, в том, хорошо защищенном от холодных ветров, бассейне, где течет река Семуа и который прозвали «Малым Провансом», пшеница и фруктовые деревья составляют главный доход сельского населения; в урожайные годы большое количество плодов употребляется на производство крепких напитков.

Бельгия, богатейшая страна Европы по относительному пространству её пахатных земель, занимает, вместе с тем, первое место между европейскими государствами по относительным размерам производства хлебных злаков и других мучнистых растений; так, в 1876 г. площадь пахатных земель составляла:

В Бельгии—66,1 проц.; во Франции—59 проц.; в Англии—54,4 проц.

Культура хлебных злаков и других мучнистых растений: в Бельгии—48,5 проц.; во Франции—34,7 проц.; в Англии—21,3 проц.

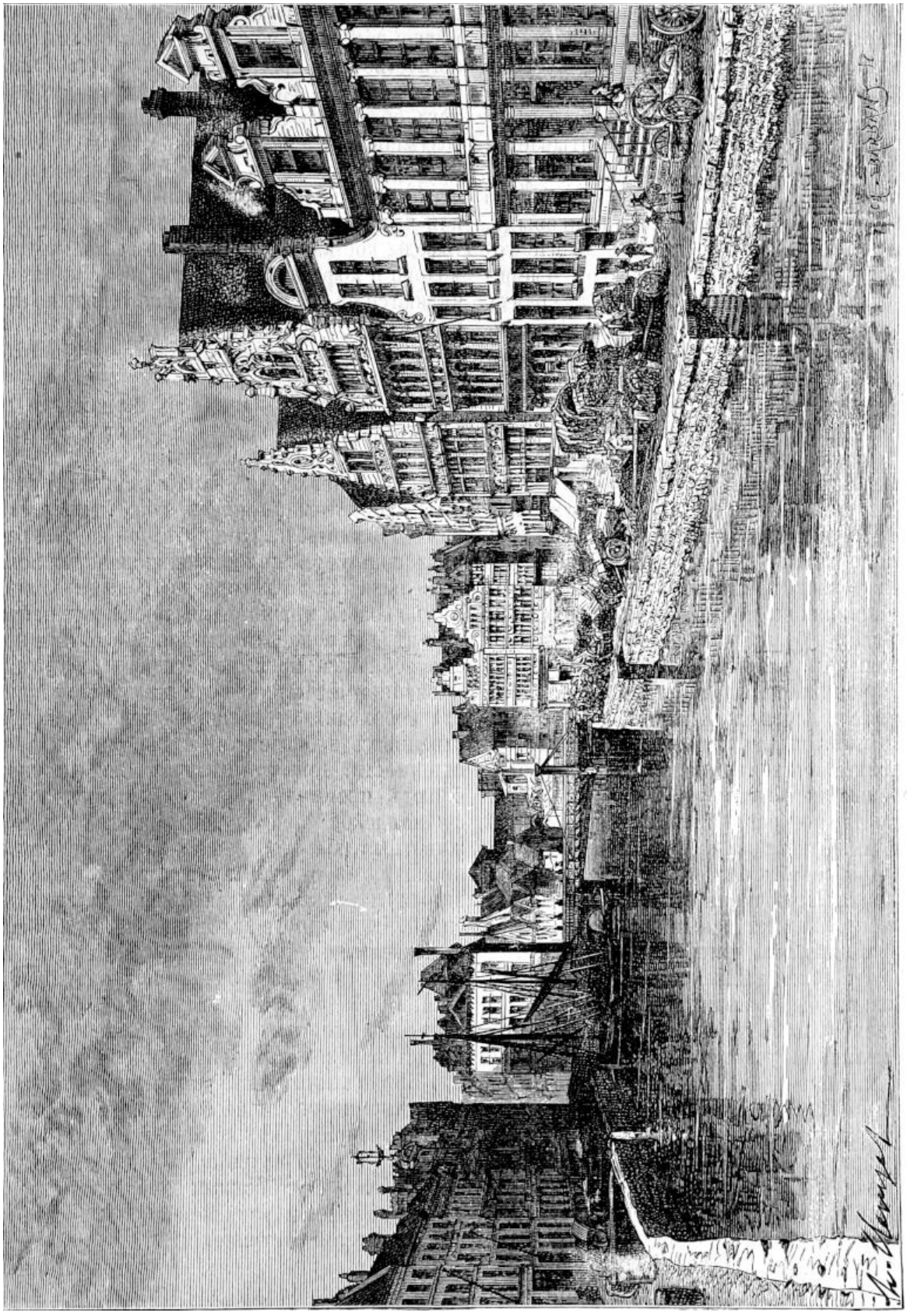
Промышленные растения, сахарная свекла, лен, рапс, табак.—по процентному отношению культуры которых Бельгия тоже занимает первое место в ряду государств Западной Европы—приобретают с каждым годом все более важное значение в земледельческой экономии страны, но не в ущерб, однако, производству хлебных злаков, благодаря расчистке под пашни пустошей и увеличению производительности полей, достигаемому при так называемой «интенсивной» системе хозяйства.

Культура промышленных растений: в Бельгии—4,3 проц.; во Франции—1,8 процент.; в Англии—0,2 проц.

Что касается виноградников, то они отступили в Бельгии, так же, как во Франции и в Германии, далее на юг, с тех пор, как легкость сообщений дала возможность привозить, с небольшими издержками, виноградные вина из стран, которые производят их в значительных количествах и высшего качества. Виноградники можно встретить в Бельгии только в долине Мааса, на обращенных на полдень и защищенных от холодных ветров склонах холмов, в окрестностях Льежа, Гюй, Динана; но бельгийские виноградари редко получают напиток действительно приятный на вкус: вино из долины Мааса сильно отзывается землей,

что приписывают листам сланца, которыми работники покрывают почву, чтобы получить усиленное отражение лучей солнца[1].

Бельгия, вместе с её соседкой, Голландией, по справедливости может быть названа обето-



Хлѣбная набережная въ Гентѣ.

ванною землей садоводства и огородничества. Ни в какой другой стране Европы сады и огороды не занимают, относительно, столь значительного пространства, как в Бельгии, где они

1 E. de Laveleye, „Patria Belgica“, t. I.

составляют около одной сороковой всей территории.

Площадь земель под огородами:

В Бельгии—2,3 проц.; во Франции—1,0 проц.; в Англии[1]—0,1 проц.

Кроме того, обширные поля, причисляемые к пахатным землям, по справедливости могли бы быть помещены в число огородов по причине их способа культуры и их произведений. Свойство почвы, обилие воды, огромное количество удобрений, доставляемое промышленными городами, крайняя раздробленность землевладения и в особенности соседство больших рынков, где сбыт продуктов всегда обеспечен,—все способствует развитию в Бельгии огородничества и садоводства: как пахатные поля мало-по-малу захватывают пастбища и выгоны, также точно, и даже быстрее, огороды и сады распространяются по полям. Многие разновидности овощей были получены бельгийскими огородниками: между прочим, можно указать на «брюссельскую» капусту, которая теперь разведена во всей Европе. Бельгийские фруктовые сады производят многие сорты плодов, отличающиеся какими-либо особенными качествами—необыкновенною сочностью, приятностью вкуса или ароматом; один Лондон каждый год ввозит этих плодов на несколько миллионов.

С шестнадцатого столетия фламандцы прославились своею любовью к цветоводству; как для всех других своих промышленностей, они основали общества для культуры редких растений, и каждый праздник в честь св. Доротеи был для их союза или «братства»(confrerie) случаем устраивать выставки самых красивых цветов. В наши дни цветочные ассоциации тоже очень многочисленны; но и помимо этих обществ, одна частная промышленность создала в Бельгии превосходные оранжереи, которые считаются богатейшими в Европе по обилию и разнообразию редких растений; в Генте, Брюсселе, Антверпене, вообще во всех больших городах королевства существуют парки и зимние сады, где можно видеть экзотические деревья, кусты и растения, привезенные из самых отдаленных стран земного шара. У одного известного садовода в оранжереях насчитывается до тысячи двухсот различных видов орхидей; чтобы собрать эту богатую коллекцию представителей семейства ятрышниковых, он должен был путешествовать многие годы по разным странам тропической Америки, содержать в дальних, заморских краях большое число специалистов-ботаников, исследования которых принесли огромную пользу науке. В настоящее время бельгийские садовники отправляют свои цветы не только в Англию, во Францию, в Германию, в Россию, вообще во все европейские государства, но также в Новый Свет и даже в те самые страны, откуда были вывезены их туземные растения. Впрочем, культура цветов не есть в Бельгии простая промышленность,существующая ради удовлетворения роскоши; напротив, цветы составляют почти необходимую принадлежность в бельгийских домах: во многих скромных жилищах, куда воздух с трудом проникает, да и то воздух, насыщенный всеми зловониями улицы, каждое окно уставлено цветами, в которых алый или голубой цвет венчиков приятно перемешивается с зеленью листьев.

В Бельгии, по крайней мере в низменной её части, в области равнин, земля до крайности раздроблена, и, благодаря упорному труду владеющих кусочками её, она производит тем больше, чем на меньшие участки разделена. По сведениям, приводимым Лавеле[2], в 1876 году деление поземельной собственности в Бельгии было следующее:

Число земельных участков—6.447.237; средняя величина участка—45 аров; число землевладельцев—1.131.112; средняя величина имений—2,60 гектар.

В 1881 году число участков—6.471.615; средняя площадь одного участка—$45^1/_2$ аров.

В восточной Фландрии земледелец, обрабатывая клочок земли, средним числом, немного менее гектара, прокармливает почти столько же душ, как и английский работник, располагающий втрое большим участком. Даже в Кампине, где значительное пространство покрыто еще пустошами, поросшими вереском и кустарником, имения вообще невелики: едва набе-

1 „Statistique internationale de l'agriculture“, 1876.

2 E. de Laveleye, „Patria Belgica“, t. 1, p. 506.

рется десятка три таких имений, где земли около 100 гектаров; обыкновенная же величина их от 10 до 30 гектар. Земледельческие машины, которые, казалось бы, должны быть особенно распространены в такой прекрасно обработанной стране, какова Бельгия, встречаются там, напротив, довольно редко: заступ—вот орудие, которым создано богатство Фландрии, так же, как богатство Ломбардии. Но, по злой иронии судьбы, именно в тех областях Бельгии, где почва всего лучше возделана, землепашцы зарабатывают всего менее, питаются всего хуже. Вообще, земледельческое население ест только ржаной хлеб, или хлеб из смеси пшеницы с рожью, картофель, кое-какие овощи, а пьет только снятое молоко и кофе с цикорием; мясо и пиво появляются на столе земледельца только по праздникам.

Средняя заработная плата сельского работника в 1873 году[1]

Во Фландриях—от 1 фр. 20 сант. до 1 фр. 50 сантимов; в Гесбе—2 франка; в Арденнах—от $2^1/_2$ до 3 франков.

В Арденнах, где заработная плата вдвое выше, съестные припасы тоже дешевле. Таким образом, на самой бедной почве работник пользуется наибольшим довольством.

Бельгия имеет гораздо больше лошадей, чем сколько можно бы было ожидать найти в стране, где земледельцы для обработки почвы употребляют преимущественно заступ; это объясняется тем, что эти животные здесь почти необходимы для перевозки сельскохозяйственных произведении и для работ промышленности. Для этой цели в Бельгии употребляют преимущественно больших лошадей фламандской породы, которые, как ломовые животные, высоко ценятся даже англичанами, несмотря на то, что в Англии есть свои лошадиные породы, отличающиеся замечательною силой. В средние века рыцари, облачавшиеся в тяжелые боевые доспехи, самых сильных ратных коней обыкновенно покупали во Фландрии, Брабанте и Геннегау. Что касается арденнской породы лошадей, чистокровных представителей которой теперь очень мало, то она принадлежит к лучшим европейскими породам по своей необыкновенной выносливости: говорят, что во время похода Наполеона I в Россию арденнские лошади, вместе с маленькими бретонскими лошадками, гораздо лучше других пород переносили все трудности и лишения отступления[2].

Ослы и мулы очень немногочисленны в Бельгии (всего около одиннадцати или двенадцати тысяч голов) и встречаются только в смежных с Францией общинах, где их употребляют для перевозки сельскохозяйственных продуктов между двумя соседними странами. Но быки и коровы имеют весьма важное значение в народном хозяйстве Бельгии, даже более важное, чем лошади. Они пасутся на роскошных лугах низменной части страны и на горных пастбищах холмов. Бельгийские породы рогатого скота представляют такое же резкое различие между собою, какое замечается между породами лошадей: в Арденнах не редкость встретить коров, живой вес которых не превышает 150 килограммов, тогда как коровы равнины имеют вчетверо больший вес. По Лейдеру, годовое производство говядины в Бельгии (1873 г.) равняется 46.000.000 килограммов, что составит слишком 9 килограммов на каждого жителя. Крупный рогатый скот утилизируется бельгийцами только для получения молока и навоза: его употребляют исключительно для перевозки тяжестей. Производство молока в Бельгии (1873 г.): 3.693.000 литров в день, 1.350.000.000 литров в год. Область Герве, очень неровное плато, простирающееся между реками Вездрой и Маасом, есть одна из богатейших стран по количеству рогатого скота: это одно обширное пастбище, поросшее прекрасной травой и везде обсаженное тенистыми плодовыми деревьями. В этой области делают отличные сыры и масло, не уступающее по достоинству кампинскому.

Что касается овцеводства, то размеры его в Бельгии, так же, как в Германии и в большей части других европейских государств, уменьшаются с каждым десятилетием, по мере того, как съуживается площадь необработанных земель, служащих выгоном. Впрочем, эта страна никогда не производила тонких сортов шерсти; руно туземных овец годится лишь для выделки обыкновенных шерстяных тканей. Годовое производство овечьей шерсти в Бельгии,

1 E. de Laveleye.

2 Leyder, „Patria Belgica“, t. I.

по Лейдеру, простирается до 1.200.000 килограммов. Раздробленность земли на мелкие участки, постоянно увеличивающаяся, тоже способствовала уменьшению количества овец в крае; но, взамен того, эта же самая раздробленность землевладения имела следствием увеличение числа коз, которые сделались домашним животным пролетария. Годовое производство козьего молока в Бельгии, по Лейдеру, составляет около 45.000.000 литров. Число свиней также постоянно возрастает на мелких фермах Бельгии, и порода их значительно усовершенствована в последние тридцать-сорок лет. Годовое производство свиного мяса в этой стране Лейдер определяет в 25.000.000 килограммов. Фламандцы, кроме того, разводят много кроликов и кур, как видно из следующей таблицы, показывающей число домашних животных в Бельгии.

В 1866 г. насчитывалось:

Лошадей	283.163	6 на 100 ж.
Коров и быков	1.242.445	26
Овец и баранов	586.097	12
Коз	197.138	4
Свиней	632.301	13
Кроликов	878.000	18
Кур	4.410.000	98

По переписи 1880 г., оказалось: лошадей—271.974 (5 на 100 жит.), крупного рогатого скота—1.382.815 голов (25 голов на 100 жит.), овец—365.400, свиней—646.375.

Число пчелиных ульев уменьшается, по причине расчистки под пашни большего количества пустошей в Арденнах и Кампине; однако доход от 140.000 ульев, оказавшихся в стране по переписи 1866 года, составлял около 2 миллионов франков.

Промышленность Бельгии, так же, как и её земледелие, есть одна из самых деятельных в Европе; некоторые из её округов усеяны городами и деревнями, образующими бесконечные скопления фабрик и заводов. Развитию промышленной деятельности благоприятствовали не только традиция труда, способы производства, завещанные прошлым, центральное положение страны среди других государств Европы и удобные пути сообщения, облегчающие вывоз произведений, но также и то обстоятельство, что Бельгия обладает богатыми залежами каменного угля, составляющего главную пищу современных фабрик. Люттихская область, и особенно округи Шарлеруа и Монс в провинции Геннегау, заключают в себе наибольшую долю этих подземных богатств, которые ставят Бельгию на четвертую или пятую степень между странами, производящими каменный уголь. В 1895 году добыча ископаемого угля в Бельгии составляла: 20.451.000 тонн, ценностью около 193.357.000 франк.

С 1830 года количество минерального топлива, извлекаемого из бельгийских каменноугольных копей, более чем ушестерилось, и теперь рыночная цена добываемого в Бельгии угля, около четверти которого вывозится во Францию, доходит, в сложности, до огромной суммы 340 миллионов франков в годы усиленной торговой деятельности, каким был, например, 1873 год.

Добыча каменного угля в Бельгии: в 1830 году—2.513.000 тонн; в 1840 году—4.000.000 тонн; в 1850 году—5.800.000 тонн; в 1860 году—9.600.000 тонн; в 1873 году—13.778.000 тонн; в 1892 году—19.583.000 тонн; в 1895 году—20.451.000 тонн.

Но те годы, в которые размеры производства уменьшаются, гибельны для многочисленных рабочих, скученных вокруг каменноугольных копей и не знающих никакого другого ремесла, кроме того, к которому они были приучены с детства. Впрочем, каменноугольный промысел, в том виде, в каком он ныне практикуется, во всякое время способствует физическому и нравственному обеднению и вырождению людской породы. Еще в 1877 году четверть работников, занятых в шахтах, состояла из мальчиков и девочек, и многие из этих несчастных имели не более десяти лет от роду; на открытом воздухе около трети употребляемых рабочих «рук» были руки женщин и детей. По новому закону, вступившему в действие с 1 августа 1878 года, запрещено заставлять работать в подземных копях и каменоломнях мальчиков и девочек, не достигших, соответственно, двенадцатилетнего и тринадцатилетнего

возраста; но этот закон не распространялся на детей обоего пола, которые уже ранее были наняты владельцами копей или каменоломен. Средним числом, в Бельгии ежегодно погибает от несчастных случаев всякого рода 227 человек каменноугольных рабочих[1]. Конкурренция немецких каменноугольных копей бассейна реки Рур объясняет отчасти страдания, тяготеющие ныне над населением Боринажа и других каменноугольных областей Бельгии. Пласты каменного угля, открытые в Вестфалии, оказались более мощными и ближе лежащими к поверхности земли, чем бельгийские залежи провинций Люттиха и Геннегау, а потому и разрабатывать их легче. До недавнего времени боялись употреблять этот немецкий уголь для надобностей флота, подозревая в нем способность к самовозгоранию. Но опыт показал, что эти опасения были преувеличены: теперь как военные, так и купеческие суда, безбоязненно употребляют вестфальский уголь, который вывозится также во все соседния государства и проникает даже в Бельгию, где он оспаривает покупателей у минерального топлива, поставляемого копями Монса и Шарлеруа[2].

Почва Бельгии, разрытая на значительной части её протяжения рудокопами и каменоломами, дает, кроме ископаемого угля, порфир и мрамор, фландрский или «малый» гранит, песчаник, шифер, кремень, фосфориты, известь и пластическую глину всякого рода (в 1891 году всех каменоломень в Бельгии было 1.666, с 25.717 рабочими, а общая ценность их производства равнялась 37.800.000 франк.); далее, серный колчедан, употребляемый на приготовление серной кислоты, цинковую руду, добываемую в разных местах королевства и преимущественно в Моресне, на германской границе; но самые важные между бельгийскими рудниками—железные, которые и доставляют сидерургическим заводам часть нужной им руды.

Железные рудники в Бельгии дали:

В 1865 г.—1.018.231 тонн руды ценностью в 9.829.516 франков; 1881 г.—223.412 тонн руды, ценностью в 1.813.000 фр.; в 1891г.—202.204 тонн руды, ценностью около 1.17 2.000 франк.

Число рабочих на горных промыслах:

	1865 г.	1891 г.
Каменноугольные копи	82.368	118.983
Каменоломни	20.459	25.717
Рудники	11.813	1.527

В настоящее время Люксембург—единственная провинция, где есть еще в значительном количестве годные к разработке железные руды[3]; в других же частях Бельгии рудные месторождения уже истощились.

Обработка железа на древесном угле почти совершенно вывелась в Бельгии. Теперь этот способ употребляется только на некоторых заводах Намюрской провинции, для известных специальных продуктов; вся же масса стали, железа и чугуна выделывается ныне на каменном угле. Число сидерургическпх заводов в 1891 г.: доменных печей в действии—28; железоделательных заводов—64.

Ценность производства железа составляла: в 1850 г.—31.000.000 фр.; в 1860 г.—81.075.000 фр.; в 1870 г—149.000.000 фр.; в 1871 г.—245.600.000 фр.; в 1880 г.—96.956.000 фр. (вместе со сталью); в 1891 г.—111.000.000 франк.

Производство стали в 1891г.: 206.305 тонн, ценн. 29.111.000 франк.

Вообще, металлургическое производство составляет одну из важнейших отраслей бельгийской промышленности; но, как видно из сейчас приведенной сравнительной таблицы, оно подвержено в разные годы значительным колебаниям, которые сопровождаются гибельными последствиями для рабочего класса. То же самое можно сказать о фабрикации машин

1 Vischers, „Patria Belgica“, t. II.

2 Emile Tandel, „рукописные заметки“.

3 Ch. Clement, „Constitution geologique et richesse mineral du Luxembourg“

и оружия, которое сосредоточено в Люттихе и его окрестностях, о производстве стекла, главные заводы которого сгруппированы вокруг Шарлеруа. Производство бельгийских стеклянных заводов в 1891г. представляло ценность около 55,4 миллионов франк. Бельгия отправляет оконные стекла во все почти страны земного шара, даже в Китай и на острова Океании; но главными покупателями этого продукта бельгийской промышленности являются Великобритания и Соединенные Штаты Северной Америки.

В последнее время конкурренция с другими странами, производящими стекло, сделалась затруднительна, вследствие чего многие из бельгийских стеклянных заводов принуждены были прекратить свою деятельность. Между главными отраслями промышленности Бельгии одна из самых правильных—производство цинка, размеры и ценность которого увеличиваются с каждым годом, как показывает следующая таблица:

Производство цинка было:

В 1850 г.—22.246 тонн, ценностью 9.814.000 франк.; в 1860 г.—45.457 тонн, ценностью 24.555.000 франк.; в 1870 г.—65.000 тонн, ценностью 30.846.000 франк.; в 1881 г.—95.194 тонн, ценностью 38.413.000 франк.; в 1891 г.—85.999 тонн, ценностью 48.271.000 франк.

Что касается мануфактурной промышленности, то в Бельгии существуют, во-первых, различные роды ткацкой промышленности, и некоторые из них представлены многочисленными и обширными фабриками. Правда, фабрики шелковых материй, которыми ныне обладает эта страна, не могут сравниться по важности с теми мануфактурами, которые так много способствовали созданию торговой славы Антверпена в шестнадцатом столетии, а ингельмюнстерские и мехельнские ковры не ценятся теперь так высоко, как некогда ценились оденардские; но производство шерстяных, бумажных и полотняных тканей получило значительное развитие со времени отделения Бельгии от Голландии. Суконные фабрики перерабатывают ныне количество шерсти, почти вдесятеро превосходящее те количества сырого материала, которые они потребляли лет тридцать тому назад, как видно из следующих данных:

Среднее количество шерсти, перерабатываемой в Бельгии: в 1840 г.—2.913 тонн, ценностью около 11.653.000 франк.; в 1880 г.—43.287 тонн, ценностью около 100.000.000 франков.

Вывоз шерстяных тканей: в 1874 г.—2.046 тонн; в 1882 г.—3.079 тонн.

В настоящее время бельгийская шерстяная промышленность переработывает ежегодно свыше 60 миллион. килограм. шерсти и производит тканей на сумму 150 милл. франк.

Город Вервье, главный центр бельгийской суконной промышленности, сделался соперником Эльбёфа и Седана. Фабрикация бумажных материй в начале должна была перенести в Бельгии сильный кризис, когда рынки Голландии вдруг были заперты для её произведений, и в первое десятилетие после отделения Бельгийского королевства от Нидерландов число веретен и ткацких станков оставалось почти неизменным; но с той эпохи это число удвоилось, и, пропорционально своему протяжению, Бельгия в настоящее время имеет хлопчатобумажных прядильных и ткацких фабрик не меньше, чем Франция и Германия, хотя она не может конкуррировать ни с Нормандией, ни с Эльзасом в отношении тонкости пряжи и тканей: она занимается почти исключительно производством обыкновенных сортов бумажной пряжи и бумажных материй. Общее количество веретен для прядения хлопка было в Бельгии: в 1830 году—400.000, в 1840 году—420.000, ныне около—800.000; ценность производимых бумажных тканей и пряжи около 150 миллион. франк. Что касается льноткацкой или полотняной промышленности, то существованию её одно время грозила серьезная опасность, именно в период переходного состояния, когда бельгийские полотняные фабриканты, чтобы выдержать конкурренцию Великобритании, заменили ручной труд механическим производством. Дело шло о насущном хлебе 350.000 рабочих, огромное большинство которых, около 300.000 человек, приходилось на долю восточной и западной Фландрии, и легко понять, какою дорогою ценой, в смысле лишения множества семей главного источника пропитания, было куплено это экономическое преобразование, если мы припомним, что фла-

мандские провинции не имеют никаких минеральных богатств, что землевладение раздроблено там до последней крайности и что ткацкое ремесло составляет для этого края единственную промышленность в собственном смысле. Огромное число фламандских ткачей, и притом, может быть, самые лучшие, ушли из Бельгии во Францию и поступили на фабрики в Северном департаменте. Ручное прядение льна, так же, как и пеньки, почти совершенно исчезло в обеих Фландриях; оно сохранилось только для некоторых простых тканей домашнего обихода и для особого рода нитей, употребляемых для плетенья кружев. Вот некоторые цифры, показывающие развитие полотняного производства в Бельгии с 1834 года.

Бельгийские льнопрядильни в 1834 г.—47.000 веретен; в 1873 г.—220.000; прядильни льна, пеньки и джута в 1881 г.—306.000 веретен.

Льноткацкая промышленность занимает около 350.000 лиц.

Кружевная промышленность, которая, с конца четырнадцатого столетия, дает занятие десяткам тысяч бельгийских работниц, ускользает пока еще, в значительной части, от применения механических способов производства, и в настоящее время около 150.000 женщин занимаются этим промыслом, временно или постоянно. Выделка кружев, бумажных и шелковых, белых и черных, значительно усовершенствована в отношении разнообразия форм и красоты узора: но сколько нужды и горя изображают собою эти изящные, тонкия вышиванья и плетенья! Вознаграждение за эту работу самое ничтожное. Ни один класс общества не представляет такого поразительного физического упадка, как класс кружевниц. Эта промышленность, особенно в ремесленных школах, губительно действует на здоровье мастериц, ведет к истощению телесных и душевных сил многих тысяч бедных девушек, которые впоследствии делаются хилым, болезненным корнем новых рабочих поколений[1].

Ценность кружевного производства: в 1846 году—50.000.000 франк.; в 1873 году—100.000.000 франк.[2]

Напротив, плетенье соломы, «промысел домашний, а не фабричный», служит источником увеличения благосостояния в том округе Бельгии, где оно практикуется. Меловой грунт бассейна, по которому протекает река Жеккер или Жер, близ Маастрихта, сообщает соломе большую крепость, гибкость и замечательную белизну. Бельгийская плетеная солома высоко ценится в торговле; ей предпочитают только итальянскую солому для фабрикации дамских шляп. В некоторых богатых общинах помянутого округа почти все жители занимаются приготовлением и плетеньем соломы. Ценность выделываемой в бассейне Жеккера плетеной соломы составляет (по Э. Лавеле) от 6 до 7 миллионов франков в год.

В Бельгии, как и в других государствах Европы, крупная фабричная промышленность постепенно завладевает также производством предметов продовольствия, в ущерб мелкой промышленности, и обширные фабричные заведения, паровые мукомольные мельницы, фабрики сухарей и печенья, свеклосахарные и рафинадные заводы, пивоваренные, винокуренные и водочные заводы и т. д. все более и более устраняют мелких производителей одиночных ремесленников или промышленников, и ввергают их в пролетариат. Для приблизительного определения захватов крупной централизующей промышленности мерилом может служить постепенное увеличение числа машин всякого рода. Первый введенный в Бельгии паровой снаряд был установлен в 1723 году, по системе Ньюкомена, для выкачивания воды из одной каменноугольной копи в окрестностях Люттиха. В 1800 году во всей бельгийской земле насчитывали только 27 паровых машин; но после 1830 года число их скоро перешло за тысячу и не переставало возрастать с каждым годом; в то же время увеличивалась и средняя сила каждого снаряда[3]. В настоящее время паровые двигатели в Бельгии представляют собою по меньшей мере силу, равную силе тринадцати миллионов людей, так что сила действующего ныне пара в десять раз превосходит силу всего рабочего класса страны.

1 D-r Meynne, „Patria Belgica“, II.

2 Romberg, „Patria Belgica“, III.

3 „Annales des travaux publics de Belgique“, 1843.

Число паровых машин в Бельгии было: в 1838 г. (сила 25.000 лошадей)—1.044; в 1850 г. —2.250; в 1860 г.—4.961; в 1870 г—9.294.

В 1891 году: паровых котлов—18.630; двигателей—18.304 в 397.120 лошадиных сил.

Но в то время, как машины работают, часто случается, что люди остаются без работы. Промышленные кризисы, продолжающиеся по целым сезонам и даже по целым годам, предают рабочих десятками тысяч в жертву нищеты, голода и болезней, которые являются их неизбежным следствием. О крайней бедности значительной части населения можно судить по тому факту, что половину домов принуждены были освободить от налога, по той причине, что наемная плата их оценивалась менее 42 франков. Нужно, однако, прибавить, что фиск часто довольствуется, при собирании этого рода статистических данных, фиктивными заявлениями, которые гораздо ниже действительной наемной платы.

Число домов, освобожденных от налога в 1868 г.—468.000 из 965.000.

На 1.000 домов в 1856 году: 782 имеющих одно только нижнее жилье в уровень с землей; 183 в один этаж; 35 в два и более этажей[1].

Внешния торговые сношения бельгийских городов увеличились в такой же пропорции, как и их промышленность. Впрочем, они всегда были значительны, с самого начала исторической эпохи. Уже во времена римского владычества земли менапиев (Menapii) вели очень деятельную торговлю с Италией тканями, солью, гусями, свининой; правда, большая часть этих торговых сношений,—может быть, самая значительная,—приходилась на долю прирейнских менапиев, населявших области, которые ныне известны под именем Рейнской Пруссии и великого герцогства Люксембургского[2]. Известно также, как обширна и деятельна была отпускная торговля во времена процветания фламандской промышленности, в продолжение веков, предшествовавших религиозным войнам. Но, в сравнении с нынешним коммерческим движением Бельгии, торговый обмен прежних эпох, даже самых цветущих, является совершенно ничтожным. Ни в одной стране земного шара, исключая разве стран недавно колонизованных, каковы Австралия и Новая Зеландия, привоз и вывоз товаров не возрастал с большею быстротой, чем в Бельгии: со времени объявления этого государства самостоятельным королевством, независимым от Голландии, ценность его торгового обмена увеличилась более нежели в двадцать раз. Около шести миллиардов,—больше чем ценность заграничной торговли иной обширной империи, например, Австро-Венгрии,—такова общая сумма, до которой в наши дни поднимается совокупность торговых оборотов Бельгии по привозу и отпуску: одна специальная торговля превышает три миллиарда. Если ценность внешнего торгового обмена разделить на цифру народонаселения, то на каждого жителя Бельгии приходится по 600 франков, без транзита, и по 1.000 франков, считая стоимость товаров и продуктов, провозимых через страну от границы до границы. Между европейскими государствами Бельгия, по размерам заграничной торговли, занимает—четвертое место, уступая в этом отношении только Англии, Франции и Германии.

Генеральная торговля Бельгии: 1831 г.—202.600.000 фр.; 1840 г.—429.900.000 фр.; 1850 г.—912.500.000 фр.; в 1860 г.—1.801.400.000 фр.; 1870 г.—3.282.000.000 фр.; 1882 г.—5.415.500.000 фр.; в 1891 г.—5.966.600.000 франков.

Всего значительнее торговые сношения Бельгии с Францией, как показывает следующая сравнительная таблица:

Специальная торговля Бельгии с различными нациями в 1895 г. (в миллионах франков):

Франция: ввоз—299,9, вывоз—284,2; Германия: ввоз-199,2, вывоз—310,8; Англия: ввоз—193,1, вывоз—266,7; Голландия: ввоз—174,6, вывоз—165.

Преобладающая роль Франции во внешних торговых сношениях Бельгии объясняется тем, что граница последней со стороны Французской республики имеет сравнительно наибольшее протяжение, а также тем, что Париж служит коммерческим центром, к которому

1 Бертильои, „Dictionnaire encyclnpedique des Sciences medicales“.

2 Эрнест Дежарден, „рукописные заметки“.

сходятся все бельгийские железнодорожные линии—из Льежа, из Брюсселя, из Остенде. Но если принять в рассчет долю транзитного движения в общей заграничной торговле Бельгии, то оказывается, что Германия несколько превосходит Францию, потому что бельгийская территория служит естественным посредником для торговых сношений немецких государств с Англией.

Генеральная торговля в 1882 г.: между Бельгией и Францией—1.231.733.000 франк.; между Бельгией и Германией—1.268.482.000 франков.

Главные товары, провозимые через Бельгию,—шерсть и ткани всякого рода, тогда как между продуктами, получаемыми из-за границы, первое место по количеству занимает зерновой хлеб, ввозимый для потребления в самой стране. Не будучи в состоянии производить пищу, необходимую для прокормления своего чрезмерно увеличившагося населения, Бельгия принуждена покупать на заграничных рынках хлебного товара ежегодно на большую сумму (так, например, в 1895 году было ввезено иностранного хлеба в зерне и муке на 287 миллионов франков), который она обменивает преимущественно на каменный уголь и кокс, железо, пряжу и ткани из льна, пеньки и шерсти.

Главные товары, вывезенные из Бельгии за границу в 1895 году (в миллионах фр.):

Пряжа льняная, шерстяная—109,2; каменный уголь—95,1; лен—49,7; ткани шерстяные, бумажные, льняные—67,4; железо всякого рода—58,4; изделия из железа—46,4; кожи—76,1; машины и т. п.—61,8; камень—27,8; стекло—51; хлеб в зерне и муке—72,8; сахар—48,1.

Главная часть бельгийской внешней торговли, около двух третей, производится через сухопутные границы; так, в 1876 году сухопутная торговля составляла 64,9%, морская 35,1% совокупности коммерческого обмена. Остальная треть почти вся сосредоточивается в Антверпенском порте, который представляет собою не только главный приморский рынок Бельгии, но в то же время, благодаря транзиту,—один из важнейших торговых пунктов для всей центральной Европы. Однако, главная доля товаров, сложенных в амбарах и магазинах Антверпена, перевозится не бельгийскими судами; они не получают даже и десятой части: Англия овладела почти двумя третями морской торговли Бельгии; так, в 1876 году, доля Бельгии в общем количестве грузов её собственной морской торговли составляла всего только 7,1%, тогда как доля Англии в общем количестве грузов морской торговли Бельгии равнялась 63,9%.

За некоторыми исключениями, бельгийские крупные промышленники не отправляют за границу произведений своих фабрик и заводов за собственный счет: при отсутствии прямых сношений с иностранными рынками, они принуждены ждать, пока явятся посредники и заберут их товары. Точно также бельгийские экспедиторы обращаются к иностранным судохозяевам, к английским, скандинавским, немецким, даже к итальянским, и при посредстве их доставляют свои грузы в места назначения: фламандцы, которые были главными наставниками голландцев в искусстве мореплавания, теперь почти не имеют собственного торгового флота, причину чего, без сомнения, следует искать в ошибочных фискальных мероприятиях, так как в Бельгии нет недостатка ни в железе для обшивки судов, ни в пеньке для оснастки их, ни в рабочих для судостроения. В последния десятилетия бельгийский коммерческий флот, правда, несколько увеличился в отношении общей его вместимости или количества грузов, которое он в состоянии принять, но зато число судов уменьшилось почти на две трети. Что касается рыболовных судов, то они образуют ныне флотилию немного более многочисленную, чем в половине текущего столетия, хотя лов сельдей совершенно оставлен бельгийскими рыболовами с 1863 года; в этот год он дал только 2.150 килограммов рыбы, то-есть немного больше двух тонн.

Торговый флот Бельгии: в 1846 году: 140 парусных судов и 3 парохода, с общей вместимостью в 27.176 тонн. В 1896 г.: 5 парусных судов и 54 парохода, с общей вместимостью в 87.213 тонн. Рыболовная флотилия: в 1846 году—210 судов, вместимостью 5.958 тонн, с 1.251 человеком экипажа; в 1876г.—259 судов, вместимостью 8.621 тонн, с 1.590 человек экипажа; в 1896 г.—366 судов, вместимостью 9.379 тонн.

Если перевозка грузов, отправляемых из Бельгии морем, производится главным образом при помощи английских купеческих кораблей, то и морская торговля этой страны с Англией далеко превосходит по важности коммерческие сношения её с другими приморскими государствами. Больше половины судов, приходящих в бельгийские порты или выходящих из этих портов, служат для целей торгового обмена между Бельгией и Великобританией. Движение морского судоходства очень деятельно также с Скандинавией, Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами, республиками Лаплаты; но оно, сравнительно, маловажно с Францией и Голландией: это объясняется тем, что торговые сношения с этими двумя странами производятся почти исключительно чрез сухопутные границы. Страны, ведущие морские торговые сношения с Бельгией в размере свыше 100.000 тонн вместимости судов, располагались в 1881 г. в следующем порядке:

Англия—7.026судов.,вместим. 3.180.682 тон. Соединенные Штаты—857 судов, вместимостью 1.136.257 тонн. Россия—564 судов, вместимостью 428.738 тонн. Швеция и Норвегия—825 судов, вместимостью 240.129 тон. Германия—509 судов, вместимостью 332.555 тонн. Рио-де-Лаплата—151 судно, вместимостью 213.791 тонн. Франция—408 судов, вместимостью 179.251 тонн.

Правильная служба пара все более и более вытесняет медленное и менее верное парусное судоходство: больше половины судов, две трети количества грузов, слишком три четверти ценности перевозимых товаров—такова доля пароходства во внешних торговых сношениях бельгийских портов.

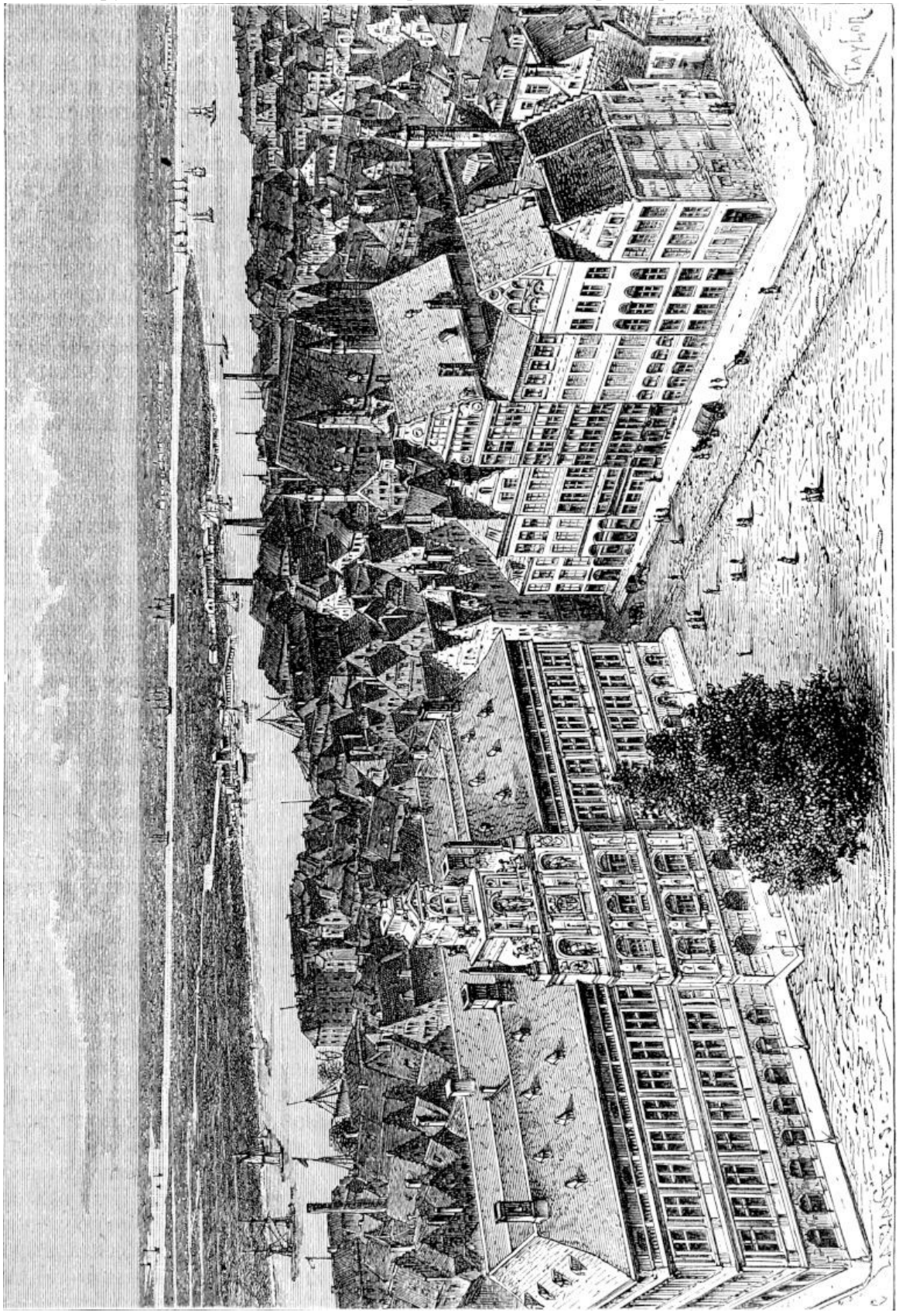
Громадность внутренней торговли Бельгии ускользает от всякой статистики, но о размерах её можно, до некоторой степени, судить по значительному развитию, которое получила в этой стране система путей сообщения. Товары, нагружаемые с купеческих кораблей на набережные Антверпена и Остенде, могут быть перевозимы оттуда на речных судах в различные пункты королевства—в Брюгге или в Кортрейк, в Дорник или в Монс, в Брюссель или в Шарлеруа, в Гасселт или в Льеж. Перевозка грузов по бельгийским рекам и каналам по малой мере в три раза превосходит товарное движение по железным дорогам: она исчисляется приблизительно в 300 миллионов тонн, приведенных к расстоянию одного километра. Однако каналы и естественные водяные пути еще не урегулированы таким образом, чтобы фарватер их представлял судам везде одинаковую глубину, или, по крайней мере, глубину, правильно уменьшающуюся по направлению от моря к внутренней части страны: в среднем выводе, эти водяные пути доступны судам, сидящим в воде на полтора или два метра; но между ними есть и такие, глубина которых всего один метр или даже и того менее. Кроме того, некоторые необходимые водяные пути до сих пор еще не проведены, как, например, путь, который должен бы был соединять непосредственно Самбру и Шельду, Шарлеруа и Монс, через каменноугольную область, или канал от реки Лис или Лейс в Ньюпорт, через Эйперн и Эйзер. Длина внутренних водяных путей в Бельгии: реки—1.206 километров, каналы—1.000 километров.

Относительно искусственных водяных путей нужно, однако, заметить, что Бельгия не имеет системы каналов, достойной страны, где уже в половине шестнадцатого столетия существовал, между Брюсселем и морем, канал больших размеров и снабженный шлюзами[1].

Что касается обыкновенных дорог и рельсовых путей, то Бельгия долгое время имела, сравнительно, лучшую в целом свете сеть удобных путей сообщения, да и теперь еще она занимает в этом отношении одно из первых мест между различными государствами земного шара. За исключением только горной группы Арденнов и Кондроза, все местечки, все деревни соединены между собой колесными дорогами, которые делятся на государственные, провинциальные и проселочные. Общее протяжение государственных и областных дорог в 1891 году исчислялось в 9.080 километров. Некоторые римские дороги существуют еще доныне и отчасти не переставали быть употребляемыми: таковы две «шоссейные дороги Бру-

1 „Annales des travaux publics de Belgique“, 1843.

негильды», которые, выходя из так называемого «семидорожья» (septemviun) в Баве[1], оканчиваются одна—в Маастрихте, пересекая таким образом всю Бельгию с юго-запада на северо-восток, другая—в Монс, и оттуда направляется на север и теряется близ Аш, недалеко от



Площадь Ратуши въ Антверпенѣ.

Брюсселя[2].

1 Эрнест Дежарден, „Notice sur les monuments epigraphiques de Bavai et du musee de Donai“.

2 „Annales des travaux publics de Beigique“, 1843.

На западе от Мааса сеть бельгийских железных дорог есть одна из тех, которые особенно бросаются в глаза на карте Европы по большому числу взаимно пересекающихся линий. И не только рельсовые пути в Бельгии многочисленнее, чем в большей части других государств, но и движение на них оживленнее: поезды на больших дорогах, вообще говоря, ходят чаще и возят более значительное количество пассажиров и товаров сравнительно с рельсовыми путями других государств. Если бы весь подвижной состав бельгийских железных дорог расположить в один поезд, то он занял бы, на всем её протяжении, линию, идущую из Остенде в Кёльн через Гент, Брюссель и Льеж. Длина этого поезда была бы не менее 325 километров.

Длина железных дорог Бельгии (1895 г.): 5.683 километров.

Перевезено пассажиров (1892 года)—88.226.000; грузов 45.015.000 тонн.

Больше половины бельгийских железных дорог принадлежит государству или состоит под его управлением: плата за проезд пассажиров и перевозку товаров на этих линиях сравнительно дешевле, нежели во всякой другой стране Европы, и, благодаря этому обстоятельству, пассажирское и товарное движение, а вместе с тем и торговая деятельность Бельгии, значительно увеличились. Между тем как во Франции, средним числом, каждый житель делает в год только три поездки по железной дороге, в Бельгии на каждого жителя приходится вдвое большее число таких поездок. Но движение почтовой и телеграфной корреспонденции не соответствует движению железных дорог; бельгиец, вообще говоря, пишет меньше, чем француз, хотя количество писем и других отправлений, пересылаемых по почте, равно как и телеграмм, представляет значительное увеличение с каждым десятилетием.

Движение почтовой и телеграфной корреспонденции в Бельгии.

	1840 г.	1860 г.	1870 г.	1882 г.	1896 г.
Письма (закрытые)	10.894.536	23.960.846	45.082.531	81.629.310	110 566.990
Периодические издания	8.739.000	26.358.020	46.871.539	88.675.000	101.513.576
Другие печати отправления	2.965.000	6.668.452	18.125.198	46.497.000	91.274.339
Телегр. (без транзита)	-	175.415	1.850.564	3.425.948	5.574.851

Длина телеграфных линий—7.435 километров.

Относительная малочисленность почтовой корреспонденции в Бельгии, без сомнения, должна быть приписана слишком слабому развитию народного образования. В самом деле, эта страна, в отношении развития литературы и науки и распространения просвещения в массе народа, стоит на более низкой степени сравнительно с тем местом, которое она занимает в области торговли и промышленности. Казалось бы, Брюссель, как общий центр той части Европы, которая обнимает Англию, Францию и Германию, должен быть в то же время для этих стран естественным средоточием научных трудов; но этого нет. Ни одна часть Европы не может быть названа более населенною и более деятельною в материальном отношении, чем Бельгия, но зато между европейскими странами мало найдется таких, с которыми она могла бы равняться по развитию умственной деятельности. До недавнего времени даже самое элементарное образование более хромало в Бельгии, чем в соседних государствах. Еще в половине текущего столетия насчитывалось не больше половины жителей, осиливших азбуку; теперь школы заведены во всех общинах, и число неумеющих читать и писать составляет только четверть населения, (по переписи 1890 г., грамотных оказалось 74,96%[1].

Но уровень преподавания, вообще говоря, очень невысок в начальных школах коммунальных, «adoptees» (частных, получающих пособие от общины), или вольных, светских или духовных, и многие воспитанники выходят из этих заведений, не научившись даже читать бегло. Общее число учащихся в бельгийских школах не достигает еще одной восьмой народонаселения, тогда как оно составляет уже одну шестую в Вюртемберге, в Саксонии и в других странах, где народное образование в большом почете.

В 1895 г. в Бельгии было 6.335 начальных школ, с 720.191 учащихся.

1 Bauduin, „рукописные заметки“.

По числу учащихся в начальных школах на 1.000 душ населения различные провинции Бельгии располагались в 1878 г. в следующем порядке:

Люксембург—158; Намюр—150; Геннегау—133; Лимбург—133; Антверпен—122; Западная Фландрия—121; Восточная Фландрия—119; Брабант—115; Люттих—107.

До недавнего времени фламандцы стояли далеко позади валлонов в деле начального образования, и в наши дни фламандский элемент еще уступает в этом отношении валлонскому, но он заметно поднялся в периода, жизни последнего поколения. Если валлонские провинции возвысились на первую степень по числу детей, посещающих элементарные школы, то зато одна валлонская область занимает в этом отношении последнее место.

Для среднего образования в Бельгии существует около 200 учебных заведений, содержимых или на счет государства, или на счет духовного ведомства, или на счет общин, или, наконец, частными лицами. Число воспитанников, посещающих учебные заведения, управляемые духовенством, превышает число воспитанников, получающих образование в светских школах.

В 1895 г. королевских атенеев и коллежей было 35, с 7.505 учащихся; средних школ: мужских—88, с 15.417 учащихся; женских—40, с 6.937 учащихся; кроме того, нормальных школ: средних—4, с 138 учащихся, и начальных—53, с 2.996 учащихся.

Любовь к ассоциации, составляющая характеристическую черту фламандских населений, перешедшая, так сказать, в их кровь и плоть, могла бы приносить им большую пользу в деле поднятия народного образования и облегчать их успехи в приобретении знаний всякого рода. Благодаря этой способности к соединению в общества или союзы, школы для взрослых,—которые, впрочем, получают, в случае недостаточности собственных средств, субсидии из государственной казны—очень размножились в последнее время в обеих Фландриях, гораздо больше, нежели в валлонских областях: во многих общинах больше одной десятой части жителей сгруппированы в этих школах, которые, впрочем, не всегда имеют единственною целью учение. В городах и больших местечках все граждане принадлежат к различным группам, соединившимся для защиты интересов партии, для каких-либо промышленных или торговых предприятий, для общественных дел, или, наконец, для общественных увеселений; многие обыватели наверно затруднились бы даже перечислить вдруг все кружки, в которых они состоят членами. Нынешния общества не имеют, правда, той важности и крепкой связи, какими отличались корпорации в средние века, когда они составляли город в городе и когда члены их должны были всецело посвящать себя общему делу, бывшему целью союза; но зато современные ассоциации имеют ту выгоду, что они оставляют гораздо больше простора личности и не замыкают её в тесные рамки формул и обрядов. В Бельгии нет такого города, где бы не насчитывалось несколько сотен ассоциаций, клубов политических, ученых, артистических, обществ голубятников, которые отправляют выводимых ими голубей в дальние странствования [так, например, в мае 1878 года число бельгийских голубей, отправленных по железным дорогам во Францию, в Италию и другие страны, простиралось до 123.000][1]. Ни одна страна в мире, пропорционально пространству и населению, не равняется с Бельгией по числу музыкальных обществ; во время народных праздников иной бельгийский город один может выставить тысячи певцов: улицы бывают сплошь запружены кортежами членов обществ, украшенных своими значками.

Понятно, что общественные увеселения играют далеко не маловажную роль во всех этих ассоциациях, которые беспрестанно образуются и преобразуются на всем пространстве Бельгийского королевства, и преимущественно в западных его провинциях. В предвидении больших или местных храмовых праздников работники и работницы промышленных и фабричных городов соединяются в компании по десяти-двадцати пар, во главе которых стоит «капитан», полновластный распорядитель церемоний: он выбирает помещение для танцев, организует празднество, принимает на себя обязанность руководить общею защитой в случае споров. Нужны целые месяцы, иногда целые годы бережливости, чтобы сколотить по

1 Bauduin, „рукописные заметки“.

грошам сумму, необходимую для устройства проектированного праздника, и как часто болезнь, безработица, или стачка разом разрушали эту долго лелеянную надежду повеселиться! Но вместо старых, расстроившихся, основываются новые общества, и в случаях к шумным увеселениям недостатка никогда не бывает[1]. Ни в какой стране мира таверны, трактиры, бальные залы, кофейни не открывают так широко своих дверей прохожим, не привлекают так много посетителей, как в Бельгии. В Брюсселе и его предместьях существует около девяти тысяч питейных заведений, то-есть по одному на сорок человек, и так как содержатель кабака—обыкновенно главный жилец дома, где он нанимает квартиру для своего заведения, и в силу этого пользуется правом избирателя, то оказывается, что из всех классов общества класс питейных торговцев имеет наиболее многочисленное представительство в политическом отношении; он составляет весьма значительную часть совокупности избирателей. Обыкновенный расход посредственного любителя крепких напитков нельзя считать менее 180 франк. в год, а мелкие издержки на сладкое вино и табак всегда удвоивают сумму, отнимаемую у хозяйства. Из всех европейских народов обитатели Бельгии обращают в дым наибольшее количество табаку; они превосходят в этом отношении даже своих соседей, голландцев и немцев, как показывает следующая сравнительная таблица:

Потребление курительного табаку в 1880 г. (количество килограммов, приходящееся на 100 жителей):

Бельгия—250; Нидерланды—200; Германия—150; Норвегия—100; Франция—80; Англия—62; Италия—57; Швеция—34.

V.

Бельгия, конституционная парламентарная монархия, главными чертами своего политического и административного устройства походит на другие континентальные государства Европы, имеющие такую же форму правления. Граждане в этом королевстве сгруппированы в общины, рассматриваемые как «политические и гражданские лица», а эти общины, в свою очередь, соединены в провинции или области, имеющие также своих избирателей, свои собственные органы власти. Наконец, государство, состоящее из провинций, есть единое политическое тело, управляемое законодательною властью, сосредоточенною в руках выборных нации, исполнительною властью, представляемою особою короля, и судебною властью.

Нынешния главные административные деления страны, в числе девяти, приблизительно соответствуют прежним феодальным округам, несколько измененным в их очертаниях первою французскою революцией; но бывшие департаменты получили имя провинций, и географическое название их тоже было изменено, как видно из следующей таблицы:

Административное деление Бельгии, старое и новое:

Департаменты: Лейсы, Шельды, Двух Нет, Дейле, Нижнего Мааса, Урты, Жеманн, Самбры и Мааса, Лесной.

Провинции: Западная Фландрия, Восточная Фландрия, Антверпен, Брабант, Лимбург, Люттих (Льеж), Геннегау, Намюр, Люксембург.

Что касается общин, то число их меняется в разные годы по усмотрению законодательной власти. По переписи 31-го декабря 1881 г. насчитывалось 2.584 общины, имевших в среднем население в 2137 душ. Но 453 общины имели, каждая, менее 500 жителей, 765 общин—менее 1.000 и свыше 500 жителей; указывают даже одну общину,—именно общину Цетеней, недалеко от Фюрнеса, в Западной Фландрии,—где всего только 25 индивидуумов образуют отдельную политическую группу. Хотя бельгийские общины, вообще говоря, вдвое больше, чем французские, так как среднее население их в два раза превышает среднее население последних, но, тем не менее, раздробленность общин в Бельгии так велика, что самостоятельная жизнь для большей части этих политических групп оказывается на деле почти невозможною: несмотря на все гарантии независимости самоуправления, которые за ними

1 Oetker, „Belgische Studien, Vereinsleben und Schaubelustigungen“.

обеспечивает конституция, мелкие общины необходимо зависят от центральной власти.

Представителем специальных интересов каждой общины служит общинный совет, члены которого выбираются через каждые три года в половинном составе; число их колеблется, смотря по цифре населения коммуны, между 7 и 31. Они решают, в общем заседании, все дела, специально касающиеся общины, но по делам, предлагаемым на их обсуждение высшею властию, могут только высказать свое мнение. Вообще говоря, круг их действия обширнее, чем круг ведения французских муниципальных советов. Между тем как во Франции решения общинного собрания, сами собой вступающие в законную силу, то-есть не требующие предварительного утверждения со стороны административной власти, являются очень редким исключением, в Бельгии они, напротив, составляют общее правило[1]. Но бельгийский бургомистр не почитается представителем общины перед государством; он получает свое полномочие непосредственно от исполнительной власти, так же, как и его помощники или эшевены, число которых бывает различно, от двух до пяти, смотря по важности общины, и которые, вместе с ним, образуют общинную управу. Король назначает бургомистра и эшевенов на шестилетний срок из среды общинного совета; но он может также выбрать своего представителя вне совета, между простыми избирателями, и в этом случае бургомистр приобретает право председательствовать в совете, в состав которого он не входит, и подает голос наравне с другими членами.

Провинции имеют подобное же устройство, только немного более сложное. Провинциальные советы, состоящие из депутатов или гласных, выбираемых также самими гражданами, занимаются исключительно обсуждением и решением дел, касающихся данной провинции, и закон окружил эти учреждения целым рядом ограничений, направленным к тому, чтобы отнять у них всякую возможность организоваться в собрание политического характера. Так, он объявляет полномочие провинциального советника несовместимым с полномочием сенатора или депутата палаты представителей, так что лицо, выбранное в члены провинциального совета, не может быть в то же время членом законодательного собрания: далее, он воспрещает провинциальным советам делать какие-либо воззвания к жителям без разрешения губернатора; предоставляет последнему власть закрывать во всякое время, по своему усмотрению, чрезвычайные собрания совета и ограничивает продолжительность обыкновенных или очередных собраний четырехнедельным сроком. Однако представительство провинциальных интересов никогда не прерывается, так как члены совета назначают из своей среды постоянную коммисию, состоящую из шести членов, выбираемых на четыре года и обновляемую на половину через каждые два года. Коммисия эта, в которой председательствует губернатор провинции, заменяет совет в промежутках между его собраниями.

Две палаты законодательного собрания: сенат и палата представителей, в принципе, так же, как муниципальные и провинциальные советы, являются органами, исходящими от народной власти; но число граждан, участвующих в избрании их членов, более ограничено. Впрочем, нужно заметить, что в Бельгии подача голоса на выборах не есть право, даже в отношении коммунального или общинного представительства; это привилегия денег. По закону 1871 года, правом участия в выборах пользуются только лица, платящие налогов не меньше 10 франков; но в тех общинах, где нет 25 избирателей, платящих требуемую избирательным цензом сумму налога, список избирателей пополняется внесением в него жителей, платящих наибольшую после установленной нормы сумму податей. Кроме того, вдовы, платящие 10 франков налога, могут передавать принадлежащие им избирательные права сыну или зятю, если, однако, последние удовлетворяют другим требуемым для избирателя условиям. Для провинциальных выборов, т. е. для выборов членов провинциальных советов, ценз удвоен; нужно платить налога не менее 20 франков, вследствие чего численный состав избирателей уменьшается почти на половину. Что касается выборов в законодательное собрание, то по закону 1893 г. правом голоса на них пользуются все бельгийцы, достигшие 25 лет от роду и прожившие в той же общине не менее года. Кроме того, один добавочный голос при-

1 Emile Fleurens, „Organisation judiciaire et administrative de la France et de la Belgique“.

своен: 1) гражданам, достигшим 35 лет, женатым или вдовым, имеющим законное потомство и платящим не менее 5 фр. прямых налогов; 2) гражданам, достигшим 25 лет и владеющим недвижимым имуществом ценностью не менее 2.000 фр., или получающим ренту не менее 100 фр. Два добавочных голоса присвоено гражданам, достигшим 25 лет от роду и имеющим диплом высшего учебного заведения, или исполняющим или исполнявшим общественную должность, занимающим или занимавшим место, для занятия которого требуется высшее образование.

На основании закона 1878 г., страна разделена на 40 избирательных округов. Члены палаты представителей (по одному на каждые 40.000 жителей) назначаются на четыре года, но половина из них подлежит вторичному избранию через каждые два года, тогда как личный состав членов сената, выбираемых на восьмилетний срок, должен быть обновляем на половину после каждых четырех сессий. Депутаты палаты представителей получают жалованье в размере 4.000 фр. в год. Их специальная прерогатива состоит в том, что они первые вотируют всякий закон, относящийся или к финансам государства, или к призыву на службу контингента армии; далее, им принадлежит право назначать членов счетной палаты и привлекать министров к ответственности за их действия. Закон воспрещает совмещение в одном лице звания члена законодательного собрания с какою бы то ни было должностью, оплачиваемою государством; лицо, бывшее членом палаты представителей или сената, может занять какую-либо общественную должность, с которою соединено получение жалованья, не ранее, как по прошествии года со дня прекращения депутатского или сенаторского полномочия. Депутат или сенатор, награжденный «гражданским» орденом Леопольда, подвергается вторичному избранию. В системе равновесия государственных властей сенат представляет собою охранительный элемент. Он состоит из половинного против нижней палаты числа членов. Из этих членов 27 избираются провинциальными советами, независимо от какого бы то ни было ценза; остальные выбираются непосредственно между гражданами, имеющими не менее сорока лет от роду и платящими не менее 1.200 франков прямых налогов, или владеющих недвижимостью, дающею не менее 12.000 фр. кадастрового дохода; сенаторы не получают ни жалованья, ни вознаграждения. Наследник престола—сенатор по праву.

Король, который есть вместе с тем государь нового африканского государства, Конго, является представителем страны в отношении обнародования законов и издания декретов. Его право veto безусловно; его особа неприкосновенна. Он начальствует, в качестве главнокомандующего, над всеми военными силами нации, назначает министров и распускает палаты, призывая избирателей к выборам новых делегатов. Годовое содержание ему (liste civile) определено в 3.500.000 франков; кроме того, он пользуется многими национальными дворцами, содержимыми на счет liste civile. Министров, из которых ни один не носит титула президента совета министров, хотя силой вещей всякое министерство, взятое в совокупности, имеет своего главу,—семь, именно: министр юстиции, министр внутренних дел, министр иностранных дел, военный, министр финансов, министр общественных работ и министр народного просвещения. Король может, по своему усмотрению, увеличивать число отдельных министерств; палаты не в праве вмешиваться в это дело, кроме того только, что они вотируют штаты вновь учрежденного министерства. Законопроекты, вносимые правительством на обсуждение законодательнаго собрания, разрабатываются в подлежащих министерствах или специальными коммисиями. Тайный королевский совет, который государь созывает в некоторых случаях, состоит из «государственных министров» (ministres d'Etat).

Судебная часть организована почти так же, как во Франции. Судьи в Бельгии тоже несменяемы. Представители магистратуры низшей степени назначаются правительством, тогда как советники апелляционных судов и кассационного суда, назначаемые также королем, должны быть выбираемы из списка кандидатов, представленного самими этими судами высших инстанций и провинциальными советами или сенатом. Все дела о преступлениях уголовных, политических и государственных и о проступках против законов о печати решаются с участием присяжных, которые произносят вердикт о факте преступного деяния и о винов-

ности подсудимого. В судебном отношении Бельгия разделена на три округа (districts) апелляционных судов или судебных палат, обнимающие вместе 26 округов (arrondissements) первой инстанции и 204 кантона (округи мировой юстиции), отличные от административных округов и кантонов и притом очень неравные по пространству и числу жителей. Следующая таблица показывает распределение судебных округов по провинциям:

Апелляционные суды	Провинции, входящие в круг их ведомства.	Округи	Кантоны	Общины
Брюссель	Антверпен Брабант Геннегау	9	72	929
Гент	Фландрия западная Фландрия восточная	7	62	547
Льеж	Льеж Лимбург Намюр Люксембург	10	71	1.108
Итого		26	205	2.584

В Бельгии обучение детей необязательно; требуется только, чтобы каждая община имела начальную школу, чтобы для школы отводилось приличное помещение, и чтобы все бедные дети были освобождаемы от платы за учение, когда о том просят их родители. Наставник начальной школы назначается коммунальным советом, который, вместе с тем, пользуется правом отрешения его от должности и определяет ему годовой оклад жалованья; с 1876 года наименьшая норма этого оклада определена в 1.000 франков, но он меняется, смотря по важности общин. Программа уроков всегда носила на себе следы того значительного влияния, которое приобрело духовенство в стране со времени революции 1830 года; преподавание религии и нравственности, признанное важнейшим элементом школьного обучения, ведется под руководством духовных лиц; лица эти могут, кроме того, инспектировать школы на тех же правах, как и провинциальные или кантональные инспекторы, назначаемые королем. Кроме катехизиса, которым начинается и оканчивается каждый классный день, программа элементарного образования обнимает чтение, письмо, так называемые начальные основания французского, фламандского или немецкого языка, смотря по речи, употребляемой жителями данной общины, наконец, четыре действия арифметики и установленную законом систему мер и весов. Для приготовления наставников и преподавателей начальных и средних учебных заведений существуют нормальные школы или учительские институты и семинарии, основанные частию духовенством, частию правительством. В противоположность двум государственным университетам и вольному брюссельскому университету, духовенство заправляет исключительно Лувенским университетом; оно содержит также коллегии (colleges patronnes), многие из тех специальных технических и артистических учебных заведений, которыми так изобилует эта страна, и воспитывает учителей и учительниц в своих собственных нормальных школах. Кроме того, оно принимает участие в выдаче профессорских дипломов, так как экзаменационные коммисии (jurys «combines»), заседающие в университетских городах, состоят из членов. назначаемых в равном числе государством и вольными университетами. Враждебные партии, представленные в этих смешанных коммисиях, стараются всячески облегчить испытание воспитанникам своих друзей, следствием чего является понижение уровня научного образования; экзаменаторы делаются все менее и менее строгими, чтобы открыть своим протеже широкую дорогу к высшим карьерам, и потому кандидаты все более и более страдают недостатком основательной научной подготовки.

Из сейчас сказанного нами видно, как прочно и могущественно положение церкви в Бельгии. По духу и букве конституции, выработанной национальным собранием, между членами которого было тринадцать аббатов, церковь совершенно независима от государства, и даже, до некоторой степени, государство есть её данник. Ватикан назначает по своему усмотрению архиепископа и епископов, а епархиальные архиереи, в свою очередь, опреде-

ляют настоятелей церквей, помимо всякого участия государства, которому остается одна забота—платить жалованье независящим от него служителям церкви. Епархий в Бельгии шесть: архиепископство Мехельнское, епископство Брюггенское, Гентское, Люттихское, Намюрское, Дорникское, которые все вместе заключают 184 благочиния или деканства, 230 настоятельств или главных приходов и 5.635 церковных подразделений. В настоящее время в Бельгии насчитывается около 6.000 священнослужителей; сверх того, многие сотни молодых людей приготовляются к духовному сану в богословском факультете Лувенского университета, в епархиальных семинариях Мехельна, Брюгге, Гента, Люттиха, Намюра, Дорника и во многих других менее важных духовных семинариях. Монастыри мужские и женские существуют во всех частях королевства, преимущественно в обеих Фландриях, и население этих религиозных общин не перестает увеличиваться, как видно из следующих статистических данных.

Мужские общины: в 1846 г.—137 монастырей и 2.051 монах; в 1880 г.—213 монастырей и 4.120 монахов. Женские общины: в 1846 г.—642 монастыря и 9.917 монахинь; в 1880 г.—1.346 монастырей и 21.242 монахини.

Отношение числа монашествующих к числу мирян: в 1846 г.—27,6 на 10.000; в 1856 г.—32,3 на 10.000; в 1880 г.—44,7 на 10.000.

В настоящее время общее число лиц духовного звания, священников и монахов, мужчин и женщин, никак не менее 30.000. Протестанты и евреи немногочисленны в Бельгии: первых насчитывают около 15.000; последних около 3.000; но люди, совершенно отпавшие от церкви и отвергающие церковные обряды при крещении, браке и погребении, насчитываются тысячами во всех больших городах королевства.

В силу дипломатических конвенций, и особенно в силу постановлений лондонской конференции 1831 года, Бельгия, слишком маленькая для того, чтобы быть в состоянии бороться с тем или другим из своих могущественных соседей, пользуется выгодами «вечного нейтралитета»; несмотря на то, она тоже имеет постоянную армию, и даже армию, относительно говоря, значительную. По штатам военного времени, национальные боевые силы состоят из 140.000 действующего и 30.000 резервного войска; в 1870—71 гг., во время франко-прусской войны, в Бельгии было под ружьем до 83.000 человек. Во время общего мира среднее число солдат на действительной службе должно быть не менее 45.000 челов. Армия набирается посредством конскрипции. Молодые люди, достигшие определенного возраста и внесенные в рекрутские списки для образования требуемого контингента, призываются к вынутию жребия, за исключением тех, которые предназначают себя к духовному званию или к педагогической деятельности. Освобождение, окончательное или временное, по неспособности или на основании льгот, тотчас же уменьшает на одну четверть число конскриптов: только четверть вынимающих жребий попадает окончательно в годовой контингент и поступает в ряды армии на время от двух до четырех лет, смотря по категориям. Оффициально срок службы полагается восьмилетний.

Среднее годовое число призываемых к жеребьевке молодых людей (в период с 1878 по 1883 г.):—49.267; из этого числа: освобожденных окончательно—3.288; освобожденных временно—7.957, непризванных под знамена—25.757.

Однако, личное исполнение воинской повинности в Бельгии необязательно: закон дозволяет всякому молодому человеку, назначенному жребием к несению этой повинности, заменить себя другим лицом, заместителем, доставленным военною администрацией за сумму 1.600 франков; но желающий воспользоваться этим правом должен внести в кассу военного ведомства 200 франков в январе месяце того года, когда ему предстоит вынимать жребий.

Допущение заместительства имеет то следствие, что армия набирается исключительно между бедными, по крайней мере нижние чины, ибо большая часть офицеров выходят из специальных учебных заведений—из военного училища (ecole militaire), основанного в 1834 году, или из юнкерского училища, учрежденного в Гасселте. Военная академия (ecole de guerre), образцовое заведение, существующее с 1872 года, каждый год принимает известное

число субалтерн-офицеров разного рода оружия, подпоручиков, поручиков и капитанов, которые желают приготовиться к занятию должности штабных офицеров в военное время. Жалованье военным очень мало увеличено с 1830 года, хотя ценность денег с той эпохи уменьшилась на половину. Поэтому нет ничего удивительного, что число желающих увеличить собою ряды армии, в качестве вольноопределяющихся, очень невелико, тем более, что со времени революции 1830 года бельгийские войска, занимающие безусловно нейтральное положение во всех европейских войнах, ни разу не бывали в деле, если не считать тех случаев, когда им приходится употреблять оружие против своих же соотечественников, бельгийцев, во время стачек рабочих. Всякий военный, имеющий более 55 лет от роду и прослуживший не менее 40 лет, пользуется правом на получение пенсии в размере 150 франков, увеличиваемой 12 сантимами за каждый день нахождения на действительной службе; раненые солдаты тоже имеют право на пенсию, так же, как вдовы и молодые сироты военных, умерших на службе государству.

Территория королевства разделена в военном отношении на два главные округа и на девять провинциальных управлений (commandements), с переменным числом комендантов или воинских начальников.

Военно-административное деление Бельгии:

Военные округи: первый—Брюссель; второй—Антверпен.

Провинциальные управления: Брабант, Геннегау, Лимбург, Люттих, Люксембург, Намюр, Антверпен, Фландрия западная, Фландрия восточная.

Военные силы, состоящие из 19 полков пехоты, 8 полков кавалерии, 7 полков артиллерии, одного полка инженеров и различных специальных частей, сгруппированы в бригады и дивизии, естественные центры которых—большие города и крепости. Единственные крепости, оставшиеся в Бельгии, суть: Антверпен, с его укрепленным лагерем и фортами на нижней Шельде, Тендермондом, Дистом, и форты Льежа и Намюра. Кроме того, в Беверло, в Кампине, близ голландской границы, устроен учебный лагерь для маневров, в роде французского лагеря в Шалоне-на-Марне. По различным родам войска бельгийская армия распределена следующим образом:

Пехота—4 дивизии, 9 бригад; кавалерия—2 дивизии, 4 бригады; артиллерия—4 бригады.

Численный состав армии в 1897 г.:

По мирному положению: 3.426 офицеров, 47.876 нижних чинов; кроме того, гражданская гвардия (garde civique)—42.827 челов.

По штатам военного времени: 3.742 офиц., 135.656 нижних чипов, около 90.000 чел. гражданской гвардии.

Часть государственного бюджета, употребляемая в Бельгии ежегодно на содержание военных сил, в среднем, превышает 40 миллионов франков; со времени революции 1830 года общая сумма расходов на этот предмет составляет уже около 2 миллиардов, не считая сложных процентов.

Что касается состояния финансов, то Бельгия принадлежит к числу наименее обремененных долгами государств Европы. Правда, это маленькое королевство, подражая всем другим державам, наделало немало долгов, вызванных исключительно недостаточностью обыкновенных рессурсов на покрытие издержек по содержанию войска, и от времени до времени равновесие в государственном бюджете должно быть восстановляемо при помощи займов; однако, доходы часто превышали расходы. Годовой бюджет Бельгии, пропорционально численности народонаселения, гораздо скромнее бюджетов Франции, Англии, Голландии.

Бюджет Бельгии на 1897 год:

Приход—386.923.178 франк.; расход—387.469.575 фр.; государственный долг к 1 января 1897 г.—2.308.497.322 фр.; проценты, погашение и другие расходы по долгу (1897 г.)—87.007.718 франков.

Пропорциональная доля бюджета на каждого жителя в 1876 году:

Бельгия, годовой расход—56 фр.; долг—218 фр.; проценты по долгу—12 фр.; Нидерланды, годовой расход—63 фр.; долг—520 фран.; проценты по долгу—15 фр.; Англия, годовой расход—59 фр.; долг—585 фр.; проценты по долгу—20 фр.; Франция, годовой расход—72 фр.; долг—474 фр.; проценты по долгу—32 франка.

Наибольшая часть расходуемых денег употребляется в Бельгии на общественные работы, преимущественно на сооружение железных дорог. Так, в 1880 г. на общественные работы было израсходовано 93.834.483 франка, и из этого числа 65.184.928 франк. на постройку рельсовых путей. Расходы на этот предмет покрываются, и даже с избытком, поступлениями: так, например, в том же 1880 году дорожные пошлины и другие доходы по ведомству общественных работ составляли около 132 миллионов франк., в том числе 109 миллионов от железных дорог.

Бюджет провинций и бюджет общин тоже находятся, вообще говоря, в удовлетворительном состоянии.

Годовой доход общин (включая сюда и города), по последнему, произведенному в 1880 г. подсчету, составляет 207,7 миллион. (в том числе 115 миллион. чрезвычайных доходов), при расходе в 170,2 миллион. (в том числе чрезвычайных расходов—80,3 милл.); долг общин в совокупности простирается до 596 миллионов.

Доходы провинций в 1890 г.—13,1 милл.; расходы—11,3 миллион.; долг—23,6 миллионов.

Кроме того, бельгийские коммуны богаче, чем государство, как земельные собственники. Между тем как государство владеет только 40.000 гектаров земли, недвижимое имущество общин обнимает еще, в сложности, около 272.000 гектаров земель, застроенных и незастроенных. Однако, в Бельгии, как и везде в других странах, богатые капиталисты стараются захватить в свои руки эти общинные земли, и многие маленькия коммуны не устояли в борьбе. К выгодам положения бельгийских городов следует отвести также свободу торговли, которою они ныне пользуются. До 1860 года, когда были отменены внутренния таможенные пошлины в городских общинах Бельгии, каждый город составлял как-бы маленькое государство, создавшее себе при помощи сборов за привозимые продукты и товары, обособленное существование и свои собственные интересы, противоположные интересам других городов: каждая внутренняя таможенная застава имела целью не только доставлять рессурсы муниципальной казне, но также оказывать покровительство «коммунальному труду» против труда окружающих городов. Сбор на заставах с привозных продуктов давал, в среднем выводе, от 11 до 12 миллионов франков в год; теперь доля косвенных налогов, поступающая в пользу общин, взамен отмененной заставной пошлины, постоянно возрастает, вместе с увеличением общественного благосостояния: в 1880 году она составляла около 26 миллионов франков[1]. Можно с уверенностью предсказать, что когда нации будущей Европы сгруппируются в более тесный союз, бельгийцы будут в числе народов, которые принесут в эту новую европейскую семью наибольшую долю богатств.

Следующий список показывает административное деление Бельгии.

1 Henri Marechal, „Journal des Economistes“, fevrier 1878.

Провинции.	Главные города	Пространство в гектарах	Число общин в 1881 г.	Число жителей 31 декабря 1896 г	Километрическое население в тот же день.
Фландрия западная	Брюгге	323.449	250	781.261	241
Фландрия восточная	Гент	299.787	297	1.002.300	334
Антверпен	Антверпен	283.311	152	784.975	272
Лимбург	Гассельт	241.315	206	234.210	97
Брабант	Брюссель	328.323	341	1.212.686	369
Геннегау	Монс	372.291	436	1.110.345	295
Намюр	Намюр	366.104	352	346.492	95
Люттих (Льеж)	Люттих (Льеж)	289.310	339	817.473	282
Люксембург	Арлон	441.704	211	216.144	49
Бельгия	Брюссель	2.945.594	2.584	6.495.886	220

Глава III Великое герцогство Люксембургское

Это маленькое государство, расположенное в форме удлиненного треугольника, занимает восточный склон горной цепи Арденнов; отделенное от Бельгии, от Франции и от Эльзас-Лотарингии чисто-условною демаркационною линиею, оно имеет естественные границы только со стороны прирейнской Пруссии, где долина реки Ур продолжается на юг долиною реки Сюр или Зур и течением Мозеля. Как сама Бельгия, Люксембург есть нейтральная территория между соседними большими государствами; но тогда как Бельгия получила привилегию нейтралитета после того, как она была одною из стран, составлявших предмет ожесточенного спора, и бранным полем Европы, Люксембург, напротив того, редко подвергался нашествию больших армий: этот гористый и в прежнее время покрытый лесами край, пересекаемый извилистыми реками, бегущими между крутых, скалистых берегов, уже по самому свойству своей местности, не мог привлекать завоевателей, и даже когда он менял владетеля, —что случалось довольно часто,—то большею частию переходил из рук в руки просто как феодальный удел или как составная часть соседних провинций. Однако, даже под властью иностранных правительств, Люксембург сохранял во все времена свои обычаи и политические учреждения; жители его всегда составляли группу отличную от окружающих населений. Всего деятельнее были их торговые сношения, и всего чаще они вели борьбу с своими соседями, жителями бывшего архиепископства Трирского, обитающими, как и они, в бассейне Мозеля и родственными им по происхождению и языку. В настоящее время великое герцогство Люксембургское составляет самостоятельное государство, под общею гарантией европейских держав.

По характеру своего рельефа и по свойству своих горных пород, страна, составляющая ныне великое герцогство Люксембургское, походит на бельгийский Люксембург: но та часть её территории, которая, по своим физическим условиям, находится в естественной связи с Лотарингией, имеет, сравнительно с остальною частью, гораздо более обширное протяжение. Эта лотарингская область, известная в крае под названием «хорошей земли» (Гутланд), занимает южную часть страны, на склоне Арденнов или Эслинга (Oesling, Eisling), который соединяет западную цепь Люксембурга с горами прирейнского Эйфеля[1]. Эти две области резко различаются между собой как по геологическому составу, общему виду местности, климату, роду культуры, так и по нравам жителей. Плоские возвышенности и холмы северной части принадлежат к древнейшим или палеозойским образованиям; во многих местах девонская формация выступает на поверхность, пробивая тонкий слой растительной земли. Гутланд обнимает ряд горных пород, расположенных в последовательном порядке, от пестрого песчаника до оолитовых формаций; террасы и долины этой области покрыты глина-

1 N. Wies, „Guide de la carte geologique du grandduchd de Luxembourg“.

ми, наносным гравием, а также аллювием новейшего происхождения. Месторождения каменного угля, которые так высоко подняли промышленное значение соседних областей в Бельгии и в прирейнской Пруссии, не существуют в Люксембурге. Близ Сирка, Мондорфский артезианский колодезь, дающий струю соленой воды из триасовых горных пород, пробуравлен до глубины 730 метров, до девонских формаций, но буровой снаряд не нашел никакого следа каменноугольных пластов. Средняя высота Люксембурга—300 метров; высшая точка Эслинга, Гревельс—552 метра; высшая точка Гутланда, Диффердanж—401 метр; низшая точка, при выходе Мозеля, близ Вассербиллига[1]—132 метра.

Великое герцогство Люксембургское почти все лежит в бассейне Мозеля, и в общих чертах изменчивые границы, которые оно имело в исторические времена, довольно точно совпадали с пределами бассейна реки Сюр[2], которая изливается в Мозель немного выше немецкой деревни Игель, замечательной остатками древности (римская колонна). Единственная часть территории, находящаяся на другом скате гор, наклонена на юго-запад к реке Шиер, а через эту реку и к французскому Маасу. Большинство долин Люксембурга глубоко врезываются в почву между скалистых берегов или крутых скатов: благодаря этим резким разницам уровня, страна, хотя в действительности гораздо менее возвышенная, нежели гористые области в собственном смысле, богаче живописными и даже грандиозными пейзажами, чем многие страны, превосходящие ее по высоте. Многие речные ущелья до такой степени узки и глубоки, что легко можно переговариваться с одного берега на другой, не замечая через кустарник, покрывающий скаты, воды, которая бежит на дне расселины. Близ хорошенькой деревеньки Вианден река Ур течет в ущелье, вырытом на глубине 200 метров ниже поверхности плато[3]. Древние озера все были опорожнены вытекавшими из них речками и ручьями; что касается искусственных прудов, некогда весьма многочисленных в Люксембурге (так же, как в соседней Лотарингии, где их до сих пор очень много), то почти все они были осушены и превращены в луга и пахатные поля. Земледельческая территория таким образом значительно увеличилась, но, как кажется, не без вреда для земледелия. Во многих местах луга, лишенные достаточного количества влажности, сделались пастбищами или бесплодными залежами; пропорция дождей, как говорят, уменьшилась в крае; климат в целом сделался суше; словом, мы видим здесь явление, аналогичное тому, которое произошло в Богемии со времени осушения Filze по верхнему течению Молдавы.

Так же, как на западном склоне Арденнских гор, климат на скатах, обращенных к великому герцогству, переменчивый и холодный: с этой стороны горной цепи средняя температура немного ниже, чем на противоположных склонах, по причине более значительного удаления от моря, а также потому, что местность открыта северным и северо-восточным ветрам. Климат отличается более резкими крайностями тепла и холода в городе Люксембурге, чем на западе Арденнов, под одною и тою же изотермическою линией; средняя разность между самым холодным и самым теплым месяцами на целых четыре градуса превышает ту же разность, наблюдаемую в Брюсселе. В Нижнем Люксембурге средняя температура января: 1° Ц.; средняя температура июля: 19° Ц.

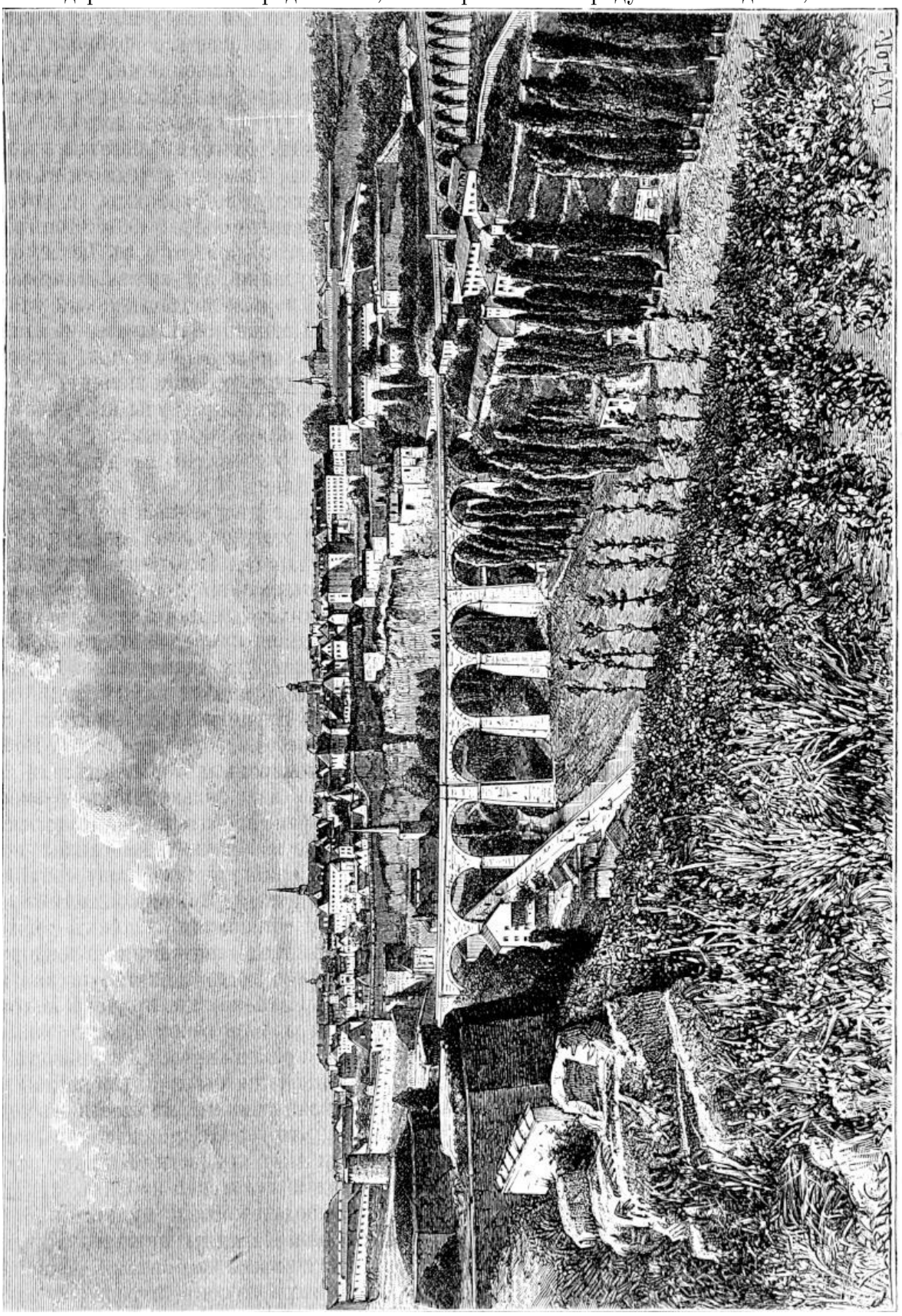
Нормальная влажность страны немного меньше нормальной влажности Бельгии, причину чего следует искать в том обстоятельстве, что общая покатость Люксембурга обращена к сухим континентальным ветрам. Ручьи и реки, извивающиеся в глубоких долинах, несут незначительное количество воды, и даже река Сюр, самый многоводный поток края, судоходна только до Эхтернаха, лежащего в небольшом расстоянии от места впадения её в Мозель. Небо, освещающее бассейн Сюра, яснее и прозрачнее неба западной Бельгии; оно лучше пропускает теплоту, как в летние дни, когда она принимается земною поверхностью, так и в зимния ночи, когда она теряется лучеиспусканием в воздушные пространства. Различия климата между Бельгией и Люксембургом, измеряемые посредством физических инструмен-

1 Wies, „Guide de la carte geologique du grand duche de Luxembourg“.

2 J. G. Kohl, „Der Rhein“, 2-ter Band.

3 J. C. Houzeau, „Essai d'une geographie pbysique de la Belgique“.

тов, кажутся маловажными, но в действительности, переходя с одного склона на другой, мы замечаем, что вид природы совершенно изменился. Гутланд во многих местах покрыт фруктовыми деревьями и виноградниками; некоторые из его продуктов виноделия, в особенности



Видъ Люксембурга съ форта Дюмуленъ.

продукты, получаемые в деревне Вормельданге, лежащей на левом берегу Мозеля, причисляются к хорошим европейским винам[1]; плоды его также славятся своим превосходным ка-

1 Emile Tandel, „рукописные заметки“.

чеством. Что касается лесов, которые прежде тянулись по всей стране, то они большею частию исчезли, или заменены мелким молодым лесом. Самый обширный из сохранившихся лесов—Грюнвальд, который тянется на северо-восток от главного города великого герцогства и площадь которого превышает 2.500 гектар.

Пространство Люксембурга: 2.587 кв. клм.; народонаселение 2 декабря 1895 г.: 217.583 души; среднее число жит. на 1 кв. килом.: 84ж.

Находки сосудов и орудий, не только под аллювиями новейшего происхождения, но даже под глинами лесса[1], доказывают большую древность человека в этой стране; но, кто бы ни были древние обитатели, нынешнее население великого герцогства Люксембургского почти сплошь германское, не только по происхождению, но и по языку. Переселения, происходившие здесь в противоположном направлении, в эпоху распадения Западной Римской империи, конечно, примешали к туземной расе весьма различные этнографические элементы; но полагают, что франкская колонизация имела преобладающее значение: местная география до сих пор свидетельствует об этом большим числом деревень, которые носят немецкое название, оканчивающееся на ingen или на ange в офранцуженной речи. Только в некоторых населенных пунктах на бельгийской и лотарингской границах обыкновенный язык—французский или валлонский; тем не менее, оффициальные документы составляются на обоих языках, а в судебных учреждениях и в совещательных собраниях употребляется обыкновенно французский. «Вельшский» (французский) язык тем легче сделался цивилизованною речью края, что временное эмиграционное движение увлекает молодых люксембуржцев преимущественно во Францию; их насчитывают на французской территории около 25.000 человек, что составляет почти восьмую часть всего населения великого герцогства[2]. Париж всегда был городом, к которому направляются почти все эмигранты, родившиеся на берегах Сюры и Альцетты.

Города в этих долинах немногочисленны, и даже важнейшие из них, исключая столицы, представляют в действительности большие местечки, длинные улицы которых тянутся на далекое пространство в узких лощинах, где бегут реки[3]. Население, очень густое сравнительно с площадью культурной территории, живет почти все в этих местечках и деревнях, частию скрытых в зелени фруктовых садов и наполненных разного рода фабричными заведениями: ткацкими мануфактурами, фаянсовыми фабриками, металлургическими, кожевенными, сахарными, пивоваренными заводами. Из этих деревень особенно быстро поднялась в последние годы Эш-на-Альцетте, благодаря богатым железным рудникам, которые находятся в соседстве, вдоль французской границы, и которые доставляют ежегодно более 500.000 тонн превосходной руды[4]. Кроме того, в Люксембурге есть и другие рудники, а также различные каменоломни, где ломают строительный камень, гипс, который можно обделывать на станке, как алебастр, смолистые сланцы, из которых приготовляют хороший цемент.

Производство железной руды в Люксембурге в 1894 г.: 3.958.280 тонн.

Производство железа не в деле в 1894 году: 679.817 тонн.

Люксембург, единственный город страны, заслуживающий этого названия, лежит в южной части государства, в точке пересечения железнодорожных линий, проходящих через территорию великого герцогства. Его хорошо защищенное самою природой местоположение, на плато, обрезанном вертикально с трех сторон и возвышающемся на 64 метра над уровнем ложа Альцетты и её притока Петрюс или Петерсбах, облегчило задачу Вобана и других инженеров, которые сделали Люксембург одною из сильнейших крепостей Европы; галлереи, пробитые прямо в скале, и многоэтажные казематы, где могли бы поместиться целые армии, до сих пор свидетельствуют о могуществе этой первоклассной твердыни. В силу соглашения великих держав, принятого их представителями на лондонской конференции 1867

1 N. Wies, „Guide de la curte geologique du grandduche de Luxembourg“.
2 Emile Tandel, „рукописные заметки“.
3 J. G. Kohl, „Der Rhein“, 2-ter Band.
4 Ch. Clenemt, „Constitution geologique et richesse minerale du Luxembourg“.

года, Люксембургская крепость была упразднена, по причине нахождения её в нейтральной территории, и занимавший ее до того времени прусский гарнизон удалился: но укрепления были так обширны, скалы были изрезаны таким множеством ходов и амбразур, что город до сих пор сохранил отчасти вид крепости. Бывшие редуты, ныне доступные гуляющей публике, сделались лучшими наблюдательными пунктами для созерцания чудной картины нижнего города с его многочисленными фабриками, извилистой реки, береговых утесов, лугов и садов. Число жителей в городе в 1895 г.—19.909.

Великое герцогство Люксембургское есть конституционная монархия, наследственная в мужском потомстве Нассаусского дома. Во главе правительства стоят государственный министр, заведующий внешними дипломатическими сношениями, и три главные директора, (финансов, юстиции и внутренних дел); кроме того, существует государственный совет, состоящий из 15 членов. Палата депутатов состоит из 45 членов, выбираемых кантонами. Избирательным правом пользуются все граждане, платящие не менее 15 франков прямых налогов; депутаты выбираются посредством прямой подачи голосов на шесть лет, при чем через каждые три года половина членов законодательного собрания выбывает и заменяется новыми выборными. Каждая коммуна имеет свой общинный совет, члены которого выбираются избирателями, пользующимися привилегией подачи голоса; но бургомистр назначается и отрешается от должности великим герцогом, который имеет право выбрать его и вне муниципального совета. Войско состоит из роты жандармов—2 офицера и 135 нижних чинов,—и роты волонтеров—6 офицеров и от 140 до 170 нижних чинов (в том числе 29 музыкантов). Однако, государственные расходы еще довольно значительны, если принять в соображение число жителей, и общественный долг, сделанный большею частью для постройки железных дорог, представляет около 2-х лет суммы доходов маленькой нации.

Бюджет Люксембурга на 1897 год: приход—11.056.100 фр.; расход 9.910.550 фр.; liste civile (содержание великому герцогу)—200.000 франков; государственный долг—12.000.000 франков.

С 1881 г. введено всеобщее и обязательное обучение. Учебные заведения имеются следующие: мужское и женское нормальные училища (для приготовления учителей и учительниц), гимназия (в Дикирхе), прогимназия (в Эхтернахе), земледельческое училище (в Этельбрюке), атеней и духовная семинария (в Люксембурге), и 746 народных школ. Молодые люди, желающие пройти курс высшего образования, учатся за границей, обыкновенно один год в Бельгии, один во Франции и один в Германии, и, по возвращении на родину, сдают экзамен в Люксембурге, перед специальною коммисией[1].

Почти все жители великого герцогства исповедуют римско-католическую религию, и люксембургская епархия зависит непосредственно от Рима. Некоторые из местных церемоний религиозного культа напоминают средние века. Так, например, во вторник Пятидесятницы по улицам Эхтернаха и теперь еще каждый год ходит процессия плясунов, от моста через реку Сюр до церкви, и делается это, как говорят, в видах заклинания пляски св. Витта, которая, если верить местному преданию, была очень распространена в крае около восьмого столетия; в 1867 г. в этой оригинальной процессии участвовало до 15.000 плясунов, пришедших большею частью из Германии. Богомольцы, образуя цепь при помощи платков, скачут три шага вперед и два назад. Хотя музыка возбуждает их к пляске, тем не менее очень многие из участников процессии падают от изнеможения и подбираются жителями деревни. По прибытии в церковь, толпа обходит с пляской вокруг алтаря, и каждый из пилигриммов кладет на него свое приношение[2].

Люксембургское великое герцогство, составлявшее до 1867 г. часть Германского Союза, и теперь еще принадлежит к немецкому цольферейну (таможенному союзу) в отношении внешних торговых сношений, и Пруссия имеет право представлять своих кандидатов на должности директора и главного контролера таможен, которые до сих пор всегда были на-

1 Emile Tandel, „рукописные заметки“.

2 Adalbert Daniel, „Deutschland“;—Emil Tandel, „рукописные заметки“.

значаемы из прусских подданных. Главная железная дорога также состоит под управлением немецкой коммисии, имеющей пребывание в Страсбурге. Длина железных дорог (1897 г.): 434 километра; длина телеграфных линий (1896 г.): 713 километров.

Великое герцогство делится на три округа: Люксембургский, Дикирхенский и Гревенмахерский, которые подразделяются на двенадцать кантонов, заключающих все вместе 131 общину. В каждом кантоне имеется мировой судья. Затем существуют два суда первой инстанции: один в Дихирхе, другой—в Люксембурге; в последнем городе собирается также и высшая судебная палата. В случаях принесения кассационной жалобы, этот трибунал обращается в ревизионный суд, который и решает дело в последней инстанции. Суда присяжных в Люксембурге не существует. Ассизный суд, состоящий из шести судей, постановляет обвинительные приговоры, в уголовных делах, большинством по меньшей мере четырех голосов против двух.

Следующий список показывает административное деление великого герцогства Люксембургского:

Округи	Кантоны	Округи	Кантоны	Округи	Кантоны
Люксембург	Люксембург	Дикирх	Дикирх	Гревенмахер	Гревенмахер
„	Каппель	„	Клерво	„	Эхтернах
„	Эш-на-Альцетте	„	Реданж	„	Ремих
„	Мерш	„	Вианден		
		„	Вильтц		

Глава IV Нидерланды.

I.

Нидерланды (Nederland), или Голландия, как обыкновенно называют эту страну за границей, есть одно из самых маленьких государств Европы по величине территории и числу жителей. Превосходя несколько, в отношении протяжения, Бельгию, эту другую половину бывших Нидерландов, которая после революции 1830 года сделалась самостоятельным королевством, Голландия не может соперничать со своею соседкой ни по густоте населения, ни по деятельности мануфактурной промышленности, ни даже по размерам и ценности торгового обмена; но в других отношениях Голландия, как ни скромно место, занимаемое ею на карте Европы, есть, тем не менее, одна из первых стран мира. Нигде человек не выказал такой неустрашимой энергии и настойчивости в постоянной борьбе с природой, нигде не успел он так хорошо дисциплинировать природу и заставить ее служить себе, как в этой узкой полосе европейского приморья. Нигде страшные естественные бедствия не грозили бы с такою неотразимою силой, как в Голландии, если бы жители этой страны не научились отвращать повидимому неизбежную опасность с таким удивительным искусством, с таким поразительным спокойствием духа. Рассматриваемый в общей его истории, голландский народ больше, чем всякий другой, заслуживает имени великого. Можно сказать, что он съумел восторжествовать над самою судьбой; все было завоевано им у моря и на море, даже почва, на которой он живет. В борьбе с другими людьми голландцы также много раз давали доказательства героизма; нельзя без удивления смотреть на этот крошечный уголок земли, жители которого, тогда в числе только одного миллиона, съумели освободиться из-под власти империи, обнимавшей треть известного мира. Основав свою независимость, они отваживались меряться силами с самыми большими государствами Европы, посылали свои корабли во все моря, управляли в дальних континентах целым миром рассеянных колоний, в сравнении с которыми их собственное отечество было почти незаметной территорией. Голландия может претендовать на славу еще более высокую: она была долгое время убежищем свободной мысли,

и писатели, освободившиеся от рутины, приезжали в её города печатать сочинения, которые в других странах были бы сожжены рукой палача.

В наши дни Голландия, не отличающаяся уже от соседних государств привилегией более свободных учреждений, имеет, по крайней мере, то достоинство, что представляет замечательную оригинальность как в обычаях её населения и внешнем виде городов, так и в оборонительных сооружениях, воздвигнутых против рек и океана. Голландцы не торопятся, как многие другие нации, сообразоваться с законами моды; они остались тем, чем были, сохранив старые нравы и даже, в некоторых провинциях, старинные костюмы. В Европе нет страны более любопытной для изучения, чем Голландия, именно по причине контраста, который там представляет эта старомодная внешность с движением современных идей.

Пространство Голландии, по последнему кадастру, исполненному с 1879 по 1889 г.,—32.538,27 квадр. километров (не считая Зюйдерзе, песчаных мелей, Wadden, и нидерландской части Долларта, составляющих вместе около 5.350 кв. килом.). Народонаселение, по последней переписи (31 декабря 1889 г.),—4.511.415 душ, в среднем—137 жит. на 1 кв. километр; народонаселение, по исчислению, 31 декабря 1896 г.—4.928.658 душ.

На первый взгляд нидерландская территория кажется просто западным продолжением низменной Германии; глядя на карту Голландии, можно подумать, что это край без естественных границ, отделенный от соседней империи только благодаря случаю или капризу; но в действительности проход из одной страны в другую был в прежнее время довольно затруднителен, кроме как вдоль по течению Рейна, и Голландия была совершенно обособлена от Германии, даже больше обособлена, чем если бы границу между ними образовала какая-нибудь цепь гор. Так же, как все побережье Ганновера, Ольденбурга, Бременской области, Шлезвиг-Голштейна, Голландия противопоставляла завоевателю непреодолимую естественную преграду в виде болот и топей, через которые невозможно было пробраться без опытного проводника; но в сравнении с западными фризами и дитмарсенами голландцы имели, для сохранения своей независимости, еще то важное преимущество, что обитаемая ими территория более обширна, более сплочена, доступна с меньшего числа сторон, благодаря положению, которое она занимает в углу европейского континента. На восточных своих пределах Голландия защищена больше, чем на половине её длины, течением Эмса, который продолжается заливом Долларт. Правда, эта река течет в некотором расстоянии к востоку от политической границы, но воды Эмса не представляют серьезного препятствия для сообщений и не могли в былые времена задерживать ход армий: главное препятствие составляют бесконечные торфяные болота, которые тянутся на запад от Эмса и которые до настоящей минуты в большей части своего протяжения остаются пустыней. Известно, что римляне, чтобы иметь возможность переходить через эти обширные равнины, где губчатая, зыбкая почва трясется под ногами, грозя разверзнуться и поглотить путника, принуждены были строить «длинные мосты» (pontes longi), т. е. деревянную настилку (из дубовых досок) длиною в несколько миль, остатки которой теперь находят на глубине двух метров под слоем постоянно растущего торфа.

Внутри этого пояса болот, почти необитаемых, обширные пространства, поросшие вереском, увеличивают во многих местах протяжение пустынной области, тогда как Рейн и Маас, разветвляясь на многочисленные рукава, делают сообщения по сухому пути совершенно невозможными. В этих низменных равнинах, от которых вся страна получила свое название Nederland, или «Низкая земля», прежде «низовая земля»[1], нынешния реки, где, по крайней мере, можно на лодках и паромах переправляться с одного берега на другой, представляют, сравнительно, самое малое препятствие для сообщений: старые мелководные рукава и затоки, маленькия озера, рассеянные по равнинам, извилистые болота, рвы или каналы неравной ширины, рассекающие край на бесчисленное множество правильных геометрических фигур, образуют, в своей совокупности, лабиринт, пробраться через который может

1 A. Schelen, „Patria Belgica“, III

только туземный житель, хорошо знакомый с местностью; даже в виду городов и деревень, обрисовывающихся на горизонте своими башнями и колокольнями, иностранец заблудился бы здесь среди белого дня. Эта-то до чрезвычайности запутанная сеть ложных рек, рвов и каналов и составляет естественную защиту Голландии, и часто случалось во время войн, что осажденные города принуждали осаждающих к поспешному отступлению, прорвав окрестные плотины и затопив неприятельский лагерь. Кроме того, территория Нидерландов, так легко наводняемая, была в прежния времена окружена сплошным поясом лесной растительности. На юге леса Кампины, соединявшиеся с арденнскими лесами, на востоке другие леса, составлявшие продолжение обширного Герцинского леса, отделяли Голландию от Галлии и от земель германцев: на западе и на севере пояс лесов шел вдоль морского прибрежья и служил преградой распространению подвижных песков дюн внутрь страны; по западному берегу озера Флево тоже тянулись громадные густые леса, называвшиеся Бадагуэнскими. От всех этих лесов уцелели лишь незначительные остатки, которые, однако, и теперь еще составляют красу окрестностей Гаги и Гарлема. По мнению некоторых писателей, одному из этих древних лесов Голландия и обязана своим названием Гольтланд [Houtland][1]. Это название, происхождение которого относится, повидимому, к десятому столетию, применялось сначала только к «лесной земле», где тогда находился город Дордрехт; но впоследствии его распространили на берега Мааса, затем на все части Фрисландии, которыми постепенно овладели голландские графы; в настоящее время оно употребляется оффициально только для обозначения двух из провинций Нидерландского королевства. Что касается смысла «впалая земля» (holt land), который придавали имени Голландии, то он как нельзя лучше соответствовал бы положению этой низменной области, которой постоянно грозит наводнение от морского прилива и от разлива рек; но это объяснение не оправдывается историческими документами.

Хотя Голландия страна очень низменная, хотя совокупность её территории, лежащей выше морского уровня, имеет всего только 45 или 46 метров[2] высоты над поверхностью океана, она, тем не менее, хвалится, что и у неё есть настоящие горы, кроме песчаных бугров или дюн, окаймляющих её прибрежье; она имеет скалы и холмы, имеет даже так называемые «горы», в южной части Лимбурга, принадлежащей геологически к другой области, отличной от Нидерландов в собственном смысле. В этой узкой полосе земли, которая врезывается на юге клином между Бельгией с западной стороны и прирейнскою Пруссией с восточной, продолжаются цепи высот, заключающие различные древние формации, от каменноугольных пластов до меловых горных пород. Под кряжами, которые поднимаются до 160 и даже до 200 с лишним метров высоты, близ Гульпена, Фаальса и Фокемона (Фалькенбурга), тянутся слои каменноугольного бассейна, залежи которого разрабатываются правительством. Далее на севере под ровным грунтом новейших образований буровые снаряды обнаружили существование другого каменноугольного бассейна, который тянется в ширину на значительное пространство и который исследован до глубины 284 метров; но еще сомневаются в экономической важности этого большего запаса минерального топлива[3].

На западе от Мааса Голландия владеет, совместно с Бельгией, одною «горою», менее высокою, чем горы немецкой границы, но гораздо более известною: это—знаменитый Синт-Питерсберг или «гора св. Петра», поднимающаяся тотчас за Маастрихтом, с южной стороны, и пробитая множеством естественных шахт и целым лабиринтом искусственных подземных галлерей. Она состоит из двух ярусов меловой формации, из которых нижний был разрыт во всех направлениях, тогда как верхний остался, точно крыша над корпусом громадного здания[4]. Если внешний вид горы не поражает ни резкостью форм и контуров, ни крутизной скатов, то внутренность её скал возбуждает удивление колоссальными размерами каменоло-

1 Lubach, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 4 vol. 1863.
2 Leopoldt, „Mittlere Hohe Europa's".
3 „Bulletin de la Societe belge do Geographie", № 6,1877.
4 Houzeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique".

мен, которые труд человека вырыл там во времена исторические и доисторические. Галлереи этого исполинского подземелья, самые обширные в Европе, тянутся, на пространстве слишком 200 квадр. килом., из Голландии в Бельгию, почти до самого Люттиха, сообщаясь, с одной стороны, с долиною Мааса, с другой—с долиной р. Геер. В этой горе насчитывают слишком 16.000 подземных аллей, и новые улицы, площади, переулки открываются каждый год в меловой массе, материалы которой употребляются, смотря по степени их нежности и твердости, или на скульптурные работы, или на постройку домов, подстенков у мостов и жете, или, наконец, на удобрение земли. Особенно в зимнее время, когда наступает перерыв в полевых работах, каменоломни постоянно бывают наполнены толпой рабочих, и многочисленные барки перевозят плиту из Маастрихта во все города низменной полосы Нидерландов, где ощущается недостаток в камне и мергеле. Во время войн и революций каменоломни С.-Питерсберга, слишком обширные для того, чтобы можно было подвергнуть их правильной осаде, и имеющие слишком много отверстий для того, чтобы можно было задушить находящихся там людей дымом, служили местом убежища для целых населений; в этих подземельях не раз происходили кровопролитные битвы. В 1815 году здесь укрылось множество беглецов, и между ними Бори-де-Сен-Венсен, который воспользовался своим невольным пребыванием в этом подземном мире для того, чтобы изучить и описать его. Впрочем, гораздо ранее исследований этого ученого, подземелья горы святого Петра были уже известны всем геологам по причине найденных там ископаемых всякого рода, от микроскопических животных до огромных черепах и до исполинского крокодила, называемого mosasaurus, которые составляют теперь славу музеев. Другие доисторические каменоломни найдены в холмах правого берега Мааса, на берегах речки Гел или Галопп, и там тоже подземные галлереи идут на протяжении нескольких километров[1].

На севере от холмов нидерландского Лимбурга, поверхность почвы, принадлежащая, по времени образования, к третичным и послетретичным эпохам, представляет гораздо меньше неровностей; однако, она не имеет однообразия морского дна, недавно покинутого водами. Опрокидывания и взбросы глубоких слоев земной коры обнаруживаются на поверхности холмами и волнообразными возвышениями почвы, которым контраст низменных равнин и вод придает живописный вид. Так, одна цепь высот тянется на узком полуострове, разделяющем, у Нимвегена, течение Рейна. Даже в рейнской дельте, между Исселем и главным рукавом реки, на севере от Арнгема, возвышаются холмы, называемые Велювскими.—длинные гряды, которые в соседстве Арнгема и других городов украшены рощами, садами, лугами, в других же местах везде покрыты вереском: это страна пчел по преимуществу; одно местечко области Велюве, Фенендаль, сделалось для Голландии главным рынком по торговле ульями и их продуктами. Кроме того, эта область усеяна древними дюнами, песок которых, прикрепленный насаждениями, покрылся растительностью, и которые в иных местах образуют настоящие цепи холмов. Есть также несколько странствующих песчаных горок: близ Оттерло, одна гряда подвижных дюн покрывала недавно пространство больше 4.000 гектаров, и малейшее обнажение почвы имело следствием перемещение песков в восточном направлении, под влиянием господствующего западного ветра[2]. В прежнее время существовало особое должностное лицо, так называемый «граф песков» (zand-graaf), на обязанности которого лежало принятие мер предосторожности против этого бича; но услуги его оказались излишними с той поры, как дюны были прикреплены насаждениями сосен и елей. Почва Нидерландов принимает совершенную горизонтальность только в низменной области болот и польдеров, которую воды высокого прилива могли бы затопить, если бы плотины, защищающие ее со стороны моря, были вдруг прорваны напором волн. Но даже и на этих низменных землях встречаются кое-где островные бугры: таковы Амерсфортские высоты в провинции Утрехт. Гойландские холмы близ Амстердама, Замковый пригород посреди города Лейдена и «горы», на которых построен город Берген-оп-Цом.

1 Bauduin, „рукописные заметки“.

2 E. de Laveley, „Neerlande, Etudes d’economie rurale“.

Эрратические камни, песок, ил, принесенные плавающими льдинами и потоками воды, в весьма значительной мере способствовали образованию этих возвышений почвы Голландии: все крупные каменные обломки, покрывающие поверхность территории на пространстве от Гронингена до Тильбурга, суть отрывки гор, разрушенных атмосферными деятелями. Измельченные скалы переносились в Голландию из нескольких центров рассеяния. Через долину Мааса прибыли кварцы и песчаники Арденнов, которые встречаются даже в окрестностях Герцогенбуша. Потоки Рейна принесли, между другими каменными обломками и землистыми частицами, гравий с волканов Семигорья (Зибенгебирге). Равнины провинции Дренты и Оверисселя, некоторые части провинции Гронингена, Фрисландии и даже потопленные земли, отделявшие прежде Зюйдерзе от океана, островок Урк и даже Тексель, покрыты обломками скандинавского происхождения. По справедливому замечанию геолога Старинга, Карл XII, король шведский, мог бы предъявить притязание на территорию Нидерландов, как на обломок Норвегии, с таким же правом, с каким впоследствии Наполеон I требовал ее себе, как землю, образовавшуюся из наносов Рейна. На общих границах трех главных аллювиальных областей перемешаны песок и щебень различного происхождения, так как потоки не переставали в течение веков перемещаться вправо и влево. Волнообразные возвышения и понижения почвы, образуемые этими наносными формациями, большею частию параллельны между собою; так, в области Велюве, между Аргемом и Вагенингеном, возвышения почвы тянутся по направлению от северо-востока к юго-западу, а долины, разделяющие их, вырыты в виде борозд с двойным скатом, где ручьи, выходя с общего водораздельного хребта, текут в противоположном направлении: одни на юго-запад—к Рейну, другие на северо-восток—к Исселю.

Главные высоты Нидерландов (не считая прибрежных дюн): Бешейльберг, или Убахсберг, близ бельгийской границы—210 метр.; Фальсерберг, близ Фальса, на западе от Ахена—198 метр.; Сиббербергъ, близ Фокемона или Фалькенбурга—150 метр.; Синт-Питерсберг, близ Маастрихта—123 метра; Имбош, близ Дирена, на западе от Исселя—110 метр.; Геттенгейфель, близ Геренберга—105 метров; Виссельшебош, близ Апельдорна—103 метра; Мервийк, близ Нимвегена—97 метр.; Рувенберг, близ Дирена, на западе от Исселя—85 метр.; Лардергогте, близ Нордена, в Гойланде—32 м.; Амерсфортерберг (Утрехт)—20 метр.

Эрратические камни, рассеянные на поверхности земли и среди наносных песков, значительно уменьшились с начала исторических времен. В древности большие камни служили материалом для сооружения грубых надгробных памятников, а впоследствии они постоянно употреблялись, смотря по их размерам и химическому составу, на постройку зданий, на каменную настилку дорог, на добывание известки. Несмотря на то, количество этих обломков скал было так велико, что и теперь еще их находят во множестве при всякой раскопке земли: прежде, когда происхождение этих валунов еще не было объясняемо в школах нидерландским крестьянам, последние думали, что камни сами собой растут в окружающем их песке[1]. Холмы и ланды этих областей везде отличаются от дюн морского прибрежья тем, что песок первых крупнее и заключает в себе кристаллические камешки; кроме того, там всегда находят на некоторой глубине слой алиоса, подобного алиосу французских ландов и происходящего также от разложения вереска, который растет в изобилии на этих мало плодородных землях; алиос часто содержит железо, но ни в одной части Голландии руда эта не встречается в пропорции настолько значительной, чтобы ее выгодно было разработывать.

Те области Нидерландов, грунт которых исчез до наступления текущей эпохи под обломками разрушенных атмосферными деятелями горных пород, покрыты торфом на больших пространствах. В южной Фрисландии и в провинции Гронинген есть торфяные болота, занимающие тысячи гектаров; в провинции Дренте, где они образуют голландскую границу со стороны Германии, эти массы обуглившихся растений тянутся на территории еще гораздо более обширной; в провинциях Овериссель и Гельдерн также встречаются весьма значительные торфяные равнины; область северного Брабанта, известная под именем Пель, некогда

1 Staring, „Voormaals en Thans“, p. 93.

представляла один огромный трясущийся под ногами луг, окруженный на большой части его протяжения сухими песчаными ландами Кампины (Kempen). В прежнее время поверхность торфяников была еще несравненно обширнее во всей восточной Голландии: моховые болота, которые мы видим там теперь,—это только остатки прежних болотистых пространств; реки, протекающие через этот край, маленькия долины, выходящие на краях плоской возвышенности, дороги, проведенные от одной деревни до другой, и в особенности каналы, перерезывающие страну, позволили земледельцу аттаковать торфяное болото разом на тысяче пунктах и разделить его на бесчисленное множество кусков, которые с каждым годом уменьшаются в размерах.

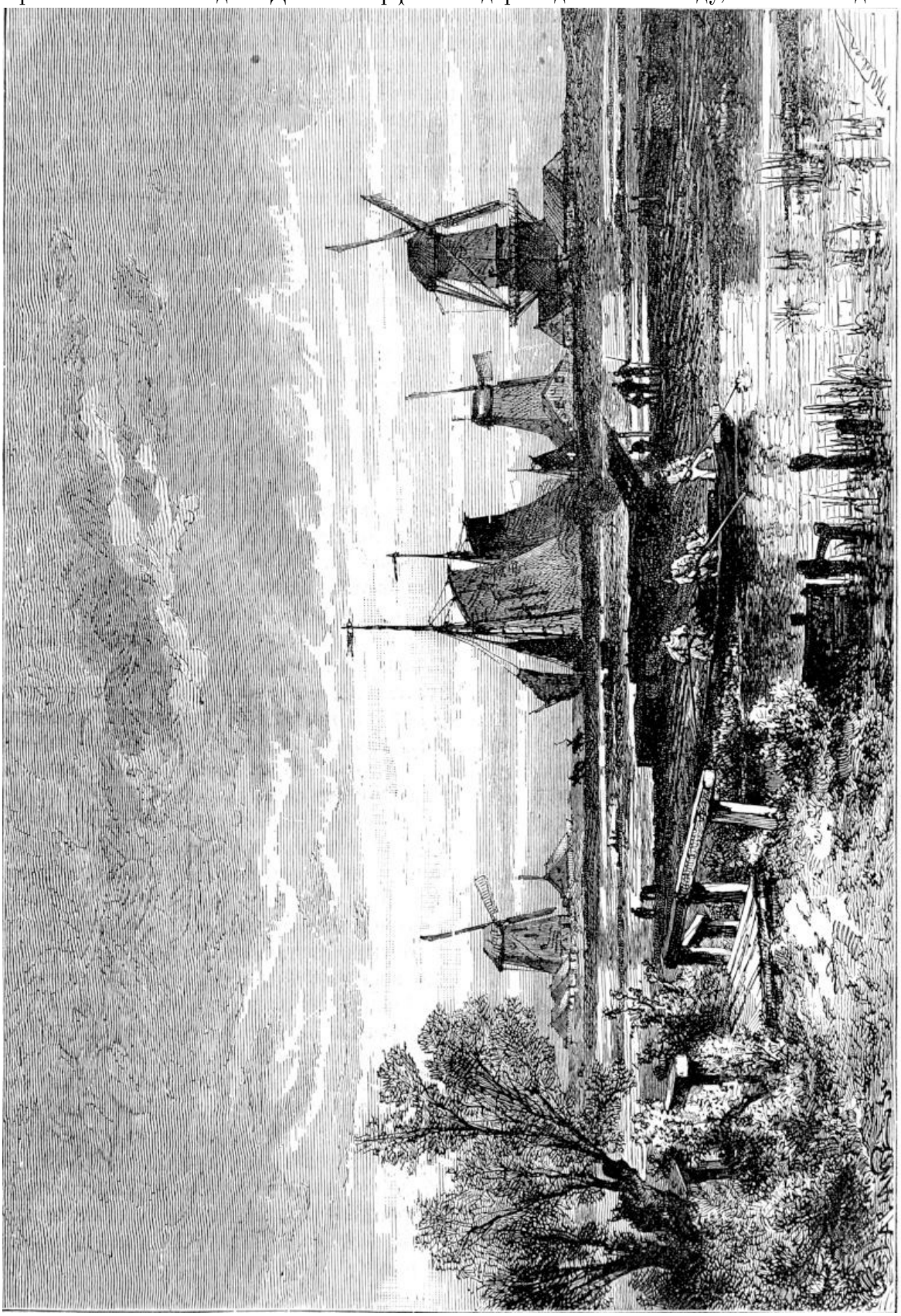
Стволы деревьев, дубов, берез и сосен, находимые во множестве в глубоких слоях торфа, доказывают, что поверхность этих стран, где в наши дни нормальная растительность состоит из мхов и вересков, была некогда покрыта большими лесами. Доски, составлявшие настилку древних «длинных мостов» (pontes longi) и извлекаемые теперь из торфа, напоминают в одно и то же время и о работе римлян, и о лесах, покрывавших страну, ибо бревна, необходимые для подобных сооружений, не могли быть привозимы издалека: их, очевидно, срубали в самом крае. Однако, все эти древние леса Голландии уже не существовали в начале прошлого столетия, когда сделаны были первые попытки разведения леса в некоторых обширных имениях провинции Северный Брабант. В области Гельдерн к новым насаждениям приступили только в эпоху французского владычества, и еще позднее принялись за разведение древесной растительности на ландах, в провинциях Оверисселъ и Дренте[1]. Сосны, остатки которых находят в таком огромном количестве в торфяных болотах края, не принадлежали уже, в исторические времена, к нормальной флоре Голландии, и даже не без труда удалось акклиматизировать их до такой степени, чтобы они образовали целые леса. Из этого видно, что со времени исчезновения древних лесов, поглощенных торфяными болотами, в климате страны произошли существенные перемены, так как растения, некогда туземные, сделались чужеземными.

Нередко случалось, от неосторожности ли рабочих, или от какой-нибудь другой причины, что торфяные болота загорались, и этот болотный пожар иногда продолжался по нескольку недель, прежде чем успевали остановить распространение его, окопав канавами все горящее пространство. Одно озеро, находящееся во Фрисландии, недалеко от Зюйдерзе, занимает, по преданию, место сгоревшего торфяника. Рассказывают также, что в 1593 году, в эпоху войн против Испании, голландцы подожгли одно шоссе, построенное неприятелем через болота, и тем преградили ему путь[2]. Встарину единственный способ приготовить новину под пашни, употреблявшийся в Голландии, так же, как и в северной Германии, состоял в том, что после периодов засухи зажигали торфяные болота и затем на образовавшийся пепел сеяли гречу: да и теперь еще не совсем оставлен этот варварский способ, при котором улетучиваются без пользы почти все питательные соли почвы и в добавок распространяются на целые страны тучи едкого дыма. Однако, с шестнадцатого столетия голландцы придумали более разумный способ обработки торфяников, выкопав судоходные каналы, которые разветвляются на бесчисленное множество маленьких каналов в самых заводах, где добывается торф: благодаря этим каналам, крестьяне легко могут очищать почву от всякого слоя растительности, покрывающего её поверхность, примешивать к грунту необходимые удобрения и засевать его тем или другим хлебным растением. При этом способе ничего не теряется: большая копь под открытым небом разрабатывается, дочиста. Уже в 1858 году геолог Старинг исчислял слишком в 200 миллионов франков ценность всего топлива, содержащагося в торфяном болоте, площадь которого около 20.000 гектаров, а средняя глубина не менее одного метра. С того времени цена торфа не переставала возрастать, тогда как запасы его значительно убавились: ежегодный прирост торфяников далеко недостаточен для того, чтобы пополнять убыль, происходящую от разработки их человеком.

1 Staring, „Voormaals en Thans“, p. 93.

2 Alph Esquiros, „La Neerlande et la vie hollandaise“.Kuyper, „Рукописные заметки“.

Можно с большою вероятностью предсказать, что через несколько поколений торф возвышенных ландов, все более и более деятельно утилизируемый промышленностью, исчезнет совершенно из Голландии. Добыча торфа в Нидерландах в 1864 году, т.е. в последнем году,



Торфяники въ окрестностяхъ Дортрехта.

когда был взимаем акциз с этого топлива, простиралась до 42.000.000 тонн[1]. Болота области Пель, которые еще недавно тянулись на 50 километров в длину и на 15 километров в шири-

1 Kuyper, „Рукописные заметки“.

ну, теперь уменьшились уже на три четверти своего протяжения[1].

С распространением земледелия постепенно сглаживаются контрасты между различными областями, точно так же, как населения сближаются и смешиваются между собою, утрачивая мало-по-малу то, что было слишком своеобразного в их отличительных характерах.

Если «возвышенныя» торфяные болота (hooge veelen) быстро уменьшаются в размерах, то «низменные» торфяники (lage veelen) морского прибрежья съуживаются гораздо медленнее под усилиями земледельцев; в некоторых местах они даже сделались настоящим геологическим слоем, составляющим отныне нераздельную часть земной оболочки. Под дюнами морского берега тянутся слои торфа, превратившиеся, вследствие испытываемого ими сверху давления, в твердыя массы; в других местах их находят на разных глубинах под слоями глины или под грунтом, с давних пор преобразованным в пахатные поля; промеры глубины моря обнаружили их также под дном морским в соседстве берегов. Дно озер Фрисландии и других восточных провинций почти везде состоит из торфа; наполняющая эти озерные бассейны вода, насыщенная дубильным веществом, имеет фиолетовый, даже черноватый оттенок, составляющий яркий контраст с зеленью прибрежных камышей и лугов[2]. В подобной области большая часть почвы состоит из губчатых масс, которые поднимаются и опускаются с наводнениями; луга, поддерживаемые скрытыми водами, трясутся под ногами,—как говорит одна местная пословица, het land leeft, «земля живет». Плавающие острова, состоящие из растительных остатков, встречаются во множестве на озерах, и иногда эти острова путешествуют от одного берега к другому, гонимые сильным ветром. Даже в исторические времена, после того, как очертания озер и болот Голландии почти установились, нередко бывали примеры странствующих земель, под именем drijftillen в Фрисландии и rietzoden в Голландии. Так, в 1509 году один плавающий луг, на котором паслось несколько коров, был перенесен ветром с одного края залива Долларт к противоположному берегу; он остановился на Рейндерланде, в провинции Гронинген, при чем ни с одним из животных не случилось никакого несчастия во время этой странной переправы[3]. Крестьяне завладевают плавающими лугами и разрезывают их на плоты, которые они потом, в период разлива вод, переводят в лужи, где нужно поднять почву. Инженеры также пользуются этими drijftillen для больших гидравлических сооружений. Так, ящики цвольшединских жете, которые вдаются почти на 6.000 метров в Зюйдерзее, были наполнены плавучим дерном, извлеченным из соседних озер Ваннерперфен; разделив эти острова на площадки в 15 метров длины и 2 метра ширины, четыре человека помещались на этот губчатый плот и отводили его в жете, где он был тотчас же потопляем, нагруженный большими камнями[4]. Но очень многие из торфяных озер уже давно опорожнены, и бывшее дно их покрыто слоем высохших растений, которые огородники употребляют как удобрение, глубоко раскапывая почву для устройства своих огородов. Так, например, у самых ворот Амстердама, бывшее глубокое торфяное озеро или болото, Димермер или Ватерграфсмер, очищенное в три года, с 1626 по 1629, образует теперь котловину, лежащую на 4 с половиною метра ниже уровня залива Ий; плотина, уставленная водокачальными насосами, защищает эту древнюю лагуну от напора соседнего моря[5].

Низменные торфяные болота, в которых средняя толщина торфа 4 метра в собственно так называемой Голландии и только 2 метра на западе от Зюйдерзее, заключают не те же самые породы деревь, какие встречаются в возвышенных торфяниках. В первых находят много орешника, дерева, в наши дни редкого в крае; стволы ивы, березы, ясени, которых не содержат другие торфяники, часто встречаются в прибрежных торфяных болотах, тогда как сосны в последних отсутствуют. Замечательно, что, вследствие сотрясения поверхностных слоев

1 Rijkeus, „Aardrijkskunde van Nederland“. Staring, „Voormaals en Thans“.
2 H. Havard, „La Hollande pittoresque; les Frontieres menacdes“.
3 G. A. Venema, „Veranderingen welke onze Zeekusten hebben ondergaan“.
4 E. de Laveleye, „Neerlande, Etudes d'economie rurale“.
5 Staring, „Voormaals en Tbans“.

торфяных болот, поглощенные древесные стволы мало-по-малу поднимаются; растения над тем местом, где скрыто поваленное дерево, начинают постепенно чахнуть, затем вдруг из-под земли высовывается самое дерево, точно крокодил, вылезающий из тины, и тогда его можно без труда извлечь из почвы[1]. Кроме того, в подвижной почве торфяников были открыты в большом числе останки животных, а также предметы, сделанные рукой человека, и все музеи Голландии имеют эти любопытные остатки прошлого. Раковины, находимые целыми грудами в слоях обугливших мхов, все принадлежат к пресноводным видам,—доказательство, что море не принимало никакого участия в образовании торфяников. Однако, так многочисленны были колебания почвы в приморской полосе Нидерландов, что простая канава, выкопанная в болоте до глубины менее 2 метров, проходит иногда через семь различных слоев: в бельгийском торфянике, находящемся близ Гемпса, и на который много походят низменные торфяные болота (lage veenen) Голландии, четыре пласта торфа, уже образовавшагося или образующагося, чередуются с одним речным слоем и двумя слоями, содержащими морских раковин[2]. Большая часть торфяных болот прибрежья были заливаемы морскими водами и до такой степени пропитались ими, что прибрежные жители долгое время имели обыкновение сжигать торф, с целью извлечения из него соли[3]. Зеландцы отказались от этого промысла только в последние столетия, когда убедились в невозможности выдерживать конкурренцию с морскими торговцами, начавшими привозить соль из Франции, Португалии и Испании.

II.

Соленость некоторых торфяных болот морского прибрежья есть один из многочисленных фактов, свидетельствующих о чередовании пресных и соленых вод на почве низменной Голландии. Раскопки и бурения почвы, сделанные в разных частях территории, повествуют о непрерывной борьбе, которая продолжается из века в век между землей и океаном из-за обладания этою спорною областью в последние геологические периоды. Один колодезь, выкопанный в Горинхеме, на берегу Мааса, до глубины 120 метров, проходит везде через слои, наполненные морскими раковинами и составляющие резкий контраст с верхними пластами, где встречаются остатки наземных и пресноводных животных[4]. Точно также, при копании доков в Амстердаме, открыли под твердою землей древние берега, где раковины морских видов, принадлежащих к текущей геологической эпохе, находятся в значительном количестве и где рассеяны также останки севших на мель или выброшенных на берег китов; один из пластов, которые тянутся под столицей Голландии, до такой степени изобилует маленькими организмами морского происхождения, что ему дали особое название: глина с диатомеями[5]. В городе Утрехте при бурении на одной из площадей артезианского колодца были обнаружены несомненные признаки пребывания некогда морских вод в этой местности, находящейся ныне на расстоянии 55 километров по прямой линии от берега моря. На глубине 134 метров под поверхностью земли, пройдя перед тем слой глины, толщиною около 40 метров, образовавшийся из речных наносов, буровой снаряд вступил в раковистые пласты, где встречаются исключительно виды, принадлежащие к нынешней морской фауне; затем на глубине от 164 до 169 метров земные и пресноводные раковины перемешаны с морскими моллюсками, что произошло, по мнению Гартинга, оттого, что берег моря доходил тогда до этого уровня: следовательно, с той эпохи почва этой части Голландии понизилась на 169 метров. Ниже, до глубины 219 метров, морские раковины все еще тождественны с раковинами нынешних морей; но под этим слоем они смешаны с более древними видами. Вероятно,

1 Staring, „Voormaals en Thans“.

2 Henry Debray, „Etude geologique ot archeologique de quelques tourbieres de littoral flumand“, цитируемый г. Э. Дежарденом в „рукописной заметке“.

3 A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.

4 Staring, „Voormaals en Thans“.

5 Harting, „De Bodem onder Amsterdam, Verhandelingen van het Instituut van Wetenschappen“, 1852

на этой глубине начинается плиоценовая формация, аналогичная с песчаными отложениями Бельгии, которым Дюмон дал название «скальдизийской системы»[1].

В наши дни человек, поселившийся на этой почве в прочных и постоянных жилищах, закрепил плотинами контуры твердой земли, на которой расположены его дома, поля и огороды; но если бы силы природы были предоставлены самим себе, то вся область низменной Голландии тотчас же сделалась бы неопределенною землею, которую воды моря оспаривали бы у речных наносов. Правда, океан, поднимая пески со своих отмелей, сам воздвигает вал дюн на берегах и таким образом установляет свои собственные пределы; но эти подвижные песчаные бугры засаривают русло рек и заставляют их разливаться по сторонам, в виде озер или болот. В случае увеличения напора этих внутренних вод, песчаный береговой кордон может быть прорван, то в одном, то в другом месте, смотря по объему выступившей из берегов воды и по силе и направлению ветров, помогающих жидкой массе искать себе нового выхода. Там, где широкие лиманы не проникают далеко внутрь материка, разрывы, образовавшиеся в системе дюн, постепенно замыкаются сами собой; реки, задерживаемые в своем течении грудами песку, снова превращаются в озера и затем, найдя себе выход, опять изливаются в море, в виде временных потоков; земля и воды смешиваются в однообразную массу: вода становится тиной, а земля—жидкостью. Во многих местах можно определить, каковы были некогда размеры бассейнов солоноватой воды, которые пояс дюн задерживал внутри материка, как гафы Балтийского моря: залежи глины и слои раковин, встречаемые в расстоянии 5 метров под поверхностью почвы, показывают даже прежнюю глубину этих лиманов. Находимые там раковины не принадлежат к фауне открытого моря, но они тождественны с видами моллюсков, водящихся в зеландских лиманах и в Зейдерзее[2].

Почва низменной Голландии, которую поочередно покрывали воды моря и рек, сохранила, по крайней мере по виду, горизонтальность жидкой поверхности. В этих равнинах, как на океане, поверхность земли до такой степени ровная, что кривизна планеты отчетливо обнаруживается: плывя, например, по большому северо-голландскому каналу, замечаешь остроконечные крыши мельниц Заандама и Заандийка задолго до того времени, когда сделаются видимыми кольцеобразные галлереи и дома, находящиеся при основании этих крыш; большие, окруженные деревьями фермы, которые видны издалека, когда проезжаешь по низменной Фрисландии, походят на острова зелени. Почва имеет нечувствительный скат, и пересекающие эту горизонтальную равнину реки, сдерживаемые ныне крепкими плотинами, могли бы течь беспрепятственно по всем направлениям, если бы прибрежные жители захотели дать им исток в правую или в левую сторону: можно сказать, что вся низменная область Голландии составляет их естественное ложе: нет ни одной местности на этих равнинах, где бы не проходили когда-нибудь проточные воды. Поэтому было бы очень трудно проследить все уклонения от первоначального направления, все блуждания голландских рек: эти потоки, так сказать, странствовали по всем областям территории. Даже на острове Урк, лежащем теперь по средине залива Зюйдерзее, нашли признаки древнего течения какого-то рукава Рейна или Исселя: пресноводные инфузории, открытые в торфяниках острова, под слоем аллювиальной глины, служат доказательством, что тут некогда проходила река, поглощенная волнами залива, вместе с равнинами, которые она орошала[3].

В начале исторического периода, Рейн, Rhenus bicornis (двурогий) Виргилия, вступающий в пределы Голландии на высоте от 15 до 18 метров, смотря по объему его вод, делился, как и в наши дни, на две главные ветви; но древние писатели говорят также о более многочисленных разветвлениях. Главный рукав, именно левый, известен был в древности под именем Гелиуса или Ваала, которое он носит до сих пор, и так же, как в наше время, он соединялся тогда с Маасом и вместе с этою рекой изливался в море через широкое устье. Плиний, Тацит и другие древние писатели упоминают еще об одном рукаве, который сохранял

1 Письмо фан-Клемейдека к Девальку, сообщенное Карлом фан-Уффорд.

2 Staring, „Voormaals en Thans“.

3 Alpli. Esquiros, „Le Neerlande et la vie hollandaise“ .

свое имя до самого моря, и под которым они, как полагают, подразумевали лейденский «Старый Рейн». Что касается того рукава Рейна, который впадал в озеро Флево, то должны ли мы видеть в нем, по общепринятому, со времени Клювье, мнению, «Старый Иссель», Oude Ijssel, соединенный с Большим Рейном, выше Арнгема, посредством искусственного канала, вырытого по приказанию Друза, отца Германика и Клавдия, или этот fossa Drusiana (Друзов канал) нужно искать в какой-либо другой части Нидерландов? Несомненно то, что вся равнина, по которой ныне течет рукав Рейна, принимаемый за древний канал, представляет широкую аллювиальную равнину, образовавшуюся из рейнских наносов, окаймленную на западе правильными склонами плоскогорья Велюве и поднимающуюся на востоке пологим скатом к землям, которые, средним числом, возвышаются на 12 метров над уровнем реки. Нигде не видно никакого признака откосов перекопа (купюра), который, натурально, должен бы быть довольно узким для рва этой глубины, и при том многочисленные ручьи, даже реки, спускающиеся к Исселю, соединяются, на той и другой стороне, с этою рекой не посредством резких слияний, но посредством лож нормальной формы, красиво изогнутых в направлении долины. Если канал был вырыт в той части дельты, где его отыскивают, то он только прошел через древние рейнские наносы, как это доказывают самое свойство почвы и вид земель. Точно также Старый Иссель, текущий параллельно Большому Рейну, от Везельских равнин до Десборга, есть, повидимому, не что иное, как старое русло Рейна: здесь, вероятно, проходила эта река, прежде чем течение её уклонилось влево, к низменной Голландии и к Маасу. По мнению некоторых писателей, канал Друза, который вырыл этот искусственный путь для того, чтобы пробраться со своим флотом в Северное море, соединял рейнскую ветвь Исселя, тогда еще существовавшую, с течением Дрентенского Фехта, ибо эта река, в то время гораздо более развитая, чем в наши дни, изливалась прямо в заливы Фрисландии через старый морской рукав Миддельзее, который и теперь еще можно без труда распознать между двумя древними островами Вестерго и Эстерго[1].

Даже в очень недавнюю эпоху место бифуркации Рейна передвинулось, отчасти благодаря вмешательству человека. В начале восемнадцатого столетия эта река делилась на две ветви на немецкой территории, у форта, называемого Шенкеншанц; но так как южная ветвь реки с каждым годом увеличивалась в ущерб северной, то, для восстановления равновесия, принуждены были прорыть, в 10 километрах ниже, уже на голландской земле, водоотводный канал между большим рукавом, или Ваалом, и малым рукавом, или Нижним Рейном. Этот канал был прокопан выше деревни Паннерден; но так как и после того Ваал продолжал получать, в период разлива, слишком большое количество воды, то потребовались новые работы, при помощи которых и была урегулирована точным образом жидкая масса, следуемая на долю каждой из двух ветвей реки, разделенных длинною каменною плотиною. Ваал получил две трети рейнской воды, а остальная треть была направлена в Паннерденский канал, который сохраняет название Рейна, не будучи настоящею рекой. Кроме того, старое северное русло было запружено, ниже укрепления Шенкеншанц, невысокой плотиною, позволяющею водам изливаться туда, как только они поднимутся на 2 метра выше средняго уровня. Другие резервуары для спуска воды, устроенные за деревней Паннерден, дают возможность регулировать воды разлива и поддерживать в обоих руслах нормальную пропорцию, определенную конвенцией 1771 года.

Нижний Рейн (Neder Rijn), уносящий таким образом треть рейнских вод, сохраняет эту массу жидкости только на протяжении каких-нибудь 10 километров. Близ деревни Вестервот, к востоку от Арнгема, он делится на два рукава, относительная доля которых также была регулирована в восемнадцатом столетии таким образом, что одну треть всего объема воды получил правый рукав, а две другие трети—главный поток, который на этот раз сохраняет название Рейна. Выделяющаяся из него ветвь известна под именем Гельдернского Ис-

1 Arends, „Physikalische Geschichte der Nord-See-Kusten“; Belpaire, „Plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“; Staring, „Voormaala en Thans“.

селя, извилистые воды которого изливаются на Зюйдерзее посредством дельты, соединенной многочисленными каналами с устьем Фехта. Что касается Нижнего Рейна, то он течет прямо на запад; но этот рукав удерживает все свои воды только в меженное время или при среднем

Заандамскія мельницы.

уровне, ибо в период разлива многочисленные водоспуски, устроенные в Вагенингене, ниже холмов Велюве, отбрасывают часть излишней воды в ложе Эма и через эту реку в залив Зюйдерзее, тогда как другая часть уходит в Ваал через шлюзы, открываемые в плотинах

около города Кулемборга.

Но уже выше этого города, при городке Вейк-бей-Дуурстеде, Рейн теряет свое имя и принимает другое, именно Лек. Поток, сохраняющий имя великой реки, получает свои воды только через шлюзы, устроенные в боковой плотине реки и запираемые по желанию: это так называемый «Кривой» или «Извилистый» Рейн (Kromme Rijn), который проходит через город Утрехт; он разветвляется на многочисленные каналы с едва заметным течением, вследствие которого их можно, пожалуй, называть реками: таковы, между прочим, Утрехтский Фехт и Амстель, на берегу которой стоит главный город Голландии. На западе от Утрехта, Рейн, превратившийся также в канал с очень медленным течением, но сохранивший, по крайней мере, вид реки своими многочисленными извилинами, течет прямо к морю. В римскую эпоху эта часть Рейна разливалась по сторонам, вследствие чего образовались скопления стоячей воды или болота; на это указывает тот факт, что римлянин Корбулон, чтобы дать занятие своим солдатам, велел выкопать от Рейна к Маасу, параллельно морю, водоотводный канал, как полагают тот самый, который впоследствии носил название Oude Vliet или «Старый поток», и который проходил через Дельфт и Маасслюйс[1]. Но этот канал скоро засорился; уже около тысячи лет тому назад[2] ослабленная волна лейденского Рейна не в состоянии была более пробивать линию дюн, которые тянутся по берегу океана на запад от Катвейка, и наибольшая часть вод этой реки разливалась по бокам, образуя болота, которые, распространяясь все далее и далее, должны были рано или поздно соединиться в одно внутреннее море с Гарлемским озером. Чтобы осушить и ассенизировать почву, в 1571 году открыли водам Рейна выход через дюны; но пески снова скопились большими грудами и заперли устье. Только в начале нынешнего столетия, именно в 1806 году, инженеру Конраду удалось выкопать старому Рейну прочное русло, гарантированное от нашествий моря, так же, как и от вторжений песков, колоссальными шлюзами, которые еще недавно считались одним из триумфов человеческого искусства. Шлюзы эти запираются при высоком приливе, и только в часы отлива пропускают воды Рейна, называемого также «виселичным потоком» (Galge Water). Общий сток воды в старом Рейне, измеренный по количеству её, выпускаемому через шлюзы, равнялся 1.243.100.000 куб. метрам в продолжение восьми лет: это составляет менее 4 метров в секунду, следовательно менее пятисотой части объема вод, протекающих в ложе Рейна.

Расход воды в Рейне в секунду времени:

В период мелководья—1.000 до 1.200 куб. метров; в период среднего стояния—1.975 кубич. метров (по Маршалю); в период разлива[3]—8.000 до 10.000 куб. метров.

Рукав Лек—искусственного происхождения, по крайней мере в большей части своего протяжения; полагают, что это канал, вырытый, по приказанию Цивилиса, в 71 году нашей эры, и посредством которого главный поток среднего Рейна был отброшен в левую сторону[4]. С того времени Лек, бегущий по аллювиальной земле, много раз менял свое течение, развертывая свои излучины по правой и по левой стороне от старого разреза; кроме того, шлюзы спускают часть его вод в Ваал, и он сообщается с многочисленными каналами, которые прежде были естественными потоками. Поток, известный под именем Голландского Исселя (Hollandsche Ijssel), извивающийся в равнинах около города Гуда, на северо-востоке от Роттердама, сохранил вид древней реки; однако он течет попеременно, то в одном, то в другом направлении, спускаясь к роттердамскому «Маасу», или сам получая воду из этой реки, смотря по колебаниям прилива и отлива. Голландский Иссель служит также для двоякой цели, смотря по временам года: в зимние месяцы он принимает в себя излишнюю воду с прибрежных лугов, а в летнюю пору он орошает эти самые луга посредством системы ирри-

1 Cluvier, Ernest Desjardins, „Geographie de la Gaule romaine“.
2 Staring, „Voormaals en Thans“.
3 Kuyper, „рукописные заметки“.
4 Ernest Desjardins, „Geographie de la Gaule romaine“.

гационных канавок[1].

Ниже бифуркации у селения Паннерден, Ваал, то-есть истинный Рейн, удерживает теперь всю массу своих вод. Еще недавно значительная часть его течения изливалась в Маас через узкий перешеек, на котором стоит крепость св. Андрея или Синт-Андрис; но с 1856 года ложе обеих рек урегулировано крепкими запрудами: прежний исток заменен простым судоходным каналом, и Ваал, сохраняя свою речную индивидуальность, продолжает течь до Вудрихема, где он принимает в себя Маас, жидкая масса которого, средним числом, в десять раз менее обильна; в римскую эпоху эта река продолжала свое течение в западном направлении, следуя приблизительно по ложу, занимаемому ныне Oude Maasje, то-есть «Старым Маасом», затем, пройдя равнины, превратившиеся впоследствии в затопленные пространства Бисбоша, она изливалась в рейнский лиман. На западе от нынешней точки соединения, имя Мааса опять появляется во многих местах на картах и в народной речи. Так рукав, проходящий между Роттердамом и островом Иссельмонде, называется «Маасом», да и лиман, омывающий северный берег острова Форна, тоже известен у моряков под именем «Мааса»; но на самом деле почти вся вода Мааса, смешанная с водой Ваала, соединяется с морскою волной в каналах Бисбоша, в заливе Голландше-Дип и Гарингфлит. В Роттердаме смешанная вода Лека, Ваала и Мааса еще годна для питья; она принимает немного солоноватый вкус только в период морского прилива, который гонит речные воды назад, внутрь страны, верст на сто вверх от устья[2]. Что касается Гарингфлита и больших лиманов Зеландии, которым дали название «устьев Мааса», то это не что иное, как рукава моря или проливы: к рекам они принадлежат только по имени.

Однако, если роттердамский «Маас» давно уже перестал быть Маасом, и лейденский «Рейн» перестал быть Рейном, то эти имена, тем не менее, имеют большую важность с исторической точки зрения, ибо они служат лучшим доказательством перемещения, которому подверглось течение этих рек с той поры, как цивилизованный человек водворился в этой стране. Рейн и Маас, так же, как Шельда, постоянно уклонялись в левую сторону и обнаруживают стремление удаляться все более и более к югу, хотя вращательное движение земли по направлению от запада к востоку имеет следствием, для большей части потоков северного полушария, постепенное уклонение в правую сторону от их первоначального течения. Реки Голландии переместились в направлении прямо противоположном их нормальному движению: Рейн и Маас текут с юга на север, по направлению общей покатости континента, во всей гористой области своего бассейна; но, вступив в пределы подвижных земель Нидерландов, они тотчас же сворачивают с своего естественного пути. Весьма вероятно, что в отдаленные века, предшествовавшие исторической эпохе, две названные реки продолжали течь прямо на север, по равнинам, открывающимся между невысокими плато провинции Гельдерн, но затем с незапамятных времен эти древние ложа были ими покинуты, и обе реки все более и более отступали к западу: теперь они начинают отклоняться в юго-западном направлении.

Причины этого анормального уклонения рек Голландии заключаются в неравномерности морского прилива. На пространстве от входа в залив Зюйдерзее до входа в Антверпенский Гонт, разность между уровнем прилива и отлива постепенно увеличивается: в то время, как на берегах Текселя вода моря поднимается и опускается только на 75 сантиметров выше и ниже среднего горизонта, в устьях Шельды прилив превышает это среднее стояние жидкой массы по высоте, а отлив по глубине на 2 метра 36 сантиметров; следовательно, разность между наибольшим и наименьшим уровнем вод более, чем утроилась. Так, в часы отлива, море, омывающее берега Голландии в собственном смысле, остается более высоким, чем на берегах Зеландии, и, следовательно, скат рек к югу становится более сильным; реки в это время имеют стремление подтачивать свой берег, и с этой именно стороны лиманы постоянно углубляются. В часы прилива море вздымается выше на южных берегах Нидерландов, но движение вод изменяется: вместо того, чтобы направляться к открытому морю, они прони-

1 A. Lavertujon. „Bulletin de la Socitee de Geographie“, oct. 1872.

2 Kuyper, „рукописные заметки“.

кают в речные устья, и стремительность их тем больше, чем круче их скат. А так как самая крутая покатость—с южной стороны, то там, разумеется, потоки отличаются наибольшею силой движения и там же образуются самые глубокие фарватеры[3]. До тех пор, пока берега рек и составляющих их продолжение лиманов не будут окончательно укреплены высокими, неприступными для вод, плотинами, плотины южных берегов постоянно будут наиболее подвержены захватам моря.

Океан поочередно является «покровителем и врагом» Голландии—Protector et hostis—как гласит надпись на одной старинной зеландской медали[1]: он защищает ее во время войны, носит её корабли, приносит на её берега плодородный аллювий, но он же грозит ей постоянным подтачиванием и размыванием берегов и страшными наводнениями.

Летописи борьбы, которую выдерживают голландцы против вод моря и рек, ведутся аккуратно только начиная с эпохи, обнимающей небольшое число столетий; но уже с самых первых времен батавской истории народные предания и хроники повествуют об этой неустанной борьбе: нашествия моря, захваты человека в области болотистых пространств морского прибрежья—таковы альтернативы, от которых зависело самое существование нации. Придерживаясь только таких событий, достоверность которых вне всякого сомнения, можно насчитать сотни случаев вторжения моря в пределы материка. В 839 г. сильная буря нагнала воду из моря во все низменные местности Фрисландии и разрушила около 2.500 человеческих жилищ; двадцать лет спустя, Рейн опустошил свои берега и вырыл себе новое устье. В продолжение одиннадцатого и двенадцатого столетий наводнения становятся до такой степени часты, что прибрежные жители, из опасения быть потопленными вместе с землей, на которой они обитали, принуждены были спасаться бегством и искать убежища у своих соседей и у чужих народов. В 1170 году, во время страшного прилива в праздник всех святых, начинается разрушение перешейка, соединявшего полуостров Голландию с Фрисландией, на севере от озера Флево. В следующем столетии дело разрушения было окончено: озеро превратилось в Зюйдерзее или «Южное море», Флиланд и Тершеллинг были разделены совершенно и образовали две самостоятельные земли, благодаря безразсудным работам канализации, предпринятым во владениях одного аббатства[2], и от разрушенного прибрежья остались только острова и островки, непрерывно подтачиваемые морскою волной. В течение этого тринадцатого столетия, самого страшного века в истории Голландии, летописцы насчитывают не менее тридцати пяти больших наводнений, и, по словам их, во время этих ужасающих катастроф, целые населения исчезали с лица земли: в 1221, в 1230, в 1242, в 1277, в 1287 годах море каждый раз поглощало, будто бы, от сорока тысяч до ста тысяч жителей; одно из наводнений, во время которого открылся залив Долларт, разрушило, в прибрежных равнинах Эмса, город Торум и около пятидесяти деревень, тогда как на севере Фрисландии оно образовало залив Лауверзее и потопило обитаемые земли, от которых остался только островок Ширмонникоог, узкая полоса берега, заключенная между дюной и плотиной. В четырнадцатом столетии, именно в 1377 г., зеландская Фландрия была совершенно залита, при чем город Пит исчез с лица земли, так же, как девятнадцать других местечек и селений, из которых только одно, Бирфлит, снова поднялось впоследствии. Залив Зюйдерзее, постоянно расширявшийся и углублявшийся вследствие вторжений моря, скоро сделался доступным для больших купеческих кораблей, которые стали посещать порты Энкгуйзенский и Амстердамский, тогда как внутри материка мало-по-малу разростались, вследствие размывания их болотистых берегов, маленькия озера, которые впоследствии соединились и образовали Гарлемское море. В 1421 году необыкновенно высокий прилив 19 ноября, известный под именем «прилива св. Елизаветы», образует другое внутреннее море—море «Бисбоша» или «Леса тростников», в котором потонуло семьдесят две деревни: после отступления этого прилива, на месте обработанных полей и групп человеческих жилищ остался только архипелаг

3 Alpl. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu' au Danemark".

1 Meyners d'Estrey, Danemark, „Explorateur", № 63, t. III.

2 Teding van Berkhout, „De Landaanwinning op. de Frische Wadden".

болотистых островов. Катастрофа 1421 года, бесспорно,—самая ужасная из всех бедствий, имевших место на берегах Голландии в течение последних пяти столетий; но бури 1570, 1665, 1717, 1774 годов тоже отличались страшною силой, и каждая из них потопила тысячи людей, прорвала исполинские плотины, разрушила множество населенных мест и причинила неисчислимый вред земледелию и торговле. Во время одного из этих ураганов был потоплен город Роммерсвааль с окрестными деревнями; во время другого провалились польдеры Зафтингена; однажды, тоже во время большего наводнения, исчезли под водой земли крайнего западного острова Зеландии, с двумя многолюдными деревнями: эта местность известна была под именем Зутеланда или «Соленой земли»[1]. Название Бевеланд, данное двум южным островам Зеландии, означает, как говорят, «трясущуюся землю» и обязано своим происхождением ударам волн наводнения о вечно дрожащие берега.

Даже в настоящем столетии многие польдеры, с давних пор завоеванные для земледелия, были превращены внезапными наводнениями в озера. В 1825 году, вся южная часть полуострова Голландии, известная обыкновенно под именем Ватерланда или «водяной земли», была залита на пространстве от Заандама до Алькмара; сорок селений, может быть, богатейших во всем свете, были потоплены, тысячи людей утонули; десять тысяч коров, сто тысяч овец и баранов погибли в волнах, и когда удалось, наконец, исправить прорванный пояс дюн и удалить воду из затопленной территории, органические остатки всякого рода, подвергшиеся гниению в жидкой грязи, распространили заразу по всей стране. Острова Виринген и Тершеллинг были в значительной части опустошены. Что касается Шокланда, обломка острова, который некогда простирался от устьев Исселя до средины Зюйдерзее, то он совсем исчез с лица земли. Этот остров после наводнения вышел из недр моря очень умаленный, затем он еще несколько раз был опустошаем бурями, вследствие чего принуждены были совсем покинуть его, так как содержание огромных, дорогостоющих плотин оказалось не под силу небольшому числу жителей, составлявшему население острова. Эти жители были переселены на счет казны в различные колонии континента, преимущественно в Кампен, в дельте Исселя. Между Шокландом и островом Урк, в одном месте залива, при низком стоянии воды, показываются остатки каменной стены, которые прибрежные жители называют «кладбищем»; по преданию, там покоится какой-то древний потопленный город. Остров Урк, крепкие бугры которого поднимаются метров на 10 выше вод прилива, не подвергается опасности быть разрушенным; но нельзя сказать того же про остров Маркен, на который невозможно смотреть без ужаса, когда на море разыграется непогода. Остров этот можно сравнить с кораблем, который в тихую погоду защищен от волн бортом в метр высоты, но который совершенно заливается водами моря в бурное зимнее время. Жители Маркена принуждены переправляться на лодках между семью искусственными горками, на которых они построили свои деревушки; кладбище занимает восьмой островок, куда похоронные процессии тоже перевозятся на барках. Но в то время, как выступившим на поверхность вод землям грозит опасность снова быть поглощенными волнами, в морском ложе образуются новые земли: многочисленные песчаные мели появились в Зюйдерзее на месте прежних впадин, и фарватеры многих гаваней совершенно засорены илом и песком; даже Амстердамский порт, вследствие постоянного накопления морских наносов, сделался бы недоступным для судоходства, если бы обширные землечерпальные работы не поддерживали в надлежащей глубине его фарватер.

Известно, каким образом голландцы успели защитить свои берега против внезапных вторжений океана; но опасность речных наводнений не менее велика, чем опасность нашествий моря, и прибрежные жители не могут обеспечить себя от этих наводнений теми же средствами. В часы морского прилива и в период разлива самих рек речные суда проходят вровень с поверхностью плотины, гораздо выше уровня полей, и когда северо-западный ветер задует с большою силой, жители Вианена, лежащего к югу от Утрехта, видят, как воды

1 Smallegange;—Muyt;—von Hoff;—Ant. Belpaire etc.

Лека вздымаются на пять с половиной метров выше уровня мостовой их улиц[1]. Один или несколько рядов плотин и водокачальные машины достаточны для защиты низменных прибрежных польдеров от спокойных вод; но что делать против вскрытия рек, против ледохода и весенних наводнений? Во время зимних холодов Рейн и Маас покрываются сплошною ледяною корой: что делать в тот момент, когда этот твердый покров вдруг разбивается, и груды льдин, уже оторвавшихся, начинают ударяться с страшною силой о ледяные массы, еще не сломавшиеся, и о берега? Верхния воды, задерживаемые образовавшимся внизу затором, скопляются в виде озер, и своими льдинами, точно таранами, бьют береговые плотины: эти последние, в конце концов, рушатся под напором вод и льдов, и прибрежные равнины заливаются водой.

Кроме размывания, производимого водами прилива, кроме бурь, ледохода и разлива рек, существует еще, как говорят некоторые геологи[2], другая причина разрушения берегов Голландии, действующая медленно, но с неумолимою силою. Причина эта заключается будто бы в постепенном оседании почвы. И действительно, множество фактов, собранных историками и географами, доказывают, что во многих местах голландского прибрежья происходит понижение уровня земель. Известно, что почти на всем протяжении нидерландских берегов встречаются слои торфа, лежащие на один или несколько метров ниже уровня моря, а между тем эти пресноводные геологические образования могли возникнуть и развиваться не иначе, как на почве, находившейся над поверхностью вод. Многочисленные торфяные болота, смежные с морским берегом, лежат слишком глубоко, чтобы разработка их могла быть выгодна, и некоторые из их пластов продолжаются под береговыми дюнами, в виде непрерывного слоя, далеко в область вод. При каждой буре волны выбрасывают большое количество торфа озерного происхождения на берега острова Валхерена[3]. Точно также в соседстве острова Текселя находятся на дне морском остатки подводного леса, состоящего из высокоствольных дерев, в ветвях которых часто запутываются рыболовные сети[4]. Во многих местах открыты различные предметы человеческого искусства, погребенные в торфе, самая поверхность которого лежит ниже уровня океана: в голландских музеях хранятся гробницы, жертвенники, сосуды, орудия всякаго рода, свидетельствующие о древнем пребывании цивилизованных людей в этих местностях, покрытых ныне водами моря[5].

Близ Домбурга, маленькой деревни с морскими купальнями, на острове Валхерене, стоял в старину храм, фундамент которого, покоящийся на торфяной почве, находится теперь ниже морского уровня. Остатки этого здания были открыты в 1647 году. В то время восточные и северо-восточные ветры дули с большою силой в продолжение нескольких дней сряду и отбросили воды моря в период отлива гораздо далее к западу, чем обыкновенно. Уведомленные рыбаками, должностные лица Домбурга отправились осмотреть остатки поглощенного морем храма, и, по их распоряжению, были вынуты резные и скульптурные украшения, надписи, сосуды, камни, на которых было вырезано имя местной богини Негаленнии, изображенной под видом сидящей женщины, держащей плоды в руках и имеющей по левую сторону корзинку с такими же плодами, а по правую—собаку. Впоследствии в других частях западного берега Валхерена, были найдены приношения, посвященные этой богине[6]. Полагают, что эпохой, когда домбургский храм перестал быть доступным по причине нашествий моря, следует считать конец третьего века нашей эры[7]. Но существование храма доказывает, что в то время в крае существовали человеческие жилища. Для того, чтобы этот остров, известный ныне под именем Валхерена, мог быть обитаемою землей в эпоху завоевания стра-

1 Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.
2 Elie de Beaumont;—A. de Laveleye.
3 A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.
4 Alph. Esquiros, „La Neerlande et la vie hollandaise“.
5 Debast, „Recueil d’antiquites romaines et gauloises“.
6 Ernest Desjardins, „Geographie de la Gaule romaine“.
7 Smallegange, „Chronyk van Zeeland“;—A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.

ны римлянами, поверхность его должна была возвышаться над уровнем моря даже в период самых высоких, равноденственных приливов, если только все морское прибрежье не было тогда занято широким валом сплошных дюн. Но в ту эпоху, по рассказам римских писателей, берег Нидерландов был, как и в наши дни, иссечен многочисленными лиманами. Следовательно, торфяной слой, то-есть древняя почва, находящаяся теперь ниже уровня самых низких приливов, лежала тогда выше уровня поднимающейся приливной волны. По вычислению А. де-Лавеле, которое, впрочем, кажется, сильно грешит преувеличением, понижение уровня почвы на голландских берегах составляло от 8 до 10 метров. Самое существование плотин, защищающих остров Валхерен со стороны моря, служит доказательством совершившегося оседания почвы. Если бы не эти высокие плотины, Зеландия была бы вся потоплена океаном; но возможно ли было воздвигнуть подобные сооружения среди моря? Необходимо, следовательно, допустить, что в предшествовавшую эпоху уровень земель был выше, чем ныне, и что тогдашние жители находили твердую почву для постройки своих плотин[1]. Впрочем, описание земли моринов (Morini) и менапиев (Menapii), какое дает нам Юлий Цезарь, не позволяет видеть в этих странах область, уже тогда защищенную против вторжений моря плотинами, подобными тем, которые воздвигнуты там в настоящее время: римский завоеватель говорит только о лесах и болотах.

Указывали также, в доказательство понижения уровня голландской почвы, на остатки одной постройки,—вероятно, римской,—которые можно было хорошо рассмотреть в 1520 г., во время одного очень сильного отлива. Эти развалины, находившиеся на северо-востоке от Катвика, среди моря, в расстоянии одного километра от берега, признали,—совершенно ошибочно, так сказать, из археологического патриотизма,—за башню, которую Калигула велел воздвигнуть на берегу океана в память мнимой победы, одержанной будто бы над бриттами: отсюда и название Arx Britannica или Huis te Britten, которым окрестили эти остатки старины, ныне исчезнувшие. В начале шестнадцатого столетия стены этой постройки имели еще около 3 метров высоты; в 1552 г., когда их опять видели, они возвышались над уровнем морского дна уже только на 60 сантиметров; наконец, в 1752 году, при исключительно низком стоянии воды, зависевшем от сильного отлива, фундамент древнего здания показался в третий раз, но уже видны были только одни сваи. Моряки рассказывают, что в тех же самых водах, но только двумя или тремя километрами далее в море и на глубине восемнадцати или двадцати метров, существуют другие развалины, Toren van Calla, окруженные ископаемыми деревьями, от которых будто бы доставали иногда обломки ветвей, черные и твердые, как у черного дерева[2].

Этим примерам оседания почвы можно противупоставить факты, свидетельствующие о неизменности уровня, в продолжение исторических веков, в некоторых частях нидерландского прибрежья. Так, геолог Старинг указывает на древние морские берега, которые были отделены от океана наносами и дюнами, и которые теперь лежат на совершенно одинаковом уровне с современным берегом. По мнению этого ученого, нет положительных доказательств общего опускания морских берегов Голландии в историческую эпоху: все понижения уровня почвы, на которые указывают, должны быть рассматриваемы как следствие местного оседания высохшего торфа и грязи. Он признает, что прибрежные польдеры обыкновенно оседают после обведения их плотинами, и даже приводит, в виде примера, польдер Бийльмермер, уровень которого понизился на полметра в течение двадцати пяти лет; но более совершенное дренирование почвы, тяжесть домов и каменной настилки дорог, беспрестанный проход скота—такова, по его мнению, причина этого явления, аналогичного с постепенным уменьшением объема сжимаемой губки. На берегах залива Долларт замечено, что древние польдеры, завоеванные для земледелия с шестнадцатого столетия, имеют уровень на 2 метра ниже уровня земель, недавно приобретенных в области этого лимана; но на фрисландских берегах Северного моря, так же, как на восточной стороне Зюйдерзее, в про-

1 A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.

2 Alphonse Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“.

винциях Гельдерн и Овериссель, поля, обведенные плотинами с восьмого столетия, тоесть в три или четыре раза ранее, чем польдеры Долларта, лежат, однако, не ниже этих последних в отношении морского уровня; напротив, есть много древних польдеров, оседание которых не превышает одного метра[1]. Можно бы было указать также на польдеры в окрестностях Энкгуйзена, как на пример замедления и окончательного прекращения в понижении уровня почвы: в период с 1452 по 1616 год почва опустилась на 1 метр 52,5 сантиметров, что составит около одного сантиметра в год; в 1732 году, следовательно спустя 116 лет, оседание земли, втрое меньшее по величине, не достигало даже одного сантиметра в три года[2]; с той поры не было замечено дальнейшего оседания почвы. Точно также, если водокачальные мельницы, установленные в 1608 году вокруг польдеров Вирингерварда, оказались недостаточными в 1731 г., и если потребовалось воздвигать второй ярус мельниц, то действие этих последних, начиная с прошлого столетия, вполне достаточно.

Итак, постепенное оседание глубоких пластов, поддерживающих поверхностные земли Голландии, не может еще считаться безусловно доказанным. Без сомнения, факт этого оседания не имел бы ничего странного, так как вообще геология есть не что иное, как история поднятий и опусканий различных частей твердой оболочки нашей планеты. Поверхность земного шара находится в постоянном колебательном состоянии: волны этого колебательного движения распространяются, как волны моря, от одной оконечности континентов до другой; но эти волны слишком медленны в наших глазах, и целые тысячелетия могут пройти так, что мы не заметим никакой перемены в уровне берегов материка. Так и в Голландии длинный ряд веков, называемый геологическим периодом, обнаруживает нам большие изменения уровня в глубоких слоях; но исторические времена еще слишком коротки для того, чтобы можно было с достоверностью определить движение пластов, лежащих под слоем торфа и растительной земли. Голландию сравнивали с судном, которое дало течь и мало-помалу погружается в воду под ногами экипажа, но, может быть, нисходящее движение ограничивается поверхностным грунтом, и всей стране, взятой в совокупности, вовсе не угрожает опасность пойти ко дну.

Как бы то ни было, во всяком случае не подлежит сомнению, что разрушительное действие морских волн, бури, наводнения рек, потопили многие местности Голландии, и обширные области прибрежья были поглощены морем, все равно, как будто бы вдруг понизился их уровень: последствия были те же самые, как если бы почва сама осела и погрузилась на дно моря. Достаточно проследить взглядом профиль нидерландского берега, чтобы понять, как велико было дело разрушения. Нормальная форма всего морского берега, простирающагося от мыса Гриснез до стрелки Скаген, состоит из ряда красивых кривых, попеременно выпуклых и вогнутых, смотря по направлению омывающей их приливной волны. Но на берегах Голландии эти правильные кривые два раза прерываются—на юге лиманами Шельды и Рейна, на севере заливом Зюйдерзее и воротами и проливом Вадден. Таким образом, приморский фас страны разделен на три отличные одна от другой части—Зеландию, Голландию и Фрисландию, представляющие формою своих берегов замечательный контраст, и в то же время некоторое уравновешение или соответствие. В центре находится длинный берег полуострова Голландии, слегка изогнутый к востоку в северной своей части, а по бокам лежат: с одной стороны—архипелаг Зеландии и рейнской дельты, все земли которой расположены перпендикулярно к древнему берегу, с другой—длинная цепь островных дюн, прерываемая через известные промежутки морскими воротами, и которая тянется, как внешнее прибрежье, параллельно континентальному берегу.

Контраст этот легко объясняется. Три большие реки, которые выливаются в море, пройдя перед тем южные провинции Нидерландов, представляют приливным волнам широкия устья, вследствие чего попеременное движение прилива и отлива происходит перпендикулярно к линии берегов и при том тем с большей силой, что воды прилива, стесненные в от-

1 Staring, „Voormaals en Thans“.

2 L'Epie, „Natuurlyke gesteldheid van Noord-Holland“.

носительно узком, похожем на залив, пространстве на севере от Па-де-Кале, должны, естественно, вздыматься выше в этой области моря. Все наносы, отлагаемые отливом, все остатки организмов, фораминифер и диатомей, живущих в мутной воде, весь песок, приносимый приливом, располагаются в том же самом направлении, как и течение рек, а потому и острова принимают форму удлиненную по направлению от востока к западу. В северной части Нидерландов нет больших рек, открывающихся со стороны моря широкими лиманами. Приливные течения, прорвав внешний вал дюн, не встречают заливов, по которым бы им нужно было подниматься: они разливаются вправо и влево по пескам и покрытым тиной пространствам, так называемым wadden (по-немецки Watten). Если бы берег полуострова Голландии в собственном смысле уступил напору жидкой массы в некоторых слабых местах, то он тотчас же принял бы вид фрисландских островов; древние озера, расстилавшиеся широкою скатертью под защитою дюн, и из которых сделаны были польдеры, превратились бы в wadden с неопределенными берегами.

Дюны занимают на берегах Голландии и на островах Фрисландии гораздо более значительное пространство, чем на прибрежье Бельгии, и достигают большей высоты: в окрестностях Гарлема и Алькмара встречаются дюны, откосы которых возвышаются над окружающей равниной метров на 60 и которые имеют вид настоящих холмов: с вершины песчаного бугра Блинкерт-Дуин, находящагося на западе от Гарлема, можно окинуть взором почти всю историческую Голландию до города Амстердама.

Высота дюн в Голландии: Гарлемская дюна Блинкерт—60 метров. Дюны Шорль—59 м. Дюны Берген—49 метров. Дюны Вельзен—48 метров. Дюны Гаги—17 метров. Гек ван-Голланд—10 метров.

Подобно тому, как на французских берегах Гаскони, песчаные горки в Нидерландах воздвигаются дующим с моря ветром, и иногда они переходят во внутренния равнины; но по большей части эти горки прикреплены самою природой посредством стеблей растений. При том же, в северном климате влажность остается гораздо дольше в песке, на поверхности дюн, и легкия песчаные частицы, которые ветер легко уносил бы, если бы сухость воздуха уничтожала связь между ними, склеиваются в толстые слои, которые обваливаются массами, вместо того, чтобы обращаться в облака пыли. Дюны в Голландии покрываются даже мшистою растительностью, которая расползается в виде зеленых и желтых площадок, составляющих яркий контраст с белою поверхностью песчаных горок: мох сам по себе мог бы задерживать движение дюн, если бы кролики не рыли своих нор в песке и если бы люди не прокладывали дорог через песчаные бугры. Земледельцы и инженеры с давних пор даже срывают дюны дочиста, или для того, чтобы примешивать песок их к почве возделываемой равнины, или для того, чтобы строить искусственные островки среди болот, чтобы делать насыпи под фундамент зданий или шлюзов, чтобы нагружать балластом корабли; во многих местах даже нашли выгодным, для облегчения перевозки песку, выкопать временные каналы, которые проведены до самого основания разрабатываемой дюны и которые опять засыпают мусором, когда песчаный бугор исчезнет[1], но при этом никогда не трогают внешнего ряда горок, который пришлось бы заменить дорогостоющими плотинами, если бы он был уничтожен неблагоразумными работами или наводнением: так, однажды, около половины нынешнего столетия, во время сильной бури, море грозило прорвать кордон дюн на юге Голландии и опустошить окрестности Дельфта и Гаги[2]. В то время, как на прибрежной полосе французских ландов дюны, не засаженные деревьями и сопровождаемые разрушительною волною прилива, распространялись все далее внутрь материка, проходя, средним числом, по 20 метров в год или по 2 километра во сто лет, песчаные холмы Голландии, даже те, которых почва не укреплена растительностью, составляют самый надежный оплот против вторжения моря. Если морской берег Нидерландов не переставал отступать к востоку, то главною причиной этого явления следует считать не передвижение дюн, а размывание их западного

1 Pictet de Sergy, „Notes sur le Nord-HoHande“; E. de Laveleye, „La Neerlande“.

2 Staring, „Voormaals en Thans“.

основания течениями и приливом. Так, в период с 1843 по 1863 год, то-есть в продолжение двадцати одного года, берег полуострова Голландии был размыт водами моря на 31 метр в ширину[1].

Фрисландскіе и зеландскіе типы.

Хотя защищенная в большой части своей береговой линии от вторжений моря, террито-

1 Staring, „Voormaals en Thans“.

рия, известная ныне под именем низменной Голландии, была, тем не менее, необитаемой почти на всем её протяжении. Торфяники, болота, пловучие острова, тинистые берега и обширные леса, покрывавшие выступившие из-под воды пространства,—такова была страна, которую нужно было осушить и ассенизировать, защитить от наводнений, отвоевать у рек и моря. Над этой сырой землей, расстилается не менее мокрое небо, вечно пасмурное, обложенное облаками, с воздухом, постоянно наполненным водяными парами, которые то ползают в виде тумана, то падают в виде дождя, во всякое время года и преимущественно при западных ветрах, которые всего чаще дуют в этой стране. Среднее количество дождевой воды, выпадающей в Голландии в продолжение года, составляет слой в 0.680 метр. толщины; по временам года количество это распределяется следующим образом: весной—0.148 метр., летом—0,230 метр.; осенью—0,174 метр.; зимой—0,127 метров.

Направление ветров в Утрехте, с 1849 по 1861 г.: западные ветры: (от Ю.-В. к В.-С.-В.) 37 раз—восточные ветры: (от С.-З. к В.-Ю.-В) 18 раз—северные ветры: (от С.-В. к С.-С.-З.) 21 раз—южные ветры: (от С.-З. к Ю. Ю.-В.) 24 раза.

Средняя температура довольно высокая, благодаря теплой атмосфере туманного океана, омывающего берега страны, и даже в январе, самом холодном месяце, термометр обыкновенно держится выше точки замерзания. Исключая Фрисландии и восточной части Нидерландов, где климат имеет несколько континентальный характер в сравнении с климатом Роттердама и Гаги, внутренния воды редко бывают покрыты толстым слоем льда в продолжение нескольких дней сряду: гулянья, ночные кермессы, состязания на коньках далеко не так часты в Голландии, как это можно бы было подумать, видя в музеях множество картин, изображающих эти зимния забавы.

Средняя температура времен года:

	Весна.	Лето.	Осень.	Зима.
Гага	10°,63Ц.	18°,63 Ц.	11°,77 Ц.	3°,4 Ц.
Амстердам	9°	18°	10°,67	2°,57
Арнгем	9°	16°,8 (июль 17°,6)	9°,6	1°,6(янв. 0,6 Ц.)

Но если средняя температура года довольно равномерна, то как быстры и внезапны перемены погоды в один и тот же день, смотря по направлению ветров и облаков! Как только солнце скроется в тумане, по всей природе словно пробежит дрожь; ветер гнет верхушки деревьев и бороздит поверхность воды; море ударяется о берега своими бурливыми волнами, если, впрочем, бесконечная сероватая равнина не погружена и сама в туман, ибо океан, омывающий Голландию, часто является угрюмым и мрачным, без всякого отблеска: это именно то «тяжелое, неповоротливое море», о котором говорит Тацит, сравнивая его в мыслях с игривыми, сверкающими волнами Тирренского моря.

III.

Хотя Голландия занимает более обширное пространство, чем её соседка, Бельгия, но растительное и животное её царства беднее видами сравнительно с бельгийской флорой и фауной. Причину этого следует, без сомнения, искать в относительно меньшем разнообразии почвы и климата, которое представляет первая из этих стран; будучи более однообразною в своих явлениях, природа, понятно, должна была явиться более однообразно и в своих произведениях. Нидерландская территория не заключает в себе областей, которые бы соответствовали Арденнам, Кондрозу, земле Герв, люксембургскому «маленькому Провансу»; но, подобно Бельгии, она имеет свою Кампанью или Кампину и сверх того обширные ланды в провинциях Дренте и Оверисселе; её глинистые земли напоминают бельгийскую область Гесбе, а её польдеры, её осушенные озера составляют продолжение западной Фландрии, в более обширных размерах. Ни одна из этих естественных областей не сохранила лесов, которыми они встарину были покрыты: теперь в Голландии есть местности, где не увидишь даже рассеянных рощиц. Виды диких животных погибли в одно время с исчезновением больших

деревьев. Когда выпускали воду из Гарлемского озера, то на дне нашли скелет лося[1]. Последний волк и последний кабан были убиты уже около ста лет тому назад; в ту эпоху лань уже давно вывелась; в 1825 году, во время необыкновенно большого наводнения, показался последний бобр, чучело которого теперь хранится в музее города Цволле[2]. Даже в морских водах, омывающих Голландию, число животных заметно уменьшилось. В прежнее время осетр и лосось составляли источник богатства для рыболовов Зюйдерзее; но затем обе эти рыбы, беспощадно преследуемые, были совершенно прогнаны из залива.

Нынешнее население Нидерландов сохранило еще в своей наружности очевидные следы расы, предшествовавшей нашествиям германских народов. В провинции Дренте, так же, как в провинции Гельдерн и Овериссель, существует тип смуглых людей, с матовой кожею, резко отличающеюся от ослепительной белизны фризского цвета лица; голова у этих людей более широкая, рост менее высокий, туловище более плечистое. Мертвые тела, погребенные на Зафтингенском кладбище, которое было затоплено во время наводнения 1542 года, замечательны своими черепами, несоразмерно широкими в сравнении с длиной[3]: контраст полный между этим короткоголовым типом (брахицефалы) и типом фризов, наиболее длинноголовых (долихоцефалы) представителей германского племени. Доисторические расы оставили после себя многочисленные следы в южной полосе Нидерландов. Кремни, обтесанные и шлифованные, встречаются в огромных количествах в окрестностях Маастрихта и Рурмонда[4].

Первобытные памятники, подобные тем, которые существовали в таком множестве в Скандинавии и северо-западной Германии, встречаются также в Нидерландах, особенно в провинции Дренте, где они известны под именем hunnebedden, то-есть «лож гуннов», или, может быть, «лож мертвых». Это, в самом деле, древние могилы; оружие, разного рода орудия, украшения, глиняные изделия, собранные под долменами и крытыми ходами этих hunnebedden, были помещены в музеях; но человеческие кости, найденные вместе с этими произведениями искусства, не были оценены так, как оценили бы их исследователи нашего времени: не сохранилось никаких остатков этих костей, которые могли бы быть исследованы современными антропологами. Поэтому нам неизвестно, к какой расе принадлежали первобытные обитатели страны, хотя, рассуждая по аналогии, можно предполагать, что эта раса состояла из людей смуглых, короткоголовых, среднего роста, подобных тем, скелеты которых были найдены под Riesengraber в северо-западной Германии и под Steenhamne в Скандинавии[5]; в таком случае жители смуглого типа, которых мы находим ныне в провинции Дренте, должны быть рассматриваемы как потомки этого первоначального населения. Самое замечательное из существующих в Голландии древних кладбищ—это крытая аллея, сделанная из нагроможденных друг на друга больших камней и похожая формой на верхний щит исполинской черепахи: она возвышается среди голой ланды, недалеко от деревни Тейнарло, на северо-востоке от города Ассена. В самом Ольдензаале, древнем городе салийских франков, тоже есть подобное «ложе мертвых», расположенное в тени больших деревьев и башни одной средневековой церкви. Кроме того, в ландах встречаются какие-то огромные круглые ямы, совершенно правильные и имеющие более 300 метров в окружности, которые, как полагают, служили становищами, где могла поместиться целая толпа людей, укрытая от неприятельских взоров[6].

В соседстве с морем, преимущественно в собственной Фрисландии и провинции Гронинген, можно видеть другие произведения рук человеческих, относящиеся к неизвестной эпохе: это terpen или wierden, искусственные горки, которые древние обитатели края воздвига-

1 Staring, „Voormaals en Thans“.
2 Alph. Esquiros, „La Neerlande et la vie hollandaise“.
3 A. Kenna, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, t. XII, 1878.
4 Bauduin, „рукописные заметки“.
5 Lubach, „De Anthropologie van Nederland“.
6 H. Havard, „La Hollande pitteresque. Les frontieres menacees“.

ли для того, чтобы переселяться на них, со своими домашними животными, во время наводнений. Каковы бы ни были раса и происхождение первых туземцев, постройка этих искусственных бугров была для них вопросом жизни и смерти, и, конечно, все обладатели страны следовали одни за другими на этих островах, служивших убежищем: до тех пор, пока вся территория не была обведена непрерывным рядом плотин, островки terpen, часто подвергавшиеся нападению бурных волн, были единственными обитаемыми местами в крае. Между находимыми на этих горках остатками произведений человеческого искусства, принадлежащими к различным эпохам, начиная от времен торговли с Карфагеном, особенно замечательны маленькия костяные трубки, предшествовавшие эпохе появления в Европе табаку: может быть, эти трубки употреблялись фризами или их предшественниками для курения конопли или каких-нибудь других листьев с одуряющим запахом[1]. Прежде terpen были гораздо многочисленнее; но фрисландские земледельцы съумели оценить важность удобрения, которое представляла глина этих горок, смешанная с навозом, с остатками всякого рода и с илом, приносимым морскими водами в окрестные рвы. Везде принялись копать эти древние насыпи и разбрасывать получаемую отсюда землю по полям, чтобы таким образом обновить плодородие почвы: иная горка, распроданная по мелочам, принесла чистой прибыли от сорока до пятидесяти тысяч франков[2].

Народцы, поселившиеся в стране со времени сооружения древних могил (hunnebedden) и искусственных холмов (terpen), все принадлежат к германскому племени, но не к одним и тем же национальным группам. Фризы, которых мы уже с первых веков истории застаем в северной части Нидерландов и которые, смешавшись более или менее с другими этнографическими элементами, до сих пор населяют эту область, долее всех других обитателей Голландии сохранили свою независимость. Феодальный порядок не мог утвердиться в их земле. «Фризы—гласят их древние законы—останутся вольными до тех пор, пока ветер будет дуть из облаков». Они занимали прежде все прибрежье, окаймляющее на юге Немецкое море; река или пролив, теперь уже исчезнувший, который отделял озеро Флево от океана, принадлежал им на всем его протяжении, а в южном направлении они подвинулись до лимана Рейна; в восьмом столетии поселения их простирались до самого Цвейна, близ Брюгге, на границах Бельгии; но пребывание их в тех местах продолжалось только несколько десятков лет, после чего они были оттеснены на север Голландии. Впрочем, большая часть избытка силы фризов расходовалась за пределами собственной страны: смешиваясь с англо-саксами, они вторгались, вместе с этими последними, в Великобританию. Эти завоеватели, без сомнения, не могли бы выдержать борьбу с коренным населением Британских островов, если бы они не привлекали постоянно с континента новых подкреплений, состоявших из различных племен, фризских, франкских или ютских. По мнению многих английских этнологов, графство Кент было заселено преимущественно фризами[3].

Жители фризской метрополии долгое время составляли между собой союз или федерацию для общей защиты против других германских народцев: каждый год делегаты «семи приморских земель» Фрисландии собирались близ Ауриха, на территории нынешней провинции Ганновер, для совещания об общих делах; каждая из этих областей имела самостоятельное управление: главный начальник, выбираемый народом, должен был приносить присягу на верность основным законам государства перед должностными лицами, назначаемыми посредством всеобщей подачи голосов. Кто бы ни был иностранный государь, которому Фрисландия принадлежала номинально, народ всегда оставался самым республиканским из всех европейских наций[4]: только в половине пятнадцатого столетия он принужден был, наконец, признать,—и на этот раз уже не для формы только,—господина, которого ему навязал император Германии. Весьма вероятно, что Фрисландия сделалась бы политическим цен-

1 Леуварденский музей;—H. Havard, „Les frontieres menacees“.
2 E. de Laveleye, „La Neerlande, Etudes d'economie rurale“.
3 Lubach, „De Antropologie von Nederland“.
4 Lothrop Motley, „Histoire de la fondation de la republique des Provinces-Unies“.

тром страны, получившей впоследствии название Нидерландов, если бы внезапное образование залива Зюйдерзее не разрезало край на два куска, почти совершенно уединив наиболее значительную часть этой провинции. Фризская территория, оставшаяся на западной стороне Зюйдерзее, сделалась мало-по-малу голландскою землей, и фризское население постепенно слилось со своими соседями, голландцами, подобно тому, как, по другую сторону пролива, кентские фризы перестали отличаться от англо-саксонского населения. Центр могущества переместился с лимана Эмса к устьям Мааса и Рейна. В наибольшей чистоте фризское племя сохранилось в западной Фрисландии, на восток от Зюйдерзее. Мужчины этой области отличаются высоким ростом, и вообще они более стройны, чем другие голландцы; плечи у них немного узки, нос длинный, оклад лица овальный и продолговатый, часто нижняя челюсть немного подается назад. Они имеют голубые или серые глаза, желтые, белокурые или светлорусые волосы, редкую белизну кожи. Женщины поражают блеском свежести и красоты и отличаются величественным видом. Эти почти чистокровные фризы теперь говорят уже только по-голландски; употребление старого языка, или, как его называют, «мужицкого фризскаго языка», сохранилось лишь в деревнях внутренней части края, хотя и там все отлично понимают и говорят по-нидерландски. Впрочем, различные общества фризских патриотов заботятся о сохранении употребления и чистоты старинного национального языка.

На юг от Фрисландии в собственном смысле, страна, простирающаяся от восточных берегов Исселя до долины Рейна, носила некогда название земли гамов, гамавов или хамавов; в последнее время римского владычества она составляла часть земли салийцев. Рядом с этою нацией франков, которой суждено было, после крушения римской империи, играть столь важную роль в истории мира, жили другие народы того же корня. Там-то, по берегу Исселя или Салы, был установлен известный салический закон: Салегейм и Виндогейм, о которых упоминается в самом тексте этого знаменитого исторического памятника, сделались деревнями Зальк и Виндесгейм, которые лежат недалеко от Цволле, в нижней долине Исселя; Ольдензааль, который в средние века долгое время носил название Salia Vetus и который, как говорят, был главным городом салийских франков, находится гораздо далее на востоке, близ немецкой границы. В эпоху завоевательного переселения франков другие народности заняли их место, или, вернее сказать, смешались с теми из них, которые остались в крае. Ученые, старающиеся отыскать следы древних салических учреждений, должны изучать в особенности старинные грамоты и обычаи Фландрии и низменной равнины Рейна[1].

В последние годы четырнадцатого столетия появляются саксы или саксонцы, имя которых, впрочем, применялось также ко многим другим, союзным или побежденным, племенам. В восьмом столетии они занимали южную часть провинции Гронинген, далее провинции Дренте, Овериссель, прежнюю страну салийцев: франкская земля сделалась саксонскою. Многочисленные деревни, название которых оканчивается на goo (немецкое Gau, волость), свидетельствуют о группировке различных национальностей, фризской, саксонской, франкской, в земледельческие общины или кланы, составлявшие нечто в роде больших семей, имевших каждая своих особых судей и управлявшихся собственными законами. Франки, которые передвинулись к югу, покрыли своими поселениями всю полуденную Голландию. Естественная бесплодность песчаной области дюн и ландов, где они обитали, и частые наводнения, опустошавшие плодородные земли равнины, часть которой тоже была захвачена ими, побуждали часто переселяться и занимать силой соседния территории: «Hoog van moed,—Klein van goed,—Een zwaard in de hand,—Is't wapen van Gelderland» (сильный отвагой,—бедный деньгами,—с мечем в руке,—вот герб Гельдерланда), говорит одна пословица, распространенная в провинции Гельдерн. Впрочем, нет никакого сомнения, что под именем франков понимали народности весьма различные по происхождению, между прочим, и батавов, пришедших из Гессена, которые поселились на аллювиальном острове, заключающемся между рукавами Рейна, Леком и Ваалом, и который до сих пор еще носит название Бетуве (Betuwe, по Мотлею, от слов bet auw, «хороший луг»). Здесь именно мы

1 Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".

должны искать географический центр Голландии, и не без причины имя народца, занимавшего этот уголок Нидерландов, было перенесено в классическом языке на всю голландскую нацию. Что касается зеландцев или Zeeuwen, этих потомков древних менапиев морского прибрежья, фризских завоевателей, пиратов саксонского происхождения, то они долгое время смотрели на себя как на особый народ; отделенные от континентальных голландцев, они естественно приобрели отличительные черты, приспособляясь к окружающей их среде. Они замечательны в особенности высоким ростом, большею живостью походки и манер сравнительно с другими голландцами, кротостью взгляда, мягкостью произношения. Наконец, сильная галльская раса, от которой произошли валлоны в соседней Бельгии, вероятно, существовала также в голландском Лимбурге и Брабанте. Когда из Зеландии или из Голландии в тесном смысле въезжаешь в Брабант, то тотчас же бросается в глаза контраст между жителями этих провинций. Мужчины более рослы, более белокуры, с более красным цветом лица, женщины более сильны и менее стройны. Раса отличается более сангвиническим, более пылким характером, менее регулярна и менее методична в своих привычках. Притом же различию племени соответствует и разница религий. Огромное большинство брабантцев и лимбуржцев исповедуют римско-католическую веру[1].

Большая часть историков согласны между собой относительно того факта, что в общих чертах границы различных народностей, населяющих Нидерланды, совпадают с пределами геологических формаций. Смешанные племена нижне-германских колонистов обитают на низменных землях лиманов и рейнской дельты; голландцы саксонского происхождения населяют местности, покрытыя наносными песками, тогда как фризы занимают аллювиальные страны: различным формациям соответствуют различные роды культуры и способы обработки почвы, и населения, естественно, сгруппировались сообразно своим нравам, склонностям и своему природному гению; точно также и породы домашних животных, употребляемые жителями для сельских работ, различны, изменяясь от области песков до области польдеров[2]. Две провинции, где население наиболее смешанное, суть именно те области, которые носят специально имя Голландии: в этих провинциях находятся главные города страны, и в них же совершились важнейшие события национальной истории.

Острова залива Зюйдерзее, Урк и Маркен, остатки более обширных, исчезнувших земель, заключают население, которое ученые считают очень древним и которое отличается от жителей соседнего прибрежья не только нравами, но также и формой черепа[3]. Такое же различие представляли и обитатели острова Схокланда, теперь покинутого. Урк интересен, как одна из тех земель, которые физиологи приводят в пример безвредности браков между близкими родственниками. Очень редко случается, чтобы житель острова женился на чужой женщине. Здесь все родня между собой; все семьи породнились посредством брачных союзов, все жители похожи друг на друга ростом, чертами лица, цветом глаз и волос. Несмотря на то, жители Урка не только не представляют ни малейших признаков вырождения, но, напротив, они замечательны силой, стройным телосложением, широкостью в плечах. Женщины—настоящие красавицы, но у них есть что-то мужское в манерах. Болезни редки между туземцами, за исключением, впрочем, оспы, потому что местные приверженцы старины всеми силами воспротивились введению оспопрививания. Число жителей Урка постоянно возрастает; оно увеличилось более чем в восемь раз с половины семнадцатого столетия, и каждый год много молодых людей, которых остров не может уже прокормить, отправляются искать счастья на чужбине.

В продолжение войны за независимость и в первые времена, следовавшие за основанием Соединенных провинций, население Голландской республики увеличилось большим числом иммигрантов, пришедших из Бельгии, и между этими переселенцами, без сомнения, находились некоторые из лучших её граждан, ибо это были люди, бежавшие из побежденного

1 H. Havard, „La Hollande pittoresque, Le coeur du pays“.
2 Staring, „Voormaals en Thans“, p 34.
3 Lubach, „De Antropologie van Nederland“.

отечества, чтобы остаться вольными. Потому, может быть, Голландия и обязана своим торжеством, и если впоследствии она сделалась, в некоторых отношениях, первой нацией в Европе, то этим она также была обязана отчасти знаниям и нравственному достоинству этих иностранцев, пришедших просить у неё убежища. Легко понять, какое важное историческое значение должен был иметь для страны этот народ иммигрантов, в рядах которого встречались такие люди, как Филипп де-Марникс, Гейнзиус, Иорданс, Франц Гальс, Эльзевир, Исаак Лемер, полководцы, дипломаты, поэты, живописцы, ученые и мореплаватели[1]. После отмены Нантского эдикта, другие изгнанники за веру явились толпой искать приюта в Голландии; эти новые переселенцы, вышедшие из более далекой страны, чем бельгийские беглецы, прибыли из Франции, преимущественно из западной и южной её частей, принеся, с своим собственным гением, новые промышленности, другие торговые связи: в течение долгого времени между городами Голландии и селениями Севеннских гор существовали непосредственные торговые сношения по обмену земледельческих продуктов и мануфактурных товаров. И теперь еще голландцы французского происхождения, принадлежащие по большей части к так называемой «валлонской» протестантской церкви, довольно многочисленны, чтобы поддерживать между собой некоторую связь и употребление родного языка. Благодаря своему образованию, они пользуются значительным влиянием в крае; но в этом отношении их, вероятно, опередили другие потомки иммигрантов, последователи Моисеева закона, огромное большинство которых ведет свой род от немецких евреев, поселившихся в Голландии. Испанские или португальские евреи, гораздо менее многочисленные, составляют как-бы аристократию между своими единоверцами. До начала нынешнего столетия эти выходцы с Пиренейского полуострова говорили в своих семействах испанским или португальским языком; в синагоге они молились попеременно—по-португальски и по-еврейски[2].

Разсматриваемые не в бесконечном разнообразии отдельных личностей, но в той совокупности, которая называется народом, голландцы имеют больше прав на уважение, чем все другие нации. Каждый народ должен был с большими усилиями завоевывать свое существование, ведя борьбу в одно и то же время с природой и с своими соседями; но ни одному народу не приходилось, как это пришлось нидерландской нации, создавать самую землю, на которой он живет. Чтобы совершить подобный труд, нужна была могучая сила воли, и нужна была постоянно, каждую минуту; первый отважный шаг нужно было поддерживать непобедимою настойчивостью. Сильные в предприимчивости, еще более твердые в сопротивлении, в преследовании задуманной цели, голландцы, может быть, из европейцев наиболее отличаются естественною простотой, потому что историческая жизнь их была самая деятельная сравнительно с жизнью других народов. Не торопясь давать обещания, они всегда держат свое слово, даже больше того, на что оно позволяло надеяться; они не кидаются легкомысленно ни на какое предприятие, но когда ими принято решение, то они не останавливаются до тех пор, пока не победят судьбу; они долго думают, но, раз решившись на что-нибудь, принимаются за дело с неутомимой энергией и без всякой задней мысли. Голландцы отличаются редким здравым смыслом: только благодаря этому качеству, они могли так успешно вести борьбу с океаном. Самый обыкновенный их недостаток—это рутина, привязанность к издавна усвоенным привычкам; как людям медлительным и методическим, привыкшим к настойчивому труду, им трудно обновляться, изменять свои взгляды, наложить руку на старинный обычай. Они не угрюмы, не печальны, какими они часто кажутся: они только молчаливы и серьезны; они менее разговорчивы, нежели бельгиец, реже смеются, чем он. Но который из этих двух народов более счастлив? Без всякого сомнения, тот, который кажется менее счастливым[3]. Однако, когда голландцы веселятся, то веселятся от всей души; они всецело предаются радости и шумному удовольствию. Глядя на их веселые народные праздники, невольно вспоминаешь картины Ван-Остаде, Теньеров, Броуверов, Стеков и

1 Gaillard, „Memoires de l'Academie de Belgique“, t. VI, 1853.

2 Alph. Esquiros. „Neerlande et la vie hollandaise“.

3 Ramon de la Sagra, „Vyage en Hollande et an Belgique“.

многих других голландских мастеров.

Голландская добродетель, которая всего более бросается в глаза иностранцу,—это изысканная чистоплотность жителей. Самые убогия жилища содержатся в Голландии с такою заботливостью, какой напрасно стали бы искать в пышных палаццо Южной Европы; чистить, мыть, прибирать—таково каждый день и в продолжение целых часов главное занятие голландских женщин на всем пространстве нидерландской территории. Правда, что в этом сыром климате, на этой полузатопленной земле, с которой поднимаются опасные испарения или миазмы, необходимо поддерживать крайнюю опрятность в домах и удалять из них все, что могло бы увеличить естественную нездоровость страны; но многие наблюдатели справедливо заметили, что голландцы утрировали свою национальную добродетель до такой степени, что она нередко переходит у них в порок. Особенно в провинции Северной Голландии эта страсть к чистоте может превратиться в манию; иные жилища, где самый взыскательный глаз не откроет ни пылинки, где все блестит, точно в ларчике с драгоценностями, были бы необитаемы для всякого другого человека, кроме туземцев, а в парадные комнаты они вступают всегда с некоторою торжественностью. Хлевы для скота голландцы держат в такой чистоте, как салоны, и коровы не могут даже свободно располагать своим хвостом, который обыкновенно привязывается к потолку, из опасения, чтобы неблаговоспитанные животные не запачкали своего лоснящагося платья. Некоторые деревни расположены в целом с такою мелочною правильностью, что при виде их невольно задаешь себе вопрос, не игрушка ли это, сделанная на удивление глупцам. Истинного искусства не ищите в этих чистеньких жилищах, где все устроено и расположено по самой педантической рутине; сама природа должна сообразоваться с методическим вкусом домовладельца, и во многих садах деревья не только подстригаются, но еще и раскрашиваются в разные цвета[1]. Вообще, голландцы, хотя и прославились в истории искусства тем, что у них возникла одна из великих школ живописи, не могут похвалиться артистическим чутьем и вкусом. Города их имеют оригинальный отпечаток; ладьи, снующие по улицам, мосты, поднимающиеся и опускающиеся над каналами, деревья, свесившиеся над водой,—все эти характеристические черты голландского города производят приятное впечатление; красные кирпичные дома, фасады которых выглядывают из-за зелени садов, имеют оригинальный вид, но эти дома далеко нельзя назвать красивыми, и вычурные украшения, которыми они изобилуют, только безобразят их.

В многих частях Нидерландов национальная оригинальность проявляется еще в сохранении старинных костюмов. У самых ворот Гаги путешественник с удивлением встречает моряков и рыболовов, старых и малых, одетых однообразно в длинные плащи из синего сукна, обутых в тяжелые деревянные башмаки (сабо) безукоризненной белизны. В Зеландии, крестьяне, более щеголеватые в одежде, до сих пор носят короткие штаны, пристегиваемые к поясу серебряными пряжками; их красный жилет, вышитый узорами разных цветов, смотря по религии, исповедуемой поселянином, застегивается на двадцать больших филиграновых пуговиц; черная бархатная куртка своей простотой составляет резкий контраст с остальным костюмом[2]. Женщины, хранительницы нравов, всего лучше сохранили старинные костюмы и украшения в большей части голландских провинций. Еще недавно жительницы местечка Гинделопен, лежащего на восточном берегу залива Зюйдерзее, славились необыкновенным богатством и разнообразием своих нарядов, видоизменявшихся до бесконечности, смотря по возрасту и общественному положению тех, которые их носили, и полагают, что эти местные моды были наследием длинного ряда предков. Во всех провинциях Нидерландов до сих пор можно увидеть там и сям следы костюмов, установленных некогда силой предания. Так, например, в городах и теперь еще почти все служанки носят ситцевые платья с фиолетовыми цветками или полосками.

Фризские женщины и голландки в тесном смысле, то-есть жительницы провинций Северной и Южной Голландии, особенную важность придают традиционной моде своего го-

1 Pictet de Sergy, „Lettres sur la Nord-Hollande“.

2 Ch. de Coster et Adolf Dillens, „Tour du Monde“, XXVIII, 1874.

ловного убора. В деревнях очень многие крестьянки носят не только дорогия серьги, но еще золотые бляхи на висках, или даже драгоценные украшения, покрывающие лоб, булавки, грозно торчащие по бокам головы, спирали, обрамляющие щеки, так что, под чепцом из тонких кружев, весь этот головной убор блестит точно золотая каска. Некоторые из головных уборов имеют очень странный вид; другие, напротив, довольно изящны и увеличивают красоту лица. Женщины Фрисландии, гордые и серьезные, имеют очень внушительную мину под этою золотою диадемой. Крестьянки, без сомнения, давно перестали бы носить эти тяжелые головные уборы, если бы последние не имели в их глазах большой цены, как дорогая вещь: если бы какая-нибудь поселянка отказалась от ношения такого убора, то люди, пожалуй, приняли бы это скорее за признак бедности, чем за доказательство хорошего вкуса[1]; вид блестящего шлема и его украшений издали возвещает женихам и соперницам, каким количеством «бочек золота» обладает молодая наследница, являющаяся во всем блеске своих нарядов. Однако, бедные девушки очень легко могут подражать богатым крестьянкам, украшая себя фальшивыми драгоценностями, для того чтобы местная мода, причина преждевременной плешивости, не утратила постепенно своего господства в пользу общей моды, которая позволяет беспрепятственно расти волосам и даже преувеличивать пышность шевелюры.

Различными своеобразными обычаями, так же, как сохранением отчасти старинной национальной одежды, голландский народ свидетельствует о своей самобытности и стойкости. Он остается самим собою в том движении торговли и науки, которое мало-по-малу разрушает политические перегородки между государствами. Замечено, что с 1866 года контраст сделался больше по обе стороны границы, разделяющей Голландию и Германию. До этой эпохи ганноверцы и голландцы, имея сходные нравы и обычаи, говоря почти одинаковым языком, жили бок-о-бок, как добрые друзья; но вдруг с востока явились к самой голландской границе немецкие чиновники, говорящие другим наречием, навязывающие другие порядки—и национальные различия сразу обнаружились в более резкой и определенной форме, чем в какой они проявлялись прежде[2]. Это недоверчивое отчуждение голландцев от своих соседей —явление не новое в истории: не раз случалось в последние три века, что они принуждены были, так сказать, сосредоточиваться в самих себе, в виду угрожавшей им со всех сторон опасности. Их национальная индивидуальность окрепла от этого, но это продолжительное усилие принесло также свою долю вреда голландскому народу. Принужденная долгое время держаться особняком от остальной Европы, чтобы тем вернее сохранить свою независимость, Голландия в конце концов приобрела недостатки, которые всегда бывают следствием изолированности. Она перестала жить мировою жизнью, утратила гибкость ума и остановилась, до известной степени, в идеях и обычаях прошлого. Занимая некогда первое место в ряду европейских наций, она дала опередить себя во многих отношениях своим соседям. Что бы ни говорила известная пословица, современная Голландия не достаточно имела истории; она слишком замкнулась в своей тесной области, которую она. впрочем, съумела великолепно устроить.

IV.

Обратное завоевание почвы, захваченной морем, и преобразование болот в культурные земли—такова была, в самом деле, главная задача нидерландского народа. Географы пытались определить пространство земель, которые море похитило у Голландии с начала исторических времен; но относящиеся сюда факты слишком мало известны для того, чтобы подобные вычисления могли иметь цену, хотя бы даже приблизительную. Считая только с начала тринадцатого столетия, то-есть с эпохи, с которой физические перевороты, совершавшиеся в стране, уже известны в общих чертах, можно с большею уверенностью пускаться в область предположений: площадь земель, захваченных морем в этот короткий геологический период, обнимающий около семи сот лет, исчисляют приблизительно равною от одной пятой до од-

1 Theophile Gautier, „Loin de Paris“.

2 H. Havard, „La Hollande pittoresque; Les frontieres menacees“.

ной седьмой общей поверхности Нидерландов.

Земли Голландии, поглощенные морем во время наводнений: тринадцатого столетия—3.080 кв. километров; четырнадцатого—330; пятнадцатого—825; шестнадцатого—550; семнадцатого—275; восемнадцатого—55; размыто морского берега в продолжение шести столетий —935 кв. километр.; итого[1]—6.050 кв. километров.

Но если неутомимый океан делает завоевания на твердой земле, то человеческое искусство, не убоявшееся принять борьбу с грозной стихией, уже вернуло больше половины этого затопленного водой пространства. История не рассказывает об этом длинном, многовековом труде, потому что он ведется медленно и терпеливо: он не поражает воображения, как внезапные нападения моря, которые иногда в один день уничтожают работу целого столетия, но человек не устает, не падает духом; он снова принимается за дело после каждой катастрофы, вооруженный вспомогательными средствами, которые дает ему наука.

Говорят, что первые плотины для защиты от моря были воздвигнуты в девятом столетии норманнами на островах Зеландии[2]; но все оградительные валы, построенные на морском берегу до больших бурь пятнадцатого столетия, были снесены волнами. Дело отвоевания у океана захваченных им земель приняло значительные размеры только в конце шестнадцатого столетия, то-есть с наступлением периода республиканской свободы. Индивидуальная инициатива, развившаяся под влиянием сознания национального величия, побудила граждан предпринять колоссальные работы, подобными которым не могла похвалиться никакая другая страна. Уже в 1270 г. одно озеро, Миддельзе, было обведено плотинами, а в 1533 году взялись за озеро Зейн, близ Алькмара, чтобы осушить его площадь, равную 5.600 гектарам[3]. В начале семнадцатого столетия озеро Бемстер, в провинции Северной Голландии, также было окружено плотинами и преобразовано в луга. Затем, все на том же полуострове, озера Пурмер, Гуговаард, Шермер и некоторые другие тоже, в свою очередь, были превращены в твердую землю и покрылись пашнями и лугами. На островах Зеландии, на берегах Фрисландии обширные пространства береговой полосы прибавились к соседним равнинам. Голландцы той славной эпохи, работы которых можно без преувеличения сравнить с грандиознейшими предприятиями, исполненными в новейшие времена, сделались учителями в гидравлическом искусстве, так что к ним стали обращаться со всех сторон с предложением быть руководителями в устройстве сооружений для защиты берегов от вторжения вод. Многочисленные «маленькия Фландрии» или «маленькия Голландии» были завоеваны ими на болотах во Франции, в Англии, в Германии; колоссальное дело, совершенное в их собственном отечестве, служило образцом другим работам того же рода во всей Западной Европе. Правда, в восемнадцатом столетии голландцы, менее ревностные в отношении политической свободы, чем они были в первое время своей национальной независимости, занимались также менее деятельно и по части расширения своей территории насчет моря; но в XIX столетии, начало которого ознаменовалось регулированием устья Рейна и осушением окружающих болот, предприятия по обратному завоеванию потопленных земель были ведены с необыкновенной энергией. В пятьдесят лет, с 1815 до 1865 года, пространство в 45.000 гектаров с лишним, то-есть территория, равная квадрату, каждая сторона которого около 21 километра, была обратно отвоевана у вод. Благодаря сети плотин, разделяющих все земли, присоединенные в виде правильных геометрических фигур, можно было с математическою точностью вычислить площадь польдеров, прибавленных с начала шестнадцатого столетия к равнинам Голландии: все пространство почвы, которым снова овладели голландские земледельцы, простирается до 380.000 гектаров. По исчислению геолога Старинга, обратное завоевание земель у моря в Нидерландах, на север от реки Маас, представляло следующие цифры:

До 1540 года—18.971 гект.; с 1540 до 1566 г. (война за независимость)—16.186 гект., в

1 Arends, „Physische Gesclichte der Nord-See Kusten“.

2 I. G. Houzeau, „Essai d’une geographie physique de la Belgique“.

3 Staring, „Voormaals en Thans“.

год—621 гект.; с 1566 до 1584 г. (смерть Вильгельма Оранского)—317 гект., в год—17 гект.; с 1584 до 1609 г. (двенадцатилетнее перемирие)—11.617 гект., в год—464 гектаров; с 1609 до 1648 г. (Вестфальский мир)—31.686 гект., в год—813 гект.; с 1648 до 1672 г. (война с Людовиком XIV)—4.688 гект., в год—195 гект.; с 1672 до 1748 г. (конец войны за австрийское наследство)—6.384 гект., в год—84 гект.; с 1748 до 1795 г. (нашествие французов)—14.668 гектаров, в год—312 гект.; с 1795 до 1815 г. (французское господство)—7.908 гект., в год—395 гект.; с 1815 до 1875 г.—57.807 гект., в год—963 гект.

Если работы и впредь будут продолжаемы в таких же размерах, как с начала нынешнего столетия, если обширные проекты инженеров будут приведены в исполнение, то можно с уверенностью предсказать, что еще до конца жизни третьего поколения приобретение земли во владениях океана уравновесит, и даже с избытком, захваты морских вод в пределах материка. Что касается ценности вновь приобретенных земель, то она много превышает ценность потерянной в прежнее время почвы: считая по 1.500 франков за гектар, общая стоимость отвоеванных у моря до 1875 г. пространств простирается до 406.700.000 франков. В настоящее время поверхность Голландии, по вычислению Старинга, увеличивается, средним числом, на 3 гектара в сутки. Таким образом пространство страны, так же, как и население, возрастает с каждым годом[1].

Впрочем, нужно сказать, что во многих местах сама природа помогает человеку и подготовляет дело реставрации континента. Вдоль побережья, где воды прилива разливаются по отмелям, например, в так называемых wadden, отделяющих фрисландские острова от материка, морские наносы, смешанные с мириадами маленьких животных, возвышают мало-помалу тинистые берега; вскоре эти берега обнажаются уже в час половинной высоты прилива, и птицы несметными стаями садятся на эти отмели, чтобы клевать раковины, оставленные отливом. Тинистая поверхность, всегда мокрая, даже в период отлива, блестит на солнце: отсюда и название blick, которое обыкновенно дают этим пространствам. Новая земля, хотя представляющая уже элементы плодородия, не считается еще, однако, вполне «созревшею»; чтобы обвести ее плотинами, ждут, пока слой ила достигнет значительной высоты и соляные растения сменятся какими-нибудь болотными и луговыми травами. Окрепшие тинистые пространства, известные, смотря по наречиям, под именем шорренов (Schorren) или квельдеров (kwelder), представляют отличный корм для мелкого рогатого скота, и с этой поры ценность их становится уже настолько значительна, что земледелец находит выгодным приняться за обведение их плотинами[2]: по образному языку многих коммунальных гербов, с этого времени пучки колосьев могут выроста из спиралей раковины[3]; в продолжение сорока или пятидесяти лет подряд новые земли дают великолепные урожаи без всякого удобрения. Во многих местах два острова, удаленные некогда один от другого, соединяются посредством своих шорренов или квельдеров, и тогда двух поперечных плотин достаточно для того, чтобы соединить их в одну землю. Так, в 1807 году десятка два роттердамских негоциантов составили компанию с целью превратить в культурные земли весь рукав моря, отделявший Восточный Бевеланд от Южного. Начиная с двенадцатого столетия возделываемая поверхность островов Зеландии увеличилась этим путем по меньшей мере на 100.000 гектаров[4].

Главные плотины, долженствующие выдерживать напор бурных волн, представляют крепкие оплоты, где жители, для устранения постоянно грозящей опасности, собрали всевозможные элементы сопротивления. Огромные внешния сваи, соединенные посредством толстых дубовых досок с другим рядом свай, расположенным позади первого, обложены фашинами и циновками, о которые разбивается морской вал, и все деревянные части скрыты под железною оправой из гвоздей с плоскими шляпками, для того чтобы моллюски не могли прицепляться к бревнам и доскам. Эти эстакады поддерживаются грудой больших гранит-

1 Stanna, „Voormaals en Thans“; E. de Laveleye, „Revue des Deux Mondes“, 1 avril 1864.

2 A. de Laveleye, „Afiaissemet du sol et envasement des fleuves“; Emile de Laveleye, „La Neerlande“.

3 Meyners d'Estrey, „Explorateur“, № 63, t. Ш.

4 Staring, „Voormaals en Thrans“.

ных камней, привезенных с большими издержками из ландов провинции Дренте или даже из Норвегии; средним числом, плотина имеет от 8 до 10 метров в вышину и от 50 до 100 метров в ширину. В иных местах, особенно в новейших сооружениях, возводимых под руководством коронных инженеров, монументальные жете заменены насыпями из песку, которые поддерживаются сваями и платформами из фашин. Камни теперь употребляются только для защиты основания насыпей. Одно из главных технических достоинств колоссальных гидравлических сооружений Голландии состоит в том, что они были выполнены в самых трудных условиях и с материалами дурного качества. В большей части европейских стран подпочва, на которую опираются фундаменты построек, достаточно крепка; почти везде это твердая скала, и для постройки быков и плотин обыкновенно употребляются камни или песчаник. Совсем не то в низменных частях Голландии: там сколько ни рой землю, все будешь находить мягкий, полужидкий грунт, и оттого там всякий фундамент нужно ставить на сваях и фашинах; насыпи, служащие опорой для зданий и железнодорожных поездов, сами, так сказать, плавают на топкой почве[1]. Близ Шидама, при постройке железной дороги, принуждены были в продолжение целого года высыпать по двадцати пяти вагонов песку в день, пока вязкий грунт не окреп настолько, что можно было приступить к укладке рельсов.

Огромные расходы по содержанию в исправности плотин несет синдикат землевладельцев; но иногда случается, что доходы с обведенных плотинами земель оказываются недостаточными на покрытие этих расходов: тогда польдеры объявляются «в бедственном положении», и государство должно помогать местным жителям в защите их полей и домов от наводнений. В тех частях побережья, где течения идут вдоль берега, разрывая морское дно, содержание плотин обходится очень дорого, так как в этом случае нужно пытаться уничтожить силу течения посредством перемычек, или дамб, выведенных перпендикулярно к берегу; но часто все эти усилия оказываются безуспешными, прокапывание дна течением продолжается, и плотина, подтачиваемая при основании, того и гляди обрушится разом в глубокую воду: там, где находились поля и жилища, вдруг образуется огромный провал. Чтобы предупредить катострофу, перед опасными местами погружают в воду так называемые Zinkstukken, обширные плоты из тростника и переплетенных древесных ветвей, нагруженные камнем: эти искусственные банки, имеющие иногда до 100 метров в ширину, отклоняют глубокое течение и тем предохраняют берег от разрушения[2]. Но когда, несмотря на все оградительные сооружения, провал все-таки образуется, то почти всегда успевали заблаговременно построить вторую плотину, и воды, вторгнувшиеся в польдеры, остаются запертыми в промежуточном пространстве, где долгое время расходуется их разъедающая сила. В половине нынешнего столетия общую длину главных плотин Голландии, не считая бесчисленных контр-плотин и боковых плотин, исчисляли в 2.500 километров. Издержки сооружения этих приморских оплотов простирались до 280 миллионов франков[3]. Что касается старых плотин, которые, вследствие завоевания новых польдеров на прибрежной полосе, остались далеко внутри материка и сделались бесполезными, то главный материал их, глину, употребляют в виде удобрения, примешивая ее к песчаным или слишком жирным почвам; земледельцы раскапывают эти плотины, как упомянутые выше терпены, и таким образом обновляют плодородие своих полей.

Из всех областей нидерландской территории самых обширных и самых дорогих сооружений для защиты от моря потребовал архипелаг Зеландии. Подобно гранатовому яблоку, каждая ячейка которого содержит зернышко, совокупность островов, образующих эту область, состоит из множества перегородок многоугольной формы, и каждая из этих перегородок заключает отдельный польдер, покрытый зеленеющими лугами и полями. Путешественник, проезжающий архипелаг по лиманам и каналам, может подумать, что он плывет по широким оборонительным рвам между линиями укреплений; он проходит мимо всех остро-

1 Croisette-Desnoyers, „Notice sur les travaux publics en Hollande“.

2 H. Havard, „La Hollande pittoresque, Le coeur du pays“.

3 Arends;—Belpaire, „Plaine maritime depui“ Boulogne jusqu'au Danemark“.

вов, от Тернейзена и Роттердама, ни разу не видя их внутренней части, скрытой от взоров высокою оградою из плотин[4]. Понятно удивление, испытываемое жителями внутренних волнистых областей страны, когда они впервые пускаются в этот лабиринт болотистых островов, с таким трудом защищаемых от нападения морских волн: Zeelant geen lant;—Ik houdet metten heykant (Зеландия—это не земля; я больше люблю твердую почву), говорят брабантцы. Герб Зеландии превосходно обрисовывает физическое состояние страны, в то же время, как и нравственную энергию её жителей: он изображает льва, борющагося против волн, в которые он на половину погружен. Под этим гербом написан следующей девиз, еще более прекрасный, чем девиз города Парижа: Luctor et emergo (борюсь и выплываю).

Плотина, которая защищает на западе остров Валхерен против вторжения морских волн, замыкая брешь в цепи дюн, есть, бесспорно, чудо строительного искусства и, может быть, самое важное из сооружений, воздвигнутых голландскими инженерами. Часто можно услышать замечание, что эта плотина, называемая Весткаппельской, по имени деревни, находящейся у её внутреннего основания, могла бы быть построена с меньшими издержками, если бы она была отлита из бронзы или обшита серебряной броней. Построенная за несколько столетий до нашей эпохи, может быть, в девятом веке, она была много раз прорываема во время сильных бурь на море; еще в 1808 году она уступила напору волн, и весь остров покрылся на некоторое время водой, так что по улицам его городов и деревень жители плавали на лодках. После этой катастрофы, Весткаппельская плотина была перестроена еще выше и крепче, но по прежнему профилю, отличному от профиля, который нынешние инженеры предпочитают для новых плотин. Имея в длину только 3.800 метров, плотина, о которой мы говорим, поднимается на 7 слишком метров над средним уровнем моря, представляя волнам скат длиною более 90 метров, очень мало наклоненный к горизонту и на котором вода тихо разливается. Кроме того, эстакада, составленная из одиннадцати параллельных рядов свай, соединенных посредством поперечных свай и балок, защищает всю внешнюю часть откоса. Самая эстакада защищена каменным бутом, а выше её откос обложен двойной настилкой из кирпича и камня. Еще выше обломки базальтовых колонн, привезенные с Семигорья (Зибенгебирге), защищают скат плотины в том месте, где ударяются бурные волны, а на остальной части плотины, до самой вершины, лежит толстый слой глины. По гребню плотины, имеющему 12 метров в ширину, проведена служебная железная дорога, параллельно которой идет обыкновенная колесная дорога[1].

Но плотины, как бы ни были колоссальны их размеры, не принесли бы никакой пользы, если бы низменные земли, окончательно отделенные от моря в наибольшей его высоте, бывающей в периоды прилива, не были в то же время освобождаемы от накопляющейся в них болотистой воды. Между тем эти земли находятся по большей части ниже среднего уровня морских вод: в области прибрежья нет ни одного польдера, который бы не был отмечен инженерами-гидравликами как лежащий ниже А. Р., то-есть идеальной плоскости, продолжающей через всю страну средний уровень залива Ий в амстердамском порте (Amsterdamsch Peil): есть даже один польдер, именно польдер Зюйдплас, близ Гуда, поверхность которого лежит на 5,61 метр. ниже нуля мареографа. Пока еще польдеры не осели, что совершалось постепенно, вследствие высыхания торфяного покрова, земледельцы могли удалить с полей излишек воды, открывая, в часы отлива, шлюзы, устроенные в толще плотин; но мало-по-малу оседание почвы заставило прибрежных жителей употреблять для этой цели искусственные средства более сложные, именно водокачальные мельницы. В начале тринадцатого столетия, как говорят, были введены во Фландриях и оттуда в Голландии первые ветряные мельницы, сделанные по образцу тех, которые крестоносцы видели на Востоке: но с той эпохи сколько разнообразных форм принимали эти живописные постройки, от бревенчатого помоста до настоящего архитектурного памятника, укрывающего красивые домики под своею высокою кругообразной галлереей! Около 1850 года в Голландии насчиты-

4 Edmondo de Amicis. „Olanda“.

1 Croisette-Desnoyers, „Notice sur les travaux publics on Hollande“.

вали до 9.000 ветряных мельниц, работавших над выкачиванием воды с польдеров; но теперь тысячи этих мельниц служат уже другим промышленным целям: паровые водокачалки, редкия в ту эпоху, устроены ныне повсеместно в большом числе и позволяют достигать большей правильности в содержании и возделывании полей. Одной такой паровой мельницы достаточно для сотен гектаров земли, потому что годовое испарение почти уравновешивает годовое количество дождя: излишек атмосферной воды, выпадающей в продолжение зимы, испаряется в течение весны и лета, как показывают следующие результаты наблюдений[1]:

Среднее выпадение атмосферной влаги и испарение в Голландии:

	Летом.	Зимой.	За весь год.
Атмосф. осадки	0,266 метр.	0,371 метр.	0,637 метра.
Испарение	0,403 »	0,170 »	0,573 »

Иногда все польдеры в окрестностях Лейдена бывают покрыты водой на необозримое пространство в продолжение двух месяцев, февраля и марта, и нет никакой возможности удалить эту воду до тех пор, пока не понизится уровень рек.

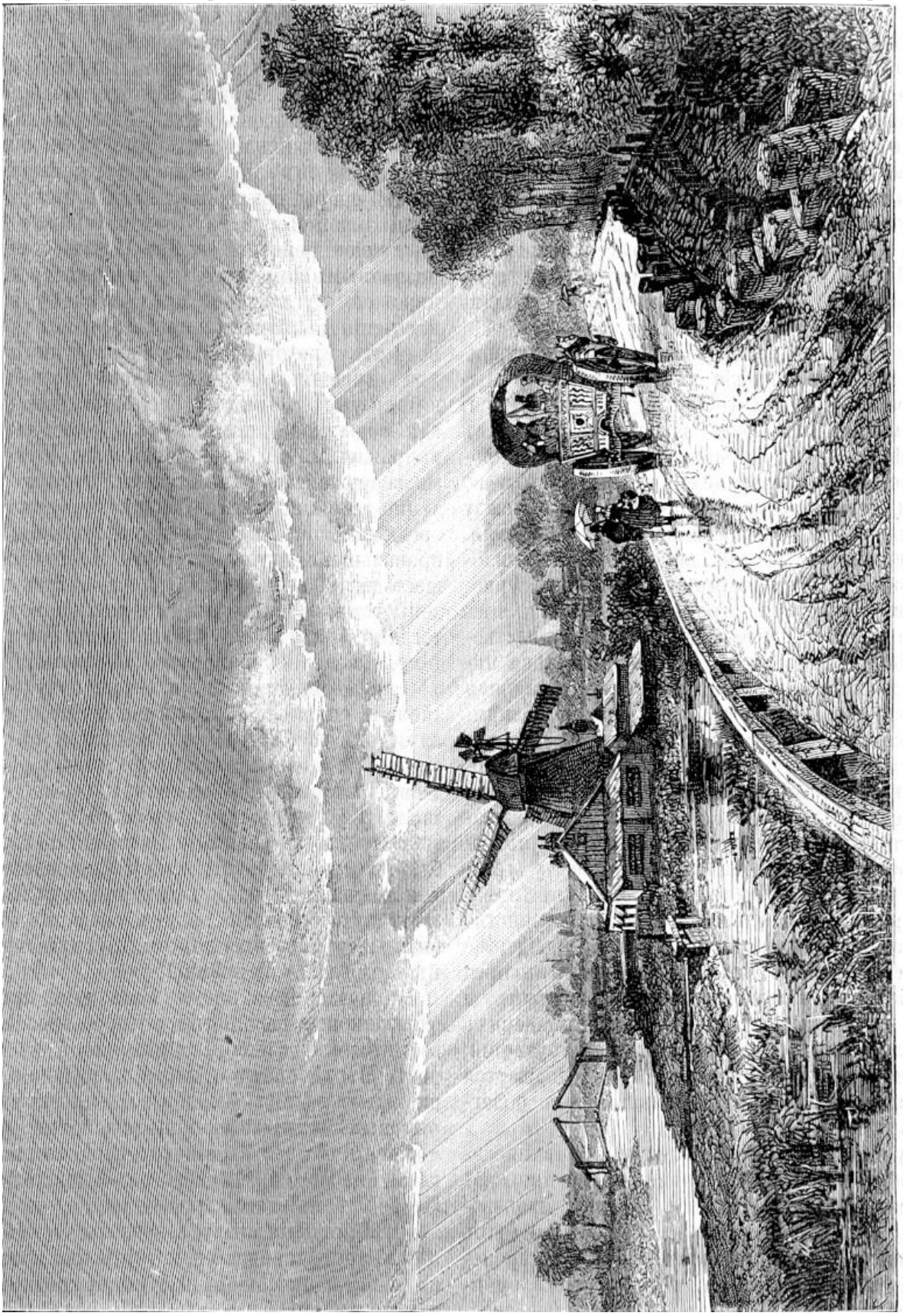
Самое название польдер, даваемое обведенным плотинами и ассенированным землям, напоминает болотистое состояние, в котором находились перед тем очень многие из таких вновь приобретенных пространств, так как слово poel, от которого произошло это название, означает «болото» или «лужу». В прежнее время большая часть осушенных озер оставляли следы своего существования в виде стоячих вод, которые и после осушения наполняли еще самую глубокую часть впадины, служившей озерным бассейном. В иных местах болота были слишком обширны и имели слишком неопределенные берега, чтобы можно было сразу предпринять их осушение; в этом случае прибрежные крестьяне начинали работу завоевания земли по всей окружности стоячих вод, и по причине правильного наклона ложа вышло то, что во многих местах гряды почвы, поднятой над поверхностью воды, расположены в виде сходящихся лучей, напоминая своей формой форму некоторых кристаллизующихся веществ. Рядом со старыми польдерами, медленно растущими, из году в год, от прибавления маленьких кусков земли, простых островков, расстилаются обширные поля, осушенные сразу и, так сказать, насильственно всемогущим действием пара. Взгляд, брошенный на карту, тотчас же показывает разницу способов осушки: здесь—мы видим контуры, совпадающие с кривыми уровня, рвы, следующие по легкой наклонности почвы, полосы земли, постепенно понижающиеся и съуживающиеся по направлению к центру болот; там—перед нами гладкия, как скатерть, поля, где все линии пересекаются под прямыми углами, рвы, дороги и борозды. Как на замечательный пример этого контраста, можно указать на лежащий к югу от Амстердама Зюйдерпольдер, северная часть которого осушена очень недавно. Система кольматажа, практикуемая в Италии с таким успехом, мало находит подражателей в Голландии, где она, впрочем, могла бы быть применена лишь в немногих местах, по отсутствию достаточного ската для спуска речных вод. Кроме того, воды Мааса и Рейна, хотя содержащие осадок (по Старингу, средним числом, 2 твердые части на 10.000 частей воды), однако гораздо менее богаты илом, чем По и другие итальянские реки, которым впадающие в них потоки приносят растительную почву и размельченные каменные обломки с гор. Тем не менее, голландцам, которые занимают столь низменную территорию, и у которых еще так много болот, могущих быть преобразованными в культурные земли, следовало бы найти средство задерживать на пути те 18 миллионов кубич. метров плодотворных наносов, которые Рейн, Маас, Шельда каждый год бесполезно теряют в море[2]. Вопрос этот имеет жизненный интерес для страны.

Из всех предприятий непосредственного осушения, какие были выполнены до сих пор в Голландии и вообще в целом мире, самым грандиозным, по справедливости, считается осушение так называемого Гарлемского моря. Постоянное расширение этого громадного озера

1 G. Simons, A. Greve, „Verhandeling over de Stoombemaling van Polders en Droogmakerijen“.

2 Staring, „Bodem van Nederland“.

было одной из величайших опасностей для существования Нидерландов. С 1506 до 1840 года среднее увеличение его поверхности составляло слишком 4.400 гектаров в столетие, или 44 гектара в год; во время бурь оно не раз соединялось временно с заливом Зюйдерзее, так



Зеландскій видъ въ окрестностяхъ Мидльбурга.

что всему полуострову Северной Голландии грозила опасность быть оторванным от континента или сохранить с ним связь лишь посредством узкой косы дюн. Наконец, в 1840 году, решились предпринять гигантскую работу осушения озера, перед которою боязливо отступа-

ли около двухсот лет; после шести поколений, проект инженера Легватера, так долго считавшийся утопией, был признан осуществимым, и первая водокачальная машина, поднимавшая разом, своими одиннадцатью насосами, 66 тонн воды, была названа по имени того гениального человека, который с 1841 года обещал успешно довести до конца одну из замечательнейших работ, которыми гордится наш век. Площадь озера превышала 180 квадр. километров, средняя глубина его была 4 метра, и в течение трех лет с тремя месяцами, пока продолжались работы, водокачальные машины должны были вылить в море, через вырытый вокруг озера канал, 925 миллионов кубич. метров воды, то-есть всю жидкую массу озера, увеличенную инфильтрационными и дождевыми водами. Продажа осушенных таким образом земель не вознаградила тотчас же за все издержки по исполнению колоссального предприятия; но если правительство потеряло несколько миллионов на продаже земель, то сама страна много обогатилась доходами с этих полей, завоеванных в области вод. С 1843 года цена гектара бывшего озерного дна учетверилась, и годовые доходы от высушенного моря представляют уже четверть первоначальных расходов. Издержки осушения Гарлемского озера составляли 24.000.000 франк.; от продажи осушенных земель выручено 20.000.000 франк.. годовой доход с этих земель простирается до 6.000.000 франк. Многочисленные жилища, рассеянные вдоль каналов, образуют одну из богатейших общин провинции Северной Голландии, а главное село, Гофдорп, лежащее в центре гарлемских польдеров, в точке пересечения их больших дорог и главных каналов, все более и более принимает вид города. Но почва, еще сырая и наполненная органическими остатками, несовершенно ассенизирована: дно бывшего озера представляет еще одну из самых нездоровых местностей Голландии[1].

Овладев для земледелия ложем внутренних вод, голландские инженеры не задумываются производить аттаки на самое дно моря; они начали обратное завоевание вадденов (wadden), то-есть топких тинистых пространств, выступающих из-под воды во время отлива, которые простираются между континентом и фрисландскими островами. Непрерывная плотина, длиною около 10 километров, соединяет теперь прибрежье Фрисландии с берегом острова Амеланд, и таким образом восстановлен перешеек, существовавший в этом месте до половины двенадцатого столетия. Эта главная или магистральная плотина должна служить берегов отлагающимся пескам, которые будут замкнуты другими плотинами, имеющими быть построенными последовательно на западной стороне до острова Тершеллинг; таким образом, шаг за шагом, пролив будет превращен в культурные земли: по первоначальному проекту предполагается завоевать только площадь в 30.000 гектаров, но впоследствии все пространство от залива Долларт до залива Зюйдерзее сделается твердою землей. Долгое время это предприятие могло казаться слишком смелым, и бури, подвижные пески, течения на вадденах создали много непредвиденных затруднений; но, несмотря на то, начатое дело продолжается непрерывно, и приобретенный опыт облегчает задачу инженеров[2].

Другая подобная работа, осушение архипелага Бисбош, до сих пор еще не была предпринимаема по общему плану; она пока производится лишь отрывочно и в незначительных размерах. Однако, голландская нация, вероятно, не захочет долее терпеть последствия обиды, нанесенной морем в 1421 году. Она располагает достаточными рессурсами для того, чтобы обратно завоевать во всем объеме территорию утраченную ею в ту эпоху: после преобразования Гарлемского моря в польдеры, соединение всех островов архипелага Бисбош в одну землю, пригодную для возделывания и заселения, не представляет ничего такого, что могло бы испугать инженеров, тем более, что это дело уже совершенно подготовлено многочисленными предварительными работами. Большой мост Мурдийк, устроенный через лиман Голландш-Дип, ниже архипелага Бисбош, может служить, вместе с дамбами, которыми он продолжается, превосходной точкой опоры для сооружения плотин, а ложе реки Новой Мерведе (Nieuwe Merwede), соединяющей рейнский рукав Ваал с сейчас названным лиманом, и течение которой регулировано и углублено, представляет канал истечения достаточно широ-

1 H C. Lombard, „Traite de climatologie medicale“.

2 Teding van Berkhout, „De Landaanwinning op de Friesche Wadden“.

кий, чтобы принять воду рек, которые должны быть уничтожены при осушении Бисбоша. Многие бесполезные потоки уже засыпаны; бассейны наводнения, где воды прогуливались без определенного направления, заменены правильными каналами, содержимыми в большом порядке; медленно текущие, извилистые речки, блуждавшие среди камышей, сделались по большей части правильными притоками Новой Мерведе. Когда шестьдесят островов Бисбоша будут ограждены сетью плотин от повторения наводнений, тогда не может быть никаких препятствий к тому, чтобы этот архипелаг, занимающий около 150 квадр. километров и теперь почти необитаемый, но очень богатый покосами и порослями ивы, заселился, как соседния с ним страны, и чтобы на нем возродились те семьдесят две цветущие деревни, которые исчезли с лица земли в страшную ночь св. Елизаветы. Через эти равнины Бисбоша, когда они будут осушены, без сомнения, пройдет прямая железная дорога из Роттердама в Кельн: этот путь необходим, как средство обеспечить нидерландскому порту следуемую ему долю в торговле с Германией[1].

В настоящее время Голландия приготовляет новое предприятие, которое превзойдет все, что было сделано до сих пор в этом роде. Мы говорим о проекте осушения большей части залива Зюйдерзее,—проекте, который ныне встречает общее одобрение, и возможность осуществления которого вполне доказана наблюдениями геологов и гидравликов. Посредством этого присоединения к континенту Голландия сразу завоевала бы обратно целую треть территории, которую она потеряла, по милости наводнений и бурь, в средние века, и даже то, что было известно под именем озера Флево в первые времена батавской истории, перестало бы существовать.

В продолжение пяти сот лет с лишним после образования этого залива никому не приходила мысль отвоевать у океана земли, захваченные «Южным морем» (Zuider—южный, Zee—море); только в 1849 г. инженер ван Диггелен предложил полное осушение Зюйдерзее посредством постройки плотины, которая заперла бы проливы, соединяющие залив с морем[2]. Но в то время отступили перед громадностью работы и перед опасностью изменять порядок проходов и течений; кроме того, свойство почвы, скрытой под водами залива, не было достаточно известно для того, чтобы можно было с уверенностью сказать, будет ли предприятие полезно с точки зрения земледелия. Проект, повидимому, был оставлен, и прошло пятнадцать лет прежде, чем новый план осушения был окончательно выработан и одобрен; но на этот раз уже не имели в виду опорожнить все озеро: инженеры ограничивались в своих предложениях преобразованием в твердую землю лишь полуденной части Зюйдерзее, к югу от устьев Исселя. Хотя сильно умаленная, сравнительно с прежним проектом, территория, которую предположено обратно завоевать, обнимает не менее 195.670 гектаров, и если ей суждено сделаться двенадцатой провинцией королевства, то эта провинция будет, во всяком случае, не самая малая по протяжению. На первый взгляд казалось бы более естественным запереть залив в самой узкой его части, то-есть между городами Энкгуйзен и Ставорен. В этом месте ширина Зюйдерзее не превышает 15 километров, тогда как, по нынешнему проекту, плотина, замыкающая предположенную к осушению часть залива, будет иметь не менее 41 километра в длину; но дело в том, что в Ставоренском проливе, который образует входные ворота в Зюйдерзее, воды, гораздо более глубокия и очищаемые более быстрыми течениями, покрывают песчаный грунт, имеющий малую ценность в сельскохозяйственном отношении. Кроме того, инженеры боялись, так сказать, запереть врага в крепости, воздвигнув замыкающую плотину ниже устьев Исселя[3]. Правда, что летом эта река изливает в залив незначительное количество воды, не больше 200 куб. метров в секунду; но во время зимних разливов объем протекающей в Исселе воды увеличивается иногда в двадцать раз: масса пресной воды, приносимой этой рекой и другими маленькими притоками Зюйдерзее, так велика, что она, вместе с дождями, уменьшает соленость залива больше чем на две трети, как

1 Nienenwhuijs, „рукописные заметки“.

2 „De Zuiderzee, de Friesche Wadden en de Lauwerzee, hare bedijking en droogmaking“.

3 Beijerinck, „Proeve van een Ontweerp tot afsluiting van een gedeelte der Zuiderzee“.

видно из следующих цифр[1]:

Средняя соленость Зюйдерзее—10.651 на 1.000; средняя соленость Северного моря (Шевенинген)—32.417 на 1.000.

Понятно, что для удаления с осушенных польдеров этого огромного количества воды потребовался бы весьма значительный аппарат плотин и водокачальных машин. Но тут было бы только увеличение издержек, главная же опасность произошла бы от необходимого удлинения течения Исселя и, вследствие того, возвышения ложа выше устья; по причине уменьшения ската, уровень средних вод повысился бы на полтора метра в Девентере и на два слишком метра в Кампене. Низменные равнины, с таким трудом защищенные против вод, подвергались бы еще большой опасности, чем они подвергаются в настоящее время[2].

По планам, одобренным гидрографическою коммисиею, судоходный канал, устроенный внутри будущих польдеров, соединял бы амстердамский порт с Энкгуйзенским бассейном; маленькия гавани Монниккендам, Эдам, Горн также сохранили бы, при посредстве каналов в четыре с половиной метра глубиною, свободное сообщение с морем, и как раз по средине нынешнего «моря», в том месте, где находится островок Урк, предположено вырыть главный бассейн (boezemmeer) всей области залива; для этой цели даже воспользовались бы твердым грунтом острова, чтобы опереть на него шлюзы предполагаемого порта, впрочем, очень некрасивые по внешнему виду. Из всех приморских городов, стоящих на нынешних берегах Зюйдерзее, город Гардервийк был бы единственный, судоходством которого пришлось бы совершенно пожертвовать.

Так как средняя глубина южной части Зюйдерзее около трех с половиной метров, то паровые машины должны будут выкачать объем воды, равный приблизительно семи миллиардам кубических метров, не считая 1.500 миллионов кубических метров, которые ежегодно изливаются в бассейн в виде дождей: таким образом жидкая масса, которую в этом случае придется перелить в океан, будет вдесятеро превосходить количество воды, выкаченной из бывшего Гарлемского моря. Чтобы осушить в два года почву будущей провинции, водокачальные машины должны действовать с такой силой, чтобы выбрасывать в море каждую секунду около 300 кубич. метров воды, то-есть в шесть раз больше, чем сколько катит Сена, в летнее время, под мостами Парижа. Затем, после работы насосов, долженствующих опорожнить озеро, и работы землечерпательных машин, которые выроют каналы и внутренние порты, наступит громадный труд приспособления почвы посредством устройства дорог и выкапывания рвов и канав всякой величины. Сделав рассчет на основании работ того же рода, произведенных на польдерах меньших размеров, нашли, что сеть дорог в проектированной для осушения части Зюйдерзее будет заключать в себе слишком 4.000 километров дорог и тропинок и около 44.000 кил. каналов и рвов; все фашины, какие производит Голландия, нужно бы было употреблять в продолжение восьми лет на работы по обведению вновь приобретенных польдеров плотинами[3]. Не удивительно поэтому, что общая сумма расходов на приспособление осушенного дна Зюйдерзее для целей земледелия исчисляется в 400 слишком миллионов франков, считая в том числе проценты на затраченный капитал. Следовательно, каждый гектар этой новой земли обойдется приблизительно в 2.000 франков,—сумма гораздо меньшая обыкновенной цены хороших голландских земель; между тем четыре пятых морского дна, которое предполагают осушить, покрыты превосходною глинистою почвой; одна пятая состоит из песков, которые могут быть сделаны плодородными при помощи удобрений.

Каналы, вырытые внутри материка для морского судоходства, также принадлежат к числу общественных работ, которыми Голландия по справедливости может гордиться. Уже в 1819 году город Амстердам, которому бар Пампуса и другие банки Зюйдерзее грозили окончательным отделением от моря, был соединен с глубоким проходом Гельдера, на северной

1 Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".

2 Kuyper, „Die Trockenlegung der Zuiderzee", „Mitth. von Petermann", 1876-

3 Kuyper, „Die Trockenlegung der Zuiderzee", „Mittheilongen von Petermann", 1876.

оконечности полуострова Голландии, посредством судоходного канала, на который в то время смотрели как на одно из грандиозных предприятий нашего столетия. Но спустя пятьдесят лет амстердамские негоцианты стали более требовательными. Северо-голландский канал, пересекающий полуостров наискось, имеет ту невыгоду, что он слишком длинен: общее протяжение его не менее 84 километров; при том наполняющая его пресноватая вода зимой замерзает и иногда бывает покрыта льдом по целым неделям. Кроме того, в одной части проходимого им пространства, в Петтене, можно опасаться вторжения моря, потому что в этом месте цепь дюн была прорвана, и размывание берегов морским течением не могли ничем остановить, кроме постройки длинного ряда перпендикулярных к береговой линии плотин, содержание которых обходится очень дорого. С начала семнадцатого столетия до первых годов девятнадцатого отступление морского берега Петтенской бреши составляло 1.750 метров[1]. Главная причина уменьшения судоходства по каналу Северной Голландии та, что он недостаточно глубок и широк: ширина его на поверхности 37,67 метр., на дне 9,42 метр., глубина 5,66 метр. Чтобы дать доступ большим кораблям, каких требует в наши дни заатлантическая торговля, необходимо было открыть другой путь для торговых сношений Амстердама, и выбор инженеров, естественно, остановился на кратчайшей дороге: нужно было прорыть узкий перешеек, называемый Holland op sijn smalst (самое узкое место Голландии), чтобы привести в сообщение залив Ий и Вийкермер с Северным морем. Прорытие этого канала предлагалось уже в 1634 году, но только в 1858 году голландское правительство дало концессию на сооружение его англо-нидерландской компании. Надеялись, что издержки по исполнению этого предприятия возместятся, в значительной части, продажей осушенных земель по берегам канала; и действительно, польдеры Вийкермера продавались до 4.450 франков за гектар[2], а в окрестностях Амстердама земли под строения, где, может быть, возникнут новые предместья и города,—были проданы по гораздо более высоким ценам. Но расходы на устройство канала превысили первоначальную смету: когда этот судоходный путь будет вполне окончен, со всеми его портами, молами, второстепенными каналами, он будет стоить никак не менее 100 миллионов франков.

Чтобы выполнить план осушения низменных пространств, через которые проходит канал, пришлось отделить залив Ий от Зюйдерзее посредством шиллингвудской запруды и группы колоссальных шлюзов, построенных на сваях; в то же время оказалось необходимым снабдить эти шлюзы водокачальными машинами, поднимающими до 34 куб. метров воды в секунду, для того чтобы поддерживать на определенной высоте, то-есть на 50 сантиметров ниже упомянутой плоскости A. P. (Amsterdamsch Peil), уровень воды в бывшем амстердамском рейде, превращенном ныне в озеро. Средним числом, каждый день около двух сот судов проходят между портом и Зюйдерзее; но это все каботажные суда небольшого водоизмещения. Порог морских ворот лежит всего только на 4 метра ниже среднего уровня залива Ий, тогда как канал, прорытый к открытому морю, имеет 7,70 метр. глубины; при проведении его через цепь дюн, пришлось копать землю до глубины 16 слишком метров. Вот размеры этого канала:

Длина главного канала—23.700 метр.; второстепенные каналы—21.600 метр.; ширина канала на поверхности—63 метр.; ширина канала на дне ложа—27 метр.; объем вынутой земли —11.245.000 куб. метр.

Выходные шлюзы, помещенные в расстоянии одного километра от моря, рядом с тем местом, где теперь строится город Иймюйден, представляют, так же, как шлюзы Шеллигвуда, замечательные памятники современного строительного искусства: главный шлюзный бассейн имеет не менее 160 метров в длину; но ширина его всего только 18 метров, что, может быть, окажется недостаточным уже в близком будущем[3]. Что касается порта, устраиваемого в открытом море, при помощи двух криволинейных жете длиною более 1.500 метров, то он

1 Staring, „Voormaals en Thans“.

2 George Flerelle, „Revlie des Deux Mondes“, 15 ноября 1875 г.

3 Croisette-Desnoyers, „Notice pur les travaux publics en Hoilande“.

обнимает пространство в 120 гектаров, около половины которого может быть утилизировано для якорной стоянки судов. Жете испытывают на себе всю ярость морских волн, и из них северное, в которое прямо ударяется северо-западный вал, уже порядком пострадало, так что принуждены были защитить его каменным бутом и глыбами бетона весом в 10 тонн. Эти колоссальные молы,—до того длинные, что в этой стране туманов они кажутся островками, возвышающимися среди бушующего моря, принадлежат, бесспорно, к грандиознейшим произведениям гидравлики.

Таким образом, Амстердам обзавелся глубоким морским каналом. Роттердам тоже захотел, и не без основания, устроить себе более удобное сообщение с морем. Ближайшие к порту устья лимана были большею частию занесены песком, так что городу угрожала опасность совершенно потерять свою торговлю. Устье, называемое «Новым Маасом», находящееся близ Бриеля, было в 1691 году настолько широко и глубоко, что в нем мог собраться флот Вильгельма III, когда последний, избранный английским парламентом, был призван в Великобританию; но теперь там, в период отлива, на баре бывает не более 2-х метров воды, и потому даже шлюпки не отваживаются проходить через этот бар. Рукав лимана, называемый Шеур, который проходит севернее, перед Маасслюйсом, также все более и более мелеет при входе, и в настоящее время только мелкие суда могут проникать в него. Большие суда принуждены делать длинный обход через южные лиманы, чтобы достигнуть Роттердама. Большая часть судов выбирают устья Гарингфлита, чтобы войти в Роттердамский Маас через канал Фоорне, вырытый в 1827 году, на острове того же имени, к востоку от Бриеля; но этот канал, имеющий только 5,60 метров глубины, не может принимать большие суда, да и самый бар Гарингфлита окружен опасными мелями. Суда большего водоизмещения принуждены искать входа еще южнее; они должны проходить через Бруверсгафенские «ворота» (zeegat), затем следовать по Гревелингенскому фарватеру и проникать в залив Голландш-Дип, чтобы попасть в Роттердамский порт через воды Дортрехта. Понятно, что при существовании подобных обходов по дорогам, усеянным опасностями, Роттердам рискует потерять свою обширную морскую торговлю, и что необходимо заблаговременно подумать о средствах к устранению этих неблагоприятных условий.

Сначала полагали, что достаточно будет сделать прорез, длиною около 5 километров, через дюны мыска, называемого, по причине его формы, «Углом Голландии» (Hoek van Holland), и даже ограничились прорытием рва в 200 метров шириною, рассчитывая, что воды рукава Шеур, отныне отделенные искусственною запрудой от их прежнего устья, постепенно углубят и расширят этот канал. Действительно, ложе канала представляет в некоторых местах 10 и даже 13 метров глубины, а ширина его мало-по-малу увеличилась до 900 метров. Боковые плотины продолжаются в море молами, сделанными из фашинных платформ, покрытых каменным бутом; эти молы идут далеко в открытое море, но не на равные расстояния. Южный мол останавливается в расстоянии 1850 метров от берега; северный же, долженствующий выдерживать напор северо-западных штормов и защищать вход в порт, будет продолжен до расстояния 2.000 метров. Новое устье Роттердамского Мааса не оказало большому судоходству всех услуг, которых от него ожидали. До 1876 года оно непрерывно углублялось, но затем опять начало мелеть: в конце этого года оно имело уже только 5,15 метров глубины, то-есть меньше, чем канал Фоорне[1], и с этого времени засорение ложа песком продолжалось.

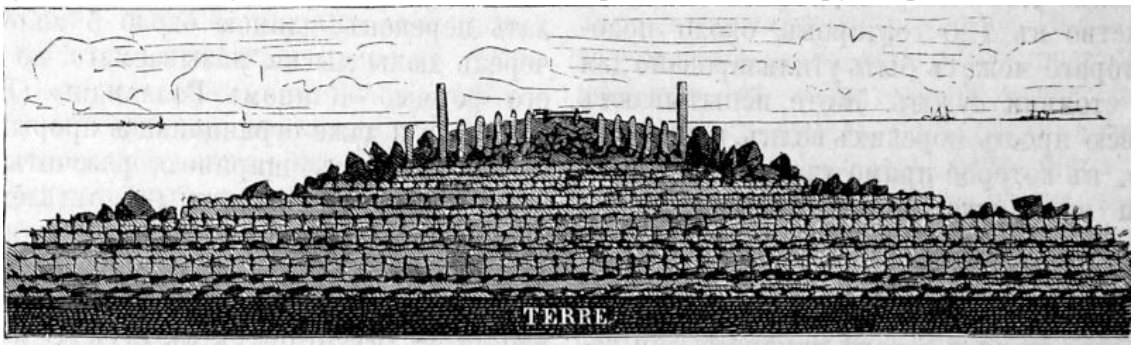
Выпрямление устья Мааса составляет лишь незначительную часть обширного плана, который преследуют голландские инженеры. Вопрос идет о совершенном преобразовании архипелага Зеландии, для чего предполагают уничтожить все бесполезные лиманы, чтобы присоединить к твердой земле все осушенные ложа. В этом древнем лабиринте вод намерены оставить только три входные лимана: Роттердамский Маас, Антверпенскую Шельду и Бруверсгафенские «ворота», продолжающиеся по направлению к Рейну проходами или про-

1 „Preussisches Handelsarchiv“, 21 сент. 1877 г.

ливами Гревелинген, Краммер, Фолькрак и заливом Голландш-Дип[1]. Эти великие проекты, когда они осуществятся, дадут голландцам в одно и то же время новые культурные земли и судоходные каналы, более глубокие и более надежные. Чем сделаются со временем рукава моря и проливы в Зеландском архипелаге—об этом можно судить по смелости, с которою проведена железная дорога над заливом Голландш-Дип, имеющим в этом месте 2.547 метров ширины. Самый мост, продолжающийся длинными дамбами, имеет 1.465 метров протяжения; он построен о 14 пролетах, из которых каждый имеет 105 метров расстояния между осями быков. До недавнего времени это был самый большой путевод в континентальной Европе; теперь он превзойден Сызранским мостом, на Волге. Монреальский мост на реке св. Лаврентия, в Северной Америке, и мост через залив или фиорд реки Тэй (firth of Tay), в Шотландии, тоже длиннее, но пролеты их уже, чем у моста через Голландш-Дип. В самой Голландии, Кулемборгский мост, проведенный через Лек по одной арке длиною 150 метров, до недавнего времени был замечателен, как мост, представлявший самый длинный из существующих пролетов: теперь он уступает в этом отношении мосту, перекинутому через Миссисипи у города Сан-Луи, и особенно мосту через залив Форт, в Шотландии.

V.

Городов в Голландии гораздо меньше, чем в Бельгии, не только потому, что общее население первого из этих государств малочисленнее, но и потому еще, что образ жизни голландцев и бельгийцев различен. В Бельгии фабричная и горнозаводская промышленность имеет большую относительную важность и заставляет рабочий класс группироваться в многолюд-



Разрѣзъ плотины въ Ижмуйденскомъ портѣ.

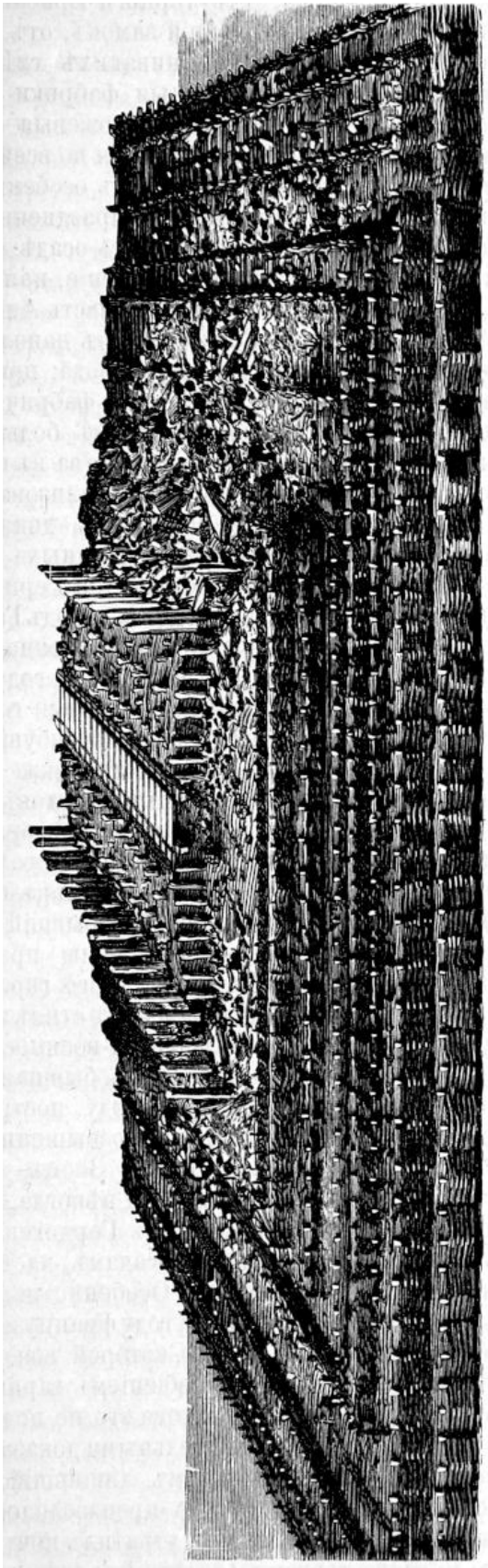
ные общины; в Голландии, напротив,преобладает земледельческий труд, и во многих провинциях почти все население рассеяно по деревням, поселкам и отдельным фермам.

Маастрихт, крепость, защищавшая южные границы Нидерландов, но ныне упраздненная, лежит, так сказать, на бельгийской территории: он занимает узкую полосу земли на левом берегу Мааса, который своими извилистыми водами служит, выше и ниже этого города, общей границей двум половинам Лимбурга: бельгийской и нидерландской; прекрасный мост соединяет город с предместьем Вийк, лежащим на правом берегу реки. Во время распадения Нидерландов в обширном смысле на два государства, Голландия, войска которой удержались в цитадели Маастрихта, хотела во что бы то ни стало сохранить за собой этот важный стратегический пункт, прославившийся как место перехода через Маас: самое название его, Mosae trajectus (переправа через Маас), произошло от местоположения, которое он занимает и которое часто, во время войн, было оспариваемо друг у друга враждующими армиями; особенно памятна осада 1579 года, стоившая стольких усилий, стольких безуспешных приступов и кончившаяся триумфальным вступлением герцога пармского Александра Фарнезе, которого несли на руках его ветераны, шествуя по улицам, где валялись тела восьми тысяч павших защитников города[2]. История Маастрихта часто сливается с военною исто-

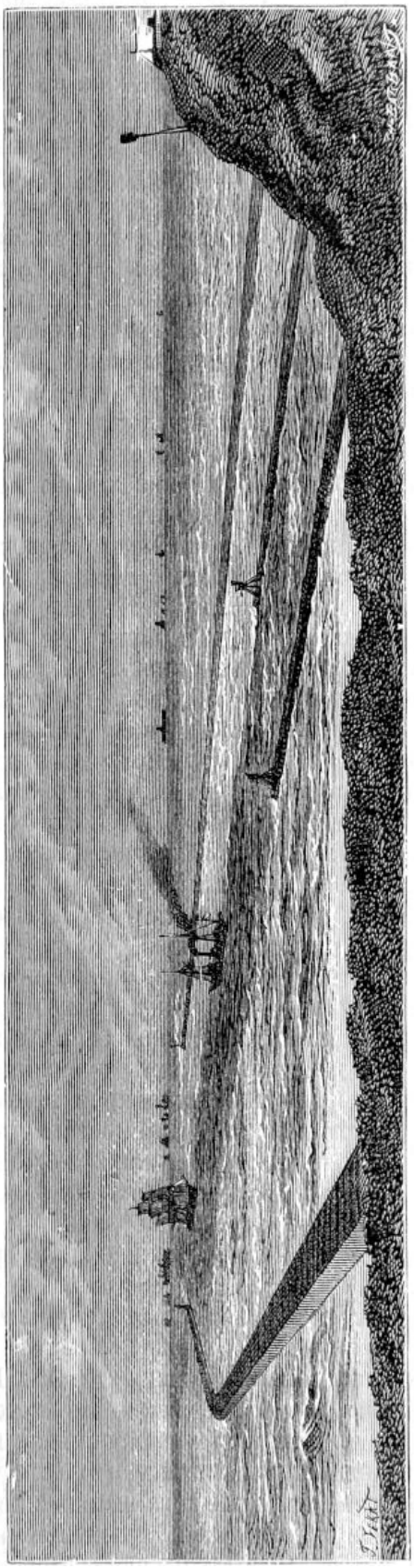
1 Caland, „Etude sur l'ellet de marces dans la partie maritime des fleuves“.—Croisette-Desnoyers, „Notice sur les travaux publies en Hollande“.

2 Lothrop Motley, „Histoire de la fondation de la republique des Provinces Unies“.

рией Франции, через осады, которые должен был выдерживать этот город, то аттакуемый, то защищаемый французскими войсками. Окруженный с трех сторон бельгийскими владениями, Маастрихт связан с Францией также языком большей части его жителей: французская



Видъ плотины Роттердамскаго канала



Выходъ въ море изъ Амстердамскаго канала.

речь больше распространена в Маастрихте, нежели голландская, несмотря на то, что последняя составляет оффициальный диалект края; что касается простонародного наречия, то это —нижне-немецкий жаргон, которого нидерландцы не понимают. Промышленность в Ма-

астрихте очень деятельна, особенно фабрикация стекла, глиняной посуды, обоев, материй, сигар, крепких напитков (винокуренные и пивоваренные заводы). Движение судоходства по Маасу и Южно-Виллемсвартскому каналу, соединяющему Маастрихт с Герцогенбушем, весьма значительно: оно обнимает более 17.600 мелких речных судов, общая вместимость которых превышает миллион тонн.

Если город Маастрихт обладает чудной папертью тринадцатого века, украшающею боковой фасад одной из его церквей, то Рурмонд (Roermond, то-есть «Устье Рура»), лежащий на правом берегу Мааса, при впадении в него реки Рур, с гордостью показывает в своих стенах один из прекраснейших религиозных памятников романо-византийского искусства, монастырскую церковь, которая была начата постройкой в первые годы тринадцатого столетия, а окончена в готическом периоде. Выросший постепенно вокруг древнего аббатства, Рурмонд и в наши дни является католическим городом, изобилующим церквами и часовнями, да и промышленность его состоит большею частию в фабрикации священных предметов. Что касается Венло, лежащего ниже, тоже на правом берегу Мааса и близ прусской границы, то этот город, где были изобретены бомбы, обязан приобретенною им в истории славою своей прежней стратегической важности и многочисленным осадам, которые он выдержал; в настоящее время он важен как центр пересечения железных дорог и как торговый город, ведущий обширную транзитную торговлю; его рынки для продажи скота привлекают много народу. К юго-западу, близ бельгийской границы, большое местечко Верт служит складочным пунктом для земледельческих произведений, вокруг которого возделанные земли мало-помалу распространяются по бывшим пустыням голландской Кампаньи. Город Керкраде имеет свой маленький каменноугольный бассейн; города Ситтард, Герлен, Фенрай замечательны как местные хлебные рынки.

Вся область, которая простирается на запад от Лимбурга, между бельгийскою территорией и нижним течением Мааса, также представляет земледельческую страну, где во многих больших общинах значительная часть населения рассеяна по окрестным деревням; но промышленные успехи этого края превосходят все успехи того же рода, достигнутые в других голландских провинциях. Гельмонд, лежащий, подобно Верту, в соседстве с землями Кампины, был прежде большим селом, а ныне превратился в промышленный город; соседи его, города Уден, Фегель, Гемарт, Шийндель, имеют полотняные и бумагопрядильные фабрики; Бокстель важен как пункт пересечения железных дорог; Тильбург, больше половины населения которого живет еще в окрестных деревнях, получил с половины нынешнего столетия чрезвычайно важное значение как главный центр шерстяной мануфактурной промышленности в Голландии: здесь выделывают всевозможные шерстяные материи, от самых тонких сукон до самых грубых тканей (в 1895 г. в этом городе насчитывалось более 300 фабрик). Население Тильбурга почти утроилось с 1860 года, и теперь эта городская община более многолюдна, нежели главный город Северного Брабанта, Герцогенбуш или Гертогенбош ('s Bosch, den Bosch, по-французски Bois-le-Duc), получивший это название от великолепного парка, где герцоги Брабантские имели роскошный охотничий замок, от которого теперь не осталось никаких следов. Этот город, многочисленные фабрики которого—суконные, полотняные, ножевые—разсылали некогда свои произведения по всей христианской Европе, прославился в особенности своими укреплениями, ныне упраздненными, которые много раз подвергались осаде; так, например, в 1585 году, поражение, нанесенное здесь голландцам, решило участь Антверпена. В наши дни Герцогенбуш наполнен фабриками и заводами всякого рода; привоз сырых материалов для этих фабричных заведений производится в таком большом количестве, что движение судоходства в порте проходящей через город канализованной реки не уступает, по размерам, движению судов во многих очень оживленных приморских портах. К востоку от Герцогенбуша, на берегу Мааса, находится город Гавр, тоже старинная крепость, прославленная геройскою защитой Шамильи, в 1674 году. На юго-западе, промышленный и торговый город Бреда, построенный, как и Герцогенбуш, в низменной и нездоровой местности, также был одним из тех укрепленных пунктов Голландии, имя которых всего чаще повторялось в военной истории трех последних столетий: здесь был

подписан в 1565 году так называемый «компромисс дворян», бывший первым сигналом к сопротивлению против испанского режима. В замке этого города—прекрасное здание в итальянском стиле эпохи возрождения—теперь помещается военное училище. Город Берген-оп-Зоом, бывшая крепость, упраздненная в 1867 году, построен знаменитым Кегорном на возвышенности, господствующей над потоком Зоом, недалеко от рукава моря, бывшего некогда лиманом Шельды, и так же, как Герцогенбуш и Бреда, часто подвергался осадам, часто делался добычей неприятеля. Особенно памятна осада этой крепости в 1747 году французским генералом Левендалем, о которой говорят, будто бы она окончилась избиением гарнизона и большей части жителей, хотя это не подтверждается никакими положительными доказательствами[1]. Берген-оп-Зоом, лишившийся судоходства, которое прежде производилось по обоим лиманам Шельды, утратил почти всю свою морскую торговлю; соседний залив усеян ныне песчаными мелями, а железнодорожная насыпь служит точкой опоры для новаго скопления наносов; вследствие этого, город заменил потерянное судоходство другим промыслом—разведением устриц (производство устриц в парках Берген оп-Зоома в 1873 г.:—500.000 шт.; в 1874 г.:—2.500.000 штук).

Кроме упомянутых выше городов, многие другие важные городские общины рассеяны среди низменных земель провинции Северный Брабант; таковы: Остергоут, Севенберген, Стенберген, Розендаль, Эттен-эн-Лер, Принзенгаге, окруженный садами, Гертруйденберг, где строятся речные суда. К востоку от этого последнего города, по берегам «Старого Мааса», вдоль так называемого Лангстрата или «Длинной дороги», идет ряд деревень, большею частию богатых и цветущих: жители этих селений, хорошие хлебопашцы, занимаются также садоводством и огородничеством, и производимая ими малина расходится по всей Голландии. Главная их мануфактурная промышленность—сапожное и башмачное производства. Местечко Лоон-он-Занд, лежащее на южной стороне «Длинной дороги», тоже населено большею частью сапожниками и башмачниками.

Голландская Фландрия, расположенная вдоль южной стороны лимана восточной Шельды, не имеет ни одного значительного города; это объясняется тем, что население предпочло сгруппироваться на твердой почве Брабанта.

Общины провинций Лимбурга и Северного Брабанта, с населением свыше 5.000 душ:

Лимбург: Маастрихт—33.834 жит. (31 декабря 1896 г.); Рурмонд (Roermond)—11.088; Венло—11.330; Верт—7.970; Керкрад—6.240; Венрай—5.440; Ситтард—5.285 жит.

Северный Брабант: Тильбург—37.546 жит.; Герцогенбуш—29.584; Бреда—25.168; Берген-оп-Зоом—13.030; Остергоуд—10.425; Росендаль—11.200; Гельмонд—9.030; Стенберген—6.760; Принзенгаге—6.650; Леон-оп-Занд—6.940; Зевенберген—6.530; Эттен-эн-Лер—5.820; Уден—5.710, Бокстель—6.080; Вегель—5.840; Шийндель—5.385; Осс—5.800 жителей.

Город Гульст, имевший некогда цветущую торговлю, когда он находился в непосредственном сообщении с морем, утратил всю свою важность с 1648 года, по милости Мюнстерского трактата (Вестфальский мир), содержавшего постановление о закрытии входа в Шельду; Гульстский порт был покинут, и канал, соединявший город с морем, мало-по-малу засорился, вследствие накопления ила. Биерфлит, который тоже принадлежал прежде к числу деятельных торговых мест, имеет в наши дни лишь незначительную морскую промышленность, хотя некогда этот город был, если не родиной, то, по крайней мере, местопребыванием одного из главных основателей голландского могущества, Гиллиса Бейкельсзоона, изобретателя способа соления и укладки сельдей. Единственный ведущий торговлю порт на этом берегу—Нейзен или Тернейзен, где оканчивается Гентский канал: это передовой порт главного фламандского города, и все успехи, промышленные и торговые, метрополии бельгийских Фландрий приносят пользу и этому нидерландскому городу.

Движение судоходства в Тернейзенском порте в 1894 г.: всего в приходе и отходе—469 судов, вместимостью 1.093.723 куб. метр. Моряки голландской Фландрии занимаются ловлей устриц и в особенности ловлей ракушек; они употребляют для этого промысла около

1 H Havard, „La Hollande pittoresque. Le coeur du pays“

200 судов.

На островах Зеландии мы находим более многолюдные города, нежели в голландской Фландрии. Правда, Роммерсвааль (Reymerzwale), город, лежавший напротив Берген-оп-Зоома, был поглощен морем, но его заменили другие города. Гус (Хус), называемый также Тергус, главный город острова Южный Бевеланд, есть центр прекрасно обработанной земледельческой области, славящейся во всем свете; недалеко от этого города, на канале, проведенном от него к морю, находятся польдеры имения Вильгельминадорн, возбуждающие удивление всех агрономов[1]. Миддельбург, главный город острова Валхерен и всей провинции Зеландии, лежит по середине острова, на большом судоходном канале, который разрезывает Валхерен на две части; в наши дни это далеко не тот цветущий город, каким он был в то время, когда вел прямые торговые сношения с Испанией и Италией. Миддельбург, вместе с своим соседом, городком Веере, есть одна из редких общин Голландии, которые могут, после бельгийских общин, похвастать своею ратушей; прекрасное муниципальное здание Миддельбурга, высоко поднимающееся над домами своею четыреугольною каланчою, окруженною по бокам башенками, представляет памятник готического стиля, дополненного стилем эпохи возрождения; угловой балкон, украшенный великолепною резьбой, выделяется из фасада в виде выступа над площадью. Этот город замечателен в истории науки тем, что здесь был изобретен Захарией Янсеном, в 1590 году, микроскоп, и здесь же, около 1618 года, Ганс Липперсгей сделал капитальное открытие зрительных труб, послужившее исходною точкой новой эры в области астрономических исследований. В Миддельбурге же имеет пребывание зеландское общество наук, обладающее любопытным музеем.

Хотя Миддельбург состоит в свободном сообщении посредством широких и глубоких каналов с обоими лиманами западной Шельды и Верского канала, но большие суда не поднимаются до его великолепного бассейна; для этих судов недавно создан новый порт—Флиссингенский. Город Флиссинген (по-голландски Vlissingen), родина знаменитого адмирала де-Рюйтера и один из первых укрепленных пунктов страны, освободившихся от испанского гарнизона, в последнее время сделался очень честолюбивым; граждане его даже поговаривают самоуверенно о том, что рано или поздно им удастся отнять у Антверпенского порта монополию торгового судоходства по реке Шельде и лишить его того важного значения, которым он пользуется теперь, как одно из складочных мест европейской торговли. И действительно, Флиссинген имеет ту выгоду, что он расположен у самого устья лимана, и таким образом является первым пунктом на пути судов, направляющихся к главному порту Бельгии; кроме того, его рейд, хорошо защищенный и доступный при всяком ветре, никогда не бывает заперт или загроможден льдами, тогда как почти каждую зиму плавающие льдины затрудняют проход судам, поднимающимся вверх по Шельде к Антверпену. Следовательно, Флиссинген имеет основание рассчитывать на блестящую будущность: разве деревня Вестк-аппель, находящаяся в небольшом расстоянии к северо-западу от этого города, не удостоилась некогда, вместе с Дамме, портом города Брюгге, чести давать флотам северной Европы «морские законы», впрочем, скопированные большею частию с хартий острова Олерона?[2]. В случае войны, стоящий в Флиссингене флот, вспомоществуемый фортами, командующими над обоими берегами лимана, мог бы блокировать Шельду; но чтобы получить возможность соперничать в мирное время с трудолюбивым бельгийским городом Антверпеном, Флиссинген принужден был завести у себя огромную систему необходимых для этой цели сооружений: не только он должен был связать себя с континентом посредством железной дороги, которая проходит через воды, пески и грязи проливов, но ему еще нужно было выкопать доки, построить верфи, товарные склады, установить в воде волноразбиватели, защитить рейд от бурь. Все это обустройство будет окончено в скором времени; но затем необходимо осуществить дело еще более трудное, именно—изменить коммерческие привычки и заставить судоходство свернуть в сторону с его обычного пути. Однако, усилия зеландского города не

1 E. de Laveleye, „La Neerlande, Ëtudes d'economie rurale".

2 Defaqz, „Partia Belgica", II.

были напрасны, и его пароходы, рейсы которых распределены соответственно с порядком поездов железных дорог Голландии и Германии, уже завоевали значительную долю перевозки пассажиров и товаров между континентом и Англией: каждый день паровой пакетбот совершает рейс между островом Валхерен и английским портом Квинборо, лежащим близ Ширнеса, на южном берегу залива Темзы. Движение торгового судоходства в Флиссингенском порте в 1874 году, до установления правильных рейсов английских пароходов: 82 судна в 31.250 тонн; в 1881 году: в приходе—390 судов, вместимостью 322.852 тон.; в отходе—388 судов, вместимостью 322.688 тонн.

Но географическое положение Флиссингена, так же, как и положение большей части городов Зеландии, самой нездоровой провинции Нидерландского королевства, представляет одну невыгодную сторону: это его климат, сырой, туманный, насыщенный миазмами, который доставил ему в эпоху наполеоновских войн столь печальную известность; вся десантная армия, с помощью которой Англия рассчитывала овладеть Антверпеном, сделалась жертвой так-называемой «флпссингенской лихорадки».

Главный город острова Шувен, Зирикзе, пришел в упадок, хотя и теперь еще посещается моряками и купцами; из сохранившихся в нем памятников старины замечательны величественная колокольня, церковь которой уже исчезла, и высокая четыреугольная башня древних городских ворот, окруженная по углам башенками. В эпоху своего процветания, то-есть до того времени, когда его сменил новый торговый центр, Миддельбург, Зирикзе имел в своем порте до 350 больших судов, и промышленники, занимавшиеся ловом сельдей и трески, собирались здесь массами; в этом же городе преимущественно вербовались, во время войны за независимость, страшные банды «морских гезов»[1]. Закрытие Берген-оп-Зоомского канала, между двумя лиманами, называемыми устьями Шельды, нанесло смертельный удар торговле Зирикзе.

Общины провинции Зеландии, имеющие свыше 5.000 жителей:

Миддельбург—18.000 жит.; Флиссинген—16.000 жит.; Нейзен (Тернейзен)—6.265 жит.; Зирикзе—8.000 жит.; Гус (Хус—6.570 жителей.

Бруверсгавен, находящийся на северном берегу острова Шувен, получил в последнее время некоторую важность, как передовой порт городов, лежащих по нижнему течению Мааса.

На севере от этой реки, отделяющей от Гельдерна и Голландии в тесном смысле три южные провинции Нидерландского королевства, находим только один значительный город на возвышенностях узкого полуострова, образуемого течением Мааса и Рейна: это Нимвеген (Nijmegen по-голландски), древний гальский Noviomagus, господствующий над левым берегом Ваала. Этот гордый город, созерцающий с высоты своих «семи холмов» обширный горизонт полей, продолжающийся даже за восточные пределы Голландии, есть одна из тех нидерландских общин, которые считают себя в праве хвалиться особенно славным прошлым. Сначала он был римскою станцией, затем сделался одною из резиденций Карла Великого; и теперь еще здесь можно видеть кое-какие остатки от той эпохи, абсиду и, может быть, баптистерий (крестильница) карловингского дворца. В эпоху Ганзы Нимвеген был одним из самых деятельных торговых городов этого союза, и во все времена граждане его очень ревниво охраняли свои права и свою свободу. На одних из городских ворот Нимвегена красовалась следующая надпись, которую так мало людей достойны повторять: Melius est bellicosa libertas quam servitus pacifica (лучше воинственная свобода, нежели мирное рабство).

В 1678 и 1679 годах в Нимвегене произошло событие, имевшее очень важное значение в системе политического равновесия Европы: в одной из зал нимвегенской городской ратуши были подписаны между Францией, Испанией, Германскою империей и Соединенными Провинциями (так называлась Голландская республика) различные трактаты, которыми, между прочим, было освящено присоединение Франш-Конте и южной Фландрии к Франции. В наши дни Нимвеген, старые укрепления которого срыты, получает все более и более важное

1 H. Havard, „La Hollande pittoresque, Le cour du pays“.

значение в международной торговле Германии и Нидерландов, так что иногда у его набережных можно видеть до тридцати пароходов, выгружающихся или нагружающихся. Если бы выкопали большой судоходный канал между соседнею деревней, Доденвардом и Амстердамом, то Нимвеген очутился бы на вершине истинной рейнской дельты: он образовал бы собою верхний угол треугольника, два другие угла которого занимают Амстердам и Роттердам. В соседстве с Нимвегеном находятся многолюдные общины (Эльст, Беммель), с многочисленными кирпичными заводами.

Спускаясь вниз по течению Ваала, на запад от Нимвегена, мы встречаем только два довольно важные города—старинный торговый город Тиль и Горинхем, или Горкум; оба они лежат на правом берегу реки, которая, после соединения её с Маасом, принимает имя Мерведе и смешивается с водами морских лиманов. Горинхем, складочный пункт для земледельческих произведений, есть, вместе с тем, один из главных рынков Нидерландов по торговле скотом (движение судоходства на горинхемских шлюзах в 1874 году: 7.296 судов, общая вместимость которых равнялась 424.900 тоннам). Город Слидрехт, имеющий судостроительные верфи, лежит ниже, на северной стороне архипелага Бисбош. Общим портом для двух рек, Мааса и Ваала, служит город Дордрехт (Дортрехт) или Дорт, построенный при реке Мерведе, «среди перекрестка рек»[1], доступных большим судам: железная дорога из Антверпена в Роттердам пересекает здесь Маас. Дордрехт—один из древнейших городов Голландии; он был также самый богатый из её городов до 1421 года, когда страшное наводнение опустошило все окружающие поля и превратило всю окрестную местность в архипелаг островов и песчаных мелей. Несмотря на это бедствие, Дордрехт остался, благодаря своему счастливому торговому положению, одним из главных городов страны; при том же он пользовался огромною привилегией: он был обязательным «местом остановки» для всех, кто ввозил товары по Маасу или Рейну; еще не далее, как в первые годы семнадцатого столетия, он не задумывался предъявлять это странное право к негоциантам Роттердама[2]. Один из самых горячих борцов в войне за освобождение страны от испанского владычества, этот город удостоился чести увидеть в своих стенах, в 1572 году, первое национальное собрание вольных штатов Голландии; здесь же собирался, в 1618 году, знаменитый протестантский синод или духовный собор, на котором восторжествовало против арминиан, не без поддержки со стороны светской власти, учение кальвинистов о предопределении, но который в политическом отношении имел тот результат, что республиканская партия была принесена в жертву возвышению Нассаусского дома; в Дортрехте, в 1674 году, Вильгельм III был провозглашен наследственным штатгальтером (stathouder), генералиссимусом, генерал-адмиралом, и сделался фактически королем, не принимая царского титула. Два брата де-Витт, Ян и Корнелий, убитые оранжистами, были дортрехтские уроженцы. Этот город, один из знаменитейших в политической и церковной истории Голландии, приобрел в то же время славное имя и в истории искусства: здесь родились известные живописцы: Кюйп, Фердинанд Боль, Шалькфр, Ари Шеффер.

Торговля Дортрехта значительна: каналы и доки его усеяны ладьями, барками, лихтерами, рыболовными флиботами, пароходами. Большие плоты леса, сплавляемые длинными вереницами по Рейну от Шварцвальда,—впрочем, ныне несравненно менее многочисленные, нежели в прежнее время,—останавливаются почти все в Дортрехте: здесь их разбирают, и бревна развозятся по соседним лесопильным заводам, где их распиливают на доски и балки; сюда же привозятся руды из Испании, предназначенные для крупповских заводов в Эссене. Движение судоходства в Дортрехтском порте в 1892 году: в приходе—268 судов в 421.000 кубич. метр.; в отходе—63 судна в 51.000 кубич. метров вместимости. Банковые и банкирские операции достигли в Дортрехте обширного развития, и теперь там насчитывают много крупных капиталистов.

Главный город провинции Гельдерн, Арнгем, занимает на Леке, или северном рукаве

1 Du Pays, „Itineraire de la Hollande“.

2 H. Havard, „La Hollande pittoresque, Le coeur du pays“.

Рейна, положение аналогичное с положением Нимвегена на Ваале, южном канале той же реки; сверх того, Арнгем имеет ту выгоду, что он расположен близ места бифуркации Исселя; он лучше господствовал бы над тремя ветвями речной дельты, если бы Лек и Иссель были в летнее время достаточно многоводны для того, чтобы судоходство могло производиться по этим рекам без перерывов. Арнгем, о котором одно четверостишие, обратившееся в пословицу, говорит как о «самом веселом» из городов Голландии, есть, бесспорно, один из самых приятных городов Нидерландского королевства. Он построен пологим скатом на склоне песчаных холмов, спускающихся к правому берегу Рейна; широкая река, через которую проведен мост на плашкотах, ударяется, у самых ворот города, об основание лесистой горы, усеянной хорошенькими сельскими домиками, и, описав обширную излучину, исчезает вдали между деревьями. С вершины круглых горок, возвышающихся над амфитеатром города, можно окинуть взором на далекое пространство слегка волнистое плато, продолжающееся в северном направлении и усеянное лесами, лугами, садами, изящными виллами, утопающими в зелени. Большое число этих прекрасных сельских жилищ, так же, как и великолепных отелей, украшающих улицы города, принадлежат богатым негоциантам из Амстердама, из Роттердама, из Батавии, которые, удалившись от дел, приехали искать в этой прелестной, живописной местности жизни, в одно и то же время спокойной и роскошной. Из всех городов Голландии Арнгем представляет наибольшее увеличение населения с половины текущего столетия: число жителей его более чем удвоилось в период с 1850 по 1880 г.; теперь это—седьмой город королевства.

Вниз от Арнгема река не встречает на своем пути ни одного значительного города до Роттердама. Самые многолюдные общины в этой части её течения—города Ренкум и Вагененген на правом и Куленборг, или Куйленбург, на левом берегу. Ниже, на острове Иссельмонде, находится город Риддеркерк, имеющий кораблестроительные верфи и полотняные фабрики. Роттердам, или «Плотина Ротты», названный так по имени реки, которая соединяется здесь с каналами Мааса, есть главный торговый город в области общих устьев Рейна и Мааса; если бы железные дороги не давали других выходов к морю городам рейнского бассейна, то Роттердам был бы единственным приморским складочным местом западной Германии. Да и теперь это один из важнейших приморских торговых пунктов для этой части Германской империи, а для самой Голландии он представляет, после утраты Антверпена, порт, где общее движение торгового обмена с иностранными рынками может совершаться с наибольшею легкостью и удобством; население в этом городе возрастает быстрее, нежели в столице. Роттердам имеет даже то преимущество над Амстердамом, что он находится, через посредство лиманов, в более прямом сообщении с открытым морем. Роттердам ввозит преимущественно колониальные продукты и, в замен того, отправляет за границу произведения местной земледельческой промышленности, скот для продовольствия Лондона и вообще все грузные товары, привозимые по каналам и рекам. Свыше 8.000 морских судов, общая вместимость которых от 3 до 4 миллионов тонн—таково годовое движение судоходства в Роттердамском порте; две трети морской торговли всей страны сосредоточивается перед набережными рек Мааса и Ротты. Но в этом большом порте Голландии, так же, как в важнейшем портовом городе Бельгии, львиная доля судоходства принадлежит Англии: около двух третей судов, бросающих якорь в водах Роттердама, приходят под британским флагом. Что касается непосредственных торговых сношений Франции с устьями Мааса, то они едва существуют; часто бывает так, что в Роттердамском порте не увидишь ни одного французского судна. По количеству перевозимых грузов за английскими судами следуют суда, приходящие из России, из Соединенных Штатов Северной Америки, из Германии. С 1869 года Роттердам ведет довольно значительную торговлю с Конго; одна нидерландская торговая компания имела 44 конторы в этой части Африки и привозила оттуда в Европу пальмовое масло, каучук, колаловую камедь, кофе, хлопок и другие тропические продукты; с тех пор как Конго сделалось государством, торговля эта частию переместилась. В совокупности морского судоходства Роттердама пароходы представляют почти две трети числа судов и три четверти количества грузов.

Роттердам, окруженный некогда укреплениями, рвы которых, превращенные в судоход-

ные каналы, существуют до сих пор, имеет правильную форму равностороннего треугольника, главным основанием которого служат прекрасные набережные, идущие вдоль берега Мааса. Этот треугольник разрезан на две равные части железною дорогою, пересекающею реку по смело задуманному мосту о четырех пролетах и проходящею в виде путевода над городом и его каналами. Для довершения правильности, ближайшая к Маасу часть Роттердама образует в большом треугольнике города треугольник, вдвое меньший предъидущего по высоте и который разрезан широкими каналами на многочисленные острова, соединенные одни с другими посредством подъемных мостов; в этой части города вдоль набережных тянется непрерывный ряд купеческих кораблей, выгружающих свои товары перед самыми воротами складов.

Обороты внешней торговли в Роттердаме в 1895 г.:

Ввезено разных товаров—5.755.646 т.; вывезено—2.535.299 тонн.

Общая вместимость пришедших в порт морских судов в 1894 г.—10.657.000 куб. метр.; вместимость вышедших из порта судов—4.719.000 куб. метр.

Торговый флот Роттердама в конце 1894 года насчитывал 139 кораблей в 356.074 тонны.

Если внешния очертания Роттердама отличаются большою геометрическою правильностью, то старинные дома его, подобных которым, кажется, нет ни в каком другом городе Голландии, поражают своею неуклюжею, уродливою архитектурой, странным видом своих фасадов, висящих над улицей и оканчивающихся разрезными фронтонами. Впрочем, Роттердам не может похвастать замечательными зданиями. Музей его, потерявший во время пожара 1864 года слишком 300 картин и тысячи гравюр, заключает еще многие прекрасные произведения старинных и новейших живописцев, но ни одного капитального творения. Бронзовая статуя, воздвигнутая Эразму Роттердамскому на площади Большого рынка, напоминает, что этот знаменитый гуманист родился здесь в 1467 г.

Против Роттердама, на острове Иссельмонде, находится промышленный пригород Шарлуа; ниже, обширный торговый город продолжается, на правом берегу «Мааса», прекрасными кварталами Виллемскаде и большими доками, позади которых раскинут прелестный общественный парк, Дельфсгавен, или «порт Дельфта», и город Скидам (Schiedam), построенный, как показывает его имя, на плотине одного протока, называемого Ски, считаются, в административном отношении, самостоятельными общинами; но в действительности эти общины, так же, как Кралинген, лежащий на левом берегу «Мааса», составляют промышленные пригороды, где находятся пивоваренные и сахаро-рафинадные заводы и кораблестроительные верфи. Вместе с тем это—передовые порты Роттердама. Движение судоходства в Скидамском порте в 1881 г.: в приходе—351 судно, вместим. 91.162 тонны; в отходе—294 судна, вместим. 78.021 тонна. Скидам, вокруг которого рассеяны сотни ветрянных мельниц, то и дело машущих своими длинными крыльями, есть главный центр фабрикации можжевеловки и других крепких напитков (в 1896 году свыше 350 водочных заводов), и количество получаемой барды так велико, что его хватает на прокормление больше чем 40.000 голов рогатого скота.

Город Влардинген, лежащий ниже, на том же берегу, и заметный издалека по высоким башням его церквей и целому лесу мачт стоящих в нем судов, населен преимущественно моряками; четверть его жителей состоит из рыбаков, и две трети общего количества больших рыболовных судов, которым обладает Голландия, принадлежат судохозяевам Влардингена и Маасслюйса (название это означает «шлюз на Маасе»), лежащего несколько западнее, тоже на правом берегу Мааса. Эти два города служат местопребыванием корпорации рыбаков, занимающихся ловом сельдей, и потому здесь сохраняются традиции ремесла, которое доставило Голландии главную долю её благосостояния. Движение судоходства в Влардингенском порте в 1881 году: 184 судна, общая вместимость которых равнялась 35.320 тоннам; рыболовная флотилия этого порта состояла из 66 судов, называемых loggers и hoekers. На том рукаве Мааса, отчасти искусственном, по которому должны будут следовать большие купеческие корабли, не выстроился еще ни один город ниже Маасслюйса; но на левом берегу юж-

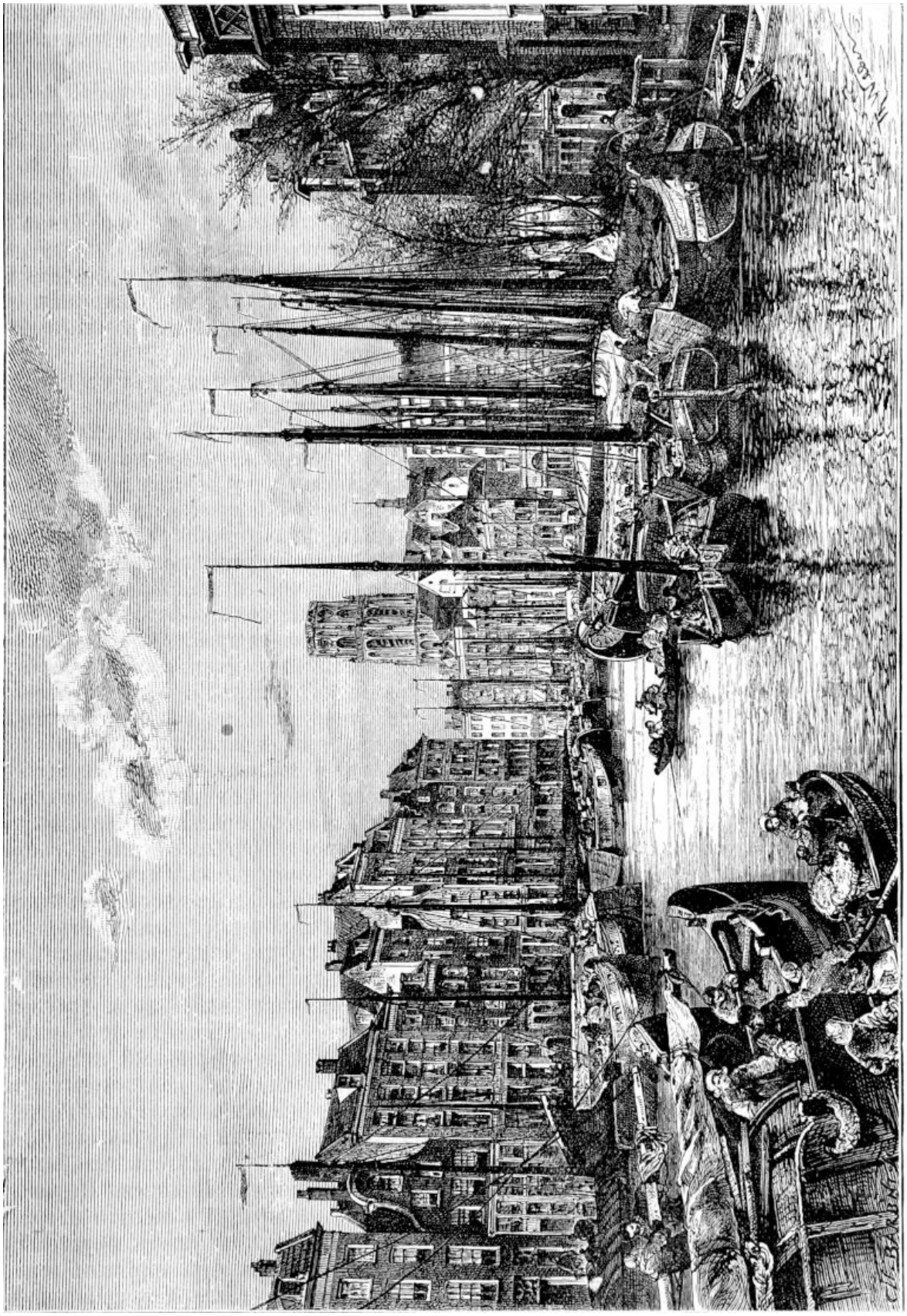
ного рукава, ныне покинутого, на острове Воорн, находится старинная крепость Бриель или Бриль, бывшая прежде передовым портом Роттердама и защищавшая вход в лиман. В истории Бриель, родина адмирала Тромп, замечателен, как первый город, который был завоеван гезами у испанцев, в 1572 году. Между различными общинами островов южной Голландии самая многолюдная—Старый Бейерланд (Oud Beijerland), на острове того же имени.

Город Дельфт, промежуточная станция между Роттердамом и Гагой, лежит среди равнины, в 12 километрах от Мааса; суда его имеют сообщение с портом Дельфсгавен (с 1886 года соединенным с Роттердамом), также как и с другими городами Голландии, посредством канализованной реки Ски. Дельфт не ведет торговли, исключая торговли коровьим маслом и сыром, но промышленность его немаловажна; однако, фаянсовая посуда, которую он фабрикует, уже не может сравняться с старинным фаянсом, расписанным японскою живописью, который прежде составлял его славу и который так высоко ценится любителями; но Дельфт имеет в своих стенах политехническую школу, где получают образование инженеры-гидрографы, на которых лежит обязанность защищать территорию Голландии против нападений моря и наводнений рек. В истории Дельфт замечателен тем, что в этом городе был умерщвлен Вильгельм Молчаливый, в 1584 году; мраморная гробница его, а также гробницы всех членов Оранского дома, занимают центр «новой церкви». В том же здании погребен знаменитый Гуго Гроций, который был дельфтский уроженец, так же, как великий пенсионарий Гейнзиус, естествоиспытатель Левенгук и живописец Миревельдт. Дельфт, который почти можно рассматривать как предместье Гааги и который сообщается с столицей посредством канала, шоссе, паровой и конной железных дорог, обладает половиною арсенала королевства, именно тою, где выделываются пушечные лафеты и артиллерийские повозки. Между этими двумя городами, но гораздо ближе к Гааге, встречаем деревню Рисвик, где был подписан, в 1697 году, мирный трактат между Францией, с одной стороны, и с другой—Нидерландами, Германией, Испанией и Англией.

Гага, «Графская роща»—ибо таков буквальный смысл голландского названия 'sGravenhage (ŝHage, ten Haag, по-франц. la Haye, по-лат. Haga comitis)—есть один из тех больших городов, которые обязаны своим многолюдством и важным значением не географическому положению. Вблизи голландской столицы нет ни одной судоходной реки; в соседстве её не существует порта, да при том она отделена от моря поясом дюн; она возникла по капризу, или, вернее сказать, она обязана своим происхождением обширному лесу, находившемуся в соседстве с её местоположением, и который постоянно привлекал владетелей края к построенному в этом месте охотничьему павильону. Мало-помалу вокруг этого охотничьего замка графов голландских сгруппировалось многочисленное население, и с той поры, как сходящиеся здесь из разных пунктов страны дороги сделали из этой резиденции торговый центр, если не для промышленности, то, по крайней мере, для местного потребления, она стала быстро расти и увеличиваться: движение пассажиров и товаров без труда уклоняется в этом направлении. В настоящее время Гаага—третий город Нидерландского королевства по числу жителей; она уступает в этом отношении только двум приморским городам—Амстердаму и Роттердаму.

Взятая в целом, и без предместий, которые постепенно распространятся по соседним полям, Гаага имеет форму четыреугольника, ограниченного каналами. Но город не имеет внутри того вида, какой свойствен другим городам равнины: каналы в нем редки, исключая местностей, прилегающих к железным дорогам, и улицы не представляют, как в Амстердаме, простых набережных, соединенных через некоторые промежутки мостами. Большие судоходные каналы идут по окраинам города, а главный бассейн, находящийся в центре Гааги, был выкопан не для стоянки судов: это большой пруд, отражающий в своих черных водах мрачные стены дворца верхней палаты, деревья бывшей дюны Вийверберг, преобразованной в прекрасное гульбище, и букет зелени, покрывающей искусственный остров. Как местопребывание большего числа высших государственных сановников, знатных дворян, разбогатевших негоциантов, Гаага отличается от большей части промышленных городов обширностью

своих элегантных кварталов; дома этих аристократических улиц, построенные без архитектурных претензий, без вычурных наружных украшений, замечательны по своему внутреннему убранству, соединяющему в себе роскошь с комфортом; они устроены так, что в обилии



Старый Роттердамскій портъ.

получают свет и воздух, украшены зеленью и цветами, окружены садами, а леса, которые тянутся на северной, северо-восточной и западной стороне города, служат им парком. Небольшой лес, носящий специально название «рощи», составляет славу города своими вели-

колепными деревьями, так же, как великолепная аллея, ведущая по прямой линии к Скевенингенскому берегу; но во многих местах эта аллея уже превращена в бульвар выстроенными на ней отелями, ресторанами и виллами; теперь стараются поправить вред причиненный этому лесу, расширяя последний посредством насаждений дерев на «белых» дюнах, окаймляющих морской берег на севере и на юге от Скевенингена (Scheveningen). Эта длинная деревня, против которой в открытом море происходило в 1673 году нерешительное сражение между голландскими кораблями, под начальством адмирала Рюйтера, и союзными флотами Франции и Англии, составляет в действительности часть столицы, для которой она служит рыбацким предместьем или селом, а в летнее время—местом дачной жизни и купанья в море. Непрерывное движение людей и экипажей направляется от города к морю и от моря к городу. Во времена наибольшего процветания ловли сельдей главным промыслом жителей Скевенингена было соление и укладка рыбы, да и теперь еще его базарная площадь часто бывает запружена тележками, нагруженными селедками. В наши дни годовой лов дает здесь, средним числом, от 15 до 20 миллионов сельдей. Курьезное зрелище представляют, в зимнее время, рыболовные суда, «фliботы» или pinken, стоящие на якоре на морском берегу. Эти пузатые фliботы, в числе двух сот слишком, почти все одинаковой величины, украшенные одинаковыми рисунками, расположены в два ряда у подножия дюны и образуют нечто в роде улицы, которая теряется вдали в тумане. В период отлива они отстоят на сто или на двести метров от линии морских вод, и их якоря, на половину погруженные в песок, остаются на суше, гораздо выше уровня волн. По берегу там и сям рассеяны лужи соленой воды; несмотря на то, сотни моряков беспрестанно приходят и уходят, закидывая сети в море, для собирания лежащих на дне раковин, которые употребляются в крае на приготовление извести; фуры, запряженные лошадьми, постоянно проезжают по твердому песку; посетители толпой прогуливаются по дюне, чтобы поглядеть на постоянно меняющуюся картину групп мужчин, женщин и детей, мерно подвигающихся то вперед, то взад, сообразно движению приливной волны. Часто предлагали вырыть в Скевенингене искусственную гавань и таким образом сделать из этой деревни, служащей ныне местом рыбной ловли и морских купаний, передовой коммерческий порт для столицы. Если проект этот осуществится, он будет иметь важные последствия для Шевенингена и Гаги; но тогда изменится, конечно, и вид столицы и её предместья, и некоторые кварталы Гаги утратят физиономию сонного города.

В Гаге нет памятников, замечательных в архитектурном отношении: дворцы её более любопытны по историческим воспоминаниям, чем по изяществу архитектуры или великолепию аппартаментов. Перед зданиями Бинненгофа, где собираются обе палаты парламента, показывают место эшафота, на который должен был взойти Барнвельдт, осужденный на казнь по проискам штатгальтера Морица Нассауского, побуждаемого низкою завистью. Неподалеку оттуда, в Гевангенпорте, находится место, где по подстрекательству другого штатгальтера, Вильгельма III, были изорваны в клочки Ян и Корнелий де-Витт. Но если город беден красивыми зданиями, зато в нем есть свои музеи и коллекции. Дворец Mauritshuis, названный так потому, что его построил принц Мориц, есть место поклонения для художников, куда они входят с величайшим благоговением, потому что там, среди множества драгоценных картин голландских живописцев, находятся «Урок анатомии» и «Симеон во храме» Рембрандта и «Бык» Павла Поттера; портрет этого живописца, сделанный за несколько дней до его смерти Ван-дер-Хельстом, помещен также в музее. В небольшой, но образцовой коллекции Steengracht, есть также замечательные произведения голландских мастеров. В Лесном Доме, королевской резиденции, расположенной в парке, также есть ценные картины; но великолепная коллекция, принадлежавшая королю Вильгельму II, была продана его детьми в 1850 г., и голландцы испытали унижение видеть, как лучшие картины этой галлереи были увезены в иностранные музеи. Этнографическая коллекция и коллекция редкостей, кабинет монет, медалей и камней, музей, устроенный графом Меерманном и бароном Вестриненом, национальная библиотека—очень богаты драгоценными предметами, произведениями из слоновой кости и картинами, первопечатными (напечатанными до 1550 г.) книгами и рукописями. Гага, обладающая таким множеством картин, не имеет в числе своих сынов ни од-

ного знаменитого живописца, но она замечательна как родина математика Гюйгенса.

Рукав Рейна, протекающий в пятнадцати километрах к северу от Гаги, проходит через город Утрехт, представляющий также одну из столиц королевства, так как по своему университету он является оплотом протестантского православия в Голландии; кроме того, он служит местопребыванием католического архиепископства в королевстве, а также архиепископства старо-католиков янсенистов, значение которых, как религиозной секты, в недавнее время несколько усилилось, вследствие политических обстоятельств. В историческом отношении Утрехт также пользуется некоторым первенством между большими городами страны, потому что в нем в 1579 году заключен был утрехтский союз, в силу которого нидерландские провинции соединились в федеральную республику; здесь же собирались генеральные штаты, пока они не были переведены в Гагу. В 1712 году Утрехт избран был местом съезда уполномоченных, которые должны были подписать мирный тракт между Францией, Испанией, Англией и Голландией. Утрехт, древний Trajectus ad Rhenum, имевший уже во времена римлян значение станционного и торгового города, ныне составляет главный железнодорожный узел Голландии: в нем сходятся железные дороги из Амстердама, Гаги, Роттердама, Маастрихта, Арнгема и Гронингена, и соединяются множеством каналов, питаемых Рейном и оттоком его Вехтем. По числу жителей Утрехт четвертый город Нидерландов (95.000 жит.). Он окружен фруктовыми садами и ведет большую торговлю зерном и скотом; его мануфактурная промышленность весьма разнообразна.

Движение судоходства по главному каналу Утрехта в 1882 г.: 24.900 судов, с грузами товаров около 366.000 тонн.

Город имеет форму неправильного четырехугольника, окруженного каналом, который был когда-то крепостным рвом и сохраняет еще крутые извилины, обтекавшие вокруг бастионов; стены заменены деревьями, группами кустарников и цветниками, а с восточной стороны почти на километр тянется прекрасный бульвар Майль (Maliebaan), образуемый шестью рядами высоких лип. Внутри город перерезан множеством судоходных каналов, берега которых большею частью так высоки, что улицы переходят через каналы по постоянным мостам, а магазины и склады расположены под верхними набережными, вдоль медленно текущей воды. Развалины собора, на половину разрушенного ураганом в 1674 году, и соседний монастырь представляют еще самые значительные остатки готического искусства в Голландии. Но эти остатки реставрированы без вкуса и сохраняют только красоты деталей. С высокой башни, возвышающейся на сто слишком метров над площадью, видна почти вся историческая местность Нидерландов от Герцогенбуша до Зюдерзее, и от устьев Мааса до холмов Арнгема.

Кроме своего университета, одного из четырех в королевстве, Утрехт имеет еще одно из высших учебных заведений Голландии—ветеринарный институт. Военно-медицинская академия переведена недавно в Амстердам. В Утрехте находится монетный двор Нидерландов и всех их колоний. В городе этом имеются важные научные коллекции, ценная библиотека, метеорологическая обсерватория, на которой, под руководством Бюис-Баллота, были произведены работы, много способствовавшие прогрессу науки. В музее городской ратуши и в доме, где родился Адриан Флоран или Боер, сделавшийся впоследствии папою под именем Адриана VI,—есть несколько картин, но гораздо меньше, чем можно было бы ожидать на родине Пеленбурга, Гонтгорста, Бота и Гондекетера. Одну из достопримечательностей Утрехта составляет квартал янсенистов—нечто в роде бегинского монастыря, где верные группируются вокруг своей церкви. К востоку от Утрехта, в большой сельской общине Цейст, находится другое братство, именно община моравских братьев,—единственная существующая в Голландии. Кроме того, в Утрехте и его окрестностях имеют своих представителей моннониты, ремонтраны, сепаратисты и все религиозные секты Нидерландов.

Город Гуда, называемый также Тер-Гув, есть один из торговых центров внутренней Голландии, благодаря своему положению на перекрестке простых и железных дорог из Утрехта, Роттердама и Гаги, и на канале, соединяющем Рейн с Маасом посредством реки Гув и гол-

ландского Исселя. Он известен в промышленности своими кирпичами и трубками, которые фабрикуются из глины, добываемой со дна Исселя, а также превосходными сырами, которые приготовляются окрестными поселянами. «Большая церковь» в Гуде прославилась своими оконницами, сделанными большею частию братьями Крабет, художниками шестнадцатого века.

К западу от Утрехта, «Старый Рейн», до впадения своего в море, протекает только чрез один большой город—Лейден. Воды Рейна разветвляются на множество каналов, из которых одни пересекают этот город во всех направлениях, а другие окружают большой четырехсторонник Лейдена, сохраняя везде, как и в Утрехте, извилистую форму, придаваемую выступами бастионов, которые теперь срыты и заменены публичными садами. Лейден один из древних городов Голландии; это был Lugdunum Batavorum или Батавийский Лион, Лейтен средних веков. В этом месте естественно должна была возникнуть станция уже в первое время заселения страны, потому что среди низменной равнины здесь возвышается холм в 16 метров вышины, представляющий верное убежище от вод. Фундаменты, находимые на этом холмике, представляют древнейшие остатки города; здесь стояла оборонительная цитадель, перестроенная впоследствии под именем Бурга; вокруг него группируются дома, и возвышающаяся на нем еще теперь старая башня составляет геометрический центр города.

Во время славной войны за независимость, Лейден был одним из городов, которые подавали высокий пример стойкости. Осажденный в первый раз в 1573 году, он скоро затем освободился, но в 1574 году был снова обложен, и его немногочисленные защитники твердо решились исполнить свой долг. К концу осады жители питались листьями с деревьев и травой, росшей на улицах. «Вот моя шпага; вы можете разделить между собою мое тело», так говорил бургомистр Ван-дер Верф возмутившимся гражданам; «ешьте меня, но я не сдам крепости». И действительно—он не сдал ее. Бурный ветер пригнал голландский флот к самому Лейдену чрез разорванные плотины, и город был освобожден после ста тридцати одного дня осады. В вознаграждение понесенных страданий, говорят, республика установила в Лейдене ежегодную десятидневную ярмарку, свободную от всяких налогов, и дала ему университет, основанный в самый разгар национальной борьбы. Эта школа вскоре сделалась одною из знаменитых в Европе. В те времена, когда в этом университете следовали друг за другом Липсе, Скалигер, Сомазий, Гроций, Фоссий, Гейнзиус, Бургав, в нем считалось до 2.000 студентов, стекавшихся из всех частей Европы. В настоящее время главная лейденская школа, хотя находится в относительном упадке, однако является еще одним из важнейших высших учебных заведений Голландии. В Лейденском университете теперь около 750 студентов; библиотека его содержит 14.000 рукописей, в том числе много уников; эта и другие драгоценные коллекции делают его одним из самых любопытных заведений в Европе. Впрочем, преподаванию часто вредила рутина: еще недавно некоторые курсы читались на латинском языке. В 1876 году он торжественно праздновал третий столетний юбилей своего существования.

В семнадцатом веке Лейден был цветущим городом; после упадка бельгийских провинций, этот голландский город был главным наследником фламандских промыслов: особенно большего развития достигла здесь фабрикация тонких шерстяных материй; с отменою нантского эдикта здесь поселилось много французских протестантов, принесших с собою свои ремесла. Но войны и в особенности конкурренция Германии и Англии привели в упадок большую часть мануфактур Лейдена, и город обезлюдел; в счастливые времена в нем было, говорят, вдвое больше жителей, чем теперь; в его каналах и бассейнах не кишат суда, как в Утрехте и Гаарлеме, улицы его мало оживлены, площади почти пусты; впрочем, фабрикация сукон и шерстяных одеял еще значительна. В 1807 году город вдруг уменьшился, вследствие взрыва судна с порохом, разрушившего сотни домов: место катастрофы и теперь еще указывают военное поле и окружающие его пустыри. В числе разрушенных зданий был и дом Эльзевиров (знаменитые типографщики). Лейден принадлежит к числу тех городов, где существует наилучшая в мире система канализации для ассенизации города и удобрения по-

лей.

Большие коллекции Лейдена, помещающиеся в отдельных зданиях, недавно еще были единственными в Европе, по причине торговой монополии, которою пользовались голландцы в Японии и на Зондских островах; и теперь еще некоторые из хранящихся в его музеях предметы—единственные, полученные Западом. Этнографический музей, составленный частию из старинной японской коллекции Зибольда, приводил в изумление самих японских путешественников; естественно-исторический музей, между прочими богатствами, заключает в себе птиц, классифицированных знаменитым Темминком; в музее древностей, кроме интересной египетской коллекции и восточных редкостей, есть предметы доисторического происхождения, собранные в почве самой Голландии. В оранжереях ботанического сада, одного из самых полных в Европе, цветут прекраснейшие тропические растения. В Лейдене есть драгоценные картины, но в небольшом числе; он, однако, родина Луки Лейденского, Герарда Доу, Стена, Метцу, Мьериса, Отто Ван-Вена; неподалеку от него находится место рождения Рембрандта. Дома этих живописцев исчезли, но зато существуют еще жилища нескольких прославивших Лейден ученых. К западу от города, на дороге в Катвис и к его морским купаньям, в прекрасном парке можно видеть замок Эндегист, в котором долго жил Декарт.

Общины провинции Южной Голландии, с населением свыше 5.000 душ: Роттердам—286.105 жит. (31 дек. 1896 г.); Гравенгаге (Гага)—191.530 жит.; Лейден (Лейд)—53.368 жит.; Дортрехт (Дорт)—36.687 жит.; Дельфт—32.021 жит.; Скидам—26.627 жит.; Гуда—19.805 жит.; Кралинген—18.600 жит.; Горинхем (Горкум)—11.880 жит.; Флаардинген (Влардингер)—12.620 жит.; Слидрехт—9.210 жит.; Шарлуа—8.260 жит.; Риддеркерк—8.000 жит.; Катвик—6.270 жит.; Уд-Бейерланд—5.200 жителей.

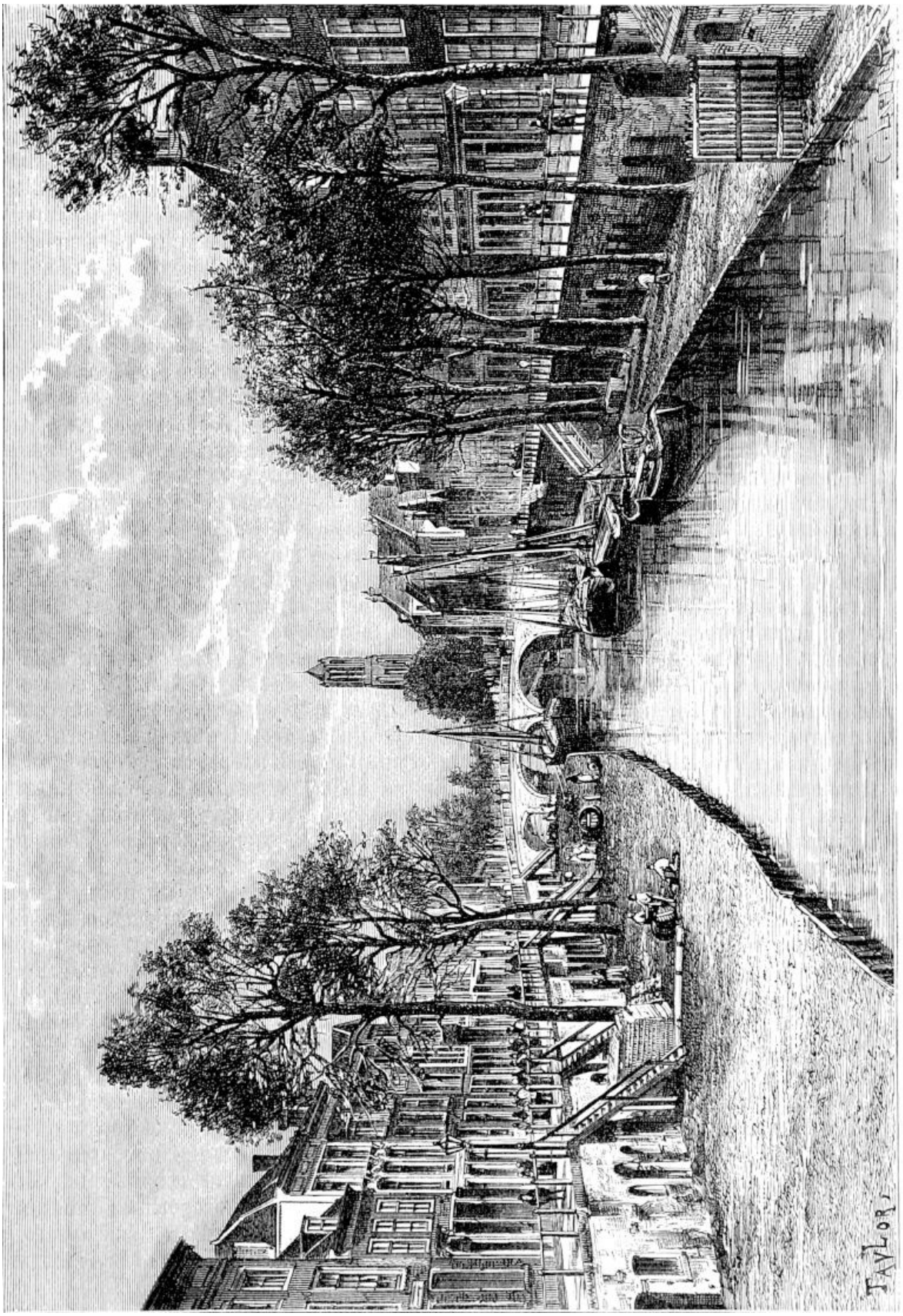
Город Гаарлем, получивший такую известность в истории человеческого труда, с тех пор, как соседнее «море» было совершенно опорожнено, довольно быстро увеличивается по населению, благодаря обработке некогда затопленной своей территории. Быв прежде столицею графства Голландии, он является ныне административным центром провинции Северной Голландии, главный город которой—Амстердам. Во время войны за независимость, в 1572 году, Гарлем подвергался осаде, как и Лейден, и хотя сопротивлялся дольше, но в конце концов должен был сдаться, когда испанцы разбили на Гаарлемском озере вспомогательный голландский флот: гарнизон и 2.000 граждан были обезглавлены и брошены в озеро. Но, сделавшись через четыре года снова голландским, город скоро оправился от постигших его бедствий и, подобно Лейдену, воспользовался косвенным образом упадком фламандских городов, наследуя их промышленность, в особенности полотняную. Вода и климат Гаарлема сообщают холсту большую белизну, и до применения быстрого способа беления холста хлором, тканье посылалось из Силезии и Ганновера в Гаарлем и затем снова вывозилось оттуда под именем «голландских полотен».

Гаарлем—один из тех нидерландских городов, в которых родилось много знаменитых людей. В нем воздвигнута бронзовая статуя Лоренцу Янсзону «Ризничему» (Coster), который здесь считается изобретателем книгопечатания, а в его «большой» церкви, замечательной своим органом, одним из огромнейших в мире, находятся гробницы поэта Бильдердика и инженеров Конрада и Брунингса, гидравлические сооружения которых еще и теперь защищают Голландию от моря и бурь. Гаарлем был родиной живописцев Винантца, Франца Хальса, Ван-дер-Хельста, Адриана Броувера, Корнелия Бега, Филиппа Вувермана, Бергхема, Рюисдаля, и более счастливый, чем другие голландские города, обладает не только славою этих имен, но и многочисленными картинами многих из своих великих художников: в одном бегинском монастыре есть даже такия полотна Франца Хальса, которые не переменяли своего места с тех пор, как нарисованы. Художник, ищущий хороших и основательных уроков, должен доставить себе удовольствие посмотреть Франца Хальса именно в Гарлеме[1].

Город богатый, имеющий в среде своего населения много досужих людей, культивирую-

1 Эжен Фроматэн, „Les Maitres d'autrefois".

щих, науки и искусства. Гарлем служит местопребыванием многих ученых обществ, и в нем много всякого рода коллекций и библиотек. Здесь был основан музей геологического и физического исследования Голландии; здесь же находится музей Тейлера, в котором собрано



Старый каналъ въ Утрехтѣ.

множество любопытных предметов, физических аппаратов, ископаемых и камней, медалей, книг и гравюр; естественно-исторические сокровища этого музея подробно описаны в ученых периодических изданиях. Наконец, за стенами Гаарлема, в буковой роще, остатке

древних лесов Голландии, расположен красивый дворец, заключающий в себе коллекцию картин современных художников и колониальный музей. Кроме того, в Гаарлеме, есть много прекрасных мест для прогулки; таковы его бульвары, обсаженные деревьями, где стоят еще «Амстердамские ворота», могучее сооружение пятнадцатого века, его большой лес, Блюмендааль (долина цветов), и окрестные сады, где издавна ведется культура гиацинтов, тюльпанов, мака и многих других цветов, которым благоприятствует песчаное свойство почвы; здесь-то садовники создали те удивительные разновидности тюльпанов, которые порождали столько спекуляций в первой половине семнадцатого века, когда одна луковица, называемая «вице-король», продавалась за 25.000 флоринов, а три луковицы Semperaugustus стоили 30.000 флоринов. В наше время сады эти еще прекраснее, чем в ту эпоху ажиотажа, но их произведения, луковицы, семена, цветы, плоды и овощи всякого рода, служат лишь предметом естественной отпускной торговли: они вывозятся во все части Голландии, в Англию, Германию и Россию. Ценность тюльпанов, отправленных из Блюмендааля в 1872 г., составляла 840.000 фр. Гаарлем отстоит от моря только на семь километров. К западу от цепи дюн, над которою возвышается Блюмендааль, расположено селение Зандваарт, посещаемое летом многочисленными амстердамскими купальщиками.

Будучи втрое населеннее Гаги, Амстердам есть истинная столица Нидерландов, и даже оффициально носит название столицы, хотя не служит местопребыванием правительства. Пока Зюйдерзее был удобен для мореплавания, положение, занимаемое ныне этим большим городом, было необыкновенно счастливо в торговом отношении, ибо этот угол внутреннего моря прилегает к самой плодородной и многолюдной местности нижней Голландии; сюда же упирается кратчайшая линия, проведенная от устьев Мааса и Рейна к бассейну Зюйдерзее; кроме того корабли, находившие по всему морскому берегу Голландии негостеприимные берега, встречали здесь естественный порт, совершенно защищенный от волн и ветра. Но прежде чем торговля могла воспользоваться этим положением, нужно было, чтобы обширные болота, в которых терялся поток Амстель, при слиянии его с лиманом Ий, были по крайней мере отчасти укреплены плотинами и на твердой земле могли появиться первые дома; и действительно, только в начале тринадцатого века среди рыбачьих хижин на Амстельдаме, т. е. «плотине Амстеля», появляется замок.

Форма первоначального островка определила собою форму, которую в следующие века должен был принять возрастающий город. Эта форма очень странная, хотя необыкновенно правильная. Вокруг почти овального ядра древнего города идут четыре параллельные канала или Grachten, но не кривыми, а ломанными линиями, и сами, в свою очередь, окружены наружным каналом или Buiten Singel, более пяти километров длиною, описывающим почти полуокружность; он омывал когда-то укрепления, замененные теперь отчасти лужайками и деревьями. Концентрические каналы во всех своих углах пересекаются поперечными рвами, расходящимися кнаружи в форме ветвей веера, так что город разделяется на 90 островков, соединенных 300 мостов, из которых некоторые подъемные и поднимаются для пропуска судов посредством огромных рычагов. Каждая улица служит портом и каждый дом,—складочным местом. Амстель, нарушающий несколько геометрическую правильность города своими двумя большими излучинами, разливается в бассейны, где стоят на якоре суда малого водоизмещения, между тем как крупные суда и морские пароходы наполняют наружные порты, пересеченные в проливе Ий высокими плотинами, на которых стоят дома. К открытому морю от города по хорде дуги, образуемой наружным каналом, тянется ряд островков правильной формы, на которых расположены железнодорожные станции и товарные склады. Все эти островки нового происхождения и образовались от засорения пролива песками береговых дюн.

Впрочем, вся почва, на которой стоит Амстердам, укреплена человеческим трудом. Илистая подпочва, состоящая большею частью из остатков мелких животных, политаламий, расползалась бы под тяжестью домов Амстердама, если бы большая часть их не были построены

на сваях[1], так что перевернутый город представил бы удивительное зрелище леса «без ветвей и листьев»[2]. Эразм говорил, что он знает город, жители которого живут, как вороны, на вершинах дерев, разумея при этом Амстердам. Один королевский дворец стоит на 13.659 сваях. Слишком тяжелые постройки уже не раз уходили в ил. Амстердам—оригинальный город, которому нет подобного. Быть может, имея в мысли произведения его художников, его сравнивали с Венецией, как будто Венецию можно представить себе без прозрачности атмосферы, без лучезарного неба, без блеска мраморных дворцов. Амстердам, при своем переменном климате, туманах, дождях и внезапных прояснениях,—походит только сам на себя. Однако, несмотря на геометрическую правильность его каналов, он очень красив, когда солнечные лучи блестят сквозь ветви деревьев, рассаженных вдоль набережных, и когда тысячи мачт и снастей рисуется на светлом фоне неба. С башни королевского дворца, в центре города, виден, как на ладони, весь Амстердам, со всеми его каналами, бассейнами, запруженными кораблями, проливом Ий, зеленеющими полями, окаймляющими Зюйдерзее и заменившими бывшее Гаарлемское море. Прямо под ногами у вас площадь Дам, на которую сходятся все главные улицы города,—это первая насыпь, первая плотина, послужившая точкою опоры для всех работ, предпринятых семь веков тому назад для расширения Амстердама.

Как и следовало ожидать, в столице Голландии, которая, впрочем, была родиной Адриана и Виллема Ван-ден-Вельде, Кареля дю-Жардена, двоих Ван-дер-Нееров, Веникса, Ван-Гюизема, национальная школа живописи является во всей своей славе. В королевском дворце есть несколько замечательных картин; городская ратуша украшена драгоценными картинами Гальса и ван-дер-Гельста, изображающими обеды и празднества городских корпораций; но главные сокровища собраны в новом музее, заменившем собою мрачное здание Trippenhuis, где прежде помещалась картинная галлерея. Знаменитейшие полотна здесь—это картина Рембрандта, которой дано ошибочное название «Ночной Дозор», и «Банкет Стрельцов» Ван-дер-Гельста. В этом же музее можно видеть одну из последних и самых жизненных картин Рембрандта—«Старшины Суконщиков»; вообще здесь есть по одной или по нескольку картин всех голландских художников и множество портретов знаменитых личностей, так что изучение этой галлереи необходимо для историка Голландии. Музей Ван-дер-Гуп составляет также драгоценную коллекцию картин старинных нидерландских художников, а музей Фодор заключает в себе замечательнейшие картины новейших живописцев. А сколько дорогих произведений еще в частных коллекциях! Между ними есть одна, владельцы которой показывают портреты своих предков, рисованные самою блестящею и самою верною кистью Рембрандта.

Будучи городом искусств, Амстердам есть в то же время и главный центр научной жизни в Голландии. В нем находятся: один из четырех университетов страны, академия художеств, нидерландская академия наук и многие ученые общества, как, например, Felix meritis и археологическое. В Амстердамском университете в 1890 г. было 65 профессоров и лекторов и 900 студентов.

В Амстердаме недавно основано географическое общество, которое приносит науке неоценимые услуги, так как только оно одно может обрабатывать всякого рода голландские, малайские, яванские документы, относящиеся до Зондского архипелага. Ботанический и зоологический сады отличаются большим богатством и пополняются значительными коллекциями, в которых флора и фауна крайнего Востока имеют лучших представителей. Лабиринт домов прерывается несколькими публичными садами, из которых в одном возвышается стеклянный купол дворца промышленности, а другой, Вондельспарк, посвящен памяти поэта Ван-ден-Вонделя; но эти зеленеющие пространства очень редки и малы для такого многолюдного города. Амстердам—город нездоровый (средняя смертность—от 33 до 34 человек на 1.000); в пересекающих его во всех направлениях каналах лежит, средним числом, более метра илу, который извлекается посредством землечерпательных судов и продается,

1 Гартннг, „De Boiem onder Amsterdam“.

2 Альфонс Эскирос, „La Neerlande et la vie hollandaise“.

как удобрение, окрестным садовникам и земледельцам. Вода этих каналов была бы почти стоячею и скоро превратилась бы в вонючую грязь, если бы в гидравлическую сеть города не были введены одновременно и воды Ий, и воды Амстеля, при помощи шлюзов, регулирующих прилив и отлив, устроенных книзу от биржи и в других местах. До 1853 г. у жителей Амстердама не было чистой воды для домашних нужд, и они должны были довольствоваться водою цистерн; теперь они получают, по подземному водопроводу, приблизительно в 30 километров длины, дождевую воду, падающую на песчаные дюны, в которых она и очищается. Однако, несмотря на все улучшения и успехи, как частной, так и общественной гигиены, несмотря на чрезвычайную опрятность большинства жителей, Амстердам был бы городом, обреченным быстрому обезлюдению, если бы находился под более теплым солнцем. Перемежающиеся лихорадки дают в столице Голландии в шестьдесят раз больше смертных случаев, чем в столице Великобритании[1], и все холерные эпидемии, посещавшие Европу, производили в Амстердаме большие опустошения.

Тем не менее, вопреки неблагоприятным условиям в отношении здоровья, население столицы Голландии не перестает возрастать, благодаря той силе притяжения, которою обладает Амстердам, как центр торговли и промышленности. Он был весьма значителен уже в четырнадцатом столетии и весьма часто посещался моряками Ганзейского союза; уже в ту эпоху он служил убежищем для купцов, эмигрировавших из Фландрии и Брабанта. Революция сделала его свободным городом и наследником Антверпена; став убежищем для всех преследуемых, для евреев, протестантов и свободномыслящих, он возвысился в семнадцатом веке до степени первого города между всеми торговыми городами Европы. Ныне он далеко не имеет такого относительного значения, тем не менее, голландцы выказали удивительную настойчивость, удержав за своею столицею весьма деятельную морскую торговлю, хотя все более и более распространявшееся употребление судов большего водоизмещения для навигации чрез океан отнимало, повидимому, у амстердамских судохозяев всякую возможность конкурренции. Зюйдерзее слишком мелок для безопасного входа судов, сидящих в воде более, чем на 4 метра, и кроме того, при входе в Ий образовалась еще опасная отмель, банка Пампус, так что суда, желавшие пройти в порт Амстердама, принуждены были поддерживать себя справа и слева лихтерами или «камелями». Известно, что для поддержания своей морской торговли город принужден был прорыть канал в 84 километра длины через полуостров Норд-Голланд, а затем заменить этот канал, считавшийся пятьдесят лет тому назад чудом человеческого искусства, каналом Иймуйден. Но и этого недостаточно. Если Амстердам, лишенный отныне всякой коммерческой монополии, не пожелает уступить своего места более удобно расположенным соперникам, если не захочет, чтобы его окончательно оставил за собою Роттердам, а впоследствии, быть может, и Флиссинген, то ему необходимо иметь постоянно свободное водяное сообщение с долиною Рейна посредством широкого и глубокого канала, который заменил бы неопределенное течение Исселя и неглубокие существующие ныне каналы, которыми теперь по необходимости пользуются в весьма широких размерах.

Кончено, «Северная Венеция» не перестанет упорно бороться, чтобы избегнуть участи, уже постигшей бывшую «царицу Адриатического моря». Уже с открытия канала Иймуйден торговля Амстердама несколько увеличилась, вследствие более легкого доступа, или же вследствие предпринятых в городе значительных работ. Это из порта Иймуйден отплыл корабль «Вильльям Баренц», который должен был продолжать в северных морях исследования, начатые так славно голландцами семнадцатого века.

Движение мореходства в Амстердамском порте в 1890 г.: прибыло 1.675, вышло 1.680 судов, вместимостью, вместе, 4.200.429 куб. метр. Торговый флот Амстердама: 120 судов (в том числе 76 пароходов) в 141.933 тонны. Промышленность Амстердама, относящаяся главным образом к морю, состоит в кораблестроении, впрочем, значительно упавшем за последние годы, и в фабрикации разного рода гидравлических машин; но мало отраслей промышленности, в которых он не принимал бы участия: громадные фабрики заняты рафинировкой

1 Г. К. Ломбар, „Traite de climatologie medicale“.

вывезенного из колоний сахара, а большие пивоваренные и винокуренные заводы производят крепкие напитки. В предместьях и окрестных деревнях, особенно в древней земледельческой, отвоеванной у моря, колонии Ньевер-Амстель, промышленность также очень оживлена. До недавнего времени Амстердам был единственным городом в мире, где производилось правильное гранение алмазов, заимствованное у Гента в пятнадцатом столетии; теперь с ним соперничает Париж, но амстердамские рабочие, из евреев португальского происхождения, остались мастерами в этом искусстве, которое, впрочем, не имеет никаких секретов и требует только чрезвычайной ловкости руки (в 1890 г.: 56 гранилен, в том числе несколько с паровыми машинами). Амстердамские евреи, составляющие почти девятую часть городского населения, также самые деятельные посредники в торговле деньгами, которая получила столь важное значение в этом «городе миллионеров» и сделала его биржу одним из главных регуляторов финансового рынка.

Несмотря на разницу, существующую в некоторых отношениях между португальскими и немецкими евреями, как те, так и другие принимают одинаковое участие в этом деловом движении. Первые из них гораздо малочисленнее; из их среды вышел Варух Спиноза, которого, быть может, ни один человек не превзошел в полноте мысли и возвышенности характера и образа жизни. В Гааге ему воздвигнута статуя.

Заандам, город самый близкий к столице и зависящий от неё в промышленном отношении, расположен в 8-ми километрах к северо-востоку за превращенными ныне в твердую почву землями, где проходит канал Иймуйден; это главный город целого многолюдного края, называемого Заанстрек. Заандам есть один из самых своеобразных городов Европы, благодаря своему расположению на древних плотинах на берегу Заана. Заандам состоит, главным образом, из двух улиц в несколько километров длиною, осененных липами или вязами и окаймленных маленькими деревянными домиками и ветряными мельницами; еще и теперь насчитывают около 270 таких мельниц в этом округе, хотя их стало гораздо меньше, нежели в эпоху торгового периода Заанстрека, когда он был местом склада зернового хлеба и масляничных семян для части Западной Европы[1]. Некоторые из этих мельниц имеют монументальные размеры; они исполняют разные назначения: одни мелют зерно, другие пилят дерево, накачивают насосом воду и осушают почву, выделывают бумагу, растирают краски, приготовляют цемент, моют материи и выжимают масло из полевой репы. Так как плотины не могут уже поместить их, то они распространились по полям, и всюду виднеются их своеобразные постройки. Высокие мосты соединяют оба берега; сады, украшенные киосками, покрывают крутые берега. Сквозь снасти судов и листву массивных дерев виднеются зеленые, розовые или пестрые фасады домиков. Город кажется оживленным только со стороны канала; узкая же улица, идущая по верху плотины, относительно-пуста и уединенна. В былое время большие ворота, выходящие на улицу, отворялись только для свадебных или похоронных процессий и потому приобрели имя «мертвых ворот», т.-е. ворот, в которые никогда не входят. Опрятность заандамских жилищ не уступит знаменитой деревне Брок, расположенной посреди польдеров, на северо-восток от Амстердама, и населенной отчасти оставившими дела негоциантами. Любопытные посещают в Заандаме покосившуюся хижину, в которой, по преданию, царь Петр I провел 8 дней в 1697 году, с целью научиться ремеслу морского плотника. Ныне ремесло это пало.

Алькмаар, расположенный среди бывших озер, превратившихся в богатые польдеры, почти по середине Северо-Голландского полуострова, представляет собою самый большой рынок для сбыта сыров: он продает их ежегодно от четырех до пяти миллионов килограммов. Табачная промышленность здесь также в цветущем состоянии.

По соседству с Алькмааром на юго-западе, находится родовой замок графов Эгмонт; несколько деревень и, между прочим, рыбачья деревня Эгмонт-ван-Зее напоминают собою значительность владений, некогда принадлежавших этой фамилии. На северо-восток от Алькмаара лежит деревня Берген, где в 1799 г. англо-русские войска, высадившиеся близ

1 Кипер, „Nederlands Tuestand“.

Гельдера, были разбиты французами, под предводительством генерала Брюна.

Гельдер—главный город полуострова, расположенный на берегу моря, под защитою мощной, вооруженной редутами и цитаделями, плотины, которая ограждает от бурь всю северную оконечность Голландии. Непрерывный ряд домов и канал, прорытый вдоль плотины, соединяют Гельдер с Ньюведьепскою гаванью, куда изливается судоходный Амстердамский канал; со времени открытия этого судоходного пути в 1819 году народонаселение Гельдера увеличилось в десять раз. Ньюведьеп служит гаванью убежищем: приливы и отливы, происходящие между морем и Зюйдерзее, касаются в этом месте берега и дают возможность большим кораблям становиться у самого материка. Вероятно, вследствие этого сильного течения Гельдер и получил свое название «Helsdeur», т.-е. адские ворота. Гавань, расположенная на той стороне полуострова, которая обращена к Зюйдерзее, составляет нечто в роде дугообразной улицы, защищенной плотиной от моря и песков. Прежде она была наполнена кораблями, потому что через нее проходила вся громадная морская торговля Амстердама, избирающая ныне другой путь. Тем не менее, Ньюведьеп будет всегда иметь значение как для местной торговли, так и для временного пристанища кораблей, захваченных бурею при входе в Зюйдерзее. Сверх того, Ньюведьеп есть одна из стоянок нидерландского военного флота; здесь находится морской корпус. Вход в Гельдер, между полуостровом и Текселем, вполне защищен фортами и пловучими батареями, так что во время войны никакая эскадра не могла бы форсировать пролив. В 1673 году близ Гельдера произошла морская битва между флотом Рюйтера и союзными эскадрами Франции и Англии, и Рюйтер остался победителем.

Энкуйзен расположен на берегу Зюйдерзее, в том месте, где этот залив съуживается между полуостровом Голландией и Фрисландиею. Это мертвый город. Говорят, что некогда он имел 40.000 жителей, в восемь раз более, нежели в настоящее время; тысячи судов теснились в его гавани; он высылал на большую рыбную ловлю до 400 судов, сопровождаемых 20-ю военными кораблями, и, когда Баренц предпринял первую полярную экспедицию, Энкуйзен снабдил его одним из своих кораблей. Но гавань засорилась, город обеднел, а у граждан не хватило энергии, чтобы возвратить потерянные преимущества, так что теперь у него всего каких-нибудь 40 рыболовных барок. Энкуйзен—родина Поля Поттера.

Медемблик, на северо-западе, и Горн, на юго-западе, носили в различные эпохи титул столицы, но теперь также в упадке. Горн имел до 25.000 жителей и до 450 судов для рыбной ловли; его красивые, со скульптурными украшениями, дома свидетельствуют и теперь о богатстве его судовладельцев XVII века. В Горне родился Корнелий Шутен, моряк, который первый обогнул южную оконечность Америки. Два корабля, которыми управляли Шутен и Яков Ле-Мер, были снаряжены «австралийскою компаниею» в Горне. Название мыса Горна, которое носит самая крайняя оконечность Нового Света, было дано ей 29-го января 1616 г. капитаном и его экипажем в память своего славного родного города[1]. В настоящее время этому морскому городу, который считается родиной мореплавателя Тасмана, угрожает опасность потерять море, потому что, по всем планам осушения Зюйдерзее, Горнский залив должен превратиться в польдер. В настоящее время один из главных предметов вывоза этого города составляет сыр, производимый в его окрестностях. Тот же сыр, вместе с анчоусами и сельдями, доставили известность городам Монникендаму и Эдаму, из которых последний расположен близ моря, на половине пути от Горна к Амстердаму. Предместье Эдама, Волендам, имеет не менее 160 рыболовных судов. Вся эта страна, покрытая некогда озерами, превращенными впоследствии в польдеры, необыкновенно плодородна. Там коровы дают молока до 30 литров в день и вполне заслужили данное им название «ходячих молочных фонтанов».

На юго-восток от столицы, на берегу Зюйдерзее, расположены малонаселенные местечки Мюнден и Наарден. Самые значительные общины находятся внутри страны: это—Гильверсум, где прядильные фабрики перемешиваются с загородными домами; Амерсфоорт, прежде

1 И. Г. Коль, „Geschichte der Magellanschtrasse“.

Эмсфоорт или «брод на р. Эм», тоже промышленный город, родина Барневельда; и большое местечко Никерк, создавшее себе гавань на Зюйдерзее. Занесенный песками, порт Гардервик, входивший некогда в состав Ганзейского союза, и который, впрочем, и ныне нельзя причислить к разряду мертвых городов, расположен далее к востоку, уже на восточном берегу залива: «это место, куда собираются люди всех национальностей и языков, вербующиеся в индийскую армию. Гардервикская академия, в которой учились Бургав и Линней, была упразднена.

Общины северной Голландии, с населением свыше 5.000 душ:

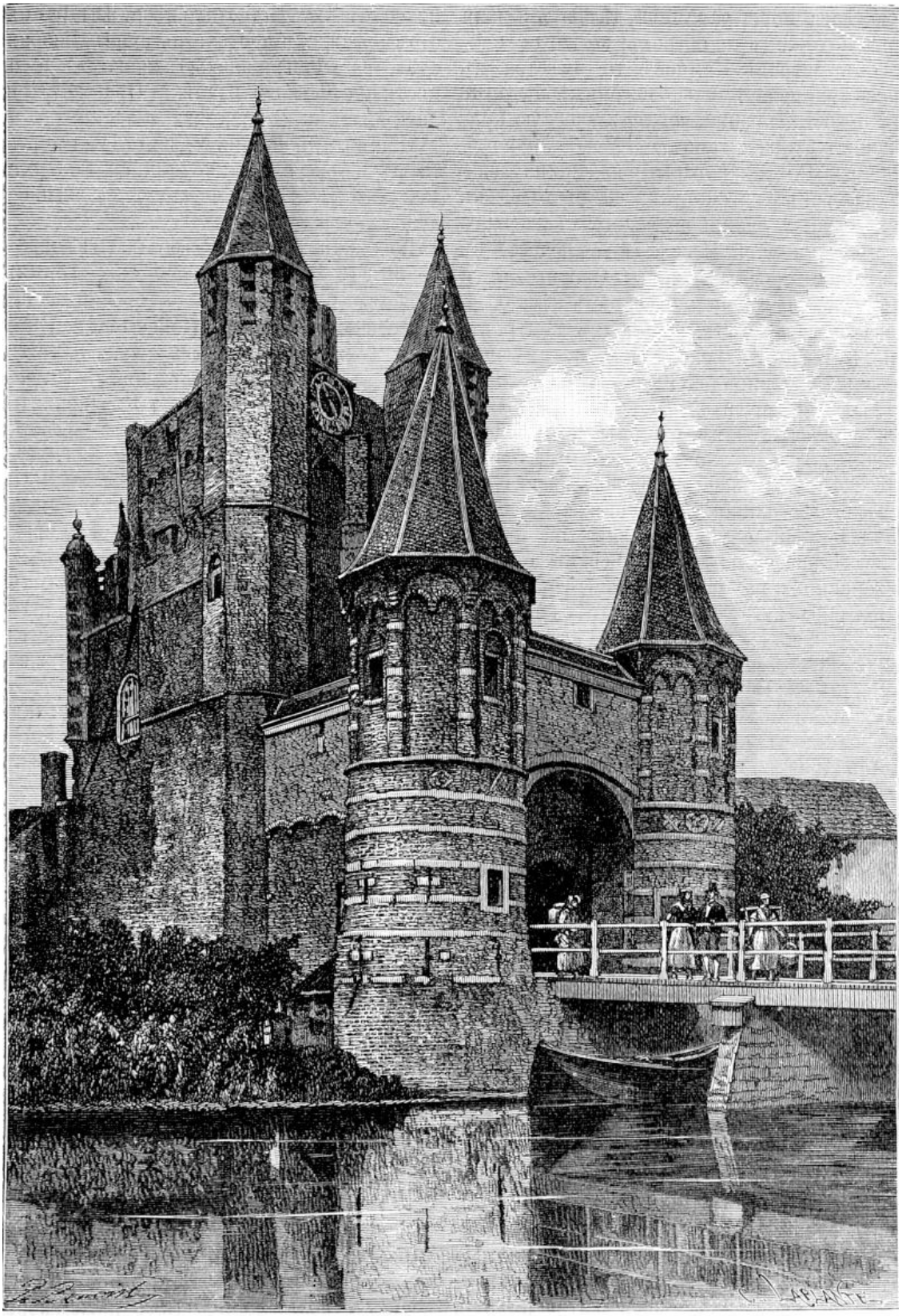
Амстердам (31 декабря 1896 г.)—194.180 жителей; Гаарлем—60.788 жит.; Гельдер—25.628 жит.; Гарлеммермер—15.300 жит.; Заандам—15.000 жит.; Алькмаар—15.710 жит.; Ньюверамстель—35.116 жит.; Горн—11.035 жит.; Гильверсум—12.395 жит.; Тексель (остров)—5.880 жит.; Энкуйзен—6.330 жит.; Эдам—5.820 жителей.

Иссельский бассейн—восточная ветвь рейнской дельты—содержит в себе большую часть двух восточных провинций: Гельдера и Оверисселя; но все города их расположены на реке, или в непосредственном соседстве с нею. Аальтен, Винтерсвик и Виш находятся близ немецкой границы и представляют собою большие сельские общины, имеющие несколько прядилен и ткацких фабрик. На запад от Исселя лежит Апельдоорн, большая деревня с разбросанными между деревьями домами, получившая в последние годы довольно важное значение: неподалеку оттуда находится прекрасный королевский загородный замок Лоо, славящийся своими тенистыми садами и парками.

Дусборг, первый город на Исселе, находящийся книзу от разветвления Рейна, представляет собою укрепленное место, с довольно оживленною торговлей. Зутфен, расположенный ниже, также на правом берегу Исселя, при впадении маленькой речки Беркель, значительнее Дусборга и интереснее по своим башням и старинным валам. Богатство его вошло в пословицу. Девентер, следующий за Зутфеном, перестал быть единственным рынком в округе Твенты, но ведет еще значительную торговлю и имеет многочисленныя фабрики, между прочим, мануфактуру ковров. Это один из самых живописных городов Голландии: расположенный при соединении Исселя с Шипбееком, он вздымает над извилистою рекою и лугами свои высокие колокольни, башни, остатки стен, выдержавших упорные осады, тогда как против него густые деревья осеняют левый берег реки. Цволле, главный город провинции Оверисель, родина Фомы Кемпийского и живописца Тербурга, не имеет, подобно Девентеру, преимущества стоять на берегу Исселя, но находится в таком близком от него расстоянии, что оказалось возможным соединить его с этою рекой, равно как и с рекой Вехт, посредством глубокого канала. Город, построенный на низком месте на берегу Цварте-ватер, т. е. черной воды, куда впадает Вехт, окрашенный гумусом торфяников, находится, таким образом, на перекрестке судоходных путей; кроме того, пять линий железных дорог соединяются на его станции, обеспечивая ему значительное торговое движение. Морская гавань Исселя, Кампен, посещается множеством мелких судов, которые отваживаются на плавание по Зюйдерзее, плавание более опасное, чем где бы то ни было, вследствие силы западных ветров. Чтобы доставить судам достаточную глубину, пришлось удлиннить оба берега Исселя на три километра в море посредством молов; таким же образом было увеличено более чем на шесть километров и течение Цварте-ватера. В Кампене есть любопытные памятники старины,—древние ворота, окруженные деревьями и лужайками, две церкви четырнадцатого столетия и ратуша времен «возрождения», с изящным монументальным камином. Огромные окрестные деревья возвышающиеся над гладкою, как море, равниной, делают издали Кампен похожим на остров; но когда говорится об острове Кампене, то имеется в виду весь архипелаг, расположенный в устье Исселя и составляющий земледельческую принадлежность старого города.

Бассейн Вехта, который, не принадлежа прямо к рейнской системе, соединяется в нижнем своем течении, посредством разных каналов, с дельтой Исселя и заключает в себе малоплодородные части Оверисселя и Дренты, где, тем не менее, есть несколько городов и даже

промышленных центров. Таковы: Эншедо, Альмело, Генжело, имеющие несколько бумагопрядильных, красильных, белильных и других фабрик. Благодаря своим мануфактурам, общины эти далеко превзошли, по своему значению, соседний город, древний Ольдензааль,



Амстердамскія ворота въ Гарлемѣ.

который, как полагают, был некогда столицею франков салийских. Многочисленные сельские общины Оверисселя также густо населены, но разбросаны отдельными деревнями на значительном пространстве, при чем ни в одной из этих общин, каковы: Аверест, Дальфсен,

Гарденберг, Геллендоорн, Лоннекер, Раальт, Туббергеи, Веерсело, Вирден и другие менее населенные, нет агломерации, которая бы заслуживала названия местечка. Один из городов провинции Дренты, прелестный Менпель, находящийся на берегу Цволле, и большая сельская община Гоогевен расположены также в бассейне Вехта.

Вне дельты этой реки, в озерной области, расположенной по берегу Зюйдерзее, лежит древний укрепленный город Стенвийк, бастионы которого теперь обращены в прекрасные бульвары. Окруженный некогда болотами и лайдами, он в настоящее время окаймляется прекрасными возделанными пространствами, а в окрестностях его тянутся знаменитые земледельческие колонии Фредериксоорд, Вильгельминасоорд и Виллемсоорд, где сотни семейств, поселенных здесь после голода в 1816 г., сделались землевладельцами. В этой же области ландов, в Веенгуйзене и Оммершансе, укрепленном лагере шестнадцатого столетия, были заведены колонии для сирот, нищих и осужденных, с целью исправления этих несчастных земледельческим трудом, т. е. «улучшения земли при помощи человека и человека при помощи земли». Но гораздо многочисленнее колонии, основанные без всякой поддержки попечительных обществ, самими крестьянами, свободный труд которых превратил ланды в сады. Самый замечательный из преобразованных торфяников находится в большой общине Шотерлянд—это богатая местность, где ныне возвышается город, носящий до сих пор имя Геренвеен, т. е. «торфяник господ». Первые дома этого города строились в половине шестнадцатого века. Выбранный местом резиденции штатгальтеров, Геренвеен сделался «Фрисландскою Гаагою», и окрестности прелестного владения Оранжвуд покрылись виллами и парками.

Общины провинций Утрехт, Гельдер, Дренте и Овериссель, находящиеся в бассейнах Рейна и Вехта, с населением свыше 5.000 душ:

Провинция Утрехт: Утрехт (31 дек. 1896 г.)—96.349 жит. Амерсфоорд—15.380 жит. Цейст—6.825 жит.

Провинция Гельдер (Gelderland): Арнгем—55.074 жит.; Нимвеген—38.576 жит.; Зутфен—17.800 жит.; Апельдоорн—19.275 жит.; Барневельд—6.460 жит.; Гардервик (Гардевайк)—7.300 жит.; Альтен—6.580 жит.; Вагенинген—6.830 жит.; Эде—11.830 жит.; Реден—12.430 жит.; Воорст—8.960 жит.; Тиель—9.900 жит.; Винтерсвейк—9.325 жит.; Эпе—7.800 жит.; Нейкерк—7.430 жит.; Кюленборг—6.790 жит.; Бруммен—6.820 жит.; Дутинхем—6.900 жит.; Виш—6.080 жит.; Гендринген—5.750 жит.; Берг—5.610 жит.; Герде—5.300 жит.; Эльст—5.830 жит.; Беммель—5.610 жит.; Ренкум—5.240 жит.; Эрмело—5.190 жит.;

Провинция Дренте: Гоогевеен—11.600 жит.; Меппель—8.870 жит.

Провинция Овериссель: Цволле—30.165 жит.; Девентер—25.527 жит.; Кампен—18.005 жит.; Альмело—8.270 жит.; Стеенвейк—5.345 жит.; Стеенвейкервольд—6.125 жит.; Гарденберг—9.500 жит.; Генгело—10.685 жит.; Туббергеи—6.200 жпт.; Авереест—6.550 жит.; Виерден—5.830 жит.; Геллендоорн—5.790 жит.; Эншеде, с Лоннекером—15.230 жит.; Раальте—5.650 жит.; Веерсело—5.060 жит.; Дальфсен—5.220 жит.

Маленькое селение Ставорен занимает оконечность Фрисландии, лежащую против Медемблика, в том месте, где съуживается залив Зюйдерзее. Это географическое положение на одном из главных углов территории должно было обеспечить гавани некоторое значение, и действительно Ставорен, бывшая столица королевства и самый древний из фризских городов, был в то же время и богатейшим городом. Моряки его уже с девятого века знали путь в Балтийское море через Зунд и пользовались там даже свободным проходом: единственная дань, которую они должны были платить датскому королю, заключалась в куске сукна. Ставорен входил в состав Ганзейского союза и не боялся воевать с графами Голландии и другими могущественными соседями: но песчаные наносы засорили его гавань, корабли забыли к нему путь, и Ставорен, лишенный всякой торговли, не имел достаточных средств для того, чтобы оправиться от опустошивших его осад и пожаров. С пятнадцатого века Ставорен стал падать. Севернее, Гинделоопен и Воркум представляют собою маленькия гавани, куда входят только рыбачьи лодки; но город Гарлинген, находящийся на северо-восточном углу

Фрисландии, ведет большую торговлю. Здесь были вырыты бассейны для приема больших кораблей, приходящих из Англии за скотом, маслом, сыром, яйцами и другими земледельческими произведениями.

Внутри материка находятся два города: некогда принадлежавший к Ганзейскому союзу Больсвард и Сник; этот последний находится близ бывшего моря, которое в настоящее время большею частью обработано; он оспаривал у Льивардена титул фризской столицы.

Франекер, главная станция железной дороги, соединяющей Гарлинген с Леуварденом, был долго университетским городом; но, при закрытии этого учебного заведения в 1811 году, оно было уже незначительно. В окрестностях этого города, находящагося ныне в упадке, родился, в 1196 г., Менно Симонс, основатель секты меннонитов, замечательной своим миролюбием, любовью к труду, солидарностью членов и удивительным благосостоянием. В стране существуют еще тысячи меннонитов.

Леуварден, главный город Фрисландии, носящий титул второй резиденции королевства, есть, в отношении к числу жителей, один из самых богатых городов в Нидерландах: это также один из самых больших земледельческих рынков, и окрестные поселяне, продавши свои съестные припасы, часто запасаются здесь золотыми украшениями, покупая их у многочисленных ювелиров. Леуварден не имеет никаких достопримечательностей, кроме музея древностей, найденных в окрестных торфяниках. Общины вокруг Леувардена и почти во всей Фрисландии очень значительны и заключают в себе от шести до десяти тысяч жителей, не сгруппированных в городе или его округе, а рассеянных фермами и селениями.

Гронинген, главный город северо-восточной провинции королевства, есть, на востоке от Зюйдерзее, один из самых больших городов Нидерландов (пятый по числу жителей). Хотя город этот находится в 25 километрах от моря, тем не менее он представляет собою порт, так как соединяется посредством каналов с заливом Долларт, Зюйдерзее и Северным морем. Корабли, прежде чем идти каналом Рейтдьепп к городским бассейнам, останавливаются на рейде Гронингена, расположенном в лимане Ловерзее, против деревни Зуткамп (движение судоходства в Гронингенском порте в 1892 г.: прибыло 102 груженых морских судна, вместим. 37.000 куб. метр.; вышло 212 судов в 62.000 куб. метр.).

Против Ловерзее находится маленький остров Ширмонникуг, который был некогда населен исключительно моряками, занимавшимися ловлею китов. Он имел 70 кораблей в постоянном плавании, так что из 500 человек, составлявших его мужское население, часто оставалось дома не более тридцати или сорока; теперь торговля его значительно уменьшилась, и жители, сделавшиеся земледельцами, увеличивают свои земляные участки посредством плотин[1]. Уже с тринадцатого века порт Гронингена был одним из самых значительных по торговле во всей северной Европе; его суда, вместе с судами Любека и Бремена, принимали участие в крестовых походах, в тринадцатом столетии. Гронинген вел торговлю с островам Готландом, на Балтийском море, с Англией, Швецией, Голландией и был одним из городов, входивших в состав Ганзейского союза. В настоящее время предметы его торговли составляют: зерновой хлеб и другие земледельческие произведения, а также лошади и золотые и серебряные галантерейные вещи. Свое благосостояние, как торговый город, он унаследовал и съумел удержать, но как университетский город он был менее счастлив. Его главная школа, основанная в 1614 г., имела, говорят, до 6.000 слушателей; теперь же число их незначительно (в 1891-92 г. числилось 444 студента).

За исключением Гронингена и Ассена, маленького городка, возведенного в ранг административного центра провинции Дренте, население общин пограничной с Германией части Нидерландов не группируется в города и центральные местечки, а представляет разбросанные группы жилищ, даже не заслуживающих названия деревень. Один из самых известных маленьких городов этой местности есть древняя крепость Дельфзайль на берегу Долларта, в том месте, где в него изливается Гронингенский канал. Порт этот находится против Эмдена, с которым и ведет довольно значительную торговлю (движение судоходства в Дельфзайле в

1 Кинер, „Notes manuscrites”.

1890 г.: 351 судно, вместимостью 193.000 куб. метр.).

Невдалеке от Виншотена, другого пограничного торгового города, находится поле сражения Гейлигерлее, где 24-го мая 1568 года произошла первая битва в войне за независимость, в которой испанцы были совершенно разбиты, в память чего воздвигнут посреди равнины памятник. В окрестностях Виншотена на юг от железной дороги, соединяющей его с Гронингеном, находятся самые замечательные земледельческие колонии, основанные посреди торфяников. Деревни там состоят из улиц в несколько километров длиною, которые идут вдоль канала эксплоатации. Так две общины Ньеве-Пекеля и Уд-Пекеля тянутся на пространстве почти 10 километров по берегам бывшей речки Пеекель-Аа, превращенной в настоящее время в канал.

Общины на северо-востоке Голландии, вне рейнского бассейна, с населением свыше 5.000 душ:

Провинция Дренте: Эммен—11.120 жителей; Ассен—9.150; Боргер—5.860; Одоорн—6.260; Смилде—5.170 жителей.

Провинция Фрисландия: Леуварден—31.598 жителей; Вестштеллингверт—15.000; Опстерланд—14.530; Тиетверкстерадель—13.490; Шотерланд (Геренвен)—13.430; Вонсерадеель (Маккум)—12.840; Франекер—7.145; Вимбритсерадеель—11.730; Гарлинген—10.200; Менальдумадеель—10.590; Снеек—11.170; Ахткарспелен—10.330; Бильд—8.880; Оостеллингверф—9.020; Смалингерланд (Драгтен)—10.260; Ферведерадеель—8.170; Оостдонгередеель—8 030; Вестдонгерадеель—8.120; Баарадель—7.880; Дантумадель—7.950; Коллумерланд—7.330; Гаскерланд (Жур)—7.720; Бардерадель—6.040; Идардерадеель—5.440; Вольсвард—5.940; Лемстерланд—5.710 жителей.

Гронинген: Гронинген—62.295 жителей; Веендам—10.500; Слохтерен—9.710; Вильдерванк—8.480; Гоогезанд—8.050; Онстведде—7.950; Виншотен—7.060; Дельфзайль—6.580; Ньеве-Пекеля—5.130 жителей.

VI.

Народонаселение Нидерландов не может сравниться по густоте с населением Бельгии или Саксонии; тем не менее, оно очень, значительно по сравнению с занимаемым им пространством. Если принять во внимание тот факт, что шестая часть территории покрыта водою, что еще большая часть поверхности состоит из торфяников и так называемых «колышущихся лугов», то становится удивительным, как могут помещаться на столь незначительном обитаемом пространстве Голландии слишком четыре с половиной миллиона её населения. Дренте, провинция голых ландов, не имеет и 50-ти человек жителей на каждый квадратный километр, в прочих провинциях восточных Нидерландов также далеко не приходится в среднем выводе по одному человеку на гектар; между тем как в трех провинциях: Утрехте, Северной Голландии и Южной Голландии, поверхность которых составляет немного больше пятой части всей территории, живет около двух миллионов человек, т. е. две пятых всего населения Голландии. В этой плотно населенной области, где приходится более 200 человек жителей на каждый квадратный километр, и ежегодное возрастание народонаселения всего значительнее, потому что в ней находится пять главных городов королевства: Амстердам, Роттердам, Гаага, Утрехт и Лейден. В Голландии так же, как и во всех государствах Европы, города все более и более увеличиваются на счет деревень; они заключили в своих стенах уже более трети жителей, и если будут продолжать возрастать в такой пропорции, то скоро половина населения Голландии превратится в горожан. В одних только 12 главных городах страны насчитывается свыше 1.000.000 жителей.

Население провинций Нидерландов (по новому кадастру и по последней народной переписи, 1889 г.).

	Пространство, кв. кил.	Население 31 дек. 1889 г., жит.	Среднее число жителей на 1 кв. километр
Гронинген	2343,84	272.786	116

Фрисландия	3306,87	335.558	101
Дренте	2652,38	130,704	49
Оверисселъ	3319,38	295.445	89
Гельдерланд	4934,31	512.202	104
Утрехт	1384,70	221.007	160
Северная Голландия	2756,33	829.489	301
Южная Голландия	3010,90	949.641	315
Зеландия	1767,23	199.234	113
Северный Брабант	4859,73	509.628	104
Лимбург	2202,59	255.721	116
Всего	32538,27	4.511.415	137

По исчислению, цифра народонаселения 31-го декабря 1896 г. определилась в 4.928.658 душ.

Ежегодное увеличение народонаселения составляет более одной сотой и происходит почти исключительно от перевеса числа рождений над смертностью. Средняя жизнь однако не очень продолжительна—приблизительно 38 лет и один месяц[1], т. е. короче, чем у норвежцев и у других скандинавов, у англичан, французов и бельгийцев. Да иначе и быть не может в стране, усеянной столькими болотами и изрезанной каналами, с мутной водою. Если бы не замечательная опрятность жителей и не общее благосостояние, дающее им возможность употреблять хорошую пищу,—смертность между ними была бы еще значительнее; и некоторые прибрежные страны сделались бы почти необитаемыми, подобно мареммам Италии. Все самые здоровые части Голландии удалены от моря, и провинция с наименьшею смертностью есть именно Дренте, где такое большое пространство занимают равнины и луга. Самые же нездоровые—это низменные местности по берегам морей и устьям рек: две провинции собственно Голландии, где народ теснится в больших городах, и острова Зеландии, окруженные со всех сторон водами лиманов. В этой стране морского прибрежья и островов указывают много городов со смертностью в 40 и 50 человек на тысячу; в первый год жизни смерть уносит почти треть детей[2]. Малярия похищает гораздо больше жертв в Нидерландах, чем в бельгийской Фландрии. Правда, летния жары редко бывают настолько сильны, чтобы породить эпидемии или развить лихорадки злокачественного вида, но перемежающиеся лихорадки ослабляют организмы и делают их легкою добычею смерти. Лихорадки эти сделались эндемическими во всех частях Голландии, где глинистая подпочва не пропускает воды. Зато случаи чахотки гораздо реже в Голландии, нежели в других северных странах Европы: Бельгии, Англии, Скандинавии.

Удивительная опрятность голландцев проявляется не только в их жилищах, но и на их земледельческих орудиях и даже на обрабатываемых ими полях. Обозревая с высоты какой-нибудь плотины или с колокольни эти ровные прямоугольники польдеров, перерезанные правильными канавами, соединенные там и сям мостами, окаймляемые по сторонам дорожками, изумляешься при мысли о громадности положенного труда и об удивительном порядке, который человек съумел водворить в некогда бесформенной природе, где были перемешаны между собою вода и земля. Зеландская Фландрия, острова лиманов Мааса, провинции собственно Голландии, большая часть Утрехта, Гельдера, Оверисселя, Фрисландии, некогда представлявшие собою хаос озер и болот, превратились ныне в громадную «сельскую Венецию»[3], где каждый островок культуры был поднят над уровнем водных или болотистых пространств трудом человека, подобно тому, как были искусственно повышены илистые отмели, на которых воздвиглись венецианские дворцы. В то время, когда началась война за освобождение от Испании, обрабатываемая территория восставших провинций составляла, по словам Яна Витта, всего только четыре тысячи гектаров, а произведений её едва хватало для

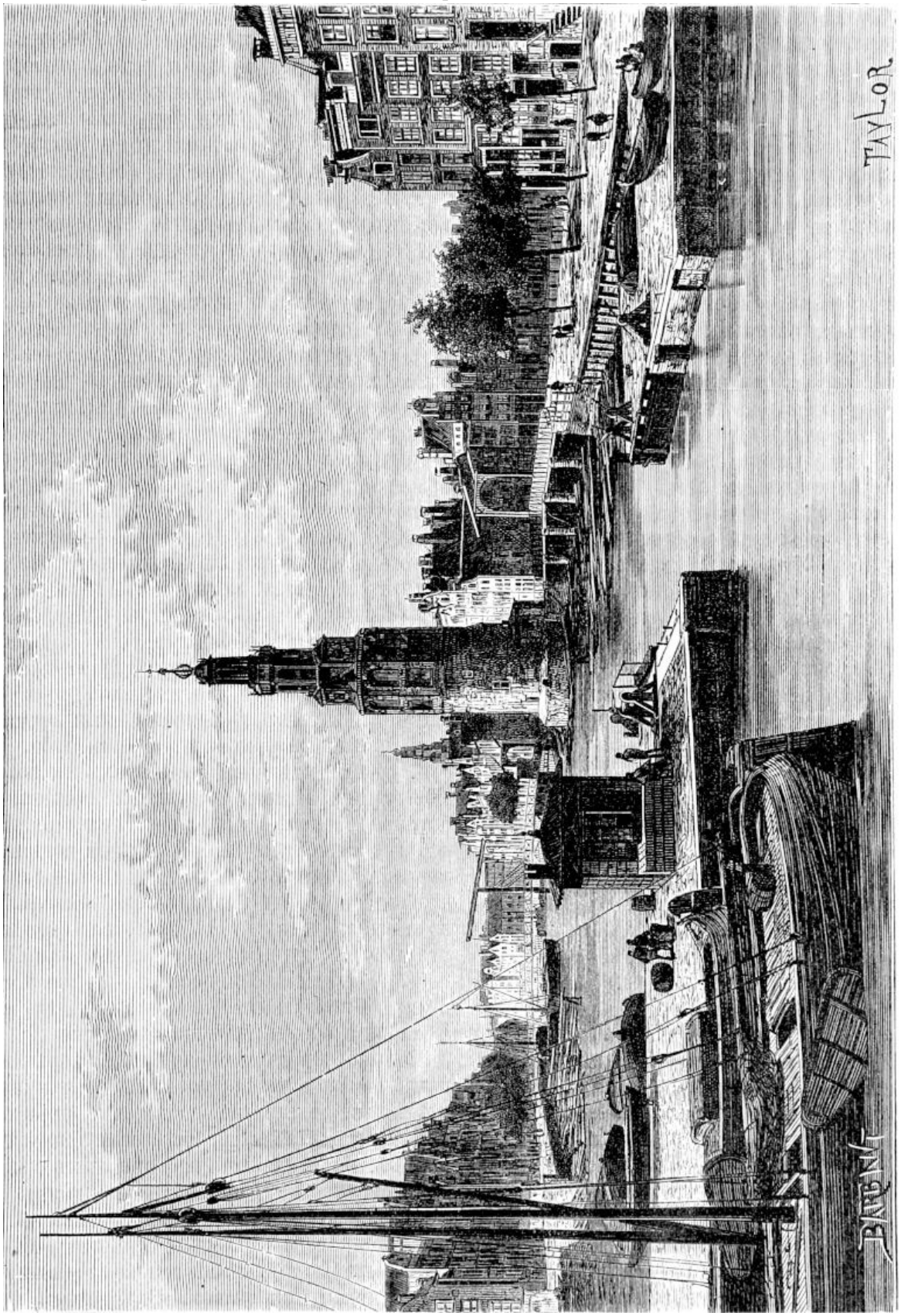
1 Г. К. Ломбар, „Traite de cliinatologie medicale”

2 „Sterfte, Atlas van Nederland”.

3 Эмиль-де-Левеле, „La Nederlande, Etude d’economie rurale”.

прокормления самих земледельцев[1]; впрочем, свидетельство это могло относиться, очевидно, только к небольшой части нынешней Голландии.

Почва Нидерландов не совсем еще покорена земледелием: пятая часть её состоит из лан-



Колькмаркть въ Амстердамѣ.

дов и торфяников, а большие илистые пространства, идущие вдоль внешней стороны прибрежья и открывающиеся два раза в день при морском отливе, не приобретены еще челове-

1 Лотроп Мотлей, „Histoire de la fondation de la republique des Province-Unies des Pays-Bas”.

ком в свое владение. Единственно плодородные от природы наносные земли Нидерландов, находящиеся по берегам рек и по близости моря, занимают всего около 1.500.000 гектаров, т. е. немного менее половины всей территории: это область, из которой культура распространяется на соседния земли, преобразовывая их постепенно в плодородные поля. Во время сенокоса владельцы бывших торфяников, превращенных в луга, не находят в стране достаточного количества косцов и принуждены употреблять в дело руки ганноверских эмигрантов, которые приходят наниматься толпами. Между торфяниками есть и такие, которые обработаны для производства тростника, и доход с которых равняется доходу с лучших лугов; тростник этот употребляется для выделки цыновок, которые служат частью для местного потребления, частью же для вывоза. Тем не менее, надо удивляться, что голландцы так усердно занимаются отвоеванием у моря топких илистых пространств, которые приходится ограждать дорого стоющими плотинами, когда есть около 700.000 гектаров, которые легко было бы присоединить к земледельческой территории, если не культурой в собственном смысле, то по крайней мере насаждением деревьев. Леса занимают в Голландии еще очень небольшое пространство, едва покрывая четырнадцатую часть территории. В 1881 г. в Дренте было всего только 8.640 гектаров, засаженных лесом, а в провинции Гронинген не более 1.200 гектаров. А между тем Голландия, одна из беднейших лесом стран Европы, более других употребляет дерева на свои плотины, сваи, суда, дома, и нигде не требуется столько фашинника для настилки под основания защитных насыпей. Самые значительные насаждения, состоящие из дуба, бука, ели, сосны, сделаны в ландах Велюве, к западу от Исселя, и молодой лес там заботливо оберегается; но вне Гельдерна и Северного Брабанта дело облесения подвигается медленно, ланды расчищаются только для того, чтобы дать пройти плугу, и если земледелие завладевает ими, то это делается скорее неутомимым трудом крестьянина «zandboer», т. е. «возделывателя песков», нежели стараниями богатых собственников[1]. В южной Голландии обезлесение продолжается.

Большое протяжение лугов, которые слишком часто бывают покрыты стоячими водами, но не получают достаточно ирригационной воды, оставляет мало места пахатным полям. За исключением гористых областей, нет страны в Европе, где бы пашни занимали меньшую, относительно, площадь. Голландия производит мало зернового хлеба, и в некоторых провинциях земледельцу пшеница почти неизвестна. Он сеет больше рожь, которая дает обыкновенный хлеб деревенских жителей и даже большего числа горожан; картофель, также играющий важную роль в общественном продовольствии, составляет одно из главных земледельческих произведений Голландии. Культура сурепы или кользы (рапс) имеет весьма важное значение, особенно в Фрисландии, где она была известна еще в доисторические времена, так как стручки этого растения были найдены под одним из холмов, насыпанных первыми обитателями страны над затопленными водою равнинами. Лен, конопля и табак также принадлежат к числу промышленных растений, возделываемых на плодородных землях Голландии, а сады на наносной почве производят в изобилии яблоки, сливы и вишни, очень ценимые на лондонском рынке. В садах Гаарлема и многих других городов низменной части страны разводятся цветы и кустарники, а также производятся овощи, и плоды других климатов, как, например, винные ягоды и виноград. Но сколько нужно труда, чтобы дать растению надлежащую почву, пищу и свет! Голландия есть по преимуществу страна туков и «компостов»: нигде не умеют так хорошо смешивать глину, песок, степную землю, грязь из водосточных каналов, жидкия нечистоты городов; в земледелии установляется все более и более правильный севооборот.

Поверхность земледельческой территории Голландии в 1881 году:

Естественные луга—1.127.560 гектаров; искусственные—164.698 гект.; хлебные поля—710.540 гект.; плодовые сады и огороды—52.638 гект.; культуры промышленных растений—54.167 гект.; леса—223.903 гект.; залежи—17.120 гект.; необработанные земли—716.720 гек-

1 Эмиль-де-Лавеле, „La Nederlande, Etude d'economie rurale“.

таров[1].

При богатстве лугов, Голландия обладает весьма большим количеством домашних животных, и некоторые из её пород славятся своими достоинствами. Зеландские лошади, массивные животные, которых фермеры пускают в галоп на местных скачках, крупнее даже фламандских лошадей; они в большой мере участвовали в создании шотландской породы «Clydesdale» и тех громадных ломовых лошадей, которых держат английские пивовары. С другой стороны, фризский остров Амеланд выкармливает на своих дюнах лошадей совершенно другого рода: сухопарых, ретивых, тонконогих, в которых признают потомков андалузских жеребцов, приведенных сюда испанцами. Фризские вороные рысаки, с длинною, выгнутою шеей, славятся во всей Голландии. Гельдерская порода соперничает в изяществе с лошадьми Ольденбурга и Голштинии; но кажется, что в последние годы она значительно выродилась вследствие скрещиваний. Голландия вывозит ежегодно свыше 10.000 лошадей.

Коровы чистой голландской породы, составляющие гордость и славу скотоводов, замечательны крупными размерами тела, относительно малой величиной головы и тонкими рогами; от этих коров произошел английский скот с короткими рогами—«shorthorns», тогда как Шотландские эйрширские волы обязаны своим происхождением дрентской породе. В провинции Северной Голландии молоко превращают преимущественно в сыр, в Южной же Голландии и в Фрисландии производится больше масло, и всем известно, какой степени совершенства достигли нидерландцы в производстве этих продуктов, которые отлично сохраняются на море, и которые по большей части предназначаются для лондонского рынка и для морских запасов. Громадные овцы, которых голова и ноги едва виднеются из-за густого руна, дают также молоко, из которого выделывают жирный сыр, очень ценимый в самой Голландии.

Благодаря своему скоту и его продуктам, Нидерланды пользуются относительно гораздо более значительными земледельческими доходами, чем Франция и даже Британские острова, хотя их лайды и торфяники значительно уменьшают ценность гектара земли. В 1860 г. Э. де-Лавелэ оценивал земледельческий доход Нидерландов в полмиллиарда франков; но с тех пор доход этот сильно увеличился: относительно хлебов, по оффициальной статистике, он более чем удвоился. Цифра в шесть миллиардов, до которой доходила тогда стоимость всего земледельческого пространства Голландии, без сомнения, возросла, так как из 100 миллионов сбережений, делаемых каждый год голландскими земледельцами от продажи своих произведений за границу, весьма значительная часть посвящается расширению полей и улучшению их обработки[2].

Вывоз масла и сыра в 1882 году:

Масла—36.050 тонн, на сумму—60.566.870 франк.; сыра—28.058 тонн, на сумму—20.622.810 франков.

Количество домашних животных в Голландии в 1893 году:

Лошадей—265.400; крупного рогатого скота—1.485.800; овец—688.400; коз—164.500; свиней—571.000.

Ценность земледельческих произведений Голландии в 1880 году:

Растительные продукты—220.000.000 фр.; молоко, масло, сыр—170.000.000 франков; мясо, скот, шерсть—91.000.000; всего—481.000.000 франков.

В Голландии сохранилось еще много следов старинной формы общинного землевладения. В средние века вся территория Дренте была нераздельною собственностью жителей, и ни один клочек её не мог быть отчужден. Богатые общинники уничтожили нераздельность земель в свою пользу, и теперь старые «мархии» быстро исчезают. В 1828 г. они занимали еще в Дренте пространство в 126.400 гектаров, тогда как в 1868 году этот порядок землевладения применялся уже только к 33.000 гектаров; однако, и после раздела, почти вся эта тер-

1 „Jaarcyfers over 1882 en vorige Jaren".

2 Von Gorinchem, „Aus allen Welttheilen", oct. 1877.

ритория осталась предметом общего пользования в отношении пастьбы скота. Возделанная часть мархии, известная под названием esch, т. е. «земли-кормилицы», представляет одно обширное поле, без всяких пересекающих дорог, так что собственники должны все в одно время пахать, сеять и жать, чтобы не попортить друг другу земли или урожая. Хотя состоящее из собственников, имеющих каждый свои особые интересы, это общество называется de boer, т. е. «крестьянин», как будто это один человек. Впрочем, оно составляет общину в общине, самоуправляющуюся и свободно избирающую своих делегатов. Недавно еще, по трубному сигналу, последние собирались под открытым небом, под тенью дубов или на лугу[1].

У самых ворот Амстердама земли Гонланда составляют коллективную собственность местных домохозяев, и каждый из этих общинников может содержать на них семь голов скота. В других местах, как, напр., вокруг многих городов Оверисселя, земля составляет общую собственность лишь известного числа привилегированных наследственных владельцев. Есть также владения, разделенные на столько равных частей, сколько членов в общине, и части эти переходят поочередно от одного к другому, так что через известное число лет все части общей собственности перебывают в пользовании у каждого. Все эти различные формы землевладения близки к исчезновению, но есть одна форма, которая, напротив, приобретает все большее и большее значение: это beklem regt. В провинции Гронинген большая часть земель имеет двух владельцев: прежнего хозяина, отдавшего имение некогда в аренду, но не могущего взять его обратно, и фермера, который, платя определенную аренду, может передать имение в другие руки, не только по наследству, но даже посредством продажи его в целом объеме или по частям. Это совершенно то же, что эмфитеотические земли древнего римского права[2]. Таков обычай beklemming'a, который, впрочем, разнится по округам в подробностях, в зависимости от местных традиций и разъяснений юристов. Прежде собственники могли отказывать арендатору, по прошествии десяти лет, не иначе, как дав ему удовлетворение, что мало-помалу сделало фермерство наследственным, и обычай приобрел силу закона. Следствием этого было то, что земледелие провинции Гронинген стало одним из самых цветущих не только в Голландии, но и во всем мире. Beklemde meijer практиковал посев рядами и молотил зерно машинами гораздо ранее англичан: он не ждет, чтобы улучшения приходили к нему извне, а применяет их сам. Однако, доходы фермеров были столь значительны, особенно с тех пор, как они стали отправлять свои земледельческие продукты в большом количестве на лондонский рынок, что многие из арендаторов удалились от дел, чтобы жить рантьерами, отдавая свою землю в наймы под-арендаторам, которых они могут удалять по желанию. Обработывающим землю приходится платить посреднику вдвое, для того чтобы последний мог вносить ренту, назначенную номинальным собственником[3].

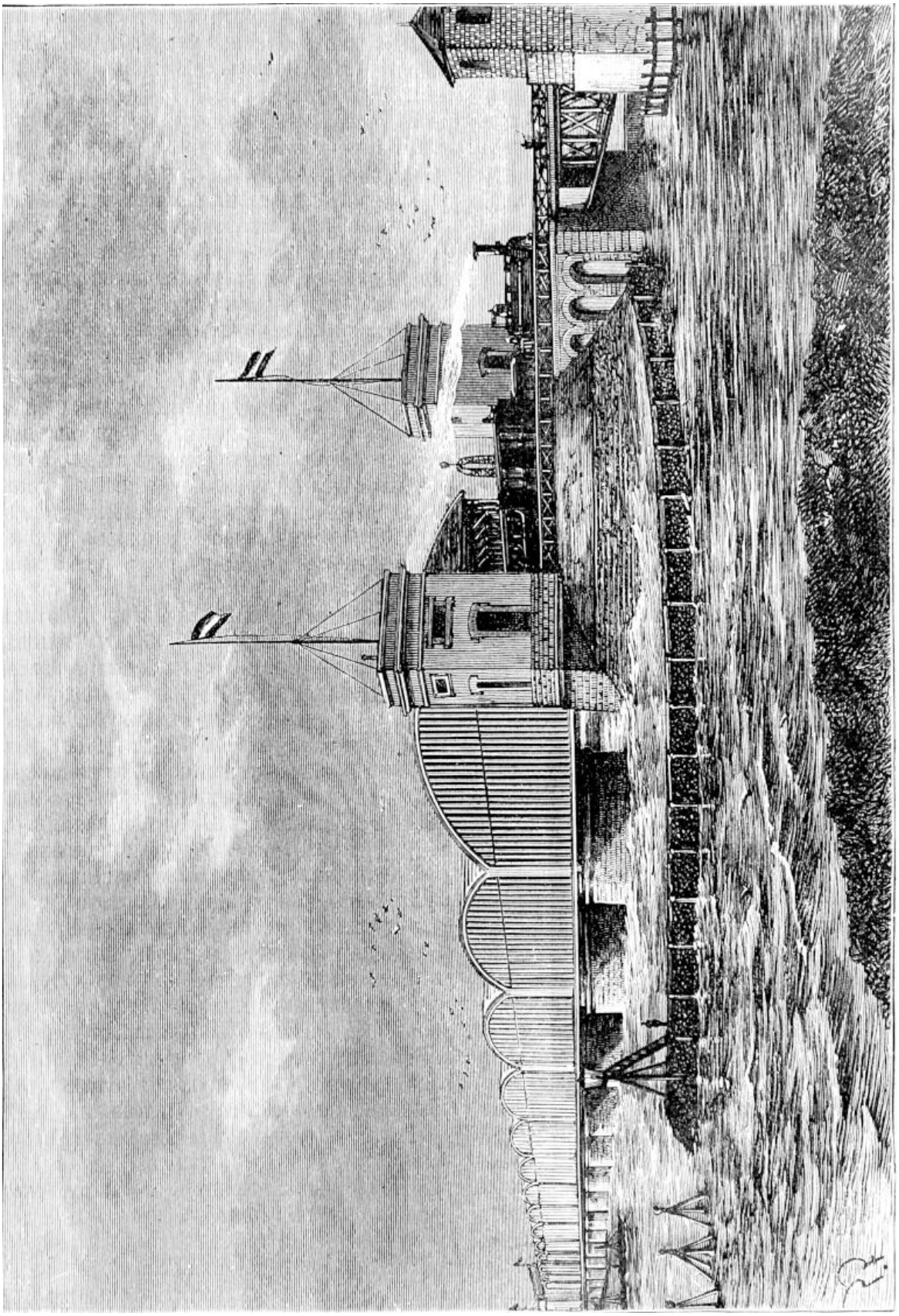
Как страна промышленная, Голландия далеко не занимает того положения, каким она пользуется в качестве страны земледельческой. Лимбургские каменноугольные копи недостаточны для снабжения топливом многочисленных заводов. Залежей металлов у неё также нет. Главные минеральные богатства, даваемые ей почвою,—это эрратические камни ландов, пески дюн и различные роды глины, из которой она выделывает посуду и твердые звонкие кирпичи (klinkers), которыми вымощены её дороги. Тем не менее промышленный труд, необходимый для содержания богатого голландского населения, значителен, о чем свидетельствуют уже многочисленные рассеянные по стране ветреные мельницы, употребляемые для разного рода работ. Крупную промышленность в Голландии представляют в особенности бумагопрядильни Твенты, близ немецкой границы, и суконные фабрики Тильбурга и других городов Северного Брабанта. Уже более полу столетия как Нидерланды, получавшие до того времени все шерстяные ткани из Англии, освободили свою шерстяную промышленность от этой зависимости, и теперь производство обыкновенных сукон таково, что удовлетворяет

1 Э. де-Лавеле, „La Nederlande, Etudes d'economie rurale".

2 Эрнест Дежарден, „Notes manuscrites".

3 Э. де Лавеле, „La Nederland";—Гавар, „La Hollande pittoresque, Les frontieres menacees".

местным потребностям и даже дает возможность вывоза, преимущественно в северную Европу, между прочим, и в Брюссель, который, хотя и находится по соседству с Вервье, тем не менее потребляет значительное количество голландских шерстяных тканей[1]. Город Лейден,



Мурдійскій мостъ.

некогда представлявший столь значительный центр фабрикации сукон, снова принялся за одну из отраслей своей прежней промышленности, за изготовление шерстяных одеял. Что

1 Альфред Мюллендер, „Exposition de Philadelphie, Rapport sur l'industrie lainiere".

касается Маастрихта, находящагося по соседству с Льежем почти в пределах Бельгии, то он участвует в промышленности соседней страны своими стеклянными и машиностроительными заводами. В Шидаме и других городах Голландии существуют громадные винокуренные заводы, потребляющие большое количество ячменя, доставляемого местными земледельцами или ввозимого из-за границы. Так в 1882 г. было ввезено ячменя в Голландию на сумму 20.682.900 франков.

Многие из промыслов Голландии относятся к судоходству и рыбной ловле. Известно, что флот Голландии некогда был самым могущественным в мире, и сельди составляли один из главных, если не самый главный элемент благосостояния, а следовательно, славы и политического влияния. «Амстердам», говорит пословица, «был построен на хребте селедки». Теперь судостроение и рыболовство, хотя и не играют столь значительной роли в национальной жизни, как прежде, тем не менее занимают большое число рабочих, не считая собственно моряков. В семнадцатом веке, до навигационного эдикта Кромвеля, изданного в 1652 г., и запрещающего иностранным судам ввоз колониальных продуктов в Англию, коммерческий флот Нидерландов состоял из 16.000 судов, вместимостью в 900.000 тонн, т. е. равнялся флотам всех других народов, вместе взятым. Еще в 1850 г. он занимал четвертое место, но с тех пор многие страны превзошли Голландию в этом отношении, на что им давали право большее протяжение их берегов и цифра населения. Ее опередила даже Норвегия, несмотря на то, что она населена далеко не так густо. Теперь главное богатство Голландии составляет земледелие, а не морская торговля, как прежде.

Во времена своей гордой республиканской свободы Голландия стояла во главе всех народов в отношении торговой инициативы, но с тех пор были периоды, когда её торговые сношения с заграницею сводились почти к нулю. В прошлом столетии, дифференциальные пошлины устранили её корабли из многих портов; затем, во время присоединения её к Французской империи, она утратила свои колонии в Индии; суда её гнили в бассейнах Амстердама. Но политические события и соперничество иностранных народов были не единственною причиною упадка внешней торговли Голландии: ему значительно способствовали также рутина и монополия, данная некоторым компаниям. Что касается рыбной ловли, то она была убита именно данными ей привилегиями, сопряженными со всякого рода правилами и ограничениями. В то время, как нидерландские рыболовы продолжали получать премии за ловлю и соление сельдей согласно с предписанными формами, английские моряки, свободные от всяких стеснений и кроме того находящиеся ближе к сельдяным отмелям у берегов Шотландии, могли доставлять рыбу по более дешевой цене и постепенно завладевали рынками. Впрочем, в последнее время рыболовство снова поднялось, и возник новый промысел —разведение устриц. Искусственные устричные мели, заведенные в лиманах Зеландии, дали изумительные результаты. Вывоз соленых сельдей в 1882 г.: 140.000 бочек по 715 штук. Общее потребление устриц в 1881 г.: 21.843.000 штук. Вывоз в Англию 10.788.000 штук.

Несмотря на относительный упадок, внешняя торговля Голландии, принимая во внимание цифру народонаселения, является одною из самых деятельных в свете; если нидерландский флот уменьшился, то приморские города, тем не менее, ведут ныне более обширную заграничную торговлю, чем в самое цветущее время, когда городам этим принадлежала привилегия транспорта для других наций. Господство монополии давно кончилось, и транзитная отправка товаров производится без затруднений и без платежа таможенных пошлин. С половины нынешнего столетия общее движение торгового обмена, как через сухопутные границы, так и в портах Голландии, более чем утроилось и выражается теперь по одной только специальной торговле почти тремя миллиардами гульденов.

Специальная торговля Нидерландов в 1896 г.: ввоз 1.634.900.000 гульденов; вывоз— 1.337.400.000 гульденов. Доля внешней торговли в 1881 г. на каждого француза—223 франка; доля внешней торговли в 1881 г. на каждого голландца—901 франк.

Всего больше сношений у Голландии, конечно, с её старой соперницей Англией и с соседками, Германией и Бельгией; Франция стояла бы уже после России и Соединенных Шта-

тов, если бы не нужно было принимать во внимание тот факт, что значительная часть французских товаров идет через Бельгию и следовательно присчитывается к торговле с Бельгией. Сношения Голландии ведутся преимущественно при помощи английских судов, так как железо для постройки кораблей и каменный уголь для топки пароходов в Англии дешевле, чем в Нидерландах. Общее движение судоходства по ввозу в 1882 г.—11.114.000 тонн; общее движение судоходства по вывозу—5.331.000 тонн.

Отношение пароходов к парусным судам: по числу судов—67,34 на 100, по тоннажу—81,88 на 100.

Коммерческий флот Голландии 1 января 1896 г.: 612 судов, вместимостью в 835.705 куб. метров (в том числе 172 парохода в 555.817 куб. метр.).

Что касается внутреннего судоходства по рекам, морским рукавам и каналам, то о нем с трудом могут составить себе понятие в других странах Европы. Каждый город нижних Нидерландов, даже расположенный совершенно среди суши, является, благодаря своим каналам, гораздо более значительным центром навигации, чем многие приморские города. Так, в бассейнах многих внутренних городов, каковы Гуда, Гаарлем, Утрехт, за год перебывает до 30.000 судов. В деревнях ценность перевозок водою ускользает от всякой статистики, так как даже некоторые работы по земледелию производятся при помощи лодок; водою, например, доставляются грязи и тук для удобрения полей, торф для отопления жилищ; водою же ездят поселяне сами и отправляют свои земледельческие продукты. Есть люди, которые даже живут на судах, подобно тому, как в Китае, как например, в общине Цвартслунс, близ Кампена, где суда служат жилищем более чем для четверти населения. В провинции Гронинген есть деревни, жители которых занимаются попеременно то возделыванием торфяников, то строением судов. Подобно тому как в Англии фермеры нанимают на значительном пространстве откосы насыпей и выемок железнодорожного полотна и превращают их в искусственные луга, в Голландии есть предприниматели, которые арендуют на один год девственные польдеры и края каналов во всей Зеландии и провинциях, окружающих Зюйдерзее, и засевают их льняным семенем, а затем во время жатвы отправляют по всей стране лодки собирать снопы.

Длина главных судоходных каналов в Нидерландах в 1879 г.—3.078 килом.; судоходных рек в Нидерландах—1.853 килом.

Почти все каналы обведены плотинами, на столько широкими, что по ним всюду могли быть проложены проезжия дороги. Мало дорог в Европе, которые были бы удобнее и содержались в лучшем порядке, чем эти голландские дороги, осененные деревьями, вымощенные звонким кирпичем, постоянно чистые и без выбоин. Длина мощеных дорог в Голландии около 12.000 километров. Между тем до 1817 г. еще не было большой дороги даже между Амстердамом и Роттердамом через Гагу[1].

Удовлетворяясь средствами легкого сообщения по сети озер, рек и каналов, голландцы не торопились строить железные дороги. В 1838 г. концессия на постройку железной дороги из Амстердама в Арнгем была отвергнута генеральными штатами большинством 46 голосов против 2, и первая железнодорожная линия, из Амстердама в Гаарлем, была разрешена лишь в 1839 г. Еще и теперь по развитию своей железнодорожной сети Голландия отстала от других стран Западной Европы. Зато некоторые мосты, как, например Мурдийский, построенные над реками и морскими рукавами, принадлежат к числу замечательнейших сооружений этого рода в Европе. Но в нижней Голландии слишком ноздреватая и дрожащая почва не позволяет поездам идти с большою скоростью без особых предосторожностей, и качание вагонов около вертикальной оси здесь гораздо значительнее, чем на твердой почве окружающих стран.

Длина железных дорог Голландии 1 января 1897 г.:—2.686 километров. Длина телеграфных линий (государственных) в 1896 г.—5.695 километров. Число переданных телеграмм 4.621.954.

1 Kuyper, „Nederlands Toestand".

Нидерландская нация есть одна из тех, у которых благосостояние наиболее распространено в массе народа. В некоторых привилегированных округах, собственно в Голландии, Фрисландии, Гронингене, многие крестьяне представляют крупных капиталистов, состояние которых оценивается «бочками золота», т. е. сотнями тысяч флоринов. Их серебряная или даже золотая посуда и драгоценные украшения их жен и дочерей служат выражениями их богатства и тщеславия. Есть фермы, на которых даже хлевы оказываются роскошными аппартаментами, с вышитыми занавесями на окнах, с вазами, редкими цветами и этажерками для серебряных безделушек и дорогого фарфора. Но зато тем сильнее контраст, представляемый пролетариатом больших городов и колониями нищих.

Нидерланды, одна из самых богатых стран Европы, отличаются также и высоким уровнем среднего образования. Старательно учащиеся молодые голландцы стоят во главе всех европейцев в знании различных языков. Они должны знать не только свой собственный язык, но также французский, сделавшийся в прошлом столетии вторым родным языком для значительного числа нидерландцев, немецкий, на котором говорят их соседи и который так сроден их собственному наречию, и английский, являющийся языком торговым. Молодые люди, посещающие университет, должны присоединить к изучению этих четырех языков еще изучение двух мертвых, латинского и греческого; кроме того, сотни из них, готовящиеся к административным должностям на Зондских островах, или уже пожившие на этом отдаленном архипелаге, должны знать яванский и малайский языки. Поэтому нередкость встретить молодых голландцев, с успехом изъясняющихся на восьми языках[1]. Знание иностранных языков составляет важнейшую часть голландского образования. Заезжий иностранец, разговаривая с хозяевами дома, пригласившими его в гости, может подумать, что он находится еще на своей родине.

Начальное обучение не обязательно в Голландии; но бедные родители, не посылающие своих детей в школу, тем самым отказываются от всякой помощи со стороны общины. Особое общество, называемое обществом «Общественного Блага» (Tot Nut van't Algemeen), старательно способствует успеху народного образования. Пропорция детей, сидящих на школьных скамьях, составляет здесь более седьмой части всего населения. В сельских округах еще не так давно четверть взрослых мужчин и треть женщин не умели ни читать, ни писать, тогда как в провинции Северной Голландии, где находится столица, число совершенно неграмотных составляло только одну четырнадцатую часть населения. В 1870 г. на территории Нидерландов насчитывалось еще более 100.000 детей, остающихся без всякого образования. В 1890 г. общая средняя неграмотных составляла 6,5%. Около 200.000 детей (1892 г.) посещают частные школы, по большей части конфессиональные, протестантские, католические и еврейские; общественные же школы, т. е. содержимые общинами,—нейтральные, т. е. без преподавания какой бы то ни было догмы. Точно так же стоят вне влияния церкви и государственные среднеучебные заведения; молодые люди, которые, по воле родителей, должны получить религиозное образование, поступают в специальные коллегии и семинарии.

Статистика народного просвещения в Нидерландах (1892 г.): Начальных школ—4.292, с 659.000 учащихся. Средних учебных заведений—151, с 15.405 учащихся. Университетов и других высших учебных заведений—5, с 3.075 учащихся[2].

Если Голландия, некогда первая страна в Европе по своим типографиям и школам, допустила опередить себя другим народам в общем интеллектуальном движении человечества, то упала ли она относительно, с точки зрения народной нравственности, с тех пор, как общая опасность дала жителям страны твердое национальное единство? Находится ли нидерландский народ еще в цвете молодости? Было бы слишком смело высказать об этом какое бы то ни было суждение, а потому должно ограничиться лишь указанием причин деморализации, которые, впрочем, те же, что и у всех европейских народов,—это сильное социальное неравенство, противоположность роскоши и бедности и чрезмерное употребление спиртных

1 Либри де Врён, „De la necessite d'enseigner l'hygieno aux jeunes gens".

2 Кинер, „Nederlands Toestand".

напитков, в особенности в городах. В 1882 г. потребление водки составляло 9,43 литров на душу населения. Еще в недавнее время голландский народ имел несчастие рассчитывать не исключительно на свои собственные средства, а основывать некоторую часть своего финансового равновесия на эксплоатации отдаленных колоний. Надо сознаться, что Голландия была до некоторой степени паразитом Явы, а паразитство, каково бы оно ни было, материальное или моральное, всегда имеет следствием нравственную порчу индивида.

VII.

По своему политическому устройству Голландия почти не отличается от других конституционно-монархических государств Европы. Судебная власть у неё так же независима, законодательная власть состоит из двух палат, а представителями исполнительной власти являются король, государственный совет и совет министров.

Когда страна отвоевала свою независимость и заставила принять себя в число европейских государств, в ней установилось правление муниципальное. Города всех провинций управлялись каждый своим особым собранием должностных лиц, числом от двадцати до сорока, назначавшихся пожизненно. Это собрание, называвшееся vroedschap, т. е. «собранием мудрых», само выбирало своих членов между именитыми гражданами, либо непосредственно, либо представлением двух или трех кандидатов, из которых один и выбирался штатгальтером, представителем Штатов. «Мудрые» ежегодно назначали шеппенов (schepens), функции которых были преимущественно судебные, и двух или трех бургомистров, согласно с местными традициями[1]. Ныне управление общин построено по одному образцу на всем протяжении королевства. Бургомистр назначается королем на шесть лет и председательствует в муниципальном совете (gemeenteraad), с совещательным только голосом, если он не состоит выборным членом совета, и с голосом решающим, если он является непосредственным уполномоченным своих сограждан; в то же время он может быть и секретарем совета. Привилегия выбора принадлежит богатым; голос могут подавать только те члены общин, которые платят прямых налогов не менее 10 флоринов, а в некоторых общинах даже не менее 80 флоринов. Муниципальные советники назначаются на шесть лет, но треть их выбывает каждые два года; в общинах менее чем в 3.000 человек их должно быть девять, но затем число их, смотря по городам, увеличивается, и в трех главных городах доходит до тридцати девяти.

Эти советники не получают другого содержания, кроме jetons de presence. Ими избираются на шесть лет два, три или четыре помощника или блюстителя закона (mathouders), которые заседают вместе с бургомистром и помогают ему в делах. Правительство не имеет права распускать советы. Для выполнения больших общественных работ две или более общины могут, с согласия высшей власти, соединиться в синдикат.

Вторым совещательным учреждением в иерархии национального правления являются провинциальные собрания (Provinciale Staten). Каждая из одиннадцати провинций Голландии, разделенная на округи, кантоны и коммуны, управляется коммисаром, назначаемым высочайшей властию и председательствующим в выборном провинциальном собрании с совещательным голосом. Коммисару помогают четыре или шесть депутатов, назначаемых их коллегами, сроком на шесть лет. Это механизм, похожий на механизм общин, только в больших размерах. Для избирателей в провинциальное собрание ценз удвоен: при 40 флоринах в среднем, он колеблется между 21 и 160 флоринами; кроме того, право подавать голос принадлежит лишь людям, имеющим более двадцати пяти лет, тогда как на общинных выборах молодые люди подают голос уже с двадцатитрехлетнего возраста. Провинциальные уполномоченные выбираются на шесть лет, и состав провинциального собрания обновляется на половину каждые три года. Число этих уполномоченных в разных провинциях различно, но не зависит прямо от количества населения: провинция Южная Голландия имеет наибольшее число членов в собрании, а именно 80, тогда как у Дренте их всего 35. Делегаты прямого содержания не получают, а получают только на путевые издержки и суточные во

1 Метереп, цитируемый Логропом Мотлеем, „Histoire de la fondation des Provinces-Unies des Pays-Bas".

время сессий. Впрочем, и работы им немного, так как обе сессии провинциальных собраний продолжаются всего по нескольку дней. Во время вакаций ведение дел возлагается на коллегию из делегатов.

Вторая палата, представляющая всю нацию, выбирается теми же избирателями, как и провинциальные собрания, но только при этом на избирательные округа, которых числом восемьдесят, делится вся территория, и границы этих округов не совпадают с границами провинций; таким образом депутаты имеют более общее полномочие, чем было бы при выборе их избирателями одной какой-нибудь провинции. Норма населения для каждого округа назначена в 45.000 человек, а потому каждые пять лет производится новое деление территории. Уполномоченные должны иметь не менее тридцати лет от роду и выбираются на четыре года, но палата обновляется в своем составе на половину каждые два года. Содержание членам, представляющее простое вознаграждение за потраченное время, равняется 2.000 флоринов в год, не считая путевых издержек. Вторая палата здесь, как и в других конституционных странах, обсуждает проекты предложенных ей правительством законов, делает в них поправки по своему усмотрению и может предлагать новые.

Первая палата, составляющая, вместе с собранием депутатов, полные генеральные штаты (Staten Generaal), представляет не народ, а провинции и в особенности интересы крупной собственности. Все кандидаты должны принадлежать к группе лиц, платящих наибольшую сумму прямых налогов,—группе, которая составляет всего одну трехтысячную часть населения, и назначающий их избирательный корпус состоит единственно из провинциальных чинов. Число членов от провинций различно, смотря по цифре населения: так, от провинции Южная Голландия избирается их семь, а от провинции Дренте всего один. Сенаторы остаются в должности девять лет и могут быть избираемы вновь неопределенное число раз, так как палата обновляется на треть каждые три года. Первая палата обсуждает законы уже после народного собрания и может только отвергнуть или принять их целиком, без права инициативы. Председатель её назначается непосредственно королем из трех членов, представленных самою палатою.

Король, в силу конституционной фикции, неответственный, имеет право объявлять войну, заключать мир, чеканить монету, право помилования, право созывать и распускать палаты; но эти последние королевские пререгативы могут быть осуществляемы только в известных формах и границах, наперед определенных законом. Государь назначает статс-секретарей (министров), число которых, по его желанию, может быть уменьшено или увеличено; с 1877 года совет министров состоит из восьми членов, в ведении которых находятся департаменты: внутренних дел; общественных работ; торговли и промышленности; иностранных дел; юстиции; финансов; военный; морской и колоний. Министры ответственны перед палатами. При короле, кроме того, есть еще государственный совет (Raad van State), в который он сам непосредственно назначает членов, заседающих под его председательством. Контрольная палата (Rekenkamer) также помогает исполнительной власти как в составлении, так и в контроле бюджета. На содержание королевского двора отпускается 800.000 флоринов; кроме того, король пользуется доходами от коронных имений. Хотя у древних франкских племен Голландии проявляется принцип салического закона, тем не менее, женщины не устранены от престолонаследия, но они наследуют только в таком случае, если нет детей мужеского пола[1].

Судебная власть, номинальным главою которой является государь, хотя он и не может ни отменять, ни изменять решений, организована приблизительно так же, как и в начале нынешнего века, под императорским режимом. Судьи несменяемы, за исключением кантональных, назначаемых королем, и других низших судей. Судьи верховного суда также назначаются королем, но лишь из пяти кандидатов, представляемых второю палатою на каждую открывающуюся вакансию. Вся страна делится на 106 судебных кантонов

1 В 1890 г., после смерти Вильгельма III, на престол вступила десятилетняя дочь его, королева Вильгельмина, под опекой своей матери, королевы-регентши Эммы.

(Kantongerechten), группирующихся в 23 округа (Arrondissementsbanken), границы которых со времени закона 1877 г. не совпадают более с границами провинций. Судебных палат (Gerechtsshoven) пять: в Амстердаме, Арнгеме, Герцогенбуше (s'Hertogenboosch), Гаге и Ловардене. Затем над всеми этими судебными округами стоит еще высший суд (Hooge Raad). Смертная казнь с 1870 г. отменена в Голландии.

Государственною церковью во время республики была реформатская. Маленькая Голландия, угрожаемая большими государствами, чувствовала тогда необходимость в национальном культе, и её религия сливалась с её патриотизмом. Ныне церковь эта совершенно независима, и с 1870 года управление её имуществами было передано ей во всем объеме. Большинство голландцев принадлежит к реформатскому вероисповеданию, но число лиц римско-католического вероисповедания составляет более трети всего населения, и в провинциях Северный Брабант и Лимбург имеет всегда перевес при голосовании, так как политическая борьба в этих местах постоянно принимает характер религиозного соперничества; в одной провинции Лимбург насчитывается не менее 58 монастырей. Однако, число католиков, по отношению к общему числу населения, постепенно уменьшается.

Относительное число католиков в Нидерландах (на 10.000 жителей):

В 1829 г.—3,884; в 1839 г.—3.819; в 1859 г—3.715; в 1869 г.—3.653; в 1879 г. (вместе с старо-католиками)—3.602.

В иерархическом отношении католическая Голландия разделяется на пять епархий: архиепископство Утрехтское и епископства: Гарлемское, Герцогенбушское, Бредское и Рормондское. Утрехт служит также архиепископским городом старо-католиков. В больших городах много евреев и различных протестантских сект, принужденных нетерпимостью соседних государств искать себе убежища в Голландии и сохранившихся в стране особыми общинами. Семнадцать валлонских церквей и четыре пресвитерианские присоединились к нидерландским реформатам. Представительницею церкви каждой общины является консистория, состоящая из пасторов, обязанных говорить проповеди, старшин, назначенных для назидательных посещений, и диаконов, которым вверено заведывание школами, сиротскими домами и суммами для бедных.

Статистика религий в Голландии, по последней народной переписи (1889 г.):

Протестантов—2.728.870; римско-католиков—1.596.492; старо-католиков—7.687; евреев —97.274; лиц других вероисповеданий—81.092.

В отношении народного просвещения страна делится на столько инспекторатов, сколько в ней провинций, а инспектораты делятся на округи, которых во всей Голландии 94. Два средне-образовательные инспектората заключают в себе: один—провинции Гронинген, Дренте, Фрисландию, Овериссель, Гельдер и Лимбург, а другой—провинции Северный Брабант, Утрехт, Северную Голландию, Южную Голландию и Зеландию. На два же инспектората делится страна и в отношении общественных работ, производимых под руководством waterstaava, т.-е. «водяного министерства», или комитета инженеров и ученых, назначение которого состоит в охранении страны от морских и речных наводнений.

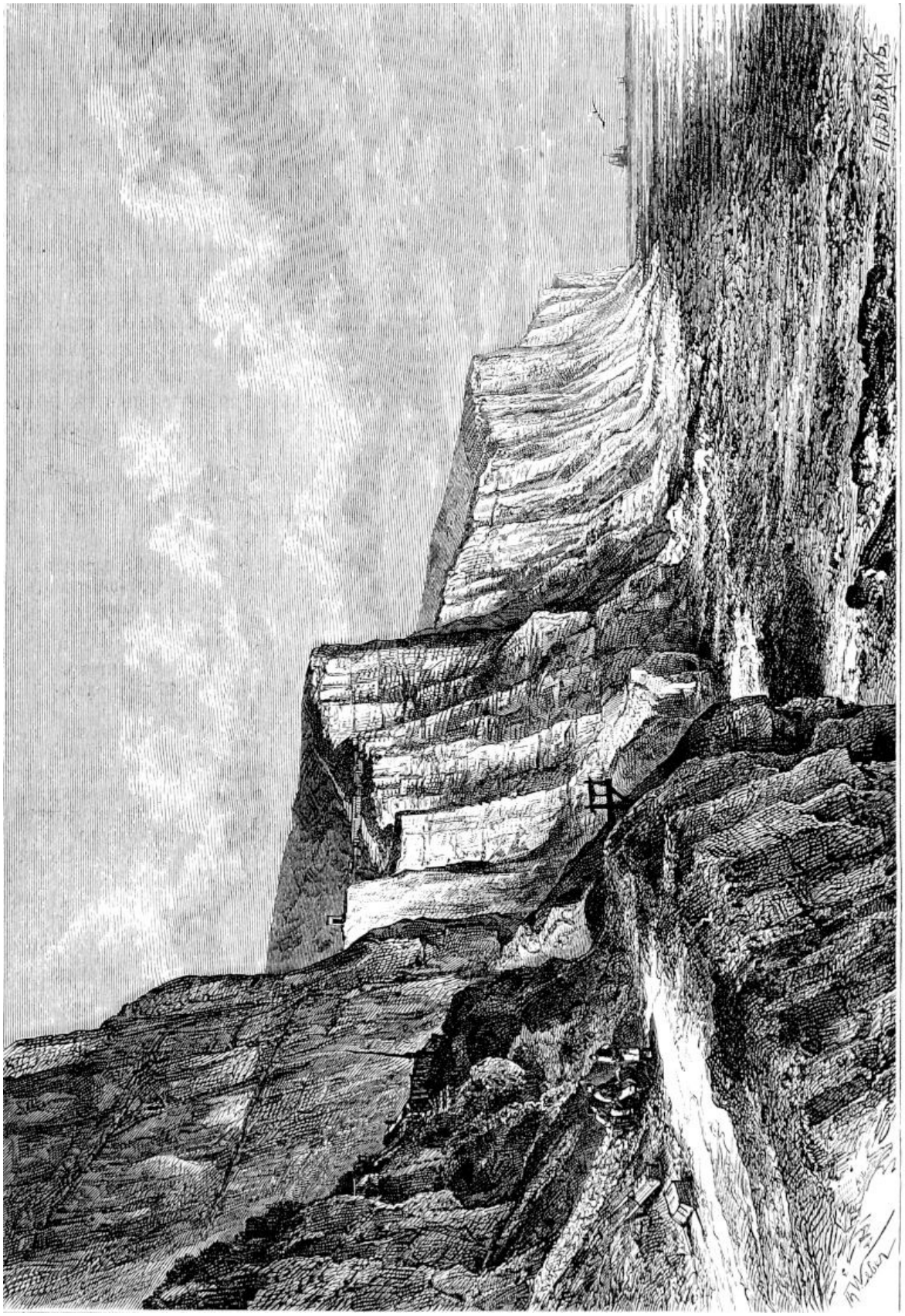
Военная служба в Голландии не составляет всеобщей повинности. Армия составляется из вольноопределяющихся и конскриптов, набираемых из лиц, которым исполнилось двадцать лет. Номинально рекрута берутся на пять лет, но в сущности они служат лишь один год, а затем получают отпуск с условием являться ежегодно на шестинедельные упражнения до истечения оффициального срока службы. Милиция или schutterij делится на два класса: действующую или первопризывную, к которой принадлежат все годные к службе лица от двадцати-пятилетнего до тридцати-четырехлетнего возраста, и милицию местную, к которой принадлежат все граждане, имеющие от тридцати пяти до пятидесяти пяти лет. Кроме того, Нидерланды имеют еще колониальное войско, состоящее преимущественно из туземных волонтеров и иностранных наемников.

Численный состав нидерландских военно-сухопутных сил в мирное время:

Регулярная армия (1897 г.): 1882 офицеров и военных чиновников, 26.972 нижних чи-

нов, 5.755 лошадей; милиция—около 45.000 человек.

По штатам военного времени—около 3.770 офицеров, 190.000 нижних чинов, при 120 орудиях.



Скалы къ востоку отъ Дувра.

Колониальное войско (1894 г.): 35.000 челов. (по большей части туземцев) и около 9.000 человек резерва, милиции и пр.

Военный флот Нидерландов, бывший под командой адмиралов Рюйтера и Тромпа самым

могущественным в Европе и доставивший Голландии её высокое положение среди государств Европы, ныне имеет лишь второстепенное значение. Он состоит (1897 г.) из 103 судов (в том числе 13 броненосных или блиндированных, 12 броненосных мониторов, 37 миноносцев и пр.) в 104.370 тонн и 136.400 индикаторных сил, с 755 орудиями и около 7.550 человек экипажа; кроме того, 3 стационера, 24 учебных судна и пр. По закону моряки могут быть набираемы посредством конскрипции, но в действительности для укомплектования флотского экипажа почти хватает волонтеров. Голландские военные корабли всего чаще показываются в Зондском архипелаге, так как там находится центр колониального могущества Нидерландов.

Пространство и население нидерландских владений:

	Пространство. кв. килом.	Население (1895 г.)
Ява и Мадура.	131.523	25.700.964 ж.
Внешния владения (провинц.)	1.783.955	8.378.219 »
Антильские острова	1.130	48 972 »
Суринам	129.100	76.500 »
Всего	2.045.694	34.205.700 ж.

Заморские владения Нидерландов по пространству слишком в пятьдесят раз превосходят свою метрополию, а население их слишком в семь раз превышает общее число голландцев. На одном только острове Яве, с о. Мадурой, теснится свыше 25 миллионов жителей, и важное значение Суматры, как колониального владения, возрастает с каждым годом. Постоянные сношения Амстердама и Роттердама с их Зондским государством влияют даже на нравы и образ жизни. Вкус к пряностям весьма распространен, а рис составляет весьма существенный элемент в питании нидерландцев. (Потребление риса в Голландии в 1872 г.: 51 554.775 килограммов, т. е. по 14 килограммов на душу населения). Говорят, что даже в живописи голландцев виден как бы отблеск яванского солнца.

Рабство в голландских колониях Западной Индии отменено с 1-го июля 1863 года.

Национальный доход, доставляемый преимущественно косвенными налогами, простирается до 130 миллионов гульденов и близко подходит к расходам (по бюджету на 1897 г.: приход—131,4 миллиона, расход—138,7 миллионов гульд.); но государственный долг равняется почти девяти-летнему доходу, и более четверти годового бюджета (в 1897 г. 32 миллиона) идет на уплату процентов; на войско и флот идет более трети годового дохода (в 1897 г. —39,3 миллиона). Впрочем, бюджет метрополии держался в равновесии, благодаря субсидиям из колониального бюджета, но с 1877 г. не рассчитывают более на эту «дополнительную контрибуцию» или batig slot[1].

В 1865 г. Голландия, по примеру своей соседки Бельгии, отменила городские сборы с ввозимых товаров (octroi), но зато общины берут в свою пользу четыре пятых личных налогов, взимаемых в их округах.

Следующая таблица показывает положение нидерландских провинций по пространству и населению:

Провинции	Пространство кв. кил.	Население по переписи 1889 г.	Главные города	Число общин
Гронинген	2.298	272.786	Гронинген	57
Фрисландия	3.320	335.558	Льюварден	43
Дренте	2.663	130.704	Асеен	33
Овериссель	3 345	295.445	Цволле	192
Гельдер (Гельдерланд)	5.081	512.202	Арнгем	116
Утрехт	1.384	221.007	Утрехт	72
Северная Голландия	2.770	829.489	Гарлем	134
Южная Голландия	3.022	949 641	Стравенхаге	61
Зеландия	1.785	199 234	Мидльбург	152
Северный Брабант	5.128	509.628	Герцогеибуш	185
Лимбург	1.204	255.721	Маастрихт	125

1 Кипер, „Notes manuscrites”

Провинции	Пространство кв. кил.	Население по переписи 1889 г.	Главные города	Число общин
Итого	33 000	4 511.415		1.170

По исчислению, цифра народонаселения Нидерландского королевства 31 декабря 1896 г. определилась в 4.928.658 душ.

Глава V Дания.

I.

Страж ворот Балтики, маленькое государство, которому принадлежат Исландия и Фарерский архипелаг, и даже в Новом Свете—обширные необитаемые пространства Гренландии и три из Антильских островов, есть не более, как исторический обломок. Из всех европейских королевств, за исключением одной только Греции, Дания—самое маленькое по числу своих жителей (при поверхности в 38.340 квадр. километр., народонаселение её, по переписи 1 февраля 1890 г., состояло из 2.172.380 душ, так что, следовательно, в среднем выводе, на каждый квадратный километр приходилось по 57 жителей); да и самая Эллада далеко превосходит ее по величине, если принимать в рассчет людей одного и того же племени, связанных единством происхождения и языка, но живущих вне оффициальных пределов страны. В то время, как греки островов Архипелага, Фессалии, Эпира, Фракии, Македонии, Малой Азии гораздо многочисленнее своих единоплеменников, населяющих собственно Греческое королевство, и могут вместе с ними общими силами вести борьбу для осуществления того, что они называют «великой идеей»,—датчане, загнанные в тесное пространство их земельки, имеют по другую сторону своих границ лишь маленькую группу соотечественников. Эти последние отныне лишены своей национальной самобытности и автономии, не взирая на постановления торжественного трактата, который Германия считает себя в праве не исполнять. Правда, заинтересованные населения не освободили ее от лежащего на ней по отношению к ним обязательства; но она полагает, что достаточно разрешения, данного ей Австрией, соучастницей в заключении этого международного договора. Таким образом, эти две державы разделяют между собой ответственность за нарушение права, доставляющее выгоду одной из них.

Простой обломок разрушенной волнами океана земли, которая в давния времена соединяла Скандинавию с Северной Германией, Дания, по своим историческим судьбам, находилась в постоянных сношениях с обеими соседними странами. Она владела некогда большим протяжением берегов Балтийского моря, даже Эстляндией. В 1397 году она стала во главе Скандинавского Союза, в силу договора, известного под названием Кальмарской унии, и до 1814 года владела Норвегией; на юге Балтики различные территории, сделавшиеся ныне немецкими, также принадлежали ей, и еще недавно германские земли Голштейн, южный Шлезвиг, Лауенбург составляли нераздельную часть датской монархии. Ни одна из европейских наций не совершила столько завоеваний, как датский народ, ибо завоеватели, известные под именем норманнов, выходили из Ютландии и датских островов, так же, как из фьордов Норвегии и Швеции: они появлялись и водворялись победителями везде—на Британских островах, на берегах Франции, на берегах Средиземного моря и даже на берегах Нового Света, открытого скандинавами задолго до Колумба. Дания, без сомнения, сделалась бы центром громадной империи, если бы она имела больше географического сцепления и более обширные размеры. Но узкий полуостров Ютландия, покрытый лесами и бесплодными ландами, рассеянные острова Балтики и норвежское прибрежье, совершенно лишенное пригодной для культуры земли, изрезанное фьордами на бесчисленное множество отдельных кусков, не имели ядра достаточного для того, чтобы внешния завоевания могли сплотиться вокруг метрополии; завоевания эти должны были оставаться без всякой связи, разрозненны-

ми, как те страны, из которых выходили дружины смелых завоевателей. Датские земли не имели между собой никакого естественного единства, если не считать связи через бурный океан, омывающий их берега.

В прежния времена у Дании было, по крайней мере, то преимущество, что она владела всеми воротами Балтики и, таким образом, господствовала над входом в это внутреннее море; отныне эта стратегическая привилегия сделалась призрачной. Зунд принадлежит датчанам только одним из его берегов; Малый Бельт у южного его входа занят Пруссией, которая, в случае надобности, могла бы, менее чем в двадцать четыре часа, выдвинуть целую армию на северные берега этого пролива. Что касается, наконец, Большего Бельта, широко открытого между островами Фионией и Зеландией, то он может быть обойден сухопутными армиями, а военные флоты без труда форсировали бы проход через него. Таким образом, датский народ заранее обречен служить целью для посягательств соседних держав. Но какова бы ни была судьба, ожидающая его в будущем, нельзя не признать, что он представляет собою группу людей энергических, имеющую свои исторические права, свой собственный язык, свои традиции, свои надежды, свой дух национальной солидарности.

II.

Полуостров Ютландия (Jylland), так, же как датский архипелаг Балтики, принадлежит геологически к двум областям—к Германии и к Скандинавии. Вся южная часть полуострова составляет продолжение равнины Северной Германии, усеянной бесчисленными обломками эрратических камней; но в самой широкой части Ютландии тянутся формации предшествовавшей эпохи, пласты миоценовые и меловые, из которых последние вдаются в море между городом Ааргус и фьордом Рандес, затем снова появляются на юго-востоке, на острове Зеландии, и далее, по другую сторону пролива Зунд, на крайних мысах шведской провинции Скании. Эти крепкия, сопротивляющиеся разрушительному действию стихий, каменные массы послужили точкой опоры землям новейшего образования, которые возникли после больших размывов, имевших место при входе в Балтийское море.

На севере от немецкой границы, общий хребет полуострова продолжает идти параллельно восточному берегу, в менее близком расстоянии, чем в Шлезвиг-Голштейне. Реки Ютландии, текущие в ту и другую сторону—к Каттегату и к Северному морю, начинаются от водораздельной линии, лежащей ближе к геометрической оси полуострова, чем водораздел проточных вод Шлезвига; но эти два водоската много разнятся между собой по виду местности и представляют такой же контраст, как и на германской территории: западный скат имеет однообразную поверхность и понижается полого; восточный круче, менее ровен, более разнообразен; сама почва так же резко отличается по обе стороны водораздела, как и морские берега, на западе очерченные правильно, в виде длинных, едва изгибающихся плоских поясов, а на востоке изрезанные в виде фьордов и вдающиеся в море, в виде выступов или мысов.

Холмы Ютландской области, обращенные к Каттегату, принадлежат по большей части к формации наносных земель и состоят главным образом из песку, глины, мергеля, происшедших из обломков гранита, гнейса и мела. Валуны и гравий глетчерного происхождения покрывают там и сям более древние слои. Холмы эти не тянутся вдоль морского берега сплошными грядами: они поднимаются отдельными группами или цепями, в которых многие вершины достигают более ста метров высоты; в глазах жителей низменной равнины эти высоты кажутся настоящими горами. Непосредственно на севере от германской границы, между Христиансфельдом и Кольдингом. одна из этих горных цепей, Скамлингсбанке, возвышается на 120 метров над извилистыми водами Малого Бельта; другие вершины поднимаются между фьордами Вейле и Горсенс; еще более высокие горы господствуют, на юге, над городом Ааргус. Эта область восточных холмов очень плодородна, и буковые деревья находят там благоприятную почву: великолепные леса покрывают высоты и спускаются до самого берега моря.

На западе от маленьких цепей холмов, окаймляющих берега Каттегата, находится самая высокая группа во всей Дании, и главная вершина её, гора Эйерсбавснегей, достигает 180 метров высоты[1]. Другая вершина, так называемая «Гора Неба» или Гиммельбьерг, поднимающаяся на северо-западе, ниже предъидущей на 10 метров; но она пользуется большею известностью, благодаря грандиозному виду, который открывается с верхней террасы горы. Гуденаа, самая многоводная река страны, образует два больших озера у южного основания «Горы Неба», а за этими озерами расстилается обширный горизонт ландов, лесов, засеянных полей, озер и деревень, ограниченный вдали круговой линией моря. На севере от странной вырезки Лимфьорда, холмы опять повышаются и образуют настоящий кряж, называемый «хребтом Ютландии» (Jyske Aas), главная вершина которого достигает 120 метров высоты, и который мало-по-малу понижается по направлению к остроконечному мысу Скаген. Хребет Jyske Aas, так же как и хребет всего полуострова, до реки Траве, лежит гораздо ближе к внутреннему морю, чем к океану. Одна из самых высоких вершин, господствующая над городом Фредериксгавном с южной стороны, поднимается непосредственно над волнами Балтики. На берегу Северного моря тоже высится холм Бульбьерг, меловой утес, совершенно уединенный.

Весь западный скат Ютландии, по обе стороны заливов Лимфьорд или Лиимфьорд, некогда представлял обширную песчаную степь, слегка наклоненную к океану, до дюн морского прибрежья. Культура изменила во многих местах вид этой равнины, особенно в соседстве ручьев; но и теперь еще она является на обширных пространствах такою, какою она была до постройки больших дорог и железных путей сообщения, до употребления в дело плуга, искусственных туков и введения мелиораций. Страна эта во всем похожа на Geest северной Германии, на Heiden Дренте и Велюве и напоминает французские ланды, насколько это позволяют различия климата и флоры. В Ютландии, подобно тому, как это мы видим в сейчас названных местностях, песчаные земли покрыты крупным вереском и другими деревянистыми растениями, образующими густые чащи; на землях, не имеющих ската, рассеяны лужи стоячей воды; на месте прежних озер и прудов мало-по-малу образуются торфяники: как и в гасконских лайдах, остатки растений скопляются здесь черноватыми слоями под песчаными буграми, которые их прикрывают; везде, под верхними слоями земли, почва, насыщенная дубильным веществом, происходящим из вересков, образует твердые плиты так называемого al (то же самое, что alios французских ландов), к которому примешана окись железа, во многих местах в столь значительной пропорции, что этот железняк можно разрабатывать для добывания железной руды; слои мергеля также встречаются в некоторых частях почвы ютландских ландов и облегчают труд земледельца, желающего превратить песок, с помощью искусственного удобрения, в пахатную землю. Равным образом и дюны ютландского прибрежья очень похожи на дюны французских берегов, только они гораздо ниже,—самые высокие из них имеют не более 33 метров высоты[2],—и содержат большое количество известкового песку, что делает их менее подвижными; однако, эти песчаные холмы не раз вторгались далеко внутрь полуострова, и даже в ближайшем соседстве мыса Скаген видна старинная церковная башня, остаток здания, которое было поглощено сыпучими песками, вместе с окружавшим его селением. На южной стороне залива Лимфьорд события этого рода, о которых повествуют местные хроники, были гораздо многочисленнее, по той причине, что там дюны, более высокие, чем по другую сторону фьорда, незащищены, как в северной Ютландии, от северо-западных ветров норвежским мысом Линдеснес. Подобно тому как во Франции, датчане, чтобы остановить движение дюн, должны были закреплять их посредством насаждения деревьев, преимущественно сосен; кроме того, во многих местах построены плотины для закрепления морского прибрежья.

По очертанию своих берегов западная Ютландия также представляет большое сходство с французскими ландами. На протяжении около 375 километров, ютландское побережье Се-

1 Eb. Erslev, „Foedrelandet“, 1872.

2 Ed. Ersley „рукописные заметки"

верного моря состоит если не из одного непрерывного прямолинейного берега, то из ряда плоских, слегка изогнутых берегов, которые чрез известные промежутки опираются о крепкия, хорошо сопротивляющиеся точки: от одного выступа суши до другого следующего каж-

Гиммельбьергъ („Гора Неба").

дый берег обрисовывается отчетливо в виде геометрической кривой, как будто циркуль начертил ту линию, где ударяются волны, идущие с открытого моря. Но внутри этих правильных стрелок, образующих морское прибрежье, первоначальный берег врезывается своими

неправильными контурами во внутренность материка. Так образовались, вдоль Ютландского моря, прибрежные озера, подобные лагунам французских ландов: это—также бывшие морские заливы, постепенно превратившиеся, от действия наносов внутренних рек и дождей, в резервуары пресной воды, которые мало по-малу засариваются, вследствие отложения на дне их землистых частиц, приносимых ручьями; все они имеют незначительную глубину, а многие из них даже усеяны тинистыми мелями, которые попеременно то выступают наружу, то покрываются водой, смотря по времени года и силе ветра; судоходные фарватеры, узкия канавы, извивающиеся среди этих тинистых мелей, напоминающих «крассаты» Аркашонского пруда, дают доступ только маленьким судам. Хотя эти мелкие пресноводные бассейны далеко не похожи на те удлиненные морские заливы, которыми изрезано скалистое прибрежье Норвегии и где лот находит дно только на глубине нескольких сот метров, туземцы, тем не менее, дали им громкое название фьордов. Один из самых больших, Рингкьебинг-фьорд, поверхность которого равняется 300 квадратным километрам и который отделен от океана длинною косой Клитландет (то-есть «Землей Дюн») на протяжении около 40 километров, может, однако, принимать только суда, имеющие менее 2 метров водоуглубления; да и то суда, плывущие по узкому выходному каналу, вырытому течением прилива и отлива, не всегда могут переходить через опасный бар Ниминде-Габ, который часто перемещается на сотни и даже на тысячи метров. На северной стороне Рингкьебинг-фьорд выделяет из себя мелководные потоки, соединяющие его с другим подобным фьордом, называемым Стадиль-фьорд, который, в свою очередь, сообщается, посредством целого лабиринта озер и медленно текущих ручьев, с третьим прудом, с Ниссум-фьордом, отделенным от Северного моря узкою береговою полоскою с одним только отверстием, которое соединяет его с морем. Эти морские ворота, не менее опасные, чем проход Ниминде-Габ, были встарину поставлены под покровительство богов: это устье Тора, Торсминде, если только нынешнее его название не есть,—по другой этимологии, менее поэтической, но зато более правдоподобной,—видоизмененное Торскминде, что значит «Тресковое устье».

Лимфьорд представляет в одно и тоже время озерный и морской бассейн, и геологическая история его не так проста, как история соседних приморских прудов. Он тянется чрез весь полуостров Ютландии, от западного края до восточного, и состоит из трех отдельных частей, общая поверхность которых равна 1.170 квадратным километрам. На западе Лимфьорд начинается обширным прудом, подобным упомянутому Рингкьебинг-фьорду, и так же, как этот последний, ограниченным со стороны моря узкою песчаною косой, которую потрясают волны морские, и которая во многих местах не имеет даже одного километра в ширину. На восточной своей оконечности этот пруд сообщается, посредством узкого канала, с лабиринтом озер, изобилующих рыбой, которые окружают большой остров Морс и целый архипелаг островков, затем соединяются в одно внутреннее море, пространством в 460 квадратных километров, отделенное от Скагеррака только поясом дюн и разветвляющееся далеко к югу многочисленными заливами и бухтами. На восток от этого центрального бассейна Лимфьорда, область озер продолжается до пролива Аальборг: там начинается узкий и длинный фьорд, подобный всем тем, которые врезываются в восточный берег, обращенный к Балтике, каковы фьорды: Мариагер, Рандерс, Горсенс, Вейле, Кольдинг, Гадерслев и многие другие, до Кильской бухты; этот восточный фьорд нигде не имеет более 2 километров в ширину: это—просто судоходный ров или канал, открывающийся в море устьем в 3 слишком метра глубиною. Изучение геологической карты показывает, что, рассматриваемый в целом, лабиринт внутренних вод, известный под общим именем Лимфьорда, следует в своих очертаниях контурам миоценовой и меловой формации: понятно, что у подножия этих пластов, более крепких, чем окружающие их наносные образования, почва легко могла быть размываема наводнениями.

Береговой пояс суши, ограничивающий на западе бассейн Лимфьорда, много раз был прорываем волнами моря во время бурь[1], между прочим, в 1624, в 1720 и в 1760 годах. В

1 Ed. Erslev, „Den Danske Stat", 1855—57.

нынешнем столетии, именно 28 ноября 1825 года, в эпоху, когда страшные наводнения опустошили все низменные берега Северного моря и покрыли водой весь голландский Ватерланд, от Амстердама до Алькмара, внешний берег Лимфьорда, известный под именем Гарбоере-Танге, уступил напору волн, и пруд пришел в сообщение с морем посредством одного из тех многочисленных Nyminde (новое устье), которые открылись на ютландском прибрежьи[1]. До открытия бреши или протока при Аггере, вся западная часть Лимфьорда была наполнена пресною водою: но вторжение соленых вод и установление течения от одного моря до другого изменили состав жидкости во всем проливе: морские рыбы проникли во множестве в бассейн фьорда[2], и везде содержание соли достигло по меньшей мере 18 на 1000, судя по тому, что местами образовались даже устричные мели, благодаря яичкам и молодым животным, переносимым течениями моря с запада на восток[3]. Это устье, которое было в первый раз утилизировано для целей судоходства в 1834 году, не переставало перемещаться и изменяться в очертаниях и глубине, сообразно колебаниям волн и бурь; часто на баре бывало не менее полутора метра воды; нередко также лот обнаруживал в том же месте глубину около трех метров. В 1863 году буря опять прорвала песчаную косу: на юге от прежнего, Аггерского, протока образовалось новое устье, так называемый Ренский канал, который постепенно расширялся и углублялся; с 1875 года порог или бар при Аггере совершенно засорился и обмелел[4], тогда как рыболовные и даже значительные торговые суда в большом числе пользовались новым каналом (так, в 1876 году через порог при Рене вошло в Лимфьорд 820 судов). В целом все морское прибрежье было отодвинуто почти на два километра к востоку.

Северная часть датского полуострова участвует в медленном восходящем движении, которое постепенно приподнимает из волн моря скалистые берега Норвегии и Швеции: и в этом отношении Ютландия, хотя соединенная с Германиею посредством кимврского перешейка, должна быть причислена к скандинавским землям. Та область полуострова, где, по всей вероятности, находится, так сказать, шарнир качания между площадью поднятия и площадью оседания, проходит на севере от нынешней политической границы, почти в самой широкой части полуострова[5]. Сравниваемый со всею массою Ютландии, Шлезвиг (Slesvig по-датски, Schleswig по-немецки) есть не более как обломок, древние берега которого были разрезаны на острова и даже мели и оставлены в море, на большом расстоянии от теперешнего прибрежья. Между тем как на юге от линии раздела между поднимающимися и опускающимися пространствами, берега твердой земли превратились в острова и мели, на северной её стороне мы, напротив, видим обратное явление: там прежние острова сделались частью материка; таковы маленькие полуострова, которые вдаются в море к востоку от города Ааргус, и которые на карте похожи на плоды, висящие на ветви дерева. На севере от этих полуостровов, озеро Колиндзунд напоминает своим именем, что оно было некогда морским проливом или по крайней мере заливом, а в окрестности есть много деревень, название которых, оканчивающееся на о (остров), указывает на прежнее их островное положение[6]. Некоторые признаки заставляют думать, что поднятие Ютландии во многих местах происходило довольно быстро. Некоторые части северного прибрежья оканчиваются крутым обрывом, в роде утеса от 4 до 8 метров вышиною, на котором обрисовываются, в виде горизонтальных полос, различные слои торфа, гораздо более плотного и более черного, чем обыкновенный торф, и покрытые морским песком. Полагают, что эти слои, очень древнего происхождения, принадлежат к формации, поднятой всей массой над поверхностью моря[7]. Но непосред-

1 Chr. Petersen, „Oni Aggertangen for od nu“. „Danske geografiske Selskab“, I, 1817;—Osterbol, „Fra Agger Sogn“, в том же сборнике, т. II, 1878 г.

2 Feddersen, „Danske geografiske Selskab“, I, 1877.

3 Бер, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, t. V, 1863.

4 Chr. Petersen, выше цитированное сочинение.

5 Ed. Ersler, „рукописные заметки“.

6 Forchhammer. „Forhandlinger ind de skandinaviske Naturforskeres Mode i Goteborg“,1839;—O.Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

7 Alph. Belpaire, „De la Plaine maritime depuis Boulogne jusqi'au Danemark“.

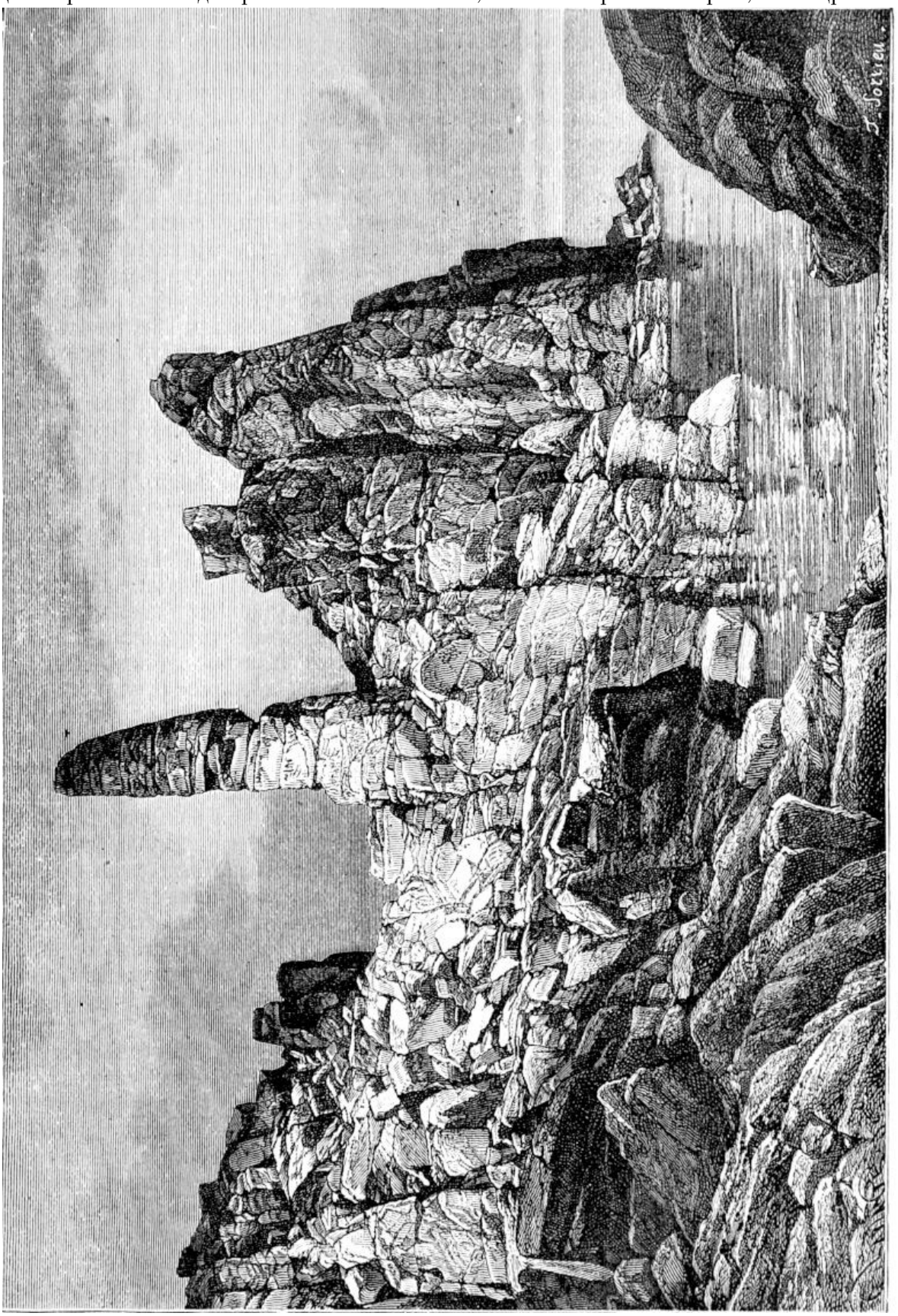
ственно к югу от того места, где начинается тоненькая ножка полуострова, появляются следы совершенно других геологических явлений: подводные леса, ольховые, березовые, дубовые, и слои торфа, которые некогда росли на пресноводных болотах, теперь находятся в глубинах илистых мелей, затопляемых морем; расчищая фарватеры землечерпательными машинами, чтобы устроить проход судам, моряки иногда наталкиваются своими снарядами на поглощенные морскими водами деревья.

Подобно берегам французских ландов, берег датских ландов продолжается очень пологим скатом под поверхностью волн, и только километрах в 60 (средним числом), когда твердая земля давно уже исчезла из поля зрения, находят глубины от 30 до 40 метров. Во многих областях этого моря, особенно против Блавандс-Гука, юго-западного выступа Ютландии, опасные мели преграждают судам подступ к берегу. На всей западной окраине этого длинного полуострова Ютландии, который тянется через два градуса широты, не существует ни одной удобной гавани для крупных судов. Из опасения быть выброшенными на берег западными или северо-западными ветрами, мимо плывущие суда стараются держаться как можно дальше от этого негостеприимного берега, особенно от страшной Яммер-Бухт, то-есть «Погибельной бухты», которая развертывается между двумя мысами: Росгаге и Гирсгальс. Главным судоходным путем между морями Северным и Балтийским служит Скагеррак, в котором нет никаких подводных камней, и который отчасти защищен от самого опасного ветра возвышенными землями южной Норвегии.

Между островами Балтики остров Фиония (по-датски—Fyen) мог бы быть рассматриваем как геологическая часть Ютландии, хотя он теперь отделен от неё узким проходом Малого Бельта, наименьшая ширина которого 650 метров, а самый высокий порог лежит на глубине 8 метров. Впрочем, Фиония несомненно была прежде соединена с туловищем полуострова; она состоит из тех же наносных формаций, и холмы её, поросшие буковым лесом, поднимаются почти на такую же высоту, как и холмы восточной Ютландии; они не менее живописны и господствуют над таким же сельским горизонтом хорошо орошаемых лугов, обработанных полей и лесков. Высоты эти также усеяны многочисленными эрратическими камнями: один из них, так называемый Гесселагерский камень, имеет не менее 30 метров в окружности и выдается из почвы на 6 метров в вышину. Фиония, очевидно, не что иное, как отрывок материка; точно также прилегающие к нему с севера полуострова, окружающие фьорд Одензе, а с юга острова Тасинге, Эре, Лангеланд, без сомнения, составляли некогда одно целое и были разрезаны волнами моря; в пользу этого предположения говорит, между прочим, тот факт, что все эти земли, ныне разделенные водами, стоят на одном и том же подводном плато. На карте с трудом различаешь проливы, вырытые морем между этими островами. По мнению Форхгаммера, эти раздельные каналы суть рвы, открытые великим «кимврским» наводнением, когда, будто бы, воды восточной Балтики, пробивая себе проход к западу, отделили континент от островов и от Скании; но ничто не доказывает, чтобы этот потоп имел место; образование же каналов объясняется колебаниями уровня почвы.

На восток от Большого Бельта, острова Зеландия, Мен, Фальстер, Лаланд также составляют одну землю, разрезанную узкими проливами недавнего геологического происхождения. Большая часть двух первых островов, Зеландии и Мена, принадлежит, по своим горным породам, к векам мелового периода; но на севере и на юге от этой меловой полосы, составляющей продолжение, в Балтике, ютландского пояса той же формации, простираются также новейшие геологические образования, покрытые каменными обломками, которые были принесены пловучими льдами: эти новые формации образуют с одной стороны северную часть Зеландии, а с другой—острова Фальстер и Лаланд. В этой геологической группе хребет еще гораздо больше удален от центра страны, чем в Ютландии и в Шлезвиге: мы не находим его даже на большом острове Зеландии; самые большие возвышения почвы, самые высокие крутизны всего архипелага находятся далее на востоке—на окраинах маленького острова Мена: там один холм, окруженный маленькими озерами, Аборребьерг, поднимается до высоты 150 метров, необычайной для Дании, и невдалеке от этой горы скала, круто обры-

вающаяся, господствует еще с высоты 100 и даже 130 метров над волнами Балтики. Эти крутые высоты, называемые Менс-Клинт (что значит «береговые утесы Мена»), оканчиваются над поверхностью вод вертикальными стенами, меловые грани которых, испещренные па-



Утесы Геллигдоммена. Сѣверный берегъ Борнгольма

раллельными полосами кремня, как прибрежные скалы Нормандии, отражают далеко лучи полуденного солнца; иногда эти блестящие стены видны с моря верст за 50 от берега. Обвалы каменных масс придали этим обрывистым утесам самые странные формы и очертания;

изогнутые в складки, местами даже опрокинутые, пласты напоминают там, конечно в малом размере, сгибы формаций на Юре и на больших Альпах[1]. Среди крутых береговых утесов там и сям открываются узкия долины или овраги, поросшие буковыми лесами, которые спускаются до самого берега моря. Мореплаватели, отправляющиеся из главного бассейна Балтики по направлению к Висмару, Килю или Любеку, часто могут различать в одно и то же время белеющие отвесные стены острова Мена и высокие мысы острова Рюгена, некогда соединенных, а ныне разделенных проливом в 55 километров ширины и 20 метров глубины. Есть причины думать, что остров Мен, пройдя через период оседания или понижения относительно уровня моря, стал затем снова повышаться и продолжает подниматься до сих пор, хотя и очень медленно. Он состоит в действительности из семи различных островов, проливы между которыми постепенно обмелели и высохли; в 1100 году он был разделен на три куска. Одно из селений этого острова, деревня Борре, в наши дни затерянная на твердой земле среди болот, стояла в 1510 году на берегу моря, так что флот Любека мог прямо подойти к её домам и предать их пламени. Подобно тому, и местечку Стеге, пред которым все больше и больше скопляется наносов, грозит опасность лишиться своего порта. По вычислению геолога Пуггарда, поднятие острова Мена составляет, средним числом, около 6 сантиметров в сто лет. Подобно Рюгену, остров Мен посещается в летний сезон многочисленною публикою, как место отдыха: и действительно, это—одна из самых приятных летних резиденций, благодаря его живописным холмам и долинам, его лесам и маленьким озерам, лабиринту проливов и островков, которые отделяют его от Зеландии.

Соседний большой остров, с которым Мен составлял некогда одно целое, также оканчивается на востоке меловыми утесами, достигающими 40 метров высоты: но эти утесы, известные под именем Стевнс-Клинт, состоят из пластов, правильно наслоенных, чем они существенно отличаются от разнообразных сгибов формаций в береговых скалах Менс-Клинт. В целом, Зеландия составляет продолжение острова Мена по своей общей покатости; однако, и там во многих местах встречаются еще кряжи, достигающие 100 и более метров высоты. Обширный залив, разветвленный на множество извилистых бухт и проливов, так называемый Изефьорд, врезывается далеко в северную часть Зеландии и придает ей разнообразие вида, которое можно сравнить с разнообразием, какое представляет, на другой оконечности этого острова, лабиринт каналов и подводных камней: берега Зеландии были, очевидно, как и берега Мена, подняты, так как на них видны бывшие пространства морского дна, ныне лежащие на высоте нескольких футов над уровнем моря.

В то время, как Большой Бельт, на западе от Зеландии, ясно отделяет этот остров от Фионии и Лангеланда, другой пролив, знаменитый Эрезунд, или просто Зунд, составляет, на восточной стороне, как бы разделительный геологический ров, ибо часть Швеции, профиль которой обрисовывается на горизонте в северо-восточном направлении от Копенгагена, и которая приближается, против Гельсингерского замка, до расстояния всего только 4.100 метров, состоит из палеозойских горных пород, относящихся, по времени происхождения, к гораздо более раннему периоду, чем формации Зеландии. Маленькие датские острова Каттегата, Самсе, Ангольт, Лезе, состоят из формаций новейшего образования; но нельзя сказать того же о Борнгольме, лежащем среди Балтики, к юго-востоку от южной оконечности Скании.

С геологической точки зрения остров этот следует считать шведским, потому что он состоит из древних горных пород, из песчаников и сланцев, опирающихся на гранит; пролив, отделяющий его от шведской провинции Скании, имеет всего только 35 километров ширины, а наибольшая глубина его не достигает даже 50 метров. Тем не менее, однако, Борнгольм с полным основанием должен быть признан составляющим часть Дании, которая, впрочем, некогда обнимала всю южную часть Скандинавского полуострова. В 1658 году, когда шведы овладели тремя провинциями, Сканией, Галландом и Блекингом, Борнгольм

1 Chr. Puggaard, „Moens Geologie", 151.

также был включен в трактат об уступке этих земель и был занят отрядом иностранных солдат под начальством Принценшельда; но население истребило в одну ночь всех завоевателей, за исключением двенадцати человек, которые находились вне крепости Гаммергус: то была «борнгольмская вечерня».

Из всех островов Балтийского моря Борнгольм отличается наиболее правильною геометрическою формой: это—параллелограмм, имеющий почти 20 километров высоты на 25 километров длины в основании и постепенно поднимающийся отлогим скатом по направлению от юга к северу. Поверхность этого выступающего из-под воды гранитного плато покрыта лишь тонким слоем растительной земли, и в начале его заселения на нем не существовало никакой растительности, кроме вереска; но впоследствии сделаны были в больших размерах насаждения дерев, и теперь леса тянутся на большом пространстве в центре острова, вокруг главной вершины горы Риттеркнегтен, поднимающейся на 132 метра. Овраги, спускающиеся большею частию по прямой линии к ближайшему морскому берегу, перерезывают гранитные скалы плоскогорья на некотором расстоянии друг от друга; маленькия бухточки, открывающиеся в береговых утесах или в плоских берегах, при выходе этих плодородных оврагов, служат гаванями судам незначительного водоуглубления.

В северном углу Борнгольма остроконечный мыс Гаммерен почти совершенно отделен от туловища острова низменным перешейком, где находится очень глубокое озеро, которое жители соседнего местечка Аллинге предполагали, было, превратить в порт-убежище; но они должны были отказаться от своего намерения в виду непобедимого препятствия, которое представляют крутые гранитные берега озера. На южной стороне этого пресноводного бассейна, на крутом холме, видны обширные развалины крепости Гаммерсгус, где прежде имели пребывание губернаторы острова, и которые издали похожи на разрушенный город. Один из важных маяков Балтики, помещенный на самом мысе, освещает теперь окружающие воды, известные под именем «Гаммеренского моря». Приводим величину поверхности и число жителей главных датских островов:

	Пространство, кв. клм.	Население, душ.
Фиония	3.005	221.084
Лавгеланд	284	19.170
Зеландия	6.988	834.123
Мен	240	13.544
Фальстер	535	32.639
Лаланд	1.191	67.913
Борнгольм	600	38.765

Общая поверхность датских островов—13.551 кв. клм.

Население (1 февраля 1890 г.)—1.230.260 душ.

На севере, островки и подводные скалы Эртгольмене, известные вообще под именем Христиансе, самого большого острова в малом архипелаге, также принадлежат Дании и причисляются к острову Борнгольму. Они составляют порт-убежище, который по ночам освещается маяком, одним из важнейших на всем Балтийском море.

Общий климат полуострова Ютландии и датских островов—морской, то-есть относительно умеренный, как в сезон жаров, так и в период холодов; однако, острова Балтики имеют более теплый климат, чем внутренняя часть Ютландии, потому что они пространством меньше этого полуострова и, следовательно, в большей степени подвергаются морскому влиянию; тем не менее, в Копенгагене бывает около ста морозных дней в году; но средняя разность между летней и земней температурой всего только 17°; на. западном берегу Ютландии она равняется 15°. Средняя температура отдельных времен года и целого года в Копенгагене:

Весна: 6,5° Ц.; лето: 17,25° Ц.; осень: 9,5° Ц.; зима:—0,5° Ц. Годовая: 8,25° Ц.

По годам средняя зимняя температура представляет весьма значительные колебания, как это наглядно доказывает состояние проливов, которые иногда остаются круглый год откры-

тыми для судоходства, иногда, напротив, бывают в продолжение двух или трех месяцев заперты кристаллическими плитами, настолько крепкими, что по ним можно перевозить путешественников и грузы. Особенно проход через Большой Бельт представляет много затруднений в зимнее время, и, когда пролив заперт льдами, суда, служащие для перевозки пассажиров и багажа, нагружаются на сани особенного устройства. Начиная с 1794 года, постоянно отмечали точным образом продолжительность этого периода перевозки судов по льду (Istransport), которая иногда бывает необходима только один день и даже того менее, но которая в 1871 году продолжалась целых два месяца, с 1-го января до 1-го марта[1]. Известно, что в 1658 г. король шведский Карл X Густав прошел по льду с острова Фионии на остров Лангеланд, потом на Лаланд, с целою армией, с фургонами, с артиллерией, с провиантским обозом: король датский, угрожаемый неприятелем, подступавшим к его столице, принужден был подписать мир. Господствующий ветер,—тот, который приносит с собою дожди, как на полуострове Ютландии, так и на балтийских островах,—дует с западных морей; можно даже сказать, что это атмосферное течение способствовало в некоторой степени,—в меньшей, однако, чем недостаток хороших гаваней,—тому, что весь полуостров Ютландии и соседний архипелаг обернулись лицом на восток: население их сгруппировалось преимущественно на восточных берегах. Западное побережье представляет пояс бурных ветров и низменных длинных берегов,—пояс, наиболее подверженный разрушительному действию морских волн. Деревья, согнутые частыми бурями, обращают свои ветви к внутренней части земель, и верхушка у них плоская, как будто ее искусственно подстригли ножницами[2]. Даже на восточных берегах Ютландии деревья наклонены в одну сторону под напором господствующего воздушного потока; тем не менее, однако, жители нашли там более удобное, лучше защищенное от ветров, местопребывание; они могли совершенно безопасно строить города и возделывать поля морского прибрежья. На островах ветры менее сильны, и суда обыкновенно держатся восточного берега Зеландии, чтобы избегнуть подводных камней, которыми усеян шведский берег, где также дуют западные ветры. В этой-то области Дании, на берегу одной бухты острова Зеландии, обращенной к востоку, основался самый многолюдный город Скандинавии. Из этого видно, что воздушные течения имели глубокое влияние на общую историю страны.

III.

Растительное и животное царства Ютландии и датских островов мало отличаются от флоры и фауны окружающих земель Скании и Шлезвига: при одинаковых климатических условиях, естественно, должны были развиться одни и те же формы растительные и животные; но люди, населяющие эту страну, датчане, составляют особый народ, имеющий свои особенные традиции, свой характер, свою национальную волю. Датчанин, хотя он германской расы, смотрит на себя, тем не менее, как на нечто отдельное от немца по происхождению, так же, как и по военным воспоминаниям. Он отвергает всякую мысль о политическом слиянии с Германиею и не имеет также желания смешаться со своими соседями, шведами и норвежцами. Скандинавский союз, такой, какого он желает, должен быть скорее федерациею трех народов, сохраняющих каждый свои нравы, законы и все национальные особенности.

Хотя история Дании, в собственном смысле, не восходит далее тысячи лет, но остатки всякого рода, найденные на почве Ютландии и датских островов, дали возможность ученым исследователям проникнуть умственным взором далеко за пределы исторических времен, до тех веков, когда местный климат существенно отличался от нынешних климатических условий этих земель. Дания, как известно, прославилась в истории науки многочисленными свидетельствами первобытных цивилизаций, найденными археологами. Чем были берега Средиземного моря для классической археологии, тем же были берега Каттегата и Балтики, хотя

1 Chr. Hansen, „Danske Geografiske Selbskab Tidskrift", II, 1878.

2 Ed. Erslev, „Den Danske Stat".

и в меньшей степени, для археологии доисторической вообще[1]. Остатки первобытного, грубого искусства наших предков были там собраны сотнями тысяч.

Из всех этих естественных музеев наибольший интерес для исследователя представляют, может быть, торфяные болота, где последовательно обуглились многие поколения лесов; лежащие один на другом слои деревьев позволяют определить приблизительно эпоху, когда жили животные, остатки которых находят среди обуглившихся растительных организмов, и люди, которые оставили там свои кремневые орудия. Лесная растительность, покрывающая в настоящее время моховые болота, состоит из буковых дерев; но под этою поверхностною растительностью ярусы поглощенных землею лесов представлены тремя древесными слоями, совершенно отличными один от другого—слоями сосен, дубов и осин. Древнейшая флора нижнего слоя торфяника состоит из мелких, приземистых берез и других маленьких деревьев, какие в наши дни растут на юге Лапландии. Из этого нужно заключить, что в ту эпоху климат Дании был похож на климат около полярного пояса; но человек уже жил в этой стране, доказательством чего служат разные орудия из кремня, найденные в нижнем слое торфяных болот, рядом с костями северных оленей и лосей[2]. Что касается остатков мамонтов и других больших млекопитающих, то они нигде не встречаются в Дании, как во Франции и Англии, в почве, где человек оставил следы своего искусства[3].

Известно также, какое важное значение получили в доисторической археологии груды раковин, находимые там и сям на берегах Ютландии и датских островов. Местные жители прежде считали эти груды слоями обломков, выброшенных волнами моря; но ученые Ворсэ и Стенструп, подробно исследовавшие эти остатки, признали их за так называемые «мусорные кучи» и «кухонные отбросы» (affaldsdynger, kjoekkenmoeddinger). Они состоят главным образом из раковин устриц и других моллюсков, равно как из рыбьих костей, но заключают также обглоданные кости оленей, косуль, свиней, быков, бобров и собак; кроме того, найдены еще остатки кошек и выдр. Кости большого пингвина (Alea impennis), порода которого существовала еще в нынешнем столетии в Исландии и Гренландии, также встречаются в датских курганах или мусорных кучах[4]; но между остатками птиц до сих пор нигде не заметили куриных костей: в ту эпоху у жителей островов не было еще ни одного домашнего животного, кроме собаки. Некоторые из куч кухонных отбросов имеют до 300 метров в длину, при ширине от 30 до 60 метров и вышине до 3 метров, следовательно, объем их составляет многие десятки тысяч кубических метров, что свидетельствует о многочисленности людей, участвовавших в этих трапезах, или о большой продолжительности веков, в течение которых они совершались одним и тем же способом. Населения той эпохи переживали тогда свой каменный век, судя по тому обстоятельству, что, между остатками животных, из предметов человеческого искусства, открыты только инструменты и оружие из камня и кости, равно как черепки грубой глиняной посуды. Тогдашния очертания морского прибрежья и соленость морей также, по всей вероятности, были совершенно отличны от нынешних, на что указывает, между прочим, тот факт, что устрицы, столь обыкновенные в ту эпоху в водах, окружающих датский архипелаг, в наши дни не могут там жить, по причине слишком слабой солености воды[5]. Некоторые из костяков животных, найденных в кухонных кучах, тоже свидетельствуют о суровости тогдашнего климата Дании.

К свидетельствам прошлого, найденным в торфяных болотах и в остатках доисторических трапез, нужно прибавить древнее оружие, домашнюю утварь, разные украшения, собранные во множестве в мегалитовых могилах различной формы, об одной, двух или нескольких камерах, которыми усеяны датские земли. Между этими памятниками человеческого труда самыми древними считаются круглые могилки и продолговатые могильные кур-

1 Worsaae, „La colonisation de la Russie et du nord scandinave", traduct. Beauvois.
2 Steenstrup, «Geognostisk Undersogelseaf Skovmoserne".
3 Worsaae, выше цитированное сочинение.
4 Steenstrup, „Videnskabelige Meddelelser for den naturhistoriske Forening", 1855.
5 Акад. Бер, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome IV, 1862.

ганы. Так называемые усыпальницы исполинов (Joettestuer или Steendysser), построенные с большим искусством, состоят из нескольких отделений, сложенных из гранитных камней и покрытых земляною горкой; многие из них служили, повидимому, фамильными курганами, потому что в этих могилах находят, вместе с предметами домашней утвари, оружием и украшениями, кости животных, домашних и диких, погребенных в обществе покойников. Эти могилы принадлежат по большей части к последней эпохе века шлифованного камня и к бронзовому веку; тогдашнее население, сделавшееся оседлым, было уже знакомо со скотоводством и с элементарными способами земледелия. Железо, как полагают, окончательно взяло верх в этих странах только в конце второго столетия, около времени Септима Севера[1], и к этой же эпохе относятся первые рунические надписи. В некоторых могилах были открыты очень любопытные предметы, неизвестно—местного ли происхождения, или привезенные из других стран: такова, например, чаша, найденная в Стевис-Клинте, на острове Зеландии, бордюр которой, сделанный из резного серебра, носит греческую надпись. На о. Борнгольме железный век развивался с некоторыми особенностями, не встречающимися в других местах. Так, на этом острове найдены тысячи могил, называемых Brandpletter: это—ямы, наполненные угольями, золою и человеческими костями, вместе с остатками оружия и разных орудий из железа или бронзы, скрученными огнем; одно только Канникскгардское кладбище, близ Нексе, содержит более тысячи двухсот подобных могил; два другие погребальные поля заключают их, каждое, по девятисот; но самые новые по времени могилы расположены большею частию поодиночке. Обычай сожигания умерших имел следствием истребление значительной части богатств, похороненных вместе с покойниками.

По мнению филолога Раска и археолога Нильсона[2], вся Дания, кто бы, впрочем, ни были её обитатели в разные эпохи каменного века,—была занята во времена, предшествовавшие истории, лапландскими племенами. Дальман, Эшрихт и другие ученые полагают, напротив, что лапландские финны проникали на южные полуострова и острова Скандинавии только группами бродячих колонистов, делавших свои посевы то в одном, то в другом пункте, на выжженной почве торфяных болот или лесов. Во всяком случае, можно положительно утверждать, что в Дании некогда имели пребывание населения, совершенно отличные по происхождению от скандинавских германцев, населяющих ныне эту страну. Сравнительные исследования черепов, произведенные Зассом на кладбищах Зеландии, доказали, что до шестнадцатого столетия порода людей с очень малою вместимостью черепа удерживалась в крае на-ряду с большеголовыми жителями фризского племени. Эти люди теперь совершенно исчезли[3]. Некоторые подробности одежды также, повидимому, указывают на пребывание в крае древних кельтских рас: шляпа с приподнятой тульей, с полями, висящими по плечам, какую носили, еще в недавнюю эпоху, крестьянки на островах Фионии, Эре, Фальстера, представляет замечательное сходство с головным убором нормандок и антверпенских поселянок. Многие археологи хотели на основании одинаковости костюма заключить об единстве происхождения самих рас[4].

После больших движений так называемого великого переселения народов, увлекшего кимвров с полуострова к Галлии и Италии, затем герулов с островов и из Херсонеса к Риму, англов, саксов, ютов—к Англии, другое население, повинуясь общему стремлению народов к западу, утвердилось в некоторых местностях южных островов Дании, на Лаланде, Фальстере, Лангеланде. Эти новые переселенцы были славяне; народные предания и названия мест свидетельствуют о пребывании их в крае[5]. Но главные завоеватели были датчане, древний союз скандинавских племен и родов. Известно, что и после захвата земель, из которых образовалась Дания, датчане еще долго продолжали свои завоевательные набеги в

1 Engeihardt, „Statuettes romaines et autres objets d'art du premier age de fer";—Ernest Desjardins, „Рукописные заметки".

2 „Scandinaviska Nordens Urinvanare".

3 Schmidt, „Jahrbiicher", 1876;—Seligmann, „Behm's Geographisches Jahrbuch", 1876.

4 Vanderkindere, „Recherches sur l'Ethnologie de Belgique".

5 Schiern, „Om slaviske Stednavne".

западном направлении; соперничая с норвежскими пиратами, они оспаривали в течение многих веков у англосаксов обладание Великобританией и у кельтов обладание Ирландией.

Вообще говоря, между датчанами преобладает тип чистого блондина, с светлоголубыми глазами, и среднее число людей этого типа у них пропорционально значительнее, чем у немцев. Отличаясь более живым характером, чем голландцы, датчане так же, как эти последние, терпеливы, мужественны и сильны. Одаренные в высокой степени здравым смыслом, они обыкновенно действуют обдуманно, и смотрят на немцев свысока, называя их безмозглыми и хвастунами[1]; тем не менее, и у них бывают свои праздничные дни, во время которых они любят забыться: обычные тишина и молчаливость сменяются в эти дни шумом и песнями. Под спокойною, бесстрастною наружностью датчанин хранит пылкую и поэтическую душу: он видит волны моря, ударяющиеся о берега его родины, и припоминает беззаветную удаль и отважные похождения своих предков, которые рыскали по свету на своих ладьях, носимых по воле ветров. Его литература сохраняет ему богатую сокровищницу героических песен, которые молодые люди повторяют в веселых собраниях. Люди науки отличаются силою ума, строгим методом, ясностью мысли и изложения. Повсюду в населении развита любовь к чтению, и театр служит для него столько же школою литературы, сколько и местом развлечения. «Не для одного только увеселения!»—гласит надпись, начертанная на занавесе национального театра в Копенгагене.

Датский язык, скандинавского происхождения, но гораздо менее чистый, чем исландский, сложился в особый диалект около тринадцатого столетия; но на степень литературного языка он возвысился только в эпоху реформации, в половине шестнадцатого столетия: его древние саги или народные сказания принадлежат к скандинавской литературе в собственном смысле. Из всех датских наречий, к которым причисляют также и борнгольмское, самым оригинальным и наиболее богатым старыми словами считается наречие, употребляемое в северной Ютландии; но не это наречие взяло верх. Зеландский говор получил преобладающую важность в стране, благодаря господствующему влиянию столицы, и мало-помалу смешался с самим датским языком. В разные эпохи датская речь обогатилась выражениями, заимствованными из языков латинского, шведского, французского; но наибольшее количество слов взято ею из немецкого языка: из нижне-немецкого (Plattdeutsch), во времена торгового процветания ганзейских городов, и из верхне-немецкого (Hochdeutsch), когда этот диалект одержал перевес, как литературный язык Германии. В прежнее время многие датские литераторы, прозаики и поэты, писали на двух языках, чтобы сделать доступными свои произведения не только своим соотечественникам, датчанам и норвежцам, но также и немецкой публике, а через её посредство и остальному миру. Однако, датский народ тем более дорожит своею собственною, родною речью, что чувствует опасность, грозящую самому его существованию: он горячо привязан к своим национальным преданиям, к своей старой литературе, к своей поэзии, возросшей на сагах и наполненной воспоминанием о славных предках. Со времен великого Торвальдсена датское искусство постоянно искало собственных стезей, и даже промышленное искусство: живопись на форфоре, ювелирные работы, резьба по дереве, орнаментировка мебели, старается вдохновляться предметами древности, находимыми в родной почве.

IV.

Все важнейшие города Ютландии расположены на берегу или, по крайней мере, на покатости восточного моря. Население естественно должно было группироваться на этой стороне полуострова, которая представляла ему тройную выгоду: земли более хлебородные, гавани более глубокия, лучше защищенные от ветров и легче доступные для судов, и, наконец, соседство плодородных и населенных островов Фионии и Зеландии. В давние времена, когда датчане, жаждавшие завоеваний и грабежа, устремляли взоры вдаль, к Англии и к другим странам Западной Европы, они направились в большом числе на западное прибрежье, как

1 I. I. Ampere, „Esquises du Nord“

более удобное для их экспедиций. В ту эпоху город Рибе, лежащий близ нынешней границы германских владений, был весьма важным пунктом. Он обогащался тогда, между прочим, значительною добычею, приносимою из дальних стран в дар его священникам и монахам. В настоящее время Рибе с большим трудом поддерживает свои сообщения с морем: извилистая речка Рибе-Аа, теряющаяся на западе в тинистых пространствах морского прибрежья, совершенно мелеет и обнажает свое илистое дно при низком стоянии воды в море, так же, как и канал, прорытый через береговые наносы. Далее на север, город Рингкьебинг, построенный на берегу большой лагуны того же имени, представляет незначительное рыбачье местечко, хотя его и выбрали главным административным пунктом самого обширного округа полуострова. Затем до самого мыса Скаген мы не встречаем ни одного города на морском берегу; только маленькия деревушки попадаются там и сям среди дюн, между прибрежными прудами. Главный пункт островной территории Ти, которая простирается на запад от Лимфьорда, Тистед, или «город Ти», стоит на берегу этого внутреннего залива; здесь родился Мальтбрен, великий географ, которого изгнало его отечество и который сделался одним из ученых светил Франции.

На восточном берегу Ютландии первый город, который представляется нам к северу от территории, присоединенной к Германии, есть Кольдинг, лежащий у оконечности одного мелководного фьорда, и вблизи которого видны обширные развалины замка времен шестнадцатого столетия, разрушенного пожаром в 1808 году, когда страна была занята французскими войсками, под начальством маршала Бернадота. Кольдинг менее важен, чем следующий за ним город Фредериция, недавно бывший крепостью, которая командовала проливом Малый Бельт при северном его устье; в городе есть несколько памятников, напоминающих о победе, которую датчане одержали 6-го июля 1849 года над шлезвиг-голштейнскою армией. Далее, в ютландский берег вдается фьорд Вейле, над которым возвышаются, с той и другой стороны, холмы, поросшие буковым лесом; глубина этого залива уменьшается по направлению от востока к западу с замечательною правильностью, и воды его постепенно исчезают на низменном плоском берегу, через который проходит узкий канал для мелких судов: самое название Вейле есть синоним выступившего наружу морского дна. Город Вейле расположен на своего рода перешейке из закрепленных пространств почвы, между красиво изгибающейся линией бухты и болотистыми низменностями, заменившими воды высохшего лимана. В небольшом расстоянии к северо-западу от Вейле находится древний королевский бург Иеллинг, где видны еще могильные курганы Горма и Тиры, воздвигнутые около 960 года сыном их Гаральдом, по прозванью «Синий Зуб»; между этими горками стоит старинная церковь; камни, воздвигнутые в честь этой королевской четы, украшены любопытными символическими фигурами и руническими надписями, содержание которых было разобрано Финн-Магнусоном, Раском и Рафном[1].

Город Горсенс построен, как и Вейле, при оконечности фьорда того же имени, тогда как Ааргус, самый многолюдный город Ютландии, расположен на самом берегу моря и имеет гавань, хорошо защищенную от ветров. Ааргус важен как центральная станция железных дорог Ютландии и как главная пристань для судоходства между полуостровом и Копенгагеном (торговая флотилия Ааргусского порта в 1890 году: 60 судов в 6.605 тонн). Политическое первенство принадлежало некогда городу Виборгу, который находится на берегу озера, недалеко от геометрического центра Ютландии: в этом старинном городе короли всего чаще имели свое пребывание; главная достопримечательность его—собор, один из красивейших храмов Дании, недавно перестроенный заново. Далее на востоке встречаем город Рандерс, имеющий непосредственное сообщение с морем через фьорд, у оконечности которого он расположен; впрочем, суда, пройдя бар, где глубина воды в часы отлива менее 4 метров, должны останавливаться в небольшом расстоянии перед входом в устье, на глубокой якорной стоянке Удбигой. Рандерс, после Гренобля,—один из важнейших центров фабрикации перчаток, известных в торговле под названием «шведских».

1 „Memoires de la Societe des Antiquaires du Nord“. 1845-49.

Город Аальборг, растянувшийся на большом пространстве по южному берегу Лимфьорда, через который в этом месте построен великолепный железнодорожный мост, ведет довольно деятельную торговлю (торговая флотилия его в 1890 г. состояла из 112 судов, в 6.016 тонн); но бар при входе в залив так мелок, что проходить через него могут только небольшие суда; вообще крайне необходимо было бы иметь большой коммерческий порт и безопасную гавань близ северной оконечности полуострова, между двумя бурными морями, Скагерраком и Каттегатом. Эта оконечность Ютландии одна из самых опасных на обоих берегах в дурную погоду: со стороны Скагеррака берег во многих местах бывает усеян выброшенными волною обломками разбившихся кораблей; между островом Лезе и мысом Скаген каждый год погибает по меньшей мере от тридцати до сорока судов, на сорок или пятьдесят тысяч судов, проходящих через пролив; в одну только бурю, свирепствовавшую в ноябре 1876 года, тридцать девять судов сели на мель в Вейле; прибрежным жителям часто приходится во время бурь отдавать себя на волю разъяренных волн, чтобы спасти потерпевших кораблекрушение[1]. Порт Фредериксгавн, выкопанный на юге бухты, вокруг которой изгибается восточный берег оконечности Скаген, совершенно недостаточен как убежище для судов во время бури, и потому пришли к мысли увеличить его и дополнить якорною стоянкой рыбачьих островов, известных под общим названием Гиртсгольмене: эта гавань, где глубина воды значительна, оставалась бы круглый год открытою для движения торговых судов. Городок Скаген, состоящий из нескольких групп домов, защищенных дюнами, замечателен как самое важное во всей Дании место рыбной ловли. Мерлан, треска, палтус, камбала и другая рыба ловится там во множестве; вследствие этого, Скаген, как и соседний город Фредериксгавн, постоянно посещаются живорыбными судами, которые приходят туда за грузом живой рыбы и доставляют ее на рынки Копенгагена и других датских городов[2].

На острове Фиен, или Фиония, находится один из древнейших городов Дании, Оденсе, «город, посвященный Одину». Он был основан ранее той эпохи, когда появился первый каменный дом среди рыбачьих хижин, на месте которых теперь красуются дворцы Копенгагена; собор его заключает несколько гробниц древних королей; кроме того, он замечателен как место рождения известного поэта, и увлекательного рассказчика Андерсена, происходящего из очень бедного семейства, подобно большей части великих писателей Дании. Главный город обширного сада, образуемого островом Фиония, окруженный прекрасно обработанными полями, Оденсе есть в то же время центр промышленности и торговли, хотя он расположен в некотором расстоянии от моря и сообщается с ним только посредством неглубокого канала, куда не могут даже проникать суда, имеющие 3 метра водоуглубления. Впрочем, благодаря дороге, пересекающей остров, Оденсе дополняется на западе портами Миддельфарт и Стриб, при проливе Малый Бельт, а на востоке—с укрепленным портом Ниборг, при проливе Большой Бельт. На южном берегу Фионии, напротив маленького острова Тасинге, лежит городок Свенборг, где находятся кораблестроительные верфи; он служит сборным пунктом для судоходства и рынком для жителей островов Тасинге, Эре, Лангеланд. Этот последний остров замечателен как родина братьев Эрстед, физика и юриста; филолог Раск был сын бедного крестьянина, жившего на о. Фионии. Город Свенборг расположен в одной из живописнейших местностей Дании. Со всех окрестных холмов взорам наблюдателя представляются восхитительные пейзажи. Самый высокий холм на острове Тасинге, называемый Брегиинге, имеет всего только 81 метр высоты; но с вершины его вы видите у себя под ногами, точно на карте, обширное пространство в 6.500 квадр. километров: буковые леса, возделанные поля и рукава моря, усеянные многочисленными судами[3].

Главный город острова Зеландии и столица государства, Копенгаген (по-датски Kjobenhavn, что значит «Купеческая гавань»), заключает в себе восьмую часть населения

1 Ed. Erslev, „Den Danske Stat".

2 Irminger, „Notice sur les peches du Danemark"; „Revue maritime et coloniale", sept. 1863.

3 Ed. Ersley, „Lorebog i den almindelige Geografi".

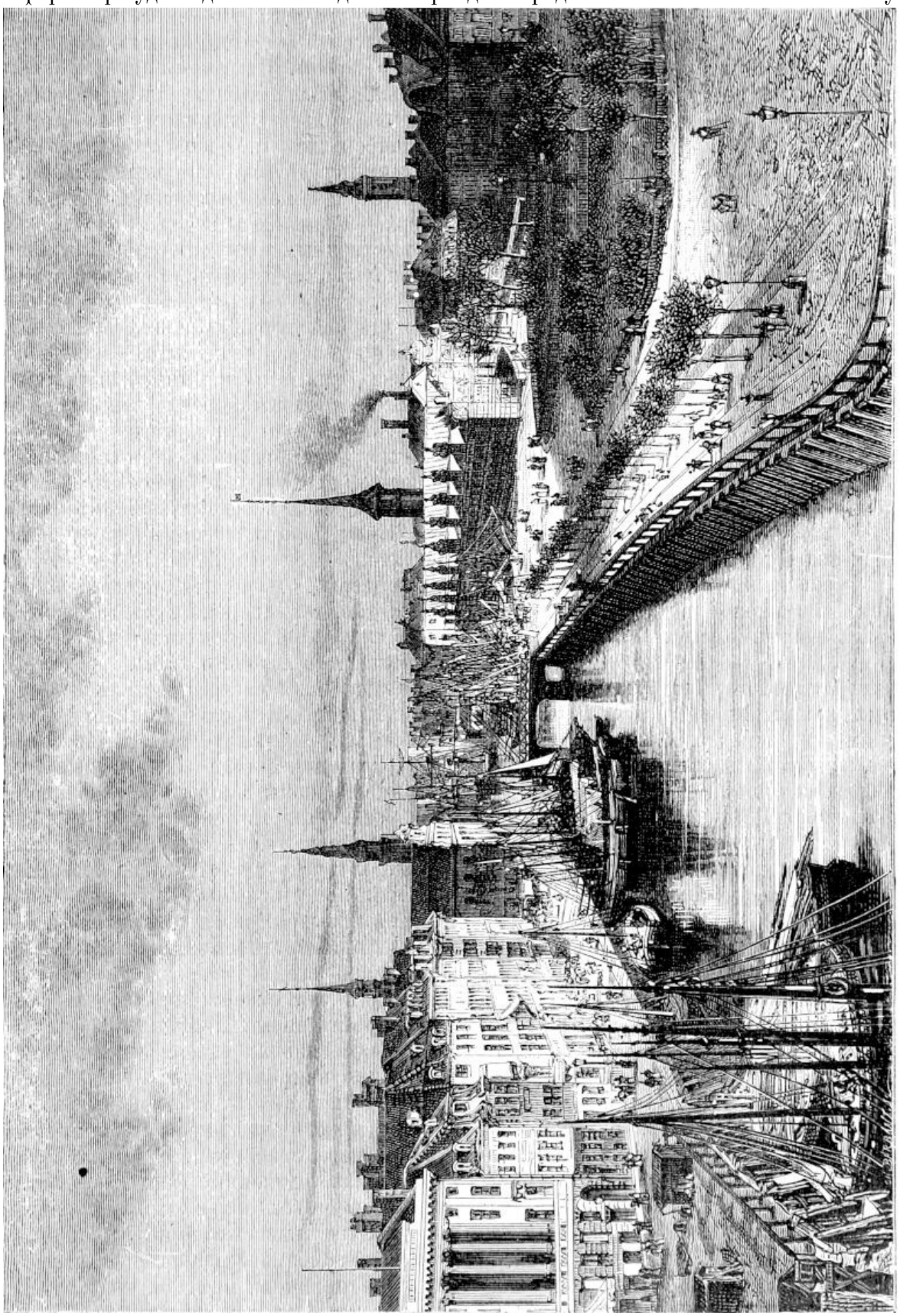
всего Датского королевства: все датские города, вместе взятые, не имеют в своих стенах столько жителей, как метрополия, расположенная на берегу одного из проливов, соединяющих Северное море с Балтийским. Очевидно, Копенгаген по величине больше, чем то, казалось бы, дозволяла политическая роль главного города маленького, пришедшего в упадок, королевства: это объясняется тем, что он имеет особенное значение не как датская столица, а как европейский город, принадлежащий, так сказать, всем северным нациям нашего континента.

Географическое положение Копенгагена, как и положение Константинополя, представляет двойную выгоду: там перекрещиваются путь из одного моря в другое и дорога, иногда твердая в зимнее время, которая соединяет два полуострова. Товары и путешественники, направляющиеся из Балтики в воды Великобритании, из Германии и Ютландии в порты Швеции, должны проходить через один и тот же пункт. Канал и мост, так сказать, пересекаются под прямым углом в том месте, где стоит Копенгаген, и потому нет ничего удивительного, что этот город возвеличился, сделался могущественным центром чрез торговлю. Правда, Эрезунд или Зунд—не единственный пролив, посредством которого Балтика соединяется с Немецким морем и который составляет продолжение Каттегата; но он самый удобный для судоходства, и в действительности его можно считать единственным каналом. Малый Бельт, лежащий в стороне от естественного пути судов, есть как-бы извилистая река, которая, повидимому, сливается с фьордом, врезывающимся в берег Ютландии. Большой Бельт, достаточно широкий и глубокий, чтобы дать проход целым флотам, усеян во многих местах подводными камнями и песчаными мелями, и когда судоходство производилось только при помощи весел или парусов, суда должны были опасаться, в этом длинном и извилистом проливе, частой перемены ветров и течений. Зунд, напротив, представляет канал, открывающийся по прямой линии от одного моря до другого, и где проход затрудняется только небольшим числом островов и подводных скал. Суда, подталкиваемые ветром и волной, часто могут входить из одного моря в другое, не имея надобности менять расположения парусов. Западный ветер, который обыкновенно дует в этих водных областях, не более затрудняет плавание при входе в Балтийское средиземное море, чем при выходе из него; только чтобы избегнуть его, по временам, сильных ударов, моряки должны стараться придерживаться защищенного от штормов и шквалов берега Зеландии; но именно вдоль этого-то берега воды моря имеют наибольшую глубину и наименее усеяны подводными камнями и мелями. Следовательно, город, построенный властителями страны, чтобы командовать судоходством по проливу, естественно должен был возникнуть на западном берегу Зунда: таким образом, течение воды и дуновение ветра наперед назначили этому островному прибрежью торговое и политическое преобладание.

Что касается в частности места берега, где должен был построиться Константинополь балтийского пролива, то на первый взгляд казалось бы всего естественнее было выбрать для этой цели местоположение, занимаемое городом Гельзингером[1], так как там открываются ворота в собственном смысле, ведущие в пролив, и море, заключенное между двумя берегами, съуживается до того, что имеет вид реки. И действительно, стратегическое положение Гельзингера всегда было чрезвычайно важно, особенно с тех пор, как изобретение артиллерии дало датчанам возможность командовать всею шириною этого морского прохода. Тем не менее, местоположение Копенгагена имело то преимущество перед Гельзингером. что оно представляло торговле безопасный рейд, обширный естественный порт: брешь, открытая между большим островом Зеландией и островком Амагер, должна была привлекать суда, и последние не преминули воспользоваться этим удобным проходом, как только торговые сношения между двумя соседними морями приняли правильный ход. Когда основанное в этом месте поселение упоминается в первый раз в истории, в 1043 году, оно не имеет другого имени, кроме Hafn, или «гавани», как будто это была гавань по преимуществу; около 1200 года летописец Дании, Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus),называет его Portus Mercatorum,

1 Ed. Erslev, „Den D.inske Stat“;—J. 'K. Kohl. geographische Lage der Hanptstadte Europaś“.

то-есть «Купеческим портом»; это наименование сохранилось за ним и до наших дней. Даже с военной точки зрения Копенгаген занимает столь же важное положение, как и Гельзингер, ибо фарватер судов идет именно вдоль его рейда и продолжается на юг к Балтийскому морю



Копенгагенъ, каналъ Слотсъ. Видъ съ замка Христіанборгъ.

Дрогденским проходом, между островами Амагер и Сальтгольм: мели и подводные камни делают недоступною большим судам ту часть Зунда, которая простирается на восток к шведским берегам. Таким образом форты Копенгагена, так же, как и укрепления Гельзингера,

господствуют над проливом, по которому должны проходить из одного моря в другое суда, торговые или военные, дружественные или неприятельские. Политическое главенство Копенгагена после того, как этот город избрали королевскою резиденцией, было легко завоевано; вскоре там сосредоточились живые силы государства; отсюда должна была впредь исходить всякая инициатива Дании, вся её государственная деятельность; здесь же внешние враги должны были пытаться нанести решительный удар, чтобы овладеть всею страной. По своему географическому положению, Копенгаген есть центр всего полукруга, который развертывается от мыса Скаген до острова Борнгольма; но его притягательная сила простирается далеко за пределы этой области, и часто Копенгаген, самый многолюдный город всей Скандинавии, стремился сделаться её общей столицей, как был таковою Роскильде в продолжение целой трети столетия, в царствование королевы Маргариты и её преемников. Скания долгое время оставалась датскою землей, а Норвегия только с 1815 г. перестала быть политически соединенной с Данией. Однако, хотя Копенгаген пользуется превосходным географическим положением в торговом отношении, но, как столица государства, он не окружен землями, имеющими достаточное сцепление для того, чтобы он мог сохранить свое могущество среди главных городов северной Европы. В самом деле, что значит маленький датский архипелаг в сравнении с теми обширными равнинами, на которых сгруппировались, с одной стороны, немецкия населения, с другой—северные славяне, и которые с течением времени образовали две империи—Германию и Россию? Рядом с этими могущественными государствами Дания не может более рассчитывать на свои собственные силы, и теперь соперничество её соседей служит для неё лучшим шансом спасения; но спасение это очень ненадежно, и малейшее политическое потрясение может быть утилизировано для удовлетворения завоевательных поползновений того или другого соседа. Копенгаген и Зунд были бы, без сомнения, драгоценною добычей для завоевателя. Петр Великий называл основанный им на берегах Невы город «окном, прорубленным в Европу»; не мог ли бы Копенгаген сделаться дверью, отворенною в остальной мир? К счастью, два соперника, равные силой, даже три, считая Великобританию, не спускают глаз с этого лакомого куска.

Столица Дании построена, так сказать, в проливе, между островами Зеландия и Амагер. Подвижные илистые мели были завоеваны на море посредством земляных насыпей; острова, сохранившие поныне прежнее название holm, были соединены с берегом; но вокруг гаваней, военной и купеческой, многие каналы придают городу чисто голландскую физиономию. Часто опустошаемый пожарами, Копенгаген в большей части имеет вид нового города, и пояс городских стен и рвов, окружавший его со стороны твердой земли, почти весь уничтожен, чтобы дать возможность строить новые кварталы в прилегающей полосе, особенно на северной и западной сторонах, по направлению к Фредериксбергу; но цитадель и форты, построенные на берегу моря, отделяют город в собственном смысле от морского прибрежья, и даже в самом море стоят уединенные форты, воздвигнутые на искусственных островках. Эти укрепления, эти грозные крепостные орудия напоминают достославное сопротивление города, когда флот Нельсона пришел, в 1801 году, аттаковать и уничтожить датские военные суда, стоявшие на рейде. Шесть лет спустя, среди полного мира, англичане, как известно, опять явились нежданно-негаданно, чтобы бомбардировать Копенгаген, жечь его здания, захватить его флот.

Построенный из камня и кирпича, окрашенных в серый цвет, Копенгаген—довольно красивый и богатый город, располагающий значительным бюджетом. В нем есть несколько любопытных памятников и общественных зданий, где собраны сокровища, драгоценные для ученых и художников. Вблизи порта, осьмиугольная площадь Амалиенборг, украшенная бронзовой конной статуей короля Фридриха V, окружена дворцами, составляющими обыкновенную резиденцию королевской фамилии, а эти дворцы, в свою очередь, окружены садами и парками. Дворец Христиансборг, где все еще происходят оффициальные приемы государя и где теперь собираются также обе палаты парламента, заключает, между прочим, картинную галлерею, драгоценную в особенности собранными в ней произведениями живописи голландских мастеров, а также богатой коллекцией картин датской школы. Недалеко от это-

го дворца помещается королевская библиотека, содержащая около полумиллиона томов и до 17.000 рукописей. Университет, основанный уже четыре столетия тому назад и посещаемый ныне слишком тысячею (около 1.200) студентов, также имеет обширную библиотеку, заключающую около 250.000 томов, между которыми есть неоцененно дорогия сочинения, как, например, собрание исландских саг, состоящее из 2.000 манускриптов. Во дворце наследного принца помещается превосходный музей северных древностей, основанный Ниерупом и в особенности Томсеном: вместе с стокгольмской коллекцией древностей, это самый полный кабинет этого рода во всем свете,—кабинет, долго служивший образцом; в нем собрано более 40.000 предметов, расположенных в таком порядке, что они наглядно рассказывают нравы и образ жизни людей, которые обитали последовательно на почве Дании в течение веков, предшествовавших истории. В том же здании находится великолепный музей сравнительной этнографии, созданный также стараниями Томсена. Замок Розенборг, дворец семнадцатого столетия, поднимающийся, среди окружающего его сада, огромной квадратной массой с высокими башнями по бокам, заключает в своих аппартаментах коллекции предметов всякого рода,—может быть, менее богатые, чем коллекции дрезденской «Зеленой кладовой», но превосходно распределенные по эпохам знаменитым Ворсеэ; одна из зал содержит обширное собрание венецианского хрусталя. В другом замке, Шарлоттенборге, помещается академия художеств. Что касается астрономической обсерватории, то это самое почтенное из всех заведений этого рода, существующих в Европе: краеугольный камень её был положен в 1637 году, полстолетия спустя после того, как известный Тихо-Браге воздвиг на острове Гвен «Замок неба», ныне разрушенный. Недалеко от биржи, которая увенчана колокольней странного вида, сделанной из четырех переплетающихся драконов, бросается в глаза громадная кенотафия в египетском стиле, посвященная памяти Торвальдсена и заключающая всю его мастерскую и различные его коллекции; в центре здания, на обширном дворе, стоит гробница знаменитого ваятеля, окруженная многочисленными статуями его работы. Кафедральный собор также украшен несколькими произведениями резца этого скульптора, славнейшего из уроженцев датской столицы. В Копенгагене существует много ученых обществ; самое важное из них—общество северных антикваpиев; в 1876 году основано географическое общество, насчитывающее теперь в своей среде около тысячи членов.

Крупная промышленность Дании сосредоточена главным образом в Копенгагене и его предместьях: чугуннолитейные и железоделательные заводы, рафинадные заводы, прядильные и ткацкия мануфактуры, фарфоровые и фаянсовые фабрики и, наконец, всякого рода фабричные заведения, где приготовляются предметы оснастки и продовольствия судов, покрывают обширные пространства земли в соседстве порта и во многих других кварталах. Более половины торговых оборотов всего государства совершается на рынке столицы, и хотя Копенгаген владеет только четвертью торгового флота, принадлежащего Дании, но более чем половина судоходства королевства производится чрез его порт. Купеческий флот Копенгагена состоит (1893 г.) из 460 судов, общая вместимость которых 120.492 регистров. тонн, в том числе 196 пароходов. Движение судоходства в Копенгагенском порте в 1893 году представляло следующие цифры:

По внутренней торговле: в приходе—5.882 судна, с грузом, в сложности, 192.155 тонн; в отходе—6.237 судов, с грузом в 249.080 тонн. По внешней торговле: в приходе—11.302 судна, с грузом в 1.001.815 тонн; в отходе—11.378 судов, с грузом в 260.528 тонн.

Значительная часть сырых произведений страны отправляется за границу из этого города, и сюда же привозится в склады большая часть иностранных мануфактурных произведений. Что касается ценности этой торговли, то она значительно превышает половину ценности всего торгового обмена королевства, ибо копенгагенские негоцианты получают почти все более ценные товары, и все главные линии пароходства имеют свои пристани в порте столицы: четыре пятых коммерческого парового флота Дании принадлежат копенгагенским судовладельцам. Столица Дании выбрана местом пребывания компании северных телеграфов, которая владеет почти 8.000 километров телеграфной проволоки, идущей от Англии и Фран-

ции до Японии через всю Европейскую Россию и Сибирь. Прилегающий с южной стороны остров Амагер может быть назван садом столицы, благодаря трудолюбию живущих на нем земледельцев, предки которых переселились из северной Голландии в 1514 году; эти нидерландские колонисты, занимающиеся огородничеством и передающие свой промысел из рода в род, носят еще отчасти старинный национальный костюм, да и в языке их встречаются кое-какие следы голландской речи. Другой соседний остров, называемый Сальтгольм, также может быть рассматриваем как часть Копенгагена, хотя он отделен от города Дрогденским проливом. Остров этот очень низменный: поверхность его так мало поднимается над морем, что издали пасущийся на траве скот кажется бродящим по воде; тем не менее, на острове существуют большие ломки известкового камня.

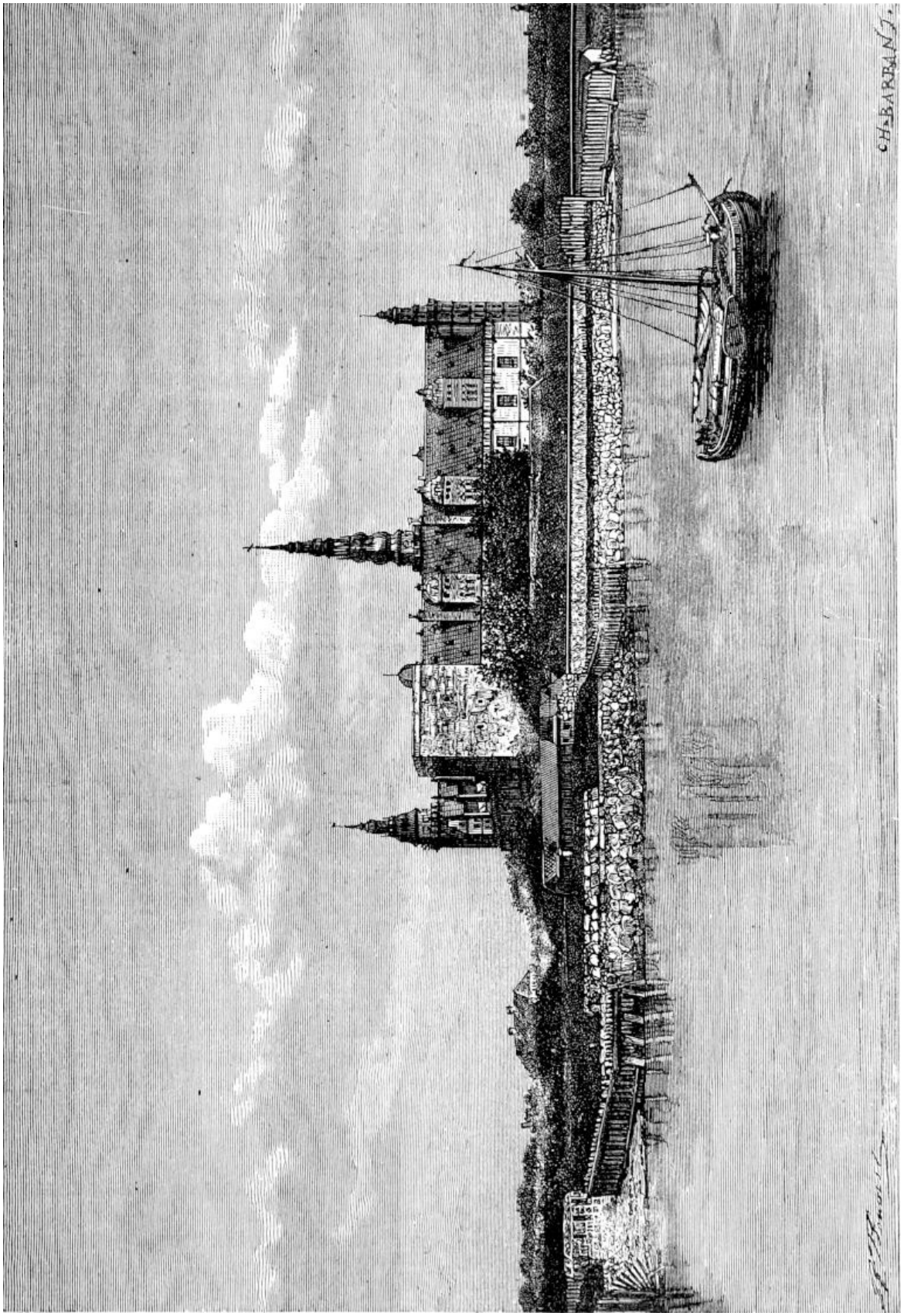
Идя вдоль западного берега Зунда на север от Копенгагена, мы увидим, среди очаровательной местности, ряд загородных домов, садов, парков, следующих одни за другими вплоть до морских купален Клампенборг и до Иегерсборгских лесов; но самые обширные леса тянутся внутри Зеландии, где также выстроились и самые красивые замки. Самый значительный из этих замков, Фредериксберг, расположенный близ местечка Гиллеред, представляет пышный памятник, высокие башни которого отражаются в зеркальной поверхности соседнего озера. Железная дорога из Копенгагена в Гельзингер описывает большую дугу к западу, чтобы пройти мимо этого датского Версаля, построенного в семнадцатом веке королем Христианом IV, а также мимо замка Фреденсборг, летней резиденции двора, построенной в начале прошлого столетия королем Фридрихом V. Этот дворец славится в особенности великолепными деревьями, растущими в его парке, и многочисленными статуями, изваянными скульптором Видевельтом, предшественником Торвальдсена.

Замок Кронборг, громадная четыреугольная масса, усаженная башенками и маленькими колокольнями, горделиво высится на косе, которая выступает из линии берега в самом узком месте Зунда, как бы для того, чтобы соединить лежащие друг против друга датский Гельзингер и шведский Гельзингборг. В конце шестнадцатого столетия это здание заменило замок Эрекрог, который был построен на месте еще более древнего сооружения, называвшагося Флиндерборгом; народное предание гласит, что в подземельях национальный богатырь Ольгер Датчанин (Holger Danske) уже много веков покоится глубоким сном, ожидая, чтобы пробудиться, дня, когда отечество, в виду грозящей беды, будет нуждаться в его могучей руке. Замок этот замечателен еще как резиденция Гамлета, и поэзия, больше чем история, доставила ему всемирную известность. С высоты его террас взор тщетно отыскивает тот «страшный утес», о котором говорит Шекспир: события, о которых рассказывает великий английский поэт, не имели места в действительности, но посетитель, тем не менее, присутствует при них мыслью, и ему кажется, что ухо его слышит, как в залах замка звучат иные из тех великих слов, которые никогда не забудутся.

Течение Зунда проходит перед самым Гельзингером, и здесь именно находится место естественного соединения двух морей, Северного и Балтийского. Короли Дании позаботились укрепить эту важную позицию с тою целию, чтобы взимать пошлину с проходящих судов. Еще в половине нынешнего столетия все торговые нации беспрекословно соглашались платить эту дань, и суда, вступая в пролив, должны были останавливаться перед жерлами гельзингерских пушек. Наконец, в 1855 г. Соединенные Штаты первые отказались давать этот унизительный побор, и в 1857 году заключена была выкупная конвенция, отменившая окончательно зундскую пошлину, при чем Дании определено было вознаграждение в сумме 87.345.000 франков, уплата которой разложена между шестнадцатью нациями, пропорционально размерам их торговли. В наши дни Гельзингерский рейд не загроможден кораблями, как это было во времена существования зундской пошлины; но и теперь ежегодно около 50.000 судов проходят мимо его набережных, и этот маленький порт все еще посещается, как продовольственный рынок: каждый год от четырех до шести тысяч судов останавливаются в нем, чтобы запастись свежею провизией (в 1893 г. было в приходе 624 судна в 47.850 тонн).

Собственный торговый флот Гельзингера состоит (1893 г.) из 208 судов.

Роскильде, который прежде, до Копенгагена, был столицею государства и самым многолюдным городом Дании, должен был постепенно утратить свою важность с тех пор, как ма-



Замокъ Кронборгъ. Видъ съ Зунда.

ленькия ладьи, на которых плавали древние датчане, были заменены судами больших размеров: фьорд, у южной оконечности которого расположен Роскильде, усеян песчаными мелями, и только плоскодонные барки могут подниматься по этому мелководному заливу до

самого города.

Перестав быть политическою столицей королевства, Роскильде еще долго после того был духовною метрополией Дании: он наполнился церквами и монастырями, и теперь еще собор его, построенный в конце одиннадцатого столетия Гаральдом, по прозванию «Синий Зуб», по справедливости считается прекраснейшим храмом во всей стране. Собор этот можно назвать датским Сен-Дени, так как в нем похоронены очень многие из государей Дании. Местность, окружающая г. Роскильде, есть, вместе с окрестностями Гельзингера, классическая область древней датской истории, еще перемешанной со сказочным элементом. В самом Роскильде существуют священные источники, от которых город и получил свое название.

Только два города Зеландии находятся внутри острова, далеко от морского берега: Соре, замечательный своею главною школою, наследницею древнего аббатства, которое прославил летописец Саксон-Грамматик, и Слагельсе, обогатившийся земледельческою промышленностью окрестных деревень. Все другие города этого острова обязаны приобретенным ими более или менее важным значением своей морской торговле. Калундборг, на северо-западе Зеландии, служил прежде передовым портом Копенгагена для пассажиров из Ютландии; Корсер, охраняющий вход во внутреннюю лагуну того же имени, имеющую форму кратера, важен как пристань для пароходов, совершающих рейсы через Большой Бельт; Кьеге, на востоке, Нествед, Фордингборг, на юге тоже имеют значение, как внешния гавани Копенгагена на окружности острова. На острове Фальстер есть хорошо защищенный от ветров порт, называемый Никьебинг, а остров Лаланд отправляет местные продукты, скот и хлеб, через портовый город Наксков и его фьорд, сплошь усеянный островками.

Главный город Борнгольма, Ренне, лежит близ юго-западного угла острова. Важнейшие промыслы его жителей—часовое и гончарное мастерство. В этом городе путешественник не встретит тех достопримечательностей, которые бросаются в глаза во многих местечках острова, именно уединенных колоколен, служащих сторожевыми башнями, и гранитных церквей, построенных в двенадцатом и тринадцатом столетиях: четыре из этих древних храмов имеют круглую форму.

Города Дании с населением (в 1890 году) свыше 5.000 душ:

Копенгаген с предместьями—108.000 жителей; Зеландия (по исчислению 1895 года)—335.000 жит.; Оденсе (Фиония)—30.268 жит.; Ааргус (Ютландия)—33.308 ж.; Аальборг—19.503 жит.; Рандерс—16.617 жителей; Горсенс—17.290 жит.; Гельзингер—11.082 ж.; Фредериция (Ютландия)—10.042 жителей; Виборг—8.000 жит.; Свенборг (Фиония)—8.755 жит.; Вейле (Ютландия)—8.000 жит.; Кольдинг—9.658 жит.; Слагельсе (Зеландия)—6.816 жит.; Роскильде—6.974 ж.; Ренне (Борнгольм)—8.281 жителей: Ниборг (Фиония)—6.050 жит.

V.

С начала текущего столетия население нынешней Дании более чем удвоилось: с 929.000 цифра его поднялась до 2 слишком миллионов душ. Еще не очень густое, пропорционально поверхности территории, оно не перестает возрастать, так как рождаемость превышает смертность, средним числом, на две пятых. Избыток населения в Дании, как и в других цивилизованных странах, устремляется преимущественно в города: в период с 1840 по 1878 г., число городских жителей возросло на 90 процентов, тогда как сельское население увеличилось только на 43 процента. С половины настоящего столетия, эмиграционное движение в Новый Свет также приняло довольно значительные размеры: иногда в один год более 10.000 лиц покидали родину, чтобы отправиться за океан,—пропорция эмигрантов весьма значительная для одного из самых маленьких государств Европы. В период с 1869 до 1876 года из Дании эмигрировало 32.935 лиц. Что касается иммигрантов, то они переселяются главным образом из бывших датских провинций, присоединенных к Германии.

Земледелие, которым непосредственно существует три-пятых датского населения, находится в цветущем состоянии, хотя более трети страны состоит еще из песчаных пространств, болот, необработанных земель или залежей. Все пространство страны составляет (1888 г.)

3.836.109 гектаров. Из этой площади было засеяно: пшеницей—48.548 гект.; рожью 280.920 гектаров; ячменем—298.061 гект.; овсом 426.076 гект.; гречей 22.655 гект.: стручковыми—17.276 гектаров; смесью пшеницы и ржи 135.221 гект.; картофелем—52.263 гект.; репой и т. п.—52.907 гект.: льном, коноплей, хмелем и пр.—21.711 гектаров.

Кроме того, занимали (гектаров): луга и залежи 1.508.929: сады—28.286; леса—226.840; болота, пустоши и т. д.—592.390; застроенные места, дороги, воды—86.578.

Средняя годовая ценность (1887—1891 гг.) сбора хлебов и сена составляла 290 миллионов крон (крона=1 фр. 39 сантим. = 52 коп.).

Своим цветущим состоянием датская земледельческая промышленность обязана всего более отмене ввозной пошлины на зерновой хлеб в Англии. Как только британские рынки, самые важные во всем свете, открылись для датских хлеботорговцев, цены на хлебный товар тотчас же поднялись во всех земледельческих округах Ютландии и островов. В то же время другие произведения почвы, прямые или косвенные, увеличились в цене, и из всех датских портов установилось правильное движение по вывозу заграницу овощей, фруктов, коровьего масла, скота. Особенно большие успехи скотоводство сделало в Ютландии, где имеются превосходные породы рогатого скота: крупные коровы из области Ти очень ценятся и дают много молока; в травянистых равнинах низменных местностей откармливание животных на убой производится очень быстро. Количество домашних животных в Дании (1893 г.):

Лошадей—411.000; быков и коров—1.696.000; овец и коз—1.272.000; свиней—829.000; ульев—126.000.

Пропорционально своему пространству и населению, Дания из всех европейских государств имеет наибольшее количество крупного рогатого скота, и если некоторые страны превосходят ее по числу овец и свиней, то она все-таки должна быть причислена к землям, наиболее богатым животными и этих двух видов.

В Дании есть очень большие поместья; еще недавно многие имения пользовались привилегированным положением, именно вотчины баронов, графов или наследственных сеньоров, средний налог с которых, исчисляемый в тоннах хлеба, представлял поземельный сбор с 35 гектаров превосходнейших земель. В настоящее время эти привилегии уже отменены; но обычай классифицировать земли по величине налога в тоннах хлеба сохранился по сей день, и даже крестьяне делятся на три класса: первый класс составляют те крестьяне-собственники, довольно богатые по большей части, земля которых обложена налогом в размере более одной тонны хлеба, так называемые gaardmaend; ко второму классу принадлежат жихари, имеющие только дом с усадебною землей и платящие налога менее одной тонны хлеба, huusmaend; наконец, третий класс состоит из людей, живущих у других, или батраков, inderster. Но можно сказать, что средняя и мелкая земельная собственность составляют правило; в 1885 году в Дании считалось:

Крупных имений (свыше 12 тонн хлеба)—1.954; средних имений (от 12 до 1 тонны озимого хлеба)—71.678; мелких имений (ниже одной тонны)—150.260.

Большинство датских крестьян живет в полном довольстве: дома у них удобные, светлые и просторные, снабженные солидною мебелью, украшенные с некоторою роскошью. По официальным статистическим сведениям, совокупность богатств Дании исчисляется в сумме от 6 до 7 с половиной миллиардов франков, что составит от 3.000 до 3.750 франк. на каждого жителя, и ежегодное приращение национального имущества равняется, в среднем выводе, 120 миллионам. Ни в одной стране сберегательные кассы не имеют, пропорционально, больше капиталов, чем в Дании: судя по статистике этих учреждений, датчане самый бережливый народ в Европе; между тем как среднее сбережение англичанина равно 54 франк., оно составляет более 160 франк. на каждого жителя Дании. В то же время эта страна единственная во всей континентальной Европе, где за нуждающимся признается право на общественную помощь, и где установлены специальные налоги для оказания пособия бедным: но доходы, доставляемые этими налогами, употребляются только в городах, особенно в Копенгагене; в деревнях же благосостояние распространено во всей массе населения. В Да-

нии и в других скандинавских странах передовые политические партии состоят преимущественно из крестьян, тогда как во Франции и в остальной Европе сельское население является, вообще говоря, более отсталым, чем жители городов. Сознавая очень хорошо свои права, датские крестьяне жалуются всего более на неравномерное распределение тягостей государственного бюджета.

Рыбная ловля не способствует этому общему экономическому благосостоянию страны в той мере, как можно было бы ожидать, имея в виду большое протяжение её морских берегов и обилие животной жизни в морях, омывающих эти берега. Жители островов и восточной Ютландии находят в земледелии более легкое и более верное средство существования, чем какое мог бы дать им рыболовный промысел, зависящий от разных случайностей; они не хотят подвергаться опасности, чтобы добыть продукт, который им нужно бы продать по низкой цене; молодые люди прибрежья предпочитают наниматься на корабли, предпринимающие дальние плавания, где они могут рассчитывать на более верный и правильный заработок[1]. Однако, и этот промысел не в пренебрежении, особенно вдоль западных берегов, где малоплодородная земля не дает хлебопашцу достаточного дохода. При том же воды у этих берегов очень богаты рыбой. В Ниминде-Габ, то-есть при устье фьорда Рингкьебинг, в 1862 году было наловлено слишком 700.000 мерланов и около 25.000 штук трески. В окрестностях мыса Скаген, на низменных берегах Лимфьорда, на реке Гуден и фьорде Рандерс, равно как на берегах Бельта, рыболовство также очень деятельно; борнгольмские моряки ловят много сельдей и лососей, которых они отвозят в Свинемюнде, откуда рыба эта отправляется в Берлин, Вену и Париж. В Миддельфарте, на острове Фионии, существует с 1693 года корпорация рыбаков, которые в зимнее время занимаются охотой на мангаков, или морских свиней (Delphinus phocaena), от которых они собирают жир: годовой улов тысячи этих морских млекопитающих дает миддельфартским рыболовам достаточные для существования барыши[2].

Дания не принадлежит к числу стран крупной фабричной промышленности: за исключением Копенгагена и некоторых городов Фионии и Ютландии, во всем крае нет почти никаких фабричных заведений, кроме фабрик грубых сукон и винокуренных и водочных заводов; главная причина тому—недостаток каменноугольных копей и движущей силы воды. В тех редких округах датских островов, где какой-нибудь ручей течет по наклонному скату, как например, в Фредериксверке, при выходе из озера Арре, берега потока усеяны заводами. Но датчане посредством деятельной торговли получают из других стран все потребные им мануфактурные предметы. Пропорционально числу своих жителей, Дания производит более значительный торговый обмен с другими государствами, чем Франция. В продолжение десяти лет, протекших с 1866 по 1875 год, внешняя торговля страны увеличилась почти на половину; но приращение относится главным образом к привозу. Общая ценность заграничного торгового обмена Дании исчисляется, средним числом, в 550 миллионов франков, из которых более чем 300 миллионов приходится на долю привозной торговли.

Обороты датской внешней торговли в 1895 году: привоз—374 039.000 крон; отпуск—270.894.000 крон.

Самое географическое положение страны, казалось бы, должно обеспечивать Германии первое место между нациями, с которыми Дания ведет торговые сношения, и, действительно, до 1875 года большая часть коммерческого обмена производилась с немецкими портами; но, несмотря на отдаленность, Великобритания, в конце концов, опередила своих гамбургских, любекских и штеттинских соперников.

Ценность торгового обмена Дании с иностранными государствами в 1895 г. (в миллионах крон): Великобритания—226; Германия—188; Швеция—69; Норвегия—12,5; Датские колонии—8; Россия—43; Нидерланды—10; Франция—8; Соединенные Штаты—12,3.

Впрочем, Германия служит посредницей почти всех торговых сношений Дании с конти-

1 Irminger, „Notice sur les Peches du Danemark"; „Revue maritime et coloniale", sept. 1863.

2 Irminger, „Notice sur les Peches du Danemark".

нентальной Европой, в особенности с Францией, Бельгией, Нидерландами и Австро-Венгрией.

Так как торговое движение страны должно производиться почти исключительно морем, то понятно, что судоходство играет чрезвычайно важную роль в народном хозяйстве Дании: по количеству перевозимых грузов оно превышает 2 миллиона тонн, причем большая часть тоннажа приходится на долю паровых судов, как видно из следующих статистических данных:

Движение судоходства в датских портах в 1895 г.:

В приходе: каботажных судов—31.438, в 566.462; (в т. ч. 15.286 парох. в 368.597 т.); судов дальнего плавания—27.760, в 2.264.559 т. (13.651 парох., 1,610.554 т.).

В отходе: каботажных судов—32.368, в 551.886 т. (15.098 парох., 367.319 т.) судов дальнего плавания—27.736, в 548.290 т. (14.097 парох., 426.915 т.).

Торговый флот Дании в 1896 г.:

Парусных судов—3.168, в 185.102 тонны, паровых—422, в 144.931 тонны, всего—3.590 судов, в 330.033 тонны.

Кроме того, мелких судов (вместимостью в 4 тонны и меньше): 11.524.

Благодаря проливам и многочисленным фьордам, водяные сообщения в Дании везде очень удобны, исключая некоторых частей Ютландии, и на каждом острове сухопутные дороги соединяют все главные порты прибрежья; железные дороги довольно многочисленны в крае, и Копенгаген простирает, точно исполинские руки, свои железные линии ко всем берегам Зеландии. Общее протяжение рельсовых путей Дании в конце 1896 г. составляло 2.309 километров. Телеграфная сеть и движение почтовой корреспонденции возросли в такой же пропорции. Общая длина государственных телеграфных линий Дании в 1896 году равнялась 5.394 километрам, число переданных депеш: внутренних—577.062, международных—1.218.941. Почта: в 1893 г. переслано (в тысячах): по внутренней корреспонденции—51.018 писем и 61.988 печатных произведений и товарных образчиков; по заграничной корреспонденции—11.074 писем и 4.126 печатных произведений и образчиков.

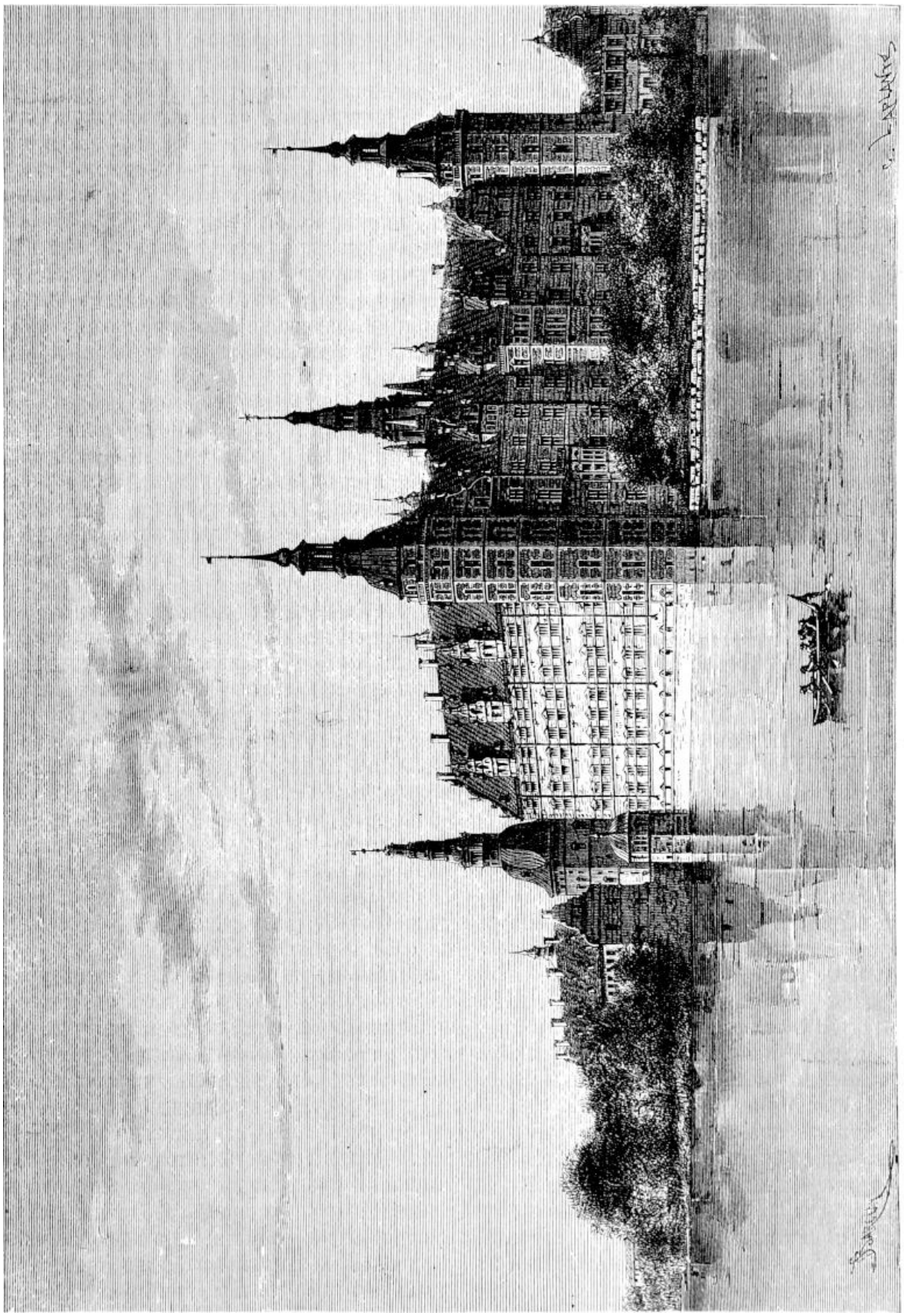
Общественное образование очень развито в Дании, так как посещение школ по закону обязательно для всех детей от семилетнего до четырнадцатилетнего возраста. Во всех важнейших городах королевства существуют гимназии, школы «латинския» и точных наук, а также специальные учебные заведения; во всех деревнях есть начальные школы, низшие и высшие; кроме того, с половины текущего столетия основано в разных местах более пятидесяти крестьянских средних учебных заведений. Рядом с образовательными заведениями, принадлежащими государству, существует семь частных заведений, также имеющих право выдавать своим воспитанникам свидетельства, дающие им доступ в университет. С 1875 года женщины могут слушать университетские курсы на равных правах с мужчинами и, по выдержании экзамена, получать те же дипломы. Нет сомнения, что, взятая в целом, датская нация есть одна из тех наций, которые занимают высшую ступень в ряду современных государств по среднему образованию и по любви к чтению (в 1888 году в Дании выходило 179 газет и 260 других периодических изданий: книг и брошюр издано 3.426 томов), так же, как и по материальному благосостоянию. Но, по какому-то странному контрасту, именно между датчанами душевные страдания и скорби всякого рода доводят до отчаяния наибольшее число людей: нигде, кроме, разве, Саксонии, самоубийства не случаются так часто, как в Дании; между тем как во Франции на миллион жителей приходится 110 самоубийц, в Дании число добровольно лишающих себя жизни достигает 288[1].

IV.

По датской конституции, несколько раз подвергавшейся изменениям с 1869 года, все граждане, достигшие тридцатилетнего возраста, имеющие не менее одного года постоянное

1 H. C. Lombard, „Traite de climatologie medicale".

жительство в общине и не получающие пособия от общественной благотворительности, образуют собрание или общество избирателей. Они выбирают, сами непосредственно, на трехлетний срок, членов фолькетинга (Folkething), или народного собрания, число которых



Замокъ Фредериксборгъ.

определено в 102 для всей монархии. Выборные члены ландстинга (Landsthing), или верхней палаты, назначаются, в числе 54, на восемь лет избирательными собраниями, состоящими частию из городских и сельских плательщиков высшей цифры налогов, частию из деле-

гатов от граждан. К этим 54 временным членам король прибавляет 12 пожизненных, которых он выбирает между настоящими или бывшими членами законодательного собрания. Народные представители и сенаторы, образующие вместе государственный сейм или парламент, называемый ригсдагом (Rigsdag), получают за отправление своих обязанностей денежное вознаграждение, как те, так и другие в размере около девяти франков в день. Подобно тому, как это ведется в других конституционных странах, государственный бюджет, представляемый правительством, прежде всего обсуждается в палате депутатов. Через каждые четыре года ландстинг выбирает из своей среды четырех судей высшего суда, Hoieste Ret, который один может ведать обвинения, возбужденные против членов той или другой палаты.

Исполнительная власть приводится в действие министерством, состоящим из шести членов: министра финансов, который в то же время есть президент совета министров, далее министров иностранных дел, внутренних дел, народного просвещения и духовных дел, юстиции и по делам Исландии, военного и морского. По закону, все они несут, лично и коллективно, ответственность за свои действия, и, в случае признания судом их виновности, они могли бы быть помилованы не иначе, как с согласия фолькетинга. Король должен исповедывать лютеранскую веру, признанную господствующей религией государства; годовой оклад на содержание его двора (liste civile) определен в 1.400.000 франков; на содержание наследного принца отпускается 168.000 франков. Судьи 18 трибуналов первой инстанции, или окружных судов, назначаются королем, так же, как и судьи двух апелляционных судов, или судебных палат, из которых одна имеет пребывание в Копенгагене, а другая в Виборге (округ первый обнимает острова, а второй Ютландию). До недавнего времени судебная и административная власть были соединены в одних и тех же руках; только в 1868 году издан закон об изменении этого порядка в близком будущем; отныне судебная власть должна быть отделена от административной, но это преобразование, которое вводится постепенно, еще не окончено.

Гражданское судопроизводство, которое прежде велось письменно, ныне производится публично и устно, в порядке состязательном. Адвокаты делятся на три категории, и только небольшое число из них, именно присяжные поверенные при высшем суде, имеют право вести дела во все судебных установлениях; в 1872 году во всем королевстве таких адвокатов насчитывали только 11 человек.

Хотя лютеранская обрядность оффициально признается религией государства, в Дании существует полная свобода вероисповедания, и если не считать косвенной поддержки, оказываемой через посредство бюджета, никто не обязан принимать какое бы то ни было участие в содержании культа, к которому он не принадлежит. Верующие даже добились права группироваться и составлять товарищества для основания приходов, называемых «выборными», где прихожане сами назначают и удовлетворяют жалованьем священно- и церковнослужителей.

Семь епископов королевства, не считая исландского архиерея, именно епископы зеландский, лаланд-фальстерский, фионийский, рибский, ааргусский, виборгский, аальборгский,—важные особы, пользующиеся большими привилегиями; но они не имеют доступа в верхнюю палату. Почти все население Дании, по церковным спискам, причисляется к лютеранскому вероисповеданию; число диссидентов не составляет даже сотой части жителей.

Между не-лютеранами большинство составляют последователи Моисеева закона; затем следуют анабаптисты и мормоны; римско-католики занимают лишь четвертое место. По вероисповеданиям, датское население в 1890 году было распределено следующим образом:

Лютеран—2.149.153; евреев—4.080; анабаптистов—4.556; ирвингиан—2.609; методистов и англикан—2.438; мормонов—941; католиков—3.647; реформатов—1.252; других христианских сект—1.144; без положительной религии—2.148.

По закону о реорганизации военных сил, изданному в 1867 году, все годные к военной службе датчане, по достижении 22-х-летнего возраста, обязаны отбывать воинскую повин-

ность, именно должны прослужить восемь лет в регулярной армии, после чего перечисляются в запас, где также состоят восемь лет. Но в действительности они служат только в продолжение учебного периода, варьирующего от четырех до девяти месяцев, смотря по роду оружия; но некоторое число рекрут опять призываются для новых учений, и каждый год солдаты принимают участие в маневрах, которые продолжаются от тридцати до сорока-пяти дней.

Численный состав сухопутной армии (1896 г.): на мирном положении—751 офицер, 10.006 нижних чинов; по штатам военного времени—1.352 офицера, 45.910 нижних чинов.

Жители морского прибрежья, преимущественно мореходы и рыболовы, набираются, посредством конскрипции, для службы во флоте. Экипаж военных судов в мирное время состоит из 4.200 человек, в том числе 226 офицеров.

Состав военного флота Дании (1897 г.): 5 броненосцев, 3 блиндированные батареи, 9 крейсеров, 8 канонерок, 25 миноносок, 12 других судов,—всего 62 судна в 42.802 тонны и 66.640 индикаторных сил, с 346 пушками.

Колониальные владения Дании очень обширны. Правда, что две самые обширные территории, которые ей принадлежат, Исландия и Гренландия, в большей части их протяжения необитаемы: до сих пор с трудом удалось только проникнуть там и сям на окраинах бесконечных ледяных равнин, которые занимают внутренность Гренландии: никому неизвестно даже, как оканчивается этот остров со стороны полюса. После Исландии, важнейшими владениями Дании можно считать три из Малых Антильских островов: Св. Креста. Св. Фомы и Св. Иоанна, лежащие в северо-восточном углу Караибского моря, при проливах, ведущих из этого средиземного моря в Атлантический океан. Порт Св. Фомы, на острове того же имени,—один из главных сборных пунктов и центров встречи для судов.

Владения Дании:	Пространство квадр. километр	Население в 1890 г. Жителей	Километр. население. Жителей
Фарерские острова.	1.333	12.954	9,7
Исландия.	182.471	72.000	0,7
Гренландия (обитаемая часть)	88.100	10.516	0.1
Мал. Антильские острова	359	32.786	105

Финансы этого маленького государства, владения которого, однако, занимают столь значительное пространство земного шара, находятся в цветущем состоянии, если их сравнивать с финансовым положением больших государств. В среднем, расходы его покрываются доходами, и сумма государственного долга значительно уменьшилась в последние годы.

Бюджет Дании на 1897—98 гг.: приход—66.847.101 крон; расход—64.734.189 крон.

Состояние государственного долга 31 марта 1896 года: Пассив: внутренний долг—132.529.371 крон, внешний—66.532.500 кр., всего—199.061.871 крона. Актив (запасной фонд и проч.)—56 743.282 кроны.

Сделавшись слишком слабой, как военная держава, против своей южной соседки, Дания перестала делать, как было прежде, постоянные приготовления к войне до последней крайности. Большая часть крепостей были покинуты или не поддерживаются более с той заботливостью, какой требуют искусственные укрепления: главные укрепленные замки Дании превратились в музеи или в загородные королевские дворцы, как Росенберг и Фредериксберг.

В административном отношении королевство делится на восемнадцать областей или губерний (amter), подразделяющихся на 136 округов или уездов (herreder):

	Области	**Пространство**, квадр. километр.	**Население** по переписи 1 февраля 1890 г., жителей
Зеландия и Мен	Копенгаген (гор.)	13	312.859
	„ (округ)	1.211	152.706
	Фредериксберг	1.353	84.684
	Гольбек	1.624	94.235
	Соре	1.472	88.990
	Престе	1.669	100.649
Лаланд и Фальстер	Борнгольм	568	38.761
	Марибо	1.660	100.552
Фиония и соседние острова	Одензе	1.765	136.117
	Свенборг	1.641	120.707
	Гьерринг	2.775	110.361
	Тисдель	1.687	69.407
	Аальборг	2.936	104.790
	Виборг	3.031	100.777
Ютландия	Рандерс	2.433	110.444
	Ааргус	2.477	157.191
	Вейле	2.336	111.904
	Рингкьербинг	4.527	98.623
	Рибе	3.043	78.623

По исчислению, цифра населения Дании 1 февраля 1896 г. определилась в 2.304.000 душ.

Г лава VI Скандинавский полуостров, Норвегия и Швеция.

I.

Обширный Скандинавский полуостров заключает два различных государства, хотя управляемые одним и тем же королем и связанные одно с другим очень тесными отношениями. Норвегия и Швеция, Norge и Sverige, необыкновенно ревниво охраняют свою относительную политическую независимость, и даже в обычаях и образе жизни контраст между двумя народами ясно обрисовывается. Точно также с географической точки зрения Норвегия и Швеция составляют две естественные области, резко противоположные, так как одна из этих стран состоит, вообще говоря, из плоских возвышенностей и гор, обращенных крутым своим скатом к Атлантическому океану, тогда как другая представляет длинную покатость, постепенно понижающуюся к внутреннему морю. Но физический контраст и политическое разделение не мешают Норвегии и Швеции, или Вестарфольду и Аустарфольду,—как их называли в старину[1],—образовать одно тело, один организм, который имеет особенный характер, отличный от других частей Европы и который нужно изучать в его совокупности, как одно целое. Имя Скандинавии или острова Скандии, принадлежавшее прежде только южной оконечности Швеции, распространилось мало-по-малу на весь полуостров, независимо от его политических делений, и эта общность наименования указывает, в самом деле, что различные области, омываемые на западе Северным, на востоке Балтийским морями, так близки, так тесно связаны между собою, что в действительности составляют одно географическое неделимое. Естественная граница полуострова соединяет по прямому направлению северную оконечность Ботнического залива с Варангер-фьордом, на Ледовитом океане, и хотя политические трактаты изогнули эту раздельную линию самым неправильным образом, почти совершенно отрезав от остального тела политической Скандинавии территорию Финмаркен, отошедшую к России, но подобные пределы, начертанные среди пустынных пространств, не имеют большой важности, и потому в географическом смысле можно сказать,

1 G. Haag, „Die Volker um die Ostsee, Baltische Studien“, 1878.

что Скандинавия примыкает к громадной массе Европейской России в месте, указанном природой.

Даже в тех пределах, которые оставлены ей её могущественной соседкой, Скандинавия есть одна из самых обширных стран европейского континента, превосходящая Францию, Германию, Австро-Венгрию и уступающая одной только России по величине территории. Благодаря своему положению—в одно и то же время на внутреннем море, которое служило средством сообщения с западной и центральной Европой, и на большом внешнем океане, который открывал путь для сношения с остальным миром,—Скандинавия естественно должна была приобрести некоторую важность в равновесии наций, и, действительно, её отважные сыны, готы, норманны, варяги, оставили по себе глубокий след в истории, как мореплаватели и завоеватели. Впоследствии, когда новая Европа уже сформировалась, шведы, владетели части восточных и южных берегов Балтики, могли проникать со своими армиями, с одной стороны, до Вогезских гор, до французской Юры и до верхнего Дуная, с другой—до южнорусских степей, прилегающих к Черному морю; но в эту-то именно эпоху и начался, поражением Карла XII под Полтавой, политический упадок их отечества. Затем шведы, еще прежде, чем утратили все свои владения за пределами полуострова, были уже в опасности на своей собственной почве, на севере Балтики: одновременно с первым разделом Польши Фридрих II прусский подготовлял и расчленение Швеции[1]. В период войн, ознаменовавших начало текущего столетия, быстрые политические перевороты в стране, внезапные перемены союзов, низвержение династии, наконец, окончательная утрата всей территории на континенте, доказали, в какой широкой мере судьба скандинавских государств зависит от их могущественных соседей.

Хотя, так сказать, переведенная на юг теплотой своего приморского климата, Швеция представляет, однако, взятая в совокупности, страну слишком холодную, чтобы население её могло размножаться до того, чтобы сравниться по численности с населением государств умеренной Европы; она до сих пор остается почти безлюдной пустыней в сравнении с Германией или с центральной Россией. По числу жителей Швеция и Норвегия, рассматриваемые, как-бы они составляли одну нацию, превосходят Бельгию только на одну пятую; между тем пространство, на котором рассеяны скандинавские населения, в двадцать шесть раз обширнее поверхности Бельгийского королевства.

Пространство и народонаселение Швеции и Норвегии:

Норвегия: 325.422 кв. клм.; 2.002.000 душ (1891 г.). Швеция: 450.574 кв. клм.; 4.784.981 душ (по переписи 31 декабря 1890 г.).

II.

На Скандинавском полуострове, Норвегия есть страна плоскогорий и гор, Швеция—страна длинных покатостей и равнин. Эти последние, заключающие в своих впадинах три большие озера, простираются от глубин Каттегата до Финского залива и отделяют от остального полуострова его южный придаток, Сканию, низкое плоскогорье, высотой около 100 метров, покрытое закругленными холмами, изрытое озерными впадинами. Плато это воспроизводит в Швеции область озер Финляндии. На западе, океан врезывается своими разветвляющимися рукавами в самое сердце высоких нагорий, тогда как на востоке, озера изливаются по пологому скату во внутреннее море Балтики. Почти вся Норвегия представляет полосу гористой территории, обращенную своими крутыми склонами к Атлантическому океану, и на её снеговых плоскогорьях вздымаются высочайшие вершины Скандинавского полуострова; весь Скандинавский хребет сравнивали с исполинской волной, которая вдруг окаменела в тот момент, когда она готова была разбиться о берег. Одна треть Норвегии и только одна двенадцатая Швеции находятся на высоте более 600 метров[2].

1 Тайная статья трактата 1764 года в берлинском государственном архиве.—A. Geffroy, „Gustave III et la cour de France", t. I, p. 33.

2 Ed. Erslev, „Loerebog i den almindeliger Geografi".

Скандинавский массив, простирающийся от берегов Варангер-фьорда до мыса Линдеснес, на протяжении 1.900 километров, далеко не имеет вида цепи гор, каким его изображают маленькия карты. Рассматриваемая в целом, Норвегия состоит из отдельных плато, высотой 600 до 900 метров, на которых горы взгромоздились, как на общем цоколе. Глубокая выемка, образующая проход от одного склона до другого, делит эти плоскогорья на две отличные одна от другой части: на севере группа Кьелен, которая тянется от Финмаркета до Трондгьемского плато; на юге—группа Доврефьельд и соседния горные массы. Средняя высота горных вершин Норвегии составляет только половину высоты гребней Альп, тогда как общее основание Скандинавской горной системы превосходит по ширине на целую треть основание Альпийской системы.

Даже на северо-восточной оконечности, во всей области Финмаркен, нет хребта в собственном смысле; вся эта страна, средняя высота которой около 300 метров, представляет обширную волнистую выпуклость, состоящую из палеозойских горных пород, на которых там и сям поднимаются горы, имеющие, средним числом, около 500 метров высоты. Самая величественная вершина этой области—гора Расте-кайса, которая высится близ русской границы, над долиной реки Тана-Эльф: она поднимается слишком на 850 метров,—высота, какой не достигает, кроме неё, ни одна гора в восточном направлении, до самого Уральского хребта. Недалеко оттуда, по рассказам лапландцев, находится конусообразная гора, из которой, будто бы, вылетают по временам клубы горячих паров (?) и вокруг которой снег быстро тает[2]. Хотя общее возвышение этой области крайнего севера незначительно, однако мысы, которые выступают в море, на оконечности каждого njarg, или зубчатого полуострова, почти все оканчиваются высокими террасами, круто обрывающимися, и которые можно бы было принять за фундаменты альпийских вершин. Один из этих мысов, Норд-Кин, или Кинеродден, есть самый северный выступ европейского континента; два другие, невысокий остроконечный мыс Книвскиародден и высокий Норд-Кап (Северный мыс), более близкие к полюсу на шесть километров, принадлежат к гранитному острову Магере[3], отделенному от Норвегии узким морским каналом. Норд-Кап,—громадная скала, разрезанная трещинами на колоссальные столбы, господствует с высоты слишком 300 метров над непрерывным движением морских волн; на восточном боку этого грозного утеса, на половине высоты его крутых стен, выступает «рог», отделившаяся каменная глыба, на которую моряки сигналируют при проходе. «Северный мыс» есть один из пунктов, на которые указывает австрийский мореплаватель Вейпрехт, как на места наиболее удобные для устройства полярной метеорологической обсерватории.

На юго-западе от Норд-Капа, высоты морского прибрежья и островов следуют одни за другими, в виде крутых гор, на довольно близком расстоянии, так что издали их можно принять за одну непрерывную цепь: здесь и начинается собственно так называемый Кьелен (Kjolen по-норвежски, Kolen по-шведски), или хребет северной Скандинавии. На острове Зейланд, ледяная река, самая северная в Европе, вытекает из снежных масс, постоянно наполняющих цирк или котловину, окруженную скалами: а на твердой земле, Тальвикский глетчер спускается обыкновенно до берега Альтен-фьорда. На южном склоне той же горной цепи, другой ледяной поток, подобный глетчерам Гренландии, врезывается южным концом в воды Йокель-фьорда[4]: это—единственное место в нынешней Скандинавии, где еще можно видеть зрелище, столь обыкновенное в предшествовавшую геологическую эпоху,—зрелище кусков ледяной массы, отламывающихся над водой, которая подтачивает их снизу, или отделяющихся от погрузившагося уже в воду слоя и снова появляющихся на поверхности, чтобы странствовать по волнам. К югу от этих первых ледников, Норвегия представляет много других ледяных рек, в десять и во сто раз более обширных, но все они растаивают прежде,

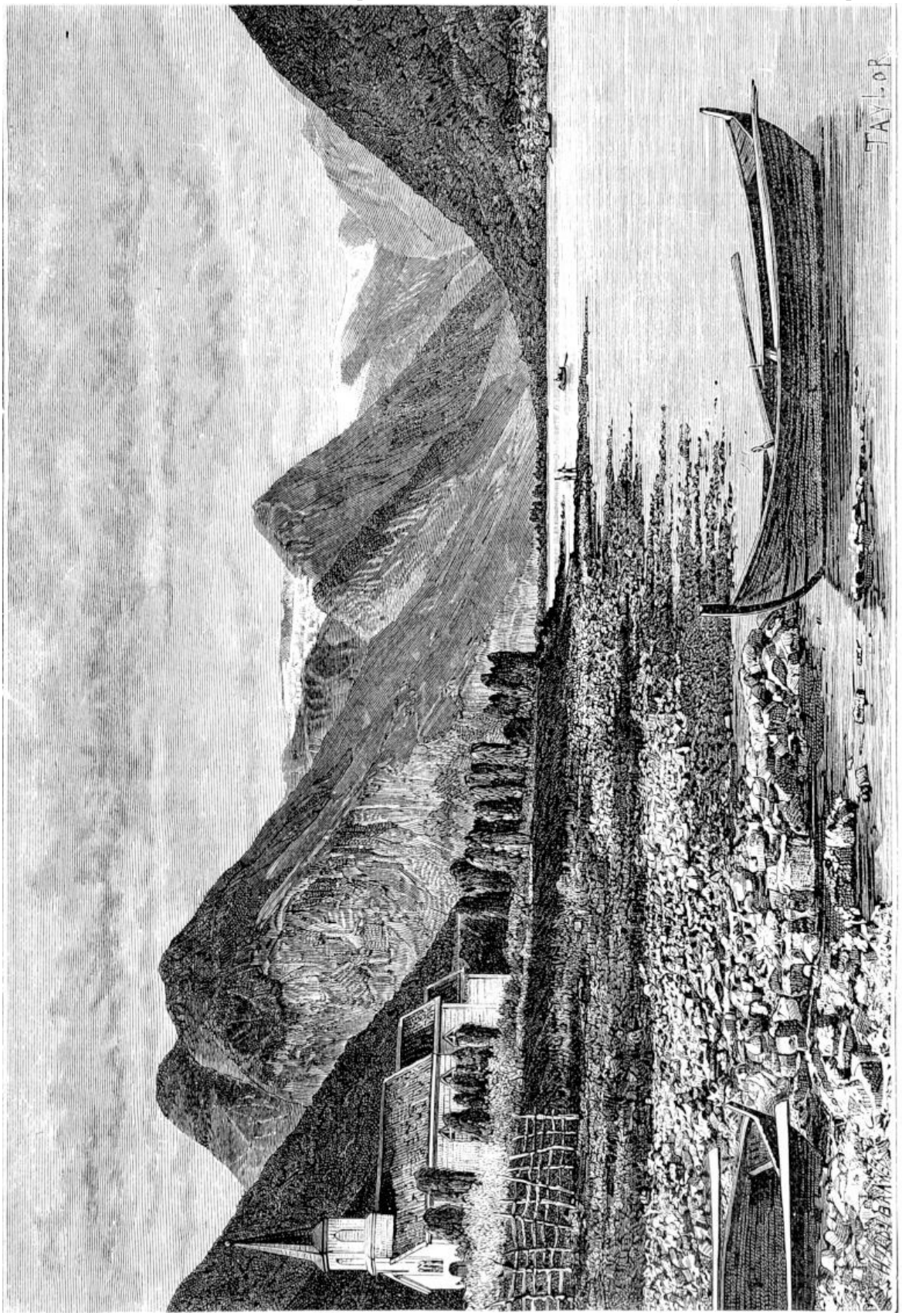
2 „Globus", XXXII, № 2.

3 В правописании географических имен, относящихся к Норвегии, мы придерживаемся недавно изданного труда Броша „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien".

4 Wiederberg, „Рукописные заметки"

чем достигнут моря.

Самые высокие горы в северной части хребта Кьелен—Кабна-кайса и Саркет-яэкко, вздымающиеся слишком на 2.000 метров; но наиболее известна—Сулительма, которая возвы-



Фіерльнфьордъ (Fjaerlnfjord).

шается еще на севере от полярного круга, над восточными разветвлениями Сальтен-фьорда. Это—не уединенный пик, но скорее группа вершин, стоящих на общем основании, которое поднимается почти на 1.500 метров и покрыто огромными массами снега, где питаются ледя-

ные реки. К югу от этого массива вздымается, отделенная от него глубоким озером, гора Сауло, менее высокая, нежели главные вершины Сулительмы, но стоящая одиноко, что придает ей более величественный вид, и господствующая над обширнейшею панорамой, ограниченною с западной и юго-западной стороны громадным плоскогорьем, которое покрывает, на пространстве от 600 до 800 кв. километров, исполинская ледяная река, известная под именем «Черного Ледника», или Свартизен: это—величайший ледяной поток северной Скандинавии. К югу от реки Вефсен, возвышается другое плато, называемое Сторе-Боргефьельд, где также есть большой глетчер, площадь которого исчисляют в 380 кв. километров. В этой части Кьелена встречаются еще горы в 1.400 и в 1.500 метров высоты: затем хребет понижается, и в толще его открываются широкие проходы между противоположными склонами. Болотистое плоскогорье, соединяющее два озера и через них две долины, которые спускаются одна к Трондгьемскому фьорду, другая к реке Индальс, едва достигает высоты 450 метров. Невдалеке от этого плато столбовая дорога, самый северный колесный путь через Скандинавский хребет, поднимается на высоту 510 метров; в некотором расстоянии к югу, по другую сторону горной массы Кьельгоуг, железная дорога, проведенная из Трондгьема в Сундсваль, пересекает Кьелен на высоте 594 метров. Несколько больших гор, между прочим Селентинд, мало уступающих по высоте вершинам Сулительмы, высятся уединенно в этой южной части Кьелена, которая спускается к Ботническому заливу длинным скатом, изборожденным параллельными долинами, верхния части которых заняты продолговатыми озерами, похожими на озера итальянского склона Альп.

Высоты главных гор северного Кьелена и Лапландии:

Расте-кайса—862 метр., Норд-Кап—308 метр., вершина о. Зейланд—942 метр., Сулительма—1.880 метр., Сарект-яэкко (по Рабо)—2.135 метр., Сауло—1.698 метр., Кьельгоуг—1.280 метр., Селентинд—1.788 метр., Факсефьельд—940 метр., Кабна-кайса—2.276 метр.

Невысокие отроги и террасы соединяют разветвления хребта Кьелен с Тиведеном и другими холмами, состоящими в большой части из каменных обломков, и которые некогда служили естественной границей между двумя половинами Швеции, носившими название Норд-ан-ског и Суннан-ског, то-есть «Северный лес» и «Южный лес». Что касается различных групп высот, которые поднимаются в южной части Скандинавского полуострова и в особенности в провинции Скании, бывшей некогда островом, отделенным от Швеции широкими проливами, то их нужно рассматривать как совершенно отличные от цепей норвежского хребта, хотя они почти сплошь состоят из тех же самых кристаллических и палеозойских горных пород, и хотя, во времена ледяного периода, по ним странствовали эрратические камни, приносимые льдами с Кьелен. Однако, базальтовые скалы образуют небольшой массив в Скании, и трапы распространились поверх осадочных слоев в Вестроготии. Южные высоты составляют в совокупности нагорье с очень неровной поверхностью, высшая точка которого закругляется в виде куполообразной вершины, километрах в тридцати к югу от озера Веттерн. Недалеко оттуда возвышается Таберг, гора с крутыми стенами, которая состоит почти целиком из руды магнитного железняка, содержащей около трети чистого металла. В южной Швеции несколько холмов, имеющих вид довольно высоких гор, благодаря их уединенному положению, возвышаются там и сям над поверхностью равнин морского прибрежья: таков, например, высокий силурийский мыс Куллен, который выдвинулся в форме гарпуна у северного входа в пролив Зунд; моряки издали отыскивают глазами этот береговой утес, который служит им указателем пути, поднимая мало-по-малу свою вершину над поверхностью волн.

Главные высоты южной Швеции:

Гальтозен, на юге от Ионкепинга—326 метр., Таберг—312 метр., Кинне-кулле (к югу от озера Венерн)—298 метр., Биллинг (между озерами Веттерн и Венерн)—273 метр., Мессеберг (там же)—263 метр., Куллен, на севере Зунда—198 метр.

Тогда как на востоке Южный Кьелен, постепенно понижаясь, сливается, наконец, с низменными равнинами Швеции, на западе он примыкает к Трондгьемской плоской возвышен-

ности, средняя высота которой, в центральной её части, около тысячи метров и которая незаметно наклоняется к северу и к югу; железная дорога из Христиании[1] в Трондгьем, которая поднимается на юге вверх по долине реки Гломмен, где на пути её лежит горнозаводский город Рерос, переваливает через порог всего только на высоте 670 метров; но на западе от этого плоскогорья вся остальная часть Норвегии представляет возвышенную страну, ограниченную со стороны моря крутыми скатами. В этой-то части Норвегии находятся самые большие и высокие вершины Скандинавского полуострова и всей Европы к северу от Татры; там же простираются обширнейшие снежные поля, или fjeldene[2], и каждое из них окружено ледниками (brae), над которыми кое-где господствуют выступы гор, имеющие форму зубьев (tind), рогов (horn), острых скалистых гребней (egg), плоских хребтов (kol или nut). Западно-норвежская возвышенность распадается на множество отдельных массивов, которые могут быть классифицируемы различным образом, смотря по важности, какую придают географы тем или другим вырезкам плоскогорья. На северо-востоке лежит массив Довре или Доврефьельд (по-французски Dofrines), название которого часто применяется ко всему нагорью, и на котором, между другими горами в две слишком тысячи метров высоты, высится усеченная пирамида,—впрочем, не особенно величественного вида[3],—горы Снегеттен, которая долгое время ошибочно считалась высочайшею вершиною Норвегии. Ромсдальские Альпы, горы Лангфьельде следуют одни за другими на юге страны, в соседстве с фьордами, разветвляющимися на сотни рукавов. «Горы Гигантов», или Иотунфьельде, многочисленные вершины которых господствуют над восточными разветвлениями Сегнефьорда, вполне заслуживают данное им имя, ибо эти остроконечные вершины самые высокие горы Скандинавии, и одна из них, Гальдгеппиген или Имесфьельд, вздымает свои причудливо зазубренные гребни более, чем на два с половиной километра над уровнем Атлантического океана. Во всей Европе нет других гор, откуда взор обнимал бы такой обширный горизонт снежных равнин и суровых скал: на необъятном пространстве нигде не видно зеленеющей долины, которая бы обнаруживала пребывание человека, нигде не приметно даже темных пятен, указывающих на присутствие лесов[4]. Далее на западе, и уже разрезанное с южной стороны боковыми заливами Согнефьорда, тянется Юстедальское или Иостедальское фирновое поле, величайшее снежное плоскогорье Скандинавии и всей континентальной Европы, ибо это плато, окруженное скалами, до сих пор еще неприступными, занимает пространство в 900 квадр. километров, покрытое скатертью из снега ослепительной белизны и по всей окружности выделяющее из себя бесчисленные ледяные потоки, спускающиеся в котловины между гор[5]. На юге от Гардангерфьорда, другое большое фирновое плоскогорье, называемое Фольгефон, или Фольгефонден, тянется на пространстве 280 кв. километров, и даже с моря, через высокий вал гористых островов, окаймляющих прибрежье, ясно видны эти массы снега, блистающие среди черных утесов, в глубине мрачных аллей, образуемых фьордами. Многие другие группы гор, менее высокие или менее посещаемые путешественниками, дополняют рельеф южной Норвегии; сюда принадлежат группы Гардангервидде, Опланде, горы Верхне-Телемаркские (Ovre-Telemark) и горы Сетерсдаля, которые оканчиваются у бесплодной, удлиненной и гладко отшлифованной скалы мыса Линдеснес.

Различные высоты южной Норвегии:

Имесфьельд (Исполин. горы)—2.560 метр. Снегеттен (Довре)—2.322 метр. Лодальскаупе (Юстедаль)—2.055 метр. Стигфьельд (Опланде)—1.880 метр. Фольгефон—1.650 метр. Ромсдальгорн (Ромсдальские Альпы)—1.255 метр.

Хотя лежащее под более южною широтой, сравнительно с хребтом Кьелен, Юстедальское

1 Правильнее было бы писать Кристиания, но старинная орфография этого имени удержалась рядом с новой формой.

2 Fjeld по-норвежски; fjall по-шведски.

3 Карл Фогт, „Путешествие на север".

4 Ruith, „Mittheilungen von Petermann", 1876.

5 C. de Sexe, „Le nevë de Iustedal et ses glaciers". Christiania, 1870.

плоскогорье и окружающие его массивы гораздо богаче фирновыми полями и ледниками, обилием которых они, без сомнения, обязаны более значительной ширине их основания, лежащего отчасти выше границы постоянных снегов, которая в этой области Норвегии опоясывает горы на высоте, средним числом, от 1.200 до 1.400 метров. Юстедальские глетчеры в то же время считаются самыми обширными на всем Скандинавском полуострове; вместе с тем, благодаря соседству городов Христиании, Ставангера, Бергена, Трондгьема,—это ледники наиболее известные, и уже с давних пор рассказывают о их попеременном движении то вперед, то назад. В течение восемнадцатого столетия эти ледяные реки не переставали увеличиваться: фермы, обработанные поля были последовательно захватываемы растущими моренами, и население должно было постепенно отодвигаться перед наступающими твердыми потоками; на скатах окрестных высот начали образовываться новые маленькие глетчеры, и многие горные вершины, которые прежде каждый год освобождались на-время от своего снежного покрова, теперь оставались белыми даже в летние месяцы. Но с 1807 года для норвежских ледников началось обратное, отступательное движение: некоторые из них теперь на 700 и даже на 1.000 метров не доходят до конца своего прежнего русла в долинах, и морены остаются уединенными среди пастбищ. Однако, указывают также, именно в южной Норвегии, ледяные реки, которые не переставали подвигаться вперед: таков глетчер Буэрбре, в снежном плато Фольгефон, который в 1871 г. продолжал свое поступательное движение и нижняя оконечность которого в ту пору находилась на высоте 377 метров[1]. В настоящее время многие из ледников Юстедальского плоскогорья спускаются ниже 500, 400 и даже 300 метров высоты. Два глетчера, вытекающие с южного ската этого нагорья, Бойумбре и Суфеллебре, останавливаются первый—на высоте 149 метр., а второй даже только на высоте 50 метров над уровнем вод Фьерльн-фьорда, одного из рукавов Согнефьорда[2]. Исследовав промежутки между полосами грязного льда, Давид Форбс вычислил годовое поступательное движение одного ледяного потока этой области, которое оказалось равным 51 метру, и на основании своих наблюдений пришел к тому выводу, что перемещение норвежских ледников, прерываемое более продолжительною зимою, совершается в летнее время быстрее, чем движение швейцарских глетчеров[3]. Так, например, Бойумский ледник с 10-го по 19-е июля 1868 г., то-есть в течение десяти суток, подвинулся вперед на 5 метров 30 сантиметров, следовательно, перемещался более, чем на полметра в сутки.

Хотя фирновые пространства Норвегии вообще гораздо обширнее фирновых полей Альпийских гор, но ледники в собственном смысле, встречающиеся на Скандинавском полуострове, не могут сравниться по величине с глетчерами центральной Европы. По вычислению Форбса, площадь двух самых обширных ледников Юстедальского плоскогорья, Лодальского и Негардского, в семь раз меньше поверхности Алечского глетчера. На первый взгляд кажется, что должно бы быть наоборот, потому что горные вершины Норвегии получают более значительное количество снега, чем Швейцарские Альпы. Причину контраста, который представляют размеры ледяных рек двух сравниваемых стран, нужно искать в форме гор. В то время, как большие Альпы отличаются по большей части пирамидальною формой и вырисовываются на краю горизонта линиями, похожими на зубья пилы, горы Норвегии представляют отрывки плоскогорий, на которых вздымаются там и сям уединенные группы скал с округленными верхушками, которые скорее можно назвать зубцом (tind), чем пиком (pig). На Альпах впадины между вершинами представляют наклонные цирки, соединяющиеся посредством корридоров, широких или узких, с другими бороздами горы и, вообще говоря, имеющие только один выход, через который и сползают, в виде ледяного потока, снега, падающие на вершины: благодаря общей покатости скал, скольжение снежинок происходит правильно на всем склоне. Не так в норвежских горах: там снег падает на высокие равнины, очень слабо наклоненные, или в глубокия ущелья, открывающиеся, на подобие трещин, в

1 Gritz, „Mittheilungen von Petermann“, X, 1876.
2 S. A. Sexe, „Le Glacier de Boium en juillet 1868“.
3 Norway and its glaciers visited in the year 1851”.

толще каменистой массы; преобразуясь в фирн и в лед, он изливается по всей окружности плоскогорья в виде замерзших каскадов, с невысокими, но широкими уступами,—откуда и произошло название brae, которым его обозначают; ледники образуются только в тех местах, где масса льдин, упавшая с верхних террас, сдавлена в более узкой долине; он остается на высотах, где его поднимают и кружат вихри, тогда как на дне низменных ущелий он тает, не превращаясь в глетчеры; понятно, что при таких условиях потоки обледенелого, кристаллического снега могут образоваться лишь в небольшом числе и на незначительных пространствах.

Горы Норвегии, когда на них смотришь с моря, поражают своими черными гребнями, своими узкими проходами, наполненными снегом, своими белеющими террасами, сливающимися с облаками или резко выделяющимися на голубом фоне неба. Путешественники, преимущественно английские, с каждым годом приезжают все в большем и большем числе подкрепить свои силы в этой суровой природе; но, взятые в целом, Скандинавские горы уже по своему строению представляют взорам наблюдателя пейзажи гораздо более монотонные, чем Альпы и другие цепи европейских гор. Плоскогорья в 1.000 и до 1.500 метров высоты, которые в летние месяцы частию сбрасывают с себя снежный покров и которые, смотря по провинциям, носят название Hede, или степей, и Viddene, или нагорных равнин, представляют угрюмые, неприветливые пространства, более печальные, чем пустыня. Только снежные высоты, показывающиеся там и сям, словно белые шатры, раскинутые на плоской поверхности нагорья, разнообразят несколько своим видом однообразную картину. В тени больших камней и между грудами камешков виднеются белые, еще нерастаявшие, лужи; земля усеяна плоскими камнями, оторванными от скал морозом, точно плитами разрушенного здания; у подножия каждого утеса, каждого выступа скалы нагромождены кучи каменных обломков. Почва состоит из красноватой и вязкой глины, по которой очень трудно ходить; в лощинах образовались торфяные болота, топи и трясины, и черные воды лениво пробираются из одного пруда в другой, отыскивая скат, по которому можно было бы спуститься в нижния долины. Растительность представлена только мхами, лишаями да кое-какими низенькими злаками; в местах, хорошо защищенных от ветров, растут кусты можжевельника и даже маленькия деревца ивы, но следов пребывания человека нигде не увидишь, исключая тех редких мест, где дороги, извиваясь под защитой горок и обходя многочисленные болота, переваливают через плато, чтобы соединить два противоположные склона плоской возвышенности.

Но когда мы спустимся вниз к основанию гор, нам покажется, что мы очутились в другой природе; по крайней мере, мы несомненно находимся уже в другом климате. Здесь мы встречаем человека, и жилища его виднеются среди зелени деревьев, подле струящихся вод. Со стороны моря крутые стены плоскогорья являются во всей их высоте; взор может проследить их на всем вертикальном протяжении, от груд обвалившагося камня, скрывающих основание нижних утесов, до остроконечных шпицев зубчатого гребня, ограничивающего плато на верху; там и сям снежные вершины выглядывают между самыми высокими выступами гребня, или сливаются с плывущими по небу облаками. Но контраст между гладкою поверхностью заливов и отражающимися в ней, как в зеркале, обрывистыми утесами, постоянно изменяющаяся панорама фьордов, высокие мысы, окруженные подводными скалами, архипелаги островков, лабиринт проливов и рукавов моря—вот что придает дикую прелесть картинам норвежского прибрежья. Нигде в остальной Европе, ни даже между длинными полуостровами ирландской области Керри, ни в шотландских заливах или фьордах (firths), охраняемых базальтовыми мысами, горы, между которыми извиваются морские воды, не имеют более грандиозного и более феерического вида. Корабль, проникший в темные аллеи фьордов и плывущий между стенами крутых, почти отвесных скал, кажется сверху маленьким насекомым, скользящим по дну колодца. Баккефьорд, врезывающийся в южный берег Скандинавского полуострова, по направлению от севера к югу, между Ставангером и Линдеснесом, есть не что иное, как расселина, «трещина почвы», подобная колорадским ущельям (canons). Точно также Лизефьорд, на востоке от Ставангера, и большие длинные зали-

вы, сходящиеся к Христиансзунду, похожи на прямолинейные рвы, вырытые, в виде пропастей, в толще скал.

Окаймляя, на подобие бахромы, берег Норвегии, на всем его протяжении, от острова Магере до Ставангерского фьорда, островные горы, разбросанные в кажущемся беспорядке, расширяют среди моря западный скат Скандинавского хребта. За чертою гористых полуостровов, которые соединены с материком лишь узкими перешейками, плавающими в водах фьордов, поднимаются другие горные вершины, образованные из тех же самых каменных пород, представляющие такой же точно вид, только менее возвышенные и погружающие свое основание в более глубокое море; далее идут другие, менее высокие, острова, которыми продолжается в море мыс, отчасти стоящий под водой; еще далее следуют островки и подводные камни, бесчисленные вырезки пространства, усеянного шхерами (skjargaard). Норвежцы сравнивают эти внешние островки с морскими животными: скалы, торчащие из воды у оконечности многих больших островов, известны у них под именем kalve или «детенышей», как молодые киты, всегда следующие за своею матерью. Даже на Британских островах многие отдельно стоящие в море утесы до сих пор сохранили название calves, оставленное им древними скандинавскими завоевателями: такова, например, подводная скала Calf, возвышающаяся рядом с южным мысом острова Мен[1].

Особенно многочисленны прибрежные острова и шхеры в провинции Тромсе, на севере Норвегии, где они раскинуты на более широком пространстве морских вод и содержат более высокие горы: во многих местах настоящий хребет страны продолжается даже вне материка. В самом деле, хребет Кьелен в собственном смысле довольно низок на востоке от цепи гор, разрезанной на многочисленные отдельные куски, которую образуют остров Сеньен и архипелаги островов Вестер-Аален и Лофотенских, и которая направляется на юго-запад, удаляясь мало-по-малу от большой земли, так что она обнимает на западе широкий залив, известный под именем Вест-фьорда. Некоторые из вершин этой морской цепи переходят за 1.000 метров, а одна из них, гора на Гииде, самом большом из Лофотенских островов, поднимается даже на 1.300 метров над уровнем моря. Со времени Форбса, многочисленные путешественники, посетившие эти места, сравнивали зубчатую цепь Лофотенских островов, вершины которой обрисовываются на голубом фоне неба остроконечными шпицами, с челюстью акулы. На некоторых из самых крутых островов гребень до того острый, что по верхушке его нельзя было бы ходить; держаться на этом гребне можно бы было не иначе, как сидя верхом, свесив ноги на противоположные скаты. Справа и слева пейзажи совершенно разные: с одной стороны вы видите бесконечный лабиринт островов, проливов, фьордов и гор, высящихся по окраине материка; с другой—внешние островки, подводные камни, шхеры и беспредельное море. Не менее замечателен контраст между скатами, обращенными к полудню, и скатами, наклоненными к северу: на одном из склонов, расстилаются прекрасные луга изумрудно-зеленого цвета, испещренные разнообразными цветами; на другом—дикия скалы, покрытые мхом, среди которого там и сям виднеются пучки вереска[2]. Воды вокруг Лофотенских островов, усеянные тысячами судов во время рыболовного сезона, очень опасны, по причине господствующих там ветров и сильных течений. Известно течение Мельстром или Меркестром, которое несется из внешнего моря на встречу приливной волне, идущей из Вест-фьорда, между двумя островами Москен и Москенес. Водоворот, образующийся от столкновения двух встречных масс воды, сделался, благодаря рассказам моряков, легендарным типом всех океанических «пропастей»; но в тех же самых водах северной Скандинавии мореплаватели должны избегать и других водоворотов, которые не менее опасны. На многих пунктах морского прибрежья разность высоты прилива и отлива превышает 4 метра, и преграды, образуемые скалами, которые задерживают движение приливной волны, причиняют значительные разности уровня воды между двумя соседними бассейнами. Во многих частях Лофотенского архипелага прилив, вступая в узкие проливы, несется стремительным пото-

1 Molin, „Mittheilungen von Petermann", VI, 1878.

2 Schubeler, „Die Pflanzenvelt Norwegens".

ком[1]: он также очень чувствителен в фьордах. Поверхность самых больших из норвежских островов исчисляют следующим образом:

Гинде—2.238 кв. клм.; Сеньен—1.666 кв. клм.; Сере—971 кв. клм,; Ланге—886 кв. клм.; Зенланд—593 кв. клм.; Ост-Ваге—541 кв. клм.

К югу от Лофотенского архипелага нет островов, которые могли бы сравниться по величине с Гинде, Сеньеном, Сере, Ланге и другими большими островами прибрежья Тромсе; но и там нужно считать сотнями острова, имеющие настолько значительное протяжение, что на них могут жить целые семьи рыбаков или даже земледельцев и находят достаточные пастбища для своего скота. Между этими прибрежными островами, которые мореплаватели должны обходить и по которым они определяют положение своего корабля, многие отличаются странною формой, так что их сравнивают с башнями, с замками; одна скала, тонкая, высокая, постоянно окруженная несметными стаями птиц, получила название Ставен, что значит «палка великана»; другая, называемая Гестманден, похожа на закутанного в плащ всадника, который вечно скачет на своем коне среди бурь и туманов. Наиболее известный из этих островов причудливой формы, Торгаттен, лежащий в южной части провинции Нордланд, представляет громадный утес, поднимающийся из моря на 240 метров и пробитый почти на половине высоты гротом в 270 метров длины, замечательно правильным и параллельным берегу материка. Из двух его порталов один, юго-западный, имеет 66 метров, а другой, северо-восточный, 36 метров высоты. Путешественники проникают в эту пещеру, чтобы созерцать, как через исполинский телескоп, картину моря, усеянного бесчисленными островами, подводными скалами, шхерами и судами[2]. Это громадное отверстие, как гласит легенда, сделано стрелой гиганта, окаменелый бюст которого и теперь еще виден в нескольких километрах оттуда[3].

Острова Норвегии (по О. И. Броху):

	Поверхность	Обит. островов	Население в конце 1875 г.
Острова к востоку от Норд-Капа	220 кв. клм.	10	1.500 жит.
Острова от Норд-Капа до Лофотенских	13 370 „	110	58.000 „
От Лофотенск. островов до Ставангерск. фьорда	7.820 „	845	148.000 „
Другие острова	490 „	195	30.500 „
Вместе	21.900 кв. клм.	1.160	238.000 жит.

Все острова норвежского прибрежья, со включением островов, лежащих у берегов Скагеррака, и не считая подводных скал, омываемых приливною волной, раскинуты на пространстве в 22.000 квадр. километров, то-есть занимают около четырнадцатой части поверхности страны; но, благодаря их гаваням, доступности их берегов для судоходства, относительной теплоте их климата, благодаря, наконец, окружающим их местам рыбной ловли, они сравнительно гораздо гуще населены, чем материк, и содержат около восьмой части всего числа жителей Норвегии.

Острова шведского прибрежья, относительно, гораздо менее многочисленны, нежели острова Норвегии; во многих местах, особенно вдоль берегов Скании, поверхность моря на пространстве нескольких километров совершенно свободна от островов и подводных скал. Но у берегов Каттегата, в особенности к северу от города Готеборга, вдоль всего Богуслена, острова, островки, подводные камни образуют пояс шхер, похожий на норвежский skjargaard, с тою лишь разницей, что он не содержит высоких гор и не имеет никакой растительности. Скалы, желтые и красноватые, шлифуемые некогда льдинами, а ныне бурными волнами, представляют там и сям подобие лежащих чудовищ. На севере Кальмарской провинции, у берегов Балтики, маленькие острова во множестве рассеяны по поверхности моря, особенно около устьев заливов и рек; но все это низменные скалы, поднимающиеся среди неглубоких вод: они составляют продолжение шведских равнин, тогда как прибрежные

1 Widerberg, „рукописные заметки".

2 Vibe, „Kusten Norwegens, Erganzungsheft zu den Mittheilungen v. Petermann".

3 Xavier Marmier, „Expedition au Spitzberg".

острова Норвегии являются внешними утесами материковых горных цепей. В Балтийском море два большие острова, не считая Борнгольма, также принадлежат к шведской равнине: это—острова Эланд и Готланд, расположенные по направлению с северо-востока на юго-запад, параллельно один другому и оси самой Швеции. Пространство и население этих островов (по переписи 31 декабря 1890 г.):

Готланд (с соседними островами)—3.153 кв. клм. и 51.337 жит.; Эланд—1.343 кв. клм. и 38.300 жит.

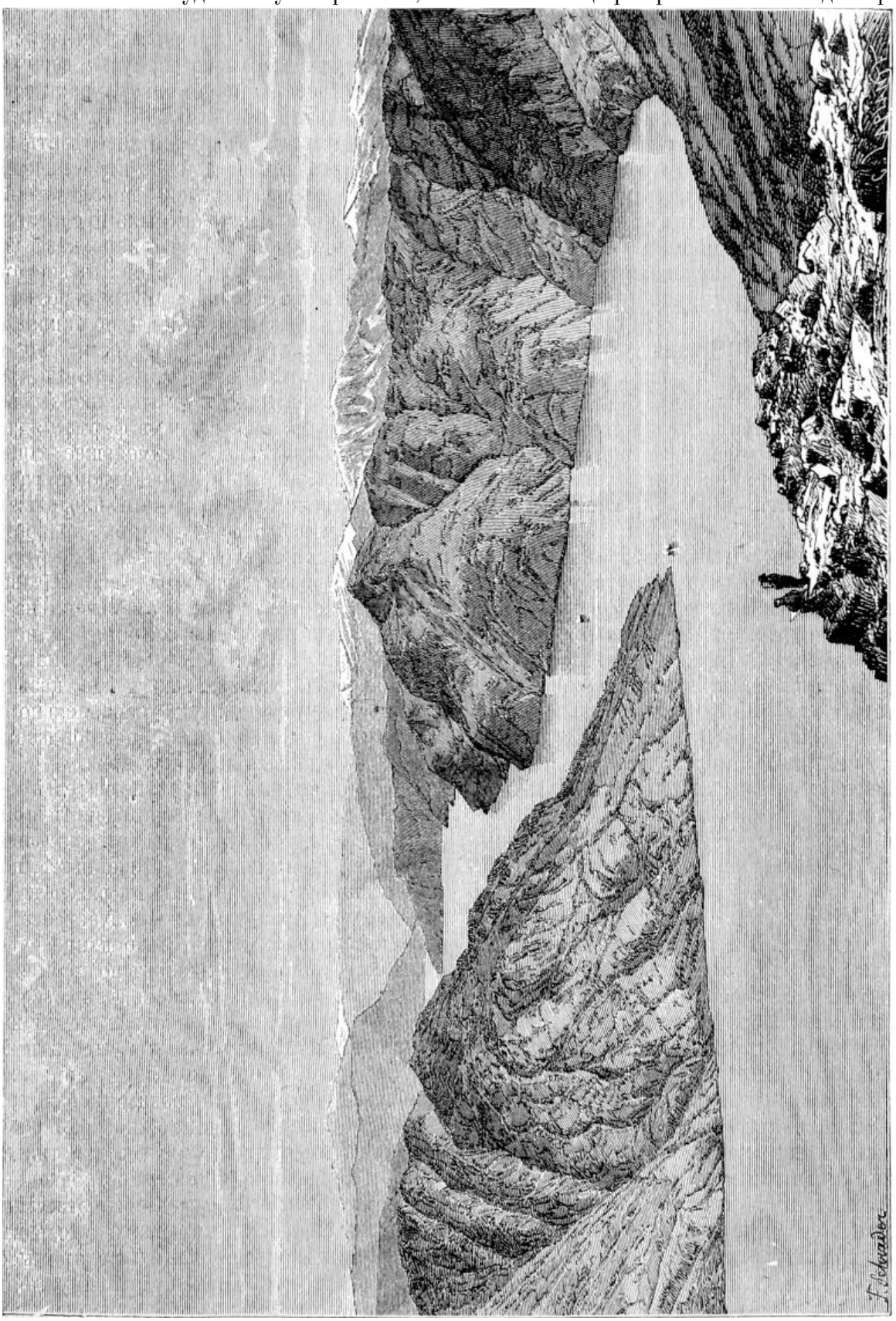
Эланд (Oland), состоящий из древних известковых пород, как и соседний берег материка, повидимому, есть не что иное, как внешнее прибрежье, еще более правильное, чем внутренний берег; этот остров тянется на 130 километров в длину, и вся южная часть его представляет террасу, покрытую бесплодными пажитями, которая в самой возвышенной своей точке поднимается не более как на 42 метра над уровнем моря и усеяна по всей окружности деревнями, поселками, ветряными мельницами. Эта терраса называется alvar, а крутые берега её, господствующие над богатою равниной морского прибрежья, носят название landborg. Кальмарский пролив или зунд, отделяющий остров Эланд от материка, не имеет даже 3 с половиною километров в самом узком проходе, и перед городом Кальмаром глубина фарватера не превышает 7 метров, тогда как на севере и на юге от этого города лот находит дно, средним числом, на глубине около двадцати метров. Остров Готланд, гораздо более удаленный от континента, соединяется с шведским берегом с юго-западной стороны только посредством обширной мели Гоборг и посредством подводного полуострова, ограниченных справа и слева глубинами в 50 слишком метров. Более обширный, чем Эланд, Готланд вместе с тем и выше его, так как один из его холмов поднимается на 60 метров: на южной оконечности этот остров продолжается маленьким островком, носящим название «Бараньяго» (Фаре), и подводное плоскогорье образует еще далее на севере низменный остров Готска-Санден.

III.

Подводная орография берегов Норвегии представляет большое сходство с внешним рельефом страны: где скалы высятся снаружи в виде крутых берегов, там они и в море погружаются внезапными обрывами или пропастями. Так, непосредственно к югу от высоких Юстедальских террас, покрытых фирновыми полями, и у западного основания «гор Гигантов» врезывается в материк глубокий залив Согнефьорд, где при устье, между Вигом и Вергольменом, лот находит дно только на расстоянии 1.244 метров от поверхности вод[1]; разность уровня между самыми высокими и самыми низкими пунктами в этой области Скандинавского полуострова нужно считать не менее 4 километров. Есть береговые утесы, которые сразу поднимаются на сотни метров в высоту, в виде вертикальных или даже нависших стен, и которые служат основанием высоким, покрытым снегом, вершинам. Так, например, гора Торснутен, лежащая на юг от города Бергена, на берегах Гардангер-фьорда, достигает слишком 1.600 метров высоты, на расстоянии менее 4 километров от берега, и во многих местах фьорда лот не находил дна даже на глубине 550 метров[2]. Во многих бухтах Норвегии водопады льются с вершины береговых скал, местами с высоты 600 слишком метров[3], и одною цельною струей низвергаются прямо в море, так что суда могут проходить между утесами и параболою, описываемою в воздухе столбом каскада. Когда облака скрывают карнизы террас, откуда ниспадает поток, можно подумать, что жидкая масса льется с неба[4]. Иногда путешественникам случается присутствовать при оригинальной борьбе между бурями и этими, так сказать, висящими на воздухе ручьми. Внезапные порывы ветра рассеевают водопад в виде тумана, поддерживают его в пространстве, или даже заставляют его течь обратно в воздух; чело горы покрывается оригинальною серебристою шевелюрою, образуемой пенящими-

1 A. Blytt, „Om Vegetationsforholdene ved Sognefjorden“.
2 Sexe, „Moerker efter en Iistid i omegnen af Hardangerfjorden“.
3 A. Blytt, „Om Vegetationsforholdene ved Sognefjorden“.
4 Ampere, „Esquisses du Nord“.

ся брызгами каскада[1]. Многие из ручьев, падающих с высоты береговых утесов, рассыпаются и исчезают в воздухе, превращаемые в прозрачные пары, потом опять собираются в один поток на каком-нибудь выступе пропасти, чтобы затем еще раз рассеяться в виде пара[2]. Зи-



Листеръ-фьордъ. Сѣверная вѣтвь Согне-фьорда. Видъ съ вершины Мольдена.

мой и весной с высоких расселин в скалах падают на дно долин снежные и каменные лави-

1 Sexe, выше цитированное сочинение.

2 E. Cotteau, „Annuaire du Club aloin francais“, l, 1874.

ны, иногда засыпая жилища.

На первый взгляд норвежские фьорды имеют очень неправильный вид и расположение: можно подумать, что морской берег разрезан на бесчисленное множество кусков как-бы по воле случая, и что островки, острова, полуострова переплетаются в виде нераспутываемой сети. Однако, при более внимательном исследовании обнаруживается некоторый порядок в этом лабиринте вод и кусков суши. В сравнения с подобными им шотландскими заливами (firths), скандинавские фьорды отличаются гораздо более правильными формами: это происходит от того, что и вся окружающая их природа представляет более простые черты, чем природа Шотландии: хребты Кьелен, Доврефьельд, Юстедаль не имеют ничего подобного живописному беспорядку, характеризующему Грампианские горы. Между фьордами Норвегии очень мало таких, которые открываются на море широкими заливами: почти все они сообщаются с океаном посредством узкого канала, открывающагося между двумя высокими мысами. Противоположные берега фьорда, являющиеся в форме крутого яра, холмов или утесов, заметно параллельны между собой и продолжаются правильными извилинами. Многие фьорды, прежде чем достигнуть моря, делятся на две ветви или рукава, охватывая остров с вертикальными стенами, все выступы которых соответствуют входящим кривым материка. Другие (между прочим, два наиболее известные внутренние залива, Согнефьорд и Гардангерфьорд) разветвляются в обе стороны; но большая часть этих боковых разветвлений соединяется с главным заливом, образуя с ним прямой угол, и принимает в себя с той и другой стороны другие, более узкия, поперечные долины или клюзы, впадающие также под прямым углом. В совокупности своих разветвлений, напоминающих по форме ветви дуба, каждый фьорд состоит из каналов перпендикулярных или, по крайней мере, круто, почти под прямым углом, соединяющихся друг с другом, и общее направление этих каналов совпадает с направлением глубоких вырезок, разделяющих горные массы Норвегии. Общая архитектура страны повторяется в углублениях фьордов, так же, как и в рельефе гор: канал является продолжением долины и составляет вместе с нею одну и ту же расселину; другие трещины почвы, отчасти наполненные водой, отчасти выступившие из-под воды, пересекают первые, и таким образом страна делится и подразделяется на бесчисленное множество отрывков неравной величины, четыреугольных, или, по крайней мере, правильно обрезанных; одни из этих отрывков имеют вид материка, другие окружены с некоторых или со всех сторон водой или образуют плоскогорья, полуострова, островные цепи гор. Способ. каким разломался на куски весь Скандинавский хребет, напоминает растрескивание сырой земли, высыхающей на солнце. Геолог Кьерульф[1] пытался переделать карту Норвегии, указав на ней все первоначальные трещины, превратившиеся впоследствии в фьорды; правда, можно бы было предположить, что эти трещины суть не что иное, как углубления почвы, размытые водой, к которым присоединяются с боков другие борозды, вырытые под прямым углом, по направлению наиболее значительной покатости; но как объяснить в этом случае тот факт, что они вообще открываются в самых твердых горных породах, а не в тех формациях, которые представляют наименьшее сопротивление? Как видеть простое явление размыва в этих трещинах, которые продолжаются правильно через фьорды и горы, на протяжении сотен километров? От Мольдефьорда до мыса Линдеснес тянется ряд параллельных трещин, по направлению с севера на юг; другой ряд расселин соединяется на юго-востоке с фьордом Христиания; наконец, другие «черты разреза», как их называет геолог Кьерульф, идут параллельно морскому берегу между Мольде и Трондгьемом, между Арендалем и Христианией.

Невозможно вычислить действительное протяжение или, как говорится, развитие норвежского берега, следуя за всеми иссечениями фьордов главных и второстепенных, потому что нужно было бы принять в рассчет также все проливы, разделяющие полуострова, острова и островки: одна только длина судоходных естественных каналов по крайней мере в десять раз превышает длину внешней линии берегов, то-есть равна почти 20.000 километров.

1 „Om skuringsmaerker, glacialformationen og terrasser".

Можно сказать, что таким образом существует на всем норвежском прибрежьи своего рода Средиземное море, если не по протяжению вод, то, по крайней мере, по длине морских путей,—и действительно, внутри кордона внешних островков происходит почти все движение каботажного судоходства Норвегии, имеющего столь важное значение для экономического быта страны; очень мало таких мест, где суда принуждены пускаться в открытое море, чтобы обойти мыс, как например, мыс Стадт, лежащий в углу норвежского полуострова, между Немецким морем в собственном смысле и северным Атлантическим океаном. Что касается маленьких судов, то гребцы могут перетаскивать их из одного фьорда в другой по углублениям почвы, которыми фьорды продолжаются через полуострова, и из которых многие не имеют даже сотни метров высоты, хотя по сторонам их поднимаются отвесные стены в тысячу метров. Норвежцы называют эти «волоки» эйдерами[1].

Некоторые из фьордов так хорошо защищены от бурь и волн открытого моря расположенными у входа в них островами и уединенными скалами, что пресная вода, приносимая ручьями во время таяния снегов, или падающая непосредственно в виде дождя, удерживается на поверхности, образуя слой толщиною в метр и более: она плавает на соленой и тяжелой воде, наполняющей бассейны фьорда. Эта пресная вода так чиста, что моряки могут черпать ее, чтобы возобновить свои запасы воды, а прибрежные водоросли, омываемые ею, мало-по-малу погибают; кое-где они даже заменяются пресноводными видами, быстро растущими[2]. Зимой, когда приток пресной воды с материка в фьорд прекращается, равновесие солености опять восстановляется[3], вследствие истечения более легкой воды, которая уходит в океан. В зимнее время только те из фьордов сохраняют на своей поверхности слой несоленой жидкости, которые принимают в себя одну или несколько обильных рек: эти фьорды представляют в одно и то же время морские заливы и пресноводные реки. Так, фьорд Драммен, который получает у самого города этого же имени могучий поток Драммс-эльв, занимающий по важности второе место между реками Норвегии, походит сначала, по своей правильной ширине, составляющей от 2-х до 3-х километров, и по своей значительной глубине, превышающей, средним числом, 100 метров, на все другие заливы того же рода; но, дойдя до Свердвикенской теснины, он вдруг съуживается до нескольких сот метров и превращается в реку, имеющую всего только 5 метров глубины, и течение которой, по наблюдениям Кьерульфа, постоянно направляется к морю во время разлива вод, со скоростью 15 километров в час в период отлива, и от 7 до 9 километров—в период прилива.

Многие фьорды, прерываемые скалистыми барьерами, были совершенно разделены на независимые один от другого бассейны: в верхней части залив, питаемый тающими снегами и ручьями, превратился в пресноводное озеро; в нижней части он сохранил соленую воду. Простой исток, журчащий среди камней, поддерживает сообщение между верхним и нижним резервуарами. Но, кроме этих естественных запруд, уменьшивших длину заливов и тем самым увеличивших область твердой земли, есть много других, которые не поднимаются до морской поверхности, или, по крайней мере, образует лишь цепи подводных камней: так, например, в Согнефьорде морены, отложенные некогда на дне, лежащем на тысячу слишком метров ниже нынешнего уровня морей, поднимаются до 182 и до 54 метров от поверхности вод[4]. Большинство фьордов частию завалены при устье этими подводными грудами камней, которым жители северной Норвегии дали название havbroen или «морских мостов»[5]. Фьорд Христиания по обе стороны окаймлен замечательно правильными валами из мелких камней, которые суть не что иное, как древние морены, выдвинутые за черту материка[6].

Как объяснить происхождение естественных запруд или плотин, следующих на некото-

1 Hartung, „Thal-und Seebildungen“, „Zeitschrift fur Erdkunde“, 1878, № 76.
2 A. Blytt, „Om Vegetations-forholdene ved Sognefjorden“.
3 Карл Фогт, „Путешествие на север, в сопровождении Гресли, Гассельгорста и Герцена“.
4 Edmund Helland, „On the fjords, lakes and cirques of Norway and Greenland“.
5 Horbye, „Observations sur les phenomenes d’erosion en Norvege“
6 Th. Kjerulf, „Om skuringsmaerker, glacialformationen og terrasser“.

ром расстоянии одна за другой от устья фьордов до их верхней оконечности? Наблюдения геологов позволяют ответить с уверенностью на этот вопрос. Некоторые из этих каменных барьеров суть пороги между двумя долинами, подобные порогам, встречающимся на выступившей из-под воды твердой земле[7]; другие состоят из откосов, образовавшихся путем размывания; но многие, очевидно, представляют древние морены, во всем похожия на те, которые были оставлены прежними ледниками в выступивших из-под воды долинах, при основании гор. Да и самые фьорды разве не свидетельствуют о пребывании в них древних ледяных потоков? Так же, как заливы (firths) Шотландии, скандинавские фьорды существовали ранее ледяного периода, и именно благодаря наполнявшим их огромным массам кристаллической воды, они и могли сохраниться в своей первоначальной форме: единственное изменение, которому они подверглись под давлением ледяных масс, состояло в том, что бассейн их был вырыт глубже, а стенки и ложе этого бассейна были выровнены и отшлифованы движущимися глетчерами. Между тем, как в климатах теплых или менее влажных заливы были мало-по-малу засыпаны наносами впадавших в них речек и ручьев и морскими песками, в то время, как некоторые области самого океана, как, например, Северное море, были почти сплошь завалены каменными обломками и землистыми частицами до 60 или до 100 метров от поверхности воды,—впадины норвежских фьордов постоянно сохраняли одну и ту же глубину; по мере отступления льдов, оставлявших там и сям следы своего пребывания, в виде фронтальных морен, воды вторгнулись в эти пропасти, из которых многие имеют более значительную глубину, чем окружающие моря.

Но с той поры, как ледяной период, по ныне продолжающийся еще в Гренландии, окончился для Скандинавии, протекло неизвестное число веков. Ледники постепенно отступили внутрь фьордов, затем нижняя их оконечность, которую более не омывали волны морские, поднималась все далее и далее в углублениях, открывающихся на склонах гор. Тогда-то началась для проточных вод и для моря громадная геологическая работа засыпания заливов. Речные воды приносят землистые частицы и отлагают их в виде ровных плоских берегов у подошвы гор, в то время как море раскладывает в виде песчаных или илистых поясов все обломки скал, которые оно подтачивает своими волнами. В большом числе фьордов этот процесс преобразования области вод в твердую землю сделал уже весьма чувствительные успехи, и если бы нам известен был вековой прирост отложения наносов, то мы могли бы вычислить приблизительно эпоху, в которую льды покинули впадины фьорда. На всей выпуклости южных норвежских берегов, которая развертывается между фьордом Порегрунд и большим Ставангерским заливом, почти все древние иссечения морского прибрежья уже исчезли: от них остались только бухточки, маленькия гавани, озера, пруды, болотистые луга. В этой области, обращенной к полуденному солнцу и хорошо защищенной от северных ветров массой плоскогорья, ледники перестали существовать гораздо ранее, чем на западных берегах, обращенных к дождливым ветрам Атлантического океана, и этого периода было достаточно, чтобы превратить в твердую землю почти все древние вырезки берега, о существовании которых мы узнаем из геологических исследований местности. От этих засыпанных фьордов юга Норвегии до фьордов, еще цельных, северного прибрежья, где льды продолжают спускаться почти до самого моря, можно наблюдать всевозможные переходные степени. Норвегия, одна из любопытнейших стран земного шара по образованию её плоских возвышенностей и морских берегов, так же, как и по происходящим в ней явлениям всякаго рода, есть, повидимому, та страна, где всего скорее может быть окончательно решен вопрос относительно продолжительности нынешней геологической эпохи. Там каждый ледяной поток, еще существующий, каждое древнее ложе ледника рассказывает во всех подробностях историю перемен климата в течение периода, следовавшего за ледяными веками; каждый фьорд представляет, так сказать, метеорологический и геологический аппарат, указывающий подводными камнями своих древних морен, проведенными льдом чертами и бороздами своих стен, наносами своих ручьев все изменения, какие совершались в местной среде. Поэтому

7 Th. Kjerulf, „Die Eiszeit“, немецкий перевод Гартунга.

естественно является вопрос—нельзя ли путем тщательного сравнения этих явлений определить продолжительность современного периода и дать этому циклу, как годам и столетиям, точный смысл, который позволил бы отвести ему надлежащее место в строгой хронологии? Попытка в этом роде была уже сделана геологом Теодором Кьерульфом в его исследовании о проведенных льдами чертах на боках скал, о глетчерах, формациях и террасах Норвегии[1].

IV.

На восточном скате Скандинавского хребта фьордам соответствуют озера: понижение уровня почвы превратило бы их в заливы, наполненные соленой водой, точно так же, как повышение его имело бы следствием изменение в пресноводные озера фьордов норвежского берега. Есть даже множество долин, которые перерезывают по всей ширине хребет Кьелен или массивы южной Норвегии, и дно которых покрыто там и сям болотами и маленькими озерами, которые, повидимому, суть не что иное, как остатки древнего пролива, открывавшагося между фьордами двух склонов. Как на пример этих длинных болотистых рвов, соединяющих две противоположные покатости, указывают обыкновенно на ущелье, открывающееся к югу от горных цепей Снегеттен и Доврефьельд. Озеро, называемое Лесьескогенванд и лежащее на высоте 623 метров, занимает как раз высшую точку прохода, и поверхность его то увеличивается, то уменьшается, смотря по обилию дождей и тающих снегов; из каждой оконечности этого живописного озера, усеянного островками, вытекает река: на северо-западе—Раума, впадающая в Мольде-фьорд; на юго-востоке—Лоуген, которая изливается в Большой Мьезен и оттуда в фьорд Христиания. Отступая внутрь материка, ледники оставили после себя в этих озерах, так же, как и в фьордах, морены, которые там и сям разделили их на особые бассейны, или существование которых обнаруживается только мелями или разорванными перешейками, постепенно выровненными на поверхности действием вод; поднятые впоследствии вместе с окружающей их почвой, эти морены имеют вид террас, как будто они образовались из обыкновенного речного аллювия. Наносы горных потоков подвигаются все далее и далее в виде постоянно растущих равнин, и так же, как новообразовавшиеся земли фьордов, они со временем дадут возможность исследователям вычислить продолжительность веков, протекших с конца ледяного периода в Скандинавии. Многие из этих озер до сих пор сохранили еще характер фьордов и большую, чисто-морскую глубину. Английский ученый Гелланд измерил летом более пятидесяти этих остатков фьордов и нашел, что в одном из них, в озере Гвенингдальс-ванд, лежащем в Ромсдальском округе, глубина достигает 486 метров, то-есть дно лежит на 432 метра ниже уровня моря[2].

Но не одни только бассейны озер и фьордов свидетельствуют о действии древних льдов, спускавшихся с норвежских гор. Повсюду в стране почва сохранила следы прохождения ледяных масс, и даже далеко за пределами полуострова встречаются во множестве доказательства действия скандинавских ледников. Швеция и Норвегия составляют только незначительную часть того огромного пространства, по которому рассеялись льды и камни с хребтов Кьелен и Доврефьельд. Финляндия, треть Европейской России, вся Северная Германия, Дания лежат в пределах громадной области, обнимающей 3 или 4 миллиона квадратных километров, поверхностные земли которой обязаны своим происхождением в весьма значительной степени обломкам, принесенным некогда с гор Скандинавии и с восточного Кьелена, с прибавкой обломков местных скал, захваченных на пути ледяной скатертью. За исключением очень глубокого рва, образующего пролив Скагерак, который, как кажется, прежде был фьордом[3], прибрежные моря Скандинавии, средняя глубина которых столь незначительна в сравнении с теперешней глубиной океана, суть ложа всех этих древних ледников, и в некоторых местах даже открыли явные следы их ниже нынешних берегов. Полосы, начертанные движущимися льдами, продолжаются под водой в море: так, например, в Карлскроне Аксель

1 „Om skuringsmaerker, glacialformatienen og terrasser“, 1871.
2 „On the fjords, lakes and cirques in Norway and Greenland“.
3 Mohn, „Mittheilungen von Petermann“, XI. 1876.

Эрдман проследил их до глубины 7 метров; ниже эти полосы изглажены действием воды, или покрыты песком. Для средней глубины морей, окружающих Скандинавский полуостров, Отто Крюммель дает следующие цифры:

Средняя глубина: Балтики—67 метров; Северного моря—89 метров; океана—3.432 метра.

Уже более полустолетия тому назад Эсмарк объяснял рассеяние эрратических камней движением скандинавских ледников. Во Франции Шарль Мартен был первый из геологов, изложивший теорию древнего распространения льдов по всему скандинавскому северу; с 1840 года он поддерживал это мнение, оспариваемое в то время такими светилами науками, как Берцелиус и Мурчисон, но ныне принятое всеми учеными. Следы действия льдов, полосы или черты на скалах, полировка боков каменных масс, морены, эрратические камни—слишком очевидны, чтобы можно было отрицать их существование: нет такой геологической карты Скандинавии, где бы форма холмов не свидетельствовала о прохождении глетчеров; нет местности, где бы не бросались в глаза, так же, как в швейцарской равнине или на южных берегах ломбардских озер, так называемые «моренические пейзажи», столь замечательные их пригорками, их каменными плотинами или валами, покрытыми ковром зелени, их маленькими озерами и болотами, рассеянными среди полей. Как во всех странах, которые некогда были покрыты льдами, мы видим в Скандинавии кучи глетчеровой грязи и эрратические камни в столь большом числе, что во многих местах они придают всей стране особенную, совершенно своеобразную физиономию; но обращают на себя внимание наблюдателя только те из них, которые отличаются громадными размерами, странной формой или колебанием их массы, лежащей на узком основании. Даже издали путешественник, плывущий вдоль южных берегов Норвегии, явственно различает по округленной форме мысов, по «курчавому», напоминающему барашков, виду скал, по общей физиономии всей страны, что льды полировали камень, скользя по его граням, в течение длинного ряда веков. Во внутренней Швеции холмы как будто срезаны ножем на некоторой высоте: поднявшись по скатам их на вершину, мы очутимся на плато почти совершенно гладком, выдающиеся скалы которого были некогда стерты колоссальной ледяной массой. Выровненная движением ледников, страна приняла в высшей степени однообразный, монотонный вид. Даже столы из лавы, разлившейся по древним формациям в соседстве с большими озерами, несколько изменили свой наружный вид с тех пор, как льды сгладили их выдающиеся точки и неровности. В виде примера, можно указать на две многоугольные горные массы Галлеборг, или Галлеберг, и Гуннеборг, или Гуннеберг, отделенные одна от другой узкой долиной или ущельем, где проходит железная дорога из Венерсборга в Иеикепинг. Едва взберешься по крутизнам на вершину той или другой из этих гор, как взорам представляется обширное, слегка бугристое плато, усеянное эрратическими камнями, между которыми расстилаются болота и озера.

Расходящиеся колеи, начертанные льдами вокруг горных масс, легко различить, во многих местах даже при взгляде на простую карту, так что наблюдателю нет надобности лично осматривать местность. Точно также картографическое изображение того или другого речного бассейна совокупностью своих черт рассказывает нам о различных явлениях, сопровождавших движение древних ледников: мы видим на карте их ложе, их крутые берега, направление, по которому они следовали, препятствия, какие они встречали на пути. Острова, целые архипелаги, отчетливо ограниченные окружающими их водами, сохраняют еще совершенно явственные знаки резцов, которыми была иссечена их поверхность. Тем не менее вид страны иногда вводит в заблуждение, и было бы ошибочно приписывать, как это делают иные исследователи, действию ледников некоторые параллельные сгибы или складки формаций, которые были изогнуты действием боковых давлений. Так, например, группа островов, лежащая в Кристианиа-фьорде, непосредственно на западе от норвежской столицы, состоит из земель, которые все ориентированы с северо-востока на юго-запад, все иссечены бухточками и отделены одна от другой проливами, имеющими то же самое направление; даже хребты этих островов, фарватеры проходов, песчаные мели, представляют парал-

лельное расположение. Но древние глетчеры тут, очевидно, не причем, ибо, как мы видели выше, полосы и борозды, начертанные движением ледяных масс, тянутся в направлении перпендикулярном ко всем этим параллельным сгибам[1].

Если отныне легко объяснить происхождение полос, наблюдаемых на скандинавских скалах, то гораздо труднее отдать себе отчет в образовании так называемых азаров или озаров (osar—множественное число от as), узких насыпей разной высоты, от 3 до 60 метров, которые встречаются тысячами в Скандинавии, в Финляндии и в северной России. Низкие и короткие в верхних долинах, где они известны под именем kross-stens-osar, насыпи эти, вступая в шведскую равнину, образуют параллельные валы, которые тянутся, с небольшими перерывами, на значительных расстояниях, иногда даже на пространстве целого градуса широты и более. Почти параллельные глетчерным чертам и бороздам, в направлении с севера на юг и юго-восток, с волнообразными изгибами вправо и влево, на подобие извилин реки, валы эти принимают в себя также боковые азары, которые все воспроизводят общий тип ядра (karn), состоящего из округленных или угловатых камней всякой величины, неслоистых и покрытых «плащем» из ила и песку, хорошо промытых и наслоенных водами. Сначала остановились было на мысли, что азары не что иное, как морены огромных размеров; но тщетно искали ложе ледников, которое эти валы должны бы были окаймлять по всей их длине; при том же и камни ядра здесь более округленные, чем камни боковых морен на Альпах. На этом основании, знаменитый шведский натуралист Берцелиус отрицал даже непосредственную связь причины и следствия между ледниками и азарами[2].

Аксель Эрдман приписывает образование азаров действию морских вод, которые, по его мнению, вследствие изменений уровня почвы, передвигали камни морен, нанесенные горными потоками[3]. Правда, многие азары, между прочим, тот, который находится непосредственно на севере от Стокгольма, покрыты морскими раковинами тех же видов, какие водятся и в нынешнем Балтийском море: но эти раковистые отложения составляют лишь поверхностный слой валов и образовались в эпоху временного понижения почвы, имевшего место уже после ледяного периода. Две главные теории остаются на лицо: одна, предложенная Тернебомом, видит в азарах валы из обломков, обязанные своим происхождением подледниковым ручьям, как подобные же холмы Гренландии; другая разсматривает их как результат своего рода разделения труда в моренах дна[4]. Смотря по материалу, из которого состоит их главная масса, высокие валы азаров известны под именем зандазаров, или «песчаных холмов», и рульстеназаров, или «галечных холмов». В некоторых валах этого рода встречаются также воронки (sgropar), круглые или эллиптические ямы. имеющие до 300 метров и более в окружности и различную глубину, от 3 до 20 метров; дно их наполнено глиной, которая некогда была отложена водами, имевшими коловратное движение[5]. В Стремсгольмском азаре насчитывают 39 таких воронок на пространстве около 140 километров[6]. Эти следы древних водоворотов не служат ли, как и бесчисленные «котлы великанов», доказательством действия ручьев и речек, бежавших по ледяной поверхности, и русло которых постоянно перемещалось, по причине встречавшихся им препятствий?[7] В Норвегии, где скаты возвышенностей гораздо круче, чем в Швеции, и где, следовательно, ручьи и реки имели менее значительное протяжение от горных цирков до моря, азары, известные в крае под именем raer, не достигли такого развития, как в соседней стране, и валы эти, по Кьерульфу, смешались по большей части с моренами. Норвежское же слово aas применяется безразлично ко всяким высотам, даже к скалистым вершинам.

1 Th. Kjerulf, „Carte geologique“; Albert Heim, „рукописные заметки“

2 Th. Kjerulf, „Die Eiszeit“, немецкий перевод Гартунга.

3 Ch. Martins, „Bull. de la Soc. Geol.“, 1845,1846;—Robert Chambers, „Edinburgh New Philosoph. Journal“, 1853;-Axel Erdmann, „Carte geologique de la Suede“.

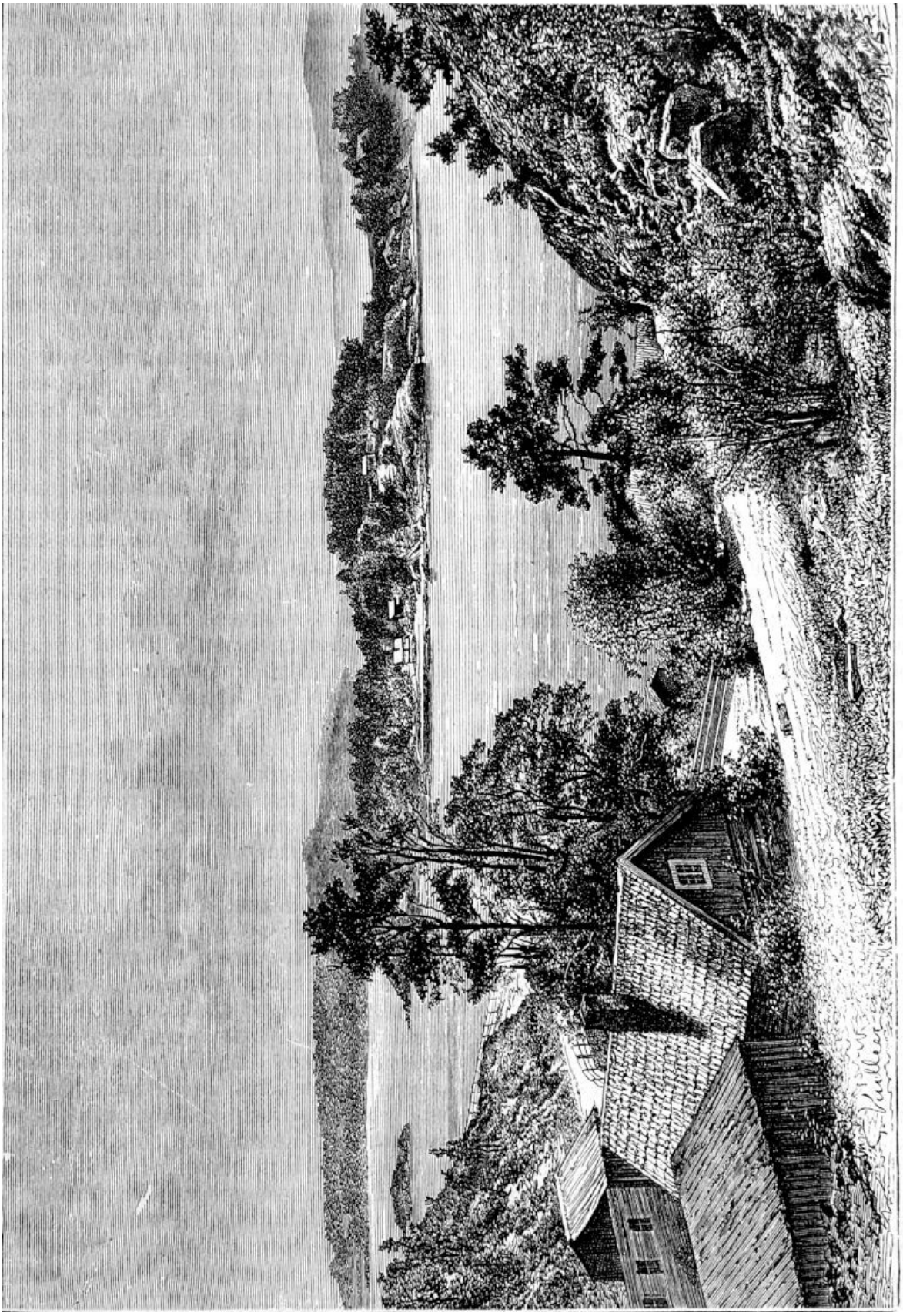
4 П. Кропоткин, „рукописные заметки“.

5 „Geologiska Foreningens i Stockholm Forhandlingar“, t. I

6 A. Erdmann, „Expose des formations quaternaires de la Suede“ .

7 Tornebohm, „рукописные заметки“.

Из многочисленных азаров Скандинавии самый известный и чаще других описываемый путешественниками есть та длинная цепь, которая, под разными названиями, Брункебергс-ас, Лангазен и другими, тянется, на пространстве слишком 100 километров, от балтийского



Острова Фьорда Христіанія.

поморья, на юге от Стокгольма, до окрестностей Упсалы. От берегов моря до озера Веттерн, близ Аскерзунда, насчитывают не менее восьми главных азаров, не говоря уже о множестве соединяющихся с ними второстепенных разветвлений, и между этими естественными вала-

ми есть такие, которые значительно превосходят по длине упомянутую Брункебергскую цепь. От берегов озера Меларен или Меларского, близ Энкепинга, можно проследить один из этих кордонов, состоящих из древней гальки, на протяжении 300 и 340 километров в северном направлении. Дороги пролегают обыкновенно по хребту азаров или идут вдоль их откосов, чтобы избежать болот и сырых, топких пространств, которые тянутся по обе стороны вала; для переправы через озера, азары, выступающие над поверхностью вод, служат естественными дамбами, до которых путешественник легко может добраться с берега при помощи нескольких ударов весла. В Меларском озере вся западная часть озера, образующая малый бассейн, почти совершенно отделена от большего бассейна одним из подобных валов, отличающимся замечательною правильностью.

V.

Слои морских наносов, залегающих на землях, ныне выступающих из-под воды, свидетельствуют о движениях, которые колебали почву Скандинавского полуострова со времен ледяного периода. Сначала материк опустился или осел, и уровень моря повысился, относительно берегов, на 150 и на 200 метров, а в некоторых местах даже на 300 слишком метров, как это доказывают отложения морского происхождения, с остатками арктических животных, лежащие на горных породах, изборожденных проходившими льдами. Затем последовало движение в обратном направлении снизу вверх, и почва поднялась, выдвинув на поверхность земли формации, отложенные в предшествовавшую эпоху на дне моря. Во время этих колебаний уровня почвы, рельеф Скандинавии должен был измениться, доказательством чего служит, между прочим, тот факт, что очертания выступивших из-под воды островов и полуостровов не везде походят на контуры земель, которые были поглощены морем. Так, например, обширная силурийская область, которая простиралась, в первые времена ледяного периода, вдоль шведского берега, непосредственно на север и северо-запад от Аландских островов, не выступила из-под воды при вторичном появлении прибрежных равнин Балтики. О древнем существовании этой силурийской территории напоминают многочисленные глыбы известняка и песчаника, перенесенные ледниками или пловучими льдами далеко на юг, даже до ближайших окрестностей Стокгольма; но всего более напоминает об ней очень плодородная почва известкового происхождения, покрывающая всю часть морского прибрежья, заключающуюся между Гефле, Вестерасом и Стокгольмом. Эта плодоносная земля образовалась вследствие постоянного разрушения пловучими льдами слоев известняка, глины и сланцев, которые некогда занимали нынешнюю морскую область, простирающуюся на восток от Гефле[1].

Понижения и повышения почвы представляются во многих местах фактами до того очевидными, что ни один геолог не мог отрицать древнего поднятия скандинавских равнин; но вера в быстрые, внезапные перевороты на земной поверхности, в геологические катаклизмы, была прежде всеобщая, и все думали, что изменения уровня между твердой землей и морями были делом одного дня и совпадали с преобразованием всей экономии нашей планеты. Велико было удивление, когда первые наблюдатели заговорили о непрерывном перемещении берегов, совершающемся чрезвычайно медленно, и знаменитейшие ученые, слепо привязанные к идеям, которые они проповедывали и которые доставили им громкую известность, долго отвергали, как ересь, новую гипотезу, представленную на их воззрение. Однако уже с незапамятных времен крестьяне и рыбаки, жители берегов Ботнического залива, знали, по собственному наблюдению, о постепенном приращении их берегов и уменьшении соседних морских вод; старики показывали разные пункты прибрежья, до которых во времена их детства доходило море, а внутри материка—плоские берега, некогда начертанные волнами. Кроме того, названия местностей, более или менее континентальное положение прежних, ныне покинутых портов, здания, построенные когда-то на берегу и очутившиеся внутри материка, обломки судов, найденные вдали от моря, наконец, письменные памятни-

1 Axel Erdmann, „Expose des formation quaternaires de la Suede".

ки и некоторые места в народных песнях—все это не оставляло ни малейшего сомнения насчет постепенного отступления морских вод. Первоначальный город Лулеа, основанный королем Густавом Адольфом, как будто отодвинулся на несколько километров к западу в период времени, обнимающий полтора столетия: из прежнего приморского порта он превратился в сельское местечко, удаленное от моря, так что пришлось выстроить на востоке от него новый город[1]. В 1730 году, Цельзий первый счел себя в праве, основываясь на сравнении всех собранных свидетельств и замеченных признаков, высказать гипотезу не поднятия почвы Скандинавского полуострова, но постепенного понижения уровня Балтийского моря, средним числом, на величину немного большую одного сантиметра в год. Стокгольмские теологи обвинили его в нечестии, и даже в парламенте представители двух сословий, духовенства и горожан, осудили его «гнусное» предположение[2]. Однако, заметка, высеченная на камне в 1731 году Цельзием и Линнеем у основания одного утеса на острове Лефгрунд, недалеко от Гафле, обнаружила, тринадцать лет спустя, разность уровня, исчисленную в 18 сантиметров. В 1749 году один путешественник, теперь забытый, австриец Гелль, также утверждал, что поверхность северного Атлантического океана понижается близ мыса Норд-Кап, вокруг острова Маазе[3].

При настоящем состоянии наших знаний, невозможно бы было отвергать во всем её объеме гипотезу Цельзия, по которой повышение берегов северной Скандинавии приписывается понижению уровня Балтийского моря. Теперь известно, что поверхность моря не отличается совершенной, геометрической правильностью, и что воды имеют большую или меньшую высоту в некоторых областях моря, причину чего нужно искать в местных притяжениях соседних гор или глубоких слоев: так, в самой Балтике, точные тригонометрические измерения показали, что поверхность этого внутреннего моря почти на полметра выше у берегов Мемеля, чем у берегов Киля и Эккернферде[4]. Однако, как это утверждал уже Лаццаро Моро, слишком сто лет тому назад, не море, а земля является стихией по преимуществу подвижной и изменчивой: это земля поднимается и понижается относительно малоподвижного уровня океана. В 1807 году Леопольд фон-Бух первый ниспроверг гипотезу Цельзия и провозгласил, что вся масса Скандинавского полуострова поднимается вековым движением над поверхностью окружающих морей. С того времени геологи открыли и исследовали явления поднятия на многих других морских берегах, в Старом и Новом Свете, и даже на островах Океании; но из всех стран земного шара Скандинавия все-таки имеет по этому вопросу первенствующее значение, так как в ней сделано было сравнительно наибольшее число наблюдений над движениями почвы: она есть, так сказать, тип, с которым сравниваются все другие земли, медленно поднимающиеся над уровнем моря[5].

Морские остатки, свидетельствующие о недавнем появлении скандинавских земель, встречаются в очень многих местах полуострова. Так, в некоторых пунктах внутри страны были открыты кости китообразных животных. Например, в 1860 году нашли на северо-востоке от города Варберг, близ озера Везеланген, на высоте около 20 метров, остатки, которые были признаны Лильеборгом принадлежавшими одному виду кита (Balaena mysticetus). Слои современных раковин идут уступами по бокам холмов или гор на различных высотах, даже до высоты 178 метров, недалеко от Трондгьема[6]; впрочем, нужно заметить, что морские раковины, находимые на этих террасах, в разных ярусах, не все принадлежат в точном смысле к одной и той же фауне. Самые верхние слои состоят из видов арктического пояса, родичи которых живут еще на берегах Шпицбергена; ниже слои этого рода составлены из видов фауны менее холодного климата, и наконец, вблизи берегов раковины совершенно та-

1 Leopold von Buch, „Reise durch Norwegen und Lappland“.
2 Anton von Etzel, „Die Ostsee“.
3 Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.
4 „Mittheilungen von Petermann“, 1875, S. 229.
5 Lyell, „Rise of Land in Sweden, Philosophical Transactions”, 1835.
6 Th. Kjerulf; Mohn, „Nyt Magazin for Naturvidenskaberne“, Christiania, 1876.

кия же, какие и ныне водятся в соседних морях. Этими последовательными ярусами раковин можно измерять постепенное улучшение климата страны, в течение всего периода повышения почвы, который и теперь еще продолжается для Скандинавии[1].

Следы недавнего поднятия берегов во многих местах очень хорошо видны с моря: острова, мысы носят еще на различных высотах выступившие из-под воды поясы древних берегов. Около Трондгьема прежний высокий берег так ясно обозначен, что из города его далеко можно проследить взором по скату горы. Но особенно на прибрежье Финмаркена можно без труда различить высокие берега, покинутые морем, так как там вид не загорожен деревьями и кустарником. Над Вадсе, прибрежным городком Варангер-фьорда, виден на боках соседнего плато ряд следующих один за другим огромных уступов, подобных ступеням лестницы: это—прежние, оставленные водами берега, из которых один имеет не менее 743 метров в ширину и которые покрыты мелкими камнями, совершенно похожими на голыши, устилающие нынешний берег, хотя эти камни одеты мхом и слегка изгрызены разрушительным действием стихий. Тромсе, главный город северной провинции, весь построен на поднявшемся пляже, где находятся целые залежи раковин тех же видов, которые живут ныне в соседнем море. Над этим поднятым берегом, который тянется белой полосой по всей окружности островов и твердой земли, взор ясно различает другую террасу, высота которой, относительно первой, изменяется от 4 до 6 метров, и где расположена большая часть рыбачьих домиков; на этом древнем берегу морские раковины также встречаются в большом количестве. Наконец, еще выше метров на 12, виден третий пляж, который, впрочем, частию покрыт грудами обломков, осыпавшихся с верхних скал.

На шведских берегах Балтики восходящее движение материка совершается быстрее с северной стороны. Между тем как на северной оконечности Ботнического залива постепенное поднятие почвы исчисляется равным 1 метру 60 сантиметрам во сто лет, оно не превышает, напротив Аландских остров, одного метра, а около города Кальмара, как полагают, относительный уровень земли и моря не изменяется. Крайняя южная оконечность Скании, которая теперь, быть может, опять поднимается[2], прежде, повидимому, постепенно погружалась в волны Балтийского моря. Многие улицы городов Треллеборга, Истада, Мальме уже исчезли под водой; последний из этих городов со времени наблюдений, произведенных Линнеем, понизился на полтора метра, и морской берег потерял, средним числом, пояс земли шириною в 30 метров. Потонувшие леса и слои торфа, находимые в некотором расстоянии от нынешних берегов, и в которых попадаются разные металлические вещи, привели геологов к заключению, что общее понижение почвы, начиная с девятого столетия, составляло от 4 до 5 метров. Основываясь на этих явлениях, ученые сравнивают Скандинавский полуостров, по крайней мере, во всей его восточной части, с твердою плоскостью, поворачивающеюся как-бы на шарнире, который лежит в соседстве города Кальмара. Благодаря этому качательному движению, Ботнический залив, по мнению геологов, медленно переливается в южный бассейн Балтийского моря, и если постепенное поднятие морского дна будет продолжаться с такой же правильностью, как с половины прошлого столетия, то трех или четырех тысяч лет достаточно будет, чтобы превратить в перешеек архипелаг Кваркенских островов, лежащий в соседстве с устьем реки Умеа, и чтобы сделать пресноводное озеро из всей северной части этого залива.

Но на берегах Норвегии восходящее движение твердой земли далеко не представляет такой же правильности, и нигде оно, повидимому, не совершается так быстро, как в шведском Норрланде; кажется даже, что явление поднятия почвы вовсе не имело места во многих пунктах норвежского прибрежья, даже на севере. Так, например, остров Тиэтэ, упоминаемый в скандинавских сагах, является и в наши дни большим низменным островом, каким

1 Sven Loven, „Memoires de l'Acad. des Sciences de Suede"; 1839, 1846;—Nilsson, „Les Habitants primitifs de la Scandinavie".

2 Axel Erdmann, „Geol. Forenis i Stockholm Forhandl.", t. I, p. 93;—Jentzsch, „Physisch-oekonomische Gesellschaft zu Konigsberg", 1875, № 2.

он был в первые времена истории Норвегии; по мнению Кейльгау, поднятие острова Мункгольмен, близ города Трондгьем, не могло превышать 6 метров в течение десяти последних столетий, ибо сохранившиеся на этом острове старинные постройки были, без сомнения, воздвигнуты выше уровня моря; наконец, один подводный камень в Трондгьемской бухте, на который пловец мог становиться во время первых викингов, находится все-еще на той же глубине под водой. В Христиании, по заключению Э. Роберта, не произошло ни малейшего повышения уровня почвы в последние триста лет; но другие наблюдатели, напротив, нашли подъем, равный 31 сантиметру в столетие для Мосса и берегов Кристианиа-фьорда[1]. Впрочем, древние морские берега, которые тянутся уступами по бокам гор норвежского прибрежья, как кажется, не везде держатся на одной и той же высоте. Древний берег около г. Трондгьема, по словам Кьерульфа, совершенно горизонтален: но измерения, произведенные французским исследователем Браве, показали, что линии размыва в Альтен-фьорде, близ Боссекопа, не параллельны между собою, и что скалистые массы, лежащие около дна заливов, были поднимаемы с наибольшей энергией[2]. На восточной оконечности фьорда, две лежащие одна над другой террасы находятся, соответственно, на высотах 67,4 и 27,7 метров над уровнем моря; по по направлению к выходу из фьорда эти плоские берега постепенно понижаются и при устье лежат уже только на высотах 28,6 и 14,1 метров. Так же, как и в настоящем периоде, колебания, происходившие в массе Скандинавского полуострова в течение ледяного периода, были очень неравномерны. Тогда как на северном скате плоской возвышенности Смаланд и Вестроготии глины подводного образования, выступившие в виде берегов, находятся на высоте 200 и даже 230 метров над уровнем нынешнего моря, в южном Голланде и на южных границах плоскогорья Смаланд они лежат гораздо ниже, на высоте около 58 метров; наконец, в Скании мы находим их на высотах от 15 до 30 метров[3].

Периоды поднятия почвы, по всей вероятности, нередко сменялись более или менее продолжительными эпохами покоя, ибо если большая часть террас суть ледниковые морены, выровненные волнами, и древние дельты, образовавшиеся из аллювия, нанесенного реками из внутренней части страны[4], то есть между ними и такия, которые были вырыты водами в толще скалы. Но подобные выемки, очевидно, могли быть высечены в твердом камне только продолжительною работой вод в течение значительного числа столетий: каменные пласты, медленно выступающие из-под воды, могли бы быть только слегка, в слабой степени повреждены или размыты волнами на поверхности[5]. Далее, как иначе объяснить, если не продолжительной приостановкой в восходящем движении морского прибрежья, происхождение так называемых «котлов великанов», или jattegryter, которые высверлены камнями, кружившимися от действия морской волны, до весьма значительной глубины в некоторых пластах гранита или сланца? На западе от мыса Линдеснес, недалеко от устья реки Сире-эльв, одна из береговых террас, выровненная беспрестанными ударами волн, продолжается внутри плотной скалы целым рядом овальных ям, или «котлов», совершенно правильной формы, просверленных горизонтально в стене, и один из этих котлов имеет 8 метров глубины. Очевидно, скала должна была долго оставаться на одном и том же уровне для того, чтобы воды могли окончить эту геологическую работу. Однако, нужно знать, не представляет-ли она в этом месте слабых точек, где морская волна могла легко проникать и производить свое разрушительное действие? По мнению Ляйфля, поднятие норвежского берега обнимает период времени по меньшей мере в 24.000 лет[6]. Кьерульф, напротив, полагает, что восходящее движение этого берега совершалось гораздо быстрее, в доказательство чего ссылается на многочисленные водопады морского прибрежья и большую глубину фьордов[7]. С конца ледя-

1 T. Kjerulf, „Stenriget og Ejeldlaren“.
2 Voyage en Scandinavie, a bord de la „Recherche“.
3 Axel Erdmann, „Expose des formatione quaternaires de la Suede“.
4 Sexe, „On the Rise of Land in Scandinavia“.
5 H. Mohn, „Strandlinier, i Norge“, „Nyt Magazin for Naturvidenskaberne“, Christinia. 1876.
6 „Antiquity of Man“.
7 „Om Terrasserne i Norge og deres Betydning for Tidsregningen tilbage til Istiden“.

ного периода ручьи еще не успели выровнять своего ложа и заполнить своими наносами глубокия пропасти заливов, в которые они низвергаются в виде водопадов, но сколько веков нужно, чтобы выровнять русло большой реки!

В настоящее время между скандинавскими геологами наиболее распространенное мнение то, что давление внутренних сил действует не равномерно на всем протяжении полуострова от севера к югу, но что оно проявляется, так сказать, волнообразно, оставляя между различными областями повышения промежуточные пространства неподвижные или по крайней мере поднимающиеся очень медленно[1]. Но эта теория может быть окончательно поставлена вне всяких сомнений только посредством точного наблюдения и сравнения заметок, вырезанных на камне в разных частях морского прибрежья и на берегу внутренних озер. С 1852 года наблюдают изо дня в день средний уровень моря и скандинавской равнины на тринадцати пунктах морского берега и на берегах озер Мелар, Гьельмарен, Веттерн и Венерн. Благодаря этим точным измерениям, которые до сих пор, повидимому, констатировали неравномерность действия подъемляющей силы, можно будет рано или поздно отдать себе отчет в колебаниях почвы и уяснить, в какой мере горы Скандинавии участвуют в движениях морского цоколя, на котором покоится их масса.

Где искать причину повышений уровня почвы, впервые замеченных в Скандинавии? Должны ли мы смотреть на эти поднятия как на местное явление, не имеющее непосредственной связи с другими колебаниями европейского континента, или как на факт, зависящий от общей, планетной жизни земного шара? Действуют ли в этом случае одновременно многие причины, то нейтрализируясь взаимно, то соединяясь одна с другой? При настоящем состоянии наших знаний еще невозможно отвечать на эти вопросы с полною уверенностью. Оскар Пешель[2] ставил вопрос, не происходят ли колебания почвы Скандинавского полуострова от изменений в объеме, которым беспрестанно подвергаются кремнекислые соединения, входящие в состав горных пород. Кристаллизуясь, силикаты занимают меньшее против прежнего пространство; они сжимаются, и, вследствие того, вся налегающая на них масса опускается; но под влиянием угольной кислоты, выделяемой бесчисленными организмами, живущими в море, скалы снова расширяются[3], и материк поднимается. Таким образом, благодаря бесконечно малым существам, населяющим океан, земли постепенно выступают из-под воды.

VI.

Краткость периода, протекшего со времени ледяной эпохи, есть, вероятно, одна из главных причин того состояния недоконченности, в котором еще находятся приморские скаты этой страны. Главная геологическая работа проточных вод, как известно, состоит в том, чтобы регулировать, выравнивать скаты, придавая им форму параболической кривой на всем протяжении текущей жидкой массы, от истока до устья. Различия формаций, по которым движется вода, колебания уровня почвы, тысячи взаимно переплетающихся явлений планетной жизни не позволили еще ни одной реке земного шара довести до конца эту работу; но нигде неправильность речных русл не является столь значительной, как в Скандинавии: здесь эти русла представляют ряд уступов, а не правильную кривую, указывающую на продолжительное действие текущей воды[4].

Уже на норвежских плоскогорьях и высоких долинах, служащих проходами между двумя противоположными скатами, как мы видели выше, пруды и озера довольно многочисленны. Но со стороны северного Атлантического океана крутые склоны возвышенностей имеют слишком незначительную ширину, чтобы могли удерживать много озер в своих гранитных

1 Axel Erdmann, „Memoires de l'Academiedes Science de Suede", 1856.

2 „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde".

3 Bischoff, „Lehrbuch der chemischen und physikalischen Geologie".

4 Hartung, „Beitrag zur Kenntniss von Thal-und Seebildengen, Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde", № № 4 и 5 за 1878 год.

водоемах, а озера, которые расстилаются у подножия приморских гор, суть не что иное, как отрывки, отрезанные от фьордов; на шведской же покатости и на норвежских скатах, обращенных к Каттегату и Скагер-Раку, бассейны, наполненные водой, рассеяны повсеместно в огромном множестве. Южная Финляндия—единственная страна в Европе, где озерные бассейны, относительно, еще многочисленнее. Поверхность, покрытая озерами, в Скандинавии, составляет приблизительно тринадцатую часть всего пространства полуострова, именно: озера Швеции занимают—42.570 кв. клм., т.-е. $^1/_{10}$ территории; озера Норвегии занимают 15.230 кв. клм., т.-е. $^1/_{20}$ территории; озера всего Скандинавского полуострова занимают 57.800 кв. клм., т.-е. $^1/_{13}$ территории.

В некоторых областях Швеции, особенно в Седерманладе, между Стокгольмом и Норкепингом, озера и пруды занимают столь значительную часть территории, что взор привыкает встречать их во всех направлениях: они там так обыкновенны, что, по выражению одного путешественника, «на них обращаешь не более внимания, чем на деревья в лесу». «Когда Господь Бог отделил землю от воды, гласит местная пословица, Он забыл Седерманланд». Точно также и южная Швеция почти вся осталась в хаотическом состоянии: озерная площадь занимает там более восьмой части территории. Большинство озер не имеют селений или домов на своих берегах; только безмолвные леса сосен, берез и дубов, из чащи которых редко раздается пение птицы, отражают свои ветви в воде озерных бассейнов, зеленоватой или окрашенной в коричневый цвет от примеси дубильного вещества вересков; на прибрежных отмелях тянутся обширные поля камышей, тогда как в других местах каменные глыбы, обвалившиеся с соседних утесов, выставляют свои головы над гладкою поверхностью озера; ни один парус не оживляет пустынного пространства вод: лодка, привязанная к берегу, избушка в соседней лесной прогалине—вот все, что напоминает пребывание человека в этих пустынных местах.

Не подлежит сомнению, что пространство стоячих вод в Скандинавии значительно уменьшилось с начала исторической эпохи, отчасти вследствие неустанной работы рек, которые понизили каменистые пороги и размыли морены и азары, отчасти благодаря труду человека, который выкопал там и сям осушительные каналы и рвы. Остатки древних укрепленных оград, встречающиеся в таком множестве на вершине холмов и высоких мысов, теперь окружены торфяниками, болотами и топкими болотистыми лугами: внимательное исследование этих низменных земель, находящихся в периоде постепенного засыпания и осушения, показывает, что в старину они были озерами или судоходными заливами, и кое-где на них найдены даже остатки лодок. Следовательно, укрепленные ограды были, по крайней мере отчасти защищены водами[1]. В стране, столь богатой озерами и прудами, первобытным жителям всего естественнее было селиться на каком-нибудь острове или полуострове, чтобы обезопасить себя от внезапных нападений: и действительно, почти все шведские города в начале были островными поселениями.

Самые большие озера Швеции тоже представляют пример постепенного осушения, происходящего в Скандинавии. Некогда соединенные между собою, эти озера образовали пролив между Северным морем и Балтийским, доказательством чего служат их древние берега, покрытые ископаемыми остатками животных. Так, на южном берегу Меларского озера и во многих других местах Скандинавского полуострова найдены устрицы, из чего нужно заключить, что в прежния времера берега страны были омываемы морем, содержавшим по меньшей мере 17 частей соли на 1.000 частей воды[2]. Один из островов упомянутого озера, Бьерке, еще недавно был усеян костями морских птиц, так хорошо сохранившимися, как будто остров, еще окруженный морскими водами, только что покинут сидевшими на гнездах чайками[3]. Мало того—в глубинах озер водятся маленькия животные океанического происхождения, организм которых мало-по-малу приспособился к пресной воде, которая постепен-

1 Axel Erdmann, „Expose des formatious quaternaires de la Suede".

2 Академ. Бер, „Bulletin de l'Academie des Sciences de St-Betersbourg", t. IV, 1862.

3 Stolpe, „Revue d'Anthropologie", tome II, № 3, 1873.

но заменила собою соленую воду в озерных резервуарах[1]. Даже норвежское озеро Мьезен, находящееся ныне очень далеко от бывшего морского пролива, часть которого составляли озера Веттерн и Венерн, заключает в своих пучинах один животный вид, Mysis relicta, свидетельствующий о прежнем сообщении этого резервуара с соседними морями, в то время столь же холодными, как в наши дни Ледовитый океан.

Отделенные от морских вод перешейками, постепенно расширявшимися, большие озерные бассейны, которые делят Швецию на две отличные одна от другой области, поднялись вместе со всей окружающей страной, и теперь уровень их выше уровня моря, хотя ложе большей части этих бассейнов находится еще ниже поверхности Балтики. Венерн, самое обширное из скандинавских озер, так как оно одно заключает в себе десятую часть всех внутренних вод Скандинавии, лежит на высоте, средним числом, немного более 44 метров; но в самых глубоких его частях лот доставал дно только на расстоянии 89 метров от поверхности. В сравнении с Женевским озером, Венерн представляет резервуар в два или три раза более значительный по объему содержащейся в нем жидкой массы, но он в четыре раза меньше Ладожского озера. Озеро Веттерн, лежащее в два раза выше, чем Венерн, имеет вместе с тем и более значительную глубину: дно его ложа, находящееся, в самых глубоких местах, на расстоянии 126 метров от поверхности, все еще на 38 метров ниже уровня окружающих морей. Озеро Гьельмареп, более близкое к Балтийскому морю, и уровень которого только на 23 или 24 метра выше морской поверхности, есть единственное из больших озер древнего пролива, которое не достигает в своих глубинах высоты морской плоскости; самые впалые части его бассейна имеют только 18 метров глубины. Поэтому всю его воду можно бы было перелить в Меларское озеро, углубив соединительный канал, и таким образом приобрести несколько сотен квадр. километров твердой земли. По крайней мере, в настоящее время трудятся над тем, чтобы понизить уровень озера Гьельмарен на 2 метра и урегулировать его при помощи запруды, которая даст возможность, в случае надобности, выпускать воду из этого резервуара в количестве более 150 куб. метров в секунду; благодаря этим работам, тысячи гектаров земли будут навсегда избавлены от наводнений[2].

Что касается Меларского озера, то оно еще не отделилось окончательно от моря: по одной из своих оконечностей оно все еще продолжает быть морским заливом, и когда восточные ветры поддерживают уровень озерных вод, морское течение, известное под именем uppsjo, приносит немного соленой воды в восточную часть озера. Это внутреннее море, с его многочисленными проливами, с его тысячью тремя стами островов, островков или рифов, должно быть рассматриваемо не как одна водная поверхность, но как совокупность отдельных бассейнов, из которых каждый имеет свой собственный уровень. несколько отличный от уровня других резервуаров. Оно состоит в действительности из четырех бассейнов, расположенных по направлению от запада к востоку, на подобие ступеней лестницы. Верхний уступ, обнимающий Кьепингский бассейн, лежит, средним числом, на 74 сантиметра выше уровня Балтийского моря; второй бассейн, заключающий Вестерасские фьорды, находится на высоте 60 сантиметров; третий, называемый Бьеркфьерд, имеет среднюю высоту около 45 сантиметр.: наконец, восточный бассейн, Риддарфьерд, который омывает город Стокгольм, средним числом, на один фут, т. е. около 29 сант., выше уровня Балтики[3]. Различные бассейны прежде были отделены один от другого азарами; но напор вод мало-по-малу сломал эти валы из гальки, и лабиринт фьордов и бухточек Маларена соединился в одно озеро. Речное течение, которое мелкие суда не могли бы преодолеть, и для обхода которого устроен канал со шлюзами, постоянно направляется из Меларского озера к морю под мостами Стокгольма.

Кроме озерных бассейнов южной Швеции, насчитывают еще в остальной Скандинавии 35 озер, занимающих каждое площадь в 100 слишком квадр. километров. В числе этих озер есть много таких, которые превосходят даже Гьельмарен по протяжению: таковы озера, из

1 Sven Loven;—Sars;—Charles Martins.

2 Djurklou, „Hjelmaresankiiings-fragan i sitt sista Skede”

3 A. Erdmann, „Expose des formations quaternaires de la Suede”.

которых вытекают важнейшие реки, спускающиеся к Балтийскому морю: Торнео-Треск, Лулео-Яур, Стор-Афван, шведское Сторсьо, Сильян, «голубой глаз Далекарлии»; но большая часть этих озер, удаленных от многолюдных местностей, еще не была подробно исследована, и глубина их неизвестна. Самое большое озеро Норвегии, Мьезен, есть один из наилучше исследованных озерных бассейнов Европы, благодаря соседству Христиании, и глубины его измерены точным образом: в самой впалой части резервуара лот достал дно на глубине 451 метра. Так как уровень этого озера находится, относительно уровня океана, на высоте 121 метра, то, следовательно, самая нижняя часть его ложа лежит на 330 метров ниже морской поверхности; таким образом этот бассейн внутренней воды, древний морской залив, защищенный от речных наносов льдами, которые некогда его наполняли, остался более глубоким, чем соседния моря Северное и Балтийское.

Вот важнейшие озера Скандинавии:

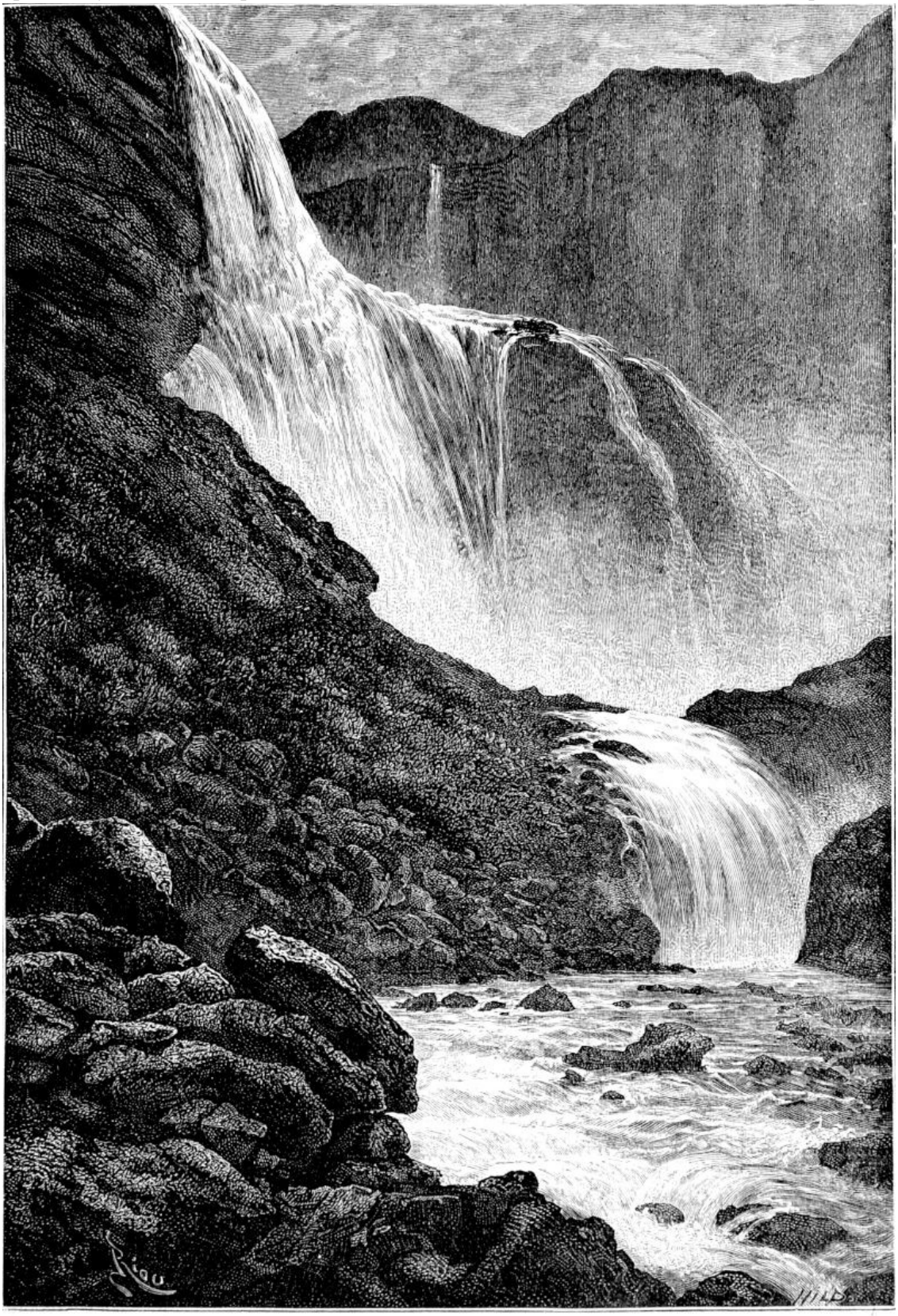
	Площадь, кв. клм.	Высота, метр.	Наибольшая глубина, метр.
Венерн (Швеция)	5.568	44	90
Веттерн „	1.899	88.2	126
Меларское „	1.163	0.74	59
Лулео-Яур „	907	376	?
Стор-Афван (Швеция)	820	419	?
Торнео-Треск „	528	346	?
Сторсьо (Швеция)	500	300	?
Гьельмарен „	480	23,5	18
Сильян „	556	169	128
Мьезен (Норвегия)	364	121	451
Альте-Ванд „	269	516	?
Рандс-фьор „	131	130	?
Тири-фьорд „	131	64	281

Зимой все скандинавские озера покрыты ледяной корой, которая держится, в среднем, от ста до двухсот дней, смотря по географической широте области, в которой находится озеро, и по суровости зимы; но очень редко случается, чтобы даже мелководные пруды и маленькия озера промерзали до камней их ложа; обыкновенно немного времени спустя после того, как образовался первый лед, облака приносят большое количество снега, который защищает нижние слои воды от холода и тем спасает от смерти живущих в озере рыб. От морозов в ледяной поверхности открываются там и сям длинные трещины и дают доступ наружному воздуху в закрытый резервуар. Весной дуновение теплых ветров и волнение жидкой массы разбивают ледяной покров, полосы свободной воды или полыньи вьются змейками на необозримое пространство, затем промежуточные льдины постепенно уменьшаются в объеме, тают, и вскоре суда смело пускаются по волнам, сбросившим с себя зимния оковы.

Скандинавские озера, эти внутренние фьорды, отличаются, как и внешние фьорды, геометрическою правильностью своей ориентировки. Многие из них следуют одно за другим в одной и той же расселине почвы; другие встречаются или даже пересекаются почти под прямым углом. Рассматривая на карте совокупность страны, мы ясно увидим те «черты надреза», о которых говорит Кьерульф и которые разрезывают всю Норвегию на неравные площадки, так что общий вид напоминает лист слюды с неявственными кристаллами. Смотря по пересечению этих черт, озера группируются в различные фигуры: так, в юго-западном углу Норвегии они ограничивают треугольные пространства; в Телемаркене они образуют неправильный многоугольник, каждая сторона которого, то есть направление каждого надреза, изображается длинным бассейном чистой воды, называемым vand (Ниссер-ванд, Фирис-ванд, Бандакс-ванд и пр.).

Реки Скандинавии, питаемые бесчисленными озерами, сами состоят по большей части из сцепления озер всякой величины и формы, то съуживающихся между двух стен горной теснины, то далеко разливающихся по равнинам, в виде бухт и побочных озерных бассейнов.

Все речные русла Швеции и Норвегии катят количество воды весьма значительное, сравнительно с поверхностью их бассейна. На Скандинавском полуострове соединены три условия, благоприятствующие поддержанию обильного дебита или истечения вод: во-первых, на всем



Скьеггедальсфоссенъ, въ Гардангерскомъ округѣ.

западном скате страны и в области истоков рек выпадает много дождя; во-вторых, каменистая почва не позволяет воде просачиваться внутрь земли, и, в-третьих, при сыром климате испарение относительно не велико. В сравнении с Францией, Скандинавия, без сомнения,

изливает в море, относительно, гораздо большее количество воды: об этом можно судить по дебиту тех, еще немногих, рек, которые уже были измерены в отношении объема протекающей в них жидкой массы. Однако, на Скандинавском полуострове нет рек, которые по величине могли бы равняться с Роной или с Рейном; это объясняется тем, что рельеф страны не позволил развиться большим речным бассейнам. На одном из скатов, потоки Норвегии едва успеют выйти из области ледников или фирновых полей, как течение их уже оканчивается, и они впадают в фьорды; на другом скате, шведские реки, увлекаемые прямо к Балтийскому морю наклонностью почвы, не могут соединиться в один речной ствол. Реки, изливающиеся в Ботнический залив, занимают долины почти параллельные одна другой, наклоненные к юго-востоку, сообразно общей покатости страны и в том направлении, по которому двигались древние ледники. В южной Швеции проточные воды расходятся лучеобразно по всем направлениям к окружающим заливам; там ни один поток, исключая реки Гота-эльф, не соединяет в своем русле в одно и то же время воды, текущие по равнине и спускающиеся с гор.

Самая многоводная река Скандинавии, Гломмен, течет в Норвегии; она изливается в восточные воды Кристианиа-фьорда, который принимает также реку Драмс-эльв, замечательную тем, что из всех скандинавских потоков она наиболее изменила первоначальную форму своей долины отложением наносов: аллювиальные земли, которые отложила эта река, уже заполнили значительную часть большего озера Тирифьорд. Река Гота-эльф[1] почти так же обильна, благодаря массе воды, которую озеро Венерн получает из р. Клар-эльф и других своих притоков и которую оно изливает на юг через исток Венерсборг; но было время, когда большое озеро Фемунд, которое теперь вытекает на юг через реку Клар-эльф и, следовательно, может быть рассматриваемо как приток пролива Каттегат, изливалось на юго-восток через Дал-эльф, посылая таким образом свои воды к Ботническому заливу; старое русло реки, называемое Фемунсграв, еще видно на высоте одного или двух метров над нынешним уровнем озера[2]. Но если Гота-эльф некогда лишилась вод озера Фемунд, то, с другой стороны, она получила все воды Гломмена и, вследствие того, объем её более, чем удвоился. У подошвы холма, на котором выстроилось местечко Конгсвингер, на северо-восток от Христиании, река Гломмен круто поворачивает на запад; в прежнее время она продолжала свое течение прямо на юго-восток, параллельно озерам Акланген и Венерн. И теперь еще во время больших разливов часть вод Гломмена уходит через старое русло: удлиненные озера, сохранившие извилистую форму реки, занимают древнюю долину, где проходит железная дорога из Христиании в Стокгольм. По замечательному совпадению, две большие реки, текущие на восток от Гломмена, подобно последнему, были отброшены в правую сторону и спускаются к озеру Венерн по долинам, принадлежавшим прежде другим потокам. Одна из этих рек, Фрикен, некогда впадала в озеро в том месте, где ныне находится город Карлстад; теперь она изливается в Венерн километрах в двадцати западнее. Другая, Клар-эльф, занимающая в наши дни старое ложе Фрикена, текла прежде по узкой долине, наполненной озерами, которая составляет точное продолжение верхней долины в юго-восточном направлении[3]. Это перемещение трех параллельных рек в западном направлении, повидимому, указывает на боковой толчок, причину которого, без сомнения, нужно искать в легком колебании почвы. Подобным же образом Висла, Эльба и Одер уклонились в сторону от своих первоначальных долин.

На севере от Дал-эльфа, который поочередно то увеличивался, то уменьшался в объеме под влиянием этих маленьких геологических переворотов, столь многочисленных в Скандинавии, главные реки Норрланда замечательны одинаковостью хода и равенством дебита; в то

1 Elv по-норвежски, Elf по-шведски означает большую или главную реку. Обычай требует, чтобы к имени некоторых рек и речек, большею частию маловажных, прибавлялась частица en. Так, две реки в Христиании называются Акерс-эльвен и Ло-эльвен. В Швеции река Клар обыкновенно означается именем Клар-эльфвен. Также говорят и пишут безразлично: Дал-эльф и Дал-эльфвен.

2 O. J. Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien“.

3 Tornebohm, „Рукописные заметки“.

же время они почти одинаковы по площади бассейна, по свойству орошаемой ими почвы и по количеству дождевой воды, которое они получают в продолжение года: таковы реки Люсна, Люнган, Индальс, Ангерман, Умео, Скеллефтео, Питео, Лулео, Каликс, Торнео[1], которые следуют одна за другой по направлению с юга на север, изливая в Ботнический залив жидкую массу, объем которой, для всех их вместе, нужно считать равным по меньшей мере 2.000 кубич. метров в секунду. Каждая из этих рек продолжается далеко в море своим течением; но так как волны Ботнического залива чуть солоноваты, то в этих речных устьях нельзя заметить того контраста, какой можно наблюдать, на другом скате Скандинавского полуострова, при впадении в море рек Гота-эльф и Гломмена. Под слоем пресных вод реки Гота-эльф, струю которых можно проследить в Каттегате на большое расстояние от берега, вода залива течет в обратном направлении: в нескольких километрах выше города Гетеборга собирают еще соленую воду моря на дне речного ложа[2].

Реки Скандинавии по большей части лучше урегулированы самой природой в отношении расхода воды или перемен уровня, чем реки континентальной Европы, благодаря озерам, через которые они протекают и которые уравнивают их разливы. В конце апреля и в мае снега, начинающие таять при первых теплых лучах весеннего солнца, затем осенью большие дожди, приносимые западными ветрами, повышают уровень озер; но, принимая в себя излишек вод, эти резервуары уравнивают или регулируют сток вытекающих из них рек, уменьшая его в период разлива, чтобы потом поддерживать его во время летних засух. Годовая разность уровня в озерных бассейнах колеблется от одного до четырех метров; но бывали случаи, что разливы поднимались гораздо выше, вследствие обвалов, запруживавших истоки озера: так, например, в 1795 году река Вормен, которая уносит излишек вод озера Мьезен, в Норвегии, была совершенно заперта упавшими с горы каменными глыбами; в течение всей зимы можно было переходить через реку по сухим камням её ложа, а уровень в озере Мьезен повысился на целых семь метров[3]. Съужение большей части долин при входе озер позволило устроить во многих местах запруды, которые вполне регулируют сток рек, давая ему в каждое время года тот объем, какой требуется для фабричных заведений или для целей речного судоходства. Так же, как разливы, и вскрытие рек весной редко сопровождается опасными последствиями, благодаря тому обстоятельству, что все многоводные реки Скандинавии текут в южном направлении: когда ледяная кора, служившая всю зиму сухопутной дорогой, начинает ломаться, то прежде всего отделяются льды, ближайшие к устью, а затем вскрытие происходит последовательно все выше и выше по направлению от юга к северу, что устраняет образование заторов в узких местах рек.

Несмотря, однако, на эту относительную правильность режима, реки Скандинавии пригодны для судоходства только в немногих местах: или около их устьев, или в соседстве озер, через которые они протекают. Первобытная форма речных долин, еще расположенных уступами, благоприятна для заводской промышленности, которая ищет движущих сил, но она не соответствует интересам торговых сношений; при каждой естественной запруде суда должны останавливаться, и если иной раз смелые гребцы отваживаются пускаться вниз по стремнинам, то они делают это с опасностью собственной жизни. Иная река, текущая по целому ряду уступов и перерезанная озерами на каждой из своих террас, повидимому, еще не завоевала своей индивидуальности, не выработалась в самостоятельный поток, или даже смешивается с другими бассейнами. Так, Торнео-эльф принадлежит в действительности к двум речным бассейнам: одним из своих рукавов, Таранде, который течет извилисто по болотистой низменности, она соединяется с р. Каликс-эльф; другим она сливается с Муонио-эльф, главным стволом реки, которая, под именем Торнео, служит до самого моря общею границей Швеции и России. Наконец, многие из этих рек перед самым впадением в море делятся на два рукава (бифуркация), но не вокруг аллювиальных островов, а вокруг скали-

1 Пишут также Уме-Эльф, Скеллефте-Эльф, Луле-Эльф, Торпс-Эльф.

2 Ekmann, „On the general causes of the ocean currents“.

3 Ed. Erslev. „Geografi“

стых возвышенностей: их ветви суть не что иное, как древние морские проливы, превратившиеся в каналы проточной воды. В виде примера, можно указать на реку Гота-эльф, окружающую своим двойным устьем большой остров Гизинген.

Главную красу проточных вод Скандинавии составляют их бесчисленные водопады, стремнины и пороги. Можно сказать, что на норвежском скате все ручьи и реки скорее низвергаются, чем спускаются к морю: во многих местах водяные снопы, падающие с высоты снежных утесов, соединяют свои струйки в нескольких сотнях метров ниже в долинах; даже некоторые обильные реки Норвегии ниспадают с высоты ста слишком метров. Недалеко от города Трондгьема, водопад Ворингс-фос (fos, fossen, по-норвежски, означает стремнину или водопад; шведское слово fors применяется только к стремнинам) низвергается в пропасть одной широкой скатертью в 144 метра высоты, так что созерцать это величественное падение воды во всем его объеме могут только смелые путешественники, которые наклоняются над головокружительными карнизами пропасти, или свешиваются на выступах скал; но уже с далекого расстояния можно видеть пар, вылетающий из бездны клубами, и отлив увлекаемого воздуха производит грохот, напоминающий непрерывные раскаты грома. Водопад Рюкан-фос, образуемый одним притоком реки Скиен-эльв, в южной области Норвегии, называемой Телемаркен, имеет 245 метров вертикальной высоты; с вершины утесов, лежащих напротив Рюкан-фоса, можно созерцать громадное клокотание ударяющихся одна о другую волн и облака брызг, которые поднимаются высоко в цирке, закрывая до половины основание двух широких льющихся полос каскада; островообразная скала, ровная на поверхности, поросшая травой и усаженная кое-где деревцами, нависла над этою вечно лепящеюся котловиной. Водопад реки Гломмен, Сарпс-фос, много уступает предъидущим по высоте падения (так как расстояние от вершины его до основания всего только 21 метр), но далеко превосходит их по объему своих вод; здесь даже зимой масса воды, вырывающаяся из-под ледяной плиты, постоянно трясущейся, низвергается несколькими каскадами и затем, ниже стремнин, снова пропадает под ледяным слоем; средним числом, вода, падающая на Сарпс-фосе, в секунду времени представляет объем в 800 кубич. метров, следовательно, более чем в два раза превышает количество воды, которое уносит Рейн ниже Шафгаузена: с высоты железнодорожного моста, недавно построенного, можно обозревать все водопады Сарпс-фоса, с боковыми каскадами и с водоворотами, показывающимися там и сям под облаками пара. Несмотря на довольно близкое расстояние от Христиании, катаракт реки Гломмен, самый большой, по массе падающей воды, из всех европейских водопадов, менее известен, чем каскад реки Гота-эльф, посещаемый всеми путешественниками, которые отправляются из г. Готеборга на озеро Венерн: это—знаменитый водопад Тролльгетан (что значит «шапка чародея»), который низвергается с высоты 34 метров тремя последовательными скачками, запирая зеленеющие утесы между своими бегущими водами. Движущая сила этого водопада, исчисляемая механиками в 225.000 паровых лошадей, отчасти утилизируется промышленностью; но фабричные заведения почти нисколько не мешают подходить к самому каскаду и не заслоняют грандиозного зрелища, как и на берегах Сарпс-фоса, и дикая природа окрестностей сохранила свою красу.

На том склоне Скандинавского полуострова, который обращен к Балтийскому морю, более длинная и пологая покатость почвы не позволила рекам падать каскадами столь же высокими, как на западном склоне; тем не менее и там существуют падения воды очень внушительного вида. Так, величественный Дал-эльф, который во всей нижней части своего течения представляет ряд озер, вдруг съужпвается у Эльф-Карлеби и, разделенный на два рукава, скатывается стремнинами с общей высоты около 15 метров, после чего вскоре вступает в море. Реки Скеллефтео и Лулео также имеют могучие водопады и стремнины. У так называемого Ньоммельсаскас («скачек зайца»), воды последней из этих рек падают одною струей с отвесной стены в 80 слишком метров высоты, при ширине в несколько сот метров; выше этого водопада озеро, отделенное от другого резервуара простым порогом, низвергается с шумом в виде катаракта около 42 метров высотою; лапландцы дали этому падающему озеру название Аднамуоркекортье, что значит «Большой дымящийся водопад».

VII.

Главное морское течение у норвежских берегов несется, как известно, по направлению от юго-запада к северо-востоку. Теплые воды, текущие из тропических морей, ударяются о внешния мели Скандинавского полуострова, принося ему иногда лес с Антильских островов и семена растений, которые лапландцы старательно собирают, чтобы делать себе из них амулеты[1]. Движение морских вод к северной Норвегии—явление до того известное, что когда какая-нибудь вещь упадает с судна, то моряки обыкновенно говорят шутя, что надо идти «искать ее в Берлеваге», то-есть у крайнего восточного мыса Лапландии. Это теплое течение дает Норвегии её климат, а норвежскому народу—его торговлю и промышленность, его хлеб насущный; вообще, можно сказать без преувеличения, дает ему жизнь, потому что без постоянного притока тропических вод берега фьордов оставались бы необитаемыми, загроможденными льдом. Скандинавский полуостров составляет вместе с Гренландией морские ворота, через которые Атлантический океан сообщается с Северным Ледовитым океаном; но, при равной широте, какой поразительный контраст в климате между этими двумя соответственными странами! С одной стороны—льды и снега; с другой—преимущественно туманы и дожди. На огромном западном острове—ни одного дерева; на восточном полуострове—высокие леса, плодовые сады, засаженные яблонями, грушами, сливами, вишневыми деревьями,—сады, где растет даже виноград, разводимый шпалерами на грядках, покрытых удобрением! А между тем часть Скандинавии, площадь которой можно исчислять в 155.000 квадр. километров, лежит уже в пределах полярного пояса, и зимой в этой области ночь прибавляется к ночи в виде непрерывного мрака. Летом, напротив, угасающий день сливается там с днем нарождающимся. С гор Финмарка можно любоваться удивительным зрелищем, которое представляет полночное солнце, спускающееся до черты горизонта и затем снова поднимающееся в небеса. С вершины горы Авазакса, которая господствует над течением реки Торнео, недалеко от полярного круга, можно видеть, как дневное светило описывает пятнадцать раз сряду, с 16 по 30 июня, полный круг в небесном пространстве; в то время, как сам зритель остается освещенным лучами вечернего солнца, он видит у себя под ногами все южные области покрытыми широким плащем ночи; снежные горы, вместо того, чтобы отражать белый свет, блистают яркими цветами, где пурпурные краски вечерней зари перемешиваются с нежными зеленоватыми тонами утренней Авроры. Вместе с большими озерами, бесконечными торфяными болотами, вечно покрытыми снегом горами, бурями и метелями, с расстилающимся вокруг беспредельным морем, эти длинные дни, чередующиеся с такими же длинными ночами, придают жизни страны суровое и грандиозное выражение, за которое ее так любят её обитатели.

Форма норвежского прибрежья в значительной мере способствует нагреванию страны. Температура воды в фьордах, до самого дна их бассейна, выше температуры окружающего воздуха, если рассматривать средние выводы за целый год, как показывает следующая сравнительная таблица.

Температура фьордов и окружающего воздуха:

	Глубокая вода.	Год.	Январь.
Скагеррак	5°	7°,2	0°,5
Нерстравд-фьорд	6°	6°	0°,9
Гардангер-фьорд	6°,2	7°,1	0°
Остер-фьорд	6°,3	6°,8	0°
Согне-фьорд	6°,2	7°	-0°,5
Норд-фьорд	6°,6	6°	-1°,2
Трондгьем-фьорд	6°,5	5°	-2°,8
Ранен-фьорд	4°,8	3°,3	-2°,5
Вест-фьорд (при входе)	6°	4°	-1°,2
„ (внутри)	6°,2	3°	-4°
Офотен-фьорд	6°,1	2°	-6°

1 Schiibeler, „Pflanzenwelt Norwegensu,

	Глубокая вода.	Год.	Январь.
Стьера-зунд	4°,2	1°,5	-6°
Альтея-фьорд	3°,2	0°,9	7°,7
Варангер-фьорд	3°,1	-1°	-10°

Можно бы было думать, что в глубоких водах фьордов, как и в пучинах моря, опускаемый термометр должен проходить через тяжелые и холодные слои, приближающиеся к точке замерзания, но исследования, произведенные профессором Моном, показали, что эти бассейны наполнены водой относительно теплою: в январе разность между температурой воздуха на поверхности земли и температурой жидкой массы в глубинах доходит до 13 градусов. Эта высокая температура фьордов обусловливается расположением их бассейнов. Сообщаясь с открытым морем только поверх подводных порогов, лежащих поперег их входа, они получают из океана лишь теплую воду, приносимую юго-западными морскими течениями. Непосредственно на западе, под теми же широтами, в морях, окружающих Ферерские острова и Исландию, глубокия воды имеют температуру ниже точки замерзания; но эти холодные жидкие слои не могут проникать в фьорды, защищенные закраинами из подводных скал, и потому эти бассейны никогда не замерзают, кроме как по краям берегов, наиболее удаленных от открытого моря. Таким образом, все прибрежье Норвегии, так сказать, снабжено громадным нагревательным аппаратом в виде этих внешних резервуаров, наполненных водой, температура которой на несколько градусов выше нормальной. Если бы пороги, расположенные у входа в фьорды, вдруг исчезли, и нижния холодные воды моря получили, вследствие того, свободный доступ в заливы Скандинавии, то в климате страны тотчас же произошла бы большая перемена, как будто бы весь полуостров переместился на несколько градусов широты по направлению к северному полюсу[1].

Термометрический режим вод норвежского прибрежья представляет замечательный контраст, смотря по временам года. Летом и осенью температура уменьшается от поверхности ко дну, тогда как зимой теплота воды постепенно возрастает пропорционально глубине. Этот обратный порядок изменения температур от одной половины года к другой зависит от влияния окружающей атмосферы. В теплое время года воздух имеет более высокую температуру, чем вода, на которой он покоится; следовательно, он нагревает поверхностные слои океана, и эта теплота передается сверху вниз, но очень медленно, тогда как слои более холодные и более тяжелые держатся в глубинах. Зимой вода на поверхности, находясь в соприкосновении с воздухом, имеющим более низкую температуру, быстро охлаждается, между тем как глубокие слои остаются без перемены; но в вертикальном направлении, от поверхности ко дну, естественное нисхождение холодных вод производит обмен жидких слоев, регулирующий ряд температур. Термические кривые каждого времени года, изображенные метеорологом Моном в остроумных графических таблицах, представляют изгибы в том и другом направлении, по обе стороны неизменной точки температуры, которая встречается в глубине около 180 метров от поверхности.

Влияние теплых вод норвежского прибрежья на температуру полуострова было бы, однако, весьма незначительно, если бы ветры не приносили на материк морскую атмосферу. Из воздушных течений на берегах Норвегии преобладают ветры юго-западные и южные, то-есть самые теплые: они-то своим дуновением отклоняют к северу изотермические линии Скандинавии и заставляют их следовать вдоль морского берега почти в обратную сторону от их нормального направления.

Однако, в общем движении воздушных масс происходит некоторое чередование. Господствующими ветрами зимой, даже весною и осенью являются горные бризы, устремляющиеся из всех выходов долин и из отверстия фьордов к поверхности моря, температура которой всегда выше точки замерзания. Летом замечается обратное явление: ветры дуют с океана к более нагретым внутренним областям материка. Следовательно, здесь мы видим то же самое явление, какое представляют муссоны на берегах Индостана, с некоторыми отличиями, зависящими от неодинаковости климатических условий обеих стран. Это чередо-

1 Mohn, „Petermann's Mittheilungen“, XI, 1876.

вание прибрежных ветров Норвегии влечет за собой, как необходимое следствие, изменение из месяца в месяц температуры морской поверхности и температуры прибрежья. Так как теплые воды, приносимые юго-западными морскими течениями, ударяются о берега Скандинавии, то, казалось бы, всего естественнее ожидать, что самая высокая температура моря обнаружится именно на берегу, и что вода должна постепенно охлаждаться по мере удаления от прибрежья, по направлению от востока к западу. Но в действительности так бывает только в продолжение короткого периода лета; во все же остальное время года ось наивысшей температуры проходит в некотором расстоянии от берегов, параллельно их направлению. Изотермические линии все загибаются остроконечно к северо-востоку, в расстоянии от одного до пяти градусов на западе от твердой земли. Ветры, пронесшиеся перед тем над снегами внутренней части материка, охлаждают весь прибрежный пояс вод, и только начиная с того места, где угасает их сила и прекращается охлаждающее действие, вода открытого моря сохраняет свою нормальную температуру[1]. В своем попеременном движении, меняющем направление с переходом от зимы к лету и от лета к зиме, ветры изгибаются правильно таким образом, чтобы следовать параллельно морскому берегу. Зимой они дуют вдоль материка, поднимаясь к северу, и, следовательно, помогают плыть судам, держащим курс от мыса Линдеснес к Норд-Капу; летом они следуют противоположному направлению и тогда благоприятствуют судоходству, которое направляется от Гаммерфеста к Христиании[2]. Впрочем, сила ветра всегда значительнее в соседстве западных берегов, чем внутри полуострова, и бури, частые зимой, очень редкия летом, свирепствуют с большою яростью в долинах гор, обращенных к Атлантическому океану. Грозы, которые обыкновенно разражаются в период жаров, немногочисленны и редко сопровождаются градом. При входе в Лизе-фьорд, недалеко от Ставангера, иногда, но только тогда, когда дует юго-восточный ветер, наблюдают молнию, сопровождаемую ударами грома, которая вылетает из стены утесов, на высоте около 900 метров над уровнем воды[3]. Метеорологи еще не объяснили с точностью, в каких атмосферических условиях происходит это странное явление.

Благодаря теплым ветрам, приносящим стране довольно высокую температуру, Скандинавия получает также большое обилие дождей; но распределение последних на двух скатах полуострова очень неравномерное. На внешних островах, особенно на Лофотенских, средним числом на каждые два дня приходится один с дождем; в Бергене и на всей части морского прибрежья, которая простирается на север к мысу Стадт, годовое выпадение дождя представляет слой не менее 2 метров высотою; но по ту сторону ледников и фирновых полей, каковы, например, Юстедальсбре и Свартизен, которые получают такое большое количество атмосферной влаги в форме снега, средняя величина падающей из облаков воды не превышает уже одного метра; во многих местах норвежской равнины, защищенной от дождливых ветров,—например, в Тромсе и в Христиании,—выпадение дождя составляет только полметра; указывают даже одну часть хребта Доврефьельд, где ветер, теряющий большую часть своей влажности при прохождении над фирновыми пространствами, приносит в течение целого года всего только треть метра воды в виде дождя. На всем протяжении Швеции, которая защищена с запада хребтом Скандинавских гор и плоскогорий, среднее количество выпадающей дождевой воды равняется 523 миллиметрам; следовательно, оно меньше, чем во Франции и на Британских островах. Следующая таблица показывает среднее выпадение дождей в разных пунктах Скандинавского полуострова.

Норвегия: Флере, близ Бергена—2.300 миллиметров; Берген—1.800 миллим.; Ставангер—1.088 миллим.; Линдеснес—1.140 миллиметров; Тенсберг—588 миллим.; Христиания—538 миллим.

Швеция: Берега Каттегата—716 миллим.; внутри Готланда—545 миллим.; берега Свеаланда—514 миллим.; юго-восточные берега—428 миллим.; южная часть Норрланда—508

1 Mohn, „Petermann's Mittheilungen“, XI, 1876.

2 O. J. Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien”.

3 Krefting;—Vibe, „Die Kusten Norwegens, Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen”.

миллим.; Норботтен—406 миллим.

По странному контрасту, граница постоянных снегов спускается гораздо ниже на западных скатах гор Фольгефонден и Юстедаль, нагреваемых теплыми морскими ветрами, чем на покатостях, обращенных к холодному востоку; причину этого явления надо искать в обилии влажности, приносимой западными и юго-западными воздушными течениями. Но по направлению от юга к северу граница снегов понижается правильно, от 1.230 или от 1.500 метров на одном или другом склоне хребта Фольгефонден, до 900 или даже до 730 метров на горах, лежащих в соседстве с мысом Норд-Кап.

Изотермические линии, начерченные на картах Скандинавского полуострова, благодаря правильным наблюдениям, производимым на 53 метеорологических станциях Норвегии и на 29 станциях Швеции, представляют как летом, так и зимой одну и ту же общую форму: они развертываются почти параллельно западному берегу, затем описывают свою главную кривую в юго-западном направлении, как и само норвежское прибрежье, от г. Трондгьема к Христиании. Даже зимой, во время самого холодного месяца в году, некоторые части морских берегов сохраняют температуру выше точки замерзания; в Христиансзунде, на мысе Линдеснес, в среднем, не бывает ни одного дня в году, температура которого была бы ниже нуля; в Бергене, уже менее нагреваемом юго-западными ветрами, средним числом, насчитывается двадцать четыре холодных дня в году[1]; даже в Гаммерфесте, благодаря термической аномалии, один ручей не перестает течь круглый год, и жители черпают из него воду всю зиму[2]. Но вдали от берегов моря вся остальная часть полуострова бывает тогда заключена в пределах изохимены нуля. Вычисленная для целого года, линия замерзания обнимает внутреннюю часть норвежского Финмаркета и шведского Норботтена и, далее на юге, плоскогорье Доврефьельд и некоторые другие горные группы вокруг города Рероса. Все эти области почти необитаемы: в Норвегии, где они занимают около одной пятой всей территории, общее население их не составляет даже одной сотой доли всего населения государства. Жители естественно группируются в тех частях страны, где средняя температура самая высокая. На скатах гор очень мало жилищ, лежащих выше 600 метров, и даже риги, сараи или летние пастушьи шалаши не встречаются на высотах более 900 метров; однако там и сям группы крестьян живут в долинах, которые в других странах показались бы совершенно необитаемыми. Есть деревни на южной плоской возвышенности, где ждут света солнца по целым месяцам, даже по полугоду и более. Деревня Соллейса, то-есть «без солнца», в Бергенском округе, получила это название потому, что она никогда не освещается прямо солнечными лучами[3]. Тогда как средняя годовая температура всей Норвегии только 2°,5 стоградусного термометра, средняя температура обитаемых мест может быть определена в 5 градусов. В Швеции эта температура на один градус выше[4].

По направлению от запада к востоку, от изрезанного, зубчатого берега фьордов к равнинам Швеции и Лапландии, аномалия, которую представляет климат морского прибрежья, быстро уменьшается: тогда как на берегах Норвегии средняя годовая температура превышает на 20 градусов нормальную температуру, соответствующую её широте, аномалия на севере от Христиании и Упсалы составляет уже только 10 градусов. Климат изменяется: из морского он делается континентальным, и крайности тепла и холода, или наибольшие разности температуры, суточные, месячные, годовые, становятся все более и более значительными: в то время, как на морском берегу разность средних температур июля и января равна 10 градусам, в Шведской Лапландии она достигает 30 градусов. На пространстве от мыса Стадт до Лофотенских островов изменение температуры между различными месяцами года составляет только от 12 до 13 градусов, тогда как в Гапаранде, на оконечности Ботнического залива, это изменение, т. е. разность крайних температур, достигает 32 градусов. Следующая та-

1 Schubeler, „Pflanzenwelt Norwegens“.

2 I. von Buch, ,.Reise durch Norwegen und Lappland“.

3 Schubeler, „Pflanzenwelt Norwegens”.

4 O. J. Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien”.

блица показывает средние и крайния температуры некоторых пунктов Скандинавского полуострова.

	Широта	Средняя темп.	Январь	Июль	Разность
Норвегия					
Гаммерфест	70° 7'	1°, 8	−5°, 1	11°,3	16°,4
Варде	70° 4'	0°, 8	−6°	8°,8	14°,8
Тромсе	69° 6'	2°, 2	−4°,2	11°,5	15°,7
Берген	60° 4'	7°	0°,4	14°,5	14°,1
Христиания	59°54'	5°,2	−5°,1	16°,5	21°,6
Швеция					
Иокмок	66°36'	−1°, 9	−17°,1	13°,8	20°,6
Гапаранда	65°51'	−0°, 2	−12°,9	14°,9	27°,8
Питео	65°19'	1°,01			
Умео	63°50'	1°, 3	−9°,3	14°,7	24°
Гернезанд	62°38'	2°, 8			
Фалун	60°40'	3°, 6	−6°,5	15°,6	22°,1
Упсала	59°52'	4°, 6	−4°,5	16°,1	20°,6
Стокгольм	59°20'	5°, 1	−3°,5	15°,8	19°,3
Гетерборг	57°42'	6°, 7	−1°,4	16°,1	17°,5
Висби	57°39'	6°, 2	−0°,8	15°,4	16°,2
Карлсгамн	56°10'	6°, 8	−0°,6	15°,9	16°,5

В областях, лежащих на крайнем севере, лето имеет почти такую же среднюю температуру, как и в южной Швеции, но зимы там гораздо холоднее, и морозы доходят до 50 градусов. Толстый слой льда, образующийся зимой в торфяниковых болотах Лапландии, иногда держится впродолжении всего года; он не успевает растаять в течение короткого лета, тогда как ячмень и картофель растут и вызревают на поверхности.

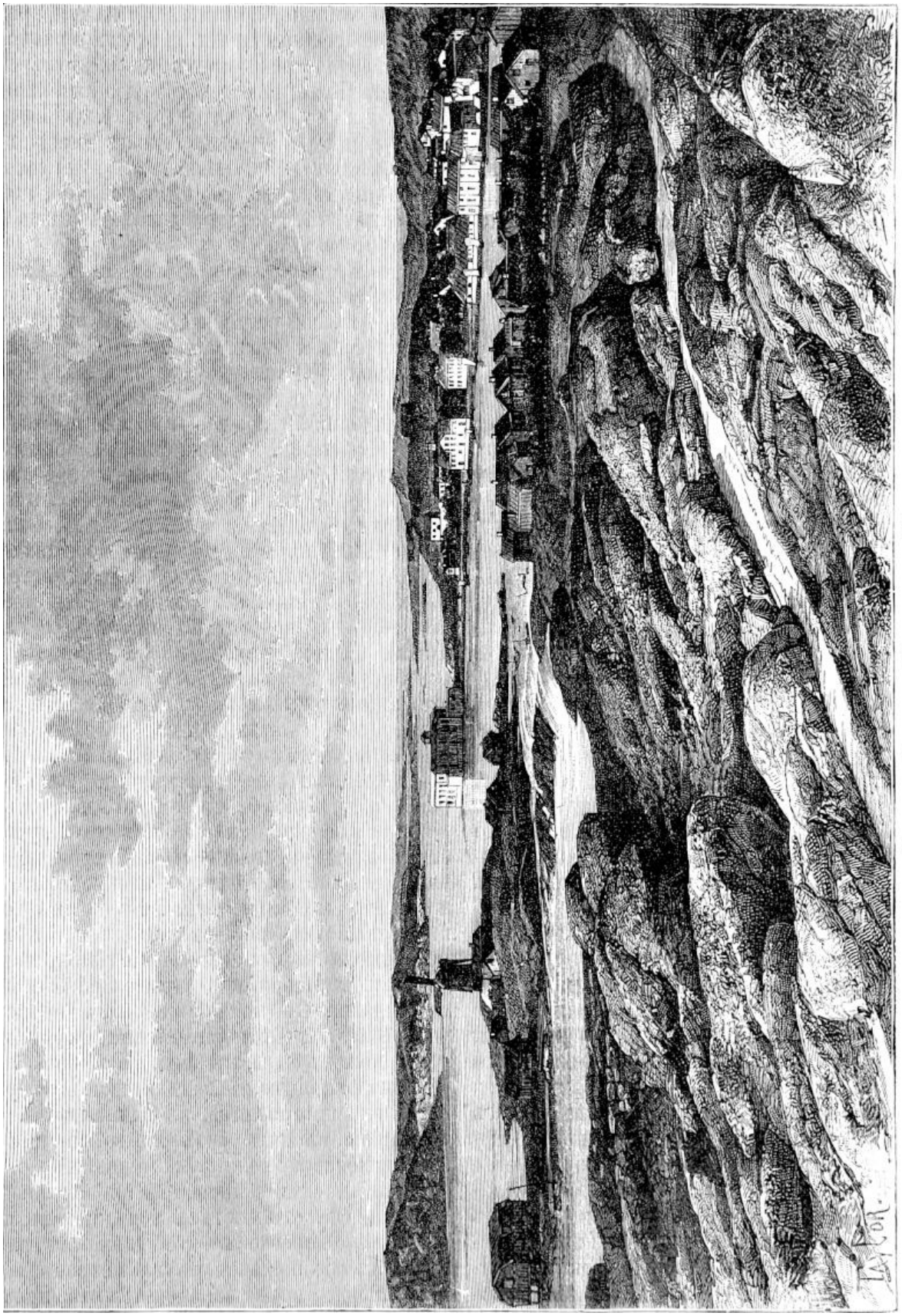
VIII.

Изотермические линии года, зимы и лета изгибаются различным образом, смотря по положению местностей, через которые они проходят, и в соединении с другими климатическими кривыми, указывающими обилие дождей, силу и направление ветров, могут обозначать в общих чертах поясы растительности. Однако, замечаются некоторые кажущиеся аномалии. Хотя средняя годовая температура для всех градусов широты выше на берегах Норвегии, чем на восточной покатости плоскогорья, но многие древесные породы распространены гораздо далее на север в Швеции, чем в Норвегии. Так, ель перестает образовывать леса в Норвегии, начиная от границ Норрланда, около полярного круга; в Швеции же мы встречаем еловые леса гораздо севернее той же широты. Подобное же явление представляет и береза, которая останавливается на высоте 320 метров на норвежских скатах гор, в группе Сулительма, тогда как на шведской покатости она поднимается вдвое выше[1].

Более двух тысяч европейских растений имеют северный предел своего распространения в Скандинавии: карта, которая была выставлена Шюбелером на географическом съезде в Париже, указывает известные в настоящее время полярные границы 1.900 растительных видов, культурных и диких, на норвежских берегах. Путешествуя с юга на север и с запада на восток, мы увидим, как исчезают последовательно растения умеренной Европы: живописные, приветливые пейзажи постепенно сменяются суровыми картинами природы. Сначала мы проезжаем через область бука и грабины, которая обнимает южную Сканию, пояс прибрежья на Каттегате и даже юго-западный берег Норвегии, так как существует еще один лес дикого бука немного севернее г. Бергена: это—самый северный буковый лес на всем земном шаре. Смешение этих древесных пород, имеющих зеленую листву, с хвойными деревьями придает большую прелесть берегам Христианиа-фьорда, особенно в проливах, которые защищены на юге крепостью Оскарсборг. На берегах залива Листер-фьорд есть лес, состоящий из ильма или вяза. Область дуба обнимает более значительную часть Скандинавии: эта

1 Wahlenberg;—P. g. Lorenz, „ Mittheilungen von Petermann", IX, 1869.

древесная порода распространена по всей средней Швеции до реки Дал-эльф и по всему норвежскому берегу до 63-го градуса широты, недалеко от Христиансзунда. Беловатая ольха, сосна, ель, береза проникают гораздо далее в северную часть полуострова и поднимаются



Оскарсборгъ.—Видъ съ Коэна

выше по бокам холмов и гор: береза растет даже на плоскогорье Финмаркена; у подножия высоких отвесных, как стена, утесов, господствующих над фьордами на севере и отражающих горячие лучи полуденного солнца, путешественник с удивлением встречает растения,

которые, казалось бы, должны принадлежать землям более близким к тропикам на десять или пятнадцать градусов широты, а между тем остатки лавин и груды обвалившихся камней, покрытые альпийскими мхами, виднеются рядом с этими южными растительными видами[1]. Граница древесной растительности пересекает лишь весьма незначительную часть Норвегии, на северных берегах Варангер-фьорда: южный берег последнего покрыт настоящими лесами сосен, елей, берез, осин, рябины и бузины; но на севере этого залива, где обширные торфяные болота заключают в своих недрах древние леса, теперь остались только водоросли и лишаи, да кое-где изредка встретишь какое-нибудь растение, едва заслуживающее название деревца: по выражению Линнея, здесь «последние из растений покрывают последнюю из земель»[2].

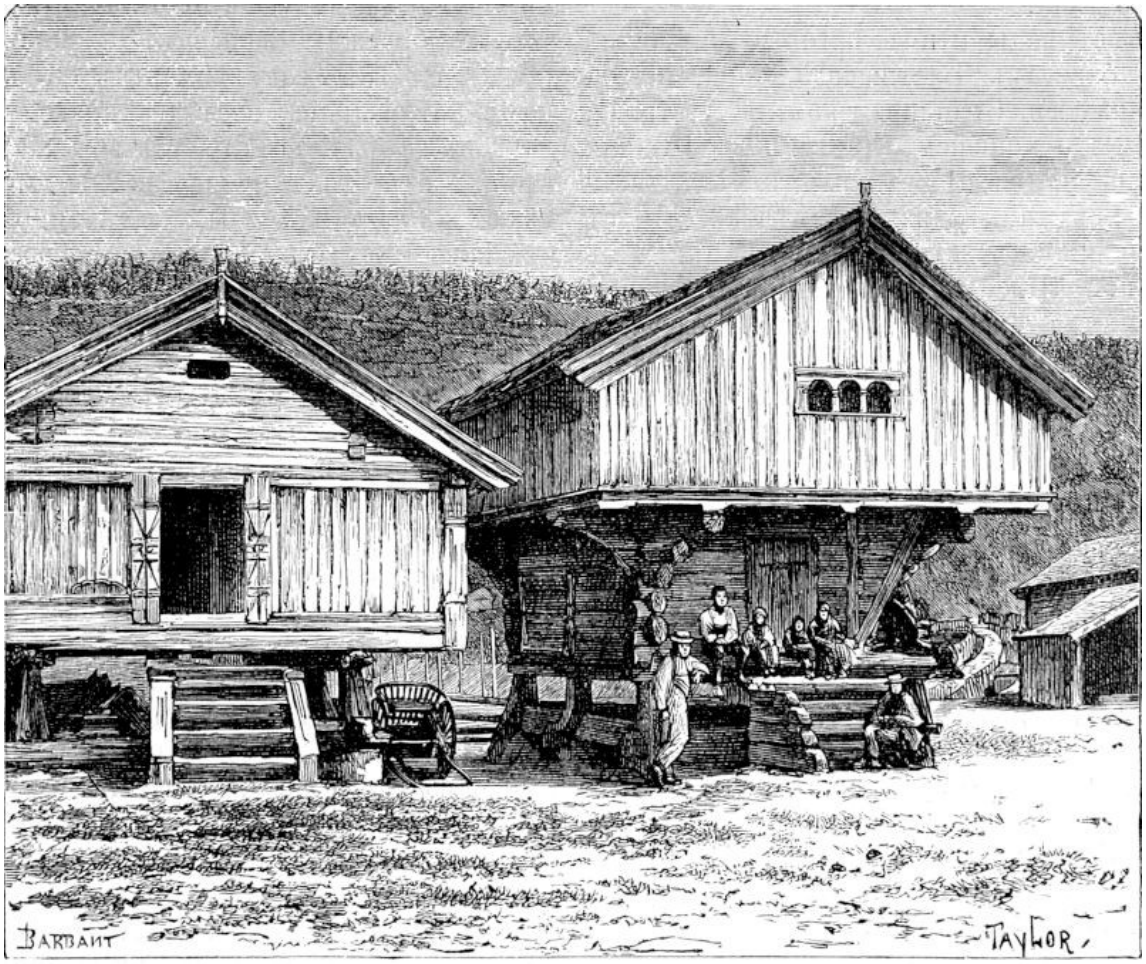
Все растительные виды Скандинавии—чужеземного происхождения, и населили страну уже после исчезновения покрывавших ее некогда льдов; однако, листва деревьев здесь до того темная и цветы имеют такия яркия краски, что большинство ботаников, увидя эти растения в первый раз, подумали бы, что перед ними какие-нибудь новые разновидности. Замечено также, что аромат всех видов растений постепенно усиливается к северу[3], тогда как содержание сахара в той же пропорции уменьшается. Дикия ягоды гораздо лучше в Скандинавии, чем в более южных странах, и тамошния хозяйки приготовляют из них варенья и компоты, подаваемые к столу во всяком норвежском доме. Город Трондгьем славится превосходным качеством своих садовых плодов—яблоков, груш, вишень; даже грецкие орехи созревают недалеко от этого города, в деревне Фростен. Особенные качества плодов страны зависят также от быстроты их роста. Благодаря умеренности средней температуры и почти непрерывному действию солнечного света в летние месяцы, хлебные растения, возделываемые на норвежских берегах, вызревают в тот же промежуток времени, как и под более южными широтами. Так, под 70° северной широты, в Альтене, ячмень достигает полной зрелости в 90 дней, то-есть ровно во столько же времени, сколько нужно тому же растению в Христиании, в Эльзасе, на берегах Нила. Что могут сделать искусство и трудолюбие человека—показывает тот любопытный факт, что жители острова Гинде часто отправляют на продажу в Христианию ячмень и картофель[4]. Однако, в Шведской Лапландии есть местности, где ячмень, хотя и возделывается, но никогда не достигает полной зрелости, даже в те годы, когда лето было наиболее благоприятно: в конце августа начинаются заморозки или, как их называют местные жители, «железные ночи» (jernnaterna), которые не позволяют растению доканчивать цикл своего произрастания. Прежде чем убирать сжатый хлеб в гумно, надобно сушить его. Земледельцы тщательно делят ячмень на маленькие снопы и развешивают их одни над другими при помощи жердей, или раскладывают на крышах хижин, печи которых распространяют густой дым[5]. Часто случается также, что ячмень в Емтланде не успевает созреть, и крестьяне косят его, как кормовую траву; они говорят тогда: «ныньче год зеленый»[6].

Лес, покрывающий гладкия равнины Швеции или правильные скаты возвышенностей, не отличается от обыкновенных лесов умеренной Европы: это lund, высокоствольный лес, легко доступный, который земледелец расчищает и превращает в поля, засеваемые хлебными растениями. Но skog, дикий лес имеет совершенно особенный характер: это в одно и то же время хаос скал и чаща деревьев и кустарника. Глыбы гранита или порфира, нагроможденные в беспорядке, высовывают там и сям свои голые верхушки и острые углы; почти везде густой слой мха и травы покрывает их точно ковром; бузина, малинник, черничные кусты растут в углублениях между каменными массами; могучие стволы сосен, елей, ольхи, березы пускают свои корни между камнями. Всякая тропинка теряется в этом лабиринте де-

1 A. Blytt. „0n Vegetationsotrholdene ved Segnefjorden“.
2 Ch. Martius, „Du Spitzberg au Sahara“.
3 Schubeler, „Pflanzenwelt Norwegens“.
4 „Mittheilungen von Peterman“, 1861, № 6.
5 Ch. Martin, „Du Spitzberg au Sahara”.
6 Forsell, „Statistik von Schveden”.

ревьев и скал. Это—страшная пустыня, по которой в былые времена бродил troll, леший, где заблудившийся путник встречал skogfru, свирепую «лесную женщину».

В Швеции незначительная средняя высота почвы позволила древесной растительности покрыть весьма большую часть территории, и общая площадь лесов составляет никак не менее двух пятых пространства страны. Норвегия, в целом более возвышенная, гораздо менее богата лесами: только пятая часть почвы покрыта там крупным лесом. С давних пор сосны из лесов вокруг Гефле, на берегах реки Дал-эльф, пользуются особенным предпочтением со стороны кораблестроителей и доставляют европейским флотам лучший мачтовый лес. Своими исключительными качествами эти деревья обязаны равномерной толщине их слоев древесины, имеющих около одного миллиметра в ширину. В более холодном климате слои древесины в обыкновенной сосне слишком тонки, слишком плотны и не обладают необходимою эластичностью: в климате же более теплом деревья, питаемые соком в продолжение всего года, имеют слои слишком широкие и слишком мягкие. Истинная средняя величина сопротивления, гибкости и равномерности дается сосне именно климатом центральной Швеции, соответствующим климату Вогезских гор между 800 и 1.200 метров высоты, и французских Альп между высотами 1.300 и 1.700 метров: это и есть, в этих горах, тот пояс возвышения, где кораблестроители должны искать нужный им мачтовый лес[1].



Амбары, близъ Гиттердаля.

Огромное протяжение скандинавских лесов приучило в прежнее время жителей страны к большой расточительности в употреблении леса для отопления, построек, для надобностей промышленности и для вывоза за границу, вследствие чего обширные пространства лишились покрывавших их прежде лесных богатств. В настоящее время от Мальме до Стокгольма, на всем протяжении железной дороги, мы везде увидим леса, перерезанные водами и возделанными землями, но уже не встретим групп больших деревьев, которые годились бы

1 Memoires de Bravais, Charles Martins, Charles Grad, etc.

для постройки кораблей, а между тем древние саги рассказывают, что вся эта страна некогда представляла один громадный сплошной лес дубов и буков; стада диких свиней бродили в этих дремучих лесах, подобно тому, как они бродят в наши дни в дубовых лесах Сербии и Хорватии[1]. В южной Норвегии леса, достойные этого названия по высоте деревьев, остались теперь только вдали от дорог, и уже очень многие из металлургических заводов пришлось покинуть, по причине недостатка топлива, необходимого для плавления железной руды. В этих холодных областях рост деревьев идет очень медленно, и потому истребление лесов делается там причиной продолжительного обеднения страны. В то время, как норвежцы употребляют, пропорционально цифре населения, может быть, в пять раз больше леса, чем французы, только для местных нужд, почва их производит, на одинаковом пространстве, в пять раз менее, по причине незначительной толщины годовых слоев древесины, скудно питаемой промерзлою почвой; на скатах многих гор[2] так много вырублено деревьев, что верхняя граница пояса лесов понизилась уже метров на сто. В новейшее время законодательство признало нужным принять меры предосторожности в видах охранения на будущее время лесных богатств страны от чрезмерного истребления: в силу закона 1875 года, землевладельцы северных провинций Швеции должны щадить молодые деревья, имеющие менее 25 сантиметров толщины на высоте роста человека. На острове Готланде принуждены были совершенно воспретить эксплоатацию леса для продажа.

Дикия животные, населявшие прежде леса Скандинавии, в наши дни сделались редки. Медведи, волки, рыси, россомахи, так же, как лисицы и хищные птицы, усердно преследуются охотниками, получающими за каждого убитого зверя денежную награду, и потому встречаются теперь только в глухих, уединенных местностях. Количество диких животных, убитых в Швеции[3]:

	Медведей	Волков	Рысей	Россомах
С 1856 по 1860 г.	618	865	873	611
С 1876 по 1880 г.	299	183	334	651;

лисиц—58.749; хищных птиц-72.755.

Лось еще не исчез из гор Норвегии; на севере от Христиании существует даже целое стадо лосей, которое, конечно, давно бы уже истребили, если бы не было запрещено охотиться на этих редких животных. Козуля, благородный олень также встречаются в лесах Норвегии, и некоторые острова в окрестностях городов Бергена и Трондгьема служат охотничьими парками для их владельцев. Первобытный бык (тур) жил в Скании в эпоху каменного века; в лундском музее есть один экземпляр этого животного, сохранивший еще знак раны, сделанной кремневою стрелой[4]. Там и сям попадается еще бобр, некогда столь обыкновенный, а в наши дни столь редкий в Европе. Заяц, не очень боязливый зимою, когда шерсть его по белизне цвета смешивается с окружающими снегами, водится во множестве в гористых местностях северной Скандинавии, а грызуны лемминги или пеструшки (Lemnus norvegicus) спускаются бесчисленными стаями с норвежских нагорных равнин к морю. Что касается северного оленя, то его уже не встречают более в диком состоянии в шведских долинах; еще недавно он жил большими стадами на всех возвышенностях южной Норвегии, от гор Телемаркена до плоскогорья Доврефьельд; но число его сильно уменьшилось с тех пор, как охотники стали употреблять скорострельные и дальнобойные ружья. В северной Скандинавии дикий северный олень совершенно вывелся; теперь там можно увидеть его только как домашнее животное лапландцев. Северный олень, который прежде жил в Скании и скелеты которого находят там и сям в торфяных болотах, принадлежал к другой породе, отличной от лапландской: это, вероятно, было то самое животное, о котором упоминает Юлий Цезарь и которое населяло обширный Герцинский лес. Что северный олень не переселился из Скании в Лапландию—это доказывается совершенным отсутствием каких-либо остатков это-

1 L. v. Buch, „Reise durch Norwegen und Lappland".
2 O. J. Broth, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien".
3 „Statistisk Tidskrift", 1883, I.
4 Nilsson, „Les habitants de la Scandinavie".

го четвероногого во всей обширной области Скандинавского полуострова, разделяющей две названные провинции[1]. Нет сомнения, что кочевые переселенцы пришли со своими стадами домашних северных оленей из северных областей России.

Почти все виды птиц, которые живут на южных берегах Балтийского моря, встречаются также и на Скандинавском полуострове, но в гораздо меньшем числе: леса Швеции менее оглашаются пением птиц, чем лески и рощи Германии; однако, замечено, что с распространением земледелия в Скании и в центральной Швеции число видов певчих птиц в стране увеличилось. Что касается морских птиц, то они кружатся вокруг утесов норвежского прибрежья в таком же несметном множестве, как и вокруг «столбов» моря на Шетландских и Фарерских островах, или на подводных скалах Исландии. Некоторые острова Лофотенского и Вестер-Ааленского архипелагов получили даже особое название nyker, то-есть «птичьих гор», по причине громадного множества пингвинов, тупиков, кайр, чаек, которые гнездятся под кусками дерна на береговых террасах. Издали эти никеры, окруженные непрерывно летающими стаями птиц-самцов, кажутся погруженными в волнующийся пар или туман. Шум, производимый размахами крыльев, слышен за несколько верст, а вблизи походит на свист бури. По причине отсутствия гаваней или хорошо защищенных бухточек, эти острова трудно доступны для человека; но он все-таки пристает к ним в дни штиля на море и делает запас яиц и птицы при помощи собак из породы такс, которые проникают в подземные галлереи гнезд. Гага, довольно редкая в южных фьордах Норвегии, очень обыкновенна на островах Финмарка, так же, как в архипелаге островов Вестер-Аален и Лофотенских: составляя главное богатство местного населения, эта птица защищена от приезжих охотников строгим законом 1860 года.

Моря, омывающие норвежское прибрежье, также очень богаты животною жизнью, гораздо богаче, чем балтийские воды шведских берегов. Гнездилище баснословного «морскаго змея», Мольде-фьорд, лежащий между проливами Аалезунд и Христиансзунд, из всех заливов и бухт Скандинавии наиболее изобилует морскими организмами[2]. Ни в одном европейском море, исключая разве берегов Португалии, рыболовы не закидывают свои сети на более значительные глубины, чем в водах норвежского прибрежья. На глубинах в 200, даже в 400 метров они ловят особую породу трески, налима (lota) морских пучин, а также морского лосося (Coregonus silus), акулу странного вида (Spinax niger, иглоспинник черный), кожа которой кажется усаженной кристаллическими иглами, и «чудовищную химеру», уродливую и прожорливую рыбу, которую норвежцы называют «морским царем». В 1853 году знаменитый Асбьернсон, поэт-натуралист, исследуя драгой дно Гардангер-фьорда, на глубине 360 метров, вытащил из этих пучин великолепное иглокожее в форме звезды, совершенно отличное от известных уже видов, и, в восторге от этой находки, дал ей мифологическое имя «Бризинга», как будто он отыскал священный brising, украшение богини Фрей, брошенное в море Локом, злым богом[3]. Благодаря этим ловлям в глубокой воде, оба Сарса, отец и сын, и другие норвежские естествоиспытатели сделали свои важные открытия в океанической фауне; в несколько лет Сарс Старший констатировал существование 427 новых видов морских животных (не считая рыб), которые почти все были извлечены из скравенскпх вод, на Лофотенских островах, с глубины от 360 до 480 метров. Кит, за которым голландские рыболовы гонялись, лет двести тому назад, на берегах Финмарка, исчез совершенно из скандинавских морей: бухта Бозекон ныне уже не заслуживает названия «Китовой бухты», и жители страны тщательно сохраняют, как какую-нибудь чужеземную диковинку, ребра китов, некогда оставленные на берегах. Когда Леопольд фон-Бух посетил Лапландию в начале нынешнего столетия, кладбище в Гасвике было почти все окружено барьером, сделанным из этих китовых костей.

Известно, какое важное экономическое значение имеет рыболовный промысел в некото-

1 Nilsson, выше цитированное сочинение;—Worsaae „La colonisation de la Russie et du Nord skandinave“

2 Sars;—Карл-Фогт, „Путешествие на север”

3 Sars, „On some remarkable forms of animal life“.

рых частях морей, омывающих скандинавское прибрежье. Шведские берега вокруг Готеборга, Галланда, Богуслена доставляют местным жителям значительную часть их пропитания, и тысячи судов, занимаются ловлей сельди, трески и другой рыбы, на всем пространстве от Каттегата до Норд-Капа. Десятая часть норвежского населения—ихтиофаги; но промысел их подвержен случайностям и недочетам по причине перемещения стай рыбы. Сельди, которые лет сто тому назад кишмя кишели в морях около города Гетеборга, вдруг исчезли в начале этого столетия, и прибрежное население, лишенное самого обильного источника своего пропитания, впало в крайнюю нужду. Только в недавнее время рыба эта опять вернулась к берегам Гетеборга, сначала в гораздо меньшем, против прежнего, числе, затем в громадных количествах, в зиму с 1878 на 1879 год. Точно также на норвежском берегу, заключающемся между мысом Линдеснес и мысом Стад, сельди появлялись зимой очень неправильно, то на одном, то на другом пункте, и часто даже совсем не приходили: с 1567 по 1644 год, в течение чуть не целого столетия, их ни разу не встречали у этих берегов. Несколько лет спустя они вернулись, потом снова удалились, чтобы опять появиться в конце семнадцатого века. С 1808 по 1835 год рыбу эту можно было ловить в изобилии в окрестностях Бергена и к югу от этого города, затем она переместилась постепенно к мысу Линдеснес, после чего появлялась то там, то сям. По объяснению О. Сарса, перемещение стай сельди происходит от большего или меньшего обилия креветок, аннелид и моллюсков, и, в меньшей мере, от влияния ветров и течений. Ныне «зимний лов» сельди производится между мысами Линдеснес и Стад и в водах Гетеборга. Что касается летнего лова этой рыбы, то он еще более изменчив, чем зимний, и рыбопромышленники принуждены направлять свои суда в различные пункты берега, на пространстве от Линдеснеса до Лофотенских островов. В северных областях моря рыболовы также очень хорошо знают из продолжительного опыта, что стаи трески переходят периодически с одной на другую сторону Лофотенских островов. Большой весенний лов трески привлекает все население островов и массу чужих рыболовов. Сушеная треска идет в Швецию, Россию, Голландию, Италию, тогда как соленая распространяется в Германии, в Испании, в Португалии, на острове Кубе; из печени её приготовляется ворвань, и от 10 до 27 миллионов голов преобразуются в удобрение. После метания икры, треска поднимается к Финмаркету, куда за ней следуют и рыболовы, устраивающие летом своего рода отаву. Макрель, омар, которого бедняки ловят корзинами, лосось, которым изобилуют устья рек, морской налим и некоторые другие породы рыбы дополняют рессурсы норвежского населения. Теперь придумали употребить телеграф на служение рыболовству, и как только стая сельдей, трески, макрелей или акул показывается в соседстве 150 берегов или островов, тотчас же подается весть прибрежным морякам. В 1877 г. было уже около 4.000 километров этих «сельдяных телеграфов на морских берегах и во фьордах». Какой контраст между быстрым, как молния, языком электрических проволок и чарами, изобретенными некогда рыболовами, чтобы заставить рыбу направляться к расставленным ей сетям! Еще недавно между обитателями берегов Норвегии было распространено поверье, что морские духи не могут выносить понятную человеческую речь. Вследствие этого, моряки и рыболовы изобрели особый, образный язык, с самыми странными сравнениями и оборотами, для того, чтобы чудовищам, населяющим морские пучины, не удалось проникнуть в тайну их заговоров. Говорят, что в некоторых деревнях и теперь еще существует этот оригинальный морской жаргон с нашептываниями и колдованиями.

Ловля трески составляет, можно сказать, необходимое условие жизни прибрежных населений Финмаркена, норвежцев, финнов и русских, так же, как и лопарей. Когда моря доставляют обильный улов рыбы, смертность между прибрежными жителями уменьшается, население возрастает, довольство становится всеобщим. Если сельдь появляется во множестве к концу лета в фьордах Лапландии, то это вызывает общую печаль, ибо рыболовы знают из продолжительного опыта, что сельдь и треска не посещают два раза кряду те же самые воды в один и тот же год; многочисленные стаи первых предвещают очень скудный улов будущей весной. Но когда сельдь приходит под осень в малом числе, во всех гаванях прибрежья весело принимаются за приготовление к весне рыболовных снарядов; начинают строить

новые барки и ладьи, составляются многочисленные артели рыболовов; все наперед знают, что желанная рыба придет во множестве. В годы хорошего улова не одни только рыболовы по ремеслу, норвежцы, финны, русские и лапландцы, принимают участие в рыбном промысле: кроме» них, тогда сбегаются к морскому берегу целые караваны мужчин, женщин, детей, собак и северных оленей. Лесные лопари, привлекаемые к морю в период лова, появляются на берегах, затем уходят обратно в свои леса, точно перелетные птицы.

IX.

Население Скандинавии имеет писаную историю, начинающуюся не ранее, как десятка за два поколений до нашего времени. Первые летописи, относящиеся к концу одиннадцатого столетия, почти совершенно утеряны: от этой эпохи и от предшествовавших ей веков с половины девятого столетия остались только смутные предания, передаваемые сагами. Восходя далее, в мрак времен, мы находим одни только свидетельства, оставленные на почве или в земле древнейшими обитателями полуострова.

По своим археологическим остаткам, южная Швеция представляет большое сходство с датскими островами и, повидимому, была населена в древние времена людьми той же расы и таких же нравов; но на север от этой части полуострова простирается другая, отличная от предъидущей, область. Северная Швеция и Норвегия не имеют кухонных куч каменного века, подобных датским, исключая одной, найденной близ берегов Трондгьемского фьорда, в Стенкьере; но и эта груда мусора заключает лишь предметы человеческого искусства, относящиеся ко временам шлифованного камня. До сих пор ни орудия из кости, ни орудия из камня, просто расколотого или грубо отесанного, в роде тех, какие встречаются в датских кухонных кучах или в костяных пещерах Бельгии и Франции, нигде не были открыты в областях Скандинавии, лежащих на юг от пролива, образуемого большими озерами. Из этого заключают, что северная Скандинавия была в ту эпоху еще безлюдною пустыней: первые поселенцы, вероятно, проникли туда не ранее, как в период шлифованного камня; предметы, относящиеся к этому веку, суть самые древние остатки старины, какие до сих пор найдены в этой области[1]. Мамонты, носороги, остатки которых встречаются в пещерах Франции смешанные с предметами палеолитического (т. е. относящагося к древнейшей эпохе каменного века) искусства человека, также не оставили по себе никаких следов на Скандинавском полуострове: очевидно, с эпохи отступления льдов, эти большие млекопитающие не имели достаточно времени овладеть страной.

Неизвестно с точностью, к какой именно эпохе должны быть отнесены остатки первых скандинавов и остатки их искусства, но некоторые геологические признаки указывают, что этот век уже очень удален от нас: он восходит, без сомнения, к тем временам, когда льды, покрывавшие прежде всю страну, мало-по-малу растаяли. Но кажется, что Нильсон приписывает первым обитателям края слишком глубокую древность: доказательства, приводимые им в подкрепление своих гипотез, быть может, не имеют всей той цены, которую он им придавал и которую у них оспаривает другой исследователь, Торелль. Вдоль берегов Балтийского моря тянется, по направлению от востока к западу, от города Истад до Треллеборга и до мыса Фальстербо, род широкого вала, состоящего из гравия и песку, прерывающийся там и сям и разделенный на отрывки неравной длины, образовавшиеся, вероятно, в различные эпохи; местные жители дали ему название Иеравал, то-есть «холм Иера». Под этим гравием Нильсон[2] открыл наконечники стрел и копий, лежавшие на дне древних торфяных болот, находящихся ныне на 2 слишком метра ниже уровня моря. Но Иеравал, которому прежде приписывали древнее происхождение, есть, повидимому, прибрежный кордон новейшего образования. Что касается человеческих скелетов, найденных в разные времена на берегах Богуслена, в раковистых мелях, поднятых теперь высоко над поверхностью моря, то

1 Worsaae, „La colonisation de la Russie et du Nord skandinave";—Nilsson, „Les habitants primitifs de la Skandinavie";—Kuch, „Congres d'Anthropologie do Stockholm", 1874.

2 Nilsson, „Les habitants primitifs de la Skandinavie".

останков этих не видел и не исследовал никто из ученых, к критическому духу которых можно бы было питать доверие. В 1843 году нашли два таких скелета на полуострове Стенгенес, недалеко от Бро, скрытые еще под горизонтальными слоями морских раковин, ныне поднятыми на 30 метров выше уровня моря; но ничто не доказывает, что эти слои раковин находятся в их первоначальном положении, и неизвестно в точности, принадлежат или нет найденные скелеты к каменному веку[1].

Могилы, относящиеся к эпохе шлифованного камня, очень многочисленные в Скании, в Готландии и в Богуслене, то-есть в полуденной Скандинавии, отсутствуют, как и кухонные кучи, в северной части полуострова. Эти могилы представляются в различных формах: долмены, или stendosar, воздвигнутые по большей части на могильных курганах; hallkistor, нечто в роде больших гробниц, сложенных из камней и окруженных земляными насыпями; ganggrifter, склепы с подземными галлереями, называемые также jattestugor, или «палатами великанов». Эти погребальницы, достаточно обширные, чтобы вмещать до двадцати тел и более, образуют по большей части продолговатый квадрат, иногда круг, и покрыты плоскою крышей из толстых гранитных плит, на которых возвышаются горки из земли или груды каменьев: длинная и узкая галлерея ведет снаружи в подземную погребальную залу, и почти все они имеют отверстие с южной или с восточной стороны. Каменные глыбы нигде не отесаны, а оружие и разные орудия, находимые подле трупов, по большей части с черепами типа длинноголовых, все принадлежат к неолитовым векам. В эту эпоху почти все погребальницы заключали, между прочим, янтарные бусы, нанизанные в виде ожерельев или расположенные в виде украшений; их находят даже в могилах внутренней части полуострова, куда янтарь, без сомнения, привозился с берегов Балтики. Скандинавы времен долменов любили также украшать себя, подобно краснокожим индейцам, ожерельями и серьгами из костей и зубов диких животных[2]. Не к тому ли же веку относятся, по времени происхождения, многочисленные камни, в которых были выдолблены чаши и которые обыкновенно известны под именем «камней эльфов», elfstenar? Крестьяне и до сих пор еще приносят в этих камнях жертвы земным духам, кладя в чаши иголки, монеты, серебро, бумагу, или обмазывая их топленым свиным салом, чтобы получить исцеление от известных болезней[3]: обычай этот еще недавно существовал также в Померании, и, кроме того, мы находим его в Индии; вообще он был распространен во всех странах, где воздвигались долмены.

Из тридцати шести тысяч разного рода предметов, относящихся к каменному периоду, которые были найдены до 1874 года на территории Швеции, тридцать четыре тысячи открыты в южных провинциях, то есть в Готландии. Из этого нужно заключить, что северные области полуострова оставались очень слабо населенными в эпоху шлифованного камня; но топоры и стрелы этого века, которые находят на берегах Норвегии, точно такого же типа, как и каменное оружие, встречающееся в Скании; далее на севере, в нынешней Лапландии, раскопки также открыли оружие и орудия, но сделанные из сланца или из кости, и отличающиеся оригинальной формой[4]. Когда каменный период сменился в Скандинавии бронзовым веком, и в этом веке тоже, в особенности в Готландии, развивалась цивилизация, проникавшая туда двумя путями: с одной стороны, с Дуная и из средней Германии, с другой— по рекам, текущим из славянской земли в Балтийское море[5]. К этой же эпохе относятся иероглифические письмена или так называемые «изваяния на скалах» (hallristningar), встречающиеся в Скании, Готландии, шведской области Богуслен и в норвежской провинции Смааленене и изображающие флотилии, большие ладьи с драконовыми головами, колесницы, телеги, быков и других животных, воинов, звероловов и мореплавателей[6]. Пре-

1 Hildebrand, „Рукописные заметки".
2 Oscar Montelius, „La Suede prehistorique".
3 Desor, „Les pierres a ecueiles".
4 Righ,—Montelius, „Congres d'Anthropologie et l'Archeologie prehistorique. section de Stockholm", 1874.
5 Oscar Montelius, „La Suede prehistorique".
6 Oscar Montelius, то же сочинение.

красные вазы, различные украшения, бронзовые диадемы, так же, как ткани с вышивкой тонкой работы, свидетельствуют об артистической оригинальности туземцев бронзовых веков; однако, многие археологи полагают, что влияние этрусков было преобладающим в этом периоде скандинавского искусства; впрочем, большинство найденных до сих пор шведских древностей двух эпох бронзового века были, без всякого сомнения, отлиты в самом крае, как о том свидетельствуют каменные литейные формы, находимые там и сям, но бронза несомненно была привозима из других стран в виде сплава, так как она содержит около одной десятой доли олова, а этот металл не встречается в Скандинавии; может быть также, как предполагают Батальяр и Мортилье, фабрикация бронзовых изделий составляла специальное ремесло каких-нибудь бродячих племен, в роде нынешних цыган. Нильсон полагает, что им открыты в стране многочисленные следы финикийского искусства: он приписывает этим семитам надгробные камни, на которых изображены корабли, лодки, топоры, мечи; но это мнение ученого археолога не всеми принято, в виду отсутствия надписей на этих камнях: в самом деле, трудно понять, допуская гипотезу Нильсона, отчего финикияне воздерживались от вырезывания письмен именно на памятниках, оставленных ими в Скандинавии[1]. Что касается греческой цивилизации, то положительно известно, что она не представлена никакими произведениями в Скандинавии, за исключением, может быть, нескольких находок, совершенно единичных. сделанных на восточных берегах Швеции[2].

Но влияние Рима действовало могущественно, хотя и косвенным образом, на населения северного полуострова. Даже вне пределов римской империи варварские народы следовали тому импульсивному движению, которое было дано им завоевателями тогдашнего цивилизованного мира; они научились пользоваться железом и начали употреблять ряд букв, родственный с алфавитом латинян и произведенный от азбуки кельтских племен, населявших северную Италию. Впрочем, этот ряд рун или «тайн» (runar или runir), различающийся у кельтов и германцев, значительно видоизменился в течение веков: на различных памятниках надписи должны быть читаемы справа налево, тогда как обыкновенно они читаются слева направо, как латинские буквы; многие надписи состоят из так называемого бустрофедона, или бороздообразного письма, где строки должны быть читаемы попеременно то от левой руки к правой, то от правой к левой: есть, наконец, и такия, которые нужно читать сверху вниз. Начертания знаков или букв изменяются, смотря по времени и месту; в особенности на севере, вдали от стран, откуда были первоначально заимствованы, они отличаются оригинальностью форм; в Скандинавии же число их, в начале двадцать четыре, уменьшилось до шестнадцати[3]. Руны гравировались на камнях и костях, высекались на дереве, на роге, вырезывались на украшениях и на оружии: музеи Скандинавии заключают многочисленные коллекции этих письмен, которые, если и не доставили сведений о специальной истории скандинавской расы, то, по крайней мере, познакомили нас с её языком и с его последовательными изменениями. В средние века писали даже целые книги руническими буквами: так, например, сборник законов Скании (Skonelagen), относящийся к тринадцатому столетию, написан этим алфавитом[4]. Золотые украшения, известные под именем брактеатов, которые находят в Скандинавии в количестве в девять раз большем, чем во всех других странах Европы, взятых вместе, по большей части покрыты руническими знаками; фигуры богатырей, лошадей, птиц, драконов, которые тогдашние художники гравировали на этих украшениях, как кажется, все без исключения, по мнению Ворсе, имеют отношение к легендам севера Европы.

Железный век, во время которого посвященные в «тайны», то-есть в искусство рунического письма, вырезывали свои священные буквы, смешивается мало-по-малу с историческими веками около эпохи больших норманских экспедиций; но можно ли разграничивать

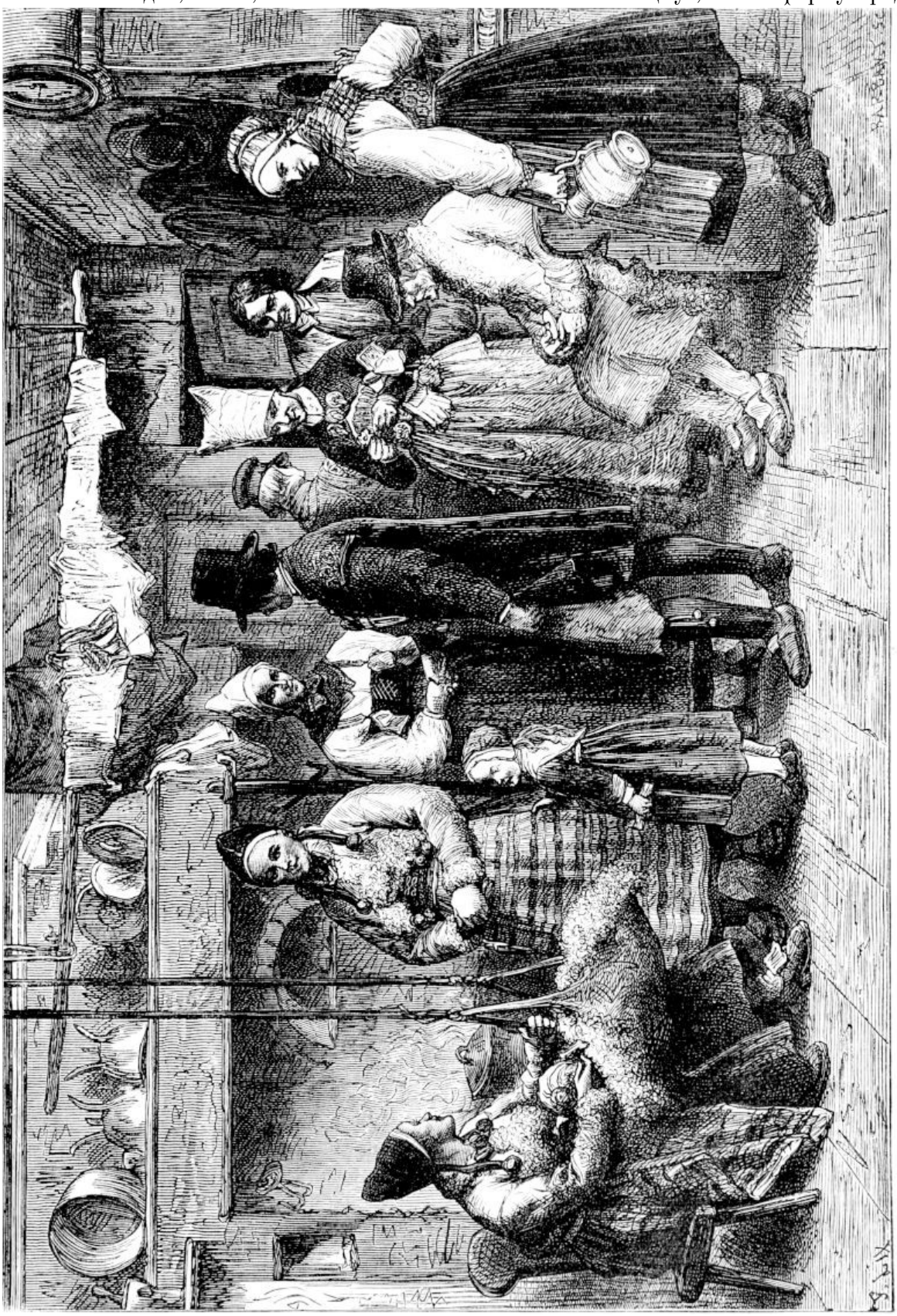
1 Майнов, „Известия Русск. Географ. Общества“, 1877 г., № 6.
2 Worsaae, „La colonisation de la Russie et du Nord scandinave“.
3 Wimmer, „Ueber den Urspung und die Entwickelung der Runenschrift im Norden“.
4 Oscar Montelius, „La Suede prehistorique“.

таким образом различные века? Во времена римского владычества, когда скандинавы уже обменивали свои товары на италийские монеты, разве они не имели в то же время железного оружия, украшений из бронзы и золота, и даже каменных орудий? Разве рунические письмена не были употребляемы жителями острова Готланда до шестнадцатого столетия, то-есть до эпохи позднейшей, чем изобретение книгопечатания, и разве рунические календари не оставались в употреблении в некоторых отдаленных округах Скандинавии,—и даже Англии[1],—до эпохи еще более близкой к нам? Разве сланцевый период не продолжался в Лапландии до конца прошлаго столетия[2]? Каждая новая цивилизация сменяет предшествующие степени культуры постепенно, а не уничтожает их разом. Религиозные обряды и верования древних культов, сохраняющиеся под именем суеверий, свидетельствуют об этом смешении веков, которое можно уподобить слиянию вод, в начале еще явственно различающихся, нескольких рек, текущих в одном русле. Так, например, четверг или день Тора (Thorsdag по шведски) еще не далее как сто лет тому назад считался священным днем в различных частях полуострова, в особенности на скандинавских Альпах и в Готландии. Даже в начале нынешнего столетия некоторые старухи никогда не пряли и не сбивали масла в четверг; большая часть работ трудных или важных была строго воспрещена обычаем в этот день: «старая рыжая борода», как называли Тора, не позволяла осквернить трудом посвященный ему день. С другой стороны, всякое колдование, всякия чары и заклинания, чтобы быть действительными, должны были иметь место в день Тора, и тот, кто родился в четверг, получал дар видеть духов и привидения. Еще и в нынешнем столетии никакая церемония крестин, свадьбы или похорон не практикуется в четверг. Крестьяне не знают причины этого обычая, но день древнего бога Грома до сих пор остается для них языческим днем, в который, по их понятиям, не должен быть совершаем никакой обряд христианской религии[3]. Финн Магнусен рассказывает[4], что между поселянами некоторых нагорных долин Норвегии до конца прошлого столетия существовал обычай святить четверг камнями круглой формы, которые они обмазывали коровьим маслом и клали в свежую солому на почетном месте в верхнем конце стола; в известные праздники их обмывали сывороткой, а на Рождество обливали пивом, в надежде обеспечить этим способом счастие домашнему очагу. Еще и в наши дни шлифованный камень неолитового века употребляется в глухих деревнях как талисман против болезней.

Пришедшие с берегов Черного моря и с Дуная готы и свевы, известные ныне под общим именем скандинавов, должны были пройти целую половину Европы, чтобы добраться до своего нового отечества. Часто высказывали предположение, что эти переселенцы проникли на северный полуостров, пройдя через всю северную Россию и Финляндию; но сравнения древнего оружия и орудий, найденных в различных странах, не подтверждают этой гипотезы. Скандинавы, как кажется, пришли с юго-востока и с юга в Данию, и уже оттуда проникли сначала в Сканию, потом в северную Швецию и в Норвегию. Финны и лопари вступили с северной стороны, скандинавы же вошли через противоположную оконечность полуострова. Готы, или Gotar, были первые, по времени, завоеватели. Свевы, или Svear, потомки «блаженных азов», пришли после; они прошли через южные части полуострова, где поселились готы, овладели мало-помалу всею страной, и их столица, Асгард, которая переносилась с места на место при каждом их переселении, утвердилась, наконец, в центре завоеванного края. Различие, существующее между двумя скандинавскими группами, готов и свевов, и теперь еще очень заметно не только в языке, но также в нравах и обычаях. Что касается формы черепа и физического типа, то они не представляют достаточно определенных

1 Ashmolean Museum, в Оксфорде.
2 Скандинавский этнографический музей Газелиуса, в Стокгольме.
3 Nilsson, „Les habitants primitits de la Scandinavie“.
4 „Annaler for Nordisk Oldkyndighed“, 1838—1839.

контрастов[1] в этой стране, как и во всех других, главные различия типов и физиономий обусловливаются родом занятия и образом жизни, а не племенным происхождением. Типическая голова шведов, такая, какою ее описывают Нильсон и Рециус, имеет форму продолго-



Типы и костюмы. Внутренность шведскаго дома.

ватого овала, несколько более широкого назади, чем напереди, но округленного с обеих сторон; наибольшая длина её относится к наибольшей ширине, как 4 к 3, или как 9 к 7,

1 Nilsson, „Les habitants primitits de la Scandinavie".

Далекарлиец, то-есть житель области Даларне, в верхнем бассейне реки Дал-эльф, признается обыкновенно представителем наиболее чистого национального типа свевов, которые передали свое имя шведам, или Svenskar наших дней. Вообще он отличается высоким ростом (по Беддоэ, средний рост шведов 1,70 метров), гибкостью стана, стройностью форм и, вместе с тем, сильным телосложением; лицо у него гордое, оживляемое прекрасными темно-синими глазами, доминируемое широким, открытым челом; он предупредителен без нескромности, весел без увлечения, решителен без буйности. Безукоризненная честность составляет, так сказать, капитал эмигрантов из Далекарлии, которые приходят тысячами в Стокгольм, где их употребляют на все работы, требующие силы или ловкости; их везде можно узнать издали, благодаря их национальному костюму ярких цветов. Из других шведов всего более отличаются от далекарлийца жители равнин, которые очень часто имеют серьезное, почти суровое выражение лица.

Смешение населений совершается постепенно, благодаря постоянному развитию торговых сношений и распространению колонизации во внутренности края: в стране, где, как в Скандинавии, жители рассеяны на столь обширных пространствах, местная промышленность, как бы она ни была развита, не могла удовлетворять все нужды населения, служба торгового обмена требовала весьма большого числа лиц, и поездки должны были быть очень часты, даже поездки за границу. И действительно, находки, сделанные в почве, доказывают, что после падения западной римской империи шведы находились в постоянных торговых сношениях с Константинополем; острова Эланд и Готланд, в особенности последний, доставили антикварам множество византийских монет, которые свидетельствуют о большом движении торгового обмена. Впоследствии, около конца девятаго столетия, Готланд сделался также рынком отпускной торговли с Востоком в собственном смысле, доказательством чего служат находимые на этом острове целые клады, состоящие из арабских или куфических монет, привезенных из Багдада или из Хорассана. Города, которые предшествовали Стокгольму, как складочные пункты области Меларского озера, также участвовали в этой восточной торговле. Коммерческие сношения с Востоком продолжались до двенадцатого столетия, когда они прекратились вследствие войн, театром которых была южная Россия. Как доказал Риан, опираясь на письменные памятники, найденные в стокгольмских архивах, скандинавы принимали также очень деятельное участие в крестовых походах. Вообще скандинавы вступали в торговые сношения с другими странами главным образом посредством вооруженных набегов. Правда, шведские пираты, за исключением тех, которые направлялись на запад вместе с норманнами, не оставили по себе в истории столь глубоких следов, как викинги Дании и Норвегии; но причину этого нужно искать в том направлении, которое приняли их воинственные экспедиции. В своих нашествиях и битвах они не приходили в соприкосновение с народами, достигшими относительно высокой степени цивилизации, каковы были, например, французы или прибрежные жители Средиземного моря; финны, латыши, венды и славянские племена обширной страны Gardarike, известной ныне под именем России, одни могли рассказать о подвигах этих завоевателей, приходивших с запада[2].

Чужеземцы могли иметь лишь весьма слабое прямое влияние на скандинавское население, ибо с наступления исторических времен полуостров этот никогда не подвергался нашествию победоносных армий, если не считать походов русских войск в 1719 и в 1809 годах; да и мирные переселенцы вступали в эту страну лишь в небольшом числе. Наиболее значительное колонизационное движение шло из Финляндии. Начиная с конца семнадцатого столетия, финляндские крестьяне переправлялись через Ботнический залив, чтобы селиться в верхнем Иемтланде, на норвежской границе, где потомки их живут и теперь, смешанные с шведскими земледельцами. Другие колонии финляндцев поселились в северных провинциях. Религиозные преследования также способствовали в некоторой степени заселению страны. С конца шестнадцатого столетия, сотни валлонских рабочих, приглашенных одним гол-

2 Wattenbach. „Ein Blick auf Schwedens Hauptstadt und Schwedens Geschichte“.

ландцем, сделавшимся обладателем рудников, удалялись с родины в Швецию и селились преимущественно в горнозаводском местечке Эстерби, в соседстве с даннеморскими рудниками. Потомки этих колонистов, почти все брюнеты, сохранили до наших дней следы своего происхождения и ревниво удерживают правописание своих французских имен и фамилий; все кузнецы в провинции Даннемора тоже валлонского происхождения. С той эпохи много других изгнанников искали убежища в Швеции, но, конечно, не их влиянию, чисто-местному, а естественной симпатии шведов к французам, должна быть приписана та ревность, с которою изучали язык Расина и подражали парижским нравам на берегах Балтийского моря. Шведам нравилось, что их называли «северными французами», и, без сомнения, они имеют право на это название по своей общительности, вежливости и хорошему вкусу. Что касается норвежцев, то их, напротив, прозвали «англичанами Скандинавии», и этот эпитет также не лишен основания: отечество их обращено лицом к лежащей через море Великобритании, с которою производится главная их торговля и откуда всего более приезжает к ним посетителей, моряков и путешественников для собственного удовольствия. Норвежцы не отличаются, вообще говоря, ни подвижностью, ни гибкостью, но силой и настойчивостью. Они размышляют прежде, чем отвечать, решаются на что-нибудь не вдруг, хорошо обдумавши, но чего захотят, то умеют привести в исполнение. Мистики между ними, как кажется, гораздо многочисленнее, нежели в Швеции, хотя последняя была родиной Сведенборга.

Жители Скандинавского полуострова говорят не одним и тем же языком; но их наречия, происшедшие все одинаково от древнего северного диалекта, называемого norroena, на котором написаны руны, настолько похожи одно на другое, что соединены между собою нечувствительными переходами. Так, сканийское наречие служит посредствующим звеном между шведским и датским языками, и смотря по столице, от которой политически зависела страна, жители классифицировались последовательно то как говорящие копенгагенским, то как говорящие стокгольмским наречием. В самом деле, преобладающим диалектом в Швеции сделался тот, которым говорят в метрополии и в соседних с нею округах: это говор звучный, с полным согласием звуков, и более оригинальный, чем датский, благодаря древней сокровищнице слов, которые он сохранил; но между шведскими наречиями есть еще более любопытные по их древним формам, именно далекарлийское, готландское и областные наречия, которыми говорят за пределами нынешней Швеции, в некоторых частях Финляндии и на островах эстляндского прибрежья. Что касается литературного норвежского языка, то это тот же датский язык, к которому только прибавилось несколько местных слов и оборотов речи. В некоторых уединенных долинах сохранилось древне-норвежское наречие (norse), любопытный язык, очень близкий к исландскому и составляющий вместе с ним отдельную глоттологическую группу. Некоторые норвежские патриоты хотели бы доставить главенство говору их предков и создать таким образом новый литературный язык: с этою целью были основаны специальные общества, издавались журналы и книги на древнем норвежском диалекте; но эти попытки не встретили поддержки со стороны общественного мнения. С другой стороны, многие писатели пытались сблизить различные скандинавские наречия, придать им единство норвежского языка девятого столетия. В 1869 году ученые датские, шведские и норвежские собирались в Стокгольм с целью принятия однообразного правописания для всех скандинавских языков, но национальное соперничество помешало и до сих пор мешает окончательному соглашению между филологами.

Рядом с этими скандинавскими народностями, которые принадлежат к наиболее однородным в Европе, живут племена еще почти азиатские, правда, немногочисленные, но в высшей степени интересные по их физическому виду, происхождению и образу жизни: это —лапландцы или лопари. Эти народцы, отчасти кочевые, как цыгане или «румыны» (Rouminisal), которых можно встретить в разных частях Швеции, занимают на северной оконечности Скандинавского полуострова, в верхних бассейнах шведских рек, впадающих в Ботнический залив, на финляндской территории, уступленной Швециею России, наконец,

на Кольском полуострове, огромное пространство, исчисляемое слишком в 200.000 квадр. километров, но очень редко населенное: на всем этом пространстве насчитывают около 25.000 жителей, то-есть по одному человеку на каждую площадь в шестьсот или семьсот гектаров.

Число лопарей: в Норвегии—14.645; в Швеции—6.800; в России—2.400 и в Финляндии —960.

Достоверно известно, что кочевые лопари, бродя на просторе по равнинам, почти пустынным, Скандинавского полуострова, располагались своими становищами гораздо южнее своей нынешней области, в странах, которые теперь населены скандинавами. Следы их речи встречаются в шведском языке, и различные названия мест можно объяснить словами их идиома. Еще в наши дни целые семьи лапландцев живут даже в самом сердце Иемтланда, около 63 градуса северной широты, где область их ясно ограничена исчезновением оленьего мха, составляющего пищу их стад; но постоянное давление шведских и норвежских иммигрантов не переставало, на обоих берегах, оттеснять этих первоначальных поселенцев внутрь земель. Легенды, относящиеся к карликам (dvergar), к чародеям (troll), к горным людям (bergfolk), рассказывают, в мифической форме, об истребительных битвах, которые скандинавские колонисты вели с лапландцами, древнейшими обитателями страны.

Известные ныне под их шведским именем лапландцев или лопарей, которое означает, по одним, «кочевников», по другим—«пещерных жителей», эти инородцы, называющие себя «самами», «саме» или «самелатами», говорят финским наречием, которое, как утверждают исследователи, имеет больше сходства с языком мордвы, чем со всяким другим диалектом урало-алтайской группы, и которое заключает некоторые древние формы и корни слов, не существующие теперь в финляндском языке; но хотя лопарям оффициально дают название финнов (Fin) в норвежском Финмаркене, они ясно отличаются от финляндцев в собственном смысле, не только теми контрастами, которые производит различие цивилизации, но также физическим видом, ростом, формой черепа. По Рециусу, средняя вместимость черепов у лопарей—1.321 куб. сант.; средний головной указатель у лопарей—83,50.

Многие антропологи усматривали в различных группах народностей расы совершенно отдельные, принявшие язык финских завоевателей, но неимевшие с ними никакого кровного родства. Между тем как Вирхов считает лапландцев ветвью финского племени, Шафгаузен видит в них потомков монгольских народцев, оттесненных на север и подвигавшихся к западу вдоль берегов Ледовитого океана. Недавно думали также, что лопари отличаются от всех других людей совершенным незнанием пения: «Лапландцы, говорит Фетис,— единственный народ, который не поет»; но это мнение оказалось ошибочным. Лопари, очень болтливые по природе, умеют, если не петь так, чтобы выходило приятно для шведских ушей, то по крайней мере очень хорошо модулировать некоторые музыкальные звуки, и теперь уже собрано довольно много их песен[1]. Впрочем, старинные родовые прозвища, между которыми встречается много имен шведских, норвежских, финляндских, даже русских, свидетельствуют, что это племя не однородное в этнографическом смысле: лопари—смешанный народ.

Вообще говоря, внутренние, то-есть живущие вдали от моря, лапландцы, которые, вероятно, могут считаться наиболее чистыми представителями своей расы, люди очень низенькие, приземистые, в сравнении с их соседями, северными шведами, отличающимися почти исполинским ростом. Однако, в среднем, они вовсе не так малы, какими их воображали прежде из любви к чудесному. В прежнее время любили указывать на контраст патагонских великанов и лапландских карликов, живущих на двух оконечностях обитаемого мира; но подобно тому, как пришлось значительно убавить воображаемый гигантский рост индейцев Магеллановых земель, так же точно нужно увеличить рост, обыкновенно приписываемый лапландцам. По словам Дулька, средний рост туземцев, кочующих с оленями (оленьих лопарей), равняется одному метру шестидесяти сантиметрам, и даже попадаются между ними

1 Gustaf von Duben, „Om Lappland och Lapparne".

такие, которых во всякой стране можно было бы считать рослыми людьми; фон-Дюбен, ученый, очень близко и тщательно изучивший инородцев крайнего Севера, полагает, что этот средний рост никак не менее полутора метра: это почти та же мера, которую дает Мантегацца (152,4 сантим.). Бюст у лопарей довольно длинный, но ноги почти у всех, за редкими исключениями, несколько кривые, выгнутые дугой[1]. Замечено также, что лопари-рыболовы, постоянно сидящие в своих лодках и действующие веслами, имеют слабые ноги, в сравнении с их сильными руками и крепкою, мускулистою грудью. Крайнее безобразие лица, приписываемое этим северным народцам, также существует лишь в воображении их соседей. Правда, лопари, по большей части, имеют выдающиеся скулы, приплюснутый нос, маленькие глаза, треугольный облик, редкую бороду, кожу часто желтоватую у мужчин, но череп у них очень широкий, лоб высокий, благородный и вообще более широкий, чем лоб скандинавов[2]; рот улыбающийся, взгляд живой и добродушный. Глаза у лопарей обыкновенно черные, но цвет волос бывает различный: большинство имеют темнорусые волосы, у других они совершенно черные, у некоторых, напротив, совершенно белокурые. Голос у них не такой металлический и звучный, как у шведов; однако, слабый и глухой голос бывает только у горьких пьяниц, которые, впрочем, теперь встречаются гораздо реже, чем прежде, особенно в Швеции, вследствие безусловного запрещения в крае продажи и мены спиртных напитков с 1839 года. В настоящее время кофе заменяет водку, как общеупотребительный напиток лапландцев; те из них, которые имеют средства, пьют кофе почти весь день с утра до вечера, прибавляя к нему соли, иногда также сыру, крови или жира[3]. Благодаря необыкновенно здоровому климату страны и несмотря на отталкивающую грязь и вонючий воздух их жилищ, лопари пользуются вообще превосходным здоровьем и достигают глубокой старости; смертность между ними меньше, нежели между цивилизованными поселенцами морского прибрежья; но, как это заметил уже Ачерби в прошлом столетии, глаза у них часто бывают красные и больные, по причине едкого дыма, наполняющего их палатки, или вежи, и их постоянных странствований среди ослепительных снежных равнин.

Смотря по образу их жизни, лапландцы делятся на лесных и поморских, на оленных и на рыболовов. Очень небольшое число из них, поселившиеся в равнинах вокруг Ботнического залива, занимаются земледелием, но и те рассчитывают главным образом на продукты рыбной ловли в озерах и реках. Палатки лопарей состоят из жердей и досок, поставленных в форме конуса, обложенных хворостом или дерном и покрытых сверху холстинами или кусками шерстяной ткани, с отверстием на верхушке, через которое выходит дым от огня, разводимого по середине чума. Иногда хижины устраиваются на вбитых в землю кольях: некоторые семьи живут в вежах, стены которых наклонены наружу, так что фасад имеет вид ромба, стоящего на одном из своих углов. Хозяйством в этих тесных, дымных жилищах занимаются обыкновенно мужчины[4]: не следует ли видеть в этом обычае остаток гинекократии, или «власти матери семейства», которая преобладала у многих древних народов?

Лапландцы, живущие на берегах Ледовитого океана, более многочисленные, чем их единоплеменники, кочующие внутри страны (в 1875 году в Норвегии насчитывали инородцев этого племени: оседлых—14.645, кочевых—1.073), принуждены в морских водах искать источник пропитания, который лесные лапландцы находят в содержании стад северного оленя. Эти последние по необходимости должны вести кочевую жизнь, но они не странствуют целыми родами, как бродячие народны теплых стран, каковы, например, бедуины или туркмены; напротив, каждая лопарская семья живет особняком в лесу. Но если лопари таким образом отделяются от себе подобных, то делают это вовсе не по недостатку общительности. Им нужны обширные пространства для прокормления их многочисленных стад северного

1 Georg Hartung, Albert Dulk, „Fahrten durch Norwegen und die Lappmark“.

2 Gustaf von Dubon, „Om Lappland och Lapparne“;—„La Laponie et les Lapons, Congres intern. des Sciences geograph“. Paris, 1878.

3 Gustaf von Duben, выше цитированное сочинение.

4 Gustaf vou Duben, „Om Lappland och Lapparne”.

оленя, ибо каждый лопарь, для поддержания своего существования, должен иметь по меньшей мере двадцать пять голов скота, а олений мох (ягель), раз выщипанный, наростает вновь очень медленно. Стада возвращаются пастись на то же самое место только по прошествии десяти лет. Правда, летом олени питаются травой и листьями деревьев: если бы мох составлял единственный корм северного оленя, то громадное пространство, занимаемое Лапландией, было бы слишком тесно для нескольких тысяч кочевников, которые бродят там со своими стадами, так как олень прокармливает кочующие лопарские семьи, давая им молоко, к сожалению, далеко не обильное; даже зимой лопарь «грызет» оленье молоко, которое он сохранил замороженным в виде кружков. Но, кроме молока, мясо и кровь оленя тоже служат пищей этим дикарям. Обыкновенная, главная трапеза дня состоит из «кровяной похлебки», приготовляемой из муки и крови, которую лопарские хозяйки умеют сохранять в продолжение зимних месяцев в жидком состоянии в боченках или в мехах, сделанных из оленьих желудков[1]. Находясь таким образом, как в отношении насущного пропитания, так и в отношении одежды и жилища, в полной зависимости от своего стада, лопарь, имеющий не более сотни оленей, может прокармливать себя и семью лишь самым скудным образом и без уверенности насчет средств существования; он считается бедным и должен присоединиться, в качестве клиента, к какому-нибудь более зажиточному владельцу стад. По исчислению фон-Дюбена, среднее число оленей на каждого лапландца, со включением рыболовов и земледельцев, не превышает тринадцати или четырнадцати голов; да и это число стремится к уменьшению по мере того, как кочевой образ жизни сменяется оседлым. Владеющий стадом в триста оленей почитается уже богатым, и указывают между лопарями настоящих магнатов, имеющих до 2.000 голов скота, которые представляют ценность по меньшей мере в 60.000 фр. и составляют, может быть, двухсотую часть всех стад домашних оленей. Общее число домашних оленей во всей Лапландии, лежащей в пределах трех северных государств, определяли следующим образом:

В шведской Лапландии (1870 г.)—220.800, т.-е., при 6.072 лоп., по 165 оленей на каждую семью; в норвежской Лапландии (1875 г.)—97.570, т.-е., при 21.500 лопарей, по 22 оленя на каждую семью; в финляндской Лапландии (1865 г.)—40.300, т.-е. при 615 лоп., по 325 оленей на каждую семью; в русской Лапландии (1859 г.)—230(?). Всего—357.900.

Эти богачи, обладатели больших стад, хорошо знают дорогу к рынкам поморья, куда они сбывают оленьи шкуры и сыр и где помещают свои капиталы на крупные проценты. Уже у лопарей, как и у их соседей скандинавов, можно видеть контраст богатства и бедности. Но жилища, принадлежат ли они богатым или бедным «самам», содержат ли в шкафу несколько фарфоровых чашек или только грубую деревянную посуду, все они одинаково представляют тесные, сырые, смрадные шалаши, где непривычному человеку не вынести и двух минут. Впрочем, несмотря на ужасную грязь, насекомых в лопарской веже нет никаких. Блоха не водится в Лапландии; взамен того, комары и мошки летом составляют страшный бич для иностранцев, если не для самих лопарей, которые вымазываются жиром, чтобы защитить открытые части тела от жал назойливых насекомых, и которые на летние месяцы переселяются в прибрежные местности, где морской ветер рассеевает крылатые тучи.

С половины семнадцатого столетия жители всей Лапландии называют себя крещеными, христианами, они обладают, благодаря миссионерам, маленькою духовною литературой и, смотря по территории, которую занимают, соблюдают религиозные обряды, предписываемые местным правительством: в Скандинавии—они протестанты и даже имеют несколько книг духовного содержания, написанных на их языке; в русских владениях они принадлежат к православной церкви. Священнослужители обоих вероисповеданий без труда могли, во многих случаях, экзальтировать страсти этого, по выражению Ампера, «легко приходящего в экстаз» племени[2]; однако, и до сих пор у лопарей осталось еще много следов древних языческих обычаев, имеющих большое сходство с шаманством монголов. Волшебный бубен играл

1 G Hartung und A. Dulk, „Fahrten durch Norwegen und die Lappmark“.

2 Ampëre, „Esquisses du Nord”.

важную роль во всех их обрядах и церемониях, так же, как кора сосны и березы, на которой чародеи или шаманы нацарапывали изображения разных орудий, животных, людей и богов. Эта кора, называемая норвежцами «деревом рун», была вопрошаема, как оракул, лопарями

Лапландскіе типы и костюмы.

во всех сколько-нибудь важных обстоятельствах их жизни: толкование таинственных знаков, начертанных на коре, составляло великое искусство и высшую мудрость. Говорят, что последнее «руническое дерево» было уничтожено около половины настоящего столетия; сей-

те, или камни какой-нибудь странной формы, иногда грубо изваянные, вокруг которых совершались языческие обряды, были брошены в озера самими лопарями, или сохраняются в музеях Швеции; но если фетиши исчезли, то многие церемонии, которые могут быть объяснены только древним языческим культом, удержались до сего дня. Так, собаки, лучшие друзья лопаря, без помощи которых этот кочевник не мог бы управлять своим табуном оленей, ныне уже не погребаются, как это делалось прежде, со своими умершими хозяевами, и тело покойника не завертывают более в бересту, где вырезаны изображения медведей, волков, оленей; но и теперь еще в могилу бросают один вид раковин, называемых по-лопарски «собачья душа»: лопарь, обращенный в христианство, не смеет более отправляться в леса того света в сопровождении своего верного пса; зато по крайней мере берет с собой символ, напоминающий его товарища по охоте. Так же. как во всех странах Европы, в Лапландии празднуют день солнцестояния огнями, зажигаемыми на высотах; но в какой стране солнце могло бы по справедливости пользоваться большим почетом, чем под этими полярными широтами, где оно впродолжении нескольких недель освободило землю от снежного савана и снова украсило ее листьями и цветами?

Обыкновенно думают, что число лапландцев уменьшается с каждым годом, и что этот элемент населения обречен на постепенное вымирание и должен скоро исчезнуть, как исчезали многие племена краснокожих индейцев в Америке или различные народны в Океании. Но это мнение, кажется, ошибочно. По крайней мере в Финмаркете, то-есть в части Лапландии, принадлежащей к Норвегии, число этих иностранцев не только не убавилось, но даже возросло: сравнивая податные списки за 1567, 1799 и 1815 годы, нашли, что количество кочевников утроилось в последние три столетия; в одной Норвегии оно увеличилось в семь раз. В конце прошлого столетия (в 1799 г.) лопарей насчитывали:

В Швеции и Финляндии—5.113; в Норвегии—3.000; в России—1.000; всего—9.113.

Если таким образом население поморья возрастает, то это происходит в значительной мере вследствие давления так называемых «новых крестьян» или «новоселов» (Nybyggare), то-есть шведских и финляндских колонистов, которые постепенно подвигаются все ближе к морю, съуживая территорию номадов и заставляя их мало-по-малу приближаться к морским берегам; в конце восемнадцатого столетия эти пришлые поселенцы были уже многочисленнее, чем лопари шведской провинции Норрботтен. Вообще шведские лапландцы, вероятно, уменьшились числом с начала нынешнего столетия, что бы ни говорили противоречивые статистики: единогласное свидетельство колонистов не оставляет никакого сомнения относительно факта постепенного оттеснения кочевников за шведские границы: область лесов, присвоиваемая поселенцами, скандинавскими и финляндскими, все более и более замыкается для временных иммиграций лопарей. Точно также русские лопари и квены, потомки древних финских переселенцев, появившихся в первый раз на западе от реки Торнео во время войн Карла XII, покидают в большом числе свои становища, чтобы идти селиться на норвежские берега.

Прежде переселения совершались попеременно то в одном направлении, то в противоположном, смотря по временам года: норвежские лопари имели привычку перекочевывать на финляндскую территорию с наступлением холодного времени года, чтобы перезимовать там с своими стадами оленей; с своей стороны, финляндские лопари переселялись на лето к норвежскому поморью; это был, так сказать, взаимный обмен услуг между населениями двух стран. Петербургские бюрократы увидели в этих периодических переселениях недостаток уважения к неприкосновенности границы, и с 1852 года скандинавским кочевникам было запрещено переходить границу без стеснительных формальностей. Но русские подданные, находя в Норвегии больше промысловых и коммерческих выгод, чем у себя дома, уходили тысячами искать средств существования у своих соседей, жителей скандинавской Лапландии: открытые круглый год для рыбной ловли и судоходства, порт Вадсе и другие гавани норвежского морского берега являются необходимыми сборными местами для сопредельных населений, запираемых зимой льдами Белого моря. С половины прошлого столетия русские

рыболовы стали пускаться на своих утлых ладьях в воды Финмаркена или норвежской Лапландии; об этих промышленниках рассказывают как о людях еще более смелых и неустрашимых, чем квены и норвежцы[1]. В прежнее время эти последние были по большей части потомки изгнанников, пришедших из полуденной Норвегии.

Если нет причины опасаться исчезновения лопарей с лица земли, то по крайней мере нельзя не видеть того факта, что они все более и более приближаются нравами и цивилизацией к тем народностям, с которыми они находятся в постоянных сношениях, и не может быть сомнения, что мало-по-малу эти инородцы составят с ними одну нацию. Это слияние подготовлялось уже целые века, так как лапландцы получили свою культуру от скандинавов; от них они научились искусству разводить домашних животных: в лопарском языке одна только собака имеет оригинальное, незаимствованное название; лошадей и коров, овец и коз, кошек, свиней лопари знают лишь под их скандинавскими наименованиями. Северный олень был им известен, но только как дикое животное, за которым они охотились: уменьшение зверя в лесах заставило дикарей подражать своим соседям, приручая оленя, ставя его под ярмо. В настоящее время те же скандинавы, в особенности норвежцы, научают лопарей искусству рыбной ловли в больших размерах, разным промыслам и работам оседлой жизни и прививают им мало-по-малу правы цивилизованных народов Европы. С другой стороны, нельзя отрицать того факта, что если лопарь внутренних лесов мало-по-малу приблизился к шведу по понятиям и образу жизни, то и квенский или скандинавский поселенец, в свою очередь, сильно «облопарился»; он сделался меньше ростом, но зато выносливее, чем его южные соотечественники, и лицо его носит очевидные знаки смешения его расы с племенем первобытных жителей страны. Подобно лопарю, он умеет ловить, запрягать оленей и править ими на езде; как и у лопаря, национальное его блюдо состоит из «кровяной похлебки»: одежда его тоже мало чем разнится от костюма лопаря, и не только он умеет разговаривать с туземцем на финском языке, но даже употребляет часто этот язык в своей собственной семье. Впрочем, эти две различные расы живут одна подле другой в совершеннейшем согласии. Хотя некоторые писатели говорят о смешениях между различными народностями, как о редком явлении, но статистика Норвегии констатирует тот факт, что между уграми Финмаркена более чем одна пятая состоит из людей смешанной крови. В 1885 году в этой провинции насчитывали:

Финнов и лопарей, почитаемых чистокровными—23.312; потомков финнов и лопарей—1.089; потомков норвежцев и финнов или лопарей—4.372.

В Швеции также несколько сотен индивидуумов принадлежат по происхождению к двум расам, при чем скрещивания в большинстве случаев происходят между лопарями и шведскими женщинами. В 1870 году в этой стране насчитывали следующее число лопарей смешанной крови:

12 рожденных от отца лопаря и матери финки; 151 рожденных от лопаря и матери шведки; 41 рожденных от отца шведа и матери лопарки; 52 рожденных от отца финна и матери лопарки.

Нужно прибавить, что школы в значительной степени содействуют уничтожению лопарской национальности. В самом деле, лопарские дети, обязанные ходить в школу, находящуюся по большей части далеко от родительского стойбища, незаметно приобретают привычки, от которых им впоследствии трудно отделаться. Не все они возвращаются к кочевой жизни своих отцов, и те из них, которые остаются в шведских деревнях, кончают тем, что сами считают себя шведами, и потомство их смешивается с потомством господствующей расы[2].

X.

В Норвегии самый рельеф почвы и климат решили, где следовало выбирать места для

1 Leopold von Buch, „Reise durch Norwegen und Lappland".

2 Tornebohm, „Рукописные заметки".

основания городов. За исключением тех из них, которые разработка рудных месторождений вызвала к жизни внутри страны, все города естественно должны были возникнуть у самого моря, на берегах небольших заливов, хорошо защищенных от холодных северных ветров и легко доступных для судоходства. Даже деревни почти нигде не встречаются вдали от морских берегов. Крестьяне каждый имеют свой gaard, группу деревянных построек, служащих для различных надобностей сельского хозяйства, а церкви, муниципальные здания, почтовые конторы возвышаются в стороне, на каком-нибудь месте, видном издалека, или в точке пересечения дорог. Кроме того, население естественно должно было группироваться и основывать свои торговые города преимущественно в полуденной части страны, там, где климат менее суров и где солнце появляется на горизонте во все дни года. В первые времена норвежской истории, когда норманские моряки обращали взоры в особенности к Великобритании и другим странам Западной Европы, чтобы делать туда разбойничьи набеги или основывать там завоевательные колонии, западные заливы Норвегии, Трондгьемский и Бергенский, представляли по своему положению наибольшие удобства для этой цели, и с этой-то стороны полуострова и селились отважные мореплаватели. Но с того времени, как завоевания и морское разбойничество перестали быть главным промыслом норвежцев, с той поры, как посредством колонизации внутренних местностей страны они прибавили к рыбной ловле и торговым сношениям другие роды промышленности—разработку рудников и возделывание почвы в долинах, полуденный скат гор, обращенный к заливу Христиания и к берегам Дании, Скании, Германии, должен был приобрести первенствующее значение. Из 21 города, имеющих свыше 4.000 жителей, 14, то-есть две трети, находятся в этой части Норвежского королевства, очень маленькой в сравнении с территорией, обращенной к Атлантическому океану. Впрочем, за исключением Христиании, города относительно нового, и Бергена, старого ганзейского рынка, все города норвежского прибрежья похожи друг на друга, как две капли воды. Расположенные каждый у оконечности фьорда, на полукруглом песчаном берегу, подле глубокой воды, где могут приставать большие корабли, эти приморские города поднимаются в виде амфитеатра по скатам холма и состоят однообразно из деревянных домов, больших и маленьких, выкрашенных в белый, в серый, в желтый, в розовый, большею же частью в кроваво-красный цвет. Никакой резьбы, никаких наружных украшений, как на швейцарских домиках или шалэ; только окна окружены рамкой с вырезками. Дома норвежских городов—не что иное, как большие деревянные ящики, поставленные на каменном фундаменте; но внутренность их более богата украшениями, и окна уставлены горшками с розой, вербеной, геранью. Церкви, все увенчанные шпилем, куполом или башенками, отличаются несколько тяжелой архитектурой: массивные глыбы гранита, поддерживающие здание, и бревна, составляющие его сруб, не поддаются фантазии художника; чтобы придать хотя сколько-нибудь движения и жизни целому, архитектор должен был воздвигать корпус на корпус, унизывать их колоколенками и вырезными деревянными крестами, открывающимися в виде пасти дракона. Иные церкви, как например, церкви города Боргунда, на одном из притоков Согнефьорда, и города Гиттердаля, в Телемаркене, представляют некоторое сходство с храмами Китая и Тибета.

Первый город норвежского прибрежья, на его полуденной границе,—Фредериксгальд, над которым господствует на юге, с вершины высокой скалы, крепость Фредерикстен, некогда защищавшая Норвегию от нападений шведов; обелиск указывает место, где пал Карл XII в 1718 г.; другой обелиск воздвигнут в честь Кольбиерисена, защитника крепости. В настоящее время Фредериксгальд не имеет уже надобности заботиться о защите территории; он занимается главным образом отправкой за границу леса, сплавляемого по реке Тистедальсэльв (в 1891 г. вывезено этого товара на 3.500.000 крон). Такова же главная промышленность другого города, Фредерикстада, лежащего при устье реки Гломмен и покрывающего огромное пространство своими раскиданными кварталами, своими отдельно-стоящими домами, своими складами лесного товара и большими фабричными заведениями (в 1892 г. вывезено 240.000 куб. метр. строганого леса). Точно также Сарпсборг, хотя простое местечко, занимает не меньше места, чем иная столица, и тянется на несколько километров к западу

от мануфактур и лесопильных заводов, колеса которых приводятся в движение водопадами реки Сарп. Лесной же торговлей занимается и хорошенький городок Мосс, лежащий на перешейке между двумя заливами и двумя портами и, таким образом, имеющий в своем распоряжении два торговых пути, один к Христиании, другой—к открытому морю. В этом городе был подписан в 1814 году трактат о соединении между двумя королевствами Швецией и Норвегией. Торговое движение трех главных портов восточного берега фьорда Христиании в 1882 году выразилось следующими цифрами, по приходу и отходу судов:

Фредериксгальд—1.190 судов в 122.590 тонн; Фредирикстад—3.558 суд. в 343.400 тон.; Мосс—416 суд. в 73.210 тонн.

Коммерческий флотъФредериксгальда (1891 г.)—89 судов в 24.470 тонн; Фредерикстада (1891 г.)—195 суд. в 57.600 тонн.

Христиания, или Кристиания, столица Норвегии и второй город Скандинавии по числу жителей, занимает положение, которое, так сказать, было наперед указано географическими условиями страны. Он расположен у оконечности залива, разделяющего два второстепенных полуострова полуденной Норвегии и Готландии, вырезанные на южной стороне большого Скандинавского полуострова. Этот залив, Кристианиа-фьорд, легко может быть защищаем, потому что берега его против Гвидстена и Дребака сходятся так близко, что остается только узкий канал, командуемый теперь пушками крепости Оскарсборг; внутри материка он оканчивается обширным бассейном в форме полумесяца, где порты могут быть устроены под защитой каждой косы. Христиания имеет два главных порта: Пипервиксбуттен—на западе и Бьервикен—на востоке; последний из них наиболее посещаемый, и вдоль его набережных постоянно теснятся суда, хорошо защищенные от ветров; но, к сожалению, бухта бывает заперта льдами, средним числом, около четырех месяцев в году.

Большое морское озеро, при котором лежит Христиания, в старину было известно под именем Viken или «Залива» по преимуществу; это была одна из лучших между теми гаванями засады и убежища, где норманские викинги снаряжали свои флотилии, и где они их прятали, по возвращении из воинственных экспедиций. В настоящее время бассейн Кристианиа-фьорда обязан своим важным торговым значением преимущественно плодородию земель, которыми он окаймлен, и которые расположены, так сказать, в форме шпалерника, таким образом, что получают всю силу солнечных лучей. (Округ Акерсгус, окружающий норвежскую столицу, один заключает более половины возделываемых земель королевства, и вывозом его сельскохозяйственных произведений занимаются, разумеется, моряки Христиании.

Кроме того, лучшие леса Норвегии, теперь уже большею частию вырубленные, росли на скате холмов и гор, обращенных к этому фьорду; наконец, там же находятся самые значительные месторождения руд и минералов.

При том же долины, спускающиеся к заливу Христиании, расположены таким образом, что придают очень обширные размеры торговому бассейну норвежской столицы. Самое обширное озеро Норвегии, Мьезен, тянется далеко на север, являясь как-бы продолжением морского залива, часть которого оно некогда составляло. Гломмен, Драмс-эльв и другие реки изливают свои воды в фьорд, и хотя их устья не находятся в непосредственном соседстве Христиании, но не трудно было построить дороги в низменных равнинах их бассейнов, и таким образом столица сделалась центром, в котором сходятся все торговые пути, спускающиеся из окружающих долин. Мало того, через понижения в Опландской плоской возвышенности, так же, как через долину Гудбрандсдаль. Христиания имеет удобное сообщение с атлантическими берегами Норвегии, в особенности с Трондгьемс-фьордом и с Мольде-фьордом, и преимущественно на историческом пути из города Трондгьема в Христианию, по которому теперь пролегает железная дорога, совершились почти все важнейшие события многовековой борьбы, разделявшей населения противоположных скатов полуострова на два враждебных лагеря. Равным образом, Христиания, лежащая почти под той же широтой, как и Стокгольм, соединена с этим городом естественным путем, проходящим на севере от

больших озер, и, следовательно, образует вершину треугольника, которого два другие угла занимают прежняя метрополия Норвегии и нынешняя столица Швеции[1]. По своим морским сношениям, удлиненный залив Христиании точным образом соответствует остроконечному выступу полуострова Ютландии и тоже помещается в вершине треугольника: суда, выходящие из фьорда, видят перед собой открывающиеся два пути—путь Скагеррака, ведущий к Гамбургу, Дюнкирхену или Лондону, и путь Каттегата, по которому они могут направляться к Копенгагену или к портам Балтийского моря.

Уже с половины одиннадцатого столетия город Осло, или Онсло. существовал на месте, занимаемом в наши дни восточным предместьем Христиании, которое носит то же название; а двести пятьдесят лет спустя была сооружена крепость Акерсгус на соседней скале, господствующей над частью нынешнего города и над устьями двух речек, Акерс-эльвен и Ло-эльвен. Наконец, в 1624 году, после сильного пожара, возник новый город, которому дано было имя Христиании, в честь царствовавшего тогда датского короля Христиана IV. Он почти весь вновь выстроен из камня и кирпича после пожара 1858 года; ломки сиенита и гранита, окаймляющие фьорд, а также соседние пласты глетчерной глины, доставляют все материалы, которые ему нужны для постройки его дворцов. Как всякая столица, Христиания имеет многочисленные публичные здания и служит местопребыванием парламента, высших судебных учреждений и главных учебных заведений. Университет королевства, основанный в 1811 году и обыкновенно известный под именем Фридриховского (Fredericiana), насчитывает около 1.500 студентов. С университетом соединены естественно-исторические музеи, минц-кабинет, музей скандинавских древностей, этнографический музей и библиотека в 330.000 томов. Кроме того, под ведением университета состоят ботанический сад, астрономическая и магнитная обсерватории, а также метеорологическая обсерватория, прославленная трудами профессора Мона.

Христиания, главный торговый и промышленный центр королевства, обогащается деятельностью её прядильных и ткацких мануфактур, строительных мастерских и многочисленных винокуренных и водочных заводов. По ценности торговых оборотов она—самый оживленный рынок Норвегии, и по размерам отпускной торговли ныне превосходит Берген, который недавно равнялся с ней в этом отношении.

Движение судоходства в порте Христиании по заграничной торговле в 1891 г.:

В приходе 2.300 судов, вместимостью 936.829 тонн; в отходе 1.452 судна, вместимостью 628.412 тонн.

Торговый флот, принадлежащий судовладельцам Христиании:

Парусных судов 297, вместимостью 166.302 тонн; паровых 104, вместимостью 37.341 т.

Ценность привоза в 1892 г.: 107.825.700 крон; ценность вывоза: 31.449.000 крон.

Правильное пароходное сообщение соединяет Христианию со всеми городами скандинавского прибрежья, с главными портами Западной Европы и даже с Нью-Йорком; кроме того, сеть железных дорог, которая уже доходит до Трондгьема на севере, до Гефле на северо-востоке, до Стокгольма на востоке, до Гетеборга и Мальме на юге, с каждым годом все более и более возвышает важность Христиании, как торгового и промышленного центра, а население её, которое еще в начале текущего столетия едва превышало 8.000 душ, увеличилось слишком в двадцать раз с того времени: в среднем, оно возрастает слишком на тысячу человек в год. К тому же столица Норвегии, если принять во внимание её высокую широту, есть один из самых приятных для жительства городов Скандинавского полуострова, благодаря чистоте её воздуха, относительно высокой средней температуре и теплому климату, красоте её окрестностей. С вершины скалы Акерсгус, выдвинувшейся в залив в форме острия копья, открывается прекрасный вид, обнимающий большую часть города, суда, стоящие на рейде, и зеленеющие острова, рассеянные по поверхности фьорда: на западе, полуостров Ладегардс, соединенный с материком узким перешейком, отражает в бухте огромные вековые деревья своего парка, свои виллы, свой загородный дворец; далее виднеются многочисленные

1 J. G. Kohl, „Die geographische Lage der Hauptstadte Europa's".

островки, все правильной формы, расположенные параллельными линиями и похожие на бусы ожерелья, нить которого только-что порвалась. На северной стороне равнины, где тянутся по бокам дорог предместья Христиании, поднимаются холмы высотою в 300 и даже в 400 метров, откуда можно созерцать весь географический план фьорда через мысы, перешейки и архипелаги.

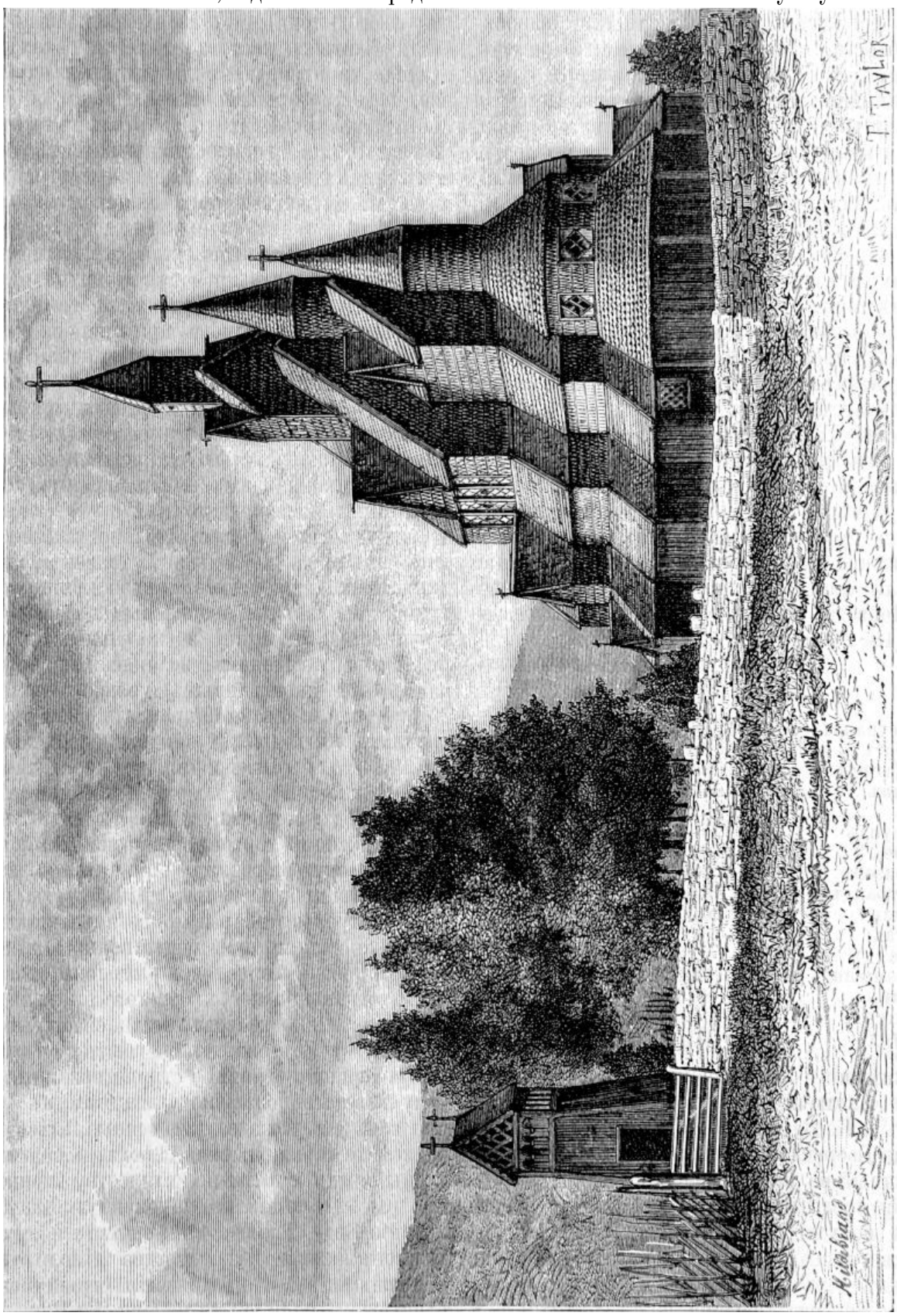
Бассейн реки Гломмен, хотя самый значительный из речных бассейнов Норвегии, не имеет сколько-нибудь важных городов в верхней своей части, за исключением горнозаводского города Рерос, который находится, благодаря близости Трондгьема, более в круге притяжения этой древней столицы, чем в круге притяжения Христиании. Город Эйдсвольд, лежащий на судоходном истоке озера Мьезен, все-еще сохранил довольно важное значение, как исходный пункт для путешественников, отправляющихся к Реросу и Трондгьему, ибо у этого города останавливается железная дорога из Христиании и начинается судоходство по озеру Мьезен до города Гамара. В историческом отношении, Эйдсвольд замечателен как место, где собрался, в 1814 году, первый стортинг (сейм) Норвегии, после заключения трактата о соединении королевства с Швецией; кроме того, этот город уже с давних времен был общим сборным пунктом для всех опплендеров или горцев, и здесь же Олаф Святый был выбран, в 1020 году, королем Норвегии. Гамар, на восточном берегу озера Мьезен, был духовной метрополией страны, и там до сих пор еще видны величественные развалины кафедрального собора. Город этот был разрушен шведами в 1569 году; жители его бежали в Опсло и таким образом содействовали процветанию местечка, которому суждено было впоследствии возвыситься на степень столицы Норвегии.

Все приморские города на юге и на западе от Христиании ведут оживленную торговлю, отправляя за границу доски и руды, как Драммен, или рыбу, как Ставангер; многочисленные парусные суда теснятся у входа фьордов и беспрестанно рассекают волны вдоль берегов; по низкому небу стелятся длинные полосы пара. Во всем Скагерраке и за мысом Линдеснес до города Ставангера господствует кипучая морская деятельность, которую можно сравнить с деятельностью, какую мы видим в больших английских портах: в 1882 г. коммерческие флоты норвежских портов Скагеррака и Ставангерского залива, в округах Христиании и Христиансзанда, заключали более пяти тысяч ста судов, общая вместимость которых равнялась одному миллиону трем стам сорока тысячам тонн, а экипаж состоял из сорока-шести тысяч человек[1]. Таким образом страна «северных финикиян», как называют норвежцев, узкая береговая полоса, идущая у подножия необитаемых гор и плоских возвышенностей, обладает более могущественным флотом, чем иные обширные государства, имеющие десятки миллионов жителей, как Франция, Испания или Россия.

Драммен, один из больших городов Норвегии, принадлежит к числу самых деятельных портов этой торговой страны. Расположенный в том месте, где река Драмс-эльв, вытекающая из обширного озера Тирифьорд, расширяется в лиман, Драммен состоит в действительности из двух длинных и узких городов, которые выстроились вдоль расходящихся берегов речного устья; один из мостов, перекинутых через этот залив, имеет более 300 метров в длину. Драмменский порт, соединенный с морем посредством узкого канала, где проходит Свельвигенское течение, есть как-бы замкнутый бассейн, представляющий те же выгоды, как рейд Христиании; еще не так давно он имел больше судов, чем самая столица, хотя движение судоходства в нем далеко не так значительно (в 1891 г. прибыло из заграницы: 397 парусных судов в 79.012 тон. и 46 пароходов в 19.629 т.; вышло: 493 парусных судна в 102.303 т. и 126 паровых в 47.302 т.; ценность ввоза—4.557.100, вывоза—8.138.300 крон; собственный торговый флот: 159 парусных судов в 65.370 т. и 15 пароходов в 977 т.). Местная промышленность состоит главным образом в отправке за границу досок; но негоцианты этого города съумелп воспользоваться своими богатствами в лесе и посылают его в виде мебели, паркета, разного рода украшений. Кроме того, Драммен служит экспедиционным или отправочным портом для горнозаводского города Конгсберга (то-есть «Королевской горы»),

1 A. N. Kioer, „Tabeller vedkommende Norges Skibsfart i Aaret 1876“.

лежащего на юго-западе, при реке Лауген. Рудные месторождения серебра, открытые в 1623 году, разрабатывались с того времени постоянно, исключая нескольких лет перерыва в начале нынешнего столетия, и доставляют средним числом чистого металла на сумму свыше пол-



Церковь въ Гиттердалѣ.

миллиона франков; но относительная ценность серебра понизилась, рудники обеднели, и самый город пришел в упадок: в период с 1815 до 1830 года рудники эксплоатировались в

убыток[1]. В цветущую эпоху своей истории Конгсберг имел больше 10.000 жителей и был, после Бергена, первым городом Норвегии; в настоящее же время в нем насчитается лишь около половины его прежнего населения. В этом городе существовал монетный двор Норвегии. В одной долине, параллельной той, где лежит Конгсберг, в 25 километрах к западу от этого города, находится замечательная своей архитектурой деревянная гиттердальская церковь, представляющая пирамидальную массу из поставленных ярусами один на другой конусов, увенчанную колоколенками.

На западных берегах фьорда Христиании следуют один за другим порты Гольместранд, Гортен, Тенсберг, Сандефьорд; далее, при устье реки Лауген, стоит город Лаурвик. Гортен, недавно бывший простой деревней, сделался значительным и оживленным городом с той поры, как бухта его была выбрана местом главной стоянки военного флота королевства. По свидетельству средневековых хроник, Тенсберг, который был одним из четырех «муниципальных городов» королевства, есть древнейший порт Норвегии, так как летописцы с конца девятого столетия говорят о нем, как о цветущем городе, куда приходили в большом числе корабли из Дании и из «Саксонской земли»; но уже в те времена место, где в наши дни расположен город Лаурвик, пользовалось громкой известностью, потому что там находились храм Скирингозаль, привлекавший толпы народа, и дворец короля Гаральда. На западе от Лаурвикского фьорда открывается другой залив, где небольшой порт Порсгрунд служит передовой пристанью городу Скиен, главному рынку земледельческих произведений провинции Телемаркен.

На берегу Скагеррака каждое местечко—торговый порт, и между ними, на некотором расстоянии один от другого, расположены более или менее значительные города, присутствие которых обнаруживается, со стороны моря, большим числом судов, теснящихся у входа в бухты, ведущие к этим городам. Таковы: Крагере, защищенный с восточной стороны мелями Иомфруланд, которые моряки шутя называют «куском Дании, прибитым волнами к берегу Норвегии»; Эстерризер; Тведестранд: Арендаль, богатейший порт всей Скандинавии по количеству каботажных судов и город, откуда часто отправляются путешественники, предпринимающие поездку к озерам и водопадам Телемаркена. Далее следуют города: Гримстад, Лиллезанд, Христиансзанд, город моряков, судостроителей, спасателей (команды спасательных лодок), корабельных плотников и пр., который при том обладает превосходными культурными землями, образовавшимися путем отложения в море речных наносов: Мандаль, ближайший порт к мысу Линдеснес, хорошо известному мореплавателям. За этим мысом морской берег загибается к северу, и на одном узком перешейке, на оконечности Иедеренского берега, населенного стадами баранов, представляется горделивый Ставангер, один из важнейших торговых городов Норвегии и четвертый город королевства по числу жителей, а между тем население его не достигало и тысячи душ в начале семнадцатого столетия: даже в 1800 году он имел всего только 2.400 жителей. Ловля сельдей, фабрикация шерстяных изделий и торговля были главными источниками процветания этого древнего местечка. Ставангер, бывший некогда местопребыванием епископа, до сих пор сохранил прекрасный собор, построенный в двенадцатом и тринадцатом столетиях в английском готическом стиле.

Город Гаугезунд охраняет северный вход в залив Букке-фьорд, над которым с южной стороны господствует Ставангер; но по размерам своей торговой деятельности он много уступает последнему.

Движение судоходства и численный состав торгового флота главных портов южного берега Норвегии, между Драмменом и Гаугезундом (1882 г.):

	Движение судоходства		Торговый флот	
	судов.	вмест. тонн	судов.	вмест. тонн
Гольместранд	175	25.320	41	9.812
Тенсберг	512	72.190	155	56.51э
Сандсфьорд	211	33.750	85	21.735

1 Daubree;—G. Leonahrd, „Scandinawische Erzlager-Statten“

	Движение судоходства		Торговый флот	
	судов.	вмест. тонн	судов.	вмест. тонн
Лаурвик	1.022	165.610	84	26.168
Скиенъ	341	61.020	46	16.123
Порсгрунд	759	151.650	96	33.566
Крагере	1.018	166.520	166	55.587
Эстерризер	376	76.380	85	29.022
Тведеетранд	165	31.640	110	41.660
Арендаль	899	204.030	411	173.690
Гримстад	272	54.530	125	45.647
Лиллезанд	274	22.220	59	23.135
Христиансзанд	1.358	156.830	118	36.236
Мандаль	571	42.140	99	27.490
Ставангер	781	158.910	678	122.660
Гаугезунд	654	90.350	262	23.945

Важнейший город всей части морского прибрежья, заключающейся между мысами Линдеснес и Кеп-Стадт, есть древний Берген (прежде Бьоргвин, то-есть «Горный луг»), основанный во второй половине одиннадцатого столетия среди лабиринта островов, островков и полуостровов разной величины; вокруг него поднимаются амфитеатром семь больших гор, не считая второстепенных высот. Берген, родина поэта Гольберга и натуралиста Михаила Сарса, был долгое время самым многолюдным городом Норвегии; и теперь еще он значительно превосходит числом жителей все другие города королевства, кроме столицы. В средние века он был одним из самых деятельных и наиболее посещаемых рынков Ганзейского союза, и германские купцы имели там, так сказать, город в городе, состоявший из амбаров и магазинов, построенных среди воды на сваях и соединенный с твердой землей посредством живых мостов, тоже на сваях; настоящие гарнизоны приказчиков и служителей, число который простиралось до 3.000 человек, защищали этот квартал ганзеатов; только в 1763 году был продан последний дом, принадлежавший немецкой торговой колонии, но множество сохранившихся между жителями немецких фамилий и теперь еще напоминают негоциантов, которые почти исключительно монополизировали, в пятнадцатом веке, всю торговлю Бергена, и ганзеатическая архитектура домов придает еще некоторым кварталам физиономию, какой не встретишь в других городах Норвегии. Еще ранее этого времени одна торговая монополия, предоставленная бергенским купцам, была причиной окончательного прекращения сообщений Скандинавии с американским континентом. Королевские концессии не успели сохранить того, что было сделано инициативой частных лиц и свободной торговлей: так как Гренландия составляла собственность королевской казны, то правительством было воспрещено посещать эту землю каким бы то ни было мореплавателям, исландским, норвежским или иностранным; только бергенские кормчие имели право направлять свои суда в гренландские воды, но они были умерщвлены в 1484 году ганзейскими коммерсантами, и секрет плавания в американские моря был потерян для норвежцев[1]. Главный предмет отпускной торговли Бергена составляет рыба, которую норвежцы обменивают на колониальные произведения, хлеб, фрукты, вина, мануфактурные товары, привозимые иностранными кораблями, преимущественно английскими. В прежнее время все рыболовы северной части страны, даже с берегов Лапландии и Лофотенских островов, везли свою рыбу на продажу в Берген; чтобы сбыть свой улов, они совершали огромное странствование в тысячу верст и более, под дождем, в бури и непогоды; в июле, затем осенью, здесь собирались сотни или тысячи барок, и бергенские купцы могли, смотря по количеству привезенной рыбы, устанавливать покупную цену. Основание Боде, Тромсе, Гаммерфеста и других рынков на севере королевства сделало отныне ненужными эти периодические странствования рыболовов ради сбыта добычи. В Бергенский порт ежегодно приходит около 800 судов, с средней вместимостью 370.000 тонн; собственный коммерческий флот этого порта в 1891 г. состоял из 192 паровых и 178 парусных судов, общей вместимостью 123.064 тонны. Ценность ввоза—12.399.200, вывоза—20.039.000 крон.

1 Rafn, „Memoires de la Soc. des Ant du Nord“, 1815-1819;—Girli Brynjulffson, „Globus”, 1871.

Берген, как известно, есть один из тех городов, пребывание в которых не особенно приятно путешественникам, по причине частых дождей. В окружающей его местности все-еще свирепствует проказа, отвратительная болезнь, к счастию, неизвестная в большей части умеренных стран: и теперь еще там насчитывают более двух тысяч прокаженных, вид которых не менее ужасен, чем вид несчастных жителей Востока, страдающих тем же недугом. Замечательно, что проказа никогда не поражает земледельцев удаленных от моря долин; развитие её у рыболовов морского прибрежья приписывают употребляемой ими пище, которая почти исключительно состоит из жирной рыбы. По оффициальным статистическим сведениям, число прокаженных уменьшается с каждым годом, благодаря постепенному улучшению гигиенических условий.

На севере от Бергена находим ряд других рыболовных гаваней, торговля которых настолько деятельна, что вызвала к жизни настоящие города на голых скалах морского берега; таковы города Алезунд и Христиансзунд, оба построенные на островках, при входе в фьорды, которые разветвляются далеко внутрь материка. В Христианзундском порте в 1891 году было в приходе из-за границы 69 судов в 21.928 тонн, в отходе 68 судов в 18.963 т.; торговый флот состоял из 140 судов, общая вместимость которых равнялась 14.578 тоннам. Но к востоку от острова Гиттерен открывается другой фьорд, Трондгьемский, представляющий для судоходства более удобств, чем все соседние заливы, ибо если он сообщается с океаном лишь посредством узкого канала, впрочем, хорошо прикрытого и куда не проникает волнение открытого моря, то внутри материка он развертывается обширными бассейнами, в которые впадают многие большие реки: территория огромного протяжения спускается к этому фьорду и к его морскому устью. Кроме того, как раз перед Трондгьемским фьордом находится самая вогнутая, наиболее вдающаяся в глубь материка, часть морского прибрежья, между мысом Кап-Стадт и Лофотенскими островами: она образует в этом месте род большего залива, к которому охотно направляются суда, чтобы проникнуть возможно далее внутрь твердой земли. Вместе с тем город Трондгьем имеет то важное преимущество, что он расположен на оконечности естественного понижения почвы, отделяющего хребет Кьелен от плоскогорий южной Норвегии, и теперь он, единственный между городами западного побережья Скандинавского полуострова, соединен железными дорогами, с одной стороны, с Христианией, с другой—с берегами Ботнического залива; это преимущество обещает быстро увеличить торговые сношения Трондгьема (в 1891 г. в его порте было в приходе из-за границы 328 судов, в 182.538 т.: собственный торговый флот в 1892 г.: 32 парусных судна в 4.452 т. и 37 паровых в 11.198 т.). Хотя Трондгьем лежит между 63 и 64 градусами северной широты, климат в нем не слишком суровый, благодаря теплым ветрам, дующим с Атлантического океана, и жители с гордостью показывают, как достопримечательность их города, одну липу, самое существование которой говорит уже в пользу климата; даже на севере от Трондгьема, близ деревни Фрестен, растут ореховые деревья, плоды которых иногда достигают зрелости. Тем не менее, можно сказать, что этот город находится уже на рубеже области, удобной к заселению: далее климат становится слишком суровым, земля слишком скупой. Вот причина, почему древний Нидарос, нынешний Трондгьем, не мог удержаться на степени столицы государства, несмотря на все выгоды его географического положения; однако, из уважения к прошлому, за ним оставлена роль духовной метрополии, и до сих пор короли приезжают короноваться в его древнем соборе. Этот готический памятник, прекраснейший во всей Норвегии, относится, по времени постройки, к различным эпохам, с конца одиннадцатого до начала четырнадцатого столетия, и в новейшие времена пришлось отстроить заново часть здания, разрушенную пожарами. На скалах, нагроможденных одна на другую, которые господствуют над городом, возвышался некогда, по преданию, замок Гакона Ярла, последнего языческого князя Норвегии, который, как говорит сага, принес в жертву богам своего собственного сына.

В окрестностях Трондгьема есть несколько значительных местечек, которые утилизируют часть громадной движущей силы, доставляемой водопадами и стремнинами горных потоков; сплавной лес привозится в изобилии по рекам и речкам; соседний рудник доставляет луч-

шую руду хромистого железа, какая существует в свете[1], и в том же самом округе, хотя на реке Гломмен, находится горнопромышленный город Ререс, где разработываются с половины шестнадцатого столетия, отчасти рудокопами немецкого происхождения, залежи медной руды, содержащей от 4 до 8 процентов чистого металла; эти рудники приметны издалека по окружающим их огромным грудам шлаков. Жители этого городка, лежащего на высоте слишком 600 метров, в очень суровом климате, должны смотреть на него, как на печальное место ссылки: рудокопы только летом могут заниматься отборкой руды под открытым небом, зимой же, то-есть впродолжении девяти месяцев в году, они принуждены все время работать под землей. Точно также на севере от Трондгьема маленькие города, основанные для эксплоатации рыбных промыслов, могли возникнуть лишь на больших расстояниях один от другого. Так, первый город, заслуживающий этого имени, Тромсе, столица северной провинции, находится не менее как в 800 километрах по прямой линии к северо-востоку от Трондгьема; с обходами же в так называемых leden, или проливах между шкерами, нужно считать по меньшей мере тысячу километров, то-есть четыре дня быстрого плавания на пароходе. Обыкновенно же этот переезд продолжается целую неделю.

Города: Тромсе, при узком проливе, через который проходит очень быстрое течение, Гаммерфест, лежащий еще гораздо далее на севере, Варде или Вардегус, построенный на острове, оконечности Варяжского полуострова (Varjag-Njarg), и Вадсе, на берегах Варангерфьорда, важны как места снаряжения рыболовных судов, отправляющихся на промысел в воды Шпицбергена и в другие области Ледовитого океана. Это—передовые посты Европы в направлении к полюсу. Природа в этих странах крайнего Севера прекрасна, но имеет суровой характер, а когда наступает длинная зимняя ночь, часто освещаемая безмолвным фейерверком полярного сияния, вид этой природы внушает непривычному человеку какой-то безотчетный страх. Несмотря на то, жизнь в этих городках идет очень весело; балы, танцовальные вечера, театральные представления следуют одни за другими непрерывной чередой; заезжего иностранца принимают там с величайшим радушием, и каждый день для него устраиваются званые обеды то в одном, то в другом доме. Подобно богатым негоциантам Генуи и Марсели, тромсенские купцы также имеют свои загородные дома или дачи, рассеянные по окрестным террасам и холмам, среди березовых лесов. Гаммерфест обозначает собою северную оконечность дуги меридиана, которая продолжается до Дуная, проходя через Скандинавию, Финляндию, прибалтийские губернии, Польшу, Австро-Венгрию, на протяжении слишком 26 градусов широты. Поставленная в городе колонна из финляндского гранита напоминает счастливое окончание, под руководством директора Пулковской обсерватории Струве, работ этой обширной триангуляции[2]. Гаммерфест лежит в соседстве Альтенфьорда, хорошо известного по исследованиям Лоттена, Браве, Мартена, членов французской экспедиции, совершенной на корабле «la Recherche» в 1838 и 1839 годах.

Города Норвегии, имеющие более 4.000 жителей по переписи 1891 года: Христиания или Кристиания (1895 г.)—168.000 жит.; Берген—53.690 жит.; Трондгьем (1893 г.)—28.790 жит.; Ставангер—23.930 жит.; Драммен—20.440 жит.: Христиансзанд—12.545 жит.; Фредериксгальд—11.220 жит.; Фредерикстад—12.465 жит.; Лаурвик—11.260 жит.; Христиансзунд—10.390 жит.; Аалезунд—8.000 жит.; Скиен—8.960 жит.; Гортен—6.540 жит.; Тромсе—6.070 жит.; Тенсберг—6.820 жит.: Крагере—5.755 жит.; Мосс—8.040 жит.; Гаугезунд—5.380 жит.; Консберг—5.240 жит.; Арендаль—4.610 жит.; Мандаль—3.620 жит.

XI.

В Швеции для основания городов было больше простора, чем в Норвегии; они не были вынуждены, как в последней из этих стран, лепиться у подошвы гор или захватывать непосредственные берега моря: им открыты там внутренния равнины, и многие из них выстроились вдали от Балтики или от Каттегата, на берегу больших озер, или даже среди равнины,

1 Карл Фохт, „Путешествие на север, в сопровождении Гресли, Гассельта и Герцена".

2 Ch. Martins, „Un tour de naturaliste dans l'extreme nord". „Revue des Deux Mondes", 11 aout 1863.

на пересечении дорог. Только на севере от долины реки Дал-эльф малочисленное население края принуждено было группироваться в соседстве речных устьев—единственных мест, где жители могут пользоваться удобными сообщениями с остальным миром. Почти все города Швеции, располагая большим пространством, где можно было строиться на просторе, занимают столь же значительную площадь, как большие города во Франции или в Италии: улицы их были бы в других местах широкими проспектами или площадями; дома, стоящие отдельно один от другого, по крайней мере в предместьях, не высоки, но просторны. Они отличаются образцовой чистотой, выкрашены в желтый, в зеленый, всего чаще в темно-красный цвет и снабжены наружной лестницей, назначение которой состоит в том, чтобы облегчить спасение живущим в доме в случае пожара.

Важнейший город на всей покатости Швеции, обращенной к Каттегату,—Гетеборг, то-есть «город на Гете», названный так потому, что он лежит на одном из устьев этой замечательной реки, которая делится на два рукава (бифуркация) не вокруг полуострова, образовавшагося из речных наносов, но среди каменистой территории. Процветание Гетеборга, как торгового города, объясняется его счастливым географическим положением. Этот город, второй в Швеции и третий на всем Скандинавском полуострове по числу жителей, расположен на берегу большой реки, судоходной в нижней её части, и по которой уже более полустолетия суда могут подниматься выше порогов и водопадов, чтобы идти оттуда прямо в озеро Венерн. Многие другие местности морского прибрежья также обладают хорошей гаванью и пользуются удобными сообщениями с внутренними областями; но положение Гетеборга представляет ту особенную выгоду, что он служит промежуточной станцией между воротами Балтики и заливом полуденной Норвегии, между Копенгагеном и Христианией; к этому присоединяется еще то преимущество, что он находится на том пункте прибрежья, который лежит напротив северной оконечности Дании, так что товары, идущие из Стокгольма и из остальной Швеции, могут складываться в Гетеборге, чтобы быть отправляемыми либо на запад через Скагеррак, либо на юг через Каттегат. Этому-то положению в точке пересечения торговых путей город и обязан своим важным значением, благодаря которому он, несмотря на относительно недавнее свое происхождение, вырос гораздо быстрее, чем другие, более древние города, также благоприятствуемые природой. Впрочем, Дания и Швеция целые века оспаривали друг у друга обладание устьем Гета-эльфа, и укрепленные торговые пункты, Гамла-Ледесе, Конгельф, Ниа Эльфсборг, перемещаясь туда и сюда по реке, следовали один за другим выше и ниже положения, занимаемого нынешним городом. В настоящее время Гетеборг, который часто приходилось вновь отстраивать после опустошительных пожаров, представляет большой и красивый город, состоящий из каменных домов, с улицами, отличающимися истинно голландской чистотой, изрезанный каналами, над которыми поворачиваются подвижные мосты, окруженный широким поясом бульваров, заменивших прежния укрепления, и где недавно устроен ботанический сад, один из лучших в Европе; мост через Гета-эльф соединяет город с низменным берегом острова Гизинген, образуемого двумя рукавами. На реке, почти никогда незамерзающей, на набережных и в улицах города всегда царствует оживленная деятельность, ибо если Гетеборг уступает столице по числу жителей, то он превосходит ее по размерам промышленности и развитию торговли с иностранными портами. Вода и пар приводят в движение в предместьях и окрестностях города веретена многочисленных бумагопрядильных мануфактур и единственной существующей в Швеции механической льнопрядильни[1]; кроме того, здесь есть сахаро-рафинадные заводы, табачные фабрики, лесопильные заводы, мастерские столярных изделий наборной работы, кораблестроительные верфи и всякого рода фабричные заведения, где приготовляются предметы, необходимые для снаряжения и продовольствования судов. Движение заграничной торговли Гетеборга выразилось в 1893 г. следующими цифрами:

В приходе—2.436 судов, вместимостью 1.012.175 тонн; в отходе—2.444 судна, вместимостью 1.070.744.

1 Elis Sidenbladh, „Le royaume de Suede".

Торговый флот Гетеборга в 1894 г. состоял из 219 судов, общая вместимость которых равнялась 91.228 тоннам.

Рыбаки и матросы из Гетеборга и из всей области Богуслен славятся неустрашимостью, физической силой и мужественною гордостью; их охотно вербуют на суда всех северных флотов в Норвегии, в Германии, в Англии и даже в Америке. В Гетеборге и главным образом на средства одного из его негоциантов, Оскара Диксона, были организованы: в 1872 году—полярная экспедиция профессора Норденшельда, состоявшая из четырех судов; далее, в 1875 и в 1876 годах, экспедиции, доказавшие возможность плавания в морях между Норвегией и устьями Енисея; наконец, в 1878 году, экспедиция, которая недавно обогнула мыс Челюскин, на севере Сибири. Благодаря той же инициативе, этот торговый и промышленный город обладает несколькими драгоценными коллекциями и художественными памятниками, между прочим, статуей его основателя, короля Густава-Адольфа.

К северу от Гетеборга морское прибрежье усеяно маленькими городками, приютившимися в углублениях между скалами в области шкер, каковы: Марстранд, Уддевалла, Лизекиль, Фьельбакка, Стремстад. Морские купальни Марстранда и Лизекиля привлекают летом тысячи посетителей, приезжающих из Гетеборга, а городок Стремстад славится ловлей омаров.

В бассейне озера Венерн и реки Гета-эльф, выход которого занимает Гетеборг, находятся несколько других городов, более или менее значительных. Против впадения реки Клар-эльф в Венерн, среди озера, на островке, соединенном с твердой землей двумя мостами, стоит Карлстадт, главный город провинции Вермланд; другой город Христинегамн, или Кристинегамн, также лежащий в том месте, где одна река вступает в озеро Венерн, образуя своим устьем гавань, доступную судам, в эти последние годы стал быстро подниматься, благодаря своей пристани, своему положению в точке пересечения двух важных железнодорожных линий и деятельной торговле железом в сыром виде и в изделиях, которое выходит с заводов Филипстада и рудников Персберга, важнейших во всей Швеции по количеству добываемой в них железной руды (добыча из персбергских рудников в 1881 г. составляла 36.754 тонны); города Мариестад и Лидкепинг, следующие один за другим на юго-восточном берегу озера, также замечательны как оживленные пристани; город Венерсборг, построенный на полуострове, у южной оконечности Венернского озера, находится при истоке реки Гета-эльф, которая тотчас же по выходе из этого озера падает каскадом с большой высоты; затем, успокоившись в тихом бассейне, усеянном островками, опять низвергается всей массой в ревущее от падения воды ущелье Трольгеттан. На западе от Венерсборга гавань его открывает вход в канал, позволяющий судам обходить первый водопад, а ниже, на левом берегу реки, ниспадающей стремнинами, проведен знаменитый Трольгеттанский канал, где суда поднимаются или спускаются по шлюзам, расположенным ярусами на скате горы, словно ступени исполинской лестницы. Венерсборг, который сообщается с Гетеборгом посредством этого канала и посредством реки Гета-эльф, соединен также железной дорогой с портом Уддевалла, гораздо более близким к нему, тогда как на юго-востоке он связан с общей железнодорожной сетью Швеции рельсовым путем, который пролегает через ущелье странной формы, открывающееся между высотами Галлеборгскими и Гуннеборгскими.

Конгсбакка, Варберг, Фалькенберг суть важнейшие порты, следующие один за другим на юге от Гетеборга, вдоль берега Каттегата. Гальмстадт, главный город Галланда, лежащий при устье реки Ниссан, берега которой продолжаются в море двумя жете, был некогда одним из укрепленных городов, защищавших шведские берега против датчан. Далее, за мысами Галландсас и Куллен, открываются уже ворота Зунда, и город Гельзингборг, часто подвергавшийся неприятельским нападениям и осадам, часто делавшийся добычей скандинавских армий, которые оспаривали его друг у друга, лежит как раз против датского города Гельзингера, построенного на другом берегу пролива. Эта древняя крепость, превратившаяся теперь в мирный торговый город, над которым, однако, все еще господствует башня старинного замка, похожая издали на громадную глыбу красного песчаника, имеет в соседстве, на юге от мыса Куллен, залежи каменного угля, называемые Геганас, из которых уже добыто по сие

время более 9 миллионов тонн минерального топлива; недавно открыты еще другие, гораздо более мощные, каменноугольные пласты, на глубине 150 метров, к югу от города, в одном пункте морского берега, очень удобном для подхода судов. Торговое движение в портах Варберга, Гальмстада и Гельсингборга, по приходу и отходу судов:

Варберг (1877 г.)—1.674 судна, вместимостью 141.763 тонны; Гальмстад (1893 г.): прибыло из-за границы 1.082 судна в 117.139 тонн, вышло 1.239 судов в 117.353 т.; Гельсингборг (1891 г.): прибыло 4.375 судов в 630.544 тонны (3.741 с баластом), вышло 3.977 судов (2.447 с баластом) в 557.833 т.

Недалеко от Гельсингборга, в усадьбе дворянского рода Кнутсторп, родился известный Тихо-Браге, в 1546 году. Островок Гвен, лежащий на юге, в водах Зунда, но ближе к берегам Швеции, к которой он и принадлежит политически, есть то знаменитое имение, где возвышалась обсерватория Ураниборг, срытая впоследствии по желанию одной фаворитки датского короля Христиана IV. В этой обсерватории Тихо-Браге занимался в продолжение двадцати лет изучением звездного неба и составил свой каталог, обнимавший 777 неподвижных звезд и изданный в свет уже после его смерти. Метеорологические наблюдения знаменитого астронома были сравнены с наблюдениями, сделанными в эти последние годы в Копенгагене, и доказывают, что общее состояние атмосферы, отнесенное к тому же календарю, не изменилось в последние три столетия[1].

Гельсинборг составляет уже часть той области юго-западной Скании, где население скучено в многочисленных городах и местечках и где средняя густота населения превышает даже густоту его во Франции. Плодородие почвы и относительная умеренность климата способствовали в значительной степени исключительному заселению этого края; но главной причиной этого большего скопления людей в западной Скании была притягательная сила торговли. Прибрежные города имеют, как и их сосед Копенгаген, ту выгоду, что они лежат на Зунде, и хотя фарватеры большего судоходства идут вдали от них, вдоль противоположного берега, они, тем не менее, пользуются значительной долей торговых сношений, которые постоянно производится через этот пролив; кроме того, два из этих городов, Ландскрона и Мальме, из которых хорошо видна, через пролив, столица Дании, могут быть рассматриваемы как шведские предместья Копенгагена: они пользуются всеми его успехами и принимают участие в его экономическом благоденствии (в порте Ландскроны в 1891 году было в приходе 2.763 судна, общая вместимость которых равнялась 173.309 тоннам). Ландскрона замечательна в особенности как крепость, и город в собственном смысле очень стеснен между обширной цитаделью, окруженной рвами, и фортом Гроэн, который занимает соседний островок странного вида, разрезанный на геометрически-правильные фигуры бассейнами и рвами, иссеченными в граните. Мальме, напротив, чисто-торговый город, хотя подступы к нему довольно опасны для судов и заграждены песчаными мелями; но в новейшее время произведены были значительные работы, имевшие целью устройство удобной гавани, где глубина воды более 6 метров, и на землях, прибавленных к материку, выстроился целый город, с пристанями, складочными амбарами, фабриками, кораблестроительными верфями. Самое красивое здание Мальме находится в старом городе: это—прелестная ратуша в стиле эпохи Возрождения, украшенная в центре трибуной, сделанной в виде выступа в стене. Благодаря новому порту, Мальме возвысился на степень третьего города Швеции; движение судоходства в этом порте, откуда отправляют заграницу преимущественно земледельческие произведения, представляло в 1894 году (со включением соседних пристаней Ломма и Лимгамн) следующие цифры:

В приходе из-за границы—5.758 судов; в отходе туда—5.414 судов; к гавани Мальме принадлежало 56 судов, с общей вместимостью в 19.409 тонн.

Мальме далеко опередил своего прежнего соперника, университетский город Лунд, лежащий на северо-востоке, среди плодороднейших равнин Скании. До реформации этот последний город был резиденцией архиепископа-примаса Скандинавии; он гордо величал себя ду-

1 Hoiten, „Bulletin de l'Academie danoise“, 1876.

ховной метрополией Дании, и короли, по вступлении на престол, приезжали сюда приносить присягу на верность основным законам государства; местом совершения церемонии коронования был один курган в окрестностях города, известный под именем пригорка св. Либория. Лишенный своих привилегий, затем разоренный войнами, Лунд быстро пришел в упадок, и к концу прошлого столетия население его не превышало тысячи душ. Впоследствии он мало по малу опять поднялся, благодаря своему университету, основанному в 1668 году королем Карлом X, который преследовал при этом политическую цель, состоявшую в том, чтобы посредством употребления шведского языка как можно скорее ассимилировать недавно завоеванные провинции (в 1892 г. в Лундском университете числилось 683 студента, а библиотека его содержала около 120.000 томов и 2.000 рукописей). В настоящее время этот город имеет много красивых зданий, прекрасные сады, парки и различные коллекции; между прочим, археологический музей, основанный Нильсоном; бронзовая статуя поэта Тегнера, который долгое время был профессором университета, украшает одну из городских площадей. Кафедральный собор Лунда, византийское здание одиннадцатого столетия, есть один из замечательнейших архитектурных памятников Швеции.

Юго-западный выступ Швеции оканчивается песчаной косой, на оконечности которой стоят два городка, Сканер и Фальстербо, составляющие вместе одно городское общество; некогда очень богатый, именно в те времена, когда сельди собирались массами в соседних морях, этот двойной город с прекращением главного источника его благосостояния пришел в упадок, и так как Фальстербо сделался слишком беден, чтобы бороться против постоянного нашествия песков, то часть его территории исчезла под дюнами. На востоке, Треллеборг и более деятельный по торговле город Истад следуют один за другим на южном берегу Скании (движение судоходства в этих двух портах в 1877 году по приходу и отходу: Треллеборг—1.326 судов, вместимостью 91.060 тонн; Истад—1.896 судов, вместимостью 219.150 тонн).

Христианстад, или Кристианстад, главный город одной из областей (lan) Скании, построен недалеко от внутреннего угла залива, называемого шведами «бухтой Гане», в болотистой равнине, которая некогда была фьордом и которую осушали, углубив реку Гельге и сделав ее судоходной для небольших пароходов (в 1877 году к Христианстадскому порту прибыло и вышло из него 421 судно, общая вместимость которых равнялась 59.572 тоннам). Далее следуют порты Сельвесборг и Карлсгамн, из которых последний служит местом отправки земледельческих произведений области Вексио, лежащей далеко внутри материка, среди лабиринта озер и лесов. Реннеби, местечко, расположенное при устье реки того же имени, славится своими минеральными водами, самыми людными и наиболее посещаемыми из шведских вод; его целебные ключи превосходят все известные минеральные источники по содержанию сернокислого железа и сернокислого глинозема[1]. Когда была основана Карлскрона, жители Реннеби получили приказ переселиться в новый город, который скрывается на востоке, близ юго-восточного мыса Скандинавии, за валом из укрепленных островов. Карлскрона, главный город области Блекинге, названный так в честь короля Карла XI, есть главная морская станция Швеции. Это город, построенный на гранитном островке, который окружен полукругом других островов и соединен посредством жете и плотин с береговыми скалами и твердой землей; доки, бассейны для починки судов вырыты в живой скале, форты высятся там и сям вне рейда, где корабли стоят на якоре, совершенно защищенные от ветра и волнения. Водопровод длиною около 8 километров приносит в город и в арсенал превосходную ключевую воду. Движение судоходства в портах Блекингского округа по приходу и отходу судов:

Сельвесборг (1877 г.)—492 судна, вместимостью 77.600 тонн; Карлсгамн (1891 г.)—1.773 судна, вместимостью 135.267 тонн; Реннеби (1877 г.)—1.393 судна, вместимостью 113.460 тонн; Карлскрона (1893 г.)—936 судов, вместимостью 186.572 тонны.

Кальмар, главный административный пункт области (lan), как и Карлскрона,—старинный город, приобретший важное значение, благодаря своему положению на самом пороге

1 Elis Sidenbladh, „Le royaume de Suede“.

пролива, отделяющего город Борггольм и равнины острова Эланда от твердой земли; но исторической известностью своего имени он обязан договору о соединении, заключенному в 1397 году между тремя скандинавскими государствами (так называемая Кальмарская уния) и, к несчастию, сопровождавшемуся кровопролитными войнами. За Кальмаром на том же берегу идет ряд портовых городов, как-то: Менстерас; Оскарсгамн, поддерживающий правильное судоходное сообщение, даже зимой, с городом Висби, на острове Готланде; Фикегольм, Вестервик, Гамлеби. Движение судоходства в портах Кальмарской области:

Кальмар (1891 г., в приходе)—854 судна, вместимостью 109.667 тонн; Борггольм (1877 г.)—1.720 суд., вместимостью 161.440 тонн; Оскарсгамн (1891 г., в приходе)—690 судов, вместимостью 71.951 тонна; Вестервик (1877 г.)—995 судов, вместимостью 144.210 тонн; торговый флот Кальмара (1893 г.)—133 судна, вместимостью 12.867 тонн.

Далее на севере один из фьордов, которыми изрезано побережье, ведет к Норркепингу или «Северному рынку», о котором летописи упоминают уже в конце двенадцатого столетия, как о сопернике Седеркепинга, или «Южного рынка», лежащего при оконечности другого, более полуденного фьорда. Норркепинг покрывает пространство в несколько квадратных километров на обоих берегах реки Моталы, широкого потока, уносящего в море излишек вод озера Веттерн и многих других озерных бассейнов меньших размеров. В самом городе эти воды ниспадают каскадами и быстринами, которые дают движущую силу, приводящую в движение колеса и турбины многочисленных мануфактур Норркепинга, который шведы часто называют с гордостью «Манчестером Скандинавии». Фабрикация сукон получила в этом городе столь значительное развитие, что в 1876 году его 33 суконные фабрики доставили две трети всех шерстяных материй, приготовленных в королевстве[1]. Кроме суконных фабрик (производство в 1892 г.: 6 миллионов крон), Норркепинг имеет также бумагопрядильные и ткацкия мануфактуры (производство в 1892 г.: 7 миллионов крон), заводы для приготовления крупичатой муки, для рафинировки сахара; во всех этих фабричных заведениях насчитывается более шести тысяч рабочих; кроме того, его кораблестроительные верфи изготовляют для военного флота канонирки и броненосные суда. Торговля Норркепинга с иностранными рынками состоит преимущественно в привозе сырья и каменного угля; главные предметы отпуска составляют овес, лес, железо, химические спички и мраморы из соседних каменоломен. Движение судоходства в Норркепингском порте в 1891 году: прибыло 249 судов, общая вместимость которых равнялась 84.650 тоннам. На юге медные рудники горы Атвидаберг, которые по важности соперничали с Фалунскими рудниками, и где были вырыты самые глубокия в Швеции подземные галлереи, теперь не разрабатываются более. На северо-западе от Норркепинга находится знаменитый Финспангский пушечно-литейный завод, расположенный в очень живописной местности, замечательной в особенности своими утесами, которые круто обрываются над Норркепингской равниной: в немногих странах древние перемещения почвы обнаруживаются более отчетливым образом.

Город Мотала, лежащий в том месте, где река того же имени вытекает из озера Веттерн,—также фабричный центр; однако, он, как и другие города бассейна Моталы, не может равняться с Норркепингом по важности своей промышленности. В этой области самые замечательные города—Линкепинг и Иенкепинг. Линкепинг, в окрестностях которого родился знаменитый химик Берцелиус, имеет теперь сообщение с морем посредством канала со шлюзами; это—древний город, бывший резиденцией епископа; собор его часто был опустошаем пожарами, так что от первоначального здания уцелели только хоры в готическом стиле. Иенкепинг, построенный у полуденной оконечности озера Веттерн, между этим обширным бассейном и живописным «озером монахов» или Мункс-иен, и пересекаемый каналом, в водах которого отражаются густолистые деревья городского гульбища, замечателен в особенности как промышленный центр. На востоке, близ высоких водопадов Гускварна, низвергающихся к озеру Веттерн, находится между другими фабричными заведениями, сгруппированными в виде большого села, один из главнейших металлургических заводов Шве-

1 Elis Sidenbladh, „Royaume de Snedeu.

ции, на котором выделываются ружья, швейные машины, стальные инструменты всякого рода; на юго-востоке устроены большие доменные печи, где плавят руду, добываемую из знаменитой горы Таберг; наконец, в южной части города, на берегах «озера монахов», расположена самая обширная в свете фабрика химических спичек, произведения которой известны даже на островах антиподов и во внутренних провинциях Китая. В 1876 году рабочие этой мануфактуры, в числе 1.800 человек, из которых половина была занята на дому, сфабриковали 200 миллионов коробок, или около 20 миллиардов спичек, на сумму почти 4 миллиона франков[1]; годовое потребление дерева для приготовления этой массы спичек представляет целые леса. На севере от Иенкепинга, на одном из островов озера Веттерн, находится древняя королевская резиденция Визинг. Скара, величающий себя старейшим городом Швеции, лежит на северо-западе, между двумя большими озерами.

Стокгольм, столица Швеции и самый многолюдный город Скандинавского полуострова, занимает наиболее благоприятное географическое положение между шведскими городами балтийской покатости. Построенный почти на середине восточного берега полуострова, он расположен на обоих берегах пролива, соединяющего один из фьордов прибрежья с большим Меларским озером, разветвляющимся в виде многочисленных заливов и бухт верст на сто во внутрь земель и судоходным для мелких судов на всем его протяжении. Область, омываемая Меларским озером, есть одна из тех, где земли наиболее плодородны и наиболее удобны для возделывания; леса тут обширные и высокоствольные; к богатствам, находящимся на поверхности земли, присоединяются сокровища, скрытые в недрах почвы,—месторождения железа и других металлов; повсюду представляются местности, благоприятные для постройки городов и удобные для торговых сношений с иностранными государствами. В первые времена скандинавской истории для столицы свевского царства были выбираемы другие местоположения,—не там, где ныне стоит Стокгольм, и все эти города достигали цветущего состояния. Первая по времени столица, Бьерке (первоначально Бирка), построенная с оборонительной целью на одном острове, лежащем среди Меларского озера, верстах в сорока от Стокгольма, и теперь еще представляет обширный некрополь, где насчитывают более 2.000 могил, из которых многие были тщательно исследованы, и в них найдены различные денежные знаки, относящиеся к эпохе от восьмого до одиннадцатого столетия и свидетельствующие о деятельной и обширной торговле с чужими краями,—между прочим, монеты византийские, куфические и даже африканские каури. Кухонные кучи этого древнего города, отчасти подвергшиеся разложению и превратившиеся в чернозем, доставляют ныне на стокгольмский рынок лучший картофель. За Бьерке или Биркой следовали, в качестве столицы, Сигтуна, Упсала и другие города, которые до сих пор еще принадлежат к числу важных городов страны; но около половины тринадцатого столетия тогдашний правитель Швеции, Биргер-Ярл, утомленный набегами, которые пираты делали даже во внутреннюю часть Меларского озера, возъимел счастливую мысль укрепить рыбацкий островок, находящийся по середине узкого морского пролива у выхода из озера: здесь-то, в этой позиции, единственной в Швеции по выгодам географического положения, и возник стольный град Стокгольм, уже пятьсот лет не имеющий себе соперника на Скандинавском полуострове, и один из живописнейших городов Европы.

Выступ морского прибрежья, где фьорд, сообщающийся с Меларским бассейном, соединяется с Балтийским морем, составляет естественный центр для всей Швеции: в этом пункте сходятся, как на оси колеса, от которого осталась только половина, радиусы, образуемые пересекающими страну дорогами, по которым следовали во все времена колонисты и армии завоевателей. Из этих исторических путей главный тот, который идет через низменность больших озер, от Меларского озера до устьев реки Гота-эльф. Посредством этой дороги, западную оконечность которой охраняет город Гетеборг, Стокгольм располагает портами Каттегата, и даже в зимнее время, когда берега Балтийского моря скованы людьми, он может отправлять свои произведения на запад и получать заграничные товары через Атланти-

1 Elis Sidenbladh, „Royaume de Suede“.

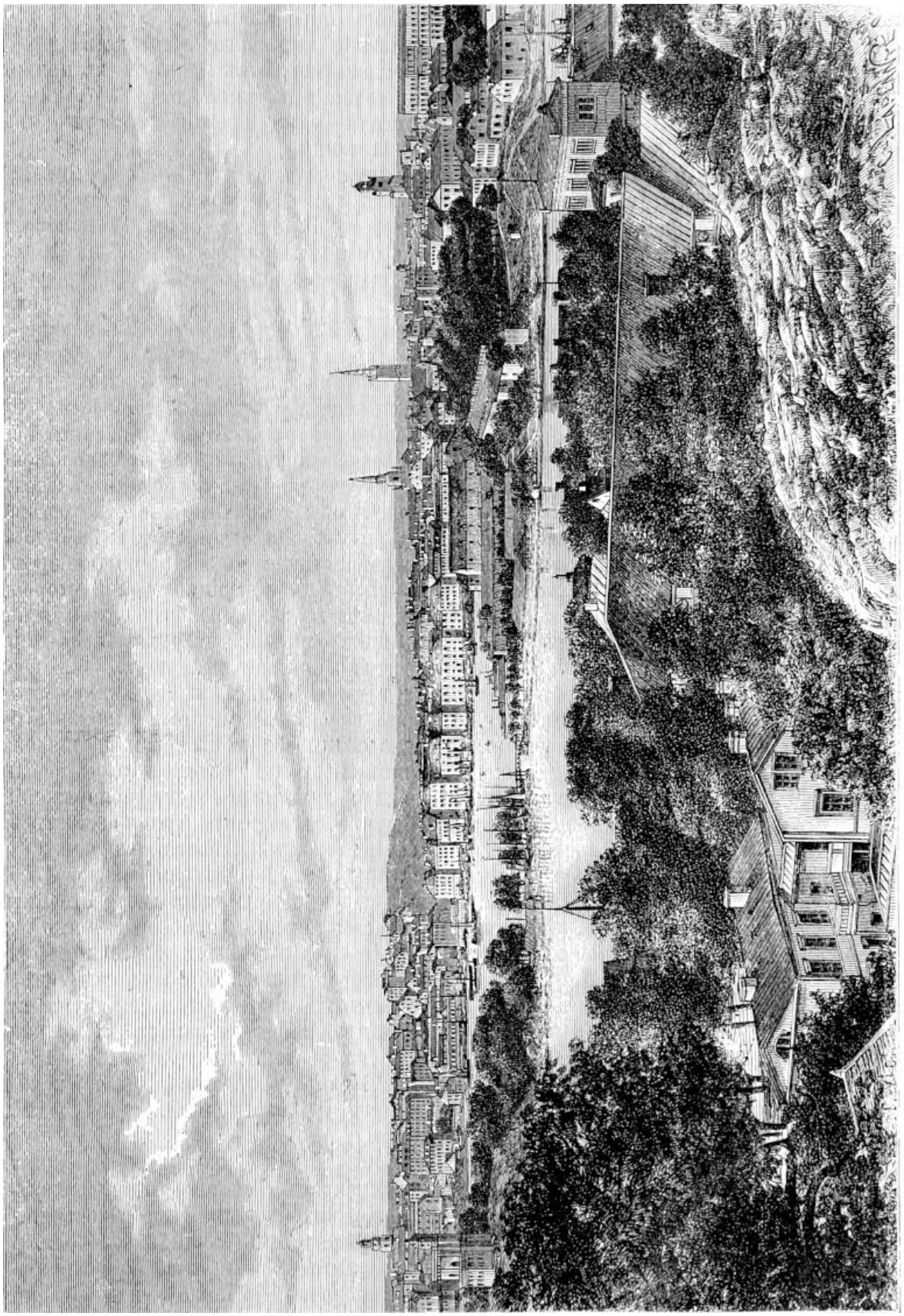
ческий океан, никогда незамерзающий. Наконец, самая форма Балтики обеспечивает столице Швеции, как приморскому городу, неоцененные выгоды. В самом деле, это внутреннее море образует напротив Стокгольмского выступа род перекрестка морских путей: на севере продолжается Ботнический залив; на юге главный бассейн Балтики открывается к берегам Германии; на юго-востоке Рижский залив, отчасти запертый со стороны моря островами, проникает внутрь Курляндии и Лифляндии, тогда как прямо в восточном направлении Финский залив вдается в материк, как-бы идя на встречу большим озерам России[1]. По этому-то пути Швеция, в то время относительно более могущественная, чем ныне, посылала свои военные экспедиции в страну, которая у скандинавов известна была под именем Гардарики: Стокгольм занимал позицию как раз напротив, и долгое время можно было думать, что он возьмет верх в этой борьбе; но, в свою очередь, и Россия построила свою столицу при устье Невы и свои передовые укрепления на Аландских островах, откуда она зорко сторожит соседний берег. Стокгольм сохранил и развил все свои коммерческие выгоды; но важность его позиции, как стратегического пункта, совершенно уничтожена громадностью наступательных сил, которыми располагает славянская держава.

Стокгольм—один из красивейших городов в свете, особенно в летний вечер, когда заходящее солнце позлащает фасады его дворцов и отражается длинной, постоянно волнующей полосой света в быстрых водах потока. Шведская столица воздвигла свои здания и развернула свои набережные на таком множестве островов и полуостровов, что она представляет, смотря по месту наблюдения, бесконечное разнообразие видов; но, откуда бы мы ни смотрели, она везде является прекрасной, благодаря обрамляющему ее горизонту холмов и больших озер, благодаря длинным перспективам вод, усеянных судами и беспрестанно снующими лодками,—перспективам, которые теряются вдали, с одной стороны,—по направлению к морю, с другой—по направлению к Меларскому озеру. В центре помещается старый город, омываемый водами пролива, и к берегам которого примыкают два островка, словно две барки, привязанные по бокам корабля; но этот узкий остров, где находились крепость и дворец Биргер-Ярла, давно уже перестал вмещать жителей разростающагося города: на севере теперь простирается обширный квартал Норрмальм, который выдвигает свои улицы и аллеи все далее и далее на твердую землю и на остров Кунгсгольм, на юге другая половина города, мало-аристократический квартал Седермальм, под которым проходит по туннелю железная дорога, занимает большую часть острова, окруженного неглубокими водами, и соединяется посредством мостов с внешними предместьями, расположенными на материке. Путеводы и широкия шоссе пересекают все проливы Стокгольма, и даже со стороны моря, на востоке от города в собственном смысле, рассеянные островки соединены с твердой землей молами: некоторые кварталы шведской столицы напоминают чудный город адриатических лагун.

Самое величественное здание Стокгольма—королевский дворец, громадный каменный куб, воздвигнутый на том самом месте, где основатель города построил свою крепостцу; он заключает более восьми сот комнат, из которых иные напоминают исторические сцены, тогда как другие представляют интерес только своими картинами или обоями; с террасы дворца открывается обширный вид, обнимающий гавань, острова и большую часть города. Недалеко от дворца возвышается древнейший памятник Стокгольма—Сторкирка или «Большая церковь», построенная Биргер-Ярлом в 1264 году, но с той поры много раз поправленная: здесь венчаются на царство короли шведские. На «острове рыцарей», или Риддаргольме, который соединен на западной стороне с островом старого города, стоит другая королевская церковь, вся увешанная внутри знаменами и военными трофеями; там же находятся, между многими другими гробницами, гробницы Густава-Адольфа, Карла XII и гробница Карла-Иоанна Бернадота, высокий саркофаг из красного порфира. Перед этой церковью стоит горделивая статуя рыцаря, представляющая основателя Стокгольма, Биргер-Ярла. На островке Риддаргольм совсем нет частных жилищ,—весь он застроен национальными памятниками.

1 J. G. Kohl, „Die geographische Lage der Hauptstadte Europa's“.

Точно также стрелка старого города, соединенная теперь с Норрмальмом прекрасным мостом, лучшим из стокгольмских мостов, заключает только публичные здания, между которыми первое место занимает пышный «дворец дворянства», Риддаргузет, где прежде происхо-



Стокгольмъ.— Видъ изъ Сальтьсена.

дили собрания представителей дворянского сословия. Почти все площади столицы украшены бронзовыми статуями, представляющими по большей части государей; одна из них, окруженная зеленью, изображает Берцелиуса, который долго жил в Стокгольме, был там

профессором и там же скончался.

Напротив королевского дворца, на полуострове Норрмальм, выдвинутом к острову Шепсгольмен («корабельный остров»), возвышается национальный музей. Это обширное собрание различных коллекций заключает в себе, несколько замечательных произведений скульптуры, между прочим, антики, принадлежавшие королю Густаву III; затем, в отделении живописи он содержит около 1.500 картин, между которыми всего лучше представлены произведения школ фламандской и голландской: но особенно выгодно отличается Стокгольмский музей между европейскими собраниями этого рода своими залами «доисторической» галлереи, посвященной векам, предшествовавшим истории и наполненной предметами глубокой древности, превосходно классифицированными Гильдебрандом. Недавно Газелиус основал этнографический музей, специально-скандинавский, который в несколько лет обогатился многочисленными дарами, и который, без сомнения, сделается со временем одним из важнейших национальных учреждений: здесь собрано все, что имеет отношение к образу жизни, одежде, промыслам и искусствам скандинавов и лапландцев. Дворец академии наук также заключает драгоценный музей, сокровища которого состоят главным образом из предметов, относящихся к естественной истории; в особенности заслуживает внимания знаменитая глыба железа, метеорного или земного, весом в 20 тонн, привезенная с острова Диско профессором Норденшельдом и подавшая повод к оживленным спорам между учеными. Библиотека академии наук очень богата драгоценными памятниками, в числе которых особенно замечательны гербарий Линнея и все рукописные сочинения Сведенборга; но главная национальная библиотека находится в другом месте города, в парке, называемом Гумлегарден, и дворец, в котором она помещается, построен таким образом, что может быть увеличиваем сколько угодно по мере того, как будут возрастать богатства книгохранилища. В настоящее время библиотека эта содержит около 250.000 томов, между которыми особенно замечательны латинский перевод четырех евангелистов, известных под имен Codex aureus (золотой кодекс), и знаменитая «Чортова библия», сборник формул, частию относящихся к магии, в котором некоторые листки, как полагают, восходят к девятому столетию. Кроме того, государственная библиотека обладает большим числом манускриптов (около 8.000), коллекциями исторических автографов и другими подлинными документами, представляющими драгоценные архивы, где многие ученые, между прочим, Жоффруа и Риан, нашли весьма важные данные для исторических исследований. В Стокгольме просвещение в большом почете; из учебных заведений его особенно замечательны академия художеств и музыкальная академия, откуда выходят превосходные воспитанники. Вольный университет, постепенно расширяющийся, насчитывал в 1878 году 340 слушателей обоего пола. Одним из профессоров высшей математики в этом университете была с 1884 года до самой своей смерти (1891 года) Софья Ковалевская.

Промышленность Стокгольма очень деятельна и разнообразна: здесь есть фабричные заведения всякого рода—литейные, рафинадные заводы, прядильные и ткацкия мануфактуры, кораблестроительные верфи; в окрестностях существует даже фабрика фарфоровой и тонкой фаянсовой посуды (в 1893 году насчитывалось 408 фабричных заведений в действии, с 13.740 рабочими, общее производство которых представляло ценность в 47 миллионов крон). Торговля шведской столицы также весьма обширна; чтобы составить понятие о размерах её, достаточно посмотреть на оживленное движение, господствующее в гавани, и на толпы народа, которые часто стремятся к громадному зданию центральной железнодорожной станции, расположенной к северу от острова Риддаргольм, в северной части города (Норрмальм), там, где недавно расстилалось озеро Кларасье.

Движение торгового судоходства в стокгольмском порте в 1895 г.: в приходе—1.822 судна, вместимостью в 707.524 тонны; в отходе—1.833 судна, вместимостью в 714.931 тонну.

Коммерческий флот Стокгольма в 1893 г. состоял из 281 судна, в том числе 228 пароходов в 39.882 тонны. Маленькая военная флотилия держится в соседстве арсеналов и верфей Корабельного острова, а во всех бухточках, вдоль всех набережных стоят длинными рядами

купеческие суда. Но так как порт каждый год бывает заперт льдами в продолжение от трех до пяти месяцев, то пришли к мысли устроить внешнюю гавань в Нюнасе, на самом берегу Балтийского моря, который предположено соединить с городом посредством железной дороги, чтобы сократить для судоходства период бездействия. В начале 1879 года инженеры приступили к постройке набережных и амбаров на северо-восточной стороне города, имея в виду преобразовать морской рукав или пролив, называемый Лилла-Вертан, в большой складочный порт для громоздких товаров—леса, железа, каменного угля. Мост, пересекающий этот пролив, будет переведен далее на север и поставлен напротив Лидинге[1]. Стокгольм не довольствовался находящимися в его распоряжении, для сообщения с морем, тремя естественными каналами, которые извиваются между островами прибрежья,—он еще вырыл себе через один из холмов искусственный канал, соединяющий непосредственно фьорд Гиммерсье с главным бассейном Меларского озера; таким образом суда из Стокгольма могут достигнуть моря двумя путями: или направляясь на запад к каналу, или плывя на восток по течению. В 1879 году порт Меларского озера был исходным пунктом 97 различных путей для пароходов.

Столица Швеции, сама по себе занимающая такое прекрасное местоположение, окружена к тому же живописными окрестностями, среди которых рассеяны замки и загородные дома. Подле самого Стокгольма, на острове, носящем название «Парка» или Дьюргарден («зоологический сад»), находятся вилла скульптора Бистрема, который сам выстроил ее и обогатил произведениями искусства, павильон Розендаль и Бельведерская башня, откуда открывается обширный вид, обнимающий лабиринт островов и великолепную панораму города, с его бесчисленными «пароходами мухами», беспрестанно снующими по всем направлениям. На севере находятся замки Гага, Ульриксдаль, окруженные тенистыми парками. На западе тянутся бесчисленные острова Меларского озера, с их развалинами и современными постройками, с их лесками, рощами и лужайками; на одном из этих тысячи трех сот островов стоит колоссальный Дротнингсгольмский дворец, заключающий, между прочим, интересную коллекцию картин, хотя уже лишенную лучших её полотен, которыми завладел стокгольмский национальный музей. Далее на западе, на одном из мысов полуденного берега, высится Грипсгольмский замок, с его круглыми башнями, которые были свидетелями многих царственных драм. В этом замке особенно заслуживает внимания исторический музей, который можно сравнить с версальским, но который, подобно картинной галлерее Дротнингсгольмского дворца, должен был уступить свои лучшие картины национальному музею.

При входе в Стекет-Зунд видны развалины крепости, которая защищала подступы к двум древним городам—Сигтуне и Упсале, подобно тому, как крепость Ваксгольм охраняет теперь подходы к столице. На севере один дом обозначает местоположение древней Сигтуны, где, по преданию, вождь Сигге провозгласил себя богом и велел воздвигнуть себе храм; это был первый храм, который построили свевы, проникнув в страну. По другую сторону фьорда, на мысе, расположена деревня, занимающая место, где стоял второй, позднейший Сигтуна, который, в свою очередь, сделался могущественным городом и стены которого имели шесть миль в окружности; но этот город также был разрушен, как и первый, и разграбившие его морские разбойники, по сказанию летописцев, унесли с собой его серебряные ворота. Далее на севере встречаем замок Скоклостер, недоконченное, но величественное здание, с широкими фасадами, с четырьмя башнями по углам, и заключающее прекрасные коллекции оружия и книг. Затем, рукав фьорда, извивающийся на протяжении 50 километров, описывает, наконец, свою последнюю излучину, и взорам путешественника представляются расположенные на берегу реки Фирис здания Упсалы, которая до Стокгольма была столицей шведов. Не означает ли имя её «Высокой залы»—Валгаллы, где восседали на престолах скандинавские боги?

Но нынешний город Упсала не тот, где имел резиденцию бог Один; он был лишь его рынком, портом, где производилась меновая торговля с чужеземцами. Древний город, Гам-

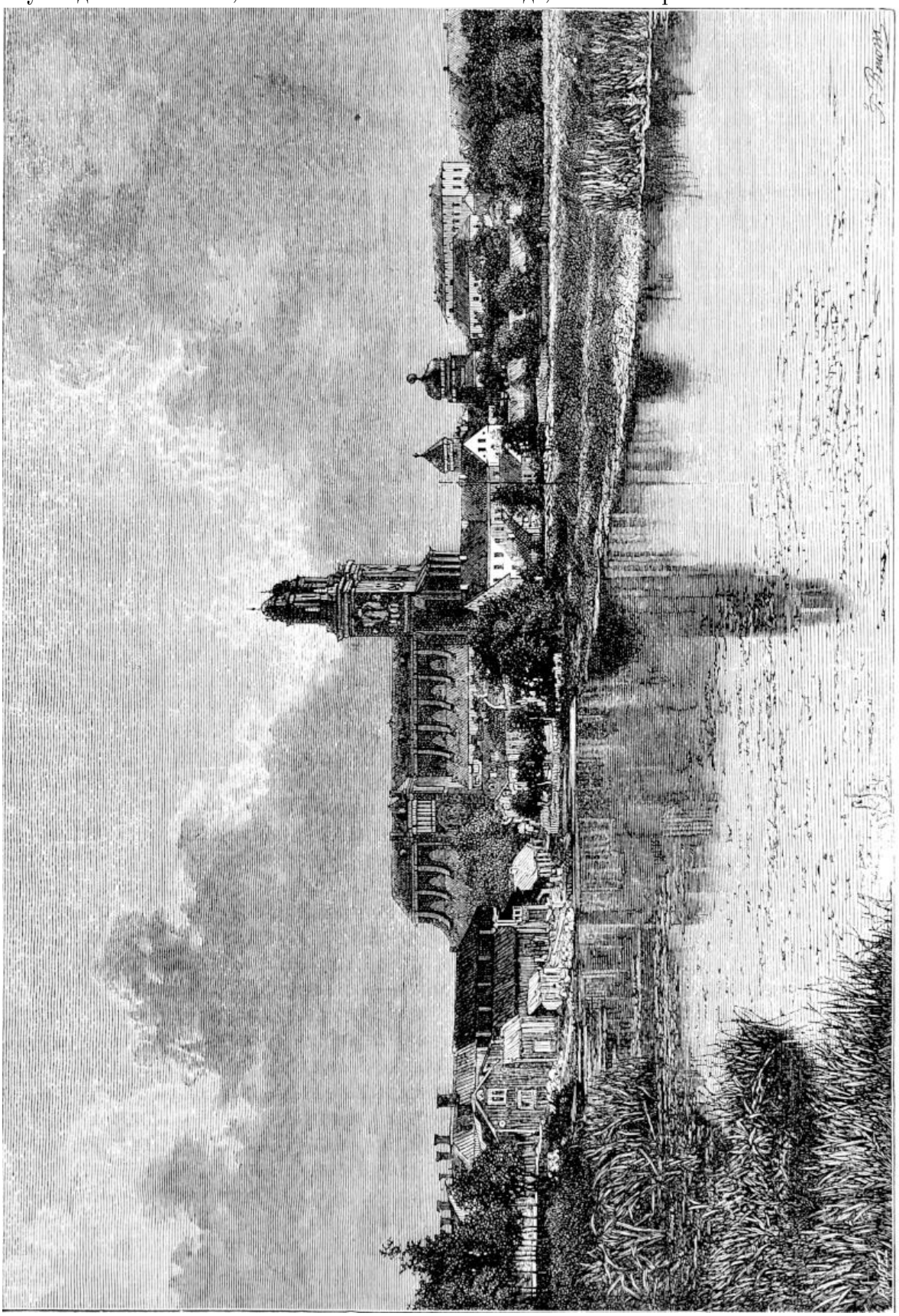
1 Cari Rosenborg, „Рукописные заметки".

ла-Упсала, лежал севернее, в равнине, у подошвы небольшой цепи песчаных холмов, или так называемого аса. Недавно от «Старой Упсалы» оставалось лишь несколько бедных лачуг, да маленькая церковь, стоящая как говорят, на подземном строении храма, где приносились человеческие жертвы; но теперь мало-по-малу возрождается новая деревня вокруг железнодорожной станции, и местность утратила свой священный характер. Неподалеку от древней церкви возвышаются три горки, насыпанные рукой человека, где, по преданию, погребены боги Один, Тор и Фрейя. Другой бугор, пониже, известный под именем Тингсгера, служил трибуной королям, когда они держали речь к народу. С вершины этих холмов видны в пустынной равнине тысячи других возвышений, отчасти искусственных, большинство которых, вероятно, могильные курганы.

На вершине и на скатах холма, занимаемого городом Упсалой, который сменил, как столица государства, «Старую Упсалу» (Гамла-Упсала), возвышаются три знаменитейшие здания Швеции: замок, университет, кафедральный собор. После Трондгьемской церкви, Упсальский собор, бесспорно,—прекраснейший религиозный памятник готической эпохи во всей Скандинавии; но перед норвежским храмом он имеет то преимущество, что корпус его сохранился в целости, несмотря на пять пожаров, опустошавших здание. Издали его две башни, оканчивающиеся наверху куполами в форме тиар, представляют странный вид, кажутся неимеющими связи с архитектурой здания; вблизи фасад, опирающийся на четыре массивные контр-форса и почти голый, без всяких украшений, импонирует строгим благородством своих линий: он, вероятно, является таким, каким был проектирован архитектором, который начал его постройку в 1287 году,—французом Этьеном де-Боннейль. Во внутренности собора находятся гробницы Густава-Вазы, Оксеншерны, Линнея, а в ризнице, между многими другими древностями, обращает на себя внимание идол бога Тора. Упсальский замок, громадная масса красного кирпича, обставленная по бокам круглыми башнями, возвышается на вершине холма (ас) и господствует над всем городом. Менее древний, сравнительно с собором, кремль этот также напоминает имя Густава-Вазы, который воздвиг эту крепостцу, чтобы держать под огнем её пушек дворец архиепископа; недалеко оттуда происходил знаменитый духовный собор или синод, который отобрал в казну все имущества церквей и монастырей и даже воспретил исповедание католического культа, дабы, как сказано в соборном постановлении, «шведы, ставшие одним человеком», имели «только одного Бога».

С террас замка виден, как на ладони, весь город, и с первого же взгляда можно заметить, что он принадлежит студентам, потому что самые большие строения, заключающиеся в поле зрения, все университетские здания; во время отсутствия «тринадцати наций» или «землячеств», на которые делятся слушатели университета по провинциям, город кажется мертвым. Эта знаменитая высшая школа, праздновавшая в 1877 году четырехсотлетний юбилей своего основания, обязана своим именем Carolina королю Карлу IX и прозвищем Rediviva Карлу Иоанну Бернадоту, по повелению которого, для неё был построен дворец, который в недавнее время (с 1886 г.) заменен новым, более обширным зданием. В Упсальском университете, состоящем из четырех факультетов: богословского, юридического, медицинского и философского (филологические, математические и естественные науки) в 1894 г. было 1.448 студентов. Университетское здание заключает в себе, между прочим, обширную библиотеку, драгоценнейшее книгохранилище Швеции, состоящее из 250.000 томов и 8.000 рукописей, между которыми находится древнейший памятник скандинавской письменности, знаменитый Codex argenteus (серебряный кодекс), или перевод евангелий на готский язык, сделанный епископом Ульфилой. Позади замка, на восточной стороне города, раскинут ботанический сад, где, несмотря на суровость климата, не взирая на губительный северный ветер, собрана, под открытым небом и в теплицах, превосходная коллекция представителей растительного царства, достойная знаменитого упсальского профессора, который открыл так много тайн из жизни растений; современный посетитель с чувством истинного умиления встречает в оранжереях, между деревьями умеренного пояса и деревцами из стран, прилегающих к Средиземному морю, мирт, насажденный рукою Линнея. Прекрасная мраморная статуя, работы

скульптора Бистрема, представляющая Линнея сидящим и погруженным в размышление, возвышается под куполом ботанического амфитеатра, и сад, продолжающий новые насаждения у подножия замка, остался в том самом виде, как его расположил основатель. В



Соборъ въ Упсалѣ.

окрестностях города, на юго-востоке, недалеко от Мора-Стенор, то-есть «Камней Мора», сложенных на так называемом «Королевском лугу», где происходили выборы королей, сохранился загородный дом Линнея, Гаммарби, который также посещается ботаниками, как свя-

щенное место. Место рождения знаменитого естествоиспытателя, близ Вексио, в полуденной Швеции, отмечено обелиском, возвышающимся над железной дорогой из Стокгольма в Мальме. Цельзий, товарищ и друг Линнея, родился и умер в Упсале.

В этом городе есть несколько промышленных заведений; ванны утилизируют источник, некогда священный, неизсякаемая вода которого, по преданию, вытекает на том самом месте, где была пролита кровь Эрика, покровителя Швеции. Упсальская губерния (lan) обладает большими минеральными богатствами, которые находятся около деревни Даннемора, лежащей в области лесов и озер, на северо-востоке от главного города губернии. Знаменитые месторождения железной руды, вся добыча которых отправляется к бирмингемским фабрикантам, разрабатываются в виде каменоломни, и рудники, из которых иные еще сохранили валлонские названия, открываются прямо на поверхности земли, как кратеры вулканов или цирки, образовавшиеся вследствие провала почвы. Главная каменоломня, неправильной эллиптической формы, длиною до 270, шириною около шестидесяти метров, представляет пропасть в 130 метр. глубины с вертикальными стенами, из которых однако там и сям выдаются выступы скалы; даже контр-форс, оставленный как подпора на дне рудника, закругляется в виде огромной арки, перекинутой от одной стены к другой. С высоты помостов, выступающих над жерлом, посетитель старается разглядеть подробности зияющей под его ногами огромной бездны, и часто взор теряется в массе пара, где туман смешивается с газами, выделяющимися вследствие взрывов: снег и лед держатся на дне рудника до середины лета, и ледяные сосульки, висящие на стенах, составляют поразительный контраст с черной скалой; но осенью и даже в начале зимы в глубинах шахты продолжается остаток лета. Рудокопы, одни стоя на лестницах, другие свесившись на веревках, отбивают куски из черных стен руды, содержащей средним числом от 40 до 50 процентов чистого металла, или работают в боковых галлереях или в шахтах, открытых на дне каменоломни. В Эстерби и на других горных заводах, в окрестностях Даннеморы, добытая порода немедленно обработывается без прибавки плавня (средняя ежегодная добыча в даннеморских рудниках от 60.000 до 70.000 тонн). Некоторые владельцы рудников—наследники старинного товарищества рудокопов, давно уже разбогатевшего и состоящего теперь по большей части из лиц, пользующихся почетом в крае.

Кроме двух столиц, Стокгольма и Упсалы, некоторые другие, довольно важные, города сообщаются непосредственно с морем благодаря фьордам Меларского озера. Один из этих фьордов почти на западной оконечности озера, омывает стены древнего епископского города Вестерас, тогда как последняя вдается в землю до городка Кепинг (то-есть «Рынок»), бывшего местопребывания химика Шеле. Далее, на судоходной реке Арбога, которая течет вдоль основания одного из любопытнейших кряжей Швеции, свидетельствующего о разрыве почвы, стоит промышленный город Арбога, отправляющий в Стокгольм хлеб—продукт его равнин, дерево—продукт его лесов и железо, привозимое с рудников Нора. Недалеко от этого города впадает в реку Арбога канал, проведенный из озера Гьельмар или Гьельмарен, тогда как естественный исток этого озера проходит далее на западе и приводит в движение эскильстунские фабрики и заводы, снабжающие стокгольмский рынок мебелью, орудиями и машинами. Эребро, лежащий у западной оконечности озера Гьельмарен, тоже очень оживленный торговый город, гордящийся своей готической ратушей: благодаря своему центральному положению, он встарину часто был выбираем как место собрания для сеймов и духовных соборов.

На севере от Стокгольма следуют одни за другими несколько портов, защищенных лабиринтом островков. Город Эльф-Карлеби, стоящий при устье реки Дал-эльф, обладает важнейшим в Швеции местом ловли лососей и посылает продукт лова в Стокгольм и за границу, преимущественно в Германию. Самый значительный город морского прибрежья—Гефле, внешний вид которого напоминает американские города необыкновенной правильностью улиц и кварталов, построенных на обоих берегах канализованной реки; из порта его вывозятся все произведения долины Дал-эльфа, главным образом лес, а также железо и медь из

рудников даннеморских и фалунских, а в окрестностях его есть значительные фабричные заведения, машины которых приводятся в движение водами. В порт Гефле в 1891 г. прибыло с грузом 266 судов в 104.788 тонн, вышло из порта 614 судов в 300.075 тонн. Город Фалун, почерневший от дыма его многочисленных заводов, выстроился внутри материка, благодаря находящимся в соседстве его месторождениям медной руды. Эти месторождения, очень неравной ценности, так как некоторые части их содержат всего только две сотых чистого металла, тогда как другие дают его до одной пятой, составляют уже в течение пятисот слишком лет источник богатства для жителей Фалуна; однако производство его рудников замечательно уменьшилось в последние годы: подобно корнваллийским медным рудникам в Англии, и фалунские не могут более выдерживать конкуренции богатых рудников Южной Америки и Австралии. В прежнее время годовая добыча их доходила до 5.000 тонн, ныне же она почти в десять раз меньше. Вид фалунских рудников свидетельствует о недостатке предусмотрительности у первых рудокопов. Вход в эти рудники похож на кратер вулкана: это—пропасть около 360 метров длиною, 120 метр. шириною и 60 метров глубиною, образовавшаяся вследствие провала галлерей в 1678 году. В соседстве Фалуна, на высоком скалистом мысе, вдающемся в озеро Руннен, стоит дом, пользующийся большим уважением у шведов, как исторический памятник: в этом доме Густав Эрихсон, сделавшийся впоследствии королем под именем Густава I, нашел убежище во время борьбы с датчанами в 1520 году; внутренность дома заключает несколько любопытных предметов, из которых особенно замечательно старинное оружие.

На северо-западе от Фалуна, рассеянные по берегам озера Сильян далекарлийские городки: Лександ, Ретвик, Орса, Вамгус, Мора, который поднялся первым на призыв Густава,—замечательны как главные пункты огромных сельских общин, куда в праздничные дни крестьяне тысячами приплывают на лодках слушать в церквах проповедь. Эти местечки не имеют собственной промышленности: молодые люди из Далекарлии обыкновенно уходят на заработки в Стокгольм, где они занимаются ремеслом часовщиков, куафёров, или продажей точильных камней и других мелких товаров. В северном направлении, Эстерзунд, стоящий на берегах Сторсьена, или «Большого озера», есть во внутренней части страны последняя группа жилищ, носящая титул города: он имеет некоторую важность, как промежуточная станция между городом Трондгьем и Ботническим заливом, и его пристань посещается многочисленными гоэлетами и пароходами, совершающими рейсы от одного берега озера к другому (движение судоходства в Эстерзундском порте в 1877 году: прибыло и вышло 1.525 судов, поднимавших вместе груза 516.476 тонн). За этим городом далее на севере встречаются только маленькия деревушки, да становища лопарей. Наиболее посещаемое из этих поселений крайнего севера—так называемый «Рай Лапландии», цирк Квикъокк, над которым с западной стороны господствует вечно покрытая снегом вершина Сулительмы.

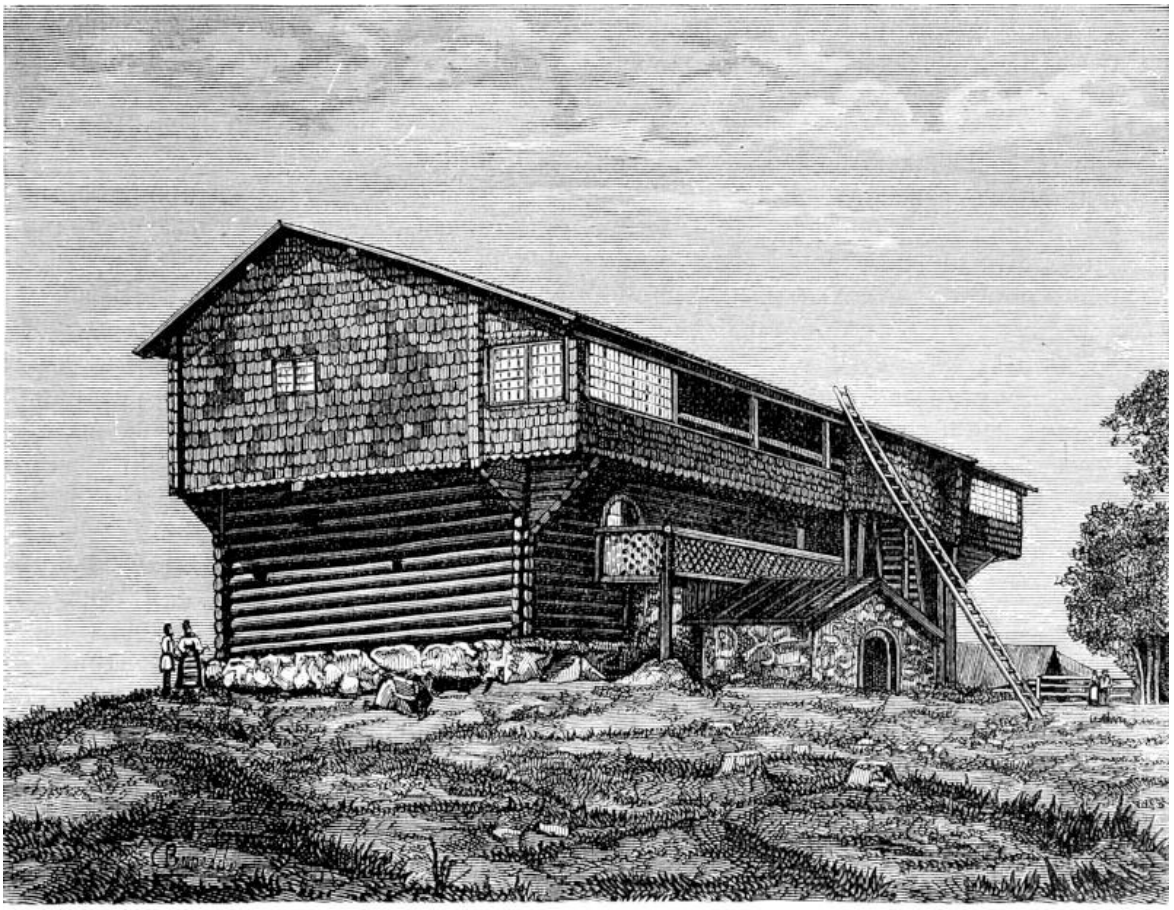
Порты, следующие один за другим на севере от Гефле, при устьях рек, все похожи друг на друга внешним видом, характером построек и родом торговли. Седергамн, Гудиксваль, Сундсваль, Гернезанд, Умео, Шеллефтео, Питео, Лулео, Ранео, Недер-Каликс—все одинаково ведут отпускную торговлю лесом в виде бревен и досок, дегтем, смолой и имеют правильное пароходное сообщение со Стокгольмом. Движение судоходства в главных шведских портах Ботнического залива, к северу от г. Гефле:

Седергамн (1877 г.)—2.078 судов, вместим. 770.934 тонны; Гудиксваль (1877 г.)—916 суд., вместим. 200.015 тон.; Сундсваль (1895 г.)—1.805 суд., вместим. 881.835 тон.; Гернезанд (1892 г., в отходе)—1.050 судов, вместим. 459.717 тон.; Умео (1877 г.)—1.097 судов, вместим. 52.782 тон.; Шеллефтео (1894 г.)—498 суд., вместим. 227.676 т.: Питео (1877 г.)—560 судов вместим. 175.676 тонн; Лулео (1877 г.)—1.367 суд. вместим. 193.091 тон; Ранео (1877 г.)—200 суд., вместим. 63.166 т.; Недер-Каликс (1877 г.)—338 суд., вместим. 111.660 тон.; Гапаранда (1891 г., прибыло)—149 суд., вместим. 63.859 тонн.

Последний город в этом направлении, или, вернее сказать, последнее местечко, так как жителей в нем, по последней переписи, всего только 1.250,—есть Гапаранда, или Гаапаран-

та, то-есть «город осин», основанный под именем «города короля Карла-Иоанна» (Бернадота) после уступки Торнео России. По буквальному смыслу трактатов, этот последний город должен бы был остаться во владении Швеции, так как он стоит на острове, лежащем ближе к правому, чем к левому берегу реки, и так как западный рукав Торнео часто пересыхает летом; тем не менее, однако, он перешел под власть более могущественной державы. Гапаранда не находится еще в пределах полярного пояса, но оттуда путешественники отправляются провести на горе Авазакса «ночь на Иванов день», без перерыва освещаемую лучами солнца. Далее на северо-востоке, на русской территории, отделенной от Швеции только рекой Торнео, деревня Пелло обозначает северную оконечность дуги, измеренной французским геометром Мопертюи, для определения фигуры земли.

Висби, столица острова Готланда, есть единственный важный город на шведских островах Балтики. Это—очень древний город, основание которого приписывают славянам из по-



Домъ Густава Вазы.

морской Винеты (в нынешней Померании), спасавшимся от наводнений, которым часто подвергались их родимые места; город этих эмигрантов-поморян был построен на краю террасы из обрушившихся скал, откуда бьют ключи чистой воды, которые, очевидно, и были причиной выбора этого места для поселения[1]. Вступив в союз с другими ганзейскими городами, Висби быстро поднялся на степень цветущего города и насчитывал в своих стенах до 12.000 граждан; кроме того, тысячи рабочих, ремесленников и моряков жили за оградой, в пригородных слободах. Немцы, очень многочисленные, назначали половину членов городского совета и выстроили много церквей, из которых самая красивая, основанная эмигрантами из Любека в 1190 г., и до сих пор остается замечательным памятником Висби. Окрестности этого города и вообще весь остров Готланд—настоящая обетованная земля для археологов, которые то и дело открывают там различные остатки древности и обогащают

1 Roderick Murchison, „Quartetly Journal of the Geol. Soc. of London", vol. III, 1846.

своими находками стокгольмский музей и другие коллекции. Морские законы Висби служили кодексом для моряков северной Европы, подобно тому, как морское право Олерона, из которого частию заимствованы эти законы, было кодексом для западно-европейских моряков. Столица Готланда долго сохраняла свою республиканскую независимость; но в 1361 году король датский Вальдемар III разрушил её укрепленный замок, разорил её храмы, забрал её богатства. Разломанные городские стены, развалины церквей, от которых остались только своды или столбы, прекрасные обломки норманской или готической архитектуры до сих пор напоминают об этом погроме, от которого город и теперь еще не вполне оправился. Однако, его порт, который может принимать суда, имеющие до 5 метров водоуглубления, ведет еще значительную торговлю; моряки его занимаются рыбной ловлей, а его морские купальни привлекают летом тысячи посетителей с соседнего континента. Через остров проведена железная дорога, от Бисби до одной деревни, лежащей в соседстве с юго-восточным берегом. Движение судоходства в готландских портах в 1876 г.: прибыло 767, вышло 796 судов, всего 1.563 судна. Общее движение судоходства в порте Висби в 1877 г.: 846 судов, вместимостью в 139.627 тонн.

Города Швеции с населением свыше 4.500 душ (в конце 1896 г.):

Стокгольм—279.680 жителей; Гётеборг (Гетеборг)—117.350; Мальме—53.869; Норркепинг—37.480; Гефле—25.792; Карлскрона—22.796; Иенкепинг—21.249; Упсала—22.335; Лунд—15.735; Эребро—17.639; Гельзингбор—22.671; Кальмар—12.305; Ландскрона—13.519; Христианстад—10.050; Линкепинг—13.310; Сундсваль—13.941; Гальмстад—13.697; Эскильстуна—12.576; Борас—11.276; Фалун (1890 г.)—8.010; Исстад (1894 г.)—8.666; Карлстад (1890 г.)—8.720; Висби(1894 г.)—7.445; Уддевалла (1893 г.)—7.970; Седергамн—10.544; Карлсгамн (1890 г.)—7.190; Вестерас (1894 г.)—8.660; Вестервик (1893 г.)—6.810; Венерсборг (1893 г.)—5.640; Гернезанд (1890 г.)—5.790; Оскарсгамн (1890 г.)—5.855; Нюкепинг (1890 г.)—5.980; Кристинегамн (1890 г.)—5.935; Вексио (1894 г.)—6.960; Лидкепинг (1890 г.)—5.180; Эстерзунд (1891 г.)—5.335: Лулео (1890 г.)—4.755.

XII.

Народонаселение Скандинавии, которому ведутся правильные переписи с 1751 года, быстро возрастает; с начала текущего столетия оно более чем удвоилось и в Норвегии, и в Швеции.

Население двух государств Скандинавского полуострова в различные эпохи:

Норвегия: в 1800 г.—800.000 душ; в 1876 г.—1.864.000 душ; в 1891 г. (1 янв.)—2.002.000 душ.

Швеция: в 1800 г.—2.347.000 душ; в 1876 г.—4.429.700 душ; в 1891 г. (1 янв.)—4.785.000 душ.

С 1870 года число жителей не переставало увеличиваться во всех шведских ленах (lan), даже на острове Готланде, который посылает на полуостров почти весь избыток своего населения. Между тем как в западном королевстве период удвоения населения составляет около 62 лет, в восточном он равняется приблизительно 72 годам[1]. Главная причина ежегодного приращения населения—перевес числа рождений над числом смертных случаев; так, в Норвегии в период 1871—1880 гг. годовое превышение числа родившихся над числом умерших равнялось 20.467, а в Швеции в период 1886—1890 гг.—около 60.000; в период 1881—1890 гг. средний процент рождаемости составлял: в Норвегии—30,6, в Швеции—29,2 на 1.000.

Но, кроме этой главной причины, на возрастание населения влияет также постоянное увеличение средней продолжительности жизни. Так, пропорция смертности в Швеции, составлявшая от 27 до 28 на 1.000 в последней половине восемнадцатого столетия, не превышала уже 18,3 на 1.000 в период, протекший с 1871 по 1875 год, а в период 1881—1890 гг. составляла и в Швеции, и в Норвегии всего только 17 на тысячу (в 1893 г. в Швеции—16,8

1 O. I. Broch. „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien".

на тысячу); это—наименьший процент смертности, какой представляет европейская страна; в Швеции и Норвегии умирает почти вдвое меньше людей, чем в России. Из всех стран нашего континента Скандинавия—самая счастливая в том отношении, что она теряет наименьшее число детей в первом возрасте. Между тем как вне Скандинавского полуострова четверть детей погибает раньше достижения пятилетнего возраста, молодое норвежское поколение только к восемнадцатому году уменьшается до трех четвертей своей первоначальной цифры, как показывают следующие выводы статистики[1]:

Число переживающих пятилетний возраст:

Норвегия—811; Швеция—768; Англия—737: Швейцария—726; Бельгия—725; Франция —710; Голландия—689; Бавария—596.

В самой Норвегии наиболее здоровою местностью, по Броху, следует считать долину Гульдбрандсдален, на севере от озера Мьезен. В Скандинавии несомненно существует улучшение расы, составляющее счастливый контраст с вырождением людской породы, про исходящим в других странах, главным образом, вследствие «военного подбора». Измерения, которым были подвергаемы рекруты шведской милиции, констатировали тот замечательный факт, что средний рост их увеличился на 18 миллиметров за последние тридцать пять лет[2].

Так как два государства, занимающие Скандинавский полуостров, пользовались глубоким миром с 1815 года, то единственными причинами замедления в росте народонаселения были плохие урожаи и общие экономические кризисы, торговые и промышленные. В 1868 и 1869 годах произошло даже незначительное уменьшение в числе жителей—не потому, что цифра умерших превышала цифру рождений, а потому, что пропорция эмигрантов вдруг возрасла до такой степени, что некоторые округа почти совсем опустели. Тогда случалось, что в одну неделю до 200 человек садились на корабль в порте Гетеборг, отправляясь в Англию и Америку; кроме того, сильное эмиграционное движение направлялось в Новый Свет через порты континентальной Европы. В 1869 году более 57.000 лиц покинули два государства полуострова; следовательно, на один этот год приходится осьмая часть всех скандинавов, эмигрировавших с половины текущего столетия, число которых распределено следующим образом:

Эмигрантов норвежских с 1836 по 1879 г.—206.600; эмигрантов шведских с 1851 по 1879 г.—240.000.

Даже многие лапландцы, между которыми находилась одна семья оленных лопарей, были увлечены общим потоком и отправились в Америку[3]; но с 1870 года выселение стало ослабевать, затем, после многих колебаний, достигло наивысшей цифры—в Норвегии в 1888 году: 21.452, в Швеции в 1887 году: 50.786,—но с этого времени опять значительно уменьшилось, и в Норвегии в 1894 г. составляло только 5.642, а в Швеции в 1893 г. 40.869 лиц. Наибольшую долю переселенцев всегда давали приморские населения. Скандинавы Соединенных Штатов живут преимущественно в северных областях американской республики, в штатах Иллинойсе, Висконсине, Миннесоте, Айове. Что касается колонии, основанной ими в 1638 году на берегах Делавара, то эта Новая Швеция, Nya Sverige, была уступлена Голландии в 1655 г., затем вместе с другими нидерландскими владениями, перешла под власть Англии, и теперь ничто, кроме имени, не напоминает о пребывании скандинавов в этой местности.

Иммиграция, довольно малочисленная, далеко не уравновешивает в Скандинавии эмиграционного движения жителей; при том она состоит главным образом из бывших колонистов или детей колонистов, возвращающихся из Америки; другие иммигранты, преимущественно датчане и немцы, насчитываются только сотнями. Кроме того, англичане в небольшом числе водворяются в приморских городах Норвегии и в Гетеборге. Собственно в Швеции в десятилетие 1884—1893 гг. число иммигрантов поднялось с 4.911 до 7.377. В се-

1 Ad. Quetelet, „Patria Belgica", II.

2 Elis Sidenbladh, „Royaume de Suede", 1878.

3 Torell und Nordenskjold, „Scbwedische Expeditionen nach Spitzbergen".

верных областях полуострова пустынные пространства также постепенно заселяются отчасти финляндскими иммигрантами; но несравненно значительнее число скандинавов, направляющихся с юга в эти страны: даже в Лапландии они сделались теперь преобладающим элементом населения. В 1845 году в Тромсе и в Финмаркене норвежцев насчитывалось только 16.500; в 1865 г. число их уже утроилось, а в 1875 г. упятерилось.

Вообще говоря, густота населения пропорциональна средней годовой температуре: число людей увеличивается по мере удаления от полюсов и понижения высоты места над уровнем моря; но, кроме того, и торговля привлекает жителей в некоторые округа, занимающие особенно благоприятное для этой цели положение: так, на берегах Зунда, против Копенгагена, население, относительно, более значительно, чем во Франции. Некоторые сельские округа Скании, Блекинга, Галланда так давно заселены и возделываются, что поля их совершенно очищены от эрратических камней: пахатная почва повсюду расстилается непрерывным слоем.

Подобно тому как во всех цивилизованных государствах, число жителей возрастает быстрее в городах, чем в сельских округах Скандинавии, особенно в Норвегии. В этой последней стране увеличение цифры жителей приходится исключительно на поясы промышленные, приморские и рыболовные; население же местностей, занимающихся земледелием и скотоводством, уменьшилось, а население лесных областей сохраняет приблизительно одну и ту же численную силу[1]. Норвежские города, к которым ныне устремляется почти весь избыток народонаселения, заключали в себе в 1665 году только 8 процентов общего числа жителей; в 1875 году население их составляло уже более 18 процентов этого числа: загроможденные строительными материалами, они имеют вид только-что основанных городов,—так много попадается в них новых домов. В Швеции только 18,8 процентов населения живет в городах. Это королевство, будучи гораздо богаче Норвегии пригодными для культуры землями, могло сохранить в своих деревнях население относительно более значительное.

Скандинавское земледелие, сделавшее большие успехи с половины текущего столетия, имеет перед собой длинную перспективу развития и усовершенствования в близком будущем, благодаря значительному протяжению непроизводительной территории, которая может быть еще утилизирована для целей сельского хозяйства. Правда, большая часть полуострова не пригодна для обработки плугом. Озера, скалы, груды камней, фирновые поля и ледники покрывают обширные пространства, а в северных областях климат до того суров, что человек по необходимости должен оставлять земле,—за исключением некоторых хорошо защищенных местностей,—её естественные произведения, состоящие из деревьев, кустарника или дикорастущих трав. Между тем как в Дании собственно так называемые культурные земли простираются почти на половине территории, в Швеции они покрывают площадь не более одной пятнадцатой части поверхности страны, уменьшаясь постепенно от юга к северу, от провинции Мальме, где возделываемые земельные участки занимают более двух третей территории, до пустынь Лапландии, где несколько маленьких полей в лесных прогалинах составляют единственные завоевания земледелия. В Норвегии пояс удобной для возделывания территории так узок, что обработанная почва не представляет даже сотой доли поверхности королевства[2]. Но как на восточном, так и на западном скате скандинавских Альп область земледелия постоянно распространяется на счет болот и лесов. Между тем как в 1865 году площадь пахатных земель исчислялась только в 2.334.000 гектаров, она занимала пятнадцать лет спустя 2.920.000 гектаров; следовательно, увеличение новыми культурными землями составляло более 586.000 гектаров, или около 40.000 гектар. в год. Значительная часть вновь приобретенной пахатной земли была завоевана непосредственно на водах болот и озер: так, в период с 1841 по 1876 год шведское правительство содействовало выдачей субсидий осушению 198.000 гектаров затопленных земель; кроме того, обширные пространства были осушены частными лицами, без всякого пособия со стороны государства. Точно также

1 O. J. Broch, „Le royaume de Norvege et le peuplr norvdgien".

2 Schubeler, „Pflanzenwelt Norwegens".

и норвежцы увеличивают каждый год свою незначительную земледельческую территорию несколькими тысячами гектаров, отвоеванных у болот и фьордов[3]. Во всех возвышенных долинах Скандинавии, во всех равнинах, удаленных от моря, колонии земледельцев постепенно преобразовывают почву в производительные земли. Так, в центральной Швеции провинция Смаланд получила свое название от «мелких» землепашцев, которые колонизировали её леса, некогда пустынные: расчищая мало-по-малу один участок за другим в пустыне, усеянной скалами и лесами, неустрашимые пионеры покрыли страну маленькими оазисами культурной земли, где они долгое время оставались почти неизвестными остальной Швеции и жили в независимости чисто-республиканской. Утилизируемая для целей сельского хозяйства площадь земель распределяется в Швеции (1893 г.) следующим образом: 3.371.754 гектара пашен, 35.434 гект. садов, 1.584.156 гект. естественных лугов; в Норвегии пашни составляют всего только 0,7 процента пространства.

Первональное земледелие страны не знало других способов обработки почвы кроме подсечного или огневого, состоящего в том, что часть леса или торфяника выжигают и бросают семена в золу от сгоревших растений. В некоторых, впрочем немногих, внутренних округах и теперь еще употребляется этот первобытный способ древних лопарей; но, взятое в целом, нынешнее шведское полеводство есть одно из тех, которые отличаются хорошим распределением севооборотов, правильным употреблением мелиораций и удобрений, разумным применением машин. Швеция, которая в прошлом столетии должна была ввозить иностранный хлеб[1], производит ныне более зерновых хлебов, чем сколько нужно для собственного потребления, для содержания домашних животных и для добывания спиртных напитков; она отправляет значительные количества хлеба за границу, но должна ввозить, однако, в меньших пропорциях, муку ржаную и пшеничную. Что касается Норвегии, то поля её, получая больше теплоты и влажности, производят, при равной площади, больше хлеба, чем нивы Швеции; но протяжение их слишком мало, чтобы прокармливать все население: количество произведений почвы, которое Норвегия должна ввозить из-за границы, составляет около трети её годового потребления. Даже холодный север России посылает ей муку через Архангельский порт.

Скотоводство Скандинавии сделало в эти последние годы успехи, соответствующие успехам земледелия: хотя домашния животные и не увеличились в числе, но, благодаря гораздо более заботливому уходу, они приносят своим владельцам несравненно более выгод, чем прежде. Великобритания, которая постоянно ищет вокруг себя мест производства, могущих снабжать её рынки предметами продовольствия, давно уже обратилась к Швеции, и эта последняя посылает ей живой скот, коровье масло, яйца, преимущественно через Гетеборгский порт. Однако, оба королевства полуострова, особенно Швеция, далеко уступают Дании по развитию скотоводства; это объясняется тем, что почва там менее пригодна для производства кормовых трав, чем в Дании. Количество домашних животных в Скандинавии представляет следующие цифры:

	Норвегия в 1891 г.	Швеция в 1893 г.
Лошадей	150.898	495.443
Быков и коров	1.006.499	2.473.981
Овец	1.685.000	1.323.978
Коз	272.458	77.984
Свиней	121.057	717.339
Северных оленей, прирученных	170.134	100.000

Туземные породы скота почти везде были видоизменены путем скрещивания. В высоких долинах хребта Кьелен и на норвежском поморье сохранилась еще так называемая «горная порода» коров, некрасивая, маленькая, безрогая, но отличающаяся замечательной умеренностью и неразборчивостью в пище; она довольствуется всяким кормом, и в некоторых частях Норвегии удалось даже приучить ее питаться рыбой. Степные бараны, маленькие, неу-

3 Frisch, „Mittheilungen von Petermann", XI, 1866.

1 Ljungberg, „La Suede, trad. par L. de Lilliehook".

клюжие, покрытые грубой шерстью, имеющие только волоса на ногах, на голове и иногда на хвосте, обладают необыкновенной выносливостью: вдоль ставангерских берегов и далее к северу на всех островах морского прибрежья стада их остаются в продолжение всей зимы под дождем, снегом и ветрами, и эти животные, питаясь вереском и морскими водорослями, перебиваются до весны, без вреда для здоровья. На острове Готланде также существует особенная порода лошадей—горячия, полудикия пони, которые проводят почти весь год под открытым небом.

Известно, какое важное значение имеют леса в хозяйственной экономии Скандинавии: в самом деле, вывоз леса за границу представляет, по ценности, половину всей отпускной торговли Швеции: бревна, доски, балки, подпоры для рудников отправляются из шведских портов Ботнического залива и из Гетеборга в Бразилию, на Мыс Доброй Надежды, в Австралию, даже в Новую Зеландию; но более половины этого отпуска направляется в Англию. Продажи лесного материала, производимые скандинавами, представляют каждый год сумму, превышающую 250 миллионов франков[1]; из этого числа одни шведы продают на 150 миллионов. Несмотря на важность лесной промышленности и торговли, лесоводство в собственном смысле не пользуется тем вниманием, какого оно заслуживает; до сих пор ограничиваются эксплоатацией естественных лесов (площадь которых в 1893 г. составляла: в Норвегии —7.806.000, в Швеции—17.569.000 гектаров). Самые значительные рубки производятся вдали от населенных местностей; нанимающиеся на рубку рабочие, которых лесопромышленники держат в своего рода крепостной зависимости, выдавая им вперед, под большие проценты, необходимые суммы, должны сами строить в лесу временные избушки, чтобы провести там сезон морозов и мрака, составляющий для них время чрезмерного труда; что касается лошадей, то они проводят всю зиму без крова, защищенные от холода только шерстяными попонами. Срубленные деревья перевозятся по снегу к берегу рек, где они плывут от водопада к водопаду, от озера к озеру до лесопильного завода, который должен распилить их на бревна и доски. Во многих внутренних округах ложе рек и дно озер сплошь покрыты затонувшими древесными стволами, которые, не успев сделать весь путь своего сплава в один год, сохли летом на берегах; затем пропитавшись водой во время разливов, не могли уже плыть на поверхности[2]. При осушке некоторых озерных бассейнов находили в наносах дна по нескольку лежащих один на другом слоев сгнивших деревьев.

Число жителей, занимающихся обработкой почвы и непосредственною эксплоатацией её произведений, можно определить приблизительно в 4 миллиона, что равняется почти двум третям скандинавского населения. Мелкие земельные собственники составляют довольно большую пропорцию сельского населения, и большинство арендаторов возделывает свое временное владение под гарантией традиционных обычаев, которые дают им действительную независимость. Норвежские крестьяне, как и шведские, всегда сохраняли за собой право выбирать место жительства и приобретать земли: они не были крепостными, как крестьяне большей части европейских стран, и законы Дании, обязывавшие крестьянина оставаться в месте его рождения до сорока лет от роду, никогда не были в силе на севере от Скагеррака. Общинное землевладение было очень распространено в Скандинавии. да и теперь еще число общественных земель довольно значительно: необработанные пустоши, горные пастбища и леса принадлежали, по большей части, многих главам семейств, всему приходу, или даже нескольким приходам вместе. Во многих местностях прежнее коллективное землевладение было заменено правильным распределением земель между различными общинниками на известное число лет; каждая дола была предоставляема в пользование последовательно всем членам общины. В других местах земельная собственность была распределена неравномерно, на основании обычаев и традиций, получивших силу закона. Большая часть лесов была разделена по разным породам дерев: один общинник владел соснами, другой елями, третий березами; трава, которую щипал скот, принадлежала четвертому, тогда как самая почва

1 O. J. Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien“.

2 O. J. Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien“.

была присвоена особому владельцу. Теперь в Норвегии издан закон, воспрещающий деление леса между двумя владельцами, из которых один, владеющий почвой, и другой, владеющий растущими на ней деревьями, неизбежно стали бы во враждебные друг к другу отношения. Порядок общинного землевладения постоянно уменьшается в размерах в пользу частной земельной собственности: однако, в 1876 г. почти седьмая часть почвы Норвегии состояла еще из земель, находящихся в общинном владении, и даже в западных провинциях, между мысом Линдеснес и Трондгьемским фьордом, среднее количество этих земель составляло три десятых страны.

Норвежские собственники сохранили старинное odelsret, или «аллодиальное» право вновь вступать во владение проданным земельным имуществом; но сумма, которую должен уплатить в этом случае приобретатель, определяется не первою продажною ценой, а на основании новой оценки; при том, odelsret принадлежит только семействам, пользовавшимся этим имуществом по меньшей мере в течение двадцати лет; кроме того, право это утрачивается, если имущество уже переходило в последние три года от одного владельца к другому. Права наследования, прежде различные для сыновей и дочерей, из которых последние всегда получали вдвое меньшую долю теперь одинаковы для обоих полов, и завещатель может распорядиться, помимо своего прямого потомства, не более как одною четвертою частью своего имущества.

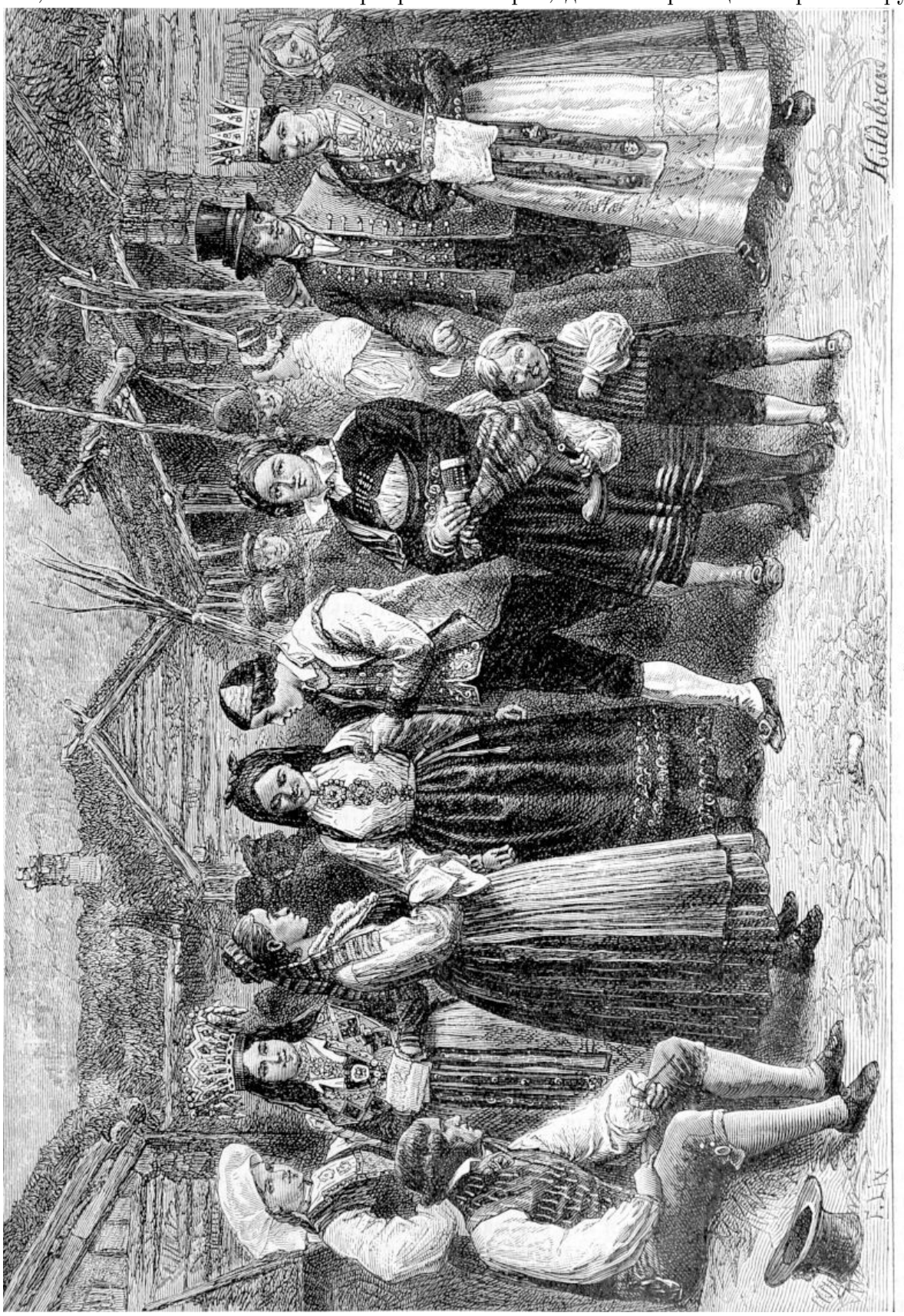
Понятно, что это последнее законоположение должно вести на практике к сильному дроблению земельной собственности. Если не принимать в рассчет маленьких участков земли, лежащих в городах и употребляемых только для разведения цветников и огородов вокруг жилых домов, то земледельческих имений в собственном смысле насчитывается около 430.000 во всей Скандинавии, именно до 300.000 в Швеции и до 130.000 в Норвегии. Естественное стремление скандинавского населения было бы увеличивать до бесконечности число земельных участков, так как каждый крестьянин желает сделаться хозяином и собственником, желает приобрести во владение участок земли, или mantal; но законодательство нашло нужным установить известные ограничения, чтобы воспрепятствовать чрезмерному дроблению страны; в Швеции оно воспрещает раздел земли в тех случаях, когда доля её становится недостаточной для прокормления её произведениями семейства, состоящего по меньшей мере из трех лиц. В 1827 году был издан закон (заимствованный впоследствии законодательством Германии и АвстроВенгрии), которым дозволялось владельцу нескольких чересполосных участков земли требовать нового распределения земель, в видах соединения всех разбросанных кусков; благодаря этой мере, имения могли округлиться, что несомненно принесло пользу земледелию[1]. Вообще говоря, имения эти не велики по протяжению; в Скандинавии нет, как в Великобритании и Ирландии, таких обширных поместий, которые по пространству могут быть названы провинциями; исключение составляет только Норрланд, где, например, известный гетеборгский негоциант Диксон мог бы ехать несколько дней через свои владения, не достигая их границ. По количеству владеемой земли, шведские земельные собственники распределяются следующим образом (1893 г.):

Землевладельцев, имеющих менее 2 гектаров—61.289; от 2 до 20 гектар.—185.566; от 20 до 100 гектар.—22.802; более 100 гектар.—2.034.

Фермеры или арендаторы, менее многочисленные, чем собственники, почти все обеспечены долгосрочными арендными договорами; но некоторые из них, именно так называемые husman или torpare, уплачивают аренду не деньгами, а работами на землях владельца или услугами в лесах или в рудниках. Есть между ними и такие, которые, будучи собственниками одного участка земли, берут другой в арендное содержание; наконец, многие вынуждены своим необезпеченным положением искать какого-либо вспомогательного средства существования: они делаются ремесленниками, дровосеками или рыболовами. В 1865 году землевладельцы составляли в Норвегии 85%, в Швеции 62%; арендаторы в Норвегии 15%, в Швеции 38 процентов.

1 C. E. Ljungberg, trad. par Lilliehook.

Известно, какую важную отрасль народного хозяйства составляет рыболовство в Скандинавии, особенно в Норвегии: богатство моря рыбой, в гораздо большей мере, чем плодородие почвы, способствовало заселению прибрежных стран, да и теперь еще северные округа, в



Типы и костюмы жителей Гардангера и Сетердалена.

Финмаркене и Нордланде, были бы совершенно пустынными, если бы рыбные мели не привлекали туда целых флотилии рыболовных судов.

Треска и сельдь, как мы видели выше, составляют главные сокровища, которые море

держит в запасе для прибрежных жителей Норвегии. На Лофотенских островах и Финмаркене ловлей трески занимаются около 70.000 лиц (с 16.000 судов), из которых. может быть, трети суждено найти смерть в волнах моря, и средний годовой улов составляет от 10 до 60 миллионов.

Островок Скравен, в заливе Вест-фьорд, и особенно воды около Геннингсвера самые оживленные места рыбной ловли, и многие скалистые берега делаются там временно настоящими фабриками. Все идет на пользу из этого животного, которое ловится в таких баснословных количествах. Еще недавно рыболовы Лофотенских островов утилизировали треску только для извлечения из неё печени, из которой приготовляли известный тресковый или рыбий жир, получивший первостепенную важность в современной медицине; после этой операции, они выбрасывали остальную часть животного; но в настоящее время, узнав лучше цену рыбе, они отправляют ее прямо за границу, или обменивают у русских торговцев на муку и материи; остаток, получаемый после извлечения жира из печени, посылают в Трондгьем, где он считается самым сильным из искусственных удобрений почвы; плавательный пузырь вывозится в Гаванну, где его употребляют в пищу, или для приготовления клея; высушенное мясо трески растирается в муку, из которой пекут очень вкусные лепешки; наконец, икра, то-есть соленые яички рыбы, употребляется, как приманка, и прежде продавалась главным образом во Францию ловцам сардинок; однако, она много потеряла в своей торговой цене в эти последние годы, с тех пор как стали употреблять предпочтительно искусственную икру. Смотря по приготовлению, которому ее подвергают, треска носит различные названия: stockfisk, klepfisk, torfisk, rundfisk или rodskjaer; каждая из торговых наций, которые бергенские негоцианты снабжают треской, имеет свое излюбленное приготовление. До 1857 года правом рыболовного промысла пользовались только лица, получившие на то особую привилегию. Море было фиктивно разделено между прибрежными землевладельцами, которые основывали на островах и мысах, в некотором расстоянии одну от другой, колонии рыбаков и заставляли последних платить им оброк за пользование соседними водами. Теперь море свободно и открыто для всех, исключая только воскресного дня: всякая ловля воспрещена от вечера субботы до вечера воскресенья, от пяти часов по полудни до пяти часов по полудни[1].

Ловля сельдей, менее верная чем ловля трески, не уступает ей в важности. Общая добыча этой ловли достигает в Норвегии в благоприятные годы миллиона боченков, заключающих около 300 миллионов селедок, и почти треть этого количества вывозится в Россию. Сельдь, предназначенная для России, укладывается обыкновенно в еловые боченки, сообщающие рыбе смолистый вкус, который нравится русским потребителям; для других стран боченки делаются из букового дерева. На берегах Норвегии бывают два лова в году: первый—летом и осенью, когда рыба приближается к берегу, отыскивая мелких морских раков (креветок), моллюсков, кольчецов, которые составляют её пищу; второй, или зимний лов—с конца января до марта месяца, в период метания икры, когда сельдь странствует несметными стаями; но эта последняя ловля всегда была изменчива, и часто моряки тщетно ищут рыбу, тогда как в других случаях сети, переполненные рыбой, разрываются от тяжести. Обыкновенно рыбаки составляют ассоциацию или артель, снаряжают суда на общие средства и делят между собой барыши, при чем атаман лова или notebas (хозяин сети), получает самую большую долю добычи, как главный владелец. В период лова, на соседних берегах, возникают временные селения, учреждаются почтовые и телеграфные станции и устраиваются живые мосты на сваях для пароходов. Результаты зимнего лова сельди сильно колеблются по годам; так, напр., в 1869 г. (год счастливый) улов составлял 945.200 гектол., а 1871 г. (год несчастливый)—всего только 104.250 гектол. Зимой в последние годы производится немаловажный лов сельди перед устьем Христианиа-фьорда (1893—94 гг.: 360.000 гектолитров, при 9.000 рыболовов). В среднем, ловлей сельди занимается ныне в Норвегии 40.000 лиц, с 8.000 судов.

1 Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien".

В Швеции ловля сельдей составляет важный промысел, имеющий наибольшую ценность в народном хозяйстве страны; однако, он недостаточен для покрытия местного потребления, и шведы должны ввозить эту рыбу из Норвегии. Годовой улов сельдей на балтийских берегах Швеции дает, в среднем, свыше 200.000 тонн соленой рыбы; но к этому нужно еще прибавить улов сельди в области Богуслен, на севере от Гетеборга, часто посредственный, иногда очень обильный.

Кроме трески и сельди, скандинавские рыболовы охотятся и на других рыб, которые составляют немаловажный источник как для собственного их продовольствия, так и для торговли их портов. Средним числом норвежские моряки налавливают от 7 до 8 миллионов макрелей, представляющих ценность около миллиона франков. Лосось, который для метания икры поднимается вверх по течению до истоков, почти во всех реках полуострова, ловится в огромных количествах у подножия водопадов, которые он пытается перейти, перескакивая, при помощи ударов хвоста, через пороги и стремнины. В некоторых реках западного прибрежья лососи ценятся не менее шотландских; впрочем, весьма значительная часть улова этой рыбы предназначена для Англии и Германии, и многие ручьи и речки северной Норвегии сняты в аренду богатыми англичанами, которые приезжают в эти места провести летний сезон. В недавнее время норвежские моряки гонялись также за странствующей акулой, самой большой из рыб, обитающих в морях Норвегии, так как она имеет от 12 до 15 метров в длину; печень этой рыбы, единственная часть её тела, ценимая рыболовом, дает до 7 гектолитров (до 57 ведер) жира. Но этот вид акулы, убегая, как и кит, от преследования рыболовов, почти совершенно исчез с берегов Норвегии, и теперь из больших рыб гоняются только, преимущественно в водах Финмаркена, за гокьерингом или скимном (Scymnus borealis) и еще за одной породой акул. Суда, принадлежащие тенсбергским судовладельцам, ходят из залива Христиания в полярные моря на ловлю тюленей и огромного гренландского кита, или рорквала, по которому издали стреляют из пушек, пуская в него гарпуны, снабженные разрывными пулями. В 1874 году норвежскими моряками было убито 90.575 тюленей, общая ценность которых равнялась 1.600.000 франк. В то время, как предприимчивые моряки ходят на поиски новой добычи в отдаленные моря, рыболовы занимаются на самом полуострове заселением вновь озер и рек, естественные обитатели которых были истреблены. С этою целью основано в Гернезанде, на берегу Ботнического залива, заведение рыболовства, а на берегах Норвегии в разных пунктах разведены устричные садки. В 1893 году добыча разного рода морской ловли в прибрежных местностях Норвегии представляла, на месте лова, ценность 23.700.000 крон. Конечные бухты некоторых фьордов, естественно расположенные в форме резервуаров, были превращены в садки, где разводят разные породы рыб, которые защищены решетками от нападении хищных видов[1].

Горная промышленность, так же, как и рыболовные промыслы, не имеет уже, сравнительно с сельским хозяйством, той важности, какую она имела прежде в Скандинавии. Конгсберские серебряные рудники, медные жилы Рероса и Фалуна не пользуются уже на рынке металлов таким большим влиянием, как в прежнее время, и даже далекарлийские залежи железной руды должны теперь выдерживать соперничество богатых месторождений железа, открытых в разных частях света. Что касается золота, то добыча его в Фалунском горном округе самая ничтожная; арендальские золотые рудники, доставлявшие некогда материал для чеканки червонцев Христиана IV, давно уже оставлены разработкой, а лапландские реки, содержащие золотоносный песок, текут в климате слишком суровом, чтобы нашлось много охотников, которые дали бы себе труд исследовать их берега и заняться промывкой песку; говорят, что из этих рек самые богатые золотом те, которые спускаются с гор Пельдониеми, на границах Норвегии и русской Финляндии, около истоков рек Таны и Ивало; однако в 1872 году искатели драгоценного металла, отправившиеся в числе пяти сот человек в это новое Эльдорадо, собрали всего только от 50 до 60 килограммов чистого золота.

1 G. Hetting, „Die Fisch-Cultur Norwegen".

Некоторые рудные месторождения, которые в более умеренном климате и в стране более населенной были бы разработываемы тысячами рудокопов и окружены многочисленными горными заводами, остаются здесь без всякой экономической пользы, хотя место их нахождения давно уже указано геологами. Так, например, медные жилы, содержащие половину чистого металла[2], которые находят в Каафьорде, на берегах Альтен-фьорда. могли быть серьезно эксплоатируемы только в продолжение довольно короткого периода времени. Шерстадские железные месторождения, на норвежском берегу, близ Боде, тоже не утилизируются, хотя эти залежи заключают в себе столько руды, что её хватило бы на покрытие потребления всех металлургических. заводов земного шара. Точно также в шведском Норрботтене ограничились разведкой железных месторождений Гелливары и—самое большее—поцарапали кое-где их поверхность; это происходит, главным образом оттого, что еще не построены линии железных дорог, долженствующие соединить эту горную цепь: с одной стороны—с судоходной рекой Лулео, с другой—с Норвежским морем через один из горных проходов хребта Кьелен. А между тем железные месторождения этой части северной Швеции отличаются необыкновенным богатством. Руда, в которой среднее содержание металла составляет от 50 до 70 процентов, расположена параллельными жилами, между скалами гнейса, выветрившимися и распавшимися от времени. Благодаря своей большей твердости, железо не поддалось разрушительному влиянию атмосферных деятелей и возвышается в виде выступов, черных или красноватых, округленных или остроконечных, которые там и сям образуют настоящие холмы. Нужно считать миллиардами тонн массы железа, находящиеся в этих рудных жилах, которыми промышленность, без всякого сомнения, овладеет рано или поздно, когда её наступательные средства сделаются более могущественными.

Но Швеция обладает еще в центральных и южных областях железными рудниками достаточно богатыми, чтобы удовлетворять потребности её собственной промышленности и даже вывозить за границу значительные количества руды и выплавленного металла. Рудники Далекарлии и соседних провинций доставляют каждый год от 700.000 до 900.000 тонн (в 1876 году отпуск шведской железной руды простирался до 796.950 тонн), и из этой добычи приготовляется около 350.000 тонн чугуна, переделываемого затем в железо, которое покупают преимущественно англичане. Железная промышленность Швеции в 1881 г. занимала следующее число рабочих:

В рудниках—5.895 человек; на плавильных заводах—4.300 челов.; на других заводах—13.939 чел.; в 1894 г. во всей Швеции в 326 рудниках было выломано 1.926.523 тонны железной руды (в пятилетие 1886—90 г.г. средняя добыча: 930.037 тонн).

Если бы Швеция обладала, кроме каменноугольного бассейна окрестностей Гельзингборга, в провинции Скании, единственного до сих пор открытого, еще другими залежами минерального топлива; если бы леса не были почти сплошь истреблены в непосредственном соседстве её рудных месторождений, и—главное—если бы горнопромышленники всех остальных стран не употребляли теперь усовершенствованных способов, позволяющих им утилизировать их руды посредственного качества, то производство превосходного шведского железа, нет сомнения, быстро бы удвоилось. Добывание меди, недавно вдвое более значительное, чем ныне, не могло выдерживать конкурренции медных руд Нового Света, и число рудокопов в последние годы значительно уменьшилось.

Производство меди: в Норвегии (в 1891 г.)—677 тонн; в Швеции (в 1894 г.)—около 360 тон.; добыча медной руды в Швеции (в 1893 г., в 13 рудниках)—22.033 тонны.

Что касается цинка, то Швеция имеет несколько рудников этого металла. Тот из них, откуда получается три четверти всей цинковой руды, добываемой в этом королевстве, принадлежит бельгийской компании, Societe belge de la Vieille Montagne, которая извлекаемую здесь руду отправляет на свои заводы в Бельгии: это—Аммебергский рудник, находящийся у северной оконечности озера Веттерн. Общая добыча цинковой руды в Швеции в 1893 году равнялась 46.623 тоннам.

2 Charles Martins, „Du Spitzberg au Sahara".

Домашняя промышленность еще гораздо более развита в Швеции, чем во всех европейских государствах с густым населением; понятно, что в стране, где рынки находятся на таких больших расстояниях один от другого, каждое семейство должно стараться насколько возможно удовлетворять непосредственно своим нуждам. Некоторые способы труда, некоторые украшения встречаются только в самой глуши, в отдаленных деревушках Скандинавии, и, по всей вероятности, составляют наследие веков, предшествовавших истории. Газелиус, основатель скандинавского музея в Стокгольме, и другие ученые археологи деятельно изучают эту промышленность доисторического происхождения; скоро будет уже поздно, когда мануфактурные произведения проникнут даже в последние поселения гор.

Главные фабрики Скандинавии утилизируют естественные произведения почвы и соседних морей, рыбу, железо и лес. Во всех портах полуострова занимаются постройкой и оснасткой рыболовных судов, тканьем сетей и других рыболовных снарядов, солением и отправкой пойманной рыбы. Металлургические заводы, как известно, переработывают руду в таком большом количестве, что оказывается возможным посылать за границу значительную часть их продуктов, тогда как скандинавское дерево вывозится, в форме досок или мебели, даже в самые отдаленные европейские колонии. Большая часть механических лесопильных заводов расположена вдоль береговой области, около выхода рек, по которым сплавляют крупный лес в города Гефле, Седергамн, Гудиксваль, Зунздваль, Гернезанд. В 1875 году всех механических лесопильных заводов в Швеции насчитывали 1.350. Прежде шведы продавали свой лес за границу исключительно в виде бревен и досок и только недавно начали посылать его также в форме паркета и изделий тонкой столярной работы. Эта отрасль промышленности получила особенно обширное развитие в Гетеборге, а оттуда распространилась по всем шведским городам, которые ведут заграничную лесную торговлю. Кроме того, шведское дерево вывозится расколотым на миллиарды спичек. По этой отрасли промышленности Швеция теперь занимает первое место между европейскими странами; осина, которая дает лучшие спички, сильно поднялась в цене с той поры, как каждая спичечная фабрика употребляет тысячами стволы этой древесной породы. Производство спичек в Швеции представляло в 1881 году следующие цифры:

Фабрик—31, на них рабочих 4.694; ценность выделанных спичек—10.961.000 франк.; вывоз за границу—10.500 тонн (в 1892 году спичечных фабрик 31, с производством около 8.700.000 крон).

Наконец, Швеция и вместе с нею Норвегия из всех стран земного шара переработывают в бумагу наибольшее количество дерева: уже с 1857 года этот род промышленности введен был на одной бумажной фабрике в Трольгеттане, и в настоящее время около сорока других фабрик в обоих королевствах занимаются выделкой бумаги из дерева; можно считать по меньшей мере в 30.000 тонн бумажную массу, которую скандинавские фабриканты получают посредством новейших способов производства: груды опилок, возвышавшиеся прежде в виде целых гор вокруг лесопильных заводов, теперь превращаются в оберточную бумагу, а также в бумагу, употребляемую для печатания книг и в особенности газет.

Между отраслями промышленности, которые Швеция и Норвегия должны были заимствовать у других народов, самая важная—прядение и тканье хлопчатой бумаги. Первые опыты этого производства были сделаны только после Наполеоновских войн; в настоящее же время оно уже достигло такого развития, что обе страны должны ввозить для своих бумагопрядильных и ткацких мануфактур количество хлопка, исчисляемое в 13—14 тысяч тонн, и тысячи рабочих занимаются переработкой его в ткани. Ввоз хлопка в 1882 г. составлял 2.434 тонны для Норвегии и 10.500 тонн для Швеции. Более древняя, суконная промышленность, начавшаяся в Иенкепинге и в Упсале с первых годов семнадцатого столетия, тоже достигла значительного развития, но производство её все-еще недостаточно для покрытия даже половины того количества шерстяных тканей, в котором нуждается страна.

Суконных фабрик в Швеции в 1892 г. было 39, с годовым производством около 12 миллионов крон.

Кроме того, существуют мануфактуры, занимающиеся фабрикацией тканей из льна, пеньки, джута и шелка. В Швеции мануфактурная промышленность, не считая металлургических заводов, имела в 1892 г. 4.471 фабрику, всякого рода, с общим производством в 331.700.000 крон, и занимавших 114.852 рабочих (в том числе 27.564 женщины). Гетеборг, Стокгольм, Норркепинг—главные фабричные центры страны; половина мануфактурных произведений Швеции выходит из этих трех городов и их округов. Норвегия, пропорционально числу её жителей, имеет почти столько же фабричных рабочих, как и Швеция, именно около 35.000 человек (в 1891 г. в Норвегии в промышленности вообще, считая тут и горные промыслы, было занято: 68.649 самостоятельных промышленников, 108.862 помощников и рабочих). В некоторых отношениях она поставлена в более благоприятные условия, чем соседняя страна, для будущего развития её промышленности; менее богатая железом, она может легче получать английский каменный уголь и ведет в продолжение целого года прямые торговые сношения с Великобританией и с континентальной Европой; кроме того, она располагает, благодаря многочисленным водопадам и порогам, еще более значительными движущими силами,—и это почти везде в непосредственном соседстве с морем.

Если Норвегия уступает Швеции по размерам своей промышленности, то она превосходит ее по развитию своей торговой деятельности; в этом отношении она как нельзя лучше воспользовалась выгодами, которые дают ей многочисленные порты её прибрежья и её географическое положение относительно Великобритании. Обороты внешней торговли этого маленького государства, которые в половине восемнадцатого столетия едва превышали 8 миллионов, простираются теперь до 400 или 450 миллионов каждый год; торговые обороты Швеции, население которой более чем вдвое превосходит число жителей Норвегии, не достигают даже миллиарда франков в год.

Торговое движение двух скандинавских государств:

В Норвегии в 1896 г.—ввезено из-за границы товаров всего на сумму 240,218.000, вывезено за границу на сумму 147,771.000 крон; в Швеции в 1895 г.—ввезено из-за границы на 344.290.000, вывезено на 311.434.000 кр.

Обе нации, норвежская и шведская, ведут торговлю главным образом с Англией; затем идут по порядку: Германия, Дания, Франция. Главный предмет вывоза, как из Швеции, так и из Норвегии, составляет лес; затем следуют в первой из этих стран металлы и хлеб, во второй—рыба. Ценность экспорта обеих стран, по главным товарам, выразилась следующими цифрами (в миллионах крон):

Из Норвегии в 1893 г. вывезено—леса на 44,1, рыбы на 41; из Швеции в 1894 г. вывезено—леса на 128,5, хлеба в зерне и муке на 13,4, металлов не в деле на 26,7.

Важнейшими предметами привозной торговли являются, разумеется, мануфактурные произведения; Скандинавия получает переработанные продукты взамен отпускаемых ею сырых материалов. Только в недавнее время, именно с 1873 года, отменены таможенные пошлины между двумя скандинавскими королевствами за произведения той или другой нации; да и эта таможенная свобода обставлена некоторыми ограничениями, и при переезде из одной страны в другую путешественники все-еще подвергаются неприятности осмотра багажа.

Движение судоходства достигло в Норвегии изумительного развития: относительно числа жителей, страна эта обладает самым большим во всем свете коммерческим флотом, и, как мы знаем, две трети этого многочисленного флота, к которому нужно еще прибавить тысячи рыболовных судов, принадлежат полуденным берегам Норвегии, между заливом Христиания и Ставангерским фьордом, которые оба так удобно расположены, что могут вмещать целые флоты. В портах королевства две трети судоходства производится под норвежским флагом, и во всех иностранных портах можно встретить эти северные корабли, нагруженные лесом или рыбой. Движение судоходства в норвежских портах в 1895 г: в приходе—11.836 судов (в том числе 6.179 норвежских), вместимостью в 2.624.037 тонн; в отходе—11.930 (в том числе 6.293 норвежских), вместимостью в 2.715.213 тонн.

Большинство бедных жителей городов, вместо того чтобы отдавать свои маленькия сбережения в сберегательные кассы или в банки, помещают их в «долю» корабля; таким образом все жители—судовладельцы прямо или косвенно, чем и объясняются те чрезвычайные успехи, которые сделало судоходство в Норвегии в последние годы. В 1896 году (1 января) торговый флот Норвегии состоял из 7.270 судов, общая вместимость которых равнялась 1.684.965 регистровым тоннам (в том числе 915 пароходов в 321.052 тонны). Тоннаж норвежских судов на целую треть превосходит общую вместимость всего французского флота.

Большое развитие шведского прибрежья, относительно густое население, занимающее полуденные области страны, наконец, торговля грузными и громоздкими товарами, каковы лес и железо,—все это привлекает к портам Швеции весьма большое число купеческих кораблей; но большая часть этого торгового флота принадлежит не шведским судовладельцам: датские моряки из копенгагенского порта и норвежские судохозяева завладели весьма значительной долей перевозки грузов.

Движение судоходства в шведских портах в 1895 г.:

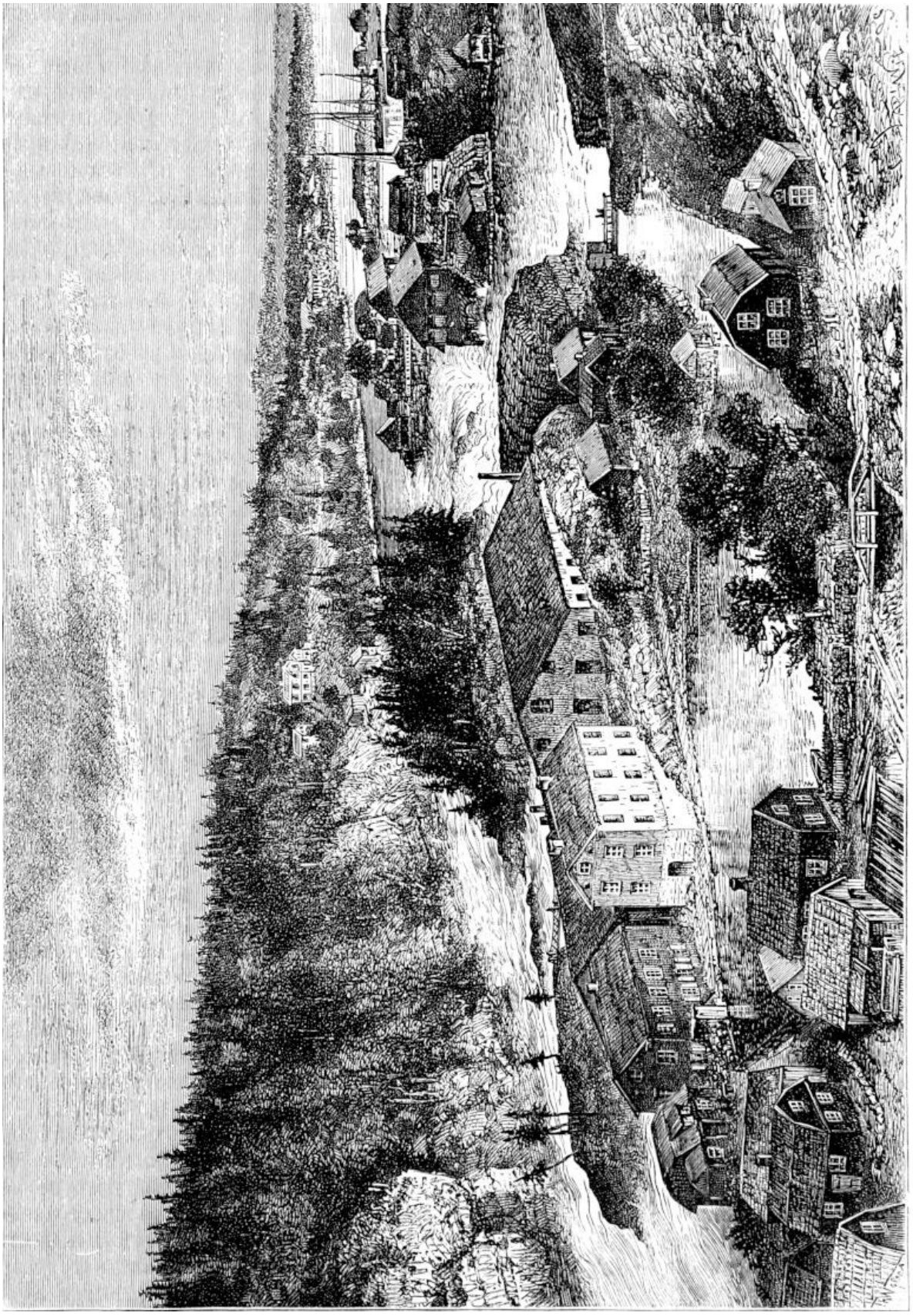
Прибыло груженых судов: 7.193 шведских в 1.315.000 тонн, 757 норвежских в 217.000 тонн, 3.394 иностранных в 1.091.000 тон.,—всего 11.344 судна, вместимостью в 2.623.000 тонн. Вышло груженых судов: 10.813 шведских в 1.828.000 тон., 1.509 норвежских в 544.000 т., 7.459 иностранных в 2.139.000 тонн,—всего: 19.781 судно, вместимостью в 4.691.000 тон. Всех судов с грузом и с балластом: прибыло—29.561 в 6.117.000 тон. (в том числе 13.451 пароход в 4.796.000 т.), вышло—29.835 в 6.267.000 тонн (в том числе 13.605 паровых в 4.931.000 тонн).

Разность в миллион слишком тонн, которая держится из года в год между привозом и отпуском, происходит от большой тяжести и громоздкости товаров, которые Швеция продает иностранным покупателям: оттого тысячи судов приходят без всякого груза в шведские порты. Взятый в совокупности, торговый флот Швеции представляет не более трети флота, принадлежащего норвежцам; но он все-таки, пропорционально численности населения, в четыре раза превосходит коммерческий флот Франции. Состав шведского купеческого флота, считая все суда вместимостью свыше 10 тонн, 1 января 1895 г.: 2.914 парусных судов в 371.097 тонн и 1.248 паровых в 179.253 тонны, всего 4.162 судна в 550.350 тонн; 1 января 1896 г.: 2.030 парусных судов в 301.727 тон. и 733 паровых 181.276 тонн, всего 2.763 судна в 483.003 тонны (кажущееся уменьшение этого флота произошло вследствие издания новых правил о регистрации судов).

Внутренняя торговля по озерам и фьордам занимает более половины флота, если считать число судов, но она представляет только пятую часть тоннажа.

В Норвегии гористый характер местности не благоприятствовал прорытию каналов и потому их там очень мало, да и те, которые проведены, представляют лишь простые разветвления горных потоков; но Швеция, где рельеф почвы ровнее, имела возможность открыть своим судам искусственные водные пути внутри равнин. Попытки канализации в этой последней стране, по словам Сиденблада, делались уже с начала пятнадцатого столетия, но только двести лет спустя был открыт первый канал со шлюзами между истоком из озера Гвельмарен у Эскильстуны и Меларским озером. С той эпохи вся южная Швеция была превращена в остров проведением Готских или Готландских каналов, которые образуют непрерывную линию водного сообщения, длиною в 420 километров, между Балтийским морем и Каттегатом. Бассейном раздела вод служит озеро Викен, лежащее на высоте 93 метров над уровнем моря. От этого водораздельного озера канал понижается на восток к озеру Веттерн, затем идет далее через другие озера к Балтийскому фьорду Седеркепинг: с этой стороны 39 шлюзов представляют последовательные ступени, по которым поднимаются или спускаются суда. К западу от озера Викен канал понижается через 19 шлюзов до большего озера Венерн, откуда вытекает река Гота, составляющая естественное продолжение канала. Но эта река перерезана порогами и водопадами. В первых годах семнадцатого столетия первые во-

допады, именно Раннумские, находящиеся в соседстве города Венерсборг, были уже обойдены обходным каналом; но ниже, Трольгеттанские водопады, казалось, представляли непреодолимое препятствие. Сведенборг, кроткий мистик и смелый инженер, первый проекти-



Трольгеттанскіе водопады.

ровал устройство канала; но это предприятие, приостановленное после смерти Карла XII, было окончено лишь в 1800 году, и впоследствии инженер Нильс Эриксон заменил его другим каналом, с одиннадцатью монументальными шлюзами, иссеченными в голой скале, ко-

торые поныне служат образцом для специалистов инженерного искусства и составляют предмет удивления для всех. Суда имеющие до 3 метров водоуглубления, могут совершать плавание из одного моря в другое по этой непрерывной цепи озер, рек, траншей и шлюзованных уступов, которые составляют Готский канал; кроме того, они могут, посредством второстепенных каналов, направляться в сторону на большое расстояние от главного водного пути и даже проникать в Норвегию через Далсландский канал, ветвь судоходной сети, длиною около 255 километров, который начинается в одной из бухт озера Венерн, затем постепенно поднимается в северо-западном направлении, пересекая несколько озер, и переходит через пороги реки по мосту-путеводу замечательной смелости, построенному упомянутым инженером Нильс Эриксоном, как и большая часть новейших монументальных сооружений Швеции. Движение барок и лодок весьма значительно на этом канале, так же, как на каналах Готской системы и на шлюзах в окрестностях Стокгольма. Движение судоходства по каналам Швеции (1867 г.): 23.198 парусных судов, барок и лодок; 22.903 парохода.

Норвегия на два года опередила Швецию в постройке железных дорог: с 1854 года она открыла первый рельсовый путь, из Христиании в Эйдсвольд; однако, по причине гористого характера местности, железно-дорожная сеть западного королевства не могла получить столь значительного развития, какого достигла сеть восточного государства. Вот относящиеся сюда числовые данные:

Сеть железных дорог Скандинавии в 1896 г.: длина находящихся в эксплоатации линий: в Норвегии—1.936, в Швеции—9.895 километров.

Из норвежских линий самая большая та, которая перерезывает полуостров от Трондгьемского фьорда до залива Христиании и до шведской границы близ Фредериксгальда; последний её участок, соединяющий Эйдсвольд с Гамаром на берегах озера Мьезен, был окончен постройкой в 1880 году. Из Трондгьема идет рельсовый путь к Ботническому заливу; железная дорога из г. Бергена останавливается у подошвы гор, через которые она должна пройти по туннелю; затем, по выходе из туннеля, она будет постепенно спускаться на юго-восток к Драммену; наконец, рельсовый путь вдоль морского прибрежья, долженствующий соединить Христианию и Ставангер, состоит пока из двух конечных участков. Что касается Швеции, то благодаря своим равнинам, дешевизне земель, большому количеству строительных материалов—дерева, железа, камня, гальки, гравия и песку,—она имела возможность построить себе систему железных путей более значительную пропорционально числу жителей, чем железнодорожная сеть всякого другого государства Европы, не исключая даже Бельгии. Швеция единственная страна Старого Света, которая имеет почти 2.000 километров железных дорог на миллион жителей; правда, что постройка километра шведского рельсового пути обошлась, средним числом, менее 100.000 франков, и что до сих пор самый длинный туннель шведской сети тот, который проходит под южным кварталом Стокгольма на протяжении 427 метров.

Равным образом почтовые и телеграфные сообщения получили в эти последние годы быстрое развитие, хотя сравнительно далеко не столь значительное, как развитие сети железных дорог. Не только все рельсовые пути окаймлены телеграфными линиями, но, кроме того, станции рыболовства и судоходства на морских берегах соединены телеграфом со Стокгольмом, и подводные кабели проложены по дну Ботнического залива, южной Балтики, Зунда и Каттегата. Норвегия даже превосходит все страны Европы и вообще целого света, если не протяжением, то по крайней мере количеством подводных телеграфов, так как бесчисленные иссечения её берегов прерывают в тысяче мест сообщение по сухому пути. Переходя с островка на островок, телеграфные проволоки продолжаются до северной оконечности полуострова, почти до самого Норд-Капа. Приводим числовые данные, относящиеся к почтовым и телеграфным сообщениям Скандинавии.

Почта. Норвегия (1896 г.): переслано писем по внутренней корреспонденции—28.345.800, по заграничной—10.285.000; печатных произведений: внутри государства—39.848.400, за границу—4.326.400; почтовый доход—3.826.272, расход—3.701.721 крона.

Швеция: переслано писем во внутреннем сообщении—60.272.000, в международном—13.859.000, печатных произведений и образчиков—81.532.000; доход—8.548.268, расход—7.717.080 крон.

Телеграф. Норвегия (1896 г.): длина линий государственных—8.425, железнодорожных—1.723 километра; передано депеш: внутренних—1.229.008, международных—663.703. Швеция (1895 г.): длина линий государственных—8.715, железнодорожных—4.620 километров; передано депеш: внутренних—1.067.310, международных—727.725.

Хотя число пересылаемых по почте писем относительно меньше, чем в Англии, во Франции и в центральной Европе, тем не менее, общее образование очень распространено в Скандинавии. Посещение школ детьми от семилетнего до четырнадцатилетнего возраста обязательно как в Швеции, так и в Норвегии. Всякая городская община, всякий сельский приход должны иметь по крайней мере одну начальную школу и одного наставника, получившего свой диплом в одной из учительских семинарий. Обучение в этих элементарных школах совершенно бесплатное; но существуют также училища с платой, основанные государством, общинами и частными лицами. Государство и господствующая (протестантская) церковь сохраняют за собой право надзора за вольными школами, и училищный совет, где главную роль играют епархиальный архиерей и консистория, может заставить родителей перевести их детей в казенные учебные заведения, если результат периодических испытаний покажется им оправдывающим такую меру; родители, непосылающие своих детей в школу в указанные возрасты, подвергаются выговорам и наказаниям.

В Норвегии еще недавно почти все начальные школы были передвижные. Так как раскиданность населения маленькими деревушками и большие расстояния, которые приходилось проходить через скалы и снега, не дозволяли детям посещать сельские школы, то наставник должен был сам передвигаться с места на место. Он объезжал свой округ, останавливаясь последовательно на известное число недель в какой-нибудь гостеприимной ферме, куда к нему собирались дети из соседних жилищ и поселений. Приезд школьного учителя составлял событие; скоро большинство детей знакомилось по крайней мере с азбукой, и наставник мог продолжать свой путь, оставляя репетиторов из более грамотных учеников, которым поручал повторять с детьми уроки до нового своего посещения. Благодаря этим путешествующим учителям, охота к ученью развилась даже в самых отдаленных поселениях страны. В последнее время стараниями крестьян, мореходов, рудокопов, голос которых пользуется преобладающим влиянием в советах, основаны тысячи постоянных школ, где дети обучаются начаткам науки и музыки. Теперь странствующие школы составляют не более как исключение в полуденных областях Скандинавского полуострова; но, по силе обстоятельств, они все-еще очень многочисленны в северных округах, где редкое население состоит лишь из маленьких разбросанных групп.

Начальные школы в Скандинавии:

Норвегия: в 1837 г.—200 школ постоянных, 6.771 передвижных; в 1874 году—4.470 школ постоянных, 1.911 передвижных.

Швеция: в 1881 г.—6.127 школ постоянных, 3.422 передвижных.

Часто на школьного учителя возлагается обязанность, на подобие мировых судей, разрешать путем примирения сторон споры, возникающие между сельскими жителями. Состояние начального образования в Скандинавии представляется ныне в следующем виде:

В Норвегии (1891 г.) низших школ: в городах 134 и в деревнях 6.198, с 3.478 учителями и 429 учительницами; в Швеции (1893 г.): 12 высших, 3.879 постоянных и 742 передвижных народных школ, 1.351 «меньших» школ (mindre skolor) и 4.095 школок, или школ грамоты; кроме того, 25 народных школ для дальнейшего образования.

Система среднего образования тоже более развита на Скандинавском полуострове, чем в большей части других государств Европы, и нельзя не порадоваться при виде богатых библиотек, изобилующих драгоценными памятниками коллекций по естественной истории и лабораторий, которыми обладают многие средние учебные заведения в провинции, вдали от

столиц Стокгольма и Христиании и от университетских городов Упсалы и Лунда. Число воспитанников в мужских средних учебных заведениях: в Норвегии 14.642 (1889 г.); в Швеции 17.000 (1892 г.). Литературное и научное движение очень деятельно, и в одной только Швеции каждый год выходит в свет более тысячи новых сочинений. В 1877 году число шведских журналов и газет простиралось до 296, из которых около трети выходили в Стокгольме. В Норвегии в 1895 году издавалось 350 журналов и газет (из этого числа 131 в Христиании), тогда как в 1854 году там насчитывалось всего только 7 периодических изданий[1].

Но какое существует в Скандинавии, как и в других странах, непосредственное отношение между успехами народного просвещения и успехами общественной нравственности? Как распознать его ясно среди всех взаимно переплетающихся влияний; какой причине, какой совокупности различных толчков нужно приписать, с одной стороны, признаки прогресса, а с другой—факты деморализации, которые мы наблюдаем в движении нации, постоянно трудящейся? Можно по крайней мере констатировать несомненное влияние неурожаев и промышленных кризисов на увеличение числа преступлений. Нищета и нравственная порча близко следуют одна за другой.

Неумеренность в употреблении опьяняющих напитков составляет обыкновенный порок северных народов, и скандинавские саги рассказывают нам, что в собраниях викингов мед лился потоками. Около половины текущего столетия пьянство сделалось сущим бичем, грозившим окончательно развратить значительную часть населения. В 1855 году более сорока тысяч водочных заводов действовали в одном только Шведском королевстве и поставляли ежегодно огромные количества branvin (водки); нужно заметить, что в ту эпоху фабрикация спиртных напитков уже централизовалась, тогда как в тридцатых годах каждый землевладелец, каждый фермер был в то же время винокуренный заводчик, и тогда насчитывали до 170.000 винокурен во всем королевстве. Но в последние десятилетия фабрикация водки, подчиненная правильному надзору и стесненная правилами, установленными фиском, заметно уменьшилась в размере, как свидетельствуют следующие цифры[2].

Производство водки в Швеции: с 1830 по 1855 г.—от 78.000.000 до 130.000.000 литров; с 1875 по 1880 г.—от 21.700.000 до 32.000.000 литров. На этой последней цифре (32 миллиона литров) среднее годовое производство водки держится и поныне.

В городах образовались общества граждан, которые одни только и имеют право продавать водку раздробительно, с условием не извлекать никаких барышей от продажи и передавать весь чистый доход определенными долями в кассы городского общественного управления, общего муниципального совета, земледельческих обществ; эта система, известная под названием «гетеборгской», от имени города, который первый применил ее на практике, представляет ту большую выгоду, что приманка наживы не превращает продавца водки в советника порока, в искусителя, постоянно подстерегающего свои жертвы. Питейные заведения гетеборгских обществ не gin-palaces, как таверны, к которым устремляются толпы посетителей в Англии.

Швеция—одна из тех стран Европы, где наибольшее число детей родятся от браков, необлеченных в законную форму.

Процент незаконнорожденных в Швеции, в 1871—1875 г.: в деревнях—8 на 100; в городах—22 на 100; в Стокгольме—37 на 100; во всей стране—10 на 100; в 1892 г.: во всей стране 10 проц., в столице 28,5 проц.

Но было бы ошибочно видеть в этом факте доказательство исключительной распущенности нравов. Дело в том, что в Швеции, так сказать, не существует подкидышей; там все матери сами воспитывают, или отдают другим на воспитание, своих детей. Кроме того, около десятой части новорожденных, причисляемых к незаконным детям, родятся от родителей обрученных и формально объявленных женихом и невестой, и пользуются, после вступления в

1 Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien“.

2 Elis Sidenbladh, „Le royaume de Suede”.

брак их родителей, всеми преимуществами, присвоенными детям законным. Что касается столь значительного процента незаконных рождений, какой представляет Стокгольм, то этот процент получается главным образом вследствие временной иммиграции девушек-матерей, которые приходят из всех частей страны в родовспомогательные заведения столицы, куда они принимаются без всяких формальностей, не будучи даже обязаны сообщать своего имени[1]. Наконец, все нелютеране, исключая католиков, евреев и одного прихода баптистов, и по сие время остаются вне закона в отношении брака, вследствие чего их дети тоже причисляются к незаконнорожденным.

XIII. Правительство и администрация Норвегии.

Независимое королевство Норвегия, соединенное с Швецией только особой короля, есть конституционное государство, имеющее, как почти все европейские государства, совещательные собрания, представляющие нацию пред государем. Законодательная власть в Норвегии принадлежит стортингу (Storting)—собранию, которое состоит из 114 членов и делится на две палаты: одельстинг (Odelsthing), соответствующий палате депутатов и состоящий из 85 представителей, и лагтинг (Lagthing), или «палата сенаторов», из 29 членов, избираемых стортингом. Всякий законопроект должен быть принят обоими отделениями стортинга; в случае несогласия одного из них, законопроект рассматривается в соединенном заседании обеих палат, которые решают вопрос окончательно посредством совместного обсуждения, после которого принятие закона должно быть санкционировано большинством двух третей голосов. Действие вотированных собранием законов может быть приостановлено несогласием короля, который может возобновлять свое veto через каждые три года после каждого нового вотирования и до трех раз. После этого срока, воля законодательного собрания одерживает верх. Предложения государя ожидают своей очереди по списку дел, и стортинг может перейти к очередным делам, не входя в обсуждение королевских предложений.

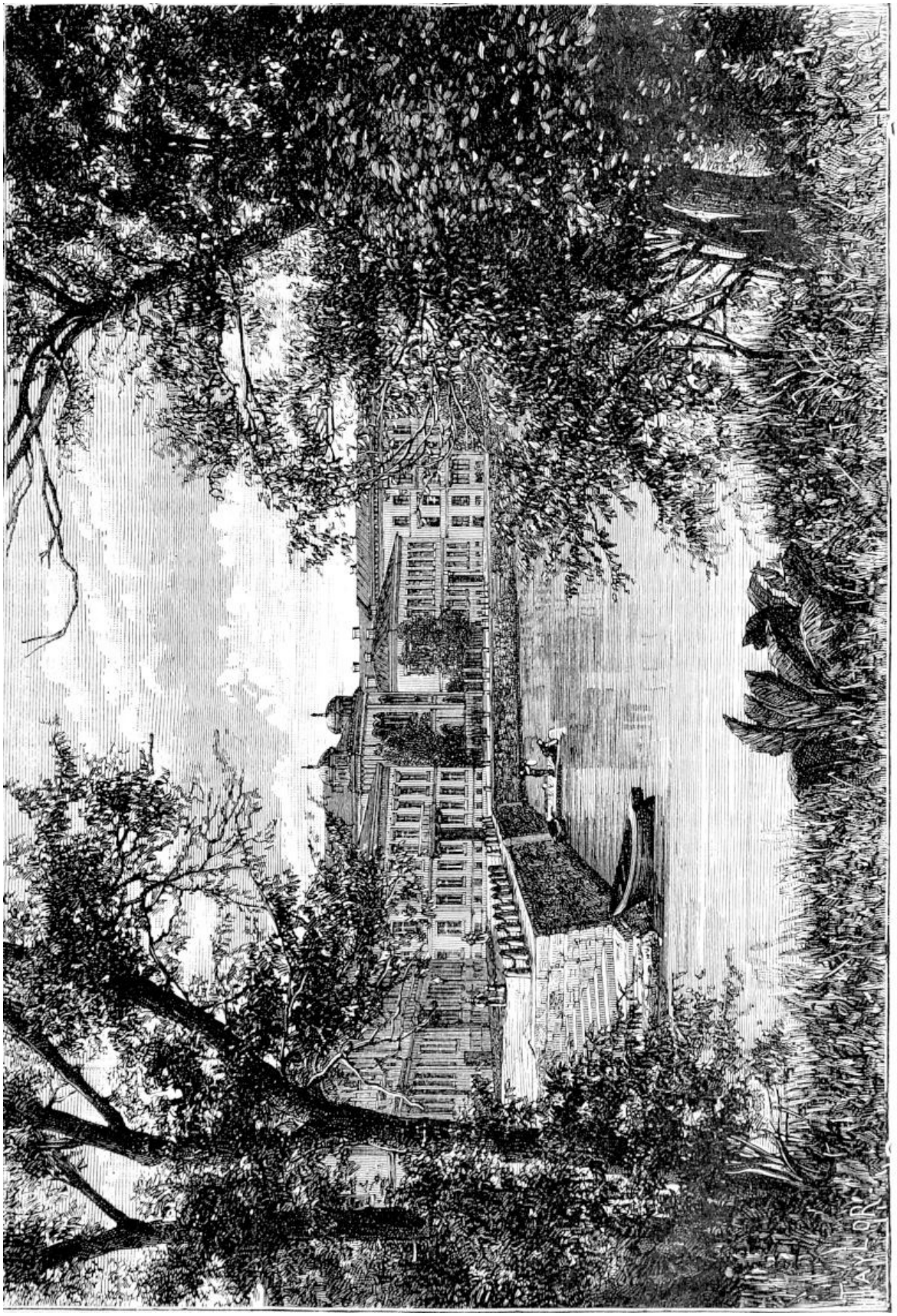
Представители в стортинг выбираются на три года, две трети—сельскими округами, одна треть—городами. Избирательным правом пользуются норвежские граждане которым двадцать пять лет от роду, лица, состоящие или состоявшие на государственной или общественной службе, владельцы кадастрированных недвижимых имуществ, равно как лица, которые, в городах, платят патентный сбор, как торговцы, ремесленники или капитаны купеческих судов, а в деревнях владеют долгосрочной арендой земель (заключенной на сроки свыше пяти лет). Выборы парламентских депутатов производятся не прямо, а во второй степени; оттого избиратели, вообще говоря, не особенно усердно пользуются своим правом. Собравшись, обыкновенно, в церквах, они выбирают из своей среды определенное число уполномоченных, или по городам или по губерниям (amter); эти-то уполномоченные или избиратели второй степени и назначают представителей нации, которых они, впрочем, могут выбирать между всеми избирателями, имеющими более тридцати лет от роду. Члены правительства входят в состав стортинга и присутствуют на его совещаниях. Сессии законодательного собрания бывают каждый год и не могут продолжаться более двух месяцев без согласия короля; но королю не предоставлено права распускать парламент. При составлении основного закона Норвегии, образцом служила, между прочим, французская конституция 1791 года[2].

Король, который имеет резиденцию в Стокгольме, должен, однако, по конституции, жить часть года в Норвегии. Он управляет при содействии государственного совета (статсрад), составленного из двух министров и девяти советников, которые все должны быть норвежские граждане. Один из министров и два советника находятся при короле, когда он имеет пребывание в Швеции; другой министр и остальные семь членов государственного совета составляют правительство Норвегии в Христиании. По представлению этого кабинета, государь назначает кандидатов на должности гражданские, военные и духовные, но он не может воз-

1 Elis Sidenbladh, „Le royaume de Suede".

2 O. J. Broch, „Le royaume de Norvege et le peuple norvegien".

водить в дворянское достоинство или жаловать дворянские титулы, так как эти титулы давно уже отменены стортингом, не взирая на королевское veto, заявленное тремя последовательными отказами в утверждении относящагося сюда закона; по этому решению парламента,



Гетеборгъ.—Видъ изъ ботаническаго сада.

всякий сын графа должен был носить лишь титул барона, а всякий сын барона становился простым гражданином; таким образом, путем постепенного вымирания, дворянство исчезло в Норвегии.

В прежнее время судебная власть, бывшая вместе с тем и властью законодательной, принадлежала исключительно народу, который приводил ее в действие чрез своих депутатов в национальных собраниях. И теперь еще избиратели назначают двух судей мировой комиссии, которые заседают в каждой общине, и на рассмотрение которых поступают все гражданские дела до начатия судебного преследования; в делах о нарушении устава благочиния или о полицейских проступках, влекущих за собой денежный штраф, судебная власть, прежде произнесения приговора, должна предложить обвиняемому, не желает ли он добровольно принять следующую по закону пеню. В делах уголовных и касающихся прав собственности, нация также имеет непосредственное участие в отправлении правосудия: представителями её являются четверо присяжных, заседающих рядом с судьей и подающих голос на тех же правах, как и он, и часто против него. Впрочем, судьи всегда несут ответственность за ошибку, совершенную ими по невежеству или по криводушию; преданные суду высшего трибунала, они, если будут признаны виновными, подвергаются тяжким наказаниям в их лице или имуществе, а в случае их смерти,—присужденное с них денежное взыскание должно быть уплачено их наследниками.

Для отправления правосудия в Норвегии существует 116 судов первой степени—36 для городов и 80 для сельских округов,—которые ведают все дела гражданские и уголовные. В каждом из этих трибуналов заседает только один судья (называемый byfoged в городах, sorenscriver в деревнях), исключая столичного суда первой инстанции, состоящего из 8 судей и председателя. Все тяжебные дела, касающиеся имущественных прав, разбираются с участием четырех присяжных заседателей, назначаемых для этой цели. Трибуналов второй инстанции, или судебных палат, во всем королевстве только пять, и каждая из них состоит из председателя и одного, двух или трех членов. Кроме того, существуют специальные судебные установления для лиц духовного звания и для преподавателей, равно как для лиц военного сословия. Высший или кассационный суд, состоящий из президента и десяти судей, рассматривает и решает в последней инстанции дела по жалобам на приговоры, постановленные столичным судом первой степени, судебными палатами, консисториальными судами, полицейскими трибуналами и военными советами. При рассмотрении дел о лицах военного ведомства, к членам главного суда присоединяются два высших офицера. Наконец, члены высшего суда, в соединении с 37 членами верхней палаты или сената (лагтинга), образуют трибунал, который, под именем верховного суда королевства (Rigsret), судит все преступления или проступки, совершенные членами стортинга, государственного совета или высшего кассационного суда, в отправлении их служебных обязанностей.

Лютеранская церковь, господствующая религия государства, пользуется в Норвегии значительной властью, так как она имеет в своем расположении весьма обширные недвижимые имущества и заправляет в большой мере воспитанием детей. Состоящие на службе духовные лица, хотя и назначаются на должности королем, не получают, однако, жалованья в собственном смысле; но им дается квартира и, в сельских приходах, предоставляется пользование обширными землями: кроме того, они получают десятины и приношения, минимум которых определен законом, и пользуются доходом от бенефиций. Среднее годовое содержание, переведенное на деньги, составляет не менее 4.700 франк. для каждого священнослужителя. Духовенство в Норвегии относительно немногочисленно: в конце 1877 года во всем королевстве насчитывалось только 637 духовных лиц; при том же численном отношении духовенства к цифре населения во Франции должно бы быть всего только 12.000 священников. Страна делится на 6 епархий или епископств (stifter), 83 деканства или благочиния (provstier), 441 приход (praestegjeld) и 909 пасторатов или настоятельств (sogne). Все другие вероисповедания и обрядности пользуются совершенной веротерпимостью, но число их последователей очень незначительно; евреи живут в крае в числе с небольшим двухсот душ, но не составляют организованных общин.

По вероисповеданиям, народонаселение Норвегии, по переписи 1891 г., распределялось следующим образом. Лютеран государств. церкви—1.970.232, лютеран свободной церкви—

8.804, католиков—1.004, методистов—8.187, баптистов—4.228, других христиан—1.366, евреев—214, принадлежавших к различным сектам—1.787, без религии—5.095.

По закону 16 июня 1885 г., военная служба обязательна для всех норвежских граждан, достигших полных двадцати трех лет от роду (от исполнения её освобождены только лица духовного сословия, лоцманы и жители провинции Финмаркен) и продолжается 5 лет в действующей армии или линейных войсках, 4 года в ландвере и последние 4 года в ландштурме; кроме того, всякий норвежец в возрасте от 18 до 50 лет принадлежит к территориальному ландштурму. В действительности норвежская армия состоит лишь из кадров, учебных баталионов и военных школ. Все новобранцы проходят через рекрутскую школу, которая продолжается 40 дней для пехоты, 70 дней для полевой артиллерии и кавалерии, и после которой непосредственно следует 12-ти дневное упражнение вместе с первым годом ландвера; и затем должны в продолжение двух, трех или четырех лет являться для принятия участия в ученьях и маневрах, продолжающихся по 24 дня. Король может держать в Стокгольме отряд гвардии из норвежских волонтеров, и кроме того, конституция предоставляет ему право перемещать до 3.000 человек войска из одного королевства в другое для военных упражнений; но во всех других случаях переход войск из Норвегии в Швецию или из Швеции в Норвегию не дозволяется. Численный состав армии по штатам мирного времени—около 12.000 чел., по штатам военного времени: линейное войско—около 24.000 чел., а вместе с ландвером и ландштурмом—около 60.000 чел.; такую же цифру, вероятно, даст и территориальный ландштурм.

Военный флот Норвежского королевства относительно гораздо более значителен, чем сухопутная армия; он состоял в 1896 г. из 55 боевых судов (в том числе 2 башенных броненосца и 4 монитора) в 24.584 тонны и 35.560 индикаторн. сил, с 209 орудиями, не считая транспортов, авизо, учебных судов и т. д. Вход в залив Христиания, где находятся Гортен, главная станция военного флота, защищен укреплениями; кроме того, несколько других фортов возвышаются на некоторых пунктах морского прибрежья, более открытых для неприятельского нападения. Крепость Вардегус, на острове Варде, при входе в Варангер-фьорд, замечательна как самое северное укрепление Норвегии и всего света: она лежит уже далеко за южным пределом полярного пояса, к северу от 70 градуса широты. Личный состав военного флота в 1897 г.: на действительной службе—95 офицеров, 65 кандидатов, 34 чиновника, 620 унтер-офицеров и матросов; в запасе—53 офицера, 90 унтер-офицеров, кроме того, мужчины в возрасте от 22 до 35 лет, бывавшие в заграничном плавании, занимающиеся каботажем или рыбной ловлей, или живущие в приморских портах, внесены в списки экипажа в числе около 60.000 человек и могут быть призваны на службу, в случае грозящей отечеству опасности.

Государственный бюджет Норвегии вообще представляет равновесие доходов с расходами. Бюджет финансового 1895—96 года выразился следующими цифрами: доходы—71.932.500, расходы—69.162.700 крон (крона = 52 копейк.). Почти половину обыкновенных доходов доставляет таможенный сбор. Самые значительные платежи не идут, как в большей части других государств, на покрытие расходов военного ведомства, или на проценты и погашение старых займов. Однако, в новейшее время и Норвегия наделала долгов,—главным образом для постройки железных дорог. Состояние норвежского национального долга 30 июня 1896 г.: пассив—157.353.000, актив—161.273.000 крон.

В административном отношении страна делится на 517 общин или коммун, из них 61 городская и 456 сельских (herreder). Делами муниципий управляют два выборные собрания—распорядительный совет (formandskab), состоящий из 3 до 12 членов, и представительный совет (repraesentantskab), заключающий тройное число членов. Исполнение их решений возлагается, в городских общинах, на магистраты, состоящие из бургомистра и ратманов, назначаемых королем, а в сельских общинах—на областных начальников или губернаторов (amtmand) и на уездных начальников (foged), а также на полицейских офицеров (lensmand), назначаемых губернатором.

Городские общины, в числе 61, состоят из 39 городов и 22 портов; сельские общины образуют 58 округов или уездов (fogderier). Эти уезды разделены между 18 префектурами или губерниями (amter); кроме того, столица Христиания и город Берген составляют 2 отдельные префектуры. Каждая губерния управляется губернским административным советом (amtsformandskab), состоящим из президентов общинных советов, под председательством префекта или губернатора.

Губернии	Главные города	Пространство (официальное), кв. клм	Население налицо 1 января 1891 г, жителей	На 1 кв. клм. приходится жит.
Смаленоне	Фредриксгальд	4.143	120.864	29
Акерсгус	Эйдсвольд	5.321	100.427	19
Христиания (город)	”	17	148.213	-
Гедемаркен	Конгсвингер	27.508	120.386	4
Христианс	Гамар	25.362	108.579	4
Бускеруд	Драммен	14.997	102.203	7
Ярлсберг и Лаурвик	Лаурвик	2.321	95.745	42
Братсберг	Скиен	15.189	91.410	6
Неденес	Арендаль	9.348	77.352	8
Листер и Мандаль	Христиансзанд	7.264	76.213	10
Ставангер Южный	Ставангер	9.147	114.223	12
Бергенгус	”	15.607	127.678	8
Берген (город) Северный	”	14	52.803	-
Бергенгус	”	18.472	87.839	5
Ромсдаль Южный	Христиансзунд	14.990	127.663	8
Трондгьем Северный	Трондгьем	18.606	123.750	6
Трондгьем	Левангер	22.768	81.529	3
Нордланд	Боде	37.599	132.447	3
Тромсе	Тромсе	26.246	65.009	2
Финмаркен	Гаммерфест	47.385	29.341	--
Итого		322.304	1.988.674	6

XIV. Правительство и администрация Швеции.

Измененная конституция 6 июня 1809 года, ныне действующая в Швеции, сделала из этого государства парламентарную монархию. Тем не менее король почитается единоличным правителем, и если при нем состоит государственный совет, то только для того, чтобы спрашивать мнения этого совета и получать от него сведения, которые могут понадобиться его величеству. Государственный совет состоит из десяти членов, один из которых называется первым министром. Семеро из этих членов управляют министерствами: иностранных дел, внутренних дел, финансов, юстиции, военным, морским, духовных дел, вместе с ведомством народного просвещения; из остальных трех министров без портфеля два по крайней мере должны быть бывшие гражданские чиновники. Все дела административного характера представляются королю в его совете. Каждый член государственного совета высказывает свое мнение, которое и заносится в протокол заседания, после чего король кладет резолюцию; если принятое им решение признается противным закону, член, докладывавший дело, отказывается приложить свою подпись к протоколу, подает в отставку, и вопрос переносится на обсуждение парламента. Члены государственных советов Швеции и Норвегии должны присутствовать в соединенном заседании каждый раз, когда какое-либо дело, касающееся обоих королевств, обсуждается и решается перед королем. Во время своих путешествий за пределами Швеции и Норвегии государь не может заниматься делами правления, которое тогда поручается наследному принцу, а за неимением его,—государственному совету. На содержание королевского двора отпускается ежегодно 1.320.000 крон из бюджета Швеции и, кроме того, 345.400 крон, уплачиваемых норвежским народом. В 1873 году сейм отказался принять на счет нации расходы по коронации.

Прежде национальное представительство Швеции состояло из депутатов четырех сосло-

вий—дворянства, духовенства, мещанства, и крестьянства; но в 1866 году государственные чины сами, уступая требованию общественного мнения, решили преобразовать законодательное собрание. По новому закону, представителем шведского народа является сейм или парламент (риксдаг), состоящий из двух палат, соответствующих лордам и коммонерам Великобритании, сенаторам и депутатам двух конституционных государств Европы. Члены первой палаты выбираются на девять лет генеральными советами провинций и муниципальными советами больших городов в пропорции одного члена на каждые 30.000 жителей. Могут быть избираемыми в эту палату только граждане, имеющие по меньшей мере тридцать пять лет от роду, владеющие недвижимым имуществом ценностью в 112.000 франк. (80.000 крон) или платящие налог с годового дохода не менее 5.600 франк. (4.000 крон). Так как верхняя палата должна служить преимущественно представительницей богатого класса, то всякий выборный, который в течение срока своего полномочия приходит в финансовое положение ниже той нормы имущественного ценза, какую закон требует от кандидатов, обязан отказаться от своего места в собрании. Притом члены верхней палаты не получают никакого вознаграждения. Число их в настоящее время 150.

Вторая палата шведского сейма состоит теперь из 230 депутатов, которые все избираются на три года гражданами, платящими налоги. Каждый судебный округ назначает одного депутата на 12.000 до 40.000 жителей, каждый город выбирает одного депутата на 6.000—12.000 жителей, так что, следовательно, городские общины пользуются более широким правом представительства, чем сельские. Хотя вторая или нижняя палата почитается призванной защищать главным образом интересы народа, однако, кандидаты в члены её также должны удовлетворять условиям определенного законом имущественного ценза; они не могут быть избраны, если не владеют недвижимым имуществом ценностью в 1.000 крон, или не имеют в арендном содержании земельной собственности ценою в 6.000 крон, или если их годовой доход, подлежащий оплате налогом, не достигает по крайней мере суммы 800 крон. Кроме того, они должны быть старше двадцати пяти лет и должны, по меньшей мере в течение года до дня выборов, пользоваться правом быть избираемыми в той общине, где они выступают в качестве кандидатов. Народные выборные получают за каждую сессию, продолжительность которой назначена законом в четыре месяца, определенную сумму 1.200 крон (1.680 франк.), не считая денег, выдаваемых им на путевые издержки. Президенты и вице-президенты обеих палат выбираются королем между членами соответственной палаты. Все дела, представляемые на обсуждение и решение сейма, предварительно разработываются специальными комитетами. члены которых назначаются в половинном числе каждою из двух палат.

Сельские общества или коммуны Швеции, в числе 2.354, равно как 110 городов и местечек, пользуются правом самоуправления в отношении своих местных дел. Каждая община имеет свой муниципальный совет, назначаемый различным порядком, смотря по рангу коммуны, и выбирает своего президента; только в городе Стокгольме генерал-губернатор (ofver Stat Hallaren) по праву своей должности председательствует в муниципальном собрании. Губернии (lans) также составляют общины высшего порядка, и в каждой их них существует выборный генеральный совет, который собирается раз в год, в сентябре месяце, и то на несколько дней, под председательством лица, назначаемого королем; в действительности, срок заседаний этих советов слишком короток, чтобы они могли иметь серьезное влияние на ход дел. Города, население которых превышаетъ 25.000 душ, выделены из округов губернских генеральных советов и управляются каждый собственным муниципальным советом.

Ныне действующий шведский кодекс в меньшей степени подвергся влиянию римского права, чем законодательства других народов Европы: происхождение его нужно искать главным образом в так называемых законах обычного права, в языческих обычаях, видоизменившихся под влиянием христианства. Полагают, что эти законы, древнейшие тексты которых относятся к началу тринадцатого столетия, были вырезаны руническими буквами на balkar, или деревянных табличках, откуда и произошло название balk, даваемое и теперь

еще различным отделам гражданского кодекса. Многие из этих сельских сборников законов были написаны в стихах, в форме поговорок, для того чтобы легче было удержать их в памяти. К традиционным законам деревень впоследствии прибавились кодексы городов, составленные более или менее по образцу законов Висби и других ганзейских городов[1]. В 1442 году законы и обычаи, древние landskapslagar, были пересмотрены и соединены в один свод общих узаконений, который получил название landslag (государственные законы). В 1734 году этот свод снова был изменен, и с той эпохи он еще несколько раз подвергался изменениям и дополнениям. Лица военного и духовного сословий подчинены специальным законам.

Пресса пользуется большой свободой в Швеции, где, впрочем, редко затрогиваются в печати вопросы, опасные с точки зрения религиозной, политической или социальной. Когда частное лицо считает себя оскорбленным газетой или журналом, то жалоба его разбирается особым жюри, или третейским судом, составленным, после обыкновенного отвода, из девяти членов, из которых три выбраны обвинителем, три обвиняемым и три назначены трибуналом. Для произнесения обвинительного приговора требуется большинство шести голосов.

Суды первой инстанции состоят, в городах, из бургомистра и членов магистрата; в 108 сельских округах—из окружного судьи, разбирающего дела при участии двенадцати присяжных заседателей, выбираемых из крестьян-собственников. Судья один решает дело; но если все присяжные не согласны с его решением, то их мнение берет верх. Три королевские суда или палаты,—одна в Стокгольме для северной Швеции, другая в Иенкепинге для Готланда, третья в Христианстаде для провинций Скании и Блекинге,—рассматривают дела по аппелляциям, проверяют правильность смертных приговоров, произнесенных судьями первой степени, и разбирают все дела о неправильных действиях и ошибках, совершенных судебными чинами или должностными лицами при отправлении ими служебных обязанностей. Высший королевский суд, имеющий местопребывание в Стокгольме, состоит из шестнадцати судей и делится на две палаты, между которыми и распределяются поступающие в этот суд дела; когда в подлежащем рассмотрению процессе замешаны лица военного сословия, к составу суда присоединяются два высших офицера; кроме того, король имеет два голоса в трибунале каждый раз, когда ему заблагоразсудится заняться каким-либо делом. В некоторых редких случаях учреждается верховный суд королевства для суждения членов государственного совета или высшего суда.

Лютеранская вера есть государственная религия в Швеции. Если основываться на таблицах народной переписи, которые, впрочем, несомненно причисляют индифферентов к верующим последователям оффициального культа, то шведская нация почти вся принадлежит к лютеранской обрядности; но в среде самой этой церкви существуют большие различия: так, например, некоторые общины Норрланда, увлеченные религиозным пылом, прибавляют священную пляску к другим своим обрядам и скачут, кружатся или качаются в экстазе до тех пор, пока не упадут от изнеможения[1]. Протестантские секты, отделившиеся от господствующей религии, насчитывают в своей среде лишь несколько тысяч последователей; а евреи, которым только в 1810 году дано было разрешение селиться в крае, не имели еще времени основать в торговых городах значительных общин. По вероисповеданиям население Швеции 31 декабря 1890 г. было распределено следующим образом: Лютеран—4.735.218. Баптистов—37.112. Методистов—5.143. Римско католиков—1.390. Других Христиан—2.482. Евреев—3.402.Прочих—234.

Только с 1870 года доступ на государственную службу открыт всем шведам без различия, даже тем, которые не принадлежат к лютеранскому исповеданию.

Власть церкви, соединенной с государством, и теперь еще весьма значительна, несмотря на то, что она должна одновременно выдерживать нападение с двух сторон—со стороны свободных мыслителей и со стороны ревностных диссидентов. Через пасторов и консистории

1 Schlyter,—Sidenbladh, „La Suede“; Geffroy, „Acad^mie des Sciences14, 28 sept. 1878.

1 W. von Feilitzen, „Рукописные заметки”.

духовенство принимает большое участие в местной администрации. Оно ведет метрические книги во всех общинах, кроме города Стокгольма. Для членов шведской церкви только брак, получивший благословение священника, признается действительным. Гражданский брачный союз терпим лишь в том случае, если один из супругов принадлежит к иудейской вере или к одной из признаваемых законом диссидентских сект; в этом случае брак может быть совершен законным порядком только после троекратного оглашения имен жениха и невесты в лютеранской церкви. Начальные школы поставлены под непосредственный надзор пасторов и консисторий: они наблюдают за обучением катехизису Лютера, за соблюдением религиозных церемоний, за правильной конфирмацией всех детей. Кроме того, церковь имеет, как и нация, свои совещательные собрания. В 1863 году был учрежден синод с целью получить согласие на изменение конституции, долженствовавшее упразднять духовенство, как одно из самостоятельных сословий, составлявших прежний сословный сейм. Это собрание состоит из 60 членов, 30 мирян и 30 духовных, между которыми находятся все епископы королевства; архиепископ упсальский по праву своего сана председательствует в синоде. В церковно-административном отношении страна разделена на двенадцать епархий: архиепископство упсальское и епископства в Линкепинге, Скаре, Стренгнесе, Вестерасе, Вексио, Лунде, Гетеборге, Кальмаре, Карлстаде, Гернезанде, Висби; к этим епархиям нужно еще прибавить тринадцатую, стокгольмскую консисторию, в действительности независимую от упсальской архиепископальной епархии. Епархии подразделяются на деканства или благочиния, на пасторaты или настоятельства и приходы; последних теперь насчитывается около 2.500.

Два университета Швеции, Упсальский и Лундский, имеют независимое существование, которое их делает как бы отдельными, самостоятельными корпорациями в общем строе государства; однако, оффициально они зависят от церкви, так как вице-канцлерами этих главных школ состоят: в первой—архиепископ упсальский, во второй—епископ лундский. В каждом из этих высших учебных заведений студент обязан быть членом какой-либо «нации» или корпорации; тотчас же по вступлении в университет, он должен просить о внесении его фамилии в список его земляков. В Упсале таких «наций» или землячеств тринадцать: большая часть их называются по именам прежних исторических провинций; три носят название стокгольмской, гетеборгской, кальмарской. Каждая из этих групп составляет маленькую республику, имеющую собственное управление, пользующуюся особенными привилегиями и обладающую в недвижимых имуществах или в деньгах довольно значительным капиталом, доходы с которого употребляются главным образом на вспомоществование бедным студентам. Они имеют обширные залы для общих собраний и празднеств, свои библиотеки и кабинеты для чтения. Между нациями есть даже такия, которые обладают загородными замками. Автономия студенческих корпораций не ограничивается управлением своими делами и имуществом: студенты должны обращаться к своим «землякам», чтобы получить аттестаты и, в некоторых случаях, денежные средства, которые позволили бы им продолжать учение[1]. Университетская юрисдикция распространяется для студентов до расстояния 60 километров вокруг Упсалы.

В истории просвещения два шведские университета представляют такой же контраст, какой некогда представляли главныя школы Монпелье и Парижа. Традиции старого упсальского университета, проникнуты спиритуализмом; предания Лундского университета относительно более молодого, так как он был основан двумя веками позже, имеют позитивистский характер. Несколько лет тому назад дамы получили позволение слушать университетские курсы; многие из них записаны в числе слушателей Упсальского университета.

Военная служба в Швеции до недавнего времени была организована большею частию так же, как во времена Карла IX. Главный элемент сухопутной армии состоял из солдат, завербованных на 3, 6 или 12 лет; другая часть, так называемая indelta, поставлялась владель-

1 См. Georges Cogordan, „Revue des Deux Mondes“, 15 mai 1875.

цами некоторых феодальных имений, или ленов (torp), которые обязаны были давать государству или пехотинца, или всадника, во всякое время, или только во время войны, и которые должны были отчасти доставлять средства для его содержания, давая ему занятие во время отпусков; наконец, конскрипция увеличивала численность армии несколькими правильно организованными баталионами. По закону 2-го декабря 1892 г. о реорганизации военных сил, всякий швед должен нести военную повинность от 21 до 40-летнего возраста. Войско состоит из действующей армии и bevaring (ландвер и ландсторм). Действующую армию составляют индельта (войско, поставляемое и содержимое землевладельцами) и varfvade (навербованное войско). Индельта, по окончании рекрутской школы, отпускается и затем ежегодно призывается на месяц к своей части. Принадлежащие к varfvade служат от 2-х до 8-ми лет под знаменами, затем переходят в bevaring. Этот последний состоит из 1-го класса (8 лет, от 21 до 29 года), 2-го класса (4 года) и ландсторма (8 лет). Первый класс призывается для упражнений на 90 дней,—кавалерия в первом году, прочие роды оружия на 68 дней в первом и на 22 дня во втором году,—и предназначен для усиления действующей армии до военного положения. Второй класс должен частию также пополнять действующую армию, частию образовать резервы, или отправлять этапную службу и т. д. На острове Готланде существует особая военная сила, численностью около 8.000 человек; это местное войско причисляется к составу действующей армии, но оно может быть употребляемо на службу только внутри острова. Благодаря продолжительному миру, которым наслаждалась Швеция, благодаря малочисленности её войска и совершенно мирному образу жизни солдат, население не истощено, как в большей части других европейских государств; в то время, как в других странах принуждены были понизить нормальную меру молодых людей, признаваемых годными к военной службе,—в Швеции, напротив, предлагают увеличить ее: в настоящее время требуется, чтобы рост новобранцев был не менее 1,60 метр. для вербуемого войска.

Численность шведского сухопутного войска в 1895 году:

По штатам мирного времени: действующая армия (indelta и varfvade)—2.348 офицеров, 49.741 нижних чинов. 6.742 лошади; первый годовой класс bevaring'a—24.500, второй класс —21.500, всего—98.089 человек. По штатам военного времени: кадры (действ. армия)—50.089 чел. (с офицерами), bevaring 1-го призыва—185.526 чел., 2-го призыва—89.698 чел., ландсторм—177.500 чел., всего—502.813 чел.

Главные крепости Швеции: Вакгольм и Оскар-Фредриксборг, защищающие, вместе с несколькими отдельно стоящими верками, проходы к Стокгольму: далее, Кунгсгольмен, Дроттнингшер и другие укрепления, расположенные вдоль Карлскронского пролива; Карлсборг на западном берегу озера Веттерн, при входе в Готский канал: эта последняя крепость есть центральное военное депо королевства. Крепость Карлстен, на островке у берегов области Богуслен, близ Марстранда, к северу от Гетеборга, перестала быть важным стратегическим пунктом, хотя там все-еще держат гарнизон. Военное училище помещается тотчас же за городской чертой Стокгольма, в замке Карлберг. Другие специальные военно-учебные заведения, училища инженерное, артиллерийское, генерального штаба, находятся также в столице или в её окрестностях.

Важнейшая морская станция Швеции—военный порт Карлскрона; но и Стокгольм имеет, на востоке от главных кварталов, на острове Шепсгольмен (Корабельный), свой арсенал, свои корабельные верфи, свои корветы на якоре. Военный флот комплектовался таким же образом, как и сухопутная армия: людьми, вербуемыми на определенный срок, волонтерами и матросами индельты, боцманами, поставляемыми и содержимыми во время отпусков земельными собственниками приморских местностей. Около 400 юнгов, принимаемых на службу в возрасте от 14 до 16 лет, сгруппированы в две роты и распределены между военными судами, стоящими в Карлскроне. Кроме того, все капитаны, помощники капитана, механики и матросы торговых судов в возрасте от 20 до 35 лет обязаны служить в военном флоте во время войны. Этот численный состав экипажа, которым может располагать правительство

в случае войны, простирается до тысячи офицеров и до 6.000 матросов. Милиция прибрежных округов, упражняемая в мирное время вместе с милицией сухопутной армии, также должна во время войны занять место между морскими войсками. Специальное морское училище, которое несколько раз было преобразовано, находится теперь в Стокгольме.

Персонал военного флота в 1897 году: 264 офицера, 273 унтер-офицера, 2.624 матроса; кроме того, 1.957 матросов индельты и 400 юнг; 123 офицера, 100 унтер-офицера резерва, морская артиллерия в Карлскроне и около 20.000 чел. bevaring'a.

Военный флот состоял, в 1897 году, из 64 судов (в том числе 19 броненосных) в 43.560 тонн и 67.805 индикаторных сил, с 310 орудиями, не считая бригов, транспортов и других судов специального назначения.

Государственный бюджет Швеции представляет очень редкий в Европе пример финансов, где приход превышает расход. Доходы в годовых балансах бюджета дают по большей части излишек над расходами,—излишек, который, например, в 1874 году простирался до 23 миллионов франк.

Бюджет Швеции на 1898 г. сбалансирован в сумме 120.086.000 крон. Доходы: обыкновенные—21.082.000 крон (в том числе чистый доход от железных дорог—9 милл.), чрезвычайные—82.975.000 к. (таможенный 39 милл., питейный 15,5 милл.); остатки от прежних лет—14.229.000 крон. Расходы: обыкновенные—80.358.773 кроны (на армию и флот—33,4 милл.); чрезвычайные—27.047.127 к. (на армию и флот—12 милл.); расходы по государствен. долгу—11.243.800 крон. До 1855 года Швеция не заключала никаких займов за границей, да и в самой стране казна должна была лишь незначительную сумму государственному банку. С той эпохи она сделала последовательно несколько займов, почти исключительно для постройки железных дорог; к 1 января 1897 г. общая сумма государственного долга, внутреннего и внешнего, составляла 289.566.573 кроны. Но эти долги, годовые платежи по которым около 12 миллионов, вполне обеспечены государственными имуществами. Одна только сеть рельсовых путей представляла, в конце 1880 года, капитал, равный 294.500.000 фр., и ссуды, выданные частным железнодорожным компаниям, простирались до сотни миллионов. Кроме того, государство обладает сотней миллионов в различных фондах, доходными землями, сдаваемыми в арендное содержание, и обширными лесными пространствами: общая площадь казенных лесов и необработанных земель исчислялась в 1878 г. в 5.221.500 гектаров, и это громадное имение, номинальная ценность которого около 45 миллионов франков, то-есть немногим более 8—9 франков за гектар, и с которого чистый доход не достигал в 1876 году даже 660.000 франков, еще увеличивается с каждым годом покупкой пустошей и лесных дач. Общее исчисление финансового положения государственного хозяйства дает, как излишек актива над пассивом, сумму, равную 200 миллионам франков.

Что касается состояния финансов общин, то они, особенно финансы городов, менее блестящи, чем государственные: многие общины имеют долги; но в целом, имущества, которыми они владеют, представляют ценность более значительную, чем сумма их пассива. В 1892 году бюджет общин представлялся в следующем виде:

Доходы—64,5 миллионов крон (в городах—37,6 милл.). Расходы—71,5 милл. крон (в городах—43,3 милл.). Актив в недвижимостях и в долгах на других—279,1 милл. (в городах—208,7 милл.). Пассив—175,1 милл. крон (в городах—155,2 миллионов).

Поземельная собственность частных лиц, по оценке для обложения налогом, исчислялась в 1875 г.,—конечно, ниже её действительной ценности,—в 2.491 миллион франков; но к этой сумме нужно еще прибавить 875 миллионов, представляющие ценность других недвижимых имуществ. Все застрахования, заключенные исключительно в шведских страховых обществах, простираются на сумму слишком 2 миллиардов 500 миллионов франков.

Швеция не имеет колоний в других частях света. Антильский остров св. Варфоломея, который был ей уступлен в 1784 году, продан Франции в 1878 году.

Шведское королевство делится на 24 провинции или губернии (lan), пространство и население которых показаны в нижеследующей таблице:

Провинции	Пространство, кв. кил.	Население (по исчислению 31 декабря 1896 года), жит.	На 1 кв. кил. приходится, жит.
A. Готская область (Gotarike)			
1. Мальме (Мальмегус)	4.795	388.449	81
2. Христианстадт	6.512	219.602	34
3. Карлскрона (Блекинге)	3.011	143.842	47
4. Вексио (Кроноберг)	9.997	158.804	16
5. Иенкепинг	11.575	197.005	17
6. Кальмар	11.493	227.963	20
7. Линкепинг (Остерготланд)	10.977	272.949	25
8. Гальмстадт (Галланд)	4.913	139.707	28
9. Мариестад (Скарборг)	8.561	243.999	29
10. Венерсборг (Эльфсборг)	12.825	275.982	21
11. Гетеборг и Бохус	5.101	318.342	62
12. Висби (Готланд)	3.153	52.029	17
B. Шведская область (Sven-Rike)			
13. Стокгольм округ	7.611	159.571	21
Стокгольм город	33	279.860	--
14. Упсала	5.314	123.733	23
15. Никепинг (Седерманланд)	6.841	163.035	24
16. Вестерас (Вестманланд)	6.815	143.779	21
17. Эребро (Нерике)	9.118	189.911	22
18. Карлстад (Вермланд)	19.314	252.450	13
19. Фалун (Стора-Коппарберг)	30.041	208.437	7
C. Норланд			
20. Гефле (Гефлеборг)	19.816	222.144	11
21. Гернезанд (Вестерноррланд)	25.047	220.541	8
22. Остераунд (Иемтланд)	52.219	105.958	2
23. Умео (Вестерботтен)	59.098	136.058	2
24. Лулео (Норрботтен)	106.818	118.412	1
Озера: Иельмар	511		
Мелар	1.168		
Венерн	5.975		
Веттерн	1.922		
Итого	450.574	4.962.568	11

Глава VII Острова европейского Ледовитого океана.

Моря, простирающиеся на север от Скандинавского полуострова и России до не исследованных еще соседних с полюсом областей, имеют, как и северный Атлантический океан, свои острова и архипелаги, часто соединенные один с другим ледяными континентами. Эти земли, из которых иные были наблюдаемы только издали, сквозь снег и туман, и к которым, может быть, прибавятся в близком будущем другие острова, открытые на пути к северному полюсу, обыкновенно даже не причисляются географами к Европе: вместе с северной оконечностью Гренландии и полярными архипелагами Северной Америки, они составляют отдельный мир, который еще не принадлежит человеку. Без сомнения, европейские государства могли предъявлять права на обладание Шпицбергеном, могли водружать там свои флаги; но эти отдаленные земли, тем не менее, остаются совершенно безлюдными пустынями, погруженными целые месяцы в непроглядный мрак длинной зимней ночи, затем освещаемыми солнцем, которое непрерывно, без заката, кружится по небесному своду, редко указывая путь на волнах другим судам, кроме судов отважных рыболовов. Может быть, натуралисты, исследующие острова полярного мира, когда-нибудь откроют там естественные богатства, которые привлекут колонистов в эти пустынные области; но до настоящего времени од-

ним только ловцам моржей да потерпевшим крушение случалось жить там в зимнее время. Хотя эти негостеприимные земли лежат за пределами обитаемого мира, они, однако, напоминают нам некоторые факты, составляющие прекраснейшую, самую чистую славу, какою только может похвалиться человечество. Эти опасные моря были пройдены во всех направлениях бесстрашными людьми, которые не искали ни битв, ни богатства, но единственно стремились принести пользу своими исследованиями. Имена Баренца, Гемскерка и Бернарда, Уиллугби и Парри, Норденшельда, Пайера и Вайпрехта напоминают высокие подвиги мужества и настойчивости, которыми род человеческий может вечно гордиться, и не проходит ни одного года без того, чтобы другие неустрашимые люди не пускались по следам первых исследователей, руководимые желанием расширить пределы известного нам мира и проникнуть далее в тайны полюса.

Первая земля Ледовитого океана, лежащая в расстоянии около 450 километров к северо-западу от берегов Финмаркена, совершенно отделена от Скандинавского полуострова океаническими пучинами: в этих областях море имеет не менее 540 метров глубины. Земля эта была открыта 1 июля 1596 года голландцем Баренцем и названа им Beeren-Eyland, т. е. «Медвежьим островом», потому что люди его убили там медведя; через семь лет после того ее опять увидел англичанин Беннет, который дал ей, в честь своего патрона Чери, название Cherie или Cherry-Island, и теперь еще встречающееся на очень многих картах. В наши дни она часто посещается норвежскими рыболовами, привлекаемыми богатой добычей, так как рыбы—акулы, треска, даже сельди—собираются во множестве вокруг её береговых утесов, изрытых пещерами; на берегах острова были основаны временные заводы для соленья рыбы; на берегу одной бухты, в северной части острова, выстроен даже настоящий дом; но моржи, которые прежде водились здесь в таком множестве, теперь почти совершенно исчезли: в 1608 году экипаж одного судна убил на Медвежьем острове, в продолжение семи часов охоты, около тысячи ластоногих этого вида[1].

Недавно все мореплаватели описывали этот остров как землю, имеющую весьма незначительное протяжение: еще в 1864 году проф. Норденшельд и Дунер определяли площадь его всего только в 66 квадр. километров. Но точные съемки, произведенные в 1868 году шведскими исследователями, в числе которых опять находился и Норденшельд, показали, что поверхность Медвежьего острова ровно в десять раз больше, именно равна 670 квадр. километрам. Часть этого пространства усеяна озерами и болотами, тогда как на юго-востоке почва поднимается в виде холмов, из которых один, названный англичанами Mount-Misery, по причине пустынного вида его скатов, возвышается, по Мону, на 455 метров над поверхностью обширных фирновых полей; но настоящих ледников там не видели. Горные породы острова, заключающие, между прочим, залежи свинцового блеска, были в первый раз исследованы геологом Кейльгау; они состоят из песчаников и известняков каменноугольной формации, и во многих местах там находят мощные пласты каменного угля, носящие отпечатки сигиллярий, каламитов и других ископаемых растений; некоторые из паровых судов, проходивших мимо острова, утилизировали это минеральное топливо. В эпоху, когда отлагались эти пласты, Медвежий остров составлял часть обширного континента, который простирался, вероятно, до Северной Америки, судя по тождеству каменноугольной флоры на всех островах Ледовитого океана; впоследствии этот континент исчез весь под волнами моря, и острова, которые мы теперь видим в тех областях, не что иное, как уцелевшие его отрывки, выступающие из-под воды[2]. Когда образовался каменный уголь, находимый на Медвежьем острове, климат этой земли, где в настоящее время, может быть, еще холоднее, чем на Шпицбергене[3], походил на климат центральной Европы: из 18 видов растений, собранных Норден-

1 Torell und Nordenskjold, „Die schwedischen Expeditionen nach Spitzbergen und Baren-Eiland“, в немецком переводе Пассарге.

2 Oswald Heer, „Ueber die neuesten Entdeckungen im hohen Norden“.

3 O. Torell und Nordenshjold, выше цитированное сочинение.

шельдом и Мальмгреном в каменных углях и в горных породах Медвежьего острова, 15 тождественны с видами каменноугольной флоры Швейцарии. Между тем, в наши дни этот остров, постоянно подвергающийся действию влажных ветров, представляется бесплодной пустыней, и нет ничего удивительного, что первый открывший его мореплаватель, голландец Баренц, дал ему название Яммерберг, т. е. пустынной, наводящей уныние горы. Нынешняя его флора чрезвычайно бедна; она заключает всего только около тридцати видов явнобрачных, в том числе один вид рододендрона, и 80 видов мхов, зелень которых, видимая издалека, походит местами на зелень лугов. Между 12 видами существующих здесь насекомых не встречается ни одного жесткокрылого; но почти все виды, по словам Мальмгрена, отличаются особенными формами, как будто самый остров был их местом происхождения. Летом Медвежий остров бывает усеян чайками и дикими утками, которые отдыхают здесь, прежде чем пуститься далее на север; осенью перелетные птицы снова останавливаются на этом пустынном острове, возвращаясь в южные страны.

Медвежий остров есть южный мыс подводного плоскогорья, которое простирается далеко на север и северо-восток до неизвестных еще областей Ледовитого океана. Канал в 200 километров ширины, отделяющий этот остров от ближайших островов, имеет незначительные глубины, варьирующие от 50 до 325 метров. В 1857 году сплошной ледяной остров покрывал на всем пространстве этот широкий пролив.

Архипелаг Шпицберген представляет группу, состоящую из пяти больших островов и многочисленных островков, простирающуюся от юга к северу на пространстве 4 градусов широты: последние островки этой группы удалены от полюса не более, как на 1.000 километров. Географы различно определяют поверхность этих снежных стран; но, благодаря точным наблюдениям, которые были сделаны в новейшее время на многих пунктах прибрежья, теперь можно дать для площади всей группы приблизительные исчисления. Уже Скоресби, в двадцатых годах текущего столетия, определил астрономически положение некоторых пунктов на берегах архипелага, а английские исследователи—Брук, Франклин, Бичи, Парри обследовали северные берега острова. В 1838 году морские офицеры французского корвета «Recherche» нанесли точным образом на карту контуры, большой южной бухты, называемый англичанами Бель-Саунд; затем профессор Норденшельд во время пяти последовательных исследований, произведенных под его руководством, преимущественно во время экспедиции 1864 года, определил, вместе с Дукером, Хидениусом, Линдгагеном, точное положение 80 различных пунктов на Шпицбергене. В 1870 году Гейглину и Цейлю удалось проверить в общих чертах прежния карты для значительной части восточных берегов, и, кроме того, они прибавили к профилю берегов большое число мысов и бухт, обозначили во внутренности острова горы и ледяные поля: но они оставили своим будущим преемникам еще много работы в виде проверки прежних определений и нанесения на карту новых подробностей. Измерение дуги меридиана от южной до северной оконечности острова, операция, которая имела бы столь важное значение для изучения вопроса о сжатии земного шара у полюсов, до сих пор было еще только подготовляемо, хотя английский исследователь Сабин уже слишком полстолетия тому назад предлагал свои услуги, вызываясь быть руководителем исполнения этого предприятия[1]. В 1865 году географ Дебес приписывал совокупности архипелага пространство в 58.800 квадр. километров[2]; но исследования экспедиции, совершенной Ли-Смитом и Ульвом в 1871 году, показали, что Северо-Восточная земля имеет протяжение гораздо более значительное, чем то, которое ей прежде приписывали; таким образом она увеличилась на востоке территорией по крайней мере в 5.500 квадр. километров. Вот пространство отдельных частей архипелага:

Северо-Восточная земля и соседние острова—15.900 (?) кв. километр.; Западный Шпиц-

1 Beechey, „Voyage of discovery towards the North Pole".

2 „Mittheilungen von Petermann", 1865;—Petermann, „Spitzbergen und die arktische Central-Region", Erganzungsheft. № 16;—Ch. Grad, „Esquisse physique des iles Spitzbergen".

берген—39.260 кв. километр.; Острова Принца Карла—1.090 кв. километр.; Земля Баренца и соседние острова—1.530 кв. километр ; Эджес-Айленд или Станс-Форланд (Земля Штатов) и соседние острова—6.510 кв. километр.; всего—64.290 кв. километр.

Обширные пустыни Шпицбергена можно считать равными по пространству восьмой части Франции.

Когда Баренц открыл этот полярный архипелаг в 1596 году и даже достиг его северного берега, полагали, что Гренландия простирается гораздо далее на востоке. Некоторые думали даже, что она соединяется с континентом Азии, и различные легенды говорят об этой земле, как о «Трольботене»[1] или «стране ведьм и колдунов», занимающей весь север мира. Хотя один из спутников Баренца, Корнелис Рийп, совершил плавание вокруг всего архипелага[2], возобновленное в первый раз только в 1863 году норвежским капитаном Карлсеном, однако это важное путешествие было совершенно забыто, и долго продолжали обозначать эти северные острова под именем Гренландии, различно воспроизводимым на картах; кроме того, их называли также Ньюландом (Новой Землей), как множество других вновь открытых островов. Однако, название Шпицберген, которое относится к самой эпохе открытия этой островной группы, в конце концов одержало верх. Выступающие из толстого ледяного покрова остроконечные вершины (шпицы) южных гор доставили это имя всему архипелагу, как объясняет журнал «escrit de la main de Guillaume Bernard» (написанный собственной рукой Гильома Бернара, спутника Гемскерка и Баренца), где говорится: «La terre estoit la plus part rompue, bien hault, et non autre que monts et montaignes agues, parquoy l'appellions Spitzbergen» (земля эта была большею частью разорванная, очень высокая и состояла сплошь из гор и остроконечных вершин, почему мы и назвали ее Шпицбергеном).

Еще и в наши дни различные карты Шпицбергена явно противоречат одна другой, вследствие совершенно произвольной номенклатуры, принятой большею частию картографов, принадлежащих к различным нациям. Во многих случаях названия, выбранные первыми мореплавателями, были из ложного патриотизма заменены другими наименованиями, и таким образом слова голландские, английские, шведские перепутываются в этой номенклатуре, что сильно затрудняет отыскивание мест на карте. Иной мыс или залив имеет до десяти разных наименований. Во избежание несправедливости и безвыходной путаницы, нужно восстановить первоначальное имя каждой горе, каждому мысу, каждому островку, исключая тех случаев, когда постоянное и общее употребление с давних пор вытеснило старинное название. На северо-западе один остроконечный мыс, называемый Бискайерс-Гук, напоминает древних бискайцев или басков, но в настоящее время один только пункт на берегах Шпицбергена носит французское имя: это—бывший Шонгавен или «Прекрасный порт», превратившийся в «Бухту исследования» (baie de la Recherche) с той поры, как французские исследователи: Мартен, Лоттен, Браве, Робер, участвовавшие в экспедиции корвета «Recherche», производили там свои научные наблюдения[3]. Маленькая «бухточка Басков» (baie des Basques) или «Французское убежище» (Refuge Francais), где бискайский рыболов Жан Вролик устроил, в 1633 году, главную сушильню своих тонь, окончательно утратила свое первоначальное название, хотя и теперь еще знают место, где стояла эта сушильня, немного к югу от залива Магдалины. Что касается «Baije des Franchoys» («бухта Французов»), где тоже производили рыбную ловлю баски из Сен-Жан-де-Люз[4], то это, по всей вероятности, бухта Инвик первых мореплавателей, Бель-Саунд англичан. На западном берегу, который во все времена был посещаем многочисленными рыболовными судами, почти все сохранившиеся доныне старинные географические наименования—английского или нидерландского происхождения: на севере, на берегах пролива Гинлопен и в прибрежных местно-

1 De Bas, „Doopregister van Spizbergen, Tijdschrifr van het nardrjkskundig Genootschap te Amsterdam", 1877. № 3.

2 Cl. Markham, „Journal of the R. Geographical Society", 1873;—Muller, „Geschiedenis der Noordsche Compagnie";—Kan et Posthumus, „Congres des Scienses geographiques", Paris, 1875.

3 „Voyage en Scandinavie et au Spitzberg de la corvette la Rechercheu, 4 vol. in-8, avec atlas.

4 Hessel Gerritsz, „Histoire du pays noninie Spitsberghe", 1612.

стях Северо-Восточной Земли, названия, данные шведскими исследователями, перемешаны преимущественно с английскими именами, тогда как на востоке германские путешественники Гейглин и Цейль покрыли карту своего пути немецкими названиями. Наконец, на крайнем западном острове, известном под именем острова Принца Карла (Prince Charles Foreland), встречаем русское название: один из мысов этого острова называется «мыс Святой».

Архипелаг «Островерхих гор», или Шпицберген, не имеет очень высоких вершин. Самая высокая гора из тех, которые до сих пор были измерены,—пик Горн-Саунд, который редко можно видеть над постоянно заволакивающим его туманом. Говорят также, что остроконечные вершины в 1.500 метров высоты господствуют над дикой цепью острова Принца Карла, параллельного западному берегу Шпицбергена. Затем на землях архипелага не существует других вершин, которые достигали бы высоты километра; самая возвышенная точка, на которую до сих пор взбирался человек,—это так называемая «Белая гора», на восточной стороне большего острова, обсерватория, откуда проф. Норденшельд, во время своего восхождения в 1865 году, любовался великолепной панорамой. Внутренность островов повсюду, где исследователи могли окинуть ее взором с какой-нибудь горы, удобно расположенной для наблюдения, представляется в виде волнистого плато, среди которого там и сям торчат голые скалы, испещренные полосами снега, лежащего в углублениях, и составляющие своими черными верхушками и выступами резкий контраст с окружающей беспредельной белой равниной. В среднем, фирновые поля острова Западный Шпицберген расстилаются на высоте 500 или 600 метров; снежные равнины Северо-Восточного острова лежат выше на целую сотню метров.

Вот различные высоты архипелага:

О. Принца Карла: главная вершина—1.500 (?) метр.

Большой остров (Западный Шпицберген): Пик Горн-Саунд—1.386 (?) метр.: гора Линдстрем (Айс-Саунд)—1.200; Мидль-Гук (Бель-Саунд)—810 метр.; Белая гора (восточная оконечность)—900 метров; мыс Агард (бухта Агард)—570 метр.; гора Хидениус (в центре)—600 метр.; гора Ловен (на севере)—510 метр.

Северо-Восточная Земля: Снеттеппен (м. Берд, на северо-западе)—570 метр.; мыс Лингаген—240 метр.; Экстрим-Гук—360 метров.

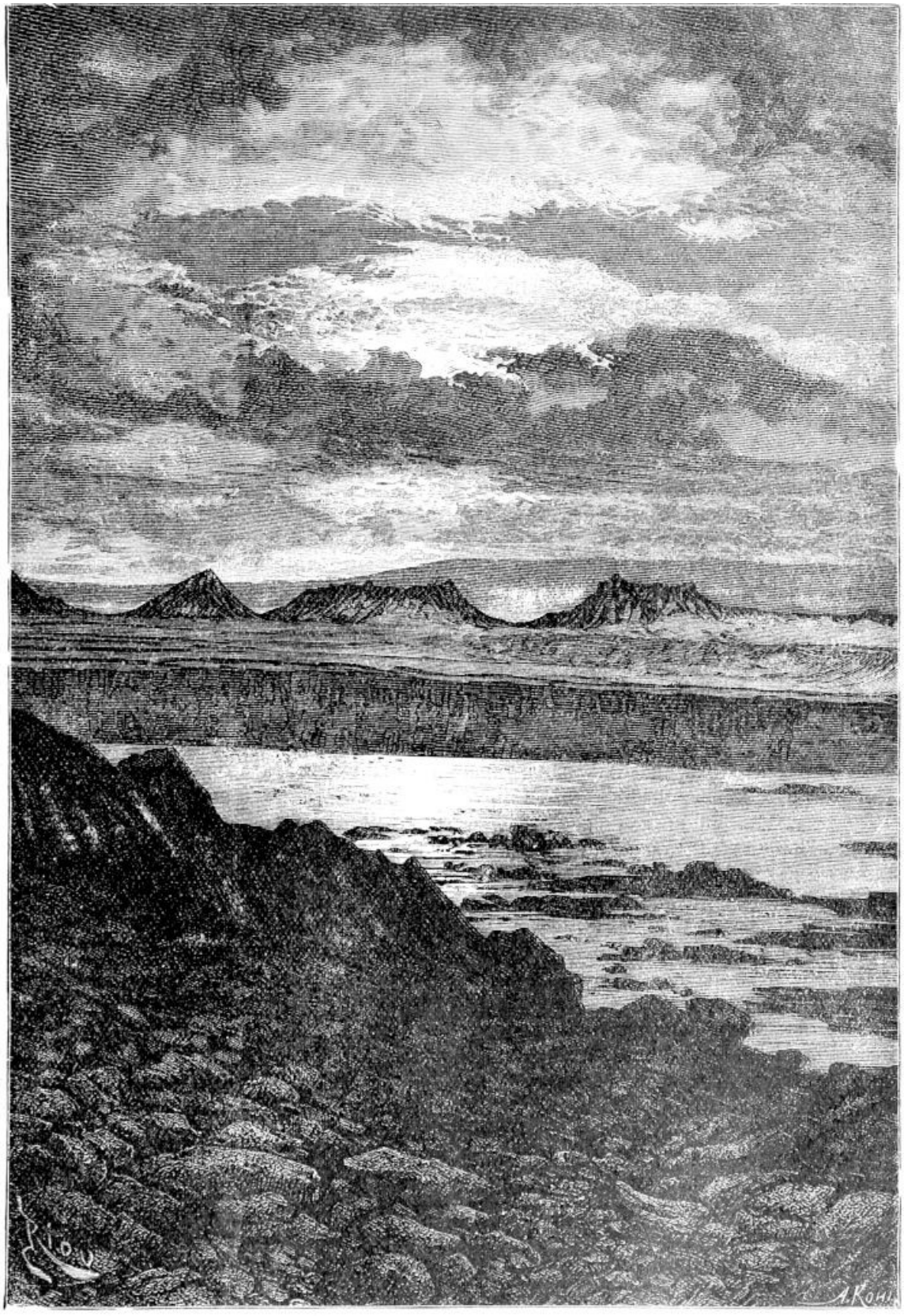
Семь Островов: остров Парри, главная вершина—543 метр.; остров Мартенс—420 метр.; остров Фипс—549 метр.

Земля Баренца: гора Фраас—600 метр.

Хотя внутренность архипелага Шпицберген почти совершенно неизвестна, однако огромные количества обломков, нагроможденные у оконечности ледников, позволяют утверждать, что свойство почвы одинаково как в середине островов, так и на их окружности. Из горных пород там всего чаще находили гранит, гнейс, пласты палеозойской формации: возвышенный архипелаг Семи островов, лежащий к северу от Северо-Восточной Земли, сплошь состоит из гнейса, и вообще вся северная часть архипелага Шпицберген древнего происхождения: но в более южных местностях встречаются горные породы, принадлежащие ко всему ряду вторичных веков, в особенности триас и юра, и даже к третичной эпохе. Миоценовые пласты, близ бухты Бель-Саунд, заключают в себе целую ископаемую растительность, остатки тополей, ольхи, орешины, платанов и кипарисов, которые доказывают, что в ту эпоху климат Шпицбергена должен был быть почти такой же, как климат Скандинавии около 60 градуса широты[1]. Некоторые из известковых слоев, содержащие прекрасные мраморы, могли бы быть разрабатываемы, если бы они находились в другом, менее суровом климате; залежи фосфатов по берегам Ис-фьорда также очень богаты, и даже одна финансовая компания пыталась эксплоатировать эти залежи; наконец, на западном берегу, к северу от залива Бел-Саунд, ледники увлекают в своем движении, между прочим, куски каменного угля, о чем сообщал уже Скоресби. Геолог Бломстранд, исследуя берега залива Кингс-Бай, между

1 Oswald Heer, „Ueber die Polarlander".

Ис-фьордом и бухтой Магдалины, нашел самые слои ископаемого угля, на расстоянии 2.500 метров от морского берега, в высохшем ложе одного глетчерного ручья. Может быть, этот уголь, горящий чрезвычайно легко и оставляющий мало золы, получит когда-нибудь до-



Полуночное солнце на Шпицбергенѣ.—Видъ къ сѣверу отъ Горнъ-Саунда.

вольно важное промышленное значение: подобно углям Медвежьего острова, он очень богат ископаемыми деревьями, которые принадлежат к тем же самым видам, и этот факт свиде-

тельствует, что прежде на Шпицбергене был такой же теплый климат[1].

Вулканические породы также встречаются на берегах архипелага и представляют там и сям чрезвычайно живописный вид. Эти эррупти́вные массы, состоящие из гиперита, который проф. Норденшельд считает вулканическим пеплом, кристаллизовавшимся под сильным давлением, нигде не возвышаются в форме остроконечных вершин или уединенных конусов, но всегда являются в виде чаш и широких площадей на крутизнах береговых утесов и делятся на неправильные призмы, представляющие издали некоторое сходство с базальтовыми колоннадами. Во многих местах они кажутся разлившимися на подобие лавы по пластам триаса и юры. Гиперитовые утесы встречаются в большом числе на обоих берегах пролива Гинлопен, и многие острова целиком состоят из этой вулканической породы. Архипелаг, земли которого рассеяны на юге от острова Станс-Форленд, и который называют группой «Тысячи островов», хотя до сих пор их насчитывали только около сотни, также состоит из гиперитовых лав, равно как различные мысы, которые от берегов земли Баренца и главного (Западного) острова Шпицбергена вдаются в залив Джиневра; у подошвы высокого холма Мевенберг или «Горы чаек» колонны из лав стоят на слоистых мергелях, которые легко разрушаются водами моря; когда вода подточит их основание, колонны эти продолжают еще некоторое время висеть над морем, затем они обрушиваются одна за другой. В некоторых местах виднеются группы гиперитовых столбов, подобных гигантским обелискам и возвышающихся уединенно на краю пропасти. Почти везде массы застывшей лавы торчат в виде остроугольных выступов, оставляя в промежутках овраги, наполненные снегом: это чередование белых полос снега, черных обелисков и групп колонн, вокруг которых кружатся стаи морских чаек, образует в целом чрезвычайно оригинальную картину, которую первые её наблюдатели, Гейглин и Цейль, сравнивают с собранием памятников готической архитектуры[2]. Гипериты Шпицбергена содержат некоторое количество железа и даже покрываются на воздухе тонким слоем ржавчины. У подножия этих береговых утесов магнитная стрелка испытывает колебания и вводит в заблуждение мореплавателей, которые руководствуются её показаниями.

Скалы Шпицбергена, имеющие вообще незначительную покатость к горизонту, почти круглый год остаются скрытыми под снегом: они сбрасывают с себя, в начале лета, этот снежный покров только в соседстве моря, на нижних скатах. Средняя граница постоянных снегов на островах архипелага была различно определяема натуралистами; но можно сказать, что высота этой линии варьирует до бесконечности, смотря по свойству и наклону горных пород, положению в отношении действия солнца и ветров и тысяче других климатических условий[3]. Там, где солнце и ветер соединенными усилиями трудились над обнажением скатов, скала может быть совершенно освобождена от снежного покрова до высоты 400 и даже 500 метров; в северном архипелаге Семи Островов проф. Норденшельд и его спутники не видели ни одной полоски снега ниже 300 метров; на некоторых уединенных скалах, откуда снег сваливается, растительность может показываться до высоты 600 и более метров над уровнем моря. Но в тех местах, где бури и лавины нагромоздили снежные сугробы, где тень защищает их от действия солнечных лучей, они держатся в продолжение целого года, и предел постоянных снегов сливается таким образом с линией берегов.

В таком суровом климате ручьи могут иметь лишь временное существование: там и сям маленькие потоки образуются в узких проходах между лавинами, затем, достигнув низменных земель морского прибрежья, стараются проложить себе дорогу через гравий и гальку: во многих местах течение их запружено снежными мостами, состоящими из неправильных арок, украшенных прозрачными ледяными сосульками. Но большие долины, широко открывающиеся в толще плоскогорья, наполнены ледниками, которые почти все спускаются до самого моря, а некоторые из них даже выступают за линию берегов. Большинство этих

1 Nordenskjold, „Geology of Spizbergen, Geological Magazine", 1876 dec. 11, vol. III.

2 „Mittheilungen von Petermann", V. 1871.

3 Karl Weypcecht, „Metamorphosen des Polareises".

ледяных рек, которые образовались из фирнов, лежащих на небольшой высоте, имеют незначительный скат, гораздо меньший, чем падение альпийских ледников, и поверхность их представляет ровную наклонную плоскость, без больших трещин, без обвалов ледяных масс; во всем остальном явления, наблюдаемые на них, те же самые, как и под умеренными широтами. Заключенные в фирмах своим обширным питательным бассейном, шпицбергенские глетчеры вообще довольно коротки сравнительно с их широтою, ибо многие из них занимают от одного мыса до другого все прибрежье обширных бухт. Самый большой из этих глетчеров, без сомнения, тот, который находится на восточном берегу Северо-Восточной земли: полагают,—хотя этого до сих пор еще не могли констатировать точным образом,—что он образует ледяную стену, идущую на протяжении слишком 100 километров. Вблизи полуденной оконечности один ледник представляет со стороны моря стену длиною в 20 километров; глетчер в заливе Горн-Саунд имеет не меньшую ширину, а на восточном берегу ледники Маркгама, Ингльфильда, Негри, Гохштеттера прерывают линию берегов на пространствах гораздо более значительных. Между ледяными потоками, спускающимися с гор Шпицбергена, есть и такие, которые можно бы было назвать простыми водопадами, вдруг скованными морозом: так, например, один из глетчеров, ниспадающих в бухту Магдалины, имеет всего только 240 метров ширины от одного берега до другого.

Большая часть шпицбергенских ледников оканчивается со стороны моря внезапными обрывами, которые дают возможность видеть внутреннее строение замерзшей реки. Можно явственно различить полосы отвердевшего снега, различающиеся степенью твердости, прозрачности, оттенками цвета беловатыми или лазуревыми; волнообразное расположение слоев указывает, в каком направлении происходило движение ледника; вся ледяная масса подвигается медленно над поверхностью вод, обращая к морю свою высокую стену, выгнутую около середины потоком, который ее увлекает. Между тем как в Швейцарии разрез ледников, в месте их падения, имеет средним числом только от 10 до 25 метров высоты[1], вертикальная стена шпицбергенских глетчеров возвышается на 60, на 80, на 100 метров, а высота конечной стены ледника в заливе Горн-Саунд, как показало измерение, достигает даже 121 метра. Омываемые теплыми водами, которые приносятся к берегам Шпицбергена морскими течениями тропического происхождения, и средняя температура которых не менее 4 градусов стоградусного термометра, ледники западного берега не могут подвигаться вперед по самому дну моря, вне выступающего из воды ложа, которое их обрамляет; вся часть ледяной массы, погружающаяся в воду, быстро растаивает, и нижний фас ледника обозначает точную высоту, на которой останавливался уровень прилива. Во время же морского отлива вся выдающаяся масса остается без опоры; она долго сопротивляется, благодаря сцеплению своих частей; но вдруг раздается треск, сопровождаемый гулом падения, и вся часть ледяной стены низвергается в море. Волны, оттесненные обвалом, набегают снова в виде клокочущей пенистой массы и ударяются о ледник; валы и льдины сталкиваются друг с другом, кружатся, и когда бушевание затихнет, на поверхности воды видны покачивающиеся глыбы, которые плывут вместе по одному направлению, словно какие-то фантастические существа шествуют в открытое море. Некоторые из этих ледяных обломков, погружающиеся на глубину, сохраняют огромные размеры. В «Путешествии к северному полюсу», предпринятому в 1773 году, Фипс, находившийся в это время у Смеренберга, в северо-западной части архипелага, описывает ледяную глыбу, которая, имея в вышину 15 метров над уровнем моря, погружалась под водой на 40 метров. В стене Фергавенского ледника, откуда обрушилась эта глыба, и которая имела не менее 91 метра высоты, открывалась арка, из-под которой сероватые воды ручья ниспадали каскадом.

Восточный берег Шпицбергена и Северо-Восточной Земли, омываемый полярным течением, сравнительно с западными берегами, гораздо менее доступен, и часто к нему невозможно пристать. Это зависит от того, что на западе прибрежное ледяное поле вообще иссечено в виде залива, и в летнее время суда могут подходить к северным берегам архипелага,

1 Ch. Grad, „Esquisse physique des iles Spitzbergen".

между тем как на востоке острова и мысы соединены между собой слоем непрерывного льда; все заливы и проливы скрыты, вследствие чего географические очертания этой части архипелага известны гораздо менее и обозначены картографами далеко не так явственно, как западная береговая линия. По режиму своих ледников восточный берег Шпицбергена имеет сходство с побережьем Гренландии: там льды, выдвигаясь далеко в воду, уже холодную, и которую они еще более охлаждают своим прикосновением[1], могут продолжать двигаться по дну моря, отбрасывая набегающие волны: поэтому там бухточки, бухты, даже настоящие фьорды совершенно заграждены. Таким образом, восточный берег Шпицбергена, уравниваемый движущимся фронтом льдов, кажется гораздо менее изрезанным, нежели противоположный берег, иссечения которого большею частью остаются открытыми морской волне. Только со стороны моря местами они отделены от него грудами обломков, сходных с «морскими мостами» норвежских берегов; эти подводные морены известны рыболовам Шпицбергена под именем «тюленьих мелей».

Ледники Шпицбергена, так же, как и ледники Швейцарии, в новую эпоху подвергались многочисленным изменениям: они то увеличиваются, то уменьшаются. В настоящее время некоторые из них, повидимому, находятся в периоде роста, тогда как другие идут на убыль. Еще в 1858 году ледник Фритьофа, наклоненный к Бель-Саунду, на северном берегу этого залива, представлял небольшой ледяной поток, отделенный от воды широким поясом болотистых земель, пересекаемых ручьями; на пригорке стоял крест, указывавший могилу похороненного тут матроса; вид морен свидетельствовал об отступлении льдов. Но зимой с 1860 на 1861 г. этот кристаллический поток быстро увеличился в размере, покрыл весь плоский берег и выдвинулся далеко в море, завалив лучший порт Шпицбергена, некогда посещавшийся китоловами и охотниками за северным оленем. Теперь Фритьофский ледник—один из значительнейших на Шпицбергене, и матросы уже не рискуют подъезжать к нему на барках, по причине обваливающихся с него глыб. Ледники, которые были исследованы французскими учеными в 1838 году, в бухте la Recherche, также увеличились, и самый вид бухты теперь совершенно иной, в сравнении с тем, чем он был в то время. Подобные же перемены были наблюдаемы в Стор-фьорде и других больших заливах, где бывшие острова исчезли в выступившей из берегов ледяной реке. Зато ледяное море, наполнявшее Норд-Зунд, северную вырезку Ис-Фиорда, кажется, отступило на значительное расстояние. Сравнение старинных голландских карт с новейшими необходимо приводит к такому заключению, тем более, что местность эту постоянно посещали нидерландские рыболовы, и нельзя допустить, чтобы они вовсе не знали о существовании большой северной бухты[2].

Так же, как на берегах Скандинавии, следы новейших повышений уровня почвы нередко встречаются и на побережье Шпицбергена. Старые пляжи, свидетельствующие о поднятии архипелага, приметны на протяжении всей почти окружности островов: прерываемые там и сям ледниками и оврагами, они продолжаются на различных высотах вдоль побережья. Самый высокий из виденных Гейглином пляжей находится на высоте 15 метров, и смотря по наклону почвы, тянется то непосредственно у самого моря, то в нескольких километрах от него. Другие наблюдатели видели кое-где эти старые берега поднятыми на высоту 45 метров. Множество пловучего леса, выброшенного волнами на плоские берега и лежащего гораздо выше линии прибоя, а также китовые кости и раковины, существующих поныне видов, дают возможность измерить глазом степень поднятия почвы в течение современной эпохи. Следы этого повышения уровня почвы всего явственнее заметны на северо-западной оконечности Северо-Восточной Земли. Весь низкий остров (Low-Island), вероятно, есть новейшее образование: скалы его, усеянные озерами, кажутся едва обсохшими, а внутри острова встречаются обломки судов, вместе с прибитым лесом и китовыми костями. Между большой землей и этим новым островом, величиною около 50 квадратных километров, мало-

1 Ch. Martins, „Memoire sur les temperatures de la mer Glaciale, a la surface, a de grandes profondeurs et dans le veisinage des glaciers du Spitzberg“.

2 Nordenskjold, „Geological Magazine“, decade II, vol. Ш № 1.

по-малу обнажается ряд рифов.

Климат архипелага Шпицберген умеряется морскими течениями и юго-западными ветрами, подобно климату Скандинавии и всей западной Европы. Правда, изотерма 0° проходит непосредственно к северу от Скандинавского полуострова, а южная оконечность Шпицбергена пересечена изотермическою линиею—5 градусов, и годовая температура северо-восточных берегов его должна равняться—7° и—8°. Подобный климат соответствует климату крайнего севера Америки и Азии, где население уже очень редкое, но где все-таки живут туземные народцы и многочисленные иммигранты или промышленники, канадцы, англичане или русские. Летом климат Шпицбергена, если не из самых приятных, то, по крайней мере, один из самых здоровых в свете. Различные шведские исследователи, посетившие остров в эти последние десятилетия, единогласно удостоверяют, что там дышется гораздо легче, чем на юге Скандинавии: в это время года экипажи пристающих к острову судов не знают ни насморка, ни катарра, ни кашля; невольно выкупавшиеся матросы сушат на себе свою одежду без вредных последствий для здоровья. По мнению этих путешественников, доктора должны бы рекомендовать Шпицберген как прекрасное летнее местопребывание многим больным. Очень может быть, что в недалеком будущем по берегам небольших бухт Шпицбергена, как на альпийских вершинах, появятся гостиницы для охотников и больных из Англии или с континента[1]. Однако, этот здоровый климат всегда холоден, неровен, изменчив; никогда не бывает, чтобы впродолжении целого дня небо оставалось ясным. Ветры, охлажденные сплошным льдом или ледниками, быстро понижают температуру атмосферы[2]; по словам Скоресби, случается нередко видеть, как различные ветры гонят суда по разным направлениям[3]. Впрочем, в проливе Гинлопен южный ветер дует почти постоянно и не дозволяет парусным судам входить в этот морской рукав с северной стороны[4]; на это уже в прошедшем столетии указывал Фридрих Мартенс. Во всякое время года, даже середи лета, выпадает снег, и температура может опуститься ниже нуля; по свидетельству Скоресби, в июне 1810 г. термометр показывал—9°,4, и до сих пор самая высокая температура, какую случалось наблюдать, была 16° (15 июля 1861 года).

Зимою ртуть нередко падает до точки своего замерзания; впрочем, путешественники уверяют, что средняя температура—относительно умеренная, благодаря южному ветру, который в это время года дует с большим постоянством и часто с необыкновенною силой, так что там не холоднее, чем на равнинах Швеции, лежащих на 20° южнее. Даже в средине января температура иногда поднимается выше точки замерзания (по Норденшельду, +3°,6, в 1873 г.). Но когда солнце появляется на горизонте и начинает описывать на северном небе с каждым днем увеличивающуюся кривую линию, в атмосфере наступает затишье, и в это-то время бывают самые сильные морозы, гораздо суровее морозов астрономической зимы.

Уже южная оконечность Шпицбергена, лежащая под 76°30' широты, на столько удалена от экватора, что солнце, видимое из этой части страны, не поднимается над горизонтом выше 37 градусов; наблюдаемая же с Северного мыса, или с Семи островов, высота дневного светила всего только 33 градуса. Правда, в продолжении целых четырех месяцев, обращаясь непрестанно в южной части небесного свода, солнце освещает своими косыми лучами льды и скалы Шпицбергена и, вместе с дождями, туманами и теплыми ветрами, помогает оттаиванию земли; но долгая зима здесь состоит из четырех месяцев ночи, когда единственным светом бывает северное сияние. Под влиянием южных ветров, дующих довольно правильно зимою, этот световой метеор здесь почти постоянное явление, но свет его гораздо слабее полярных сияний, видимых из более южных стран[5]. Грозы, пронизывающие воздух ослепитель-

1 Torell et Nordenskjold, „Mittheilungen von Petermann“, III, 1872-
2 Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara”.
3 „Account of the Arctic Regions“, 1820.
4 „Spitzbergische oder Gronlandische Reisebeschreibung“.
5 Nordenskjold, письмо от 23 февраля 1873 г.

ными молниями, совершенно неизвестны в морях Шпицбергена.

Приводим средние температуры:

Средняя температура Шпицбергена под 77°30' широты, по Ш. Мартену: январь:—18°,2, февраль:—27°,1, март:—15°,6, апрель:—9°,9, май:—5°3, июнь:—0°,3, июль: +20,8, август: +1°,4, сентябрь:—2°,5, октябрь:—8°,6, ноябрь:—14°,5, декабрь:—15°; годовая:—8°,22.

Средняя температура в 1872 и 1873 гг., во время зимовки Норденшельда в Моссельской бухте (79°53'): январь:—9°,9, февраль:—22°,7, март:—17°,6, апрель:—18°,12, май:—8°,3, июнь: +1°,1, июль: +4°,06, август: +2°,9, сентябрь:—3°,9, октябрь:—12°,6, ноябрь:—8°,1, декабрь:—14°,4; годовая:—8°,9.

Зимою все острова соединены между собою сплошным льдом, который, вследствие взаимного напирания льдин, нагоняемых течением и ветром друг на друга, местами вздымается в виде груд и остроконечных горок. К северу и востоку этот ледяной материк тянется на огромные пространства, тогда как на западе, как мы уже говорили, прибрежный лед, ограничиваемый теплым течением, выдвигается от берегов в море на небольшое расстояние; впрочем, случается иногда, что даже в начале лета Шпицберген со всех сторон остается недоступен по причине опоясывающих его ледяных банок, и судам можно подойти к берегу только по узким каналам, образовавшимся в некоторых местах между треснувшими ледяными плитами. Густые туманы, которые иногда совершенно застилают и небо, и землю, происходят от неравномерности температуры в разных слоях воды, из которых одни принесены морскими течениями, а другие образовались из тающих льдин. В августе 1873 г. Пайер и Вейпрехт пробыли среди тумана, превратившего день в настоящую ночь, 354 часа, т. е. более четырнадцати суток. Особенно пролив Гинлопен всего чаще бывает совершенно заперт для кораблей как бы стеной тумана: это зависит оттого, что вода, стекающая с ледников, и холодное полярное течение встречаются здесь с более теплыми водами, приходящими из южных морей[1].

Флора, под бледным и серым небом Шпицбергена, отличается крайнею бедностью, так что Новая Земля, сравнительно, может назваться богатой в этом отношении. Кроме пловучего леса, выброшенного на побережье, особенно на островах и мысах северной и южной части архипелага, других деревьев здесь нет; даже кустарников нигде не видно на Шпицбергене, хотя из древесных пород и встречаются два вида карликовых ив и Empetrum nigrum—единственные растения, напоминающие леса умеренной Европы. Преобладающая растительность, которая, вместе со скалами, снегами и льдами, придает стране её нормальную физиономию, состоит из мхов, разбухших от почвенной влаги, и лишаев, словно ржавчина облегающих камни: их насчитывают более 200 видов[2]. Впродолжении короткого лета явнобрачные растения торопятся цвести, а венчики их, по яркости красок, напоминают альпийские цветы. По свидетельству Гейглина, явнобрачных на разных островах архипелага—до 120 видов, значит, в три-четыре раза более, чем в Исландии. Естествоиспытатель Мальмгрен, дольше других занимавшийся исследованием архипелага, упоминает лишь о 96 явнобрачных растениях и о 4 папоротниках[3]. Флора Шпицбергена принадлежит и к арктическому поясу, и к Скандинавии, так как заключает в себе 81 растение, встречаемое в Гренландии, и 69, растущих на Скандинавском полуострове. Из всех этих видов только один—съедобное растение, именно Cochlearia fenestrata: не столь горькое, как однородные с ним травы более южных стран, растение это, употребляемое в пищу в виде салата, доставляет морякам драгоценное предохранительное средство против цынги—самой опасной болезни во время полярных экспедиции[4].

Фауна Шпицбергена, причисляя сюда и китообразных, содержит шестнадцать видов

1 Fr. Martens;—Nordenskjold;—Ch. Grad, „Esquisse physique des iles Spitzbergen".

2 Fries, „Mittheilungen von Petermann", № 2, 1868.

3 „Uebersicht der Phanerogamen-Flora Spitzbergens",—„Die schwedischen Expeditionen nach Spitzbergen und Baren-Eiland".

4 Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara".

млекопитающих; но из них только четыре водятся на твердой земле; при том белый медведь —скорее номад, путешествующий на движущихся льдинах с одного острова на другой. Кроме него, на Шпицбергене встречаются следующие сухопутные млекопитающие: северный олень, полевка, похожая на мышь с берегов Гудзонова залива, и голубая лисица, преследуемая охотниками ради её драгоценного меха. Предполагали, что северный олень завезен был на архипелаг русскими или скандинавами; а между тем уже в 1610 г., прежде чем русские и скандинавы проникли на эти северные острова, англичанин Джонас Пуль охотился здесь за северными оленями и дал Горн-Саунду это название, т.-е. «залива Рога», вследствие найденного им на этом месте оленьего рога. Еще в период с 1860 по 1868 г. охотники истребляли ежегодно средним числом от двух до трех тысяч этих животных, и Норденшельд, задаваясь вопросом, каким образом в оленьих стадах могла пополняться столь значительная ежегодная убыль,—приводит мнение (однако, не разделяя его) некоторых натуралистов, которые предполагают, что северный олень переходит сюда по сплошным льдам с Новой Земли. Впрочем, весьма вероятно, что количество этих животных уменьшилось с тех пор, как английские спортсмены приезжают сюда охотиться целыми партиями. Моржи почти совсем исчезли на юге Шпицбергена. В 1829 г. экипажи шестнадцати судов убили еще в сезон 130 моржей, что очень немного сравнительно с истреблением в прошлом столетии. Только на северных берегах архипелага можно еще встретить стада в тридцать, сорок моржей. Стаи птиц кружатся около пустынных скал, куда лиса не может пробраться для грабежа; но все эти птицы, принадлежащие к 27 или 28 различным видам, перелетные, за исключением белой куропатки, живущей здесь круглый год. Пресмыкающихся на Шпицбергене нет, и долго думали, что в соседних морях и рыба вовсе не живет; но в 1861 г. уже известно было более двадцати видов рыб. Мальмгрен нашел здесь только пятнадцать видов насекомых. Бабочек прямокрылых и жесткокрылых здесь не существует. На пляжах Шпицбергена, в снегах, тающих от соприкосновения с морской водою, живут мириады фосфоресцирующих ракообразных, похожих на голубые блестки, и когда идешь по берегу среди этих крохотных животных, прыгающих из стороны в сторону, то кажется, будто ступаешь по пламени[1].

Как и перелетные птицы, человек посещает Шпицберген только в летнее время. Впрочем, морякам, потерпевшим кораблекрушение, охотникам и ученым приходилось зимовать на его берегах, а Старостин, русский, прожив 23 года на западном берегу острова, в Грин-Гарбуре, гавани одной из бухт Ис-фьорда, умер здесь от старости, в 1826 г.; все развалины хижин, встречаемых на берегах этого архипелага, кто бы ни был их строителем, известны под названием «русских изб»; это как бы указывает на долгое пребывание нескольких русских рыболовов. В прошлом столетии Шпицберген гораздо чаще посещался, чем теперь: в то время крупные китообразные изобиловали в соседних морях, и множество китоловов, иногда в количестве 12-ти тысяч человек, приезжали ежегодно на промысел. По берегам, большею частью на мысах, существовали целые селения: временные рынки для торга между матросами разных нации происходили под открытым небом; иногда возникали и драки между рыболовами соперничающих и даже враждебных флотов. Лучшая из этих деревень, Смеренберг или Смеренбург, принадлежала, конечно, голландцам, самым многочисленным и самым деятельным рыбакам; тут у них были Амстердамские трактиры, и целый квартал —«Гарлемская Кухня»—был заселен вытопщиками жира[2]. В долгий период китовой ловли, с 1669 по 1778 г., 14.167 рыболовных голландских судов, разъезжавших главным образом по морям на западе и северо-западе от Шпицбергена, убили 57.590 китов и получили 92.775.000 франков дохода[3].

В 1878 году Смеренбургская гавань, лежащая в северо-западном углу большого острова, была посещена голландскою шкуною «Willem Barents», и экипаж её воздвигнул, от имени своей родины, памятник морякам, открывшим архипелаг, и тем из своих соотечественников,

1 Nordenskjold, письмо от 22 февраля 1873 г.

2 Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara".

3 Scoresby, „Account of the Arctic Regions and decription of the northern whale fishery".

которые здесь умерли. Эта часть Шпицбергена—его историческая область по преимуществу: здесь баски, ганзейцы, датчане и норвежцы имели свои главные рыболовные склады; к югу находится бухта Магдалины, исследованная натуралистами подробнее других мест; на северо-востоке лежит Фульбей—наиболее посещаемый порт; еще севернее—норвежские острова, где Сабин производил свои магнитные наблюдения, и это место сделалось исходным пунктом астрономических наблюдений, произведенных Норденшельдом и его сотрудниками. Этот пункт, или который-нибудь из соседних мысов, не был ли бы наиболее удобным местом для устройства одной из тех околополярных обсерваторий, которые Вейпрехт предлагал основать для обстоятельного и подробного изучения метеорологических колебаний в ледовитых областях? Предвидя в будущем основание такой станции, два правительства—шведское и русское—уже оспаривали друг у друга право на территориальное владение; но откуда бы ни были присланы инструменты—из Стокгольма или из С.-Петербурга,—это в сущности не важно, лишь бы только производились наблюдения. Устройство метеорологической станции на Шпицбергене было бы тем более полезно, что этот архипелаг, как кажется, лежит в точке соприкосновения американского и азиятского поясов ветров. Зимою сибирский полюс холода, летом такой же полюс американского ледовитого архипелага оказывают, повидимому, наибольшее влияние на климат Шпицбергена[1].

К северу от Шпицбергена твердой земли нет, по крайней мере до 83° широты: Парри доходил до 82°44', не заметив ни малейшего признака островов или материка по направлению к полюсу. Пустынность горизонта, где не было видно ни одной птицы, и отсутствие плавающих ледяных гор в морях, пройденных Парри,—ибо глыбы в 10—12 метров вышиною, видневшиеся на сплошном льду, нельзя было принять за грани ледников,—доказывают, что земель нет на обширных пространствах по направлению к полюсу, и натурально в этих именно областях океана, где еще ощутительно влияние теплых южных течений, многие мореплаватели пытались пробиться через сплошной лед, чтобы достигнуть северного полюса. Предание, не подтверждаемое, впрочем, никакими достоверными документами, гласит, будто в эпоху больших китобойных плаваний некоторым голландским рыболовам, например Корнелию Рулю, удалось проникнуть до 85° широты, т. е. быть в 5° от полюса; но Парри принужден был оставить свое судно в заливе Трейренберг, в небольшой бухте, которая до сих пор носит название самого судна, Гекла-Ковэ, и отправиться далее на север, взяв с собою лодки и сани. Путь его лежал по сплошным ледяным площадям, которые сталкивались между собою от действия ветров и течений, вздымались в виде груд, остроконечий и выступов всевозможных форм; было очень трудно подвигаться вперед; наконец, пришлось остановиться и вернуться к якорной стоянке; в то время как его упряжные животные с трудом подвигались к северу, вся сплошная ледяная масса, гонимая полярным течением, несла их к югу[2]. В 1872 и 1873 гг. один из отважнейших исследователей, Норденшельд, тоже пытался пробраться к северу, но безуспешно. До 80 градусов широты лед не настолько крепок, чтоб выдержать тяжесть саней, а дальше к северу он так неровен и растрескан, что подвигаться вперед не было почти никакой возможности: капитан Паландер иногда не мог сделать на санях и 800 метров в день[3].

К востоку от Шпицбергена, Ледовитое море не свободно от земель, как в северном направлении: с восточного берега этого острова, а также с островов Баренца и Станс-Форланда, в ясную погоду явственно видна, в расстоянии 120—140 километров, длинная цепь высоких гор одной, еще недавно таинственной, земли, которую мореплаватели описывали весьма разноречиво. Это—«Земля Вича», «Wiche's land». В 1617 г. английские китоловы впервые заметили ее и назвали так в честь купца Ричарда Вича (Wiche, Wyche или Wycke). Около двух с половиною столетий спустя, именно в 1864 г., ее снова видел другой англича-

1 A. Wiykander, „Zeitschrift der Oesterreichischen Gesellschaft fur Meteorologie“, 1876, № 10.

2 William Edw. Parry, „Narrative of an attempt to reach the North pole“.

3 Нансен проник до 86°15' с. ш.

нин[1]; а шесть лет спустя, Гейглин и Цейль, приметив тот же остров, с его блистающими снежными пиками, предположили, что он лежит севернее Земли Вича, и назвали открытую ими страну именем своего короля, Карла Вюртембергского. С своей стороны, и шведские ученые, тоже видевшие на восточной стороне одну из этих отдаленных гор, назвали ее «Шведским мысом». На картах, благодаря соперничеству наций и сбивчивым показаниям моряков, земля эта обозначалась очень неопределенно; до недавнего времени эти возвышенные берега, соседние с Шпицбергеном, принимались шведами за «Землю Гиллиса», замеченную голландским капитаном Корнелием Гиллисом, в 1707 г.[2]. Наконец, в 1872 году норвежец Альтман, благодаря отсутствию льдов, мог совершить плавание вдоль берегов Земли Вича; но, введенный в заблуждение формою мысов, которые далеко выдавались среди морского тумана, он принял ее за архипелаг; в том же году соотечественник его Ионсен убедился, что это один остров, длиною около 80 километров, покрытый на своих южных плоских берегах огромным количеством пловучего леса, который занимал пространство в несколько сотен метров в ширину. Третий норвежец, капитан Нильсен, в 1872 году, тоже посетил «Землю Вича», и с того времени она уже составляет достояние географии. «Шведский мыс», примеченный Норденшельдом, вероятно, есть не что иное, как её северная оконечность. Земля эта вообще низменна, хотя и есть на ней горы, возвышающиеся в виде массивов и цепей; с вершины горы, лежащей в северо-восточной части острова, Ионсен мог составить себе общее понятие об очертаниях острова и приметил, на западной стороне, самую высокую его гору, которую он назвал Гаарфегрегауген. Вновь открытый остров, как и Шпицберген, населен медведями, полярными лисицами и множеством северных оленей; из этого надо заключить, что растительность его, хотя состоящая только из лишаев и низкорослых трав, должна быть относительно обильна. Остров этот также участвует в общем поднятии суши, которое замечено учеными на берегах Шпицбергена: полусгнившие стволы принесенных волнами деревьев найдены были Ионсеном на высоте 6 метров над теперешним морским уровнем, что дает возможность судить о степени поднятия почвы за последнее время[3].

Что касается двух островов, виденных мореплавателями Андреасен (с корабля «Вега») и Иоганнесен (с корабля «Лена»), то они еще никем не были посещены.

Земля Гиллиса (Gillis-Land) была опять найдена в последнее время, к востоку от Северо-Восточной Земли, в том самом месте, где указывал Гиллис, и где она показана на карте Вандер-Кейлена, изданной, вероятно, в 1710 г.[4]. В 1864 г. норвежец Тобизен и его спутники видели ее на юго-востоке. но добраться до неё не могли. В этой области моря существуют еще и другие острова, ибо в 1614 году мореплаватель Баффин видел землю к северо-востоку от Шпицбергена. На картах географа Петерманна, который из своего кабинета в Готе так много способствовал обогащению наших сведений о полярных областях, Земля Гиллиса, как кажется, ошибочно обозначена в расстоянии около 200 километров к северо-востоку от наиболее выдающихся берегов Шпицбергена и как будто соединяется с недавно открытым архипелагом Франца-Иосифа. Впрочем, землю эту никто еще не посещал, и не известно, следует ли считать ее островом, архипелагом или просто мысом; во всяком случае существование её несомненно. Зимовавшие на севере Шпицбергена рыболовы видели, как весною стаи перелетных птиц тянулись оттуда на север и северо-восток, а в сентябре месяце снова возвращались. Неизвестный остров лежит как раз на пути этих перелетов. По словам моржебоев, промышляющих в водах Семи Островов, лежащих к северу от Шпицбергена, моржи и белые медведи, посещающие во множестве этот маленький архипелаг, приплывают туда с этой отдаленной земли[5].

---

1 Cl. Markham, „The Geographical Review", february, 1874.

2 Cl. Markham. „Journal of the Geographical Society", 1873.

3 La Tour de Pin, „Annales hydrographiques", 4-e trimestre 1874.

4 F. de Bas, „Het Doop Register van Spitzbergen, Tijdschrift van het aardr. Genoot. te Amsterdam", 1877. №3.

5 „Mittheilungen von Petermann", 1872, № 4.

С 1874 г. стало известно, что ледовитые моря Европы окружают сплошным льдом группу островов, еще более обширную, чем Шпицберген, но еще менее доступную, так как почти все они лежат к северу от 80° широты и имеют среднюю температуру по крайней мере в 10—

Шпицбергенъ. Фуль-Бей.

16 градусов ниже нуля: в морях к югу оттуда, средняя годовая температура, в 1873 г., по наблюдениям зимовавших там мореплавателей, равнялась 16°[1]. Этот негостеприимный архипе-

1 Julius Payer, „Expedition austro-hongroise au pole nord".

лаг называется «Землей Франца-Иосифа» (Franz Ioseph's Land). Честь его открытия принадлежит Австро-Венгрии, одной из морских наций, повидимому, мало заинтересованных непосредственно в исследовании полярных областей, и эти земли крайнего севера сделались бы австрийским владением, если бы суровость климата и отдаленность не лишали их всякого экономического значения. Не было экспедиции более знаменитой, чем экспедиция корабля «Tegetthoff», прославившая как экипаж, состоявший из итальянских и далматинских моряков, так и их мужественных начальников, Пайера и Вейпрехта. Правда, по их маршруту, им не было надобности держать курс в те области моря, где находится открытая ими земля, и они были увлечены туда течениями вместе с державшим их корабль ледяным островом; но впродолжении своего двухлетнего плена в ледовитых морях они не ограничивались, подобно многим другим мореплавателям, борьбой с враждебною природою, они съумели выведать многие её тайны, и Вейпрехт привез оттуда свою драгоценную книгу о «Метаморфозах полярного льда».

Отправившись с целью объехать вокруг Старого Света по северным морям Сибири и возвратиться через Берингов пролив, смелые путешественники были окружены льдами; наконец, им удалось пристать к небольшому острову, который, под впечатлением радости, охватившей их при вступлении на твердую землю, был назван ими островом Вильчека, в честь главного деятеля в снаряжении экспедиции. С острова виднелись, по направлению к северу, обширные земли с горами и ледниками. Пайер воспользовался немногими неделями, оставшимися до обратного плавания: он проехал с юга на север большую часть архипелага, ознакомился с главными географическими чертами и произвел много подробных исследований.

«Зунд Австрия», пролив неправильной формы, разветвляющийся в обе стороны в виде фьордов, проходит от юга к северу между двумя большими островами: на западе—Землею Зичи, на востоке—Землею Вильчека, называющейся одним именем с южным островом этой группы[2]. По всему зунду разбросано множество островов, носящих разные патриотические названия и имена геологов и географов; с высоты одного крутого мыса, на самом крайнем из этих островов, Пайер и его товарищи увидели, на отдаленном краю свободного от льда моря, гористые очертания двух других земель: на западе—Земли Короля Оскара, на севере—Петерманна; лучшего названия, как последнее, нельзя было и придумать для обозначения ближайшей к полюсу европейской земли, из известных нам до сих пор: она простирается на север далее 83 градуса широты.

В 1879 г. голландский корабль «Willem Barents» опознал один из южных мысов архипелага, мыс Баренца, а в следующем году англичанин Ли Смит (Leigh Smith) обследовал всю западную область Земли Франца-Иосифа, вокруг одной совершенно прикрытой гавани, которую он назвал Eira Harbour, по имени своего судна. Открытия Ли Смита показали, что архипелаг Франца-Иосифа по величине равен архипелагу Шпицберген[3].

Все горы Земли Франца-Иосифа почти одинаковой высоты с горами Шпицбергена: средняя высота их колеблется между 600 и 900 метрами. Гора Рихтгофен, на юге Земли Зичи, как кажется,—самая высокая вершина: она достигает 1.530 метров, т. е. на 150 метров выше Горн-Саунда на Шпицбергене. Вообще горы архипелага Франца-Иосифа не представляют неприступных вершин и пиков; их верхние хребты имеют форму «столов» и тем придают стране своеобразную физиономию; они более похожи на отрывки плоскогорий, чем на горы. Преобладающая горная порода—шпицбергенский гиперит; местами встречаются также базальтовые колонны: члены австро-венгерской экспедиции похоронили своего умершего товарища среди естественного перистиля одного из этих колоссальных монументов из лавы. Похожая на Шпицберген по своим вулканическим горным породам, Земля Франца-Иосифа напоминает его также и в отношении поднятия почвы: на берегах Австрийского зунда местами видны прежние морские берега, усеянные раковинами и идущие параллельно над морем, точно гипсометрические кривые. Кроме вулканических горных пород, указывающих на

2 Между землей Зичи и землей Вильчека лежит земля кронпринца Рудольфа.

3 „Petermann's Mittheilungen“. 1880, № XII.

общность происхождения с большим западным архипелагом, исследователи нашли здесь и третичные песчаники, заключающие пласты лигнита незначительной мощности: но в подобной стране трудно делать геологические изыскания. Часто даже невозможно определить естественного цвета окружающих горных пород; не только горизонтальные поверхности и пологие скаты покрыты снегом и льдом, но даже крутые откосы обледенели, вследствие обильной влажности воздуха, которая сгущается от соприкосновения с гладкой поверхностью скал: «симметрические ряды гор»,—говорит Пайер,—словно инкрустированы сахаром»; острова тоже совершенно покрыты ледяной корой. Все промежутки между вершинами, все углубления, даже большая часть выдающихся покатостей наполнены ледниками, из коих некоторые имеют в ширину более 20 километров и возвышаются над морем на 30-60 метров; на западной стороне Земли Вильчека находится глетчер Дове, лед котораго, отделяя при каждом морском отливе огромные глыбы, тянется, в виде вогнутого полумесяца, на протяжении более 30 километров. Ледники Земли Франца-Иосифа отличаются от альпийских обширностью своих фирновых полей, сероватым или зеленоватым оттенком льда, крупным размером зерен, более значительною толщиною ежегодных слоев, редким присутствием трещин, слабым развитием морен и медленностью движения.

Растительность этих земель, где летняя теплота образует лишь узкия проталины в сплошном покрове снегов и льдов, разумеется, крайне скудная, так что флора Шпицбергена, сравнительно с «лугами» Земли Франца-Иосифа, может показаться роскошной. Несколько злаков, камнеломки, Silene acaulis, мхи и лишаи составляют все растительное богатство страны. Северного оленя Пайер здесь не видал: конечно, ему нечем бы было и питаться на этих пустынных островах; но в северных областях архипелага, около «свободного моря», повсюду заметны были следы медведя, зайца и лисицы, а на льду лежало множество тюленей. На пустынных скалах, так же, как на берегах Фарерских островов, Исландии и Шпицбергена, живет огромное количество пингвинов и других птиц: при появлении человека самцы черными тучами поднимаются в воздухе, производя крыльями оглушительный шум[1]. Отчего происходит это более значительное развитие животной жизни в северных частях архипелага? Умеренность температуры, которую Напер нашел здесь, свободное море, расстилавшееся перед ним на далекое пространство, были ли явлением временным, или же они зависят от более благоприятного климата в этой части острова? Быть может, сравнительно с южными областями этого архипелага, воды в этих местах глубже и доступнее течениям открытого моря. Между Шпицбергеном, Землей Франца-Иосифа и Новой Землей нигде глубина не превышает 500 метров: дно повсюду плоское и образует небольшую впадину лишь на востоке от порога у Земли Вильчека, в сибирских водах[2].

Глава VIII Европейская Россия.

I. Общий обзор.

Вся восточная Европа, более половины континента, составляет одно государство—Россию. Кроме этого огромного протяжения (4.242.697,2 квадр. верст), представляющего поверхность, в десять раз превосходящую площадь Франции, в состав Российской империи входит еще более трети Азии. В совокупности вся территория, подвластная русскому скипетру, составляет 18.990.735 кв. верст, то-есть немногим менее одной шестой части континентальных пространств; к этому можно бы было еще причислить несколько стран, которые, не

1 J. Payer, „Die Oesterreich.-Ungar. Nordpol Expedition in den Jahren 1872—1874“.—„Mittheilungen von Hetermann“. VI, 1876, etc.—„Annales hydrographiques”, 4-e trimestre, 1876.

2 Karl Weyprecht, „Die Metamorphosen des Polareises”.

принадлежа оффициально России, находятся, однако, под её непосредственным влиянием. Правда, весьма большая часть обширной империи необитаема или даже неудобна для жительства: пропорционально своему протяжению, Россия Европейская и Азиатская в два раза менее населена, чем остальной свет, которого она составляет столь значительную часть; она имеет в настоящее время около 129 миллионов жителей, что составит около пятнадцатой доли всего приблизительно определяемого числа людей на земном шаре.

Следующая таблица содержит точные цифры пространства и народонаселения Российской империи [пространство показано без значительных внутренних вод и население—по предварительному подсчету результатов первой всеобщей переписи, исполненной 28 января 1897 г.][1]:

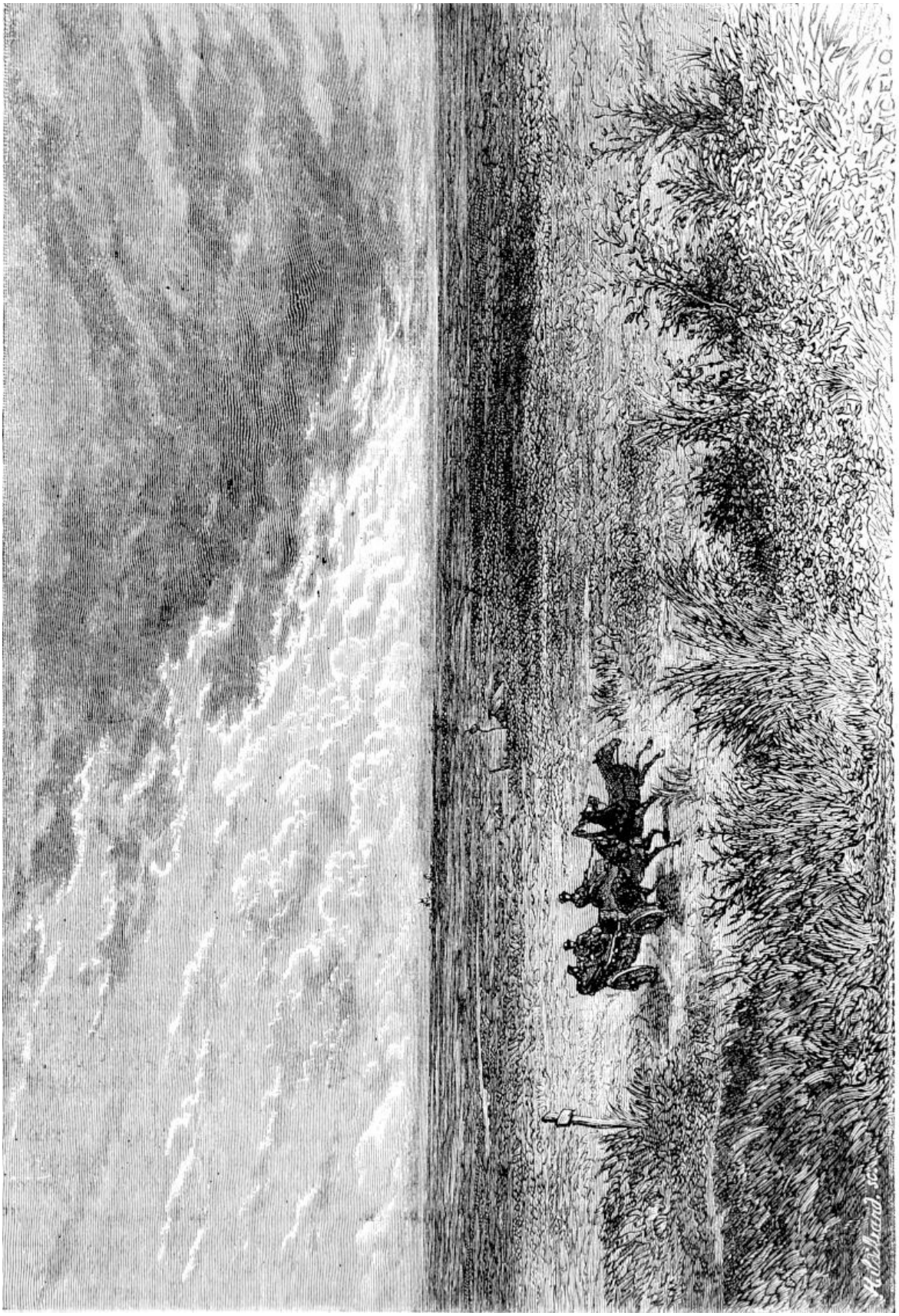
	Пространство кв. верст.	Население, душ.	Население на 1 кв. версту
Европейская Россия	4.242.697,3	94.215.415	22,2
Царство Польское	111.554,2	9.455.943	84,6
Кавказ	411.324,6	9.248.695	23,6
Сибирь	10.922.479,7	5.727.090	0,5
Средняя Азия, степные области	1.946.838,2	3.415.174	1,6
Туркестан и Закаспийская область	3.016.628,2	7.721.684	2,5
Русское население, подлеж. переписи в Финляндии		14.018	
Русские колонии в Бухаре		12.150	
Русские подданные в Хиве		3.937	
В загран. плавании на военных судах		12.804	
Итого, по переписи 1897 г		126.411.736	
Великое княжество Финляндское	286.051,4	2.537.801	8,8
Общий итог	18.990.735.4	128.939.537	6,8

Истинная Россия состоит в действительности только из части территориальной Европейской России, именно той части, где население достаточно густо, чтобы образовать сплоченное тело нации,—той, где сконцентрированы значительные рессурсы в людях и богатствах и которая дает совокупности государства его наступательную и оборонительную силу. Эта область, занимающая по пространству около половины русских владений по сю сторону Уральского хребта, ограничена на севере и востоке приблизительно течением Волги; на юге границу её составляют степи, прилегающие к Черному морю, тогда как на западе она простирается до пределов Румынии, Буковины, Галиции и присоединила к себе Польшу; на северо-западе она идет через балтийские провинции до берегов Финского залива и устья Невы. Остальная часть империи, то-есть около семи восьмых всей русской территории, не дает еще государству того приращения силы, которое, повидимому, должно бы вытекать из громадности страны; эта часть скорее составляет для него источник слабости, так как правительство должно содержать армии солдат и чиновников во всех этих странах, удаленных от центра, прокладывать там пути сообщения, сооружать станции, военные посты и укрепления.

С географической точки зрения Россия резко отличается от остальной Европы: она однообразна, тогда как западные страны, напротив, разнообразны по характеру местности. Во всем громадном протяжении, от обледенелых берегов Белого моря до степей, прилегающих к Черному морю, она представляет поразительное сходство наружного вида. Известно, что, между всеми частями земного шара, Европа в собственном смысле, которую уже Страбон охарактеризовал «хорошо расчлененной», отличается развитием своих берегов, разнообразием своих очертаний, относительной важностью своих полуостровов; море здесь со всех сторон вдается в сушу глубокими заливами, морской воздух переносится малейшим ветерком к горам внутренней части материка. Западная Европа кажется живой, одушевленной, она как будто волнуется на карте: видно, что она должна быть населена народами, тоже полными жизни и непрестанно обновляющимися, благодаря постоянному обмену от полуострова до

1 „Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.", вып. I, изд. Центр. Статист. Комитета, С.-Петербург, 1898 г.

полуострова и от одного морского ската до другого. Напротив, восточная Европа, то-есть Россия, представляет неправильный, грубо очерченный четыреугольник, более массивный, чем Азия, по совокупности его контуров, и этот контраст существует не только во внешних



Приднѣпровская степь.

очертаниях,—противоположность обнаруживается также во всем рельефе страны. К западу от России европейский континент являет изумительное разнообразие местности—сплошные возвышенности, горные цепи, холмы, долины и равнины; во внутренности главного ствола и

каждой из ветвей, полуостровов и островов, поднимается ясно обозначенный хребет страны, как бы конек кровли; явственно сформированные покатости спускаются к каждому морю. В сравнении с этими странами с неровным рельефом, состоящим из возвышений и углублений почвы, Россия представляется большой равниной; в ней, правда, встречаются плато, возвышенности в несколько сот футов, но эти высоты едва прерывают однообразие обширных пространств: можно проехать всю Россию из конца в конец, от одного моря до другого, не покидая низменных равнин, которые кажутся столь же гладкими, как поверхность океана.

На востоке и юго-востоке Европейская Россия сливается с Азией, и обыкновенно даже не знают в точности, где провести раздельную линию. Смотря по важности, приписываемой той или другой черте земной поверхности, географы различно проводят эту линию границ между двумя континентами. Без сомнения, следы, оставленные древними, ныне исчезнувшими морями, обозначают, как естественную границу, ясно определившуюся Понто-Каспийскую впадину, где текут воды двух Манычей, и низменные равнины, которые некогда были наполнены, на юге и на востоке от Уральского хребта, водами проливов, соединявших Каспийское и Аральское моря с Обской губой; но в течение новейших периодов жизни нашей планеты рельеф почвы постепенно изменился, и теперь граница между Европой и Азией может быть лишь линией идеальной или чисто условной. Таким образом с восточной стороны, в особенности там, где открывается большая брешь между Каспийским морем и полуденными предгорьями Уральского хребта, Россия не имеет определенных границ: она и теперь еще является в известной мере тем же, чем была во времена древних греков,—однообразной страной, сливающейся вдали с неведомыми пустынями. До тех пор, пока движение всемирной истории имело театром лишь узкие бассейны, небольшие острова или полуострова, даже во все то время, пока цивилизованное человечество было сгруппировано по берегам внутреннего или Средиземного моря,—область, известная ныне под именем России, естественно должна была оставаться особым миром без определенных очертаний и границ. Она могла, наконец, приобрести свою роль и мало-по-малу с точностью определить свои контуры только в новейшие времена, благодаря тому, что все берега Старого Света сделались достоянием или подпали влиянию цивилизованных народов Европы.

Горизонтальность русской почвы не ограничивается поверхностью земли: она продолжается и на глубине, как в этом убедились геологи, исследуя посредством бурения подземные пласты. Вместо того, чтобы приподниматься и сгибаться на разные лады, образуя всевозможные разновидности почвы, которые отражаются в контрастах растительности и культур, лежащие пластами одна на другой горные породы восточно-европейской низменности сохраняют между собой правильную параллельность на огромных протяжениях, а разложение их дает одного и того же рода и качества растительную почву, покрытую одними и теми же видами растений. За гранитными и гнейсовыми скалами, образующими континентальный свод Скандинавского полуострова и которые занимают, переходя далеко за пределы Финляндии, все пространство, заключающееся между Белым морем и бассейном Невы, следуют на юге и востоке, до самого сердца центральной Азии, палеозойские (древнейшие) и каменноугольные геологические образования; затем пласты нового красного песчаника, заключающие, между прочим, пермские формации (получившие это название от обширной Пермской губернии), простираются до основания Уральских гор, между Прикаспийскими степями и берегами Ледовитого океана. Юрские пласты тянутся на юге по окраинам пермских площадей и покрывают их в середине, образуя неправильный треугольник, который постепенно съужпвается от тундр крайнего севера до берегов Волги. Далее на юге формации меловые, третичные, новейшие отложились вокруг гранитной плоской возвышенности или Каменной гряды, которая пересекает наискось область полуденных степей. В сравнении с этими, почти горизонтальными геологическими слоями, чуть приподнятыми там и сям в форме отлогих волнообразных возвышений почвы и простирающимися, без изменения наружного вида или внутреннего строения, на пространствах нескольких сотен тысяч квадратных верст, какое бесконечное разнообразие представляют все микрокосмы западной Европы, Тироль и Швейцария, Германия, Франция, Италии, Пиренейский полуостров, Ве-

ликобритания! Низменность, соединяющая Черное море с Балтийским посредством бассейна Днепра и бассейна Одера, разделяет два геологических мира: по обе стороны этой впадины все различно—форма очертаний, выступы рельефа поверхности, сгиб напластований. На западе почва свидетельствует о частых и сложных геологических переворотах: на востоке она, напротив, рассказывает лишь о медленных и правильных колебаниях или изменениях уровня. Между тем как западная Европа приподнималась в виде горных цепей и разрывалась на глубокия долины, пространства по Днепру и Волге сохраняли почти неизменным свой уровень над поверхностью морских вод[1].

По характеру поверхностной части почвы, Россия делится на две большие совершенно различные области: область, где движущиеся льды оставили следы прохождения, и область, где не встречаются ни эрратические камни, ни глетчерные глины. Вся северная Россия, за исключением равнин, простирающихся у основания Уральского хребта, находилась, в течение ледяного периода, под влиянием масс кристаллизованной воды, которые из Скандинавии и Финляндии двигались к западу, югу и востоку, рассеиваясь на пространстве от Шотландии до Польши и от Польши до берегов Карского моря, в пределах огромного круга, имеющего около 4.000 верст в окружности. Прежде допускали, как очень вероятную гипотезу, что эрратические камни этой области были перенесены по морю пловучими льдами, но эта теория должна быть окончательно оставлена, как не подтвержденная фактами. В самом деле, нигде морские остатки не сопровождают эрратических камней, тогда как часто находят, вместе с этими наносными почвами, кости пресноводных млекопитающих и пресноводные раковины[2]. В течение ледяной эпохи вся северная Россия представляла страну подобную шведским скатам скандинавского хребта Кьелен, где ледяные реки, попеременно то выступая из берегов, то отодвигаясь вглубь долин, простираются по хаотическим пространствам, где морены и скалы перемешаны в полнейшем беспорядке с озерами и торфяными болотами. Перенесение льдов и находившихся на них обломков скал производилось большею частию этими озерами, которые бесконечным лабиринтом покрывали почти всю страну, и большинство которых с той эпохи превратилось в твердую землю.

Очень похожая на северную Россию по незначительным возвышениям и углублениям своей территории, по ровному характеру местности, южная Россия явственно отличается от неё по геологической истории; так же, как по свойству почвы и по растительности. К югу от Тулы, Рязани, Казани мы не встречаем более эрратических камней: те, которые Мурчисон видел близ Воронежа и которые были приняты им за обломки скал, принесенные северными льдами, рассматриваются русскими геологами как камни местного происхождения[3]. Вообще, где начинается южная черноземная полоса, там прекращаются и следы древних ледников; точная линия разграничивает низменные области, усеянные озерами, болотами, торфяниками, эрратическими камнями, и территорию, где уже в течение длинных геологических периодов образуется особая растительная земля (чернозем), происходящая от разложения травяного покрова степей. В отношении растительности эти две области представляют совершенный контраст. В северной России преобладающие породы дерев—ель и сосна, тогда как в южной черноземной полосе характеристическое растение—серебристый ковыль, скромный злак, к которому присоединяется много других трав с таким же наружным видом. Большое число растений, принадлежащих южной растительной области, останавливается перед границами области эрратических камней, словно перед огненным барьером, хотя они могут очень хорошо произрастать в северном климате и хотя их с успехом разводят в садах вокруг Москвы и Петербурга. Рубчатость почвы, которая, однако, успела уже отчасти осушиться со времени ледяного периода, не есть ли причина, задерживавшая эти полуденные растения в их поступательном движении к северу[4]?

1 Archibald Geikie, „Proceedings of the Geographical Society", 1879, № VI.
2 Барбот-де-Марни, „Горный Журнал", № 12, за 1875 г.
3 Мурчисон, де-Вернейль и Кейзерлинг, „Geology of Russia and the Ural Mountains".
4 Акад. Рупрехт, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome VII, 1865.

Та часть Российской империи, где долго держались льды, то-есть Финляндия и смежные с нею равнины, остается до сих пор покрытой озерами; во многих местностях этой озерной области, площади стоячих вод еще более многочисленны, чем в Швеции; обсохшая страна, так сказать, состоит лишь из перешейков и узких мысов: все впадины и простые углубления почвы наполнены водой: ледяной период сменился периодом озерным[1]. В этой-то территории, частию затопленной, находятся самые обширные, хотя и не самые глубокия, пресноводные озера европейского континента—Ладожское, Онежское, Сайма. Вне этой северо-западной области озерные бассейны встречаются еще там и сям; но, имея гораздо менее значительные размеры, эти бассейны по большей части превратились уже в моховые или торфяные болота. Со времени исчезновения льдов землистые частицы, приносимые реками, а с другой стороны—мхи, постепенно завладевающие водными площадями, успели уже наполнить почти все впадины озер, что было сделать тем легче, что геологические формации этих стран России не отличаются такой твердостью, как граниты Финляндии. Таким образом внутренния моря, как, например, то, которое некогда простиралось там, где в наши дни находятся болота по реке Припеть, мало-по-малу исчезли. Повсюду в стране мы видим явления, свидетельствующие о последовательных изменениях поверхности: в одних местах озера только уменьшились в окружности, охваченные целыми лесами тростника и камыша и болотистыми берегами; в других местах на древнее существование их указывают только небольшие резервуары стоячей воды, в роде колодцев, называемые «окошками» и окруженные мхом; иные озера, превратившиеся в торфяные болота, уже обрамлены по краям лугами, которые постоянно расширяются, захватывая новые части озерных бассейнов; даже леса во многих местах подвигаются мало-по-малу на завоевание бывших озер, посредством приземистых, кривых берез и сосен, которые отваживаются укореняться в болотистой почве и постепенно осушают ее.

Соответственно уменьшению и даже полному исчезновению озер, русские реки приобрели большую относительную важность в географии страны. За исключением рек Финляндии, а также Невы и Наровы, все большие потоки русской территории опорожнили прежде существовавшие озера своего бассейна и, так сказать, выработали свою речную индивидуальность. Благодаря обширному протяжению земель, которые они должны пройти прежде, чем достигнуть моря, эти реки, усиливаемые по пути множеством притоков, катят значительную массу жидкой стихии, и эта масса кажется тем больше, чем течение её менее быстро: известно, что везде, где наклон почвы очень мал, вода широко разливается в своем ложе. Россия имеет огромные реки, между которыми первое место занимает Волга, превосходящая по длине все другие потоки Европы; но было бы ошибочно сказать, как это часто повторяют, что Волга превосходит их также и обилием своих вод: в этом отношении она уступает Дунаю, который питают Альпы, Шварцвальд, Богемские горы и Карпаты. Дожди несравненно менее обильны в России, чем в западной Европе, омываемой со всех сторон водами моря; средним числом можно принять, что общее количество дождевой воды, выпадающее впродолжении всего года, составляет слой не более полметра толщиною; кроме того, в нижнем своем течении, большие реки, спускающиеся к морям Черному, Азовскому и Каспийскому, проходят через области с почвой сухой и бесплодной, очень скудно орошаемой, безлесной, подверженной палящему зною солнца и неистовому разгулу ветров; испарение весьма сильно в этой полосе, и многие степные речки до капли выпиваются почвой и воздухом, прежде чем успеют добраться до русла главной реки, которая должна бы была нести их воду в море. В десять раз превосходя Францию пространством, Россия, вероятно, не превосходит эту страну и в три раза по объему текущей воды. Притом вода длиннейшей из русских рек, Волги, теряется в бассейне Каспийского моря, где она вся испаряется, не повышая нисколько уровня этого внутреннего моря, с давнего времени разобщенного с океаном.

Большие реки России, которые все берут свое начало в местностях, мало возвышающихся над уровнем моря, не отделены одна от другой трудно переходимыми горными высями;

1 Pierre Kropotkin, „Notes manuscrites".

истинными препятствиями в беспредельных пространствах русской равнины были не водораздельные высоты, а болота, тундры, дремучие леса, обширные пустыни; сами реки, облегчая сообщения от верховья к низовьям, часто задерживали вражеские нашествия и мирные торговые сношения от одного берега к другому, тогда как между речными бассейнами путешествия и обмен товаров производились без затруднения. При том же большая часть важнейших русских рек, в том числе и главная из них, Волга, переплетают свои истоки в обширный лабиринт; они соединяются болотами, где могли бы проходить барки во время разлива вод от продолжительных дождей: через посредство многочисленных притоков каждой большой реки легко устроить почти непрерывные линии судоходства между морями, омывающими Россию: уже Петр Великий устройством Вышневолоцкого канала открыл невским судам дорогу к Каспийскому морю. Но пока не существовало этих соединительных каналов и пока хорошие торговые дороги, обходящие болота и перерезывающие леса, не выровняли, так сказать, почву во всех направлениях, до тех пор пороги или водоразделы между судоходными реками служили естественными путями для экспедиций военных и торговых. Подобно тому, как ныне в каменистых равнинах Новой Британии и в льяносах Южной Америки, встарину и в России водоразделы были обычными местами перехода, где племена при своих передвижениях и торговые люди при перевозке товаров, чтобы попасть из одной реки в другую, перетаскивали суда, почему такия места и получили название волоков. Таким образом водораздельные возвышенности, несмотря на их маловажность для рельефа почвы, приобрели значительную историческую роль; они естественно были избираемы как границы между населениями, занимавшими земли каждого ската. Вся северо-восточная область России, некогда платившая дань Новгородской республике, носила название «Заволоцкой Чуди», то-есть «земель чуди по ту сторону волоков». Еще и в наши дни волоки почитаются священными местами, подобно некоторым горным проходам в Пиренеях, и на многих из них прохожие считают долгом набрасывать в кучку ветки деревьев, траву или камни[1].

Однообразная по виду своих обширных равнин, по правильности своих геологических формаций, по огромному протяжению своих речных бассейнов, Россия однообразна также и по климату: от севера к югу и от юга к северу атмосферные течения распространяются в ней быстро, нигде не встречая препятствий. Когда дуют резкие полярные ветры, они пробегают всю Россию и поднимают на Черном море те страшные бури, за которые оно получило свое первое прозвище «негостеприимного моря»; когда господствуют экваториальные воздушные токи, влияние их ощутительно на всем пространстве русской равнины до подножия Уральских гор и до берегов арктических морей. Без сомнения, различия климата весьма значительны по направлению от севера к югу, так как Европейская Россия, не считая даже островов Ледовитого океана и Кавказского края, занимает часть поверхности земного шара, измеряемую 26 градусами географической широты; от одной до другой окраины этой громадной территории нормальная разница климата так велика, что средняя температура лета (+2°) на северных берегах, у Карских ворот, ниже средней температуры зимы (+2°,25) на берегах Черного моря, в Севастополе. Однако, от холодного пояса до умеренного переход совершается нечувствительно, и подобно тому, как водяные волны распространяются с большой правильностью по морскому дну без выступов, так и волны воздушные пробегают Россию во всех направлениях, не уклоняясь в сторону и не делая круговоротов.

По своему общему режиму, климат России, в сравнении с климатом приморской западной Европы, является существенно континентальным, то-есть неравномерным, отличающимся крайностями температуры в разные времена года: по зимним холодам, по летним жарам Россия может быть названа уже страной азиатской. Москва, центральный город Европейской России, лежит почти под той же широтой, как Копенгаген и Эдинбург; но средняя зимняя температура, которая в столице Шотландии равна +2°,8, а в столице Дании—0°,5, в древней русской столице составляет уже 10 градусов ниже точки замерзания. Зато средняя летняя температура, которая в Эдинбурге не доходит даже до 15 градусов, а в Копенгагене

1 Максимов, „Древняя и Новая Россия“, 1876 г., № 5.

едва превышает 17, достигает в Москве почти 18 градусов; что касается месячных и суточных разностей между зимним холодом и летним теплом, то они еще гораздо значительнее. Но если привести все колебания к общей средней температуре всего года, то оказывается, что климат Москвы, так же, как и климат всей России, на 4 или 5 градусов холоднее, чем климат стран западной Европы, лежащих под той же географической широтою: в то время, как океанические области европейского континента, Пиренейский полуостров, Франция, Британские острова, находятся преимущественно под влиянием ветров западных и юго-западных, которые суть не что иное, как противотечения пассатов, Россия подвержена главным образом действию полярных ветров. Когда западно-европейцы в обыкновенной речи дают России название «северной страны», хотя она занимает восточную часть континента, то это выражение не совсем ошибочно, так как климатические условия, так сказать, перемещают Россию на несколько градусов по направлению к полюсу. Месяц январь имеет в Одессе и Таганроге такую же среднюю температуру, как и в Христиании, которая лежит почти на 1.500 километров севернее этих городов.

Средние температуры в разных городах России[1]:

	Широта	Долгота	Самый теплый мес. Июль.	Самый холодный мес. Январь.	Средн. годовая
Архангельск	64°32'	40°33'	16°78	-13°41	0°38
Гельсингфорс	60°10'	24°58'	17°11	-7°21	4°02
Петербург	59°50'	30°19'	17°33	-8°97	3°75
Юрьев	58°23'	26°43'	17°59	-8°22	4°24
Кострома	57°46'	40°56'	19°54	-13°65	3°25
Екатеринбург	56°19'	60°35'	17°36	-16°34	0°43
Казань	55°48'	49°26'	20°32	-13°59	2°89
Луганский завод	48°35'	39°10'	23°11	-9°05	7°72
Одесса	46°28'	23°46'	22°63	-4°93	9°11

Растительность, которую мы последовательно встречаем, проезжая русскую территорию по направлению меридиана, также может служить к определению климата, делает его, так сказать, видимым и разграничивает его поясы. На крайнем севере, по берегам Ледовитого океана, тянутся на огромных пространствах болота, голые земли, где растут только олений мох (ягель), лишаи, да кое-где приземистые, кривые деревца или кустарники, менее высокие, чем иные травы на лугах: это—пояс тундры, обширной, сырой и мерзлой пустыни. К югу от тундры начинается область низких лесов: береза, лиственница, ель, пихта, растут там довольно сильно и достигают уже настолько значительных размеров, что заслуживают названия деревьев. Еще далее в южном направлении леса покрывают почти всю страну и состоят из великолепных стволов, преимущественно из берез и хвойных дерев разных пород: там и сям в лесных прогалинах или росчистях попадаются уже пашни. Область лесов с опадающими листьями, обнимающая наибольшую часть центральной России, есть вместе с тем область самого деятельного земледелия, область, где сеют преимущественно рожь, лен, коноплю, главные земледельческие продукты России. Черноземная почва, занимающая широкую полосу территории, от долины Днепра до основания Уральского хребта, составляет область пшеницы, фруктовых деревьев, высоких трав, тогда как к югу от степей низины долин, побережье Черного моря, Крым и Бессарабия образуют последний пояс—пояс кукурузы и винограда. Контраст между степью и лесом очень резок; но везде в других местах общий вид страны отличается большим однообразием, особенно зимой, когда снежные поля расстилаются на необозримое пространство, когда ветви, почти черные, елей гнутся под тяжестью пирамидальных масс насевшего на них снега, а нежные ветки берез облеплены пушистыми белыми хлопьями. Даже летом, вдали от больших лесов, возделанная равнина сохраняет свой монотонный вид: она представляется взору одним непрерывным полем, продолжающимся до бесконечности; только изредка кое-где увидишь живые изгороди, купы зелени, уединенные хутора, обсаженные группой деревьев и окруженные садом. Путешествен-

1 Акад. Вильд, „Die Temperaturverhaltnisse des Russischen Reiches".

ник пожирает пространство, сидя в экипаже, запряженном быстрыми конями, но вокруг него пейзаж не изменяется; только от времени до времени показываются вдали на горизонте куполы сельских церквей с позлащенными крестами.

Вековые изменения не могли не обнаружиться в соответственных границах поясов растительности: следы ледяного периода еще достаточно заметны, чтобы свидетельствовать о колебаниях климата. Однако, в течение исторической эпохи эти явления, как кажется, были весьма незначительны. Достоверно известно, что с шестнадцатого столетия климат нисколько не изменился в прибалтийских губерниях, из чего можно заключить, что он сохранился также без больших перемен и в других областях России. На Западной Двине средним днем вскрытия реки за сорокалетний период шестнадцатого века было 9 апреля; в течение девяносто одного года восемнадцатого столетия он приходился на 7 число, а впродолжении пятидесяти четырех лет настоящего столетия на 8 число того же месяца. Точно также средние дни вскрытия Северной Двины у Архангельска и Днепра у Киева остались поныне почти совершенно те же, как были в старину[1]. Изменения климата, имевшие место со времени поселения человека в стране, были произведены не природой, а самими жителями, которые, истребляя леса во многих местностях России, тем самым были причиной того, что почва на оголенных пространствах высохла, источники иссякли, ветры получили больше простора и стали дуть с большей силой, холода и жары сделались сильнее и нестерпимее.

Соединенная с Азией, благодаря осушению древних морей, и сходная по климату с восточным континентом, Европейская Россия имеет во многих отношениях азиатский характер, точно так же, как Сибирь отчасти принадлежит к европейскому миру. Так, в отношении растительного царства, Северцов находит, что граница Европы не на Урале, ни даже в долине Оби, а в долине Енисея. Подобным же образом области, занимаемые различными видами животных, переходят за естественные границы континентов. Наконец, и населения перемешиваются и проникают из Европы в Азию и из Азии в Европу. Каково бы ни было их первоначальное происхождение и отечество, арийские славяне различных наречий, которые занимают сплоченными массами наибольшую часть России, представляют европейский элемент; но сколько рас чисто азиатских по наружности, нравам и языку живут еще на русской территории, или особняком, или рассеянные маленькими народцами, родами или семьями посреди славян! В то время, как славяне, опирающиеся на западных европейцев, от которых никакие естественные преграды не отделяют их, между Балтийским морем и Карпатами, прочно группировались в расу, господствующую во всей центральной России, азиатские племена проникали главным образом через северные проходы Уральского хребта и через широкое пространство, открытое между этими горами и берегами Каспийского моря. На севере самоеды, зыряне, лопари, следуя по равнинам, прилегающим к Ледовитому океану, одни населяют огромные пространства, а последние из них, лопари, проникли даже в глубь Скандинавии. На юге азиатские орды могли продолжать свой путь в Европу через прибрежные степи Каспийского и Черного морей, и часто эти дикия орды были достаточно многочисленны и могущественны, чтобы совершенно отделить славян от всякого сообщения с Средиземным морем. России в те времена грозила опасность сделаться этнографически простой областью азиатского континента. Дважды она исчезала из истории: в первый раз—после падения Западной Римской империи; во второй—после нашествия монголов: эти азиатские народы, устремляясь на Европу, прерывали связь, соединявшую равнины Днепра и Волги с западными странами европейского континента. Каждый раз западно-европейцам приходилось, так сказать, делать новое открытие России. Генуэзцы отыскивали забытые дороги к Черному морю и вновь отстроили в Крыму и на берегах Азовского моря и Дона города древних греков; а впоследствии на берегах крайнего севера английские мореплаватели Ченселлор, Борро, Дженкинсон снова завязали непосредственные торговые сношения между Московским государством и западной Европой через моря Белое и Норвежское.

1 Воейков, „Meteorologie in Russland“, „Russische Revue“, IV, № 8.

Этнографическая карта России, особенно в восточной её части, по ныне сохраняет многочисленные следы переворотов, которые произошли в распределении рас и племен до той эпохи, когда, наконец, великоруссы приобрели преобладающее значение в стране. Почти тотчас же на востоке от слияния Волги и Оки рассеяны, более или менее значительными этнографическими островами, народности неславянские—урало-финские к северу, монголо-тюркские к югу. В западной полосе России другие финны, на севере тавасты (ям) и карелы, на юге эсты и ингры (ижора), занимают даже побережье того залива, где основалась столица империи. К югу от эстов и ливов простирается область другой национальности, арийской и родственной славянам, но тем не менее совершенно отличной от них, именно литовско-латышской. Наконец, на юге, по берегам Черного моря, татары населяют отчасти Крым, тогда как румыны (молдаване и валахи), латинизованные даки, занимают юго-западную часть России, между Прутом и Днестром, по обоим берегам этой последней реки и даже в некоторых местах до южного Буга. Кроме того, евреи основали свои торговые колонии во всех западных городах государства. Английский писатель Латам[1] дает России название «империи сорока четырех народов»[2].

Однако вся центральная область, заключающаяся между берегами Волги и Оки, большими озерами на севере, Черным морем на юге, населена славянами, которые выдвинулись на западе сплоченной массой, между литовско-латышским населением берегов Немана и молдаванами Бессарабии, далеко за черту границ Российской империи. Те из славян, которые образуют русскую семью и составляют самую многочисленную часть славянства, делятся, в свою очередь, на три группы, которые могут быть рассматриваемы как различные народности: белоруссы, жители покрытых лесами равнин, которые простираются от левого берега Западной Двины до Пинских болот; малороссы, или украинцы, которые занимают огромную территорию, заключающуюся между реками Донец в России, Сан в Галиции и истоками Тиссы, притока Дуная, в Венгерском королевстве; великоруссы, или великороссияне, которые населяют остальную Россию, преимущественно всю центральную область. Это разнообразие русского мира не выказалось ли и в титуле государей, именуемых «самодержцами всероссийскими»?

Две западные русские народности связаны с родственной национальностью, тоже славянской, с поляками, с которыми впродолжении большей части своей истории они составляли одно государство. Многочисленные острова поляков, которые мы видим между Наревом и Днепром,—острова, так сказать, вознаграждающие за островки немцев, которые встречаются в самой Польше,—суть очевидные следы этого древнего политического союза Польши с Белоруссией и Малороссией, которые ныне все соединены с великороссийской империей.

Некоторые польские патриоты, побежденные силой оружия на полях битв, хотели было доставить себе этнологический реванш, теоретически изгоняя своих победителей из мира славян и даже вообще из мира арийцев; для них и для их восторженных друзей на западе, две западно-русские народности суть не что иное, как областные разновидности польского племени, тогда как московитяне—это монголы, татары, финны, замаскированные под заимствованным именем: они, будто бы, только с двенадцатого столетия начали говорить языком, до того времени им чуждым, и присвоили себе имя русских по приказу Екатерины II, похитив, так сказать, место между народами Европы. Новейшие исторические и этнографические исследования доказывают, что оба эти утверждения равно неверны. Малороссы—несомненно славяне, отличающиеся и от великоруссов, и от поляков своим языком, песнями и всеми своими национальными памятниками[3]. Что касается белоруссов, то большинство лингвистов помещает их язык между под-видами или наречиями великорусского[4]; однако, некоторые

1 „Russia and Turkey", „Deutche Rundscha" , №9, 1879.

2 В действительности эта цифра гораздо значительнее: в России насчитывается около 100 различных народов и народцев, принадлежащих к 12 различным племенам. *Ред.*

3 Alfred Rambaud, „Histoire de la Russie";—«La Russie epique":—„La Petite Russie dans les traditions et Part populaire", „Revue politique et litteraire", dec. 1876.—Hovelaque, „Linguistique".

4 Hovelaque „Linguistique";—Даль, „Толковый словарь великорусского языка";—П. Житецкий, „Очерк

фонетические черты приближают этот язык к польскому, а по своему словарю он имеет связь с малороссийским: истинное место белорусского языка между родственными ему языками остается еще недостаточно выясненным. Что касается разницы, якобы существовавшей между Россией и «Московией», то непровержимое свидетельство монет, грамот и других документов удостоверяет, что московитяне никогда не переставали называть сами себя и быть называемы русскими или русинами, или, по одной из латинских транскрипций, рутенами,—имя более специально присвоенное ныне русинам австрийской Галиции. Впрочем, имя москвитян или «московитов»,—которое в западной Европе часто дают русским и которое употребляли особенно во враждебном смысле, как на западе от Немана, так и к югу от Балканов, имеет лишь чисто-условное значение: исторически оно неверно даже по отношению к великоруссам, ибо последние существовали уже в виде сплоченной нации ранее основания Москвы и в особенности ранее того времени, когда политическое могущество великорусских князей познакомило Европу с «Московским царством»[1]. Но великоруссы были бы неправы, если бы стали доказывать чистокровность своей арийской расы и претендовать на главенство именно на основании своего права первородства в славянской семье. Если есть нечто серьезное в вопросе, поднятом польскими патриотами, так это только то, что великорусская народность образовалась из смешения славянских поселенцев, пришедших с запада и юго-запада, с различными племенами финскими, монгольскими, тюркскими. Предание, сохраненное первым русским летописцем Нестором, называет радимичей и вятичей в числе славянских колонизаторов страны, сделавшейся впоследствии Московским государством, и, по странному совпадению, эти иммигранты пришли, будто-бы, из Польши. За ними следовали новгородские поселенцы, словены Нестора, поселенцы с берегов Западной Двины, Днепра, Днестра, то-есть из Белой Руси и из Малой Руси. Летописи рассказывают об этой колонизации, о которой свидетельствуют также имена древних городов в центральной части Московского государства; в некоторых случаях имена эти суть простые повторения названий украинских или галицких, таковы: Переяславль, Перемышль (Przemyszl), Звенигород, Галич. Впрочем, русские этнологи никогда не отрицали смешанного происхождения господствующей расы империи, и в любопытных статьях Ешевский, Кавелин, Корсаков и другие разбирали этот важный вопрос. Вообще, славяне России представляют замечательно чистый тип во всех частях страны, куда иммигранты пришли земледельческими колониями, вытесняя туземцев в окрестные леса: хотя более сильные, они не решались брать себе жен «из племени колдунов». Разнообразие типов, произведенное скрещиваниями, имело место только на этнологических границах[2].

В вековой борьбе, составляющей их историю, славянские населения, из которых образовались нынешние русские, ассимилировали себе иноплеменные элементы именно благодаря своему преобладанию; они мало-по-малу распространили свое господство на туземные народы, но смешиваясь с ними принимая некоторые из их физических черт и их обычаев, допуская даже небольшое число их слов в свой природный язык. Не подлежит сомнению, что русский тип, особенно в соседстве финских племен, не таков, как у других славян, и что он заметно отличается от типа дунайских и иллирийских славян, говорящих языками того же происхождения. Нередко можно встретить русских, имеющих плоское лицо и выдающиеся скулы финна; особенно женщины сохранили этот признак смешения рас. На юге другие скрещивания выработали опять отличный тип. Там азиатские племена, пришедшие в эпоху великого переселения народов, затем монголы и турки, называемые татарами, смешиваясь различно с славянами, либо как побежденные, либо как победители, по-очередно то похищая туземных женщин, то принужденные отдавать своих женщин победителю, соединили свою кровь с кровью славян. Большое число дворянских фамилий России ведут свой род от татарских и монгольских мурз, которые приняли крещение, чтобы удержать за собой власть.

звуковой истории малорусского наречия". Киев, 1876. г.

1 Alt. Rambaud, „Histoire de la Russie";—Костомаров, „Две русские народности".

2 P. Kropotkin, „Notes manuscrites".

Казаки запорожские, так же как донские, уральские (яицкие), поволжские, имели обыкновение увозить татарских женщин во время своих экспедиций, и таким образом самые победы славян способствовали уменьшению чистоты их крови. Впрочем, как могло не быть смешения племен? При начале писаной истории, то-есть около девятисот лет тому назад, славянские народности, более могущественные в центральной Европе, чем ныне, были взамен того гораздо менее многочисленны в восточных равнинах континента: они занимали лишь одну пятую теперешней территории России, а вся остальная страна принадлежала литовцам, финнам и различным другим народцам, бродячим или оседлым, пришедшим из степей Азии. Какую огромную перемену видим мы в наши дни! Русские и другие славяне населяют четыре-пятых пространства империи и, подобно потоку, выступившему из берегов, разливаются далеко, в Сибирь, в Туркестан, в долины Кавказа. Такия обширные этнографические присоединения могли ли совершаться в течение девятисот лет без того, чтобы новые пришельцы не смешивались тесно с прежними обитателями страны?

В эллинскую эпоху все населения равнин, образующих нынешнюю Россию, были смешиваемы под общим именем скифов и сарматов. Между этими первобытными жителями кто были родоначальники славян, название которых производят от «слово»? Восходя в глубь времен так далеко, как это можно сделать с помощью редких памятников, оставленных греческими писателями, Оссолинский, Шафарик и Ворцель отыскали первоначальную родину славян на Волыни и в Белой Руси. Там же, как полагают, славянская кровь наименее подвергалась смешению с иноплеменной; бесплодие почвы и многочисленные болота отклоняли завоевателей или на север, или на юг от этой области. Впрочем, нет ничего невероятного и в мнении тех ученых, которые видят также предков русских в некоторых народах полуденной Скифии[1]. Человеческие кости, найденные под древними могилами, или курганами, и под городищами, в губерниях Черниговской, Киевской, Псковской, Новгородской, даже Петербургской, вместе с предметами, указывающими на первобытную цивилизацию, повидимому, принадлежат, если судить по форме черепа, людям славянской расы. Древние обряды погребения существовали в этих странах до десятого и даже одиннадцатого века, как о том свидетельствуют византийские монеты, находимые в могильных курганах, где воин почиет с своим оружием, где женщина покоится с своими украшениями. Иногда похороны сопровождались жертвоприношениями, состоявшими из домашних животных или даже из людей, мужчин и женщин. Одна большая могила заключала остатки костра в 14 слишком сажен в окружности, где встречались в перемежку обгорелые кости человеческих существ, лошадей, птиц, рыб, оружие, орудия и утварь, драгоценные украшения. Родоначальник или глава племени хотел переселиться в другой мир не иначе, как со всеми аттрибутами своего величия, со своей женой и царедворцами, со своими сокровищами и яствами, приготовленными для богатого пиршества. Одну из таких обширных могил представляет курган Черная Могила, близ Чернигова, исследованный Самоквасовым[2].

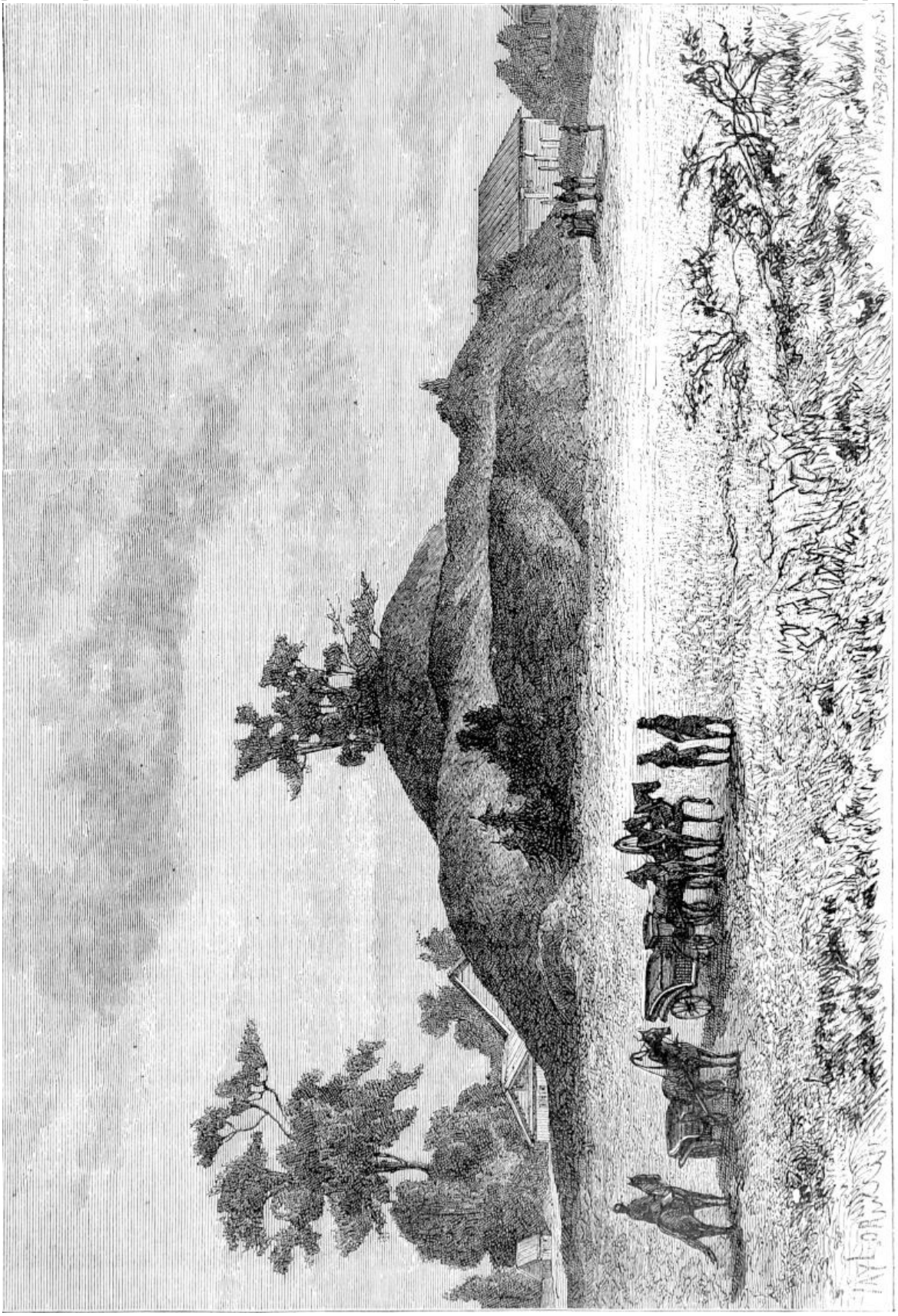
Когда восточные славяне начинают выступать из мрака средних веков, около конца девятого столетия, они занимают всю область водораздела и верхних притоков между бассейнами Волги, Волхова, Западной Двины, Немана, Вислы. Днестра, и почти весь бассейн Днепра. За пределами этого обширного пространства показываются там и сям острова и архипелаги русского населения в бассейнах морей Азовского и Каспийского, между прочим, при устье Кубани, где основалось русское поселение Тмутаракань, прославленное в первоначальных преданиях нации. Эти славянские племена представляли уже элементы могущественной народности, и тогда-то они и принимают окончательно в истории имя Руси, или руссов.

Много спорили о происхождении этого названия, которое летописцы связывали с историей династии. По преданию, записанному в летописи Нестора и которое долго преподавалось в школах, как неоспоримая истина, славяне новгородские и их соседи, чтобы положить

1 См. в особенности Забелина: „История русской жизни“.

2 „Древняя и Новая Россия”, 1876 г. № 4.

конец внутренним раздорам, решили призвать князей из чужой земли, и с этой целью снарядили посольство «за море» к варягам (так назывались норманны, т.е. народы северной Европы, преимущественно скандинавы). В 852 или 862 году послы славянские отправились



Черная могила. Курганъ близъ Чернигова.

к варяжскому племени Русь и сказали: «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами». Три брата приняли это приглашение и явились «со всем русским племенем». Старший из них Рюрик поселился в Новгороде, второй Синеус—

на берегу Белоозера, третий Трувор—в Изборске, недалеко от Псковского озера. Преемник Рюрика, Олег, личность таинственная, родство которой с Рюриком недостаточно выяснено, но которую легенда сделала чем-то в роде полубога (народ прозвал его вещим, то-есть чародеем), перенес столицу государства в Киев, а вместе с тем имя руссов и России. Кто были эти варяго-руссы, которым летописное предание приписывает столь решительно влияние на образование большой славянский народности? В шестнадцатом веке родину их искали на юге от Балтийского моря, у литовцев-пруссов или поруссов, которых тогда производили от царственной римской расы по причине их имени Latvini, переделанного в Latini (латиняне), и названия их священного места, Ромове, о котором полагали, что это было нечто в роде Рима (Roma). Но начиная с восемнадцатого столетия общее мнение, особенно между немецкими учеными петербургской академии и между скандинавскими историками, стало искать отечество варягов в Швеции. Защитники этой теории, развитой первоначально Шлепером, а впоследствии разработанной Куником и Рафном, опираются на многочисленные свидетельства, в доказательство того, что имя, сделавшееся национальным для славянской семьи, господствующей в восточной Европе, произошло от норманских воинственных авантюристов, варягов, которые рыскали по свету в поисках за славой и добычей. По Куник, именем Рось или Русь (руссы) финны, населявшие побережье Балтийского моря, называли свевов (Svear) или шведов западного берега Балтики. Еще и в наши дни жители Упландского приморья известны под названием Родслаген или Рослаген, то-есть «корпорации гребцов», и с древнейших времен они были употребляемы на службу во флотах[1]. Оттуда-то, по мнению норманистов, и вышли руссы, которые основали себе государства в равнинах восточной Европы, совершая на Востоке то, что их соплеменники, норманны, совершили на Западе; и те, и другие, обойдя Европу с восточной и западной сторон, встретились, наконец, на берегах Средиземного моря. В самом деле, воины норвежские, даже исландцы[2], начиная с девятого столетия, поступали в качестве наемников в гвардию константинопольских императоров: «нанятые по контракту», на что, вероятно, указывает самое имя варангов или варягов, они участвуют, как отборное войско, во всех византийских военных экспедициях той эпохи. Но другие удальцы делали нападения на самую Византию; в Швеции есть по крайней мере дюжина рунических камней, надписи которых говорят о людях, принимавших участие и частию погибших в походе Ингвара[3] в пределы Восточной Римской империи: это—Игорь русской истории, который пытался, но неудачно, завоевать Царьград. По толкованию защитников гипотезы о скандинавском происхождении, почти все имена варягов, приводимые в древних русских летописях, принадлежат скандинавскому или норманскому языку и встречаются в сагах и рунографических памятниках северной Европы: несмотря на искажение, которому они подверглись в славянском правописании, эти имена почти все легко узнаваемы. Все люди «русского племени», упоминаемого преподобным Нестором, были норманны. Наименования «русских» судов, передаваемые византийскими писателями, также норманские термины; «русские» названия Днепровских порогов, приводимые, рядом со славянскими наименованиями, византийским императором Константином Багрянородным, суть, очевидно, скандинавские слова, хотя сильно искаженные. Наконец, латинский хронист Луитпранд, епископ кремонский, который два раза посетил Константинополь, в качестве посланника, положительно утверждает, что народы, которых греки называли руссами, были те же самые, что и норманны западных писателей[4]. Впрочем, эта варяжская Русь была очень малочисленна в сравнении с туземными населениями, среди которых она производила свои воинственные набеги[5]: через два-три поколения скандинавское происхождение пришедших из-за моря варяжских родов было забыто: германцы потерялись между славянами. Уже

1 Wottenbach, „Ein Blick auf Schwdens Haupstadt".
2 Rafn, „Rapport des Normands avec l'Orient, Monuments runographiques".
3 Rafn, „Antiquites russes".
4 Rafn, „Rapports des Normands avec l'Orient".
5 Worsaae, „La colonisation de la Russie et du nord Scandinave".

внук Рюрика, Святослав, носит чисто-славянское имя[1].

Какова бы, впрочем, ни была доля влияния северных варягов на населения восточной славянской земли, возражения против теории чисто скандинавского происхождения имени Руси или России не замедлили явиться и, становясь все более и более многочисленными, они представляются теперь уже с большим авторитетом. Географические имена, где виден корень рус или рос, встречаются в различных местах, в особенности в Померании и на острове Рюгене, в Литве, в Белоруссии, на берегах Днепра; так, между прочим, Рос есть литовское имя реки Неман,—откуда произошло наименование «порусы», то-есть «жители по берегам Руса», данное пруссам, нынешним пруссакам. Вероятно, этот вопрос о происхождении всегда останется темным; однако, не бесполезно будет припомнить, что Киевский край, который был в то время Россией по преимуществу, имел свою собственную легенду о трех братьях, основателях Киева (Кий, Щек и Хорив), и что эта легенда связана с преданиями дунайскими, а не балтийскими. Уже в 864 году князья киевские предпринимали поход на Константинополь, и описание этой экспедиции у древних летописцев мало согласуется с теорией, по которой «руссы» были недавние пришельцы в стране. Патриарх Фотий говорит о руссах как о нации сильной и победоносной, хорошо знакомой византийцам. Наконец, по свидетельству арабских писателей конца девятого и начала десятого столетий[2], современные им руссы были народ славянский, делившийся на три группы: группу куябов или куявов (Киев), группу славян новгородских и группу Арцании, под которой, как полагают, нужно понимать или жителей Рязанской области на Оке, или население Ростова, в нынешней Ярославской губернии. Соединяя все свидетельства, доставляемые писателями византийскими, арабскими и еврейскими[3], а также раскопками могильных курганов в разных местах России[4], должно признать, что по крайней мере с конца девятого столетия существовала в бассейне Днепра русская нация довольно сплоченная, имевшая некоторую промышленность и даже письмена.

Пока сообщения были еще очень затруднительны в равнинах восточной Европы и пока население, вообще немногочисленное, было останавливаемо со всех сторон дремучими лесами и обширными болотами, образование сильной славянской народности было, очевидно, невозможно. На этом огромном пространстве, которое простирается от Уральского хребта до гор Богемии и Иллирии, центры независимой жизни могли образоваться в тысяче разных мест, могли различно группироваться и оказывать влияние друг на друга, между тем как враждебные иноплеменные народы, проникая через проходы, открытые с востока и с запада, беспрестанно расстраивали неокрепнувшее равновесие всех этих славянских государств с изменчивыми границами. На западе угры или венгры, защищенные естественной твердыней, образуемой полукругом Карпатов, пробивали цепь славян с западной, южной и восточной сторон, тогда как немцы с одиннадцатого века прочно утвердились на берегах Балтийского моря и, оттеснив славян и литовцев внутрь страны, преградили им доступ к морю. На востоке, азиатские орды, пришедшие из прикаспийских степей и следовавшие за своими стадами из долины в долину, то и дело перемещали границы государств. Впрочем, та естественная связь, которая в большой стране соединяет во-едино всех людей одного и того же языка и одинаковых нравов, не могла еще сплотить в одну нацию рассеянных по огромному пространству жителей восточнославянского мира: отечество везде было ограничено тесными пределами группы, которую соединяли только общая опасность, да непосредственные интересы борьбы за существование.

По своему громадному протяжению, равно как по расположению своих скатов, наклоненных к противоположным морям, к Белому и Черному, к Балтийскому и Японскому, Рос-

1 Alfred Rambaud, „Histoire de la Russie".

2 Д. А. Хвольсон, „Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских, но Ибн-Даста"; —А. Я. Гаркави, „Сказания мусульманских писателей о славянах и русских" (Спб., 1870) и пр.

3 Хвольсон, „Сообщение на археологическом съезде в Казани";—Alfred Rambaud, „Revue scientifique", 1879, № 44.

4 Самоквасов, „Древняя и Новая Россия", 1876 г., №№ 3 и 4.

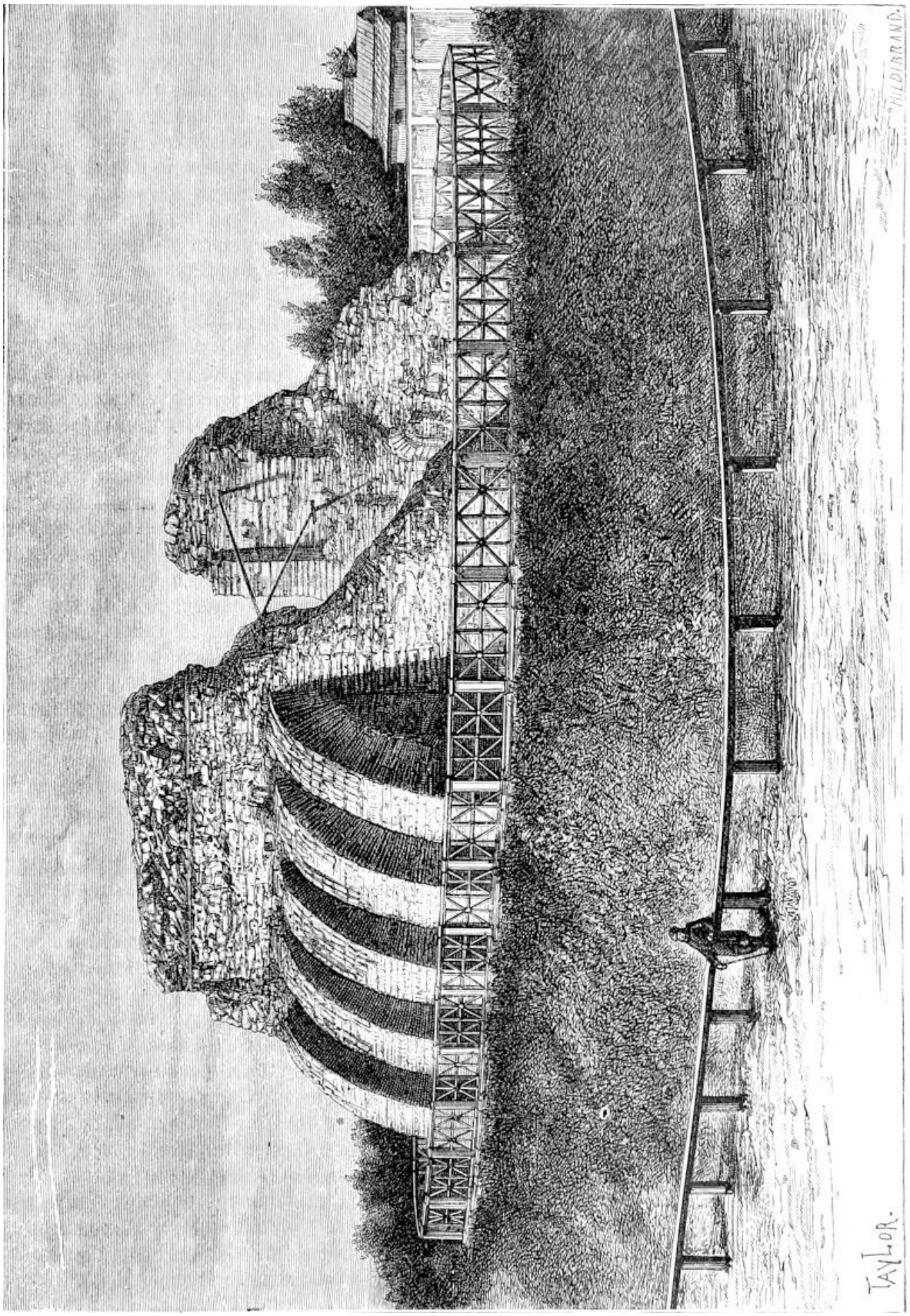
сия, казалось бы, должна была естественно разделиться между многочисленными группами самостоятельных населений; но однообразие её рельефа, взаимное проникновение и сплетение её речных бассейнов облегчали завоевания и централизационное движение. Как только какая-либо власть утверждалась в том или другом пункте обширных сарматских равнин, она тотчас же обнаруживала стремление присвоить себе и всю остальную территорию. Но из всех больших государств, основавшихся на нынешней территории Российской империи, где с девятого столетия властвовали князья из династии, именуемой Рюриковичами, которое же именно должно было взять верх над другими?

Среди всех славянских племен, из которых, по сказанию первых летописей, каждое имело свои собственные обычаи и свои учреждения[1], три местные центра образуются в самом начале: Новгород—в земле волховских славян; Полоцк, город кривичей-полочан на Западной Двине; и Киев, город полян или «жителей полей», в бассейне Днепра. Из всех областей, занятых восточными славянами, наиболее благоприятствуемая природой и, вследствие этого, казалось бы, долженствовавшая приобрести и удержать за собою политическое преобладание;—была земля Киевская. Большая река, судоходная несмотря на её пороги, протекает через эту страну и открывает, через Черное море, путь к Константинополю и к Средиземному морю. Почва в этой части России одна из самых плодородных в свете; климат более теплый и умеренный, чем климат других восточноевропейских равнин. Следовательно, казалось вполне естественным, что славянское население должно было сгруппироваться преимущественно в бассейне Днепра, на тучных черноземных землях, которые производят в изобилии пшеницу; центр политического могущества должен был находиться там, куда устремлялась масса жителей и где сосредоточивались богатства. И действительно, Киев, в котором сохранились древнейшие исторические памятники России, между прочим «Золотые Ворота» (впрочем, по Лежеру—это и не ворота, и не золотые), был в одиннадцатом столетии самым богатым и самым большим городом восточной Европы после Константинополя и поднялся на степень «матери городов» в изменчивой конфедерации, обнимавшей малороссов и великороссов; но именно эти южные области, представлявшие большие преимущества в сравнении с северными землями, всего более и чаще подвергались нападению вражеских народов, аваров, хозар или казар, мадьяр, печенегов, куманов, турок, монголов, которые вторгались в их пределы или для того, чтобы самим там поселиться, или для того, чтобы открыть себе проход в западные страны. В то время, как на север от Днепра русские поселенцы могли беспрепятственно вырубать просеки в лесах и встречали перед собой лишь племена безобидных дикарей, на юге они могли подвигаться вперед не иначе, как с копьем в руке, и сколько неудач, сколько тяжелых ударов пришлось им перенести! Сколько сел и деревень выжженных, сколько стад угнанных неприятелями! Сколько целых населений, уведенных в неволю! Русская колонизация с этой стороны распространялась медленно, под защитою передовых постов казаков. Число жителей всего более возрастало в направлении к северу и северо-востоку, а вместе с тем туда же перемещалось и средоточие могущества.

Около конца двенадцатого столетия два новые центра, лежащие вне Днепровского бассейна, начинают проявлять свою притягательную силу: на западе Владимир Волынский,—столица Володимирии или Волыни,—который вскоре был сменен Галичем, главным городом Галицкого княжества; на востоке Суздаль, которому наследовал его сосед Владимир Залесский, политический предшественник Москвы. Галиция, или Червонная Русь, с одной стороны, Суздальское княжество, с другой, старались постоянно увеличиваться и сближаться на счет Киева, когда нашествие монголов,, которые сами овладели берегами Днепра, положило конец этому соперничеству. Галиция, однако, пыталась сохранить свою независимость борьбой против татар; но, принужденная постоянно обороняться от нападений своих соседей: поляков, литовцев, мадьяр, она погубила себя в своих обширных воинственных предприятиях и кончила тем, что в половине четырнадцатого столетия подпала под владычество Польши. Менее проникнутые рыцарским духом, князья Владимирские и московские стараются снис-

1 „Имаху бо обычаи свои, и закон отец своих и цреданья, каждо свой нрав". (Летопись Нестора). *Ред.*

кать себе благоволение татарских завоевателей, управляют от их имени, ездят с дарами в Орду за получением ханского утверждения, чтобы обеспечить за собою обладание всей северо-восточной Русью. Но в то время, как князья московские все более и более усиливаются и



Золотыя ворота въ Кіевѣ.

увеличивают свое военное могущество, вольные вечевые общины или республиканские города северо-западной Руси, Псков и в особенности Новгород, являются, в период с тринадцатого до начала шестнадцатого столетия, представителями национальной цивилизации и

национальных предании страны, которая получила в то время название Великой Руси и сделалась владением единодержавного царя[1]. «Великий Новгород» был посредником в торговых сношениях Европы с восточной Россией и даже с Азией; озером Ильмень, рекою Ловатью и волоками он сообщался с бассейнами Волги, Днестра, Днепра, а рекою Волховом и Ладожским озером—с Финским заливом; таким образом он в одно и то же время господствовал над путями к Черному и Балтийскому морям. Область его торговли и колонизации простиралась от лапландских берегов до Уральских гор. Но, занимая местоположение благоприятное для обороны, безопасный от внезапного неприятельского нападения, благодаря своему удалению от моря, Новгород не мог легко предпринимать наступательной войны: наибольшая часть принадлежавшей ему территории была бесплодна и почти необитаема, вследствие чего, когда неприятель останавливал подвоз съестных припасов из других областей, город терпел голод. Внутренния смуты, вражда богатых, влиятельных фамилий и соперничество торговых людей раздирали город, и эта борьба партий помогла великим князьям московским установить в Новгороде свою власть в той же силе, как и вокруг их Кремля.

Только после упадка Киевского и Галицкого княжеств, Белая Русь вышла из своего уединенного положения, как центр нового славянского государства, под предводительством литовских князей, родственников и наследников русской полоцкой династии. Начиная с половины тринадцатого и особенно в четырнадцатом столетии литовские князья овладевают всей Белой Русью, затем Волынью, Подолией, Киевской, Черниговской и Северской областями, то силой, то с согласия городов или посредством благоразумно заключенных брачных союзов; с этого времени государи Литвы носят титул великих князей литовских и «русских». По замечательному совпадению, польский король, после завоевания Галиции, также принимает название государя русского, тогда как московский великий князь, как бы для того, чтобы энергически требовать обратно земель, которые ускользают из-под власти его династии, титулуется «государем всея России»; но в начале он избегает употреблять в своих сношениях с великими князьями литовскими этот титул, который только Иоанну III удалось заставить признать оффициально, трактатом 1503 года. В четырнадцатом столетии и до конца пятнадцатого Литва была слишком могущественна, чтобы великий князь московский мог не бояться оспаривать её притязаний. Она присоединила к себе весь бассейн Днепра и владела даже частью бассейна Оки, где река Угра составляла, в 140 верстах к юго-западу от Москвы, границу её владений. Татары отступили к востоку в начале пятнадцатого столетия; степи, простирающиеся между Днепром и Днестром, открылись для колонизации, и прибрежные жители могли беспрепятственно отправлять свой хлеб в Константинополь через маленький черноморский порт Хаджи-Бей, стоявший на том месте, где ныне находится Одесса. Князья тверские, рязанские, даже Новгород Великий обращаются к Литве за союзом и помощью, из опасения московских властителей, и последние чувствуют, что их могуществу грозит опасность. Литва, распространившая свое владычество на все западные области, становится в полном смысле западной Россией, государством русским и европейским в одно и то же время; впрочем, имя, данное их княжеству, применялось лишь к незначительной части литовских владений; никогда законы страны не были составляемы на литовском языке; почти все они написаны на русском языке, преимущественно на белорусском наречии.

Но одно важное событие остановило нормальное развитие Литвы: это её политическая уния с Польшей. Короли этой последней страны, владевшие в то же время Галицией или Червонной Русью, хотели оправдать на деле принятый ими титул «русских государей». В 1386 году польская королева Ядвига вступила в брак с великим князем литовским Ягелло, который по этому случаю должен был принять римско-католическую веру. В начале чисто-личная, эта уния сделалась с течением времени политическим соединением двух государств, несмотря на протесты литовцев и белоруссов, которые, чтобы сохранить независимость своего отечества, грозили даже присоединиться к Москве. Поддерживаемые мелкопоместным дворянством (шляхтой) юго-западных областей, которое завидовало привилегиям крупных

1 Ф. Буслаев, „Исторические очерки русской народной словесности и искусства". Спб , 1861 г.

литовских вассалов или магнатов и стремилось к приобретению равных прав с польскими дворянами, короли в конце концов присоединили юго-западную Русь (Волынь и Киевскую землю) непосредственно к Польше, и в 1569 году последовало окончательное соединение остальной Литвы с Польским королевством. Внутренние раздоры, бывшие следствием этого недобровольного соединения,—такова была причина слабости этого двойного государства, которое, повидимому, должно было, благодаря своему громадному протяжению, получить окончательно гегемонию, как славянская держава. Находясь ближе к Европе в собственном смысле, пользуясь более высокой степенью цивилизации и гражданственности, чем славянские населения Востока, располагая материальными ресурсами более значительными, польско-литовское государство имело вместе с тем и то преимущество, что оно занимало область, где проходит исторический путь между морями Черным и Балтийским. Оно владело той драгоценной низменностью, которая делит континент на две половины, и где переплетаются истоки Вислы и её притоков с истоками Днестра и Днепра. Такое географическое положение, казалось, обеспечивало Польше и Литве первенствующую роль между славянскими нациями; но элементы польско-литовско-русской конфедерации слишком разнились между собою, усилия польских королей, направленные к утверждению безусловного господства, проявлялись через-чур крутыми мерами и притеснениями, а процесс естественной ассимиляции был относительно слишком слаб и медлен: вот почему политическая уния, установленная на Люблинском сейме 1569 года, и религиозная уния (соединение греко-россиской церкви с римско-католической), провозглашенная на Брестском соборе 1595 г., вызвали столкновение между элементами русским и польским. По римско католической религии, Польша примкнула к западно-европейскому миру; по греко-восточной или православной вере, введенной из Византии, Россия составляла отдельный мир: различие вероисповеданий и обрядностей, влекущее за собой различие нравов, гражданственности, политики, союзов, начертало на востоке от Польши границу, через которую она не могла перейти. Когда ко всем этим причинам внутренних несогласий присоединились возмущения и войны казаков и русских крестьян против ополячившихся дворян, участь Польши сделалась неизбежной. При том даже с географической точки зрения это государство никогда не могло прочно сформироваться и укрепиться. Теснимые немцами балтийского прибрежья, поляки могли лишь временно утвердиться на морских берегах, которые, повидимому, должны были им принадлежать; а магометанское завоевание лишило их берегов Черного моря. Таким образом, обладая наибольшей частью территории, соединяющей западную Европу с туловищем Старого Света, и которая уже во времена, предшествовавшие писаной истории, представляла столь важное значение для торговых сношений, поляки и литовцы не имели того, что именно и придает цену этому великому пути народов, то-есть легко доступных выходов на два противоположных моря, из которых одно сообщается со Средиземным морем, а другое с Атлантическим океаном.

В то время, как Польша ослабела от войн и внутренних раздоров, Москва, жившая в дружбе с южными мусульманами в пятнадцатом столетии, возрастала в силе и могуществе. Там был центр, к которому тяготело и вокруг которого собиралось великое славянское государство. Посредством Волги и её притоков, через волоки и реки севера и запада, государи московские могли постепенно распространять свою власть до самых окраин необъятной равнины, и единодержавие утверждалось без труда. Когда пределы московского царства раздвинулись до четырех морей, омывающих его земли с северной и с западной, с южной и юго-восточной сторон, современная Россия была основана, и восточно-славянские народы выступают на сцену истории соединенными в одно государство.

Известно, какими изумительно быстрыми шагами шло, в течение этих последних столетий, территориальное возрастание русской империи. Нынешняя Россия обнимает территорию, по малой мере вдесятеро превосходящую протяжением то государство, которое установилось после поражения татар и окончательного свержения монгольского ига, и площадь

которого исчисляется приблизительно около 2 миллионов квадр. килом. (37.000 кв. мил.)[1]. Громадное пространство земель, приобретенных с того времени, измеряется градусами долготы и широты, и пока еще можно только приблизительно определить поверхность его в квадратных милях или верстах. В 1872 году геодезисты окончили большую международную триангуляцию, которая была предпринята с целью измерить дугу параллели, заключающуюся между островом Валенция, на западном берегу Ирландии, и городом Орском, в Оренбургской губернии. Эта дуга длиною в 5.335 километров, обнимающая 69 градусов долготы, то-есть около одной пятой всей окружности земного шара, пересекает русскую территорию на протяжении 40 градусов; но измерения, которые теперь продолжаются через всю Сибирь до Великого океана и до полуострова Камчатки, прибавляют еще к этой дуге линию в 100 градусов, проходящую почти везде по русской почве или по русским водам.

Территориальное расширение России иногда останавливалось на некоторое время, и даже случалось, что громадные владения империи уменьшались в некоторых частях её окружности. Так, Россия уступила в 1732 году Персии Астрабад и провинцию Мазандеран, которая, впрочем, принадлежала ей почти только фиктивно, и после того она не считала нужным брать обратно эту территорию, так как для её интересов политическое вассальство Персии выгоднее, чем приобретение нескольких клочков земли. Точно также в 1867 году Россия добровольно ограничила свои пределы на дальнем востоке Беринговым проливом, уступив Соединенным Штатам за 40 миллионов франков[2] обширную страну Аляску (бывшие Русско-Американские владения), которая до сих пор не имеет почти никакой цены. Наконец, по Парижскому мирному трактату, подписанному в 1856 году, часть Бессарабии была уступлена румынам; но, двадцать два года спустя, Россия получила обратно эту территорию, в силу Берлинского трактата, и, сверх того, она обеспечила за собой политическое преобладание на обоих берегах нижнего Дуная и даже по другую сторону Балканского хребта. За каждым из минутных отступлений русской державы следовало энергическое наступательное действие, приносившее в результате приращение территории и усиление влияния. Со времени восшествия на престол Петра Великого, завоевания и приобретения Российской империи простираются в общей сложности до 6 миллионов квадр. верст, то-есть представляют поверхность, в четырнадцать раз превосходящую пространство Франции; даже исчисляемое по-дневно, нормальное увеличение русских владений составляет около 80 квадр. верст, и именно в течение нынешнего столетия это движение ускорилось[3].

Россия находится теперь в периоде возрастания; она растет даже помимо воли правительства, так сказать, притягательным действием её могущества: многочисленные азиатские народы, даже государства, тяготеют к ней и постепенно поступают в вассальную зависимость, прежде чем перейти в полное подданство и окончательно слиться с империей. На западе, то-есть со стороны Европы, Российская империя граничит с другими империями и с государствами, существование которых поддерживается только взаимным соперничеством великих держав; но остается еще разделить половину Турции, и, может быть, даже Австро-Венгрия когда-нибудь принуждена будет передвинуться в пользу своих соседей. Как бы то ни было, европейская граница России, закрепленная двойным кордоном таможень и крепостей, имеет такую же точно определенность, как и граница других государств континентальной Европы. В Азии, напротив, границы её далеко не так определенны; несмотря на временные трактаты, определяющие границы империи такой-то рекой или такой-то цепью гор,

1 Обручев, „Военпо-статистическии Сборник", 1871.

2 7.200.000 долларов. *Ред.*

3 Наибольшие земельные приобретения в XVIII столетии были сделаны в царствование Императрицы Екатерины II (всего 12.000 кв. мил.); но по обширности они значительно уступают расширению русской территории в царствование Императора Александра II (с 19 февраля 1855 г. по 1-го марта 1881 г.) За этот период времени Россиею было приобретено 655.227 кв. верст=13.542,02 кв. мил., сюда не включены еще завоевания у текинцев. („Земельные приобретения России в царствование Императора Александра II". Сост. И. Стрельбицкий, Спб., 1881 г.). В среднем, ежедневное приращение территории за указанный период составляет почти 69 кв. верст. *Ред.*

Россия должна беспрестанно присоединять к своим владениям новые территории до тех пор, пока она не встретит какую-либо группу населений или какую-либо военную державу, достаточно сильную и представляющую серьезное препятствие. Промежуток, отделяющий Сибирь от густо населенных равнин Китая, еще значителен, но он уже порядочно съузился вследствие приобретения Восточной Манчжурии; точно также русским армиям Туркестана предстоит еще сделать много переходов, прежде чем они достигнут ущелий Гинду-Куша; но слабость и дезорганизация промежуточных государств ускоряет неизбежное столкновение, и рано или поздно Россия, уже сопредельная могущественной Германии, сделается также соседкой Великобритании. Вообще можно сказать: между тем как общее движение цивилизации направляется от востока к западу, история России движется в противоположном направлении, от запада к востоку.

Правда, русская нация еще далеко не успела заполнить громадное пространство, присоединенное к её империи; действительные пределы русской национальности еще далеко не совпадают с территориальными границами, которые начертаны на карте трактатами и завоеваниями. Без сомнения, прежде чем будут заняты все плодородные земли, все благоприятные в торговом или промышленном отношении позиции, которые находятся в империи, нация может испытать много перемен; но, каковы бы ни были превратности национальной жизни, различные группы славян останутся элементом цивилизующим по преимуществу. Хотя, по выражению Уэллеса, ассимиляционная сила русской народности не могла еще сравняться с быстротою и обширностью земельного возрастания государства[1], тем не менее пространственное движение русских в присоединенной территории чрезвычайно велико. Со стороны Европы они не могут оттеснить, ни поглотить финляндцев, шведов, немцев, стоящих на одинаковой с ними или более высокой степени культуры; точно также на востоке и юго-востоке религия проводит демаркационные линии между господствующим народом и большинством других жителей страны, татарами, калмыками, курдами, туркменами; однако, и эти населения азиатских окраин и даже самой Азии именно через русских вступают мало-по-малу в движение современной истории, и уже во многих частях империи можно наблюдать быстрый процесс обрусения. Но всего более внутренния переселения способствуют тому, что страна постепенно делается русской до самого сердца Азии. Малоросс колонизовал обширные протяжения,—меньшие, однако, чем пространства, завоеванные великорусской колонизацией. Великороссиянина по справедливости можно назвать образцовым колонизатором. Привычка к переселению у него, так сказать, наследственна; предки его уходили в дремучие леса, а внуки и правнуки их, переходя последовательно от просеки к просеке, от одной степи к другой, захватили Сибирь, взобрались по скатам Кавказа и Алтая, спустились по течению Амура до берегов Тихого океана. Даже вне пределов русской империи существуют колонии великоруссов, которые путешественники открывают с удивлением затерянными посреди чуждых народностей. Этот факт объясняется тем, что, вообще говоря, русского крестьянина ничто особенно не привязывает к месту его рождения, ничто не может вызвать в нем сожаления о покинутой почве. В какую бы сторону он ни направил свой путь, он может идти вперед целые дни и недели—и везде встретит ту же однообразную равнину, везде опять найдет свою родину. Почва, растения едва изменились; то же небо освещает его, те же ветры наклоняют кругом него лесные деревья. В несколько дней он может выстроить точно такую же избу, какую оставил дома; новая земля, которую он распахивает, даст ему те же урожаи, да еще может статься, ему посчастливится пользоваться ею более вольготно[2]. Но даже и там, где все разнится от его родных мест—климат, почва, растительность, он умеет в совершенстве приспособиться к новой среде; он умеет перенимать нравы и обычаи тех, с кем столкнет его судьба: «очухонивается» с карелами и делается якутом среди якутов.

Империя Российская слишком обширна, города её слишком малочисленны и слишком рассеяны, население её слишком редко, чтобы внешний враг мог навести удар в сердце на-

1 Mackensie Wallace, „Russia“.

2 Alfred Rambaud, „Histoire de la Russie“.

ции военной операцией: грозное французское нашествие 1812 года, окончившееся катастрофой почти беспримерной в летописях истории, доказало, как велика сила сопротивления России вследствие одного только огромного протяжения её территории. В этом отношении можно сказать, что империя не имеет центра: даже Москва не составляет центрального пункта. Без сомнения, граница имеет чувствительные точки, особенно в Польше, где неприятель мог бы нанести наиболее тяжкия раны; но далее, в этом обширном восточном мире, где нанести смертельный удар? Славянский мир защищен от всякого внешнего нападения своей необъятностью.

Несмотря, однако, на свою громадность, Россия представляет менее выгод в отношении легкости морских сообщений, чем маленькия государства, как, например, Дания или Голландия. Обладая неизмеримыми пространствами суши, располагая даже огромным протяжением морских берегов,—протяжением по меньшей мере равным половине окружности земного шара, она не имеет свободных выходов к океану. Петр Великий, который хотел во что бы ни стало сделать Россию морской державой, хотя и основал свою столицу при Финском заливе и построил Таганрог на берегу Азовского моря, имел тем не менее в своем распоряжении только замкнутые морские бассейны. Архангельский порт блокируется льдами в продолжение большей части года, а суда, которые пользуются им, принуждены совершать плавание вокруг всей Скандинавии, прежде чем войти в посещаемые моря. Петербург и другие порты русской Балтики также бывают заперты зимой; кроме того, выход из этого внутреннего моря охраняется крепостями, принадлежащими иностранным государствам. Хотя Азовское море и Понт-Эвксинский остаются почти круглый год открытыми для навигации, но их выходной пролив также замкнут двойными воротами, ключи от которых в руках Константинополя. В Азии берега Ледовитого океана до такой степени трудно доступны судам, что они еще не были обследованы на всем их протяжении. Порты Камчатки и Николаевск на Амуре могут служить только в летнее время, да при том они окружены обширными пустынями. Только в недавнее время Россия обеспечила за собой на Японском море обладание портом, который открывает ей свободный доступ к океанским путям. Но и этот порт, Владивосток, благодаря которому русские ступили, наконец, твердой ногой на океан, бывает загражден льдами в середине зимы, и при том он еще не соединен удобными путями сообщения с многолюдными областями России. Между двумя крайними портами, Кронштадтом и Владивостоком, расстояние не менее семи тысяч верст по прямой линии[1]!

Таким образом, как государство, обладающее лишь замкнутыми морскими бассейнами и морями, загражденными льдом, Россия все еще остается, так сказать, запертой. Конечно, для населения её в этом не было бы большой беды, если бы торговые сношения всегда могли производиться беспрепятственно по морям, прилегающим к иностранным государствам; но во время войны народы часто страдают за свои правительства, и если проливы заперты для военных кораблей русского флота, то они могут быть также заперты и для купеческих судов. Вот почему, пока Европа будет разделена на военные государства, совершенно естественно, что Россия делает усилия завоевать себе свободные сообщения с морем, и что её армии из века в век возобновляют поход Игоря, чтобы овладеть «городом цезарей» , или Царьградом, прекрасным Константинополем, стоящим у ворот Черного моря.

К этой причине непрекращающагося соперничества и будущих войн присоединяется еще другая, не менее серьезная. Если Россия давно уже перешла за свои этнографические границы со стороны Востока, то она полагает, что еще не достигла этих границ на Западе. За её пределами с западной стороны живут миллионы славян, и между ними есть даже такие, именно русины, которых имя тождественно с именем русских по своей этимологии и которые принадлежат к семье малороссиян, давно уже живущих под владычеством всероссийского царя. Как бы ни были крепки узы дружбы между государями, как бы ни были торжественны трактаты о союзе, весьма естественно, что племенные симпатии зарождаются и развиваются с каждой стороны оффициальных границ, и политика может воспользоваться для

1 Теперь Россией приобретены Порт-Артур и Талиенван, в Печилийск. заливе. *Ред.*

своих видов этими симпатиями, чтобы направлять по своему желанию общественное мнение, чтобы возбуждать соперничество и войны. Сколько крови было уже пролито из-за «братьев-славян» и сколько её еще будет пролито в грядущем! Мы говорим: будет пролито, потому что перемены в политической географии не делаются еще по свободной воле народов, и, чтобы переместить границы, государства всегда вмешиваются со своими армиями и флотами. Притом же большинство русских «панславистов» представляло себе до сих пор соединение славянских народов Европы не в условиях полной равноправности и свободы: большинство их хотело, чтобы гегемония или главенство принадлежало «Святой Руси», представляемой русской народностью, её церковью и её политическими учреждениями; но каким образом мог бы состояться подобный союз без того, чтобы не поставить в подчиненное положение слабых, чтобы не приготовить потомкам какого-нибудь великого потрясения и переворота? Россия—в одно и то же время и государство новое, работающее на поприще сельского хозяйства и индустрии для промышленного завоевания половины континента, и империя устарелая, стремящаяся оцепенеть в монгольских и византийских традициях. «Это—страна и старая, и новая (говорит публицист Леруа-Болье), азиатская монархия и европейская колония; это—двуликий Янус, западный—по своему молодому, восточный—по своему старческому лицу»[1].

Впрочем, каковы бы ни были перемены, могущие современем произойти в обширном русском мире, во всяком случае славяне предназначены самым положением своим, с географической точки зрения, играть одну из главных ролей в истории ближайшего будущего. Германия в значительной мере обязана своим важным значением тому географическому положению, которое она занимает в центре Европы; но разве Россия не занимает, в центре Старого Света, подобного же положения и при том стратегически более верного и прочного? разве она не служит естественным посредником между западной Европой и Китайской империей, между этими двумя группами народов, которые похожи друг на друга своим постепенным историческим развитием и которые представляют в то же время столь многочисленные контрасты? Наконец, Россия, держава континентальная по преимуществу, не встречает ли везде на своем пути, от Константинополя до Тянь-Цзина, великой морской державы? Своими флотами, своими военными станциями и постами, своими факториями и колониями Англия опоясывает весь Старый Свет, от Ирландии до Сингапура, через африканский континент, и если она не составляет, как Россия, географического целого и не имеет в своей громадной империи крепкого, сплоченного ядра населения, в которому естественно тяготеют остальные жители, то, взамен того, у неё есть достаточно богатств и промышленности, она обладает достаточной предприимчивостью, энергией и настойчивостью и господствует достаточно твердо над подвластными народами, чтобы ее можно было считать по крайней мере равною России во всякой борьбе из-за влияний или в открытой войне. Между этими двумя империями, которые все более и более приближаются одна к другой, и которых «научныя» границы, без сомнения, скоро сойдутся,—столкновение, повидимому, неизбежно. Судьбы мира могут в близком будущем решиться у подножия гор Центральной Азии,—в тех самых странах, откуда многочисленные предания выводят род человеческий, и где арийцы ищут первоначальную родину своих предков.

II. Финляндия.

Великое княжество Финляндское, хотя и составляет часть обширных территориальных владений Российской Империи, но имеет особенное устройство и управление, и потому образует как-бы отдельное государство. Эта область также представляет, по крайней мере в южной своей половине, страну, определенно очерченную естественными границами и отличающуюся некоторыми особенными физическими чертами. Заливы Ботнический и Финский и Ладожское озеро окружают ее с западной, южной и юго-восточной стороны, тогда как на

1 Anatole Leroy-Beaulien, „L'Empire des Tsars".

севере и северо-востоке финляндская территория, именно губерния Улеаборгская, продолжающаяся далеко к Ледовитому океану, отделена от Швеции, Норвегии и собственно России только течением рек, или чисто-условными пограничными линиями. По своему населению Финляндия—единственная, вместе с Венгрией, страна в Европе, сохранившая доныне имя народа, непринадлежащего к арийской семье,—тоже резко отличается от всех сопредельных или соседних земель. Часть морского прибрежья населяют шведы, потомки древних колонистов и завоевателей, но остальная территория занята финнами, между которыми находятся, может быть, самые чистокровные представители расы, которая некогда господствовала на значительном протяжении Старого Света. Оттесненное в эту страну диких гранитных утесов, озер и болот, ограниченную с южной стороны Финским заливом, древнее племя имеет теперь в своем распоряжении лишь весьма незначительную часть первоначальной области своего распространения и давно уже утратило свою независимость. Сначала край подпал под владычество скандинавов, потом перешел под власть России: уже Петр Великий завоевал у шведов нынешнюю Выборгскую губернию, к которой впоследствии прибавились другие куски страны, а в 1809 году, по Фридрихсгамскому миру, вся остальная часть Финляндии до реки Торнео была присоединена к империи, хотя под титулом великого княжества, с особенными законами и учреждениями и со включением в её состав предшествовавших завоеваний России. Финляндцы не утратили сознания своей национальной индивидуальности: они заботливо хранят свои предания и свой язык, приготовляясь с доверием к будущему, в котором им, может быть, суждено играть более видную роль, чем ныне. Но, живя на своей скупой, бесплодной почве, в суровом северном климате, финляндцы не могут иметь надежды сделаться когда-либо народом сильным численностью, промышленностью, богатством: пространство, которое они занимают, пропорционально, в двенадцать раз менее населено, чем Франция, и в три раза менее, чем Европейская Россия в собственном смысле.

Пространство Финляндии: 373.601 кв. килом. (в том числе 41.660 кв. килом. внутренних вод); население в 1897 г.: 2.527.801 жит.; население на 1 кв. километр: 7.

Финляндия, или Suomen-mea,то-есть «Земля Озер», по своей природе и виду местности, представляет переходную страну между Скандинавским полуостровом и Россией. Мы находим в ней, как и в Швеции, гранитные скалы, каменистые бассейны, наполненные прозрачной водой, бесчисленные морены, оставленные древними ледниками на полях; но она не имеет гористой области, которая походила бы на плоскогорье Кьелен, и на её территории уже начинаются большие равнины, которые тянутся чрез всю Россию, с одной стороны до подошвы Уральского хребта, с другой—до основания Кавказских гор. В земле финляндских лопарей уединенные, покрытые снегом массивы возвышаются среди лесов, озер и болот; но ни в одной части южной Финляндии мы не встречаем вершин, которые можно бы было назвать настоящими горами: самые высокие холмы представляют из себя простые горбы или бугры, очевидно, притупленные пребыванием и проходом древних ледников. Водораздельные возвышенности, разделяющие покатости Ботнического и Финского заливов, Ладожского озера и Белого моря, достигают, в среднем, высоты от 150 до 200 метров. На юге финляндской Лапландии, самая высокая вершина—гора Тейри-харыо, лежащая в бассейне реки Улеа, к северо-востоку от большего озера того же имени. К массиву, часть которого составляет этот холм, примыкают небольшие неправильные цепи, носящие в некоторых местностях собирательные наименования; таковы: Мансельке или «Хребет страны», который отделяет бассейн Ботнического залива от бассейна Белого моря, и Суомен-Сельке, или «Хребет Финляндии», который тянется на юго-запад от озера Улеа, параллельно берегам Балтийского моря, но в расстоянии, средним числом, около ста верст внутри страны. Юго-западный угол Финляндии, который продолжается в море архипелагом Аландских островов, представляет область неровную, почти гористую. В целом все эти гранитные горные цепи могут быть рассматриваемы как плоская возвышенность, хребет которой, лежащий ближе к Ботническому заливу, чем к внутренней Финляндии и к Ладожскому озеру, оканчивается довольно круто на берегах Финского залива.

Главные высоты Финляндии: В Лапландии: Гальдефьель—1.258 метр.; Палластунтури—858 м.; Пельдоаиви—666 м.; Унастунтури—644 м.

В центральной Финляндии (по Гюльдену): Саукко-ваара—650 м.; Йивакра—585 м.; Тейри-харыо—335 м.; Кивес-ваара—305 м.

Холмы южной Финляндии в прежнее время были, вероятно, гораздо выше, чем какими мы их видим в наши дни, потому что на скатах и на высших вершинах Валдайской сплошной возвышенности, в середине России, находили куски кварца и других горных пород финляндского происхождения на высоте более значительной, чем та, которой достигают ныне самые высокие кручи гор, бывших месторождением этих камней. После отступления ледников, некогда покрывавших всю страну и которые, разливаясь к полуденным областям, переносили туда груды камней и обломков, почва должна была постепенно опуститься и дать доступ морю, которое мало-по-малу проникало в восточном направлении, где и образовало, наконец, Финский залив[1]. Однако, ничто не доказывает, чтобы оседание финляндской территории дошло до образования пролива между морями Белым и Балтийским. Если свидетельства геологии установляют несомненным образом существование в древности рукава моря, соединявшего Каттегат с Меларским озером, то наука остается еще в сомнении относительно пролива, который, может быть, отделял некогда Финляндию от страны, известной ныне под именем России. Некоторые озера, между прочим и Ладожское, заключают в своих водах виды рыб и ракообразных морского происхождения, из чего нужно заключить, что эти бассейны были прежде заливами Балтийского моря; но на окружающих их землях нигде не встречается, как на землях шведского прибрежья, слоев соленоводных раковин: нужно дойти до нижней долины Северной Двины, чтобы встретить выступившие из-под воды пласты ископаемых животных. Между финляндскими берегами и покатостью Белого моря водораздельные высоты, усеянные озерами, нигде не представляют, ниже высоты 35 метров, следов прежнего пребывания моря[2].

За периодом оседания почвы следовал период обратного движения, который продолжается до наших дней. На морском берегу и во внутренности материка повсюду видны признаки постепенного поднятия почвы: в одних местах груды камней, разрытые речными потоками, которые должны были углублять свои русла, по мере того, как море отступало; в других—прежние берега, оставленные далеко внутри материка, гавани, затерянные теперь среди полей, острова, соединившиеся с твердой землей, подводные скалы, сделавшиеся, в свою очередь, островками и островами и окруженные другими скалами или шхерами; дно моря постепенно повысилось. Явление поднятия суши не было наблюдаемо на берегах Финляндии столь же продолжительно и систематически, как на противоположных берегах Балтики; тем не менее, существуют элементы сравнения с 1697 г., эпохи, в которую были сделаны заметки на скалах Вазы. Повышение исчисляется в этом месте от 1 до 1,16 метра в 100 лет; перед Або, и для всего Финского залива, оно составляет 60 сантиметр. в столетие[3].

Ни в какой части Европы эрратические камни не встречаются в таком большом количестве и таких крупных размеров, как в Финляндии. Многие из них до того громадны, что крестьяне могут приютиться со своими жилищами у основания этих гранитных масс, некогда двигавшихся. В некоторых местах, особенно при выходе долин, валуны образуют целые «каменные моря». Даже под слоем растительной земли находят в огромном множестве обломки скал, составляющие для местных жителей неисчерпаемые каменоломни. Впрочем, перемещение эрратических камней совершается с одного берега Финского залива на другой, так как берега островов этого залива усеяны валунами, а на упомянутом острове Суур-Титтерс даже нашли камни, изборожденные полосами[4]. Две оконечности острова Гохланда, на севере и на юге, покрыты такими массами кусков финляндского гранита, что суда часто хо-

1 Акад. Гельмерсен, „Wanderblocke Russlands".

2 П. Крапоткин, „Рукописные заметки".

3 „Oefversigt af Finska Vetenskaps Societaten Forhandlingar", vol. XV. 1872.

4 Крапоткин, „Записки Русск. Географ. Общества", т. XII, вып. 1-й.

дят туда за грузами камня, и Петербург, так же, как и другие приморские города, получали оттуда материалы для мощения улиц. На островке Лавенсари, лежащем к востоку от Гохланда, покойный академик Бер видел глыбу гранита, вес которой он исчисляет приблизительно в 6.000 пудов и которая, по его мнению, была принесена льдами в конце прошлого столетия; однако, мало вероятно, чтобы эта каменная масса проникла туда в недавнее время с полуденного берега Финляндии: скорее нужно предположить, что она была сдвинута со дна морского и перенесена на берег огромным давлением льдов, гонимых сильными северо-западными ветрами. Крапоткин видел на западном берегу о. Суур-Титтерс глыбу гранита еще более значительных размеров, которую также прикатили льды и бурные волны[1]. Камни посредственной величины каждый год выбрасываются морскими волнами на острова залива и на берега Эстляндии; что же касается мелких камней, то они прибывают в таких огромных количествах, что профиль бухточек и полуостровов, куда они приносятся льдинами, иногда заметно изменяется в короткий промежуток нескольких лет. Северо-западная часть островка Лавенсари, берега которого были нанесены на карту Спафарьевым в 1813 году, в такой степени увеличилась в продолжение одной четверти столетия новыми полуостровами и рифами, что теперь едва можно узнать первоначальную форму побережья: с каждым годом появляются новые груды камней над поверхностью морских вод[2]. Впрочем, не надо забывать, что это постоянное приращение твердой земли на островах Балтики происходит отчасти также от общего поднятия материка.

Следы прохождения древних ледников еще очень явственно напечатлены в почве, и даже общий рельеф страны обнаруживает многими несомненными признаками работу, сделанную этими могучими ледяными реками. Можно сказать, что на земном шаре мало найдется геологических черт яснее обозначенных, чем параллелизм речных долин, которые с той и с другой стороны, на шведском и на финляндском берегу, выходят на Ботнический залив. Все скандинавские реки, спускающиеся к этому заливу, текут от северо-запада к юго-востоку; все финляндские реки, впадающие в тот же бассейн, за исключением Торнео, текут от юго-востока к северо-западу: они движутся в противоположном направлении, но по линиям, составляющим точное продолжение одна другой и расположенным параллельно оси всех удлиненных озер, занимающих гранитные долины Финляндии, словно исполинская борона была проведена по всему географическому бассейну от Скандинавских Альп до Ладожского озера. Во многих частях страны общее расположение линий рельефа отличается почти геометрической правильностью: холмы, озера, болота, цепи эрратических камней тянутся параллельно, по направлению от северо-запада к юго-востоку, и все человеческие сооружения, плотины, рвы, пути сообщения. улицы селений и городов, естественно должны были быть производимы в том же направлении. Вдоль морских берегов, там, где общее поднятие страны выдвинуло на поверхность подводные мели,—мысы, полуострова и островки расположены во многих местах с такой же правильностью, как возвышенности и озера во внутренней Финляндии, и также носят на себе следы однообразного действия древних ледников. В виде примера этого образования морских берегов, можно указать на побережье Ботнического залива, особенно между устьем реки Кумо и Нюстадским рейдом, и на берега Финского залива, от порта Борго до острова Бьерке. В этом отношении форма Выборгского залива или фьорда, с его полуостровами и вставленными между ними, точно в футляр, островами,—одна из самых поучительных. Полосы, проведенные движущимися ледяными массами, были наблюдаемы на самых высоких вершинах Финляндии, на склонах гор и даже на скалах морского ложа. В окрестностях Гельсингфорса скалы, извлеченные с глубины 115 футов ниже поверхности моря, были явственно исчерчены глетчерными полосами[3].

---

1 Акад. Гельмерсен, „Wanderblocke Russlands"; Крапоткип, „Die Eiswalle in der Revalschen Bucht";—„Записки Импер. Русского Географ. Общества", вышецитированный выпуск.

2 Акад. Бер, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", t. VI, 1863.

3 Норденшельд, „Beitrag zur Kenntnissder Schrammen in Finland, Acten der Finnl. Societat der Wissenschaften".

Так же, как в Скандинавии, в Финляндии встречаются длинные кряжи—азары, называемые также финляндцами harju, и составляют в низменных местностях главные черты пейзажа. Как и в Швеции, некоторые из этих азаров пересекают озера в форме валов, местами проломанных; дороги, продолжаемые где нужно мостами и паромами, идут по всей их длине. В виде примера, можно указать на замечательный Пунга-харью, естественный вал высотою около 100 футов, соединяющий два противоположные берега одного из северных бассейнов озера Сайма, к югу от Нюшлота. Остров, состоящий из глыб гнейса, послужил опорной точкой для обеих половин естественнаго вала, имеющего около 7 верст в длину. Пунга-харью, тип многих других азаров, несомненно есть продольная морена, которая некогда была покрыта озерными водами, доказательством чего служат сохранившиеся доныне на его поверхности песок и другие осадочные образования[1].

Узкия цепи холмов, совершенно другого происхождения, так как они состоят из кристаллических сланцев и из известняков, тянутся между озерными бассейнами с севера на юг, тогда как на юге страны настоящая гранитная плотина, прозванная Salpau-Selka (ограда, или барьер), образует длинные валы, параллельные берегу залива и пробитые там и сям напором вод: так, озеро Сайма ограничено с южной стороны азаром, который прерывается только течением реки Вуоксы; но около середины его бассейна видны справа и слева остатки разорванного вала. Когда какое-либо верхнее озеро вытекает в нижележащее чрез пролом азара, то берега указывают на обломках пробитого вала уровень бассейна, на половину опорожненного, а в нижнем резервуаре слои, состоящие из увлекаемого водой песку, покрывают тонкий ил ложа[2]; кроме того, аллювиальная дельта, более или менее значительная, образуется в том месте, куда изливался исток верхнего озера. Иногда человек помогает работе природы, чтобы приобрести себе таким образом новые плодородные земли. Очень искусные в направлении потоков сообразно предположенной цели, финляндцы каждый год увеличивают свою область, так что от одного десятилетия до другого карты представляют различный вид.

Однако, может случиться, что вычисления инженеров относительно силы сопротивления их плотин оказываются ошибочными, и иногда истечение воды, вместо того, чтобы совершиться с желаемой правильностью, происходит со страшной стремительностью. Так именно случилось с озером Гейтиайнен, на севере от местечка Иоенсу, в восточной Финляндии. В намерении понизить мало-по-малу воды этого резервуара, уровень которого находился на 21 метр выше поверхности озера Пюхеселькe, начали, в 1854 году, копать ров шириною около 10 футов, который воды дождей и тающего снега постепенно превратили в извилистый ручей. Вдруг, 3 августа 1859 года, плотины, долженствовавшие регулировать истечение излишка вод озера Гейтиайнен, уступили напору жидкой массы. Из Иоенсу, на 7 верстном расстоянии, слышен был шум, похожий на раскаты грома; камни с грохотом ударялись друг о друга; сломленные деревья уносились стремительным течением; целые дома плавали на поверхности вод; острова и песчаные мели появлялись там, где их прежде не было, затем опять исчезали. Потоп продолжался три дня, и все это время поверхность озера Сайма, в которое низвергались воды, была в таком сильном волнении, что суда с трудом могли бороться против ярости бушевавшей стихии. Массу воды, которая вытекла через новое русло, исчисляли приблизительно в 2.800 миллионов кубич. метров (288.000 милл. куб. саж.), что составит немногим более 11.000 кубич. метров (1.134 куб. саж.) в секунду: это—почти сток большой реки в роде Дуная, к которому нужно бы еще прибавить количество воды, протекающей в Роне. Сверх того, объем земли, унесенной разливом, представлял по меньшей мере 35 миллионов кубич. метр. (3,6 милл. куб. саж.), так как долина, вырытая жидкой массой в этот короткий промежуток времени, имеет не менее 8 километров в длину, при ши-

1 Крапоткин, „Известия Имп. Русск. Географ. Общества", 1871 г., № 6;—„Записки Имп. Русск. Географ. Общества", том VII, 1875 г.

2 Норденшельд, выше цитированное сочинение.

рине от 300 до 450 метров и глубине от 10 до 25 метров[1]. Все эти обломки и землистые частицы, отложенные в озере Пюхеселькe, образовали в нем широкую дельту и уменьшили протяжение его на несколько квадратн. километров, между тем как верхнее озеро значительно убавилось в размерах, особенно около северной его оконечности, наименее глубокой; там песчаные мели и груды каменных глыб вдруг появились на поверхности в виде островов, тогда как другие острова соединились с твердой землей. Замечательно, что, несмотря на страшную силу внезапного потока, большие эрратические камни, имеющие около полутора аршина ширины, не были сдвинуты с места; до сих пор видны ряды их, расположенные поперек направления потока. Правда, даже в начале разлива, когда вода в озере Гейтиайнен стояла еще на 21 метр выше уровня нижнего резервуара, падение выходного потока не превышало 3 миллиметров на 1 метр.

Впрочем, явление озерных наводнений,—хотя они редко принимают такие грозные размеры, как сейчас описанный разлив озера Гейтиайнен,—должно часто возобновляться во всех частях Финляндии. Даже в силу законов тяжести, все возвышенные озерные бассейны страны должны стремиться вылиться в нижележащие резервуары: и действительно, мы везде видим следы уменьшения озер по протяжению, по мере того, как будем последовательно подниматься от низменных местностей Финляндии, то-есть от берегов Ладожского озера, к прибрежным высотам Ботнического залива и к хребту Суомен-Сельке. Повсюду прежния линии уровня, проходящие очень высоко над поверхностью нынешних озер или прудов, свидетельствуют о понижении озерных бассейнов, которые постепенно опоражнивались, как вода верхнего резервуара, льющаяся со ступеньки на ступеньку по так называемой «Нептуновой лестнице». На северном скате водораздельного хребта Финляндии можно наблюдать подобное же явление: так, например, на высоте 56 метров над нынешней поверхностью озера Улеа-треск, видны следы уровня древнего озера[2]. Вообще разность уровня между прежними озерными бассейнами и нынешними возрастает правильно от юга к северу Финляндии.

Из всех стран Европы Финляндия наименее освободилась от поверхностных вод озерного периода, следовавшего за ледяной эпохой[3]: эта страна усеяна большим числом озер, прудов и болот, чем даже Швеция; в южной её части, ограничиваемой на севере рекою Улеа, около половины территории (по Веселовскому, 47%) покрыто озерами[4]. С той поры, как ледники удалились, оставив рекам и дождевым водам все углубления почвы,—наносы, образуемые обломками скал (аллювий), могли наполнить лишь незначительные озерные пространства; точно также и болотные растения успели захватить вполне только небольшие бассейны стоячей воды. Благодаря твердости её каменных пород, состоящих из гранита, гнейса, порфира, и незначительной высоте её гор, на которых дождевые потоки очень медленно образуют рытвины, Финляндия могла до настоящей минуты сохранить вид суши, находящейся еще в периоде образования: она кажется еще неприспособленной для пребывания человека. Во всей этой области полуденной Финляндии озера образуют такой перепутанный лабиринт, что невозможно различить без сосредоточенного внимания границы водораздела между покатостями Ботнического залива, Финляндского моря, Ладожского озера; притом же во многих местах эти границы чисто условны, и простые болота, имеющие сток к тому и другому морю, обозначают пояс разделения вод. Что касается рек, то большинство их состоит из цепи озер: по справедливому замечанию Пешеля, нигде нельзя так хорошо изучить «эмбриогению рек», как в Финляндии[5].

Озеро, которое, вероятно, занимает по величине первое место между бесчисленными бассейнами финляндской территории, находится вне области озерной по преимуществу: это

1 Крапоткпн, „Записки Имп. Русского Географич. Общества", том VII, 1875 г.
2 Крапоткин, „Известия Имп. Русского Географич. Общества", 1871 г. № 7.
3 Крапоткин, там же.
4 А во всей Финляндии из общей площади на озера приходится свыше 13% *Ред.*
5 Oscar Peschel, „Vergleichende Probleme der Erdkunde".

Энаре или Инара, лежащее внутри Лапландии и имеющее исток через реку Пасвик в Варангерский залив (Варангер-фьорд), но это озеро так мало известно, что исчисления его поверхности, сделанные различными исследователями, разнятся на целую тысячу кв. верст. Сайма или Саймаа, самое обширное внутреннее море Финляндии в собственном смысле, залегает на пространстве меньшем площади озера Энаре, но оно значительно превосходит последнее, если считать все озерные резервуары (Пилайя, Эновеси и другие), которые сообщаются с озером Сайма посредством широких проливов. Эти соединенные озера, которых излишек вод выливается в Ладожское озеро, занимают почти всю восточную Финляндию; узкий каменистый кряж, выдвинувшийся с севера, отделяет их от другого лабиринта озер,—из которых главное называется Пейение,—изливающихся через реку Кюмень (Kymmene-elf) в Финский залив. Посредством отверстий, высеченных в скале, установили с 1856 года непосредственное сообщение между озерным бассейном Сайма и водами Финского залива (Сайменский канал), вследствие чего небольшие суда получили возможность грузить местные произведения внутри Финляндии.

Истоки, соединяющие озера, еще очень мало изменили первоначальную форму своего русла,—разве только углубили его[1]. Реки находятся еще в периоде образования и сохраняют первоначальную форму fjarden, или широких рукавов, которые то расширяются в виде озера, то ниспадают стремительным потоком; однако, многие водопады, или koski, могут сравниться с каскадами Скандинавии, если не по объему жидкой массы и вертикальной высоте низвергающейся водной скатерти, то по крайней мере по суровости окружающих пейзажей. Один водопад на реке Улеа имеет около 12 метров высоты. Наибольшей известностью пользуются катаракты, прерывающие течение Вуоксы, в нескольких верстах ниже того места, где эта река выходит из озера Сайма. Заключенный в ущелье шириною около 40 метров, поток спускается высокими пенящимися волнами по скату, представляющему уклон в 21 метр на 325 метров длины, затем, ниже порогов, кружится длинными водоворотами в обширном бассейне: это ревущее ущелье и есть знаменитый водопад Иматра. На высоте около 12 метров над нынешним водопадом скалы носят на себе явственные следы, оставленные прежними быстринами.

Главные озера Финляндии:

	Высота, Метр.	Площадь. Кв. клм.
Энаре[2]	123	1.427
Сайма	78	1.760
с озерами Каллавеси, Эновеси, Пилавеси	78	7.762
Пейение	78	1.576
Пюхеселькe-Оривеси	80	1.137
Пиелис-ярви	90	1.095
Улеа-треск	115	1.086

Морские берега Финляндии не менее шведских изобилуют бухтами, бухточками и всякого рода иссечениями, а архипелаги островов и островков там гораздо многочисленнее. На широте города Вазы архипелаг Кваркен с его тысячами подводных скал съужпвают Ботнический залив и даже должны совершенно замкнуть его через две или три тысячи лет, если поднятие материка будет продолжаться в той же вековой пропорции, как в современном периоде. На углу заливов Ботнического и Финского расположена многочисленная группа Аландских островов, продолжающимся далеко по направлению к берегам Швеции и зимой почти всегда соединенных непрерывной ледяной площадью; иногда даже канал, отделяющий этот архипелаг от шведских берегов, замерзает совершенно, как это было, например, в 1809 году (во время войны России с Швецией), когда отряд казаков проскакал в галоп по льду, чтобы неожиданно напасть на шведский город Грислегамн; точно также в суровые зимы волки переходят по льду через проливы финляндских вод и опустошают обитаемые острова, которых насчитывается около восьмидесяти.

1 Крапоткин „Записка Имп. Русского Географ. Общества", VII, 1875 г.

2 По Стрельбицкому, поверхность Энаре равна 1.249 кв. верстам, или 1.421 1/2 кв. кил. *Ред.*

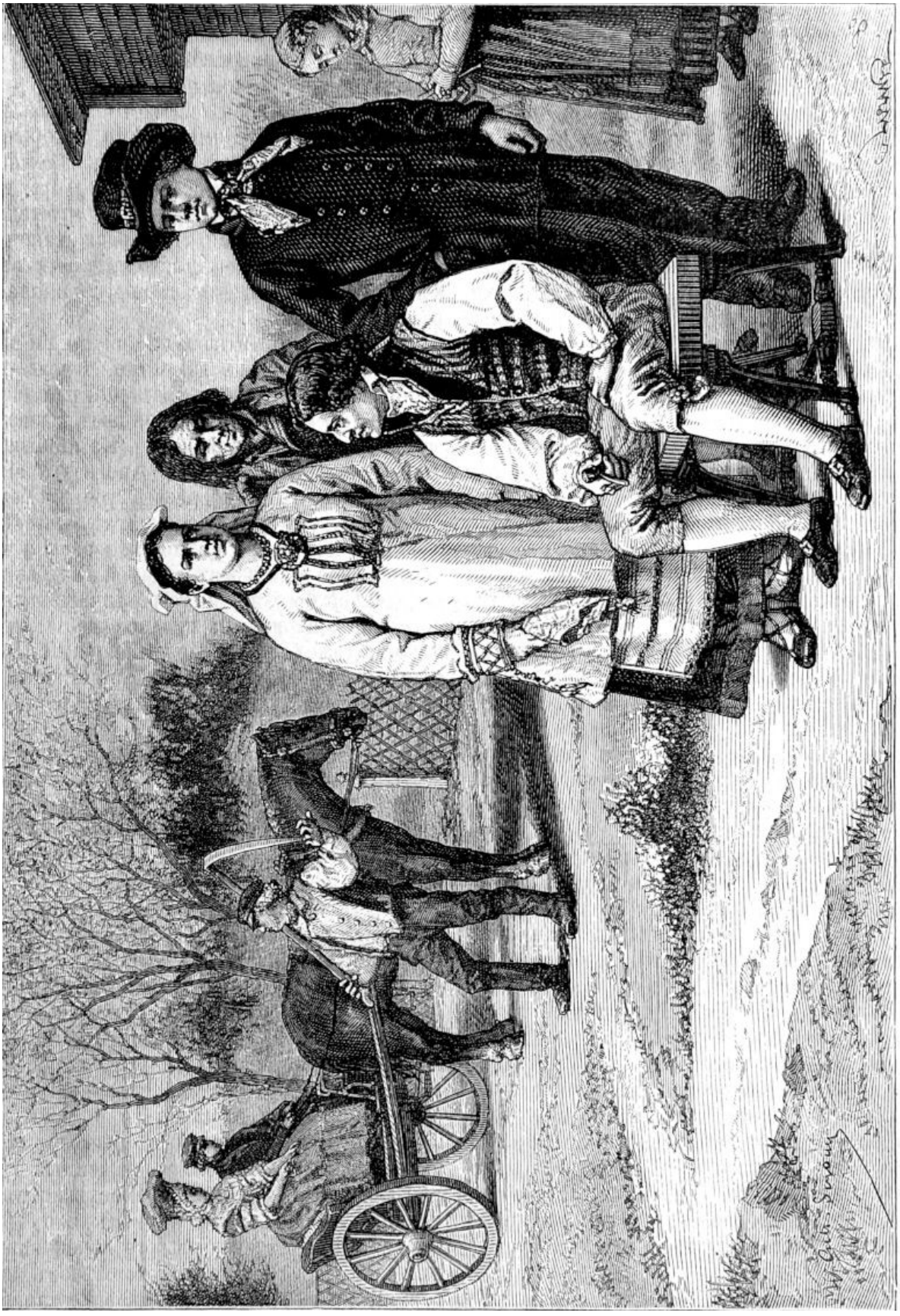
Полуденные берега Финляндии также отделены от глубоких вод моря бесчисленными островками, рифами и подводными камнями (шкеры, или шхеры), между которыми с большим трудом лавируют суда; но, кроме того, несколько утесов и даже два острова, Гохланд или Суур-сари (Большой остров) и Лавин-сари, возвышаются среди залива. Гохланд лежит почти как раз в той части Финского залива, где вода начинает принимать солоноватый вкус. Островитяне пьют еще воду, омывающую берега, но и то только на восточном побережья острова, так как на западе соленость её доходит уже до 4,7‰, по Форхгаммеру. Однако, иностранцы не могут привыкнуть ко вкусу, уже очень горькому, жидкости, которую пьют туземцы, и приезжие, посещающие Гохланд, обыкновенно привозят с собой речную воду[1]. Этот гористый остров, состоящий исключительно из кристаллических горных пород, гранита, диорита, кварца, порфира, рассматривается некоторыми геологами как новая земля, появившаяся в относительно недавнюю эпоху. Тем не менее он имеет точно такую же фауну лягушкообразных гадов, как и соседняя Финляндия, с которою он, впрочем, бывает почти каждую зиму временно соединен ледяным мостом. Взбираясь на самую высокую вершину Гохланда, Гауккавуори или «Соколиную гору», Кеппен явственно слышал, как скалы вибрировали, вследствие расширения воздуха в трещинах, и издавали музыкальные звуки, похожие на звуки органа: новый пример того пения камней, которое в древности так восхищало поклонников египетского Мемнона.

Северная часть Финляндии лежит за пределами полярного круга, да и полуденные её области уже так близки к арктическому поясу, что дни зимой составляют лишь слабый просвет, продолжающийся всего несколько часов, тогда как в середине лета они сливаются посредством красноватых отблесков солнца, проходящего в расстоянии нескольких градусов под горизонтом. В летнюю пору ночь здесь, по выражению Тургенева, походит на больной день. Одна финская легенда рассказывает, что вечерняя и утренняя заря—это жених и невеста, осужденные на долговременную разлуку; но они постоянно стремятся сойтись: с наступлением радостного времени года—лета, им удается, наконец, опять встретиться среди неба, и тогда их соединенные светильники освещают на далекое пространство равнины, горы и море.

Под этими высокими широтами климат суров: изотермы, которые течения, атмосферные и морские, отклоняют к северу на Скандинавском полуострове, изгибаются на финляндской территории к югу, а соседство обширных восточных равнин позволяет холодным ветрам, восточным и северо-восточным, быстро понижать температуру страны. Климат отличается крайностями тепла и холода: очень суровый зимою, жаркий летом под влиянием теплых ветров, южных и юго-западных. Говорят, что возделывание почвы и особенно истребление лесов в прибрежных местностях смягчили среднюю температуру, но в то же время сделали атмосферные перемены более внезапными и более частыми. Растительность в Финляндии однообразнее и беднее, нежели на Скандинавском полуострове, по причине меньшего протяжения страны и большей суровости зим: вместо 2.330 различных видов растений, которыми обладает Швеция, Финляндия имеет их только 1.800, при чем и область распространения большинства этих видов гораздо меньше. Дубы, которые очень хорошо растут на норвежском поморьи до Христианзунда и Мольде и которые могут еще жить даже в окрестностях города Трондгьема, не переходят в Финляндии за черту полуденных берегов, между 60 и 61 градусами широты, и даже на восточной стороне залива они не растут дико в окрестностях Петербурга. Вишневое дерево уже не приносит плодов севернее города Вазы; также и яблоня только цветет, не давая плодов, за 64 градусом широты, в Улеаборгской губернии. По направлению к северу растительность постепенно уменьшается, и на северных берегах озера Энаре показываются последние хвойные леса, уже редкие и малорослые. Еще далее расстилается пустынная тундра; мхи и лишаи покрывают бесплодную почву; только по скатам возвышенностей, хорошо расположенным в отношении солнца, хорошо защищенным от холод-

1 Акад. Бер, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint Petersbourg“, tome IV, 1862.

ных северных ветров, растут кое-какие приземистые, кривые березки, белая ольха да рябина —священное дерево древних финнов[1]. Но под суровым климатом севера летняя растительность проходит все свои фазы с такой быстротой, какая неизвестна даже в странах умерен-



Типы и костюмы Финляндіи.

ного пояса. Так, например, около Улеаборга жатва поспевшего хлеба следовала за посевом

1 Leouzon Le Due, „L'Ours du Nord".

через короткий промежуток сорока-двух дней[1]. Кроме того, влажность воздуха и частые туманы поддерживают постоянную свежесть в растительности лесов и лугов. В некоторых округах Финляндии, именно в соседстве Тавастгуса, крестьяне кроют свей дома не тесом или соломой, а кусками дерна совершенно гладко. Нет ничего привлекательнее этих воздушных лужаек, поддерживаемых с величайшей заботливостью. Полосы бересты, подкладываемые под слои дерновой земли, защищают стропила и связи от сырости и предохраняют их от гниения.

Животное царство Финляндии сходствует с фауной соседних стран, с той только разницей, что оно беднее, и что некоторые виды, прежде существовавшие, теперь исчезли; медведи, волки, рыси, россомахи, лисицы еще очень многочисленны; куница почти вывелась.

Количество диких животных, убитых в Финляндии с 1871 по 1875 год:

Медведей—421; волков—1.862; рысей—433; россомах—195; лисиц—12.391; в 1890 г.: медведей—62; волков—26; рысей—138; лисиц—3.657; россомах—42, выдр—367; куниц—114; горностаев—1.899; хищных птиц—4.786; в 1894 г.: медведей—63; волков—4; рысей—79; лисиц—5.572; россомах—30; выдр—557; куниц—141; горностаев—1.229; хищных птиц—7.836; уплачено премий—8.744 марк.[2]

Количество домашних животных, заеденных дикими зверями, с 1866 по 1870 год:

Лошадей—1.802; рогатого скота—5.584; баранов—14.061; северных оленей—2.714; свиней—1.400; в 1894 г.: лошадей—22; рогатого скота—214 голов; овец—2.499; свиней—29; коз—10; оленей—2.114: домашней птицы—4.289[3].

В гербе Аландских островов изображен лось, прежде очень обыкновенный на этом архипелаге. В начале семнадцатого столетия он сделался уже более редким, судя по тому, что король Густав-Адольф повелел издать закон, грозивший смертной казнью «всякому, кто осмелится убить лося»; в 1809 году, во время вторжения русских войск, были истреблены последние из этих животных. Что касается бобров, которых теперь можно встретить только в очень немногих местах остальной Европы, то они, может быть, и живут еще на берегах рек северной Финляндии; но эти грызуны сделались так редки, что самое существование их подвержено сомнению[4].

Общераспространенное у иностранцев имя финляндцев—финны, вероятно германского происхождения, есть, кажется, перевод наименования, которое дают сами себе коренные жители страны Суоми или Суоменмаа: в нем усматривают близкое сходство с англо-саксонским словом fen (по-французски fagne, fange), которое означает болото[5]; впрочем, эта этимология оспаривается Шегреном[6] и другими учеными: название, так же, как и происхождение финлянцев или финнов, Fenni Тацита, до сих пор остается одним из спорных вопросов этнологии. Однако, вообще можно сказать, что нынешние коренные обитатели Финляндии в большинстве принадлежат к урало-алтайской семье, и что они близко родственны мадьярам (уграм или венграм), равно как народцам еще нецивилизованным того же племени—черемисам, остякам, вогулам, самоедам. Они, очевидно, представляют теперь сильную помесь, так как страна, которую они населяют, и куда они пришли, как полагают, около конца седьмого или в начале восьмого столетия, часто подвергалась иноплеменному нашествию, и различные племена, следовавшие там одно за другим, оставили своих потомков, смешавшихся с нынешним населением. Ранее эпохи полированного камня, страны, известные ныне под именем Финляндии, вероятно, были еще необитаемы и неудобны для обитания, по при-

1 Julin, цитируемый у Acerbi, „Voyage au cap Nord", tome 1.

2 „Статист. Ежегодник Финляндии", 1897 г

3 „Статистич. Ежегодник Финляндии", изд. Центр. Статист. бюро, Гельсингфорс. 1897 г.

4 Ignatius. „Le Grand Duche de Finland".

5 G. Zeusz, „Die Deutchen und die Nachbarstamme";—Oscar Peschel „Volkerkunde";—Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".

6 „Memoires de l'Academie des Sciences de Saint-Potersbourg", I, 303.

чине повсеместного распространения льдов[1]. С первых времен колонизации края финляндские поселенцы всего чаще имели сношения с восточными племенами, населявшими север России, на что указывает тот факт, что почти все предметы человеческого искусства, находимые на востоке и на западе от Ладожского озера, сходствуют между собой по материалу и по работе. Впоследствии, во времена бронзового века, затем особенно в первую эпоху железного периода, скандинавское влияние становится преобладающим; после того новая историческая волна приносит в страну славянскую цивилизацию, и когда история в собственном смысле начинает проливать свет на Финляндию, мы находим скандинавов, то-есть западноевропейцев, в гораздо более близком соприкосновении, чем были русские, с населением края[2]. Часто борьба между морскими завоевателями и теми, которые приходили с востока через область лесов и болот, превращается в истребительную войну, и целые округа подвергались опустошению. Нельзя не удивляться, что среди такой ожесточенной борьбы между повелителями страны финляндцы сохранили так много национальной самобытности.

В северных областях Финляндии влияние лопарей (лопь) было, вероятно, довольно значительно, посредством смешения племен, на финское население, известное под названиями эстерботнийцев и квенов (Kainulaiset); в 1849 г. Андрей Варелиус (Andreas Warelius) насчитывал в Улеаборгской губернии большое число округов и поселков, где земледельческое население было смешанной расы и частию употребляло еще язык лопарей. Что касается полуденной Финляндии, то различные антропологи еще оспаривают предположение, что она некогда тоже была населена лопарями. Правда, местные народные предания единогласно говорят в пользу этой гипотезы, и названия Jaettilaiset, Hiidet, Jatulit, Jotunit могли бы быть применены к этим исчезнувшим первобытным обитателям края. Баснословные рассказы сообщают о войне, которую первые финские иммигранты должны были вести против волшебников, состоявших в союзе с адскими силами[3]; но известно, что в Финляндии, так же, как в России, лопарей, самоедов и вообще всех северных финнов считают чародеями, колдунами, «чортовыми знахарями». Различные названия мест также подтверждают мнение о переходе лопарей в полуденную Финляндию[4]; но отсутствие археологических остатков лопарского происхождения доказывает, что эти северные племена, если и приходили в край, то не могли иметь в нем долговременного пребывания: может быть, какие-нибудь немногочисленные группы рыболовов или бродячих земледельцев останавливались на время в том или другом месте; во всяком случае, эти кочевники оставили, по себе гораздо меньше следов, нежели германские мореходы, приезжавшие на берега залива, чтобы вести меновую торговлю с финляндцами. Томсен даже полагает, основываясь на существовании в финском языке некоторого числа очень древних слов германского происхождения, что немецкие народцы в давния времена жили в равнинах России, сопредельных Балтийскому морю[5].

Финны южной, относительно многолюдной, области делятся на две различные семьи, резко отличающиеся одна от другой многими чертами характера,—тавастов и карелов. Первые населяют юго-западную часть Финляндии, занимая треугольное пространство, ограниченное на западе и юге шведами морского прибрежья, при чем наибольшее влияние оказала на них скандинавская цивилизация, тогда как карелы находились в соприкосновении преимущественно с русскими. По мнению ван-Гартмана, который первый изучал их быт, тавасты, называющие сами себя Hamalaiset[6], что означает, может быть,—если основываться на сходстве с одним эстонским словом,—«жители сырой страны», должны быть рассматриваемы как типичные финны: они коренасты, широкоплечи, мускулисты, с широкой головой, с широким лицем и носом; рот у них большой, тогда как глаза маленькие, с узкими щелями и

1 Worsaae, „La colonisation de la Russie et du nord Scandinave".
2 Gustaf Retzius, „Finska Kranier".
3 Andreas Walerius, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. XIII.
4 Varelius;—Cestren;—Ujfalvi, „Melanges altaiques".
5 „Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen".
6 Herberg; Н. П. Барсов, „Очерки русской исторической географии". Варшава. 1873.

иногда немного косолежащие; цвет радужной оболочки всегда синий, хотя бывает всевозможных оттенков, от бледно-голубого до темно-синего. Русские в старину давали этим финнам, как вообще всем народам чудского или финского племени, прозвище «Чуди белоглазой», по причине их светлых глаз[1]. Волосы у тавастов светлорусые, даже желтоватые или льняного цвета. «Беловолосый, как чухна», говорит русское присловье в сопредельных местностях. Таким образом, в то время, как брахицефалы (короткоголовые) центральной и западной Европы по большей части брюнеты, те, которые живут в Финляндии, отличаются именно светлым цветом волос и глаз[2]; но им несвойственны белая кожа, прозрачный розовый цвет лица, характеризующие белокурых германцев, скандинавов, немцев или англосаксов; кроме того, борода у них почти всегда очень редкая. Вообще между тавастами, как мужчинами, так и женщинами, не встретишь лиц, черты которых соответствовали бы идее красоты, как ее понимают западные европейцы. С нравственной точки зрения, тавасты медлительны, вялы, неповоротливы, часто угрюмы, подозрительны, злопамятны, скупы на слова, но честны, признательны за благодеяния, выносливый неутомимы, терпеливы в болезни и лишениях; фаталисты в высшей степени, они представляют в финляндской нации элемент консервативный. В одиннадцатом и двенадцатом столетиях центр могущества народа Hamalaiset, известных у русских под именем ямь или ям, был, как кажется, гораздо далее на востоке, между Ладожским озером и Северной Двиной; но, теснимые карелами с севера, русскими с юга, они принуждены были переселиться в другие места; однако, и теперь еще, как говорят, существуют потомки племени ям, в числе 20.000 душ, в восточных округах около Петрозаводска и Белозерска[3].

По направлению от запада к востоку в Финляндии можно наблюдать постепенный переход между тавастами и карелами: в особенности саволаки, или Savolaiset, в округе Нюшлот, могут быть рассматриваемы как естественный посредствующий член двух названных рас. Карелы, которые населяют восточную область великого княжества Финляндского и, кроме того, обширные сопредельные территории Российской империи до самых берегов Белого моря, тоже брахицефалы (короткоголовые), как и тавасты, но они не походят на последних ни телосложением, ни чертами лица, ни характером. Большинство карелов выше среднего роста, и даже попадаются такие, которых можно бы причислить к великанам; довольно тонкие, стройные, пропорционально сложенные, они имеют, вообще говоря, правильные черты лица, нос прямой и длинный, лоб широкий, рот отчетливо очерченный. Между ними очень редко можно встретить индивидуумов с узкими, косолежащими глазами в роде монгольских: нет также между ними белоглазых и желтоволосых, как тавасты: радужная оболочка, или раек, у них темного серовато-синего цвета, а их густые темнорусые волосы ниспадают локонами на плечи. Карелы вообще отличаются веселым, живым, деятельным, увлекающимся характером, но они не всегда обнаруживают столько же последовательности и настойчивости, сколько смелости и предприимчивости. Они производят приятное впечатление своим добродушием, так же, как врожденным изяществом манер и нередко даже красотой. История часто показывает их нам участвующими в военных экспедициях. Так, в 1187 и 1188 годах они вторгались даже в пределы Швеции, проникали на берега Меларского озера, сожгли город Сигтуну, умертвили епископа упсальского. Три года спустя они истребили огнем город Або и разрушили все шведские поселения в Финляндии; затем, хотя обращенные в христианство новгородцами в начале тринадцатого столетия, они часто поднимают против них оружие, иногда же соединяются с ними, чтобы вместе воевать против шведов[4]. Равным образом, с помощью новгородцев, они прогнали тавастов с берегов Ладожского озера. Около 1850 года Кастрен насчитывал более миллиона карелов, из этого числа до 830.000 в пределах нынешней Финляндии, т.-е. великого княжества; в настоящее время цифра их там, без сомне-

1 Майков, „Известия Ими. Русского Геогр. Общества", ноябрь 1878 г
2 Virchow, „Berliner Gesellschaft fur Anthropologie", 18 Oct. 1878. '
3 Шегрен;—Кастрев:—Барсов.
4 Ив. Д. Беляев, „Разсказы из русской истории". Москва. 1865 г.

ния, простирается до одного миллиона, благодаря естественному приращению народонаселения.

В эпоху своего прибытия в страну, заключающуюся между великими озерами и Ботническим заливом, финны, кажется, не были более цивилизованы, чем ныне живущие угорские народы восточной России и Сибири. Изучением слов финского языка, указывающих последовательные завоевания промышленности и гражданственности, Альквист мог констатировать тот факт, подтверждаемый, с другой стороны, описаниями, содержащимися в древних сагах, что первоначальные обитатели Финляндии прокармливали себя почти исключительно продуктами охоты и рыбной ловли; с земледелием они были знакомы в самой первобытной его форме, и даже не умели приготовлять ни масла, ни сыра из молока своих стад. Религия финнов, сходная с религией лопарей и самоедов, была, повидимому, нечто в роде фетишизма, смешанного с обрядами, подобными тем, какие практикуются шаманами монгольских народцев. Все русские летописи изображают земли чуди, или финнов, как отечество волхвов и кудесников. Заклинания этих чародеев или колдунов, сопровождаемые игрой на музыкальном инструменте в роде арфы, называемом kantele, оканчивались исступлением и конвульсиями, как это делается у сибирских шаманов. Древний финляндец больше верил в могущество священного пения, чем в силу меча. У тех финнов, которые живут во внутренних пустынях, поэтические наклонности усиливаются необычайной нервной впечатлительностью, которая легко переходит в экстаз. В современной науке финляндцы прилагают свои умственные способности преимущественно к изучению математики; поэты их всегда восторгаются гармонией чисел. Но, кроме заклинаний, финны имели еще сокровищницу других песен, по крайней мере в Карелии, так как тавасты не отличаются поэтическим духом: редко можно услышать их поющими[1]. Карельское племя, напротив, одно из тех, которые в высокой степени одарены наклонностью и любовью к поэзии, как о том свидетельствуют эпические сказания, переходившие в народе из уст в уста, от поколения к поколению и сохранившиеся до наших дней отдельными отрывками, посредством соединения которых в одно целое успели, как полагают, восстановить национальный финский эпос, известный под именем Kalevala, что значит «страна Калевы», бога-великана.

Некоторые из песен Калевалы были впервые собраны Шретером и Топелиусом, но только в 1835 году они были соединены в «Эпопею» Элиасом Ленротом, который изъездил во всех направлениях Финляндию и населенные финскими племенами местности в губерниях Олонецкой и Архангельской, чтобы собрать старинные песни; впоследствии шведский перевод Калевалы, сделанный Кастреном, познакомил европейский ученый мир с этими народными поэмами. Между тем исследования продолжались, и второе издание Ленрота, вышедшее в свет в 1849 году, более чем вдвое превосходит по объему первое: оно состоит из 50 рун или песен и 22.800 стихов; все эти песни слышаны собирателями из уст крестьян и относятся к языческой эпохе, за исключением только одной руны, пятидесятой, которая, очевидно, была сложена уже после введения христианства в Финляндии, то-есть около тринадцатого столетия. Дошла ли до нас поэма Калевалы в том самом виде, в каком ее распевали древние суоми, или в значительно измененном,—во всяком случае, эта эпопея оказала решительное влияние на финское литературное движение новейшего времени. Поэтический язык финляндцев отличается между всеми языками мягкостью и звучностью; кроме того, он необычайно богат. Как велико в нем обилие производных слов, можно судить по тому факту, что число вокабул, содержащихся в словаре Элиаса Ленрота[2], простирается до двухсот тысяч.

«Туранцы» по языку и, вероятно, также по происхождению, нынешние финляндцы, без всякого сомнения, не ниже своих соседей, и честолюбие их, вполне законное, состоит в том, чтобы иметь равных себе, но не высших между народами Европы. Вопреки теории, признающей за арийцами всяческое превосходство, умственное и нравственное, над народностями других рас, невозможно отрицать того факта, что, взятые в массе, суоми более деятельны,

1 Gustaf Retzius, „Finska Kranier".

2 „Suomalais-Ruotsalainen Sanakirja", Helsingfors, 1866—1874.

более бережливы и в особенности более честны, чем жители сопредельных стран. Русские писатели отзываются с большой похвалой о нравственных качествах финляндцев, о их неутомимом трудолюбии, добросовестности, скромности, исполненной достоинства, с которою они избегают выпрашиванья на водку или на чаек, избегают даже малейшего намека на это[1]. Впрочем, не одной только расе следует приписать эту привилегию финляндцев; в то время как русские крестьяне, находившиеся в крепостном состоянии, естественно должны были усвоить все пороки рабов, поселяне Финляндии пользовались относительной свободой. Впродолжении всего периода шведского владычества жители края имели свою долю участия в правах гражданских и политических, и большинство хлебопашцев оставались собственниками обработываемой ими земли. В настоящее время почти все финляндцы знают грамоте и могут называть себя образованными, в сравнении с русскими крестьянами соседних губерний. Но трудность возделывания неблагодарной почвы, суровость климата и неблагоприятные условия землевладения делают то, что бедность очень велика в некоторых областях страны, и часто голодовки производили страшные опустошения в рядах населения. Когда лето бывает холодное и дождливое, так что хлеба не успевают созреть до наступления осенних заморозков, неурожай является неизбежным, и жители деревень обречены на голодание: тогда часто случается, что бедный люд принужден есть солому, грызть древесную кору, примешивать к хлебной муке лишаи, а иногда и так называемую «горную муку», то-есть род трепела, состоящего из остатков инфузорий, который собирают на дне бывших озер[2]. В 1868 году в некоторых уездах от голода погибла целая четверть населения; число смертных случаев было в этом году втрое больше числа рождений во всей Финляндии. Слепые в этом крае относительно многочисленнее, чем в других странах Европы, исключая Исландии, которая тоже отличается холодным климатом. В 1873 году в Финляндии насчитывали около 4.000 слепых и, сверх того, более 4.000 страдающих частной потерей зрения. Столь значительный процент слепых должен быть приписан отчасти едкому дыму, почти всегда наполняющему лачуги сельских жителей; но во внутренних округах главной причиной, может быть, следует считать паровые бани и риги, где финляндские крестьяне сушат, молотят и веют хлеб. Бани, наполненные густым паром, образующимся, как и в русской бане, от поливания воды на раскаленные камни, были для финнов чем-то в роде священных мест. По нескольку раз в неделю мужчины и женщины, старики и дети, все вместе, парились, стегая себя березовыми вениками и обливаясь холодной водой. В бани же водили и рожениц, так что большинство финляндских крестьян впервые увидели свет в тусклой атмосфере паровой бани[3]. Впрочем, теперь уж не встретишь общих бань, какие существовали прежде, ни в губерниях Абосской, Тавастгусской, Нюландской, ни в южной части Выборгской губернии.

Часть Финляндии занята исключительно шведами, потомками древних завоевателей страны: у финляндцев они известны под именем Ruotsalaiset. Население Аландских островов, которыми скандинавы владели уже в 1130 году, сплошь шведское, так же, как и население некоторых островов у абоского берега и прибрежной области к югу от Гамла-Карлебю: еще недавно финский язык был в этих местностях так же мало знаком, как и русский. Шведская колонизация началась в крае с половины тринадцатого столетия, вследствие завоеваний Биргер-Ярла, и в следующие века она не переставала усиливаться, благодаря торговым привилегиям и всякого рода льготам и преимуществам, предоставленным скандинавам. На протяжении около 30 верст к западу от реки Кюмень, притока Финского залива, население также чисто-шведское: жители вступают в брак только между, собой; они сохранили свои нравы, свой родной язык и таким образом до сих пор остаются иностранцами в отношении окружающего финского населения. В других местах шведы встречаются лишь отдельными семействами или смешались посредством браков с туземным населением; в Нюландской губернии большинство шведов говорит по-фински так же хорошо, как на языке

1 Семенов, „Отечествоведение", „Вестник Европы"; Корф, „Итоги народного образования".
2 Ignatius, „Le Grand-Duche de Finlande".
3 Gustat Retzius, „Finska Kranier".

своих предков[1]. В прежнее время все жители края, сделавшиеся равными шведам по умственному развитию или по общественному положению и которые говорили скандинавским языком, причисляли себя к шведам: аристократия, каково бы ни было её происхождение, принимала имя, которое казалось тогда наиболее почетным. Финский язык, сохранившийся только как народная речь, считался чем-то в роде простонародного языка. Однако, реформация дала финнам начатки письменности, в виде перевода на их язык книг Священного Писания в 1548 году; затем, в семнадцатом веке, благодаря Абоскому университету, начались исследования о финском языке; наконец, в течение настоящего столетия, финляндская литература совершенно освободилась от скандинавской опеки, хотя, впрочем, большинство её сочинений состоит из переводов с шведского. Отныне две национальности, два языка не имеют более причины завидовать друг другу в отношении каких-либо привилегий; сделавшись совершенно равными своим прежним господам, финны, получившие образование или разбогатевшие, не имеют более надобности рядиться в шведское имя. С 1868 года все вновь поступающие на службу школьные учителя, а с 1872 года—и все чиновники обязаны знать финский язык. В 1896 году на всем пространстве Финляндии насчитывали 341.400 шведов.

В ту эпоху, когда пелись в первый раз поэмы финского народного эпоса Калевала, в Финляндии еще не было городов; существовали только кое-какие деревушки в прогалинах лесов да по берегам изобилующих рыбой бухт. Жилища тогдашних обитателей края состояли из землянок—ям, вырытых в земле и защищенных крышей, или из kotas, то-есть конических шалашей, сделанных из жердей, кругообразно воткнутых в землю и припертых верхними концами к поставленному по середине столбу. И теперь еще можно видеть такие kotas, но они давно уже служат только сараями. Строение, заменившее их и называемое porte, похоже на избу великорусского крестьянина: оно состоит из бревенчатого сруба, без окон и без трубы, только с слуховыми окошечками и с отверстием под крышей для выпуска дыма; печь, кое-какая утварь и посуда, да ясли или корыта для домашнего скота—такова была единственная мебель финского porte, где люди и животные жили вместе. И теперь еще можно видеть кое-где некоторые из этих жилищ в их первобытном состоянии,—такия же, какими их описывают карельские песни; но большею частью они увеличились, прикрасились, отделены от скотного двора и гумна и уже более походят на современные дома городов и местечек.

Первые города Финляндии, Або, Тавастгус, Выборг выстроились вокруг крепких замков, воздвигнутых для обороны завоевателей и новообращенных христиан. В северных областях страна, еще и ныне почти пустынная, без всякого стратегического значения, была свободно колонизована, и маленькие городки основались при устьях рек единственно для торгового обмена произведений края. Торнео, стоящий напротив шведского города Ганаранда, от которого он отделен рукавом реки Торнео, служит портом для лопарей, которые привозят туда на продажу рыбу и оленьи языки. Гораздо важнее город Улеаборг (Улю финнов): ладьи, спускающиеся вниз по реке Улеа (по-фински Улюиоки), доставляют ему в большом количестве смолу и дёготь, и к набережным его прибывают большие плоты сплавного леса; в начале текущего столетия улеаборгский порт был, благодаря эксплоатации окрестных лесов, наиболее посещаемым во всей Финляндии; но затем порты южной области, более населенной, давно уже опередили его по развитию торговой деятельности. Движение судоходства в улеаборгском порте по приходу и отходу судов в 1878 году: 423 нагруженн. судна, с общею вместимостью 98.555 тонн.

Ценность торговых оборотов в 1875 г.—7.629.750 марок.

Точно также город Брагестад (Брагин по-фински) сменил, как торговый пункт, старинное шведское местечко Гамле-Карлебю. Южнее, при устье Лаппо-иоки, или «реки Лаппо», следуют один за другим Якобстад или Пиетасари, местечко Ню-Карлебю и город Ваза, ниже которого на том же заливе или фьорде выстроился новый городок, который русские называ-

1 Andreas Warelius, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, vol. XIII.

ют оффициально Николайстад: тысячи подводных камней или шхер угрожают судам, вступающим в этот рейд, но в то же время защищают их от внешних ветров. Движение судоходства в порте Николайстад в 1878 году:

587 судов с грузом, поднимавших 100.756 тонн.

Ценность торговых оборотов в 1895 г.—6.485.550 марок.

Следуя далее в том же направлении к югу, встречаем другие портовые города: Кристинестад (Ристиина), Бьернеборг (Пори), с лесопильными заводами и фабриками, превосходно расположенный на берегу судоходной реки Кумо, и Нюстад, соединенный с Швецией подводным телеграфом. Этот последний город обладал в 1876 году торговым флотом, состоявшим из 24 больших судов и 11 бригов. Движение судоходства в бьернеборгском порте в 1878 году:

Всего в приходе и отходе—810 гружен. судов, вместим. 212.732 тонны.

Ценность торговых оборотов в 1875 г.—8.746.000 марок.

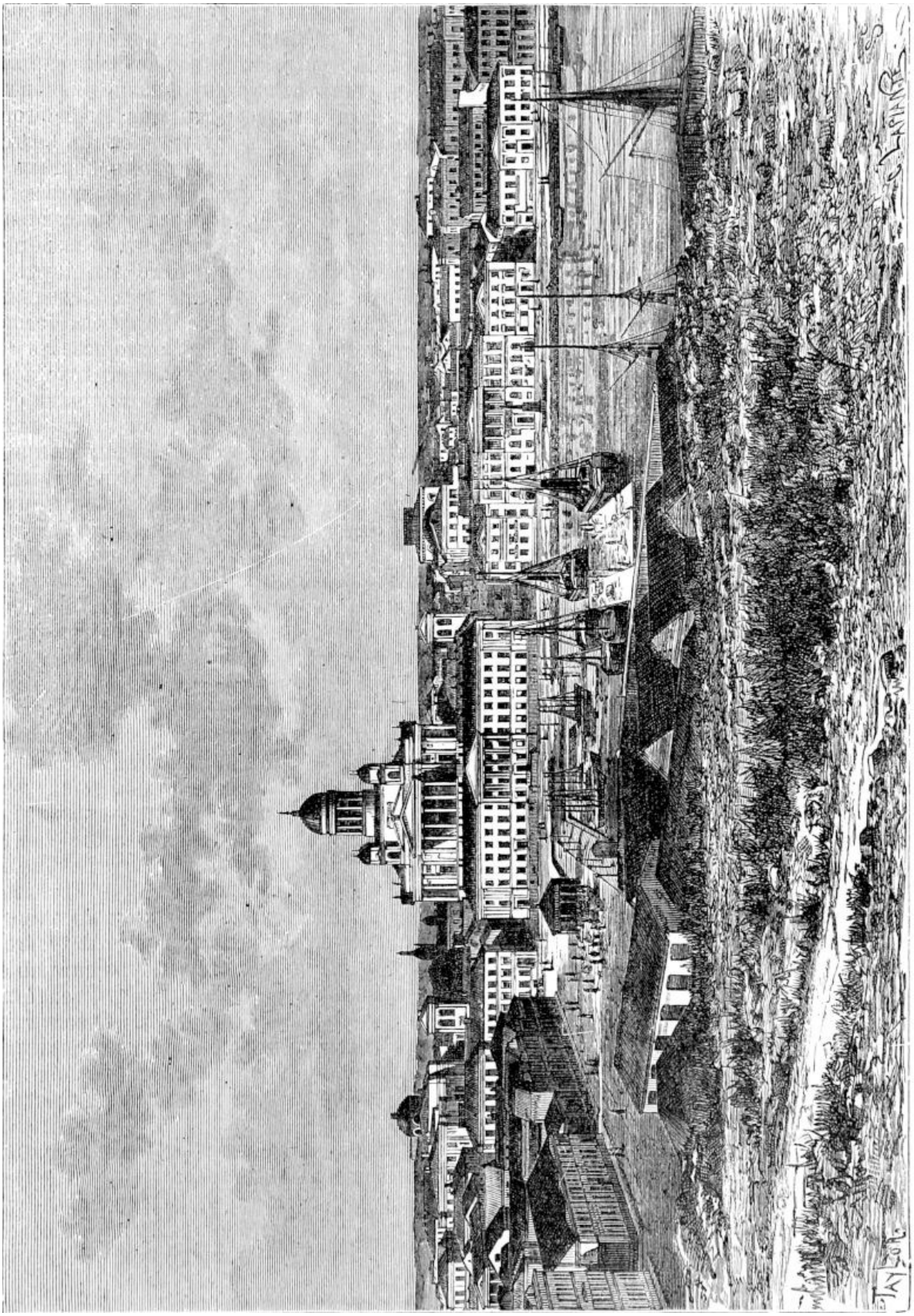
Або (по-фински Турку)—древнейший город Финляндии; в течение многих столетий он был главным оплотом шведского владычества на восточном берегу Балтики: здесь была воздвигнута первая крепость, Абогус, и теперь еще господствующая над устьем реки Аураиоки, ниже города. Защищенный с западной стороны против волн открытого моря архипелагом, где островки и подводные скалы рассеяны тысячами и который продолжается, по направлению к Швеции, другим лабиринтом островов, Аландским архипелагом, абоский рейд мало удален от угла финляндской территории, выступающего между заливами Ботническим и Финским; благодаря этому обстоятельству, он сделался сборным местом для мореходов, посещающих оба моря, и одним из главных рынков страны: самое имя Турку, которое жители внутренней области дают этому городу, указывает на исключительную важность Або для торговых сношений, ибо это название происходит от шведского слова torg, означающего торг, рынок. Будучи вторым по числу жителей, Або занимает, однако, третье место между торговыми городами Финляндии; главные предметы его отпуска—лес и хлеб в зерне и муке, тогда как из-за границы он получает преимущественно мануфактурные изделия, колониальный товар и хлопок в кипах для финляндских бумагопрядилен. Кроме того, Або замечателен тем, что он впродолжении без малого двух столетий, с 1640 по 1827 г., был местопребыванием финляндского университета: здесь астроном Аргеландер составил свой драгоценный каталог неподвижных звезд; но после пожара, истребившего университетские здания, вместе с библиотекой, состоявшей из 40.000 томов, высшее учебное заведение края было переведено в Гельсингфорс. Однако и после того Або долго еще оспаривал у финляндской столицы титул литературного центра, в особенности по части шведских изданий. Торговое движение Або в 1891 г. выразилось следующими цифрами:

Ценность привоза—9,5 миллионов мар.; вывоза—около 24 миллионов марок.

Движение судоходства в порте: прибыло—760 судов, вместим. 220.234 тонны: вышло—833 судна.

Гельсингфорс (по-фински Гельсинки), родина Норденшельда, есть не только главный, но также и самый красивый город великого княжества; он имеет много прекрасных зданий, церкви с колоннадами и куполами, общественные гульбища, парк, ботанический сад, теперь самый северный во всем свете, так как он на несколько десятков верст ближе к полюсу, чем ботанические сады Петербурга, Упсалы, Христиании. Гельсингфоргский Александровский университет, богатый письменными памятниками, относящимися к Финляндии, сделался центром значительной научной деятельности; но он не имеет в действительности той важности, которую придают ему оффициальные отчеты: в списках его слушателей числятся сотни лиц, живущих вне города или даже за границей; нередко можно встретить стариков, продолжающих носить звание студентов. В весеннее полугодие 1896 г. в этом университете было: преподавателей 110; учащихся, посещающих лекции, 1.188, в том числе 84 учащихся женского пола; всех слушателей числилось по спискам—2.010, в том числе 158 лиц женского

пола[1]. Университетская библиотека в 1893 г. состояла из 200.000 томов. Со стороны моря Гельсингфорс защищен грозными укреплениями Свеаборга (Виапори), котораго стены, пробитые амбразурами, возвышаются на гранитных утесах семи островов, господствующих над



Гельсингфорсъ

фарватером залива. Однако, Гельсингфорс—город по преимуществу торговый; он наследовал городку, который был основан шведским королем Густавом Вазой верстах в семи далее на

1 „Статистический Ежегодник Финляндии", изд. Центрального Статист. бюро, Гельсингфорс, 1897 г.

севере, но воды которого оказались недостаточно глубокими. В нынешнем порте судоходство весьма деятельно, и торговля ведется почти столько же с Великобританией, как и с Россией.

Торговое движение Гельсингфорса в 1893 г.:

Ценность привоза—29.900.000 мар.; вывоза—8.000.000 мар.

Движение судоходства (по заграничному плаванию): 230 судов в 93.397 тонн.

Морская торговля Гельсингфорса в последнее время уменьшилась, по причине постройки железной дороги, которая направляется к мысу Ганге, угловому выступу Финляндии, при входе двух заливов: море в этом месте гораздо долее свободно от льдов, чем в Гельсингфорсском порте и в других портах прибрежья, фарватеры которых замерзают в ноябре или декабре и снова открываются для навигация только в мае месяце. Гельсингфорс служит главным рынком для двух внутренних городов—Тавастгуса (Геменлинна), губернского города, и Таммерфорса (Тампере), который гиперболически можно назвать «финляндским Манчестером»: этот город, как показывает самое имя его, стоит на берегу горного потока, спускающагося стремнинами и водопадами, и воды этой быстрой речки приводят в движение колеса многочисленных заводов, ткацких, обойных фабрик и других мануфактур.

К востоку от Гельсингфорса, по берегу Финского залива, следуют один за другим маленькие порты Борго, Ловиза, Фредериксгамн, близ которого находятся важные гранитные ломки Питерлакские. На юго-западе от Фредериксгамна, укрепленный остров Котка (Руотсинсальми) также командует рейдом, где производится кое-какая торговля и где стоит военная флотилия. Еще далее, уже близ русской границы, открывается залив, или, вернее сказать, фьорд, у северной оконечности которого расположился Выборг (Виипури). Этот город, третий в Финляндии по числу жителей, занимает второе место между финляндскими городами по размерам торговли и первое—по развитию судоходства, благодаря в особенности соседству Петербурга; но большие суда должны останавливаться верстах в 12-ти к югу от города, в Транзундском рейде, который теперь защищен сильными укреплениями. Сайменский канал, по которому пароходы поднимаются до Куопио, оканчивается в Выборге.

Движение внешней торговли и судоходства в Выборге в 1878 году:

Привоз морем—8.748.400 мар.; сухим путем—20.435.000 мар. Вывоз морем—12.216.950 мар.; сухим путем—10.568.530 марок.

Прибыло—2.659 судов, вместим. 210.000 тонн. Вышло—2.675 судов, вместим. 211.367 тонн.

Внутри страны, на севере от местностей, относительно многолюдных, побережья Финского залива, находим один только значительный город: это—Куопио, главный город губернии того же имени, построенный в 1776 г. на острове, посреди озера Калла, почти на половине дороги от Ладожского озера в Улеаборгскому порту; процветанием своим он обязан торговле лесом и смолой. Нюшлот (Новый замок), или Савонлинна, маленький островной город, расположенный между двумя озерами, Гаукевеси и Пилеявеси, замечателен своим живописным шведским замком, высокие круглые башни которого отражаются в водах озера; Кексгольм, на Ладожском озере,—старинная крепость, которую оспаривали друг у друга новгородцы и карелы, а впоследствии шведы и русские. Этот последний город ведет торговлю лесом и гранитом, так же, как Сердоболь или Сордавала, лежащий в северо-западном углу Ладожского озера.

Население важнейших городов Финляндии 31 декабря 1894 г. [по церковным книгам][1]

Гельсингфорс, со Свеаборгом—70.984 жит. (29.597 финн., 29.994 швед., и проч.); Або—33.763 жит. (17.834 финн., 11.930 швед., и пр.); Выборг—22.497 жит.; Улеаборг—13.597 жит.; Таммерфорс—24.233 жит.; Бьернеборг—10.981 жит.; Куопио—9.489 жит.; Николайстад (Ваза)—11.821 жит.

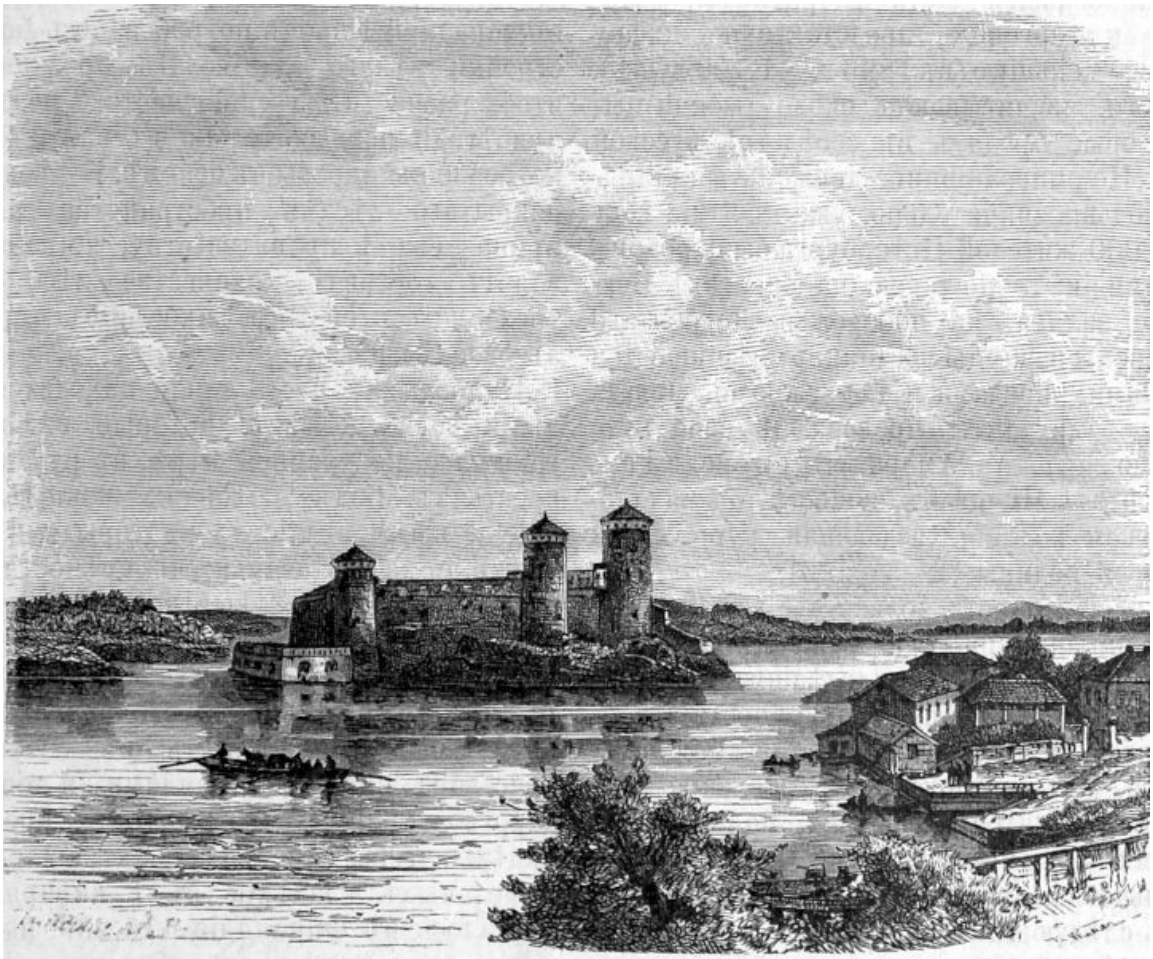
Финляндия одна из тех стран Европы, где численность населения возрастает с наибольшей быстротой, благодаря глубокому миру, которым пользуется этот край уже более по-

1 „Статистический Ежегодник Финляндии", 1897.

лустолетия, и развитию его земледелия, промышленности и торговли. Число жителей почти упятерилось с половины восемнадцатого века, более чем удвоилось с 1815 года, как показывают следующие цифры:

Население Финляндии: в 1750 г.—555.000 душ; в 1815 г.—1.095.950; в 1865 г.—1.843.245; в 1870 г.—1.767.200: в 1875 г.—1.912.650; в 1880 г.—2.028.021; в 1897 г.—2.527.801 душ.

Но в этом постоянном приращении народонаселения был период остановки и даже обратного движения, во время большего голода 1868 года, когда около ста тысяч жителей сделались жертвой голодного тифа. В южных округах, прилегающих к Финскому заливу, население уже составляет, в среднем выводе, более 10 жителей, а в Нюландской губернии—даже 24 жит. на квадр. километр, тогда как для всей территории великого княжества «кило-



Нюшлотъ.

метрическая густота населения» в три раза меньше; но нужно заметить, вместе с Игнациусом, что из всех стран, лежащих под тою же широтой, Финляндия есть самая населенная и наилучше обработанная. Хотя менее благоприятствуемая климатом, так как изотермы, проходя по её территории, изгибаются к югу, она, однако, имеет на равном пространстве гораздо больше жителей, чем области Скандинавского полуострова, лежащие к северу от шестидесятого градуса широты. Иммиграция составляет лишь весьма незначительную долю в приросте народонаселения Финляндии. В Выборгской губернии с давнего времени поселились в небольшом числе русские крестьяне, сохранившие свою веру, которую исповедуют также тысячи карелов, окрещенных уже новгородцами; но, за исключением военных и чиновников, в пределах великого княжества насчитывается всего только около семи тысяч русских, а немцы, по большей части фабриканты, ремесленники и торговцы, представляют цифру еще гораздо меньшую (в 1896 г.—1.790 душ). Кроме того, насчитывают около тысячи цыган, которые бродят в соседстве русской границы. Но эмиграционное движение финляндцев довольно

значительно: уже в 1864 году около 15.000 жителей Петербурга были родом из Финляндии; точно также на берегах Ботнического залива, на побережья Ледовитого океана, квены и финны постоянно смешиваются с лопарями, шведами и норвежцами. Оттуда некоторые эмигранты продолжали свой путь даже за океан, в Америку; в городе Ганкок, в штате Мичиган, существует маленькая финская колония, издающая журнал на языке своей родины[1].

Финляндский народ только-что вступил в промышленный период, и четыре-пятых жителей занимаются еще земледелием и скотоводством. Однако, общая поверхность утилизируемых земель составляет только сорок-четвертую часть территории: остальное пространство находится в залежи, под лесами, пустырями, озерами и болотами. В 1875 году земледельческая территория Финляндии распределялась следующим образом:

Леса—19.239.480 дес.; пашни—760,500 дес.; в залежи—225.000 дес.; воды, скалы, пустыри—13.525.020 дес.

Производство зернового хлеба недостаточно для местного потребления, и финляндцы принуждены каждый год ввозить муку из России. В 1894 году[2] сбор хлебов дал (в гектолитрах):

Пшеницы—52.101; ржи—4.301.033; ячменя—2.030.304; овса—5.917 900; смешан. хлеба—151.268; гречи—9.229; гороху и бобов—142.744; картофеля—6.066.032.

Число домашних животных в Финляндии в 1894 г.:

Лошадей—267.388; жеребят—29.258; быков и волов—77.754; коров—987.732; молодого скота—298.586; овец—1.028.425: свиней—178.144; коз—14.240; оленей—127.594; кур и индюков—352.102; прочей домашней птицы—4.297[3]

Взамен ввозимого хлеба, Финляндия отправляет за границу лошадей, бойный скот, молоко, масло, сыр: кроме того, петербургские рынки значительную часть дичи и рыбы получают из сопредельных финляндских округов. Однако, главная отпускная торговля Финляндии состоит из леса и других продуктов лесоводства, смолы и дегтя. Как и в Швеции, лесные богатства тратятся неразумно, так что для самой пустой поделки, какой-нибудь ничтожной ограды или забора, здесь употребляют столько же леса, сколько в западной Европе потребовалось бы для постройки целого здания. В прежнее время, чтобы расчистить лесной участок под пашню, прибегали исключительно к палу, то-есть к истреблению деревьев огнем. Более половины покрытого лесами пространства территории принадлежит правительству; но казна доставляет торговле количество леса меньшее трех четвертей того, какое продают частные лесовладельцы.

Наибольшая часть земли находится во владении, если не тех, которые ее обработывают, то, по крайней мере, в руках класса крестьян. Более половины земледельцев—еще и ныне мелкие арендаторы или батраки, живущие на жалованьи; но крепостное состояние никогда не существовало в шведской Финляндии; только в Выборгской губернии, которая составляла часть собственно России в начале нынешнего столетия, помещики начали-было приобретать в собственность крестьян вместе с землями, и теперь государство принуждено выкупать крестьянские наделы, чтобы перепродать их землепашцам. Земельных владений к 1 января 1895 г. считалось в Финляндии 115.239; по владельцам, эти земли распределялись следующим образом:

Число гектаров земли, принадлежащей: казне—14.348.376; дворянам—343.680; пасторским усадьбам—268.260; не состоящим в финляндском подданстве—90.767; прочим землевладельцам—21.507.917; всего—36.559.000[4].

Многочисленные дворянские имения пользуются в Финляндии важными привилегиями и не несут тех же налогов и повинностей, как земли крестьян. Что касается земель, принадлежащих казне, то они по большей части отдаются в аренду наследственным арендаторам,

1 Ignatius, „Le Grand-Duche de Finlande".
2 „Статист. Ежегодник Финляндии", 1897 г.
3 „Статист. Ежегодник Финляндии", 1897
4 Там же.

которые имеют право выкупать участки на заранее определенных условиях: уплатив арендную плату за три года, они становятся собственниками земли, на которой поселились.

Финляндия имеет несколько рудных месторождений—золото и серебро, свинец, цинк, медь, олово и железо, но месторождения эти вообще бедные, а недостаток дорог не позволяет эксплоатировать их; ломки прекрасного гранита, порфира и мрамора утилизируются только там, где выломанные камни могут быть непосредственно нагружаемы на суда, для отправки в приморские города. Из всех металлов только железо составляет предмет деятельной разработки, но большинство железо-плавильных заводов или домен обрабатывает почти только иностранные руды, а из местных—только болотную руду. Эта болотная или озерная руда собирается как песок со дна морского, или как ил в гаванях, при помощи землечерпальных машин; зернышки и кругляки углекислого железняка преобразуются мало-по-малу, и по прошествии нескольких лет заводчики предпринимают новый сбор руды. Железоделательная промышленность Финляндии представлялась в 1895 г. в следующем виде[1]:

Добыто руды (в тысячах килограммов): горной—1.906; озерной—65.818; всего—67.724.

Производство (в тысячах килограммов): чугуна—23.220; полосового железа и стали—17.863; листового железа и пр.—772; мануфактурного железа—881; гвоздей—3.360.

В южных областях края большое число рудников, разработываемых в живой скале, ныне оставлено; вообще, горная промышленность все более и более переходит в северные области[2].

Кроме больших металлургических заводов, Финляндия имеет фабричные заведения для выделки всякого рода мануфактурных предметов, сделавшихся потребностью современных народов; в особенности она отличается по части прядения и тканья материй, а также производства писчей бумаги: подобно Швеции, эта страна находит в древесной массе важный сырой материал для своих бумажных фабрик. Судостроение, преимущественно на берегах Ботнического залива, также составляет прибыльный промысел, и торговый флот Финляндии—один из самых значительных в Европе, пропорционально числу жителей: если бы Франция была так же богата купеческими судами, то она обладала бы флотом в 5 миллионов тонн вместимости.

Коммерческий флот Финляндии к 31 декабря 1895 г.: парусных судов—4.955, в 236.928 регистр. тонн; паровых—418, в 28.770 тонн; всего—2.373 судна в 265.698 тонн[3].

Морская торговля Финляндии весьма деятельна.

Движение судоходства в финляндских портах в 1895 г.:

Пришло—7.776 судов, вместимостью ве 1.581.330 тонн; отошло—7.842 судна, вмест. в 1.595.842 тонны.

В 1896 г.: пришло—7.822 судна, вмест. в 1.723.960 тонн; отошло—7.936 судов в 1.718.109 тонн.

Ценность товарообмена Финляндии с разными странами, по морской и сухопутной торговле, в 1895 г. (в тысячах марок): привоз—150.346; вывоз—142.935; в 1896 г.: привоз—172.600; вывоз—158.900.

К торговле приморских портов нужно прибавить торговлю, которая ведется через сухопутную границу между Финляндией и Россией, по Ладожскому озеру и в особенности по железной дороге из Выборга в Петербург. Этот рельсовый путь овладел перевозкой большего числа товаров, которые прежде отправлялись на каботажных судах. Наконец, произведения немецких мануфактур проникают в большом количестве в Россию посредством контрабанды, которая ведется вдоль всей границы. Между старинными обычаями финляндской торговли можно указать на так называемый «немой торг», который держится еще в различных местах. Крестьяне, привозящие масло на ладожские пароходы для петербургского рынка,

1 Там же.

2 Крапоткин, „Известия Имп. Русского Географического общества", 1871 г., № 5.

3 „Статист. Ежегодник Финляндии", 1897 г.

сдают свой товар, записывают свои имена и количество доставленного масла, затем, в известный срок, получают следующие им деньги, и впродолжении всей этой операции продавец и покупатель не обмениваются ни единым словом.

В южной Финляндии железная дорога, почти параллельная морскому берегу, проведена из Выборга в Ганге, с ветвями на Гельсингфорс, Або и Таммерфорс (общая длина финляндских железных дорог в янв. 1897 г.: 2.424 километра). Железнодорожная сеть должна продолжиться из Таммерфорса на северо-запад до Вазы, затем она пройдет до Улеаборга, лежащего под 65 градусом широты; сделаны даже изыскания пути, который должен следовать вдоль морского берега до Торнео. Нет сомнения, что в непродолжительном времени Финляндия и Швеция соединят свои железнодорожные линии на реке Торнео, в соседстве полярного круга. Равным образом на финляндском побережья и на внутренних озерах товары и пассажиры перевозятся с помощью всемогущего пара. Быстрые пассажирские пароходы поддерживают правильное сообщение между всеми городами морского берега, тогда как паровые шлюпки и буксирные пароходы, проникая в самое сердце Финляндии через двадцать восемь шлюзов Сайменского канала, ходят от Выборга до Куопио и даже до Иденсальми, удаленного почти на 400 верст от моря по прямой линии и на 500 слишком верст, если считать повороты. В сравнении с работами того же рода, исполненными в России, финляндские сооружения замечательны своей прочностью и аккуратностью отделки. Шоссейные дороги Финляндии, для которых, впрочем, строители располагают превосходными материалами, бесспорно принадлежат к числу лучших в Европе. Недавно решено приступить к устройству судоходного канала, долженствующего соединить оконечность Ботнического залива с Белым морем; проектированный канал, длина которого будет без малого 500 верст, захватывает течение нескольких рек, и, кроме того, в состав его войдет большое озеро Топ (по-русски Топозеро).

Движение почтовой и телеграфной корреспонденции в Финляндии, относительно, значительнее, чем в России, благодаря более высокому уровню народного образования. В 1894 году в великом княжестве было переслано по почте писем и разного рода отправлений—13.273.335; отправлено газет и журналов—9.641.935 номеров. Число учебных заведений относительно не велико: в 1894-95 году было средних учебных заведений: лицеев—38, с 5.993 учащимися; элементарных, реальных и городских училищ—19, с 653 учащимися; женских и приготовительных училищ—69, с 5.019 учащ.; учительских семинарий—4, с 569 учащ.; народных (высших) училищ: в сельских общинах—1.174, с 51.467 учащ.; в городах в народных училищах обучалось 24.245. Специальные учебные заведения: Политехнический институт, в Гельсингфорсе, в 1895-96 г.—176 учащихся (в том числе 3 женщины); навигационные училища—7, с 156 учащ.; коммерческие институты и училища—8, с 450 учащ. (в том числе 209 женщ.); сельскохозяйственные учебные заведения—399 учащ. (муж.) и молочнохозяйственные—186 учащ. (женщ.). Кроме того, существуют ремесленные и промышленные училища.

Большинство детей учится чтению и пению в семействах и в передвижных амбулаторных народных школах, содержимых сельскими обществами и временно пребывающих по два или по три месяца в каждой деревне: но обучение письму в большом пренебрежении у странствующих наставников, доказательством чего может служить следующий факт: между тем как почти все дети северной Улеаборгской губернии умеют читать, едва только один из двадцати знает писать [умеющие читать составляют 95,9 процент., а умеющие писать только 5,8 процентов[1]]. Даже в некоторых южных округах, где существует много постоянных народных школ, две трети финских детей не обучены письму. Относительно своей численности, шведы Финляндии все-еще образованнее финнов, как о том можно судить по периодической печати края. В 1771 году появилась в Финляндии, именно в городе Або, первая шведская газета, за которой пять лет спустя последовало издание финской газеты. В настоящее время финская периодическая пресса, увеличение которой пропорционально идет бы-

1 Бар. Корф, „Итоги народного образования в европейских государствах”.

стрее, превосходит числом изданий шведскую журналистику, но всего только на несколько газет.

Периодическ. изд. Финляндии в 1836 г.: 6 на шведск., 4 на финск. яз.; в 1872 г.: 21 на шведск., 16 на финск. яз.; в 1878 г.: 25 на шведск., 30 на финск. яз.; в 1896 г.: 73 шведских, 99 финских, 5 шведских и финских.

Административное влияние—с одной стороны и влияние университета—с другой дают в печати преобладающую роль столице: половина существующих в крае повременных изданий выходит в Гельсингфорсе.

Великое княжество Финляндское соединено с Российской империей не только единством верховной власти, но также общей солидарностью в отношении иностранных государств: управление внешними делами одно и то же для обеих стран, и некоторые ведомства, как, например, телеграфная часть, находятся в заведывании русских чиновников. Образ правления в Финляндии, сохранившей в существенных чертах свое шведское устройство, есть в принципе неограниченная монархия, соответственно формам древней скандинавской монархии; но эти формы были видоизменены императором Александром I, который присоединил этот край к русским владениям и дал ему особое устройство в 1809 г. Император Всероссийский, Великий Князь Финляндский, согласно выражениям статутов или конституции, «властен управлять государством, охранять, спасать и защищать оное; начинать войну, заключать мир и союзы с иностранными державами; раздавать милости, возвращать жизнь, честь и имущество; располагать по своему высокому усмотрению всеми должностями страны, которые должны быть замещаемы природными финскими мужами, и соблюдать закон и правосудие». Лицо Великого Князя представляет в Гельсингфорсе генерал-губернатор, который есть вместе с тем главный военный начальник (командующий войсками финляндского округа) и президент сената: кроме того, Государь назначает в своей резиденции министра статс-секретаря по делам Финляндии, который должен быть финляндским уроженцем и который докладывает все касающиеся края дела, представляемые на Высочайшее решение. Финляндский сенат, назначаемый во всем его составе Государем, имеет пребывание в Гельсингфорсе и делится на два департамента—департамент юстиции и департамент экономии, состоящие каждый из девяти членов. Обер-прокурор, также назначаемый Высочайшею властию, присутствует на заседаниях сената, чтобы контролировать его решения и чтобы указывать ему пределы его власти, ибо в важных случаях дело должно быть представляемо на Высочайшее усмотрение. Кроме того, генерал-губернатор высказывает свое особое мнение в протоколе совещаний.

Национальное представительство или «сейм», которому статуты предоставляют долю участия в законодательстве, состоит из двух сот слишком членов, принадлежащих к четырем сословиям: дворянству, духовенству лютеранской церкви, горожанам и крестьянству, которые, с 1863 года, собираются, в лице своих представителей, по крайней мере каждые пять лет, в обыкновенное или очередное собрание, каждое сословие в отдельной зале; в некоторых случаях сословия могут соединяться для совместного обсуждения какого-либо вопроса, но не имеют права постановлять решений в общем собрании. Единогласие всех четырех сословий необходимо для законов, касающихся государственного устройства, привилегий, налогов; распоряжение о наборе войска также не может быть сделано без их общего согласия. Впрочем, сейм обсуждает только те дела, которые предлагаются на его рассмотрение правительством; в остальном он прежде пользовался лишь правом петиции; но в 1882 г. он получил также, в довольно широкой мере, право парламентской инициативы. На русскую речь генерал-губернатора финны и шведы отвечают на своих природных языках, и часто, чтобы не возбуждать зависти ни в той, ни в другой национальности, обратные ответы делаются по-французски,—на том языке, на котором говорил Император Александр I пред сеймом в Борго. Все дворянские фамилии представлены на сейме своим главою или уполномоченным, тогда как другие сословия, более многочисленные, должны избирать своих представителей.

Состав сейма, по сословиям, следующий:

Дворянство—121 представ.; духовенство—36 представ.; городское сословие—45 представ.; крестьянство—59 представ.; всего—261 представитель.

Профессора подают голос в сословии духовенства. Судовладельцы, владельцы недвижимых имуществ, именитые городские жители, фабриканты и лица, занимающиеся промыслами на основании особых привилегий, причисляются к классу городских избирателей: они назначают одного депутата на 6.000 жителей городского населения. К классу крестьянских избирателей принадлежат сельские земельные собственники и арендаторы казенных земель. Каждый из 50 судебных округов имеет своего представителя на сейме.

В отношении гражданского управления великое княжество делится на восемь губерний (по шведски lan), подразделяющихся на уезды (harader) и на общины, которые сами управляют своими местными делами, под контролем губернатора и других чинов администрации. Общинные избиратели располагают каждый числом голосов, пропорциональным платимой им цифре налогов. Города, составляющие отдельные административные округи, имеют муниципальный совет, избираемый на три года, нескольких радманов, выборных от торгового сословия, и одного или двух бургомистров, назначаемых сенатом, именем Великого Князя, из трех кандидатов, которые получили на выборах наибольшее число голосов.

В Финляндии действует еще шведский кодекс 1734 года, измененный во многих его узаконениях. Окружные суды, для разбирательства дел в первой инстанции, существуют в числе 59, но они часто переезжают из деревни в деревню, чтобы разбирать накопившиеся дела; суды эти состоят из одного судьи и по меньшей мере из пяти крестьянских заседателей, выбираемых между людьми «благонадежными», по усмотрению губернатора[1]. В городах существуют муниципальные суды или магистраты, в которых председательствует бургомистр. Вторую инстанцию составляют три судебных палаты: в Або, в Николайстадте и в Выборге, а высшее судебное учреждение—департамент юстиции сената. Смертная казнь, легально еще существующая в Финляндии, уже более полустолетия не была применяема на практике.

С 1881 г. в Финляндии введена всеобщая воинская повинность (срок службы—3 года под знаменами и 2 года в резерве). Финское войско состоит (1897 г.) из 1 гвардейского стрелкового батальона, 8 линейных стрелковых батальонов и 1 драгунского полка,—всего по штатам мирного времени, 236 офицеров и 6.020 нижних чинов. Кроме того, в крае расположены русские войска в составе 1 стрелковой бригады, 2 батальонов пехоты, 4 батарей крепостной артиллерии и саперов,—всего около 300 офицеров и 9.200 нижних чинов.

Финляндия, как и Швеция, имеет свою государственную религию,—евангелическо-лютеранскую; другие вероисповедания, за исключением православного, до сих пор не получили еще разрешения образовывать особенные конгрегации. Даже евреи, которых теперь насчитывается около 500 человек, живут в крае лишь в силу данного им дозволения: они не могут натурализоваться. По вероисповеданиям население Финляндии в конце 1896 г. распределялось следующим образом:

Лютеран—2.473.441; православных—46.509; католиков—487.

Архиепископ-примас евангелическо-лютеранской церкви имеет пребывание в городе Або; вся страна разделена на 3 епископства, 45 приорств или благочиний, 286 приходов, 491 конгрегацию, священнослужителей—около 900. Управление православной церковью в Финляндии принадлежит архиепископу выборгскому. До 1866 года инспекция школ принадлежала духовенству; в настоящее время она предоставлена самим общинам, которые для этой цели назначают училищные советы.

Финляндский бюджет в 1897 г. выразился цифрой 65.601.746 марок (марка=0,37498 рубля). Подобно великим державам, это маленькое княжество имеет свой государственный

1 „Благонадежными" (valfrajdad), т. е. людьми, которые не были наказаны, по приговору суда, за преступления, позорящие честь или доброе имя. Губернаторы не имеют никакого отношения к судам, зависящим лишь от судебных палат (гофгерихтов). *Ред.*

долг, который 1 января 1897 г. равнялся 86.364.815 маркам[1].

В Финляндии, как и в Швеции, города отличаются от местечек и деревень не числом жителей, а привилегиями торговыми и политическими.

Следующая таблица содержит список губерний, с показанием их пространства, цифры и густоты населения.

Губернии.	Пространство кв миль.	кв. верст.	кв. кил.	Города	Местечки	Уезды	Население к 1 янв. 1897 г.	Число жител. на кв. килом.
Нюландская	215,6	10.432	11.872	5	—	4	264.243	24
Або-Бьерпеборгск	438,9	21.239	24.171	6	2	10	419.369	18
Тавастгусская	392.0	18.967	21.584	2	—	6	276.010	15
Выборгская	636,4	30.791	35.041	6	—	9	379.115	9
Санкт-Михельская	414,8	20 070	22.840	3	—	4	185.098	8
Куопиоская	776.0	37.548	42.730	9	2	6	300291	8
Вазаская	756,3	36.592	41.711	7	1	6	435.548	11
Улеаборгская	3.008	145.552	165.641	5	1	6	260.763	1,7
Часть Ладоги, принадлеж. к Финляндии	—	—	8.014	—	—	—	—	—
Итого	6.638,0	321.191	373.604				2.520.437	7

III. Прибалтийские губернии

Эстляндская, Лифляндская, Курляндская

Три губернии Российской империи, обыкновенно называемые «прибалтийскими», «Остзейским краем», не отделены от остальной России никакой естественной границей; в состав их не входит Петербургская губерния, хотя она и омывается теми же водами. Только на северо-востоке два соединенные озера, Псковское и Чудское (Пейпус), и вытекающая из последнего река Нарова служат общей границей: Петербургской губернии—с западной стороны, губерниям Эстляндской и Лифляндской—с восточной стороны; но на юго-востоке и на юге разграничительные линии, которые то следуют по течению какой-либо реки, то пересекают леса или болота, все чисто условны: от одной административной территории до другой продолжаются цепи холмов и равнины. В нижней части своего течения, Западная Двина орошает равнины Лифляндии и Курляндии; но эта река лишь в очень слабой степени способствовала связи и общности исторических судеб Прибалтийского края: единство этих областей установилось главным образом благодаря морю, благодаря Рижскому заливу, который далеко вдается в твердую землю, омывая берега трех губерний. Через море же вошли в край иммигранты немецкого происхождения, сделавшиеся главными владельцами земли, коммерсантами и дворянами,—словом, обладателями всего национального богатства. Эти германские пришельцы уже перестали быть политическими властителями страны, но они все-еще сохраняют в ней преобладающее влияние, благодаря своему богатству, образованию и приобретенному общественному положению, и таким образом придают особый характер той части Российской империи, где они живут. По массе туземного населения, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия также отличаются, вообще говоря, от сопредельных областей, хотя латыши живут также в губернии Витебской, самогиты или жмудины—в Ковенской, эсты в Петербургской: только перейдя через границы земель, населенных эстами и латышами, вступаешь в Россию собственно. Однако, прибалтийские губернии не имеют частной политической автономии, как Финляндия, ни даже административного единства. Поэтому общая статистика с давних пор уже соединяет эти губернии с остальными губерниями империи; они составляют одну из важнейших областей не по протяжению, но по числу жителей и по тор-

1 Финляндия имеет право чеканить монету. *Ред.*

говому движению.

Пространство и население Прибалтийскаго края:

	Пространство (без значит. внутрен. вод) кв. верст.	Население в 1897 г.	Число жителей на 1 кв. версту.
Эстляндская	17.306	413.724	23,9
Лифляндская	40.002	1.300.640	32,5
Курляндская	23.747	672.634	28,3

В целом губернии балтийского прибрежья мало возвышаются над поверхностью моря, но местами почва поднимается в виде цепей или групп холмов, которым контраст окружающих низменных равнин придает некоторый рельеф. Эти высоты, которые в общем своем образовании похожи на холмистые плоские возвышенности Померании и Восточной Пруссии, составляют также род водораздельного хребта между берегами Балтики и внутренними континентальными равнинами; но они прерываются во многих местах и дают проход текущим водам. В Эстляндии почва повышается довольно круто над уровнем западного морского берега и образует там и сям утесы, состоящие из песчаника и древних известняков и которые у местных немцев известны под именем Glinten; это, без всякого сомнения, есть слегка видоизмененное датское название скалистых крутых скатов (Klint). Далее в восточном направлении кое-где возвышаются бугры среди низменностей; но в виде настоящих холмов почва поднимается только в северо-восточной части края, где различные вершины имеют более 330 футов высоты, а одна из них, Эммо-Мегги, или «Гора-Мать», достигает даже 500 слишком футов; понятно, что в глазах эстов такая возвышенность, господствующая над окружающими равнинами на далекое пространство, должна была казаться родительницей всей страны. Небольшие гряды эстляндских высот постепенно понижаются на юге, к границам Лифляндии; но за равнинами, по которым протекает река Эмбах, или Эмба, местность опять поднимается по обе стороны Вирц-Ярва, самого большего озера, лежащего на всем его протяжении в пределах прибалтийских губерний.

К востоку от этой водной площади, цепь холмов мало-по-малу поднимается и образует широкое плато, над которым господствует гора Мунна-Мегги, самая высокая вершина Лифляндии. Изрезанная глубокими, поросшими лесом ущельями, которые придают скатам и вершинам величаво-суровый вид, эта сплошная возвышенность продолжается на юго-восток к «Чертовой горе» и далее этой высоты, проникая в пределы губерний Псковской и Витебской, тогда как на юго-западе боковой кряж выдвигается между реками Аа и Западная Двина и образует так называемую «Венденскую Швейцарию», живописную гористую местность, сплошь усеянную маленькими озерами, которых там насчитывают целые сотни. На юг от Двины, почва Курляндии образует другое плоскогорье, которое тянется вдоль этой реки до Митавской равнины, лежащей всего только на несколько футов выше поверхности моря. Долина, по которой течет Курляндская Аа, отделяет эту равнину от треугольного полуострова, заключающагося между Рижским заливом и Балтийским морем. Этот полуостров представляет другую «Швейцарию», похожую на Лифляндскую, то-есть лесистое плато, изрезанное по окружности в виде многочленных мысов и отражающее свои деревья в водах маленьких озерных бассейнов. Эта плоская возвышенность оканчивается на севере холмами, которым дали мало заслуженное название «Синих гор», и высоким мысом Домеснес, основание которого врезывается в воды моря, как котватер корабля. На юге берег Балтийского моря, очень песчаный, окаймлен, на большей части своего протяжения, дюнами, которые прежде часто передвигались внутрь страны, гонимые западным ветром, вследствие чего принуждены были закрепить их палисадами и насаждениями дерев.

Главные высоты прибалтийских губерний: Мунна-Мегги (Лифляндии)—1.065 фут. Гайзинг-Кальн (Лифляндии)—996 фут.; Чертова гора, или Тейфельсберг (Лифляндии)—848 фут.; Эммо-Мегги (Эстляндии)—508 фут.: вершина курляндской «Швейцарии»—142 фут.; Домесберг (Курляндия)—188 фут.

Территория прибалтийских губерний вся лежит в области рассеяния эрратических камней, скандинавских и финляндских. Длинные бугры или валы, во всем сходные с азарами

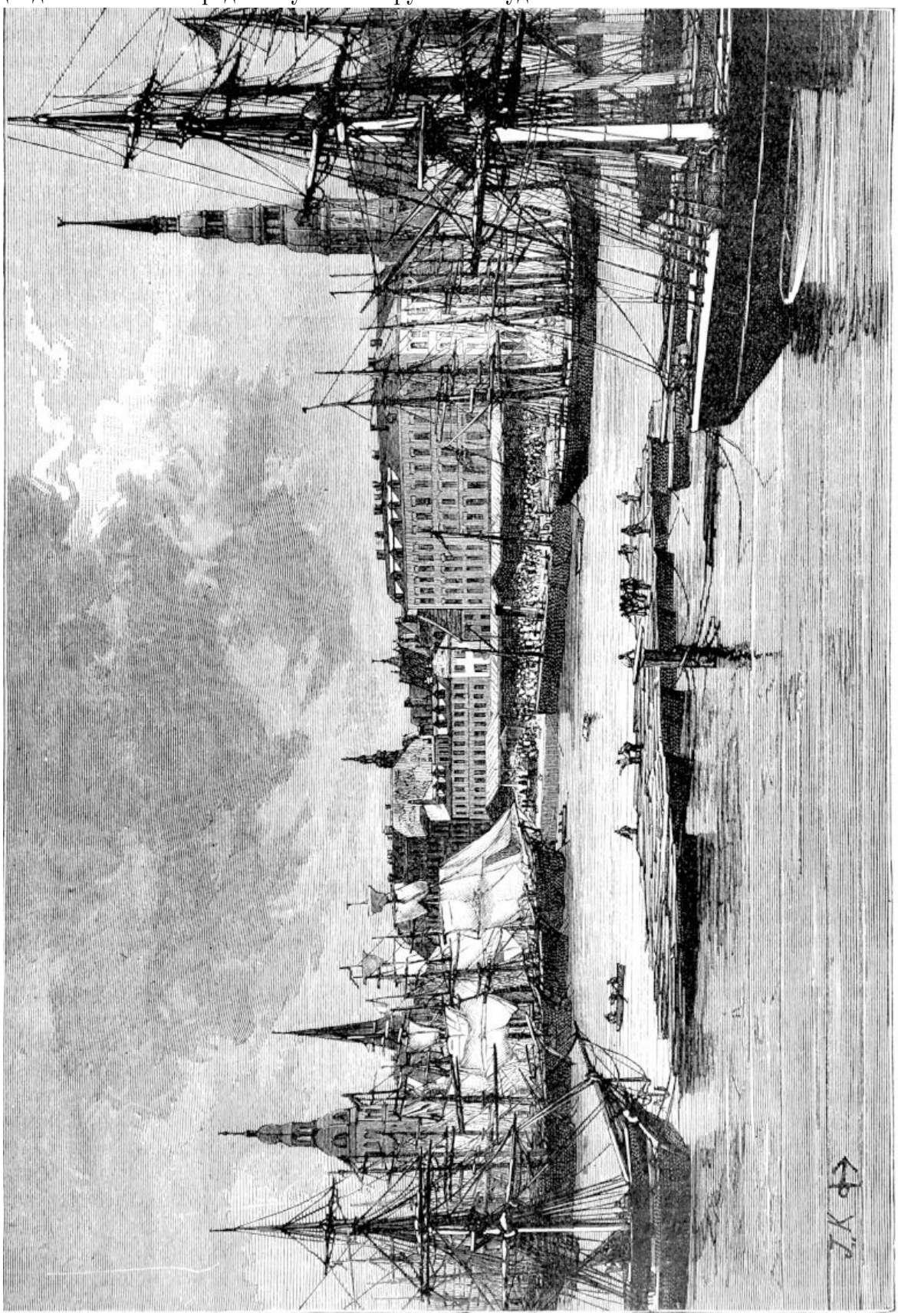
Швеции и Финляндии, встречаются во множестве на острове Эзеле и в равнинах Эстляндии. Там видны также, до высоты 400 футов на холмах, полосы и полированные грани на камнях, произведенные льдами во время их прохождения; а под корнями деревьев, под дерном лугов или под мохом болот, крестьяне часто находят груды гранитных камней, принесенных из Скандинавии и смешанных с глетчерной глиной, сходной с till или boulder-clay Шотландии и Англии[1]. Эрратические камни встречаются везде, где почва еще не обращена в пахатпую землю и где еще не убраны рассеянные на ней камни; валуны попадаются даже на вершине Мунна-Мегги. Подобно тому как в Финляндии и в Швеции, холмы во многих местах Остзейского края расположены правильно по прямой линии в направлении от северо-запада к юго-востоку: поверхность земли имеет такой вид, как будто она была распахана исполинским плугом, и озера наполняют параллельные борозды или впадины, оставленные между грядами и лесами; нет сомнения, что во многих частях территории движущиеся льды также участвовали в сообщении почве этой, почти геометрически правильной, формы рельефа. Как на пример этих цепей высот, правильно выструганных и отшлифованных в одном и том же направлении, можно указать на гряды холмов, которые возвышаются к северу от Дерпта (Юрьева).

На морских берегах Восточной Пруссии почва, как известно, находится теперь в периоде оседания; но в прибалтийских губерниях, по крайней мере в Эстляндии, твердая земля движется в обратном направлении; по наблюдениям Рейнеке[2], повышение почвы в ревельском порте составляло 62 миллиметра в период времени между годами 1822 и 1837; граница или шарнир колебания между оседающими местностями и теми, которые поднимаются, находится, быть может, на берегах Рижского залива, древнего озера, западная стена которого была разрушена размывами моря[3]. Во всяком случае, если действительно Эстляндия и соседние острова постепенно поднимаются из вод Балтики, как утверждают местные жители, то это движение происходит гораздо медленнее, нежели повышение шведских берегов Ботнического залива: здесь, очевидно, останавливается волна поднятия, гребень которой находится в Скандинавии, в соседстве полярного круга[4].

Прибалтийские губернии принадлежат к нескольким речным бассейнам. На северо-востоке, проточные воды спускаются к большому озеру Пейпус и через реку Нарову изливаются в Финский залив. Некоторые речки и ручьи, получающие начало на северном водоскате Эстляндии, также текут непосредственно в этот залив. На западе Пернава, Лпфляндская Аа, Западная Двина, Курляндская Аа впадают в Рижский залив, тогда как Виндава и другие менее важные потоки изливаются в Балтийское море. Из всех этих рек только одна, Западная Двина (по-латышски Даугава) катит значительную массу воды, которую можно считать равною почти 18.000 кубич. футов в секунду, ибо бассейн этой реки обнимает поверхность равную около 68.000 квадр. верст, и годовая высота выпадающих на этом пространстве дождей составляет приблизительно 500 миллиметров. Западная Двина образуется из ручьев, спускающихся из западных и полуденных долин Валдайской сплошной возвышенности, и течет сначала на юго-запад, затем, ниже Витебска, она принимает направление на запад и далее на северо-запад. Во многих местах её берега, низменные и болотистые, сохранили следы прежних лож: река там и сям передвигалась среди равнин, отыскивая наиболее благоприятный скат. По нынешнему рельефу почвы, Двина должна была бы совершенно беспрепятственно продолжать свой путь к югу и сделалась бы притоком Днепра; но колебания уровня и размывы, произведенные водами в течение веков, позволили ей открыть себе русло между силурийскими плоскими возвышенностями Лифляндии и Курляндии и таким образом направить свои воды в Балтийское море. Пороги, которыми усеяна эта река во всей

1 Schmidt, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, tome VIII, 1865.
2 „Hydrographie des Russischen Reiches”, v.Stuckenberg.
3 Бэр и Гельмерсен, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches”, vol. IV.
4 Бэр, „Bulletin de l'Academie des Sciences de SaintPetersbourg“, t. VI, 1863.

скалистой области, составляют серьезное препятствие судоходству; на протяжении 130 верст общее падение не превышает 175 футов, но эта покатость очень неравномерна, и на многих подводных камнях нередко случались крушения судов.



Рига.

Ниже Риги река разветвляется на несколько рукавов, извивающихся на древнем озерном бассейне, отделенном некогда от моря поясом дюн, которые тщетно пытались закрепить: Малая Двина, Красная Двина, Старая Двина и другие подобные названия напоминают блужда-

ния реки, а различные сооружения, форты, мельницы, плотины, появляются на картах то на севере, то на юге от рукава, по которому следуют суда[1]. Этот кордон дюн был прорван, но после того образовался другой, который также был пробит водами, и между этими двумя цепями песчаных горок протекает Курляндская Аа, известная в нижнем своем течении под именем Больдер-Аа и соединяющаяся с Двиной. Подойдя близко к морю, у Шлока, Аа не могла открыть себе дороги через груды песку, нанесенные ветрами и волнами против её устья; она должна была повернуть в сторону, к востоку, и течь параллельно морю, на протяжении около 20 верст, до встречи с Западной Двиной. Но это только временное явление в жизни реки. Прежде Аа текла не между двумя поясами дюн, но на юге от самой полуденной цепи; длинный неглубокий пруд или болото, ныне заросшее камышами, указывает прежнее ложе реки. На западе от Шлока потоки и несколько небольших озер показывают, что воды некогда текли в этом направлении, прямо противоположном тому, по которому они следуют в наши дни. Наконец, верстах в шести от устья Западной Двины, Больдер-Аа открыла себе собственное устье в прибрежном поясе дюн, и рано или поздно может случиться, что она перестанет быть притоком рижской реки. Что касается Лифляндской Аа, то исследование местности, по которой она протекает, раскрывает подобную же историю. По выходе из «Венденской Швейцарии», где она глубоко изрезала почву, вырыв ущелье с обрывистыми стенами, эта река вступает в низменные равнины и, описав дугу в северо-западном направлении, изливается в Рижский залив через независимое устье; но ложные реки в виде полумесяца и озера в форме ожерельев, еще сообщающиеся отчасти с Западной Двиной, свидетельствуют, что и Лифляндская Аа прежде соединялась с главной рекой страны.

Северная Лифляндия представляет другой замечательный пример перемены, происшедшей в течении вод. В центре низменности, которая ограничивает на юге невысокое плоскогорье и холмы Эстляндии, находится Вирц-Ярв или «Белое озеро»—водная площадь, занимающая пространство около 240 квадр. верст. В северо-восточном углу этого озерного бассейна открывается долина, через которую из него вытекает река Эмбах, один из главных притоков Пейпуса и (через это озеро) реки Наровы, впадающей в Финский залив; но от северо-западного угла оз. Вирц начинается другая долина, которая явственно составляет на западе продолжение долины р. Эмбах, и которая соединяется с низменностью, где течет теперь река Феллин, приток Пернавы, впадающей в Рижский залив. Таким образом, прежде существовала непрерывная линия вод, отделявшая Эстляндию от континентального ствола; но, вследствие поднятия почвы, прервалось сообщение водой между Рижским заливом и озером Вирц, которое ныне лежит на 112 футов выше уровня Балтийского моря. Без сомнения, было время, когда Эстляндия была таким же островом, как Эзель, Даго, Вормс, Мон, сгруппированные в архипелаг между рижским заливом и Балтикой в собственном смысле. По своим контурам и рельефу почвы, равно как по свойству своих горных пород, эти острова и Эстляндия, очевидно, составляют части одной и той же земли: континентальная область осталась почти островной по глубоким долинам, перерезывающим её поверхность, а острова —не что иное, как изрезанное водами продолжение материка.

Прибалтийским губерниям Российской империи иногда дают название «немецких», но совершенно неправильно, потому что в этой стране масса населения вовсе не германского происхождения: как в первые дни нашествия, немцы остаются до сих пор тем же, чем они были семьсот лет тому назад,—чужеземцами. Остзейский край по-прежнему принадлежит эстам и латышам по праву численного преобладания.

Эсты,—таково обычное название коренных жителей края,—народ родственный финнам, живущим на севере от Финского залива: это—те же суоми, или финны, и по происхождению, и по языку, как и населения «страны озер и гранита». Имя их встречается в очень многих древних исторических памятниках, от Тацита и Птоломея до Иорнандеса и скандинав-

1 Stuckenberg, „Hydrographie des Russischen Reiches".

ских саг, под различными формами, как-то: Ostiones, Aesthieri, Istes, Aistones[1]; латыши называют их Igaunas, то-есть «изгнанниками», сами же они именуют себя Tallopoeg, то-есть «сынами земли», или также Marahwas, что значит «люди страны»: и действительно, они достаточно многочисленны, чтобы иметь право считать себя населением по-преимуществу в обширной территории. Пространство, которое они занимают, переходит далеко за пределы провинции, называемой по их имени Эстонией или Эстляндией: они даже живут более компактными массами в северной части Лифляндии, чем в Эстляндской губернии, и ниже Пейпуса до южной стороны Псковского озера; они имеют колонии в губерниях Петербургской, Псковской, Витебской. В 1870 году общее число эстов, по приблизительному исчислению, простиралось почти до 800.000; по губерниям они были распределены следующим образом:

В Эстляндской около 300.000, в Лифляндской—400.000, в Витебской около 12.000, в Петербургской 10.000, в Псковской около 10.000.

Некоторые группы эстов совершенно отделены от сплошной массы их нации. Так, на юге от цепи высот, в которой господствует Чертова гора, живет несколько сот эстонских семей, составляющих вместе около 2.000 душ; семейства эти частию сгруппированы в селениях, частию рассеяны отдельными дворами или хуторами. Открытые, так сказать, Шегреном в 1841 году, эти эстонские поселенцы были с той эпохи изучаемы другими филологами, и язык их признан очень близким к языку северных эстов: однако, те и другие с трудом понимают друг друга, что происходит, без сомнения, от множества латышских выражений, вошедших в язык лифляндских эстов[2].

В общих чертах, т. е. если не обращать внимания на значительные различия типа, которые представляются там и сям, эсты имеют большое сходство с финляндскими тавастами: вообще полагают, что они принадлежат к той же отрасли большего финского племени[3]; однако, русские летописи называют их чудью, как и обитателей покатости Северного океана. Многие из эстов имеют плоское лицо, узкие глаза, общий облик, немного напоминающий монгольский тип: как и у финнов, глаза у них голубые, волосы светлорусые, часто желтоватые. Говорят, что внутри края поселяне, жившие в тяжелой неволе у своих господ во времена крепостного права и плохо вознаграждаемые за свой труд неблагодарной почвой, ниже ростом и слабее телосложением, чем их соотчичи в приморских местностях. Средний рост эстов, по Грубе, 1.642 метр.; средний указатель черепа: 77,26 по Грубе, 80,40 по Брока. Во время вековой борьбы с датскими и немецкими завоевателями, известными в стране под именем «саксад», или саксов, эсты выказали замечательную силу сопротивления, и ожесточенные битвы не раз орошали кровью их поля. Впрочем, овладевая финской землей, народы германской расы приносили также туземному населению знакомство с более высокой степенью гражданственности. Судя по их словарю, эсты были еще почти варвары в ту эпоху, когда они в первый раз пришли в соприкосновение со своими соседями, немецкими и славянскими, ибо названия почти всех их домашних животных и большей части их орудий и инструментов—иностранного происхождения: они знали только собаку, лошадь да корову, а из хлебных растений им известен был только ячмень; жилища их были покрыты шкурами, в роде самоедского чума[4]; но около одиннадцатого столетия, в эпоху, когда история уже ясно различает их, они строили дома и крепости из дерева; кроме того, они были в то время страшные морские разбойники и умели строить ладьи для своих воинственных экспедиций[5]. Однако, культура водворяется только номинально там, где она сопровождается порабощением туземного населения. До настоящей минуты эсты сохранили многие из своих первобытных обычаев, особенно в церемониях брачного союза: и теперь еще невеста прячется при

1 Richter, „Gescbichte der Baltischen Provinzen".
2 Видеман, Bulletin de l'Academie des Sciences de SaintPetersbourg, 1869.
3 Gustaf Retzius. „Finska Kranier".
4 Ahlquist, Ausland, 1871, № 31; G. Haag, „Baltische Studien".
5 Ricliter, „выше цитированное сочинение".

прибытии свадебного поезда, и ее силой приводят к жениху; затем, едва успеет она войти в дом, как свекровь дает ей удар по лицу,—символ того, что ожидает ее в новой семье[1].

Еще недавно эсты, которые, благодаря своему уму, образованию или счастливому случаю, попадали в городское или дворянское сословие, чрез это самое становились немцами; переменяя социальное положение, они вместе с тем естественно переменяли и национальность—до такой степени господствовало во всем обществе убеждение, что эст обречен на рабство: было время, когда имя Deutsche (немец) считалось синонимом господина и вообще свободного человека и когда рабы или крепостные, к какому бы племени они ни принадлежали, назывались Un-Deutschen (ненемцы)[2]. Теперь эти отношения изменились к лучшему, с тех пор, как язык эстов, так же, как и язык финский, сделался литературным языком, и уже не стыдятся говорить им. Очень сходные с финляндскими тавастами по наружному виду, коренные жители Эстляндии много отличаются от них нравственными качествами, в особенности сильно развитой у них любовью к поэзии, способностью к импровизациям, постоянными песнями, даже во время работы. Их звучный язык, очень богатый гласными и гармоническими двугласными, но бедный согласными, как нельзя более пригоден для поэзии; во многих лежащих в глуши селениях можно еще услышать героические песни, прославляющие подвиги предков. Пользуясь этими песнями, Крейцвальд собрал отрывки, из которых составил народный эпос «Калевипоэг» (т. е. «Сыны Калеви»); но эта «эпопея» заключает в себе одни только предания, переложенные в стихи новейшего происхождения; это —даже не сборник оригинальных песен, как карельский эпос «Калевала»[3]. Теперь выходит от шести до восьми эстонских периодических изданий[4] в Ревеле, в Дерпте, в Петербурге, и писатели «молодой Эстонии» обсуждают на своем родном языке вопросы социальные и политические. В то же время это литературное эстонское движение сближается с аналогичным финским движением в Финляндии—стране, где многие памятники народного языка и поэзии эстов находят издателей[5]. Это—начало «панфиннизма».

Народ, давший свое имя Ливонии или Лифляндии, почти совершенно исчез, и даже в этой провинции от него не осталось никаких следов. В двенадцатом веке немецкие завоеватели нашли ливов на обоих берегах Западной Двины, и географические имена позволяют нам распознать их пребывание на пространстве от моря до города Себежа в Витебской губернии[6]. В 1846 году с трудом удалось, обращаясь к воспоминаниям нескольких стариков, собрать достаточно слов и фраз, чтобы составить словарь и грамматику: только таким образом ливский язык, финского корня, как и язык эстов, был спасен для науки. Единственные ливы, живущие еще в виде национальной группы, населяют некоторые леса морского прибрежья, и то не в Лифляндии, а в Курляндии, на полуострове, который оканчивается на севере мысом Домеснес: этот остаток исчезающей народности состоит всего из каких-нибудь двух с половиной тысяч душ, причисленных к эстам на этнографической карте Риттиха. Сами себя они называют рандалист. Скоро их нужно будет поместить в группу латышей, потому что к языку их так много примешано латышских выражений и оборотов, что теперь он не более как жаргон; с другой стороны, латышский язык в Лифляндии показывает следы смешения с элементом финно-ливонским[7].

В той же Курляндской губернии, другое финское наречие, кревское, которым говорило

1 „Народы России".

2 Balbi, „Atlas etnographique", Introduction, XXXI.

3 Шифнер, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome II.

4 В 1881 г. из 32 периодических изданий Лифляндии выходило на языках: немецком—16 (в Риге 9, в Феллине 1, в Пернове—1, в Дерпте 5), эстонском—7 (в Дерпте 5, в Феллине 1, в Пернове—1), латышском—6 (все в Риге), русском 2 (в Риге), на русском и немецком вместе 1 (в Риге). В среднем, 1 газета приходилась на 32.000 жителей. *Ред.*

5 „Uebersicht der Literatur Finlands", 1872—1874, „Russische Revue", 1875.

6 Барсов, „Очерки русской исторической географии".

7 Риттих, „Прибалтийский край".

несколько тысяч человек близ Бауске, на юг от Митавы, совершенно исчезло с начала нынешнего столетия, и науке не удалось даже составить полного словаря этого наречия. В 1846 году известный лингвист Шегрен нашел не более десятка кревов, сохранивших еще смутное воспоминание о языке своих предков. Такая же участь постигла куров (корсь русских летописей, Kuren немцев),—народ, который дал свое имя Курляндии, косе Курише-Неруг и заливу Курише-Гаф. Полагают, что куры или корсь были финского происхождения; но в двенадцатом столетии они уже «облатышились», подобно тому, как это случилось с потомками почти всех ливов[1]. В наши дни существует еще небольшое число семейств,—между Гольдингеном и Газенпотом, на северо-востоке от Либавы,—которые выводят свой род от древних «королей куров». Эти «короли», упоминаемые в первый раз под 1320 годом, были по-просту вольные крестьяне, освобожденные от податей и от воинской повинности; кроме того, они имели право охотиться; общее мнение считает их потомками родоначальников этого племени, которые добровольно покорились немцам. Они утратили свои привилегии в 1854 году; но в 1865 году их насчитывали еще более четырех сот душ в семи деревнях. Они вступали в брак только между собой.

Латыши, или летты, вытеснившие финских ливов,—арийцы по языку, соплеменники литовцев и древних боруссов или пруссов, слившихся ныне с германцами Центральной Европы. Сами себя они называют Latvis, то-есть литовцами, а старинное русское наименование этого народа, летьгола, которое, очевидно, есть то же самое слово, что и Latwin-Galas, означает «конец Литвы». Наименее смешанное и некогда самое воинственное из их племен, населяющее восточную часть Курляндии (Семигалию), носит название семигалов (в русских летописях «зимгола»), или Jeme-Galas, что значит—жители «конца земли». Они занимают очень обширную территорию, обнимающую южную часть Лифляндии. почти всю Курляндию, правый берег Западной Двины, ниже Дриссы, в Витебской губернии, и небольшую часть Ковенской губернии. Иордан исчисляет латышское население в 1.100.000 душ, и число их быстро возрастает от постоянного избытка рождений над числом умирающих. По губерниям, латыши распределяются приблизительно следующим образом:

В Лифляндской—420.000 душ; в Курляндской—490.000; в Витебской—180.000; в Ковенской—17.500 душ.

Крепко привязанные к родному месту, земледельцы-латыши живут по большей части особняком, отдельными дворами: в их стране еще мало сплоченных селений, как в Эстляндии. Сначала союзники немцев против эстов и ливов, с которыми они вели войну, летты потом обратили оружие, но уже слишком поздно, против рыцарей ордена Меченосцев и должны были разделить рабство своих соседей. Однако теперь для них настал период пробуждения, и их прекрасный язык, прежде мало развитый и обладавший очень бедной литературой, все более и более оценивается теми, которые говорят им и которым еще недавно была неизвестна высокая степень, принадлежащая ему в семье арийских языков: по мнению Шлейхера, латышский язык находится к литовскому, который из всех европейских языков наиболее близок к санскритскому, в таком же отношении, как к латинскому языку. Первыя серьезные переводные сочинения относятся по времени к эпохе реформации, и протестантская религиозная ревность побудила даже некоторых немцев,—между прочим, Эйнгорна,—заняться изучением верований и истории этих презираемых туземцев. Первая научная грамматика латышского языка, составленная Стендером, которого называют «отцом латышской литературы», вышла в свет в конце прошлого столетия. В 1876 году существовало уже пять латышских периодических изданий, которые все вместе имели около двадцати тысяч подписчиков. Переводная литература у латышей довольно богата и заключает уже произведения Шиллера, Шекспира и других великих европейских писателей. Наконец, в девятнадцатом столетии в Прибалтийских губерниях, как и в Финляндии, старались открыть сокровищницу народной поэзии: уже Гердер собрал некоторые образцы этой поэзии в своей книге «Голос народов». Первое обширное собрание произведений латышской народной поэзии

1 Риттих, там же.

было составлено Бютнером и издано в 1844 году латышским литературным обществом; но, «из внимания к немецкой публике», все песни, свидетельствующие о ненависти латышского народа к его поработителям, были тщательно устранены издателем, так что, читая этот сборник, можно подумать, что латышская поэзия имела чисто идиллический характер[2]. С половины текущего столетия латышские патриоты сами принялись за дело, и теперь можно видеть, каковы были чувства и думы народа во времена продолжительного рабства; один из самых полных сборников латышских песен был издан Московским антропологическим обществом.

Черта, которая всего более поражает в задушевных латышских песнях,—это их первобытный характер. Влияние христианской немецкой культуры всегда и до настоящего времени было очень слабо на этот народ, который сохранял еще языческие жертвенники в восемнадцатом столетии, даже до 1835 г.[1] Он сохранил в своих песнях имена древних богов: Перкунас, или Гром, Лайме, или Фортуна, Лига, богиня Радости. Брак, каким он изображается в их песнях, всегда имеет форму похищения: родные жениха называются «похитителями», а родные невесты «преследователями»; можно даже отыскать в этой народной латышской поэзии следы эпохи, когда молодые парни, жившие особняком, брак с родной сестрой предпочитали опасному похищению девушки из чужого семейства[2]. Больших эпических поэм или былин у латышей нет; но и в простых четверостишиях их песен, или дзясмах, как они их называют, ясно видны следы периода воинственного и даже победоносного, во время которого летты «сжигали крепостцы русских», «возбраняли полякам вход в край» или «встречали врага середи моря»; однако, их сношения с немцем или русским описываются обыкновенно словами ненависти или отчаяния. «О Рига, Рига, ты красива, очень красива! (говорит одна латышская песня). Но кто тебя сделал такой красивой? Рабство ливонцев». —«О! если бы мне достать те деньги, что погребены на дне моря»,—говорится в другой песне,—«я купил бы Рижский замок со всеми немцами, и тогда я стал бы поступать с ними так же, как они со мной поступали; я заставил бы их плясать на горячих камнях». Однако в этих народных песнях господствует уныние, упадок духа: «О, Боже мой, Боже! куда мне деться? Леса полны волков и медведей; поля полны господ. О, Боже! покарай моего отца, мою мать за то, что они воспитали меня в порабощенной стране»! И при всем том, сколько свежести, сколько любви и нежности в большей части латышских песен, какая глубокая мысль выражена, например, в следующей дзясме—мысль, которая должна была бы служить девизом для всего Прибалтийского края, как и вообще для всего света: «Я не хочу, чтобы меня возносили над другими, не хочу также, чтобы меня ставили ниже других; я хочу только жить равным между равными людьми».

Шведы, которые были обладателями Финляндии, утвердились также и на противоположном берегу Финского залива, в Эстляндии и в Лифляндии. На берегах последней, около Рижского залива, во многих местах найдены камни, сложенные таким образом, что они представляют фигуру корабля,—памятники, как известно, специально скандинавские[3]; сооружение их приписывается сканийским или норманским поселенцам, пришедшим в край в первые времена средневекового периода,—следовательно, ранее датских завоевателей, которые овладели Эстонией в начале тринадцатого столетия. Кроме того, в Прибалтийских губерниях встречаются древние могилы, совершенно такия же, как в Скандинавии; наконец, многие имена мест, в особенности названия островов, каковы: Даго, Вормс, Оденсгольм, Нукко, Мого, Кюно, Руно, также напоминают о пребывании этих переселенцев с востока. Прилив их усилился еще гораздо более, когда Эстония, в половине шестнадцатого столетия, а затем и Ливония в семнадцатом столетии, сделались на некоторое время нераздельной частью шведской монархии. В наши дни скандинавские поселенцы, число которых теперь уже не увели-

2 J. G. Kohl, „Die Volker Europaś": Lankenau und v. d. Oelsnitz, „Das Russische Reich".

1 Риттих, „Прибалтийский край".

2 „Труды Антропол. Отд. Императ. Общ. Естеств. при Моск. Унив." II, №№ 345, 347, 348.

3 Grevingk; Worsaae, „Colonisation de la Russie et du nord Scandinave".

чивается, как прежде, новыми выходцами из Швеции, уменьшилось до нескольких тысяч человек, живущих на Даго и на других островах Эстонского архипелага; сами они называют себя Eibofolket, то-есть «островитянами». На острове Руно эти скандинавские колонисты остались свободными; все они равные и все владельцы земли и моря. В 1870 г. шведов в Прибалтийских губерниях, по Риттиху, считалось: в Лифляндской губернии—366, в Эстляндской—5.575, всего—5.941.

Славянские элементы составляют гораздо более значительный процент в населении Прибалтийских губерний, нежели элемент скандинавский. Тысячи поляков поселились в крае, особенно в Курляндии, когда она входила в состав польского государства (с 1561 по 1795-й год). По статистическим данным, насчитывается еще более 15.000 поляков в трех Прибалтийских губерниях; но, сверх того, большое число дворян, особенно в Курляндии, носят польские фамилии, хотя они теперь причисляются к немцам и говорят немецким языком. Что касается русских, то они начали свои нашествия в прибалтийские страны с первой половины одиннадцатого столетия и основали там крепкий город Юрьев (Дерпт) и другие города. Немецкое завоевание остановило военную колонизацию русских, но оно способствовало развитию их торговли в крае. В семнадцатом и восемнадцатом столетиях религиозные преследования побудили многих раскольников переселиться из Московского государства в Прибалтийский край; в настоящее время в одном только форштадте Риги их насчитывают до 8.000 человек, а во всем Остзейском крае число староверов простирается до 20.000 слишком: это—почти треть всех живущих в этой стране русских, пребывающих по большей части в городах, преимущественно в Риге. Кроме русских, около 80.000 эстов и 50.000 латышей исповедуют православную греко-восточную веру. Обращение в православие усилилось в особенности со времени большего голода 1840—1841 гг.; крестьяне надеялись, что им стоит только принять русскую веру, чтобы получить обратно земли, которые были взяты у них немецкими дворянами. В два только года, 1845-м и 1846-м, 60.000 прибалтийских крестьян перешли в православие[1]; но так как судьба их от этого не изменилась, то и рвение постепенно остыло, и даже обнаружилось некоторое движение в обратном направлении, в противность законам империи. Латыши, приобревшие земли ценою перемены веры, получили их далеко от своей родины—в Симбирской губернии, где они живут как-бы в ссылке. В последнее время обращение в православие опять усилилось; случалось, что целые деревни переходили из лютеранской веры в православную.

Немцы долгое время были политическими властителями края, и даже, когда они перестали быть господами силой меча, они все-таки остались классом господствующим силой денег, так как в их руках находятся земли и места. В 1159 году, когда они явились в первый раз на устьях Западной Двины, они прибыли туда в виде потерпевших кораблекрушение мореходов, умоляющих о приюте: хорошо принятые, они через некоторое время возвращаются в виде купцов, затем в качестве проповедников христианской религии и, в конце концов, утвердились, как хозяева края. Крепкие замки, укрепленные монастыри монахов-рыцарей воздвиглись на холмах, на высоких крутых берегах рек, откуда могли совершенно господствовать над страной; в то же время торговые города основались на благоприятных местах, и все торговые сношения, от берегов моря до областей центральной России, шли через посредство германских колонистов. Так образовалось, над порабощенным туземным населением, два класса почти исключительно германские—дворянство и высшее городское сословие, состоящее из купцов и почетных граждан; и теперь еще, по прошествии семи сот лет, эти два класса (ниже которых стоят простые горожане, или мещане, составляя посредствующий класс) сохранили свою силу и власть. Численность этих трех сословий в Остзейском крае определяют следующим образом:

Дворян—14.119; купцов и почетных граждан—7.000; мещан—95.295.

Два первые, господствующие класса построили города, устроили пути сообщения; они

1 Busch, „Beitrage zur Geschichte und Statistik des Kirchen-und Schulvesen der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland“.

обратили оффициально латышей и эстов сначала в римско-католическую веру, затем, после реформации, в евангелическо-лютеранскую; они взимали десятины и другие налоги, но им никоим образом не удалось, как это утверждали немецкие писатели, германизировать народ, и число их, сообразно показаниям статистиков различных национальностей, не достигает даже двенадцатой части всего населения края; по всей вероятности, оно составляет не более пятнадцатой или шестнадцатой доли, при чем процент их уменьшается с каждым годом, так как плодовитость городского населения слабее плодовитости сельских жителей. Разногласие в исчислениях статистиков происходит, без сомнения, от того, что евреи, в числе свыше 40.000 душ, часто причисляются к жителям немецкого происхождения.

Число немцев в Прибалтийских губерниях:

	По Беку	По Риттиху
В Эстляндской	14.700	12.150
Лифляндской	63.300	64.120
Курляндской	77.100	44.150
Всего	155.200	120.420

Богатые горожане говорят немецким языком, тогда как поселяне, рабочие, даже ремесленники употребляют еще свои родные языки. Немецкие пролетарии городов, известные под именем «Kleindeutschen», считаются как-бы стоящими ниже туземцев их собственными соотечественниками.

За периодом онемечения следовал период русификации или обрусения,—выражение, употребленное уже более столетия тому назад императрицей Екатериной II[1]. В 1835 году в Прибалтийских губерниях был введен свод русских гражданских законов, а в 1850, затем в 1867 году, издано повеление об употреблении русского языка в оффициальной переписке. В 1877 году, со введением Городового Положения, привилегированные немецкия сословия или корпорации должны были подчиниться новому порядку: избрание должностных лиц общественного управления предоставлено всем жителям, удовлетворяющим известным условиям ценза, имущественного или образовательного; переписка этих управлений производится еще, впредь до нового распоряжения, на немецком языке; последний все еще сохраняет некоторые привилегии над «местными языками»; но со временем он должен быть заменен русским языком. В начальных школах,—которые посещаются всеми эстами лютеранами и большинством принадлежащих к другим вероисповеданиям—обучение по-прежнему ведется на туземных языках, тогда как в средних и высших учебных заведениях языком преподавания все-еще остается немецкий. Но правительство принимает уже предварительные меры в видах обрусения школ, и в тех заведениях (учительских семинариях), где приготовляются будущие преподаватели, русский язык стал уже господствующим. Точно также срок военной службы может быть сокращаем только для тех солдат, которые выучились говорить языком русских офицеров[2].

Участь туземного населения прибалтийского края была самая плачевная в продолжение всего периода немецкого господства. Отнятие ноги сделалось законной карой для крепостного, убежавшего от своего господина[3], и даже в наши дни мать-эстонка грозит своему ребенку приходом немца: «сакс идет!» (Saks tuleb). Мать-латышка подобным же образом возвещает своим детям пришествие Вацеша[4], и это прозвище, означающее «немец», составляет самое тяжкое оскорбление для латыша. При шведском владычестве положение крепостного люда несколько улучшилось; благодаря уменьшению и урегулированию барщинных работ, оно начало приближаться к положению крестьян на Скандинавском полуострове, и латышский народ до сих пор сохраняет наилучшее воспоминание об этой эпохе; но после изгнания шве-

1 Соловьев, „История России“, т. XXVI.

2 Теперь русский язык стал уже единственным оффициальным языком и введен, как язык преподавания, во всех учебных заведениях края.

3 „Чтения московского общества любителей истории и древностей”, за 1866 г.

4 J. G. Kohl, „выше цитированное сочинение”.

дов русскими, когда господство немецких помещиков было возстановлено и подтверждено грамотами или хартиями, большая часть крестьянских земель была конфискована. Крепостное право продолжалось до 1816 и 1819 годов: в эту эпоху последовало освобождение крестьян в трех прибалтийских губерниям, но оно не дало земледельцам ни малейшего права на землю и сохранило за землевладельцами местное управление. Затем с 1856 года прибегали в кое-каким паллиативным мерам в этом направлении: пользование некоторыми землями было обеспечено крестьянам, хотя право собственности осталось за помещиками, и изданы законоположения, дозволяющие выкуп земледельцами арендуемых участков земли по соглашению с владельцами. Распределение земельной собственности в трех губерниях Остзейского края представляется в следующем виде[1]:

	Курляндия, проц.		Лифляндия, проц.		Эстляндия, проц.	
Госуд. крестьяне. влад.	15.8%	20.1	7.1%	15.2	0.2%	1
Помещ. крестьяне. влад.	4.3%		8.1%		0.8%	
Дворянство	61.9		58.5		92.8	
Казен. земли	15.6		6.4		0.2	
Городские и другие земли	2.4		19.8		6	

Но если некоторая пропорция «крестьян» в собственном смысле, Bauern, могла освободиться от крепостной зависимости, то батраки или работники, Knechte, которые в начале настоящего столетия составляли девять-десятых[2] сельского населения, не исчезли еще как класс и по-прежнему остаются в бедственном положении; многие крестьяне, гонимые нуждою, выселяются во внутренния губернии России, даже в Крым и на Кавказ. В Курляндии более четверти земледельцев бродят из имения в имение в качестве работников: у них нет ни клочка земли, к которому бы они были привязаны как арендаторы или собственники. Земледелие в прибалтийских губерниях стоит на гораздо более высокой степени развития, нежели в остальной России, и плодопеременное полеводство составляет там общее правило; несмотря на то, жители бегут из этого края и идут селиться в местностях с мало плодородной почвой, каковы Новгородская или Витебская губернии. Ни в какой другой части империи крестьянин не имеет меньшей доли в земельной собственности, требуемой теперь «молодой Эстонией» для прежних владельцев почвы.

Средняя величина дворянских имений[3]:

В Курляндской губ.—около 3.602 десятин, в Лифляндской губ.—около 3.527 десятин, в Эстляндской губ.—около 3.110 десятин, в Минской губ.—2.356 десятин, в Киевской губ.—1.553 десят., в Смоленской губ.—300 десятин, в Рязанской губ.—191 десятина.

Три прибалтийские губернии еще не имеют достаточно жителей в своих деревнях, чтобы во внутренности края могло основаться большое число рынков, где население скучивалось бы в такой степени, что образовало бы настоящие города. В значительном числе население могло сконцентрироваться только на морском берегу, в местах исключительно благоприятных по своему положению для торговых сношений с заграницей.

Ревель,—Колывань древних русских,—столица Эстонии, есть один из таких привилегированных по своему торговому положению городов. Это—один из древнейших городов Российской империи, так как он существовал уже в то время, когда Вальдемар II, король датский, построил здесь крепкий замок в 1219 году. Город расположен на берегу глубокой бухты, защищенной островами; сверх того, он имеет ту выгоду, что находится недалеко от северо-западного угла Эстляндии, между Балтийским морем и Финским заливом и, благодаря этому положению, служит естественным пунктом расхождения и соединения нескольких морских путей. Он был одним из первых между ганзейскими городами «Восточного моря». В эпоху шведского владычества, Ревель, который скандинавы называют Реваль, был в одно и то же время их военным и торговым городом; здесь была их сильнейшая крепость, и сюда же стекались товары к их складам. В наши дни это—самый полезный из передовых портов,

1 Янсон, „Сравнительная статистика России и пр.“, 1877 г.

2 Сиверс, „Сборник материалов для истории прибалтийских губерний”.

3 Кн. Васильчиков. „Землевладение и земледелие”.

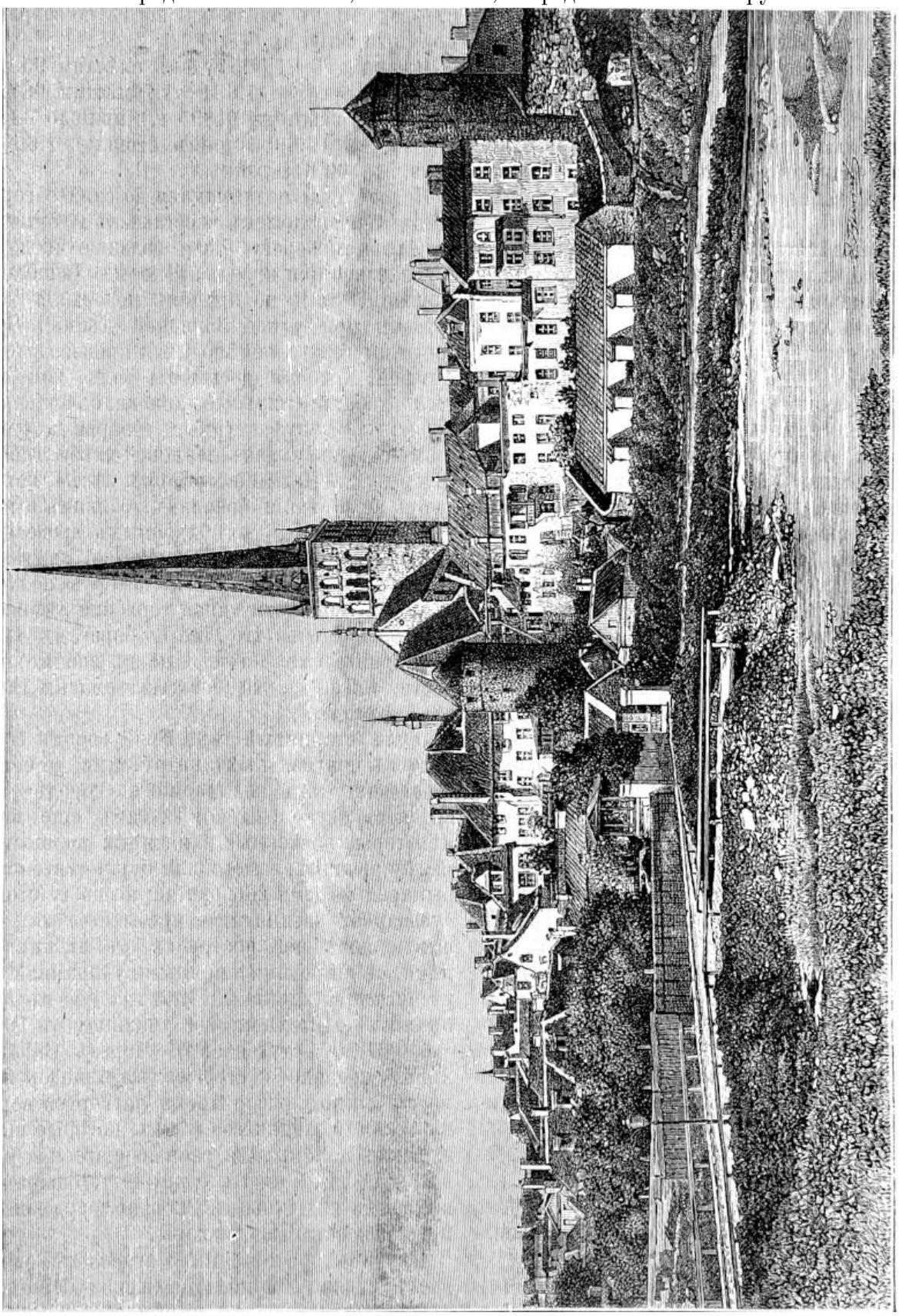
которыми располагает на Балтике столица России: благодаря железной дороге, проведенной вдоль южного берега Финского залива, Петербург может теперь ввозить впродолжении части зимы много товаров, которые должны бы были останавливаться к западу от Кронштадта по причине замерзания залива: суда выгружают их в Ревеле, или в его таможенном и военном аванпосте, Балтийском Порте, который лежит западнее и омывается более открытым и долее незамерзающим морем. Эта роль Ревеля, как передового порта Петербурга, объясняет значительную разницу, существующую между ценностью привоза и отпуска во внешней торговле главного эстляндского города (в 1894 году общая ценность привоза простиралась до 38,7 миллионов рублей, тогда как ценность вывоза морем составляла только 18,2 миллионов рублей). Движение судоходства в Ревельском порте: по заграничному плаванию (1896 г.): прибыло—549 судов чистой вместимости в 355.016 регистр. тонн, отошло—537 судов, в 344.345 тонн: каботаж (1895 г.): пришло—1.381 судно, в 143.772 тонн; отошло—1.388 судов, в 144.650 тонн[1]. Ревель, четвертый порт империи по ценности его торговых оборотов, обязан также частию своей торговой деятельности положению, которое он занимает как раз напротив Гельсингфорса, столицы Финляндии. Город очень живописный, частию еще окруженный старинными стенами и защищенный с южной стороны болотами и озерами, Ревель заключает несколько памятников ганзейской эпохи, именно дома старинных корпораций или цехов; на горе высятся замок и собор, где шведы могут видеть гробницы многих знаменитых людей их истории; там же погребен мореплаватель Крузенштерн. Эсты составляют только половину населения Ревеля: около трети его состоит из немцев или лиц германского происхождения. Пред этим городом, в 1219 году, датские пираты, потерпевшие поражение и обратившиеся в бегство, увидели упавшее, по словам национальной легенды, с неба красное знамя с белым крестом, Данеброг, под которым они, снова вступив в бой, одержали победу и которое с той поры сделалось для них священной хоругвью.

Два города, Пернов и Юрьев, охраняют, на юге Эстляндии, вход в извилистую долину, соединяющую Рижский залив с Чудским озером. Пернов (по-немецки Pernau), лежащий при устьи р. Перновы,—довольно значительный порт, с морскими купальнями; так же как другой небольшой порт, лежащий к северо-западу от него, Гапсаль, он отправляет за границу главным образом лен, зерновой хлеб, масличные семена; две трети его отпуска идут в Англию. Движение судоходства в Перновском порте в 1895 г.: заграничное плавание: в приходе—78 судов, чистой вместимости 42.675 регистр. тонн; в отходе—76 судов, вместимостью 42.324 тонн; каботаж: в приходе—256 судов, в 27.818 тонн, в отходе—261 судно, в 29.038 тонн[2]; Ценность вывоза (хлеб и лен) в 1894 году составляла 4.566.122, ценность ввоза только 97.324 рубля. Юрьев (по-немецки Dorpat, по-эстонски Тарту),—построенный частию на высоком холме, который на юге господствует над течением реки Эмбах, известен в особенности как университетский город. В 1632 году король шведский Густав-Адольф, стоявший тогда лагерем перед Нюренбергом, издал повеление об основании этой высшей школы, которая впоследствии должна была укрываться от наступавших русских войск, и из Пернова, куда она была переведена, принуждена была отправить в Швецию своих профессоров, свою библиотеку и музей. В 1802 году университет был восстановлен на прежнем месте; некоторые из знаменитейших ученых России получили в нем высшее образование (в 1890 г. в Юрьевском университете числилось 1.694, в 1894 г.—1.491 слушатель). По своим научным сокровищам, Юрьевский университет принадлежит к числу богатейших высших учебных заведений Европы: библиотека его содержит свыше 250.000 томов, и по всем наукам в музеях университета имеются драгоценные коллекции; обсерватория, возвышающаяся на горе, рядом с библиотекой и живописными развалинами древней готической церкви, есть та самая, где Струве и Медлер производили свои достопамятные исследования в области астрономии. В Юрьеве существует, кроме того, ветеринарный институт. Многие ученые общества, непосредственно связанные с университетом, издают мемуары и сборники, из которых некоторые

1 „Сведения по внешней торговле России за 1896 г.“ и „Обзор внешней торговли России за 1895 г.“, изд. Департ. таможенных сборов, 1897 г.

2 „Обзор внешней торговли России за 1895 год”, изд. Департамента таможенных сборов, 1897 г.

имеют важное значение. Юрьев, стоящий как раз в точке пересечения дорог из Риги, Пернова, Ревеля, Нарвы и Пскова, есть в то же время торговый город, и немцы, составляющие большинство городского населения, обогатились, сосредоточив в своих руках всю экспедиционную торговлю. Эсты, населяющие город,—по большей части работники, чернорабочие или домашняя прислуга.



Ревель.

Рига, важнейший город прибалтийских губерний и по числу жителей шестой город Рос-

сийской империи, также имеет более немецкий, чем русский характер, как по своей истории, так и по составу своего населения (население его в 1881 г., по национальностям распределялось следующим образом: немцев—40%; русских—20%; латышей—30%; эстов и пр. —10%). Эта «контора» или «рига»—как различно объясняют значение имени, данного городу его немецкими основателями—не могла быть построена в месте более благоприятном для торговли; здесь залив, называемый тоже Рижским, всего далее проникает внутрь твердой земли, здесь же изливается в море Западная Двина, большая судоходная река, по которой в старину должны были подниматься все купеческие караваны, направлявшиеся к центральной России или к бассейну Днепра: два притока, Аа Лифляндская и Курляндская, соединяются с главной рекой или, по крайней мере, с аллювиальной дельтой в ближайшем соседстве Риги, вследствие чего этот город сделался естественным центром равнин, через которые они протекают; наконец, с проведением орловско-витебской железной дороги, он стал также одним из главных экспедиционных портов центральной России. Рижский порт в настоящее время занимает третье место между портовыми городами империи по обширности своих торговых оборотов; он следует непосредственно за Петербургом и Одессою; уступая Ревелю по ценности привоза, он значительно превосходит его по размерам отпуска.

Обороты внешней торговли Риги, в тысячах рублей: за пятилетие 1886—1890 г.г. (средний вывод): привоз—на 21.730, вывоз—на 49.773; в 1894 г.: привоз—30.669, вывоз—43.460.

Неудобства рижского порта происходят от продолжительности зимы, которая сковывает фарватер толстым слоем льда, и от силы весеннего ледохода, который наносит на город массы льда, уже разломавшагося в верхнем течении Двины, тогда как нижняя часть реки еще покрыта сплошной кристаллической плитой. С другой стороны, входный бар довольно мелок (средняя глубина его всего только около 14 футов), и потому суда большего водоуглубления не могут проникать с полным грузом в устье Двины. Движение торгового судоходства в рижском порте по заграничному плаванию в (1896 г.):

В приходе—1.605 судов, вместим. 958.064 тонн, в отходе—1.631 суд., вместим. 967.519 тонн; по каботажу (1895 г.): пришло—1.589 судов, в 199.886 тонн; отошло—1.606 судов, в 199.648 тонн[1].

Не все суда поднимаются до самого города, который расположен верстах в 10 от моря, на правом берегу реки; большое число их останавливается перед крепостью Дюнамюнде, названной так по причине положения её на острове при устьи Западной Двины. Более трети торгового обмена Риги производится с Англией, которая посылает соль, каменный уголь, табак, спиртные напитки, колониальные продукты, мануфактурные товары, а берет взамен пеньку, лен, зерновой хлеб, говяжье сало, доски. Название «рижский лес», которое дают во Франции бревнам, балкам и проч. из сосны и других хвойных древесных пород, привозимым из России, свидетельствует также о важности, которую получила в этом порте отпускная торговля лесом; но нужно заметить, что леса по берегам Западной Двины уже истреблены в значительной части. Рига—самый богатый землевладелец в Лифляндии.

Этот старинный ганзейский город сохранил в центральных кварталах, то-есть в собственно так называемом «городе», свою средневековую физиономию; там еще видны некоторые почтенные памятники древности,—между прочим, замок или бург тевтонских рыцарей и дома корпораций; но по ту сторону бульваров раскинулись предместья или форштаты новейшей постройки, с низкими домами, с широкими и прямыми улицами. Между учебными заведениями Риги, главное место занимает политехническое училище (в 1892 г. около 1.200 студентов). Через Западную Двину недавно построен железнодорожный мост длиною около трех четвертей версты, на восьми солидных быках, которые выдерживают напор льда, скопляющагося во время вскрытия реки. Форты и другие укрепления защищают подступы к Риге; но городской вал преобразован в бульвары.

Круг второстепенных городов опоясывает столицу прибалтийских губерний. На северо-

1 „Обзор внешней торговли России за 1895 г и „Сведения по внешней торговле России за 1896 г.", изд. Департ. таможен. сборов

востоке, на Аа, стоит город Венден, с развалинами замка, который был резиденцией гроссмейстеров или великих магистров ордена Меченосцев. На Западной Двине Фридрихштадт и Якобштадт, из которых последний основан русскими переселенцами и теперь в значительной части населен евреями, имеют значение как пристани, где останавливаются пароходы, а также плоты и мелкие суда, спускающиеся вниз по реке. На юге Курляндская Аа, еще ручей при городке Бауске, становится уже рекой у Митавы (по-немецки Mitau, по-латышски Jelgawa), главного города курляндских герцогов, имя которого так часто повторялось во Франции, в эпоху первой революции, когда Людовик XVIII держал здесь свой двор: обширный замок, окруженный рощами и прудами, был построен в стиле версальского дворца. Митава, местопребывание аристократических фамилий края, город школ и пансионов, имеет почти совершенно немецкий характер, хотя все окружающие деревни населены латышами, которых митавские горожане, с некоторым презрением, называют «восточными людьми».

Речка Виндава, протекающая через город Гольдинген, впадает в Балтийское море у небольшего порта Виндавы, мало посещаемого судами по причине опасностей, представляемых его баром. Движение судоходства в виндавском порте в 1895 г.: по заграничному плаванию: пришло—236 судов, в 80.245 тонн; отошло—241 судно, в 81.481 тонну; по каботажу: пришло—437 судов, в 47.839 т.; вышло—430 судов, в 46.751 т. Ценность вывоза морем в 1894 г.—1.184.000, ввоза—91.000 рубл.[1]. Самый деятельный порт Курляндии находится южнее, на узкой песчаной косе, отделяющей прибрежный пруд от открытого моря. Этот порт, Либава (Libau по-немецки, Leepaja по латышски), образовался из пруда, или «Малого моря», которое соединили с Балтикой посредством канала, окаймленного отчасти бонами, положенными на затопленных плашкоутах, нагруженных камнем. Лежащий южнее всех других русских портов Балтики, либавский порт освобождается от льдов тремя неделями ранее Риги, шестью неделями ранее Петербурга и соединен с г. Вильно железною дорогою; но бар, через который должны проходить суда, чтобы войти в канал, имеет всего только от 10 до $11^1/_2$ футов глубины, и при том он часто менял положение и ширину после сильных ударов ветра, дующего с открытого моря[2]. Эти опасности, представляемые баром, объясняли меньшую важность Либавы в сравнении с Ригой, с Ревелем, с Кенигсбергом, прусским городом, который, однако, можно назвать русским портом, по направлению его торгового движения; но в последнее время исполнены были большие работы по углублению прохода, и торговля Либавы быстро возрасла, к невыгоде Кенигсберга. Движение судоходства в либавском порте: по заграничному плаванию (1896 г.): пришло—1.419 судов, в 584.553 регистр. тонн чистой вместимости: вышло—1.443 судна, в 592.580 т.; по каботажу (1895 г.): пришло—652 судна, в 64.282 тонны; вышло—653 судна, в 65.708 тонн.

Ценность внешней торговли Либавы в 1894 г. (в тысячах рублей): вывоз—40.497; привоз—18.222[3]. К югу от Либавы рыболовы собирают в песках ежегодно около 120 пудов янтаря, но на севере от этого города он редко встречается.

Города Прибалтийского края, с населением свыше 5.000 душ (по переписи 28 января 1897 г.):

Эстляндская губерния: Ревель—65.036 жит. Везенберг—5.519 жит.

Лифляндская губерния: Рига—281.884 жит. Юрьев (Дерпт)—41.627 жит. Пернов—12.552 жит. Валк—10.208 жит. Феллин—7.706 жит. Вольмар—7.241 жит. Венден—6.300 жит.

Курляндская губерния: Митава—35.011 жит. Либава—64.500 жит. Якобштадт (1891 г.)—7.000 жит. Бауск—6.641 жит. Гольдинген—9.729 жит. Виндава—8.724 жит. Фридрихштадт—11.289 жит. Туккум—7.514 жит.

1 „Обзор внешней торговли России за 1895 г.", изд. Департ. тамож. сборов.

2 Le Gras, „Instructions nautiques sur la nier Baltique14.

3 „Обзор внешней торгов ии России за 1895 г.", изд. Департ. тамож. сборов, 1897 г.

IV*. Польша.

Самое имя этой части Российской империи сделалось как-бы символом национального несчастия. Страна, известная под названием Польши, утратила свое самостоятельное существование, и все, что остается от её прежней независимости,—это особый титул в перечислении громадных областей Монарха всех частей России; да и то в последние годы эту часть стали обозначать оффициально под наименованием «Привислинского края», и только из простой терпимости имя Польши, столь дорогое миллионам людей, сохранилось до наших дней в крае. Даже население её, связанное с восточно-славянской державой, составляет лишь отрывок народа, отделенный от других отрывков его, которые присоединили к себе Пруссия и Австро-Венгрия. Слово Польша есть не более, как исторический и этнографический термин: в политике оно теперь не представляет ничего[1].

А между тем было время, когда Польское королевство, обнимавшее также обширные территории, которые принадлежали ему или вследствие добровольной группировки населений, или по праву завоевания, или по праву наследства, вытекавшего из родственных союзов государей, было одно из самых могущественных государств Европы. На всем пространстве от Будишина (Бауцена) в Лузации и острова Рюгена до Смоленска и Днепровских порогов, от Карпатов до реки Эмбах в Ливонии, нет ни одной территории, которая бы не была в течение последних восьми столетий занята поляками или постоянно, или временно. После соединения с Литвой, королевство Польское простиралось от Балтики до Понта Эвксинского через всю ширину континента; но часто границы его перемещались, и когда Россия и Пруссия вступили в эпоху территориальных завоеваний, со времен Петра I и Екатерины II, стало очевидным, что рано или поздно Польша должна задохнуться между своими могущественными соседями. В 1772 г. первый раздел, который, как говорят, причинил столько угрызений совести императрице Марии-Терезии и с которым так легко примирились другие евро-

1 Царство Польское вошло в состав Российской Империи собственно только с 1815 года. Пред этим, после третьего раздела Польши в 1795 году, одна половина теперешнего Царства Польского с г. Варшавой принадлежала Пруссии, а другая—Австрии, что оставило до настоящего времени заметные следы в языке, нравах и законодательстве этой страны. В состав Пруссии входили теперешния губернии: Сувалкская, Ломжинская, Плоцкая, Калишская, Петроковская и Варшавская, а также часть Гродненской губернии, образуя две прусские провинции: 1) Южную Пруссию и 2) Ново-Восточную Пруссию. Австрия же из теперешних губерний Седлецкой, Люблинской, Келецкой и Радомской образовала особую австрийскую провинцию под названием Западной Галиции, в противоположность Восточной, вошедшей в состав Австрии еще по первому разделу в 1772 году. Прусское господство в первых шести губерниях прекратилось в 1807 году, а австрийское в четырех остальных губерниях—в 1809 году образованием из них, с присоединением Познани, самостоятельного Варшавского герцогства. Созданное исключительно волею Наполеона I-го после победоносно оконченных им войн с Пруссией и Австрией, это герцогство естественно соединило всецело свою последующую судьбу с успехами его оружия. После изгнания в 1812 году из России войск Наполеона I'-го, в первых рядах которых сражались польские легионы, и занятия русскими войсками в 1813 году всей территории Варшавского герцогства, Австрия и Пруссия, свергнув иго Наполеона и вступив в союз с Россией, потребовали возвращения им всех польских провинций, отнятых у них Наполеоном I-м и включенных в состав этого герцогства. Но население этих провинций в адресах, поданных Императору Александру I чрез государственного секретаря Шанявского и князя Ад. Чарторыйского, умоляло государя „управлять им как ему угодно, но только не допустить снова подпасть Польшу под власть немцев, так как поляки составляют одно племя с русскими". Созданное в 1815 году императором Александром I, Царство Польское, с конституцией более либеральной, чем конституция бывшего Варшавского герцогства, с самостоятельными законодательными палатами, потеряло свое политическое самоуправление вследствие революции 1830—31 гг., продолжая сохранять, впрочем, отдельную от России администрацию, которой лишилось после политических смут в 1863 году. Одновременно с образованием в 1815 году полусамостоятельного Царства Польского, г. Краков, древняя столица Польши, был признан на Венском конгрессе вольным городом. Но, сделавшись в 1846 году центром революционного движения, направленного к восстановлению политической независимости Польши, он после подавления этого движения потерял свое самостоятельное политическое значение и включен в состав Австрии, как второстепенный город одной из её провинций. См. несколько раз цитируемую ниже автором „Сравнительную статистику Царства Польскаго" Симоненко. Варшава, 1879, стр. 29, 35, 55, 438-447.

пейские дворы, отрезал уже от Речи Посполитой пространство земли свыше 200.000 кв. кил., с населением около 5 миллионов; это—четвертая часть страны, более трети населения королевства, в котором тогда было приблизительно около 12.500.000 жителей[1]. Двадцать один год спустя Россия и Пруссия овладели, каждая, территорией еще более обширной, чем первая, и за этим вторым разделом в скором времени последовал третий, к участию в котором была приглашена Австрия. Польша перестала существовать, как государство. В настоящем столетии некоторые части бывшего Польского королевства, герцогство Варшавское, республика Краковская, имели, правда, подобие самостоятельной жизни или автономии; но эта иллюзия должна была скоро рассеяться, как дым пред суровой действительностью. Варшава, укрепленное место, где сосредоточены русские войска, имеет теперь назначением держать поляков в повиновении, а Краков обратился в главный город австрийской провинции. Губернии, на которые разделено бывшее королевство, имеют отныне для русского правительства только административное и стратегическое значение: фиск ценит Польшу, как область империи сравнительно самую многолюдную, наиболее промышленную, самую богатую и наиболее платящую налогов[2], а главный штаб видит в ней четыреугольник крепостей, самый грозный в центральной Европе[3].

Пространство и население Царства Польского:

Поверхность—122.020 кв. кил.[4]

Поверхность без значительных внутренних вод—111.554,2 кв. верст. Население по переписи 28 января 1897 г. (предварительный подсчет)—9.455.943 д.; среднее население на 1 кв. версту: 85 жит.

Оставляя в стороне бесчисленные превратности войн и политических союзов, мы легко можем распознать общие причины, которые привели польское государство к падению. Географические условия территории, которую занимала польская нация, объясняют отчасти её исторические судьбы. Природа не представляла полякам хорошо ограниченной рамки, ни естественного вала в виде высот, который бы мог им служить твердою опорою. Однако, страна, занимаемая главной массой польской народности, имеет границы, довольно ясно очерченные на большой части её окружности: на юге цепь Карпатов служит естественным барье-

1 Ригер, „Словарь наук", ст. Польша, стр. 552 (по-чешски).

2 Заленский, „Сравнительная статистика Царства Польскаго" (по-польски). *Авт.*
Автор, конечно, говорит об абсолютном податном обложении, а не об относительном, так как в сравнении с количеством населения и производительными силами Царства Польского податная тягость, лежащая на нем, нисколько не выше, чем на остальных частях России. Более рациональное, чем в России, распределение этой тягости, отсутствие подушной подати и замена её подоходной поземельной податью, без различия сословий, и менее обременительные выкупные платежи, лежащие на землях, которыми наделены крестьяне правительством в 1864 году—таковы главные причины того, почему благосостояние крестьян в Царстве Польском в настоящее время гораздо выше положения их в остальных частях Империи, даже таких, в которых средняя величина крестьянских наделов не меньше, чем в Царстве Польском. См. в VI-м томе „Сборника Государственных Знаний", издававшагося в С.-Петербурге академиком Безобразовым, рецензию профессора Симоненко на „Очерки экономического положения крестьян в Царстве Польском" ген. Анучина. Ср. в IV-м томе того же сборника рецензию на „Сравн. статистику" Заленского. *Ред.*

3 Реклю, очевидно, говорит здесь только о той половине Царства Польского, которая лежит на правой стороне реки Вислы. Другая же половина с преобладающим польским населением, состоящая из губерний Радомской, Келецкой, Петроковской, Калишской и большей части Варшавской, не входит в этот четыреугольник крепостей. Что эта вторая половина Царства Польского не имеет никакого стратегического значения в глазах нашего главного штаба, видно, как из направления проходящих чрез нее железных дорог, обеспечивающего соседним державам все выгоды ведения наступательной войны, так и из самого устройства этих дорог, которые, как и все иностранные дороги,—узкоколейные. В противоположность им Привислинская железная дорога, идущая по правой стороне реки Вислы, а равно примыкающие к той же стороне железные дороги Варшавско-Тереспольская и Варшавско-Петербургская. имеют для России стратегическое значение—и по своему направлению, и по устройству, имея одинаковую колею со всеми русскими железными дорогами. *Ред.*

4 По Стрельбицкому, 2.312 кв. м.=111.875 кв. в. *Ред.*

ром, через который поляки не переступали ни в одной точке, как это сделали русские; на севере сплошная возвышенность, усеянная озерами, северный скат которой населен немцами и потомками древних поруссов или пруссов, представляет другой хребет или вал, за который поляки тоже не переходили[1]. Эти естественные границы также должны были способствовать сообщению польской национальности некоторой связи, определенно отделяя ее от её соседей и соединяя ее в обособленную группу. Кроме того, река Висла, которая пересекает Польшу с юга на север, принимая в себя притоки справа и слева, делает из всей страны географический бассейн довольно правильный и обладающий большой силой сопротивления. Но на востоке и на западе страна открыта, исключая тех частей, где тянутся болота и обширные, почти непроходимые леса: обширная низменность, от которой обитатели бассейна Вислы получили свое имя поляков, то-есть «жителей полей», продолжается с одной стороны в Германию, с другой—в Россию; но именно в этом направлении, параллельно градусам широты, происходили народные переселения, и давление народов друг на друга проявляется с наибольшей энергией. При существовании этих двух широких брешей, граница Польши необходимо должна была сделаться подвижной, изменчивой, как со стороны германцев, так и со стороны восточных славян: нашествия и войны беспрестанно перемещали равновесие народностей, боровшихся между собой из-за преобладания.

Несколько раз Польша была самым могущественным из славянских государств и почти имела право присвоить себе название всеславянской державы. Тем не менее можно различать в истории этого государства два главных периода территориального расширения, из которых каждый сменялся эпохой ослабления и оканчивался разделами. В одиннадцатом и в двенадцатом столетиях земельные приращения делались преимущественно со стороны запада, и Польша была передовым стражем и бойцом славянских народностей против немцев; с четырнадцатого до шестнадцатого века присоединительное движение направлялось в противоположную сторону, против восточных славян. В первые времена писанной истории польского народа, государство, обнимавшее Польшу в собственном смысле, то-есть «поля» по Висле и Варте, нынешнее Царство Польское и Познань, стремилось поглотить родственные племена, которые населяли территорию, простиравшуюся до Эльбы (Лабы). То вступая в открытую вражду с императорами Германии, то поддаваясь обаянию «священной римской империи» и гордясь титулом её вассала, короли польские успели овладеть почти всеми славянскими землями Запада. В начале одиннадцатого столетия Болеслав Храбрый или Великий, утвердивший единодержавие в Польше и восстановивший независимость её от германского императора, имел в своем владении Моравию, Силезию, Словакию, Лузацию, Червонную Русь или Галицию и даже Богемию в течение короткого периода[2]. Преемники этого государя скоро потеряли значительную часть его завоеваний; но, спустя столетие, Болеслав III Кривоустый обратил в христианство и покорил своей власти поморян или жителей балтийского поморья (нынешняя Померания), которые, будучи отделены от Польши непроходимыми болотами реки Нотеци (Нетце), долгое время составляли как-бы особый мир вокруг Веллина или Винеты, балтийской Венеции. Однако, раздоры славян между собою и германизация значительной части их территории не позволили Польше сохранить свое могущество со стороны запада, и начались разделы. К концу тринадцатого столетия королевство утратило половину земель, первоначально польских, находящихся в бассейне Одры (Одера). Около того же времени рыцари Тевтонского ордена, призванные одним удельным польским князем (Конрадом Мазовецким) на помощь против пруссов, сами утвердились в углу Балтики, в земле пруссо-литовцев, откуда они стратегически господствовали над землями по Неману и нижней Висле. Так получил начало один из элементов державы, которая впоследствии должна была способствовать разрушению польского государства.

1 Впрочем, часть прибалтийской возвышенности, по обоим склонам её, населена ветвью польского племени кашубами, вплоть до морского берега. Самый г. Данциг (Гданск) и все нижнее течение реки Вислы находится всецело в этнографической территории польского племени. *Ред.*

2 Лелевель, „Польша в средние века” (по-польски); Гильфердинг, „История балтийских славян”, Москва, 1855; Успенский, „Первые славянские монархии на северо-западе Европы”, Спб., 1872.

В половине четырнадцатого столетия, со времен Казимира Великого, который навсегда отказался от Польской Силезии, Польша, повидимому, устремляет взоры исключительно на восток; посредством религиозной пропаганды и через брак королевы польской Ядвиги с языческим князем Ягелло, она соединяется с Литвой, и вся западная Россия стала открыта её влиянию; границы её переходят за Днепр и Западную Двину; мало того, Сигизмунд III, в семнадцатом столетии, стремился сделаться монархом всего востока и севера Европы: будучи в одно и то же время королем Польши и претендентом на трон Швеции, он пытался также взойти на престол Московского государства. С Яном Собеским, польский народ, геройский и храбрый, казалось, сделался окончательно бойцом запада в борьбе против мусульман востока. Но тогда польское государство было уже близко к распадению. В видах достижения политической централизации, Польша сделалась защитницей римского католицизма против протестантов и против русской православной церкви; по мнению польского историка Лелевеля, это и было причиной её падения[1]. Украинские казаки и крестьяне возмутились, и польское правительство употребило силу для их усмирения.

Уже в 1661 году король Ян Казимир предсказывал сейму, что Речь Посполитая достанется в удел чужеземцам: «Москва и казаки, говорил король, возьмут великое княжество Литовское, которое связано с ними языком и верой; Великая Польша откроется бранденбуржцу (Пруссии)..,, а австрийский дом, вопреки всем его благим намерениям, не упустит прибрать к рукам Краковское воеводство (Малую Польшу)»[2]. Спустя столетие предчувствия Яна Казимира оправдались. Впрочем, если поляки были достаточно сильны, чтобы бороться против своих могущественных соседей в эпоху феодального беспорядка,—в те времена, когда народы, всецело принадлежа своим повелителям, вели войны друг против друга по воле личных честолюбий, то условия совершенно переменились, когда нации Европы прочно сгруппировались в централизованные государства. Тогда Польша оказалась слишком слабой, чтобы проявлять достаточное сопротивление, а её открытые границы оставляли свободный доступ внешнему врагу.

Однако, самая важная невыгода в положении Польши была не в отсутствии естественных границ на востоке и западе государства, а в недостатке прочной связи между жителями, в провинциях специально польских. Вследствие недостатка географических границ на западной и восточной окраинах, воинственный элемент мелкопоместных дворян или «шляхты», именуемой на пергаментах ordo equestris, развился до крайней степени и не имел более никакой связи с трудящимся народом. Евреи явились, чтобы пополнить пробел, существовавший между общественными классами. Ни одна страна Европы не заключала в себе, да и теперь еще не заключает, столько евреев, и эти люди иной расы, какова бы, впрочем, ни была их привязанность к польской почве, составляли в действительности особый народ, имеющий собственные интересы, прямо противоположные интересам других жителей, и тем не менее служащий посредником всем и каждому, образующий, так сказать, буржуазию, или среднее сословие страны. Они одни занимались торговлей; они одни распределяли произведения страны, продавая их и хлопам (холопам), и панам, мешая коренным жителям вступать друг с другом в непосредственные торговые сношения: при их посредстве совершался кругооборот экономической жизни во всей нации, и, однако, сами они были чужды этой нации; в минуту опасности они держались в стороне, ни мало не заботясь о том, чтобы сближать различные классы и разъединенные общины; народ, состоявший из людей, которые не знали друг друга, оставался разделенным и недоумевающим, что предпринять. Таким образом, эта причина внутреннего расстройства усиливала дезорганизацию, происходившую от разделения Польши, с одиннадцатого и еще более с четырнадцатого столетия, на два враждебных класса—класс панов или дворянства и класс холопов или порабощенного крестьянства. Польскую отчизну погубила не столько неурядица, как это часто повторяли, сколько привилегии, так называемые шляхетские вольности. Крестьяне, которые прежде

1 Лелевель, „Польша и Испания” (по-польски).

2 Коховский, „Klimakter”, II, 506.

пользовались личной свободой и были собственниками земли на правах общинного владения, с течением времени лишились и того, и другого—и земель, и свободы. Дворяне или помещики сделались полновластными господами: овладев имением, они вместе с тем присвоили себе и самую жизнь закрепощенного земледельца. «Польша единственная страна, где народ как бы лишен всех человеческих прав», говорил в изгнании король польский Станислав Лещинский[1]. Государство, которое носило имя «республики», было на самом деле не что иное, как конфедерация многих тысяч деспотических монархий. Паны, поставленные, так сказать, вне нации, отказывались платить свою долю на покрытие общественных расходов: хотя существовала поголовная подать, от которой по закону никто не мог быть освобожден, однако землевладельцы всегда находили способы уклоняться от исполнения этой повинности[2]; польское государство никогда не имело финансов в собственном смысле: ему невозможно было даже собирать сколько-нибудь ценные сведения по общей статистике[3]; все попытки в этом направлении разбивались о постоянное противодействие помещиков и шляхты.

Безспорно, мужество поляков достигало часто высокой степени энергии в минуты отчаяния. Ни одна нация не имела более героев в несчастий: во время инсуррекционных войн мужчины, женщины обрекали себя на ссылку, на смерть в простоте душевной, которая никогда не имела себе равной, и, однако, даже в эти эпохи нравственного величия, польский народ всегда оставался разделенным на две враждебных нации. Те, которые ратовали за восстановление независимости Польши, не умели или не смели дать свободу самим полякам; несчастные крепостные остались согбенными над землей, которую они обработывали. Косцюшко, правда, желал отмены крепостного права; но крестьяне, последовавшие за диктатором, пользовались свободой только во время войны, и его эманципационный декрет был составлен в таких неопределенных выражениях, что не мог иметь никакого действия. Впоследствии, во время образования эфемерного герцогства Варшавского, освобождение крестьян было провозглашено оффициально, но земля не была им дана, и положение их изменилось только по виду; для тысяч из них оно даже ухудшилось, потому что это формальное освобождение отнимало у них всякое право возделывать поле, на котором жили их отцы и деды. Еще накануне последнего восстания, крестьяне в собственном смысле были представлены всего только 22.000 лицами в классе землевладельцев, тогда как число земледельцев, работавших на господской земле, простиралось до двух миллионов; кроме того, насчитывали около 1.400.000 работников, поденщиков и домашней прислуги[4]. Не таков, вероятно, был бы ход истории, если бы люди, боровшиеся за независимость Польши, могли опираться на свободное население, владеющее собственной землей и заботящееся о том, чтобы защитить ее. И даже после падения отечества это средство было, может быть, единственное, которое могло бы подавать надежду достигнуть когда-нибудь его восстановления. По крайней мере русские не могли бы явиться в качестве освободителей, как это они сделали в 1863 году, дав крестьянину часть земли, которую он обработывал.

Самое большое несчастие, которое может постигнуть народ, есть, без сомнения, потеря его национальной независимости. В политическом смысле поляк теперь может считать себя поляком только по воспоминанию: он сделался как бы чужеземцем на своей собственной почве и, так сказать, остерегаясь говорит своим родным языком; мысль его не свободна; гений его более не развивается сообразно своей природе. Это бедствие для всего человечества,

1 „Consideratione sur le gouvernement de la Pologne", 1733.

2 На существование общей для всех поголовной подати собственно нет указаний в польских volumina Iezum. О ней упоминают только летописцы не позже XVI века, и то как о подати, взыскивавшейся в случае чрезвычайной опасности войны. Но позже существовала, в смысле общей для всех земель подати, сначала подымная, а потом подоходная поземельная, к которым вполне применимо то, что говорит автор об уклонении от платежа их польскою шляхтою. См. I-ю главу цитированного сочинения Симоненки, стр. 20—25. *Ред.*

3 Симоненко, выше цитированное сочинение.

4 Schnitzler, „L'Empire des Tzars".

что жизнь одного из народов так стеснена[1], но она, без сомнения, проявится снова, хотя и уклоняясь от своего первоначального пути, ибо поляки по своей промышленности, по своей цивилизации, по своему нравственному достоинству стоят, конечно, не ниже своих предков. Отныне Польша, слишком слабая, чтобы вернуть себе собственными силами самостоятельное существование, соединит свою судьбу с судьбою России и пойдет по пути прогресса вместе с русскими.

«Привислинский край» в тех пределах, которые ему ныне даны, может быть рассматриваем как обширная, местами прерываемая возвышениями, равнина, средняя высота которой от 330 до 500 фут. (100—150 м.). На севере, земли, по большей части покрытые лесами, поднимаются в виде широкого хребта, который тянется от Вислы до Немана по кривой, параллельной линии балтийского прибрежья; но линия границы, начертанная довольно неправильно, не удерживается на оси водораздела: она идет вдоль южного основания сплошной возвышенности, оставляя Германии почти всю «Прусскую Швейцарию», с её бесчисленными озерами. На юге, напротив, группа Сандомирских гор, или «Лысая Гора» (Лыса-Гура), принадлежит всей своей массой нынешней Польше: она тянется от северо-запада к юго-востоку, то-есть параллельно северным Карпатам, представляя правильные гребни, одетые там и сям зеленью, несмотря на данное ей прозвище «Лысой»; округленная вершина, известная под именем «Сигнала Св. Екатерины», возвышается почти на 2.000 фут. (600 м.) около центра этой группы, выступая на подобие острова из середины слегка волнистого плоскогорья. Другие группы холмов, меньшей высоты, но расположенные в том же направлении от северо-запада к юго-востоку, параллельно Карпатам, наполняют южную часть Люблинской губернии, между Вислой и Западным Бугом, почему и носят название Люблинских гор; наконец, на юго-западе Польши водоразделы между Одером и Вартою, между Вартою и Пилицею обозначены высотами так называемой Польской Швейцарии—гористой местности, изрытой водами по всем направлениям, но которая первоначально составляла часть всей передовой области Карпатов.

Различные высоты Царства Польского:

Сигнал Св. Екатерины (Лысая гора)—603 метр. (1.980 фут.); холм между Пилицей и Краковом (в Келецкой губ.)—483 метра (1.585 фут.); возвышенность на востоке от Янова (в Люблинской губ.)—329 метров (1.080 фут.); город Ломжа—214 метр. (700 ф.); город Люблин—189 метр. (620 фут.); город Варшава—98 метр. (320 фут.).

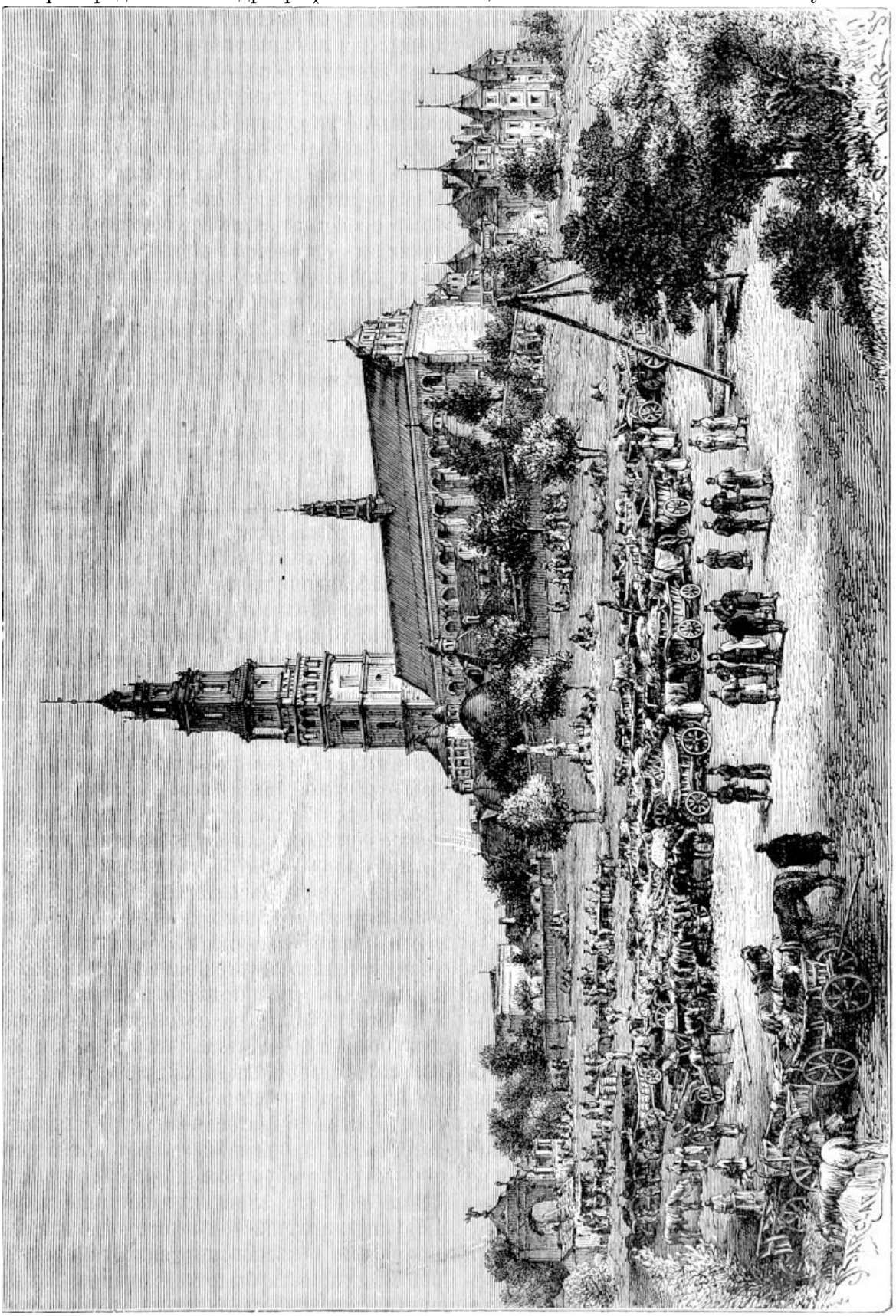
Эти холмы южной Польши составляют контраст с большой третичной равниной севера по разнообразию их геологических формаций, где имеются горные породы меловые, юрские, триасовые, каменноугольные, девонские. Рудные месторождения всякого рода: медь, олово, цинк, железо, сера, каменный уголь, были открыты и частию разработываются в этой гори-

1 Автор говорит в этом случае, конечно, только о стеснении жизни прежних правящих классов польского общества, так как большинство населения Польши во время её политической независимости имело гораздо более оснований чувствовать себя как бы чужеземцами на своей собственной почве, чем теперь, потому что тогда оно было лишено не только политических, но и общечеловеческих прав, чем и объясняется то безучастие, с которым оно относилось как к потере страною политической независимости, так и к последующим попыткам восстановить ее. В течение всего XIX века, всякий раз, как только представлялась возможность правящим классам польского общества иметь непосредственное влияние на судьбу своей страны, совершались даже большие против прежнего посягательства на свободу и счастие большинства населения её. Это признается и польскими учеными, как напр. Скарбеком в его „Истории Варшавского герцогства", графом Лубеньским и Кшистопором в их исследованиях крестьянского быта в теперешней Польше, и выяснено с особенной обстоятельностью многими из русских ученых, особенно Моллером в его сочинении „L'etat actuel de la Pologne en 1865" (Paris, 1866).

Что касается языка, то стеснения в употреблении его, о которых говорит автор, выражаются собственно в утрате польским языком прежнего оффициального, государственного значения, так как в качестве неоффициального языка в губерниях Царства Польского он продолжает до сих пор оставаться языком изящной и ученой литературы, театрального искусства, всякого рода общественных и частных сношений. *Ред.*

стой области; рудники, копи, каменоломни и соседство промышленной Силезии дали этим округам население столь же густое, как и население равнины.

По распределению гидрографических скатов, Польша только отчасти заслуживает при-



Ченстоховскій монастырь.

своенное ей оффициальное название «Привислинского края». Весь западный пояс страны, граничащий с Силезией и с Познанью, принадлежит к бассейну Варты, то-есть к бассейну Одера, и Сувалкская губерния, в северо-восточной части Польши, лежит на водоскате Нема-

на, который служит ей границею на востоке и на севере; вся остальная территория орошается Вислой, Наревом, Западным Бугом или их притоками. При своем вступлении в Царство Польское, которому она служит границей вниз от Краковской области, Висла, только что перед тем принявшая в себя приток Сан, представляет уже величественную реку, носящую суда большой вместимости: она имеет от 118 до 190 сажен (250—400 метр.) ширины от берега до берега, в низменных равнинах, которые она орошает, по выходе из цепи холмов: на каждом из них виднеется монастырь, церковь, крепкий замок или средневековая развалина. Усиливаемая в пределах Царства Польского многоводными реками, каковы: Вепрь, Пилица и Нарев с Западным Бугом, Висла катит, до вступления на прусскую территорию, жидкую массу, представляющую, средним числом, по меньшей мере 26.500 куб. фут. (750 куб. метр.) в секунду; она уже имеет весь свой объем, так как вниз от прусской границы она не получает других притоков, кроме незначительных ручьев. Благодаря этому движущемуся пути, поляки могут удобно отправлять в Гданск (Данциг) свой лес, хлеб и всякого рода продукты и товары. Понятно, какую цену имело некогда для Польши обладание устьями Вислы, и как бывало поколеблено её могущество, когда «добрый город» Гданск, по-немецки Данциг, попадал в руки какого-нибудь соперничавшего государства, или добровольно отделялся от польского союза.

Польша очень богата доисторическими остатками различных эпох каменного, бронзового и железного века. Долина Западного Буга и долина Вислы были частию того естественного пути, по которому следовали переселенцы и торговые люди при своем движении между Понтом Эвксинским и Балтийским морем. «Прятки» в роде тех, какие делают странствующие канадские торговцы в пустынях «дального запада» (Far West) Северной Америки, были открыты там и сям в местах, служивших станциями, преимущественно на водораздельных возвышенностях между покатостями. Языческие могилы встречаются во множестве, и некоторые из них достигают громадных размеров: так, некоторые искусственные курганы в долине Вислы, которые относятся к неолитовой эпохе, как показали произведенные на них раскопки, имеют около полуверсты в окружности[1]. Многочисленные маленькия озера Польши, из которых иные были осушены, также сохранили следы древних озерных поселений и свайных построек, подобных тем, какие встречаются в Швейцарии. Кроме того, целыми тысячами находили и теперь находят погребальные урны, содержащие пепел и обуглившиеся кости, бронзовые булавки, кольца, жемчуг, шарики и другие предметы; в некоторых областях Польши остатки глиняных ваз встречаются так часто и в таком множестве, что у местных жителей сложилось поверье, будто эти сосуды образовались сами собой во внутренности земли[2]. Между погребальными урнами, находимыми на дне могил, относящихся к эпохе гораздо более поздней, чем каменный век, и содержащих предметы из металла, собрано много таких, которые представляют профиль человеческого лица; некоторые остатки римского происхождения позволяют догадываться, что эти «урны в форме лица» принадлежат к первому столетию христианской эры.

По мнению Коперницкого, древняя Польша была населена во времена бронзового и железного периодов длинноголовой расой (долихоцефалами), совершенно отличной от современной короткоголовой расы (брахицефалов). Однако, с того момента, как началась писаная история в привислинских областях, мы застаем уже славян, предков нынешних поляков, которые населяли как эту страну, так и сопредельные земли, занятые теперь немцами и онемеченными славянами. Разделенные на многочисленные роды, которые иногда соединялись для военных экспедиций, под предводительством одного главы или вождя, ляхи или поляки явственно отличались от восточных славян: они считали себя членами той же семьи, но, как говорит легенда, рассказанная в первый раз в тринадцатом столетии, три брата Лех, Чех и Рус жили отдельно, следуя каждый своей дорогой. В Польше имя лехов или ляхов есть лишь литературное выражение, неупотребляемое народом; в чешских памятниках оно имеет

1 Забировский, Сообщение на международном антропологическом конгрессе в Париже, в 1878 г.

2 Albin Kohn und Mehlis, „Materialen zur Vorgeschichte des Menschen im ostlichen Europa".

значение богатого и благородного.

Из поляков самыми чистыми, наиболее сохранившими первоначальный тип считаются обитатели «Великой Польши», жители нынешнего Царства Польского, по обоим берегам Вислы, и Познани—на Варте. Белокурые мазуры, то-есть, по литовски, «коренастые»[1],—которые населяют главным образом восточные области, а также северные, на границе с Пруссией,—слывут самыми гордыми из поляков; они всего лучше сохранили старинные национальные нравы. Смуглые крековяки, сандомирцы и люблинцы и все южные поляки, более впечатлительные, чем мазуры, часто вспыльчивые, кажется, также и более тщеславны, если судить по их национальному костюму, щегольскому, но чересчур изукрашенному вышивками, бахромами и цепочками. Между другими народностями страны, не польского происхождения, значительная часть объединилась с массой нации нравами и языком. Так, курники или «копальщики», живущие в различных округах северной и северо-восточной Польши, в такой степени приблизились к мазурам, что во многих местах их смешивают с последними, хотя они происходят главным образом от ятвягов или ядзвингов—народа, как полагают, литовского племени и который отчасти был истреблен поляками. Малороссы, сгруппированные в общины в юго-восточной Польше, на западе от реки Буг, ничем не отличаются от своих русских соседей, жителей Волыни: они населяют также восточную часть Подлесья или Полесья, отделенного от долины Немана обширными лесистыми пространствами, между которыми замечателен заповедный лес, известный под именем Беловежской пущи. Литовцы или литвины, в числе от 250.000 до 300.000 душ (по разным статистикам), занимают большую часть Сувалкской губернии, в северо-восточной Польше. Наконец, несколько тысяч цыган и татар, пришедших из Литвы, рассеяны маленькими группами по территории Царства Польского.

После монгольского нашествия, польские князья, и в особенности епископы и монастыри, призвали немецких колонистов, чтобы вновь заселить опустошенные татарами земли, и даровали им большие привилегии, между прочим, привилегию назначать собственных шульцов или войтов (старшин) и пользоваться внутренним самоуправлением по так называемому «тевтонскому праву»[2]. Многие города также были основаны немецкими переселенцами, и большинство из них управлялось по «магдебургскому праву», по законам одной из старейших муниципий Северной Германии, архиепископы которой были некогда примасами польской церкви. Это право, которое в сущности было не что иное, как административная независимость общины, не помешало немцам, жителям городов, «ополячиться» мало-по-малу, подобно тому, как ополячились и немцы, жившие в деревнях. В четырнадцатом столетии «швабы» поселились в Польше в числе нескольких сотен тысяч; но этот первый германский элемент совершенно слился с туземным польским и католическим. Из двух тысяч протестантских приходов, существовавших в шестнадцатом столетии, оставалось только два в 1775 году. Все протестанты, которые смешиваются с иммигрантами, считаемыми ныне под общей рубрикой немцев, пришли в страну не далее как за сто лет пред сим; между ними число католиков не превышает десяти тысяч. Таким образом, в «Привислинском крае» поляки составляют огромное большинство населения.

Народонаселение Царства Польского по национальностям:

	По Галкину. В 1868 г.	По Риттиху. В 1873 г.	Проц.
Поляков	3.900.577	4.375 836 или	68,41
Евреев	767.947	860.327	13,45
Малороссов	428.380	505.962	
Белоруссов	33.517	28.865	8,52
Великороссиян	11.065	12.153	
Немцев	234.149	370.356	5,79
Литвинов	277.049	241.147	3,77

В Польском королевстве, каким оно было накануне раздела 1772 года, польский элемент

1 Кентржинский, „Мазуры” (по-польски), Познань,1872 г.

2 Roepell, „Geschichte Polens”.

составлял только треть населения: таково, по крайней мере, приблизительное исчисление, которое дает граф Плятер, на основании статистики, составленной спустя полвека, именно в 1821 году[1]. Народонаселение, в 1821 г., территории бывшей Польши до первого раздела:

Беллоруссов и украинцев—7.520.000; поляков—6.770.000; евреев—2.110.000; литвинов и латышей—1.900.000; немцев—1.640.000; великороссиян—180.000; румын—100.000, всего—20.220.000.

Поляки, о которых западно-европейцы судят главным образом по пышным магнатам и разоренным шляхтичам этой нации, живущим на западе, представляют, как все цивилизованные народы, бесконечное разнообразие характеров; но общий их тип, каким он обрисовывается в истории, сходен с типом, который описывают наблюдатели. Они имеют вообще больше природных дарований, нежели глубоких качеств, приобретенных настойчивым трудом. Пылкие, буйные, энтузиасты, привлекательные, умеющие подольститься, желающие нравиться, они действительно нравятся, но не всегда заботятся о том, чтобы заслужить уважение своим поведением; они отдаются, но без самообладания; они легче понимают великия обязанности, чем обязанности повседневной жизни. У них честолюбие редко поддерживается силой действия, любознательность в области науки берет верх над постоянством в труде, воображение преобладает над волей, каприз следует за капризом. Тем не менее у них проявляются порывы энергии, и тогда они бывают способны на величайшие дела, особенно в возбуждении на поле битвы или в неожиданных случайностях войны, ибо они по природе игроки и расточительны; они охотно рискуют всем состоянием и даже жизнью. В несчастии они, подобно французам, умеют покоряться обстоятельствам и не ропщут, как трусы, на судьбу. Если первобытный тип сохраняется всего лучше у женщины, как это утверждают антропологи, то польки, развитые образованием, ясно показывают своими редкими качествами высокое достоинство расы, к которой они принадлежат: они не только отличаются изяществом манер, умом, постоянною веселостью, даром слова, но обладают также силой самоотвержения, мужеством, быстрою решимостью и ясностью мысли; они хранят во всей чистоте и благородстве идеал нации[2]. Величайший недостаток поляков в том, что они не проникнуты в должной мере уважением к труду: отцы их, все равно, кто бы они ни были—господа или холопы, привыкли презирать или ненавидеть материальную работу, и эти чувства продолжают еще существовать, как прискорбное наследие, завещанное предками современному поколению. Отсюда, быть может, и происходит этот контраст между натурой поляка, которая так легко направляет его к героизму, и его привычками, которые иногда допускают его до нравственного унижения. Когда вы читаете сборники произведений народной поэзии[3], вас поражает недостаток оригинальности в балладах, вульгарность и даже цинизм в любовных песнях. Большинство современных поэтов Польши должны были искать вдохновения не в польских народных песнях, а в думах и преданиях украинских, литовских и даже белорусских; это объясняется тем, что польские крестьяне уже с одиннадцатого века были порабощены господами, тогда как в Литве период угнетения земледельческого класса начинается только с пятнадцатого, а на Украйне только с восемнадцатого столетия. Трудно было ожи-

1 Ригер „Научный словарь", 552.

2 Эти стороны характера польской женщины и её большее чем где либо влияние на общественную жизнь и нравы замечаются не только в среде образованных классов общества, но и в простом народе. В октябре месяце 1863 года главные члены бывшего Учредительного Комитета Царства Польского, предприняв поездку по этому краю для ознакомления с нуждами и потребностями сельского населения его, были поражены как, с одной стороны, пригнетенным в нравственном отношении положением крестьян, дававших свои объяснения не иначе, как оглядываясь по сторонам—не подслушивают ли их управляющие и прислуга помещиков, так в то же время смелостью и находчивостью женщин, которые на сельских сходах обыкновенно ободряли своих мужей, а затем сами выходили вперед и давали за них правительственным лицам все требуемые показания. Оффициальный отчет об этой поездке, рассказывая это, заключает: „В сословии польских крестьян, как и в других высших, явно обнаруживалось преобладание бойкой и живой инициативы женского ума". (См. цитируемые в сочинении Шницлера „L'Empire des Tzars" докладные записки Н. А. Милютина). *Ред.*

3 Кольберг, „Народ" (по-польски); Петров, „Сборник Краковской академии".

дать, чтобы при господстве шляхты, служившей в качестве дворни у знатных панов и угнетавшей бедный сельский люд, могла образоваться у крестьян Польши чистая и истинно-благородная поэзия. Народная польская литература отличается от других славянских литератур в особенности большим обилием исторических пословиц, которые все получили происхождение в дворянстве, составлявшем, так сказать, политический народ Речи Посполитой[1].

При своей непредусмотрительности и великодушии, составляющих их врожденные качества, поляки, хотя сами очень сметливые и ловкие, легко даются в обман, и в самой стране нет недостатка в эксплоататорах, иудейских и христианских. Сыны Израиля, хотя относительно не столь многочисленные, как в восточной Галиции, где находится центр их, тем не менее скучены во множестве во всех польских городах. При том, в Польше, так же, как в Галиции и в Венгрии, нормальное годовое приращение их племени превосходит соответственное приращение христиан: они лучше сберегают своих детей и живут до более преклонного возраста, хотя большинство из них, подобно польским ремесленникам, впали в пролетариат: между евреями, как и между христианами, большие дела, крупные гешефты делаются в пользу нескольких счастливцев. В половине шестнадцатого столетия в Польше численность еврейского населения обыкновенно определяли в 200.000 душ; между тем по переписи, произведенной для раскладки поголовной подати, от платежа которой многие тысячи успевали уклоняться, их насчитывали всего только 16.589 душ[2]. Около ста лет спустя, именно в 1659 году, по переписи, сделанной с той же целью, т. е. для обложения подушной податью, оказалось 100.000 евреев, а в 1764 году, опять-таки по данным податных списков, их насчитывалось 429.656 душ; но историк Чацкий полагает, что действительное число их простиралось до 1.800.000 душ. В настоящее время общая численность евреев в Царстве Польском свыше 850.000 душ, хотя территория Польши уменьшилась на пять-шестых её пространства со времени раздела 1772 года.

Большая часть польских евреев, происходя от переселенцев, пришедших с берегов Рейна, говорит и теперь еще рейнско-франконским наречием своих предков[3]. Таким образом, они увеличивают в значительной степени значение германских колоний, и во многих городах Польши жители, говорящие немецким языком, евреи и немцы, составляют уже большинство. Лодзь, второй город «Привислинского края», имеет более немецкий, чем польский характер по языку населения; даже Варшава, хотя немцы составляли там в 1870 году только двадцать-пятую часть населения, имела треть жителей, обыкновенным говором которых был германский диалект. В старой Польше города, из которых иные обязаны своим основанием немецким поселенцам, были совершенно отделены от народа, изолированы в своих местных привилегиях, без всякой деятельной роли в шляхетской республике, составлявшей Польское государство: оставаясь чуждыми истинной Польше, они были, по выражению одного писателя, «словно капли масла на поверхности пруда»[4]. В наши дни города уже не стоят, так сказать, особняком, вне нации, напротив—они руководят её деятельностью, и в них вырабатываются не только промышленные богатства страны, но также её учреждения и законы. Но эти города теперь, как и в средние века, служат местами иммиграции немцев, и последние приобретают таким образом в крае значительную долю влияния. Они в Польше гораздо многочисленнее, и относительно, и абсолютно, чем в так называемых «немецких» провинциях берегов Балтики. Правда, что русское правительство до сих пор не считало нужным принимать такия же предосторожности против распространения и усиления немецкого влияния в Польше, какие принимало в трех Остзейских губерниях—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, рассчитывая на естественное соперничество и даже ненависть, разделяющую немцев и поляков,—чувство, которое выразилось, между прочим, в следую-

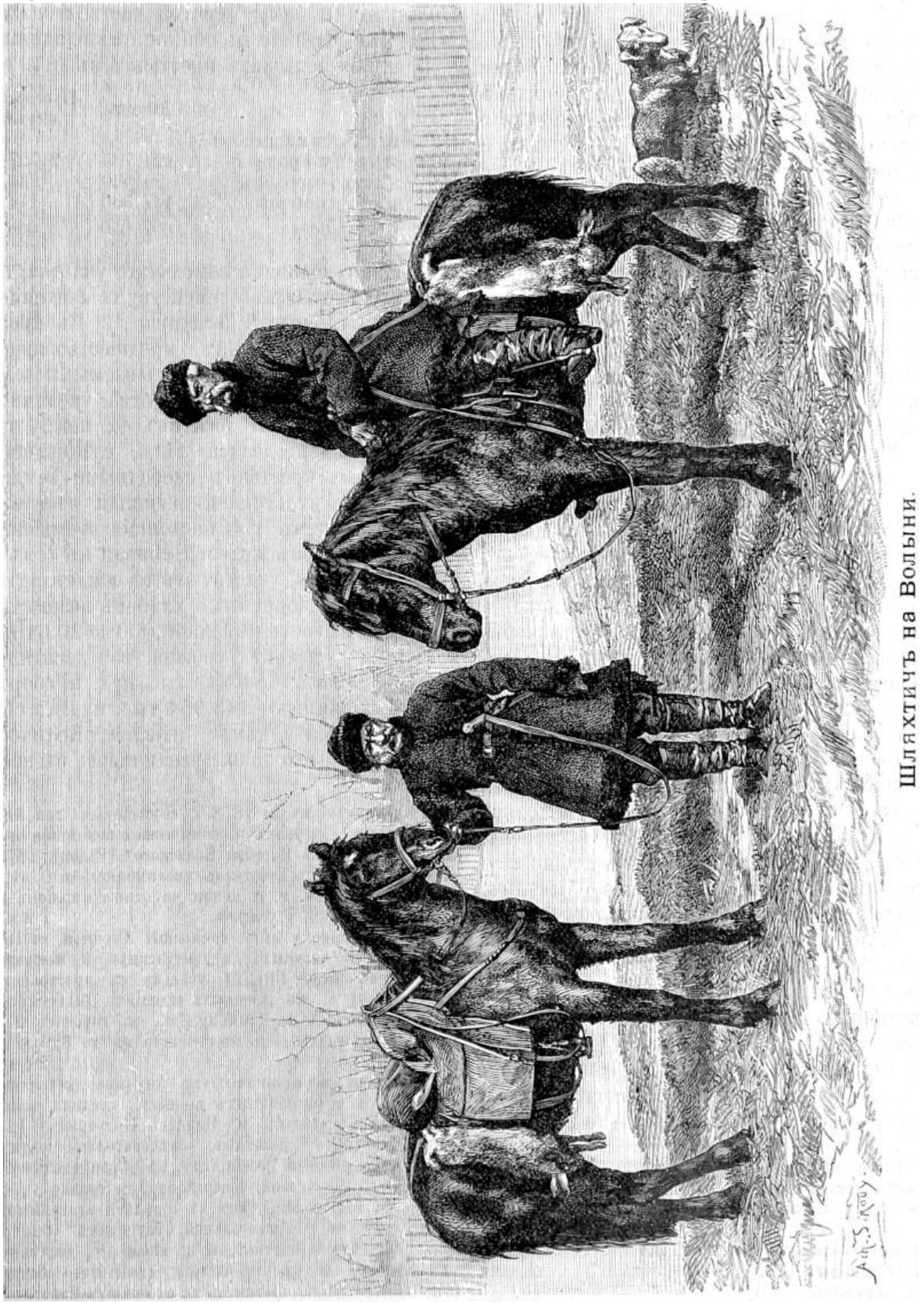
1 Сборник Даровского.

2 Malte-Brun, „Tableau de la Pologne ancienne et moderne"; Симоненко, „Сравнительная статистика Царства Польскаго".

3 Richard Bockh, „Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den Europaischen Staaten".

4 Huppe, „Verfassung Polens"; A. Leroy-Beaulieu, „Revue des Deux Mondes", 1-er avril 1876.

щей народной поговорке: «пока стоит свет, немец никогда не будет братом поляку»,—правительство часто поощряло немецкую колонизацию в Привислинском крае, в тех видах, чтобы этим средством ослабить национальный элемент. Но, быть может, придется когда-нибудь, и



Шляхтичъ на Волыни.

даже в более близком будущем, чем полагают, совершенно изменить систему и опереться, напротив, на поляков, чтобы избегнуть быстрой германизации славянских округов, в соседстве с границей[1]. В то время, как восточная Польша была преобразована русскими в обшир-

1 Драгоманов, „Восточная политика Германии и обрусение“, „Вестник Европы”, 1872 г.

ную крепость против Германии[1], немцы мирно водворились в сердце этой твердыни, и приобретенная ими доля действительной силы, даваемой знанием и промышленностью, несравненно значительнее силы, какою пользуются русские, литовские, малорусские жители Польши, поселявшиеся по большей части в соседстве с восточной границей Царства.

К счастию, польский народ растет и развивается, он делается все более и более сильным и способным бороться против внешних влияний. Хотя лишенный политической самостоятельности, он, бесспорно, имеет в наши дни более патриотических чувств, более нравственного достоинства, чем в прошлом столетии, в ту эпоху, когда магнаты продавали свое отечество тому, кто больше предлагал, и когда нация безучастно допускала состояться торгу, не выказывая с своей стороны противодействия. Несмотря на бедствия, которыми сопровождалось восстание 1863 года, и которые поразили главным образом богатые классы, отмена привилегий дворянства и духовенства, равно как преобразования в поземельном и общинном устройстве, давно уже требуемые польской демократической партией[2], имели самые благодетельные последствия. С материальной точки зрения прогресс вполне очевиден. Общее благосостояние увеличилось, или, лучше сказать, бедность уменьшилась. В 1859 году число землевладельцев, большею частию дворян, едва превышало 218.000 и не представляло даже шестнадцатой доли всего населения края. Масса земледельцев состояла из арендаторов, работников и поденщиков. Но со времени издания закона 1861 года арендаторы и некоторые из работников сделались крестьянами-собственниками, а с 1866 г. началось распределение казенных и церковных земель в пользу тех, которые до этого еще ничего не получили. Подобные же меры были приняты по отношению к маленьким городам и местечкам. До 1864 года только тринадцать городов из 468 были построены на земле, принадлежащей городскому обществу: все же остальные, по феодальным обычаям, составляли собственность помещиков или короны[3]. Из этих так называемых владельческих городов 377 были преобразованы в земледельческие села и деревни[4], а принадлежащие к ним земли отведены в надел крестьянам.

Последствия этих аграрных реформ были значительны. Площадь под земледельческою культурою, возросшая исключительно в пользу землепашцев, увеличилась в течение восьми лет почти на полмиллиона десятин[5], в 1872 году пахатные земли, данные в надел крестьянам, обнимали в совокупности пространство, составляющее около трети Царства Польского, и более десятой части этого пространства состояло в общинном владении.

Владения польских крестьян в 1872 г.[6].

	Дымов	Пространство, десятин
На землях помещиков, монастырей и проч.	424.735	2.727.615
На землях городов	85.540	244.350

1 Уже было выше замечено, что вся западная полоса для Царства Польского, лежащая по левую сторону реки Вислы, как глубоко врезывающаяся в пределы Пруссии и Австрии, не имеет никакого стратегического значения для России в оборонительной войне, а потому для укрепления её Россией ничего и не сделано. Слова автора относятся исключительно к восточной половине Царства Польского, непосредственно прилегающей к России и в которой живет большая часть русского и литовского населения этого края. *Ред.*

2 Манифест демократического общества (Towarzytswo Demokratyczne) от 1832 г., подписанный 1.135 членами польской эмиграции.

3 По сведениям, сообщенным Полторацким в его „Географических и статистических очерках Царства Польскаго" (Спб 1863 г), из всех 453 городов и местечек этого края 225 городов было казенных и 228 принадлежало частным лицам. *Ред.*

4 Заленский, „Сравнительная статистика Царства Польскаго".

5 По сведениям за 1873 г, сообщаемым ген. Анучиным в его „Очерках экономического положения крестьян в губерниях Царства Польскаго" (Радом, 1875 г.), владения польских крестьян увеличились на 9 лет на 1.916.355 моргов, т. е. почти на один миллион десятин, и на 266.998 усадьб. *Ред.*

6 По названному выше сочинению Анучина, в 1873 г. в селениях частных, институтских и майоратных владельцев было 440.721 усадьб с пространством в 5.561.931 м., в казенных селениях 160.088 усадьб с пространством в 2 506.382 м., в городах и посадах 83.938 усадьб с пространством в 629.821 м. *Ред.*

короны	147.360	114.615
Всего	657.635	3.086.580

Средняя величина земельного участка, принадлежащего каждому семейству хлебопашцев, составляет около 8 десятин[1]. В продолжении пятнадцати лет, предшествовавших 1859 году, площадь обработываемых земель на всем пространстве Царства увеличилась только на 201.300 десятин[2]; между тем в продолжении десяти лет, следовавших за наделом крестьян свободными землями, приращение культурной площади составляло 503.250 десятин[3]; в настоящее время свыше двух миллионов жителей, считая в том числе и семейства, участвуют в землевладении. Производство зерновых хлебов возвысилось слишком на треть, с 12.960.000 до 20.640.000 четвертей (средний урожай за десятилетие 1883—1892 гг.: 184.442 тыс. пуд., а сбор за вычетом семян—143.954 тыс. пуд.), а сбор картофеля более чем удвоился. Количество домашнего скота также увеличилось в весьма значительной пропорции, и статистические данные показывают, что это численное возрастание скота происходит главным образом в хозяйствах мелких земельных собственников-крестьян, а не в имениях крупных землевладельцев.

Статистика домашнего скота в Царстве Польском (1892 г.):

Овец и коз—3.124.000 голов; крупного рогат. скота—2.759.000; лошадей—1.076.000; свиней—1.257.000 голов.

Благодаря возрастанию земледельческих рессурсов края, и мануфактурная промышленность Польши более чем удвоилась, по количеству произведений, со времени издания аграрных законов 1864 года: в 1857 году общая ценность промышленного производства исчислялась в 42 миллиона рублей, а в 1892 году она простиралась до 188,3 миллионов руб. Впрочем, увеличение материального благосостояния наглядно доказывается движением народонаселения, которое прежде так часто уменьшалось вследствие революций, резни, эпидемий; рождаемость не увеличилась, но смертность убавилась (в 1889—91 гг. ежегодная рождаемость в Царстве составляла 39,1, а смертность—23,1 на 1.000); средняя продолжительность жизни возросла, при чем, как на неожиданное явление, можно указать на тот факт, что теперь польский элемент берет перевес, в отношении приращения населения, над элементом германским. Таблицы, составленные не по национальностям, а по вероисповеданиям, показывают, что в период с 1863 по 1870 год число католиков, поляков в огромном большинстве, увеличилось на 21 процент, тогда как протестанты, почти исключительно немцы, возросли в числе только на 12 процентов. До установления в Польше мелкой земельной собственности повторялось из году в год как раз обратное явление в движении народонаселения. Основание новых школ, устроенных самими крестьянами и на собственные средства, также служит наглядным доказательством достигнутого в последнее время прогресса. Вот относящиеся сюда числовые данные:

Начальные школы в Царстве Польском: В 1865 г.—848 шк., с 47.550 уч.; в 1872 г.—2.020 шк., с 110.550 уч.; в 1876 г.—3.184 шк., с 168.549 уч. или 1 на 37 жителей (в московском округе 1 на 51 жителя).

В 1893 г. собственно начальных народных школ (не считая частных, христианских и еврейских, а также воскресно-ремесленных и воскресно-коммерческих училищ) в Царстве

---

1 Но тому же сочинению ген. Анучина, составленному на основании оффициальных данных, средняя величина крестьянских усадьб в Царстве Польском—12 моргов, т. е около 6 десятин,—следовательно, почти вдвое более, чем во всей России, где, по „Сравнительной статистике" проф. Янсона, средний надел только $3^1/_3$ десятины, и даже более, чем в соседней австрийской Галиции, где, по „Сравнительной Статистике" Симоненко, средний надел 9 моргов, т. е. около $4^1/_2$ десятин. Не удивительно, что уже вследствие одного этого обстоятельства благосостояние крестьян в губерниях Царства Польского должно быть значительно выше, чем в остальной России и Галиции, помимо меньших выкупных платежей за земельные наделы. *Ред.*

2 Тенгоборский, „Forces productives de la Russie" (Производительные силы России); Schnitzler, „L'Empire des Tzars".

3 Симоненко, выше цитированное сочинение.

было 2.920—в том числе городских 351, с 29.454 учащ., и сельских 2.569, с 146.927 учащ.

Однако, обязательство говорить по-русски в школах составляет большое препятствие развитию народного образования, так как воспитанники принуждены «заучивать слова прежде, чем могут понимать их»[1]. Наконец, преступления всякого рода, и преимущественно те, которые известны под названием «преступлений против собственности», уменьшились в изумительной пропорции, на половину, даже на две-трети, несмотря на то, что число жителей возросло на полтора миллиона в тот же промежуток времени.

Нельзя не признать, что, рассматриваемая в целом, мера предоставления крестьянам участия в землевладении была осуществлена гораздо более удачным способом в «Привислинском крае», нежели в прусской Польше и в австрийской Галиции. Причину тому следует искать главным образом в общинном самоуправлении, ограниченном, но не совершенно призрачном, которым пользуются польские крестьяне. В Царстве Польском все земледельцы, владеющие участком земли в три морга (от немецкой меры морген), могут обсуждать в собрании гмины (gmina, от немецкого Gemeinde, община) свои земледельческие интересы, даже отчасти управлять ими, а против ростовщиков они обладают силой, которую дает солидарность: там, где отдельный человек должен бы был пасть в неравной борьбе, община оказывает сопротивление и выходят победительницею[2]. В прусской Польше, где крестьяне остались под судебной властью и полицейским надзором их бывших господ, половина крестьянских земель в некоторых округах была уже продана за бесценок тем лицам, которые владели ими до 1848 года, сельский пролетариат увеличивается с каждым годом, в то же время возрастает и число преступлений, и множеству бедняков не остается иного выхода из гнетущей нужды, кроме эмиграции[3]. В Галиции положение крестьян еще хуже, и земля, которую хлебопашцы уже считали-было принадлежащею им на праве собственности, быстро переходит в руки ростовщиков, как показывают следующие статистические данные[4]:

Продажа крестьянских участков в Галиции: в 1867 г.—164 продажи с публичного торга, в 130 деревнях; в 1873 г.—614 продаж, в 409 деревнях; в 1877 г.—2.139 продаж, в 1.209 деревнях.

Сельские общины Польши, осаждаемые со всех сторон услужливыми ссужателями денег, отчасти уже эксплоатируемые ловкими кулаками и ростовщиками, найдут ли в себе достаточно уменья и энергии, чтобы защитить свои поля? До сих пор они, повидимому, успевали в этом.

Что касается дела «обрусения», предпринятого в Польше, впрочем без системы и последовательности, то оно не могло привести к предположенной цели, и нация остается более польской, чем когда-либо[5]. Уже отделенная от русских патриотическими преданиями, религией, нравами, она продолжает быть отделенной и языком. Без сомнения, молодые люди, воспитывающиеся в гимназиях, учатся русскому языку и умеют выражаться на языке своих победителей; без сомнения, также тайные польские школы были повсюду обнаруживаемы и закрываемы; в настоящее время все учебники, употребляемые в начальных школах, составлены на русском языке, и вопросы предлагаются наставником на языке чуждом ученику; но понимают или нет дети даваемый им в школе урок, польский язык все-таки остается их родным языком—тем языком, на котором они мыслят. Нивы польской литературы возделыва-

1 „Педагогический музей", 1879 г., №№ 2-й и 3-й.

2 Около половины сельских общин в Царстве Польском имеют ссудосберегательные кассы, хотя и неудовлетворительные по своей организации. При том лицам не-крестьянского состояния, следовательно всем ростовщикам-евреям, воспрещено законом приобретать крестьянские земли. *Ред.*

3 Engel, „Preussische Statistik", Heft XXVI, 1874.

4 Сборник львовского статистического бюро.

5 Большие успехи польской литературы в последнее время, указываемые самим автором, никогда не прекращавшееся преподавание польского языка в народных училищах и гимназиях, ежегодное чтение в варшавской городской ратуше публичных лекций на польском языке, казенные субсидии, выдаваемые варшавскому польскому театру и консерватории, и другие тому подобные факты ясно указывают на то, что руссификация в Царстве Польском мало вредит польской национальности. *Ред.*

ются все с тем же рвением; каждый год она обогащается оригинальными сочинениями и в особенности многочисленными переводами. В 1877 году в привислинских губерниях выходило 60 польских периодических изданий (ныне число их увеличилось до 80).

Города очень многочисленны в Польше, этой промышленной области Российской империи, и особенно в территории, сопредельной с Верхней Силезией, с её каменноугольными бассейнами и с её копями и рудниками: по обе стороны границы возвышаются громадные фабричные здания и копошатся массы рабочего люда. Впрочем, залежи минерального топлива простираются также под польской территорией, где разработываются главным образом Домбровские копи каменного угля. В 1893 г. в Домбровском бассейне было добыто 193.359.021 пуд ископаемого угля[1].

В этой части Польши почти все воды текут к Одеру, за исключением нескольких ручьев, которые спускаются к югу и соединяются с нарождающейся Вислой, выше Кракова; один из этих ручьев протекает через город Бендин, главный пункт мануфактурной области. Над верхней долиной Варты господствует древний, гордый своей славой город Ченстохово, к западу от которого, по другую сторону железной дороги, разростается новый город. На востоке высится Ясная Гора (Ясна-Гура), на вершине которой приютился старинный монастырь, похожий на крепость, который действительно в течение веков был одним из главных крепких замков Польши: в 1704 году шведы без успеха осаждали его. До 1765 года настоятель монастыря был вместе с тем и комендантом крепости. Благодаря иконе Божией Матери, византийского происхождения, под покровительство которой сейм 1656 года отдал Польское королевство и которую народ почитает как «царицу Польши», ченстоховский монастырь, обогащаемый постоянными пожертвованиями и вкладами, сделался с течением времени обладателем громадных имений, которые простирались на пятнадцатой части старой Польши, обнимая около 5 миллионов десятин. Лишенный ныне этих земельных владений, составлявших целое королевство, монастырь все-таки имеет богатую казну, увеличиваемую каждый год приношениями пятидесяти или шестидесяти тысяч богомольцев, стекающихся сюда из всех католических стран трех империй: на западе от Киева, Ченстохово—наиболее посещаемое место паломничества во всем славянском мире. Как все святые места, где сходятся массы богомольцев из разных стран, Ченстохово в то же время значительный рынок и ведет торговлю скотом, сукнами, полотнами и разным мелким товаром.

Едва вступив в пределы Калишской губернии, Варта, усиливаемая многочисленными притоками, бежит в широкой аллювиальной долине, среди которой расположился город Серадзь; а неподалеку от него, на восточной плоской возвышенности, находится другой город, более многолюдный, Здунская Воля. В дальнейшем своем течении река омывает холм, где стоит город Варта, имя которого она носит, или который от неё получил свое имя; затем, описав большую дугу в западном направлении, она окружает островок, на котором был построен город Коло, далее омывает стены города Конина и проникает в прусскую Польшу при слиянии с Тросной. Эта последняя река служит границей между двумя империями, и на берегах её, среди фруктовых садов, раскинулся Калиш, главный город губернии того же имени. Этот исторический город, ныне важный торговый центр, имеющий также большие суконные фабрики, считается древнейшим городским поселением Польши; может быть даже, это—тот самый город, о котором упоминает Птоломей под именем «Калисиа». Окружающая местность усеяна могильными курганами, в которых сделаны богатые находки.

Многие другие польские города находятся также в бассейне Варты, хотя не на берегах и вообще не в близком соседстве реки. Таков Турек, лежащий на северо-востоке от Калиша; таковы же, на востоке от этой реки, Ленчица, бывшая резиденция воевод, и различные города с прядильными и другими фабричными заведениями,—Озорков, Пабианице, Згерж, Лодзь. Этот последний бывший еще в 1821 году бедной деревней, с населением менее 800 душ, сделался теперь вторым городом Царства Польского по численности населения, как и

1 „Производительные силы России“, составл. под редакцией В. И. Ковалевского.

по развитию промышленной деятельности. Но его нельзя назвать городом в обыкновенном смысле; это—скорее одна длинная улица, идущая на протяжении десятка верст, по обе стороны которой тянутся непрерывным рядом дома фабричных рабочих, бумагопрядильни, суконные фабрики, красильни и другие промышленные заведения, в числе нескольких сотен, с годовым производством на сумму свыше 50 миллионов рублей. Большая часть этих мануфактур принадлежит немцам.

Бассейн Пилицы, воды которой, берущие свое начало близ города того же имени, соединяются с Вислой выше Варшавы, далеко не имеет такой важности в промышленном отношении, как бассейн Варты. Пржедборж, где река еще не судоходна, замечателен только как рынок для земледельческих произведений. Город Петроков, лежащий недалеко от Пилицы, в боковой долине, впадающей в главную с западной стороны, если имеет некоторую важность, то обязан этим почти исключительно тому, что он административный центр губернии. Томашов имеет несколько суконных фабрик; но ниже этого города в долине Пилицы встречаются только местечки с малочисленным населением. Радом, главный город губернии того же имени, расположен в южнее лежащей долине, воды которой питаются ключами и снегами Лысой Горы. Это—старинный город, где происходит деятельная меновая торговля между горцами и жителями равнины. На полуденном скате Лысой Горы также находим несколько промышленных городов, таковы: Кельце, административный центр губернии, город железоделательных заводов и сахарных фабрик, окруженный холмами, откуда прежде добывали медную руду; Хенцины, в окрестностях которого разрабатывают ломки мрамора; Хмельник; Пинчов, близ которого существуют рудники колчедана; Вислица, бывшая королевская резиденция, прославленная так называемым «Вислицским статутом», изданным Казимиром Великим в 1317 году; Нове-Място (Новый город), стоящий также на реке Ниде и, подобно Вислице, разбогатевший благодаря своим залежам серы; Сташов; Раков, теперь простое местечко, который в семнадцатом столетии был умственным центром социниан, «сарматскими Афинами», разрушенными по повелению сената в 1638 году, за двадцать лет до обнародования закона, вотированного против этой секты. Горделивый Сандомир расположен на берегу Вислы под горой, на которой высится его древний замок или кремль. Этот город, один с тех, имя которых всего чаще повторяется в истории Польши, был столицей королевства в течение тринадцатого столетия, и одна из его церквей, построенная в византийском стиле, относится к этой эпохе. Своей обширной торговлей он приобрел большие богатства; но именно его цветущее состояние и его преобладающая роль в государстве были причиной того, что он много раз подвергался осадам и пожарам. В настоящее время он имеет важность только по сплаву леса и по речному судоходству для перевозки хлеба и других сельских продуктов.

На востоке от Вислы, но все-таки в её бассейне и в бассейне Западного Буга, Люблинская губерния занимает юго-восточный угол нынешней Польши. Главный её город, Люблин, который долго оспаривали друг у друга поляки и галицийские русские, был, начиная с шестнадцатого столетия вплоть до необычайно быстрого развития Лодзи, вторым городом Польши, и теперь еще он уступает только Варшаве по величественному виду. Во времена королей из династии Ягеллонов Люблин, говорят, насчитывал в своих стенах до 10.000 жителей, и ни один город не мог померятся с ним на всем пространстве между нижней Вислой и Днепром; но, часто опустошаемый татарами и казаками, он несколько раз нисходил на степень простого местечка: за пределами нынешнего города груды развалин покрывают еще большое пространство окружающих земель; от городских стен остались только живописные руины[1]. Люблин прославился в истории бурным сеймом 1568 и 1569 годов, на котором решено было присоединение Литвы к Польскому государству. Как крепость, он был заменен городом Замостье (Замосць), который лежит на болотистом плато, на высоте 726 футов, недалеко от австрийской границы и от водораздельной возвышенности между бассейна-

1 Из уцелевших от разрушения древностей, не считая различных старинных костелов и церквей, наиболее замечателен стоящий на скале „замок Люблинских старост", поражающий красотою и древностию своей архитектуры. Теперь этот замок обращен в тюрьму. См Устимовича Географию Царства Польского, Варшава, 1864. *Ред.*

ми Вислы и Днестра. В конце шестнадцатого столетия граф Замойский выбрал местоположение для этого города в своих обширных имениях и велел построить его улицы с аркадами, по образцу городов Ломбардии; он же основал в нем академию и другие общественные учреждения, которые теперь уже не существуют. Но город и ныне все-еще ведет торговлю с Волынью и Галицией, так же, как два его соседа, Билгорай и Грубешов. Первый из них имеет специальный промысел—выделку сит, которых он продает свыше миллиона штук в год. Близ второго находится местечко Городля, на Буге, напоминающее договор, заключенный в первый раз между католическим дворянством Литвы и дворянством Польши в 1413 году. Вообще вся эта область одна из самых важных в истории Польши и соседних стран. Одна из соседних деревень, Чермо, древний Червень, дала свое имя группе городов «Червонной Руси», получившей впоследствии название Галиции.

К востоку от Люблина, на одном из притоков Западного Буга и уже в местности, населенной малороссиянами, стоит один из древнейших русских городов—Холм (по-польски Хелм); он обязан своим именем горке, на которой возвышался крепкий замок, всегда с успехом отражавший нападения татар. В окрестностях, на севере и на юге, высятся две старинные четыреугольные башни, без всяких отверстий и без пустоты во внутренности, в которых антикварии усматривают символы языческого культа, тогда как другие считают их просто пограничными знаками Галиции в тринадцатом столетии. Как епископальный город униатов, то-есть последователей греко-восточного вероисповедания, соединенных с римско-католической церковью, Холм сделался их духовной столицей в 1839 году, после упразднения унии в России собственно; но в Царстве Польском осталось лишь небольшое число от 240.000 униатов, бывших там в 1864 году: униатов воссоединили с православной церковью.

Висла служит общей границей двум губерниям, Люблинской и Радомской, во всей части её среднего течения, направляющагося от юга к северу. Прежде чем повернуть на северо-запад, откуда течение направляется к Варшаве, река вступает в горное ущелье, над которым по обе стороны возвышаются исторические руины,—на западе Яновице, на востоке Казимерж,—и проходит перед великолепным замком и парком Пулавы, бывшим княжеским имением, которое ныне переименовано в Ново-Александрию и которого все сокровища, драгоценные книги, рукописи, произведения искусства, были перевезены в Петербург; во дворце прежде помещался институт благородных девиц, а ныне помещается институт сельского хозяйства и лесоводства. Ниже, при слиянии Вислы и Вепржа, стоит крепость Ивангород, прежде Демблин, прикрывающая с юго-запада подступы к Варшаве.

Варшава далеко превосходит все другие города Польши по числу жителей и значению, а в Российской империи она занимает третье место, следуя непосредственно за Петербургом и Москвой. Однако, она не принадлежит к числу древнейших городов страны: Гнезно, Краков существовали уже сотни лет, когда местность, где в наши дни расположена обширная и многолюдная Варшава, была еще дремучим лесом, наполненным дикими зверями; имя этого города появляется в летописях в первый раз в начале тринадцатого столетия. Страна, по которой протекает средняя Висла, была занята преимущественно мазурами, почти независимым народцем, который иногда вступал в союз с тевтонскими рыцарями против поляков, и который слился окончательно с польской монархией только по прекращении его княжеского дома в 1526 году. Когда состоялось политическое соединение Литвы с Польшей, Варшава была выбрана местом собрания сеймов, потому что она не была «ни польская, ни литовская, а находилась на нейтральной территории Мазовецкой области». Это было в 1569 году. Сделавшись, таким образом, центром равновесия Польши и Литвы и избавившись от границ неопределенных, но стеснительных, происходивших от разделения страны на несколько государств, Варшава тотчас же воспользовалась географическими выгодами своего положения. Она стоит на большой судоходной реке, в центре плодоносной равнины, которая простирается от Восточной Пруссии до массива Лысая Гора. К той части речного течения, середину которой занимает Варшава, притоки сходятся в наибольшем числе: выше города, реки Вепрж и Пилица, текущие одна—с юго-востока, другая—с юго-запада, приносят Висле воды

почти всей полуденной Польши; ниже, обильная река, в которую, на недалеком расстоянии от места её впадения, соединяются Западный Буг и Нарев, прибавляет свою водную массу к водам главной реки. Подобно тому, как Париж, построенный выше слияния Уазы, тем не менее сделался естественным складочным местом всех продуктов и товаров, перевозимых вниз по притоку Сены, также точно и Варшава, лежащая выше соединения Вислы и Нарева, представляет пункт, где сходятся торговые пути, открываемые долинами Нарева и Буга на востоке и северо-востоке по направлению к Литве. Кроме того, столица Польши находится на описываемой течением Вислы кривой, развертывающейся к востоку в сторону России, и как раз напротив невысокого порога, отделяющего притоки Днепра от притоков Немана и Западной Двины и продолжающагося далеко по направлению к Москве, как большая дорога для переселений и торговых сношений[1]. Этот тракт мирных торговых караванов служил также путем для армий, и поляки часто пользовались им во время своих походов в Россию; в свою очередь, и русские ходили этой же дорогой, чтобы вторгнуться в пределы Польши и нести опустошение в Варшаву. Немногие города имели в новейшие времена политическую историю более печальную, чем польская столица; несмотря на то, Варшава не переставала расти в протяжении и в численности населения[2]. Если бы не мешали укрепления, стесняющие её промышленное развитие, и полукруг таможен, развертывающийся вокруг неё на расстоянии от 100 до 200 верст, то, нет сомнения, этот город, самый близкий к геометрическому центру континента, занял бы место в ряду первокласных городов Европы. Хотя через Варшаву проходят два из главных железных путей Европы, она не имеет еще достаточного числа рельсовых дорог для обслуживания её торговли. Кроме того ей часто грозит опасность наводнения при разливах Вислы, и нередко случается, что заречная часть, Прага, сады и виллы прибрежных предместий представляют печальное зрелище беспорядка и разрушения.

Построенная полукругом на западном, нагорном берегу Вислы, Варшава возвышается футов на 100 над поверхностью вод реки и её лесистых островов. Центром города можно считать бывший королевский дворец, окруженный садами в виде террас, которые поднимаются на самом берегу реки. От этого дворца, в котором теперь помещаются библиотека и собрание произведений искусства, расходятся, на подобие радиусов, главные проспекты, обставленные отелями и публичными зданиями. Старый город, с узкими улицами, тянется на севере, замкнутый, так сказать, между многочисленными казармами, прилегающими к замку и к цитадели. На юге раскинулись новые кварталы, изрезанные широкими проспектами. Железнодорожный путевод и великолепный мост о семи арках пересекают желтоватые воды Вислы и соединяют город с его предместьем, Прагой, получившей в истории печальную известность кровопролитным штурмом Суворова в 1794 году и штурмом Паскевича в 1831 г.

Варшава—университетский город, и её университет имеет, кроме библиотеки, состоящей из 552.000 томов, научные коллекции всякого рода, астрономическую обсерваторию, ботанический сад; университет, основанный в 1816 году, был закрыт после восстания 1830 и 1831 годов, и курсы возобновились в нем только в 1861 г.; самое название университета дано лишь в 1869 году (до этого времени он назывался главной школой), но преподавание ведется на русском языке; университет не имеет всех университетских прав, какими пользуются другие высшие учебные заведения империи[3] (число слушателей в Варшавском университете: в 1885 г.—1.395, в 1894 г.—1.152). Кроме университета, в Варшаве существуют некоторые специальные учебные заведения, из которых назовем училище искусств и ремесл и музыкальную консерваторию[4]. Между музеями главное место занимает музей общества изящных искусств; в лучших кварталах есть несколько статуй, между прочим, статуя Коперника,

1 I. G. Kohl, „Die geographische Lage der Hauptstadte Europaš".

2 Особенно с тех пор, когда она сделалась узлом 4-х железнодорожных линий, идущих в различных направлениях. *Ред.*

3 Это ограничение заключается в лишении университетского совета, и то только временном, права самому выбирать преподавателей на университетские кафедры. *Ред.*

4 С преподаванием всех предметов на польском языке. *Ред.*

воздвигнутая его согражданами на одной из прекрасных площадей города[1]. Столица Польши отличается также своей промышленной и торговой деятельностью; её многочисленные фабричные заведения, прядильни и мануфактуры различных материй, табачные фабрики, заводы винокуренные, водочные, пивоваренные, кожевенные, мыловаренные, литейные, фабрики обуви, машин, земледельческих орудий, инструментов, мебели, фортепиано, поставляют ежегодно произведений на десятки миллионов (в 1894 г. число фабрик в Варшаве —368, при 17.250 рабочих, с годовым производством на 27,3 миллионов руб.; кроме того, ремесленников, вместе с учениками,—50.300, а годовая ценность ремесленного производства 46,4 миллиона руб.). Жирардовская фабрика вблизи Варшавы, при одной из станций варшавско-венской железной дороги, названная так в честь Филиппа де-Жирарда, пользуется в крае почти монополиею выделки столового белья, которого она производит на четыре миллиона в год. Что касается деятельности торгового обмена, то о размерах его можно составить понятие, увидев толпу вечно занятых, деловых сынов Израиля, которые снуют, в числе около ста тысяч человек, по варшавским улицам. Из всех городов земного шара, Варшава имеет наиболее многочисленное еврейское население, и это население размножается в ней с наибольшею быстротою.

Число и процентное отношение евреев и христиан в Варшаве:

В 1860 г.—118.000 христиан; 43.000 евреев, т. е. 38% населения. В 1869 г.—118.000 христиан; 69,000 евреев, т. е. 36% населения. В 1877 г.—206.300 христиан; 102.250 евреев, т. е. 33% населения. В 1879 г.—239.880 христиан; 117.289 евреев, т. е. 32,7% населения. В 1894 г. 364.757 христиан; 169.504 евреев, т. е. 31,7% населения.

Варшавская шерстяная ярмарка—одна из самых важных в центральной Европе. Как большая часть других больших городов, польская столица, которая, впрочем, имеет много нездоровых кварталов, населенных бедным людом, окружена увеселительными местами, рощами, виллами, куда устремляется городское население в праздничные дни; в особенности Лазенковский дворец, построенный на южной стороне города, на древнем берегу, где Висла оставила ложную реку, славится своим очаровательным местоположением, своими тенистыми парками и своими водами, в зеркальной поверхности которых отражаются статуи из белого мрамора и колоннады искусственной руины, которая служит сценой для театральных представлений, даваемых под открытым небом[2]. На западе от города расстилается равнина

1 Также статуя польского короля Сигизмунда III, перенесшего столицу из Кракова в Варшаву в 1596 г., статуя эта поставлена в 1644 году сыном Сигизмунда, королем Владиславом IV, на площади пред старинным королевским замком, первые основания которого были заложены еще в XIV веке князьями мазовецкими. Статуя возвышается на мраморной колонне в 36 локтей вышины, высеченной из одного куска местного мрамора, взятого под Хенцинами в Келецком уезде. Из новейших памятников г. Варшавы, самый красивый—высокая пирамида на пьедестале, с 4-мя большими бронзовыми львами, поставленная в честь поляков, павших в 1830 году в рядах русских войск. Памятник этот возвышается на Саксонской площади, напротив прекрасной колоннады, ведущей в Саксонский сад, и прежнего дворца саксонских королей, перестроенного за ветхостью в сороковых годах текущего столетия. *Ред.*

2 Сцена варшавского Лазенковского театра чуть ли не единственная в мире в том отношении, что, расположенная на острове, отделена от зрителей водою. Почти не нуждаясь в искусственном украшении кулисами, она своими естественными деревьями и водою, окружающею ее, сливается со всем Лазенковскпм парком, с его в высшей степени изящным летним дворцом, построенным последним польским королем, и массами публики, гуляющей по аллеям, окаймляющим пруд, так что принимает во время представлений фантастические гигантские размеры. Вообще Лазенковский парк по своей красоте может конкуррировать с лучшими парками Европы. Кроме него, в самом центре города находятся два довольно обширных сада для общественных гуляний—Красинский и Саксонский, с тенистыми аллеями из вековых каштанов. Особенно значителен последний сад с летним большим театром, старинными статуями и прекрасным фонтаном, окруженным клумбами цветов. Примыкая к лучшим улицам Варшавы, этот сад служит в настоящее время любимым местом гуляний варшавской публики, подобно тому как Красинский сад служил модным гуляньем варшавской аристократической публики в начале текущего столетия. Обилие общественных садов и скверов в городе, приезд летом в Варшаву из провинциальных польских городов, а также заграничных, множества театральных трупп, дающих на польском и частию на немецком языках представления на открытом воздухе в летних театрах небольших частных садов, от-

Воля, напоминающая бурные королевские выборы, где во время избирательного сейма располагались станом до 200.000 дворян, со своей свитой, иногда более похожих на врагов, готовых схватиться друг с другом, нежели на граждан, собравшихся для мирного совещания о делах государства; далее следует Вилланов, с замком, служившим резиденцией королю Яну Собескому, и который ныне заключает музей произведений живописи, нумизматическую коллекцию, историческую библиотеку. Между именами знаменитых людей, родившихся в Варшаве, особенно заслуживает упоминания имя Лелевеля, историка, географа и более всего—великого гражданина. Шопен родился в окрестностях этого города.

Верстах в тридцати с небольшим ниже Варшавы, Нарев, усиленный Западным Бугом, соединяет свои воды с водами Вислы, ограничивая вместе с нею удлиненный полуостров, на котором выстроился город Новый-Двор. Другие группы строений, города и местечки, расположились на обоих берегах главной реки ниже слияния, тогда как на севере, господствуя одновременно над обеими реками, показываются укрепления Ново-Георгиевска или Модлина, крепости, которую инженеры признают образцовым произведением военного искусства: тридцать, даже сорок тысяч солдат могут поместиться в модлинском укрепленном лагере, чтобы служить опорой для движений армии в поле.

Почти все города восточной части Царства Польского, в губерниях Седлецкой, Ломжинской, Варшавской, принадлежат к бассейнам Нарева и Западного Буга. На дороге из Варшавы к крепости Брест следуют один за другим, окруженные великолепнейшими полями, нивами и лугами, города Калушин, Седльце, Мендзыржеч, Бяла (Бела); Влодава, на литовской границе, составляет один город с предместьем Влодавка, лежащим на противоположном берегу Буга; г. Остров находится в равнинах, которые простираются на север от этой реки; Тыкоцин отделен от Литвы только течением Нарева; Ломжа, губернский город, омываемый той же рекой, долгое время был в упадке, и теперь еще там видны развалины, оставленные проходом шведских войск; ниже, на той же реке, находится Остроленка, где в 1831 году произошла решительная битва, открывшая русским дорогу к Варшаве: Пултуск, где также встречались воюющие армии, шведы против саксонцев, французы против русских, стоит на той же реке, преграждающей путь к Варшаве. Из соседних городов самые важные: Маков и Прасныш на севере и Насельск на юго-западе.

К западу от Варшавы и от слияния Царева с Вислой большая часть городов расположена вдали от главной реки, в боковых бассейнах Вислы. Значительнейшие из этих городов: Рава и Бржезины, оба принадлежащие к промышленной области, главный центр которой Лодзь; Скерневице, важная станция пересечения железных дорог[1]; Кутно, Лович, Сохачев принадлежат к водоскату реки Бзуры; Гомбин и Гостынин возвышаются на плоскогорья, ограниченном с северной стороны течением Вислы; к северу от той же реки, на скатах Мазовецкого водораздельного хребта, находим города Млаву, Плонск, Цеханов, Серпце, Липно. Но два важнейшие города этой страны занимают выгодное положение на берегу главной реки и служат пристанями для барок и пароходов, плавающих вверх и вниз по Висле. Плоцк, ныне губернский город, построен на высоком холме, поднимающемся над Вислой; это—старинный епископальный город, основанный в десятом столетии и бывший долгое время резиденцией князей мазовецких. Влоцлавек, менее древний и не столь живописный по местоположению, замечателен в особенности как торговый город.

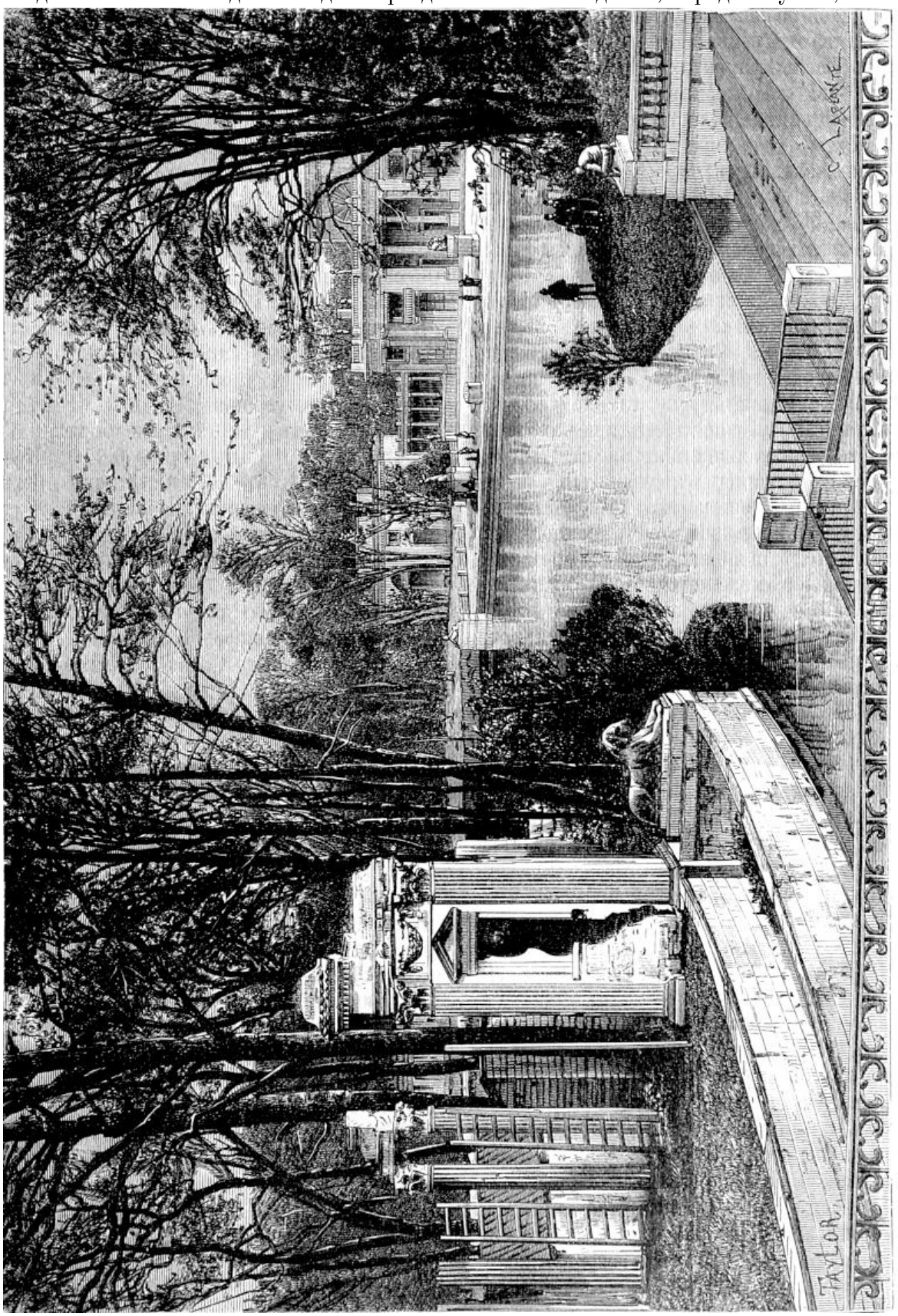
Сувалкская губерния, почти совершенно отделенная от остальной Польши обширными,

---

сутствие больших жаров по самому климату страны, отличающемуся большою влажностью и частыми дождями—все это обусловливает довольно большую оживленность жизни в Варшаве и в летнее время и отсутствие в окрестностях её хорошо устроенных дач. Только в последние годы, с большим приливом русского служилого населения из Петербурга и Москвы, привычки русских столичных жителей к дачной жизни стали быстро прививаться и к местному населению, вследствие чего в короткое время окрестности Варшавы стали застраиваться загородными виллами. *Ред.*

1 В г. Скерневицах находится дворец бывшей княгини Ловичской, построенный супругом её Великим Князем Константином Павловичем, в 20-х годах текущего столетия. При дворце большой парк, служащий теперь местом охоты на разводимых в нем ланей. *Ред.*

еще не осушенными болотами, находится также в другом гидрографическом бассейне—в бассейне Немана; населенная по большей части жителями литовского происхождения, она принадлежала к Литве до последнего раздела Польши. Однако, город Августов, или Авгу-



Варшава,—Дворецъ и садъ въ Лазенкахъ.

стово, названный так в половине шестнадцатого столетия, в честь короля Августа I, стоит при ручье, воды которого, переходя из озера в озеро и из реки в реку, изливаются, наконец, в Вислу; но судоходный канал, соединяющий маленькия озера, связывает этот город с Нема-

ном и, так сказать, помещает его на водоскате этой реки. Августов, бывший прежде губернским городом, заменен ныне, как административный центр губернии, новым городом Сувалки, населенным в значительной части евреями, так же как и другие города этой губернии, Кальвария, Мариамполь, Вильковышки, Владиславов. В Сувалкской губернии находится несколько колоний великорусских раскольников, число которых увеличилось недавно эмигрантами, вернувшимися из прусских владений, где они до того времени жили. В 1864 году их насчитывали здесь до одиннадцати тысяч душ.

Города Царства Польского, имеющие свыше 5.000 жителей:

Петроковская губерния: Лодзь (1897 г.)—314.780 жит.; Петроков (1897 г.)—30.372; Ченстохов (1897 г.)—45.130; Згерж—17.962; Томашов—17.270; Пабианице—18.251; Бржезины—8.462; Рава—7.278; Новородомск—11.400; Бендин—14.199: Ласк—5.939.

Калишская губерния: жит. Калиш (1897 г.)—20.752; Озорков—11.375; Здунская-Воля—10.523; Конин—7.546; Коло—9.230; Турек—8.237; Ленчица—9.060; Серадзь—7.093 ж.

Келецкая губерния: Кельце (1897 г.) 20.579; Пинчов—7.680; Хмельник—8.424; Хенцины—7.824; Дзялошице—6.817 ж.

Радомская губерния: Радом (1897 г.)—28.749; Сташов—8.935; Пржедборж—6.412; Конск—7.399; Сандомир—6.719; Козеницы—5.360; Опатов—6.300; Опочно—6.264 ж.

Люблинская губерния: Люблин (1897 г.)—46.224; Грубешов—11.088; Холм—11.887; Замостье—10.934; Билгорай—8.547; Янов—6.200; Любартов—5.702; Томашов—7.743; Красностав—7.501 ж.

Варшавская губерния: Варшава (1897 г.)—614.752; Влоцлавск—22.470; Кутно—10.934; Лович—9.587; Калушин—10.090; Сохачев—7.599; Гомбин—6.735; Новый Двор—6.153; Мщонов—6.788; Скерневице—7.686: Гостынин—16.052; Гройцы—5.084; Плонск—9.113; Пултуск—12.594 ж.

Седлецкая губерния: Седльце (1897 год)—23.502; Мендзыржеч—11.297; Влодава—8.798; Бела—14.157; Венгров—8.582; Луков—7.782: Соколов—7.824 ж.

Плоцкая губерния: Плоцк (1897 г.)—27.073; Прасныш—8.482; Серпце—7.103; Млава—10.624; Липно—6.349; Цеханов—8.047 ж.

Ломжинская губерния: Ломжа (1897 г.)—26.075; Кольно—6.043; Маков—6.865; Остров—9.588; Тыкоцин—5.303; Остроленка—7.722; Щучин—5.229 ж.

Сувалкская губерния: Сувалки (1897 г.)—22.646; Августов—12.370; Кальвария—12.216: Владиславов—6.445; Мариамполь—6.562 ж.

V. Бассейны верховья Западной Двины и Немана

Литва, губернии Гродненская и Витебская

Название «Литва» так же, как имя «Польша», есть историческое наименование, значение и объем которого постоянно изменялись, сообразно завоеваниям, политическим союзам и разделам, и которое не следует смешивать с выражением «земли литовцев». Между тем как Литва в собственном смысле, то-есть страна, населенная литовцами или литвинами по происхождению и языку, обнимает ныне лишь незначительную часть западной России в бассейнах Немана и Западной Двины, название Литвы или великого княжества Литовского, с исторической точки зрения, применялось к пространству земель гораздо более обширному. Подобно Польше, Литва была государством с изменчивыми границами, властители которого простирали свое честолюбие до обладания всей областью славянских равнин между Балтийским морем и Понтом Эвксинским; господствуя над населением в большинстве русским, великие князья литовские предъявляли, в силу этого, притязания на титул государей России. До своего соединения или унии с Польшей, государство литовское простиралось через всю ширину континента от моря до моря, и его князья проникали даже в Крым, откуда уводили

пленников; в пятнадцатом столетии название «Литвы» применялось ко всей стране, простирающейся от Западной Двины до Черного моря и от Западного Буга до Оки. Для Москвы славяне минские, киевские и смоленские были литовцами. В шестнадцатом веке, после окончательного соединения с Польшей, наименование «великого княжества» Литовского было сохранено только для истинной Литвы, то-есть страны с населением, говорящим литовским языком, и для Белой Руси: даже теперь еще в Польше, как и в России, «литвинами» обыкновенно называют белорусских славян бывшей политической Литвы, тогда как литовцам в собственном смысле дают название «жмудов» илп «жмудинов». После раздела Польши, это имя Литвы осталось за губерниями Гродненскою и Виленскою, и, хотя при императоре Николае I, в 1840 году, оффициальное употребление его было запрещено,—это наименование продолжают употреблять и в наши дни, хотя в очень неопределенном смысле, применяя его обыкновенно к трем западным губерниям: Ковенской, Виленской и Гродненской. Эта последняя, некогда населенная ятвягами, может быть, единоплеменниками литовцев, этнографически не принадлежит более к Литве; скорее в ней следует видеть «Черную Русь»—страну с неопределенными очертаниями, населенную главным образом белоруссами и малоруссами. Но Витебская губерния с большим основанием могла бы быть причислена к Литве, так как она заключает в своих западных уездах около 200.000 латышей-католиков; однако, большинство населения этой губернии состоит из белоруссов.

С географической точки зрения, эта часть Российской империи тоже представляет довольно определенно очерченное целое, ибо бассейн Немана так же, как бассейн Западной Двины, имеет границами, со стороны Днепра, леса почти непроходимые, болота столь обширные, как губернии, тогда как с востока возвышаются цепи холмов, служащие водоразделенными высотами между притоками Немана, Днепра и Западной Двины. Четыре названные губернии занимают пространство, на целую четверть превосходящее территорию «Привислинского края», но они гораздо менее богаты, а население их далеко не так многочисленно, как в Царстве Польском.

Пространство (без значительных внутренних вод) и население (по переписи 1897 г.) этих губерний:

Ковенская—35.315,5 кв. верст, 1.549.444 жит., 43,9 жит. на 1 кв. версту; Виленская—36.825,3 кв. верст, 1.591.912 жит., 43,2 жит. на 1 кв. версту; Гродненская—33.900,8 кв. верст, 1.617.859 жит., 47,7 на 1 кв. версту; Витебская—38.649,5 кв. верст, 1.502.916 ж., 39 на 1 кв. версту.

Подобно Польше, эти губернии отделены от моря: на западных пределах Ковенской губернии, Курляндия граничит с Пруссией узкой полосой земли, которая тянется вдоль вод Балтики.

Неман, река литовская по преимуществу, берет начало в Минской губернии и обходит на юге вокруг изрезанного плоскогорья, которое можно было бы назвать возвышенной или горной Литвой. У города Гродно, где Неман переменяет направление и поворачивает к северу, он уже достаточно многоводен для движения барок, и хотя течение его прерывается многочисленными порогами, однако от пристани до пристани, вниз по реке, постоянно увеличивается число судов, перевозящих произведения, доставляемые обоими берегами, польским и литовским. При вступлении в пределы Пруссии, ниже местечка Юрбурга, река, принимающая название Мемеля, имеет около 1.000 футов в ширину и, вероятно, катит массу воды по меньшей мере около 18.000 куб. футов в секунду; но она разветвляется на несколько изменчивых рукавов в своей дельте, называемой Куриш-Гаф, и судоходство по реке может продолжаться до Мемельского порта лишь при помощи канала.

Озер в Литве очень много, но большинство из них имеют незначительное протяжение: на севере, в восточной части Виленской губернии, скалистые плоскогорья изрыты многочисленными бассейнами, где скопились дождевые воды и которые там и сям разделены на второстепенные водоемы древними моренами и валами из эрратических камней: эти резервуары образуют настоящий озерный лабиринт, подобный сети озер на Мазурской плоской воз-

вышенности, в Восточной Пруссии. Болота покрывают пространство несравненно более значительное, особенно в Гродненской губернии; но население, быстро возрастающее, постоянно делает новые захваты в области вод и посредством осушения превращает болота в пахатные и луговые земли. Древние леса, которые тянулись на столь обширных пространствах, что совершенно разделяли жителей, как океан или высокие цепи гор, также исчезли в большой части их протяжения, и хижины дровосеков, построенные в просеках, уступили место деревьям, даже городам, вокруг которых распашки очистили почву от лесной промышленности на расстоянии многих верст.

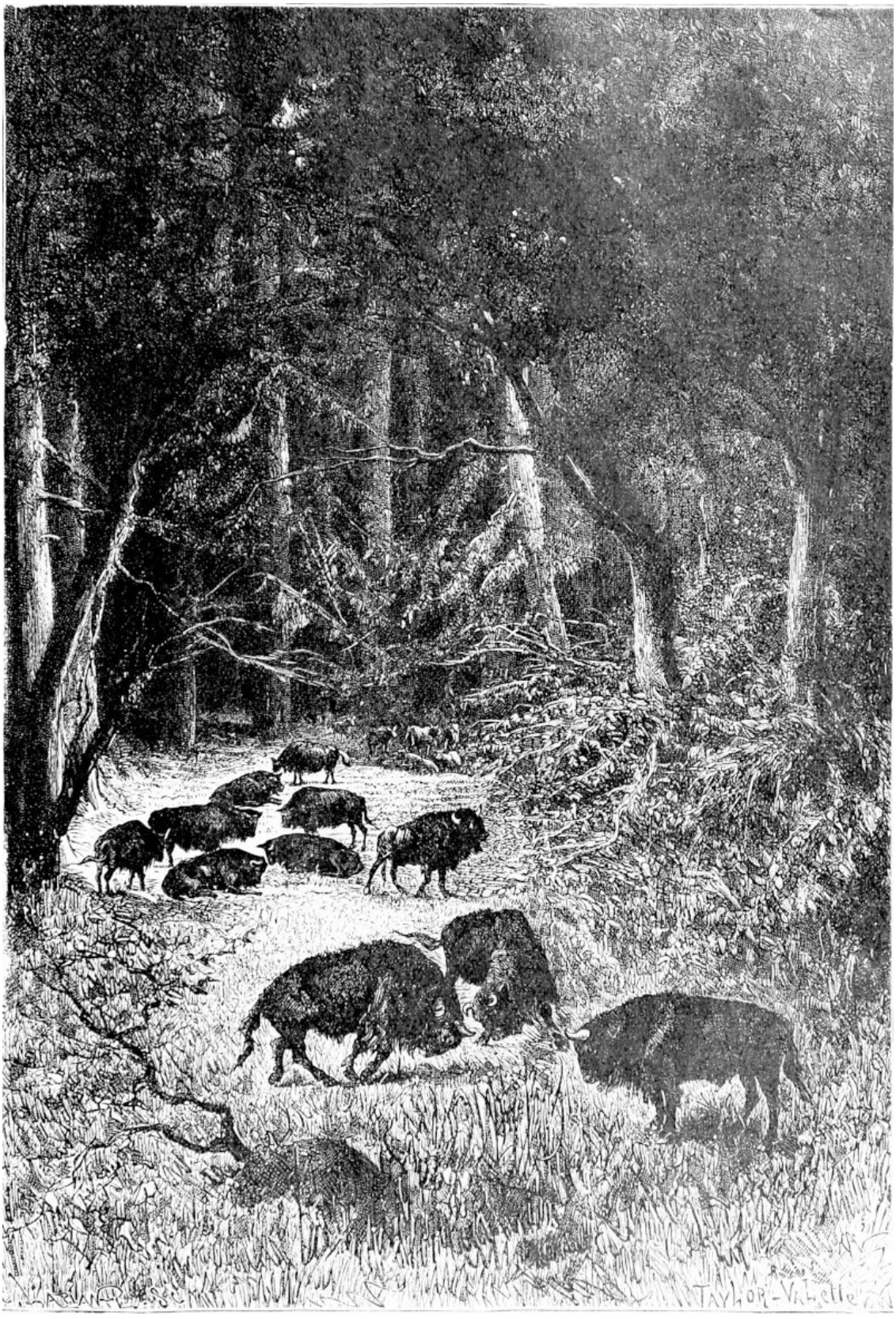
Однако, в Гродненской губернии остался еще очень обширный лес, так называемая Беловежская пуща, которая своим первобытным видом и огромным протяжением напоминает прежние густые, дремучие леса. Этот лес, название которого произошло, вероятно, от замка Белая Вежа (Башня), стоявшего в шестнадцатом столетии при слиянии двух притоков Западного Буга, покрывает своими тенистыми деревьями почти всю плоскую возвышенность, заключающуюся между истоками Нарева и течением Буга, на севере от Брест-Литовска. Все пространство, известное под именем Беловежской пущи, обнимает около 1.930 квадр. верст; но некоторые части леса, на юге и юго-западе, представляют скорее степную область, где леса, состоящие из кривых малорослых сосен, и поля, засеянные рожью, чередуются с верещагами, посещаемыми пчелами. На севере же другие высокоствольные леса примыкают к чащам Беловежской пущи и продолжают ее почти до самого Немана; средняя высота этого лесистого плоскогорья около 600 футов. В то время, как в северной и отчасти средней России огромные леса состоят обыкновенно из какой-либо одной древесной породы—сосны, ели или березы, Беловежская пуща представляет большое разнообразие древесных пород; натуралист Эйхвальд, в 1830 году, собрал там 1.205 видов различных растений. Сосна преобладает; но рядом с нею высятся исполинские ели, пихты, дубы, березы, ясень, клен, ольха, липа, образуя своим смешением чрезвычайно живописные группы. Ниже этих великанов, деревья с опадающими листьями, деревца и кустарники, ива, верба, орешник, гордовина, бузина составляют как-бы второй лес; кусты земляники, черники и мхи устилают словно ковром почву, под тенью величественных аллей из хвойных деревьев. Сплавные реки, окружающие этот обширный лес, делают эксплоатацию его довольно легкой; но правительство, которому принадлежит большая часть лесных пространств, запретило вырубать деревья, и таким образом во многих местах можно еще видеть девственную природу во всей её первобытной красе.

В Беловежской пуще, под исполинами растительного мира, живут еще стадами, почти в диком состоянии, зубры, представители почти исчезнувшей фауны, которые, по словам преданий и летописей, существовали еще во времена исторические на берегах Днепра и в центральной России; уцелевшие на Кавказе и в Литве животные этой породы—единственные остатки огромных стад, некогда бродивших во всей восточной Европе. Теперь запрещено, под страхом тяжелого наказания, убивать или ловить беловежских зубров; только император по временам дарил по несколько экземпляров этих редких животных государям, принцам или зоологическим садам. В начале текущего столетия их насчитывали около тысячи голов; в 1851 году число их доходило до тысячи четырех сот[1], но с той поры недостаток корма и зуб волков уменьшили это число наполовину. Если бы человек не помогал этим животным в их борьбе за существование, открывая им зимой большие склады сена, они давно бы уже исчезли с европейского континента. Быть может, Европа долее сохранит эту породу жвачных, чем Америка своих бизонов, которые еще недавно бродили там по травяным равнинам запада стадами в сорок и пятьдесят тысяч голов. Литовских зубров часто смешивают с древним диким быком (Bos urus); но это последнее животное, которое охотники страны встречали еще значительными стадами лет триста тому назад[2], теперь совершенно истреблено.

1 Franz Muller „Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft in Wien", 1859

2 Blaise de Vigener, „Description du royaume de Pologne et pays adjacents". Paris, 1573.

Литовцы, долго причислявшиеся к семье славян, с которыми они сходствуют многими чертами, занимали некогда, вместе со своими соплеменниками, пруссами и куронами, все прибрежье Балтийского моря, между Вислой и Западной Двиной. Они проникали далеко



Зубры Бѣловѣжской пущи

внутрь страны, как о том свидетельствуют многочисленные литовские названия мест, особенно в Витебской губернии, и одно из их племен, голядь, жило даже на берегах речки По-

ротвы, притока Москвы-реки, на западе от территории, где основался город Москва[1]; может быть, оно было отделено от главной массы литовской нации колониями полочан. Полагают также, что смоленские кривичи произошли от смешения литовцев и славян, потому что имя их напоминает название главного литовского жреца, Криве-Кривейто. Большинство славянских писателей причисляют к литвинам также ятвягов или ядзвингов, занимавших страну по верхнему Неману и Западному Бугу, и которые были последовательно истреблены русскими и поляками: но остатки их, как говорят, существовали до шестнадцатого столетия. В окрестностях Скиделя, близ Гродно, и до сих пор еще некоторые жители говорят белорусским наречием, но с литовским произношением; они отличаются от других белоруссов смуглым цветом лица, черной одеждой и некоторыми особенностями нравов[2]: в них видят потомков ятвягов, хотя литвины почти все белокуры. В Гродненской губернии некоторые названия деревень, например, Ятвязь, Ятвеск, напоминают о пребывании этого исчезнувшего, народца.

Впрочем, во время многочисленных войн и нашествий, опустошавших страну начиная с тринадцатого столетия, даже народ, давший свое имя Литве, легко мог исчезнуть, или по крайней мере совершенно слиться с победителями, как это случилось с некоторыми литовскими племенами, например, с поруссами и ятвягами. Осаждаемые одновременно с трех сторон более могущественными и более многочисленными народами, поляками, немцами и русскими, литовцы, повидимому, осуждены были на гибель или утрату национальной самобытности; тем не менее, они оказывали сопротивление, и если им пришлось отступить с трех сторон, на западе, на юге и на востоке, то, взамен того, они, кажется, оттеснили немного финские или чудские племена по направлению к северу. Кроме того, теснимые тевтонскими рыцарями, они должны были во многих местах слиться с белоруссами; обмен колонизации происходил в огромных лесах и обширных болотах страны. Смешение совершалось так полно, что литовские князья были принимаемы в русских городах как соотечественники. Везде, где происходило смешение племен, помеси приобретали славянский характер.

Однако, число литовцев, сохранивших первоначальную чистоту своего племени, возрастает с каждым годом. Опираясь на севере на своих единоплеменников—леттов или латышей, которые сгруппированы в сплоченную массу в числе около 1.100.000 душ, они занимают обширное пространство треугольной формы, западная оконечность которого прилегает к Балтийскому морю и которое ограничено с юго-восточной стороны неровным хребтом Виленской плоской возвышенности; на юге и юго-западе область литовского языка обнимает за пределами России собственно также несколько кусков территории в Царстве Польском и в Восточной Пруссии; общее число литвинов простирается ныне до двух миллионов душ.

Литовское население в 1863 году: в России: Губерния Ковенская—(жмуди 453.000; литвы 352.000) 805.000; губ. Виленская—210.000; губ. Гродненск. и Минская—67.000; губ. Волынская, Витебская и Могилевская—17.000. Итого—1.099.000 душ.

Литовцев в Польше—250.000 душ.

Литовцев в Пруссии—150.000 душ. Всего—1.499.000 душ.

Литовское население (вероятное) в 1879 г.—1.900.000 душ.

Вообще говоря, границы религий совпадают с границами рас или народностей: где католицизм перестает господствовать и где начинает преобладать православная вера, там литвины, смешанные с белоруссами по языку, которые, может быть, тоже литовцы по происхождению, уступают место русским славянам; там же, где берет верх протестантизм,—население в большинстве германское или латышское, ибо в Лифляндии, где живут летты или латыши, преобладало немецкое влияние, влияние лютеранских проповедников христианства; в Литве, напротив, преобладающее значение имели поляки, а след. католики.

Литвины, или летувининкаи, делятся на две различные национальные группы: литовцев в собственном смысле, которые населяют восточную часть территории в губерниях Ковен-

1 Барсов, «Очерки русской исторической географии».

2 Соловьёв, „История России", том I.

ской и Виленской, и земалайев, самогитов или жмудинов, то-есть «людей, пришедших с моря», которые живут преимущественно в соседстве с прусской границей. Наречия литовцев и самогитов различаются, так же, как и обычаи их; но общие отличительные черты языка совершенно одинаковы у обеих групп. Из всех европейских языков литовский наиболее близок к санскритскому: он заключает большое число слов, гораздо менее удалившихся от арийского корня, нежели слова языков славянских, латинских или германских; сходство так велико, что ученые пробовали составлять санскритские фразы, которые были понятны крестьянам берегов Немана[1]. Шлейхер, совершивший в 1852 году поездку по литовским землям для филологических исследований, составил хорошую грамматику этого любопытного языка, который по древности занимает первое место между арийскими языками Европы. Однако, литература литовская очень бедна: в ту эпоху, когда Литва была большим государством, она не имела писателей на национальном языке, а духовенство преследовало литовских бардов, или буртиников, распевавших традиционные песни. Один летописец шестнадцатого столетия упоминает об эпических поэмах[2], но они не сохранились в памяти крестьян: единственные большие поэмы, существующие в литовском языке,—это «Времена Года», сочиненные в восемнадцатом столетии некиим Доналейтисом; но песни, басни, идиллии довольно многочисленны, и все они свидетельствуют о глубоком поэтическом чувстве народа. В эпоху реформации образовалась в прусской Литве небольшая духовная литература и вскоре после того увеличилась несколькими сочинениями на литовском и латышском языках, написанными иезуитами. Что касается современной литературы, занимающейся вопросами нашего времени—вопросами политики, промышленности, науки или искусства, то можно сказать, что её почти не существует в литовском языке; несколько альманахов и единственный народный журнал в прусской Литве, книги духовного и диалектического содержания, кое-какие переводы—вот и вся сокровищница литовской литературы, с прибавкой грамматик, словарей и сборников песен. Для литовцев наречия их соседей служат языком цивилизации, дающим им умственное развитие.

Глубокая древность этого арийского наречия, который старше греческого, латинского, кельтского, германского и славянского языков, заставляет ученых думать, что народ, говорящий им, пришел в Европу ранее, чем другие представители арийского племени. Литовцы опередили русских в своем переселении в Европу: они занимают территорию, лежащую к западу от русских равнин; но естественно возникает вопрос, каким образом их поселение в стране могло произойти в эпоху, предшествовавшую прибытию германцев и кельтов, потомки которых населяют ныне области центральной и западной Европы, находящиеся к западу от Литвы[3]. Эту кажущуюся аномалию в расселении наций, завладевших Европой, можно объяснить боковым оттеснением литовских поселенцев: живя в стороне от большой дороги народных переселений, которая проходит гораздо южнее водораздельных возвышенностей между бассейнами Днепра и Немана, защищенные, кроме того, обширными болотами и дремучими, почти непроходимыми лесами, охраняемые справа и слева морскими заливами и могучими реками, впадающими в эти заливы, литовцы могли пропускать мимо себя многочисленные народы во время их передвижений. Этому же уединенному положению литовского племени следует, без сомнения, приписать большую продолжительность их первобытной цивилизации и религиозного устройства. Тем не менее им часто приходилось с оружием в руках защищать свой уголок земли, и в этих случаях они оборонялись с той яростью, какую всегда выказывают мирные люди, потревоженные в своем спокойствии. Нужно заметить, что в наше время литовские губернии, Виленская и Ковенская, представляют, при рекрутских наборах, сравнительно наибольшее число уклоняющихся от исполнения воинской повинности.

Литовцы по большей части высокого роста и хорошо сложены, но не отличаются природ-

1 J. G. Kohl, „Die Volker Europaś".
2 Caro, „Geschichte Polens", II.
3 R. Virchow, „Die Urvolker Europaś".

ной гибкостью и стройностью, свойственной славянам; между ними реже встретишь, чем между их соседями, русскими, плоские лица, придающие физиономии нечто монгольское. У них овальный облик, нос длинный и тонкий, губы тонкия, глаза голубые, кожа белая, а общими чертами типа они походят больше на германцев, нежели на славян; литовские женщины имеют много свежести, глаза у них кроткие, с трогательным выражением; между ними нередко можно встретить настоящих красавиц. Литовские крестьяне составляют совершенную противоположность полякам простотой своего костюма; они избегают ярких цветов, затейливых покроев, галунов и бахромок; одежда их, сероватого цвета, без всяких вышивок, свидетельствует о скромности их характера; они не стараются обратить на себя внимание, пощеголять нарядом. Мишле, сравнивая литвинов с поляками, «сынами солнца», называет их «сынами тени»[1]. Песни их, или дайнос, раскрывают их душу во всей её простоте и безъискусственности: они—тонкие наблюдатели, слегка насмешливые иногда, нежные, меланхолические, полные любви к природе. Этот добродушный народ, хотя он часто вынужден был воевать и хотя у него тоже были свои великие полководцы, не сохранил воспоминания ни об одном герое, не воспевает ни одного военного подвига, не хвастается ни одной одержанной победой, ни одной выигранной битвой: он ограничивается тем, что оплакивает павших на поле сражения[2]; в этом отношении он, может быть, представляет единственный пример между европейскими народами. Литвины отличаются также от других наций континента тою деликатною осторожностью, целомудренною скромностью, с какою все его народные песни говорят о любви: впродолжении своих тринадцатилетних изысканий в Литве, филолог Реза не нашел в любовных песнях ни одного литовского стиха, который не был бы чист и целомудрен; нежность литвинов глубока, но она никогда не обнаруживается публично перед посторонними ни одним неуместным словом. Из всех европейских языков литовский, в котором нет увеличительных имен, самый богатый по обилию имен уменьшительных и ласкательных; он более богат ими, чем испанский или итальянский, богаче даже, чем русский, и может умножать их почти до бесконечности, применяя их к глаголам и наречиям так же свободно, как к прилагательным и существительным. Уменьшительные-ласкательные придают особенный характер песням литвинов; но эти поэмы в то же время наполнены словами и формами, выражающими печаль, грусть, иногда даже отчаяние: значительная часть их оригинальной литературы состоит из так называемых raudas, то-есть из траурных или прощальных песен, и из похоронных ламентаций, подобных voceri корсиканцев, но без резких проявлений чувства, которые примешиваются к горести у жителей юга. Поэзия литовцев проникнута грустью, словно поэзия умирающего народа. Но она возрождается под другой формой в польской литературе. Мицкевич был литвин.

Если бы относительное достоинство данной нации в общечеловеческой семье измерялось красотой её языка, то самогитов и литвинов следовало бы поставить на первое место между народами Европы; но обитатели при-неманских лесов, испытавшие продолжительное угнетение, не могут сравнивать свою долю влияния с тою, какую оказали на общечеловеческое развитие другие цивилизованные народы континента. До Мицкевича, можно было с удивлением спросить, каким образом народ, одаренный тонким, наблюдательным умом, богатым воображением и поэтическим чувством, народ, состоящий из людей, по выражению Канта, «верных, прямодушных, сильных сознанием своего личного достоинства»[3], не произвел ни одного выдающагося гения в мире мысли[4]. Причина та, что этому маленькому народу, окруженному врагами, а потом покоренному ими, недоставало доверия к собственным силам; он не имел даже сознания своего национального существования. Его древняя религиозная организация, сохранившаяся до конца четырнадцатого столетия, свидетельствует о замечательном духе повиновения. Разделенные на многочисленные роды или племена, литовцы, одна-

1 „Legendes du Nord".
2 Юркевич, „Литовские народные песни".
3 Кант, „Предисловие к грамматике литовского языка", составленной Мильке.
4 J. G. Kohl» „Die Volker Europa's".

ко, имели духовного главу, верховного жреца, который установлял для всех религиозные обряды и догматы. Этот литовский «папа», или Криве-Кривейто, о котором рассказывает немецкий летописец Петр Дусбург, жил в священном лесу Ромове, на территории прусской Литвы; окруженный жрецами-певцами, или вайделотами, которые разделялись на несколько степеней, образуя иерархическую лестницу, он никогда не показывался простым мирянам и сообщался с народом не иначе, как через посредство послов или вестников, снабженных знаками отличия, при виде которых все падали ниц. Прогнанный тевтонскими рыцарями, ромовский папа удалился сначала в леса близ слияния Немана и Дубисы, ниже того места, где ныне находится город Ковно, потом в Вильно, в место, которое до сих почитается христианами как священное[1]. Еще в прошлом столетии в некоторых домах можно было встретить домашних ужей—священных животных, которые по утрам лакали молоко из одной чашки с детьми.

Народ дровосеков, восчиков и земледельцев, крепко привязанный к старине, литовцы охотно покоряются судьбе и не стараются заранее устроить ее по своей воле. В четырнадцатом веке они дали Польше королевскую династию, но только затем, чтобы мало-по-малу отдаться во власть своих союзников: они принимали ксендзов, которых им посылали поляки, и сделались католиками, хотя не без сопротивления; приняли также помещиков и сделались крепостными. Земельная собственность перешла почти вся в руки дворян, пришедших с юга; при молчании порабощенного народа, можно было долгое время думать, что Литва составляет нераздельную часть Польского государства не только по её политическим границам, но также по самому характеру нации. Флегма литвинов вошла в пословицу: никакой другой народ не покоряется превратностям жизни с таким невозмутимым спокойствием. Многие из них, достигнув сорокалетнего или пятидесятилетнего возраста, слагают с себя все заботы по дому и хозяйству, уступая свое имущество либо сыну, либо зятю, и таким образом становятся гостями, быв прежде полными хозяевами. Еще во второй половине шестнадцатого столетия литовцы, осужденные на смерть, вешали себя собственными руками[2].

Кроме литовцев, в состав населения трех северо-западных губерний: Ковенской, Виленской и Гродненской входят еще следующие национальности: немцы и латыши—в соседстве балтийского поморья и Западной Двины; поляки—преимущественно в Виленской губернии; русские различных наименований—белоруссы, чернороссы и малороссы; евреи[3], сгруппированные в городах, словно в ульях, откуда они беспрестанно ходят на поиски добычи в окружающие деревни; наконец, несколько общин татар, по ремеслу кожевников и торговцев, сохранивших магометанские обычаи, но говорящих польским языком. По странному контрасту, в то время, как татары позабыли свой родной язык и усвоили польский, живущие в Литве евреи-караимы и теперь еще говорят языком крымских татар. Это явление объясняется тем, что и те, и другие пришли в край или были приведены пленниками во времена литовскаго владычества, при чем татары вступили по большей части, как воины, в ряды дворянства и естественно должны были ополячиться, вследствие постоянного соприкосновения со своими польскими товарищами, тогда как караимы, напротив, ничего не изменили в своих патриархальных нравах и в своих привычках по части мелкой торговли.

В настоящее время самые цивилизованные из литовцев—самогиты или жмудины, то-есть та именно отрасль литовского племени, которой некогда всего более пришлось вытерпеть от завоеваний, войн и угнетения. Поля их лучше обработаны, дома просторнее и опрятнее, чем у литвинов внутренней части страны. Впрочем, экономический переворот, совпадающий с насильственной политической переменой, совершился в Литве, как и в Царстве Польском, с того времени, как польские землевладельцы края принуждены были уступить, за известный

1 Антонович В. Б., „Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV-го столетия". Вып. I, Киев, 1878.—Киркор, „Этнографический очерк Виленской губернии", „Этнографический Сборник". III.

2 Blaise de Vigener, выше цитированное сочинение.

3 В 1880 г. в губ. Ковенской, Гродненской и Виленской еврейского населения было 624.000, т. е. около 16% всего населения. *Ред.*

выкуп, крестьянам, почти исключительно литовцам и русским, часть своих имений. Положение литовских земледельцев, уже плачевное при польском господстве, еще более ухудшилось с той поры, как Екатерина II, после раздела Польши, желая примирить с новым порядком вещей дворянство русское и польское, стала раздавать ему земли, еще принадлежавшие государству: так, например, она подарила одному любимцу пространство, обнимающие два нынешних уезда, Россиенский и Шавельский, с 13.000 крестьян[1]. После восстания 1863 года, правительство издало закон об обязательном выкупе крестьянских земель, который, однако, должен был быть произведен на условиях различных, смотря по уездам и категориям лиц. В Ковенской губернии, на 356.000 крестьян, 105.000, принадлежащих к классу бывших дворовых людей и т. д., не получили ни клочка земли, а другим даны были земельные участки величиной от полдесятины до десятины с небольшим. Что касается арендаторов, или чиншевиков, между которыми мелкие дворяне из поляков и католиков очень многочисленны, то они не получили в собственность обработываемую ими землю; и многие из них, не будучи в состоянии вносить арендную плату, увеличенную помещиками, принуждены были добровольно или против воли покинуть земли, которые их предки занимали в течение нескольких поколений. Таким образом католический элемент, уже ослабленный упразднением греко-униатской церкви, в значительной степени утратил свою важность в Литве. Кроме того, переход крестьян-униатов в православие был облегчен, в Виленской губернии, одним курьезным обычаем, который, так сказать, сообщает земле религию её владельца. На еврейской земле христианин не работает в день шабата; а на земле, принадлежащей христианину, еврей должен соблюдать христианские праздники. А так как почти все земли «русския», то праздники и религиозные церемонии—тоже «русские» для всякого, возделывающего эти земли, какова бы ни была его собственная вера[2]. Но в целом, несмотря на разорение отдельных лиц или даже целого класса, общее улучшение материального быта очевидно. Сделавшись, в свою очередь, собственниками земли, бывшие крепостные изменились во многих отношениях; теперь им уже не приходится повторять старинную поговорку: «помещики—и пастухи, и волки!» Более гордые, более независимые, менее приверженные к рутине, они изменяют приемы ведения хозяйства, даже в бедной Витебской губернии, где почва очень неплодородна; благодаря этому, урожайность полей стала значительнее, чем была прежде. Но литовская нация к труду земледельческому еще не прибавила труда промышленного. Города Литвы относительно немногочисленны, немноголюдны, и не литовцы занимаются в них ремеслами и торговлей.

Следуя по течению Западного Буга, на правом его берегу, принадлежащем к Гродненской губернии, первый город, который мы встречаем, при слиянии р. Мухавца, есть древнее русское поселение Берестье, известное ныне под именем Бреста-Литовского, или просто Бреста (по-польски Бржесць). Это—один из укрепленных пунктов польского четырехугольника крепостей, второй по важности: но вместе с тем это—значительный торговый город и одна из первоклассных станций в сети русских железных дорог. Евреи, очень многочисленные, основали здесь академию или высшую школу, которая некогда славилась на всем Востоке; здесь же была резиденция армянских епископов. Брест—город исторический. Впродолжении веков он был оспариваем друг у друга русскими, поляками, литовцами, рыцарями Тевтонского ордена; в 1563 году протестанты напечатали в этом городе первую библию на польском языке; в 1506 году церковный собор провозгласил соединение (унию) западнорусской церкви с римской. К северо-востоку от Бреста, близ многолюдного города Кобрина, Суворов одержал в 1794 году большую победу над поляками.

Белосток (по-польски Бялысток), наиболее польский из всех городов Литвы, находится в бассейне Нарева, недалеко от границы «Привислинского края»; подобно Бресту, он ведет значительную торговлю, и многие промышленные заведения, между которыми главное ме-

1 Семевский, В. И., „Отечественные Записки", 1877г., № 8.

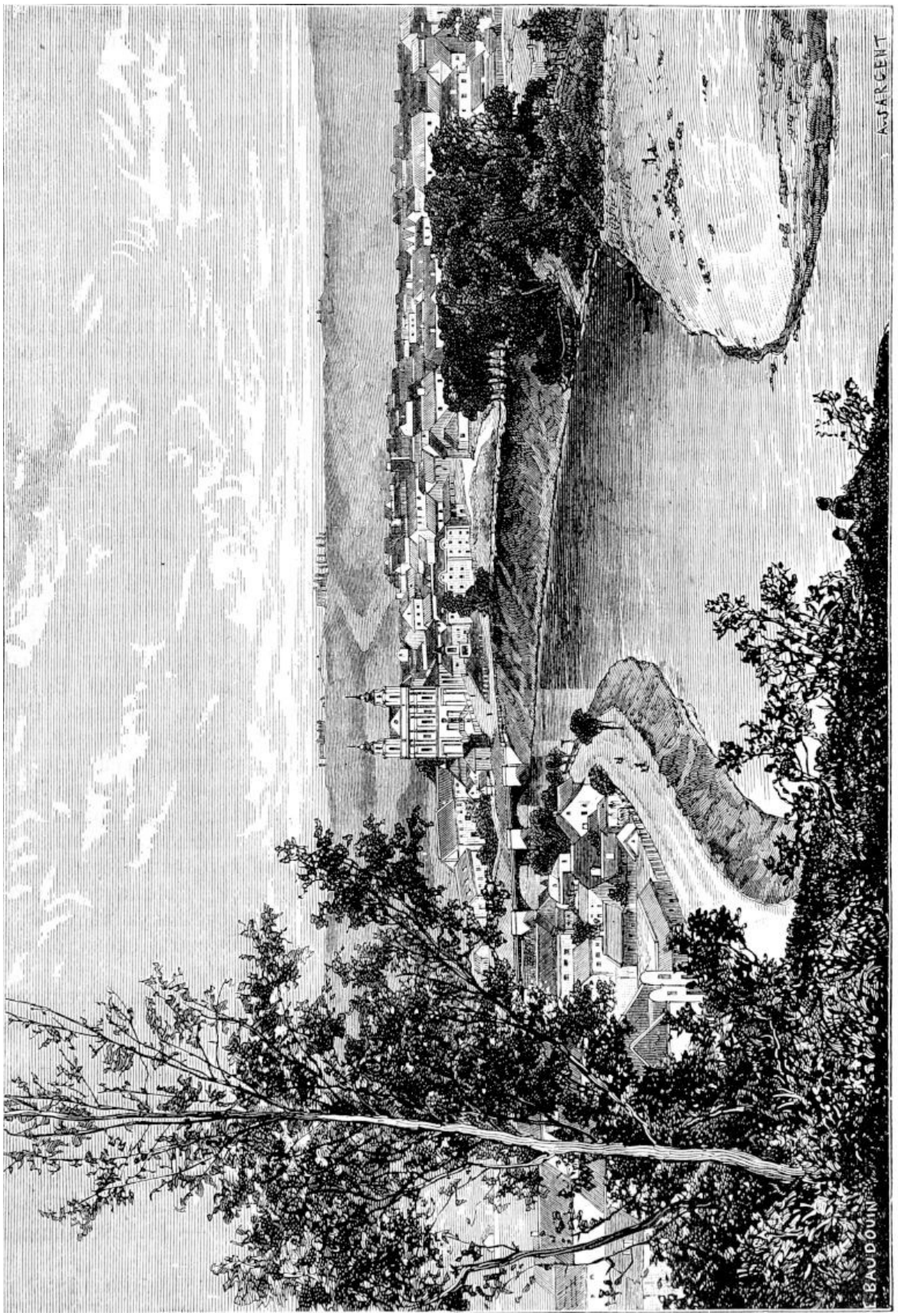
2 „Записки Русского Географического Общества", отделение Этнографии. V.

сто занимают суконные фабрики, устроены в самом Белостоке и в окрестных деревнях (в 1890 г. всего около 150 фабричных заведений, с производством на 2 с половиной миллиона руб., при 4.000 рабочих; в том числе 54 суконных фабрики). Между городами верхнего бассейна Немана, лежащими в районе русского населения, два принадлежат к Минской губернии—Несвиж и Новогрудок. Несвиж, бывший главный город княжества Радзивил, служил в шестнадцатом столетии центром протестантской и социнианской пропаганды; Новогрудок, или Новгород Литовский, родина Мицкевича, построенный на холме, окруженном болотами, был некогда одним из главных городов Черной Руси: здесь получило начало Литовское государство и была резиденция князей до перенесения столицы сначала в Троки, затем в Вильно. Эти города, так же, как Слоним и Волковыск, в Гродненской губернии, не представляют промышленной важности, как Белосток; но Гродно, губернский город, имеет несколько мануфактур. Гродно состоит по большей части из невзрачных лачуг и низеньких домиков, среди которых там и сям высятся большие здания, казармы или дворцы. Гродно, древний Городня, расположенный на правом берегу Немана, по дороге из Варшавы в Вильно,—один из тех городов, имена которых всего чаще упоминаются в истории Польши и Литвы: с 1673 года здесь собирался каждый третий польский сейм, и один из этих сеймов, созванный в чрезвычайное собрание в 1793 году, принужден был подписаться под актом о разделе отечества; здесь же последний король, Станислав-Август, сложил с себя корону в 1795 году. Недалеко от Гродно находятся Друскеникские минеральные воды, привлекающие каждое лето большое число посетителей. Один из кварталов Гродно населен татарами-магометанами; но главная община этих восточных людей основалась в Соколке, на полдороге из Белостока в Гродно. В Новогрудке их тоже насчитывается несколько сот душ.

Главный город Литвы, бывший некогда её столицей и княжеской резиденцией, Вильно или Вильна (Vilniuya по-литовски), также лежит в бассейне Немана, но не на главной реке, а на притоке её, Вилии. В ту эпоху, когда началась история страны, Вильно был священным местом языческого населения: там возвышался храм Перкуна, бога молнии, чтимого древними литовцами так же, как Тор был чтим скандинавами, и на том самом месте, где стояло святилище языческого культа, великий князь Ягелло воздвиг новый алтарь, посвященный христианскому Богу; кафедральный собор, основанный этим князем и после того несколько раз реставрированный, до сих пор остается замечательнейшим зданием Вильно. Исторические замки бывшей столицы Литвы, воспеваемые польскими поэтами, лежат в развалинах со времени занятия её Москвою в половине семнадцатого столетия; осталась только одна башня верхнего замка, на которую всходят, чтобы полюбоваться видом города, его двух холмов и окружающей местности. Нижний город заключает в себе много других общественных памятников, храмов, дворцов, отелей; там есть также татарская мечеть. Вильно, имевший не менее 100.000 жителей в шестнадцатом столетии, до окончательного соединения Литвы с Польшей, был одним из центров образованности в Белой Руси; с 1525 года там существовала типография, долго пользовавшаяся большой славой,—первая, которая печатала кириллицею на русской территории. До прибытия в край иезуитов, Вильно был также одним из главных очагов протестантизма в Литве. Для евреев этот город и теперь еще есть нечто в роде столицы, хотя в Варшаве и Бердичеве число их значительно больше. Число еврейских книг, напечатанных в Вильно в 1871 году: на древне-еврейском и раввинском языках—63; на немецко-еврейском и на других языках—68; всего 131. Виленский исторический музей все еще один из самых замечательных в России, хотя из него взяты, по политическим соображениям, все предметы, относящиеся к польской эпохе. Вильно имеет отдел географического общества, но он лишился университета, который был преобразован из академии основанной иезуитами, и процветал в начале нынешнего столетия. Виленский университет был упразднен в 1832 году, после польского восстания, и большая часть его книг и научных коллекций была конфискована в пользу университетов Петербургского, Киевского и других учебных заведений.

На северо-востоке от Вильно петербурго-варшавская железная дорога проходит мимо значительного города Свенцяны; на юго-западе, недалеко от места раздвоения двух железно-

дорожных линий, варшавской и кенигсбергской, находится местечко Новые Троки, замечательное тем, что оно построено среди озера, и главная улица его тянется извилистой линией вдоль острова, который соединен с твердой землей двумя мостами. Неподалеку от этого



Вильно. Предмѣстье Снипишки.

островного городка, главного местопребывания евреев-караимов, переселившихся с Таврического полуострова, видны развалины одного из исторических замков Литвы. Река Вилия, текущая на северо-западе в извилистой долине, проходит подле Кернова, который был глав-

ным городом Литовского княжества до перенесения столицы в Вильно, и куда удалился верховный литовский жрец Криве-Кривейто, когда он принужден был бежать из этого последнего города. Далее река принимает в себя приток Свента (то-есть «Святую» реку), питаемый водами нескольких сотен маленьких озер и который омывает набережные важного города Вилькомира; затем Вилия, усиленная впадающими в нее водами, спускается на юг к Неману.

Ковно, Кауне литовцев, губернский город, как и Вильно, стоит при соединения двух рек и в недалеком расстоянии выше слияния другой реки, Невяжи или Невежи. Таким образом, несколько речных долин сходятся у Ковно и дают ему значительную важность в торговом отношении: кроме того, соседство колена Немана, который недалеко от этого города вдруг переменяет направление, способствовало тому, что Ковно сделался местом пересечения дорог. Благодаря этим выгодам географического положения, Ковно уже в четырнадцатом веке был сборным местом для купцов немецких и даже английских; спустя два столетия он сделался главным складочным пунктом Литвы, в особенности по торговле хлебом, и соперничал по важности с Кролевцом (Кенигсбергом). После войны эта торговля пришла в упадок, и теперь видны только развалины прежних факторий; в 1817 г. в городе было всего только около 200 домов, но с той поры он опять мало-по-малу поднялся. Более половины населения этого торгового города состоит из евреев: синагоги там так же многочисленны, как церкви в каком-нибудь итальянском городе. В Самогитии, или западной Литве, есть также несколько довольно-многолюдных городов, каковы: Россиены, который некогда тоже был столицей Литовского княжества, Поневеж, Шавли, Тельши.

Западная Двина, берущая свое начало на Алаунской возвышенности, неподалеку от истоков Волги, из маленького озера Двинца, в Осташковском уезде Тверской губернии, принимает в себя различные речки, текущие из уездов Торопецкого, Псковской, и Бельского и Поречского, Смоленской губернии. По вступлении в пределы Витебской губернии, она проходит сначала через город Велиж, где является уже судоходной рекой; затем, имея уже около 50 сажен в ширину, принимает в себя речку Витьбу, перед старинным городом Витебском, который стоит на том самом месте, где в древности горел священный огонь, и имя которого упоминается впервые в летописях одиннадцатого столетия; впоследствии он получил известность как резиденция независимых князей и по своим торговым сношениям с ганзейскими городами. В настоящее время Витебск ведет некоторую торговлю земледельческими произведениями, хотя окружающая его местность принадлежит к числу самых неплодородных и самых бедных во всей Российской Империи. Прежде наиболее важным и оживленным городом этой страны был Полоцк, лежащий ниже, на Двине, при впадении в нее Полоты. Этот древний город, столица славян кривичей, соперник Киева и Новгорода, долгое время сохранял свою независимость, в тринадцатом столетии, включенный в состав Литовского княжества, он не утратил своего важного значения и постоянно был предметом спора между Литвой, Польшей и Москвой; как союзник Ганзы, он сделался одним из передовых складочных рынков Любека и Висби во внутренней России: самые значительные торговые обороты он производил с Ригой. Во второй половине восемнадцатого столетия иезуиты, изгнанные из других европейских государств, избрали Полоцк столицей своего ордена, и здесь имел пребывание их генерал; основанная ими академия пользовалась университетскими привилегиями.

Ниже Полоцка следуют: торговый город Дисна, построенный на длинном полуострове, образуемом слиянием реки того же имени с Двиной, и Дрисса, расположенный также при слиянии реки, притока Двины, и уже в пределах Литовского края. Естественным центром этой страны можно считать город Двинск (прежде Динабург), который господствует над средним течением Западной Двины и стоит на месте пересечения железных дорог из Варшавы в Петербург, из Риги и Либавы в Москву и Самару. Рыцари-меченосцы построили тут крепкий замок в конце тринадцатого столетия; затем король польский Стефан Баторий воздвиг в 1582 году крепость верстах в 20 выше этого замка. В настоящее время Двинская кре-

пость, расположенная на правом берегу Двины,—один из важнейших стратегических пунктов западной России. К югу от Двинска расположен уездный город Ковенской губернии Ново-Александровск, главное населенное место области небольших озер и прудов; тогда как на севере и на северо-востоке, в области плоских возвышенностей, находятся уездные города Витебской губернии: Невель, Себеж, Люцин, Режица (по-немецки Rositten). Уезды Двинский, Люцинский и Режицкий населены преимущественно латышами: они составляли польскую Ливонию или Инфлянты. Латыши этой страны отличаются от латышей балтийских провинций вероисповеданием: они католики. После разгрома тевтонских рыцарей, инфлянтские латыши восстановили у себя языческую веру. В семнадцатом столетии иезуиты снова окрестили их в христианскую веру.

Города Литвы и верхних бассейнов Западной Двины и Немана, имеющие свыше 5.000 жителей:

Ковенская губерния: Ковно (1897 г.)—75.390; Шавли—20.488; Вилькомир—13.856; Поневеж—12.987; Россиены—7.593; Тельши—6.160; Ново-Александровск—7.722 ж.

Виленская губерния: Вильно (1897 г.)—158.876; Вилейка—6.032; Лида—8.759; Свенцяны—6.264; Дисна—11.539; Ошмяны—6.549 ж.

Гродненская губерния: Гродно (1897 г.)—47.613; Брест-Литовск—47.757; Белосток—63.927; Бельск—7.160; Волковыск—7.435; Кобрин—10.436; Пружаны—7.714: Слоним—16.176; Сокольск—6.752 ж.

Витебская губерния: Витебск (1897 г.)—66.143; Двинск—72.636; Велиж—12.629; Полоцк—20.705; Режица—10.868; Невель—10.260; Лепель—6.192 жит.

VI. Бассейны Днепра и Днестра.

Белоруссия, Малороссия и Новороссийский край.

Почти две трети обширной холмистой равнины, связывающей Россию с западной Европой, принадлежат к покатости Черного моря. Могучий Днепр (третья река Европы по обилию своей жидкой массы) и Днестр (также значительная река)—две главные водные артерии этой покатости Понта Эвксинского, которая прежде составляла часть великого княжества Литовского и которая ныне почти целиком занята русскими различного происхождения. Здесь расположены страны, куда проник из Византии первый луч света; здесь началась, тысячу двести лет спустя, история русского народа, и здесь был долгое время центр тяжести восточно-славянского мира. До тех пор, пока нации, населяющие страны по берегам Средиземного моря, играли первенствующую роль в развитии цивилизованного человечества, их притягательная сила должна была давать в России культурное главенство той покатости, которая обращена к Черному морю. Когда же, напротив, океаническая сторона европейского континента получила более важное значение, чем страны, прилегающие к Средиземному морю, то Россия тоже должна была переместить свой исторический центр, и главный поток государственной жизни направился к Финскому заливу. Тем не менее, бассейны Днепра и Днестра, которых население, а также промышленность и торговля не переставали возростать, остаются одною из важнейших частей Империи. Если Петербург стоит лицом к западной Европе, то Одесса видит вдали образующийся над водами мираж Константинополя и Эгейского моря.

Пространство и население двенадцати губерний, пределы которых совпадают приблизительно с границами бассейнов Днепра и Днестра:

Название губерний	Пространство без значительных внутренних вод, в кв. верстах	Население по переписи 1897 г.	Среднее число жителей на одну квадратную версту
Смоленская	49.212,2	1.551068	31,5
Могилевская	42.134.6	1.708.041	40,5

Название губерний	Пространство без значительных внутренних вод, в кв. верстах	Население по переписи 1897 г.	Среднее число жителей на одну квадратную версту
Минская	80.152,3	2.156.123	26,9
Волынская	63.036,8	2.997.902	47,6
Черниговская	46.013,3	2.321.900	50,4
Курская	40.821,1	2.396.577	58,7
Киевская	44.777,9	3.576.125	79,6
Полтавская	43.844	2.794.727	63,7
Екатеринославская	55.705,5	2.112.651	94,1
Херсонская	62 213,2	2.732.832	43,9
Подольская	36.921,7	3.031.513	82,1
Бессарабская	39.014,9	1.933436	49,6

Эта обширная область юго-западной России, в два раза превосходящая по величине Францию, не имеет гор на всем своем протяжении; раввины её расстилаются на значительных пространствах, от одного горизонта до другого, с однообразием поверхности моря. В северной полосе Днепровского бассейна, на равном расстоянии от двух морей, Балтийского и Черного, поверхность края представляет наибольшую правильность; высокие холмы показываются только в южной части страны, около среднего течения Днестра и Днепра. На северо-востоке от Карпатов и от низменности, где берет начало Днестр, Тарнопольская и Кременецкая плоская возвышенность продолжается хребтом меловых холмов, которому Эйхвальд дал название Авратынских гор и который там и сям разрезан, вследствие сотрясений почвы и размывов вод, на горделивые кручи, украшенные зеленью окружающих лесов. Другие холмы, принадлежащие к тому же хребту, но недостигающие значительной высоты, поднимаются близ Проскурова, к северу от Каменец-Подольска: эта цепь небольших гор, откуда Южный Буг получает свои первые воды, превосходит по высоте Валдайскую сплошную возвышенность некоторыми из своих вершин. Вот высшие её точки:

Кременецкий замок—399 метров (1.328 футов) (по Семенову); Александровская гора, близ Проскурова,—360 метр. (1.185 фут.) (по Шмидту); Авратынские горы, близ Авратына, —335 метр. (1.100 фут.) (по Шмидту).

Этот гранитный хребет постепенно понижается к востоку и к юго-востоку, но он имеет очень большое протяжение в ширину. Можно проследить гряды этой полосы кристаллических горных пород почти на всем пространстве, разделяющем, на юге от Житомира, Буг и верхний Днепр; затем, по пересечении этой последней рекой, она приближается к Азовскому морю, от которого отделена только узкой полосой моласса; кривая, описываемая Днепром в восточном направлении, огибает именно выступ этих горных пород, который воды, повидимому, не в состоянии были разрушить. К востоку от Житомира, этот гранитный пояс, общая длина которого не менее 750 верст (800 кил.), не показывается более на поверхности земли: геологи могут изучать его только местами, преимущественно в разрезах, где рыхлая почва была размыта проточными водами.

Рельеф поверхности, конечно, имеет огромную важность для распределения растений и животных, так же, как и для истории населения; но состав почвы представляет еще более важное значение, и этот-то фактор, без сомнения, всего более влиял на исторические судьбы жителей. Большая часть бассейнов Днестра, Днепра и их притоков принадлежит к так называемой черноземной полосе. По обе стороны границы этой полосы во всем заметна резкая разница: и в физическом складе страны, и в её экономических условиях. На севере простирается область эрратических камней, обширных лесов, озер, болот; на юге залегает чернозем, где деревья встречаются только в виде искусственных насаждений, разводимых человеком, и где природная растительность состояла исключительно из крупных трав.

В своем нормальном составе черная земля, или чернозем, состоит из песку на три-четверти или четыре-пятых и содержит, кроме аммиака, натра, кали, фосфорной кислоты, значительную долю органических веществ—около одной десятой в верхних слоях; в некоторых местах, как, например, в Полтавской губернии, пропорция органических веществ еще гораз-

до больше: она достигает там 17 процентов. В глубинах почвы количество перегноя меньше; оно уменьшается постепенно до 5 процентов. Это различное содержание перегнивших органических веществ объясняют тем обстоятельством, что при меньшей толщине перегнойной земли растения не могли бы развиваться с достаточной силой: растительность становилась все более и более деятельной по мере того, как возрастала мощность питающего слоя. Как утверждал уже французский путешественник Гюо[1] и как окончательно доказал впоследствии ботаник Рупрехт, чернозем образовался всецело вследствие разложения трав: нигде в черноземной полосе не найдено пресноводных или морских раковин, которые позволяли бы объяснить отложение её аллювиального слоя действием вод моря или озер. Отсутствуя почти везде вдоль рек и озер, там где почва недавнего образования, чернозем покрывает только плоские возвышенности и холмы. Вокруг Седнева, недалеко от Чернигова, возвышается около восьмисот могильных курганов, состоящих из чистого песку; но на поверхности они покрыты слоем черной земли от 6 до 8 дюймов; по преданию, эти бугры относятся к эпохе разрушения Чернигова полчищами Батыя, в 1239 году; но раскопки доказали, что они древнее по крайней мере на три столетия; таким образом выходит, что потребовалось более девятисот лет для того, чтобы образовать на курганах этот тоненький слой растительной земли. Допуская подобное же нарощение чернозема для растительности равнины, нужно заключить, что потребовалось от 3.600 до 6.000 лет для того, чтобы травы окружающих степных пространств могли отложить слои чернозема толщиною от $^3/_4$ до 2-х слишком аршин. Какова бы ни была степень верности этого вычисления, несомненно то, что чернозем ясно ограничен на юге и на востоке древним морским дном, а в соседстве Азовского моря и Понта Эвксинского многие признаки явственно указывают на тот факт, что толщина черноземного слоя прямо пропорциональна высоте почвы над уровнем морских волн. Разложившийся растительный перегной тем толще, чем большее число веков протекло со времени поднятия бывших берегов. На юго-востоке и на востоке, берега степей, которые некогда были затопляемы водами Каспийскаго моря, обозначают окраину чернозема; во многих местах они могут даже служить указателями высоты, до которой доходило море[2]. Наконец, с северной стороны, как мы видели, границы черноземной полосы точно совпадают с пределами области озер и болот, где некогда странствовали льды, роняя там и сям глыбы гранита, свалившиеся с гор Финляндии. Таким образом, в своей совокупности пояс чернозема простирается от юго-запада на северо-восток, как перешеек между Карпатскими горами и Уральским хребтом, и этим-то поясом западная Европа соединялась прежде с Азией: Рупрехт справедливо называет его «черноземным континентом». На севере несколько небольших островов черноземной почвы рассеяно за пределами этого материка, в губерниях Вятской, Казанской, Владимирской, Черниговской.

Этот черноземный континент простирается почти на целой трети поверхности Европейской России и обнимает пространство, исчисляемое приблизительно в 87 миллионов десятин. Кроме того, чернозем существует в Молдавии, в Венгрии и особенно в Банате; но нигде он не встречается на столь обширных пространствах и столь толстыми слоями, как в бассейне Днепра[3]. Химик Герман сравнивает эти залежи черной земли, в отношении экономической важности, с пластами каменного угля, которыми обладает Англия; но эти слои плодородной почвы представляют то преимущество, что они находятся на поверхности: их нет надобности искать в глубинах земли, как каменный уголь. Вычисляя количество удобрений, какое потребовалось бы для того, чтобы доставить черноземной почве количество азота, равное тому, какое она содержит, находим, что расход на этот предмет составил бы по малой мере шесть миллиардов рублей[4]. При том, нужно бы было беспрестанно возобновлять это

1 „Voyage dans la Russie meridionale", par Demidof; Huot et Malte-Brun, „Precis de Geographie universelle" 5-e edition, 1841.

2 Ruprecht, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tomo VII, 1865; Delesse et de Lapparent, „Revue de Geologie pour les annees 1874 et 1875".

3 Мурчисон, „Geology of Russia and the Ural Moontains".

4 Шмидт, „Херсонская губерния" „Материалы для географии и статистики России".

удобрение, и еще неизвестно, сообщило ли бы оно земле ту степень рыхлости, которая делает ее во многих местностях столь удобной к обработке.

Нет сомнения, что успехи земледельческой промышленности мало-по-малу придадут черноземным пространствам вид громадного возделанного поля. Черноземные степи, конечно, навсегда сохранят красоту пейзажа, которую дает обширный кругозор, но они утратят ту восхитительную прелесть, которую находишь в безъискусственной природе, бродя, куда глаза глядят. В этих степях, так же, как в луговых равнинах или «прериях» Дальнего Запада (Far West) Северной Америки, можно идти во все стороны, среди трав, достигающих такой высоты, что цветы, колосья и хохолки качаются вровень с головой путника; среди этой беспредельной травяной равнины, путнику кажется иногда, что он заблудился в зелени, которая от ветра волнуется словно поверхность вод. Произведения народной поэзии рассказывают нам, какую радость испытывал казак, когда он скакал на своем коне по этому морю травы, руководимый в направлении дороги каким-нибудь бугром, рисующимся вдали на краю горизонта, или, как моряк, течением солнца или движением звезд.

По направлению от севера к югу вид степей изменяется постепенно, по мере того, как уменьшается толщина слоя растительной земли и как пласты глинистые, гранитные или известковые подходят ближе к поверхности почвы. Травянистые равнины, которые весною одеваются богатейшей растительностью и которые человек может преобразовать в пахатныя земли или в лесные насаждения, сменяются полями, где почва в естественном состоянии покрыта лишь мелким кустарником да грубой травой; далее следуют равнины, совершенно голые на обширных пространствах, и где земледелец пробует бороться против бесплодия почвы только в соседстве больших городов или в сырых лощинах. Красивые, разрисованные дома, окруженные вишнями и сливами, сменяются низенькими серыми мазанками, часто неимеющими даже сада: ростущие кое-где чахлые тополи только свидетельствуют о трудностях борьбы человека со скупой природой, но очень мало изменяют печальный, в высшей степени монотонный вид страны[1]. Эти степи скорее походят на пустыню, и их никоим образом не следует смешивать, как это часто делали по незнанию, с теми цветущими степями, откуда получают часть пищевых продуктов народы Европы. Деревья с трудом ростут в этой малоплодородной области. Каждый город заботится о том, чтобы создать у себя дорогостоющий общественный сад, где бы население, лишенное настоящих лесов, могло пользоваться некоторым подобием свежести и находить хоть какую-нибудь тень в жаркие летние дни. Каждый владелец хутора, в окресностях Одессы, старается украсить свой сад деревьями, которые напоминали бы ему сельскую природу; но все искусство садовников едва успевает вызвать к жизни болезненные, чахлые стволы, с редкой листвой и заранее обреченные на гибель по прошествии каких-нибудь двадцати или тридцати лет: иногда случается, что вся зелень исчезает в несколько часов, пожираемая тучами саранчи, которые, застилая небо, порождают сумерки среди белого дня, и прибытие которых возвещается гулом, подобным раскатам отдаленного грома.

Травяные степи, которые ожидаешь увидеть пустынными и безжизненными, оказываются, напротив, оживленными фауной одною из самых богатых, если не по числу видов, то, по крайней мере, по числу неделимых: при выходе из темного леса, эти ярко освещенные пространства представляются шумной, полной жизни пустынею[2]. Зубры, буйволы, кабаны, дикия лошади и другие животные, о которых рассказывают Блез-де-Вижерен[3] и Боплан[4], исчезли из малороссийских степей, но почва их и теперь сплошь изрыта подземными галлереями, где живут суслики (Cytillus vulgaris илп Spermatophilus), или овражки, которые служат добычей всем местным охотникам—волку, дикой собаке, в особенности же человеку, но число которых значительно убавилось с той поры, как голова их оценена. Многочисленные

1 Шмидт, выше цитированное сочинение
2 Тургенев, „Записки охотника"; Захер-Мазох, „В Коломее".
3 „Description du royaume de Pologne et des pays adjacents", Paris, 1575-
4 „Description de l'Ukraine", Rouen, 1660.

стаи птиц-рыболовов, цапель, аистов и красных гусей, уток и чаек, разгуливают в болотах или плавают в озерах и прудах; жаворонки и другие певчия птицы летают среди трав и кустарника, как в лесах и на паровых, незасеянных полях западной Европы; орлы, коршуны и другие крылатые хищники сидят на верстовых столбах и не улетают даже при проходе или проезде людей. Красивые разноцветные бабочки летают мириадами по бесконечному лугу, испещренному цветами, с которых массы пчел собирают обильную дань. Днепровские и донские степи особенно славятся своим пчеловодством. До тех пор, пока почва Украйны не подвергалась обработке, этот край, может быть, более всякой другой страны в мире заслуживал названия земли, «текущей медом»: в то время мед находили там не только в дуплах деревьев, но также в ямах и углублениях почвы, всего чаще в крутых берегах рек и оврагов. Как суслики и почти все другие степные животные, не исключая и самого человека, пчела в этих странах сделалась троглодитом, пещерным жителем, благодаря свойству почвы. В искусственных пчельниках пчел на зиму помещают в большие омшаники, вырытые под землей.

В южной полосе России, украинцы очень искусны в задерживании вод для поения домашних животных и орошения полей; но они утилизируют таким образом только ручьи и маленькия речки, не умея извлекать пользу из воды больших рек. Нет сомнения, что в необходимой влажности не будет недостатка, когда человек научится брать ее из верхних бассейнов, удалять из низменных местностей, где она пребывает в виде стоячих вод, портя атмосферу своими вредными болотистыми испарениями, и переливать ее в сухия, лишенные влаги, местности. Почти все Полесье, верхний бассейн реки Припеть, одного из главных притоков Днепра, есть одна из таких областей, полуозерных, полуобсохших, которые перестали быть озерами в собственном смысле, но не сделались еще настоящей твердой землей, и которые труд человека может преобразовать в необычайно плодородные поля, когда он избавит их от чрезмерного излишка воды. Эта страна представляет настоящий лабиринт озер, болот, топей, торфяников, лесов и выступивших из-под воды порогов, который известен под общим именем Пинских болот. Задерживаемые с южной стороны естественной преградой, образуемой гранитными кряжами Волыни, воды не могли стекать беспрепятственно в бассейн Днепра, а скопились среди низменных пространств, где они прежде образовывали одно большое озеро, превратившееся с течением времени в медленно текущие реки, берегов которых невозможно различить на обширном протяжении, покрытом камышами и водяными растениями. Эти реки еще не достигли той фазы развития, чтобы создать себе независимое, обособленное существование: почти тотчас по выходе из своей верхней долины, Припеть делится между болотами и островами на бесчисленное множество рукавов разной величины, которые взаимно переплетаются, теряются, снова встречаются и, наконец, впадают в болотистое озеро Любяж. Ниже этого озера река опять делится на такое множество потоков, что теряет даже свое имя, которое получает снова только верстах в ста ниже, при слиянии с Ясельдой. Так как почти все реки, общей артерией которых служит Припеть, соединяются в одном и том же бассейне, на небольшом расстоянии одна от другой, и одновременно выходят из берегов после больших дождей, то страна часто бывает затоплена на необозримое пространство. В этой области, частию покрытой водою, животное царство представляет особенный характер. Пиявки, живущие в болотах, составляли один из главных предметов отпускной торговли края до суровой зимы 1840 г., когда почти все они погибли от сильных морозов; бобр и речная выдра исчезли с начала XIX столетия. Говорят, что заяц Пинских болот отличается от зайцев окружающих равнин: шерсть у него имеет слегка синеватый оттенок. Что касается человека, то легко представить себе, в какой сильной степени его образ жизни видоизменяется под влиянием этих затопляемых земель, где он часто бывает принужден, спасаясь от наводнения, искать убежища на каком-нибудь возвышенном бугре и жить там в обществе лесных зверей. Различные болезни, происходящие от вредных испарений или миазмов, господствуют в этой болотистой стране, и одна из них, известная только на славянском Востоке, есть так называемый колтун, или ковтун (plica polonica), в котором хотели видеть бич, специально свойственный полякам,—совершенно ошибочно, так как он свирепствует преимущественно в Белоруссии и в Гродненской губернии. Боплан в своем «Описа-

нии Украйны» говорит, что эта болезнь поражает только казаков.

Обширные Пинские болота скоро перейдут в область воспоминаний. Как доказали частные попытки осушки болот, предпринимавшиеся со второй половины текущего столетия, завоевание почвы для земледелия представлялось делом возможным, и потому в 1873 г. приступили к общему нивеллированию страны. Руководитель этих работ, генерал Жилинский, и его сотрудники убедились, что скат поверхности Минской губернии к Днепру никак не менее $^{3}/_{10000}$, что совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить водам правильный сток. Уничтожая мельничные и рыболовные запруды, замедляющие течение вод, и прокапывая спускные каналы по естественной покатости почвы, можно будет без труда опорожнить все болота и превратить Минскую губернию, еще недавно одну из беднейших областей России, в одну из самых богатых, по плодородию почвы, земель Европы. Впрочем, значительная часть дела уже сделана, и при том за относительно ничтожную сумму, которая, без сомнения, будет в скором времени возвращена сторицей произведениями земледельческой промышленности. С 1873 по 1880 год было достаточно миллиона рублей, чтобы вырыть около 1.000 верст сточных каналов, которые превратили в луга болота и трясины и избавили леса от стоячих вод. Одна казенная лесная дача, простирающаяся на пространстве слишком 82.000 десятин, в которой до сих пор деревья сгнивали на месте, теперь может быть эксплоатируема с выгодой, благодаря каналам, соединяющим ее со сплавными реками; сельскохозяйственные произведения края ныне могут быть отправляемы или в бассейн Вислы, или в бассейн Немана по судоходным каналам, подступы в которым освобождены от стоячих вод. Течение рек, еще недавно неопределенное, мало-по-малу входит в правильное русло; дороги прокладываются в равнине, и селения перестали быть островными горками, поднимающимися среди болот[1]. Вот физический переворот, чисто поверхностный, так как он получен просто посредством проведения водосточных каналов, вырываемых в почве до глубины нескольких аршин; но его результаты совершенно изменят вид страны, поверхность которой обнимает около восьми с половиной миллионов десятин, т. е. равняется шестой части Франции. О быстрых переменах, совершившихся недавно в местной географии, можно судить по уменьшению озера Князь или Жид, получившего такое название, как говорят, оттого, что в конце прошлого века какой-то князь-мизантроп удалился в эти пустынные места, где будто бы сказывался евреем, чтобы избежать всяких сношений с христианами. В эту эпоху деревушка Князь-Озеро стояла на берегу озера; но болотные растения, постепенно распространяясь, уменьшили с той поры на половину поверхность стоячих вод. Еще недавно площадь этого озерного бассейна равнялась почти 65 кв. верстам; насколько же уменьшилась она после осушительных работ, которыми осушено более 92.000 десятин вокруг озера?

Во всем Днепровском бассейне Припеть есть единственная большая река, долина которой еще не приняла окончательной формы: другие верхние притоки и самый Днепр имеют течение нормальное, так сказать, законченное. Истоки этой последней реки, самой знаменитой в истории из русских рек, находятся гораздо ближе к Финскому заливу, нежели к Черному морю, в области мало возвышенной, где зарождаются также притоки Западной Двины, Волги, Оки; водораздельные линии этой четверной покатости едва намечены. Заключенный в начале между бассейнами вод, спускающихся к Балтийскому и Каспийскому морям, Днепр получает мало притоков в верхней части своего течения, до Смоленска и Могилева; но вниз от Рогачева быстро следуют один за другим большие притоки: с правой, западной, стороны в него впадает Березина, которая прежде, как говорят, считалась главной рекой и название которой, если верить славистам, есть не что иное, как измененное древнее название Днепра—Борисфен (?); с левой, восточной, стороны вливается р. Сож; затем Днепр соединяется с Припетью, почти равной ему по массе вод и величине бассейна, который обнимает почти всю Минскую губернию, половину Волынской и даже часть Гродненской. Далее, Тетерев приносит свою дань Днепру; еще ниже в последний впадает Десна, или «Правая»,

1 Всего осушено в Полесьи до 2.670 000 десятпн; общий расход казны на эти осушительные работы составил около $3^{1}/_{2}$ миллионов рублей. Ред.

названная так потому, что, если смотреть из Киева, она течет вправо от главной реки; Десна бежит извилистой линией по аллювиальной равнине, где она повсюду оставила следы своего прохода в виде кольцеобразных озер и потоков, образовавшихся во время наводнения. Здесь оканчивается верхняя ветвь Днепра, и река является уже вполне сформированной. Это—знаменитый Борисфен древних греков и римлян, Узон турок, Эски или «Старик» татар, Луозен и Лерене в итальянских описаниях берегов и пристаней Понта Эвксинского.

В некоторых частях своего верхнего течения Днепр, обрамленный с правой и с левой сторон высокими берегами, о которые ударяются его воды, имеет местами левый берег выше правого; но, по принятии в себя больших притоков, река, правильно передвигаясь в правую сторону, сообразно толчку, сообщаемому её жидкой массе вращательным движением земного шара, гложет и подтачивает преимущественно свой западный берег. Развертываясь в виде полукруговых излучин, которые выдаются попеременно то вправо, то влево, согласно закону соответствия речных извилин, Днепр, однако, направляет массу своих вод и, следовательно, свою размывающую силу в сторону правого берега: с этой-то стороны находятся крутые береговые утесы, возвышающиеся, средним числом, от 300 до 430 футов (90—130 метр.), и из которых одни еще омываются у самого основания струей течения, тогда как другие теперь покинуты рекой, которая, выточив их в форме амфитеатра, оставила только болота у их подошвы, чтобы опять вернуться когда-нибудь и продолжать свое дело разрушения. Восточный берег, целиком состоящий из наносов (аллювия), которые река оставила после себя, перемещая свое русло к западу, почти везде представляет низменную равнину, единственные возвышения которой—бывшие острова, постепенно повышаемые растительностью. Таким образом ложе, где прежде протекал Днепр, может быть утилизируемо теперь другими побочными реками, место слияния которых постепенно передвигалось по направлению к низовьям, по мере того как удалялась главная река. На северо-восток от Киева, Десна, которую можно сравнить с ребенком в кольчуге рыцаря, бежит в долине, которая прежде, вероятно, служила ложем Днепру и где еще можно узнать прежние высокие берега, покинутые водами. Ныне главная река, текущая верстах в 15 далее на западе, проходит у подножия изрытых оврагами утесов, с которых каждый год обваливаются каменные глыбы в эпоху половодья, или под ударом льдин во время ледохода. Высота правого берега, очевидно, была причиной того, что большая часть городов Днепровского бассейна основалась на крутом, западном берегу, и что главные пути сообщения проложены на той же стороне реки. Дороги, проведенные на левом берегу, впродолжении значительной части года обращаются почти в непроходимые болота. На притоках Днепра берега представляют тот же контраст: там также города и местечки по большей части выстроены на правом, возвышенном берегу[1].

Весеннее вскрытие реки редко бывает опасно. Благодаря меридиональному направлению Днепра, который течет с севера на юг, ледяной покров отделяется сначала в низовьях и уже растаивает или уносится к устью в то время, когда лед в верхних частях ложа разламывается, в свою очередь, и начинает свое плавание вниз по реке. Так, в Херсоне Днепр бывает покрыт ледяной корой средним числом только 80 или 85 дней в году, тогда как в Екатеринославле продолжительность периода замерзания составляет уже 89 дней, а в Киеве, где начинается среднее течение, она доходит до 96 дней[2]. Однако иногда случается, что льды скопляются выше песчаных мелей или островков и совершенно запруживают реку: так, например, в 1865 году образовался настоящий ледяной мост против Кременчуга, настолько толстый и крепкий, что по нему могли переезжать обозы[3].

По форме своего речного разветвления, так же, как по свойству почвы, Днепр, между европейскими реками,—одна из тех рек, которые должны представлять наиболее значительные разности в объеме жидкой массы, наибольшие неправильности или уклонения от нормального режима вод. Почти все большие притоки сливаются с Днепром в средней части его

1 Максимов, „Древняя и Новая Россия", 1876 г., № 1.

2 Stuckenberg, „Hydrographie Russlands".

3 Шмидт, „Херсонская губерния. Материалы для географии и статистики России".

течения и в небольшом расстоянии одни от других, так что их частные разливы, за исключением разлива Припети, которая несколько запаздывает в болотах, окаймляющих её берега, соединяются в один общий поток и одновременно заставляют главную реку выступить из берегов. Далее на юге, воды, струящиеся по поверхности трудно проницаемой почвы степей, тоже, с своей стороны, содействуют внезапному поднятию уровня Днепра. Эта река и ныне является в том виде, как ее создала природа: мы не встречаем на ней ни береговых плотин, ни бечевников; но прибрежные жители до известной степени могут радоваться тому, что она еще не обведена, как По, Луара, Рона, Миссисипи, плотинами, якобы «незатопляемыми», которые, однако, при необыкновенно высоких разливах, река прорывает в разных местах, и тогда поля, завоеванные на бывшем речном ложе, подвергаются наводнению. Средняя ширина Днепра—от 280 до 400 саж. (600—850 метр.), но во время высокой воды он разливается во многих местах верст на десять в ширину: тогда он имеет вид моря в движении; все острова, все песчаные мели, вокруг которых река делилась на частные потоки, исчезают под желтоватой водой; рукава мертвые, рукава живые, лужи, остающиеся обыкновенно после спада воды в прибрежных равнинах,—все соединяется в одну сплошную водную площадь, и воды, ненаходящие места в долине главной реки, уходят вправо и влево в долины притоков, которые также имеют свои болота, свои наносные мели, свои переплетающиеся сети речек, текущих и стоячих. Желательно, чтобы украинцы, наученные бедствиями, которые так часто случались на берегах больших рек во многих странах, съумели утилизировать аллювиальные земли долины Днепра, не подвергая прибрежные города большей опасности, чем та, какой они подвержены в настоящее время: чрезвычайный дебит реки, скорость течения, относительные размеры речного ложа при нормальном разливе и во время наводнений—все должно быть заранее принято в рассчет, чтобы избегнуть возможных катастроф. Опасность наводнений тем более велика, что, вследствие истребления лесов, изменения уровня воды в Днепре сделались гораздо неправильнее, чем были прежде; периоды маловодья стали продолжительнее, разливы выше и внезапнее.

Впрочем, низменные равнины, затопляемые широко разливающейся рекой, отличаются необычайным плодородием, и эти-то периодически покрываемые речным илом прибрежные поля и подали Геродоту повод прославлять Борисфен, как реку «самую полезную людям после Нила». Плодородие этих наводняемых низменностей зависит главным образом от частиц чернозема, приносимых Днепром из вышележащих местностей. Принося в своем иле эти частицы плодородной земли, взятые на северных берегах, Днепр приносит вместе с тем в область степей и растительность севера: береза, любимое дерево русских, ростет лесами и перелесками на берегах этой реки и на её аллювиальных островах, почти до самого лимана. Но на обширных пространствах эти затопленные прибрежные низменности, или плавни, которые могли бы прокармливать целые населения, не производят ныне ничего, кроме жесткой травы, дающей грубое сено, да камыша, который прибрежные жители приходят резать зимой, когда лед позволяет ходить по болотам, употребляя его как топливо и на постройки (крыши и изгородки); десятина хорошего камыша дает в настоящее время крестьянам столько же прибыли, как десятина лучшей пахатной земли. Плотно переплетающиеся, в виде войлочной ткани, корни камышей, постепенно разростаясь, образуют, наконец, род ковра, который вода подмывает снизу, вырывая лежащий на дне песок; иногда островки тростника совершенно отделяются от нижней почвы и плывут по воле течения, пока не остановятся на какой-нибудь отдаленной песчаной мели; в 1845 году один такой лес камышей, находившийся верстах в 7 ниже Кременчуга, переместился таким образом почти на 2 версты[1].

Казалось бы, Днепр, третья река Европы по массе своих вод, жизненная артерия района, населенного более чем тринадцатью миллионами жителей, должен быть одним из важнейших водных путей нашей части света. В самом деле, он проходит последовательно несколько поясов различных в отношении климата, земледелия, гражданственности; из области лесов

1 „Одесский Вестник", № 72, за 1852 г.; Шмидт, выше цитированное сочинение.

он переходит в черноземную полосу, затем в область голых степей, соединяя таким образом населения, различающиеся между собой нравами и нуждающиеся в произведениях друг друга. И действительно, со времен древне-греческой колонизации Борисфен был одним из главных торговых путей, исключая тех эпох, когда истребительные войны останавливали всякое торговое движение; но важность этого естественного водного пути была во все времена значительно умаляема существованием порогов, которые прерывают во многих местах течение реки и сильно затрудняют судоходство. Выше Кременчуга и впадения большой реки Псёл, Днепр имеет уже более 65 фут. (20 метр.) падения на расстоянии 16 верст (17 кил.), и многие пункты этой наклонной плоскости очень опасны для прохода судов. Но собственно пороги, те знаменитые пороги, о которых говорят византийские и русские хроники и песни украинских казаков, начинаются ниже Екатеринослава, у поворота, который Днепр должен сделать, чтобы прорезать гранитное плоскогорье, или так называемую Каменную гряду. Ряды гранитных скал, образующие эти пороги, тянутся по большей части через всю реку, от одного берега до другого, и вода, текущая по этим каменным гребням, имеет в летнее время, средним числом, не более двух аршин ($1^1/_2$ метр.) толщины. Общий наклон реки в области порогов, на протяжении около 70 верст (75 кил.), составляет около 105 фут. (32 метр.), но нигде нет водопада в настоящем смысле: самое сильное падение воды на порогах только немногим превышает 6 сантиметров на 1 метр (около 5 дюймов на 1 сажень). Там и сям показываются побочные каскады; главная масса потока, скатывающаяся длинными волнами, где едва виднеются полоски пены, также делится на второстепенные стремнины, которые следуют вдоль того или другого берега. Византийский император Константин Багрянородный упоминает только о семи порогах, Боплап в своей книге «Description de l'Ukraine» описывает их тринадцать, а в наши дни местные лоцманы насчитывают их всего только девять[1]; но эти девять порогов, также как меньшие, называемые заборами (ряды камней, пересекающие большую или меньшую часть русла), состоят из сотен и тысяч падений воды. Вид реки в местах пересечения ложа рядами гранитных скал беспрестанно меняется: за наклонными плоскостями, по которым вода стремительно скатывается бурным потоком, следуют обширные, подобные озерам, бассейны, где успокоившаяся волна медленно кружится; промеры дна в этих бассейнах обнаружили глубины до 14 слишком сажен (30 м.). Ширина также сильно изменяется: разделенная бесчисленными подводными камнями, река имеет почти $1^2/_3$ версты (1.730 м.) в ширину близ самых опасных порогов, тогда как у «Волчьего Горла», около конца порогов, берега сближаются до расстояния 75 саж. (160 м.).

Небольшие суда спускаются через пороги только весной во время половодья, которое продолжается, средним числом, восемь недель; бывают даже такие годы, когда судоходство оказывается совершенно невозможным и в период весеннего разлива; что же касается судов большего водоизмещения, то все они должны останавливаться в Екатеринославе выше порогов и в Александровске ниже порогов. Прибрежные деревни и в особенности местечко Лоцманская Каменка населены лодочниками и лоцманами, которые проводят суда и плоты в поворотах фарватера; но как бы ни было велико искусство, хладнокровие и опытность лоцманов, все-таки немалое число судов погибает в опасном переходе через пороги. Из сотен барок, спускающихся по Днепру, ни одна не возвращается назад вверх по реке: все они разбираются по прибытии на место назначения, в Херсоне или в каком-нибудь другом городе нижнего течения, и продаются как строевой лес: в этой-то форме местности верхнего бассейна обыкновенно и доставляют строевой лес прибрежным жителям низового Днепра; византийские писатели говорят, что кривичи применяли этот способ лесной торговли с самых первых времен русской истории[2]. Уже более ста лет, как стараются улучшить проходы через Днепровские пороги при помощи взрыва подводных скал, устройства каналов как среди самого русла, так и обходных; но все эти работы до сих пор пе принесли почти никакой пользы, и пароходы, поднимающиеся из Екатеринослава вверх по реке до Пинска на При-

1 Чужбипский, „Поездка в Южную Россию", I, Днепр.

2 Карамзин, „История Государства Российскаго", т. 1

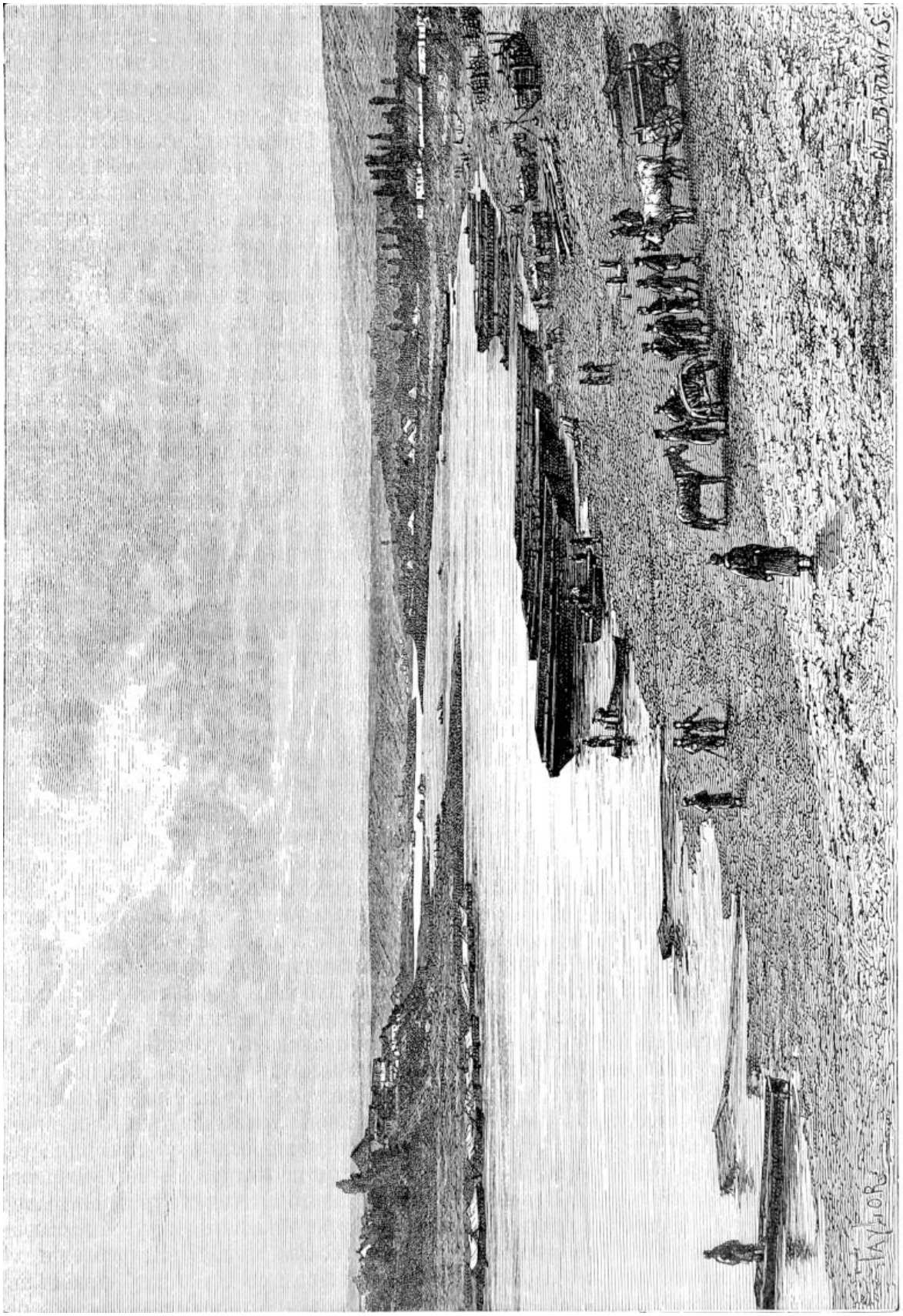
пети, до Орши на верхнем Днепре, до Брянска на Десне, не могут еще переходить через пороги, отделяющие их от нижнего Днепра и Черного моря. Другие реки полуденной России, Южный Буг и Днестр, равно как их притоки, также имеют пороги, в месте пересечения ими гранитного пояса или Каменной гряды; один из малых притоков Буга (через р. Синюху) образует даже вертикальный водопад высотою около 5 сажен. Вообще нельзя не признать известной доли правды в замечании тех, которые утверждали, что реки степной полосы России гораздо более мешают, чем благоприятствуют сообщениям. Их пороги и заборы задерживают движения судоходства из внутренности страны к морю, тогда как их широкое течение, высокие, крутые скаты их долин, грани их берегов препятствуют сухопутному сообщению от востока к западу, или от запада к востоку, параллельно Черному морю[1]. Все кочевые народы Азии, для которых степи служили естественной дорогой при движении в Европу, были задерживаемы реками; близ берегов этих рек и происходили те кровопролитные столкновения, которые обращали всю страну в обширную пустыню, в «Дикое Поле».

Ниже порогов Днепр, продолжая подтачивать основание утесов своего правого берега, поворачивает к западу, оставляя влево бывшее озеро, «Великий Луг» запорожцев, где разветвляются воды во время наводнений и которое теперь представляет болото, расстилающееся на необозримое пространство. Здесь именно и на других пунктах приморского Днепра ученые, истолковывая одно место у Геродота, хотели искать Геррус, древний рукав реки, который будто бы впадал в Азовское море[2]; но до сих пор не отыскано никаких следов предполагаемого речного русла в области степей, которые возвышаются средним числом от 328 до 656 фут. (100—200 м.) над уровнем моря. Днепр не имеет дельты, а лишь блуждающие рукава, которые перемещаются в речном ложе, смотря по большему или меньшему обилию воды в период разлива, и которые изливаются в лиман, или залив солоноватой воды, составляющий уже часть Понта Эвксинского, хотя песчаный бар отделяет его на половину от открытого моря: в этом месте с большим трудом, при помощи землечерпательных машин, поддерживают судоходный фарватер для судов, имеющих значительное водоуглубление. Летом вода в лимане, который в эту пору питается главным образом морской волной, делается до такой степени соленой, что прибрежные жители не могут употреблять ее; то же самое бывает и во время бурь; но обыкновенно, и особенно весной, вода из залива употребляется для всех домашних надобностей, и скот пьет ее, повидимому, без всякого вреда для здоровья. Впрочем, Днепр—не единственный пресноводный поток, изливающийся в лиман. Последний принимает в себя, кроме того, Южный Буг (по-малороссийски Бог), имя которого, означающее «Бог», вероятно, обязано своим происхождением какому-нибудь забытому суеверию; это Гипанис древних греков. Остров Березань, который охраняет общий вход в лиман, куда впадают Днепр и Буг, имел в старину важное значение. По прибытии в лиман, русские торговые люди, спустившиеся вниз по реке, не отваживались тотчас же пускаться в открытое море на своих легких барках; утомленные продолжительным путешествием, они останавливались на этом островке, чтобы починить свои суда и приготовить их к морскому плаванию.

Днестр,—Тирас греков, Турла турок,—вообще говоря, может быть рассматриваем в среднем его течении как естественная этнографическая граница между русскими и румынами. Эта река во многих отношениях имеет сходство со своим могучим соседом, Днепром. Подобно последнему, она берет свое начало в области лесов, по выходе из которой протекает через полосу чернозема, затем через голые степи и изливается в лиман Черного моря; так же, как и Днепр, она постепенно перемещается к западу, подтачивая свой правый, высокий берег, и тоже прорезывает гранитные кряжи, образующие на ней пороги; но русло её, вообще говоря, гораздо глубже вырыто: оно почти везде очень узко и покрыто очень толстым слоем воды, как и ложе Прута, реки параллельной Днестру и представляющей как бы воспроизведение

1 Шмидт, „Херсонская губерния", выше цитированное сочинение.
2 Rennell, „Geography of Herodotus".

последнего в несколько уменьшенном размере[1]. Разность высоты и объема жидкой массы между мелководьем и половодьем на Днестре еще значительнее, чем на Днепре: некоторые из весенних разливов первого, как, например, разливы 1829, 1842, 1845 годов, были дотого



Днѣстръ. Видъ вблизи Могилева.

сильны, что невежественные прибрежные жители обвиняли галицийских австрияков, будто

1 Kohl, „Reisen in Sud-Russland".

бы они спустили воды другой реки в ту, которая затопила их поля[1]. Днестр развертывает некоторые части своей долины с замечательной грандиозностью линий, а многочисленные притоки, соединяясь с ним, как ветви со стволом дерева, придают ему вид развесистого дуба; но в целом Днестр—один из самых извилистых потоков земного шара: от устья Ягорлыка до моря расстояние по прямой линии всего только около 140 верст (147 кил.); с извилинами же протяжение реки в этой части её течения достигает 365 верст (390 кил.). Общая длина Днестра около 1.270 верст (1.350 кил.). Кроме того, речное русло постоянно удлинняется на счет солоноватого лимана, в который изливаются его воды. Старый рукав, который соединялся с лиманом у северной оконечности этого залива, давно уже засорился, и теперь воды реки изливаются через боковой рукав, который впадает в залив на восточном его берегу, угрожая отделить мало-по-малу от лимана северную бухту, называемую по-татарски Кара-Голь, что значит «Черное озеро». Песчаные осадки, приносимые рекой, не могут быть увлекаемы течением в море, потому что бар, отделяющий Днестр от Черного моря, очень близко подходит к поверхности воды: только маленькия барки могут переходить через этот порог, и все товары, приходящие из внутренности страны, должны быть перевозимы сухим путем в Одессу.

Между рыбами Днестра, Днепра, Дуная есть много таких, которые имеют совершенно специальный характер и составляют особенную фауну, свойственную почти исключительно этим бассейнам. Чтобы объяснить их происхождение, профессор Кесслер предполагает, что цепь Балканов некогда соединялась с Таврическими горами и таким образом ограничивала обширный пресноводный бассейн, куда изливались реки полуденной России. Из этих рыб днепровской фауны только две встречаются в других реках, именно верш или Aspro vulgaris в Роне и Acerina rossica в Дону[2].

Днестр, Буг, Днепр—единственные судоходные реки южной России между Дунаем и Доном: только иногда, начиная с половины апреля и в мае месяце, низовые притоки этих рек бывают настолько многоводны, что по ним можно сплавлять бревна, гнать плоты и даже отправлять барки. Не так было двадцать-три столетия назад, если правда, что во времена Геродота эта страна, хотя «чрезвычайно бедная лесом[3]», была хорошо орошена, и что по ней протекали большие реки, «почти столь же многочисленные, как каналы в Египте[4]». В наши дни степи южной России обеднели водами, высохли; даже если считать лиманы морского прибрежья, которые более не питаются текучими водами, мы находим в этой области лишь небольшое число речных русл. Геродот, сам посетивший этот край, не мог совершенно ошибаться относительно географии страны; при том же, разве мы не видим следов этих древних, ныне высохших рек, о которых упоминает греческий историк? Между Дунаем и Днестром, между Днестром и Южным Бугом, речные долины следуют одна за другой все в одном направлении, оставаясь параллельными друг другу, но эти речные долины не доходят уже до самого моря: они обсохли всецело или отчасти, и боковые овраги, впадающие в них, наполняются водой только во время дождей.

Местное предание повсюду указывает на обеднение страны в отношении проточных вод. Существовавшие некогда озера испарили свою воду до последней капли, а солончаки постоянно увеличиваются, захватывая все более и более значительные пространства. Во многих местах жители говорят, что их колодцы постепенно иссякли, и что вода в них сделалась солоноватой: эти жители принуждены были забросить плодовые сады и огороды, прежде же они могли орошать их чистой водой, имевшейся у них в изобилии, и получали отличные урожаи. Река Тилигул, воды которой ныне теряются в лимане того же имени, не будучи в состоянии достигнуть моря, прежде приводила в движение колеса пятнадцати мельниц, больших и малых, выше города Ананьева, а в 1863 году из этих мельниц существовала уже

1 Шмидт, выше цитированное сочинение.

2 Кесслер, „Russische Revue". № 4 1875; „Vergleichende Untersuchungen uber die Fische des Schwarzen und des Kaspishen Meeres".

3 Геродот, книга IV, стр. 61.

4 Геродот, книга IV, стр. 47.

только одна, да и та обыкновенно должна была бездействовать впродолжении части года. Самая река утратила правильное течение и теперь представляет лишь неопределенный поток. Еще в 1823 году Тилигул был изображен на одной военной карте как река, соединяющаяся с морем широким устьем; теперь в этом месте проходит, по возвышенному перешейку, почтовая дорога из Николаева в Одессу. Как объяснить эту увеличивающуюся соленость почвы степей? Истребление лесов на плоских возвышенностях, прибавляя обширные, оголенные пространства к безлесным пространствам низменных степей, не составляет ли, если не единственную, то по крайней мере главную причину уменьшения влажности и обсыхания равнин? Лишаясь деревьев, которые служили ей кровом, земля стала быстро терять, путем испарения, падающую из атмосферы дождевую и снеговую воду; источники, питавшие реки, иссякли, и текучия воды исчезли. Распашка полей, уничтожающая всякую растительность впродолжении части года, еще более усиливает испарение, выставляя оголенную почву действию солнечных лучей и иссушающих ветров[1]. Как говорит одна местная пословица: «когда приходит человек, вода уходит»[2]. Дожди приносят в страну, средним числом, от 35 до 40 сантиметров воды (количество выпадающей впродолжении года дождевой воды составляет в Одессе 0,365 метр., в Николаеве 0,406 метр.); но так как эта вода не дает излишка, который бы стекал в море, то из этого следует, что вся она целиком поглощается тощей растительностью почвы и теряется путем испарения. Впрочем, это явление обеднения земли влажностью замечается на поясе гораздо более обширном, чем степи полуденной России, как о том свидетельствуют древние речные ложа Добруджи и Нижней Румынии[3], где теперь остались только лужи да маленькия озера. Точно также не подлежит сомнению, что и Передняя Азия сделалась более сухой, более бедной водами сравнительно с прежним временем.

В наши дни источники вовсе не встречаются на поверхности степей, соседних с Черным морем; только там и сям их заменили лужи, где стоит вода в дождливые месяцы и где ростут камыши да болотные травы. В других местах, известных в крае под именем падов, вода не скопляется в виде луж, но влажность почвы достаточна, чтобы постоянно поддерживать растительность, состоящую из густой травы; и когда летняя жара выжжет весь дерн равнин, эти низины, еще неспаленные солнцем, приятно ласкают взор зеленью своих лугов; колодцы, вырытые на глубине от 7 до 10 сажен в самых низких местах этих падов и приметные издалека своими вытянувшимися к небу «журавлями», дают горькую воду, негодную для людей, но которую может пить скот. Ближе к морю тоже встречается множество впадин почвы, где вода, находящаяся в глубинах, образует соляные налеты: кристаллы соли, смешанные с грязью, покрывают поверхность этих бывших луж и придают ей сероватый оттенок[4].

Таким образом, лишенные воды для себя и для скота, жители не могут селиться на возвышенной равнине степей: они по необходимости должны были строить свои деревни по берегам маленьких озер или прудов, часто совершенно высыхающих, в долинах, где еще просачивается хоть немного влаги и где дождевая вода скопляется в виде временных луж. Вот причина, почему селения в тех местах имеют такую странную форму; они представляют одну непрерывную улицу, которая тянется на несколько верст в длину, переменяя название через известные промежутки, там, где кончается одна деревня и начинается другая. Путешественник, едущий по степному плоскогорью, не видит этих деревень, пока не подъедет к краю крутого, голого обрыва террасы; тут он вдруг замечает внизу, на глубине от 12 до 25 сажен, дома, деревья и пашни, наполняющие род большего извилистого рва, который развертывается излучинами, как река. При проливных дождях, пересохшие речки возобновляют на-время свое течение и грозят снести деревни, построенные на дне оврагов. В этих случаях и

1 Многими исследователями (особенно мюнхенского проф. Wollny) доказано, что голая почва (напр. под черным паром) испаряет воды значительно меньше, чем почва, покрытая растительностью. *Ред.*

2 Шмидт, „Херсонская губерния“, выше цитированное сочинение.

3 Kanitz, „Donau-Bulgarien und die Balkanen“.

4 Шмидт, выше цитированное сочинение.

самое плоскогорие быстро размывается водой, особенно в тех местах, где оно состоит из рыхлой земли. Овраги или, по местному названию, балки расширяются и разветвляются с той и другой стороны на второстепенные овраги, из которых землистые частицы уносятся дождевыми потоками далеко на берега рек или на берега лиманов. Таким образом, дожди постепенно сносят с поверхности слой почвы толщиною от 30 до 65 футов; миллионы кубических аршин земли уносятся каждый год, и не делается ни малейшего усилия, чтобы остановить дело разрушения. Случалось, что ливни, продолжающиеся всего какой-нибудь час, совершенно разрушали дороги на пространстве нескольких сот сажен[1]. На западной стороне Днепра, в области гранитных формаций, медленный процесс размывания почвы дождевыми водами также имел следствием образование оврагов, в которых тоже приютились селения; но там овраги обрывистее, не так широки и не так глубоко, врезываются в почву, как на восточной стороне.

Из всех лиманов, которые принимают в себя воды, стекающие из внутренности страны, и которые сами суть не что иное, как древние овраги, вырытые текучими водами, на что указывает их удлиненная и извилистая форма, только два, между Днестром и Дунаем, сохранили постоянное сообщение с морем, именно: Березанский, в небольшом расстоянии к западу от Очакова, и Днепровский. С начала нынешнего столетия протоки, или гирла («гирло»—то же самое слово, что и «горло» у великоруссов) многих других заливов замкнулись. Озеро Тилигул, которое уже в семнадцатом столетии было отделено от моря[2], впоследствии опять сделалось заливом; еще в 1823 году оно было соединено с морем широким устьем, через которое должны были построить мост для почтовой дороги. Точно также два лимана Аджалинские имели протоки, через которые морская вода входила и выходила попеременно, смотря по направлению атмосферных течений. Наконец, хотя лиман Хаджи-Бей, бывший порт литовцев на Черном море, остававшийся еще открытым в конце восемнадцатого столетия, совершенно отделился от одесского рейда в 1823 году, однако и после того два небольшие озера, лежащие на береговом песчаном поясе или пересыпи, еще сообщались свободно с морскими водами. На юго-западе плоский берег, длиною около 50 верст, ограничивающий соляные озера: Бурнас, Алибей, Чаганы, Кундук, прорывается водами только в одном пункте, положение которого меняется, смотря по обилию дождей и силе ветров.

Работы человека способствовали укреплению некоторой части этих естественных плотин и замыканию протоков или гирл, в особенности сооружение каменного вала для защиты шоссе из Николаева в Одессу от морских волн; но напор внутренних вод нигде не восстановил прежних каналов сообщения. Некоторые ученые полагали, что образование этих преград происходит вследствие общего поднятия морского берега; однако, в виду отсутствия точных измерений на каких-либо определенных пунктах прибрежья, было бы бесполезно вдаваться в разбор этой гипотезы, ибо если пресные воды не имеют более силы открыть себе дорогу к морю, то морские волны легко могли воздвигнуть береговой кордон, который ветры впоследствии постепенно подняли, наносом песку, до высоты сажени и даже двух сажен. Там и сям возвышаются дюны или, по-местному, кучугуры, которые морской ветер передвигает с места на место, а иногда гонит даже на возделанные земли, если жители не позаботились оградить растительность от нашествия этих песчаных бугров и если скоту дозволяется свободно бродить по ним.

После засух, поверхность воды в замкнутых бассейнах лиманов бывает ниже уровня Черного моря: тогда они представляют «мертвые моря» в миниатюре. Весной уровень их поднимается, и соленость уменьшается, по причине прилива пресных вод; но во многих отношениях эти заливы все еще походят на море, от которого они недавно отделились. Ночью воды их светятся у берегов фосфорическим блеском; красные солянки (Salsola) и другие солончатые растения растут на окружающих мелях, а на выступивших из-под воды берегах жители собирают соль. Лиман Кундук, на Бессарабском берегу, между устьями Дуная и

1 J. G. Kohl, „Beitrage zur Kenntniss des Inneren Russlands“.

2 Beauplan, „Description de l’Ukraine“.

Днестра, дает каждый год значительное количество соли; в 1826 году, который считается одним из наиболее благоприятных, на трех главных лиманах Бессарабии было добыто 96.000 тонн (600.000 пуд.) соли[3]. Но на западе другие лиманы: Катлабух, Ялпух, Кагул, которые прежде тоже были морскими заливами, давно уже перестали быть солеными бассейнами: вода в них сделалась совершенно пресной. Происхождение этих пресноводных лиманов объясняется тем, что они уже целые тысячелетия отделены от моря постоянно накоплявшимися наносами Дуная, и в этот длинный период могли избавиться мало-по-малу от всех своих соляных частиц; тем не менее, и эти бассейны представляют отрывки моря, так сказать, вкрапленные в земли континента, как насекомые вкраплены в куски окаменелой смолы, называемой янтарем. Лиманы, как соленые, так и пресноводные, принадлежат к одной и той же формации в новейшей геологической истории. И те, и другие равно были заперты двойным «валом Траяна», воздвигнутым римлянами к северу от дельты Дуная.

Некоторые из прибрежных бассейнов соленой воды, как говорят, были прежде настолько глубоки, что по ним могли плавать даже линейные корабли; да и самое название «лиман», означающее по-татарски «гавань», повидимому, указывает на то, что эти бассейны еще в эпоху довольно близкую к нам служили местом убежища судам. В конце восемнадцатого столетия лиман Тилигул имел в некоторых местах от 8 до 9 сажен глубины. Но легко понять, что эти прибрежные озера или лагуны, отделенные от моря и постоянно получающие землистые частицы, которые приносятся ветром и течением впадающих в них ручьев, неизбежно должны в конце-концов обмелеть и засориться. И, действительно, между лиманами Тилигульским и Березанским можно видеть один из этих бывших заливов, из которого вода уже совершенно исчезла: теперь это не более, как солончак, откуда и произошло его татарское название Тузла. Рыбы не могут жить в лиманах по причине частых изменений в степени солености и температуре вод; но там находят кольчатых и кое-каких ракообразных животных, даже некоторые особенные, исключительно им свойственные виды, описанные Нордманом и Мильн-Эдвардсом. Берега этих озер очень нездоровы осенью, так что иногда жители целой деревни заболевают под влиянием ветра, приносящего миазмы; но в других местах грязи лиманов, испещренные бесчисленными водорослями, которые распространяют приятный запах, напоминающий запах фиалок, очень рекомендуются для лечения некоторых болезней: пациенты погружаются в них в те часы, когда эта тина разогрета летним солнцем. Чтобы довести эти целебные грязи до возможно высокой температуры, их защищают от ветра стеклянными стенами, через которые проходят солнечные лучи: в этих клетках грязь достигает иногда 35 и даже 38 градусов стоградусного термометра[1].

Морские берега южной России отличаются замечательной правильностью очертаний. Степь оканчивается на Черном море крутым, обрывистым скатом, окаймленным узким плоским берегом; эти крутизны соединяются одна с другой, при выходе лиманов, косами прямыми или слегка изогнутыми, форма которых указывает точным образом силу волн морской зыби и направление береговых течений. В особенности на юге Днепровского лимана плоские берега развертываются линиями изумительной правильности. От Кинбурнской косы до Длинного острова морской берег, продолжаясь от северо-запада к юго-востоку, оканчивает твердую землю полуострова вогнутой кривой, тогда как напротив, по другую сторону мелководного залива, выступает, в форме крючка удочки, внешний берег Тендерской косы, возвышающейся над поверхностью морских вод на протяжении около 125 верст, от Перекопского залива до Одесского. Рассматривая на карте очертание этих песчаных берегов, воздвигнутых мало-помалу прибоем волн, видишь, так сказать, самое течение, которое следует вдоль берегового пояса суши от востока к западу, затем поворачивает на север и загибается в виде боковой струи, чтобы после того снова продолжать свое движение по направлению к западу и далее к юго-западу до устьев Дуная и к Босфору. Эта Тендерская коса, которая образует как бы двойной берег континента, была по преимуществу «Ахилловым ристалищем»: там, как на

3 I. G. Kohl, „Reisen in Sud-Russland“.

1 Шмидт, „Херсонская губерния“, выше цитированное сочинение.

всех естественных береговых плотинах такого же образования, греческие мореходы нередко воображали себе героя, скачущего в колеснице, запряженной быстроногими конями и обрызганного пеной морских волн. По берегам своего залива, или лимана, Борисфен принадлежал уже к эллинскому миру, слишком за десять столетий до той эпохи, когда область его истоков вышла из мрака неизвестности. В эпические времена беспрестанных войн между казаками и турками эти берега были свидетелями многих ожесточенных битв. Там, близ острова Тендра, останавливались запорожцы, на возвратном пути из своих морских экспедиций; то была первая русская почва, на которую ступали освобожденные из неволи пленники[1]; но там же, по близости, поджидали казаков мусульманские галеры: боевые схватки происходили на мелких водах залива, волна окрашивалась человеческой кровью, и пена проводила красные полосы на желтом песке.

VII. Верхний Днепр, бассейн Припети

Белоруссия, Полесье, Волынь

Почти вся страна, где соединяются первые притоки Днепра, населена теперь белоруссами, потомками древних кривичей смоленских и дреговичей, или «жителей трясин». Они занимают почти все пространство, заключенное между реками Сож на востоке и Припеть на юго-западе, и населяют, кроме того, область водораздельных возвышенностей на севере и западе, с верхними долинами Немана и Западной Двины. Территория их обнимает около 242.000 квадр. верст (275 т. кв. кил.), то-есть поверхность более значительную, чем половина Франции; но это пространство еще слабо населено: белоруссов насчитывается всего только около 3.600.000 душ[2].

Прозвище «белые», которое, впрочем, было применяемо также к жителям Московского государства, в смысле «свободных», в эпоху, когда они освободились от монгольского ига, принадлежит специально верхнеднепровским русским только с конца четырнадцатого столетия. Это наименование, которое поляки употребляли для всех своих литовских владений, завоеванных у москвитян, было впоследствии понимаемо в смысле гораздо более ограниченном: Екатерина II дала название Белоруссии нынешним губерниям Витебской и Могилевской, которые достались России по первому разделу Польши, тогда как император Николай I уничтожил название «белорусских» губерний и запретил употреблять его[3]. Лишенное ныне политического значения, это наименование имеет цену лишь с этнологической точки зрения. Белоруссы, отличаясь по языку как от поляков, так от малороссиян и великороссиян, представляют, однако, поразительные аналогии с теми и другими по нравам и языку; быть может, у них-то исследователи скорее всего найдут черты, которые позволят установить окончательно степени родства между различными народностями восточного славянства[4]. Что касается эпитета «белые», который принадлежит им уже около пяти сот лет, то неизвестно, означало ли первоначально это наименование то, что нация, управляемая в то время государями литовской династии, стала свободна, «обелилась» от господства монголов, или, может быть, в нем нужно видеть намек на цвет их костюма. Эта последняя гипотеза, общепринятая, считается более вероятной на том основании, что так называемые «черноруссы», жители Черной Руси (области между верхней Припетью и Неманом, обнимающей восточные уезды нынешней Гродненской губернии и соседние Минской), которые составляют этнографический переход от малороссов к белоруссам, отличаются от последних именно темными цветами их одежды.

С первого взгляда казалось бы, что центральная часть страны, населенной ныне белорус-

1 Антонович и Драгоманов, „Исторические песни малорусского народа“, I.

2 По Риттиху, число белоруссов в 1878 г. простиралось до 5.594.000 душ. *Ред.*

3 „Города Российской Империи”; III, Могилев. Издание министерства внутренних дел.

4 Драгоманов, „Рукописные заметки”.

сами, должна была получить огромную важность в истории континента. В самом деле, здесь, между верхними притоками Немана и верхними притоками Днепра, проходит кратчайшая дорога между морями Черным и Балтийским: нужно было бы ожидать, что большая торговая дорога пересечет в этом месте пути странствования народов, переселявшихся с востока на запад, или шедших в обратном направлении. Но эта область, столь привилегированная по своему географическому положению, была некогда защищена многочисленными болотами, озерами, наполовину затопленными лесами: в этой-то стране грязь была «пятой стихией», по выражению Наполеона I. Вероятно, Белая Русь в древности была совершенно необитаема: большие исторические пути проходили вправо и влево от этих болотистых, залитых водою земель, с одной стороны—через Ловать и Волхов, с другой—через Буг Западный и Южный, или через Днестр и Вислу. Этнографическая граница во многих местах обозначена болотами: там, где начинаются болотистые пространства, останавливаются поселения великоруссов и литовцев, чтобы уступить место земноводной народности—белоруссам; однако, малоруссы проникли далеко в глубь болот с южной стороны. Когда белоруссы поселились в болотистых пустынях Припети и Березины, они не имели перед собой других врагов, кроме самой природы, но эта борьба с природой была тяжела, и мы знаем, что она продолжается поныне.

Могильные курганы и укрепленные становища или городища, чрезвычайно многочисленны в Белоруссии, вдоль Днепра и на естественных путях перехода, ведущих к Балтийскому морю. В одном только Бобруйском уезде, Минской губернии, насчитали 3.931 древнюю могилу; а во всей губернии, их наберется до 15.000 и более 200 укрепленных становищ[1]. Различные предметы, найденные при раскопках, свидетельствуют о древности этих могил, и даже утверждали—кажется, ошибочно—будто был открыт один памятник прохождения древних финикиян через эти места. На юго-запад от Смоленска, по направлению к Могилеву, возвышался каменный бугор, который местные крестьяне частию разрушили, извлекая камень для хозяйственных надобностей. Эта горка, сплошь состоящая из сложенных эрратических валунов, оканчивалась на верху камнем более значительных размеров, чем другие, на котором чересчур усердные археологи усмотрели финикийскую надпись в честь бога Ваала[2]. Что касается туземцев, то они не забираются так далеко в глубь прошедших времен; по их словам, городища были еще обитаемы в семнадцатом столетии, и были покинуты только во время страшных войн между поляками и Москвою, которые опустошили тогда эту область.

К какой бы эпохе ни относилось сооружение могильных курганов и городищ Белоруссии, несомненно то, что большая часть этой страны была слишком мало доступна, чтобы могла быть обитаема в давния времена. Полагают, что славянская колонизация распространялась постепенно вверх по Днепру и его притокам, и географические имена подтверждают эту гипотезу. Можно проследить, в направлении с юга на север, следы славянских поселенцев по наименованиям рек, которые они должны были переходить, по именам деревень, которые были ими основаны. Так, они дали Десне название «Правой» (хотя эта река—левый приток Днепра), потому что она находилась по правую руку на пути их переселения; точно также некоторые реки, впадающие в Днепр с правой стороны, получили от них наименование Шуи или Шуйки, то-есть «Левой». Кроме того, в их стране встречается множество названий мест, как например: Залучье (т. е. местность за лукой реки), Заузье (за узким проходом), Заозерье (за озером), Забужье (за р. Бугом), Заплавье (за потоками), Заполок (за нагорьем), Заболотье (за болотами); названия эти также указывают направление, по которому совершалось колонизационное движение[3]. Но в то же время белоруссы имеют слишком большое сходство со своими западными соседями, поляками, чтобы не существовало также колонизационного движения, направлявшагося с запада на восток: хроника Нестора даже сохранила нам предание об этом движении населения в бассейн верхнего Днепра; потоки

1 Максимов, „Древняя и Новая Россия" за 1876 г., №7.

2 H. Wankel, „Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien", VI, №5.

3 Максимов, выше цитированное сочинение.

колонизации должны были встречаться в этих необитаемых областях, за исключением, может быть, верхнего бассейна Западной Двины, где жили латышские племена. Между деревнями есть много таких, название которых доказывает, что они первоначально служили местопребыванием только одной семье: в огромном пространстве каждая группа могла выбрать себе для жительства особенный холм, особенную гряду эрратических камней, или островную скалу. При том ни одного финского имени, которых так много существует на востоке и на севере от Белоруссии, не встречается между названиями мест этого края. Из этого факта заключают, что белоруссы истинные «аборигены» страны, и это одна из причин, которые придают такой интерес нравам этого народа и его преданиям, сохранившимся до наших дней.

Следы культа вод еще многочисленны в белорусском крае; некоторые ключи до сих пор посещаются поклонниками, которые приходят просить у них здоровья, бросая копейки на дно родника. Деревья, особенно сосны и березы, все еще почитаются белоруссами; в честь их совершаются даже празднества, которыми руководит самая молодая из местных девушек. Щепки, оторванные от дерева громом, тщательно хранятся в жилищах, как талисманы; когда крестьяне переселяются из одного дома в другой, они всегда переносят на новый очаг головни со старого пепелища. Белоруссы не забывают своих покойников и справляют по ним поминки[1]; они даже носят яства на могилки и на развалины разрушенных церквей[2]. В то время, как держались языческие суеверия, еще неосвященные обрядами христианской церкви,—рутина земледелия, совершенно первобытного, не могла измениться. Хлеб, бросаемый в землю, родится средним числом не более сам-третей, и нельзя достаточно надивиться безропотной покорности судьбе, обнаруживаемой белорусским крестьянином; ему угрожает голод, и он, несмотря на то, зарывает в землю свои последние остатки пропитания, повторяя поговорку: «жди смерти, но сей свое зерно!», и заклиная бога холода (Мороз) какими-нибудь приношениями: «приходи, ешь, только не трогай наших хлебов»[3]. Употребляемый в Белоруссии способ молотьбы, вероятно, единственный в Европе: молодая девушка держит в одной руке пук сжатого хлеба, а другой выбивает колосья над выдолбленным бревном или колодой, потом подбирает зерно, рассыпавшееся по земле. Понятно, как часты должны быть неурожаи и голодовки, как велика должна быть бедность в этом крае! Белорусские хаты, которые по большей части сгруппированы не в деревни, а в маленькие поселки, почти всегда в таком же жалком, полуразвалившемся виде, так же невзрачны и лишены всяких украшений, как самые убогия избушки в лесах по берегам Белого моря; свиньи занимают в них почетное место, как в ирландских лачугах. Крестьяне отдают своих детей из-за одного только хлеба в услужение к шляхтичам или мелкопоместным землевладельцам. Истощенные крайней бедностью, ослабленные, сверх того, нездоровым климатом, белоруссы часто подвержены болезням; процент немощных весьма значителен между ними; они почти всегда стареются раньше времени; тем не менее тип их едва-ли не самый правильный из всех типов русского населения. Домашний скот их от плохого корма и ухода выродился, сделался слабосильным; исчисляют, что белорусская рабочая лошадь может везти не более 10 пудов. Видя общую бедность белоруссов, можно ли удивляться тому, что они имеют вялый и унылый вид, что они беспечны, скупы, негостеприимны?! Но в семье они очень нежны и ласковы; деспотизм отца проявляется у них в меньшей степени, чем в Великороссии. Песни белоруссов изобилуют выражениями нежности[4]. В свадебных песнях, которые у белоруссов так же многочисленны, как и у их соседей, великороссиян и малороссиян, встречаются обрядовые формулы, доказывающие, что в старину брак совершался путем похищения или выкупа невесты, но теперь это не более как слова, давно утратившие смысл или в которых нужно видеть простую шутку. Ни в одной из белорусских свадебных песен невеста не испы-

1 Мицкевич, поэма „Dziady".
2 Киркор, „Этнографический сборник", III; Носович, „Народные песни Белоруссии".
3 Соловьев, „История России", т. I.
4 Шеин, „Белорусские песни"

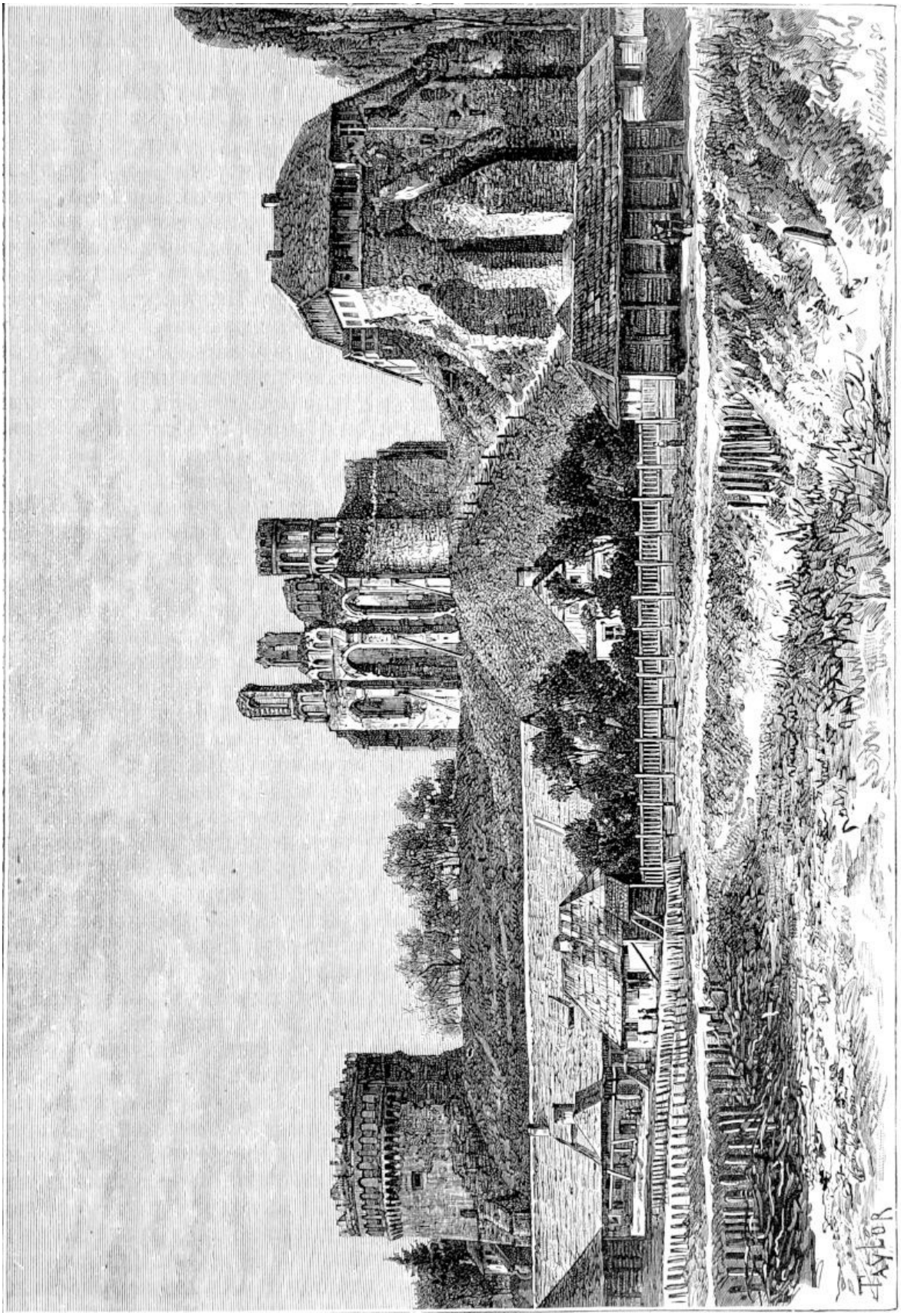
тывает страха великорусской девушки, отдаваемой государем-батюшкой и государыней матушкой чужому, о котором она никогда не думала; а когда произносят старинные формулы о плетке, переходящей из рук отца в руки мужа, белорусский свадебный хор отвечает насмешливой песней. Видно, что свободный выбор составляет довольно частое явление у белоруссов и что приданое, приносимое невестой, не играет большой роли у этих бедняков. «Не бери в жены ту, которая покрыта золотом, говорит хор,—бери ту, которая богата умом-разумом!» Народная поэзия белоруссов, еще очень мало изученная, как кажется, представляет в целом отличительные черты поэзии народа наивного, целомудренного, простосердечного, добродушного, но павшего материально, обездоленного: в период с четырнадцатого столетия по шестнадцатое он имел цветущие города, производившие обширную торговлю с Ригой и с другими балтийскими портами, и принимал значительное участие в реформационном движении. Белорусский народ видел на своем веку лучшие дни. Идеи независимости не чужды ему, если судить по выражениям враждебного чувства к панам, которые встречаются в его песнях; человек, всего более возбуждающий удивление белоруса,—это вольный казак. Оттого-то более трети белорусских песен заимствованы у малороссиян, и только небольшое число их перешло из Великороссии, с которою, однако, всего чаще бывал обмен колонизации.

Белоруссы долгое время были крепостными на землях крупных помещиков и, естественно, должны были усвоить пороки, которые всегда прививаются рабством. Польский феодализм давил их тяжелым гнетом, и на их территории бывали самые страшные резни и опустошения всякого рода; в эпоху войн семнадцатого столетия, казаки, москвитяне и русские проходили поочередно разрушителями по краю, выжигали каждый раз деревни и посевы, грабя и разоряя замки и монастыри. Это было время всеобщего разрушения, «руины»,—слово латинское, которое перешло в язык поляков и западных русских и которое теперь еще все повторяют с ужасом. Истребленные огнем селения скоро вновь отстраивались; но они—такия же убогия и неприглядные, какими были до пожаров; города, соединенные отныне один с другим удобными путями сообщения, обогащаемые торговлей и промышленностью, опять сделались многолюдными; на главных улицах их, в центральных кварталах, там и сям высятся, среди деревянных домиков, большие каменные здания; но большая часть старых замков и других обширных строений, которые служили коллегиями и академиями иезуитов и других манашеских орденов, остались в развалинах, украшая окружающую местность своими живописными обломками. Во время совершавшихся в ту эпоху политических и социальных перемен евреи успели сделаться единственными посредниками торгового обмена: можно сказать, что сошедшее с прежней дороги расшатанное общество снова пошло по жизненному пути при их посредстве и к их личной выгоде. Таков был, со времен «руины», капитальный факт истории Белоруссии. В течение нынешнего столетия большое число прежних польских землевладельцев было лишено их имений и заменено русскими помещиками; крепостная зависимость, барщина, уступила место вольному труду, с обязательством выкупа земель; но переворот в этом отношении далеко еще нельзя назвать полным. Крупная земельная собственность все еще более значительна в этом крае, чем во всех губерниях центральной России (средняя величина дворянских имений в Минской губернии 2.356, в Волынской 1.595, в Могилевской 1.142 десятины); помещики во всех западных губерниях владеют 63 процентами пахатных земель[1], тогда как тысячи семей хлебопашцев не получили земли, или получили участки слишком маленькие или слишком бесплодные для своего прокормления. Можно сказать, что в среднем выводе наделы, доставшиеся крестьянам, достаточны только для того, чтобы доставить им строго необходимое пропитание; деньги же, потребные для удовлетворения других их нужд, могут быть приобретаемы не иначе, как работой, плохо оплачиваемой, на землях помещиков[2]. Евреи по-прежнему остаются услужливыми заимодавцами всех и каждого, господ и освобожденных крепостных, горожан и поселян, и уже во

1 Князь Васильчиков, „Землевладение и земледелие“.

2 Янсон, „Опыт стат. исследований о крест. наделах и платежах“.

многих местностях вся земля перешла в их руки. Как граборы или землекопы, для рытья канав и для земляных работ на железных дорогах, белоруссы играют в России ту же роль, как ирландцы в Англии. Каждый год массы их покидают свой родной край и уходят в разные



Развалины замка въ Острогѣ.

места России наниматься на тяжелый труд; никакой рабочий другой национальности не мог бы довольствоваться тем харчем и кровом, какие дают им подрядчики. Можно сказать, вместе с Некрасовым, что русские железные дороги обложены костями белоруссов.

Самый высокий город Днепровского бассейна—Вязьма, лежащая на высоте 835 футов, при реке того же имени, которая течет на северо-запад в Днепр, представляющий на этом месте еще незначительную реку. Этот старинный город, упоминаемый в летописях с первых времен русской истории, ныне лучший из уездных городов Смоленской губернии, производит деятельную торговлю, благодаря своему положению в месте соединения дорог; но он очень часто был также местом встречи для воюющих армий, и в 1812 г., вследствие происходившей здесь битвы между французами и русскими, почти весь город сделался жертвой пламени: из древних башен его уцелела только одна. Дорогобуж, на юго-западе, стоящий на излучине Днепра, имеет менее оживленный вид, нежели Вязьма; однако, и он ведет значительную торговлю земледельческими продуктами. Эти два города, принадлежащие еще к Великороссии, находятся уже почти на этнографической границе.

Смоленск, губернский город, занимает обширное пространство, на обоих берегах Днепра, в месте пересечения многих дорог и двух железнодорожных линий, идущих из Риги к Орлу и из Варшавы к Москве. Это—один из жизненных центров для торговли Империи и вместе с тем один из ея важнейших стратегических пунктов. Смоленск[1], один из древнейших городов русских (летопись Нестора упоминает о нем уже в девятом столетии, как о могущественном городе), был столицей кривичей и долгое время пользовался независимостью de facto, или, по крайней мере, зависел от Литвы только в силу феодального права; говорят, что в четырнадцатом столетии число жителей его доходило до 100.000,—и действительно, в старину это был очень многолюдный город, судя по тому, что однажды от чумы в нем погибло около 32.000 человек[2]. Крепость такой первостепенной важности, стоявшая на рубеже между Московским царством и Литвой, не могла, конечно, избегнуть войн и осад (особенно памятна двадцатимесячная осада польским королем Сигизмундом в 1609—1611 гг.), и даже в нынешнем столетии Смоленск был испепелен в 1812 году, во время битвы 5 августа, открывшей «великой армии» дорогу к Москве. Однако, город и теперь сохранил еще многие остатки своих прежних укреплений[3].

Орша, первый сколько-нибудь значительный город, который мы встречаем на Днепре ниже Смоленска, построен при впадении р. Оршицы; это—последняя пристань пароходов, поднимающихся вверх по Днепру в период половодья; он ведет довольно значительную торговлю, благодаря своему положению на одном из больших колен реки, в месте, где отделяется к северу дорога, ведущая в Витебск и в бассейн Западной Двины. Ниже по Днепру находим г. Шклов, с пристанью, где выгружается почти весь хлебный товар, отправляемый вверх по этой реке. Однако, главным складочным местом для произведений этой страны служит Могилов-Губернский или Могилев-на-Днепре, главный город губернии того же имени. Гораздо менее древний, чем Смоленск, так как имя его упоминается в первый раз в четырнадцатом веке, этот город, построенный, без сомнения, около каких-нибудь древних могил, откуда и произошло его название, испытал много бед и напастей во время войн семнадцатого столетия, а 1661-й год ознаменован в его истории кровавой резней, своего рода «сицилийской вечерней», когда был истреблен весь московский гарнизон, состоявший из 7.000 человек; но в 1706 г. москвитяне, с помощью калмыков, отмстили за эту резню, совершенно разрушив город. В настоящее время Могилев превосходит соседний губернский город как числом жителей, так и размерами торговой и промышленной деятельности; правда, две трети его населения состоят из евреев. Главный местный промысел—кожевенное производство: более сотни кожевенных заводов, на которых заняты около тысячи рабочих, выделывают кожи, отправляемые преимущественно в Польшу и в нижне-днепровские города. Могилев славится также своим огородничеством и садоводством; переселившихся могилевских ого-

1 Название свое Смоленск получил от „смолы", которую в изобилии гнали в окрестных лесах, а на месте Смоленска была главная пристань, откуда по Днепру сплавляли смолу на продажу. *Пер.*

2 Бережков, „О торговле Руси с Ганзой до конца пятнадцатого столетия". Спб., 1879. 8°.

3 Городские стены, построенные при Борисе Годунове, тянутся на пять верст в окружности, с 36 башнями, бойницами, зубцами, вышиною в 7, толщиною в $2^1/_2$ сажени. Теперь эти стены полуразрушены, и из 36 башен уцелело только 17. *Пер.*

родников можно встретить во многих городах России. На северо-востоке от Могилева, в Оршанском уезде, находится местечко Горки, прежде игравшее важную роль между русскими городами, благодаря существовавшему в нем сельско-хозяйственному институту, который в 1863 г. был переведен в Петербург, где из него образовался нынешний Лесной (прежде Земледельческий) институт. Ниже Могилева по течению Днепра встречаем Старый Быхов, прежде укрепленный город, который оспаривали друг у друга поляки, украинцы, великоруссы; далее следует Рогачев, окруженный многочисленными древними могилами. В этом последнем городе останавливается большая часть плотов леса, сплавляемых вниз по реке.

Березина, впадающая в Днепр верстах в ста ниже Рогачева и соединенная посредством Березинского канала с р. Уллой, притоком Западной Двины, заключает только три города в своем обширном бассейне, большую часть которого еще занимают леса и болота. Губернский город Минск, на р. Свислоч, притоке Березины, и в соседстве с озером, был первоначально построен на холме, откуда разростающийся город мало-по-малу спустился под гору. Он был главным местом одного из самых могущественных княжеств в земле кривичей; имя его часто упоминается в истории войн между поляками, литовцами, русскими и татарами; в одном из его кварталов и теперь живет более 500 татар, потомков татарских пленников, приведенных из Крыма. Минск—самая важная по торговле станция на железной дороге между Брестом и Смоленском, которая проходит также через уездный город Борисов, стоящий на Березине. Верстах в двадцати выше Борисова, у деревни Студянки, происходила, в ноябре 1812 года, гибельная переправа французов через Березину,—самый страшный эпизод злополучного отступления армии Наполеона от Москвы: много лет после того можно было видеть в тине, на берегах реки, обломки оружия и остатки фургонов. Бобруйск, крепость, на которую тогда опиралась русская армия, получила с той поры большую стратегическую важность, и французы тщетно пытались овладеть ею; в настоящее время это—одна из первоклассных крепостей России. Город, производящий обширную торговлю, расположен на «высоком», т. е. на правом берегу Березины, при впадении в нее Бобруйки, или «реки бобров»; почти вся его торговая деятельность сосредоточена в руках евреев, которые составляют половину его населения.

Ниже небольшого городка Речицы, река Сож, восточный приток, приносит Днепру излишния воды части губерний Могилевской, Смоленской, Черниговской. Рославль, на одном из верхних притоков реки Сож, ведет торговлю пенькой и хлебом; Мстиславль, при другой маленькой реке, впадающей в Сож, тоже отправляет в Ригу пеньку и муку, но он известен в особенности как бывший главный город княжества, обнимавшего почти всю восточную часть нынешней Могилевской губернии, и которое сохраняло отдельное существование даже после присоединения Литвы к Польше, с конца четырнадцатого до половины семнадцатого столетия. Чаусы, уездный город Могилевской губернии, находится, в том же бассейне, в соседстве с Могилевом; но лучший и самый важный из уездных городов этой губернии—Гомель, лежащий ниже всех притоков Сожи и составляющий один город со своим предместьем Белицей, построенным на левом берегу реки. Как пристань, Гомель уступает по торговой деятельности только губернскому городу. Вся земля, занимаемая Гомелем, и вся окрестная местность принадлежит одному русскому князю, который вместе с тем пользовался некоторыми значительными привилегиями феодального происхождения, между прочим, правом «пропинации», т. е. продажи водки; все питейные заведения принадлежали князю, владевшему в то же время большим сахарным заводом[1]. В Гомеле же строятся самые большие суда, ходящие по Днепру.

Река Ипуть, впадающая в Сож близ Гомеля, орошает равнины, окружающие два уездные города Черниговской губернии, Мглин и Ново-Зыбков. Последний из этих городов был основан в начале восемнадцатого столетия бежавшими из Московского государства раскольниками, которые образовали также много других колоний, известных под общим именем «Стародубье», но получивших от самих же раскольников странное название «малороссий-

1 Ныне закрытым. *Ред.*

ской Азии». Город Ветка, построенный на острове реки Сож, выше Гомеля, и находившийся в то время за польской границей, сделался главным центром одной из групп сектантов, отделившихся от первых колоний Стародубья, и недовольные нововведениями эмигрировали туда из Московского государства в большом числе. В 1735 году русское правительство выхлопотало у Польши дозволение ввести войска в веткинский повет, где и забрало около 40.000 старообрядцев, которые частию было отданы в солдаты, частию сосланы в Сибирь на поселение; в 1764 году второе московское нашествие окончилось захватом 20.000 других раскольников. Напротив того, стародубские выходцы, более покорные, сохранили некоторые привилегии в награду за услуги, оказанные против Карла XII и Мазепы. В настоящее время их насчитывается свыше 60.000 душ; в посаде Клинцы и его предместьи Ардове, лежащих на северо-востоке от Ново-Зыбкова, они имеют около 120 фабрик и заводов, преимущественно суконных, шерстяных, кожевенных; их странствующие торговцы (коробейники) ходят по всему югу России, пробираются даже в Бессарабию и за Дон, на Кавказ.

Пинск, который, без сомнения, сделается со временем важным городом, когда будут осушены болота по Припети, и теперь уже довольно многолюден, по крайней мере в период перевозки товаров по воде, так как он составляет центр транзитного судоходства, с одной стороны—с Припетью и Днепром, с другой—с Польшей и Германией, посредством Днепровско-Бугского канала, с Неманом и Балтийским морем,—посредством канала Огинского. Слуцк, древняя столица дреговичей или «жителей трясин», стоит на реке Случ, притоке Березины; он также ведет некоторую торговлю, благодаря евреям, которые составляют почти единственное население этого города и у которых почти все окрестные крестьяне в долгу. Город Туров, на Припети, ниже впадения в нее р. Случи, был прежде, для всей страны болот, тем же, чем в наши дни сделался Пинск. Мозырь, на нижнем течении Припети, тоже принадлежит к числу старинных городов края.

Реки Припеть и Ясельда образуют этнографическую границу между белорусским и малорусским населением. Почти все города Волыни находятся в бассейне Припети, на её южных притоках, но уже совершенно за пределами Белоруссии: они лежат среди малорусской территории. То же самое нужно сказать о древнем городе Владимире-Волынском, который построен на реке Луг, одном из притоков верхнего течения Южного Буга. Упоминаемый уже в летописи преподобного Нестора, Владимир-Волынский был одним из первых центров славянской державы, но впоследствии он был неоднократно разоряем,—сначала монголами, потом ногайскими татарами и казаками, так что в конце прошлого столетия он пришел в сильный упадок; в настоящее время он опять немного поднялся, и евреи, составляющие большую часть его населения, ведут с соседней Галицией деятельную торговлю, гораздо более деятельную, чем показывают таможенные реестры. Кременец, на юго-восток от Владимира-Волынского, расположенный в возвышенной долине, воды которой текут через реки Икву и Стырь в Припеть, походит на Владимир-Волынский по своей истории. Основание его также относится к первым временам истории страны, и живописные развалины его замка, возвышающиеся на вершине песчаниковой скалы с крутыми стенами, повествуют о многих военных событиях. Батый безуспешно осаждал его, но казаки овладели им в 1648 году, и с той поры он утратил всю свою важность; в нынешнем столетии, с 1805 по 1832 год, этот город был центром высшего образования в Западной Украйне, благодаря существовавшему в нем польскому лицею, который перевели после революции в Киев, где из него образовался нынешний университет св. Владимира. В настоящее время Кременец отличается только своей торговой деятельностью, в которой евреи также принимают большое участие. Город Дубно, лежащий ниже, на полуострове, который почти совершенно окружен течением р. Иквы, и при входе в живописное ущелье цепи холмов, почти сплошь населен сынами Израиля. Последние также очень многочисленны и в Луцке, построенном при реке Стырь, почти на полдороге из Владимира-Волынского в Кременец; этот прежде укрепленный город тоже был столицей могущественного княжества; в 1429 году здесь происходил конгресс государей восточной Европы, а в первой половине шестнадцатого столетия Луцк был одним из главных городов славянского Востока. Луцк остался в стороне от железной дороги из Бреста в Бер-

дичев, которая прошла через другие менее важные города, каковы Ковель и Ровно. В Кременецком уезде находится старинный и знаменитый православный монастырь—Почаевская лавра, куда стекается множество богомольцев; в 1675 году монастырь этот выдержал турецкую осаду. Ныне Почаев служит складочным местом контрабандной торговли. В этом отношении он, однако, уступает Радзивилову—первоклассной таможне на австрийской границе, напротив галицийского города Броды.

Два города, почти совершенно еврейские, Заславль и Острог, построены в верхней долине реки Горынь, которая соединяется с Припетью ниже Пинска. Подобно Владимиру-Волынскому, Луцку, Кремонцу, Острог—город исторический, бывший некогда столицей независимого княжества (Острожского) и имевший свои дни военной славы; кроме того, ему принадлежит честь быть одним из первых городов восточно-славянского мира, воспользовавшихся искусством книгопечатания; с 1581 г. здесь начали печатать первое полное издание Священного Писания на церковно-славянском языке. В ту эпоху Острог имел первую малороссийскую академию, которая впоследствии была заменена польской иезуитской коллегией. Многочисленные развалины и остатки крепкого замка доныне напоминают о былом величии Острога. Город Старо-Константинов, стоящий на р. Случ, в соседстве с австрийской границей, был основан в шестнадцатом столетии одним острожским князем, который и дал ему свое имя. Населенный почти исключительно евреями, этот город ведет довольно большую торговлю хлебом с Галицией и Одессой, лошадьми, баранами, свиньями—с Австрией и Пруссией; в то же время он служит складочным местом соли для соседних уездов.

Из волынских городов, кроме сейчас названных, к бассейну Припети принадлежат еще следующие два: Новоград-Волынский (в старину Звягель), на р. Случ, и Овруч, на р. Норыне. Оба эти города богаты болотной железной рудой и фарфоровой глиной, которые, впрочем, мало разработываются, и в обоих еврейский элемент превосходит численностью христианское население. Местность, где находятся эти два города, не принадлежит к исторической Волыни, хотя ныне она включена в состав Волынской губернии: это была Древлянская земля, сделавшаяся впоследствии частью Украйны, и границей которой служила река Случ. Деревня Икорость, при р. Уж, стоит на месте древнего Коростеня, или Искоростеня, столицы древлян, прославившейся в летописях убийством князя Игоря и жестоким мщением вдовы его, св. Ольги.

Значительнейшие города верхне-днепровского бассейна:

В Смоленской губернии (по переписи 1897 г.): Смоленск—45.564 жит.; Бельск—6.936; Вязьма—15.206; Гжатск—6.243; Дорогобуж—7.002; Рославль—17.431; Поречье—5.593 жителя.

В Могилевской губернии: Могилев (1897 г.)—43.106 жит.; Гомель (1897 г.)—41.231; Мстиславль—8.796; Орша—6.426; Старый Выхов—5.683; Горки—6.585; Быхов—6.797; Рогачев—8.080; Чаусы—5.888 жит.

В Минской губернии: Минск (1897 г.)—97.113 жит.; Бобруйск—34.820; Пинск—27.691; Слуцк—17.832; Борисов—18.707; Мозырь—9.869; Новогрудок—12.688; Речица—8.373 жителя.

В Черниговской губернии: Ново-Зыбков—15.122 жит.; Мелин—7.403 жит.

В Волынской губернии: Старо-Константинов—20.228 жит.; Луцк—15.217; Кременец—12.401; Новоград-Волынский—14.853; Дубно—8.688; Острог—17.229; Заславль—11.454; Ровно—8.930; Владимир-Волынский—8.541; Ковель—15.492; Овруч—9.273 жит.

VIII. Средний Днепр, нижний Днепр, Южный Буг и Днестр

Украйна, Новороссийский край

В России этнографические области не совпадают с границами гидрографических бассей-

нов и еще гораздо менее—с границами губерний, начертанными часто на-угад, без соображения с естественными условиями, или с намерением парализовать национальное сродство. Так, если мы возьмем малороссов, подвластных русской державе, то оказывается, что область их расселения далеко не ограничивается одним только бассейном Днепра,—они проникают на запад в бассейн Вислы и переходят за Буг, а на востоке занимают значительную часть Донецкого бассейна; они перешли даже за верхний Дон, а по ту сторону Азовского моря распространились до Кубани и на Кавказе. С другой стороны, великоруссы утвердились на верхнем течении почти всех восточных притоков Днепра, а румыны перешли за низовье Днестра. Таким образом, этим двум большим потокам, Днепру и Днестру, только в общем смысле может быть присвоено название малороссийских рек.

Наименования—Малая Русь или Малороссия, Украйна, Рутения—имеют чисто условное значение, постоянно менявшееся соответственно историческим превратностям и даже сообразно административным делениям. Ни одно из этих географических названий не относится точным образом к странам, населенным малорусским племенем, ибо эта народность, сгруппированная первоначально в изменчивую конфедерацию, никогда не имела политического единства; даже не считая закарпатских руссинов, живущих в пределах Венгерского королевства, другие малороссы оставались, начиная с четырнадцатого столетия, долгое время разделенными между двумя государствами, Польшей и Литвой. Малороссы центральной области, по берегам Днепра, едва только успели, в семнадцатом веке, завоевать себе некоторую автономию, в форме казацкой вольной общины, как вскоре утратили свою самостоятельность, отдавшись под покровительство Московского царства, сделавшагося, благодаря своим обширным размерам, Россией по преимуществу. Что касается населения древнейшей России, то-есть Киевской Руси, то оно известно под своим старинным наименованием—русинов или русняков—только на западных его границах, там, где этнографические различия еще более усиливались различием религиозных верований. Когда имя Малой России в первый раз появилось в византийских хрониках в конце тринадцатого столетия, оно применялось к Галиции и Волыни; затем оно сделалось наименованием страны по среднему Днепру, или Киевской области, отличаемой таким образом от великого княжества Московского, в столице которого, Москве, имел пребывание первосвятитель русской церкви—митрополит, перенесший туда свой престол в XIV веке. Точно также название Украйны, то-есть «окраины» или «пограничной области», соответствующее западно-европейским «мархиям» или «маркам», не переставало перемещаться, сообразно всем изменениям границ. Сначала его употребляли для обозначения Подолии, в отличие её от Галицкой Руси, которой она принадлежала; потом, когда бассейн Днепра перешел под владычество Литвы, имя Украйны было присвоено её южным провинциям, между Днепром и Бугом. В Польском государстве Украйной называлась преимущественно страна малороссийских казаков. Но и Великая Россия тоже имела свои пограничные области, свои окраины или «украйны», в одной из которых образовались, в семнадцатом столетии, малорусские вольные поселения, или слободы (так называемая «Слободская Украйна»), разделенные ныне между губерниями Харьковской, Курской и Воронежской. Как только известная область заселялась, как только в ней появлялись города, и жители устраивались мирными, хотя уже менее самостоятельными общинами, эта область переставала быть «украйной»; но везде, где поселялся малоросс относительно вольный, он приносил с собой и название «украйны» для земли, по которой бродил.

Малороссы, или малороссияне, сливаются нечувствительными переходами с белоруссами на севере, а по ту сторону Карпатских гор—со словаками; но они ясно отличаются от поляков на западе и от великороссиян на востоке; смешения очень редки между малороссами и великороссами. Даже с физической точки зрения эти две народности резко различаются между собой. У малороссиян—голова вообще более широкая и более короткая, чем у великороссов, а задняя часть черепа у них более плоская (средний указатель черепа у галицийских малороссов, по Маеру и Коперницкому, 84,3)[1]; они очень короткоголовы (брахицефа-

1 Антропологический Сборник, издаваемый Краковской академией (на польском языке).

лы). Около половины из них имеют темнорусые волосы и карие глаза; вообще говоря, малороссы—народ рослый (средний рост галицийских малороссов, по Маеру и Коперницкому, 164 сантим., $5^1/_2$ фут.), как показывают статистические данные относительно новобранцев; преимущественно из них набирают гренадеров, вследствие их высокого роста и статного вида, а также кавалеристов—вследствие длинноты их ног; но вообще они не имеют столько мускульной силы, как великороссы; дифтерит, эндемическая болезнь в крае, делает большие опустошения между детьми. В некоторых уездах, где малороссы и великороссы живут в непосредственном соседстве друг с другом, без промежуточного населения, можно явственно заметить физическое превосходство первых в отношении роста и красивой наружности. Малороссийские женщины отличаются грациозной поступью, ласковым взглядом, приятным голосом; у них также и более красивый костюм, похожий на одежду румынок, валахских и трансильванских. Вышивки красными и синими нитками, украшающие рубашку, юбку, передник разными фигурами: косоугольниками и крестами, треугольниками, шашешницами и ветками, сочетаются самым удачным образом, правда, по стародавним правилам, но с некоторой свободой, всегда позволяющей располагать украшения так, чтобы они гармонировали с турнюрой и чертами лица данной особы[1]. Наконец, малороссиянки держат свои хаты в гораздо большем порядке, в большей чистоте и опрятности, чем великорусские женщины, как ни скромны эти жилища,—мазанки из глины, крытые соломой и выбеленные известкой. Национальное блюдо малороссов—борщ[2].

Было бы слишком смело произносить какое-либо общее суждение о целых народностях, так как смешения славян, как между собою, так и с первобытными населениями, произвели значительное разнообразие типов; но в целом, повидимому, можно указать ту разницу, что малоруссы превосходят великоруссов природным умом, насмешливостью, иронией, природным вкусом, воображением живым и в то же время сдержанным; они не впадают в преувеличения, какие встречаются в произведениях народной поэзии великорусской или финской[3]; но зато они не обладают практическим смыслом великорусса; они менее солидарны между собою, и хотя более даровиты, но менее энергичны. Будучи исконными соперниками, малоруссы и великоруссы награждают друг друга насмешливыми прозвищами: великорусс дал украинцу кличку хохол, вследствие пучка волос или чуба (оселедец), который тот прежде отращивал на макушке и закладывал за ухо; в свою очередь малоросс прозвал великоросса, или «москаля», кацапом, то-есть козлом, вследствие длинной бороды, которою он любит похвастать. Конечно, прозвища эти основаны только на наружных отличиях; но под этими странными названиями русские двух национальностей представляют себе также контраст, существующий между народными характерами и нравами.

Переходя к вопросу о родословной украинского народа, заметим, что при настоящем состоянии знаний возможны только более или менее вероятные гипотезы относительно степени родства или преемственности, прямой или косвенной, которая связывает малороссов с древними обитателями, следы пребывания которых найдены, в Полтавской губернии, в виде оружия и орудий из кости и кремня, рядом с костями мамонтов и с раковинами ледяного периода. Могилы каменного века, отрытые в окрестностях города Острога в Волыни, заключают в себе человеческие скелеты, совершенно непохожие на скелеты славянского племени, от которых они отличаются в особенности очень длинной и узкой головой, а также берцовыми костями, сплющенными и изогнутыми в форме сабельного клинка: эта первобытная раса, повидимому, довольно близко подходит к той, которая жила на западе Европы в эпоху дольменов[4]. Но за этими первыми, древнейшими могилами следовали бесчисленные курганы, рассеянные по всей стране. Уже тысячи этих могильных насыпей исчезли: одни из них—в городах и деревнях послужили материалом при возведении больших построек или укрепле-

1 Ольга Косачева, „Украинский народный орнамент", Киев, 1876 г.
2 С. Подолинский, „Societe Languedocienne", t. IV, 1881.
3 Белинский, „Русская народная поэзия"
4 Антропологический Сборник Краковской академии, I (на польском языке).

ний; другие, на полях, были употреблены для улучшения почвы на окрестных землях; некоторые, имевшие небольшие размеры, были сравнены плугом; тем не менее во многих местах, особенно на водораздельных высотах между реками, они и теперь еще настолько многочисленны, что составляют, так сказать, господствующую черту края, ибо для сооружения этих курганов обыкновенно выбирали местоположения видимые издалека—высокие, крутые берега рек, вершины естественных горок, мысы, далеко выдвинувшиеся в море. Однако, долина Днестра составляет исключение в этом отношении: мы видим там длинные ряды искусственных бугров, расположенные именно у подножья высоких берегов[1]. Самые замечательные из могильных курганов находятся в области, соседней с Днепровскими порогами, особенно к западу от них: это—могилы «царственных скифов», погребальные обряды которых

Малороссійскій типъ. Крестьянинъ деревни Пановцы, Подольской губ.

описаны Геродотом; все эти курганы имеют с северной стороны более крутой скат, чем с других сторон, и многие из них обложены плитами; между ними встречаются даже такие, которые соединены один с другим аллеями из сложенных камней, материал для которых нужно было привозить из очень отдаленных мест. Встречаются могилы (как, например, курган близ Хвостова, в Киевской губернии), которые имеют около 90 сажен в окружности и высятся среди других меньших горок, словно цари, окруженные своим двором. На многих курганах прежде стояли грубо изваянные статуи, в которых позднейшие поколения видели подобие старых женщин, откуда и произошло название каменная баба, данное этим загадочным истуканам, и которые, по общему мнению, напоминают скорее монгольский, чем славянский тип; может быть, это и есть те степные статуи, с которыми Аммиан Марцелин сравнивает гуннов: почти у всех баб руки сложены на груди. Впрочем, теперь уже не встретишь

1 I G. Kohl, „Reisen in Sud-Russland".

курганов, вершина которых была бы увенчана таким изваянием: почти все каменные бабы были разбиты или перенесены в другие места, чтобы служит межевыми знаками или украшениями в садах. Между тем, если верить местному преданию, баба очень крепко стояла на вершине горки, точно вросла в землю, так что требовалось не менее десятка сильных волов, чтобы увезти ее, тогда как достаточно было одной упряжи, чтобы привезти обратно на прежнее место: казалось, она сама шла, чтобы опять подняться на могильный холм, с которого ее взяли. Крестьяне чтут, как святыню, эти каменные изваяния: матери приносят к ним детей, заболевших лихорадкой, становятся на колени перед истуканом, почтительно целуют его и предлагают ему хлеба и мелкую монету[1].

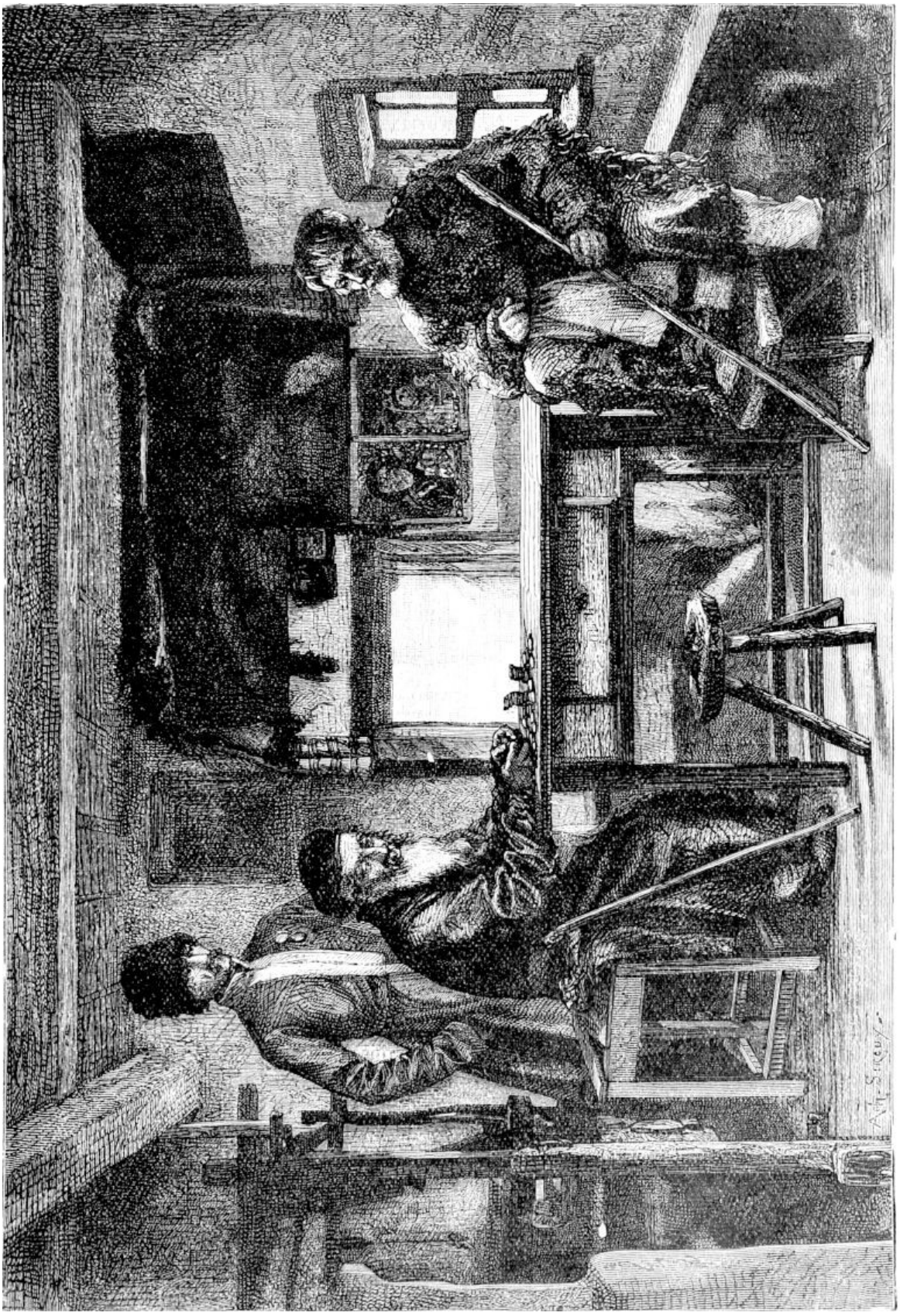
Многие тысячи могильных курганов Малороссии были уже раскопаны, и тайны их, открытые миру, позволили отчасти восстановить мысленно давно исчезнувшие поколения, с их бытом, нравами и промыслами. Между этими памятниками представлены все последовательные века цивилизации—каменный, бронзовый и железный. Некоторые могилы принадлежат к относительно новым временам, и даже есть такия, которые, очевидно, были насыпаны после введения христианства в стране, как о том свидетельствуют предметы византийского или русского происхождения, находимые в курганах; иные заключают в себе одновременно древности, принадлежащие к трем векам—каменному, бронзовому и железному. Многие холмы содержат только скелеты лошадей. Наконец, есть много таких, где не находят ничего —ни костей, ни оружия. Великой эпохой искусства в деле погребения следует считать эпоху скифской цивилизации. Раскопки, сделанные в некоторых могилах Южной России, между прочим, в Александропольском уезде, к юго-западу от Екатеринослава, показали, что «скифы» той эпохи были в частых сношениях с греками и покупали у них самые дорогия произведения промышленности и искусства: оружие, резные сосуды[2], драгоценные украшения. Но рядом с этими предметами, чисто эллинскими, в курганах находят также оружие и орудия из бронзы, указывающие на тот факт, что греческая образованность, при своем проникновении в край, встретила там азиатскую цивилизацию совершенно иного характера[3]. Мегалитические могилы, разсеянные между Днестром и Днепром, к северу от Одессы, также принадлежат к другой культурной эпохе или к другой религии. Из всех этих народов, кости которых сокрыты под насыпями курганов, одни быстро проходили, как завоеватели или беглецы, другие, напротив, подолгу оставались в стране, и, без сомнения, небольшая примесь их крови сохранилась в нынешнем населении Малороссии.

В девятом столетии население южной, черноморской покатости, между Днепром и Дунаем. и преимущественно на берегах Днестра, состояло из славян-улучей (угличей) и тиверцев. Но эти славяне находились на пути угров (венгров), печенегов, куманов, и столкновение всех этих народов оттеснило их к северу: в эпоху с десятого до двенадцатого века река Рось,—может быть «река Руси или Руссов»,—служила границей между русскими Киевской области и южными кочевниками. Многие поселения тюркского племени, торки, берендеи, «черно-шапошники», или кара-калпаки, поселились на юге от этой реки. Впоследствии татары водворились около Канева[4], в значительной части Киевской Руси; полагают даже, что и Бердичев был первоначально татарской колонией. Без сомнения, эти пришельцы во многих местах смешивались со славянским населением, доказательством чего служит, между прочим, тот факт, что люди, которых литовский князь Ольгерд вытеснил из Подолии в 1366 году, были татары, говорившие русским языком[5]. На всем юго-западе России можно встретить множество названий, напоминающих пребывание в крае мусульманских поселенцев.

В наши дни малороссы—почти исключительно земледельцы, и люди самого мирного нрава. Но в прежния времена, впродолжении многих столетий, война была постоянным яв-

1 Забелин, „История русской жизни" I, Чужбинский, „Поездка в Южную Россию".
2 „Труды археологической коммисии", 1864, 1872 гг. и т. д.
3 Worsaae, „La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave".
4 „Путешествие Плано Карпини в 1251 году".
5 Симашкевич, „Описание Подолии", 1.

лением в равнинах, где протекает Днепр, и жители всегда должны были быть готовы или к битве, или к бегству. Могучая река, которая ныне мирно катит свои воды среди стран, населенных людьми одной народности и одного языка, есть один из тех потоков, которые играли



Староста, еврей и отставной солдат (Борисполь, Полтавской губ.).

наиболее важную роль в истории народов и берега которых особенно упорно оспаривались друг у друга двумя враждебными племенами. После вторжения турок в Крым, в 1475 году, татары сделались поставщиками живого товара для гаремов и каторжных работ в Стамбуле,

и вскоре южные области славянского государства стали ареной для охоты на невольников[1]. Мусульманские хищники, задумав набег, обыкновенно собирались зимой близ Перекопского перешейка, при чем каждый из них приводил двух или трех коней для будущих пленников и ожидаемой добычи; отсюда они выступали в поход многочисленным полчищем, иной раз в количестве шестидесяти или восьмидесяти тысяч человек, переходили за Днепр, являлись неожиданно в какой-нибудь населенной местности, грабили села, хуторы, господские замки и забирали в плен всех жителей; затем, прежде чем успевали собрать войско для отражения набега, лихие наездники уже были в безопасности в своих степях, по ту сторону Днепра. Для борьбы с этими монгольскими отрядами грабителей выступали подобные же военные дружины, образовавшиеся из христианских элементов и стяжавшие себе громкую славу под именем казаков[2]. Главная масса их армии состояла из людей независимых, искавших свободного образа жизни и простора для своей удали на границах, в то время оспариваемых друг у друга христианами и магометанами,—из рыболовов, укрывшихся под высокими лесистыми берегами Днепра,—из отважных торговых людей, странствовавших караванами по широкой степи. Кроме того, паны польские и литовско-русские, находившиеся в среде этого пограничного воинства и воспитанные более или менее под влиянием рыцарских идей Запада, сделали из казаков нечто в роде «украинного рыцарства». Один из первых центров сопротивления образовался близ Переяслава (на берегу большего колена Днепра), защищенного с восточной и северной сторон болотами, лесами, блуждающими речками. Канев и Чигирин также принадлежат к числу городов, имена которых всего чаще упоминались в первые времена истории казачества; но самой большой известностью пользовался город Черкасы, как центр «низовых казаков», то-есть рыболовов и торговых людей, и «городовых казаков», то-есть уже населенной области по среднему течению Днепра. Имя «Черкасы» даже сделалось у татар и у москвитян национальным наименованием для обозначения малороссов, и его употребляют поныне в южной части Великороссии.

В конце шестнадцатого столетия, в эпоху великой борьбы между элементами польским и украинским, казаки перенесли далее на юг свои главные стратегические позиции и расположились укрепленными становищами ниже Самарского устья, на низменных, покрытых густым, высоким камышом, островах Днепра, среди порогов и на скалистых берегах реки: отсюда и произошли названия «запорожцы» и «Запорожье»; здесь-то, вдвойне защищенные утесами и болотами этой части Днепра, огражденные, сверх того, глубокими, хорошо охраняемыми окопами, они могли смело вызывать на бой татарских хищников и начали платить им за набеги набегами то в Крым, то на берега Черного или Азовского морей. Живя рыбной ловлей, охотой и войной, эта христианская вольница скоро заставила трепетать мусульманских разбойников. Дикая свобода казаков привлекала к ним постоянно увеличивавшуюся массу крестьян, уходивших от крепостной зависимости. В семнадцатом столетии ряды их состояли по меньшей мере из «ста двадцати тысяч человек, все людей привычных к войне»[3]. Они выплывали на своих легких челнах, называемых «чайками», в Черное море и грабили турецкие берега; более отважные переплывали даже море и однажды сожгли Синоп, на малоазиатском берегу, а в одну из своих морских экспедиций, в 1624 году, они пробрались до самого Константинополя и разграбили его предместья. Укрепленные сторожевые посты были расставлены, на известном расстоянии один от другого, по всему низовью Днепра, между Бугом и Азовским морем, а около середины их владений с изменчивыми границами находилось главное убежище их, имевшее вид укрепленного лагеря и называвшееся «Сичыо», или «Сечью». Первая Сечь, по словам летописей, была основана казаками в шест-

1 Michalon Lithuanus, „Fragmenta";—Антонович и Драгоманов, „Исторические песни малорусского народа", I ч.

2 Слово „казак"—безспорно не славянского корня; оно вероятнее всего турецкого происхождения. По мнению одних, оно в переводе означает „вольный человек" и удержалось в названии „киргиз-кайсак"; по мнению других, произошло от наименования одного кавказского племени („касоги"), и т. д. В Орде „казаками" называли низший класс войска. *Ред.*

3 Боплан, „Описание Украины". Спб., 1832.

надцатом столетии на острове Хортица, прежде Хортич—посреди Днепровских порогов, близ того места, где печенеги в 972 году отсекли голову великому князю Святославу, этому истому казаку былых времен, и сделали из его черепа чашу для своих пиршеств. Но, вскоре после того, самое известное убежище их было далее на юге, на одном из островов «Великого Луга», при слиянии Чертомлика и Днепра, и на противоположном полуострове. Эта «Старая Сечь», существовавшая до 1709 г., была впоследствии заменена другими, также расположенными вблизи лабиринта днепровских островов, где турецкия ладьи, преследовавшие запорожских удальцов, сбивались с пути в бесчисленных протоках между островами и часто теряли всех своих гребцов: их сражали меткия пули невидимых врагов, спрятавшихся в густых камышах.

Казаки не составляют особой семьи, которая бы, по языку или происхождению, существенно отличалась от других славян, более или менее смешанных жителей равнин; если они разнились от своих единоплеменников, то не кровью, а наследственными чертами, которые образовались у них под влиянием нравов бродячей жизни и чувства гордой независимости. Во все времена малороссийские казаки принимали в свое общество или военное братство только людей, умевших креститься по-ихнему, то-есть всякого врага нехристей-магометан и язычников, так что, следовательно, все восточные славяне в состоянии были выдержать этот вступительный экзамен. Случайное сходство имени казацкого города Черкасы с названием кавказского племени черкесов подало повод совершенно ошибочно предполагать восточное происхождение казаков. Что касается их названия, то оно действительно татарское, и элементы печенежские и хазарские, без всякого сомнения, встречались между предками казаков, этих защитников христианских обществ; но это смешение, и в особенности смешение с племенем каракалпаков, или «черно-шапошников», обозначаемых в летописях под именем черкасов, произошло уже гораздо ранее образования казацких общин.

Запорожцы, этот авангард малороссийского казачества, могут быть рассматриваемы как казаки по-преимуществу, и потомки их, сделавшиеся мирными земледельцами, и теперь еще присвоивают себе титул «добрых козакив». Организованные в курени[1], то-есть военные товарищества, жившие общим трудом, имевшие общее «куренное» имущество и сходившиеся обедать за общественные столы, они подчинялись только выбранным из своей среды начальникам, куренным атаманам, или «батькам», и каждый год собрание, состоявшее из членов всех общин, сходилось на общий совет или сейм («кош»)[2], служивший представителем всего «низоваго товарищества». Это казацкое вече, или рада, распределяло по жребию реки, продукты которых прокармливали всех запорожцев и служили им средством торгового обмена; в то же время оно выбирало нового главного (кошевого) атамана и другую войсковую старшину, состоявшую из обозного судьи, писаря, эсаула, хорунжего, полковников, для управления делами войска и разбора споров между казаками; горсть пыли, посыпанная на голову этим выборным казацким чинам, должна была всегда напоминать им, что они—не более как слуги общества. Для военных экспедиций они избирали диктатора, который назывался «гетманом»; слово это немецкого происхождения (Hauptmann), или турецкого—атаман. Власть этого выборного предводителя была очень велика, хотя, впрочем, всегда согласовалась с установившимся обычаем; гетман мог казнить провинившихся, обезглавить и даже посадить на кол, но не иначе, как спросив мнение своего военного совета. Во время походов всякий пьяница изгонялся из войска; употребление «горилки» было запрещено. Слово, возглашенное или одобренное всеми, становилось для них законом, и всякая, даже малейшая группа, составлявшая уже общину, должна была заставить уважать его. Всякий, кто нарушал это слово, находил нелицеприятных судей в своих товарищах, даже среди степи, вдали от остального братства. «Там, где есть только три казака», говаривал гетман Хмельницкий, «тот, кто сделает худое, судится двумя другими». В своих степных походах они

1 Курень—славянское слово, означающее „дым", „хату". По другому толкованию, курень—слово турецко-монгольское, означающее „укрепленный стан", „загород". Куренем назывался также дом, где жили казаки известного куреня, не имевшие собственной хаты.

2 Кош—от татарского слова, означающего „артель пастухов".

укреплялись таборами из телег[1]—«подвижными крепостцами на колесах», которые они, быть может, заимствовали, вместе с названием, у чехов Жижки[2], и которые они иногда во время битвы пускали в скачь против неприятеля, чтобы разорвать его ряды. Вольные в своих воинственных похождениях, так сказать, властители пространства, запорожцы сделались почти неуловимыми: когда их сплетенные из хвороста шалаши обращались в пепел, или их легкие челны, «чайки», погибали в волнах Черного моря, они скоро оправлялись от потерь, принимая в свою среду стекавшихся со всех сторон новых пришельцев. Запорожских «братчиков» связывали в одну семью, в один союз общая опасность и любовь к степи, по которой они рыскали на своих быстрых лошадках. «Кто за веру христианскую хочет быть посаженным на кол, колесованным, четвертованным, кто готов вынести всякия пытки, кому не страшна смерть, тот пусть идет с нами!» таковы были воззвания запорожских атаманов[3]. Но, привыкнув смотреть на себя как на защитников веры христианской, они хотели также быть охранителями их «матери», Украины малороссийской, и свободы народа. Так велика была любовь казаков к родимой земле, что, покидая старую сечь, они уносили с собой комки земли, которые служили им символом отечества на чужбине[4]. Если они погибали в морской экспедиции, то исповедывались «синему морю»[5].

Вся область по южной границе между славянами и татарами или турками была занята казаками, и эта «пограничная страна», Украйна, то расширялась, то съуживалась, смотря по превратностям войны и ходу военной колонизации. Большая часть пространства, заключенного между черноземными равнинами и морским прибрежьем, обратилась, наконец, в настоящую пустыню, через которую отваживались переходить только беглецы; с 1667 по 1686 год было условлено даже, что вся страна поверхностью около 45.000 квадр. верст, заключающаяся между Днепром, Тясмином, Днестром и истоками Ингула и Ингульца, должна оставаться безлюдной, чтобы служить границей между двумя христианскими государствами славянской Европы и мусульманской державой. В то время, как испанцы и португальцы уже колонизовали Америку и острова Вест-Индии, южная степь еще ожидала новых жителей, после совершенного опустошения, произведенного мусульманами и христианами. Заселение, столько раз начинавшееся со времен «царственных скифов», было дважды предпринимаемо—в первый раз после турецких нашествий, в конце пятнадцатого столетия, во второй —после раздела степей между Польшей, Московским государством и Турцией. Каждый раз колонизация состояла из двух различных элементов: вольных казаков и господских поселенцев. Польские паны, которым были пожалованы обширные земли в этих пустынных пространствах, старались заселить их кем бы то ни было, обещая всем крестьянам, которые изъявили бы готовность поселиться в этих страшных местах, полную льготу от всяких податей и повинностей, безнаказанность за всякое преступление или проступок. Граф Замойский приглашал всех, даже отцеубийц, даже людей, «обвиняемых в убийстве своего господина», и этот призыв был услышан. Привлекаемые обещанием воли на землях, к тому же славившихся своим необыкновенным плодородием, которые должны были принадлежать им некоторое время, крепостные крестьяне литовских местностей устремились туда десятками и сотнями тысяч; города, местечки, деревни основались по берегам всех речек и ручьев, на дне всех оврагов, в каждой из этих обширных феодальных концессий; степь быстро изменилась в возделанную страну, подобным же образом, как два столетия спустя дикия «прерии» Дальнего Запада Северной Америки превратились в пахатные земли. Свобода совершила это

1 „Казаки, говорит Боплан в своем „Описании Украйны“, переходят по степям табором или караваном, т.е. между двумя рядами телег, замыкаемых спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же с дротиками, пищалями и косами идут посреди табора: вокруг его едут лучшие наездники. Кроме того, во все четыре стороны посылают по одному казаку для наблюдения. Как скоро покажется неприятель, стражи дают сигнал, и табор останавливается“.

2 Ernest Denis, „Huss et la guerre des Hussites“.

3 Кулиш, A. Rambaud, „Russie epique“.

4 Скальковский, „История Новой Сечи“.

5 Антонович и Драгоманов, выше цитированное сочинение.

чудо внезапного заселения недавних пустынь; но когда помещики захотели взять обратно свои земли, опять обратить крестьян в крепостное состояние и отдать их на съедение евреям-ростовщикам, то они столкнулись с людьми, которые претендовали на титул казаков и желали остаться вольными. Эти попытки порабощения, соединенные с религиозными преследованиями, должны были иметь окончательным последствием, после ряда смут и восстаний, падение самого Польского государства[1]. В 1649 году большая часть украинцев, под предводительством гетмана запорожского Богдана Хмельницкого, успела добиться признания автономии малороссийского гетманства, затем в 1654 году последнее отложилось от Польши и отдалось под покровительство Московского царства, по Переяславскому договору. Свобода его не долго была уважаема; московские бояре жаловались, что их крепостные крестьяне уходили, ища убежища в Украйне, у воевод часто бывали столкновения с горожанами, а Петр Великий требовал выдачи выходцев с Дона, которым запорожцы оказывали гостеприимство. Малороссийские казаки являлись помехой московской централизации, и их старинное устройство было уничтожено. При Петре Великом тысячи казаков погибли на работах по сооружению Ладожского канала; затем Екатерина II совершенно упразднила малороссийское гетманство, в 1765 году, а десять лет спустя Сечь была занята русским отрядом, и запорожское войско перестало существовать. Те казаки, которые хотели остаться вольными, принуждены были удалиться за Дунай, к туркам, своим исконным врагам. В 1775 г., когда последняя Запорожская Сечь, стоявшая на нижнем Днепре, была взята генералом Текели, взрослые казаки «вольных земель» были в числе 13.000, из которых почти 1.200 находилось в самой Сечи; около 60.000 человек казаков и беглых крестьян жили на окружающей территории, в хуторах, которые были даны им во владение казацкими общинами[2].

Некоторые черты прежнего казацкого характера должны, конечно, встречаться и у современных нам украинцев. Крестьянские бунты всего чаще имели место именно на берегах Днепра, в тех местностях, где жили самые воинственные казацкия товарищества, и по всей Малороссии старинная преданность громаде (община, мир) сохранилась в силе до наших дней, несмотря на политические преобразования. «Громада—великий чоловик», говорит украинская пословица. Малоросс сохранил в себе также нечто, напоминающее прежнего кочевника: он без труда переселяется на новые места, хотя и не обладает колонизаторским гением великорусса. У него сложилась даже поговорка, очень часто оправдываемая действительностью,—в ней выражается его страсть к перемене, происходящая главным образом от любви к вольной жизни: «хоч гирше, та инше» (хоть хуже, да иное). В 1856 году по Украйне пронесся слух, будто бы князь Константин отправился в Бисову-Арабию (Бессарабию),—другие говорили в Крым,—и что там он восседает под красным шатром, предлагая волю и землю всем добрым украинцам; но что крепостные должны явиться на его призыв непременно в этом году, по прошествии же этого срока будет уж поздно. И вот целые поселения вдруг поднялись, не затем, чтобы восстать против помещиков, а чтобы удалиться с миром. В некоторых местностях, особенно в Александровском уезде, крестьяне продали за несколько рублей все свое имущество евреям-ростовщикам, покинули свои родные пепелища и отправились в путь. «Много благодарны вам за хлеб за соль», говорили они на прощаньи своим господам, «но мы не желаем более быть панскими»[3].

Казак-воин живет теперь только в легендах, да в песнях народных; также и чумак, другой оригинальный тип Украйны привольной, должен скоро исчезнуть, вместе со своим промыслом: железные дороги, пароходы вытесняют его мало-по-малу; они уже заставили его изменить приемы чумакованья и таким образом лишили его прежней физиономии; однако, он борется против железных путей с замечательной энергией. Сидя в быстро несущемся поезде, пассажиры часто замечают по сторонам дороги длинные вереницы телег и людей, в вышитых рубахах, запачканных дегтем шароварах, с длинными чупринами: это—караваны (табо-

1 Alfred Rambaud, выше цитированное сочинение.

2 Щебальский, „Сборник московского антропологического общества“. I, 1868 г.

3 А. Шмидт, „Херсонская губерния. Материалы для географии и статистики России“, 1863 г.

ры, или валки) чумаков. Вверяемые им товары часто доставляются на корабли в Одессу не только за более дешевую плату, но и скорее, чем при отправке их по железной дороге, хотя путешествие их от берегов Днепра до Одессы продолжается несколько недель. В старину чу-

Малороссійскіе типы.– Кобзарь Остапъ Вересай и Лирникъ.

мак тоже был герой, как и запорожец: чтобы съездить за солью и рыбой на берега Черного или Азовского моря, в Крым или на Дон, ему нужно было приготовиться ко всяким лишениям и опасностям. После продолжительного странствования по пыльным равнинам, через

высохшие или выступившие из берегов реки, под палящим солнцем, под проливным дождем или снежным бураном, он встречался лицом к лицу с неприятелями, перед которыми пропускной лист не всегда был достаточной охраной. Разбойники могли поджидать его в трудных проходах; помещики могли разорить его поборами; вся жизнь его проходила в постоянном шествовании впереди своего обоза, в компании своего неразлучного товарища—сидевшего на первом возу, бдительного петуха, который заменял ему часы, возглашая каждое утро час отъезда. Если смерть застигала чумака в дороге, то над его могилой воздвигали маленький курган. Еще в прошлом столетии рядом с покойником клали бутылку горилки, подкреплявшей его силы во время последнего путешествия[1].

Песни вольного казака, припевы вечно странствовавшего чумака остались в памяти малорусского народа; кобзарь или бандурист, распевающий под аккомпанемент своей большой лютни, называемой кобзой или бандурой, и лирник, играющий не на лире, а на инструменте в роде старинного «рыле», и теперь еще рассказывают на распев стихи, которые впервые раздавались на привольной степи. Некоторые из песен, ныне распеваемых малороссийскими рапсодами на ярмарках, имеют исторический характер; но, кроме всем известных песен, есть такия, которые, по вдохновению мысли, по силе выражения и богатству подробностей, составляют как бы отрывки эпопей; к сожалению, эти былины уже редко услышишь из уст народа, и, вероятно, их скоро можно будет встретить только в письменной литературе. Это—думы, исторические рассказы, которые живо рисуют нам прошлое со всеми надеждами и страхами, радостями и печалями, чувствами и страстями, волновавшими людей той эпохи: слушая эти думы, малороссу кажется, что он переносится в славную старину, живет жизнью своих предков, казаков. Мало найдется языков, обладающих народной поэзией, которая превосходила бы думы украинцев энергией слова и глубиной чувства[2]. А их любовные песни—как много в них в одно и то же время нежности и силы, страсти и скромности! Между тысячами этих песен относительно мало наберется таких, слова которых могли бы оскорбить стыдливость молодой девушки; но большинство их вызовет слезы на её глазах, потому что почти все песни малоросса проникнуты тихой грустью, меланхолическим настроением: это—песни народа, которому пришлось много и долго страдать, и который любуется созерцанием своей несчастливой доли. Однако, собрание исторических песен, сделанное различными исследователями с начала нынешнего столетия[3], заключает в себе также несколько песен, дышащих гневом и укором. Такова, например, песня о правде, сущность которой заимствована из псалмов[4]: «Правда нынче в тюрьме у панов; неправда же развязно восседает с панами в почетной зале».—«...Справедливость попрана панами; а несправедливости подливают меду в чаши..».—«О, наша мать, наша мать с орлиными крыльями—где тебя найти?...».

Народные малороссийские песни и думы, авторы которых неизвестны и которые передают кобзари (по большей части слепые старики, как те слепцы древней Эллады, которые распевали гомеровские песни) от поколения к поколению, научая им других бандуристов, уже сами по себе составляют очень драгоценную литературу; но эти произведения народной музы—не единственное сокровище Малороссии, язык которой никогда не переставал быть языком литературным. Даже под церковно-славянским, который сделался письменным языком древней России со времени введения христианства, не трудно узнать малорусские обороты в первых памятниках русской письменности, каковы «Повесть временных лет» Нестора и «Слово о Полку Игореве»; волынская хроника, наиболее поэтическая из всех летописей, имеет совершенно малороссийский характер. Но особенно с шестнадцатого столетия, с того времени, как «обыкновенный» или «казацко-русский» язык, очищенный от церковных или «болгарских» форм, сделался свободным, он получил важное литературное значение для

1 Драгоманов, „Рукописные заметки“.

2 Bodenstedt, „Die poetische Ukraine“.

3 Максимович, „Украинские народные песни“; Антонович и Драгоманов, „Исторические песни малорусского народа“; Рученко, „Чумацкия народные песни“; Кулиш, „Записки о Южной России“; Alfred Rambaud „Russie epique“.

4 Драгоманов, „Рукописные заметки“.

полемики политической и религиозной, повестей, драмы, переводов. В конце семнадцатого столетия, раздел Украйны, эмиграция большего процента образованных людей в Москву и Петербург, затем, с конца восемнадцатого века, запрещение народного языка в школах,—все это задержало малорусское литературное движение; но оно опять ожило, благодаря поэтам и романистам, которые говорят теперь чистым малорусским наречием без примеси церковнославянского или польского языка. Один из этих писателей—великий поэт Тарас Шевченко, бывший долго крепостным и солдатом, несчастливец, песни которого рассказывают о бедствиях его народа и говорят ему о будущей «правде и воле».

Малороссияне отличаются большой понятливостью и очень любознательны: статистика доказывает, что популярные научные сочинения распространяются у них быстрее, нежели у великорусов. В былые времена Московское государство получало своих преподавателей из Малой России и даже из Белоруссии; в шестнадцатом и семнадцатом столетии академии существовали в Остроге (на Волыни), в Киеве, в Чернигове, тогда как Великая Россия не имела еще ни одного высшего учебного заведения; даже в 1658 году, при заключении договора в Гадяче, казаки ставили одним из условий воссоединения Малороссии с Польшей учреждение двух университетов, которые бы пользовались такими же привилегиями, как Краковский университет; далее, выговаривали себе право основывать гимназии и свободу печати. Теперь же эти украинские области, где в старину образование было в таком большом почете, занимают последнее место по степени развития народного просвещения; они имеют наименее школ и учащихся по сравнению с числом жителей.

После промежутка в сто лет, число начальных школ уменьшилось более чем на половину в бывшей казацкой Украйне; так, например, на территории Черниговского казачьего полка в 1748 году существовало 143 школы, а в 1875 году на том же пространстве их насчитывалось только 52[1]. Этот достойный сожаления контраст между прошлым и настоящим должен быть приписан, главным образом, употреблению в школах языка, чуждого детям. Система централизации не оставила в покое и языка жителей. Литературные попытки, которые могли бы заставить ценить его, как он того заслуживает, строго обуздывались. Цензура не разрешала никаких периодических изданий на малороссийском языке; не дозволялось даже переводить сочинения религиозные или учебные, давать театральные представления или читать публичные беседы на этом наречии; даже текст музыкальных сочинений очищался цензорами от малороссийских слов[2]. Можно подумать, что имелось в виду довести народ до того, чтобы он относился с презрением к своему родному языку, смотрел на него как на простонародную речь, и почитал за честь употреблять лишь слова, так сказать, заклейменые казенным штемпелем. Сомнительно, однако, чтобы подобное предприятие могло увенчаться успехом, так как на малороссийском языке говорят двадцать миллионов людей, из которых три миллиона живут за пределами Российской империи, в Галиции, в Буковине, в Венгрии. Малорусский язык имеет даже четыре кафедры во Львовском университете; там переводят на малороссийский язык Байрона, Шелли и творения других современных писателей европейской литературы, и двенадцать периодических изданий,—еще очень мало для всей нации,—выходят на этом языке в Галиции и Буковине. Можно ли порвать узы солидарности, связующие людей одного и то же языка по ту и другую сторону политической границы? В настоящее время самым чистым малорусским языком считается тот, которым говорят в губерниях Полтавской, Екатеринославской, на берегах Черного моря и в южных уездах Киевской и Черниговской губерний. В северной части Киевской губернии, и особенно на Волыни и в Подолии, к малороссийскому наречию, по Чужбинскому, примешано много польских слов и выражений, тогда как в северных уездах Черниговской губернии оно приближается к белорусскому, а в губерниях Курской и Харьковской, равно как в области Войска Донского—к

1 „Сборник черниговского земства“.

2 Dragomanov, „La litteratura oukrainienne proserite par le gouvernement russe“. „Rapports au congres litteraire de Paris“, 1878.

великорусскому[1]. Однако, собрания народных песен, сделанные во всех странах, населенных малорусским племенем, от верховьев Тиссы до низового Дона, доказывают, что на этом огромном пространстве малороссийский язык представляет очень мало местных различий.

Аграрные вопросы имеют капитальную важность во всей России, но в землях украинских казаков они тем важнее, что крупная земельная собственность появилась там в сравнительно недавнее время. Народ помнит, что земля принадлежала ему, и в период крепостного права возмущения крестьян составляли довольно частое явление. Уже до освобождения крестьян, по крайней мере в Украйне правого берега Днепра, правительство признало нужным издать так называемые инвентарные положения (приводившие в известность повинности крестьян и право владельцев на крепостную работу) и обеспечить крестьянам пользование землями, на которые они имели право; затем, после отмены крепостной зависимости, когда польское восстание 1863 года отразилось на малороссийских областях, вызвав среди украинских крестьян правого берега попытки к бунту, цена выкупа земли, сделавшагося обязательным, была уменьшена на одну пятую, в то же время величина надела была увеличена. В самом деле, этот надел составляет в Киевской губернии две с половиной десятины, тогда как в Полтавской он не достигает даже 2 десятин. Однако, большое число украинских крестьян совсем не получило земли и принуждено выселяться или работать у других в качестве батраков. В Новороссийском крае положение крестьян лучше, потому что этот край еще сравнительно менее населен, вследствие чего крестьянские наделы там значительно больше (величина их колеблется, смотря по местностям, от $2^1/_2$ до $6^2/_3$ десятин), отчасти и потому, что там обработка почвы производится целыми общинами.

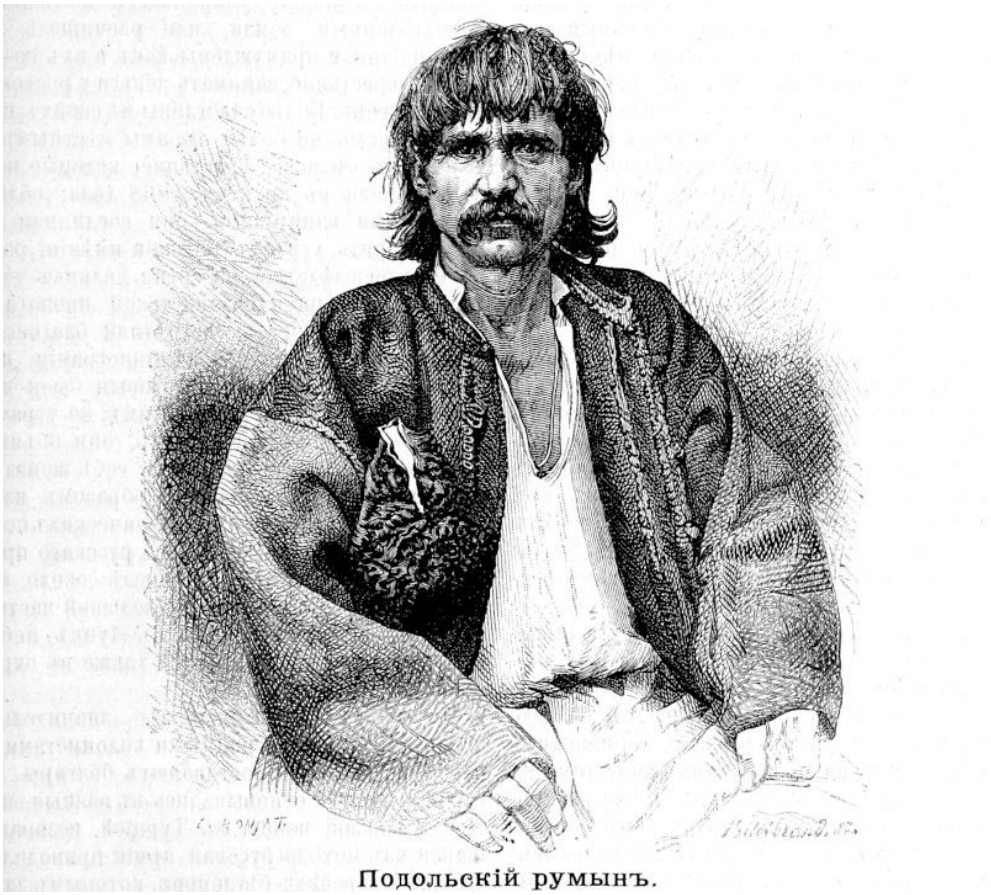
Дух общинной организации, который считали исчезнувшим из Малороссии, проявляется там, напротив, в замечательной степени со времени освобождения сельского сословия. Во всей стране существуют товарищества или артели рыболовов, косарей, жнецов, напоминающие братства старых запорожцев, с тою разницею, что вместо того, чтобы работать на самих себя, эти товарищества по большей части утилизируются предпринимателями или подрядчиками: начало ассоциации, основанной на равенстве всех членов, обнаруживается там лишь в организации труда и распределении заработка[2]. В некоторых местностях крестьяне снимают у помещиков земли, чтобы сообща возделывать их, и делят между собой получаемый продукт: при этом способе, «работа, говорят они, идет спорее, лучше и веселее»[3]. В Черниговской губернии, где подобные товарищества всего лучше изучены, они существуют с давних пор, как о том свидетельствуют старинные письменные памятники. Труд миром, артелью так укоренился в нравах населения, что на табачных плантациях молодые девушки тоже соединяются в артель, чтобы исполнять все работы—садку, полотье, отборку листьев, приготовление табаку для продажи. Владельцу остается только вспахать землю да построить дома для работниц и сараи для склада табаку. Молодые девушки получают половину сбора и всегда делят ее между собой поровну[4].

Если малороссы перешли далеко за пределы бассейнов Днепра и Днестра, то и их территория получила представителей иноплеменной национальности в большом числе. В Малороссии насчитывают, по меньшей мере, до двадцати народностей, различающихся племенным происхождением, нравами, языком. Великоруссы врезываются там и сям архипелагами во внутренность этой страны и образуют, кроме того, колонии в городах; поляки-католики, потомки бывших властителей края и служители, составлявшие у них маленькие дворы, сохранились группами во всей территории, которая составляла часть Польского королевства в восемнадцатом столетии; на юге—татары, также происходящие от завоевателей, были там и сям пощажены и теперь живут среди христианских населений. Наконец, торговые или кочевые расы, евреи и караимы, армяне, греки, цыгане, рассеяны по поверхности Малороссии,

1 А. Чужбинский, „Поездка в Южную Россию44.
2 Щербина, „Южнорусские артели“, „Неделя“, 1877, 1878 гг.
3 „Материалы для оценки земель в Черниговской губернии“, I.
4 „Сборник сведений об артелях“, II.

одни—многочисленными группами, как евреи, другие—редкими колониями или бродячими кучками. Одна только из неславянских национальностей населяет сплоченными массами целую часть территории: это—румыны на юго-западной границе, происходящие частию от тех даков, которые представлены на колонне Траяна. Можно определить в 22.000 квадр. верст их этнографическую область, сопредельную с независимой Румынией.

Потомки колонистов, пришедших в край не по собственной инициативе, а по приглашению правительства, составляют особенный элемент в общем составе населения южной России. Степным пространствам черноморского прибрежья, которые столько раз были опустошаемы войнами или даже систематически обращаемы в безлюдные пустыни, чтобы обеспечить мир на границах, грозила опасность потерять всех своих жителей-казаков после уничтожения автономии запорожского войска. Необходимо было призвать поселенцев из других мест, чтобы заменить убегавшее население. Еще в 1784 году, когда период нового заселения страны уже начался за несколько лет перед тем, народная перепись, произведенная, в



Подольскій румынъ.

самой оживленной и многолюдной области Украйны, то-есть на пространстве почти 1.000 верст, которое тянется вдоль обоих берегов Днепра, от Киева до Херсона, нашла всего только 45.500 душ[1]. Только начиная с этой эпохи население южной России сделалось прочно оседлым, имеющим постоянное пребывание, и историк может рассказывать его жизнь, не имея надобности гоняться за ним по степям.

Между тем как русское население страны было водворено в ней как крепостное, принадлежащее дворянству или казне, иностранные поселенцы явились туда людьми привилегированными. Между иностранцами немцы откликнулись в наибольшем числе на призыв предпринимателей колонизации в этой обширной территории, известной под именем «Новой России». В 1789 году они основали несколько поселений в Екатеринославской губернии, на запад от Днепровских порогов, и в степях, расстилающихся между большим изгибом Днепра и Азовским морем. Большинство этих иммигрантов прибыло из юго-западной и западной Германии, из Швабии, Пфальца, Гессена; эльзасцы в небольшом числе также примешались

1 Русов, „Некоторые сведения о Днепре“.

к группам колонистов. Эмигранты, вышедшие из Мекленбурга и Восточной Пруссии в голодные годы, тоже основали колонии в разных местах Новороссийского края, равно как немцы, переселившиеся туда из Польши и Венгерского королевства. Имена многих колоний напоминают первоначальную родину жителей, и путешественник, проезжая через этот край, с удивлением встречает деревни, носящие громкое название Мюнхена, Штутгарта, Дармштадта, Гейдельберга, Карлсруэ, Мангейма, Вормса, Страсбурга. В 1876 году число немецких колоний, сгруппированных или рассеянных в четырех губерниях южной России: Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской, простиралось до 370, а жителей в них насчитывали свыше 200.000 душ, что составляло немного менее двадцатой части всего населения этих губерний[1]. Вообще говоря, эти немецкия колонии находятся в цветущем состоянии, благодаря льготам, которыми пользовались иностранные поселенцы впродолжении нескольких поколений, благодаря также хорошим способам обработки земли и ведения сельского хозяйства, благодаря, наконец, трудолюбию и настойчивости крестьян германского происхождения. Поля меннонитов на реке Молочной, текущей к Азовскому морю, даже славятся в России и во всей Европе тем необыкновенным старанием, с которым они обрабатываются, орошаются и очищаются от сорных трав, красотой фруктовых деревьев, которыми обсажены эти нивы, комфортом жилищ колонистов. Правда, различные русские секты, как например, молокане (получившие свое название от р. Молочной), имели там и сям колонии так же хорошо содержимые, как и поселения меннонитов; но, как отщепенцы господствующей русской церкви, они часто подвергались преследованию, тогда как меннониты, эти немецкие молокане, пришедшие с берегов германской Вислы, пользовались покровительством до самого последнего времени: им дали нераздельными участками пространство, представляющее не менее 65 десятин земли на каждое семейство, а впоследствии прибавили еще и те земли, которые обрабатывали русские сектанты, духоборцы и молокане, переселенные на Кавказ[2]. Однако, немецкие колонисты скоро разделились на два класса, из которых один, зажиточный, сделался богаче, чем были первые переселенцы, тогда как другой потерял землю и состоит теперь из безземельных батраков. Почти исключительно эти-то меннонитские пролетарии выселялись недавно тысячами за океан, в Бразилию, в Соединенные Штаты, чтобы избегнуть воинской повинности, хотя им предоставлено было право отбывать срок службы, если пожелают, на верфях или в строительных мастерских, в обозе или в бригадах лесной стражи; однако, этим эмигрантам-меннонитам не повезло в Новом Свете, и большинство их опять вернулось в южную Россию. Что касается других немцев Новороссийского края, то большое число их тоже эмигрировало, так что в 1874 году, в самый разгар этого великого переселения немецких колонистов, земли, предлагаемые в продажу, не находили покупателей[3]. Отныне швабы Новой России уравнены в правах и обязанностях с другими русскими подданными. В силу принципа централизации, они должны употреблять в оффициальных сношениях русский язык; впрочем, некоторое число славянских слов и фраз и без того уже проникло в их обычную речь. Немецкий язык, употребляемый теперь колонистами, представляется более литературным, чем был язык их швабских предков, благодаря влиянию школ и маленьких сельских библиотек. Но в этих школах царствует строго консервативный дух: они неизменно остаются тем же, чем были в восемнадцатом столетии, и новые методы вводятся там гораздо труднее, нежели в русских школах[4]. Ни один меннонит не поступает в университет, ни даже в гимназию.

Известно, что около 1864 года секта штундистов, получившая такое название от «часов» (Stunden), которые немецкие протестанты и меннониты посвящали религиозному бдению, возникла по близости от этих германских колоний, между малороссиянами, живущими в окрестностях Одессы. Эта секта быстро распространилась, притом с характером гораздо бо-

1 Peter Diehl, „Geograph. und Statist. Verein zu Frankfurt“, 1875.

2 Скальковский, „Опыт статистического описания Новороссийского края“, том I.

3 „Mittheilungen von Petermann“, 1878, № 11.

4 Бар. Корф, „Отчет о школах Александровского уезда“.

лее радикальным; она отличается в особенности нерасположением к духовенству и отвержением св. таинств. Штунда уже не просто религиозная секта: это—«братство», члены которого обращаются друг с другом как с братьями в повседневной жизни. Новая секта, которая появилась, как бы в силу атавизма, в странах западной России, где некогда развивалось протестантское движение и где образовались православные братства[1], пытавшиеся подчинить церковь мирянам, сделала столь быстрые успехи, что целые деревни пристали к штунде. Новых «братьев», последователей штундизма, можно встретить даже в Гомеле, в Белоруссии[2].

Немецкия колонии другого происхождения, отличные от новороссийских, устроились недавно на Волыни, особенно в окрестностях городов Луцка и Новоград-Волынска. Новые поселенцы, по большей части очень бедные и почти все земледельцы, гонимые голодом из Померании и Восточной Пруссии, приходят снимать в аренду у крупных помещиков невозделанные земли, или расчищать леса под пашни, и принуждены, как и их соседи, русские крестьяне, занимать деньги у ростовщиков-евреев. Более счастливы в своих предприятиях, но не более любимы местным населением—чешские крестьяне, которые почти все пришли в край с 1868 года; обладая маленькими капиталами, они соединили их, чтобы купить гуртом большие имения, разделенные впоследствии на сотни мелких участков. Благодаря панславистской пропаганде, эти славянские братья встретили благосклонный прием со стороны администрации, и ни одно из преимуществ, которые были даны им, как и другим колонистам, не утрачено ими до сих пор; кроме того, они объявили себя гусситами и призвали к себе женатых священников, дабы таким образом избегнуть господства польских католических ксендзов, также как и господства русского православного духовенства. В числе около семи тысяч, чехи поселились по большей части на линии из Брест-Литовска в Луцк; небольшие группы их встречаются также в окрестностях Бердичева.

После немцев, наиболее значительные группы между иностранными колонистами Новороссийского края составляют болгары. Болгарские колонии основывались в разные эпохи. После каждой войны с Турцией, возвращавшаяся из похода русская армия приводила с собой болгарских беглецов, которым давали невозделанные земли в степях, или те земли, откуда были прогнаны мусульмане. После Крымской войны тысячи болгарских эмигрантов получили в собственность поля, оставшиеся свободными после ухода татар-ногайцев. Деревни их отличаются замечательной чистотой; их сады и поля, состоящие в общинном владении, свидетельствуют о хорошей земледельческой культуре; но тоска по родине похитила много жертв между этими болгарами. Новые колонисты жалели о своем балканском отечестве, более плодородном и более прекрасном, и с той поры, как Болгария организовалась в независимое княжество, много образованных молодых людей из болгарских общин Новороссии отправилось на Иллирийский полуостров. Значительная часть территории, недавно уступленной России Румынией, также населена болгарскими земледельцами. При турецком владычестве, население этого края, как и население Крыма и степей низового Днепра, состояло из ногайских татар; но еще прежде, чем левый берег Дуная перешел под власть русского правительства, эти татары переселились к Азовскому морю. Тогда их заменили болгарами. Главная иммиграция имела место после Андрианопольского мира 1829 года. Новые пришельцы, поселившиеся преимущественно в Буджаке, или южном «углу» Бессарабии, между Дунаем, Прутом и так-называемым «Траяновым Валом», скоро придали занятому ими краю печать благосостояния, которого он прежде никогда не имел. Их земли лучше обработаны, чем поля их соседей-молдаван; их дороги лучше содержатся; их деревни, по большей части

1 Так назывались издавна существовавшие в западной России общества, основанные с целями благотворительными и религиозными. Они составлялись преимущественно горожанами, а во второй половине XVI ст. получили определенное устройство. В церковном отношении восточные патриархи предоставляли им многие права, и привилегии (даже право отлучать от церкви). Они заводили на свой счет школы для православных детей, больницы и типографии для печатания книг на славянском и греческом языках. *Ред.*

2 „Малороссийская штунда“, „Неделя“, за 1877 г., „Рационализм на юге России”, „Отечественные Записки” за 1878 г.

сохранившие прежния свои татарские названия, составляют совершенный контраст с селениями других народностей по правильности планировки, опрятности, довольству и комфорту, по прекрасным виноградникам, которыми они окружены. Однако, эти болгары, так блистательно оправдывающие репутацию их племени относительно трудолюбия, воздержного образа жизни, бережливости, смешаны в большей или меньшей степени с молдаванами, русскими, греками, цыганами, с которыми они переговариваются на всех жаргонах Востока.

Кроме колоний немцев и болгар, есть еще несколько поселений, гораздо менее многочисленных, принадлежащих другим национальностям. Так, близ Бериславля существует еще старейшая колония, основанная Екатериной II, в 1782 году; она состоит из шведов, которые добровольно или против воли должны были покинуть остров Даго, уступив земли, составлявшие предмет их тяжбы с немецкими помещиками; по число этих колонистов, которое первоначально превышало тысячу душ, сильно уменьшилось, так что в 1863 году их насчитывали только 322, и все они занимались рыболовным промыслом; они говорили еще шведским языком и до этого времени оказывали отчасти успешное сопротивление усилиям их соседей, немцев, которые стараются «германизировать» их. Вероятнее, что употребление, почти неизбежное, русского языка поведет в конце концов к обрусению этих шведских колонистов[1]. Что касается сербских колоний, основание которых относится к царствованию Елизаветы Петровны, когда несколько тысяч славянских семейств, преимущественно сербов, из турецких и австрийских владений, перешло в русское подданство, и которые были расселены русским правительством по всей северной окраине области запорожцев, с целью отделить ее таким образом от центра Малороссии, то эти колонии почти совершенно слились с туземным населением, хотя при Екатерине II они были так многочисленны вокруг городов Ново-Миргорода, Бахмута, Славянска, Славяносербска, что доставляли несколько полков солдат, а населенная ими часть южной России носила название «Новой Сербии». Греки и албанцы, или арнауты, рассеянные в различных земледельческих колониях или бывших военных поселениях, по большей части перебрались в города, где они занимаются торговлей. Из всех колоний, основанных в последнее столетие, наименее благоденствующими оказались поселения, где были водворены несчастные евреи, которых хотели приурочить к земледельческому труду. Те самые люди, которые обогатились бы в городах как торговцы или ростовщики, впадали в глубокую нищету как хлебопашцы: исхудалые, едва прикрытые лохмотьями, живущие в полуразвалившихся лачугах, они не умеют даже обработывать свои поля и сдают половину их в аренду колонистам другой расы[2]. Однако, между этими еврейскими «колонистами» встречаются и очень зажиточные, но они не пашут сами своих полей. «На що я буду ходить за плугом? Про те е мужик,—я ёму заплачу, вин и зробить, що мини треба», говорил один колонист-еврей Чубинскому[3].

Еврейский мир, обнимающий Румынию, Венгрию, Галицию, Польшу, Литву, оканчивается на востоке в Украйне: к востоку от губерний Полтавской и Черниговской начинается территория, которая, не будучи безусловно воспрещена евреям для жительства, доступна только воспитанникам высших учебных заведений и лицам, получившим ученую степень, купцам первой гильдии и цеховым ремесленникам, имеющим надлежащие свидетельства. Поэтому все еврейское население скучено в западных провинциях России и в Царстве Польском, в числе по малой мере трех с половиной миллионов душ. Нормальный прирост, происходящий вследствие избытка числа рождений над числом смертных случаев, у них значительнее, чем у христиан. Размножение сынов Израиля в приднепровских областях было по истине изумительно: в конце восемнадцатого столетия только несколько еврейских семейств жило в Херсонской губернии, а в 1870 году еврейское население простиралось там уже до 131.900 душ. Все эти евреи—потомки польских евреев, которые, в свою очередь, пер-

1 Чубинский, „Поездка в Южную Россию“.

2 Mackenzie Wallace, „Russia“, t. II.

3 П. П. Чубинский, „Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край“ (Юго-западный отдел).

воначально вышли из Германии. До запрещения, состоявшагося в царствование императора Николая I, все евреи носили свой старый польский костюм—длинный до пят сюртук и шапку с околышем из лисьего меха; все они говорят испорченным немецким языком, с примесью еврейских слов и выражений условного жаргона, очень обедневшего в грамматических формах и сильно ославянившагося, вследствие введения всех русских названий деревьев и большего числа глаголов[1]: этот язык называется идыш (испорченное немецкое слово judisch, еврейский), или ивритейц; но, кроме того, раввинский язык, смесь древнееврейского с халдейским, употребляется для важных документов, в оффициальной переписке и даже в большом числе частных писем, особенно в Литве и Белоруссии. Организованные в братства и соединенные прежде в кагалы или общины, которые имели в одно и то же время и религиозный, и гражданский характер, евреи западной России могли, в большинстве, предаваться тем профессиям посредников, которые так хорошо согласуются с их национальным гением; большая часть их—купцы или мелкие торговцы, подрядчики, коммисионеры, факторы; более седьмой части из них шинкари, кабатчики, и таким образом собирают по копейкам маленькую деньгу крестьянина; но есть между ними и такие, которые впадают в крайнюю бедность: в западной Украйне насчитывается свыше 20.000 евреев нищих. Средний доход каждого еврейского семейства в Украйне, по исчислению г. Чубинского, не превышает 290 рублей в год.

Известно, что в 1882 г. имела место вспышка народной ненависти против евреев: сотни их были убиты; некоторые даже погибли в пытках; более ста тысяч евреев должны были бежать в Австрию и в Германию, и целые партии беглецов отправились искать убежища в Америке. Теперь большинство этих добровольных изгнанников вернулись, но они должны подчиняться строгим полицейским правилам, и многие города закрыты для них.

Тетерев, первый приток Днепра, впадающий в эту реку ниже Припети, собирает свои первые воды на плоской возвышенности, где находится город Бердичев, часто называемый «русским Иерусалимом». В самом деле, это—важнейший центр, так сказать, главная квартира всего еврейского мира Волыни, Подолии, Киевской губернии. По переписи 1865 года, в этом городе оказалось 47.200 израильтян на 51.000 с небольшим всех жителей; но, по общему мнению, весьма значительный процент бердичевских евреев, часто отлучающихся из города в качестве странствующих торговцев, ускользает от всякого оффициального исчисления: вероятно, в Бердичеве иногда собирается одновременно до 100.000 сынов Израиля. Притягательная сила, которую этот город, не представляющий других естественных выгод, кроме своего центрального положения между расходящимися реками, оказывает на евреев, происходит оттого, что король польский Станислав-Август учредил здесь десять ярмарок, по ходатайству владельца, к владениям которого принадлежал Бердичев. Жители этого еврейского города занимаются разными промыслами: фабрикацией табаку, приготовлением галантерейных и косметических изделий; но все эти произведения предназначаются для мелочной разносной торговли, которая дает занятие тысячам коробейников, отправляемых по всем окружающим губерниям и даже за границу, в Румынию и в Австро-Венгрию. Ценность товаров, продаваемых ежегодно бердичевскими купцами, определяют в 60 миллионов рублей. Товары эти складываются по большей части в подземных гротах; последние идут по всем направлениям под городом, и происхождение их относится, вероятно, ко временам доисторическим; общую длину этих пещер исчисляют в 400 верст[2].

По выходе из Киевской губернии, речка Бердичев соединяется с Тетеревом, который вскоре после того встречает на своем течении Житомир, губернский город Волынской губернии. Этот город стоит на рубеже области лесов и области безлесных пространств,—рубеже, который продолжается далеко на запад, до самой Галиции, и который в то же время служит этнографической границей между полищуками (т. е. «лесовиками», жителями лесов) и степовиками (т. е. «степняками», жителями степей), как называют друг друга малороссы, жи-

1 Чубинский, выше цитированное сочинение.

2 Копанский,—A. Kohn und Mehlis, „Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im ostlich. Europa“.

вущие по обе стороны раздельной линии. По словам Житецкаго[1], первые, т. е. полищуки, сохранили наиболее архаические формы в своем говоре, также как в нравах и обычаях. Житомир ведет большую торговлю, преимущественно хлебом; но почти все выгоды от этой тор-

Типы и костюмы Орловской губерніи.

говли идут в пользу евреев, которые составляют около трети городского населения. Много

1 Житецкий, „Очерк звуковой истории малорусского наречия“, Киев, 1876.

еврейских книг, печатаемых в России, выходит из Житомира. Город Радомысль, стоящий также на Тетереве, принадлежит уже к Киевской губернии.

Много важных городов расположено в бассейне Десны. Один уездный город Орловской губернии, Брянск, прежде Дебрянск, получивший это название от окружавших его некогда дремучих лесов, дебрей, о которых теперь сохранились только предания, расположен в месте соединения двух верхних ветвей этой реки, у подошвы высоких утесов, огибаемых течением Десны; это—город большой торговли, где железная дорога, идущая из Смоленска в Орел, пересекает реку, уже судоходную, и где находится пристань для сплава хлеба, пеньки, сала; здесь даже была основана судостроительная верфь; в настоящее время в Брянске существует казенный пушечно-литейный завод и арсенал. Брянские купцы скупают много земледельческих произведений в губернии и скота в южных уездах для отправки их в Москву, Петербург или южные порты Балтийского моря. Трубчевск, стоящий ниже на Десне, занимается такой же промышленностью, как Брянск, и продает хлеб, доставляемый ему по рекам Неруса и Сев, из уездов Дмитровского и Севского. Город Севск получил известность в истории смутного времени: здесь расположился станом и укрепился, в 1604 году, первый Лжедимитрий, среди своих приверженцев, изгнанников и казаков, чтобы идти потом на завоевание Москвы. К западу от Трубчевска, древний город Стародуб, находящийся уже в Малороссии (в Черниговской губернии), также напоминает многие события из войн между русскими, поляками, казаками и татарами; здесь явился второй самозванец, Лжедимитрий II, известный под именем «Тушинского вора»; в Стародубском уезде находятся некоторые из главных колоний раскольников. В этом городе сохранились остатки прежних укреплений, также как в Погаре, стоящем на том же западном притоке Десны. Далее к югу, на самом берегу этой реки, построен Новгород-Северск, бывшая столица древнего Северского княжества, воспоминание о котором сохранилось в имени города. Ниже, Короп и Сосница, другие города северян, следуют один за другим в долине Десны, объем которой почти вдвое увеличивается после слияния с важнейшим её притоком, рекой Сеймом.

Половина Курской губернии принадлежит к бассейну Десны, и главный город её расположен недалеко от того места, где река становится сплавной, при соединении двух из её притоков. Курск—великорусский город, имеющий довольно важное торговое значение, как узловая станция железных дорог, направляющихся к Киеву, Москве, Харькову, Ростову. Курская ярмарка, известная под именем «Коренной»[1], была прежде главнейшим годовым рынком на юге России, да и теперь еще обороты её простираются до 4 миллионов рублей (прежде доходили до 15 милл.); но она значительно упала с той поры, как центр торгового обмена между промышленной областью средней России и земледельческими губерниями южной полосы переместился к югу, в Харьков. Соседние города, Щигры, Тим, Фатеж, суть простые рынки для земледельческих произведений окрестной местности, также как и лежащие ниже на Сейме—Льгов, Рыльск, Путивль (древний город). Рыльск замечателен еще как главный складочный пункт для привозимых из Штирии кос, которые отсюда рассылаются по всей Европейской и Азиатской России. Недалеко оттуда, в Черниговской губернии, и уже в Малороссии, находятся важные города Глухов, большой хлебный рынок, Кролевец (с ярмаркой), Конотоп, бывший крепостью в семнадцатом и восемнадцатом столетиях, Борзна, Березна. Конотоп, лежащий при пересечении железнодорожных линий, быстро увеличивает размеры своей торговой деятельности. Прежде важным городом этой страны был Батурин, названный так в честь его основателя, польского короля Стефана Батория, который сделал его резиденцией малороссийских гетманов; Меншиков разрушил этот город в 1708 г., но живописные развалины гетманского замка, вновь отстроенного, потом опять разрушенного, еще возвышаются над домами новейшей постройки, на южном берегу Сейма. В Глуховском уезде находится Шостенский пороховой завод, где приготовляется селитра для всех других заводов России.

1 Эта ярмарка прежде находилась в 27 верст. от Курска, при Богородице-Знаменском монастыре, называемом „Коренной пустынью“, откуда и название ярмарки. *Ред.*

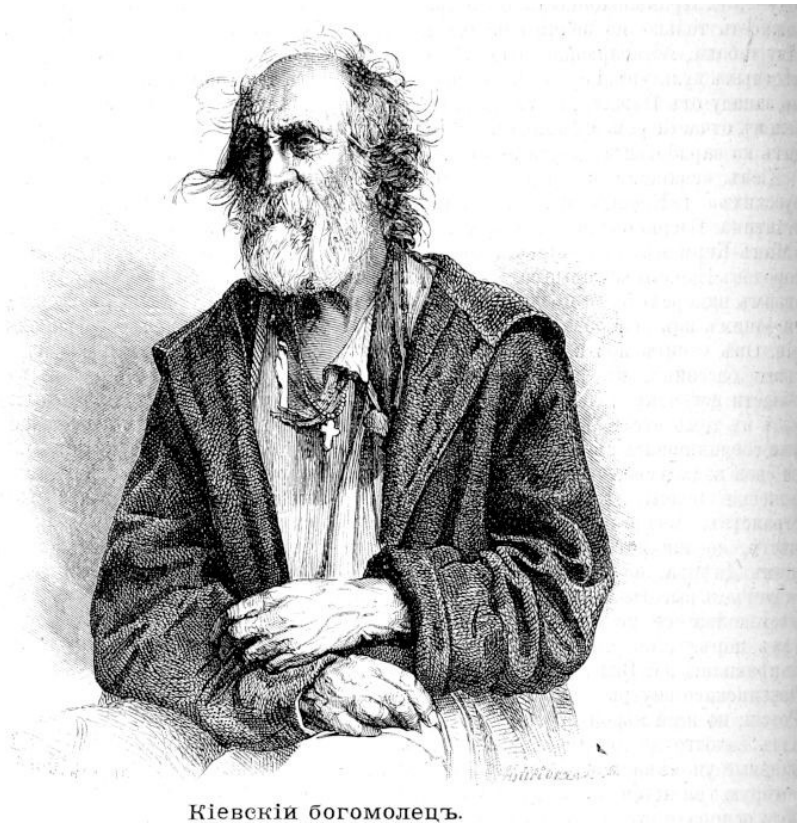
История Чернигова, ныне губернского города, сливается с историей страны. Этот город, один из древнейших русских городов, принадлежал северянам, и в нем до сих пор можно видеть соборную церковь, где некоторые части здания относятся к одиннадцатому столетию. Долго оспариваемый друг у друга литовцами, поляками и москвитянами, он присоединился окончательно к Московскому государству в 1654 году, вместе со всей казацкой Украйной; в настоящее время он принимает участие в обширной торговле хлебом, пенькой и другими земледельческими произведениями, которая обогащает бассейн Десны. Несмотря на свое привилегированное положение в качестве административного центра, Чернигов лишь немногим превосходит по числу жителей (по переписи 1897 г.) Нежин, другой город губернии, расположенный на обоих берегах Остера, небольшого канализованного притока Десны, и при железной дороге из Киева в Москву. В семнадцатом столетии в Нежине поселилась колония греков, которая долгое время пользовалась особенными привилегиями; впрочем, это была скорее каста, чем колония в обыкновенном смысле, так как и другие иностранные выходцы, преимущественно болгары, неумевшие даже говорить по-гречески, вступали в эту группу, с целью возвысить свое общественное положение. Прежде нежинские греки вели значительную торговлю шелком, посылая этот продукт в Турцию, Италию и Австрию; но течения торгового обмена переместились, и греческая колония пришла в упадок. С 1820 года в Нежине существует высшее учебное заведение, основанное на средства частного лица (графа Безбородко), под именем лицея, и преобразованное с 1875 года в филологический институт; со времени преобразования, число студентов уменьшилось (студентов лицея в 1871 году—180; студентов института в 1877 году—31; в 1894 году—55). Промышленность этого края имеет важность только по значительному производству табака, составляющего одну из главных местных культур. Город Козелец, лежащий к западу от Нежина, также на р. Остер, населен отчасти ремесленниками, которые уходят на заработки в другие города.

Киев, «священный город», «мать городов русских» («Киоава» или «Самватас» Константина Багрянородного, «Куява» арабов, «Ман-Керман» татар), есть один из тех городов Европы, которые самым положением своим наперед были предназначены сделаться одним из центров тяжести в ходе истории. Он стоит почти на середине Днепровского бассейна, в равном расстоянии от области истоков и морского прибрежья, как раз в том месте, где все верхние притоки, уже соединившись с главной рекой, приносят ей свои воды и свое торговое движение. Географические поясы лесов, черноземных пространств, степей, очень сближенные в этом месте, соединяются один с другим течением Днепра, над которым Киев господствует с высоты своих гор. Столь выгодное местоположение не могло не быть оценено с тех пор, как мирные торговые сношения направились из Византии и от берегов Понта Эвксинского внутрь материка, к центральной России; по всей вероятности, город существовал задолго до того времени, когда имя его впервые упоминается в летописях: эпоха, в которую три легендарные брата[1], или три народа основали его, теряется в мраке времен, предшествовавших русской истории. Один летописец одиннадцатого века, епископ Дитмар, говорит о его четырех стах церквах: а во время пожара 1124 года пламя, по сказанию летописи, истребило шестьсот храмов. Через Киев проникло и христианство в Россию, именно потому, что этот город находился в непосредственных сношениях с южной Европой. Но самые его богатства служили опасной приманкой и привлекали со всех сторон врагов; он был четыре раза разграблен и разрушен: в 1171 г.—войсками Андрея Боголюбского, князя суздальского, в 1240 г.—монгольскими полчищами Батыя, затем 1416 году татарами и, наконец, в 1584 г.—татарами Крымской Орды, союзниками Ивана III Московского; впродолжении десяти лет, как говорят, холм, где был построен гордый город, оставался пустынным. Но он поднялся из своих развалин, и хотя Киев давно перестал быть центром славянских княжеств, хотя он таким образом утратил притягательную силу, обыкновенно оказываемую столицами, хотя он часто был отрезываем от своих прямых сообщений с морем и опустошаем войнами, он все-

1 Баснословное предание приписывало основание города трем братьям: Кию, Щеку и Хореву, имена которых будто бы сохранились в названии Киева и двух соседних холмов: Щековицы и Хоревицы. *Перев.*

таки сохранил одно из первых мест между славянскими городами: теперь он седьмой город Российской Империи по численности населения. (В 1889 г. из общего числа жителей, 186.041, было: 144.070 православных, 18.871 католиков, 2.375 протестантов, 1.135 сектантов и 16.691 евреев).

Пространство, занимаемое Киевом, на террасе, которая возвышается на 330—430 фут. над поверхностью реки, на скатах холмов и на поясе земли, который тянется у их основания, составляет около 47 кв. верст. Дома следуют длинным рядом вдоль реки, или в некотором расстоянии от её вод, на протяжении около десяти верст; не везде соединенные в сплошные кварталы, они, по крайней мере, достаточно сближены одни с другими, чтобы различные части города образовали связное целое. Однако, обширные пространства еще не заняты постройками, или на них не встречается других жилищ, кроме настоящих ям, выкопанных в земле, или мазанок из глины. В 1874 г. в Киеве насчитывалось 9.867 строений; из них:



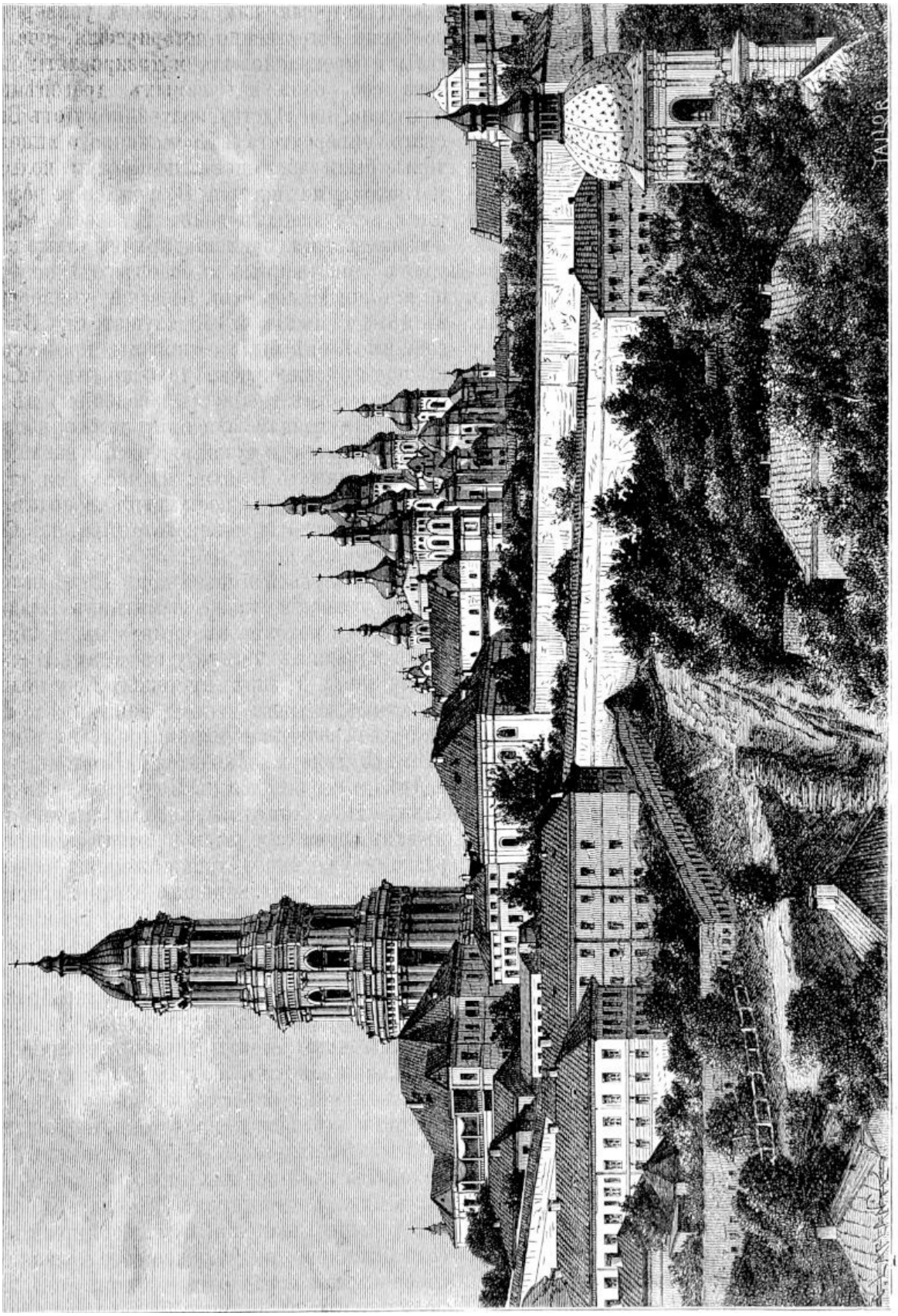
Кіевскій богомолецъ.

Строений из дерева—64,68%; из дерева и камня—14,75%; из камня—12%; из глины—8,57%.

Некоторые улицы Киева по ширине похожи на площади; группы и аллеи высоких пирамидальных тополей, ростущих там и сям по скатам холмов, своей зеленью составляют яркий контраст с позолотой куполов многочисленных церквей. Не разростаясь наружу, Киев может вместить еще двойное, даже тройное количество своего теперешнего населения, покрывая домами пустопорожния или малозастроенные пространства. Город делится на три части: Старый Киев, Печерск и Подол, и каждая из этих частей имеет свою особенную физиономию. Внизу, Подол, раскинувшийся в соседстве с рекой, служит средоточием торговли и промышленности; он занимает в обширной выемке плоскогорья, полуденную часть равнины, в которой река Почайна соединяется с Днепром, и над которой с северной стороны господствует холм Вышгород,—село св. Ольги, где жили жены Владимира-язычника. К югу от Подола, нагорье, разрезанное тремя глубокими оврагами, перпендикулярными к направлению реки, приближается к высоким берегам Днепра, и крутые скаты его сливаются, наконец, с этими берегами. Овраги делят город на особенные кварталы.

Из всех этих высоких мысов нагорного берега, следующих один за другим по направлению от севера к югу, третий оканчивается наиболее величественным выступом над рекой, а

на самой оконечности его высится одно из славнейших религиозных зданий Киева, одна из главных его святынь—храм Андрея Первозванного[1]. Собор св. Софии или Премудрости Божией (с гробом основателя храма, князя Ярослава), стоящий на том же отрывке плоского-



Кіево-Печерская лавра.

рья, но в центре Старого Киева, есть, вместе с соседними «Золотыми Воротами», один из

1 Храм этот построен на том месте, где, по преданию, св. апостол Андрей водрузил крест и предсказал, что здесь будет великий город и на горах благодать Господня воссияет. *Перев.*

древнейших архитектурных памятников России в некоторых его частях, пощаженных огнем в эпоху нашествия Батыя: тут видны еще уцелевшие от времен глубокой древности ряды кирпичей и камней, несколько мозаичных и фресковых изображений (греческой работы), но большая часть украшающих его произведений иконной живописи была реставрирована или, вернее сказать, переделана. Прекрасная улица Крещатик, одна из красивейших улиц Киева, занимает овраг, отделяющий Софийскую террасу от террасы Липки; далее следует Печерск, южный выступ гор, на котором расположен Печерский монастырь и группа церквей Лавры[1], почитаемые главнейшей святыней России; они возвышаются над тем местом, где были крещены первые русские. При входе в ограду Лавры величественно представляется, посреди широкого монастырского двора, семиглавая соборная церковь Успения Божией Матери и за нею высокая, четырех-ярусная колокольня. Во внутренности горы идут многочисленные пещеры, извилистые подземные галлереи, происхождение которых, может быть, одинаково с происхождением других пещер, лежащих на севере, где найдены остатки, относящиеся к каменному веку[2]; однако, они были, по крайней мере отчасти, ископаны св. Иларионом и другими отшельниками и превращены уже много веков тому назад в часовни, в подземные церкви (между ними особенно чествуется церковь св. Антония и церковь св. Феодосия), в ниши, в углублениях которых стоят гробницы; песчаные слои, залегающие в толще плоскогорья между двумя пластами глины, и в которых открываются все эти подземелья, хранят мощи подвизавшихся в пещерах св. угодников. Есть отдельные кельи с одним узким отверстием над наглухо заложенным входом; в них спасались затворники; только раз или два в неделю у отверстия клали просфору, и если она оставалась нетронутою впродолжении недели или двух, заключали, что святой затворник скончался; тогда его отпевали в той же самой пещере, где он похоронил себя заживо. В одной из гробниц покоится «Преподобный Нестор Летописец», который жил в Печерском монастыре и, без сомнения, написал там часть летописей, которые ему приписываются. Лавра с её святынями привлекает массы богомольцев, как малороссов, так и великороссов: каждый год до 300.000 человек приходит со всех концов России поклониться св. мощам и иконам, а в большие праздники, особенно в Троицу и в день Успения, тысячи богомольцев толпятся у ворот монастыря. Так как огромные комнаты монастырских гостиниц не могут вместить всей этой массы гостей, то множество странников располагаются на ночлег во дворах и на дорогах: в ночь на 15 августа 1872 года было насчитано около 72.000 богомольцев, расположившихся на голой земле. При появлении эпидемии в крае, она заносится богомольцами и в Киев; там она производит такия же опустошения, как холера между мусульманскими хаджи, стекающимися в Мекку, и оттуда разносится во все части России. В голодные годы число странников увеличивается: путешествие к киевским святым местам дает им право выпрашивать в виде подаяния хлеб, которого им негде было бы взять дома.

Старинные укрепления, защищавшие Лавру, были в новейшие времена расширены и увеличены правильными крепостными верками, которые окружают весь холм. Самый город Печерск был почти совершенно разрушен, чтобы дать место крепостным сооружениям. Напротив, ограда Старого Киева была снесена; в этой-то части и развивается новый город; по выработанным недавно проектам, еще неполучившим осуществления, новые форты должны быть воздвигнуты в том месте, где находятся университет, обсерватория и другие большие здания; пока же форты сооружены на высотах, господствующих над линией железной дороги и над долиной Лыбеди. Киевский университет, переведенный сюда из Вильно, после польского восстания 1831 года, может принимать в число своих слушателей не более

1 Основание Печерского монастыря положено, в 1062 г., преп. Антонием, который поселился в пещере на берегу Днепра (ископанной Иларионом); когда слава о его подвижничестве привлекла к нему нескольких последователей, он образовал из них общину, поставил им игумена, а сам затворился в пещере и не выходил из неё 40 лет. Настоящим устроителем этого монастыря, которому Изяслав I отдал всю соседнюю гору, явился второй его игумен, св. Феодосий. Впоследствии вблизи монастыря была выстроена так называемая Киево-Печерская лавра, с главной её святыней - иконой Успения Богоматери. *Перев.*

2 Антонович, „Отчет Исторического общества Нестора-Летописца“.

1/5 студентов католического вероисповедания. Это третий университет России, хотя он много потерял—в первый раз во время последнего польского восстания, в котором приняли участие студенты-поляки, а потом в 1878 году, когда 140 студентов были высланы. Некоторые из коллекций университета, особенно естественно-исторические, очень богаты и прекрасно систематизированы; библиотека его—одна из самых драгоценных, благодаря наследству, полученному от Виленского университета и Кременецкого лицея, которые были обогащены подарками польских магнатов: по истории Возрождения, реформации и религиозных войн тут есть редкия и весьма ценные сочинения; архивы также заключают единственные в своем роде документы по истории Малороссии. Киевский университет в 1894 г. имел 2.453 слушателя. В 1878 году в Киеве были основаны профессорами высшие женские курсы. До открытия университета, высшим учебным заведением в городе была духовная академия, также имеющая свою библиотеку и музей; она расположена близ реки, в начале Подола: в число её студентов до сих пор поступают молодые люди из всего южного славянского мира, из Сербии и Болгарии.

Кроме церквей и школ, в Киеве заслуживают внимания также памятник Владимиру Святому и колонна в память крещения русского народа в 988 году в водах Почайны. В ту эпоху Днепр протекал не у подножия киевских холмов,—его течение имело гораздо более восточное направление, на том месте, где теперь находится «Чертов ров», и Днепр соединялся с Почайной только при начале Печерского мыса. В последнее время Днепр снова стремится войти в свое прежнее русло, и уже много лет инженеры работают над тем, чтобы, помощью плотин, поставить преграду такому перемещению. Во что бы то ни стало нужно сохранить русло реки вблизи промышленного и торгового Подола, с его складами леса, хлеба, сахара и разнообразными мануфактурами. Два моста через Днепр построены ниже Киева. Первый, висячий, имеющий мало равных себе в Европе, начинается от крутого берега у подножия Лавры: он состоит из шести пролетов, имеющих в сумме 375 саж. длины. Железнодорожный мост находится в 3 верстах к югу от первого. Как пункт по торговле хлебом, Киев имеет меньшее значение, чем соседнее с ним село Ржищево, получившее свое название от слова «рожь» и расположенное на том же берегу, но несколько ниже по течению реки.

Ближайший к Киеву город, Васильков, лежит в 40 верстах к юго-западу, на небольшом западном притоке Днепра—Стугне. Это также один из древних городов, основанный еще в десятом веке. Третья часть его жителей—евреи,—процент еще небольшой сравнительно с другими городами Киевской губернии к западу от Днепра. В Сквире, на одном из верхних притоков Роси, они составляют половину населения; в г. Тараще, находящемся в бассейне той же реки, евреев более третьей части; некоторые роды промышленности находятся совершенно в их руках, как, напр., сапожное и портняжное ремесло, постройка домов. Белая Церковь, на Роси, бывшая одним из главных казацких городов, замечательна еще тем, что тут гетман Богдан Хмельницкий подписал в 1651 году вторичный договор с Польшею, по которому последняя признала автономию Украйны. Будучи торговым городом, где выделываются также земледельческие машины, Белая Церковь есть вместе с тем средоточие обширных поместий; в замке, находящемся там, есть драгоценные исторические документы. Равнина между Стугной и Росью славна в истории теми битвами, которые происходили здесь между русскими и куманами, между христианами и магометанами, между татарами и поляками; русские князья, начиная с Владимира Святого, поселяли здесь побежденные тюркские и даже чудские племена; о существовании этих колоний свидетельствуют географические имена. Сотни курганов, насыпанных на холмах, вздымающихся по берегам Роси, напоминают о вождях, павших здесь на полях битвы. К югу от Стугны видны остатки древних укреплений, воздвигнутых против половцев или куманов. Эти окопы известны под именем Змиева Вала: согласно легенде, дракон, запряженный в плуг какого-то героя или святого, прорыл ров вдоль вала. Везде, где производятся раскопки в этих местах, именно в Корсуне и Каневе, находят человеческие кости, оставшиеся там после осад и сеч. Немного ниже Канева, на холме, возвышающемся над Днепром, находится могила поэта Шевченко, родина которого недалеко отсюда.

По другую сторону Днепра, в Полтавской губернии, река Трубеж прорезывает одну из самых славных в истории частей Малороссии. Переяславль, лежащий при слиянии Трубежа с Альтою, основан, как говорят, еще Владимиром Равноапостольным на том месте, где он победил печенегов, и с того времени город этот сделался аванпостом Киева, куда собирались княжеские дружины для отражения набегов южных кочевников. Во время казацких войн, Переяславль был также одним из главных пунктов военных действий, и в нем Богдан Хмельницкий и казацкая рада, в 1654 году, решили отдаться под покровительство царя Алексея Михайловича. В прежнее время Трубеж был судоходен, о чем свидетельствует, между прочим, якорь, найденный в береговых наносах этой реки; теперь же пристань находится в 7 верстах к западу от города, в деревне Андруши, лежащей на одной из излучин Днепра. Золотоноша, лежащая к югу, также удалена от реки и принуждена перевозить свои продукты до Днепра гужем. Главная пристань этой части Днепра—древние Черкасы, по местному преданию основанная «черкесами» и передавшая это название также днепровским казакам. Город этот расположен на правом берегу реки, на мысе, размываемом водою. Чигирин на Тясмине, расположенный у подошвы холма, доставляющего жерновой камень, также один из бывших главных городов казаков; он был защищен еще лучше Черкас обширными окружавшими его болотами. К востоку, Тясмин соединяется с Днепром целою сетью блуждающих речек, впадавших когда-то в исчезнувшее теперь озеро, на месте которого были находимы обломки погибших судов[1]. Полузатопленные леса этих низин служили, может быть, убежищем для некоторых мелких племен мордвы и хазар, на что до некоторой степени указывают названия деревень; а во времена исторические, как это достоверно известно, они же давали приют казакам, и преследование их там было сопряжено с большим трудом. В церкви одной из деревень этой местности, в Суботове, находилась гробница Богдана Хмельницкого, разрушенная поляками.

Один из менее неудобных путей чрез эту болотистую местность пролегал вблизи устья Тясмина, в том месте, где частые наводнения Днепра несколько возвысили местность наносами песка и глины, и здесь происходили постоянные битвы между поляками, казаками и татарами из-за обладания этим стратегическим пунктом. Поляки построили тут крепость Крылов, которая потом была перенесена несколько дальше, и с 1821 года получила название Ново-Георгиевска; но город и до сих пор известен в народе под своим прежним названием. На левом берегу Днепра, как раз против Ново-Георгиевска и тясминских болот, лежит Градижск (Городище), пристань которого, также, как и пристань Крылова, ведет значительную торговлю лесом и скотом. От Василькова до Чигирина почти нет деревни, которая не упоминалась бы в истории народных восстаний семнадцатого и восемнадцатого веков. А теперь тут широко раскинуты громадные поместья польской и русской аристократии, с дворцами и свеклосахарными заводами. Отдельная железная дорога с ветвями до Днепра связывает эти фабрики с главными складочными пунктами.

В бассейне реки Сулы, который занимает большую часть западной половины Полтавской губернии, есть несколько более или менее значительных городов; большая часть их окружена фруктовыми деревьями и табачными плантациями. Недригайлов или Дригайлов, близ верховья реки, основан в начале семнадцатого столетия, беглыми украинцами. Ромны, также в верхней долине,—важный торговый пункт: на его ярмарках, известных с прошлого столетия, продается товаров на сумму до 2 миллионов рублей: сотни его жителей каждогодно уходят в соседния губернии для мелкой розничной торговли. Лохвица, лежащая ниже по течению Сулы, Прилуки и Пирятин на Удае, западном притоке Сулы, также, как и Ромны, занимаются преимущественно культурой табака; г. Дубны, лежащий ниже впадения р. Удай,—богатый город, с кожевенными заводами и фруктовыми садами.

Псёл, впадающий в Днепр немного ниже Кременчуга, многоводнее Сулы и протекает по трем губерниям: Курской, Харьковской и Полтавской, всего на протяжении 435 верст. Ольшанка, недалеко от его верховья, имеет винокуренный завод и производит большое ко-

1 Шмидт, „Материалы для географии и статистики России". „Херсонская губ."

личество сапог; Обоянь имеет некоторое значение как земледельческий рынок, отправляющий зерновой хлеб и скот в Москву, Херсон и Одессу. Ниже по течению, в небольшом расстоянии от реки к северу, лежит Суджа, а также Мирополье и Сумы; город Сумы—один из торговых в Украйне, с ежегодным оборотом на ярмарках до $2^1/_2$ милл. рублей. Еще ниже по реке стоит Лебедин, в котором Петр Великий делал приготовления перед Полтавской битвой, и где друг царя, Меншиков, умертвил, как говорят, 900 человек; еще до сих пор там можно видеть высокий холм, называемый могилою гетманцев. Далее следует Гадяч, довольно древний укрепленный город, в котором в 1658 году был заключен договор о федеральном союзе между Украйною и Польшею. Ниже по течению находится Рашевка, главный пункт артелей малороссийских прасолов, а недалеко от неё Сорочинцы—родина Гоголя. На притоках Псёла находится к востоку Зеньков, а в западу Хороль и Миргород, население которого частию состоит из чумаков.

Главным рынком нижнего течения Псёла и торговым центром всей Малороссии считается Кременчуг, один из главных пунктов судоходства по Днепру, соперничающий по числу жителей с Полтавою; весною население его удвоивается: там производится перегрузка товаров: в городе и в его предместьи, Крюкове, лежащем на правом берегу Днепра, насчитывают в это время до 70.000 человек. Большие соляные магазины, принадлежащие казне, склады леса и дровяные дворы занимают большую часть берега в Крюкове. Промышленные заведения Кременчуга питают отчасти и местную торговлю: тележные мастерские, заведение земледельческих машин, кожевенные, паровые лесопильни и табачные фабрики ежегодно вырабатывают продуктов на очень большую сумму. В Кременчуге и теперь еще видны остатки крепости, построенной в 1635 году Бопланом; но самое замечательное сооружение города и в то же время одно из чудес технического искусства в Европе—крытый мост длиною в 450 саж., по которому ходят железнодорожные поезда из Харькова на Балту. Кроме этого моста, есть еще другой, плашкоутный, соединяющий город с предместьем. Весной, город иногда бывает совершенно затоплен: пожары также опустошают его довольно часто; он постоянно строится, с каждым годом разростается, но от этого не делается красивее.

Река Ворскла, близко напоминающая своими извилинами Псёл, немного короче его, но, также, как и он, протекает по трем губерниям—Курской, Харьковской и Полтавской. В верхней части на ней стоит Грайворон, ниже его,—Ахтырка, посещаемая богомольцами; затем в нее впадает Мерль, орошающий поля уездов Богодуховского и Краснокутского. Полтава, губернский город, расположена на правом берегу Ворсклы, при впадении в нее речки Полтавки, около места соединения всех выше лежащих по течению реки долин. Упоминаемый уже в двенадцатом веке, город этот, как и все другие степные города, был свидетелем битв и сеч; но имя его прогремело в Европе только после кровопролитного сражения 1709 года, когда Карл XII, этот «последний из варягов», закончил свое метеорное движение, и когда Россия, переставши, так сказать, быть азиатским государством, заняла место среди европейских держав. Различные памятники, воздвигнутые в городе и на поле битвы, напоминают о поражении шведов. До половины настоящего столетия Полтава возрастала весьма медленно; только с тех пор, когда перенесена была в город весьма важная ярмарка, он стал быстро развиваться, и обширные пространства, некогда занятые садами, начали покрываться зданиями. На Ильинской ярмарке торговые обороты достигают, средним числом, 12—15 миллионов рублей: торговля ведется преимущественно шерстью; велик также торг лошадями, табуны которых пригоняются с берегов Дона. Промышленность и торговля Полтавы находятся большею частью в руках евреев. Немецкие колонисты ввели в этой местности производство сукон и одеял. Некоторое значение приобрело также изготовление простых тканей в Кобеляках—городе, лежащем ниже Полтавы, почти на половине дороги от Днепра. Немецкие колонисты, живущие по деревням в окрестностях недавно основанного города Константинограда, в долине речки Орель, также занимаются выделкой сукон для армии.

Другой недавно основанный город, Екатеринослав, только в настоящем столетии приобрел некоторую важность, будучи возведен на степень губернского города. Близ того места,

где находится теперь город, в 1635 году инженером Бопланом была основана для Польши крепость Койдак, разрушенная потом казаками. Деревня Ново-Койдак заняла место бывшей крепости; в 1784 г. население её не достигало и 450 душ. Вблизи этого-то места, верстах в 6 ниже, Потемкин основал, спустя два года, в честь Екатерины II, город, который он хотел сделать столицею Новороссии. Положение Екатеринослава при большом повороте Днепра, выше порогов, было весьма благоприятно: на небольшом расстоянии к югу, в Лоцманской Каменке, должны останавливаться все барки и лодки, чтобы взять лоцманов, или для перегрузки товаров. Почти против самого города находится устье реки Самары; гранитные пороги превратили ее в обширное болото в нижнем течении—между Павлоградом и Новомосковском (Самарчик запорожцев). Эти города, столь же недавние, как и Екатеринослав, тоже заменили прежния казацкия станицы. В 1785 г., Павлоград дал убежище корсиканским солдатам, после сдачи ими испанцам, за три года пред тем, порта Магона.

Ниже порогов лежит пристань Александровск (город основан в 1770 году на левом берегу Днепра, как раз против славного острова Хортицы), где останавливаются суда после перехода, иногда очень опасного, через пороги, и откуда отправляется извозом зерновой хлеб в Бердянск—порт на Азовском море; в ближайшем будущем железная дорога должна заменить перевозку гужем по степям. Ниже Александровска Днепр поворачивает мало-помалу к западу; река Конская, берущая начало у Орехова, впадает в этом месте в Днепр; она в течение долгого времени служила границею между владениями запорожцев и татар. Обширные болота, песчаные мели и изменчивые излучины реки, часто заливаемые, весьма затрудняют переправу через Днепр в этом месте его течения; поэтому, город Никополь, некогда известный под именем Никитина Перевоза, издавна получил некоторое значение, благодаря своему положению на мысе правого берега, выше места съужения речной долины: но город должен постоянно отодвигаться в степь, так как течение реки размывает ежегодно часть крутого берега, на котором он расположен[1], и могилы кладбища низринулись в реку, вместе с находящимися в них костями. К Никополю направлялись и направляются дороги, ведущие к переправе через реку, в Знаменку—на другом берегу: здесь пролегал чумацкий тракт, по нем ездили чумаки в Крым за солью, и маленькия каботажные суда поднимаются вверх по Днепру до этого места. Немного ниже, на северном берегу Днепра, виднеются два места, где некогда была Запорожская Сечь: в самой же Старой Сече, существовавшей с шестнадцатого столетия и разрушенной по приказанию Петра Великого, крутой берег подмыть течением; соседние острова, уменьшаясь с одной стороны, увеличивались с другой, так что они как будто перемещались по реке[2]. Из Никополя обыкновенно посещают лежащую к северу «Толстую Могилу» скифов, в которой была найдена драгоценная ваза почти греческой работы, с рисунком, изображающим ловлю диких лошадей. Берислав, или Борислав, расположенный на том же берегу Днепра, как и Никополь, имеет подобное же преимущество: когда пароходы еще не перевозили чумаков и их обозы, 70 больших баркасов служили для переправы между Бериславом и его предместьем, Каховкой. Во время Крымской войны в этом месте переправилась большая часть войска и обозы с провиантом. Некогда Берислав был татарской крепостцой, носившей название Кизы-Керман, и, говорят, железные цепи были протянуты через реку, достигающую в этом месте во время разливов 4 верст в ширину. В 1696 г. крепость эта была взята Петром Великим.

Река Ингулец, по мнению некоторых ученых «Геррус» Геродота, впадает в Днепр выше Херсона и издавна имела важное торговое и стратегическое значение, так как течет почти по прямой линии с севера на юг, от места впадения Тясмина до Днепровского лимана, и таким образом дает возможность миновать длинный изгиб Днепра с его порогами и болотистыми мелями нижнего течения. Только один пункт, с населением в 10.000 человек, существует в этом бассейне, большая часть которого была обращена в пустыню, чтобы избежать татарских набегов. Пункт этот—город Александрия, основанный в восемнадцатом столетии под именем

1 Чубинский. „Поездка в Южную Россию".

2 Чубинский, таль же.

Беча, в верхней части Ингульца. Около середины течения этой реки, в месте слияния её с Саксаганой, известном под именем «Кривого Рога», недавно открыты богатые месторождения железной руды, которая, при содержании от 48 до 70 процентов чистого металла, заключает в себе лишь незначительные количества серы и фосфора. По мнению инженера Конткевича, эта руда может считаться лучшей во всей России, лучше даже уральской. Запасы руды в известных уже залежах исчислены по меньшей мере в 130 милл. тонн (свыше 8 миллиардов пудов).

Алешки, на южном берегу реки, в прежния времена был морским портом для нижнего течения Днепра: с десятого века он служил складочным местом торговли греков с «варягами», чрез Киев. То был город Олеши; это название генуэзцы превратили в Эличе (Elice), а это последнее постепенно изменилось в Алешки; но слово это в первоначальном своем значении выражает то же, что и Гилеа (Hylea) Геродота, т.е. «Лесной». Однако, всякие следы леса давно исчезли в этой местности. Прогнанные в 1711 году из своего стана, находившагося при впадении Каменки в Днепр, запорожские казаки поселились близ Алешек, входивших тогда в состав владений крымских татар; но в 1733 году, по достижении соглашения с русским правительством, которое сначала приказало вешать всякого запорожца, захваченного в русских владениях, казаки оставили «землю неверных», чтобы основать «новую сечь». Алешки—торговое предместье Херсона, лежащего почти напротив, на правом берегу Днепра, в 10 верстном расстоянии. Отсюда доставляется в Херсон скот, зерновый хлеб, кожи, фрукты и арбузы, очень ценимые на всем юге России.

Херсон, главный город одной из самых населенных губерний России, по числу жителей и торговле стоит гораздо ниже Одессы; он уступает даже Николаеву—порту при устье Буга; но, как сторожевой пункт при входе в Днепр, он не мог не удержать за собой значительную часть торговли южной России. Однако, мели, острова и песчаные наносы не позволяют большим судам подниматься до города,—они должны останавливаться в 35 верстах к западу от Херсона, в лимане. Основывая Херсон на месте небольшого укрепления Александр-Шанца (по-немецки Alexander-Schantze) и давая ему прекрасное греческое имя, Потемкин рассчитывал на более славное и более счастливое будущее для этого города; в настоящее время в Херсоне осталось только небольшое число греков, хотя первоначальное население его состояло почти исключительно из переселенцев этой национальности. Хотя Херсон ведет довольно большую отпускную торговлю, в особенности лесом, зерновым хлебом и кожами, но все-таки значительная часть его торговой деятельности состоит в каботажной отправке товаров в Одессу, откуда он получает иностранные товары. Часть старинных укреплений Херсона существует еще и до сих пор. Припомним надпись, которую Екатерина II могла прочесть на воротах одного строившагося здания: «Здесь дорога в Константинополь».

Перечень городов с населением свыше 5.000 душ, в бассейне Днепра, ниже впадения в него Припети (число жителей губернских и других значительных городов показано по предварительным результатам переписи 28 января 1897 г.):

Волынская губерния: Житомир—64.452 жителя.

Орловская губерния: Брянск—20.592 жит.; Севск—8.604; Дмитровск—6.990; Трубчевск—5.443.

Курская губерния: Курск—52.908 жит.; Рыльск—16.912; Путивль—12.579; Обоянь—10.830; Фатеж—6.116.

Черниговская губерния: Нежин—31.892 жит.; Стародуб—25.195; Чернигов—25.580; Конотоп—22.834; Глухов—17.622; Борзна—11.892; Березна—10.790; Новгород Северск—8.389; Кролевец—13.330.

Киевская губерния: Киев—248.750 жителей; Бердичев—53.728; Белая Церковь—20.700; Васильков—19.720; Черкасы—29.620; Тараща—25.002; Сквира—17.317; Чигирин—17.954; Канев—9.843; Радомысль—8.126.

Полтавская губерния: Полтава—53.060 жит.; Кременчуг—57.879; Кобеляки—15.932; Прилуки—17.291; Зеньков—14.945; Переяславль—13.795; Гадяч—10.579; Лохвица—10.742;

Золотоноша—9.900; Миргород—13.055; Градижск—10.805; Ромны—20.925; Хороль—7.225; Лубны—10.910; Пирятин—6.812.

Харьковская губерния: Ахтырка—27.085 жителей; Лебедин—16.160; Сумы—26.622; Белополье—17.241; Богодухов—12.149; Недригайлов—6.098; Краснокутск—5.641.

Екатеринославская губерния: Екатеринослав—121.216 жит.; Павлоград—32.528: Новомосковск—23.275; Никополь—8.144.

Херсонская губерния: Херсон—69.219 жит.; Александрия—13.310; Ново-Георгиевск—9.042; Берислав—11.789.

Таврическая губерния: Алешки—10.525 жителей; Орехов—5.161.

Подолия принадлежит всецело к бассейнам Буга и Днестра, и большая часть её городов лежит или по течению, или в соседстве этих рек. Город Проскуров, окруженный высокими холмами, лежит среди болотистой равнины, где берут начало несколько ручьев, впадающих в нарождающийся Буг; там же находятся поселения поляков, известных под общим именем «мазуров». Меджибож, или Междубужье, названный так потому, что находится между Бугом и притоком его, Бужком, также частию защищен болотами, что и побудило избрать эту стратегическую местность сборным пунктом русских войск близ австрийской границы. Ниже по Бугу следует Летичев, один из городов Подолии, часто подвергавшихся опустошениям от поляков и казаков. Хмельник окружен действительно полями хмеля, а ниже в долине Буга лежат богатая Винница (в семнадцатом столетии она была главным пунктом одного из казацких полков, горячо отстаивавших свою свободу), и еврейский Брацлав—некогда главный город большой польской провинции. К западу от реки, при подошве большого холма, стоит Литин, а дальше на юго-запад, в долине Рова, находится приобревший известность в истории город Бар, в котором, в 1768 году, образовалась конфедерация, заявившая протест против уступок, сделанных диссидентам[1], и тем самым приведшая Польшу к окончательному падению. Небольшой городок Киевской губернии Липовец, лежащий к востоку, напоминает о татарах-липанах, давно живших в этой местности. Соб, протекающий около Липовца, впадает в Буг и нижним своим течением орошает окрестности более населенного города—Гайсина или Хайсина. Синюха, главный из притоков Буга и некогда граница «запорожской вольницы», начинается в Киевской губернии и получает свои воды из Звенигородского и Уманского уездов. Умань—значительный торговый город, в котором казаки и малороссийские крестьяне в 1768 году, желая отмстить «Барским конфедератам», произвели всеобщую резню поляков и евреев, укрывавшихся в этом месте; в настоящее время евреи там более многочисленны, чем когда-либо. Ново-Миргород, сначала колония миргородских казаков, а затем центр Новой-Сербии, лежит на восточном притоке Синюхи.

Балта, лежащая почти на половине расстояния между Днестром и Бугом, но на притоке последнего, приобрела большое значение в последние годы, как пункт пересечения железных дорог из Одессы в Бреславль и из Одессы в Москву. В Балте производится обширная торговля скотом и земледельческими произведениями, в которой участвуют также соседние города Ольгополь и Ананьев и которая направляется почти исключительно к Одесскому порту.

Вступая в Херсонскую губернию, Буг, соединенный с Синюхой, омывает Ольвиополь, затем змееобразно извивается по степи. Город Вознесенск, в окрестностях которого бывают большие кавалерийские маневры, стоит на левом берегу реки, при впадении в нее Мертвой воды. Буг, расширяясь мало-по-малу, переходит в лиман гораздо раньше, чем в него впадает его главный приток, Ингул, в бассейне которого расположены два важных города Елисаветград и Бобринец. Елисаветград в прошлом столетии был не больше, как простая крепостца и маленькая колония беглых раскольников; но, подобно Ингульцу, Ингул представляет в торговом отношении ту выгоду, что по нем могут спускаться товары с севера на юг почти по прямой линии, укорачивая таким образом расстояние между средним Днепром и лиманом

1 Православным и протестантам. Рея.

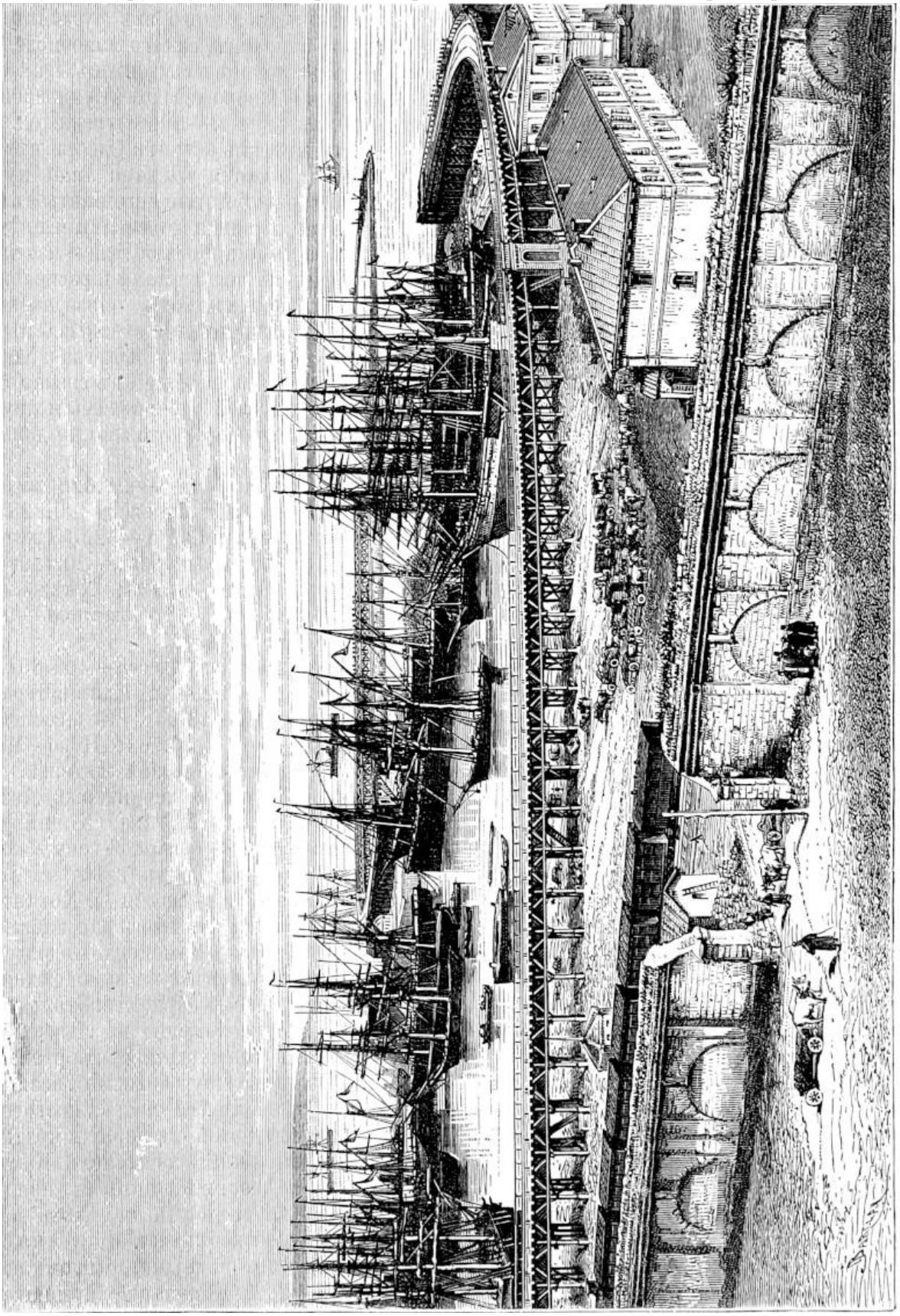
реки; этим и объясняется, почему Елисаветград, сделавшись главным средоточием торговли между Кременчугом и Одессой, развился с чисто американской быстротой. В последние годы в окрестностях города разрабатываются залежи лигнита.

Николаев расположен немного выше слияния Буга и Ингула, на обоих берегах реки, уже превратившейся в этом месте в лиман под влиянием морских вод. Это также один из быстро ростущих городов; но своим цветущим состоянием он обязан преимущественно правительству. С 1789 года Николаев превращен в главную морскую станцию на Черном море. Между тем как главные действующие морские силы были сосредоточены в Севастополе, Николаев, построенный внутри страны, в некотором расстоянии от прибрежья, получил более важное назначение—строить и снаряжать корабли и заготовлять провиант; но он имеет и некоторые невыгоды—особенно ту, что большие корабли могут приставать к нему не иначе, как облегченные от своего вооружения; фарватер на баре имеет глубину лишь в 6-7 метров (20-23 фут.). Этот обширный город, с широкими, пыльными и уходящими далеко в степь улицами, застроенными низкими домами, состоит из центрального квартала, вокруг которого группируются многочисленные военные предместья. Николаев, русский Тулон, имеет, кроме казарм, обширные сооружения, замечательные как по своей величине, так и по своим механическим приспособлениям. Молы, пристани, доки, верфи тянутся вдоль Ингула; тысячи рабочих населяют мастерские, в которых приготовляются щиты для брони, колеса, лафеты, пушки, паровые котлы и вообще все железные или деревянные предметы, необходимые для снаряжения и вооружения кораблей; пловучий док, стоящий на якоре, принимает броненосные суда. Укрепления возвышаются со всех сторон в окрестностях города и по обоим берегам Буга, ниже слияния. Хотя Николаев предназначен специально для военных целей, тем не менее он имеет некоторое значение и для мирного торгового обмена; он является наследником милетской Ольвии, находившейся несколько ниже, близ слияния обоих лиманов—Днепровского и Бугского, у «Ста Могил». Николаев не может соперничать с Одессой по части непосредственного импорта, но он отпускает довольно значительное количество зернового хлеба, особенно в урожайные годы, и несколько пароходных линий имеют здесь свою пристань. Движение Николаевского порта в 1895 г.: по заграничному плаванию: пришло—515 судов, в 710.182 тон.; отошло—523 судна, в 724.966 тонн: каботаж: пришло—777 судов, в 264.078 тонн; отошло—608 судов, вместимостью в 242.520 тонн. Ценность вывоза в 1895 г. выразилась цифрой 17.168.604 руб.

Город Очаков, или Кара-Керман, т. е. «Черная крепость», расположен на северном берегу морского лимана, в который впадают Буг и Днепр, и может быть рассматриваем как передовой порт Николаева. Некогда, благодаря своему стратегическому и торговому положению, он был одним из самых важных пунктов на Черном море. Основанный в 1492 году одним из татарских ханов на месте греческой крепости, он часто был оспариваем друг у друга русскими и магометанами во время многочисленных войн и, наконец, окончательно перешел под власть России в 1788 г., после кровопролитнейшей осады, окончившейся избиением турецкого гарнизона. В 1854 году, во время Крымской войны, Очаков и крепость Кинбурн, на южной оконечности при входе в лиман, подверглись нападению эскадры союзников.

Одесса, самый значительный торговый порт южной России, не лежит, подобно Херсону, Николаеву и Очакову, при устье реки, которая давала бы доступ внутрь страны; лиман Хаджи-Бей, некогда сообщавшийся с морем, давно уже представляет из себя лагуну с солоноватой водой, и при том он питается лишь временными водами, спускающимися из степи. Несмотря на это, Одесса может считаться истинным портом Днепра и Днестра, подобно тому как Марсель является гаванью Роны, а Венеция—гаванью реки По. Трудности входа в устье обеих главных рек Малороссии заставили моряков избрать приморским центром береговой пункт с более легким доступом, и Одесский залив действительно представляет все необходимые для этого условия. Суда могут подходить сюда безопасно, а гладкия степные дороги дозволяют без труда подвозить товары к дорогам, идущим вдоль рек. Кроме того, из всего западного бассейна Черного моря Одесский залив наиболее глубоко вдается в материк, а бе-

рег в этом месте изменяет направление—с одной стороны к югу, а с другой к востоку, вследствие чего естественные пути страны направляются к Одессе в гораздо большем числе, чем к какому-либо другому пункту морского берега. Значение Одессы быстро возрастало, особенно



Одесскій портъ.

с тех пор, когда к преимуществам географического положения присоединились еще выгоды, доставляемые молами, складами, железными дорогами и установившимися сношениями. С основания Одессы прошло всего только около ста лет: на том месте, где раскинулись теперь

её дворцы, еще в 1789 году находилась татарская деревня, вокруг крепости Хаджи-Бей. В 1794 году Одесса получила свое настоящее имя от греческой колонии, основанной некогда на этой части морского побережья в память славного Улисса. В начале девятнадцатого столетия Одесса имела уже население в 8.000 человек, в 1850 году—около 100.000, а теперь в ней насчитывается свыше 400.000 жителей. По численности своего населения Одесса—четвертый город Российской Империи и, вместе с Петербургом, более всех русских городов имеет европейскую физиономию; это уж не огромная деревня, как большая часть городских поселений внутренней России.

С моря Одесса представляет очень красивый вид. Она лежит на 47 метр. (155 фут.) над уровнем моря, в самом возвышенном месте степной террасы, которая понижается мало-помалу, с одной стороны—по направлению к Днепровскому лиману, а с другой к Днестровскому, и круто обрывается у моря. Вдоль ряда величественных домов, по скалистому берегу тянется Приморский бульвара., с центральной площадки которого, украшенной статуей герцога Ришелье, спускается к морю монументальная лестница, возвышающаяся над набережными и портами, тогда как «балки», когда-то безлюдные, а теперь густо застроенные, врезываются в глубь степного нагорья. Центральный квартал—роскошный город с домами в итальянском стиле, с широкими улицами, окаймленными тротуарами, и с изящными магазинами; но от этого квартала тянутся во все стороны, по направлению к степи, обширные предместья, где ветер вздымает облака пыли—сущий бич Одессы. Почва, на которой расположен город, состоит из раковистого песчаника; он употребляется для постройки зданий, но легко выветривается, и через очень короткое время дома, построенные из него, имеют вид развалин; этим и объясняется то обстоятельство, что греческие города, стоявшие на этом морском берегу, совершенно исчезли, оставив после себя лишь кучи мусора. Одесский песчаник, добываемый в расположенных под самым городом галлереях или катакомбах, из которых некоторые недавно обрушились, по своей хрупкости негоден для мощения улиц, и необходимый для мостовых материал привозится в Одессу с острова Мальты и из Италии на кораблях. В проточной воде тоже чувствуется недостаток: кроме двух ключей, в городе есть лишь колодцы с плохой водой и цистерны; в сухое время года прежде платили дорого за воду, привозимую из Крыма; теперь же вода доставляется по водопроводу из Маяков, лежащих на нижнем течении Днепра, в 40-верстном расстоянии. Резервуары вмещают 27 миллионов литров воды (около 2.200.000 вед.).

Будучи одновременно и русским городом, и городом Средиземного моря, Одесса принадлежит к числу центров Европы с наиболее смешанным населением. Главные одесские коммерсанты—евреи, итальянцы, греки, немцы, французы. Татары и румыны, турки и болгары встречаются на улицах с лазами из Малой Азии и грузинами с Кавказа. Французское влияние значительно в этом городе, основанном генералом де-Рибасом, построенном отчасти инженером Воланом, украшенном и дотированном герцогом де-Ришелье; но впоследствии, из иностранцев, преобладающее значение имели итальянцы; еще недавно названия улиц были написаны на двух языках—итальянском и русском, и много итальянских слов вошло в язык одесситов. Впрочем, физиономия города изменяется под влиянием хода торговли, а последняя представляет весьма значительные колебания, так как главный предмет отпуска из Одессы—зерновый хлеб, сравнительно с прочими товарами, чрезвычайно сильно колеблется из года в год, в зависимости от урожаев, потребностей и богатства стран, ввозящих этот продукт. Обширные магазины, из которых некоторые походят на дворцы, служат для ссыпки зернового хлеба и дают понятие о важности этой торговли. В 1866 г. из Одессы было вывезено—3.143.000 четвертей хлеба, в 1870 г.—5.264.000 четв.; за трехлетие, с 1878 по 1880 год, в среднем,—6.800.000 четв.: в 1895 г. вывезено—122.120.546 пудов. Из трех своих гаваней Одесса отпускает также значительные количества шерсти, сала, льна и получает взамен колониальные и мануфактурные товары, вино, а также предметы роскоши. Ценность торговых оборотов Одессы в 1895 году:

По ввозу—54.128.552 р.; по вывозу—89.312.422 р.

Движение Одесского порта в 1895 г.:

По заграничному плаванию: пришло 1.274 судна, вместимостью в 1.823.951 тонну; отошло: 1.276 судов в 1.825.901 тонну.

Каботаж: пришло—4.093 судна,в 1.154.178 тонн; отошло—4.185 судов в 1.182.240 тонн.

Наибольшая часть одесской торговли ведется посредством пароходов, и сам город владеет значительною частью флота, обслуживающего эту торговлю (Русское общество пароходства и торговли имеет 74 парохода, 6 паровых катеров и 67 железных паровых барж; Черномор-ско-Дунайское—10 пароходов, и Добровольный флот—9 пароходов). Что касается местной промышленности, то она лишь в слабой степени питает торговлю; только в 1830 году в Одессе появился первый настоящий завод, но теперь там имеются паровые мукомольни, мыловаренные заводы, табачные фабрики, винокуренные заводы, пивоварни, солеварни, лесные склады всякого рода. В 1891 г. фабрик и заводов в Одессе было 442, при 9.515 рабочих, с годовым производством на сумму 28,7 миллионов рублей. Окрестные солеварни доставляют от 4.000 до 5.000 тонн соли (2.480.000 до 3.100 000 пудов) в год. С 1857 года Одесса перестала быть порто-франко; но вскоре после этого она получила выгоду другого рода, сделавшись местопребыванием одного из русских университетов, впрочем, самого малочисленного по числу профессоров и студентов. В 1885 г. в Одесском (Новороссийском) университете было —610, в 1894 г.—506 слушателей.

По берегу моря к югу от Одессы нет городов, а встречаются местами лишь хутора, или дачи, которые богатые негоцианты с большим трудом обсадили деревьями и цветами. Деревни в этой местности большею частию населены немецкими колонистами и расположены по берегам стоячих вод, образовавшихся вследствие задержки течения степных речек.

Города бассейнов Буга, Тилигула и Херсонского побережья, с населением свыше 5.000 душ (число жителей губернских и других значительных городов показано по данным переписи 1897 г.):

Киевская губерния: Умань—28.628 жителей; Звенигородка—13.667; Липовец—9.825 жит.

Подольская губерния: Балта—32.558 жителей; Винница—24.989; Проскуров—20.489; Гайсин—10.782; Бар—13.434; Хмельник—12.228; Литин—10.511; Ольгополь—9.713; Брацлав—8.317 жителей.

Херсонская губерния: Одесса—404.651 жителей; Николаев—92.060; Елизаветград—61.841; Ананьев—13.646; Вознесенск—12.259; Бобринец—10.764; Ново-Миргород—6.852; Очаков—6.984 жителей.

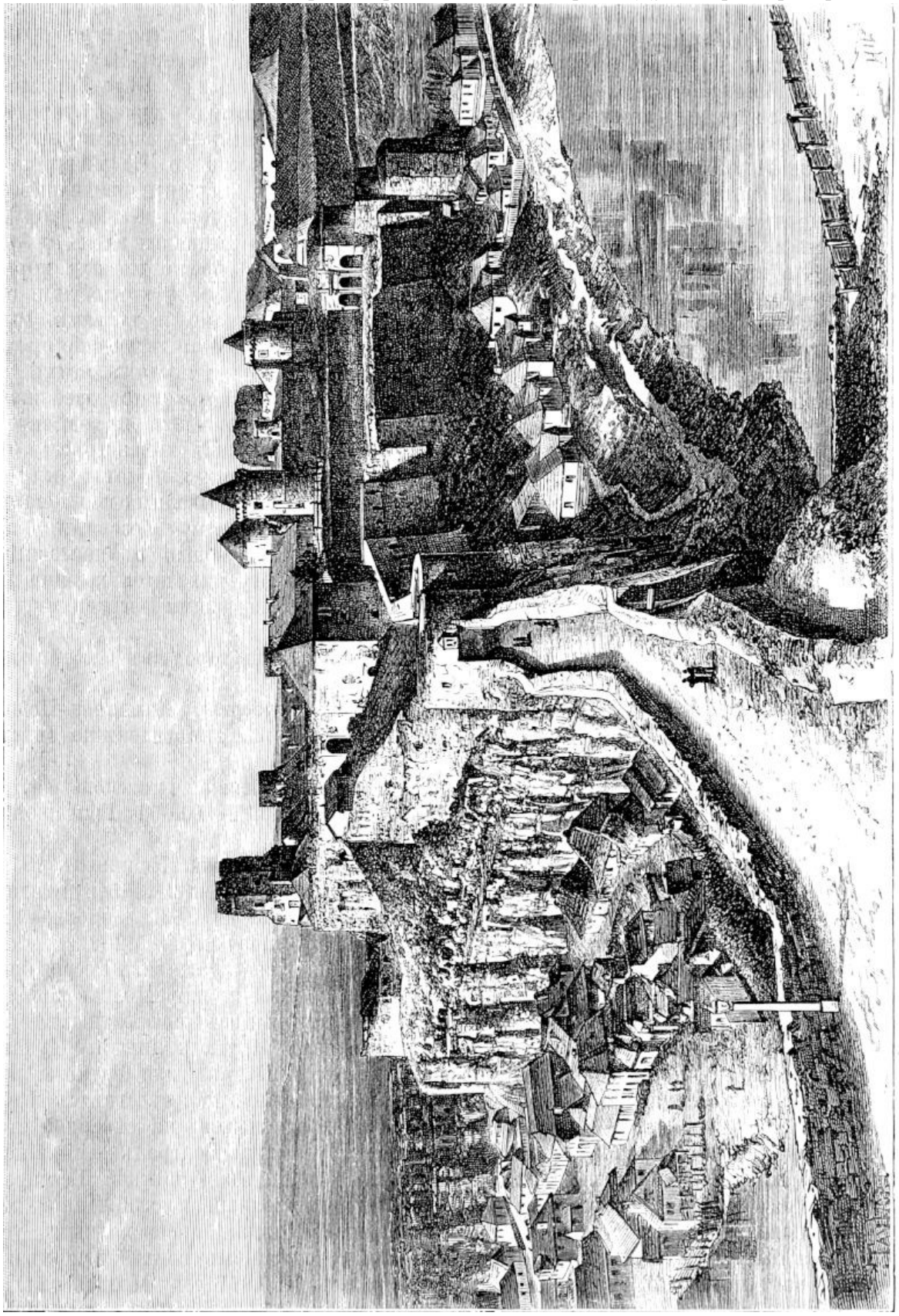
Вступая на русскую территорию, Днестр орошает окрестности Хотина (Хоцима), некогда бывшего самой северной генуэзской колонией: еще и теперь видны здесь некоторые остатки итальянской крепости[1]. Хотин служил также туркам пунктом для наблюдения за польским городом Каменец-Подольском, расположенным севернее на высокой террасе, окруженной глубоким оврагом. Этот город, похожий по местоположению на Люксембург, соединен, как и последний, с кварталами на противоположном крутобережьи великолепным виадуком. Другой мост, построенный в 1627 году турками, в период кратковременного их владения, соединяет Каменец с древней крепостцой, которая придавала этому месту, какие-нибудь сто лет назад, важное стратегическое значение; круглые башни крепости с остроконечными крышами имеют живописный вид. Каменецкие армяне, которым польские короли предоставили большие привилегии, почти все эмигрировали[2]. Теперь Каменец, населенный наполовину евреями, соперничает с Хотином в контрабандной торговле, некогда весьма значительной, с галицийскими деревнями по ту сторону границы. Новая Ушица, на берегу одного из оврагов, прорезывающих северную часть плоскогорья, и прелестный Могилев-Подольский, окру-

1 Чужбинский, см. выше цитированное сочинение.

2 Чужбинский, выше цитированное сочинение.

женный фруктовыми садами и виноградниками—вот остальные города этой местности по верхнему Днестру.

Ниже Могилева следуют по реке города: Ямполь, Сороки, Дубоссары, Григориополь. Со-



Старинная крѣпость въ Каменцѣ.

роки, ныне уездный город, населенный евреями и молдаванами, окружен табачными плантациями; в двенадцатом и тринадцатом столетиях он был одною из генуэзских колоний, основанных в долине Днестра для торговля с населением Галиции и Венгрии. К западу, на

одном из притоков реки, расположены два города, часто утопающие в грязи: Бельцы, известный по торговле скотом, и Оргеев; но торговля их находится в зависимости от двух больших соседних городов: Ясс, столицы Молдавии, и Кишинева—главного города Бессарабии; последняя носила некогда имя более верное в этнографическом отношении—Россо-Валахии. Кишинев, илп Киссину на языке его обитателей—румын, не что иное, как громадная деревня, населенная сотнею тысяч жителей, с широкими улицами, грязными или пыльными, смотря по времени года; почти на семь тысяч жилищ, в 1878 году в нем было едва пятьдесят домов более чем в один этаж; главное здание города—громадная тюрьма с четырьмя зубчатыми башнями, возвышающимися над низкими домами. Город окружен садами, которые возделываются болгарами. К северу, несколько холмов покрыты частым кустарником, который кишиневцы называют «лесом».

Бендеры, прежний Тагын казаков, по населению и торговле далеко не имеет того значения, каким пользуется Кишинев, но зато он славен в другом отношении. В этот город, на правом берегу Днестра, бежал Карл XII после Полтавской битвы и здесь в течение двух лет пользовался гостеприимством султана; потом он устроил свой лагерь в трех верстах отсюда, близ деревни Варницы, где также прожил два года. Город Бендеры, трижды занимаемый русскими войсками, лишь в 1812 году был окончательно присоединен к России. Немного ниже по течению, на левом берегу Днестра и на другой его излучине, лежит Тирасполь, издали дающий о себе знать рядом ветряных мельниц; названием своим этот город напоминает древнюю греческую колонию Тирас, которая, впрочем, существовала не на этом месте; в течение последнего столетия город этот дал приют большому числу великорусских раскольников; они сохранили свои обычаи до настоящего времени и отличаются вообще, особенно женщины, красотой лица[1]. Южнее, на Днестре же, расположена деревня Олонешти, напоминающая аленов, бывших некогда, вместе с ногайцами, обитателями этой страны. Бедный Овидиополь, расположенный однако совершенно не на том месте, куда был сослан римский поэт, как можно было подумать, судя по имени города,—лежит на восточном берегу Днестровского лимана; некогда он пользовался значением как сторожевой пункт на русской границе против турецкой крепости Аккермана, построенного на противоположном берегу лимана и окруженного обширными предместьями, из которых главное—Турлаки. В этом-то месте, вероятно, и находился древний Тирас, или Офиус, превратившийся впоследствии в Альба-Юлию латинизованных даков, Лейкополис и Аспро-Кастрон византийцев, Аклиба—куманов, Фегер-Вар—венгров, Цитате-Альба—румын, Бел-Город—славонцев, Ак-Керман—турок; город, носивший эти различные названия, имеющие одно и то же значение—именно «Белый город» или «Белая крепость», был предназначен защищать вход в Днестр, подобно тому как «Черная крепость» защищала вход в Днепр; в окрестностях города до сих пор еще видны остатки генуэзской крепости и стены, построенные румынами и турками. Рыбные ловли в лимане и земледельческие продукты, добываемые в окрестностях этих мест, придают городу некоторое торговое значение. Население города состоит в значительной степени из потомков крепостных, бежавших из Малороссии; им даны были права мещан, и их записывали под именами уже умерших; вот почему «безсмертие» аккерманских мещан вошло в пословицу. В 6 верстах к югу находится колония Шаба, населенная французскими и немецкими швейцарцами.

Значительнейшие города в бассейне Днестра:

Подольская губерния. Каменец-Подольск (97 г.)—34.483 жит.; Могилев-на-Днестре—29.000.

Херсонская губерния. Тирасполь (97 г.)—27,585; Дубоссары—10.651; Григориополь—6.575.

Бессарабская губерния. Кишинев (97 г.)—108.506; Аккерман—28.365; Бендеры—32.934; Хотин—20.283; Сороки—12.118; Оргеев—7.340; Турлаки—5.202.

1 Чужбинский, выше цитированное сочинение.

Последняя война доставила России богатые местности Буджака, или Молдавской Бессарабии, и некоторые из многолюдных городов в бассейнах Прута и нижнего Дуная. Кагулу (по-русски Кагул) или Фрумоза, румынский город, лежит в соседстве с Прутом, а Болград расположен на северной стороне Дунайского лимана. Болград—столица болгарских колоний в Дунайской Бессарабии—очень промышленный и оживленной город, отличающийся также превосходным устройством и содержанием своих низших и средних школ. В 1877 году Молдавская Бессарабия имела 154 школы, в том числе 10 гимназий, между тем как во всей Русской Бессарабии, с населением в девять раз большим, было только 220 школ[1].

На Дунае самый населенный пункт—двойной город Измаил и Тучков, славный в истории дунайских войн. Три раза, в 1770, 1790 и 1791 годах, Измаил был взят русскими; в 1810 году, когда был основан Тучков, Измаил представлял из себя лишь кучу развалин. Хотя Тучков лежит на Килийском рукаве, реже других посещаемом судами, но все-таки ведет довольно большую торговлю зерновым хлебом и другими земледельческими продуктами; в один год было вывезено почти 600.000 четвертей пшеницы. Торговое движение Измаильского порта в 1895 году: пришло 198 судов, вместимостью в 68.509 тонн, отошло 197 судов в 68.449 т.; привоз—на 75.115 р., вывоз—на 2.286.498 руб. Выше Тучкова по течению лежит пристань Рени (близ этого места Дарий перешел Дунай[2], ниже—Килия, город населенный раскольниками-липованами, давший свое имя северному Дунайскому рукаву, и Вилков, населенный рыбаками; но в обоих торговля менее значительна, чем в предъидущем. Отныне обладательница Килийского рукава, самого значительного из рукавов Дуная, Россия занимается углублением его входа, чтобы сделать этот рукав истинным устьем реки, в ущерб Сулинскому рукаву.

Города Дунайской Бессарабии имеют жителей:

Измаил и Тучков (1889 г.)—34.310; Болград—8.179; Кагул—5.980; Килия—8.014; Рени—6.079.

IX. Область великих озер.

Ингрия и Карелия, губернии Новгородская и С.-Петербургская.

Начало исторической Руси было положено в бассейне Днепра, под влиянием цивилизации государств по берегам Средиземного моря; другая Русь должна была развиться по направлению к Балтийскому морю, в странах, обращенных к балтийским славянам, скандинавам и германнам. Группировке народов, центром которых был Киев, должен был соответствовать также на большом пути «из Варяги в Греки» другой жизненный центр торговли и культуры, и таким центром сделался Новгород. Область, окружающая Новгород и простирающаяся к северу, со включением больших озер, не принадлежит, собственно говоря, во всем своем объеме к славянским землям: по происхождению жителей, а равно и по истории, бассейны Наровы, Волхова и Невы представляют переходную полосу между различными племенами финнов и восточных славян; тем не менее географическое значение этой области столь важно, что русские во все времена стремились устроить тут свои рынки; наконец, им удалось основать здесь даже свою столицу, избрав для этого место, лежащее почти вне материка и окруженное чуждыми народностями. Однако, огромный город, построенный при устье Невы, привлекал и привлекает значительное население только в свои пределы; холодные же земли Севера, среди которых он расположен, до сих пор почти совершенно пустынны в сравнении с любою местностью умеренной полосы Европы. Даже в виду его куполов расстилаются безлюдные пространства.

Губерния Псковская, Новгородская, Петербургская и Олонецкая:

---

1 „Педагогический Музей“, „1879 г. №№ 1-й и 2-й“.

2 Круп, Ф., „Древняя топография Новороссийского края и Бессарабии.“

Поверхность: 324.311 кв. верст=369.073 кв. мил. Население в 1897 г. 5.066.879 душ. На 1 кв. версту: 1.565 жит.

Если принять в рассчет всю поверхность Ладожского озера, часть которого оффициально отнесена к Финляндии, то область великих русских озер покрыта водою на пространстве более чем 35.000 квадр. верст (40.000 квадр. килом.). Область эта не представляет, подобно некоторым частям Швеции и Финляндии, лабиринта излучистых вод, которые заставляют путешественников делать столь длинные объезды, следуя с перешейка на перешеек; находящиеся здесь озера самые обширные в России после Каспийского, которое представляет остаток океанического залива. Три большие пресноводные озера, из которых избыток вод стекает в Финский залив через Нарову и Неву, занимают большее пространство, чем все остальные водные бассейны Империи, вместе взятые, а одно из этих озер, Ладожское, превосходит величиной поверхности и обилием воды все озерные водовместилища Скандинавии или Альп.

Причина такого изобилия стоячей воды заключается в общей горизонтальности территории: каменистых порогов незначительной высоты достаточно было, чтобы остановить течение рек и заставить их разливаться в ширину до того, что они образовали, выше этих преград, настоящие пресноводные моря. На юге и на востоке, самые границы этой озерной области очень мало возвышенны, и наибольшее протяжение её занимают еще озера, тони, болота, поверхность которых постоянно наростающими слоями мхов поднята до высоты 40—50 футов над уровнем окружающих равнин, а также не вполне обсохшие низины и впадины. Как на пример этих полузатопленных земель, можно указать на пространство, служащее водоразделом между бассейнами Волхова и Западной Двины.

К востоку от страны латышей и эстов, одна из этих обширных водных площадей, питаемая водами рек Великой, Эмбаха и других значительных притоков, продолжается с юга на север на протяжении 130 верст: у эстов она известна под именем Пейпуса, а русские прозвали ее Чудским озером, потому что кругом сидели финские или чудские племена. Это озеро, средняя глубина которого около 5 сажен, состоит из двух бассейнов, из которых меньший носит название Псковского озера, и которые соединены проливом, имеющим около двух верст ширины в самом узком месте прохода и текущим на подобие реки: здесь-то и находится самая глубокая часть озера. У селения Меггикорм ложе, расчищенное течением, имеет до 13 сажен глубины; отсюда, может быть, и произошло название «Теплое озеро», даваемое этому проливу, потому что быстрые воды его бывают покрыты льдом менее продолжительное время, нежели воды тихих бассейнов, северного и южного. Зимой на льду появляются временные деревни в местах лова рыбы; они состоят из деревянных домиков, которые на летнее время переносятся жителями в лес[1]. Прежде Пейпус был гораздо обширнее; по всей вероятности, это—остаток морского пролива; соединявшего восточную оконечность Финского залива с Рижским и отделившагося от Балтики вследствие постепенного поднятия дна. Постоянное обновление его жидкой массы дождями и впадающими в него реками превратило его в пресноводное озеро; но во многих местах можно распознать древние морские береговые утесы, совершенно подобные скалам, о которые теперь, на берегах Эстляндии, ударяются волны Балтики. Впрочем, между животными, населяющими Чудское озеро, встречаются еще бывшие представители морской фауны: так, например, тюлени, происходящие от предков, которые живут в соленой воде, должны были постепенно, из поколения в поколение, приспособиться к своей новой среде. В 1852 году академик Бер велел бросить в Пейпус некоторое число лососей, и эти рыбы расплодились в замкнутом бассейне, хотя они не могут совершать ежегодных путешествий в Балтийское море, по причине водопада, прерывающего течение выходящей из озера реки Наровы[2]. С 1844 года, который прибрежные жители называют «годом потопа», уровень Чудского озера стал гораздо выше, чем был прежде, некоторые острова исчезли, на берегах образовались новые заливы; леса, омываемые поднимающейся волной,

1 Von Helmersen, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“. B. XXIV.

2 „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, 1862, tome IV.

совершенно погибли, и топкие луга или трясины (luchten) по берегам, дававшие прежде большое количество сена, превратились в болота. Это повышение уровня и набеги озера на свои берега были, без сомнения, следствием обширных осушительных работ, произведенных в последнее время на полях его бассейна; начиная с 1864 года там выкопано около 2.000 верст канав, по которым вода быстро уходит в Пейпус, откуда не находит достаточно быстрого истечения через Нарову; нужно бы было открыть канал для спуска всех этих излишних вод прямо в море или в низовую Нарову. Распространение озера вдоль северного берега идет очень быстро: там поднимается гряда подвижных дюн, средняя высота которых от 23 до 30 футов и которые перемещаются от юга к северу; по мере того, как песчаные бугры подвигаются вперед, покидаемый ими берег подтачивается и размывается водами озера. Это перемещение дюн в северном направлении объясняется тем, что они выставлены действию только южных ветров; с другой стороны они защищены толщей леса[1].

Средняя поверхность Чудского озера на 95 футов выше уровня моря; понятно, что при такой значительной разности уровня исток его, река Нарова, должен спускаться к Финскому заливу очень наклонным течением, или водопадами. И действительно, эта река, выходящая из северо-восточного угла озера и текущая вдоль основания высоких крутых откосов своего правого берега, вступает, наконец, в скалистое ущелье, откуда спускается по уступам. Выше Нарвы она делится на два рукава вокруг острова Кренгольма и падает с высоты от 16 до 20 футов в нижнее ложе, вырытое меж обрывистых утесов, известковых и песчаниковых. В то время как западная часть реки спускается многочисленными небольшими каскадами, перемешивающими свои льющиеся пелены зеленоватой воды и свои пенящиеся волны, восточный поток, более обильный, падает одной сплошной массой, как бы для того, чтобы низвергнуться в узкую трещину почвы: так как правый берег возвышается крутой стеной перед водопадом, то воды, замкнутые в тесной воронке, отскакивают вкось и соединяются с другим рукавом Наровы.

В нижней части своего течения, ниже водопадов, а также фабрик, расположенных на их берегах, и города Нарвы, Нарова является блуждающей рекой, неоднократно менявшей свое русло в течение настоящего периода. Двойной ряд дюн, высотою около 10 сажен, окаймляющий на востоке Нарвскую бухту, представляет естественную преграду, которая прежде не позволяла реке изливаться прямо в море: она принуждена была продолжать свой путь на север, идя вдоль цепи песчаных горок той долиной, по которой теперь следует река Луга. Пролом, образовавшийся в поясе дюн в неизвестную нам эпоху, позволил Нарове изливать свои воды на западе, в Нарвскую бухту; но выше её устья до сих пор видны многие излучины долины и даже одно извилистое озеро, свидетельствующие о постоянных блужданиях этой реки. Впрочем, долины Луги и Наровы и теперь еще гидрографически соединены между собой, ибо ветвь Луги, Россона (одна из тех рек, которые позволяют искать происхождения русских на берегах Финского залива), поворачивает к западу, чтобы броситься в Нарову близ впадения последней в бухту. Россона менее обильна водой, нежели Нарова, но представляет гораздо большие неправильности в порядке изменения уровня жидкой массы; от её-то наносов и происходят резкия перемены глубины на баре, столь затрудняющие судоходство. Выходя из озера, которое регулирует её течение, Нарова несет чистую воду, несодержащую землистых частиц, и разность уровня между высокой и низкой водой не превышает в ней полутора аршина, тогда как Россона во время половодья поднимается на 5, на 6, даже на 7 аршин выше нормального уровня и, размывая свои берега, уносит в море большие количества песку. В иных местах пришлось сломать стоявшие на берегу здания, так как им грозила опасность быть унесенными вместе с дюнами, на которых они были построены; на одном кладбище берег, подтачиваемый водой, обвалился, и гробы, наполовину высунувшиеся из земли, падали один за другим в реку[2]. Полагают, что, для поддержания на входном пороге Наровы постоянной глубины в 10 футов, необходимо отвести Россону прямо в море по-

1 Von Helmersen, выше цитированное сочинение.

2 Von Helmersen, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome III, 1861.

средством независимого устья. После разливов Россоны иногда случается, что бар имеет всего только 5 или $6^1/_2$ футов глубины, и тогда даже мелкие суда не отваживаются переходить порог, чтобы войти в Нарову,—реку, глубина которой выше бара не менее 6 саж.; вода при входе становится глубже только по окончании разлива Россоны, благодаря северо-западным ветрам и производимому ими волнению, которое постепенно рассеевает далеко осадки, приносимые этим притоком. С 1764 года пытались-было дать известное направление речному течению и увеличить его размывающую силу при помощи рядов свай и фашинника, но это средство не привело к желанной цели, и Нарвская бухта осталась до сего дня одним из самых опасных пристанищ в этой части морского берега: случалось, что здесь погибало более двадцати судов в одну только бурю. А между тем было бы весьма важно улучшить Нарвский порт, который представляет большие выгоды, как передовой порт Петербурга, с которым он соединен железной дорогой. По наблюдениям, обнимающим 70-летний период, Нарова бывает свободна от льда средним числом на одиннадцать дней больше Невы.

К востоку от Пейпуса встречаем другое большое озеро—Ильмень, в старину Моиск, поверхность которого около 807 кв. верст = 919 кв. кил. (40 верст длины и 30 ширины). Бассейн этот в действительности есть не что иное, как постоянное наводнение, образуемое большим числом рек, которые, соединяясь все в одном месте, не находят достаточно быстрого истечения. С юго-запада в Ильмень впадает река Шелонь, с юга вливается река Ловать, выходящая с озерного плато, которое господствует над долиной Западной Двины; она образует в озере, вместе с реками Полисть и Полометь, аллювиальную дельту, постоянно растущую вследствие отложения новых наносов, где текучия воды меняют русло при каждом новом наводнении; наконец, с северо-восточной стороны в Ильмень изливается другая значительная река, Мста, берущая начало, как и Полометь, в Валдайской сплошной возвышенности, но на восточном скате этих высот, в болотистой местности, откуда выходят также притоки Волги. Понятно, что все эти реки, соединяясь в одном бассейне и принося туда все обломки и землистые частицы, увлекаемые с окружающих холмов, быстро повышают дно озера и изменяют очертания его берегов. Воды Ильменя почти всегда мутны, и глубина их не велика, всего только от 1 до 4 сажен, смотря по местам: в сравнении с большими швейцарскими озерами, много уступающими ему по величине площади, этот резервуар заключает в себе относительно незначительный объем жидкой массы. Река Волхов, через которую вытекает излишек вод этого озера с тинистым дном, носила в старину название «Мутной», и даже по впадении в Ладожское озеро, которого она главный приток, эта река продолжает течь в виде мутной полосы. В своем течении на пространстве около 176 верст, от Ильменя до Ладоги, Волхов должен спуститься с высоты около 60 футов, и при переходе через последнюю преграду или каменистую гряду он, подобно Нарове, образует водопады и пороги: общая высота Гостинопольских порогов около 30 футов, и только плоты да барки особенного устройства могут пускаться через это место реки[1].

Река Свирь, главный приток Ладоги с восточной стороны, представленная в одной поэтической легенде «сестрой» Волхова, несет в нижнее озеро излишния воды выше лежащего резервуара, Онежского озера, которое, в свою очередь, принимает излишек жидкой массы из некоторых других озерных бассейнов; некоторые из этих резервуаров считались бы во всякой другой европейской стране маленькими средиземными морями; но рядом с такими обширными водными пространствами, каковы озера Ладожское и Онежское, где волны часто бушуют, как в бурном море, и где опасные места должны быть издалека указываемы пловцам маяками, подобными тем, какие воздвигнуты в открытом море, второстепенные озерные бассейны теряют свою важность, и самые очертания их, еще не вполне исследованные, различно изображаются на картах. Онежское озеро очень опасно для плавания судов, по причине многочисленных скал и подводных камней, находящихся в соседстве берегов: говорят, что до работ по расчистке фарватера, предпринятых в 1874 году, ежегодные крушения судов сопровождались гибелью, средним числом, восьмидесяти человек. Однако, это озеро очень

1 Андреев, „Ладожское озеро“.

глубоко в большой части его бассейна, и около середины его протяжения, вдали от берегов, лот, как говорят, достал дно только на расстоянии 200 сажен от поверхности. Во всей своей северной половине Онежское озеро разветвляется на множество бухт, которые все расположены по линии от юго-востока к северо-западу и продолжаются далеко в сторону Лапландии продолговатыми озерами и реками, следующими в том же направлении, также, как и промежуточные холмы, возвышающиеся футов на 800—1.000. Эти складки почвы, попеременные возвышения и понижения, отчасти наполненные водой, параллельны озерам Финляндии, и ось их ориентирована в том же самом направлении, как и вся юго-западная часть Белого моря, от губы Онежской до Кандалакской. Новейшие геологические исследования констатировали существование в этой области глетчерных полос, начертанных также от северо-запада к юго-востоку, и естественные валы, азары, или по-местному сельги, именно в окрестностях озера Сог, тянутся почти в том же направлении. Однако, некоторые перемещенные морены разветвляются и пересекаются так, что образуют на поверхности равнин настоящие ячеи из камней[1].

На западе, Сайма, самое большое из финских озер, тоже может быть рассматриваемо как приток Ладожского озера, которому оно посылает свои воды, как и Онежское, посредством реки, имеющей около 200 футов общего падения: это—Wuoxen финляндцев и шведов, Вуокса или Вокса русских; она образует, вскоре по выходе из Саймы, знаменитые водопады Иматра, самые величественные во всем бассейне Невы. Даже в течение настоящего столетия Вуокса переменила русло в нижней своей части, и теперешнее её устье находится верстах в сорока к югу от прежнего. До 1818 года она изливалась в Ладогу у города Кексгольма, которому это соседство реки придавало некоторую торговую важность; но большие дожди прорвали, близ деревни Тайпала, перешеек, отделявший Ладогу от другого озерного бассейна, продолговатой формы, называемого Сувандо, который уже сообщался с р. Вуоксой посредством маленького канала, прорытого по распоряжению финляндского правительства. Эта внезапно открывшаяся брешь, подобно тому, как случилось с озером Гейтиайнен, тотчас же понизила уровень воды в озере Сувандо; его затопленные берега обсохли настолько, что крестьяне окрестных селений получили возможность утилизировать их в виде лугов и пашен; озеро превратилось в реку, и воды Вуоксы, почти совершенно покинув северное ложе, потекли на юго-восток по новому руслу. Впрочем, весьма вероятно, что в предшествовавшую геологическую эпоху озеро Сувандо было уже устьем Вуоксы, так как бассейн его имеет форму древнего речного потока[2].

Ладожское озеро, один из наилучше изученных пресноводных бассейнов в России и даже во всей Европе, прежде было, без сомнения, так же, как Онежское[3] и Чудское, гораздо обширнее, чем в наши дни, ибо полуденные его берега, низменные и почти безлесные, состоят из перемещенных земель, глины, песку и гравия, которые содержат в огромном множестве эрратические камни всевозможной величины—от больших глыб до мелкого булыжника. От этих низменных южных берегов ложе Ладоги спускается нечувствительным скатом к глубоким водам, над которыми высятся гранитные утесы северного берега. Таким образом, общая форма бассейна вполне соответствует понятию, которое о нем составил бы моряк при первом взгляде, по общему виду берегов. В соседстве некоторых скалистых островов лот находит дно лишь на глубинах 50 или 70 саж. Самая значительная глубина, к западу от Валаамских островов, равна 122 саженям; но средним числом толщину слоя воды определяют только в 50 сажен, что дало бы для всего бассейна приблизительный объем, в 24 раза превосходящий вместимость Женевского озера. Вот числовые данные, относящиеся к главным озерам, воды которых изливаются в Финский залив[4]

1 Проф. Иностранцев, „Геологический очерк Повенецкого уезда".

2 Андреев, выше цитированное сочинение.

3 Поляков, „Этнограф. наблюдения на юго-востоке Олон. губ.", „Записки Имп. Русск. Географ. Общества", по отдел. этнографии, III;—П. Крапоткин, „Рукописные заметки".

4 Эта таблица составлена взамен помещенной в соч. Реклю. Поправки заключаются в следующем: 1) Высота положения Ильменя 92 ф. заменены 158 ф. (по „Списку тригоном. и астроном. пунктов"). 2) Глу-

Озера	Высота положения	Площадь		Глубина, сажен		Приблизительный объем, куб. саж.
		кв. кил	кв. в.	наиб.	средн.	
Ладожское	59 ф.	18.130	15.923	122	50	200.000 м.
Онежское	237 ”	9.752	8.569	200	80	172.000 ”
Чудское	95 ”	3.513	3.087	10	$4^1/_2$	3.500 ”
Ильмень	158 ”	919	807	4	1 (?)	—

Впрочем, количество воды в Ладожском озере значительно изменяется по временам года и по годам, ибо впродолжении четырнадцати лет, в которые производились наблюдения, разность между высокими и низкими водами достигала 7,3 фут., что представляет объем в 33 куб. версты. Валаамские монахи утверждают, на основании местного предания, которое, впрочем, не опирается ни на какое ценное свидетельство, что уровень вод в Ладоге попеременно повышается и понижается из века в век.

Хотя в Ладожский бассейн изливаются также и мутные воды, каковы, например, воды главного его притока, Волхова, однако, вода этого озера вообще так чиста и прозрачна, что на глубине 2 или 3 сажен можно совершенно отчетливо различать самые мелкие предметы, лежащие на дне. Вода эта очень холодна во всякое время года, исключая только августа: в этом месяце температура верхнего слоя может подняться в исключительных случаях до 10 или 12 градусов стоградусного термометра; но даже в июле вода еще так холодна, что никто не решается пить ее. В половине мая, когда лед только что растает, вода на поверхности бывает средним числом не более как на 2 градуса выше точки замерзания; обыкновенно разность температуры между поверхностной водой и нижними слоями не достигает даже одного градуса: вода на глубинах даже несколько менее студена зимой, когда лед расстилается по озеру сплошной необозримой плитой. Занимая положение немного южнее, а главное—далее к западу, где сильнее проявляется влияние морского климата, Ладога не бывает скована льдом впродолжении столь значительной части года, как Онежское озеро. Средняя продолжительность пребывания под льдом для последнего из этих резервуаров исчисляется в 156 дней, тогда как глубокия воды северного бассейна Ладоги бывают обыкновенно покрыты льдом только четыре месяца; они никогда не облекаются твердой корой ранее половины декабря, хотя южная часть озера, более мелководная и усеянная песчаными мелями, покрывается льдом иногда уже с конца октября. В некоторые годы, середина озера совсем не замерзает. Ледяная кора бывает тем толще, чем многочисленнее были перемены зимней погоды, морозы, чередующиеся с оттепелями, сообщают льду большую толщину, чем долгая стужа, продолжающаяся однообразно через всю зиму. Это явление происходит оттого, что льды переменчивых зим состоят из неравных кусков, которые были разорваны ветром и затем снова слепились в неправильные массы, в причудливые скопления, особенно в соседстве подводных скал. Близ острова Валаама наблюдали груды нагроможденных в беспорядке льдин, поднимавшиеся на высоту от 10 до 11 сажен и представлявшие издали вид холмов из выветрившихся сланцев[1]. Понятно, что обломки, примерзшие ко льду около берегов, песок или булыжник, переносятся таким образом на большие расстояния и отлагаются на берегу в нескольких десятках сажен выше первоначального их местонахождения.

Несмотря на ледяной покров, расстилающийся каждый год над Ладожским озером, глубины его вод содержат еще достаточно воздуха, чтобы сохранить свое население, состоящее из разных пород рыб и других животных. Один вид тюленя,—впрочем, тот же самый, который водится в озерах Онежском и Чудском,—живет также в Ладоге и появляется зимой на отдельно плавающих льдинах или на краях трещин, образующихся в кристаллической коре: этим-то случаем и пользуются охотники, чтобы бить зверя, из которого они вытапливают

бина озер: Ладожского наивысшая, вместо 732 ф., взята в 122 саж., а средняя вместо 300 ф.—50 саж.; Онежского—200 саж. (вместо 742 ф.) наивысшая и 80 с. средняя (вовсе не показана в соч. Реклю); Чудского озера—10 саж. (вместо 92 ф) наибольшая. Поправки относительно озер сделаны на основании след. источников: „Пам. кн. С.-Петерб. губ“ Елачича, „Ладожское озеро“ Андреева, „Списка нас. мест Олонецкой губ.“ и Карты гидрографическ. департ. Ред.

1 Андреев, „Ладожское озеро“.

сало, и кожа которого идет на выделку чемоданов и ранцев; в зимнюю пору за тюленями гоняются также голодные волки, которые смело пускаются на льдинах до самой середины озера. Некоторые из мелких животных видов, обитающих в глубинах Ладоги, напоминают, как и тюлень, о существовании в древности соединительного пролива между открытым морем и заливом соленой воды, который впоследствии сделался большим пресноводным морем России. Один из этих микроскопических организмов Ладоги (Compylodiscus radiosus) до сих пор найден только в этом озере и в водах Мексиканского залива, близ Вера-Круца[1]

Ветры, дующие на Ладожском озере, поднимают иногда бури, сопровождаемые, как бури на море, пересечениями встречных валов, движениями зыби,—волнами, идущими со дна. Но это не единственные перемещения озерных вод: жидкая масса Ладоги во всем её объеме, отчасти, может быть, под влиянием рек, впадающих в бассейн, испытывает постоянное круговращение, следуя от юга к северу у восточных берегов и от севера к югу у берегов западных. Кроме того, понижение уровня вод происходит во всей области, соседней с каналом, через который они вытекают к морю, ибо уровень Ладожского озера, как показали измерения, произведенные зимой астрономом Шубертом, средним числом, на 60 слишком футов выше уровня моря, и река, уносящая излишнюю воду в Балтику, проходит лишь незначительное протяжение до впадения в Финский залив. Без сомнения, это—настоящая река, если сравнить ее с истоком Меларского озера, который находится напротив неё, по другую сторону Балтийского моря, и на берегах которого также построена столица государства: по выходе из Меларского озера, стокгольмский поток пробегает всего лишь несколько сот метров до вступления в залив моря, тогда как Нева имеет около 53 верст длины, от Ладожского озера до Кронштадской губы. Тем не менее, Нева, как река, находится еще в периоде образования; в сравнении с озером, из которого она вытекает, и с озерами, посылающими ей через Свирь и Вуоксу излишек своей жидкой массы, она является, по количеству воды, маловажной рекой; ей нужны еще многие тысячи веков, чтобы образовать правильные долины на всем протяжении бассейна, от северных истоков, в Валдайских горах и соседних плоских возвышенностях, до устьев, впадающих в Кронштадскую губу. Почва этой области России, в большой части каменистая, доставляет водам рек лишь незначительную пропорцию обломков и землистых частиц; за исключением области Ильменя, почти все реки этого бассейна имеют чистую воду, благодаря своим каменистым руслам и многочисленным озерным резервуарам, через которые они протекают.

Нева, имя которой произошло от Нево, древнего названия Ладожского озера, по объему воды принадлежит к числу больших рек Европы: средний сток её, или количество воды, протекающей в секунду, исчисляют в 102.550 или 103.250 куб. футов, так что, следовательно, она превосходит Рону и Рейн по массе своих вод и вне России уступает в этом отношении только одной европейской реке—Дунаю: поток её настолько многоводен, что изменяет в пресноводный бассейн всю восточную часть Финского залива, простирающуюся далее острова Котлина. Ширина Невы различна, от 120 до 600 саж., и пароходы, поднимающиеся и спускающиеся по течению реки, находят обыкновенно от 6 до 10 фут. воды на выступах дна; однако, подобно другим рекам, впадающим в Финский залив, она образует пороги, и в некоторых местах по ней могут проходить только плоскодонные суда. В той части течения, которая проходит через Петербург, река имеет от 3 до 7 сажен глубины, тогда как впереди дельты, при впадении в залив, каждый из рукавов, Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невка, отделен от моря барами и песчаными мелями, через которые не могут переходить суда, имеющие более $6^1/_2$ футов водоуглубления. Впрочем, так как река несет лишь весьма незначительное количество мути, то отлагающиеся в устьях осадки очень медленно распространяются по водам моря, и фарватеры долгое время сохраняются в одном и том же направлении: с 1718 по 1834 г. общее приращение дельты вследствие отложения речных наносов составляло только 585 десятин, так что, значит, среднее годовое увеличение

1 Ульский и Вейсе;—Андреев, выше цитированное сочинение.

представляет только около 5 десятин, или пояс шириною в $6^1/_2$ фут для всего фронта дельты[1]. Толщина слоя аллювиальных земель всего только с небольшим 11 сажен, как доказало бурение артезианского колодца, нисходящего на 93 сажени, до слоя воды, которая течет

С.-Петербургъ. — Нева

под землей на пластах финляндского гранита[2]. Вода этого колодца, вытекающая в виде стол-

1 Семенов, „Географическо-статистический словарь Российской Империи“.

2 Von Helmersen, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, tome VII, 1865.

ба в 30 футов высоты, содержит примесь минеральных веществ, подобных тем, какие находятся в крейцнахских источниках.

Благодаря Ладожскому озеру, которое служит регулятором реке, разность уровня между высокими и низкими водами незначительна: разливы Невы не были бы опасны, если бы западный ветер, дующий прямо против её устьев, не задерживал и не гнал иногда воду обратно, образуя род подвижной запруды, которая могла бы потопить весь Петербург, если бы этот ветер продолжался с одинаковой силой несколько дней сряду; во время наводнения 7 ноября 1824 г. вода в реке поднялась слишком на 2 сажени выше уровня моря и залила почти все части столицы; в 1879 году, воды Невы, задержанные западным ветром, опять поднимались почти до такой же высоты. Обыкновенно поверхность реки возвышается над поверхностью залива не более, как на 1 фут (30 сантим.); в апреле, общее падение, на пространстве от Петербурга до Кронштадтских вод, составляет только $1^1/_2$ д. (4 сантим.). Подобно западным ветрам, вскрытие реки и ледоход тоже иногда бывают опасны для прибрежных жителей Невы; однако, опасность в этом случае происходит не от льдов, сравнительно не очень толстых, которые образуются на быстрых водах реки, а от ледяных масс Ладоги: их ломающиеся куски теснятся в русле реки, громоздятся друг на друга, скопляются на поворотах, ударяясь о берега, и разрушают набережные. По среднему выводу из наблюдений за 150 лет, Нева бывает покрыта льдом 138 дней в году[1]; но колебания этого периода весьма значительны: между тем, как в 1822 г. река оставалась под ледяным покровом только 87 дней, в 1852 г. период пребывания под льдом продолжался 194 дня.

Бассейн Невы, через который проходит, в самом Петербурге, шестидесятый градус широты, то-есть идеальная линия, вдвое более удаленная от экватора, чем от полюса, находится частию в холодных областях, где жизнь природы кажется почти совершенно прекращающейся впродолжении целой половины года. Изотермическая линия 3 градусов, которая следует параллельно морскому прибрежью Финляндии, на небольшом расстоянии внутри страны, пересекает Ладожское озеро на востоке от столицы, затем направляется на юго-восток к центральной России и Туркестану; точно также изохимена, или линия равной зимней температуры, показывающая 7 градусов ниже точки замерзания, проходит в непосредственном соседстве Петербурга, после чего заворачивает почти прямо на юг, к степям, прилегающим к Черному морю.

В этом суровом климате большое число растений умеренного пояса может родиться и развиваться только благодаря исключительному уходу; туземная растительность, состоящая единственно из видов, выносящих зимние морозы, весенние заморозки и оттепели, представляет крайне однообразную и скудную флору, исключая теплиц, где растения прозябают в искусственном климате, создаваемом садовником. Дуб, который мы находим в Швеции даже под широтой города Гефле и который растет в прибрежном поясе полуденной Финляндии, не встречается, в диком состоянии, в лесах Ингрии и растет естественно лишь к востоку от озера Ильмень, на берегах реки Мсты[2]. Точно также там только в садах городов, загородных дворцов, богатых имений или монастырей можно видеть деревья, придающие лесам умеренной Европы их своеобразную физиономию: тополь, вяз, клен, ясень. Пихта и лиственница также не встречаются в диком состояния[3]; вообще здесь не увидишь других древесных пород, кроме березы, ольхи, осины, ив и рябины, да двух хвойных—ели и сосны. Что касается культурных растений, то между озерами Ладожским и Онежским проходит северный предел самого важного, для пропитания человека, хлебного злака—пшеницы.

Понятно, что эти негостеприимные области, поставленные в столь неблагоприятные климатические условия, не могут быть густо населенными, и нельзя не признать одним из замечательнейших явлений современной истории тот факт, что город, основанный среди этих пу-

1 Семенов, выше цитированное сочинение.

2 Гульденштедт, Леопольд ф.-Бух.

3 Андреев, выше цитированное сочинение.

стынь, в таком же расстоянии от полюса, как Лабрадор и оконечность Гренландии или Камчатка, мог, однако, благодаря выгодам торговли и политической централизации, привлечь в свои стены сотни тысяч жителей. Но пока туземцы должны были довольствоваться местными источниками пропитания, как звероловы, рыболовы или землепашцы, в области великих озер не могли возникнуть города, а жившие в ней племена оставались без национальной связи, почти неведомыми друг другу. Известно, однако, что эти страны были обитаемы уже со времен очень отдаленной древности, как о том свидетельствуют остатки человеческого искусства, относящиеся к каменному веку и которые открыты даже на берегах Онежского и соседних с ним озер. Каменный вал, сложенный из больших, грубообтесанных камней, близ маленького озера Лужанд, на юго-востоке от Онежского озера, тянется слишком на две с половиной версты в длину; но пока еще неизвестно, к какой национальности принадлежал народ, построивший эту стену, так как в соседних могилах не нашли человеческих костей[1]. Могильные курганы, встречающиеся на юго-западе от Онежского озера, в соседстве реки Свирь, заключают в себе скелеты двух различных типов—один короткоголовый, другой чисто-африканский, длинноголовый и косочелюстный[2].

Великоруссы, постепенно распространяющиеся в крае, занимают теперь почти весь бассейн Волхова и уже на многих пунктах переступили за свои пределы первых исторических времен—озеро Пейпус и реки Нарову, Неву, Свирь. Однако, в их этнографической территории остаются еще островки и архипелаги финского населения. В бассейне Мсты, также, как на возвышенностях, над которыми с восточной стороны господствуют вершины Валдайского плоскогорья, живут финны, карелы, потомки инородцев, переселенных туда Петром Великим; им, вероятно, предшествовала «белоглазая Чудь»—«чудные люди», «чудища», «чужие», останки которых находят в могильных холмах страны. К востоку от Нарвы другие инородцы сохранили финское название «Воть» или «вотены»; оно некогда принадлежало целому народу, занимавшему обширную область (Вотскую землю) и стоявшему уже около девятого столетия на довольно высокой степени гражданственности[3]: Ивановский исследовал в тех местностях более 8.000 курганов, по большей части маленьких и бедных остатками древности; две тысячи черепов, извлеченных из этих могил, повидимому, принадлежали людям урало-алтайской расы[4]. На западном берегу Онежского озера, равно как и далее на юг, между Ладогой и Белоозером, живет племя Весь или северная Чудь, образующее там и сям отдельные группы и общая численность которого определяется различно, от 12.000 до 25.000 душ. Язык их очень любопытен по своим архаическим формам[5]. Впрочем, они быстро обрусевают; во многих из селений русский язык преобладает, или по крайней мере, к местному наречию примешано множество славянских слов. Большинство женщин этой страны лучше сохранило свой родной язык, чем финский тип; по словам Майкова, между ними мало встретишь таких, которые имели бы косо лежащие глаза, свойственные монгольскому типу, и многие из них отличаются красотой чисто «новгородской». Почти все представители племени Весь—брахицефалы (короткоголовые), а рост их выше среднего роста жителей России собственно. Судя по названиям домашних животных, по словам, относящимся к земледелию, и терминам, употребляемым для обозначения железа, золота и цинка, просветителями Веси были русские, шведы и литовцы. Финские туземцы верят еще в домашних богов; при переселении в новый дом, они приносят головню со старого очага и кладут потихоньку кусок хлеба под печку: если петух не поет при входе в новое жилище, это считается знаком, что жертвоприношение не принято, и что домовой относится враждебно. Любимый напиток Веси—отвар из свеклы, очень приторный и неприятный для непривыкшего вкуса цынга производит между туземцами этого племени большие опустошения, что приписывают отсут-

1 Поляков, выше цитированная статья.
2 Европеус, „Голос", август 1879 г.
3 Ch. Ujfaley, „Voyage d'exploration scientifique".
4 Майков, „Russische Revue", 1877, № 9.
5 Ch. de Ujfalvy, „Lettre a la Societe de Geographie de Paris", 1-er fevrier 1877.

ствию капусты и луку на их столах[1], но что объясняется гораздо проще недостаточностью их пищи.

Что касается финнов-ингаров или ингров, которые дали свое имя Ингрии или Ингерманландии (Ижорская земля), где находится столица, то они перестали существовать, как отдельная народность; но потомки финнов, более или менее смешанные, населяют еще в значительной части пояс прибрежья, заключенный между дельтами Наровы и Невы, и всю территорию, окружающую с запада, с севера и с северо-востока воды Ладожского моря. Туземные жители окрестностей Петербурга, среди которых находятся колонии шведов, потомков прежних завоевателей края, и немецких земледельцев, призванных русским правительством,—по происхождению, как кажется, довольно близко подходят к тавастам, или западным финляндцам; они известны под общим именем чухон или чухонцев. Подобно своим соседям, ижорцам, живущим по речке Ижоре, небольшому притоку Невы, они отличаются от большей части других финнов маленьким ростом, коренастым телосложением и почти все—отталкивающею нечистоплотностью. На берегах Ладожского озера население совершенно карельское. Здесь мы уже в самой Финляндии, даже на тех берегах озера, которые находятся по сю сторону административных границ нынешнего великого княжества. Острова этого внутреннего моря населены финнами и русскими; но последние еще недавно до такой степени утрачивали свою национальность, что почти совершенно забыли свой родной язык[2]: в этом случае мы видим пример того, что арийцы мало-по-малу ассимилируются урало-алтайцами. Впрочем, многие из так называемых русских в стране вокруг великих озер, может быть, суть не что иное, как карелы: по наблюдениям Кастрена, черты лица у них резче обрисованы, кожа белее, глаза и волосы светлее, чем у настоящих славян; очевидно, в тех местах, куда русские приходили по-одиночке, а не сплоченными группами, происходило смешение племен[3]. Большая часть обычаев тоже финского происхождения[4], и некоторые из них свидетельствуют о живучести языческих обрядов и нравов. Упрямые характером, упорные в понятиях, карелы изменяются очень медленно, так что про них сложилась даже поговорка: зажги карела, он и в три года не сгорит![5] Финны Олонецкой губернии еще в семнадцатом столетип переживали свой каменный век: они закалывали животных ножами, сделанными из камня, которые, после употребления, становились для них предметом обожания, святыней[6]. В северной части Ладожского озера, на острове Маншин-Сари, на холме стоит часовня пророка Илии, к которой крестьяне (впрочем, все ревностные православные) собираются каждый год в первое воскресенье после Ильина дня, чтобы совершать жертвоприношения, как в древние, языческие времена. Предки их закалывали для этой цели лося или красного оленя; но так как эти животные перевелись в стране, то ныне их заменили быком, которого крестьяне и убивают на рассвете дня, посвященного празднеству. Мясо заколотого животного разрезывается на куски, варится в больших котлах, затем съедается верующими: благодаря такой священной трапезе, пророк, по их убеждению, будет охранять стада от всякой заразы. Карелы берегов Ладожского озера также стараются отвратить эту беду, то-есть болезни на скоте, прибегая к окуриваниям при помощи костра, зажигаемого трением двух кусков дерева, или бросая в яму живых животных, лошадь, собаку, кошку и петуха[7].

Славяне Олонецкой губернии, подобно малороссам, сохранили большое число эпических песен, известных в крае под названием «старин», и русские ученые сделали в тех местах находки не менее важные, как и находки рун, сделанные Кастреном и Ленротом у финнов той же страны: в два месяца акад. Гильфердинг собрал семьдесят таких рассказов в Олонецкой

1 Майков, „Древняя и Новая Россия", 1877 г., № 5.
2 Голицын, „Путешествие в Финляндию".
3 Поляков; П. Ефименко, „Заволоцкая Чудь".
4 Ch. de Ujfalvy, „Melanges altaiques".
5 Майков, „Древняя и Новая Россия", 1877 г., № 5
6 Поляков, см. выше цитированную статью.
7 Андреев, „Ладожское озеро".

губернии. Рассказчики этих былин встречаются во всех профессиях; некоторые женщины тоже рассказывают нараспев эти «старины», но большинство знает их гораздо менее, нежели мужчины, а в южной части края обычай позволяет им петь только специально «женские старины». Впрочем, и ныне образуются новые «старины»; а в одной былине признали сербскую песню, которую грамотные рассказчики приспособили к употреблению своих слушателей[1]. Любовь к печальным песням более развита в этом крае и на покатости Белого моря, чем во всякой другой части России, и невеста, хотя жизнь её в родительском доме далеко не сладкая, перед свадьбою по целым неделям вопит и поет жалобные песни. Старые поверья и обряды, очевидно, в значительной степени карельского происхождения, сохранились до сих пор в сельском населении Олонецкой губернии. Там еще почитают священные деревья; на крестах могил вешают приношения, преимущественно куски холста или какой-нибудь материи, и покойники приглашаются принять участие в трапезе; даже приготовляют попрежнему в избе постель для переселившагося в вечность. Когда у крестьян выходит спор из-за границ их полей, они выбирают посредника или третейского судью, который покрывает себе голову землей и идет по полю: его шаги и проводят межу: так решила «мать-сыра земля», говорят спорящие[2]. В отношении промышлености, олонецкое население одно из самых отсталых во всей России. Для обработки полей оно до сих пор употребляет самые первобытные орудия—доски и палки, различно прикрепленные одна к другой. Впрочем, и то сказать—хлебопашество никогда не может быть сколько-нибудь верным источником пропитания в стране, где «весенние» холода продолжаются иногда до июля, а «осенние» заморозки начинаются уже в августе[3]. В последние времена сибирская язва, свирепствующая во всех болотистых местностях[4], истребила большую часть скота этих несчастных жителей. Звериный промысел, прежде очень прибыльный, дает ныне скудную добычу, потому что бобер и соболь исчезли из этой страны, да и рябчик, еще недавно водившийся в большом количестве, теперь с каждым годом становится все реже и реже. На ярмарке в Шунге, близ Повенца, в 1862 году, было продано разного пушного товара на сумму 138.000 руб,, а в 1869 г. уже только на сумму 31.000 руб. Из больших диких животных остался только медведь, опасный сосед, который пожирает домашний скот и опустошает поля, засеянные овсом: в конце лета и осенью крестьяне боятся даже послать стадо в поле. Вдобавок все, что мужики могли бы заработать, принадлежит заранее купцам, которые платят за них подати, доставляют им за огромные проценты порох для охоты, снаряды для рыбной ловли и хлеб для дневного пропитания. «Там, где я поселился (говорил один лесопромышленник), мужик песни не запоет[5]».

С самого начала русской истории мы видим попытки славян основать в бассейнах Наровы и Невы большие рынки для торговли с прибалтийскими странами. Изборск, куда, по словам летописи Нестора, в 862 году пришел княжить варяг Трувор, брат Рюрика, и который вскоре должен был уступить свою роль Пскову, был одним из этих складочных пунктов славянских народностей: однако жители его, кривичи, слишком слабые, чтобы отвоевать у эстов, скандинавов или рыцарей Меченосцев устья Наровы, никогда не могли придать первостепенного значения своему городу. Теперь это—простое село, где только кое-какие развалины напоминают о древнем городе, разрушенном Меченосцами. Верстах в тридцати к востоку от Изборска лежит Псков, прежде Плесков (от слова плес), сделавшийся независимым от Новгорода Великого в четырнадцатом столетии; в начале это был только пригород и посредник этого города в его торговле с немецкими портами, но впоследствии ему удалось завязать непосредственные сношения с западными рынками, с Ганзейским союзом и завести

1 Гильфердинг, „Олонецкая губерния и её народные рапсоды", „Вестник Европы", март 1872 года.
2 Е. Барсов, Майков, Гильфердинг—„Записки Имп. Р. Географич. Общества" по отдел. этнографии, VII.
3 Поляков выше цитированная статья.
4 Андреев, „Ладожское озеро".
5 Поляков выше цитированная статья.

собственные конторы на берегах Балтики для продажи лесного материала, зерновых хлебов, льна, сала, дегтя и других произведений России. В пятнадцатом веке Псковская республика достигла высшей степени своего торгового процветания, и говорят, что в то время она имела до восьмидесяти тысяч жителей; сохранившаяся ограда свидетельствует о тогдашнем величии города. Но в 1510 году, при Василии III, самостоятельность этой вольной общины была уничтожена, и вечевой колокол, созывавший народ на собрания, перестал звонить в её башне у собора св. Троицы: он был снят и увезен к московскому царю. Подпав под владычество москвитян, Псков, лишенный лучших, наиболее деятельных и богатых граждан, которые были высланы сотнями семейств[1] в другие московские города, утратил свое важное торговое значение и пришел в упадок, запустение воцарилось в его прежде многолюдных стенах; в начале настоящего столетия, в 1803 году, население его не достигало даже 6.000 душ. С той поры город опять поднялся мало-по-малу, не только благодаря своей роли административного центра губернии, но главным образом по причине своего счастливого положения на реке Великой, в нескольких верстах выше впадения её в Псковское озеро, южную оконечность Пейпуса. Это географическое положение делает его естественным складочным местом всей верхней области до водораздела Западной Двины. К достопримечательностям города принадлежит собор св. Троицы, старинные дома и остатки каменных стен с башнями, которые выдержали двадцать шесть осад[2].

Ниже Пейпуса, Нарва занимает местоположение, соответствующее положению Пскова выше этого озера. Река Нарова, вытекающая из Чудского озера, образует близ этого города водопад: в этом месте естественно находился порог между речным и морским судоходством; но, благодаря своим высоким, крутым берегам, это место было более всякого другого удобно для основания крепости, и нередко война разоряла город, уничтожая богатства, накопленные торговлей. Нарва часто подвергалась осадам, часто доставалась в руки неприятеля; под её стенами Карл XII одержал победу над русской армией, вдесятеро превосходившей числом его войска. Находясь в соседстве таких сильных крепостей, как Свеаборг и Кронштадт, Нарва имеет ныне лишь весьма второстепенную стратегическую важность, и её укрепления, так же, как укрепления Ивангорода, лежащего напротив, на правом берегу реки, были упразднены, но не разрушены. Некоторые старинные здания Нарвы, старая биржа, базар, теперь пустынный, свидетельствуют о торговой деятельности, которая некогда господствовала в этом городе, сохранившем средневековой характер; но, по всей вероятности, в ту эпоху бар реки, находящийся верстах в 12 ниже города, представлял судам более глубокий и более удобный проход, нежели в наши дни[3]; теперь он покрыт слоем воды толщиною от 8 до 10 футов и часто переменяет место. Однако и ныне еще население Нарвы, состоящее наполовину из немцев, ведет довольно значительную торговлю (ценность ввоза в 1894 г.—$6^1/_4$, вывоза —1 миллион. руб.). Выше города, мельницы и обширная суконная и хлопчато-бумажная фабрика (Кренгольмская мануфактура) пользуются, посредством вырытых в скале каналов, движущею силою водопадов. Псковская губерния из всех губерний России производит наибольшее количество льна (от $1^3/_4$ до $2^1/_3$ миллионов пудов).

Города и местечки бассейна Невы сгруппированы преимущественно в южной части страны, где климат сравнительно теплее и где почва не отказывает человеку в пропитании. Там находятся: Торопец, на плоской возвышенности, усеянной озерами и лесами: Великия-Луки, на Ловати, в том месте еще маленькой речке; Холм, где Ловать уже является значительной рекой, и, в долине реки Шелонь, посад Сольцы, производивший оживленную торговлю льном до открытия железной дороги. Во всей этой области часто находят в земле древние монеты, арабские, англо-саксонские и франкские, относящиеся к седьмому и до одиннадцатого века,—доказательство значительной торговли с Востоком и Западом; но ви-

1 Костомаров, „Северно-русские народоправства".

2 Устинов, „Древняя и Новая Россия", XI, 1876 г.

3 Von Helmersen, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", III, 1861.

зантийские деньги встречаются очень редко[1]. В особенности Торопец, лежащий на историческом пути из Новгорода в Смоленск и Киев, играл важную роль в древней русской конфедерации; даже до конца восемнадцатого столетия этот город вел значительную торговлю с Германией, вероятно по причине его положения на границе с Литвой, входившей в то время в состав Польского государства. К югу от озера Ильмень, на последних возвышениях местности, господствующих над аллювиальной равниной, где соединяются Ловать, Полисть и некоторые другие реки, стоит цветущий город Старая-Русса, город действительно древнего происхождения, хотя, впрочем, никогда не игравший большой политической роли. Во времена могущественного новгородского народоправства он обязан был своим важным значением главным образом обильному соляному источнику, который позволял ему снабжать солью многолюдный Новгород. Когда последний утратил свою самостоятельность и торговлю, то вместе с ним пришли в упадок и все окружающие его города; разработка старорусской соледварни прекратилась, и только в прошлом столетии стали опять утилизировать ее: источник и артезианский колодец, пробуренный в соседстве его, давали (до 1870 г.) казне ежегодно около 150.000 пудов соли. Старая-Русса, соединенная ныне рельсовым путем с Николаевской железной дорогой, приобрела в последнее время значение преимущественно благодаря своим целебным источникам, и больные из Петербурга и других мест приезжают тысячами лечиться её минеральными водами.

Новгород, ныне второстепенный губернский город, был некогда могущественным и многолюдным городом, который называл себя «Господин Великий Новгород», и владения которого простирались за Уральские горы. Он был для России, как мы видели, если не столицей, как Москва или Петербург, то по крайней мере главным посредником в торговых сношениях с западноевропейским миром. Построенный на обоих берегах Волхова, в нескольких верстах ниже выхода реки из озера Ильмень, этот город есть не только естественное складочное место всей верхней области, но был также в прежнее время, когда еще искусственные дороги не заменили речных путей, одною из главных станций великого водного пути, ведущего из Балтики в Черное море: он лежал, по выражению русских летописей, на дороге «из Варяги в Греки» и вместе с тем на пути из Азии в Европу через Волгу и Балтийское море. В эпоху постоянных войн, для торгового города было, конечно, немаловажной выгодой занимать географическое положение, избавлявшее его от набегов скандинавских или германских пиратов; с другой стороны, и татары, опустошавшие всю восточную и южную Русь, не могли добраться до этого города. Окруженный густыми лесами и топкими болотами, Новгород был гораздо более безопасен от всяких нападений, чем города морского прибрежья. Кажется, впрочем, что местоположение, где ныне находится Новая Ладога—при впадении Волхова в пресноводное внутреннее море, представляло не меньшие удобства, чем местоположение Новгорода; но рынок славян естественно должен был основаться на славянской земле, а окружность Ладожского озера во все продолжение средних веков была населена карелами и другими чудскими племенами.

Старый или первоначальный город, которому впоследствии наследовал «Новый Город», находился в непосредственном соседстве озера Ильмень, на террасе, высотою около 65 футов, окруженной со всех сторон текучими водами и болотами: он и до сих пор известен под именем Городища, или «Древнего Города». Эта терраса представляла естественную крепость, и легенда, которая, впрочем, была выдумана учеными историками новейшего времени, утверждает, что замок Рюрика возвышался на этом месте. Но плато Городища не было достаточно обширно, чтобы вместить значительное население, и «Новый Город» выстроился верстах в двух ниже, на другом возвышенном берегу Волхова. Это и есть тот город, который сделался центром политического могущества в северной России, и который оспаривает у Киева право называться «колыбелью русской державы». Ведя непосредственно торговлю с ганзейскими городами, он сначала имел свои конторы в Висби, столице Готланда, потом главные его сношения установились с Любеком, а через этот город и со всей ганзейской ли-

1 Бережков, „Торговля России с Ганзой"

нией. Мало-по-малу немцы сделались через Новгород господами всего внешнего торгового обмена тогдашней России; сам же Новгород завладел всей внутренней торговлей, и через посредство своих многочисленных колоний, посылаемых на северо-восток, в «заволоцкия земли», на берега Белого моря и даже в Западную Сибирь, сделался сюзереном обширной территории, равнявшейся по пространству всей Западной Европе. Кроме того, он был, вместе с Псковом, главным средоточием ремесл, искусств, образованности, религиозных рационалистических сект. «Кто против Бога и Великого Новгорода?» повторяла хорошо известная поговорка. Новгородцы выбирали себе князей, главная обязанность которых состояла в защите от внешних врагов; но как только народное собрание, или вече, было недовольно человеком, которому оно вверило власть, оно «кланялось ему и показывало путь» из Новгорода, говоря: «мы не хотим тебя! ступай от нас добром, а не то прогоним тебя»[1]. Сильный грамотою Яро-

Церковь, построенная при Иванѣ Грозномъ, близъ Новгорода.

слава Мудрого, которая дала ему независимость и самоуправление и которую он хранил, как драгоценнейшее свое достояние; сильный в особенности материальной независимостью, которую давали ему его богатства и его вооруженные граждане,—Новгород долго жил как самостоятельная республика, свободная политически, но беспокойная внутри и часто разделенная на соперничествующие партии. Граждане не были равны, и в то время, как «белые» или «вящшие люди», то-есть привилегированные (бояре и богатые купцы), постоянно враждовали между собою, так называемые «черные люди», или простой народ, работали на всех. В половине пятнадцатого века, когда нужно было защищаться против Московского государства, уже могущественного, Новгород быстро потерял свои северо-восточные колонии, слишком отдаленные, чтобы можно было своевременно подать им помощь, и соединенные тогда уже с Московским государством через Устюг и течение Вычегды; затем пал и сам Новгород, и дальнейшая история его представляет лишь ряд поражений и бедствий. В 1471 году войска его были побеждены русскими и татарскими силами Москвы, к которым присоеди-

1 Костомаров, „Северно-русские народоправства"; Alf. Rambaud, „Histoire de la Russieu; Mackenzie Wallace, „Russia?.

нился и завистливый Псков, восставший, по приказу великого князя, против своего старшего брата; в 1478 году вече было уничтожено, вечевой колокол и посадница Марфа Борецкая отвезены в Москву, новгородцы должны были принести присягу самодержавному великому князю, как своему полновластному государю, и донос сделан обязательным. В следующем году подозреваемые граждане были казнены, и тысячи семейств отправлены в московские земли. В 1497 году казни возобновились, и опять более тысячи семейств были осуждены на изгнание. В шестнадцатом столетии новгородское население было уже почти все истреблено и частью заменено поселенцами из московских областей; однако, Иван IV заподозрил верность новгородцев, и нигде он в такой мере не заслужил данное ему прозвище «Грознаго», как в Новгороде, во время совершенного им там страшного разгрома. Если верить свидетельству летописца, «благочестивейший царь» лишил жизни в Новгороде шестьдесят тысяч человек: каждый день, впродолжении пяти недель, бросали в Волхов по нескольку сот граждан с женами и детьми, и чтобы никто не мог спастись, ратные люди ездили в лодках и кололи тех, которые всплывали наверх; река была запружена трупами, и с той поры, как говорит предание, вода более не замерзает в месте, где производилось это поголовное утопление[1].

Однако, истребитель Новгорода, желая продолжать торговую деятельность новгородцев, хотел вступить в прямые сношения с Европой; но, уничтожая население старых торговых городов, опустошая их области, где две-трети сел и деревень перестали существовал, москвитяне сами себя лишили элементов, необходимых для непосредственной торговли с Западом. Московское царство должно было с радостью принять англичан, которые приходили со своими товарами отдаленным путем через Ледовитый океан в Белое море, и которым Иван Грозный даровал грамоту на свободную, беспошлинную торговлю в своем государстве; даже позднее, Густав Адольф, король шведский, воскликнул однажды: «Россия теперь окончательно отрезана от Балтийского моря». В семнадцатом столетии Новгород еще раз подал признак жизни: он восстал, но вскоре был приведен в повиновение, и теперь не осталось ничего от древнего национального духа, кроме народных поговорок, направленных против москвитян. В наши дни этот город уже не лежит на великом пути международного обмена, как в старину; он был оставлен далеко в стороне от главной русской железной дороги, идущей из Петербурга в Москву, и соединен лишь ветвью с железнодорожной сетью: таким образом он остается вне торгового движения современной России. Те из его купцов и ремесленников, которые еще оставались в семнадцатом веке, были одним из первых элементов населения новой столицы, основанной на устьях Невы.

Новгород, где некогда было скучено по меньшей мере 50.000 или 60.000 жителей,—четыреста тысяч, если верить преданию,—занимает ныне гораздо меньше места, чем в старину, и монастыри, стоявшие прежде внутри городской черты, находятся теперь далеко за городом, в окрестностях. Но две главные части древнего города—стороны: Торговая и Софийская, или Кремль, разделенные Волховом, существуют и до сих пор. На Софийской стороне находятся памятники древности и величия Новгорода. Кремль, крепость, некогда столь обширная, что заключала в себе 18 церквей, 150 домов, 40 купеческих контор, есть древний Детинец, первый камень которого,—на это указывают самое название и пример сербского Детинца[2],—был, может быть, положен на живого младенца, согласно религиозному обычаю, практиковавшемуся многими средневековыми архитекторами. Собор св. Софии, или Премудрости Божией, возвышающийся в акрополе Кремля, сохранил несколько гробниц новгородских святых и героев, свои интересные фрески двенадцатого столетия, свидетельствующие о более свободном искусстве сравнительно с церковной живописью восточной России, и свои многочисленные иконы старинного письма, которое в отношении изображения священных лиц и событий согласуется с обрядностью «староверов». Подобно церквам общин Франции и Бельгии, Софийский храм содержит, между своими сокровищами, также приношения старинных ремесленных корпораций. На площади перед собором стоит памятник,

1 И. Костомаров, „Русская История в жизнеописаниях её главнейших деятелей", II.

2 Andree, „Ethnographische Parallelen und Vergleiche".

напоминающий легенду о Рюрике, гранитная масса в форме шара (изображающая Российскую державу), на верху которого представлен ангел, осеняющий крестом коленопреклоненную Россию, а внизу, на подножии, расположены, вылитые из бронзы, фигуры важнейших исторических деятелей на всех поприщах государственной жизни, начиная с Рюрика. Этот памятник воздвигнут 8 сентября 1862 г., в память «совершившагося тысячелетия Всероссийского государства».

К востоку от Новгорода, на верхней Мсте, которая в этом месте огибает Валдайскую возвышенность, расположен город Боровичи, служащий с самых первых времен русской истории естественным посредником речной торговли между бассейнами Волхова и Волги. Близ этого города, Мста образует ряд порогов, общая высота которых около 200 футов на расстоянии 30 верст; он отчасти населен лоцманами, которые проводят барки и плоты через опасные места; несмотря на то, здесь каждый год бывает много несчастных случаев: так, в 1857 году шестьдесят судов разбились о подводные камни. Боровицкие пороги сделали этот город складочным местом для товаров, перевозимых по Вышневолоцкому пути, с очень оживленными ярмарками, и быстрины приводят в движение колеса нескольких фабрик. Кроме того, г. Боровичи известной долей своего благосостояния обязан также находящимся в его окрестностях каменоломням, залежам земляного угля и в особенности рудникам железного колчедана, продукт которых во время Крымской войны заменял сицилийскую серу, для приготовления серной кислоты. На север от Боровичей, другой уездный город Новгородской губернии играет подобную же роль в отношении речной торговли: это—Тихвин, состоящий на р. Тихвинке, притоке Ладоги через реку Сясь, и при начале канала, оконченного в 1811 году, который соединяет систему Волги с системой Ладожского озера; Петербург ежегодно получает по этому судоходному пути около 1.250.000 пудов хлебного товара и лесных материалов. Тихвинский монастырь замечателен чудотворной иконой Божией Матери, одной из наиболее чтимых в России; прежде этот монастырь был владельцем 4.500 «душ», принесенных ему в дар царями и благочестивыми помещиками.

Только один город приобрел некоторую торговую важность во всем почти пустынном бассейне, воды которого изливаются в Неву и в Финский залив: это—Петрозаводск, лежащий на одной из западных бухт Онежского озера, в горнозаводской области, где находятся золотые рудники, теперь заброшенные, месторождения медной руды и жилы магнитного железняка, содержащие до 96 процентов чистого металла[1]. Основанный в 1704 году Петром Великим, на месте, где в то время не было ничего, кроме одной мельницы, этот город обязан своим названием пушечно-литейному заводу и оружейной фабрике, которые царь устроил здесь, чтобы можно было утилизировать находящуюся в окрестностях руду. Эти металлургические заведения исчезли после смерти Петра, но на место их впоследствии явились другие, и в 1879 году на нынешнем Александровском пушечном заводе была отлита сорока тысячная пушка. Кроме того, Петрозаводск, сделавшийся промежуточной станцией между Финским заливом и Белым морем, поднялся мало-по-малу, благодаря развитию торговой деятельности. Будучи в то же время административным центром Олонецкой губернии, он далеко опередил по многолюдству и богатству старинный городок Олонец, стоящий на маленькой реке Олонке, восточном притоке Ладожского озера. До основания кораблестроительных верфей в Петербурге, Петр Великий устроил верфь в Лодейном Поле (к югу от Олонца), на берегу Свири: построенные там суда были употреблены им в дело при завоевании шведской крепости Нотебурга (Шлиссельбурга), а впоследствии он имел удовольствие видеть их плавающими даже на водах Балтики. В 1830 году эта верфь была упразднена. Точно так же, как Олонец, город Белозерск, на южном берегу Белоозера, утратил свою относительную важность. Один из древнейших городов России (летописец называет его резиденцией брата Рюрика, Синеуса), Белозерск в наши дни имеет значение только как пристань для барок, плывущих по обводному Белозерскому каналу. Прилегающие к этому озеру земли, так же, как многие другие в бывшей Новгородской области, были разделены между несколькими

1 Проф. Иностранцев, „Геологический очерк Повенецкого уезда".

монастырями, из которых самым знаменитым был Кириллов-Белозерский, близ нынешнего города Кириллова. Этот монастырь, где Иван Грозный хотел постричься в монахи, служил местом ссылки для многих знатных особ Московского царства; он имеет библиотеку и очень любопытные коллекции, относящиеся к истории России.

На берегах «Ладожского моря» двумя самыми многолюдными городами являются, конечно, те, которые находятся на речном пути из Новгорода в Петербург, именно: Новая Ладога, при устье Волхова, и Шлиссельбург, при выходе из озера вод, образующих Неву. Новая Ладога, построенная также Петром Великим в 1704 году, расположена на левом берегу Волхова, там, где прежде находился монастырь, верстах в 12 ниже Старой Ладоги или Альдейгаборга, бывшего складочного пункта новгородцев, где видны еще остатки замка, называемого Рюриковым, а в одной из старинных церквей сохранились фрески двенадцатого века, очень дурно поправленные. Город лоцманов и судовщиков, Новая Ладога сообщается с Шлиссельбургом не только через воды, часто бурные, Ладожского озера, но также посредством двух обходных каналов, идущих вдоль берега, в некотором расстоянии от озера: старого, устроенного еще при Петре Великом, и нового, недавно прорытого, более широкого, более глубокого и без шлюзов. Путиловская гора, господствующая над этими каналами с южной стороны, состоит из пластов песчаника, которые доставляют Петербургу значительную часть камня, необходимого для постройки зданий и устройства дорог. Все суда, плывущие с озера или с каналов, должны проходить под пушкой крепости Шлиссельбург, бывшего Орешка или Ореховца, основанного в 1323 году новгородцами, для защиты их торгового пути от нападений шведов. Последние, однако, овладели этим укрепленным островом и удерживали его за собой до 1702 г., когда они должны был, в свою очередь, уступить Петру Великому этот «ключ» Невы и Финского залива: отсюда и немецкое название Schlusselburg, данное этой старинной крепости, превращенной впоследствии в тюрьму для государственных преступников. Город, расположенный на левой стороне Невы, при выходе каналов, есть, так сказать, передовой—на берегу Ладожского озера—пригород столицы. Однако хотя это внутреннее море находится в соседстве Петербурга, судоходство на нем все еще в том же состоянии, как во времена Великого Новгорода. За исключением пароходов, суда, плавающие по этому водному пути, те же самые, какие были до времен Петра Великого,—тяжелые трешкоты, плохо устроенные и оснащенные, но снабженные на корме огромной печью, вокруг которой судорабочие очень часто лежат растянувшись по целым часам[1].

Ни один завоеватель не выказал больше смелости, чем Петр Великий, основывая новую столицу России в расстоянии 600 слишком верст от древней метрополии, в местности почти пустынной и отдаленной от середины государства, на топкой, болотистой почве, которую сначала надобно было укреплять руками целых армий, прежде чем класть на нее строительные материалы,—на почве, которую несколько раз приходилось поднимать насыпями, потому что вода затопляла нарождающийся город. Основание этой столицы, которую Петр хотел сделать своим «земным раем», открыло собой для всей России эру своего рода каторжных работ. Работники набирались во всех провинциях, как солдаты: в четыре года, с 1712 до 1716, более 150.000 рабочих были таким образом согнаны на невские болота, и большинство их погибло тут от изнурительных трудов, от лихорадки, от голода или различных эпидемий. Чтобы заставить всех каменщиков искать работы в Петербурге, царь иногда воспрещал постройку всяких зданий из камня или кирпича в остальной России, приостанавливал всякия каменные работы во всем государстве, под страхом конфискации и ссылки. Кроме того, все дворяне, имевшие по крайней мере тридцать тягл крестьян, получили приказание явиться на берега Невы и построить себе в новой столице дом, форма и размеры которого были точно определены для каждой категории помещиков[2]. Неопределенные, болотистые берега, на ко-

1 Андреев, „Ладожское озеро“.

2 Костомаров, „История России в биографиях” и т. д., VI.—„Городские поселения в Российской Империи”, VII.

торых преобразователь России воздвигал город, так сказать, наперекор природе и людям, были только-что вырваны у неприятеля. Водворяясь, таким образом, среди иностранной территории, в виду шведов и немцев, он тем самым налагал на себя обязанность вести постоянную наступательную борьбу: он не ограничивался тем,что «прорубил окно в Европу», но овладевал также пространствами, которые расстилаются перед новым зданием. Чтобы изменить искусственное равновесие, созданное Петром Великим, в равновесие естественное, завоевание Финляндии, Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, Литвы, Польши становилось государственной необходимостью: вот причина, по которой политика Петра нашла столь верных продолжателей в его преемниках. Замечательно, что царь, дав свое имя новой столице Империи, употреблял это имя в голландской форме—«Питербург». В России и за границей обычай доставил перевес немецкому наименованию Петрограда—Petersburg; но в обыкновенном языке город и теперь еще называют просто Питером.

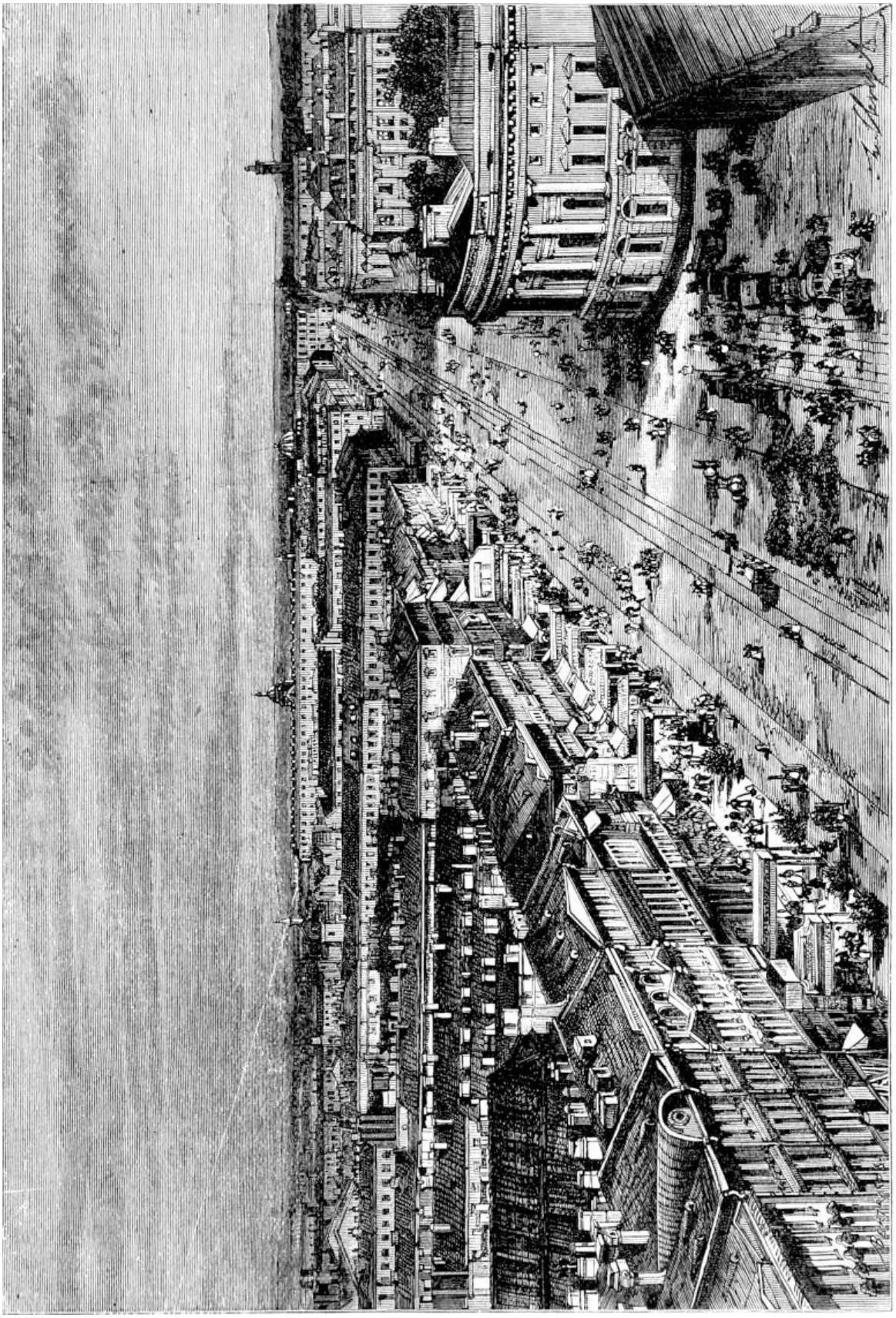
Помимо политических соображений, Петербург несомненно был городом необходимым в организме России и в других отношениях: это был, так сказать, Новгород, перенесенный к устьям Невы[1]; но, за исключением климата, очень сурового под шестидесятым градусом широты, новая столица пользовалась несравненно более важными естественными преимуществами, чем древний город на Ильмене. Она имеет в своем распоряжении море, которое подходит к ней удлиненным заливом, вдающимся верст на 400 внутрь материка, и господствует над устьем значительной реки, доступной небольшим морским судам. Не только Нева открывает Петербургу все дороги, сходящиеся к Новгороду, т.е. к долине Волхова, но и другие её притоки—реки, впадающие в Ладожское озеро, также служат естественными торговыми путями, которые продолжаются на юг, на юго-восток и на восток низкими водораздельными порогами, ограничивающими бассейн верхних притоков Волги: нигде сообщения от одной покатости к другой не представляли непреодолимых трудностей для торговых караванов, даже в то время, когда еще не были устроены хорошие дороги и прорыты каналы. Из всех жизненных пунктов, следующих один за другим на приморской окраине огромного тела России, ни один не занимает столь счастливого положения, как город при устьях Невы, ибо это—пункт наиболее близкий к центру русского населения и доставляет ему, по крайней мере летом, быстрее, чем всякий другой порт, произведения Западной Европы. Дело Петра Великого согласовалось с географическими потребностями страны, и оттого-то оно вышло прочным. Если важный город не возник ранее на том месте, где в наши дни существует столица России, то причиной тому были постоянные войны, опустошавшие прибрежные области Финского залива и которые удерживали до времен Петра большие торговые города внутри страны, далеко от моря. Однако, шведы дважды пытались овладеть устьями Невы—посредством военного и торгового города: около 1300 г. они основали тут Ландскрону; потом, когда этот укрепленный город был разрушен русскими, они построили другую крепость, Ниеншанц, которая, в свою очередь, была уничтожена Петром Великим, а потом заменена, в нескольких верстах ниже, нынешним городом. Сильно укрепленный Кронштадт, который защищает с западной стороны Петербургскую бухту, останавливает ныне всякую враждебную попытку и позволяет столице безопасно увеличивать и развивать свою торговлю и промышленность.

Пятый город Европы по числу жителей, Санкт-Петербург занимает весьма обширную площадь, около 100 квадр. верст, включая сюда и пространство, покрытое водами реки, но не считая предместий фабричных и дачных, которые продолжаются далеко в боковых долинах Невы. Город, расположенный веерообразно вдоль разветвляющихся рукавов реки, покрывает своими строениями шесть больших естественных островов, несколько островков, искусственный остров, ограничиваемый с южной стороны каналом Фонтанкой; на севере и на юге его внешние кварталы раздвигаются все далее и далее внутрь твердой земли.

Первый островок, где Петр Великий заложил в мае 1703 г., свою будущую столицу и где он жил в деревянном домике, до сих пор носит еще название Петербургской Стороны: здесь

1 J. G. Kohl, „Die Geographische Lage der Hauptstadte Europa's".

находится Петропавловская крепость, где содержалось столько государственных преступников, и собор св. апостолов Петра и Павла, служащий местом погребения членов Императорской фамилии. Но настоящий центр города теперь на юге от этого острова, на левом бере-



С.-Петербургъ. Невскій проспектъ.

гу Невы: в этой главной части Петербурга, называемой Адмиралтейской, сосредоточены царские дворцы, величественные храмы, лучшие правительственные здания и частные дома, обширная продолговатая масса Адмиралтейства, над которой поднимается башня с высоким

позолоченным шпицем; собор св. Исаакия Далматского—величественный храм, с огромным куполом, весь построенный из мрамора и гранита, блистающий золотом, малахитом, драгоценными мозаиками; Казанский собор, с красивой колоннадой; обширный Зимний дворец, возвышающийся своим длинным, украшенным изваяниями, фасадом над широкой Невой; другие дворцы: Мраморный, Аничков, Михайловский и пр. Рядом с Адмиралтейством против здания Сената и Синода, стоит памятник Петру I, знаменитая конная статуя (работы Фальконета) на высокой скале: всадник правой рукой, простертой вперед, указывает на Неву, корабли, крепость, которую он воздвиг среди болот. Каменная глыба, поддерживающая статую весит около 9.150 пудов: это самый тяжелый камень, какой когда-либо был перенесен людьми; он превосходит по объему камни Бальбека и египетские обелиски. Недалеко оттуда, перед Зимним дворцом, возвышается Александровская колонна, монолит почти в 11 сажен вышины из финляндского гранита, раппакиви; но этот монумент, замечательный памятник человеческого искусства, уже дал трещины в некоторых местах и не может долго существовать без железных скоб, связывающих расколовшийся камень[1]. В сквере на площади у Александринского театра поставлен памятник Екатерине II, представляющий наглядно историю её царствования.

С высоты башни Адмиралтейства, с террас дворцов или, еще лучше, с колокольни Исаакия, взор обнимает весь город, от восточных полей до моря. На юге видны расходящиеся радиусы, образуемые длинными улицами, или так-называемыми «проспектами». Главная улица, знаменитый Невский проспект, обставленный высокими домами, с блестящими магазинами, храмами и общественными зданиями (Казанский собор, Публичная библиотека, Александринский театр и пр.), постоянно наполнен движущейся толпой пешеходов и экипажами; лучшая часть его тянется версты на три в длину и оканчивается у вокзала Николаевской железной дороги. На востоке, на севере, на западе извивается белой лентой красивая Нева, обрамленная гранитными набережными и ударяющая своими чистыми водами о массивные быки мостов Александровского и Николаевского. Почти напротив Адмиралтейства река делится на два главные рукава, Большую и Малую Неву, охватывающие Васильевский остров, где находятся биржа, таможня, и главные ученые и учебные заведения Петербурга, университет, академия наук, академия художеств, историко-филологический институт, физическая обсерватория и пр. Наконец за линией построек виднеются на северо-западе сады и парки невских островов, с их извилистыми аллеями, загородными дворцами, дачами, легкими пароходами, катерами, лодками, весело скользящими по водам. Обозреваемый таким образом с высоты, как панорама, город представляет красивую картину; но в нем мало таких мест, которые производили бы приятное впечатление на иностранца: Петербург можно назвать «городом с великолепными расстояниями», как кто-то охарактеризовал североамериканскую столицу, Вашингтон; улицы, широкия, правильные, уходящие далеко, очень далеко, все похожи одна на другую: везде видишь те же казармы, те же дома каменные или деревянные, не отличающиеся ни красотой, ни оригинальностью архитектуры. Бюджет с.-петербургского городского управления простирается до 11 миллионов рублей.

Что касается санитарных и гигиенических условий, то нельзя сказать, чтобы Петербург принадлежал к числу здоровых столиц Европы. Подобно тому как в Одессе, смертность здесь ежегодно превышает число рождений, и город может пополнять происходящую отсюда убыль населения только путем иммиграции, постоянного прилива жителей из других мест: предоставленный самому себе, он неминуемо вернулся бы в первобытное состояние, т.е. опять сделался бы тем, чем был до Петра Великого. Так, например, в период с 1852 до 1869 года, статистика Петербурга представляла следующие цифры:

Рождений 135.084, смертных случаев 172.069, средняя годовая убыль[2] 2.158.

1 Von Helmersen, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome V, 1863.

2 За 12 летний период, с 1869 г. по 1880 г., естественная убыль столичного населения исчислена в 30.000 чел., т. е. составляла $4^1/_2$% населения 1869 г., или в средний год 0,35%; но с 1885 г., рождаемость стала превышать смертность (в среднем за 1884—93 г.г., первая составляла 31,2, а вторая 27,4, на тысячу). *Ред.*

Но иммиграция, состоящая преимущественно из мужчин молодых и в силе возраста, до того значительна, что Петербург отличается от всех городов Западной Европы большим численным превосходством своего мужского населения: на семь жителей в нем насчитывают средним числом четырех мужчин и только трех женщин; ранее же, до половины текущего столетия, если можно дать веру сведениям городской статистики, отношение мужского пола к женскому было более, чем 2 к 1.

Отношение полов в 1837 г.: на 100 мужчин—42 женщины; в 1869 г.: на 100 мужчин (377.380)—77 женщин (289.827); в 1881 г. на 100 мужчин (475.138)—81 женщина (386.782).

По переписки 28 января 1897 г., в Петербурге, с предместьями: на 100 мужчин (693.907) —82,6 женщин (573.116).

А между тем большинство совершеннолетних мужчин, живущих в Петербурге, люди женатые; но половина из них—пришельцы, оставившие в провинции жену и детей; таким образом, брачные союзы временно прекращаются на многие годы. Все области, все расы и народности Империи, славяне и финны, участвуют в доставлении контингента пришлого населения столицы. Даже татары довольно многочисленны в Петербурге, где они занимаются по большей части мелкими промыслами: так они ходят по дворам, продавая халаты и скупая старое платье, и служат в первоклассных ресторанах; мечетей у них нет, а местом молитвы служат большие залы, нарочно нанимаемые для этой цели. Немцы, которые встречаются между коммерсантами и банкирами, также, как между ремесленниками и людьми всякой профессии и промышленности, дозволенной законом или двусмысленной, очень многочисленны в столице России: общее число их около 50.000 чел., (в 1870 г. немцев в Петербурге было: мужч. 5,6, женщ. 8,5 процентов). Кроме того, один лютеранский приход состоит из обрусевших потомков немцев, неумеющих уже говорить по-немецки. Понятно, насколько это постоянное нашествие в столицу пришлого люда, разлученного со своими семьями, пагубно как для общественного здравия, так и для общественной нравственности. Пропорция незаконнорожденных детей весьма значительна (например, в период с 1856 до 1865 года дети этой категории составляли в среднем, 30 процентов (в период с 1869 по 1880 г. почти—26%; в период 1884—93 г. г.—28% всех рождений), и Воспитательный Дом каждый год поглощает тысячи маленьких существ, которые отчасти содержатся в самом заведении, отчасти отсылаются на воспитание в деревни, в Петербургскую и даже Новгородскую губернии; но тех и других смерть поражает с неумолимой жесткостью: эпидемии уносят в несколько дней пятую часть питомцев, и петербургские гигиенисты, как и парижские, до сей поры безуспешно возвышали голос против этих детоубийств en masse, происходящих от общественной беспечности. В 1876 году в петербургский Воспитательный Дом поступило 7.578 детей, из них 7.190 незаконнорожденных. Общая смертность подкинутых детей, в Воспитательном Доме и в деревне: 6.088, или 80 процентов.

Столица России, где военные и чиновники всякого ранга составляют значительную часть населения, есть город роскоши. Поэтому Петербург принадлежит к числу тех городов, где класс прислуги представлен наибольшим числом индивидуумов. Для сравнения приводим процентное отношение военных, лиц, состоящих на государственной службе, и придворных в Петербурге и в Берлине в 1869 году, по Янсону:

	Петербург	Берлин
Военных	1 на 17	1 на 59
Чиновников	1 „ 69	1 „ 117
Придворных	1 „ 226	1 „ 2.623.

Процентное отношение прислуги в Петербурге и в Берлине в 1869 г.:

	Берлин	Петербург
Хозяйства без прислуги	81	49 проц.
Хозяйства с 1 прислугой	13	27
Хозяйства с 2 прислугами	4	12

	Берлин	Петербург
Хозяйства с 3 прислугами и более	3	12
Хозяйства с 11 прислугами	0	1

Богатство и бедность живут в непосредственном соседстве в обширном городе. Наряду с убожеством пришлого деревенского люда, фабричный и ремесленный пролетариат составляет уже весьма значительную долю населения Петербурга, первого мануфактурного города Империи. Некоторые большие фабричные заведения принадлежат казне, например, стеклянный и фарфоровый завод, шпалерная фабрика; но главная деятельность сосредоточена преимущественно на частных фабриках и заводах, каковы: литейные, механические, сахарорафинадные, кожевенные заводы, прядильные и ткацкия мануфактуры шерстяных и бумажных материй, пивоваренные и водочные заводы, табачные фабрики и т. д. Общее число частных фабрик и заводов в столице, без пригородов (1892 г.): 504, с 66.287 рабочими и с годовым производством свыше 142 миллион. рублей; более крупных ремесленных заведений, платящих государственный сбор—3.179, с производством около 43 с половиной миллионов рубл. Однако, не столько промышленность, сколько доходы с больших имений и крупные оклады, платимые государственным бюджетом, доставляют богатому классу петербургского общества средства поддерживать роскошь своих туалетов и экипажей в Летнем саду и на Невском. Одна только мелкая торговля, некогда монополизированная выходцами из Новгорода, находится отчасти в руках русских; крупные же коммерческие дела ведутся в большинстве случаев за счет негоциантов немецких и английских, или еврейских банкиров (крупных торговых заведений и предприятий в 1892 г.: 12.006, с годовым оборотом в 1.787.578.600 рублей; общее число промышленных и торговых заведений в 1894 г.: 24.632). Торговое движение Петербурга весьма значительно: на станциях железных дорог, на речных пристанях, наконец, в приморских гаванях столицы и в купеческой гавани Кронштадта совокупная ценность обмена простирается, смотря по годам, до четверти и даже до трети всех торговых оборотов Империи. Обороты внешней торговли Петербурга в 1894 году простирались до 188 миллионов рублей. Движение судоходства по Петербургско-Кронштадскому порту в том же году выразилось следующими цифрами: всего было в приходе—1.824 судна в 1.285.626 тонн, в отходе—1.792 судна в 1.271.388 тонн.

С 1885 г. открыт устроенный при помощи землечерпательных снарядов Морской канал, глубиною в 16 футов, между Кронштадтом и Петербургом, на расстоянии около 30 в. Наибольшая доля судоходства в портах столицы принадлежит не отечественным судовладельцам: иностранные флаги, преимущественно английский, немецкий и норвежский, развеваются на большем числе купеческих судов, чем русский (в 1894 году только 13% судов были под русским флагом).

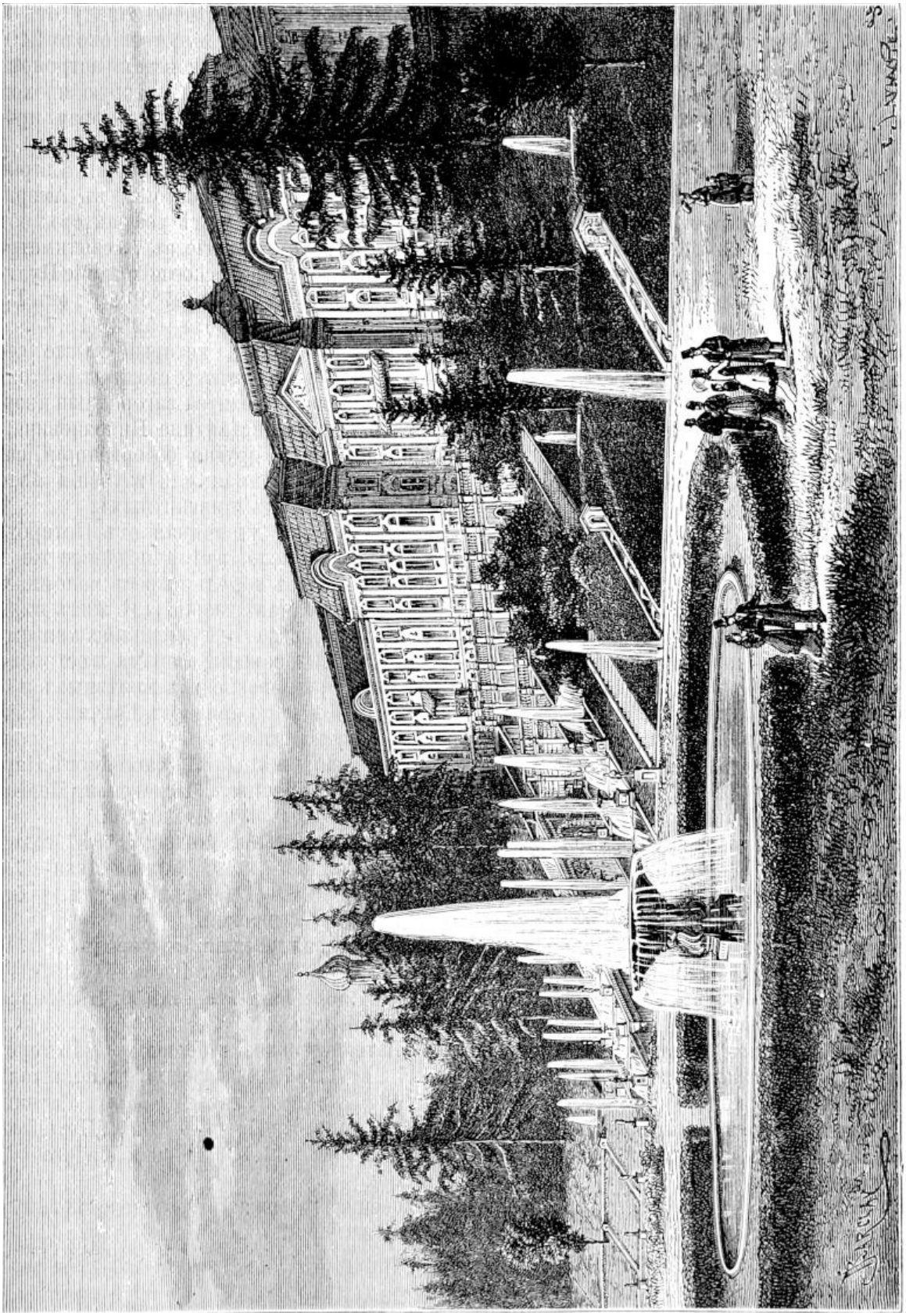
По степени развития народного образования Петербург еще стоит позади большей части городов Западной Европы, так как в нем еще насчитывают свыше 300.000 лиц совершенно неграмотных; в 1870 году состояние начального образования было таково, что на 1.000 жителей приходилось 555,3 умеющих читать и писать и 444,7 неграмотных. Тем не менее, его высшие учебные заведения и его ученые учреждения и общества принадлежат к числу тех, которые наиболее содействуют движению науки в Европе. В отношении высшей литературы, искусств и наук Петербург есть главный центр России, тогда как Москва превосходит его по части народных изданий. Из Петербургского университета, который по числу слушателей немного уступает Московскому, потому что в нем нет медицинского факультета, выходят лучшие воспитанники по отделу наук физических и математических. В Петербургском университете к 1 января 1898 г. было 218 преподавателей и 3.615 студентов и 85 посторонних слушателей, которые по факультетам распределялись следующим образом: на историко-филологическом—163, на физико-математическом—1.226 (в том числе на естественном разряде—705 и на математическом—521), на юридическом—2.085, на факультете восточных языков—141; университетская библиотека содержит (1896 г.) около 240.000 томов. Медико-хирургическая академия, преобразованная в военно-медицинскую, имела в 1896 году 760 учащихся. Для женщин существуют высшие курсы, бестужевские и педагогические, и меди-

цинский институт. В Петербурге же находятся все высшие специальные учебные заведения, подведомственные различным министерствам. Академия наук и некоторые другие ученые общества публикуют мемуары и записки, из которых многие составили эпоху в науке. Императорское русское географическое общество, располагающее значительными суммами и составляющее нечто в роде министерства по части географических исследований и открытий, давало направление ученым этнографическим исследованиям внутри России и руководит издалека многочисленными экспедициями в Сибири, в Китае, в Центральной Азии. Некоторые библиотеки университета и академии наук, заключают в себе редкия книги и драгоценные коллекции; но самое важное книгохранилище столицы, занимающее первое место в Европе после библиотек Лондона и Парижа, это—Публичная библиотека, где собрано около 1.200.000 томов и более 40.000 рукописей, в числе которых много очень редких или даже единственных, около 86.000 карт, эстампов и т. д.; между прочим, там есть «библиотека Вольтера», заключающая около 7.000 томов. Библиотека увеличивается ежегодно на 20.000—25.000 сочинений и каждый год издает драгоценные каталоги и перепечатки редких книг; специальный отдел «Rossica», содержащий иностранные сочинения, касающиеся России, состоит из 40.000 томов. Музеи Петербурга также принадлежат к числу замечательнейших учреждений этого рода на континенте Европы. При академии наук находится превосходная азиатская галлерея и коллекции зоологического музея, где особенно обращает на себя внимание знаменитый скелет мамонта, привезенный Палласом из Сибири в 1803 году[1]. Наконец, Эрмитаж, как бы составляющий продолжение Зимнего дворца, представляет, по некоторым из хранящихся в нем художественных сокровищ, первоклассный музей. В залах Эрмитажа собраны картоны, содержащие 12.000 оригинальных рисунков, 200.000 эстампов, прекрасные картины великих художников и особенно полная серия всех фламандских мастеров; кроме того, здесь можно видеть некоторые из произведений русской школы; но что составляет его славу—это остатки лучшей эпохи греческого искусства и скифские древности, найденные на Таврическом полуострове и в южной России: по этим произведениям искусства музей Эрмитажа есть бесспорно единственный в мире. Кроме картинной галлереи, в многочисленных, великолепных залах Эрмитажа размещены коллекции скульптурных произведений, драгоценных вещей, расписанных сосудов, редких камней и пр. Здесь же находится галлерея Петра Великого. Библиотека заключает, между многими другими богатствами, драгоценные коллекции автографов Вольтера, д'Аламбера, Дидро. Картинная галлерея академии художеств еще богаче галлереи Эрмитажа произведениями русской школы.

Город пышных дворцов, Петербург дополняется снаружи парками и загородными замками в окрестностях. Петергоф («Петров Двор»), на полуденном берегу бухты, отделяющей Кронштадт от устьев Невы, есть второй «Версальский дворец», окруженный со всех сторон садами, цветниками, великолепнейшими многочисленными фонтанами и каскадами; с его террас, спускающихся уступами к морю, виден обширный рейд, весь усеянный кораблями, а далее—лесистый берег Финляндии. К западу от Петергофа, который был любимым летним местопребыванием Петра Великого, другой загородный дворец, Ораниенбаум, окруженный павильонами и виллами, расположен на высоком берегу, напротив острова Котлина и города Кронштадта, грозные укрепления которого и темные гранитные стены, поднимающиеся из серой массы вод, составляют поразительный контраст с тенистыми парками и цветниками Ораниенбаума. До вступления на престол императора Александра II уже было израсходовано более 50 милл. руб. на Кронштадтскую крепость, затем в последнее двадцатипятилетие нужно считать десятками миллионов суммы, употребленные на содержание этого оплота Пе-

1 Музеи академии наук образовались из „кунсткамеры“ Петра Великого, которая первоначально состояла из анатомического театра, приобретенного от профессора Рюйша, и в которой потом хранились разные драгоценности и произведения искусств. В 1718 году царь издал указ о доставлении в кунсткамеру со всех концов России диковин (монстров) и уродов „как человеческих, так и скотских, звериных и птичьих". При Петре в кунсткамере можно было видеть, кроме уродов в спирту, также и „живых монструмов", каковы, например, карлик Фома, великан Буржуа и пр. В кунсткамере же хранился огромный глобус, внутренность которого составляла целую комнату, со столом для 12 человек. *Перев.*

тербурга. Два из фортов, обшитых броней из железа и текового дерева, снабжены вращающимися блиндированными башнями. Кронштадт—по преимуществу военный город, и большинство его жителей служат при арсеналах, фортах, доках и других заведениях военно-



Дворецъ и садъ въ Петергофѣ.

го флота. Другая часть занимается перегрузкой товаров между большими судами и лихтерами, приходящими из Петербурга. Летом пассажиры, постоянно переезжающие в большом числе между столицей и Кронштадтом, перевозятся на пароходах или по Ораниенбаумской

железной дороге. Зимой же сообщение производится прямо по льду; тогда на половине дороги устраивается временная гостинница, и на известных расстояниях учреждаются посты для подания помощи путникам, застигнутым туманом или задержанным трещиной расколовшагося льда. От Морского канала проведен рельсовый путь, соединяющий внешний порт со станциями железных дорог.

Внутри страны, в окрестностях Петербурга, находятся другие города,—так сказать, спутники столицы, представляющие группы загородных дворцов, дач, вокзалов или увеселительных мест, куда устремляется петербургская публика во время летнего сезона. Царское Село, лежащее в 21 версте к югу от Петербурга, было первоначально простой деревней из нескольких домов, рассеянных вокруг загородного дворца, построенного в 1744 году императрицей Елизаветой Петровной, увеличенного и богато украшенного Екатериной II, которая сделала его своей любимой летней резиденцией. Теперь Царское Село значительный город, имеющий даже некоторую промышленность. К северо-западу от Царского Села, на холме высотою около 240 футов, возвышается Пулковская астрономическая обсерватория, через которую проходит главный меридиан России и которая прославлена исследованиями Струве; телескоп, приготовленный для этой обсерватории Кларком, в Кембридже, близ Бостона (в Америке), есть величайший в свете рефрактор; объектив его имеет отверстие в 76 сантиметров. Вот точное географическое положение Пулкова:

Долгота: от Парижа—27°59'20"; от Гринвича—30°19'36". Широта—59°46'18,7".

Вблизи Павловска, который также составляет как бы предместье столицы, состоящее из дач, и где находится загородный дворец великого князя Константина Николаевича, недавно выстроена другая обсерватория, специально предназначенная для изучения явлений метеорологических и магнитных.

Гатчина, более удаленная от Петербурга, чем Царское Село, имела подобное же происхождение: этот город вырос мало-по-малу вокруг загородного дворца (где жил император Павел, когда был великим князем) и садов с живописными озерами и островками. Положение при перекрестке железных и обыкновенных дорог придает Гатчине некоторую торговую важность.

Значительнейшие города бассейнов Наровы и Невы в губерниях: Псковской, Новгородской, Петербургской и Олонецкой.

Псковская губерния: Псков (1897 год)—29.555; Холм—5.639; Великия-Луки—7.632; Торопец—6.896; Сольцы, посад,—5.527; Опочка—4.947 жителей.

Новгородская губерния: Новгород (1897 г.)—22.515 жителей; Старая-Русса—17.185; Боровичи—11.568; Тихвин—6.850; Белозерск—4.746 жителей.

С.-Петербургская губерния: С.-Петербург (1897 г.)—1.267.023 жителей[1]; Кронштадт—59.539; Царское Село—20.500; Гатчина—11.557; Шлиссельбург—4.020; Петергоф—9.516; Нарва—11.706: Новая Ладога—4.600 жителей.

Олонецкая губерния: Петрозаводск (1897 г.)—12.524 жителей.

X. Покатость Ледовитого океана, русская Лапландия, северный Урал, Новая земля

Губернии Архангельская и Вологодская.

Вся северная часть Европейской России, воды которой текут в Ледовитый океан, совпадает довольно точно, в своих общих границах, с обширными губерниями, почти необитаемыми в сравнении с их огромным протяжением,—именно губ. Архангельской и Вологодской.

1 Возрастание населения С.-Петербурга: в 1765 г.—150.000, в 1789 г.—218.000, в 1812 г.—308.500, в 1825 г. 424.700, в 1850 г.—487.000, в 1858 г—495.000, в 1865 г.—539.000, в 1869 г.—668.000, в 1881 г., с пригородами—928.000, в 1890 г.—1.033.613 жит. *Ред.*

Это громадное пространство, которое, так сказать, лежит за пределами живой Европы и которое, по своему климату, равно как и по значительной части своего населения, представляет чисто сибирский характер, имеет на квадратную версту немногим более одного жителя. Одна только Архангельская губерния почти столь же обширна, как Франция и Великобритания, взятые вместе, а между тем там находится меньше человеческих существ, чем в одном каком-нибудь второстепенном городе этих государств, каковы, например, Лион, Лидс или Бирмингам. В сравнении со всею Европейскою Россиею, покатость, наклоненная к Ледовитому морю, представляет почти четверть территории, тогда как общее население двух северных губерний составляет только шестидесятую часть населения Империи.

Пространство и население северной покатости России:

Губернии	Пространство (без значител. внутрен. вод) квадр. верст	Население по переписи 1897 г., душ	Густота населения на 1 кв. версту, жит.
Архангельская	742.050,7	347.560	0,5
Вологодская	353.349,4	1.365.313	3,9

Однако, эта пустынная область есть одна из самых любопытных стран Восточной Европы, не только по интересным явлениям почвы, гидрографическим и климатическим, но также по истории её жителей. Поморы Ледовитого океана тоже имели свою особенную, хотя и скромную, роль в развитии европейской цивилизации, и едва три века прошло с той эпохи, когда дорога через Белое море была единственным путем из Московского государства в Западную Европу.

Почти вся страна, заключающаяся между границами Финляндии и Уральскими горами, наклоняется ровным, почти нечувствительным скатом к Белому морю и Ледовитому океану; реки текут там медленно, описывая длинные извилины. Полуостров Кольский, соединенный политически с Россией, именно с Архангельской губернией, должен бы быть скорее, по форме его рельефа, рассматриваем как простое восточное продолжение Скандинавского полуострова. Белое море и Ботнический залив, выдвигающиеся на встречу друг-другу, ограничивают отчасти территорию русской Лапландии; при том же все формации, простирающиеся на запад от Белого моря, именно в Швеции и Финляндии, принадлежат к граниту и вообще древним горным породам, тогда как к востоку от этого моря, вплоть до Уральского хребта, геологические образования более нового происхождения.

Внутренняя часть русской Лапландии мало известна, хотя сеть путей, по которым следуют путешественники, пересекает ее уже во всех направлениях. Финляндский хребет Манселькe продолжается в восточном направлении, на русской территории, плоскогорьями, изрытыми оврагами; там и сям, как в норвежском Финмаркете, возвышаются горные массы, вершины которых достигают слишком полверсты в вышину; в небольшой цепи Умбдек, которая начинается на севере Кандалакской губы, западной оконечности Белого моря, высшие точки поднимаются даже на 2.950 фут. (900 метр.). На востоке же, возвышенности в 300 фут. встречаются лишь в редких местах; почти вся поверхность страны покрыта громадным моховым болотом, скрывающим возвышения почвы; только на окраинах гранитный остов и его торфяной покров глубоко изрезаны оврагами, наполненными в углублениях никогда нетающим снегом[1]. По Кудрявцеву, ледниковые явления там очень явственны. Скалы все исчерчены параллельными полосами в направлении от северо-запада к юго-востоку, и гребни до самой вершины одеты обломками, принадлежащими моренам. На морских берегах следы поднятия почвы также ясно видны.

К востоку от реки Мезень, цепь высот, примыкающая на юге к парме, т. е. лесистому плоскогорью, около расходящихся в разные стороны истоков Северной Двины, Печоры и Камы, следует довольно правильно в северо-западном направлении, прерываемая там и сям брешами или долинами, где проходят извилистые реки, из которых одни спускаются к Мезени, а другие—к Печоре. Этот ряд возвышенностей, которому иногда дают название Ти-

1 Семенов, выше цитированное сочинение

манских «гор», достигает в некоторых местах 650 и 820 фут. (200 и 250 м.), и даже, близ северной его оконечности, одна вершина поднимается, как говорят, почти на 900 фут. (272 м.) над уровнем моря. Но там хребет, разрезанный многочисленными речными долинами, уже разветвляется в форме веера и оканчивается в водах Ледовитого океана несколькими параллельными полуостровами, из которых один выступает верст на тридцать за правильную линию морского берега: это—Святой Нос, один из тех многочисленных «священных мысов», которые мореходы огибают с беспокойством, задавая себе вопрос, не ожидает ли их за выступом твердой земли бурный ветер или сильное волнение, или не суждено ли им погибнуть там в непроглядном тумане или среди плавающих льдов. Большой остров Колгуев, отделенный от материка проливом в 100 верст ширины, может быть рассматриваем как продолжение Тиманского хребта, ибо промежуточные морские воды не имеют даже 20 сажен глубины, а пучины в 50 сажен и более начинаются уже за этим островом. Колгуев, поверхность которого исчисляют приблизительно в 3.072 кв. верст (3.496 кв. кил.), окружен отмелями, и доступ к нему затруднителен; только несколько десятков звероловов пристают каждый год к этому необитаемому острову, чтобы поохотиться у берегов на тюленя, моржа, белого медведя, но в особенности на птиц—гусей, уток, лебедей; иногда охотники пускаются во внутренность острова преследовать, в болотах и на болотистых холмах, песцов и северных оленей. Все попытки постоянной колонизации имели до сих пор печальный исход. В 1767 году человек семьдесят раскольников, убегая от религиозного преследования, поселились на острове, где никто не мог препятствовать им совершать обряды и насиловать свободу совести; но в несколько месяцев все они сделались жертвой цынги[1].

Может быть, и полуостров Канин должен быть рассматриваем как западное продолжение второстепенного отрога Тиманского хребта. Вся северная часть этого полуострова, очертание которого напоминает форму молота, занята, от мыса Микулкина до мыса Канин, плоскогорьем, образованным из кристаллических сланцев; оно составляет точное продолжение каменистого пояса, начинающагося на твердой земле; высшие вершины этого плато, которое иногда называют Тиунским Камнем, поднимаются на 330 футов над уровнем моря. Эти сланцы конечного полуострова отделены от массы материка юрскими пластами, где, как говорят, в некоторых местах бьют из земли нефтяные ключи; пласты эти заключают в себе также залежи колчедана и медной руды. Прежде Канин был островом. Лет сто тому назад река Чижа, текущая на запад к Мезенской губе, и река Чеща, впадающая на востоке в Чесскую губу, выходили из одного и того же озера, и барки легко могли ходить от одного берега к другому. Теперь это озеро представляет из себя простое болото, и всякое судоходство между двумя противоположными бухтами давно уже прекратилось[2]. Эта перемена произошла, без сомнения, под влиянием общего вертикального движения материковых масс, поднимающего все северные берега России: существовавший тут некогда морской пролив мало-по-малу изменился в озеро, с двумя истоками, а впоследствии и озеро, в свою очередь, превратилось в болото между двумя реками. На берегах русской Лапландии Кудрявцев нашел морские раковины на высоте около 262 фут. (80 м.); то же самое явление было наблюдаемо многими геологами на морских берегах Финмаркена и западной Норвегии.

Кроме холмов Тиманского хребта, обширные пространства Архангельской губернии заключают несколько цепей высот, которые соединяются с Уральскими горами; но, исключая тех, которые находятся в непосредственном соседстве с этими горами, эти уральские разветвления имеют весьма незначительный рельеф, достигая только немногими из своих вершин высоты 656 фут. (200 м.). При том же контраст возвышенностей и равнин не резко обозначен в этой стране: большую часть года снега покрывают своим однообразным слоем озера и болота, ровные и холмистые пространства; впродолжении короткого лета растительность низменных мест мало отличается от растительности высот, и последние так же усеяны по

1 Максимов, „Год иа Севере".

2 Reinicke, „Hydrographie"; Максимов, выше цитированное сочинение.

скатам моховыми болотами, как и низменности. Почти вся страна, до 66-го градуса широты, еще покрыта лесами, относительная ценность которых возрастает с каждым годом, по мере того, как обезлесиваются центральные области России. Девять десятых[1] поверхности Вологодской губернии покрыты деревьями[2], хвойными и лиственными (береза); приблизительно такая же пропорция лесов существует и в южной части Архангельской губернии: все возвышенные местности поросли лесом, так что зырянское название парма означает безразлично «гору» или «лес»[3], подобно тому как в Южной Америке выражения monte и montana, или как слово Wald во многих местностях Германии. Но на крайнем Севере климат уже так суров, что древесная растительность не может свободно развиваться; деревья там сменяются приземистыми кривыми деревцами, кустами, а еще далее и эти последние уступают место ползучим корням с несколькими листиками, которые прячутся под космами густо растущего белого ягеля (олений мох), или красновато-ржавого кукушкина льна: перед нами расстилаются на необозримое пространство пустынные тундры [или правильнее трундры, что значит по-зырянски «безлесные земли»[4], подобные мерзлым пустыням северной Сибири. Однако, средняя температура почвы русских тундр превышает на несколько градусов среднюю температуру ледяных равнин сибирского Востока: даже в Лапландии не находили слоев никогда нетающего льда на дне болот, кое-где даже бьют из земли ключи, вода которых не замерзает и в середине зимы. Повсюду, где почва не слишком сыра и где она хорошо озарена солнечными лучами, некоторые растения более умеренного климата находят достаточно благоприятные условия, чтобы развиваться и цвести. На так-называемых «Зимних Горах» [холмы из зеленоватой глины и песку, поднимающиеся футов на 250 или 330 (80 или 100 м.) на восточном берегу пролива, ведущего из Белого моря в Ледовитый океан], которые лежат еще в поясе древесной растительности, полуденные скаты летом усеяны голубыми цветками лютика и алыми—марьина корня; эти цветки один путешественник называет «последней улыбкой природы» на крайнем Севере[5]. Корни дерев, находимые в разных местах тундры, доказывают, что лесная растительность прежде распространялась гораздо далее к северу: нередко находят толстые пни хвойных деревьев там, где теперь не могла бы расти даже скромная ива[6].

С геологической точки зрения Урал, часть которого ограничивает на востоке Архангельскую губернию и отделяет ее от Сибири, представляет несомненно одну сплошную цепь гор; по всей длине, с севера на юг, он состоит из одних и тех же кристаллических горных пород, покрытых с той и другой стороны одинаковыми пластами, расположенными правильно и составляющими контраст с однообразием равнин Европейской и Азиатской России. Но с географической точки зрения «Великий Каменный Пояс», или «Земной Пояс»[7],—как прежде русские называли Уральские горы,—не имеет того же единства: он делится на несколько отрывков, разделенных широкими впадинами, соединяющими Европу с Сибирью; но в целом, он сохраняет характер водораздельного хребта, как на то, повидимому, указывает и его нынешнее название, угорского происхождения. Южный Урал—самая важная часть хребта, по заключающимся в нем минеральным богатствам,—отделен от Северного глубокими понижениями или впадинами, где цепь как будто совсем исчезает. Точно также и Северный Урал, подразделяющийся по направлению от юга к северу на Уралы «Вогульский», «Остяцкий», «Самоедский», отделен невысокими горными проходами от Карского Урала, известного у ту-

1 По данным 1879-80 г. „лесная площадь" составляет 90% всей площади Вологодской губ., а в Архангельской—почти 65%. Ред.

2 Ruprecht, „ Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", 1855, т. VII.

3 Максимов, „Год на Севере".

4 O. Finsch, „Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876".

5 Максимов, „Год на Севере".

6 Gustav v. Duben, „Lappland och Lapparne".

7 Полагают, что Уральские горы (в древности Рифейские и Гиперборейские) получили свое название от татарского слова урал, означающего пояс. *Ред.*

земцев под именем «Пай-Хой», который тянется в северо-западном направлении, под прямым углом к главному хребту. Остров Вайгач также представляет собою отрывок Урала, да и параллельные гранитные цепи Новой Земли суть не что иное, как прерываемое морем продолжение Уральского хребта, который тянется на пространстве 3.000 верст, не считая извилин гребня.

Северный Урал, по принятому делению, начинается около 63 градуса широты, на севере от гор, где получает начало Печора, текущая в Ледовитый океан, и где, на другом склоне, вытекают реки, впадающие в Обь. Между высотами, дающими начало Печоре, и северными горами нет цепи в собственном смысле, а только отдельные горные массы не равной величины и не параллельные по направлению, которые сообщают линии раздела вод весьма неправильную форму: одна из этих боковых ветвей есть знаменитая «Гора Идолов» (по-зырянски «Болвано-Ис»), на которой одна из вершин, иззубренная временем, делится на скалы причудливых форм, похожия издали на гигантские статуи: самый высокий из этих естественных истуканов (около 15 сажен высотою) был прежде почитаем туземцами за бога, да и теперь, может быть, он имеет еще поклонников)[1].

Цепь, начинающаяся пирамидой Тель-Пос-Ис, или Непуби-Ниор, изменяет направление и поворачивает на северо-восток, но выделяет из себя к западу многочисленные отроги и, таким образом, примыкает к отдельной горной массе, над которой господствуют стены, обвалы и крутой зубчатый гребень вершины, носящей название Сабли. Горы этой цепи покрыты деревьями только при основании, но их гранитные утесы лишены всякой растительности, кроме мхов и лишаев. Голый вид и отсутствие всякой зелени были причиной того, что их прозвали «Камнями», или «Большими Камнями» [Уджид-Ис—по-зырянски, Арка-Пай—по-самоедски, Ке-Он—по-остяцки][2]. Постоянные снега наполняют овраги этих гор в местах, обращенных к северу, и даже встречаются в цирках или котловинах обширные фирновые поля, издали имеющие вид ледников; но самые высокие вершины иногда являются совершенно освобожденными от снежного покрова[3].

Однако, настоящих ледников не существует на этих горах, лежащих частию за полярным кругом. Влажность, которую они получают из атмосферы в виде снега, не довольно значительна; к тому же и средняя высота их, недостигающая версты, недостаточна для того, чтобы ледяные реки имели пространство, необходимое для их развития. Вот высота главных вершин Северного Урала[4]:

Тель-Пос (64° с. ш.)—около 5.000 фут.; Пай-Иер (66°40' с. ш.)—около 4.658 фут.; Чайнди-Пай (67°40' с. ш.)—около 4.500 фут.; Константиновский Камень (68°20' с. ш.)—около 1.492 фут.

Но если на Урале нет ледников, то выступы или мысы хребта Пай-Хой и боковых или параллельных отрогов, которые оканчиваются на севере Уральских гор, или в Карском заливе, или в океане, бывают окаймлены другого рода ледяным поясом: это—воды моря, замерзающие зимой вокруг береговых утесов и ломаемые время от времени волнением или плавающими ледяными массами, приходящими с открытого моря[5].

Еще недавно полагали, что нет никаких следов древних ледников на боках Уральских гор, потому что из прежних исследователей никто не видел там ни глетчерных полос, ни «шлифовок», произведенных трением ледяных масс, ни даже эрратических камней в собственном смысле[6]; но в новейшее время Поляков констатировал существование на Урале многочисленных морен и наблюдал явственные глетчерные полосы и черты, направляющие-

1 Keyserling, „Reise in den Petschora-Gegenden".
2 O. Finch, выше цитированное сочинение.
3 Ковальский, „Der nordliche Ural und das Kustengebirge Pai-Choi".
4 „Зап. И. Р. Г. Общ", 1852, VI; Гофман, „Сев. Урал и хр. Пай Хой".
5 Гофман, „Der nordliche Ural und das Kustengebirge Pai-Choi".
6 Мурчисон: де-Вернейль: Кейзерлинг; Гельмерсен и др.

ся от северо-запада к юго-востоку, параллельно полосам, которые мы видим на скалах Финляндии и Олонецкой губернии. Удивительный контраст между горами Северного Урала и горами Финляндии и Скандинавии, лежащими под менее холодными широтами, на который указывали прежде, казался непонятным с первого взгляда; но нужно сказать, что в странах крайнего Севера следы пребывания древних ледников, полосы, шлифовки и камни морен быстро покрываются густыми слоями мха, и что, вследствие этого, теперь невозможно отыскать поверхность, подвергавшуюся некогда действию льдов, исключая тех мест, где воды, вместо того, чтобы отлагать новые обломки поверх морен, способствовали, напротив, своим размывающим действием обнажению этих каменных валов. Но все равнины, расстилающиеся у подножия Урала, представляют собою тундры, одетые густым мхом, или аллювиальные земли, где первоначальная почва покрыта новыми наносами. По этой же причине в северной Финляндии, которая именно, вместе со Скандинавией, может считаться классической страной Европы для изучения явлений рассеяния льдов, мы нигде не видим вокруг вершин, окруженных обломками, этих следов глетчерного действия, столь многочисленных и столь явственных в низменной области, на изгрызенном водою морском прибрежьи полуденной Финляндии[1]. При том же, работа трения, очевидно, должна быть гораздо слабее под массой фирнов, почти неподвижной, чем под ледниками с быстрым истечением; а окристаллизовавшиеся воды, покрывавшие некогда Урал, так же, как высоты Финляндии и Сибири, должны были представляться преимущественно в форме фирновых скоплений.

Конечная или крайняя северная цепь Урала, на берегах Карского моря, посещается только бродячими туземцами, самоедами и остяками, и путешествия для исследования страны очень затруднительны в тундрах, усеянных озерами и болотами, где единственные места, представляющие хоть какую-нибудь защиту от гуляющих на просторе холодных северных ветров, это—крутые берега ручьев, да высокие, обросшие мхом, каменные глыбы. Зуев был первый ученый путешественник, посетивший этот суровый, пустынный край—в 1771 году. Кастрен тоже прошел эту часть Урала, которую после него изучали, с 1847 по 1850 год, Гофман и Ковальский, затем в 1876 году—Финш, Брем и Вальдбург-Цейль; но картография страны еще далеко не окончена; большая часть гор измерена лишь приблизительно, течение многих рек обозначено неопределенно, и даже не знают положительно, вытекают ли реки Кара, на западной покатости, и Щучья, на восточной, из одного и того же озера, в понижении или долине горной цепи. «Большие Камни» не составляют границы растительности между Европой и Азией: на юге, в поясе лесов, нижние скаты принадлежат также к области, характеризуемой елями[2]; на севере те же белые и рыжие мхи, те же лишаи, те же ползучия деревянистые растения застилают и европейскую, и азиатскую тундру. Хотя, вообще говоря, Сибирь, на одинаковых широтах, холоднее Европейской России, однако разность температур оказывается в пользу восточной стороны на Самоедском Урале. Деревья выдвигаются гораздо далее к северу в бассейне Оби, чем в бассейне Печоры[3]; зимний снег выпадает там в несравненно меньшем количестве; слой его редко достигает такой толщины, чтобы оленям трудно было откапывать из-под снега мох. Под 66 градусом широты, Ковальский проезжал даже в некоторых местах, в середине зимы, по голой земле[4]. Грозы, частые на западном скате, чрезвычайно редки на восточном. С обеих сторон пояс лесов ограничивается довольно резко не простыми чащами приземистых ползучих деревцев, но настоящим густым и высоким кустарником, где еще попадаются прекрасные ели в 3 и 4 сажени вышины, только наклоненные к югу от действия ветров, дующих с Ледовитого моря. Там и сям бродят дикие северные олени, еще довольно многочисленные в области уральских лесов, но редкие в безлесных пространствах тундры. Что касается леммингов, или «норвежских кроликов», то они

1 Крапоткин, „Известия Имп. Русск. Географ. Общества", 1887 г., № 7.

2 Ruprecht, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", 1865, tome III.

3 Шренк, Ковальский, Гофман, Финш.

4 Ковальский, цитированное сочинение

водятся в этой области Урала в таком же множестве, как и в Скандинавии, и странствуют там также бесчисленными стадами. С конца мая до половины июня эти мышеобразные грызуны переваливают через Уральские горы, идя с востока, и направляются к берегам Ледовитого океана; осенью они опять возвращаются тем же путем на сибирский склон[1]. Как во всех болотистых местностях Севера, поднимающиеся с луж и всяких стоячих вод тучи комаров и мошек, столь же жестоких, как москиты тропических стран, составляют истинный бич для путешественников.

Область возвышенных земель, отделяющих бассейн Волги от скатов, обращенных к Белому морю, носит на себе следы пребывания покрывавших ее некогда ледяных слоев. Растаяв, эти ледники образовали пресноводные озера, которые и ныне еще наполняют впадины страны и воды которых поднимались прежде до гораздо более значительного уровня, так как во многих местах видны старые берега, лежащие сажен на десять и более над водной поверхностью нынешних озер. Исследование геологического состава местности доказывает, что морские воды не покрывали этой области и что, следовательно, никакого сообщения не существовало, в новейшие эпохи, между Балтийским морем и Ледовитым океаном, как это допускали многие геологи, когда еще не была достаточно изучена природа почвы. Соединение двух морей совершалось косвенно чрез посредство лабиринта озер и рек, которые вытекали из этих бассейнов в разных направлениях, или смотря по колебаниям уровня почвы, медленным поднятиям и оседаниям моховых болот, спускались в своем течении то к югу, то к северу. Только этим способом и можно объяснить обмены рыб и ракообразных, происходившие между двумя противоположными покатостями; тем же путем, без сомнения, и тюлень vitulina—вид, живущий ныне как в Белом море, так и в больших озерах Ладожском и Онежском,—мог колонизовать эти внутренния воды. Озеро Лача или Лаче, лежащее к востоку от Онежского, также было населено прежде тюленями, как о том свидетельствуют кости этого вида ластоногих, находимые на его берегах. Нужно заметить, что вся северная область, от вод Волги до Белоозера и до Шексны, представляют фауну существенно арктическую: только на Шексне начинается животное царство, свойственное специально бассейну великой реки. Отчего происходит этот контраст, если не от изменения в форме бассейнов? Прежде, в относительно недавнее время, озерная система верхней Волги отдавала излишек своих вод Белому морю; в наши дни она посылает его в Каспийское. В этой области озера и реки переплетаются в виде лабиринта; однако, там встречаются также и озерные бассейны, совершенно уединенные, самостоятельные. Все они заключают в себе пресную воду, может быть, потому, что окружающая почва не содержит соляных частиц, но вернее потому, что различные колебания почвы часто смешивали воды озер, давая им таким образом временное истечение[2].

В настоящее время озерные бассейны, лежащие на покатости Белого моря, значительно уступают по размерам большим озерам бывшей Ингрии, Онежскому и Ладожскому: однако и теперь еще там насчитывают семь резервуаров, имеющих площадь более 450 квадр. верст. Приводим главные озера беломорской покатости, с указанием их площади, по Стрельбицкому:

	Кв. миль.	Кв. миль.	Кв. миль.
Сег (в Олонецкой губернии).	22,6	1.095	1.246
Топ (в Архангельской)	19,3	936	1.065
Выг (в Олонецкой)	15,6	757	861
Имандра (в Лапландии), по Кудрявцеву	35,8	1.756	2.000
Кутно Среднее и Нижнее (в Архангельской)	13,3	642	730
Ковдо (в губ. Архангельской).	10,6	513	584
Пяв или Пее (в губ. Архангельской)	10,2	492	560

Впрочем, нужно сказать, что поверхности тех бассейнов, даваемые географами, далеко не

1 Гофман и Шренк; Финш и др.

2 Scbilling, „Zeitschrift der Gesellschaft fiir Erdknnde zu Berlin" 1875, №60.

могут считаться достоверными или, по крайней мере, очень близкими к истине. Карты большей части озер, их мысов, островов, которыми они усеяны, рек, которые в них впадают, уже своим видом и характером очертаний изобличают малое знакомство с изображаемой местностью. Даже на лучших из них совершенно недостает той определенности, отчетливости контуров, которые характеризуют черты природы, изваянной геологическими деятелями. Всякому бросается в глаза резкий контраст, который представляют в этом отношении карта Финляндии и карта соседней Архангельской губернии. С финляндской стороны все географические линии начерчены с почти математической точностью: вы видите перед собой верное изображение, на которое любо смотреть и которое вполне удовлетворяет геолога. Но как только перенесешь взор за пограничную линию, все очертания становятся неясными, неопределенными, расплывчатыми: природа здесь, так сказать, только предугадывается; она еще не разоблачена, с неё еще не приподнята завеса.

Реки, впадающие в западную часть Белого моря, принадлежат географически к Скандинавии и Финляндии: даже Кемь и Выг суть не что иное, как истоки уступообразных озер, наполняющих гранитные водоемы страны. Первый поток, представляющий законченную реку, Онега, носит то же имя [означающее, по Европеусу[1], «шумящий», от финского слова Aanis], как и большое озеро Невского бассейна, словно в воспоминание того, что она берет начало во впадине, некогда бывшей общим вместилищем всех этих внутренних вод. Озеро Лаче или Лача, из которого вытекает река Онега, вероятно, сообщалось прежде с Онежским озером и отделено от него только низменными землями, частию затопляемыми водой: само оно, наполовину наполненное отложениями осадков, имеет теперь только от 6 до 13 футов глубины, несмотря на его большое протяжение, исчисляемое Стрельбицким в 321 кв. версту (361 кв. кил.). Каменистые пороги, на которых летом бывает мало воды, прерывают течение р. Онеги во многих местах, даже в небольшом расстоянии от устья, и делают плавание по ней затруднительным.

Главная река северной России—Двина, то-есть «река» по преимуществу, как Дон или Дунай, называемая «Северною» в отличие от Западной Двины. Это могучая река, бассейн которой равняется по пространству двум третям Франции, и общая длина которой, считаемая от истоков Вычегды до моря, превышает полторы тысячи верст (1700 кил.)[2]. Самая многоводная река, получающая начало в соседстве Уральских гор, питается двумя большими притоками: на юге—Сысолой, а на севере—Вымью, сообщающейся через волок с гидрографической системой Печоры. Один из притоков Выми, Ворыква или Верква, частию течет под землей: верстах в ста от своего истока эта река, уже значительная, низвергается в колодец, после чего, верстах в двадцати ниже, снова появляется на поверхности в виде многочисленных ручейков, которые и наполняют её русло, имеющее около 28 сажен ширины; поверхностное течение продолжается без перерыва только во время весеннего разлива[3]. Главной ветвью считается, однако, не Вычегда: Двина получает свое название при слиянии Сухоны и Юга, притоков западного и южного, следующих в том же направлении, как пути эмиграционного движения, по которым некогда шли колонисты новгородские и московские. У мыса, образуемого устьем Вычегды, Двина, судоходная для больших судов, имеет уже около версты в ширину; ниже, усиливаемая водами Ваги, Пинеги и множества других рек, она разливается во многих местах, особенно вверх от сети боковых потоков, на обширное пространство, с расстоянием между противоположными берегами от 3 до 7 верст. В самом Архангельске ширина Двины не более версты, но за то глубина перед этим городом от 5 до 10 сажен. Летом, в светлые ночи, когда вечерняя заря сливается с утренней, мало найдется зрелищ более величественных, чем вид этой широкой реки, созерцаемой с плота, который тихо движется, увлекаемый безмолвным потоком; вдали на горизонте чуть виднеется длин-

1 Europaus, „Ueber das ugrische Volk".

2 По Стрельбицкому („Superficie de l'Europe)", длина Сев. Двины 576 кил. = 540 в., а длина Вычегды 800 кил.=750 в.; итого 1.376 кил.=1.290 в. Ред.

3 Попов, „Зыряне и Зырянский край". „Знание", №6.

ная полоса лесов, и громадный свод красноватого неба отражается в подернутой мелкой рябью поверхности воды.

Дельта Северной Двины, которую наносы реки образовали в Архангельской бухте или губе, раскинулась на пространстве, соответствующем важности потока: она обнимает площадь слишком в 1.000 квадратн. верст; ложные реки, озера, болота, рассеянные среди земель, еще более увеличивают это огромное протяжение. Четыре главные рукава, соединенные друг с другом боковыми потоками, перерезывают эти низменные земли, меняя иногда направление и поочередно то увеличиваясь, то уменьшаясь во время столкновений речного течения и морского прилива. Было время, когда западная ветвь имела наибольшую глубину; теперь она обмелела, и суда должны проходить другим фарватером, где они находят, во время отлива, глубину от 8 до 12 футов. Значительные перемены в контурах островов и направлении фарватеров происходят во время вскрытия реки, когда лед, уже разломанный в верхних частях течения, где весенняя температура выше и воды быстрее, скопляется большими массами у берегов и на плитах еще нетронувшагося льда, которые задерживают плывущие льдины. Вследствие разрыва льда, крепко примерзшего к высоким каменистым берегам, куски известняка отрываются от скалы, поднимаются и отбрасываются на берега; во всю длину берега, возвышаются валы из обломков, которые не могли иметь другого происхождения[1]. Ледоход еще уменьшает и без того короткий промежуток времени, оставляемый зимою судоходству: средним числом, Двина у Архангельска бывает скована льдом 191 день в году; в последние два столетия средним днем замерзания реки было 23 октября, а средним днем вскрытия—2 мая[2]. Северная Двина, несмотря на то, что воды её более полгода покрыты ледяной корой, очень богата рыбой: между прочим, в ней водится одна порода, близко подходящая к треске—навага, которая исключительно свойственна этой реке или, по крайней мере, не была еще до сих пор находима в других реках. Стерлядь, прежде невстречавшаяся в Двине, появилась впервые в водах Архангельска около 1865 года, очевидно, благодаря Екатерининскому каналу, который соединяет впродолжении значительной части года систему Камы-Волги с системой Двины. Простой народ, дивившийся при виде этой неслыханной рыбы, сначала пренебрегал её мясом; но пример русских из более южных местностей вскоре побудил туземцев рыбаков ловить стерлядь, ее стали употреблять в пищу, и она быстро поднялась в цене[3].

Мезень, бассейн которой всецело заключен в обширном полукруге, образуемом Северною Двиною и её восточными притоками, кажется незначительной рекой в сравнении с главным данником Белого моря; однако, по своей длине, протяжению своего бассейна и массе своих вод, она равна Сене: более широкая, чем французская река, она имеет около версты в ширину перед впадением в морской залив, усеянный песчаными мелями, который открывается в форме воронки к северо-западу. Подобно Сенской бухте, Мезенская губа отличается ненормальными явлениями своих приливов. Средним числом, прилив длится только 4 часа, тогда как период отлива вдвое продолжительнее; но прилив сопровождается столь быстрым течением, что суда, стоящие на рейде, с трудом удерживаются на своих якорях.

Что касается главной реки восточных пустынь, Печоры, то она своею длиною превосходит Северную Двину, хотя бассейн её обнимает менее значительное пространство. В начале она течет в северном направлении, вдоль основания западных отрогов Урала, усиливаясь при выходе каждой боковой долины другими реками, из которых назовем р. Щугор, берущую начало в снегах горы Тель-Пос-Ис. Этот приток Печоры замечателен водопадом, который он образует в верхней своей долине, и тремя ущельями, известными под именем «Железных Ворот», где утесы, разрезанные на громадные столбы вертикальными трещинами, отличаются поразительной белизной. После принятия в себя реки Усы, также питаемой снега-

1 Murchison, „Russia and the Ural Mountains".

2 Семенов, „Географическо-статистический словарь Российской Империи".

3 Максимов, „Год на Севере".

ми Уральских гор, Печора поворачивает на запад и течет извилистой линией в низменности, которая тянется немного южнее полярного круга, от Урала до Мезенской губы; затем она опять делает не менее крутой поворот, направляется к северу и впадает в Ледовитый океан, образуя обширную дельту длиною около 200 верст, где рукава реки переплетаются в виде бесконечного лабиринта вокруг островов, островков и песчаных мелей, меняющих форму и очертания при каждом новом ледоходе. Песчаный бар при входе в судоходный фарватер дает доступ в реку только небольшим судам, имеющим менее 13 футов водоуглубления. В области дельты река бывает свободна от льдов, средним числом, только 127 дней в году, с 25 мая по 1 октября. Нельзя не удивляться значительной торговле (лесом, хлебом, пушниной), которая производится по этой реке полярных стран, так долго скованной льдом и прерываемой порогами в некоторой части своего течения. Малочисленное население Печорского края, состоящее из русских, зырян, самоедов, все сосредоточено на берегах реки, в маленьких деревушках и поселках, лежащих в больших расстояниях один от другого. Земли, принадлежащие различным рыболовным товариществам, тянутся, в каждом таком владении, на пространстве нескольких тысяч верст, вдоль Печоры и на островах Ледовитого океана. Русские промышленники, образовавшие товарищество для ловли белого дельфина, как рассказывает известный путешественник проф. Норденшельд, уделяют десятую долю улова св. угоднику Николе Пустозерскому, под покровительство которого они отдают свое предприятие[1].

Главные реки покатости Ледовитого океана (длина течения по Тилло, площадь бассейна по Стрельбицкому):

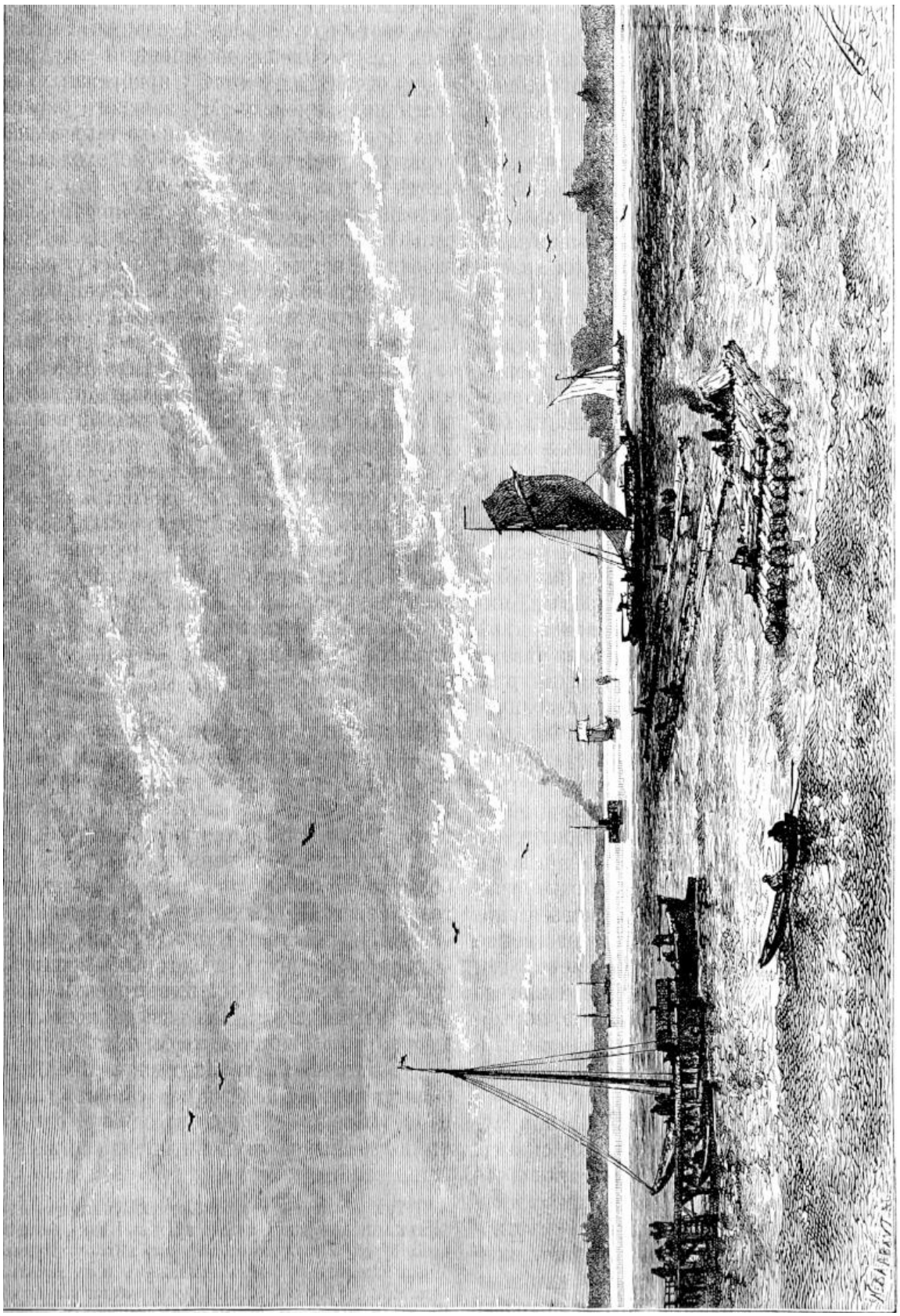
	Длина кил.	Площадь бассейна	
		кв. кил.	кв. верст,
Онега	650	59 343	52.146
Северная Двина	1.725	365.373	321.061
Мезень	815	78.759	69.206
Печора	1.650	329.497	289.535

Море, омывающее берега Архангельской губернии, глубоко врезывается в материк многочисленными бухтами, даже внутренними заливами, суженными при входе выступающими с обеих сторон высокими мысами. Как на один из заливов, наилучше отделенных от моря, можно указать на Печорскую губу. Низменная коса развертывает свою правильную кривую на северо-западе залива и продолжается цепью островов, которая выступает на встречу другому береговому кордону, подобному lidi Адриатического моря и Nehrungen прусского побережья. При входе в Белое море, в острове Моржовец также легко узнать остаток морского прибрежья, составлявшего продолжение правильной линии, образуемой по направлению от северо-запада к юго-востоку берегом Лапландии и берегом, окаймляющим Мезенскую губу. Впрочем, течение Мезени, Северной Двины, Онеги, наконец, вся часть Белого моря, простирающаяся от Онежской губы до Кандалакской, ориентированы в одном и том же направлении: эта параллельность направления составляет одну из характеристических особенностей географии северной России.

Белое море, это обширное внутреннее море, поверхность которого (с островами) исчислена Стрельбицким в 84.100 кв. кил. = 1.527,4 кв. м. = 73.901 квадр. верст, должно быть во многих отношениях рассматриваемо как озеро или как совокупность озер, соединенных с Ледовитым океаном: узкий проход или «корридор», огибающий Лапландский берег, сделал этот бассейн заливом соленой воды, сохранив за ним, однако, независимый характер по виду и форме его берегов, так же, как по рельефу его дна. Так, например, Белое море глубже открытого океана, с которым воды его теперь сообщаются. Глубина его при входе не превышает 20 или 25 сажен, тогда как на западной оконечности, близ внутреннего угла Кандалакской губы, лот касается дна только на расстоянии слишком 140 сажен от поверхности. Залив, который можно бы было назвать Онежским «озером», подобно озеру этого имени, при-

1 Барон Норденшельд, „Письма к Оскару Диксону", 7 августа 1878 г.

надлежащему к бассейну Невы, имеет незначительную глубину (она нигде не достигает 37 сажен) и отделен от главного бассейна группой Соловецких островов; кроме того, несколько островов и множество островков выступают из воды в этом внутреннем заливе. Возможно,



Сѣверная Двина. Видъ вблизи Архангельска.

что со временем Белое море сделается озером, подобным Ладожскому и Онежскому, и будет выливать свои излишния воды в Ледовитый океан чрез реку, составляющую продолжение Северной Двины. Движение, приподнимающее берега Лапландии и, без сомнения, также

ложе моря, может превратить залив в озерный бассейн. Высота входного порога не позволяет течению уносить ил и песок в открытое море, вследствие чего внутренняя впадина залива постоянно наполняется новыми отложениями землистых осадков: как ни глубоко ныне Белое море, но прежде бассейн его был гораздо глубже. Что касается степени солености воды, то она менее значительна, чем в открытом океане: дожди, снега и в особенности массы пресной воды и льдов, приносимые Двиной, Онегой, Мезенью и другими притоками, уменьшили на треть, на четверть или на пятую часть, смотря по отдаленности от Ледовитого океана, содержание соляных частиц в водах Белого моря[1]. Однако и теперь еще добывают немного соли на туманных берегах этого внутреннего моря, при чем теплота огня заменяет солнечную теплоту для выпаривания соленой воды; впрочем, правительство дозволяет прибрежным жителям пользоваться лишь в ограниченном размере топливом из казенных лесов. В 1875 году производство соли на берегах Белого моря дало около 80.000 пудов.

По круговращению своих вод, Белое море также принадлежит к океану, и течения его должны быть рассматриваемы как боковые струи. Широкий поток океанской воды беспрестанно проникает в это внутреннее море, следуя вдоль западных берегов входного пролива и достигая иногда скорости слишком четырех верст в час[2]. Академик Миддендорф приписывает этим водам, приходящим из океана, значительное влияние на среднюю температуру бассейна Белого моря; они принадлежат, по его мнению, к теплому течению, которое движется из тропических морей в полярные страны; иногда можно наблюдать разность в 12 градусов стоградусного термометра между температурой этого течения и температурой окружающих вод. Теплая вода, текущая с севера и гонимая в залив ветрами, дующими из полярных областей, объясняет, между прочим, одно странное явление, которое прежде оставалось загадкой для всякого, кому случалось купаться на Суземском берегу, к западу от Архангельска. Летом, когда ветер дует с севера, северо-востока или северо-запада, температура воды у берегов быстро повышается и доходит иной раз до 21° Цельзия; напротив, под влиянием теплых южных ветров вода охлаждается до такой степени, что термометр показывает там только 5 градусов. Это же теплое течение, идущее от так называемого «Зимнего берега», растопляет весной лед в Архангельской бухте гораздо ранее, чем Онежская губа, лежащая, однако, гораздо южнее, освободится от сковывающей ее ледяной коры. В заливе Варангер-фьорд, на границах Норвегии и России, замечаются явления того же рода, только в меньшем размере: там боковой поток, отделяющийся от площади теплых вод, проникает в залив, следуя вдоль восточного берега, тогда как холодное течение, выходящее из фьорда, направляется к открытому морю, двигаясь параллельно западному берегу[3]. Впрочем, исследование течений Белого моря едва только началось, и потому противоречащие одна другой теории, предложенные для объяснения их, могли основываться на отдельных наблюдениях, произведенных в разное время года. Один из фактов, окончательно установленных—это низкая температура воды в глубоких слоях. На глубине свыше 650 футов вода круглый год держится на точке замерзания[4].

Но каково бы ни было влияние тропического течения в полузамкнутом бассейне Белого моря, оно во всяком случае незначительно в сравнении с влиянием, обнаруживающимся на северных берегах русской Лапландии, граничащих с норвежским Финмаркеном. Между тем, как заливы Архангельский и Онежский бывают заперты сплошным или плавающим льдом впродолжении двух третей года; между тем, как сторожа маяка на острове Моржовец, между Мезенской губой и проливом Белого моря, остаются отрезанными от всякого сообщения с твердой землей с октября до мая,—многие фьорды и порты Лапландского берега целый год свободны от всяких льдов. Русским нет надобности домогаться расширения владе-

1 Knauss, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, II, 1860.

2 Литке, „Четырхкратное путешествие в Ледовитый океан“.

3 Von Middendorff, „Der Golfstrom ostwarts vom Nordcap”, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, 1871.

4 Григорьев, „Известия Имп. Русского Географ. Общества“, 1879 г.

ний на счет Норвегии, чтобы обеспечить рыболовам постоянно открытые, никогда незамерзающие гавани: по крайней мере одна из этих гаваней, защищенная на севере полуостровом Рыбачьим, находится на русской территории. Рыба в огромном количестве посещает эти берега, не менее богатые животною жизнью, чем норвежские фьорды; треска ловится десятками тысяч тонн (1 тонна метр.=61 пуд.) в русских водах; вообще рыба водится там в таком изобилии, что её достаточно было бы для прокормления всего населения Европы. Белое море также участвует в обладании этим богатством, и множество морских животных, преимущественно тюлени, странствуют, смотря по времени года, из океана во внутреннее море, или из этого моря обратно в океан. Это благодаря рыбному промыслу мореходы и освоились с опасностями плавания в Белом море, некогда столь страшном для норвежцев, которые прозвали его Gandvik, что значит «Залив Чудес». Самые имена всех северных стран, прилегающих к морю, свидетельствуют, что образ жизни туземного населения имеет существенно морской характер: везде местности называются не по имени городов, холмов, рек или озер, а по имени их морских берегов, как будто их видели только со стороны моря. На севере от Архангельска, берег называемый «Зимним», продолжается до пролива, соединяющего Белое море с океаном, а на западе обрисовывается «Летний берег». Далее следуют берега: Поморский и Карельский. Терский берег составляет восточную часть полуострова Лапландии, тогда как весь пояс земель, обращенный к Арктическому океану, известен у прибрежных жителей под именем Мурманского берега (то есть Норманского), названного так в память первых посетивших его мореходов. При входе в одну маленькую бухту этого берега, находится островок Нокуев, приобревший печальную известность с 1554 года, вследствие гибели на нем Уиллугби и его спутников[1]. Другой островок, Сосновец, лежащий в «корридоре» (проливе, соединяющем Белое море с океаном), у Терского берега, против последнего леса Лапландии[2], замечателен тем, что здесь была станция союзного англо-французского флота во время Крымской войны. В Кандалакской губе остров, называемый «Медвежьим», имел в прошлом столетии довольно важное значение, благодаря своим серебряным рудникам, разработка которых вдруг прекратилась, когда саксонец Шомберг, управлявший работами, был арестован по приказанию императрицы Елизаветы Петровны[3]. Елисеев открыл в русской Лапландии долмены, такие же, как находимые в Бретани.

Большой полуостров массивной формы, ограничиваемый с южной стороны Кандалакской губой, принадлежит этнографически к области финской расы. Славяне представлены там лишь несколькими группами рыболовов, да и финны в собственном смысле,—все карельской отрасли этого племени,—поселились только на отдельных пунктах южного прибрежья, по берегам Кандалакской губы. Впрочем, высокий рост некоторых лопарей, их густая рыжая борода, их нравы и обычаи и даже многие слова их языка ясно показывают, что славяне также были в числе предков восточных лапландцев. Последние в общих чертах похожи на «самов» (лапландцев) Швеции и Норвегии; однако, они стоят на более низкой ступени цивилизации, и путешественники говорят, что умственные способности у них менее деятельны, чем у их земляков, живущих на запад от рек Танаэльф и Муонио-эльф: может быть, эту вялость ума следует отчасти приписать продолжительным постам, налагаемых православной церковью, равно как и вынужденному воздержанию в периоды бесхлебицы. Так, например, лопари становища Поной, при устье реки того же имени, и близ восточной оконечности полуострова, собирают род мучнистой земли, состоящей сплошь из пластинок слюды, и приме-

1 Три английские корабля, отправленные в Ледовитый океан для отыскания нового пути в Индию, были застигнуты бурей и разлучены; два из них у Мурманского берега замерзли со всем экипажем и с начальником экспедиции, Уиллугби. Лапландские рыбаки нашли мертвого Уиллугби сидящим в палатке за своим журналом. Третий корабль, под командой Ченслера, вошел в Белое море и пристал к устью Двины. *Перев.*

2 Академ. Бер; Миддендорф, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“.

3 Goepel; von Helmersen, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, 1868. № XI.

шивают эту землю к тесту, не для того, конечно, чтобы увеличить питательность хлеба, а для того, чтобы обмануть голодный желудок[1]. Впрочем, во всех северных губерниях у русских, так же, как у лопарей и самоедов, везде, где суровость климата мешает созревать хлебам, обычная пища крестьян в зимнее время состоит в значительной части из мха, древесной коры и лебеды, горькой и нездоровой травы. О климате этих стран можно судить по языку лопарей, который содержит целых 20 слов для означения льда, 11 слов для выражения разных степеней холода, 41 слово с производными—для снега, 26 глаголов для обозначения явлений мороза и оттепели[2].

Лопари полуострова сделались христианами, в том смысле, что они были крещены в шестнадцатом столетии русскими монахами, которые в то же время ввели крепостное право в Лапландии, так как, по их ходатайству, к монастырям были приписаны населения целых округов. Ныне православные, лопари принятием христианства только увеличили число своих богов, прибавив к ним одно «милостивое божество», Иисуса Христа, и одну «страшную силу», дьявола, «царя преисподней». Были даже напечатаны русскими буквами книги духовного содержания, и лопари некоторых становищ выучились читать их. Однако, туземцы до сих пор еще имеют у себя волшебников или шаманов и почитают груды камней, кости, ископаемые, в которых, по их мнению, обитают духи[3]. Брак, как у многих туранских народцев, сохранил формы первобытного похищения, со всем его грубым насилием: обычай требует, чтобы невеста отбивалась, испускала раздирающие крики. Затем, когда ее окончательно уводят из родительского дома, отец передает жениху свои права неограниченной власти, в том числе и право даже, в случае надобности, «выжечь глаза жертве». Новобрачную привязывают в новом доме, как «дикого оленя»; но, после нескольких притворных ударов, муж развязывает ей путы и посвящает ее в звание «хозяйки» и «матери хлеба»[4]. Жена командует детьми и решает браки[5], почти всегда внушаемые корыстолюбивым расчетом: часто случается, что молодые парни 18 или 20 лет женятся на 60-ти летних старухах. Каждый лопарь имеет свой особенный знак, свой штемпель, подобный тотему краснокожих индейцев: при его рождении, этим знаком отмечают оленя, который предназначается ему в собственность, и тем же знаком он будет клеймить впоследствии, когда вырастет, все принадлежащие ему вещи[6]. Вообще, лопари очень смирный народ; взгляд лопаря имеет печальное выражение, как взгляд побежденного человека, но они остались добродушными: они очень любят мир, несмотря на то, что у них сохранились предания о войнах, которые вели их предки с карелами. Продолжается ли мир на земле?—таков первый вопрос, с которым лопари обращаются ко всякому заезжему человеку. Русские путешественники говорят, что эти инородцы стоят гораздо выше своих соседей по чистоте нравов, деликатности чувств, честности жизни, хотя сношения с русскими и «норманнами» уже порядком испортили их. Лопари походят на своих соседей, русских мужиков, только одеждой да склонностью к пьянству. Они очень заботятся о своей особе и наружности, довольно чистоплотны и тщательно моются даже зимой. Хотя вся территория разделена на отдельные участки, и хотя каждая семья или каждый род отлично знает земли, реки, леса, которые ему отведены и которые он посещает поочередно, смотря по надобностям охоты и рыбной ловли,—однако богатые лопари охотно принимают в свое становище обедневших членов семейства, друзей и даже чужих, так как гостеприимство составляет одну из главных нравственных обязанностей лопаря.

Вплоть до самых берегов Ледовитого океана между лопарями, становища которых рассеяны в разных местах морского прибрежья, все мужчины умеют говорить по-русски; но женщины, почти всегда занятые по хозяйству внутри своих веж, едва знают несколько слов на

1 C. Schmidt, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", vol. XVI, 1871.
2 Gust. v. Duben, „Lappland och Lapparne".
3 Castren, „Reise Erinnerungen aus den Jahren 1838—1844".
4 Немирович-Данченко, В. И. „У океана. Жизнь на крайнем Севере".
5 Gustav v. Duben, выше цитированное сочинение.
6 Александра Ефименко, „Записки Имп. Русского Географ. Общества, по отделению этнографии". VIII.

этом чужом для них языке. Правда, лопари-рыболовы почти все живут в работниках у русских промышленников, которые держат их в постоянной кабале, в состоянии зависимости, граничащей с рабством; русских купцов в крае обыкновенно так и называют «хозяевами». Эти-то хозяева платят подати за лопарские общества и доставляют им в кредит все, в чем они нуждаются; но эти долги становятся наследственными, и все, что принадлежит лопарям, наперед уже составляет собственность купца. «Самы» внутренней Лапландии, которые живут по берегам озер, в подземных убежищах, отстоящих одно от другого верст на 50 или даже на 100 и защищенных обширным протяжением пустынных тундр, еще не попали в непосредственную кабалу к русским купцам, но они сделались подданными, как все другие обитатели Империи; они платят подати и должны выкупать своих сыновей от воинской повинности. Один древний письменный памятник свидетельствует, что народ лопь был уже данником Великого Новгорода в начале одиннадцатого столетия.

Известно, что лопари прежде занимали большую часть северных равнин России на юге и на востоке от полуострова, на который они теперь оттеснены. Летописи упоминают их племена или роды на берегах Онежского озера, уже за семьсот лет до нашей эпохи. В бассейне Северной Двины некоторые имена мест, где встречаются лопарские названия, означающие «реку» «ручей», «остров», «лес» и другие географические предметы, также свидетельствуют, что лопари обитали некогда в этой стране, прежде чем удалились на запад от Белого моря. Самое название «самоеды» (самоядь), где сохранился корень «сам», который есть наименование лопарей, указывает, может быть, на то, что нынешние жители восточных равнин считаются наследниками лопарей[1]. Карелы, ныне очень малочисленные в соседстве с берегом Белого моря, носящим их имя, тоже были в числе преемником народа лопь, и следы их находят почти на всей северной покатости. Русский язык жителей Архангельской губернии содержит множество слов и даже оборотов, заимствованных из финского[2]. По всей вероятности, финны-карелы некогда были, вместе с зырянами, известны под общим именем биармийцев (пермь), о которых упоминают средневековые хроники и скандинавские саги, и о которых норманские мореходы, вступавшие с ними в торговые сношения, говорят,—вероятно, с преувеличением,—как о народе богатом, могущественном, цивилизованном, знакомом с земледелием и промышленными искусствами.

Артели или товарищества рыболовные и звероловные, существующие в большей части общин поморов, великорусских жителей Архангельской губернии, употребляют преимущественно промысловые термины карельского происхождения, из чего можно заключить, что населявшие страну финны соединялись в подобные ассоциации уже до прибытия русских в край. Форма этих артелей разнится, смотря по роду труда и тысячи различных обстоятельств среды, но почти везде дележ производится равными долями между всеми членами артели. В многих местах вся община организует рыбную ловлю и распределяет группы работников вдоль моря или рек так, чтобы для всех уравнять шансы; те, которые остаются в деревнях для исправления домашних работ, получают одинаковую долю с рыболовами. Но долги, в которые впали общины и отдельные семьи, делая займы сначала у монастырей и епископов холмогорских, потом у мирян-купцов, ввели расстройство в эти поморские артели, и в среду их мало-по-малу прокрадывается неравенство между членами[3].

На востоке от Белого моря самоеды представляют, как лопари на западе, древнее финское племя, поставленное лицом к лицу с постепенно распространяющимися славянами; но во многих отношениях они резко отличаются от своих соплеменников. По наружности, самоеды ближе подходят к монгольскому типу: лицо у них более широкое и более плоское,

1 Ch. de Ujfalvy, „ Melanges altaiques".

2 Кастрен, выше цитированное сочинение; Europeus, „Ueber das ugrische Volk".

3 П. Ефименко, „Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии".—„Сборник сведений об артелях", I, II.—Калачев, „Артели в древней и новой России".

лоб менее высокий. Антрополог Зограф помещает их между короткоголовыми монголами[4], тогда как Кастрен видит в них народ, происшедший от смешения финнов и монголов[5]. Сами себя они называют «ненец» (в множественном числе «неца»), что значит «люди», или «хассов» («хассова»), то-есть «мужчины». Русское наименование их «самоядь» или «самоеды» подало повод к многочисленным басням; во многих старинных письменных памятниках их называют, как и лопарей, «сыроедами» или «сыроядцами»,—без сомнения, потому, что они едят сырое мясо. Это название имеет почти тот же смысл, как и наименование «эксимосы», принадлежащее обитателям крайнего севера в Новом Свете, которые, находясь в одинаковых климатических условиях, естественно должны были усвоить подобный же образ жизни.

Как настоящие азиатские номады, самоеды ведут еще более бродячую жизнь, чем олен-

Самоѣдъ, лоцманъ.

ные лопари, и охотно перекочевывают с места на место при малейшей оказии; их часто можно встретить даже в русских городах и селах; но они с трудом выучиваются языку господствующей народности; оставаясь еще азиатами по нравам, они гораздо менее, нежели лопари, приспособились к среде, создаваемой вокруг них торговыми сношениями. Русские давно уже крестят самоедов, начав с самых богатых, и строят им церкви—постоянные там, где эти инородцы сидят попрочнее (например, на устьях Печоры, на о. Колгуеве), и вывозят в тундру походные церкви; на их язык даже переведен Новый Завет. Самоеды называют себя христианами и очень любят звонить на колокольне; но старый фетишизм с примесью обрядов шаманства еще далеко не исчез между ними: на шее они, говорит г. Максимов, носят крест, чтобы показывать начальству, а за пазухой держат деревянные чурочки богов, грубо сделанные на подобие человека; таких же божков они становят у снастей, настороженных на пушного зверя, и при счастливом лове тычут им в рот кусочки оленьего мяса, а при неудаче—бьют и секут прутьями. В отдаленных округах, именно в соседстве Уральских гор, они еще обожают хеги, камни причудливой формы, грубо сделанных идолов, верят в духов (тадебции) и в главных богов, доброго Нума, который охраняет скот и дает жизнь, и злого

4 Московск. Антронол. выставка 1879 г. В „Изв. Ими. общ. естеств., антропологии и этнографии".

5 Кастрен, выше цитированное сочинение.

Весако, мужа земли Хадако, «могучей матери». Приношения состоят из оружия и различных орудий; вокруг жертвенника навалены кучи старого железа, негодных, иззубренных топоров, даже старых дудок. Иногда богам приносят в жертву медведей, но чаще всего заклание совершается над оленями, которых жрецы, или тадибеи, удавливают перед идолом и мясо которых они съедают в компании с народом; головы жертвенных животных выставляются на воткнутых в землю шестах, вокруг истукана, и обращены лицом к востоку, когда они посвящены доброму богу, и к западу—если жертва приносится в честь злого бога. Чтобы умилостивить и задобрить божество, самоеды не только дают ему отведать крови жертв, но даже вливают ему в рот водку[1]. Тадибеи или шаманы выдают себя за посредников между богами и людьми и, при помощи бубна и чародейской палки, вступают в беседу с духами. Шаман долго ударяет в бубен, дико кричит, кружится, колотит себя по голове, чтобы придти в экстаз, и, наконец, падает в изнеможении, корчится, валяясь по полу, тяжело дышит: в это время, по понятиям всех бродячих народцев, на земле появляются невидимые духи, чтобы выслушать какую-нибудь просьбу дикарей. Некоторые шаманы в исступлении доходят до того, что бьют себя в мягкия части каким-нибудь оружием, например ножем.

Когда английский мореплаватель Борро посетил в 1556 году Вайгач, священный остров самоедов, он видел там, на северной оконечности, четыреста-двадцать идолов, представлявших мужчин, женщин и детей, сгруппированных вокруг большего истукана Весако с семью лицами. В 1594 году голландец Лай опять видел этот «мыс идолов» (Afgoden Hoek), один из тех многочисленных мысов, которые получили от русских прозвище «Болванский Нос»; затем, мореплаватель Иванов, пристававший к острову в 1824 году, тоже отыскал чудовищные изваяния, описанные у Борро. После того они были повалены и сожжены ревностными миссионерами, и теперь на высшей точке мыса водружен крест; но русские торговцы поморья говорят, что обломки этих священных изображений были сохранены, и место жертвоприношений находится ныне в одной соседней пещере, посещенной проф. Норденшельдом. Жертвенники и сто идолов, существовавшие в Козьминском стойбище самоедов, верстах в двадцати от города Мезени, тоже были сожжены[2], но, не смея более, из боязни русских, воздвигать больших идолов, видимых издалека, самоеды делают себе уродливые куклы и чурки, которые они прячут в своих чумах, или под одеждой, подобно тому, как в других странах амулеты и медали, носимые на теле, заменяют изображения богов и святых.

Отечество «самояди», этого бедного остатка некогда могущественного племени, обнимает обширнейшую территорию: от Белого моря до пространств, лежащих за Енисеем, и от берегов Ледовитого океана до основания Алтайских гор, откуда пришли их предки, мы находим самоедские семейства. Оттесненные, вероятно, победителями тюркского племени, они спустились к северу, следуя по течению рек, и поселились на берегах Полярного моря; далеко на юге от нынешней территории, средний Урал еще носит самоедские названия[3]. Семья юраков, к которой принадлежат самоеды Европейской России, населяет теперь всю область тундр по обе стороны Уральского хребта; с самого начала русской истории самоеды, упоминаемые летописцем в первый раз около конца одиннадцатого столетия, бродили уже в этой стране, которая простирается за поясом лесов, где ягель, или олений мох, доставляет необходимый их стадам корм. Но весьма вероятно, что они должны были завоевать эти гиперборейские земли, лежащие в царстве вечной стужи и ночи, у других финнов, более, чем они, близких к финляндской отрасли. Многие названия мест, объяснение которым можно найти только в языке карелов, доказывают, что последние были древними обитателями страны. Эти-то финны и были, без сомнения, тот таинственный народ, прозванный русскими «чудью» белоглазой, а самоедами «сыртью», который, по словам предания, провалился сквозь землю, ушел во внутренность земли, где он владеет громадными территориями для охоты и

1 Nordenskjold, „Expeditius polaire suedoise“, 1878; ..Этнографический Сборник”. IV

2 Максимов, „Год на Севере”.

3 Гофман, цитированное сочинение.

пастьбы, изобилующими мамонтами, лисицами и бобрами[1]. У лопарей, которым тоже, вероятно, пришлось вести борьбу с этим чудским народом, сохранились подобные же предания. Имя предшествовавшего им населения края соединено у них с именем злых духов, обитающих в воздушных и подземных пространствах[2]. В свою очередь, и самоеды обречены на быстрое исчезновение: и они тоже скоро все «уйдут под землю», как древняя чудь. Дети русских жителей края в своих играх повторяют слова, смысл которых потерян для них, но которые некогда были жестокой истиной: «Пойдем Самоядь искать, Самоядочку трепать. Уж мы Самоядь найдем, пополам разорвем[3]».

В прежния времена это племя занимало гораздо более обширную область; некоторые из принадлежащих к нему народцев обитали по берегам Онежского озера, другие кочевали на восточных берегах Белого моря. Теперь эти страны ускользнули из их рук,—предки их были там истреблены новгородцами и москвитянами[4]. На нынешней их территории все пространства, сколько-нибудь ценные для рыбной и звериной ловли или для хлебопашества, переходят постепенно в руки зырян и русских, хотя по закону 1835 года всякое земельное владение русских было ограничено 60 десятинами на семью, и им запрещено делать новые захваты на земле самоедов[5], составлявшей прежде общую собственность. Раса, которая в Европе разделена между тремя округами или тундрами—Канинской, Тиманской и Большеземельской, состоит теперь, как полагают, всего только из пяти с небольшим тысяч человек (в Европейской России насчитывают 5.370 самоедов), и между тем как число рождающихся уменьшается, смертность между самоедами постоянно возрастает. Кроме того, самоеды быстро утрачивают свою национальность и сливаются с окружающим населением. Так, Кастрен констатировал тот факт, что многие из их родов в южной Сибири теперь почти ничем не отличаются от окружающих инородцев тюркского племени; точно также самоеды северной России обрусели в соседстве городов и теряются мало-по-малу в классе крестьян. Местные торговцы не переставали обирать и развращать простодушных дикарей: они скупали у них стада, давая им в долг муку и водку, и несчастные должники, не будучи в состоянии избавиться от лежащих на них обязательства, посредством прямой уплаты, осуждены на бесконечную работу, на кабалу, которая низводит их на степень невольников, без всякой надежды на освобождение. Более половины из них уже лишились своих стад северного оленя: по приблизительному рассчету, в настоящее время среднее число этих животных, которым владеет каждый самоедин, не превышает семнадцати голов[6]. Существовавшая прежде между самоедами «немая» торговля оставлена ими, потому что она всецело была основана на честности, а русские купцы не обладают этой добродетелью: когда, бывало, самоеду понадобятся шкурки пушного зверя или какие-нибудь другие продукты, он отправлялся в чум другого туземца, обитателя тундры, брал нужные ему вещи и оставлял взамен их кусок дерева со своей меткой[7]; русский же забирает все и не оставляет в обмен ничего. Рано или поздно, и вероятно даже в недалеком будущем, от самоедов не останется ничего, кроме воспоминания, кое-каких предметов их немудрого искусства, да их героических песен, ибо самоеды, подобно своим соседям-карелам, обладают даром поэзии, и некоторые из их поэтических произведений, повидимому, были плодом такого же вдохновения, как финский эпос Калевала. Почти все самоеды умеют слагать песни, но между ними мало таких, которые умели бы декламировать. Эти немногие «мастера слова» пользуются большим почетом, и самоеды проводят

1 Alex. Castren, „Suomi, Tidskrift i fosterlandska amnen, Fjerde argangen", 1845.—„Vorlesungen uber die altaischen Volker".

2 Немирович-Данченко, см. выше.

3 П. Ефименко, „Материалы но этнографии русскаго населения в Архангельской губернии, I".

4 Костомаров, „Северно-русские народоправства", I.

5 Александра Ефименко, „Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губ."; „Этнографический Сборник", IV.

6 Александра Ефименко, там же.

7 Александра Ефименко, там же.

целые ночи, слушая своих рапсодов, которые обыкновенно сидят в середине кружка, закрыв одной рукой глаза, а другою помахивая стрелой, обращенной острым концом к земле.

Другой народ урало-алтайского племени, но весьма отличающийся от финляндцев,—зыряне; это именно те туземцы, которые, взапуски с русскими, спаивали простодушных дикарей-самоедов, мало-по-малу отняли у них стада оленей и доселе продолжают грабить их чумы в тундрах. Из древних туземных народцев севера России один порабощен, а другой обогатился и занял место в классе купцов и хозяев. Зыряне, поселившиеся исключительно по берегам судоходных рек и на волоках между большими реками, в бассейнах Печоры, Мезени и верхней Двины, занимаются торговым обменом с незапамятных времен, и в их руках находится теперь значительная часть торговли северной России, не только с сопредельными губерниями, но даже с Норвегией и Англией; коробейники и странствующие торговцы из Зырянского края посещают все ярмарки и рынки—от Архангельска до Москвы и Нижнего Новгорода, продавая меха, рога, рыбу, и приносят довольство в свои деревни.

Зыряне, сами себя называющие «коми» или «коми-воитыр», то-есть «выходцами из северной области Камы», не были обозначаемы под нынешним их именем древними летописцами, которые смешивали их с «коми», или «кóминами», камскими пермяками, их родичами по происхождению, языку и нравам[1]. Однако, из всех народцев Биармии, о которых говорят скандинавские саги, зыряне наиболее деятельно предавались торговле: они служили посредниками в торговых сношениях Запада с Сибирью, Туркестаном, Персией и даже Индостаном. Торговые пути, пролегающие через Уральские горы, до сих пор известны у остяков[2] под именем «зырянских дорог». По всей вероятности, зырянское племя прежде занимало гораздо более обширную область и жило даже на южной стороне Волги, судя по тому, что большое число географических имен между этой рекой и Окой объясняются языком зырян. Так, между прочим, Москва по-зырянски значит «вода коров» (Мос-к-ва)[3].

С конца четырнадцатого века эти торговые народцы покатости Ледовитого океана перестали поклоняться солнцу, огню, воде, деревьям и «золотой бабе»; епископ Стефан Пермский, проповедывавший Евангелие в этом краю, разрушил кумиров, срубил священную березу и научил туземцев некоторым христианским молитвам, а также употреблению особенной, нарочно для них составленной азбуки, знаки которой еще не вполне объяснены и которая давно уже заменена русским письмом; единственные видимые остатки древнего языческого культа—это жертвоприношения животных, совершаемые доныне перед церквами[4]. Впрочем, сами зыряне по большей части уже обрусели и мало-по-малу сливаются с господствующим населением: все они, по крайней мере мужчины, знают по-русски и любят петь русские песни, даже когда не понимают их смысла; издалека слышишь, как раздаются в лесах песни волжских бурлаков, распеваемые зырянами, мужчинами и женщинами, которым нравится правильный размер этих песен[5]. Зырянский тип мало отличается от славянского, исключая того, что цвет кожи у этих туземцев финского происхождения гораздо смуглее[6]. Зыряне—не высокого роста, но мускулисты, крепки, коренасты; волосы у них большею частию темнорусые или черные; женщины все румянятся. Дети этого племени очень понятливы и способны; в школах удивляются легкости, с которою они выучиваются русскому языку и арифметике; в Вологодской духовной семинарии сыновья зырянских попов всегда оказываются лучшими воспитанниками. Подобно финляндцам, эти восточные финны очень любят паровые бани, до такой степени, что на охоте и зимой они парятся даже под откры-

1 Костомаров, выше цитированное сочинение.

2 Alex. Castren, „Ethnologische Vorlesungen liber die altaischen Volker".

3 Попов, К. А., „Зыряне и Зырянский край". „Знание", № 6.

4 Так, наприм., во многих местах есть часовни, в которых служат молебны св. Власию и Модесту. В праздники в жертву этим святым, как покровителям скота, крестьяне приносят телячьи головы, ноги, грудинки, иногда даже целых телят. Все эти приношения, разумеется, идут в пользу причта. *Перев.*

5 Гофман, см. цитированное сочинение.

6 Максимов, „Год на Севере".

тым небом, поливая воду на сильный огонь; в деревнях баня составляет неизбежную принадлежность каждой избы. Наиболее чистыми представителями племени считаются зыряне, живущие в Вологодской губернии, на верхних притоках Северной Двины: они всего лучше сохранили старые обычаи, между прочим, некоторые привычки общежития. Это по большей части отличные охотники, смело нападающие на медведя. Часто все мужчины уходят осенью и зимой на охоту (по-местному «лесованье»), но обыкновенно в качестве простых работников, состоящих на жалованьи у хозяев и получающих всего каких-нибудь 13 или 14 рублей за пять месяцев службы[1]. В это время женщины должны исполнять все повинности, обыкновенно возлагаемые на мужчин: так, они возят почту и исправляют должность курьеров. Про зырян рассказывают, что они смирны, кротки и решительны, и те из них, которые живут в лесах, сохранили ту любовь к правде, то прямодушие, которые обыкновенно отличают свободных людей. Напротив, зыряне Мезенского уезда Архангельской губернии, которые поселились среди самоедов и эксплоатируют их, сделались, под деморализующим влиянием собственной тирании, плутоватыми, способными обмануть, жадными к наживе. Все они питают необыкновенное уважение к властям, даже на сборщика податей взирают со страхом и трепетом.

Недавно число чистокровных зырян определяли в 30.000 душ, но Попов насчитывал их в 1874 году до 91.000 в двух губерниях, Вологодской и Архангельской[2]. Нет сомнения, что они составляют значительную долю населения северных стран, ибо зырянские семьи очень плодовиты, и когда вы входите в их сельские церкви, вас поражает множество белокурых детских головок, волнующихся среди собравшагося народа. При том же зырянское племя несомненно имеет весьма большое число представителей между жителями, которые носят имя русских. Известно, что, по общему закону, обитатели какой-либо страны все более и более группируются вокруг расы или народности, которая оказывает наибольшую притягательную силу либо гражданственностью, либо могуществом, и потомки биармийцев теперь присвоивают себе честь происхождения от новгородских выходцев, поселившихся в крае в период с двенадцатого до пятнадцатого столетия. Впрочем, нужно заметить, что новгородская колонизация сталкивалась с колонизацией суздальцев, которые поднимались вверх по Шексне или Унже и проникали через волоки в бассейн Северной Двины. Целая группа деревень на берегах р. Ваги носит название «Ростовщины», потому что она населена потомками выходцев из Ростова[3]. Некоторые старинные роды из Новгорода Великого доныне сохранились во всей чистоте на берегах Северной Двины и Печоры и пользуются еще некоторого рода патриархальной властью над всем окрестным населением[4].

Поморы, то-есть «жители приморья», как называют всех великоруссов северной покатости вплоть до Вологодской губернии, составляют преобладающий элемент населения в большей части местностей этого края. Живя, так сказать, в стороне от остальной России, от которой их отделяют громадные пустынные пространства, они остались во многих отношениях великоруссами по преимуществу, хотя развитие независимых религиозных сект придало им также некоторые особенные черты. Нигде семейная жизнь не имеет более деспотического характера, по крайней мере в теории; в действительности же у поморов, которые все раскольники, женщина пользуется большим уважением, чем у великороссиян. Невеста называет своего будущего мужа остудничок, в том смысле, что он заставляет дрожать от страха, и муж, прежде чем дать новобрачной обычный поцелуй, дерет ее за косы и напевает ей песню, где говорится, что под периной брачного ложа спрятана шелковая плетка о трех концах, которая стегает больно, до крови[5]. Оттого бедная девушка с грустью и слезами расстается со

1 Вологдин, „Лесное царство", в журн. „Слово", 1878 г.,№№ X, XI.
2 См. „Зыряне и Зырянский край".
3 Попов, „Записки Имп. Русского Географ. Общества", по отделению статистики, II.
4 Граф Вильчек, „Mittheilungen von Petermann",1874.
5 Е. Барсов; П Ефименко.

своей «божеской волей»; она трижды падает на колени перед образами, приговаривая: первый поклон кладу за Царя-батюшку, второй поклон за Царицу-матушку, а третий поклон за себя, молодешеньку, чтобы Спаситель сжалился надо мной в чужой семье[1]. Царь, за которого молится невеста, есть, в народном понятии поморов, не столько повелитель, сколько «земский царь», представитель и блюститель всех интересов земли, «тот, который служит земле», как выражаются местные песни. Тяжелая доля крепостной зависимости была неизвестна большинству поморов. Едва только совершилось в Московском государстве прикрепление крестьян к земле, как приобретение Малороссии и Запорожья привлекло внимание дворянства на юг, и с этой-то стороны началась раздача земель и людей, тогда как непроходимые хвойные леса и мерзлые тундры севера России оставались в совершенном пренебрежении. В 1866 году в Архангельской губерния насчитывали всего только 476 крестьян, принадлежавших при крепостном праве помещикам[2].

Главный город лапландского полуострова, Кола, не имел даже восьми сот жителей во время последней народной переписи. А между тем, несмотря на суровый климат, это поселение представляет, по своему географическому положению, большие удобства для торговли и, без сомнения, могло бы сделаться значительным городом. Кола занимает, при слиянии двух рек, оконечность лимана, вдающагося далеко внутрь материка, и этот залив продолжается на юге впадиной, наполненной озерами, которая соединяет Кандалакскую губу с океаном: здесь естественно должен проходить торговый путь между двумя морями. Поэтому положение, занимаемое Колой, было оценено купцами с того самого времени, как только началась история для этих северных стран: в 1264 году Кола уже упоминается летописцем, как складочное место рыболовства и меновой торговли для новгородских купцов. Но выгоды местоположения не были достаточны, чтобы привлечь население к этим мерзлым, пустынным берегам океана, и город представлял лишь кучку деревянных домишек, когда англичане бомбардировали и наполовину выжгли его во время Крымской войны. Главный промысел местного населения составляет рыболовство, преимущественно ловля акулы,—промысел очень опасный, по причине туманов и бурь на Ледовитом море: случалось также, говорят, что стаи акул нападали на рыбачьи суда, опрокидывали их и пожирали рыболовов.

На Карельском берегу, омываемом западными водами Белого моря, Кемь, другой городок, который в многолюдной стране показался бы незначительным, служит главным складочным пунктом рыболовства и торгового обмена. Также как и Кола, Кемь есть древняя новгородская колония, занимающая очень выгодное торговое положение, при устье судоходной реки и в месте наиболее удобного сообщения с Ботническим заливом и Скандинавским полуостровом. Но нынешним своим важным значением этот город обязан главным образом соседству Соловецких островов и знаменитого монастыря, основанного в первой половине пятнадцатого столетия. Соловецкие монахи, зависящие непосредственно от синода, долго сохраняли первоначальные обряды, несмотря на реформы патриарха Никона. Они сопротивлялись даже силой и, благодаря своим крепким стенам, целые восемь лет выдерживали осаду; монастырь был взят (в 1676 году) только вследствие измены одного монаха, указавшего осаждавшим один подземный проход. Большинство защитников, монахов и крестьян, были переколоты, перевешаны или засечены до смерти. Однако, и после того дух религиозной независимости не совсем исчез в Соловках, чему способствовало в особенности то обстоятельство, что состав братии пополняется большею частию из жителей края, еще сохранивших новгородские традиции.

Обширные строения Соловецкого монастыря, увенчанные куполами, окруженные сильно укрепленными стенами, импонируют своим видом, тем более, что не ожидаешь увидеть такия громады в этом суровом, враждебном человеку, климате. Внутри монастырь поражает

1 „Изв. Имп. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии", т. XXX, вып. 1 и 2; П. Ефименко, „Материалы и пр."

2 Янсон, „Сравнительная статистика России" и проч.

своим богатством, и соседняя гавань всегда наполнена судами, рыболовными и купеческими; монахи имеют даже собственную флотилию пароходов; вдоль берега выстроились длинным рядом магазины и амбары, а доки настолько велики, что правительство посылает туда для починки военные корабли, стоящие в Архангельском порте. Вообще Соловки представляют на севере России важнейшую общину, около которой, как около центра, сосредоточивается наибольшее количество интересов торговых и промышленных. Владения монастыря раскинулись на островах и на континенте, на пространстве 650 квадр. верст; на этой обширной территории монахи собирают в изобилии земные плоды, получают все нужные им продукты сельского хозяйства, за исключением пшеницы, ячменя и вина: на одном острове содержатся стада баранов, на другом—лошади, на третьем—дойные коровы. Все мануфактурные предметы, употребляемые монахами, до драгоценных вещей из золота и серебра включительно, выделываются в самом монастыре, который таким образом составляет замкнутое общество, удовлетворяющее собственными средствами все свои потребности. До издания манифеста 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного состояния, Соловецкий монастырь владел пятью тысячами крестьян, которых теперь заменили богомольцы, приходящие ежегодно в числе многих тысяч и обыкновенно остающиеся по нескольку месяцев в услужении при монастыре, в качестве домашней прислуги, дровосеков, пастухов, землепашцев или матросов: иной раз за большой стол монастырской трапезы садится одновременно до тысячи человек. Между этими богомольцами бывают даже такие, которые, во исполнение данного обета, несут добровольную службу при обители в течение трех или пяти лет. Кроме того, богомольцы делают приношения, ценность которых колеблется между 10.000 и 35.000 рублей в год, смотря по обилию урожая. Все население составляет большую демократическую общину, управляемую монахами-крестьянами[1].

Город Онега, который тоже первоначально был колонией новгородских купцов, носит имя реки, омывающей его набережья, и соседней губы, самого южного залива Белого моря. В водах Онеги и около Соловецких островов сельди часто появляются в таком множестве, что их буквально можно черпать ведрами: когда стаи их исчезают, рыбаки должны очищать берега от груд гниющей рыбы, которые остаются в соседстве жилищ, заражая воздух. Почти вся рыба, ловимая в море и в реках,—сельдь, лосось, треска, окунь, щука,—сохраняется в состоянии замороженной массы: коптится только незначительная часть улова, а соль местного производства такого дурного качества, что ее невозможно употреблять на соление рыбы, как то делают голландские рыболовы. По причине трудности сохранения и отдаленной перевозки в места сбыта, прибрежные жители принуждены сами потреблять и скармливать своим животным почти всю добычу рыболовства. На всех берегах Онежской губы скот кормят большею частию копчеными селедками; точно также селедками откармливают свиней, по крайней мере там, где климат позволяет им жить, потому что внутри материка крайним пределом их распространения служат северные берега Онежского озера[2].

На всем своем громадном протяжении, превосходящем площадь Италии, бассейн Северной Двины заключает только три города, население которых превышает пять тысяч душ, да и то два из этих городов, Вологда и Архангельск, обязаны отчасти своим важным значением присвоенному им рангу—административных центров губернии.

Вологда, которая заменила древнюю русскую колонию, существовавшую уже в половине двенадцатого века, покрывает обширное пространство своими церквами и нисенькими домиками. Она лежит близ юго-западной оконечности бассейна, при реке, которая в этом месте становится судоходной и которая соединяется немного ниже города с Сухоной, одною из главных ветвей Северной Двины; на западе простирается область водораздела между бассейнами Волги и Невы. Таким образом этот город по своему положению представляет все условия, чтобы служить складочным местом для товаров, отправляемых с одной покатости на

1 Максимов, „Год на Севере";—Немирович-Данченко, „Мужицкое царство".

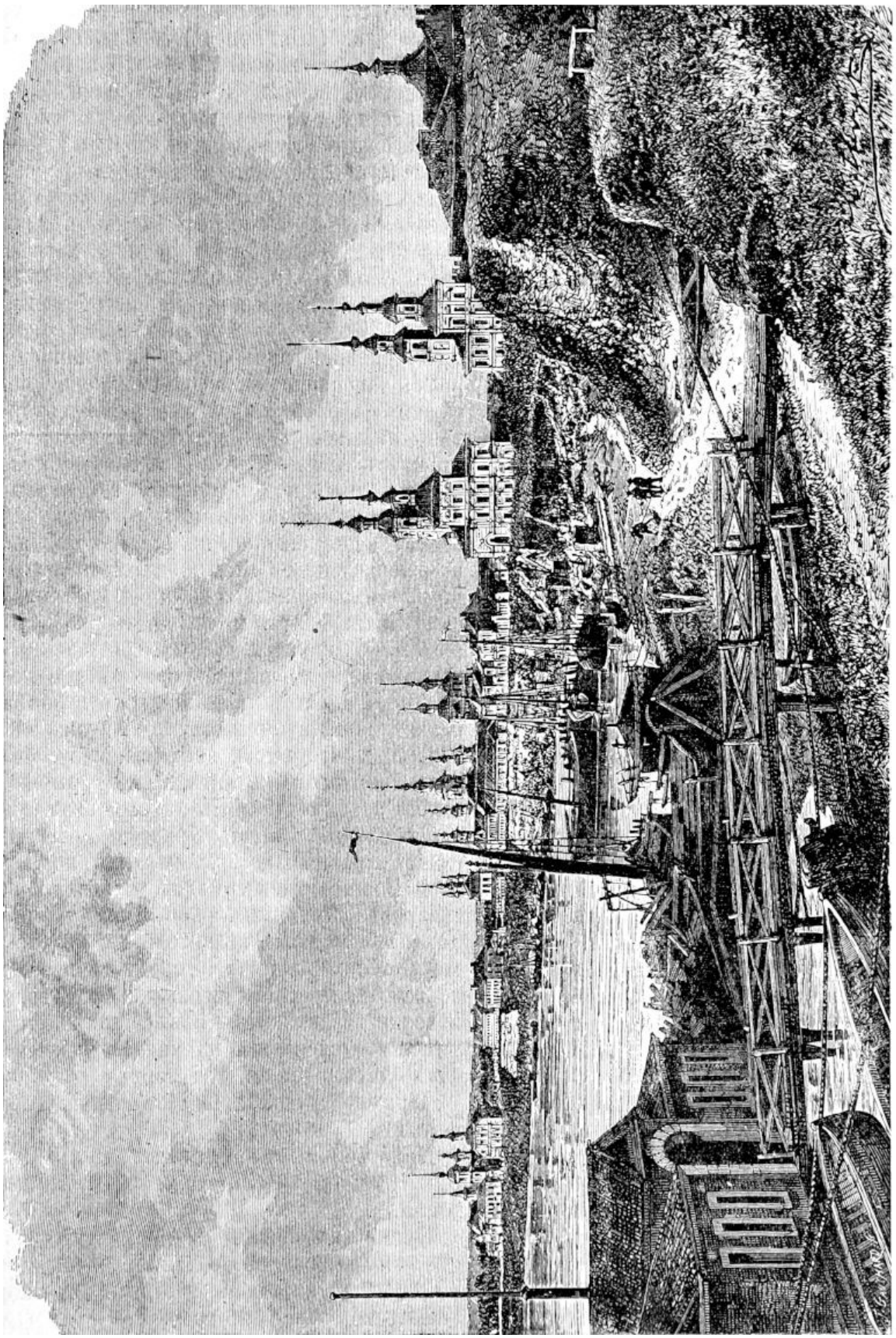
2 Майков, „Древняя и Новая Россия", 1877 г., № 5.

другую. И действительно, когда Россия вступила в прямые торговые сношения с Англией через Белое море, Вологда была выбрана как промежуточный складочный пункт на пути между Москвой и Архангельском; в то же время она служила исходной точкой для торговли с Сибирью, пока южная дорога через Казань была небезопасна со стороны башкир. Вологда и теперь продолжает отправлять на нижнюю Двину, в Архангельский порт, лен, овес и другие земледельческие продукты на сумму свыше миллиона рублей, тогда как в Петербург она посылает коровье масло, яйца и холст. На пути сообщения Вологды с Костромой и средней Волгой главной станцией является уездный город Грязовец, лежащий на водораздельном хребте, на высоте 720 футов, и получивший это название, вероятно, от окружающих его болот.

Тотьма, уездный город Вологодской губернии, на Сухоне, имеет некоторое значение благодаря своим соляным источникам. Вместе с тем, это—главная станция судоходства между Вологдой и Великим Устюгом, который, как показывает самое название, находится при слиянии Юга с Сухоной: суда и плоты, спускающиеся по обеим этим рекам, собираются на Устюжской пристани. Устюг Великий, заменивший более древний город, сожженный приволжскими болгарами в 1218 году, и остатки которого видны на холме верстах в четырех ниже по р. Югу, был некогда точкой пересечения важных торговых путей и предметом ожесточенной борьбы между Новгородом, Москвой и приволжскими болгарами. Жители его были отважные речные разбойники: они хаживали в своих экспедициях почти до берегов Каспия и играли видную роль между первыми завоевателями Сибири. Уже несколько столетий Устюг пользуется некоторым значением как место обрабатывающей промышленности, откуда выходят, в обмен на шкуры пушного зверя и мамонтовую кость, различные мануфактурные изделия, употребляемые инородцами Сибири и северной России; кроме того, он отправляет к Архангельскому порту зерновой хлеб, привозимый из Вятской губернии по быстрой Лузе. Наконец, Устюг, как и Вологда, славится специальною отраслью промышленности, занесенной из древнего Новгорода немецкой колониею: это—выделка серебряных и золотых сосудов и других вещей с резными украшениями на черном фоне (работа с чернью).

Ниже Устюга Великого вплоть до самого Архангельска, на расстоянии около 800 верст, нет ни одного города в собственном смысле; городов не встречается также и на притоках Северной Двины, исключая бассейна могучей Вычегды, в Зырянском краю, где находится, тоже при слиянии двух рек, торговый город Усть-Сысольск (устье р. Сысолы), зырянская столица. Сольвычегодск, на Вычегде, недалеко от слияния её с Сухоной, утратил важное значение, которое он имел прежде, благодаря своим солеварням, как одна из главных торговых станций между Новгородом и странами по верхней Каме. В бассейне Ваги, большего западного притока Двины, главным центром населения является другой, пришедший в упадок, город—Шенкурск, место ссылки, которое водворенные на жительство на берегах Белого моря называют с иронией, нелишенной зависти, «Италией» Архангельской губернии. В эпоху новгородского могущества, складочным пунктом торговли по нижней Двине был город Холмогоры, который скандинавские мореходы называли Гольмгордом: через этот пункт отправлялись, в десятом и одиннадцатом веке, товары Востока, привозимые пермяками из приволжских стран. Городок, наследовавший древнему торговому городу, расположен не на острове, а на аллювиальной равнине, которую Двина, разделенная на несколько рукавов, пересекает на востоке и на севере, приняв перед тем воды Пинеги. Находясь таким образом при слиянии двух рек и недалеко от моря, г. Холмогоры пользовался счастливым торговым положением. Торговля солью, предоставленная этому городу в виде монополии московскими великими князьями, еще более увеличила его важность: но затем основание в соседстве его другого города, Архангельска, разорило старый рынок, который теперь сделался одним из беднейших городков северной России. В этих странах, близких к полярному поясу, население слишком малочисленно, чтобы могли одновременно существовать и развиваться два города, если они не удалены один от другого на несколько сот верст. Недалеко от Холмогор, в деревне Денисовке, родился в 1711 году, в крестьянской семье, Ломоносов, первый нацио-

нальный ученый России, и, быть может, первый ученый во всем свете, ясно формулировавший механическую теорию теплоты[1].



Общій видъ Архангельска.

1 П. Крапоткин, рукописные заметки.

Архангельск, «город Михаила Архангела», расположен на правом берегу Северной Двины, в самом верху речной дельты. Он растянулся в длину на несколько верст, занимая не более полверсты в ширину. Несколько больших каменных домов поднимаются там и сям над кучками деревянных домиков, а около центра города высокие развалившияся стены, разрушить которые до основания не удалось по причине необыкновенной твердости цемента, указывают на остатки «немецкого замка», составлявшего часть крепости. Уже в двенадцатом веке на месте нынешнего города находился монастырь: но «Новые Холмогоры» приобрели некоторую важность только в конце шестнадцатого столетия, после прибытия английских мореплавателей, которые сделали из Белого моря ворота для сообщения Московского государства с западным миром. Период процветания этого города предшествовал основанию Петербурга, которое дало более удобный путь торговле России с остальной Европой. При том Петр Великий, хотя и основавший в Архангельске арсенал, крепость, кораблестроительные верфи, способствовал в то же время упадку города ограничением количества привозимых из-за границы товаров, запрещением вывозить лен, пеньку, сало и более трети других русских продуктов, и, наконец, призывом архангельских моряков и негоциантов в новую столицу. Однако, выгодное положение Архангельского порта, при единственном речном выходе громадной территории, население которой, хотя и малочисленное, быстро увеличивается, не могло не сообщить некоторой деятельности этой гавани Белого моря, «четвертой столице империи». Несмотря на лед, совершенно останавливающий навигацию почти в течение семи месяцев в году, Архангельск вывозит за границу, преимущественно в Англию, в Голландию, в Норвегию, лен и пеньку, овес и другой зерновой хлеб, лес, смолу, рыбий жир, сало. Средним числом, отпуск его вдесятеро превышает ценность привоза, который состоит главным образом из норвежской рыбы, виноградных вин и колониальных товаров. Женщины, работающие на пристанях, соединяются в артели для нагрузки судов хлебом и другими продуктами. «Шкивидорка», или распорядительница работ, обыкновенно выбирается из таких, которые умеют объясняться на англо-русском жаргоне, употребляемом в порте.

Движение судоходства в Архангельском порте в 1895 году[1]:

Прибыло—907 судов, вместимостью 228.508 тонн; вышло—944 судна, вместим. 229.721 тонна.

Ценность привоза в 1895 г—1.416.871 руб.; ценность вывоза—6.967.120 рублей.

Обороты внешней торговли в портах Белого моря в 1695 году:

Привоз[2]—1.485.357 рублей; вывоз—8.632.150 рублей.

Город представляет оживленную деятельность во время годовой ярмарки, когда собирается до пятидесяти тысяч жителей в Архангельске и, севернее, в его островном предместьи, слободе Соломбале, где находится адмиралтейство. Но постоянное население, кажется, уменьшилось с половины текущего столетия. Между тем, как в 1860 году, по переписи, оказалось 33.675 жителей в городе и его предместьях (Соломбала и Кузнечиха), следующая перепись, произведенная двадцать лет спустя,—правда, в середине зимы,—не насчитала даже 20.000 человек (по переписи 28 января 1897 года—20.335 жит.). Пропорционально числу жителей, Архангельск есть один из тех городов России, где всего более читается книг и где периодические издания имеют наибольшее количество подписчиков: это объясняется тем, что чтение там необходимо, как единственное препровождение времени в длинные зимния ночи. В окрестностях Архангельска, вокруг больших лесопильных заводов, поселилась английская колония.

Мезень, к северо-востоку от Архангельска, имеет для бассейна своей реки такое же значение, как главный город губернии для бассейна Северной Двины; но, находясь в более суровом климате, даже за пределами древесной растительности, Мезень не могла подняться на степень настоящего города и до сих пор остается бедной деревней; торговля её в значитель-

1 „Обзор внешней торговли России за 1895 г.“ изд. Департ. таможен. сборов

2 „Обзор внешней торговли России за 1895 год”, изд. Департамента таможен. сборов.

ной части перешла в порт Русанова, лежащий верст на двадцать ближе к устью залива (Мезенской губы) и лучше защищенный, чем Мезень,благодаря высокому мысу, который заслоняет его от северных ветров. Мезень—одно из самых печальных мест ссылки: также как Кола, Кемь, Онега и Пустозерск (главный торговый пункт в бассейне Печоры, но, несмотря на то, незначительный городишко, замечательный только тем, что здесь были зажжены первые костры для раскольников в семнадцатом столетии), Мезень—одна из тех Сибирей по сю сторону Урала, где ссыльные умирают от нравственного страдания и тоски среди непроглядного мрака и леденящей стужи полярной ночи. Впрочем, и коренные жители, особенно женщины, во множестве уносятся в могилу нервными болезнями, приписываемыми «дурному глазу»[1], но происходящими, вероятно, от лишений всякого рода. Кресты, содержимые в большом почитании жителями Мезени, напоминают одну страшную зиму первой половины восемнадцатого столетия,—зиму, в которую едва не погибло от холода и голода все население города.

Города и местечки северной покатости Европейской России:

Архангельская губ.: Архангельск (1897 г.)—20.335 жит.; Онега—2.758; Мезень—1.836; Кемь—2.172 жителей.

Вологодская губерния: Вологда (1897 г.)—27.855 жит.; Устюг-Великий—8.480; Устьсысольск—4.548; Тотьма—3.504; Грязовец—2.344 жителей.

Новая Земля.

Двойной остров Новая Земля составляет восточную границу моря, которое простирается на севере от лапландских берегов и которое иногда называют «морем Баренца», в память знаменитого голландского мореплавателя, посетившего эти воды в конце шестнадцатого столетия. По всей вероятности, новгородские купцы уже ранее слышали о Новой Земле, потому что она, вместе с островом Вайгач, может быть рассматриваема как простое продолжение северного полуострова России, и когда английские мореплаватели шестнадцатого века в первый раз проникли в эти области Ледовитого океана, русские рыболовы уже с давних пор посещали берега Новой Земли. Но народы Западной Европы узнали о существовании этого большего двойного острова только после путешествия Уиллугби, в 1553 году. Более счастливый, чем его предшественник, который погиб с своим кораблем на Мурманском берегу Лапландии, англичанин Стифен Борро пристал первый из западно-европейских мореплавателей, в 1556 году, к берегам Новой Земли и объехал вокруг острова Вайгач через два пролива: Югорский, который отделяет этот остров от русского материка, и Карский, который омывает южную оконечность Новой Земли. Баренц тоже был один из первых путешественников Запада, предпринимавших плавание к этой отдаленной земле; но он умер там во время тягостной зимовки 1597 года и был похоронен своими спутниками на берегу острова. В 1871 г., норвежский капитан Карльсен отыскал, близ северо-восточной оконечности северного острова, под 76°7' широты, дом, в котором Баренц и Гемскерк провели зиму за 300 лет до нашего времени. Все находившиеся в этом доме вещи были собраны, как святыня, и перевезены в Голландию, и скоро памятник, сооружаемый стараниями амстердамского географического общества, будет воздвигнут на одном из мысов острова в честь знаменитого морехода.

В своей совокупности Новая Земля может быть рассматриваема как морское продолжение цепи Пай-Хой. Правда, эта островная группа протянулась гораздо далее к западу; но «Каменный Пояс» имеет форму извилистаго хребта, который дважды делает изгиб, обращая свою выпуклость сначала к стороне Европейской России, затем к стороне Сибири. Подходя к Ледовитому морю, он понижается за Константиновским Камнем; но хребет Пай-Хой и холмы острова Вайгач геологически, очевидно, составляют продолжение Урала: Югорский пролив есть не что иное, как поперечная долина, наполненная морскими водами, через кото-

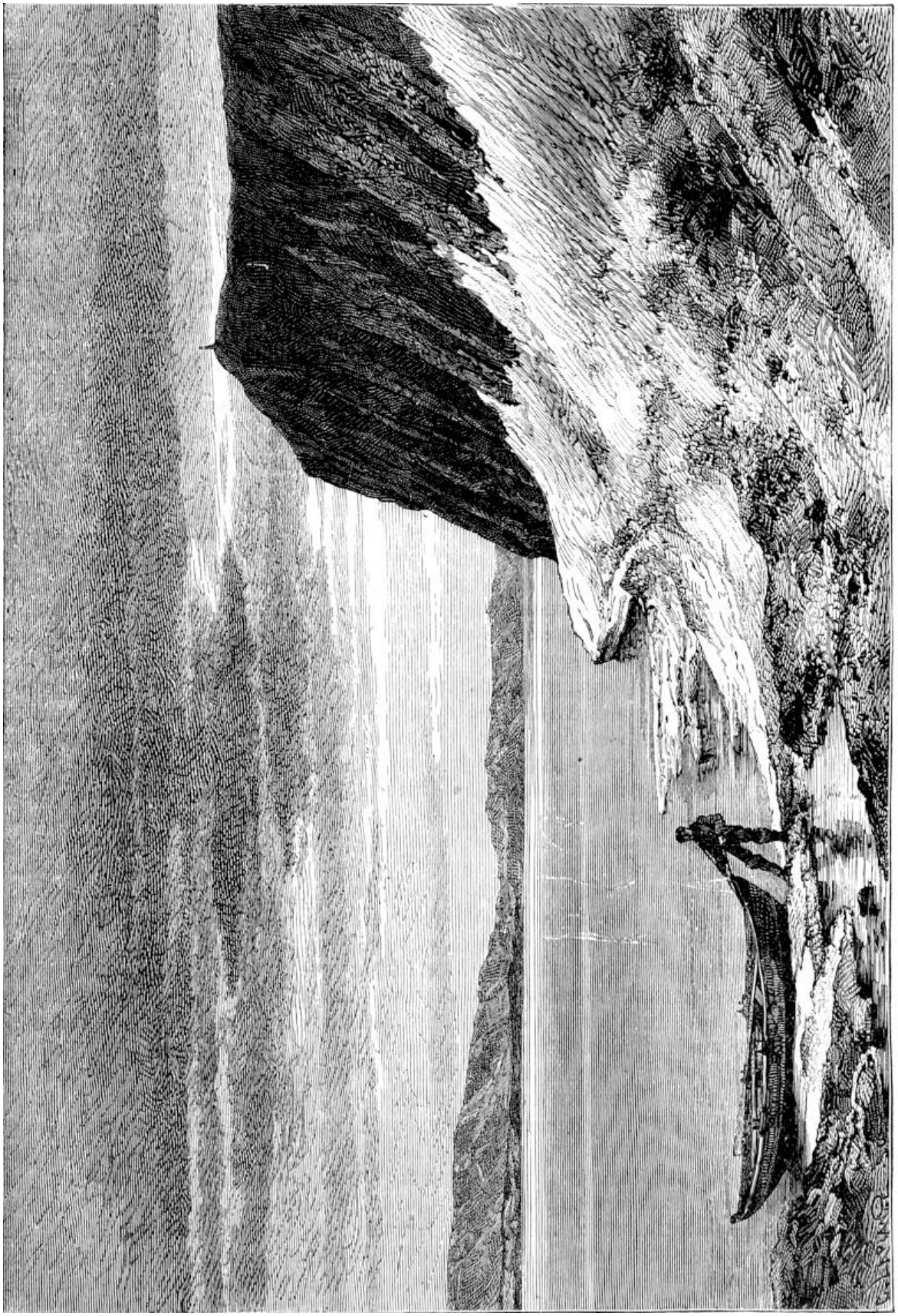
1 Максимов, „Год на Севере".

рую олени самоедов переходят по льду весной и перебираются вплавь в конце осени. Карский пролив (Карские Ворота), более широкий, образует перерыв в системе Уральских гор, но не уничтожает ее. Высоты снова начинаются на северном берегу этого пролива, чтобы развернуться в Полярном океане в виде дуги круга, длиною около 850 верст, обращая свой выпуклый берег к Шпицбергену. Южные отроги, в 1.740 фут. средней высоты, состоят из гнейса и глинистых сланцев. Воды пролива Маточкин Шар, разрезывающие Новую Землю на две неравные половины, наполняют также поперечную долину горной цепи, открывающуюся как раз в соседстве самых высоких гор острова: порог этих морских ворот лежит всего только на 33 фута ниже уровня моря. Вся центральная и северная область Новой Земли представляет собой альпийскую страну, с глубокими долинами и небольшими цепями из гранитов и древних сланцев, прикрытых глетчерными формациями. Исследования Гефера доказали, что горнокаменные породы Новой Земли, подобные в этом отношении формациям Урала, наклонены полого с западной стороны и круто обрываются к востоку. Такая же разница рельефа замечается и под водой: в то время как западные, пространства морского дна продолжаются пологим скатом, на востоке море быстро понижается, и линия стосаженной глубины идет там на небольшом расстоянии от берега.

Хотя Новая Земля очень близко лежит от материка и часто посещается звероловами, но внутренность её еще очень мало известна. Некоторые ученые исследователи, как граф Литке, академик Бер, Гейглин, граф Вильчек, посетили оба главные острова; однако систематическое изучение этой островной группы еще далеко не окончено; Гриневецкий прошел Новую Землю насквозь; до сих пор главное внимание было обращаемо на форму берегов, чтобы дать морякам верные карты, с помощью которых они могли бы избегать опасностей. Благодаря этой съемке берегов, можно было измерить поверхность Новой Земли, исчисляемую приблизительно в 80.025 квадр. верст (91.070 кв. кил.). Но еще неизвестна в точности высота большей части горных вершин, хотя мореплаватели могут ясно различать их из того или другого моря. Среднее их возвышение почти такое же, как среднее возвышение гор Шпицбергена и архипелага Франца-Иосифа. С высоты горы Вильчек (1.264 метр., или 4.155 фут.), поднимающейся на северном берегу пролива Маточкин Шар, путешественники Гефер и граф Вильчек различали на обеих сторонах пролива несколько вершин, имеющих по меньшей мере 3.950 фут. (1.200 метр.), а одна из них, поднимающаяся на северо-востоке, верстах в 40, показалась им достигающей высоты 4.600 фут. (1.400 метр.); другая, на юге от восточного входа в пролив, повидимому, переходит за 5.000 фут. (1.500 метр.). Одна из главных вершин, Митюшев Камень, лежащая к западу от мыса Вильчек, образована из протогина, как Мон-Блан, высочайшая вершина Альп; но большая часть новоземельских гор состоит из силурийских сланцев и девонских формаций: некоторые из слоев шифера до такой степени черны, даже там, где цвет их не усиливается контрастом окружающих снегов, что их часто принимали за пласты каменного угля, и даже геологи не раз ошибались на этот счет. Прежде Новая Земля слыла очень богатой металлами; рассказывали чудеса про серебряные жилы, будто бы, виденные мореходами в стенах её береговых утесов. Рассказы были так обстоятельны, что русское правительство сочло нужным послать на место специальную комиссию исследователей. Однако, геолог Лудлов, под руководством которого производились изыскания, нашел только, и то в небольшом количестве, сереброносный свинцовый блеск и кое-какие следы сернистых соединений железа и меди. Это было еще в 1809 году, и с той поры ни одному путешественнику не случалось находить признаков, которые позволили бы возвратить Новой Земле её прежнюю репутацию.

Также как русское прибрежье и все европейские архипелаги ледовитых морей, Новая Земля постепенно поднимается из-под поверхности вод, и на окраинах этого острова, именно на западе, можно видеть замечательные примеры поднявшихся берегов. По обе стороны пролива Маточкин Шар, видны до высоты 300 фут. террасы, содержащие раковины видов, еще живущих в Ледовитом океане, хотя они уже исчезли из ближайших областей моря: это —остатки дилювиальной фауны. Многие низменные и плоские острова, рассеянные вдоль

берега, походят на бывшее морское дно, и, по всей вероятности, они действительно появились в недалекую эпоху. В других местах гористые острова соединены с большой землей выступившими из-под воды перешейками и песчаными мелями, которые при незначительном



Видъ близъ Маточкина Шара.

оседании почвы снова погрузились бы в море. В большой бухте, развертывающейся в виде дуги круга на северо-западной стороне северного острова Новой Земли, между мысом На-

ссау и мысом Льдов, норвежский путешественник Мак открыл недавно архипелаг, состоящий из двух островов и множества островков, которому он дал название «остров Гольфстрема»: по его мнению, эта группа островов несомненно новейшего происхождения, так как именно в этом месте голландские экспедиции конца шестнадцатого столетия находили лишь песчаную мель, залегавшую на 105 фут. ниже уровня моря. Эти выступившие на поверхность острова, покрытые песком и слоями морских раковин, совершению лишены растительности, как будто они только-что вышли из воды. Таким образом, подводная мель или дно моря поднялось по крайней мере на 130 фут. в сравнительно короткий период времени —менее, чем в 300 лет; это едва-ли не единственное явление в современной истории земного шара.

Ледники Новой Земли спускаются во многих местах до самого моря, и полагают даже, что прежде они выступали за линию берегов, так как некоторые исследователи видели глетчерные изборождения и шлифовки на островках бухты Рогачев, к югу от мыса, называемого Гусиный Нос[1]. Хотя этот двойной остров почти всем своим протяжением лежит под более южной широтой, чем архипелаг Шпицберген, однако он весь находится в поясе средней годовой температуры меньшей 5 градусов. Новая Земля принадлежит к континентальному климату северной России и Сибири; в одной маленькой бухте залива Моллер, называемой «Малые Кармакули» и лежащей под 72°30' с. ш., непосредственно на севере» от Гусиного Носа, норвежский капитан Бьеркан, который провел там зиму 1876—77 гг., констатировал, что в декабре месяце термометр никогда не поднимался выше—30,°4 стоградусной шкалы и даже опускался до—39° на другой день после Нового года[2]. Замечательно, что температура в этом месте, зимой и летом, выше, чем в Карском проливе, лежащем верстах в 280 к юго-востоку. Академик Вильд из наблюдений, произведенных в разное время, вывел, что средняя годовая температура в проливе Маточкин Шар равна—8°,33 Ц.[3]. В Мелкой губе, лежащей севернее, средняя температура равняется—6°,90, тогда как в губе Каменке, в 240 верстах ближе к экватору, средняя температура ниже, именно—9°46,

Причину этого контраста климатов должно искать, вероятно, во влиянии течений, еще не совершенно охладившихся, которые идут из тропических морей в полярные области океана и направляются к западным берегам Новой Земли, не достигая, однако, этих берегов, так как, по крайней мере перед южным островом, берег окружен холодными водами[4]. Самая значительная масса теплого течения, образующая верхний слой Норвежского моря, проходит над глубоким порогом, отделяющим Медвежьи острова от скандинавских берегов, и направляется на восток в море Баренца. Движение этого течения не из тех нечувствительных перемещений жидкой массы, которые по своей медленности ускользают от наблюдения мореплавателей: на южной стороне острова Гоп-Айленд, который может быть рассматриваем как самый передовой юго-восточный пост архипелага Шпицберген, оно иногда бывает так сильно, вода бежит с такой быстротой, что корабли не могут держаться на якорях[5]. В проливе Маточкин Шар течение из одного моря в другое тоже очень чувствительно, особенно в соседстве западных берегов большого северного острова. Точно также суда, обращенные носом к Европе, не без труда преодолевают течение, огибая северную оконечность Новой Земли. В этих движущихся водах, температура которых выше точки замерзания, льдины растаивают в короткое время: редко можно увидеть плавающий отрывок сплошного ледяного пространства или ледяную гору южнее 75-го градуса широты во всех частях моря Баренца, находящихся к северу от лапландского берега.

Многочисленные обломки всякого рода, выбрасываемые на берега Новой Земли, также

1 Hofer, „Mittheilungen von Petermann“, 1874, №8.

2 „Mittheilungen von Petermann“, II, 1878.

3 „Die Temperatur Verhaltnisse des Kussischen Reiches“.

4 Von Middendorf, „Der Golfstrom ostwarts vom Nordcap“, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, 1861.

5 Karl Weyprecht, „Die Metamorphosen des Polareises“.

свидетельствуют о существовании этого теплого течения, получающего начало в тропических морях. Так, например, на этих берегах случалось собирать «морские каштаны», то-есть плоды дерева Entada gigalobium, растущего на Антильских островах; далее, там часто находят стеклянные шары, употребляемые рыболовами Лофотенских островов для своих сетей, а морские выкидки и обломки разбившихся кораблей встречаются в таком большом количестве, что происхождение их невозможно приписать крушениям, имевшим место в соседстве: это—по большей части остатки судов, севших на мель далеко оттуда, в западных областях моря; вышеуказанное обстоятельство было причиной того, что Новую Землю прозвали «кладбищем Норвежского моря»[1]. Действие тропического течения обнаруживается также на берегах двух больших островов и всех соседних островков—расплавлением береговых льдов. Под снегом лавин вода мало-по-малу вырывает себе глубокие гроты; во многих местах можно видеть скалы с бахромой из отверделого фирна, оканчивающейся нависшими пластами, нижний фас которых, подмываемый водой, медленно тает.

Как на Шпицбергене, в Гренландии, на островах архипелага Франца-Иосифа, так и на Новой Земле льды скопились в наибольшем количестве вдоль восточных берегов. Чем объяснить это общее явление? Относительно более низкая температура морских вод на восточных берегах есть, конечно, одна из причин этого контраста; но, кроме того, нужно принять в рассчет преобладающее влияние восточных ветров, которые гонят перед собой льдины и накопляют их против берегов, представляющих преграду на пути их следования; наконец, движение естественного относа, которое, увлекая льды к югу, всегда заставляет их уклоняться вправо, в направлении противоположном вращательному движению нашей планеты, также должно способствовать этому нагромождению полярного льда у восточных берегов земель и архипелагов[2].

Впрочем, состояние льдов и протяжение сплошных ледяных пространств чрезвычайно разнятся в различные годы. Летом 1871 года сплошной полярный лед тянулся почти по линии 78-го градуса широты на востоке от Шпицбергена, и австрийские путешественники Пайер и Вейпрехт не видели ни одной льдины на расстоянии 170 верст к северу от Новой Земли. В следующем году, напротив, ледяной барьер подвинулся к югу средним числом на 280 до 320 верст и даже окаймлял вход в Карские Ворота, близ русского континента. Эта разница в положении льдов должна быть приписана лишь в очень незначительной степени годовым колебаниям температуры; она происходит главным образом от действия ветров: в промежуток одного года сплошные ледяные пространства могут переместиться с одной стороны Ледовитого океана на другую. Если, например, в мае месяце постоянные юго-западные ветры задержат плавающие льды между Гренландией и Шпицбергепом, то внутри полярных морей обширное пространство, по крайней мере в 50.000 квадр. верст, будет покрыто сплошными ледяными массами, которые, под влиянием северных ветров, могли бы спуститься в более низкие широты и растаяли бы в южных водах. В 1871 году, в то время как моря северной Европы очистились от льдов, последние ушли, гонимые ветром, в сторону полярных островов Нового Света, и целый флот американских китоловов, более тридцати судов, был затерт между плавающими ледяными горами[3]. Вот почему весьма важно, чтобы на северной оконечности Новой Земли была как можно скорее учреждена метеорологическая станция (подобная существующей уже на западном берегу, в Малых Кармакулях), для того, чтобы мореплаватели могли заранее знать географию льдов во всем полярном бассейне и, сообразно их положению, составлять свой маршрут. Благодаря перемещению льдов, полярные моря иногда являются совершенно свободными на протяжении многих тысяч верст. В 1870 году, когда норвежец Иоганнесен совершил первое выполненное до сих пор плавание вокруг Новой Земли, он не встретил на своем пути ни одной льдины. Точно также летом 1878 года по-

1 Karl Weyprecht, то же сочинение.

2 Karl Weyprecht, выше цитированное сочинение.

3 Karl Weyprecht, там же.

верхность вод была совершенно открыта во всех морях этих областей, так что, по мнению Иоганнесена, пароходу легко можно бы было пройти на север от архипелага Франца-Иосифа. Известно, что более близкое знакомство с полярными водами и с месячными колебаниями местного климата рассеяло страх, который некогда внушало Карское море, то-есть залив, простирающийся от Новой Земли до устьев или губ Оби и Енисея: прежде это море называли «Ледником Европы» и считали его совершенно непроходимым для судов, хотя оно было пройдено в разное время многими купцами. Одна грамота Бориса Годунова, относящаяся к 1600 году, определенно говорит, что пинежские и мезенские торговые люди ходатайствовали о дозволении им ходить по морю и через Обскую губу на Таз, Пур и Енисей, что им и было разрешено. Однако, уже в 1616 году тобольский воевода вошел с представлением к высшему правительству, прося его воспретить всякое судоходство по Карскому морю, дабы голландские «немцы» не проведали дорогу к северным берегам Сибири, и дабы государева казна не лишалась чрез то пошлин с привозных товаров. Действительно, царь запретил, под страхом смертной казни, пользоваться морским путем через Карский пролив, и один холмогорский житель, Савин, виновный в том, что высказал надежду на прибытие «немецких» мореходов к берегам Карского моря, был нещадно бит батогами, дабы другим не повадно было вносить смуту в умы. Таким-то образом Карское море административным порядком было превращено в «неприступный ледник». В 1844 году генерал-губернатор не дал разрешения на основание в Архангельске банка, предназначавшагося для поощрения судоходства в полярных морях, и даже приказал арестовать купца Сидорова, заподозренного в том, что ему принадлежал почин этого предприятия. Еще позднее местное начальство перестало заботиться о поддержании бакенов и маяков, устроенных частными лицами по берегам Печоры. Иностранцам выпала честь вновь открыть эти моря, на которые фиск наложил запрещение[1]. В 1869 году норвежец Карлсен прошел эти воды и достиг устья Оби, откуда вернулся в Норвегию через Маточник Шар. Со времени этого достопамятного путешествия не проходило года без того, чтобы, вопреки первому совету, данному русским географическим обществом, Карское море, очень богатое рыбными мелями, не было посещаемо норвежскими рыболовами или торговыми людьми: в начале августа суда почти всегда находят там свободные от льда воды; но очень часто они бывают окружены льдами.

Хотя Новая Земля иногда освобождается от окружающего ее пояса сплошных льдов, тем не менее это страна совершенно полярная. Издали скалы её, с которых солнце, туман или ветер согнали снег, кажутся совершенно голыми и бесплодными; только когда рассматриваешь их вблизи, замечаешь на поверхности камня желтоватую или ржаво-рыжеватую окраску, обнаруживающую присутствие лишаев. В равнинах, кое-какие лиственные растения расстилаются на подобие дернового ковра и распускают в уровень с землей свои цветы и плоды. По Квельману, флора этих островов состоит из 185 явнобрачных и еще большего числа тайнобрачных. Страна имеет и леса, но её леса сливаются с мхом: там встречаются приземистые, ползучия березки, бузинные кустики, елочки, деревца, похожия на пучки травы. Самое обыкновенное дерево Новой Земли—особый вид ивы (Salix polaris), которая поднимается не более как на сантиметр (менее полудюйма) над ковром из лишаев. Исполином растительного царства является другой вид ивы (Salix lanata), лучшие экземпляры которого имеют не менее 15 сантим. ($^1/_2$ фута) в высоту. Вообще деревья здесь развиваются не в ствол, а в корни, так что леса Новой Земли, как и леса Северного Урала, можно бы было назвать подземными.

Животное царство двойного острова богаче фауны Шпицбергена: кроме китообразных, обитающих в бухтах, к нему принадлежат: медведь, волк, две породы лисицы, северный олень, тоже двух видов, заяц, мышь обыкновенная и полевая. Впрочем, некоторые виды животных соседнего материка могут пользоваться весенним льдом и посещать временно острова. Гейглин нашел там 45 видов птиц, тогда как прежние путешественники видели их толь-

1 „Отечественные Записки“, 1877 г., №№ 10 и 11.

ко 28. Мошки и комары, этот бич области тундр Европейской России и Сибири, не преследуют звероловов на острове Вайгач[1] и довольно малочисленны на Новой Земле[2].

Прежде в южной части Новой Земли жили самоеды, как свидетельствует английский путешественник Стифен Борро, узнавший о том от русских, которых он встретил на о. Вайгач[3]; но эти туземцы давно уже исчезли или удалились на материк; едва несколько европейцев кавказского племени зимуют там, в постоянной спасательной станции, основанной в 1877 году в Малых Кармакулях, на берегу бухты Моллер, да в нескольких пристанищах для рыбной и звериной ловли[4]. Хотя присоединенная к громадным владениям Российской Империи, эта приморская провинция остается еще в совершенно первобытном состоянии, и охотники могут бродить по её пустынным пространствам, не встречая никакого пограничного знака, который напоминал бы о всемогуществе северного колосса.

XI. Бассейны Волги и Урала, Великороссия

Могучая река, пересекающая наискось Европейскую Россию, почти от берегов Балтики до Каспийского моря и принимающая в себя воды обширной территории, в три раза превосходящей по величине Францию, способствовала в значительной степени образованию Руси, как нации, и определению её политической роли. Днепр указывал малоруссам дорогу к Царьграду; Висла, Неман, Западная Двина увлекали на запад барки белоруссов и литовцев и манили немцев селиться на их берегах; даже Волхов и Нева, приводя Новгород Великий в сообщение с германской Ганзой, удаляли его, так сказать, от центра России. Напротив того, Волга и обширная сеть её судоходных притоков заставляли жителей края развиваться и создавать свою гражданственность на месте их пребывания. Хотя многочисленные судоходные реки облегчали сообщения во всех направлениях между различными местностями Великой Руси, однако лишь очень небольшое число колонистов направлялось на юго-восток, к бесплодным степям, солончаковым пустыням и замкнутому бассейну Каспия: масса населения должна была оставаться в стране и мало-по-малу приспособлять ее посредством культуры к потребностям оседлой жизни. Соприкасаясь в тысяче мест своей обширной колонизационной территории с азиатскими племенами, пришедшими в Европу через юго-восточные степи, великорусы смешивались с ними, частию претворяли их в славян, частию сами сливались с уральскими народцами, и этим-то путем, чрез постоянное смешение племен, образовалась та сильная раса, которая постепенно приобрела преобладающее значение между всеми народностями восточно-славянского мира. Освобожденная ныне, благодаря распространению земледелия, устройству каналов, больших дорог, железных путей, от древних границ, начертанных болотами и лесами, эта раса могла разлиться далеко за пределы бассейна Волги; направив поток колонизационного движения на Азию, она протянула его через всю Сибирь и выдвинула группы своих поселенцев до берегов Тихого океана; она, так сказать, осаждает Китайское царство, и через нее великий восточный континент все более и более подчиняется европейскому влиянию. Но главная масса великорусской национальности и теперь, как и прежде, сосредоточена на Волге и её верхних притоках: там дети её сгруппированы в числе нескольких десятков миллионов, а в некоторых центральных частях густота населения не менее той, какая существует во многих странах Западной Европы.

Пространство и население двадцати губерний, великорусских вполне или отчасти, границы которых совпадают приблизительно с пределами бассейнов Волги и Урала, показаны в нижеследующей таблице.

1 Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.

2 Von Baer; Toeppen, „Die Doppelinsel Nowaja Semlja“.

3 Lutke, „Viermalige Reise durch das nordliche Eismeer in den Jahren 1821 bis 1824“.

4 В 1882 г. на Новой Земле учреждена метеорологическая станция, а в 1888 г. г. Носиловым основаны две самоедские колонии—одна в бухте Моллера, другая в середине Маточника Шара. *Ред.*

Губернии и области	Пространство в кв. верстах без значительных внутренних вод	Население по переписи 1897 года	Среднее число жителей на одну кв. версту
Тверская	56.837	1.812.825	31
Калужская	21.177,9	1.118.726	43,4
Московская	29.236 4	2.433.356	83,2
Тульская	27.2044	1.432.743	52,6
Орловская	41.057,7	2.054.749	50
Рязанская	36.844,7	1.827.539	49,6
Тамбовская	58.511	2.715.453	46,4
Ярославская	31.230,7	1.072.478	34,4
Костромская	73.809,1	1.429.228	19,4
Владимирская	42.831,8	1.570.733	36,7
Нижегородская	45.036,7	1.600.3U4	35,6
Пензенская	34.129.1	1.491.215	43,5
Казанская	55.945,8	135.019,7	2.191.058
Вятская	135.019,7	3.082.788	22,8
Пермская	290.168,7	3.003.208	10,4
Уфимская	107.209,7	2.220.497	20,7
Симбирская	43.491	1.549.461	35,6
Самарская	136.713,5	2.763.478	20,2
Саратовская	74 244,8	2 419 884	32,6
Астраханская	207.193,1	994.775	4,8
Оренбургская	166.710,9	1.609.388	9,7
Уральская Область (в Европейск и Азиатской России)	313.328.2	644.001	1,9

Ручей, принимающий у своего истока название Волги, получает начало не в горах; только несколько незначительных холмов поднимаются своими лесистыми вершинами над озерами и болотами, откуда вытекают первые воды, которые, пройдя около 1.500 верст (считая по прямой линии), изливаются в Каспийское море. Впрочем, пересеченное плато Волконского Леса и Валдая также посылает из своих восточных долин источники и ручьи в нарождающуюся Волгу, и потому эта волнистая возвышенность может быть рассматриваема как место происхождения великой реки.

Самые высокие холмы Валдайской возвышенности поднимаются не более как на 210 фут. (65 м.) над уровнем плато, хотя главная вершина, Попова гора (у станции Зимогорье), имеет около 1.150 фут. (351 м.) высоты. Общая высота этой страны настолько значительна, что сообщает ей гораздо более суровый характер, чем какой имеют равнины реки Ловать и озера Ильмень, на западе и на северо-западе; при виде её моховых болот, озер, еловых лесов можно подумать, что находишься верст на 500 севернее, где-нибудь в соседстве Онежского озера; средняя годовая температура там тоже почти на 2 градуса ниже, чем в окружающих равнинах, и поясы многих растительных видов обходят Валдайские высоты на юге, чтобы направиться на юго-восток к бассейну Дона[1]. Однако, в целом флора Валдая не отличается от флоры соседних равнин, простирающихся к великим озерам, из чего заключают, что эти высоты относительно недавнего происхождения в истории земного шара; они не имеют растений, исключительно им свойственных, и их растительный покров всецело происходит из области, которая освободилась от льдов после длинной геологической зимы. Плоскогорье, ныне изрытое дождями и снегами, составляло в ту эпоху продолжение однообразных скатов этой области и, также как она, было покрыто морем финляндских льдов; холмы его усеяны эрратическими камнями всевозможной величины, принесенными, без сомнения, плавающими льдами из северных стран[2]. По своей ихтиологической фауне, Валдай тоже принадлежит к области финляндско-скандинавской. Рыбы его озер, даже рыбы верхней Волги, не принадлежат к Волжскому бассейну в собственном смысле: верхние валдайские притоки этой реки составляют часть её как будто случайно и как будто присоединились к её бассейну

1 Хр. Гоби, „О влиянии Валдайской возвышенности на географ. распростр. растений". Спб., 1876.

2 Рупрехт, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome IX, 1866.

только с недавнего времени; судя по фауне вод, истинное происхождение Волги следует искать не на Валдайских высотах, а в Белом озере, на востоке от Ладоги: стерляди и осетры живут в Шексне, вытекающей из этого озера, как и в средней Волге[1].

Область, в которой берет свое начало река, известная ныне под именем Волги, есть одна из самых болотистых местностей западной России: можно подумать, что она занимает низину, а не хребет страны. Отделенный простым торфяным болотом от одного из притоков Волхова, ручеек, из которого образуется Волга, вытекает из родника в Волгином Верховье (в Осташковском уезде, Тверской губернии); родник этот, обделанный в колодезь и называемый иногда Иорданом, как бы в знак святости его вод, был прежде прикрыт часовней, остатки которой видны еще и теперь[2]. Ручеек в начале скорее просачивается, нежели течет, из болота в болото, затем, на разстоянии около 35 верст, приходит последовательно через три лежащие одно над другим озера (Стерж, Веслуга, Пено), уровень которых разнится всего только на несколько дециметров (1 дец.=4 дюйм.). Часто случается, что приток, приходящий с юга, речка Жукопа, заставляет Волгу течь назад к ее истоку, отбрасывая ее в озеро Пено, из которого она только-что вышла: естественное падение воды так слабо, что толчка, производимого боковым потоком, достаточно, чтобы изменить ее направление. По выходе из озера Пено, лежащего в соседстве с маленьким озером Двинец, откуда вытекает Западная Двина, Волга принимает восточное направление, которого она придерживается до Казани, проходит через четвертое озеро, носящее почти такое же название, как и река: это озеро—Волго. В этом месте Волга является уже порядочной рекой, катящей от 350 до 4.200 кубич. футов воды в секунду, смотря по времени года[3]. Верстах в пяти ниже река съуживается и образует свои первые пороги: инженеры воспользовались этим скалистым ущельем и построили для задерживания воды бейшлот или плотину, при помощи которой в дождливое время года, вся верхняя долина с ее озерами превращается в резервуар длиною около 75 верст и шириною в 2 версты. В этом Верхневолжском водохранилище накопляется до 19 миллионов кубич. саженей воды, которая выпускается по мере надобности и возвышает горизонт реки. Барки и плоты могут спускаться вниз из области озер, благодаря запруде, и выше ее река, уровень которой возвышается на $6^1/_2$-7 дюймов в период засухи, становится правильно судоходной. Недалеко оттуда, ниже озера Волго, речка Селижаровка, вытекающая из большого извилистого озера Селигер (где на острове находится знаменитый монастырь Нилова Пустынь, посещаемый и теперь еще 20.000 богомольцев), соединяется с Волгой и увеличивает вдвое ее объем. Можно сказать, что с точки зрения судоходства и торговли здесь собственно и начинается река Ра (Rha, Rhas или Rhos) древних писателей и у мордвы, Юл черемисов, Атель, Этель или Итиль татар, Тамар армян; все эти названия означают одно и то же—«Река» по-преимуществу; финское название ее—Волга—значит «священная река».

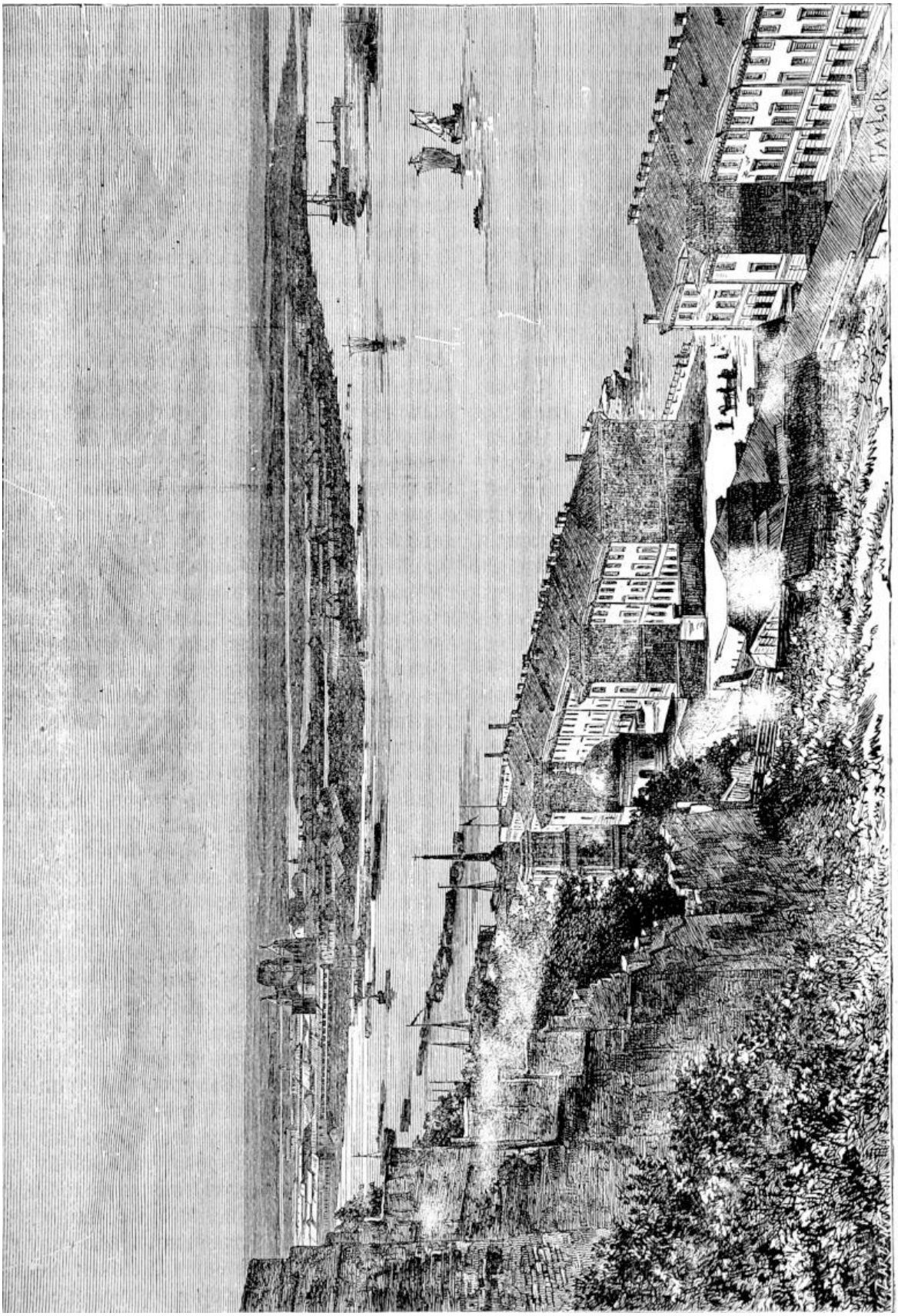
Ниже Селижаровки, Волге остается только спуститься по скатам Валдайской сплошной возвышенности через ряд порогов (числом 33), которые, впрочем, не препятствуют судоходству; а далее река, извиваясь в великой русской равнине, принимает в себя притоки судоходные, сообщающиеся посредством каналов с покатостью Балтийского моря. Многолюдные города, Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кострома, отражаются в ее водах. В Нижнем Новгороде Волга, которая уже заслуживает данное ей прозвище «матушки», матери между русскими реками, и которая, по массе воды, превосходит Днепр-«батюшку» («Днипро батько», как его называют малороссы), соединяется с другой рекой, почти равной ей по мощи и более важной в историческом отношении: это—Ока. Она долгое время служила границей между татарами и москвитянами и протекает через центральную область нынешней России: получая начало в области чернозема, эта река, длиною 1.065 верст (1.136 кил.), орошает плодороднейшие равнины Великой России и несет на Нижегородскую ярмарку произведения земледельческой и фабрично-заводской промышленности центральных густо-населенных

1 Поляков, „Известия Имп. Русского Географического Общества", 1874 г., № 8

2 Albin Kohn, „Die Volga und Kama". Deutsche Rundschau fur Geographie und Statistic", oct. 1879.

3 Stjernwall; Koppen, „Beitrage zur Kenntnius des Russisches Reiches"; ф.-Берг и ф.-Гельмерсен.

губерний: Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Владимирской и Московской. Имея около версты с четвертью в ширину, она сливается, как морской залив, с Волгой, которая только немногим шире ее в этом месте.



Мѣсто слiянiя Оки съ Волгою.

Другие притоки, величиной с Сену, теряются в Волге к востоку от Нижнего Новгорода; но все они кажутся незначительными в сравнении с могучей Камой, которая соединяется с главной рекой ниже Казани, принося Волге дожди и тающие снега с Уральских гор и из об-

ширных стран, населенных пермяками и зырянами. В то время, как бассейн Оки занимает пространство почти столь же обширное, как Италия, Кама получает излишек влаги с территории, почти равняющейся протяжениям всей Франции. По направлению течения, Каму можно считать главной рекой, так как ниже слияния две реки, соединенные в одном и том же русле, но еще долго различающиеся цветом своих вод (камская вода чистая, тогда как волжская имеет серый цвет), текут к югу и юго-западу, следовательно по линии, составляющей продолжение верхней долины Камы. У Симбирска средний объем протекающей воды, может быть, уже столь же значителен, как и при устьях Волги, потому что во всем среднем течении притоки немногочисленны и приносят незначительное количество воды: дожди там редки, а испарение очень сильно, так что у крестьян низовых приволжских местностей сложилась даже поговорка: «не земля нас кормит, а небо».

Ниже слияния Волги и Камы прежде существовал обширный озерный бассейн, целое пресноводное море, которое с течением времени было постепенно заполнено наносами двух соединившихся рек. Почти в этом месте находятся граница области торфяных болот и начинается область степей. В направлении с севера на юг атмосфера становится менее влажной, почва более крепкой. Вниз от Симбирска нигде уже не встретишь больших трясин, покрытых толстым слоем мхов, который плавает на болотистой, полужидкой тине и в котором корни дерев переплетаются на подобие веревочных сетей. Впрочем, даже в области моховых болот, такие растущие на трясинах леса должны постепенно исчезать с распространением земледелия и с проложением дорог[1].

Ниже древнего Симбирского озера, Волга ударяется о крутые стены известковых гор, которые она не в состоянии была пробить напором воды, и потому должна следовать вдоль их основания в восточном направлении—до слабого места, позволяющего водам открыть себе выход и продолжать свой путь на юг. Но, пройдя эту горную массу, через пролом у Самары, река тотчас же поворачивает к западу, следуя вдоль полуденного склона холмов, в направлении противоположном её предъидущему ходу, и таким образом ограничивает, с замечательной правильностью очертания, узкий и длинный полуостров, соединенный основанием с западным плато. В этом изгибе, называемом Самарской лукой (длина её дуги около 150 верст, а хорды—менее 20 верст), берега Волги необыкновенно живописны. Крутые, лесистые горы, оканчивающиеся на верху пирамидами и иглами причудливой формы, возвышаются над рекой местами сажен на сто, и с вершин их можно окинуть взором развертывающиеся извилины Волги на расстоянии сотни верст. На некоторых, почти неприступных, вершинах (Жегули или Жегулевские горы) несколько курганов носят название «Стенькиных», в память Степана Разина, предводителя возмутившихся казаков и крестьян, который со своей вольницей имел притон в этой естественной волжской крепости[2]. Около входа в пролом, на север от Самары, там, где приток Сок впадает в главную реку, возвышается на левом берегу Волги отдельный холм, который некогда был островом среди существовавшего тут обширного озера. Это—так называемый Царев Курган, известковая гора, содержащая в большом количестве ископаемые раковины (Fusulina cylindrica), которые похожи на зерна хлеба, вследствие чего местные крестьяне обыкновенно называют их «окаменелой рожью»[3].

Холмы, вдоль основания которых течет Волга, поднимаются во многих местах сажен на 50-60, даже на 100 и более над поверхностью воды, принимая почти вид настоящих гор. Гора Белый Ключ, на юго-запад от города Сызрани, имеет не менее 1.158 фут. высоты, то-есть 1.115 фут. над средним уровнем реки; другие вершины, достигающие 100 и 120 сажен, представляют внушительные высоты в сравнении с едва приметными буграми, которые поднимаются там и сям на равнинах центральной России. Эти холмы западного берега Волги составляют замечательный контраст с гладкими равнинами её восточной стороны. И контраст этот—не только во внешней форме: он проявляется также и в геологической приро-

1 R. Ludwig, „Reise durch Russland und den Ural".

2 Кучин, „Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью".

3 Акад. Гельмерсен, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", vol, XI, 1867.

де почвы. Выше Самарского пролома, высоты правого берега принадлежат к формациям каменноугольной, юрской, меловой, тогда как восточные равнины диазического происхождения; ниже пролома Волга разделяет пермские холмы от аллювиальных земель, наполнивших древние озера и морские заливы. Река образует геологическую границу,—но границу, которая мало-по-малу передвигается.

В самом деле, Волга может быть рассматриваема как тип рек, которые постоянно размывают все далее и далее свой правый берег, отлагая наносы на левом берегу. Основываясь на изучении этого могучего потока, академик Бер мог окончательно доказать и формулировать закон (исследованием его занимался уже Солтков в 1844 году), приводящий постепенные перемещения этих рек в связь с вращательным движением земного шара. Текущая жидкая масса, переходя последовательно, как в данном случае, из географических широт с меньшею угловою скоростью в широты с большею скоростью, должна отставать от движения земли и уклоняться к западу, т. е. в сторону правого берега. По выходе из области плоских возвышенностей, Волга не перестает подтачивать свой высокий или «нагорный» берег и удаляться с левого или «луговаго» берега. Подобное же явление можно наблюдать на Оке, Каме и других больших притоках реки. Город Казань, стоявший прежде на самом мысе, образуемом слиянием Казанки и Волги, теперь удален верст на пять или на шесть от этой последней реки: можно подумать, что он сам отодвинулся к востоку.

Но особенно в той части течения, которая заключается между Самарой и Царицыным, захваты Волги представляют замечательнейшее зрелище. На востоке, то-есть на левом берегу, мы видим острова, наполовину обсохшие рукава, болота, затем, в отдалении, степь, выровненную водами, которые некогда покрывали ее. Река устремляет всю силу своего течения на западный берег, почти везде иссеченный в виде крутого утеса и состоящий из слоя глины, лежащего на песчаном откосе. Во время разливов, вода Волги ударяется об основание береговых гор; она уносит песок, вырывает ямы и пещеры под стенами из глины, затем смывает одни за другими огромные глыбы, которые отделяются от верхних пластов: таким образом река неустанно подтачивает и разрушает эти громадные глинистые стены, которые издали похожи на скалы, и уносит их в море, вместе с прибрежными городами и деревьями. Почти все двадцать-три города, построенные на западном берегу Волги, разрушаются действием вод по частям, дом за домом, улица за улицей, и, подтачиваемые с одной стороны, они вынуждены отодвигаться все далее и далее в степь. Даже ниже Царицынского поворота и его береговых утесов, крутой берег, на котором стоит Черный-Яр и который возвышается сажен на 14, отступает каждый год почти на столько же сажен, и дорога, по которой спускаются из города к реке, должна быть переделываема ежегодно. Кладбище, так же, как старый город, поглощены рекой, и долгое время видны были черепа и скелеты, высовывавшиеся из красноватой стены берегового утеса. С высоты нагорного правого берега можно окинуть взором всю сеть рукавов, которые извиваются среди лабиринта зеленых островов до реки Ахтубы, прежнего русла Волги, отстоящего ныне средним числом верст на 20 от главного потока. Далее расстилается необозримая степь, которая походит на сероватое море, и действительно превращается в море, во время разливов Волги, на значительное протяжение в ширину. Во избежание этих наводнений, почти все города были построены на высоком правом берегу, где они, если и разрушаются, то по крайней мере разрушаются постепенно и не рискуют исчезнуть в один раз[1]. Без сомнения, придет время, когда долина Свияги, параллельная долине Волги на протяжении почти 400 верст и отделенная от неё в некоторых местах пространством не более 3 верст, сделается долиной главной реки. Промежуточные возвышенности год от году уменьшаются в ширину.

Область Волжской дельты начинается уже от Царицынского поворота, в расстоянии около 500 верст от Каспийского моря, так как река делится тут на бесчисленное множество рукавов или каналов, извивающихся между ложами Волги и Ахтубы, из которых последняя вблизи моря носит название Берекет; однако, дельта в собственном смысле образуется лишь

1 Акад. Бер, „Kaspiche Studien“.

верстах в пятидесяти выше Астрахани в том месте, где из главного русла выделяется рукав Бузань. Затем, в соседстве Астрахани, отделяются рукава Балда, Кутум, а еще ниже—Черевский, Цаган, Бирюль и другие. На обширном аллювиальном полуострове, который вдается далеко во внутренность Каспия и, не считая бесчисленных неправильностей прибрежья, имеет не менее 170 верст в окружности, насчитывают средним числом около двух сот речных устьев, большинство которых, правда, состоит из непостоянных и тинистых протоков. Летопись Преподобного Нестора говорит о «семидесяти устьях»: то было священное число; в настоящее время около пятидесяти рукавов этого водного лабиринта представляют правильные потоки[1]. Весной, в период наводнения, вся поверхность дельты, так же, как все нижнее течение, начиная от Царицына, обращается в сплошную массу движущейся воды, среди которой там и сям высовываются островки; в это время, можно сказать, пресноводное море спускается к соленому морю. Но после каждого из этих ежегодных потоков образовывались новые русла, а из старых некоторые заносились илом или песком, так что географию Волжской дельты постоянно приходится переделывать. Даже главные русла меняют место. Двести лет тому назад устье, по которому следовали суда, текло прямо от Астрахани к востоку; затем главный поток последовательно пролагал себе другие русла, уклоняясь все далее и далее в правую сторону, и теперь проток, по которому обыкновенно производится судоходство, направляется к юго-юго-западу. Проток Балда, сообщающийся посредством бокового рукава с Ахтубой, также получил в это последнее время значительную важность и увеличился на счет своих соседей: подтачивая и затопляя земли, он даже смыл до последних следов древний и знаменитый монастырь, носивший название Балдинского. В то время, как русла перемещаются, бары или пороги, через которые должны переходить суда, чтобы войти из реки в Каспийское море или проникнуть из моря в реку, тоже меняют положение и глубину: ни один проход не имеет на баре более 3 аршин глубины, а второй по важности не имел летом 1852 года даже 18 дюймов, так что для судоходства река была почти совершенно отделена от моря[2]. Если бы южные и юго-западные ветры не дули часто с такой силой, что аллювиальная грязь уносится обратно вверх по течению, в глубокия места речного ложа, то бар Волги был бы совершенно недоступен. Пытались-было удалять осадки, отлагающиеся в главном рукаве, но успели только перенести их далее в море, вследствие чего образовался новый порог, столь же высокий, как и прежний; затем Мрочковский предлагал устроить запруду выше входного фарватера, чтобы таким образом задерживать наибольшую часть речных наносов. Теперь инженер Данилов предлагает обойти дельту, проведя канал от Астрахани до Серебряковской гавани, отстоящей от этого города на 180 верст к юго-западу: тут именно находится первая глубокая бухта морского прибрежья, на юге от Волги.

Так оканчивается эта могучая река, длина которой, не считая небольших извилин, около —3.500 верст[3], а судоходная сеть (судоходные притоки её имеют около—8.500 в.), но уступающая по обширности судоходной линии больших американских рек, составляет около—12.000 верст. От истоков Камы до Астраханской дельты, воды проходят 16 градусов географической широты и 9 изотермических градусов: в то время, как климат верхней речной области имеет среднюю температуру, равную температуре точки замерзания, годовая степень тепла в области Волжской дельты колеблется около 9 градусов. У Астрахани река замерзает, средним числом, только на 98 дней, и толщина льда там иной раз не превышает 10 дюйм.[4]; близ Казани Волга бывает скована льдом 152 дня в году; выше Перми, при впадении Чусовой, Кама остается под ледяным покровом в продолжение целых шести месяцев. Можно считать в 40 сантиметров количество дождевой воды, выпадающей в Волжском бассейне, что давало бы около 700.000 кубич. футов воды в секунду, если бы вся падающая из атмосферы влага стекала через русло Волги; но в области лесов и лугов растительность поглощает зна-

1 Mroczkowski, „Bulletin de la Sociate de Geographie de Paris", 1872.

2 Семенов. „Географическо-статистический словарь Российской Империи".

3 По Стрельбицкому, длина Волги 2.983 в.—3.183 кил., а площадь бассейна 1.281.959 кв. верст = 1.458.894 кв. кил. *Ред.*

4 „Известия Имп. Русского Географического Общества", 1870 г., № 1.

чительную часть выпадающей атмосферной воды; а в области степей непосредственное испарение может уносить более полутора аршина воды в местах выставленных сильному действию ветров[1]. Около трех-четвертей выпадающей воды теряется по дороге. По первым, впрочем еще приблизительным исчислениям, среднее количество протекающей в Волге воды оказалось 5.780 кубич. метров в секунду: это не составляет даже двух третей среднего расхода Дуная, который, между тем, уносит в море воды бассейна вдвое меньшего, чем бассейн великой русской реки. Подобно тому, как это замечено на реках Северной Германии, Волга, говорят, стала менее обильна, чем прежде: суда, отправляемый из нижней части реки с солью, предназначенной для рынков северной России и Сибири, брали в начале прошлого столетия, средними числом, около—18.000 пудов груза; в наши дни они никогда не перевозят более половин этого веса[2]. Между тем точные измерения, произведенные в Астрахани, доказали, что с половины настоящего столетия, весенний разлив Волги начинается раньше, продолжается дольше и поднимается выше. По средним выводам за десятилетние периоды, характер разливов у Астрахани представляется в следующем виде:

Годы.	Ускорение разлива.	Продолжительность половодья.	Наибольшая высота.
1839—48	—	120,3 дней	8,2 фут.
1849—58	2,4 дня	147,3 „	9,9 „
1858—67	9,4 „	191,7 „	9,9 „

Причину этого явления, т. е. усиления разливов, следует искать, с одной стороны, в уменьшении лесов, которое имеет следствием гораздо более быстрое таяние снега, незащищаемого деревьями, а с другой—в осушке болот при помощи канав, уносящих в реки воду, которая оставалась прежде в мхах торфяников[3].

Количество приносимой Волгою воды, по меньшей мере равное объему жидкой массы, изливаемому всеми другими притоками Каспия, настолько значительно, что оказывает весьма чувствительное влияние на уровень этого моря. Так, например, разлив 1867 года, превосходивший все разливы за предшествовавшие сорок лет, повысил морскую поверхность на 25 дюймов; прошло без малого три года прежде, чем вода вернулась к своему нормальному уровню. Эта добавочная жидкая масса в бассейне Каспия представляла 274 миллиарда кубич. метров, то-есть в три раза превышала объем Женевского озера. Что касается годового приращения дельты со стороны моря, то до сих пор его не могли определить даже приблизительно, по причине чрезвычайной трудности делать измерения на таком растянутом фронте, форма которого, притом, беспрестанно изменяется под влиянием процессов размыва и наноса, действующих в противоположном направлении. Можно только сказать, что это приращение должно быть весьма значительно, так как вода Волги, в которую каждый дождь приносит массу песку и глины из бесчисленных оврагов, похожа на грязь во всей дельте: тамошние рыбаки не имеют в своем языке никакого выражения для обозначения её прозрачности; эта жидкая тина бывает для них либо «красной», либо «белой», смотря по большему или меньшему содержанию в ней глинистых или меловых частиц. Все эти посторонния вещества, составляющие, по исчислению Мрочковского, две-тысячных части воды, отлагаются по всей окружности дельты в виде островов, островков, тинистых мелей. Когда геологические исследования дозволят определить эпоху, в которую Каспий отделился от Понта Эвксинского, вековое увеличение дельты может быть вычислено с точностью, потому что вся дельта—новейшего происхождения, и образование её, там, где она теперь находится, началось только со времени обособления морского бассейна, в который изливаются воды реки[4].

Волга очень богата рыбой, и огромное множество рыбаков живут её ловом. В особенности низовая Волга является для её прибрежных жителей и для всей России громадным пи-

1 Herbert Wood, рукописные заметки.
2 A. de Gasparin, „Cours d'Agriculture“, tome II, 1844.
3 „Известия Имп. Русского Географического Общества”, том VII, № 1, 1871 г.
4 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1872.

тательным резервуаром. Каждое время года имеет свой особый род рыбной ловли: сети и неводы всякого рода, крючки, багры, остроги и западни—таковы снаряды, которые употребляются для этой ловли, смотря по времени года и ловимой рыбе; даже зимой, когда лед покрывает Волгу своей толстой плитой, рыболовы пробивают на известных расстояниях одна от другой проруби и успевают овладевать рыбой, благодаря своему знакомству с её обычаями и повадками[1]. На некоторых реках в окрестностях Самары рыбаки открывают траншею во льду, от одного берега до другого, затем удаляются вверх по реке за несколько верст, и оттуда, верхом на конях, скачут назад во весь галоп, с страшным шумом и криком, сгоняя таким образом рыбу к запрудам траншеи. Самые странные по виду рыболовные приспособления на Волге,—впрочем, совершенно похожия на те, какие употребляются в Босфоре и на берегах Адриатического моря,—это леса из жердей, плах, качающихся кровель, которые воздвигнуты над водой и на которых сторожит рыбак, словно цапля, покачивающаяся на своих длинных ногах и высматривающая добычу в волнах. На островках дельты устроены многочисленные заводы, где рыбу, привозимую целыми барками, разрезают, чтобы отделить самые нежные части мяса и в особенности яички, из которых приготовляется поступающая в продажу икра свежая или соленая (называемая также паюсной или салфеточной). Белуга, осетр, стерлядь, принадлежащие к семейству осетровых, наиболее ценятся из всех гостей Волги и достигают наибольших размеров. Они поднимаются вверх по реке, приходя с Каспийского моря, их родины; но обилие рыбы, кажется, уменьшилось в последние десятилетия[2], с тех пор, как пароходы часто мутят воды и пугают рыбу. До постройки железных дорог белая и красная рыба, ловимая в водах Волги, была отправляема московским и петербургским лакомкам в больших чанах, наполненных водой, которая каждый день переменялась руками большого числа мужиков, сопровождавших обоз с рыбой. Последняя таким образом приходила на место назначения свежею, но расходы по перевозке возвышали цену каждой стерляди до нескольких сотен рублей. В Астраханском уезде речных рыбаков в 1872 году было: мужчин—10.418, женщин—5.816, детей—511; всего—16.745 человек.

К западу от Волжской дельты, и даже далеко за пределами этих аллювиальных земель, с одной стороны—по направлению к устью Кумы, а с другой—по направлению к устью Урала, на протяжении около 400 верст, мы замечаем странную бахрому из узких полуостровов и продолговатых островов, средняя высота которых не более 3 или 5 сажен и которые отделены один от другого неглубокими каналами, вдающимися во внутренность материка верст на 20 и даже на 50. Эти полуострова, известные под именем бугров, продолжаются внутри материка барханами, которые прежде принимали, ошибочно, за подвижные дюны. Ни в какой другой части земного шара морские берега не представляют подобного образования, или, по крайней мере, нигде это образование не отличается такой замечательной правильностью. Обозреваемая с высоты, совокупность бугров и промежуточных лиманов показалась бы бесконечным рядом параллельных стен, чередующихся с рвами одинаковой ширины. Различные ветви Волги смыли многие из этих горок, но их осталось еще большое число, даже в самой дельте; все рыболовные станции, рассеянные по берегам реки, и город Астрахань были построены на холмах этого рода. Тысячи каналов, разделяющих эти узкия земляные насыпи, представляют обширнейший лабиринт, неисследованный еще даже рыболовами; только самые подробные карты могут дать понятие об этом странном скоплении островов, островков, каналов и бухт. Непосредственно на западе от Волги, лиманы, разделяющие бугры, всегда превращаются в реки. Во время разливов Волги, река изливает в эти каналы излишек своих вод, смешанных с глиной; затем, по окончании разлива, море, в свою очередь, проникает в лиманы: таким образом происходит попеременное движение вод между Волгой и Каспием. Вдали от дельты, лиманы, не будучи наполняемы выступающими из берегов во-

1 Von Baer, „Kaspische Studien“; Сабапеев, „Рыбы России“; A. Legrele, „La Volga, Notes sur la Russie“.

2 Убыль рыбы замечается только в верхнем и отчасти в среднем течениях Волги; низовье же этой реки представляет первобытное богатство рыбою. *Ред.*

дами реки, не образуют, вообще говоря, сплошной водной площади, а только цепь озер, отделенных одно от другого песчаными перешейками и превращающихся в естественные скопления соли, вследствие быстрого летнего испарения. Чтобы образовать соляной бассейн, достаточно устроить плотины, которые не позволяли бы водам Волги проникать в лиман: тогда этот последний, будучи наполняем морской водой, насыщается мало-по-малу и обращается в резервуар соли. Даже внутри степей, вдали от нынешних берегов моря, можно встретить там и сям соляные лиманы, разделенные параллельными буграми.

По мнению Бера, который первый дал подробное описание каспийских бугров, все эти горки состоят из слоев, расположенных в форме концентрических сводов. Слои, содержащие наибольшее количество глины, составляют, так сказать, ядро, вокруг которого отложились земли, более смешанные с песком. Такое расположение слоев свидетельствует о действии течений, которые проходили по всей стране, отлагая пески на плотные, трудно размываемые массы глины. Общее направление бугров также повествует о совершившемся геолическом перевороте. Расположенные на подобие веера, с одной стороны концами к северу, с другой—к югу, эти холмы представляют собою оконечности радиусов, выходящих из общего центра, который, по всей вероятности, находился около середины Понто-Каспийского перешейка. Подобное расположение можно объяснить только внезапным понижением уровня вод в направлении от запада к востоку, и причиной этого быстрого спада воды было, без сомнения, отделение Каспийского моря от бассейна Понта Эвксинского. Когда, вследствие прорыва Босфора, или уменьшения дождей, раздельный порог высунулся из воды, водная площадь Каспия, в то время имевшая вдвое большую поверхность, чем в наши дни, вдруг лишилась части воды, которая питала ее вместе с Черным морем. Так как воды, приносимой Волгою и другими её притоками, было недостаточно, чтобы пополнять убыль, производимую испарением, то море, без сомнения, уменьшилось, впродолжении нескольких лет, до половины своего прежнего бассейна, и отлив вод вырыл на нынешнем берегу эти узкие лиманы, сохранившиеся до сих пор в дельте Волги[1]. Однако представляется другая гипотеза, повидимому, более простая. Бугры и промежуточные рвы—не есть ли это остаток прежней дельты Волги, которая некогда текла на юг от Царицына, старым руслом, которое видно еще у подошвы Эргенисских холмов?[2].

Как бы, следовательно, ни были значительны перемены, которые Волга, Терек и другие притоки Каспия производят своими наносами в контурах этого русского Средиземного моря, во всяком случае эти перемены ничтожны в сравнении с настоящими переворотами, которые некогда совершились в форме и очертаниях великого морского бассейна. Правда, эти геологические перевороты известны нам не по свидетельству истории, ибо первая карта, дающая в общих чертах довольно точное изображение каспийских берегов, была составлена только в первой половине восемнадцатого столетия; но общий вид выступивших из-под воды земель, раковины, оставленные на почве, животные океанического происхождения, обитающие в Каспийском море, не оставляют никакого сомнения относительно прежнего, гораздо более обширного, протяжения морских вод. Отныне можно считать неоспоримым фактом, что Каспийское море со времени четвертичной эпохи сообщалось с Понтом Эвксинским через порог Маныча и простиралось на север до Самары и Симбирска. Хотя теперь оно превратилось в замкнутое со всех сторон озеро, его следует рассматривать геологически как часть существовавшего некогда огромного пролива между двумя континентами, европейским и азиатским.

Раздельный порог между двумя морями обозначен самой природой с совершенной точностью. Река Калаус, выходящая из меловых пластов, простирающихся у северного основания Кавказских гор, почти на-половине расстояния между двумя морями, течет в начале с юга на север, по направлению к впадине, оставленной бывшим Понто-Каспийским проливом; затем, достигнув равнин, почти горизонтальных, неимеющих видимого ската, она де-

1 Акад. Бер, выше цитированное сочинение.

2 П. Крапоткин, Рукописные заметки.

лится на большое число рукавов, из которых многие теряются в песках, тогда как другие направляются на восток, к Куме и Каспийскому морю. Весной, во время таяния снегов, и в конце осени, после больших дождей, Калаус, катящий тогда значительное количество воды, ищет себе других выходов и изливает на западе часть своей излишней жидкой массы; эта вода спускается в озеро Маныч, находящееся на покатости Азовского моря, и, пройдя последовательно через ряд прудов, вступает, наконец, в бассейн Средиземного моря. Таким образом, два главные рукава Калауса, из которых один носит название Восточного Маныча, а другой—Западного Маныча, составляют от моря до моря временный канал, заменяющий древний соединительный пролив. В половине семнадцатого столетия, во время возмущения казаков, предводитель их, Стенька Разин, говорят, имел намерение пустить флотилию по Манычу, чтобы плавать между двумя морями, и донские казаки, будто-бы, толпой следовали за своим атаманом по этому судоходному пути. Если письменные свидетельства, на основании которых Бергштрессер сообщает эти факты, достоверны, то нужно заключить,, что количество воды, несомой Калаусом, сильно уменьшилось в течение двух последних столетий, ибо в наши дни навигация из моря в море могла бы быть производима лишь в совершенно исключительных случаях, и сам Бергштрессер тщетно пытался совершить это плавание. Кроме того, раздельный порог в последние два столетия увеличился в высоту всеми наносами Калауса и продолжает повышаться до сего дня; в то же время он постепенно перемещается вместе с бифуркационным полуостровом; прежде он должен был находиться гораздо южнее[1].

Сообщение, некогда существовавшее между двумя морями, может ли быть восстановлено, и можно ли надеяться, что современем большие суда будут беспрепятственно ходить от Гибралтара до Астрабадского порта, или даже, через восстановленное прежнее течение Аму-Дарьи, до подножия высоких гор Центральной Азии? Если бы Петр Великий узнал о существовании этой цепи озер и лениво текущих вод, то, нет сомнения, он не преминул бы отправить инженеров для восстановления древнего соединительного канала: припомним, что он делал попытки установить водное сообщение между Волгой и Доном и приказал произвести изыскания в долинах Риона и Куры, на юге Кавказа, в видах проведения канала. Паллас, как известно, открыл впадину Маныча, а Паррот первый предложил воспользоваться двояким скатом этой впадины для проложения судоходного пути; затем различные исследователи, в особенности Бергштрессер, изучали страну, дабы ускорить начало этого предприятия. Во всяком случае, нечего и думать о прорытии морского канала без шлюзов через Понто-Каспийский перешеек. Чтобы заставить спускаться по отлогому скату воды Азовского моря к Каспийскому, нужно бы было исполнить работу гораздо более колоссальную, чем прорытие Суэзского перешейка, в виду результата несравненно менее важного. Так как порог лежит на высоте слишком 31 метра над уровнем Черного моря—24 метр. по Данилову—и, следовательно, на 57 метр. выше поверхности Каспия, то траншеи, которые пришлось бы вырыть для канала глубиною только в 10 фут., были бы одни из самых глубоких, какие существуют в свете; ров, выкопанный в глинистой почве степей и, может быть, в некоторых местах даже через пласты песчаника, имел бы глубину по меньшей мере около 20 сажен на расстоянии целых 50 верст. Но канал со шлюзованными уступами, предназначенный для мелкого судоходства, был бы делом относительно легко осуществимым, если не довольствоваться водой Калауса, ни даже водой Кумы, как предлагал инженер де-Волан: нужно бы было взять питательную воду в Тереке и к Кубани, на большой высоте над впадиной Маныча. Планы инженера Данилова, исполнение которых стоило бы от сорока до пятидесяти миллионов рублей, позволили бы астраханским пароходам обходить устья Волги боковым каналом, проведенным в Каспийское море, откуда они могли бы проникать в Маныч, затем огибать полуостров Тамань и таким образом прямо вступать в Черное море.

Пространство, которые некогда покрывали воды Каспийского моря, в момент отделения

1 Bergstraesser, „Verbindung des Kaspischen mit dem Schwarzen Meere", „Mittheilungen von Petermann, 1869".

его от Понта Эвксинского, обнимало в Европе и в Азии всю область озер, соляных болот и степей, простирающуюся у основания плоских возвышенностей. На юг от Царицына еще видны крутые утесы, которые возвышались над древним морем и которые составляли бы продолжение нагорного берега Волги, если бы течение реки, подтачивая свой высокий берег, не заставило его мало-по-малу отступать к западу. Немного впереди южных береговых утесов, цепь озер и прудов, очевидный остаток реки, есть, может быть, продолжение древней Волги, изливавшейся в Манычский пролив. Вследствие постепенного испарения воды, поверхность Каспийского моря в настоящее время уменьшилась до 385.000 квадр. верст (439.420 кв. кил.), что составляет почти четыре пятых поверхности Франции. Эта поверхность, как мы знаем, не перестает уменьшаться, по причине отложения землистых частиц, приносимых реками, но, кажется, количество воды остается приблизительно то же самое: повидимому, установилось равновесие между приходом и расходом, или по крайней мере колебания уровня заключены в тесные пределы.

В 1830 г. Лендом сделана была нарезка в одной скале близ Баку, и с той поры постоянно наблюдали изменения уровня, но не известно—следует ли видеть в этих изменениях лишь местное колебание, или явление общее для всего бассейна. Наблюдения эти дали следующие результаты: уровень Ленца в 1830 г.: нуль; в 1837 г.:—0,48 метр. (Воскобойников); в 1847 г.: 40,23 м. (Абих); в 1848 г.:—0,40 м. (Абих): в 1852 г.;—0,88 м. (Абих); в 1853 г.:—0,73 м. (Ханыков); в 1861 г.:—1,20 м. (Абих).

Однако, до сих пор еще не определен годовой баланс вод посредством высчисления приносимого реками объема жидкой массы и точного измерения среднего испарения. Признаком, который, за недостатком непосредственных наблюдений, позволяет утверждать, что в течение настоящего геологического периода уровень Каспия держался приблизительно на одинаковой высоте, служат песчаные стрелки или косы, встречающиеся во многих местах впереди линии морского прибрежья, преимущественно вдоль берегов Персии и Туркестана. Воды открытого моря не могли бы воздвигнуть подобных береговых кордонов, при быстром понижении их уровня: тогда, напротив, образовались бы борозды перпендикулярно к берегу.

В наши дни уровень Каспия на 12 слишком сажен (26 метров) ниже уровня Черного моря [на 26,04 метр.—по Савичу, Фуссу и Саблеру, в 1836 г.; на 26,09 метр.—по Абиху (кавказская триангуляция, в 1861 г.); на 27,38 метр.—по Вронченко и Васильеву]. В своем отступательном движении, воды оставили среди степей некоторое число соляных болот, как, например, озеро Элтон; но наибольшая часть некогда покрытого водой пространства была совершенно покинута морем, и даже некоторые впадины, более низменные,чем нынешний уровень Каспия, были до последней капли опорожнены испарением: например, между Элтонским озером и рекой Уралом указывают одну такую впадину, лежащую почти на 22 сажени (46 метр.) ниже уровня Черного моря. Общая покатость равнин, простирающихся на севере от каспийской впадины, продолжается под поверхностью вод почти нечувствительным уклоном: можно идти по морю на несколько верст, даже миль от берега, не рискуя быть поглощенным волнами. Против устьев Волги большие пароходы принуждены бросать якорь так далеко от берега, что с якорной стоянки, называемой «Девяти-футовой», нельзя разглядеть берегов. Во всей этой части своего бассейна море представляет собою настоящую потопленную степь, которая, в случае внезапного понижения уровня, превратилась бы в равнины, подобные астраханским. К северу от устьев Терека и полуострова Мангышлак, глубина Каспия не превышает 7 или $7^1/_2$ сажен, и многочисленные песчаные мели сильно затрудняют судоходство в этих водах. Почти вся северная треть бассейна занята этим степным болотом. Эта часть моря так низменна и мелководна, что при северных ветрах воды иногда отступают от берегов верст на 30 к югу. Зимой, когда вся северная полоса Каспия покрыта слоем льда, часто случается, что сильный северный ветер, гонящий воды в южном направлении, совершенно опоражнивает целые заливы, скрытые под ледяной корой. Потеряв опору, лед тогда весь опускается на дно, и мириады рыб бывают раздавлены под обрушившимися ледяными

массами[1]. Восточные берега моря тоже представляют длинный пояс отмелей и бухт, усеянных песчаными банками. Однако, две подводные пропасти, напоминающие пучины океана, открываются в азиатском бассейне Каспийского моря до глубины слишком 326 и 420 сажен: как во всех почти морях, наибольшая глубина воды в Каспие указывается соседством самых высоких гор берега; эти две глубокия впадины, обнаруженные промерами дна, находятся именно на севере и на юге от восточного Кавказа, у основания его подводных склонов.

Воды Каспийского моря имеют самую сильную соленость не в тех областях, где это озеро по глубине представляет наиболее морской характер. Восточные бухты, особенно залив «Черного Устья», или Карабугаз, и род фьорда, называемый «Черной Водой», или Карасу, который изгибается на северо-восточной стороне моря, между двух высоких скалистых берегов, гораздо богаче других частей Каспия соляными веществами. В этих почти замкнутых водных пространствах жидкая масса обновляется чрезвычайно медленно, а между тем поверхностный слой её быстро испаряется под влиянием ветра и солнечной теплоты: следствием этого является сильная концентрация соли, которая отлагается на низменных берегах плитами, похожими на мраморную мостовую. Соленость залива Карасу, превосходящая даже соленость Суэзского рейда, самого соленого из всех бассейнов, сообщающихся с океаном, так велика, что животная жизнь там должна была совершенно или почти совершенно прекратиться. Взамен того, поверхностная вода в областях моря, соседних с дельтами Терека, Волги, Урала, почти пресна, так что во многих рыболовных станциях, где нет ключей, пьют морскую воду без отвращения и без вреда для здоровья.

Это различие солености давало повод прежним путешественникам и географам высказывать самые разноречивые мнения о степени насыщенности каспийских вод. Наконец, определения количества составных частей этих вод, сделанные академиком Бером и другими натуралистами, дали в среднем выводе содержание морской соли—около 9 тысячных (соленость воды в глубоких местах Каспия: от 1,0085 до 1,0114). Это—немного менее, чем соленость Черного моря, исчисляемая средним числом в 11 тысячных. Таким образом, с того времени, когда эти два морские бассейна отделились один от другого, совершившиеся перемены были настолько значительны, что вызвали разность на одну пятую в относительной солености разъединенных морей. Какая причина этой разности? Понт ли Эвксинский сделался более соленым, вступив в сообщение со Средиземным морем через Босфор, или Каспий частию утратил свою первоначальную соленность? Первое объяснение кажется весьма вероятным, ибо все рыбы Гирканского моря принадлежат либо к странствующим видам, либо к видам, которые живут в мало соленых водах или довольно индифферентны к степени солености моря. Напротив, в Понте Эвксинском рыбы, свойственные сильно соленым водам и пришедшие первоначально из Средиземного моря, составляют по численности преобладающий элемент[2]. Впрочем, могло быть также и то, что даже в эпоху, когда два моря, Каспийское и Черное, составляли часть одного и того же бассейна, первое было наполнено менее соленой водой, по причине обилия впадающих в него рек, жидкая масса которых не смешивалась совершенно с водами восточного резервуара: ведь, в наше время Азовское море далеко не имеет такой солености, как Понт Эвксинский. Как бы то ни было, разобщение Каспия должно было произойти уже в очень отдаленную эпоху, так как фауна этого моря отличается от всех других некоторым числом видов. Изледования проф. Кесслера установили тот факт, что Каспийское море заключает по крайней мере 54 вида рыб, которые не встречаются нигде в других морях[3]. Только шесть видов свойственны в одно и то же время морям Аральскому, Каспийскому и Черному, но двадцать пять других видов населяют воды двух главных бассейнов. Относительно раковин сделаны подобные же наблюдения; из 18 видов, найденных Рудольфом Лудвигом в каспийских водах, некоторые встречаются только в этом бассейне, другие общи ему с Черным морем, иные же—с полярными морями. Эта часть морской фауны

1 „Aus allen Welttheilen", August 1873.

2 Ульский; A. Goebel, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", 1863, tome V.

3 Проф. Кесслер, „Russische Revue", 1875, 4 вып.; „Ausland", 1877, № 2.

мало имеет представителей в Каспие, по причине слабой солености его вод.

Животная жизнь необычайно богата в море у Астрахани, не только среди поверхностных вод, но также на глубинах нескольких сот сажен. Огромное количество рыбы, населяющей Каспий, приписывается чрезвычайному обилию растительной пищи, которую эти животные находят в мелких водах северных областей моря и в бесконечных камышах Волги и других рек, впадающих в этот морской бассейн. По некоторым рассказам древних путешественников и даже современных писателей, улов рыбы в Каспийском море достигает почти баснословных размеров: часто бывает, что рыбу ловят тысячами и десятками тысяч штук. Вероятный годовой улов около 25 миллионов пуд., представляющих ценность от 30 до 37 миллионов рублей; но оффициальная статистика, не принимающая в рассчет мелких рыболовных станций, дает гораздо менее высокие исчисления[1]. В 1872 году в Астраханском уезде на морском рыбном промысле было: рыбаков 23.000; простых судов 2.780, рыболовных пароходов 19; ценность улова—18.490.500 рублей. Прежде дороговизна соли, обложенной высоким акцизом, не позволяла рыболовам солить мелкую рыбу и отправлять ее в другие местности России.

За пределами нынешнего бассейна Каспия, многочисленные соленые озера, находящиеся в уездах Новоузенском и Николаевском, должны быть рассматриваемы тоже как остатки моря. Свойственные морскому бассейну раковины были находимы даже в соседстве Сызрани и Самары, близ большого изгиба Волги (Самарской луки), и даже гораздо далее на север, в Болгарской равнине, к югу от слияния Камы с Волгой. Геолог Языков, открывший эти раковины, полагает, что Сызранская равнина некогда была заливом Каспия, сообщавшагося, может быть, с другим, более северным морем, по бывшему ложу которого теперь протекают Волга, Кама и их притоки[2]. Относительно степей, уровень которых ныне ниже поверхности Средиземного моря и уровня Манычского порога, не может быть никакого сомнения: это, очевидно, остатки древнего морского дна, усеянные Каспиями в миниатюре и пересекаемые речками и ручьями или, вернее, потоками новейшего образования; таковы, например, речки Большая и Малая Узень, текущие от северо-запада к юго-востоку с замечательным параллелизмом и в том же направлении, как и низовая Волга. Это, без сомнения, потоки, вырывшие себе русло в аллювиальной почве тотчас же после отступления вод Каспийского моря[3].

Из бесчисленных маленьких Каспиев, рассеянных по степи, самый знаменитый тот, где находится соляное озеро Элтон, прежде называвшееся у калмыков Ялтон-Нор, то-есть «Золотое Озеро»: оно было так названо, без сомнения, по причине блестящего отражения его поверхности под лучами вечернего солнца. Но обыкновенно эта пустынная местность, где живут только несчастные рабочие, привлекаемые соляными промыслами, представляет очень печальное зрелище. Нигде зелень не являет приятного контраста однообразной глине, бурой или желтоватой, на которой там и сям показываются полосы белой соли: домики рабочих, складочные амбары компании, пирамиды соли, расставленные рядами, точно палатки армии, большие фуры с солью, запряженные волами, которые тянутся обозами по дороге к Волге,—вот единственные предметы, на которых может остановиться взор среди беспредельной равнины. Озеро Элтон, воды которого, блистающие на солнце, кажутся красно-фиолетовыми, покрывает пространство в 200 кв. километров, но глубина его, почти везде одинаковая, не превышает 1 фута (3 дециметра); только когда ветер дует с большой силой из одной и той же точки горизонта, вся масса озера перемещается: резервуар, осушенный с одной стороны, выступает из берегов с другой, и воды, приносимые волнением, скопляются в виде слоя толщиною около аршина. Ложе озера сплошь состоит из соляных пластов чрезвычайной твердости, которые до сих пор еще не измерены до большой глубины. Рабочие не доби-

1 По оффиц. источникам, в 1880 г. из Астрахани и ближайших пристаней было вывезено 14 милл. пуд., на сумму 25 милл. руб., а общий вывоз рыбных грузов из губ Астраханской определен в 30 милл. р. По более точным и новейшим сведениям (Хлебников), из Астрахани идет рыбных грузов, добытых в дельте Волги, в реках Урале, Сефидруде, Куре, Тереке и в Каспийском море—до 18 милл. пуд. *Ред.*

2 Ruprecht, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome VII, 1865.

3 Von Helmersen, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome XI, 1867.

раются до этой твердой соляной скалы; они ограничиваются разработкой новых слоев, которые образуются каждый год на окружности озера, во время таяния снегов, когда глинистые воды, содержащие соляные частицы, стекают из окружающей степи. Количество соли, на которое ежегодно увеличивается пласт, отложившийся в Элтонском бассейне, исчислено приблизительно в 120—125 миллионов пудов. Насыщенная солью вода до такой степени густа, что рабочие с трудом ходят в ней; она никогда не замерзает, даже когда температура опускается до 30 градусов ниже точки тающего снега; но в сильные морозы опасно погрузить обнаженные члены в этот густой рассол: кожа тотчас же чернеет, и иногда появляется антонов-огонь[1]. Есть предание, будто в некоторых местах среди озера бьют ключи чистой и холодной воды. Несколько каналов, вырытых против промысловых строений, позволяют плоскодонным баркам ходить от берега к затопленным ломкам; но эти канализационные работы составляют почти все, что сделано до сих пор промышленностью для утилизации громадного соляного бассейна. Добыча соли на Элтоне значительно увеличилась со времени передачи казною эксплоатации этого промысла частной компании; теперь эта последняя разработывает главным образом озеро Баскунчак, более близкое к Волге[2].

Большая часть солонцоватых степей простирается на север от Каспийского моря, между течением Волги и течением Урала. К западу от Каспия пояс солончаков гораздо менее широк; степи там почти все состоят из глинистых равнин, усеянных озерами, из которых иные имеют пресную воду. На севере, тянутся степи, песчаные почти на всем их протяжении, и прерываются только болотами да двумя триасовыми островками, Большим и Малым Богдо, из которых первый изрыт пещерами; кое-где пески нагромоздились в виде дюн, которые передвигаются с места на место, по воле ветра. Что касается каменистых степей, то их совсем нет на европейском берегу Каспия, тогда как они занимают почти всю азиатскую сторону этого моря, сторону угрюмую и пустынную. Все эти степи, солончаковые, глинистые или каменистые, нисколько непохожи на днепровские травяные степи, и скудные пастбища, с редкой травой, показываются лишь там и сям в низинах, на довольно большом расстоянии от нынешнего берега моря. После нашествия саранчи, что случается довольно часто, на этих пастбищах не остается ни одной былинки, и даже камыши на болотах пожираются до самого уровня воды, наполненной хлопьями грязи[3]. А между тем и в этих негостеприимных пустынях живут там и сям не только кочевники, киргизы и башкиры, но также смелые колонисты, великорусские казаки, составляющие как бы авангард племени, которое населяет всю центральную Россию.

К востоку от реки Урала, каменистые плоские возвышенности, прерывающие однообразную поверхность степей, суть первые отроги или предгорья длинного хребта Уральских гор, которые теряются на крайнем севере в Арктическом океане, пройдя 28 градусов широты, через четыре пояса—степей, лесов, тундр и плавающих полярных льдов.

Часть Уральского хребта, начинающаяся около потоков Печоры и ограничивающая на востоке бассейн Волги, не сопровождается побочными параллельными цепями или отрогами, как Урал Вогульский, Остяцкий и Самоедский; только несколько массивов поднимаются на востоке, с сибирской стороны, достигая некоторыми своими точками более значительной высоты, чем другие вершины Урала: такова, например, гора Денежкин-Камень. К югу от Конжакова-Камня, Урал теряет вид гряды гор: это уже не более как ряд хребтов, подни-

1 Th. von Lengonfeldt, „Aus allen Welttheilen", April 1877.

2 Мощность Элтонского озера (в у. Царевском, в 275 в. от Саратова) еще не определена. Площадь его—около 200 кв. верст; в течение 140 лет, т. е. с начала разработки, добыто 540 милл. пуд. соли. Баскунчакское озеро расположено в у. Черноярском и имеет 112 кв. верст; толщина залежи соли у берегов—более $1^1/_2$ арш., а в средине она значительно больше; запас соли определяется более чем в 11 миллиардов пудов. С исправлением солевозного тракта до Волги и с открытием Грязе-Царицынской жел. дороги, добыча соли на Баскунчакском озере начала быстро возрастать, а на Элтонском она упала. Так, в средине 50-х годов Элтонское озеро доставляло более 13 мил. пуд., в 1880 же году из него было получено менее полумиллиона пудов. Ныне на Баскунчакском озере добыча достигает 14 миллионов пуд. *Ред.*

3 Von Baer, „Kaspische Stndien".

мающихся средним числом от 650 до 1.000 футов над соседними низменными пространствами; при том основание этой незначительной выпуклости земного рельефа так широко, что оба склона её имеют едва заметный скат. Поднимаясь со стороны Европы к верхушке хребта, которая находится всего только на 1.180 футах абсолютной высоты, думаешь, что все еще едешь по равнинам; горы показываются только вдали в форме невысокой зубчатой полосы, подернутой синеватой дымкой. На азиатском склоне покатость еще более отлога и постепенна: не приходится спускаться даже на 50 сажен до Екатеринбурга; это—не перевал, не горный проход, соединяющий два низменные пространства, а просто невысокий порог. При том же голая скала показывается лишь в очень немногих местах: она почти везде покрыта мхом или даже торфяниками; целые озера скрыты, говорит геолог Лудвиг, под слоями торфа, до того толстыми, что через них проложены колесные дороги, и безопасно совершается езда. Большие леса простираются на скатах гор и в долинах, удаленных от дорог; но в соседстве рудников и горных заводов все высоты уже оголены от прежнего древесного покрова; много леса потрачено также на постройку судов. Каждый год сотни барок и других мелких судов выходят из верфей, чтобы везти руду в нижележащие местности, и ни одно из этих судов не возвращается назад: все они, по приходе в место назначения, разбираются, и материал, из которого они сделаны, продается за бесценок[1]. В больших лесах, которые еще существуют, медведи довольно многочисленны, но человек не боится их; ягоды, которыми питается зверь, везде находятся в изобилии; в лесу часто встречаешь искалеченные рябины, у которых медведь обломал ветви, чтобы легче достать гроздья ягод.

Средняя область Урала, которую атмосферные деятели всего более понизили в течение ряда веков, приобрела особенно важное значение, благодаря своему богатству драгоценными металлами. Там добывают, с 1815 года, золото в соединении с платиной и находят в то же время другие металлы, особенно медь, почти всегда сопровождаемую породами пермской формации, а также железо, которое образует целые горы. Однако, не в самых горных породах, граните или серпентине, рудокоп ищет золотоносные жилы: природа уже растерла, измельчила горы, вероятно, действием древних ледников[2], и обломки их покрывают значительное пространство. С каждой стороны горной цепи, равнины, Пермская и Оренбургская, также как равнины Азии, состоят из обломков, залегающих поясом около 300 верст средней ширины, при глубине почти в 70 сажен: это—горные породы, раздробленные, оторванные от Урала, затем унесенные водами с той и другой стороны гор и рассеянные по низменным землям. Если бы все эти обломки были обратно перенесены на хребет, то они увеличили бы его высоту по малой мере на 2.000 футов[3]. В этих-то грудах обломков, выровненных на поверхности торфом, мхом или дерном, рудокопы находят, часто рядом с ископаемыми костями больших жвачных, руду, извлеченную из её первоначального месторождения льдами или водами. Восточный склон Урала богаче западного металлами: в Азии сосредоточены главные рудники и самые деятельные металлургические заводы; там даже в сплошной скале находят древние подземные галлереи, прозванные «чудскими рудниками», где собрали множество орудий из меди, но не нашли ни одного, которое было бы сделано из бронзы, из чего можно заключить, что раса древних рудокопов исчезла до наступления бронзового века в собственном смысле[4]. По преданию, старые, очень богатые, рудники будто бы еще известны некоторым туземцам; но последние всегда упорно отказывались показать вход в эти рудники из опасения, чтобы их не заставили участвовать в тяжелых работах эксплоатации. Это напоминает нам южно-американских квичуасов, которые много раз с умыслом заваливали вход в самые обильные металлом золотые рудники.

В одной из больших горнозаводских областей, немного севернее Златоуста, Уральский

1 Акад. Гельмерсен, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, 1867, № XI.

2 Eichwald, „Ueber das Seifengebirge des Urals”, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches”, Band VIII.

3 Rudolph Ludwig, „Geologische Beobachtungen im Ural”.

4 Albin Kohn, „Sibirien”; Садовский, „Handelsstrassen der Griechen und der Romer“.

хребет, постепенно поднявшийся перед тем на более значительную высоту, делится на две ветви, направляющиеся к югу на подобие опахала и расходящиеся друг от друга, чтобы образовать широкия долины, в которых берут начало река Урал и её приток Сакмара. Западная ветвь достигает версты в вышину некоторыми из своих вершин, каковы: Юрма, Таганай, Уренга; горою Иремель она поднимается почти на полторы версты над уровнем моря и, следовательно, по высоте равна большим горным массам Северного Урала. Две другие цепи: средняя, которая продолжает собою главную ось гор, и восточная, которая сливается с плоскогорьями, прилегающими к Аральскому морю, менее возвышены, чем западная ветвь, последние отроги которой тянутся на севере, параллельно течению реки Урал. На южной своей оконечности система Уральских гор имеет не менее 300 верст в ширину.

Различные высоты Среднего и Южного Урала[1]

Средний Урал			Южный Урал		
	Метр.	Фут.		Метр.	Фут.
Денежкин-Камень	1.630	5.300	Иремель	1.530	5.060
Конжаков-Камень	1.460	4.800	Юрма	1.050	3.450
Гора Благодать	460	1.500	Таганай	1.050	3.440
Екатеринбургский порог	360	1.180	Ахтуба	790	2.660

Река Урал, течение которой продолжает Уральские горы, как оффициальная граница Европы и Азии, в старину называлась Яиком. При имп. Екатерине II это название было запрещено и как бы предано проклятию, по причине печальной известности, которую доставило ему возмущение Яицкого казацкого войска, под предводительством Пугачева; но, может быть, самая эта причина помешает забвению прежнего наименования. По длине своего течения, Урал принадлежит к числу больших рек Европы, но не по обилию своих вод. Он берет начало на азиатском скате гор, в ущельях Калгантау, и получает свои первые притоки из долин, защищенных от дождевых ветров: среднее количество влаги, выпадающей в форме дождей и снега в верхнем бассейне Урала, не достигает, вероятно, нигде 40 сантиметров в год и даже постепенно уменьшается от севера к югу; при входе в равнины река протекает через страны, где годовое выпадение дождя менее 25 сантиметров, и при том испарение отнимает у неё значительную часть этой воды. Русло реки, состоящее из глинистых слоев, почти везде имеет не менее 50 сажен в ширину, а местами достигает даже 80 сажен; но воды реки не глубоки, и торговый город Оренбург, главный складочный пункт для товаров, идущих из Европы в Азию и из Азии в Европу, не может пользоваться Уралом для судоходства, хотя среднее течение реки, отклоняемое к западу плоскогорьями полуденной степи, следует в направлении с востока на запад, то-есть в направлении наиболее благоприятном для транзита между Россией и Туркестаном. В среднем своем течении Урал имеет только два сколько-нибудь значительных притока: на севере—Сакмару, на юге—Илек; ниже он получает только простые ручьи, затем вниз от Уральска, там, где река снова принимает южное направление, притоки редко достигают ложа главного потока: по большей части они теряются в песках или разливаются большими лужами, которые иногда перемещаются, уступая давлению подвижных песчаных бугров, или барханов, перегоняемых ветром по равнине[2]. По принятии в себя речки Солянки, которая приносит ему солоноватую воду, Урал не питается более никакими текучими водами: на протяжении около 475 верст, то-есть почти четверти всей его длины, он извивается медленно по степи, не получая ни одной капли воды; все реки, направляющиеся к его долине, как, например, Большая и Малая Узень. останавливаются на пути, не достигая главной реки. Объем жидкой массы, текущей в русле Урала, уменьшается мало-по-малу в направлении от севера к югу: при начале своей дельты Урал, уменьшенный испарением, не имеет даже половины того количества воды, которое он несет у города Уральска.

Положительно известно, что в последние сто лет эта река стала гораздо мелководнее, отчасти, без сомнения, потому, что леса на среднем её течении были истреблены, сначала кал-

1 По Гофману, высота Денежкина-Камня 5027 ф.; Конжакова Камня 5.235 ф.; горы Благодати, в среднем из наблюдений Гофмана, Гельмерсена и Гумбольдта,—1.258 ф. *Ред.*

2 Эверсман, „Естественная история Оренбургского края“

мыками, потом киргизами, но главным образом вследствие общего уменьшения дождей во всем поясе, обнимающем полуденную Россию и Туркестан. В 1769 году, когда Паллас путешествовал по этой стране[1], Урал соединялся с морем девятнадцатью устьями, и речная дельта обнимала пространство почти в 2.700 квадр. верст. В 1821 году дельта, уменьшившаяся более чем наполовину, состояла уже только из девяти ветвей, из которых четыре были достаточно глубоки для судоходства. С 1846 года обыкновенно существует только три рукава Урала, и прежние протоки наполняются, целиком или отчасти, только в исключительных случаях, во время весенних разливов; самые названия их, Мокрый Баксай, Черный Ручеек, обсохший Ерик и другие, подобные им, свидетельствуют о малом количестве воды, которую несут ныне эти речные русла. В 1866 году, одна из трех еще существующих рек, глубиною в $2^1/_2$ фута, была доступна мелким судам во всякое время; две другие имели соответственно только 2 и 1 фут средней глубиной[2]. Из этого видно, что по объему жидкой массы Урал—одна из маленьких рек Европы; он меньше Шаранты или Шельды. Вычислено, что если обмеление будет продолжаться в такой же пропорции, как в течение прошлого столетия, то река не будет достигать моря: она высохнет в нижней своей части, подобно тому, как это случилось, около половины настоящего столетия, с её восточной соседкой—Эмбой[3]. Вот числовые данные, относящиеся к реке Уралу: Длина реки (по Тилло) 2.230 верст (2.380 кил.), площадь речного бассейна 219.279 квадр. в. (250.000 кв. кил.), среднее количество протекающей воды в секунду 50 куб. метр. (?)

Вся низовая равнина Урала усеяна так называемыми старицами, или ложными реками, бывшими рукавами, отрезанными теперь от главного ствола, как сучья подрезанного дерева; а с восточной стороны тянется целая сеть старых озерных бассейнов, разделенных параллельными буграми, совершенно похожими на бугры нижней Волги.

Великоруссы составляют более половины населения Российской Империи. Они не только занимают почти всю центральную Россию, равно как наибольшую часть бассейна Невы, но также выдвинулись сплоченными массами к северу, востоку и югу, а с западной стороны имеют многочисленные колонии в прибалтийских губерниях и в Малороссии. Из них состоит большинство жителей у северного основания Кавказских гор; точно также и в Сибири обширные пространства, превосходящие величиной Францию, имеют население сплошь великорусское. Великоруссы сделались господствующим племенем в государстве; они распространили свои политические формы на всю остальную Империю; язык их первенствует между другими языками и наречиями—и как язык оффициальный, и как язык литературный. В сравнении с другими национальностями восточно-славянской державы, великоруссы имеют то преимущество, какое дают им материальная связь и сплоченное единство. Во всей Великой России народ представляет такое же однообразие по внешнему виду, как и сама природа; повсюду города, деревни и нивы похожи как две капли воды; почти везде один и тот же тип лица, одни и те же костюмы, исключая женских нарядов; образ жизни везде один и тот же; язык представляет легкия местные различия; областных контрастов между населением совсем не существует.

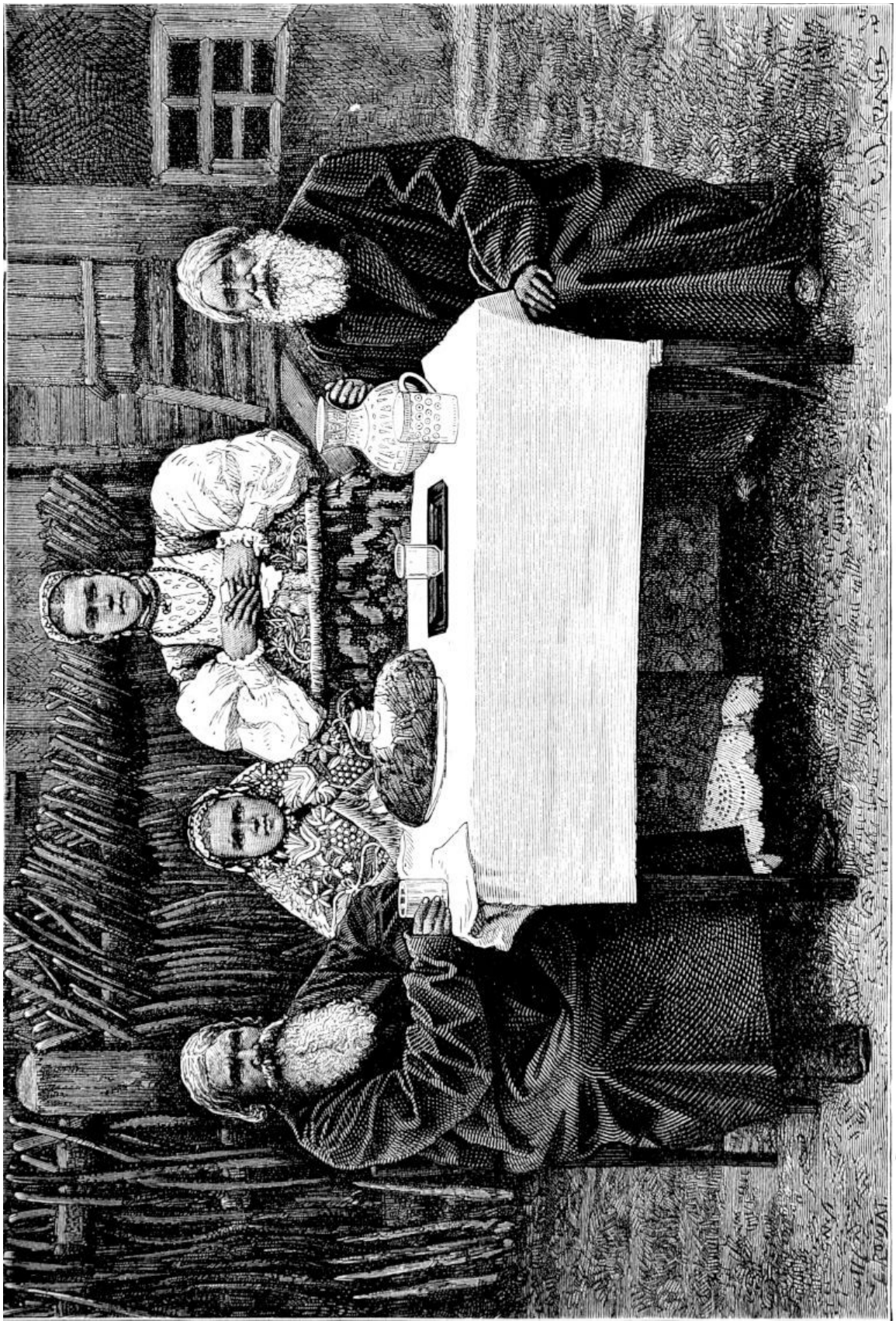
Вообще говоря, великоруссы немного ниже ростом, но за то коренастее малороссов и белоруссов; правда, между жителями центральных губерний оказывается при рекрутских наборах всего больше молодых людей неспособных к военной службе; но это зависит, может быть, от частного захирения (etiolement partiel) расы в прядильных, ткацких и других фабричных заведениях средней России. Там, где крайняя бедность, нечистый воздух, тяжелый, непосильный труд не ослабили организма, великорусские крестьяне замечательны своим крепким телосложением, широким лицом, высоким челом; они любят носить длинную и густую бороду, и им удалось сохранить это украшение, несмотря на гонения Петра Великого,

1 „Путешествия Палласа“, том I.

2 Данилевский, „Описание Уральского рыболовства”.

3 Рябинин, „Материалы для географии и статистики России”. „Уральское казачье войско”.

который хотел обрить своих подданных, чтобы сделать их похожими на голландцев: за свои бородатые лица они до сих пор заслуживают прозвища кацапов или «козлов», которое дали им малороссы. Но на этих широких, бородатых физиономиях, между которыми многие с ис-



Великорусскіе типы и костюмы. Нижегородская губ.

тинно благородным выражением, блестит живой взгляд и светится добродушная улыбка. Воспитание быстро сглаживает природную грубость у великороссийского крестьянина; черты лица у него делаются более тонкими, более живыми и осмысленными. «Человек в Рос-

сии,—замечает Мишле[1], говоря преимущественно об образованных славянах,—не похож на северного жителя: у него нет ни дикой энергии, ни угрюмой важности, характеризующих последнего. Русские скорее похожи на южан; это видно с первого взгляда по их манерам и поступи, по их проворству и подвижности». Их природное красноречие, так сказать, бьет ключом не только в словах, но и в жестах, и мимика их имеет пред мимикой итальянцев то преимущество, что она всем легко понятна[2].

Мизантропы из русских, говоря о своих соотечественниках, рисуют их такими темными красками, что внушили иностранцам некоторое предубеждение. «Остерегайтесь русского, говорят они, у него больше воображения, чем ума и больше ума, чем нравственности». Может

Типъ великороссіянки (Ардатовскаго уѣзда, Нижегородск. губ.).

быть, это и верно относительно тех русских, очень многочисленных, которые живут чисто искусственной жизнью и которым более важна внешность цивилизации, чем самая цивилизация: хитрые, льстивые, недоверчивые, честолюбивые, люди этого рода действительно таковы, что их нужно опасаться; но истинные русские, то-есть те, у которых правильный труд поддерживает равновесие их натуры, отличаются именно твердостью характера и последовательностью убеждений и правил. Великорусс не из тех, к которым можно бы было справедливо применить прозвище Slavus Saltans, данное некогда западным славянам. Долгим терпением, сочетанием отваги и покорности судьбе он съумел колонизовать постепенно весь бассейн Волги, бассейн Дона и многие другие страны; не мало помогло ему в этом и его природное добродушие. Если он является отличным колонизатором, то обязан этим не только своему быстрому, сметливому уму, своей промышленности, постоянству в труде, мужеству в

1 „Legendes du Nord".

2 J. G. Kohl, „Reisen in Sud-Russland".

несчастии, но также своей доброжелательности в отношении всех, своему духу примирения и справедливости. Он пережил продолжительную и тяжелую неволю, но не усвоил всех пороков рабского состояния, и свобода мало-по-малу возвратит великоруссу все присущие ему от природы хорошие черты. Без сомнения, он еще подвержен паникам, внезапным страхам: чрезвычайно доверчивый, он дрожит часто перед воображаемыми опасностями; но он остается спокойным и сохраняет самообладание пред действительной бедой.

Очень кроткие и мягкие нравом, любящие по-своему своих близких, откровенные и поспешные в сердечных излияниях, великоруссы, однако, склонны поклоняться силе, и в крестьянских семействах власть отца, власть мужа еще пользуются неоспоримым правом. Какая-то странная смесь насилия и действительной доброты часто встречается в их семьях. Еще в семнадцатом столетии отец, выдавая дочь замуж, покупал новую плеть, чтобы напутствовать свое детище последними ударами, дозволенными родительской власти, и передавал это орудие новому господину, с советом пользоваться им почаще и без пощады. Входя в брачный покой, супруг действительно ударял свою жену по спине и по плечам, приговаривая: «забудь волю родимого батюшки, исполняй теперь мою волю!» Однако, свадебная песня рекомендует ему взять «шелковую плетку»[1]. Брак по любви, как в Малой России,—составляет в Великороссии исключение: все условия брачного союза заранее определяются главами семейства; ни жених, ни невеста не имеют права заниматься этим вопросом, и отец никогда не уронит своего достоинства, не снизойдет до того, чтобы советоваться или спрашивать их мнения в этом деле. Народные песни, особенно те, которые мы находим в сборнике Шеина, а также комедии и драмы Островского, могут дать понятие о том, какова внутренняя, домашняя жизнь, это «темное царство» великорусского быта[2]. Деспотизм, но деспотизм доброжелательный—таков был непреложный закон в семейной жизни: «люблю как душу, а трясу как грушу», говорит одна пословица великорусских крестьян.

На общину или государство все смотрели как на большую семью: неограниченная власть, безапелляционная воля, предписываемая всем членам одним общим отцом,—таков был идеал, который каждый составлял себе об обществе. В этом отношении Малороссия и Великороссия представляют замечательный контраст. Каждый малорусский город развивался независимо от других; ни один не пытался поработить своего соседа; побудительными причинами войны между общинами были либо борьба за существование, либо жажда славы и страсть к приключениям, но они никогда не руководились властолюбием, стремлением к господству, или, по крайней мере, никогда не преследовали своих завоевательных предприятий с тем постоянством плана, с той вековой неуклонностью и настойчивостью, которые отличали политику великорусских князей. Народное выборное право всегда было сохраняемо в городах Киевской земли, также как в Новгороде и в других автономных городах западного славянского мира. Также было в древних вечевых городах Великой Руси, и такова причина, почему суздальские князья поселились в деревне Москве, а не в каком-нибудь старом городе, сильном своими общинными вольностями. Но преобладание Москвы на севере произвело большой контраст учреждений. Каково бы ни было происхождение, еще очень темное, древнего первенства Киева,—это первенство не имело ничего похожего на главенство Москвы. Киев был только «первый между равными»; политический союз поддерживался свободной федерацией в течение всего первого периода русской истории; впоследствии, в шестнадцатом и семнадцатом столетиях, таким же образом организовались вольные казацкия общины или товарищества: даже начальники их, «войсковая старшина», возвращались в ряды толпы, по окончании службы, на которую они были временно выбраны своими товарищами —такими же казаками, как и они сами. Впрочем, идеи и формы быта запорожцев не были ограничены тесным кругом Сечи: вся Малая Россия хотела быть казацкой общиной. Ничего подобного не было в Московии. Там власть, достигнутая одним родом, была благоговейно почитаема народом и продолжалась, как божественное установление, из поколения в поко-

1 Grosspietsch, „Hochzeits Gebiauche des russischen Landvolks", „Russische Revue", 1878 г., № 3.

2 Добролюбов, „Темное царство".

ление: «не Москва дает закон князю, а князь дает закон Москве», говорит пословица. Священный характер династии переносился даже на стольный город, и Москва, преемница византийского духа, сделалась «третьим и самым святым Римом, царству которого не будет конца». Господство татар способствовало в сильной степени укреплению могущества великих князей восточнославянского государства: монгольские ханы, заботившиеся прежде всего и больше всего об исправном получении дани, имели прямой интерес собирать ее чрез посредство одного князя, ответственного перед ними, хотя свободного от всяких обязанностей в отношении своего народа. Но самодержавие московских царей существовало в зародыше уже в двенадцатом столетии в княжестве Владимирском[1]. Можно объяснить самодержавную форму московского общества историей русской колонизации в этой стране, населенной первоначально финнами и татарами. Князья киевской династии отправились туда как предводители воинов и поселенцев,—подобно тому как это было в Пруссии, где немцы колонизовали славянскую землю,—и раса или народность, образовавшаяся в Московии, сделалась самой живучей из всех, но в то же время и самой послушной. С успехами великорусской централизации, политические формы и идеи Москвы все более и более принимали национальный характер и в конце концов заглушили традиции новгородские и казацкия. В своих общинах и различных товариществах или артелях великорусс такой же поборник начала равноправности, как и другие славяне,—может быть, даже больше; но в понимании политического устройства он является наиболее последовательным из монархистов. «Государь —батька, земля—матка»; «народ—тело, Царь—голова»; «без Царя земля вдова»; «без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится», говорят старинные великорусские пословицы[2]. Даже религиозные секты Великой России, образовавшиеся с конца семнадцатого столетия и которые считают нынешнее государство «царством звериным», а на главу его, Петра Великого, смотрели как на «антихриста», отвергают только титул «императора», как чужеземный; тем не менее они фанатически стоят за царскую власть и сверху ждут своего Мессию. В западных странах, столь часто волнуемых революциями, даже фанатические приверженцы старого порядка не могут составить себе понятия о том, что такое горячая любовь, смешанная с трепетом, которую испытывают образцовые подданные, думая о своем повелителе; для них он—земной Бог. Такое благоговейное обожание государя нередко встречается в России. Встарину подданные боялись царя, и самое имя его произносили не иначе, как со страхом и трепетом: если он был капризный и жестокий, они падали ниц перед ним с тем большим благоговением: он казался им тем величавее. Регулятора своих собственных поступков они искали не в самих себе, а в воле властителя, непреклонной или изменчивой. Ни один государь не был более популярен на Руси, чем Иван Грозный: он казался своим подданным великим, как сама судьба. Народ, забывший стольких других героев, еще помнит Ивана IV; точно также Владимир, которого он прославляет в своих песнях, все еще является в его глазах князем «миросердым и грозным». С тех пор, как великие князья московские сделались властителями Великой России, все народные волнения в этой стране были проникнуты духом верности царю. После длинного ряда Лжедимитриев и Лжепетров, донской казак Степан Разин поднял в семнадцатом веке население южной Московии «против бояр, за царя»; а когда, в следующем столетии, другой донской казак, Емельян Пугачев, увлек за собой Яицкое казачье войско и крестьян волжского понизовья на последнюю большую войну крепостного люда, ему удалось поднять народ только выдавая себя за истинного государя Петра III, обвиняя Екатерину II, «царицу дворян», в похищении престола. Многочисленные частные возмущения, происходившие в течение этого столетия, все отличались подобным же характером. Бунтовщики никогда не сомневались, что дело их—царево дело, и что чиновники подкуплены помещиками, врагами государя. И если русские крестьяне надеялись еще на общий передел земель, то они ожидали решительного слова от верховной власти, несмотря на все объявления правительства об ошибочности таких ожиданий.

1 Костомаров, „Две русские народности".

2 Даль, „Пословицы русского народа".

Язык великоруссов сделался оффициальным языком всей России, с исключением других славянских наречий Империи; в хорошей разговорной речи принято употреблять московский выговор. Таким образом, преобладающее значение окончательно завоевано славянскою речью, которая стала языком большинства народа и преемников московского престола. Все национальности восточно-славянской державы, родная речь которых—не великорусский язык, принуждены последовательно усвоивать его вполне или отчасти; одни, как напр. поляки, остзейские немцы, эсты, латыши, литовцы, выучиваются языку господствующей народности в школе, в военной службе или повседневной жизни; другие, белоруссы и малоруссы, естественно склонны, вступая в мир мысли, употреблять язык, легкий для них, которым говорит большинство их соотечественников, и который более развит, более богат литературными произведениями, чем их собственный. Что касается инородцев, финнов, монголов, татар и т. д., то для них великорусская речь есть язык самой цивилизации; а евреи, верные своему немецкому жаргону, умеют производить гандель, делать гешефты на всяких языках, и особенно на том, который всего более употребителен на базарах и ярмарках. Национальная русская литература, хотя очень богатая былинами и «старинами», или эпическими песнями, и представляемая в последние сто лет писателями большого таланта, все же не имеет таких сокровищ, которые могли бы сравниться с богатствами западных литератур; кроме того, она должна была заимствовать из немецкого, голландского, французского и английского языков множество терминов, относящихся к ремеслам, искусствам, наукам, и многочисленные французские обороты, дух которых не согласуется с духом славянского языка, вошли в разговорную речь; тем не менее русский язык—один из самых богатых, самых выразительных и самых гибких между арийскими языками. Он составляет свои сложные слова с такой же легкостью, как и язык немецкий, не имея тяжеловесности последнего, и его гортанные ноты сочетаются с интонациями ласкающей мягкости. Разнообразие звуков русского языка—одна из главных причин, и едва-ли не важнейшая, той легкости, которую русские обнаруживают в изучении иностранных языков. Их гибкий орган произносит легко и изящно почти все звуки, которые, в европейских языках, наиболее отличаются от славянских наречий. Впрочем, нужно также принять в рассчет влияние наследственности, ибо уже впродолжении большего числа поколений русские достаточных классов держатся обыкновения обучать своих детей по крайней мере французскому языку. При том, русские любят нравиться; а чтобы не ударить лицом в грязь перед чужеземцами, нужно уметь беседовать с ними на их собственном языке, как говаривал в двенадцатом столетии уже Владимир Мономах, отец которого объяснялся на пяти языках. Число лиц, говорящих более или менее по-французски, к востоку от Вислы, простирается до 300.000 слишком.

Если все образованные русские имеют к своим услугам один или несколько языков Западной Европы, то европейцы, наоборот, мало изучают русский язык, который, между тем, приобретает с каждым годом все большую важность во всем славянском мире и в Азии. Если присчитать болгар, сербов и других южных славян, которые находятся с Россией в отношениях племенного родства и некоторой зависимости, то число людей, подвластных славянской державе или живущих в пределах её орбиты, простирается до сотни миллионов. Следовательно, русский язык не может не сделаться одним из тех языков, которые современем будут иметь наибольшее влияние на развитие человечества. Но для этого, конечно, нужно, чтобы сам народ, путем материального благосостояния, образования и свободы, достиг возможности занять место, которое должно бы принадлежать ему в ряду других наций. Между тем социальное состояние великоруссов, также как их соотечественников, жителей Малороссии и Белоруссии, все еще крайне жалкое и бедственное.

Лачуга крестьянина зимою наполнена нечистым, почти негодным для дыхания воздухом. Снаружи изба, для большего тепла, окружена завалиной из навоза. Окна, плотно запертые, иногда прикрытые соломой, препятствуют доступу внешнего воздуха; смешанное дыхание всех членов семьи, спящих на печи и на полатях, заражает атмосферу тесного и душного убежища; наружный воздух проникает через двери, быстро отворяемые, только в тот момент, когда обитатели выходят, чтобы справить какое-нибудь дело. Насекомые размножаются на

печи и в деревянных стенах великорусской избы такими массами, что существование становится иногда совершенно невыносимым. Чтобы вывести тараканов, есть только одно средство—выморозить их, для чего нужно покинуть дом и оставить открытыми все выходы в самые холодные зимние дни. Крестьяне часто прибегают к этому героическому средству; когда на дворе трещит мороз, их можно иногда видеть бродящими в лесу по близости своего жилья, в котором свободно разгуливает ветер.

Великороссийские села и деревни представляют собою группы бедных хижин, тесно скученных и неотделенных одна от другой садами; даже большинство городов суть не что иное, как скопление деревянных построек, всегда пребывающее во власти пожара. Избушки из смолистого соснового или елового дерева, с соломенными, растрепанными кровлями, окруженные кучами соломы и сена, грудами хвороста и щепок,—настоящие костры, вполне приготовленные для пожара, который может вспыхнуть от первой искры. Пожар—таков естественный конец всякого крестьянского жилища. Подобно тому как, по учению схоластической медицины, человеческое тело должно обновляться во всех своих частях через каждые семь лет, Россия, как утверждали, тоже имеет свой семилетний климатерический период, в течение которого она обновляется посредством пламени во всех бесчисленных весях; но в губерниях центральной России это «возрождение из-под пепла» часто совершается еще быстрее: указывают на уезды, где, случалось, целая четверть домов выгорала в течение только одного года. Годовые убытки, причиняемые пожарами в России, представляют приблизительно следующие цифры:

Средняя цифра в период 1842-46 гг.—14.897.000 руб.; 1861-64 гг.—30.163.830 руб.; 1872-77 гг.—65.000.000 руб.

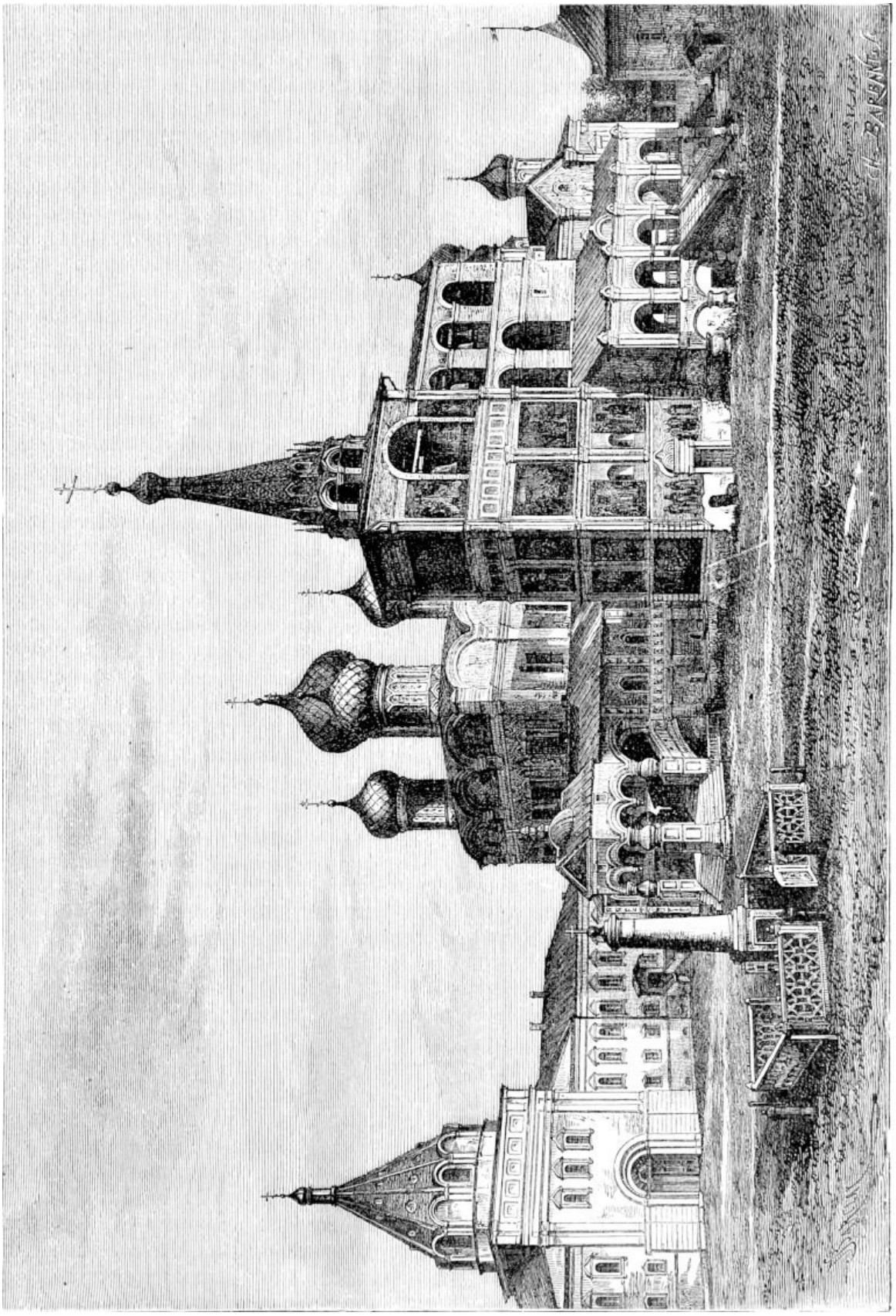
Число оффициально известных пожарных случаев в 1880 г.—32.961 руб.; общий убыток от пожарных случаев в 1880 г.—68.100.343 руб.

В провинциальных городах дома большею частию тоже деревянные, за исключением правительственных зданий, господских палат да церквей, которые почти все построены по однообразным планам, по типу, предписанному петербургскими чиновниками. Истинное искусство отсутствует в архитектуре этих зданий, ибо оно живет единственно свободой, тогда как традиционный символизм убивает его; оно заменено в храмах богатствами—золотом, серебром, мрамором, драгоценными камнями[1].

Будучи переходной страной между Европой и Азией, Россия представляет также переходный характер по своим религиям—в не меньшей степени, как и по своим нравам. На западе Империи католики и протестанты, так сказать, продолжают Западную Европу, на востоке же язычники, буддисты и мусульмане, составляют значительную часть населения. Но между этими двумя поясами, западным и восточным, Великороссия почти всецело принадлежит к православной греко-восточной церкви. Однако, несмотря на существование господствующей, государственной религии, в Российской Империи, этой стране послушания, религиозные секты появляются, вероятно, в наиболыпем количестве сравнительно с прочими государствами Европы, и почти все эти новые культы великорусского происхождения. Сама Великобритания, столь богатая реформаторами веры, едва-ли не уступает России числом апостолов и не может выдержать сравнения с последнею по странности новых вероучений. Склонный к мистицизму и резонерству склад ума, так часто встречающийся у великоруссов; строгость, более чем византийская, религиозных обрядов, предписываемых духовенством; древние языческие суеверия, обнаруживающиеся под другой формой: самые качества народа, его смирение и добродушие, которое так легко извратить фанатизмом; наконец, рабство, столь долго тяготевшее над массой населения и заставлявшее искать убежища в сверх-естественном мире,—все эти причины способствовали возникновению многочисленных религий. Секты родятся, умирают и сменяют одна другую, как дикая растительность: в настоящее время их насчитывают от ста до ста тридцати. Как гласит одна поговорка православных: «у каждого мужика своя особая вера, у каждой бабы свои уставы». Не было ни од-

1 Viollet-le-Duc, „L'Art Russe".

ного важного національнаго событія, которое не вызвало бы к жизни новых сект; все они различаются названіем, содержаніем молитв, формой символов и обрядов, но в сущности всегда сходны между собою по нравственным явленіям, а также по страстям, которые они



Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ.

возбуждают. Из века в век на Руси появляются новые Мессии, Сыны Божии или даже сам Бог; сектанты благоговейно почитают государей Петра III и Александра I, отказываясь верить их кончине, потому что они обнаруживали веротерпимость; сам Наполеон имел фана-

тических поклонников в Пскове, в Белостоке и даже в той самой Москве, которая была обязана ему своим разорением[1]. При том состоянии духа, в котором находятся сектанты, апостолам достаточно вооружиться каким-нибудь текстом Св. Писания, каким-нибудь древним пророчеством, чтобы увлечь верующих на самые страшные пути—на пути самоизуродования, самоубийства и убийства. При том, так как всякое мнение в делах веры, несогласное с мнением духовенства, признавалось властями как преступление, как бунт, то большинство сект должно было преобразоваться в тайные общества; необходимость сохранения тайны, странные церемонии посвящения новых членов, чарующая прелесть опасности еще более воспламеняют воображение сектанта и толкают его к безумию и изуверству.

Число отпавших от господствующей церкви невозможно определить даже приблизительным образом, и, без сомнения, мы никогда не узнаем его с точностью, пока не будет дарована свобода вероисповедания. В 1850 году оффициальная статистика утверждала, что русских не-православных только 830.000; но министр внутренних дел полагал, что действительное число их по крайней мере в десять раз превосходит эту цифру: он насчитывал их до 9 миллионов. Мельников, определив, на основании церковных книг, число верующих в 1859 году, насчитал более 9.450.000 раскольников. Если мы остановимся на этой последней цифре и примем в рассчет нормальный прирост народонаселения, то в настоящее время число религиозных отщепенцев должно простираться по меньшей мере до 12 миллионов[1]. Если сравнивать их с образованными классами, в которых свободные мыслители и индифференты довольно многочисленны, то раскольники справедливо обвиняются в фанатизме и невежестве: но, рассматриваемые в совокупности, они бесспорно более любознательны и более образованы, чем другие русские: женщина пользуется у них гораздо большим уважением, она нередко занимает место наставницы, а в некоторых сектах—даже проповедника и священнослужителя. Вообще говоря, раскольники гораздо зажиточнее, пользуются гораздо большим довольством, нежели другие русские, потому что они более воздержны, более привычны к порядку и поддерживают друг друга с замечательным духом солидарности; значительная часть великорусских коммерсантов и промышленников принадлежит к раскольничьим сектам.

Различные секты (согласия или толки) раскола, рассматриваемые с общей точки зрения, могут быть разделены на три главные группы: поповцев, то-есть секты, приемлющие священство, беспоповцев, или секты, неприемлющие священства, и духовных христиан. Оппозиция, чисто обрядовая, тех верующих, которые хотели сообразоваться с обрядами национальной церкви в том виде, как они существовали до семнадцатого века, то-есть до преобразований патриарха Никона, совпадает с недовольством. Влияние, более или менее прямое, протестантизма присоединилось к этим элементам религиозных несогласий; таким образом, в результате сложные причины привели к расколу. В глазах религиозных отщепенцев, гербовая бумага и паспорты сделались «печатью антихриста», ревизские сказки были «списками дьявола», а подушная подать—«ценой за душу». Таким образом, раскольники представляют собою в одно и то же время дух крайнего консерватизма в православной церкви и дух реформы, даже дух относительной политической свободы.

Поповцы, которые продолжают предания древней церкви, суть истинные приверженцы «старых обрядов» (старообрядцы), «старой веры» (староверы). Возмущенные исправлениями, которые патриарх Никон, при содействии некоторых духовных лиц, греческих и малороссийских, произвел в богослужебных книгах, и пренебрегая анафемой людей, которых они называли иноземцами, староверы упорно держались за религиозные обычаи древних времен: из уважения к прежним символам, они отвергают оффициальный культ церкви; но сами они, незаметно для себя, значительно изменяли свои обрядности, соответственно среде, в которой им приходилось жить и действовать, и преследованиям, которым они подвергались. Петр I, на жизнь которого покушались мятежные стрельцы, имевшие в своей среде

1 Липранди; Кельсиев, „Собрание материалов по расколу".

1 См. статистические данные о раскольниках в „Русском Вестнике" за 1868 г., II.

множество раскольников, строго преследовал всех, кто не возвращался по приказу в лоно установленной церкви (он велел переписать раскольников и обложить их двойными податями, не допускать к общественным должностям, обязать их носить особое платье, за бороду брать с них особую пошлину и проч.); но, несмотря на эти гонения, секты только увеличивались и становились все более и более непримиримыми. Раскольники, негодуя на царя, как на друга иноземцев, который расторг брачный союз с своей первой супругой, подвергал своего сына пыткам, а своими войнами, постройками, каналами, своими беспощадными налогами и принудительными работами отягощал народ, считали его антихристом, видели в нем чудовище, предсказанное Св. Писанием; поэтому, к проклятиям, направленным против «нечистой» церкви, они прибавили еще проклятие императору, который приказывал «брить бороды и усы, носить латинскую одежду и курить треклятое зелье». Но гонения были еще не самое жестокое, что пришлось выносить последователям поповщины: раскольничьи попы, поставленные до Московского собора 1667 года, одобрившего исправления Никона, с течением времени все перемерли; затем скончался и единственный их епископ, и следовательно ни один новый поп не мог быть посвящен, чтобы совершать для них богослужение. Поповцы прибегали ко всевозможным хитростям и уловкам, чтобы остаться в мире со своей совестью; они замешивали свой хлеб с кусочком освященной просфоры, сманивали, при помощи денег, никонианских священников, пытались даже похитить руку св. Петра, московского митрополита, с той целью, чтобы этими мощами посвящать своих попов и таким образом заменять живых епископов[1]. Иерархия была восстановлена только в 1844 году, благодаря одному болгарскому епископу, посвященному в Константинополе и согласившемуся учредить свою резиденцию в одной раскольничьей колонии—в Белой Кринице, в Буковине. Теперь раскольники имеют собственных епископов и устраивают свои духовные соборы в Москве, не имея надобности слишком скрываться; они домогаются только совершенной свободы их вероисповедания. Кроме того, некоторое число поповцев,—может быть, около миллиона,—возсоединились косвенно с православной церковью, приняв от неё священнослужителей, с условием сохранить свои старые богослужебные книги и старые образа. Это—так называемые единоверцы.

Самые энергические из староверов, твердо решившиеся не входить ни в какие сделки со служителями антихриста, правившего в Москве, этом новом Вавилоне, бежали по большей части в глухие, непроходимые леса олонецкие и северного Поморья, где основали на реке Выг знаменитые в истории раскола общежительные скиты, известные под именем «Выговской пустыни», которая долгое время была их главным центром. Это—«безпоповцы», т.е. раскольники, неприемлющие священства, «овцы, умеющие пастись без пастыря». Различные сектанты этой группы отвергают всякия таинства; они не имеют других священнослужителей, кроме ангелов Божиих, есть даже такие, которые во все продолжение моления или бдения остаются с открытым ртом, в ожидании, что божественная пища, совсем готовая, спустится к ним с неба. Благодаря своей независимости (так как они жили в пустынных местах, мало доступных правительственному надзору) и, вероятно, также под влиянием новгородских рационалистических сект, остатки которых существовали еще в том краю (бывшие новгородские области), беспоповцы некоторыми своими учениями примыкали к западному протестантизму и разделились на гораздо большее число сект, чем поповцы: каждый скит беглых приверженцев старины, каждый староверческий пророк образовал центр новой группы, нового толка. Самая многочисленная секта—согласие федосеевцев, отделившееся от скитников Выговской пустыни; самое известное, может быть,—согласие филипповцев, названное так по имени его основателя, Филиппа; члены его, удалившиеся за границу, основали общины в Восточной Пруссии, в Молдавии и даже в Добрудже, известные под названием общин липованов; это название иногда распространяют на раскольников различных сект. Они проповедывали, что лучше умереть, чем произносить в молитвах имя царя, а некоторые из них доходили в своем фанатизме до того, что отказывались брать монету с изображением

1 Иоаннов. „Заметка о расколе". II.

государя; но за границей они мало-по-малу изменились, и иные из них теперь принадлежат к числу самых горячих московских патриотов. Многие из них оказали услуги никонианскому царю, не только против нехристей турок или польских католиков, но и против малороссиян, «соотечественников изменника Мазепы».

Филипповцы были самыми горячими апостолами самозаклания верующих, в эпоху преследований, направленных против раскола и отличавшихся особенною строгостью в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого столетий, бывали примеры, что беспоповцы сами сожигались или топились; впрочем, часто они не имели другого средства избегнуть пыток, как лишив себя жизни, и первые костры были зажжены никонианскими палачами. С 1687 по 1693 год около 9.000 староверов сожгли сами себя в области, лежащей между Онежским озером и Белым морем. Одно только поголовное самосожжение на острове» Онежского озера (Палеостров) уничтожило 2.700 человек[1]. Понятно, что подобные потрясающие зрелища приводят к безумию, и если не целые секты, то, по крайней мере, некоторые из их членов доходили до того, что проповедывали самоубийство посредством костра, зарывания живьем в землю или голодной смерти. Не раз случалось, даже в настоящем столетии, что родители умерщвляли своих детей, чтобы избавить их от будущих грехов и ввести их тотчас же в лоно Божие, в царствие небесное. До сего дня в некоторых раскольничьих общинах можно услышать священные песни, оканчивающиеся такими страшными словами: «Возвести мою волю моим людям, всем христианам православным—пусть они бросаются за меня в огонь и пусть бросают туда своих безгрешных младенцев!»[2]. Нет такого преступления, нет такого безумного поступка, которого не могли бы совершить несчастные галлюцинаты, руководимые своими видениями или таинственными голосами. Но само собой разумеется, народная молва преувеличивает изуверства, происходящие в лоне тайных религий.

Другая замечательная секта беспоповщины—секта «бегунов» или «странников», основанная около конца восемнадцатого столетия дезертиром Евфимием. В глазах этих сектантов, всякий правительственный чиновник есть не что иное, как помощник и служитель сатаны, и, следовательно, повиноваться ему было бы великим грехом. Все повеления того, кто установил «ревизию (перепись), различие сословий и разделение земель и вод», по их мнению противоречат Божескому закону, и нарушать их—священнейший долг каждого. Всякая оффициальная печать в глазах их есть «звериный знак», и когда какой-либо документ с казенной печатью попадает к ним в руки, они немедленно уничтожают его. При таком взгляде на вещи, им пришлось бы проводить свой век в тюрьмах или рудниках Сибири, если бы они заблаговременно не уходили из нового «Вавилона, дабы не участвовать в его грехах»; они предпочитают странствовать по деревням, пропагандируя свое учение, или жить, как волки, в лесах[3]. Там они могут беспрепятственно проклинать антихриста и его лжепророков, и, благодаря природному добродушию и набожному уважению крестьян, которые видят в них святых людей, гонимых за веру, они почти всегда ускользают от преследования закона. Впрочем, бегуны также, как и другие сектанты, не опасны для государственного порядка: их экзальтация, чисто религиозная, не превращается в политическую страсть, и не из их рядов выходят заговорщики. При том же между богатыми купцами, принадлежащими к той или другой секте староверов, есть много таких, которые придерживаются своей формы культа только в силу предания.

Спиритуалисты, или духовные христиане, которые встречаются повсюду на юге Великороссии, тогда как поповцы живут преимущественно в центральных губерниях, а беспоповцы сосредоточены в северных областях и на Поморьи, суть наиболее преследуемые из всех отщепенцев, вследствие чего организация их окружена большей тайной, и изучение её представляет гораздо большие трудности сравнительно с изучением других раскольничьих сект.

1 Филиппов, „История Выговской Старообрядческой Пустыни"; Нильский, „Семейная жизнь в расколе"; Mackenzie Wallace „Russia".

2 Варенцов, „Сборник русских духовных стихов"

3 Розов, „Секта странников", „Вестник Европы", 1872 г., №№ 11—12, и 1873 г., № 1.

Мистики, как и их единомышленники на западе Европы, с которыми они имели частые сношения чрез немецких миссионеров и английских купцов, а в царствование Александра I даже через двор, эти сектанты говорят, что в них пребывает божественный дух, и даже называют себя «Божиими людьми», «Христами». По их учению, Бог-Отец снова сходил на землю в семнадцатом столетии со Своим Сыном, чтобы совершить божественную жертву, и Дух Святый еще глаголет устами апостолов и пророчиц. Главная из их сект носит название хлыстовцев,—название, которое публика переделала в хлысты, в насмешку над их обычаями. Хлысты не подвергают себя самозакланию, самосожжению, но они пляшут, по примеру Давида, прыгают и кружатся до изнеможения; иные хлещут, истязают друг друга; а молва говорит, будто бы бывали случаи, когда они, справляя праздник Пасхи, зарезывали, тотчас после крещения, новорожденного младенца и съедали его сочащееся кровью сердце с приправой меда: то было их святое причастие.

Странная, хотя логическая секта скопцов или кастратов, образовавшаяся около половины восемнадцатого столетия, непосредственно примыкает к согласию хлыстов; она разделяет все их верования и учения, символизируемые и утверждаемые внешним знаком. Между этими несчастными, которые сами себя именуют «белыми голубями», одни кастрируют себя в молодости, другие после того, как сделаются отцами; есть и такие, которые ограничиваются чисто духовной церемонией. Для того ли, чтобы избегать преследования со стороны властей, или во исполнение какого-нибудь предписания их веры, все скопцы стараются обогатиться, накопить как можно больше денег. Очень многочисленные в губерниях Орловской и Тамбовской, они охотнее всего избирают ремесло ювелиров, золотых дел мастеров и т.п., а в обеих столицах они, как говорят, почти монополизировали профессию менял. Благодаря своим рублям, скопцы могут деятельно вербовать прозелитов в свою секту и покупать ценою денег многие совести. Хотя их легко узнать с первого взгляда по тонкому, пронзительному голосу, по гладкому, безволосому лицу, по узким плечам, но лишь весьма немногие из них попадают в ссылку. Главная масса скопческой секты остается в больших городах и тяготеет, к своей выгоде, над всеми коммерческими делами. Скопцы имеют приверженцев, хотя и немногочисленных, вне Великороссии, между финнами и малороссами (в Полтавской губернии); среди последних секта хлыстов, известная там под именем шалопутов, также получила значительное развитие в эти последние годы; впрочем, малороссийские хлысты некоторых уездов приближаются к штундистам. Из всех великорусских раскольничьих сект секта хлыстов единственная, которой удавалось вербовать прозелитов в высших классах общества[1].

В настоящее время, к сектам Великой России, наиболее удаляющимся от православной греко-восточной церкви, должно отнести духоборцев[2] и молокан, которые прежде близко подходили к «Божьим людям» по их мистическим идеям и по глубокому уважению к своим пророкам. К духоборам непосредственно примыкают субботники, отправляющие культ субботы со строгостью истинно-еврейской и происхождение которых остается загадкой: неизвестно в точности, следует ли считать их христианами, принявшими еврейские обряды, или потомками евреев, насильно обращенных в православие и передающих от поколения к поколению, в более или менее сбивчивой форме, обрядности древней религии. Некоторые писатели утверждают существование у этих иудействующих сектантов физического сходства с русскими евреями; другие полагают, что они связаны непрерывной преемственностью с новгородской сектой «жидовствующих»[3]. Из рядов субботников преимущественно выходят и другие сектанты—«прыгуны», которые походят на шекеров (shakers) Англии и Соединенных Штатов и которые, по выселении в Закавказский край, навербовали там приверженцев своего учения между армянами. Вообще, молокане и духоборы походят по своим идеям на

1 Н.П. Барсов, „Русский простонародный мистицизм"; Мельников, „Тайные секты", „Белые Голуби"; Реуцкий, „Божии Люди и Скопцы", Левитский, „Киевский Телеграф", 1875 г., №№ от 41 до 43

2 Все таинства и церковные обряды они толкуют в духовном смысле; так, они говорят, что они духом крестятся, духом исповедуются и духом причащаются. *Перев.*

3 Anat. Leroy-Beaulieu, „Revue des Deux Mondes", 1 juin 1875: Костомаров, „Молокане и Духоборцы в Саратовской губернии".

английских квакеров; также, как квакеры, они прошли последовательно процесс нравственного развития, который из горячих сектантов сделал их мало-по-малу спокойными гражданами[1], сообразующимися уже без прежнего рвения с традиционными формами. Часто отправляемые в ссылку на опасные границы государства, они везде достигали цветущего состояния, в Новороссийском крае, на Кавказе. Общее движение раскольничьих сект увлекает их все более и более к рационализму в религии, к радикальным идеям в политике. Штундисты Украйны—почти протестанты. Поповцы массами присоединяются к учениям беспоповцев, а эти последние начинают отвергать титул «староверов», применяя его к православным оффициальной церкви, которых они упрекают в формализме. Появляются новые секты, как, например, немоляки (отвергающие молитву) и неплательщики (отказывающиеся платить подати). Однако, старые привычки ритуализма так глубоко укоренились, что даже между спиритуалистическими сектами образовался толк «воздыхателей», которые на своих молитвенных собраниях постоянно вздыхают, будучи убеждены, что «дыхание» есть «дух»[2].

XII. Верхняя Волга до Нижнего Новгорода

Губернии Тверская, Ярославская, Костромская

Эта страна населена великоруссами и финнами, большею частию обрусевшими. Только на западе, в самой гористой области, где сообщения во все времена были затруднительны, мог удержаться до наших дней целый архипелаг карельских населений. Там эти финны сохранились со своим языком, нравами и обычаями; но, окруженные со всех сторон постоянно возрастающими в числе славянами, принужденные работать на великоруссов, в качестве рыбаков, лодочников, дровосеков или землепашцев, научаясь русскому языку в школе, в церкви, на базарах городов, они постепенно утрачивают свои национальные особенности и сливаются с господствующей народностью. Известно, что за десять веков до нашей эпохи край, сделавшийся ныне Ярославской губернией, был еще населен в большой части чудским племенем, а между тем местное население считается теперь состоящим из чистых великоруссов. Так как эта чудь, насколько известно, никогда не была изгоняема из страны, то этнографическое преобразование, очевидно, должно было совершаться постепенно, незаметно, и обе расы совместно представлены в нынешних обитателях этого края, хотя только одна из них сохранила имя и язык. Города и деревни носят по большей части славянские наименования, в честь святых или праздников.

Города, которые первоначально почти все были простыми селениями рыболовов и судовщиков, довольно многочисленны на берегах главной реки и её притоков. Уже в области истоков Волги, среди лесов и болот, Осташков, лежащий на высоте 750 футов, значительной для России, и на полуострове озера Селигер, населен преимущественно рыбаками и плотовщиками; но, удаленный от центров, он должен был прибавить к своей промышленности кожевенное производство и приготовление обуви, а также выделку топоров, кос, серпов и других резальных орудий. Ржев, хлебная пристань и значительный рынок для торговли льном и пенькой, затем Зубцов и Старица следуют один за другим по течению Волги, тогда как на юге от этой реки город Гжатск, в Смоленской губернии, находится во главе судоходства по одному из волжских притоков, истоки которого переплетаются с истоками Днепра.

Тверь, бывшая столица великого княжества Тверского и могущественнейший соперник Москвы, ныне губернский город и главная пристань на верховьях Волги, занимает выгодное местоположение, при самом впадении в Волгу Тверцы, спускающейся с северных высот, и которая во все времена представляла дорогу к бассейну Невы и Финскому заливу. Встарину товары нужно было перевозить сухим путем с Тверцы на Мсту, и хотя канал (Вышневолоцкий), прорытый через гранитный порог и соединяющий эти две реки, уже около ста лет тому

1 „Прыгуны", „Отечественные Записки", 1878 г. №№ 10-й и 11-й.

2 Юсов, „Староверие", „Слово", 1878 г.

назад открыл прямое судоходное сообщение из Твери в Петербург, тем не менее город, построенный на бывшем волоке, до сих пор сохранил название Вышняго-Волочка. Ныне это хорошенький, деятельный городок, обязанный своей богатой торговлей тому, что он стоит на перекрестке двух важнейших путей сообщения: Николаевской железной дороги и водного Вышневолоцкого пути. Барки, нагруженные хлебом и другими продуктами, останавливаются там сотнями и тысячами в период навигации, также как в промышленном городе Торжке (название от «торг», «торжище»), который стоит ниже на Тверце и уже во времена новгородцев был важным складочным местом. Число барок и других мелких судов, останавливающихся ежегодно у набережных Твери, простирается до четырех тысяч. Этот торговый город, самый многолюдный из трех городов, находящихся на железной дороге из Петербурга в Москву, есть вместе с тем один из важнейших промышленных центров на севере России; он имеет многочисленные мануфактуры, которые занимаются преимущественно выделкой бумажных тканей и приготовлением вышитых кожаных изделий. Эта последняя промышленность (изготовление вышитых башмаков и туфель), которую, как полагают, занесли в край монголы, хотя она, вероятно, существовала уже ранее монгольского нашествия, удивительно напоминает китайские украшения[1]. Число фабрик в Твери—44, с 8.000 рабочих и годовым производством на сумму около 10 с половиной миллионов руб. Жители села Кимры, лежащего ниже на Волге, занимаются также отчасти упомянутой вышивкой, но преимущественно шитьем сапог, которые отправляются главным образом в Москву и Петербург[2]. В этой местности, верст на 40 вокруг села Кимры, все полевые работы, исключая косьбы травы, предоставлены женщинам. В некоторых других уездах Тверской губернии значительная часть крестьян—плотники; они уходят на заработки в большие города, где и проводят более половины года.

Рыбинск, в Ярославской губернии, есть вторая торговая станция на Волге ниже Твери; но сравнительно с этим последним городом положение его представляет больше выгод, так как он находится, кроме того, при выходе двух систем водного сообщения, Тихвинской и Мариинской которые соединяют Волгу с Петербургом: первая через рр. Мологу, Чагодощу, Тихвинский канал, р. Сясь и Ладожское озеро; вторая—через р. Шексну, Белоозерский обходный канал, Мариинский канал и два большие озера Невского бассейна по обходным каналам: Свирскому, Сясьскому, Петра I и Александра II. Возрастание северной столицы служит в пользу Рыбинску, который может быть рассматриваем как главный её порт на Волге; кроме того, он соединен с нею железной дорогой. В Рыбинске большие суда, приходящие снизу, в количестве около двух тысяч каждогодно, должны перегружать свои товары на мелкие барки, в числе восьми тысяч, приспособленные для плавания далее вверх по Волге и по узким каналам с шлюзами. В 1893 году товарное движение в Рыбинске простиралось до 56,7 милл. пудов груза, ценностью около 24,2 миллионов рублей. В самый разгар торгового сезона, разнообразные суда запружают Волгу, очень широкую здесь (230 сажен), до того, что из них образуется живой мост от одного берега реки до другого. Летом в этом единственном в своем роде городе собирается до ста тысяч купцов, бурлаков и всякого рода рабочих людей, приходящих для выгрузки и перегрузки товаров. Между промышленными заведениями Рыбинска первое место занимает большой канатный завод[3]. По числу жителей Рыбинск, важнейшая волжская пристань, «столица бурлаков», далеко превосходит все другие города, стоящие ниже Твери на Волге или на её притоках в этой части речного течения: Калязин, Углич, Кашин, Бежецк, Клин и Дмитров, Переяславль-Залесский. Этот последний город,—один из древнейших городов России и, вероятно, колония другого Переяславля «Русскаго», который находится в долине Днепра,—получил, благодаря своим бумагопрядильням, некоторую промышленную важность. Устюжна-Железнопольская, на р. Мологе, есть, вместе с Череповцем, центр кустарной промышленности, именно гвоздарной: более

1 Драгоманов, „рукописные заметки"

2 В Кимрском районе сапожным ремеслом занята до 16.000 чел., ежегодное производство—$2^1/_2$ милл. пар разной обуви, на 6 милл. р. (В. И. Покровский: „Историко-статистическое описание Тверской губ.").

3 „Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича от Петербурга до Крыма".

20.000 человек, в уездах Устюженском и Череповецком, работают в тысячах маленьких кузниц и производят все вместе свыше 600.000 пудов гвоздей[1]. Ниже Рыбинска двойной город Романов-Борисоглебск окружен огородами, славящимися в особенности луком; уезд того же имени известен также романовскими овцами и дублеными полушубками.

Ярославль, губернский город, есть, может быть, самый древний славянский город, основанный на Волге: он был построен в 1025 г. сыном Владимира Великого, Ярославом Мудрым, и впоследствии был соперником Твери и Москвы, оспаривая у них господство над северной Русью. В настоящее время это очень красивый город, когда на него смотришь с Волги: по высокому берегу тянется длинный бульвар, усаженный липами, за бульваром видна передняя часть города с красивыми строениями, над которыми высятся блистающие на солнце золотые главы многочисленных церквей; на крутом мысу, при впадении речки Которосли в Волгу, белеет в зелени деревьев здание Демидовского лицея. Пароход через Волгу соединяет два участка железной дороги, идущей из Москвы в Вологду; этот рельсовый путь, также как полотняные и бумагопрядильные фабрики, придает городу некоторую важность в промышленном и торговом отношении. В окресностях, жители пяти деревень, соединившись в товарищество на артельных началах, занимаются сообща выделкой сундуков; вся артель распределяет работы между всеми членами ассоциации. Недалеко от Ярославля, село Сопелки, на Волге, служит центром секты странников. Город Ростов, находящийся к юго-западу от Ярославля, на дороге в Москву и на берегах озера, из которого вытекает р. Которосль, еще гораздо древнее нынешнего губернского города. Летопись Нестора упоминает о Ростове как о городе, существовавшем уже во времена Рюрика, в девятом столетии, и говорит, что первыми обитателями его было племя меря; но с той эпохи, к которой относится начало писанной истории, этот народ, занимавший прежде обширную территорию, от нынешней Смоленской губернии до нижнего течения Оки, уже ославянился: имя его не встречается более в летописях после 907 года[2]. Однако, финский элемент оставил в крае свои следы в виде географических названий и долго обнаруживался сильным сопротивлением христианству, особенно в самом Ростове, которому впоследствии суждено, было сделаться одною из метрополий России. Благодаря этому высокому рангу (пребыванию митрополичьего престола), он стал в глазах народа священным городом, и теперь еще иконная живопись, рисование образов на финифти—один из главных местных промыслов; ростовские иконы расходятся по всей Империи. Кроме того, в Ростов приходит довольно много богомольцев, а ярмарки его, хотя менее посещаемые сравнительно с прежним временем, все еще привлекают торговых людей из разных мест Великой России и даже с азиатского склона Уральских гор. Берега Ростовского озера (по-фински Неро) окружены огородами, где разводят преимущественно цикорий. Этой промышленностью (огородничеством) ростовцы славятся во всей России. Ростовские огородники не только развозят далеко свои произведения, цикорий, сушеный сахарный горошек, лук, кухонные и медицинские травы и пр., но снимают огороды в столицах и больших городах; петербургские огородники—большею частью ростовцы. Вообще, жители Ярославской губернии известны по всей России своей ловкостью, сметливостью, необыкновенной способностью к промышленности и торговле.

Кострома, губернский город, стоит на левом берегу Волги, верстах в 60 ниже Ярославля, которому он много уступает по внешнему виду и красоте; это тоже, как и Ростов, древний город земли мери, и название его означает имя одного финского бога. В самом городе игрища языческого происхождения, напоминавшие культ Костромы или Ярилы, были уничтожены; но по деревням и теперь еще во многих местах сохранился обычай совершать торжественное погребение соломенных чучел, представляющих грубое изображение этого гиперборейского Адониса, бога, который «появляется и умирает», чтобы снова возродиться, умереть

1 „Свод материалов по кустарной промышленности в России". Сост. кн. А. Мещерским и Модзалевским. Издание Ими. Русского Географ. Общества.

2 И. П. Барсов, „Очерки русской исторической географии"; Гр. Уваров, „Племя Меря".

и воскреснуть[1]. Упоминаемая в первый раз в тринадцатом столетии, Кострома прославилась в истории в следующих веках, и кремль её, с его высокими башнями и куполами церквей, напоминает пребывание древних князей; но, несмотря на эти памятники старины, город похож на большое село. В Костроме, в 1613 году, посольство от великого земского собора объявило Михаилу Феодоровичу Романову об избрании его на русский престол, после изгнания поляков: юный Михаил жил тогда, со своею матерью, инокиней Марфой, близ города, в Ипатьевском монастыре, основанном в 1330 году одним татарским мурзой (предком Бориса Годунова), который был обращен в христианство «чудесным видением»; с той эпохи монастырь, обнесенный крепкими стенами с башнями и бойницами, был дважды перестроен, в 1586 и в 1650 годах. В Костроме есть несколько фабрик, преимущественно полотняных и бумагопрядильных; но мы уже находимся в соседстве холодных пустынь Севера, где городки встречаются очень редко. В северной части обширной Костромской губернии существует только два поселения, заслуживающие названия города: Галич и Макарьев-на-Унже. Первый, стоящий на берегу озера, в области древнего народа меря, вероятно, был основан выходцами из червонорусского Галича; впрочем, народное присловье называет жителей его «кривичами», именем древнего славянского племени, населявшего Белую Русь[2]. В Галиче нет никаких других промыслов, кроме рыболовства; в уезде значительно кожевенное производство. Племя меря исчезло из этого края, или по крайней мере носит ныне имя русских, с которыми оно слилось в одну народность; но черты лица и многие остатки старых нравов свидетельствуют о смешанном происхождении жителей.

По принятии в себя судоходной Унжи, по которой сплавляют лес, смолу, деготь, Волга, поворачивая на юг, направляет свое течение к более многолюдным южным областям. Мы приближаемся к Нижнему-Новгороду.

Значительнейшие города в бассейне верхней Волги:

Смоленская губерния: Гжатск—7.019 жит.

Тверская губерния: Тверь (1897 г.)—53.477 ж.; Ржев—30.605; Торжок—14.764; Вышний Волочек—16.138; Осташков—12.104; Кашин—6.880; Калязин—8.243; Бежецк—7.327.

Московская губерния: Дмитров—9.531 жит.; Клин—5.465 ж.

Новгородская губерния: Устюжна—7.257 жит.

Владимирская губерния: Переяславль-Залеский—8.943 жит.

Ярославская губерния: Ярославль (1897 г.)—70.610 жит.; Рыбинск (1897 г.)—25.223; Ростов—17.232; Углич—12.661; Романов-Борисоглебск—9.256 жит.

Костромская губерния: Кострома (1897 г.)—40.670 жит.; Галич—5.944; Макарьев-на-Унже—6.227 жит.

XIII. Бассейн Оки

Губернии Орловская, Калужская, Тульская, Московская, Рязанская, Владимирская, Тамбовская, Нижегородская

Бассейн этой важной реки составляет истинный центр Европейской России, не только по географическому положению, но также по числу жителей и деятельности народного труда. В этом районе сосредоточено промышленное население, здесь находится историческая столица Великой России, сделавшаяся столицей всей восточно-славянской Империи, сюда сходятся главные линии железно-дорожной сети государства. Это—та область, которая доставляет, вместе с Польшей и Малороссией, главные рессурсы государственному бюджету, а в отношении наступательной силы может быть рассматриваема как истинная Россия. За исключени-

1 „Труды Ими. общ. люб. естеств., антр. и этнографии", XXVIII, XXX; П. Ефименко, „Ярило", „Записки Русского Географич. Общества", по отделению этнографии, II.

2 Даль, „Пословицы русского народа".

ем мордвы, сохранившейся в нескольких селениях Тамбовской губернии, население здесь сплошь великорусское; финские народцы, которые были старожилами в восточной части страны, давно уже слились со славянами и составили с ними один народ, а литовское племя

Типы и костюмы Тульской губерніи.

голядь, обитавшее на запад от Москвы, совсем исчезло, не оставив после себя никаких следов, кроме названий некоторых деревень; татарские же селения, встречающиеся в губернии Рязанской, составились из позднейших переселенцев.

Уже на верховьях Оки губернский город Орел принадлежит к числу важных городов России. Основанный в 1564 году, после завоевания края от татар, он был переведен на другое место в 1679 году, после большего пожара; таким образом, нынешний город существует всего только двести лет, и некоторые обширные кварталы, состоящие из деревянных домиков, имеют еще вид временного поселения. Но, благодаря четырем железным дорогам, сходящимся на его станции, и водам Оки, уже судоходной в этом месте, Орел сделался очень деятельным торговым центром, особенно по отпуску ржи, пшеницы, крупчатки, пеньки. Теми же продуктами земледельческой промышленности ведут торговлю два соседние города—Мценск и Болхов, стоящие на притоках Оки. Мценские женщины занимаются главным образом плетеньем кружев. Этот город окружен курганами, напоминающими битвы, происходившие в его окрестностях между татарами, казаками, литовцами, поляками. Население было окрещено только в пятнадцатом столетии.

На север от Орла, постепенно увеличивающаяся Ока проходит последовательно перед городами: Белевым, который важен как один из рынков, регулирующих торговлю пенькой, Лихвином, Перемышлем, который носит то же имя, как один из галицких городов. Затем, почти удвоенная в объеме от принятия в себя Угры (т. е. «Угорской реки»), Ока оставляет северное направление и поворачивает на восток; в небольшом расстоянии ниже этого колена находится губернский город Калуга, назначенный местопребыванием мусульманским князькам, водворяемым на жительство в России. Калуга лежит уже в промышленном круге Москвы и имеет разнообразные фабричные заведения, особенно кожевенные и полотняные (парусинные); печенье, известное под именем калужского теста, славится во всей Великороссии; здесь находится артиллерийский парк и казенный пороховой завод. Другие многолюдные города Калужской губернии, торговый город Жиздра, в уезде которого замечательны железоделательные и хрустальные заводы Мальцева, Козельск, древний городок вятичей, с важнейшими в России парусинными фабриками, посад Сухиничи, главный складочный пункт для сала, конопляного масла и пеньки, Мещовск, имя которого напоминает древнее племя мещеряков, Медынь, Малоярославец, Боровск все лежат к западу от Оки, на притоках этой реки или Угры. До этой области России доходили французы во время войны 1812 года. По выходе из Москвы, истребленной пожаром, они направились-было в Австрию через Киев и Галицию, но встретили русские войска в Тарутине и Малоярославце и, после кровопролитных сражений, принуждены были отступить вправо на опустошенную Смоленскую дорогу. В окрестностях Малоярославца три могильные холма покрывают кости павших на поле битвы.

Тула, губернский город, по числу жителей значительно превосходит два предъидущие, Орел и Калугу: это—главная станция на железной дороге из Москвы в Харьков. Занимая положение при небольшой реке Упе, восточном притоке Оки, омывающем, кроме того, два уездные города: Богородицк выше и Одоев ниже, Тула обязана своим важным значением не судоходству, а фабричной промышленности; она была выбрана в 1712 году Петром Великим как место для основания главного оружейного завода Империи, и эта обширная фабрика дает теперь занятие нескольким тысячам рабочих, выделывающих ежегодно до 70.000 ружей, не считая холодного оружия и других железных и стальных орудий. Тула по справедливости может быть названа русским Люттихом. Она фабрикует также ножи, математические инструменты, машины, разные слесарные изделия и те позолоченные и посеребренные металлические вещи, которые принадлежат более специально к промышленности Устюга, Вологды и Грузии; Тула поставляет ежегодно около 200.000 самоваров, составляющих неизбежную принадлежность всякого сколь-нибудь зажиточного дома на Руси. Тульские фабрики имеют весьма важное преимущество, о котором никто не знал во время их основания: они находятся в обширном каменноугольном бассейне, который современем будет доставлять им все необходимое топливо. Эти месторождения ископаемого угля, открытые еще Палласом в конце прошлого столетия, оставались в совершенном пренебрежении, пока окрестные леса могли доставлять заводам все нужное им количество древесного топлива. Теперь же, когда леса, аттакуемые со всех сторон, быстро редеют и скоро совсем исчезнут, на-

чинают обращать внимание на минеральное топливо, и некоторые землевладельцы уже с успехом разработывают земляной уголь. В 1879 году на 13 копях Рязанской и Тульской губернии было добыто 469.000 тонн угля; но легко было бы извлекать до миллиона тонн[1]. Тульский уголь, средняя толщина которого около 10 футов, но который встречается также слоями в 25 фут. мощности, представляет, для разработки, ту немаловажную выгоду, что он залегает горизонтальными пластами, на небольшой глубине под поверхностью земли[2].

Между Тулой и Москвой, главная станция железной дороги—Серпухов, уездный город Московской губернии, который в то же время ведет деятельную торговлю водяным путем, благодаря своему положению в соседстве судоходной Оки. Вместе с тем это промышленный город; между фабричными заведениями его первое место занимают ситцевые мануфактуры и кожевенные заводы. К северу от Серпухова, Подольск находится уже, так сказать, в пределах городского округа Москвы.

Вторая столица России,—которая в действительности есть первая, не по числу жителей, не по размерам торговли и промышленности, а по праву старшинства[3], почему и называется «первопрестольной»,—занимает почти как раз географический центр Европейской России. Она стоит не при большой реке, и главная её река, Москва, пересекающая город извилистой линией, пригодна лишь для мелких судов; но, благодаря гладкой, слегка волнистой поверхности окружающих равнин, древняя русская столица имеет удобное сообщение с Волгой, Окой, Доном, Днепром. Как и всякий другой город центральной России, который был бы избран царской резиденцией, Москва находится в месте благоприятном для соединения в её стенах дорог, идущих со всех концов государства, от Белого моря и от Понта Эвксинского, от Балтики и от Каспия, от портов Сибири и от портов Западной Европы. Соединение главных железнодорожных линий в Москве, как центре, было необходимо столько же с точки зрения торговли и промышленности, сколько и ради стратегических интересов страны, ибо если Москва стоит на дороге неприятельского вторжения через Витебск и Смоленск, то эта дорога есть в то же время один из тех путей, на котором мирное движение торгового обмена наиболее деятельно[4]. До тех пор, пока русские, принадлежащие к цивилизованному миру, занимали только бассейн Днепра, Киев был естественной метрополией; но когда восточно-славянское государство вошло в состав Европы, столица должна была переместиться в Москву, Владимир или какой-нибудь другой город, близкий к центру страны. Москва не довольно стара, чтобы быть «святой», как Киев, но она «мать», по крайней мере для Великой России, —«матушка-Москва Белокаменная», как ее прозвал народ. При том, по самому составу своего разноплеменного населения, по крайней мере по большому числу семейств господствующего класса, имеющих литовское, малорусское, татарское, финское, черкесское, даже цыганское происхождение, Москва принадлежит всей России. Подобно латинскому Риму, славянский Рим, построенный на семи холмах, имел беглецов между своими первыми основателями, и эти выходцы, прибывшие из всех окружающих стран, приобрели смешанный характер, совмещавший особенности всех характеров разнородного пришлого люда и не похожий ни на один из них исключительно: москвитяне развивались совершенно своеобразно, как древние римляне. Московские властители нередко прибегали к перемещениям населения en masse, чтобы распределить, по своему произволу, жителей в подвластных им землях, и чтобы таким образом прочнее утвердить свое могущество. Многие народные пословицы напоминают озлобление, существовавшее в различных местностях, даже великорусских, против Москвы и «московской веры»[5].

---

1 В 1894 г. во всем подмосковном бассейне, обнимающем губернии Калужскую, Тульскую и Рязанскую, было добыто только 11.846.850 пудов угля. Сокращение добычи произошло вследствие конкурренции донецкого угля, отличающагося лучшим качеством, и распространения нефтяных остатков в Московском фабричном районе и на железных дорогах. *Ред.*

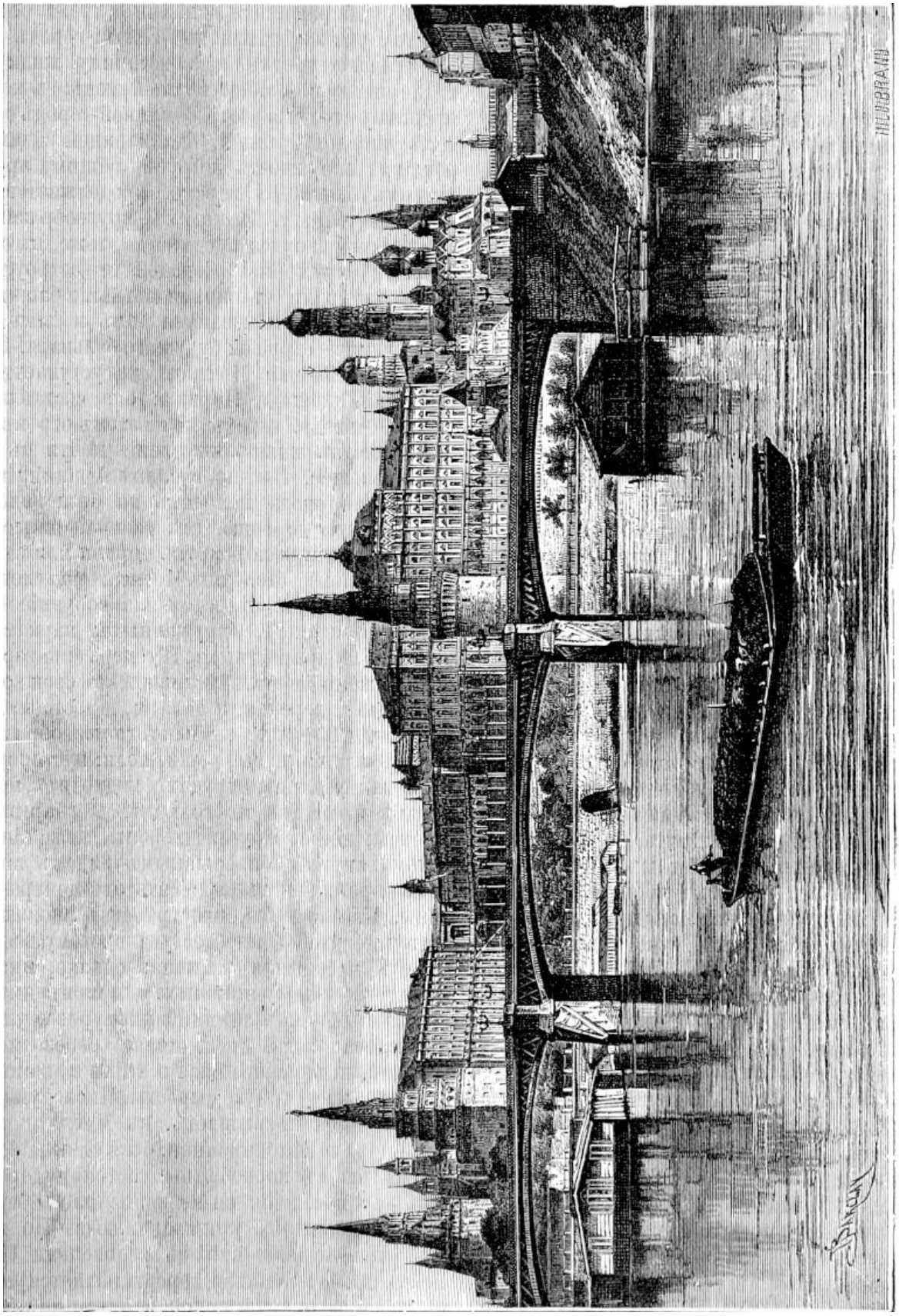
2 Акад. Гельмерсен, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, vol. XII, 1868.

3 Москва основана в XII веке князем Суздальским Юрием Долгоруким. *Пр.перев.*

4 J. Kohl, „Geographische Lage der Hauptstadte Europaš".

5 В. Даль, „Пословицы русского народа"

Общий план Москвы представляет некоторое сходство с расположением Парижа: первопрестольная столица России тоже состоит из центрального ядра, вокруг которого расположились кругообразно другие части города, и Москва-река, хотя текущая в противоположном



Москва.—Кремль.

направлении с Сеной, развертывается на западной стороне столицы излучинами, почти подобными изгибам французской реки. Кремль (по-татарски «крепость»), окруженный высокой стеной в форме неправильного треугольника, занимает, вместе с частью, называемой

«Китай-городом», центр города, на северном берегу Москвы-реки, которая описывает в этом месте извилину, обнимающую между своими двумя рукавами продолговатый остров. Вокруг Кремля и Китай-города раскинулся концентрически «Белый-город»; бульвар, образующий три четверти окружности и опирающийся концами о левый берег Москвы-реки, отделяет Белый-город от «Земляного-города», где встарину жили ремесленники и вообще бедный люд; с конца прошлого столетия этот Земляной-город обведен широкой улицей, окаймленной садами и рощами, окружность которой, общим протяжением около 15 верст, продолжается на правом берегу. За этим кругообразным бульваром тянутся предместья, тоже, в свою очередь, окруженные оградой с остроугольными выступами, с пирамидальными башнями, вдоль которой открываются там и сям широкия улицы, отрывки будущего бульвара. Площадь, занимаемая Москвою, не уступает по величине площади Парижа: она составляет около 90 квадр. верст; но на этом огромном пространстве живет население почти в три раза меньшее, чем в столице Франции; многие части города походят на беспорядочно раскиданную деревню, где раскрашенные домики группируются вокруг церкви или замка. В прошлом столетии Москва, по словам принца де-Линь, представляла собрание барских резиденций, окруженных парками и избами их крепостных. И теперь еще город, по выражению поэта, вместивший «в свои концы и посады, и деревни, и палаты, и дворцы», сохранил некоторые следы этого своеобразного происхождения: сады, рощи, поля, пустопорожния земли, усеянные прудами, подходят, между предместьями, к многолюдным кварталам Москвы; но, с другой стороны, внешния деревни тянутся непрерывным рядом по бокам дорог верст на десять от центра столицы. Казалось бы, пространства вполне достаточно, чтобы дать доступ чистому воздуху во все московские жилища; однако, многое-множество «полу-этажных» домов имеют подвальный этаж, лежащий ниже уровня улицы, и дождевая вода, просачиваясь сквозь почву, конечно, поддерживает в этих подземных жильях постоянную сырость. Число умирающих всегда превышает, в Москве, число рождений, и Белокаменная, без сомнения, вернулась бы в первобытное состояние деревни, если бы население её не пополнялось беспрестанно приливом пришлого люда. Но когда смотришь издали или с колокольни Ивана Великого, исполинский город является только в своей величавой красе, и ничто не обнаруживает его темных сторон, тайного убожества, прячущагося в грязных закоулках и сырых подвалах: зеленеющие сады и рощи, сотни башен, тысяча колоколен с шарообразными куполами, более 400 златоглавых церквей («сорок сороков», говорит народная пословица)— вот все, что показывает древняя столица России. С Воробьевых гор, поднимающихся длинными кряжами на западной стороне города, Москва, в центре которой возвышается Кремль, представляет истинно величественную панораму при лучах заходящего солнца: кажется, что созерцаешь один из обширных, великолепных городов Индии. Такою представилась Москва в двенадцатом году взорам солдат «великой армии».

Кремль, сердце Москвы, в одно и то же время крепость и средоточие храмов и монастырей, дворцов, палат и казарм, есть громаднейший исторический памятник, памятник по преимуществу русской монархии: отсюда исходили повеления московских царей, здесь церковь, в лице своих первосвятителей и духовных соборов, постановляла решения в делах веры. Проникая в ограду этого священного места через Спасские ворота, всякий должен благоговейно обнажить голову. Колокольня Ивана-Великого, построенная в 1600 году Борисом Годуновым, во время большего голода и возвышающаяся на $46^1/_2$ сажен, в центре Кремля, также составляет предмет своего рода почитания, и многие, приметив ее издали, при приближении к Москве, падают ниц, как если бы увидели самый символ отечества. У подножья этой гигантской башни покоится на пьедестале громадный «царь-колокол» с отбитым краем, весящий 12.000 пудов. В соседстве с «Иваном-Великим» стоит Успенский собор, где коронуются государи и где погребены московские первосвятители, митрополиты и патриархи; другой собор, Архангельский, не менее богато украшенный фресками, мозаиками, мрамором и драгоценными камнями, заключает гробницы великих князей и царей до Петра I. На самом возвышенном пункте Кремля, подле царского дворца, стоит небольшой старинный храм Спаса на-Бору, который своим именем напоминает, что это место некогда было покры-

то густым лесом. Некоторые строения царской резиденции также очень замечательны и напоминают своей архитектурой в одно и то же время палаццо Венеции и дворцы Индостана: куполы, колоколенки, галлереи с колоннами, орнаменты, окрашенные в зеленый, красный, желтый цвета, перемешиваются в беспорядке. Большой Кремлевский дворец, с знаменитым Красным (т.е. красивым, парадным) крыльцом, соединяется со старинными теремами и Грановитой палатой, соответствовавшей нынешней Тронной зале. В Оружейной палате хранится старинное оружие, царские короны, порфиры, шапка Мономаха и пр. В Патриаршей ризнице богатое книгохранилище содержит несколько единственных в своем роде документов и неоцененно дорогия рукописи. Арсенал, где собрано оружия для 100.000 человек, тоже имеет специальный музей, но главная его достопримечательность—чудовищная пушка, прозванная «царь-пушкой»: «Москва особенно знаменита, сказал Герцен в шутку, своим царь-колоколом, который не звонит, и своей царь-пушкой, которая не палит». У Воскресенских или Иверских ворот (в северной стене, окружающей Китай-город) стоит знаменитая часовня с чудотворною иконой Иверской Божией Матери; часовне некогда принадлежали земли с тысячами крестьян. Часовня эта с раннего утра до вечера полна молящихся; св. икону носят, по желанию, в дома, но это стоит очень дорого, и люди небогатые должны довольствоваться её копиею.

Китай-город, торговый центр Москвы, с Гостиным Двором и биржей, также заключает много любопытных памятников старины, как, например, палата бояр Романовых[1] и древние монастыри; но самое интересное здание этой части города и вообще Москвы возвышается подле самого Кремля, на одной из сторон Красной площади: это—собор Покрова Пресв. Богородицы, известный в народе более под именем Василия Блаженного. Этот памятник, сооруженный в половине шестнадцатого столетия, при Иване Грозном (в память завоевания Казани), итальянским зодчим, есть, бесспорно, единственный в своем роде: очевидно, он обязан своим происхождением тому же духу старой московской гордости, который побудил воздвигнуть колокольню Ивана Великого, отлить царь-колокол, поставить перед арсеналом царь-пушку. Храм Василия Блаженного носит печать византийского стиля в деталях своей архитектуры, как того требует религиозная традиция, но в целом он являет своеобразный, чисто московский характер. Строивший его итальянец соблюдал требования науки в отношении укладки камней, степени сопротивления материала, размеров свода, но он съумел в то же время сохранить символические формы русских зодчих, и странный памятник, хотя построенный иноземными руками, остается, тем не менее, зданием греко-православным по преимуществу. Галлереи и портики окружности храма, более нового происхождения, чем корпуса и башни, свидетельствуют, правда, об итальянском влиянии, хотя они и обезображены пирамидальными колоколенками; но над этим перистилем виднеется старая постройка, являющаяся во всей её причудливой оригинальности. Колокольни, все разной формы и величины, выступают каждая из хаоса изваяний и орнаментов, похожих на черепицевидные листья, на чешуйки сосновых шишек, на влагалище распускающихся цветков. Главы, увенчанные крестом с позолоченными цепочками, все отличаются одна от другой размерами, профилем, узорами, цветами: один купол вырезан в виде выдающихся ребер, другой кажется вышитым арабесками в форме ромбов, третий иссечен на подобие остроконечных граней алмаза, четвертый походит на чешуйчатый плод, иные исполосованы выпуклыми извивающимися линиями; затем, на вершине, главная башня, пирамидальной формы, выступающая из многочисленной группы окружающих ее меньших куполов, оканчивается главой, фигура которой напоминает лампаду. И все это украшено изразцами, испещрено разнообразными колерами; при первом взгляде невозможно распознать господствующие линии в этом сплетении выступов, узоров и красок; зритель в недоумении спрашивает себя, что это такое—здание или какой-то чудовищный растительный продукт?[2] «Этот невозможный храм, говорит

1 В этом доме, реставрированном в 1858 году, родился 12 июня 1596 года Михаил Федорович Романов, родоначальник ныне царствующей династии. *Прим.перев.*

2 Blasius, „Reise im Europaischen Russland"; Забелин, „Древняя и новая Россия", 1878 г., № 3.

Теофиль Готье, заставляет ум сомневаться в верности свидетельства глаз»[1]. А между тем невозможно оторвать взор от этого храма; он нравится именно своей странностью, вычурностью своей архитектуры. Недалеко от Василия Блаженного, тоже на Красной площади, против Спасских ворот и вблизи Гостиного Двора, заключающего тысячи лавок, стоит памятник гражданину Минину и князю Пожарскому (группа из бронзы), воздвигнутый в память избавления ими Москвы от польского владычества, в 1613 году.

За стенами Кремля и Китай-города исторические памятники встречаются все реже, по мере того, как удаляешься от центра столицы; но почти все важнейшие ученые и университетские заведения сосредоточены в Белом-городе. Там находится университет, основанный в 1755 году (старейший из русских университетов),—обширное здание с колоннадами; по числу слушателей он занимает первое место между русскими университетами (к 1 января 1898 г., в Московском университете было: профессоров, преподавателей и приват-доцентов—240; слушателей—4.782); он обладает ценными сокровищами в своем книгохранилище и в своих коллекциях; в ведении этого высшего учебного заведения состоят: астрономическая обсерватория, ботанический и зоологический сады. Московский университет имел значительное влияние на философское и литературное движение России, особенно в период с 1830 до 1848 года, когда он еще не был под непосредственным влиянием петербургской бюрократии; в этой alma mater получили образование некоторые из замечательнейших людей новой России. Недалеко от университета находится здание музея, который заключает в себе произведения живописи старинной и новой, произведения скульптуры, книгохранилище—единственное в Европе по его памятникам китайской и манджурской письменности, и знаменитая этнографическая галлерея Дашкова, в которой костюмированные фигуры представляют типы всех племен, населяющих Российскую Империю. Замечательны также исторический и политехнический музеи. Многие другие коллекции, менее важные, тоже обогащают Москву своими сокровищами, между прочим, частные картинные галлереи, состоящие из произведений русских художников. Москва не имеет столько высших специальных учебных заведений, как Петербург, но все-таки она имеет их более, чем всякий другой губернский город; из этих заведений назовем Лазаревский институт восточных языков, Петровский сельско-хозяйственный институт, межевой институт, инженерное училище, техническое училище. Москва, главный центр народной (т.е. простонародной) печати в России, ежегодно выпускает в свет миллионы книжек и эстампов, и эта масса лубочных изданий расходится по всем провинциям обширного государства, даже по самым отдаленным местностям и глухим захолустьям, при посредстве странствующих торговцев (коробейников или офеней), которые ходят по городам и деревням, продавая свой товар на деньги, или обменивая его на сельские продукты. Для сравнения, приводим количество изданий, вышедших в Петербурге и в Москве в 1877 году:

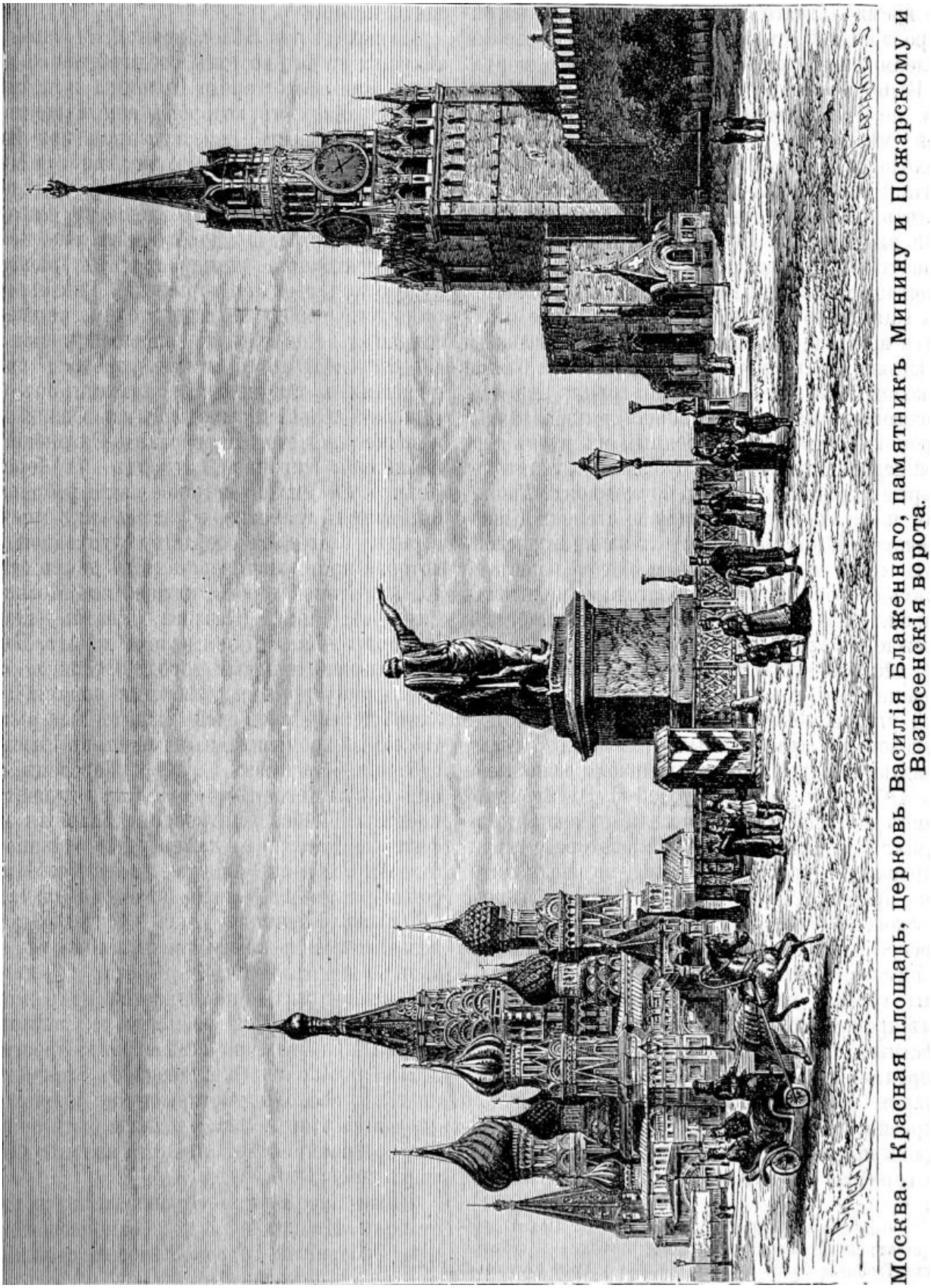
Петербург—6.925.853 экземпляр., 600.407 букварей и т.п., 2.092.233 эстампов. Москва, соответственно—8.342.685; 2.056.280; 2.495.800.

Москва, действительная столица Великороссии, есть вместе с тем столица «староверов», поповцев и беспоповцев. Центрами их служат два кладбища—Рогожское и Преображенское, с принадлежащими к ним заведениями, богадельнями и пр. До сих пор раскольники поповщинского согласия, впрочем, пользующиеся почти полной свободой вероисповедания, безуспешно ходатайствовали о разрешении им основать собственную частную гимназию, но беспоповцы, число которых быстро возрастало с начала нынешнего столетия, получили позволение снова открыть свои моленные дома, которые были закрыты, по распоряжению администрации, в 1853 г. Москва—место рождения Пушкина, которому теперь поставлен памятник, Лермонтова, Грибоедова, Островского, Достоевского, Герцена.

Москва есть в то же время центр промышленности и торговли. В настоящее время в ней насчитывается до 650 фабрик и заводов, имеющих вместе около 40.000 рабочих и производящих ежегодно более, чем на тридцать миллионов рубл.; ежегодный привоз товаров пред-

1 Thtophile Gautier, „Voyage en Russie".

ставляет сумму, далеко превыщающую сотню миллионов руб. Главные промышленные заведения—прядильные и ткацкия фабрики для выделки бумажных и смешанных тканей, красильные заведения, мануфактуры шерстяных и шелковых материй, кожевенные и водочные



Москва.—Красная площадь, церковь Василія Блаженнаго, памятникъ Минину и Пожарскому и Вознесенскія ворота.

заводы. Почти все эти фабричные заведения находятся в предместьях или в подгородных селениях, и тенистые парки в окрестностях столицы часто сменяются группами фабричных строений с их высокими, вечно дымящимися трубами. Прекраснейший из этих парков, Со-

кольники, на северо-восточной стороне города, есть остаток старинных лесов, разбитый на аллеи и застроенный дачами; другой лес (роща и большой парк), тоже любимое место гулянья во время летнего сезона, расположен на северо-западной стороне и окружает своими аллеями сады и колоннады Петровского дворца.

В 60 верстах к северо-востоку от Москвы, по Ярославской железной дороге, в луговой местности, усеянной лесками и рощами, находится Троицко-Сергиевская лавра, знаменитая обитель[1], которую не преминет посетить ни один путешественник, приезжающий в древнюю столицу. Этот старинный монастырь, который поляки, в Смутную эпоху, тщетно осаждали целые шестнадцать месяцев, в 1609 и 1610 годах, действительно походит на средневековую крепость с высокими стенами, над которыми поднимаются башни и колокольни. Это—настоящий город церквей, часовень, усыпальниц; главная святыня лавры, Троицкий собор, построенный на месте первой деревянной церкви, срубленной руками св. Сергия, поражает своим богатством. Троицкая лавра, хотя уступающая по степени Киево-Печерской, привлекает столь же многочисленную толпу поклонников и богомольцев со всех сторон России, и, благодаря милостям царей, она сделалась более могущественной: прежде к этому монастырю было приписано до 120.000 душ крепостного населения; в ризнице его множество драгоценной старинной утвари, облачений, тканных из золота и унизанных драгоценными камнями, целые сундуки жемчуга; вероятные доходы монастыря в 1872 году: 800.000 рублей[2]. В Троицкой лавре помещается московская духовная академия. Сергиевский посад, дома которого сгруппированы вокруг монастыря, по числу жителей превосходит все другие уездные города Московской губернии. Между этими городами, Воскресенск, на северо-западе от столицы и на севере от Звенигорода, бывшего стольного города княжества, также обязан своим происхождением монастырю[3]; главный местный промысел—выделка мебели. Город Верея, на юго-западе, был разрушен французами в 1812 году и еще не совершенно оправился от этого разгрома; здесь фабрикуют преимущественно изделия из накладного серебра. Недалеко от города Можайска, около верховьев Москвы-реки, находится знаменитое Бородинское поле, где 26 августа 1812 года происходило сражение между русской и французской армиями, одно из самых ожесточенных и кровопролитных во всей новой истории[4].

По выходе из Белокаменной, Москва-река, текущая на юго-восток, соединяется с Окой, близ торгового города Коломны и на севере от Зарайска, в котором еще существует древняя крепость, перестроенная при Иване Грозном. Главная река, извивающаяся многочисленными излучинами, продолжает следовать в юго-восточном направлении до Рязани и далее, принимая по дороге несколько небольших притоков,—между прочим, речку, текущую от города Егорьевска. Рязань, ныне губернский город, прежде столица княжества, сохранил еще свой живописный кремль, господствующий с горы над городом своими церквами и старинными палатами; он был основан колонией выходцев из Южной Руси, и полное имя его, Переяславль-Рязанский, напоминает украинский город на берегах Днепра. В Рязани есть кое-какие фабрики, но он важен главным образом как торговый город, благодаря соседству судоходной Оки, которая протекает верстах в двух от него, и железной дороге, идущей из Москвы в Саратов; после Козлова, Рязань—главная промежуточная станция на этой дороге. К югу от Рязани, уездный город Скопин, окруженный обширными хлебными полями, также замечателен как очень оживленный рынок. Но самый промышленный город в Рязанской губернии—Касимов, древний Городец, стоящий близ того места, где Ока вступает в пределы Тамбовской губернии. Главные мануфактуры Касимова—кожевенные и канатные заводы.

1 Основана св. Сергием Радонежским. Подле собора стоит памятник, на котором изображены события, когда Троицкая лавра оказала важные услуги отечеству: благословение св. Сергием Димитрия Донского на битву с Мамаем, отражение поляков и пр. *Прим.перев.*

2 Ростиславов, „Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей".

3 Воскресенский монастырь основан патриархом Никоном и называется Новым Иерусалимом. *Прим. перев.*

4 В этой битве пало более 80000 человек. На поле, близ села Бородина, поставлен чугунный памятник в форме высокой пирамидальной колонны. *Ред.*

Соседство Азии уже дает о себе знать: сотни татар-магометан, потомки тех татар, которым Касимов был отведен для жительства московским великим князем, населяют еще целую часть города, и минарет их мечети высоко поднимается над домами. Вообще, славянский элемент и христианство одержали победу, во всей стране, простирающейся к югу от Оки, только с семнадцатого столетия: расколы, которые еще происходят иногда в этом краю, должны быть приписаны, по крайней мере отчасти, явлению возврата к прошлому.

Ниже Касимова в Оку впадает, с правой стороны, Цна, главная река Тамбовской губернии. Губернский город Тамбов, стоящий недалеко от истоков этой реки, имеет значение только как административный центр и как станция на железной дороге из Москвы в Саратов. Моршанск, уездный город, построенный ниже на Цне, уже судоходной, занимает положение гораздо более благоприятное для торговли и служит внутренним портом, откуда вывозятся земледельческие произведения обширной области; главная его промышленность—салотопенные заводы и фабричная переработка сала. Моршанск—один из центров скопческой секты. Далее на севере встречаем другой уездный город той же губернии, Шацк, стоящий в некотором расстоянии от реки, на одном маленьком западном притоке. Бассейн Мокши, соединяющий свои воды с бассейном Цны, обнимает часть Пензенской губернии, где находятся города: Верхний Ломов, Троицк, Шишкеев, русские колонии, основанные среди финского народа—мордвы; Темников и Кадом, при той же реке, принадлежат к Тамбовской губернии. Ниже Темникова, Саровская Пустынь, один из знаменитейших монастырей в Мордовской земле, еще окружена большими лесами, населенными медведями, которые, впрочем, привыкли к человеку и принимают пищу от монастырской братии[1].

Соединенная с Мокшей, Цна сливается с Окой и вместе с ней вступает в каменистое ущелье, открывающееся с юга на север. Город Елатьма стоит на западном берегу этого ущелья, продолжающагося на север долиной одной побочной реки; в долине находится уезный город Владимирской губернии—Меленки, где выделывают поярок и резные работы из дерева. Несколько других расселин в горных породах этой страны следуют в том же направлении с юга на север и придают местной топографии большое однообразие рельефа.

Муром, на левом берегу Оки, в небольшом расстоянии выше впадения в нее реки Теши, есть один из древнейших городов восточной России и упоминается уже в летописи Нестора; подобно промышленному городу Арзамасу, который обязан своим именем финскому племени арза, Муром носит название народца «мурома», жившего в девятом столетии на обоих берегах Оки. В течение слишком двухсот лет Муром был главным рынком русских в Мордовской земле, и волжские болгары каждое лето являлись туда обменивать свои произведения на товары славянских и греческих торговцев; он был сосредоточием замечательного культурного движения. Муром, бывший долгое время главным городом отдельного княжества и сохранивший еще следы кремля, остается до сих пор чем-то в роде столицы для окрестных финских инородцев; но он особенно важен по своей торговле с Нижним Новгородом и с остальной Россией: он служит складочным местом для земледельческих произведений всего низовья Оки. Илья Муромец, богатырь-крестьянин, один из славнейших героев русской народной поэзии, родился, по словам былин, близ деревни Карачарово, в нынешнем Муромском уезде; недалеко от этого селения Поляков открыл в аллювиальной почве одного древнего озера следы озерного города, подобного тем свайным постройкам, какие находят в озерах Швейцарии. Вообще этот край есть, вместе с бывшей Суздальской областью, одна из классических местностей России в отношении доисторических древностей. Археолог гр. Уваров открыл там огромное количество каменных орудий, вместе с костями мамонтов, носорогов, кабанов, бобров и диких быков, не живущих ныне в этой стране. В четыре только года гр. Уваров и Савельев исследовали в бывшей земле народа меря 7.729 курганов, относящихся к различным эпохам, от времен доисторических до одиннадцатого века христианской эры.

Село Павлово, расположенное на правом берегу Оки, почти на полдороге из Мурома в

1 Майков, „Древняя и Новая Россия", 1877, № 10.

Нижний Новгород, не создало себе имени в истории страны; упоминаемое в первый раз в семнадцатом столетии, оно до сих пор остается на степени простой деревни, хотя его высокие, близко друг к другу стоящие дома, придают ему совершенно городской вид, которого не имеют многие людные города Империи. Павлово—один из главных центров железоделательной промышленности: тысячи мастеров и рабочих выделывают там ежегодно одних замков до 300.000 штук, не считая ножей, ножниц, хирургических инструментов, всякого рода орудий из железа, стали, меди; все село есть не что иное, как собрание кузниц и слесарных мастерских. Произведения павловской промышленности, из которых многие носят на себе английское клеймо, продаются на всех ярмарках Европейской и Азиатской России, от Киева до Иркутска, и даже в Афганистане; но главная торговля ими производится на Нижегородской ярмарке. В окрестностях Павлова около сорока деревень (почти все в Горбатовском уезде, Нижегородской губ.) участвуют в металлургической промышленности, и произведения их, особенно ножи и замки, расходятся по всей России под именем павловских. Самая знаменитая из этих деревень—село Ворсма, имеющее в своем промышленном округе более 20.000 жителей, на пространстве величиною с Лондон. Большая часть рабочих имеет собственные избы и работает на дому; однако, положение их все более и более приближается к положению западно-европейских пролетариев.

Клязьма, которая соединяется с Окой в соседстве города Горбатова,—главная река Владимирской губернии. Эта река берет свое начало на севере от Москвы и получает первые свои притоки, незначительные ручьи, из равнин, окружающих Троицко-Сергиевскую лавру и из окрестностей уездного города Александрова, славящагося своими обширными красильнями. У Владимира, Клязьма уже судоходна для мелких барок в течение всей навигации, а весной, в половодье, по ней могут проходить и большие суда. Губернский город Владимир-на-Клязьме, или Владимир-Залесский, бывшая столица великого княжества, из которого впоследствии образовалось Московское государство, основан в двенадцатом столетии и обязан своим именем Владимиру Мономаху, киевскому князю. В период своего господства, которое продолжалось до начала четырнадцатого столетия, Владимир, бывший главою северо-восточной Руси, имел население более значительное, чем в наши дни. Он сохранил от этой эпохи кое-какие остатки скульптурных украшений в своих церквах и «Золотые ворота» своего кремля, почти совершенно разрушенного. Промышленность во Владимире слабо развита, и пристань его на Клязьме производит незначительную торговлю; огородные овощи и вишни окрестных садов—вот главные предметы отпускной торговли бывшего первопрестольного города.

Что касается Суздаля, древнего Суждаля, который существовал с самых первых времен русской истории и по имени которого вся страна по Клязьме и нижней Оке называлась Суздальской землей, или Суздальским княжеством, то он еще более, чем Владимир, пришел в упадок (хотя кремль его довольно хорошо сохранился) и при том не пользуется такой выгодой положения, как его губернский город, стоящий на судоходной реке; он даже не связан еще с сетью железных дорог России. Благодаря болотистому грунту своих окрестностей, постепенно улучшенному культурой, Суздаль сделался городом огородников: по количеству и превосходному качеству овощей, особенно огурцов, лука, редиски, немногие города России могут сравняться с ним. Искони веков странствующие торговцы из Суздаля, или, вернее, из бывшей Суздальской области, ходят во всей России, и нередко название «суздальцев» дается вообще коробейникам, как будто все они происходят из этого города. Наконец, образа, которые пишутся преимущественно в слободе Холуй и во многих других деревнях уездов Вязниковского и Гороховецкого, на нижней Оке, где встарину находились монастыри, зависевшие от Суздаля, известны обыкновенно под именем «суздальских икон»; их приготовляют в этой области, средним числом, от двух до трех миллионов в год. Один иконописец может нарисовать до шести сот образов в неделю[1], получая по два рубля за сотню, и «суздальцы» или «вязниковцы» разносят их по всей России и даже ходят на Иллирийский полуостров. Ико-

1 В. Де-Ливрон, „Статистическое обозрение Российской Империи".

нописное искусство представляет чрезвычайно любопытный промысел, по причине крайнего разделения труда, в котором участвуют даже малые ребята: один работник специально пишет лики, другой занят исключительно рисованием рук, третий—риз и т.д., так что над одной иконой иногда работает пять или шесть человек. Между деревнями, занимающимися иконописью, одна, именно Мстера, приготовляет образа специально для раскольников. Суздальская область занимается также живописью на бумаге и тиснением рисунков при помощи липовых досок. Произведения этого грубого искусства очень распространены во всей России. Слово «суздальщина», «суздальская живопись» стало синонимом дурного вкуса, аляповатости; однако, некоторые гравюры, вышедшие из этих примитивных типографий, сделались драгоценными, благодаря их наивной сатире против попов и чиновников: многие из них напоминают ксилографические гравюры пятнадцатого века на западе Европы. Издание такого рода картин не раз было запрещаемо цензурой[1].

Современная фабричная промышленность имеет во Владимирской губернии своих представителей в селе Иванове, Вознесенском посаде и городе Шуе. Эти промышленные центры, из которых первый в административном отношении до сих пор остается на степени простой деревни, находятся на северных притоках Клязьмы. С половины восемнадцатого столетия здесь введена была ткацкая промышленность, а теперь мы видим в этих центрах и в окружающих их селениях сотни фабрик, прядильных, ткацких, ситцевых, миткальных, механических и литейных заводов; более восьмидесяти тысяч рабочих заняты на фабриках и заводах этой части России, производящих ежегодно товаров на сумму свыше 250 миллионов руб.[2]; по обширности производства бумажных изделий Шую справедливо называют «русским Манчестером». До освобождения крестьян все население села Иванова принадлежало одному дворянскому роду, и некоторые из богатых фабрикантов должны были платить до 20.000 рублей за душу, чтобы выкупиться на волю. Фабричные работники, по большей части уже сильно испорченные, в презрении у местных крестьян: точно также странствующие торговцы из слободы Холуй и других местностей нижней Клязьмы пользуются дурной славой во всей России; им приписывают пословицу: «не надуешь-не продашь!» Под именем офеней, этимология которого еще не объяснена, они разъезжают по всей Империи, обменивая всякого рода товары и образа (обычай не дозволяет продавать иконы) на произведения сельских жителей и получая на этом обмене хорошие барыши[3]; многие из таких торговцев начинают свой промысел разноскою и променом икон, а потом делаются большими капиталистами. Во время своих разъездов офени говорят между собой особым условным жаргоном, в котором можно встретить термины всех языков торговых народов Восточной Европы. Некоторые ученые указывали на близкое сходство этих промышленников с древними греческими ходебщиками в Херсонесе Таврическом.

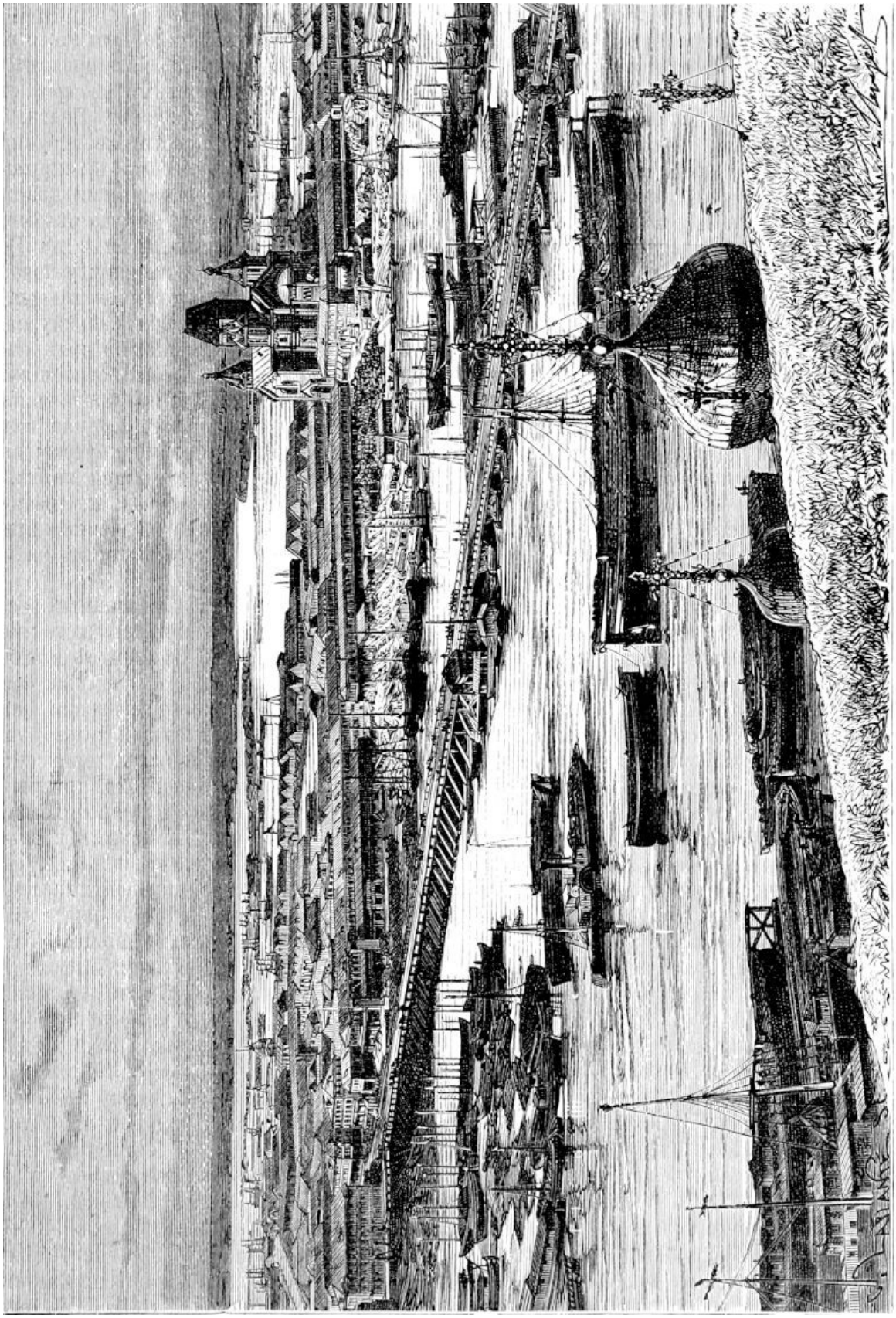
Торговля,—более, чем оружие,—придала некоторую связь разноплеменным населениям, занимающим среднюю область Поволжья; именно по причине смешения различных народностей, живших каждая особняком и не имеющих одна с другой постоянных сношений, нужно было найти общую почву, такое место, где они могли бы собираться для взаимного обмена своих произведений. Знаменитая ярмарка, происходящая ныне в Нижнем Новгороде и важнейшая во всей России и даже в целом свете, часто меняла место своего пребывания: она была таким же кочевником, как многие из народов, приходивших на нее обменивать свои товары. Народные предания и летописи говорят нам, что при начале русской истории главным местом собрания торговых людей была столица Болгарского царства, на берегах Волги, ниже впадения в нее Камы: в половине девятого столетия арабы, персы, армяне, даже индусы встречались там, для торгового обмена, с жителями Запада. Разрушение Болгарского царства переместило центр ярмарочной торговли, и Казань, резиденция татарских

1 Буслаев, „Исторические очерки русской народной словесности и искусства“.

2 В 1893 г. во Владимирской губ. насчитывалось 1.137 фабрик, с 115.538 рабочими и производством на 145 милл. руб. *Ред.*

3 Максимов, „Бродячая Русь“; Семенов, „Отечествоведение“.

князей, сделалась сборным пунктом европейских и азиатских купцов: казанские татары-разносчики, продающие мыло и халаты, до сих пор известны в России под именем «бухарцев». Перемена власти вызвала в третий раз перемещение главного рынка: после завоевания



Нижній Новгородъ.—Ярмарочное поле. Видъ съ праваго берега Оки.

Казанского царства при Иване Грозном, сборище для торга образовалось близ Макарьева монастыря, расположенного на левом берегу Волги, верстах в 70 ниже Нижнего Новгорода. Сначала сюда стекалось летом, в день св. Макария, большое число богомольцев; окрестные

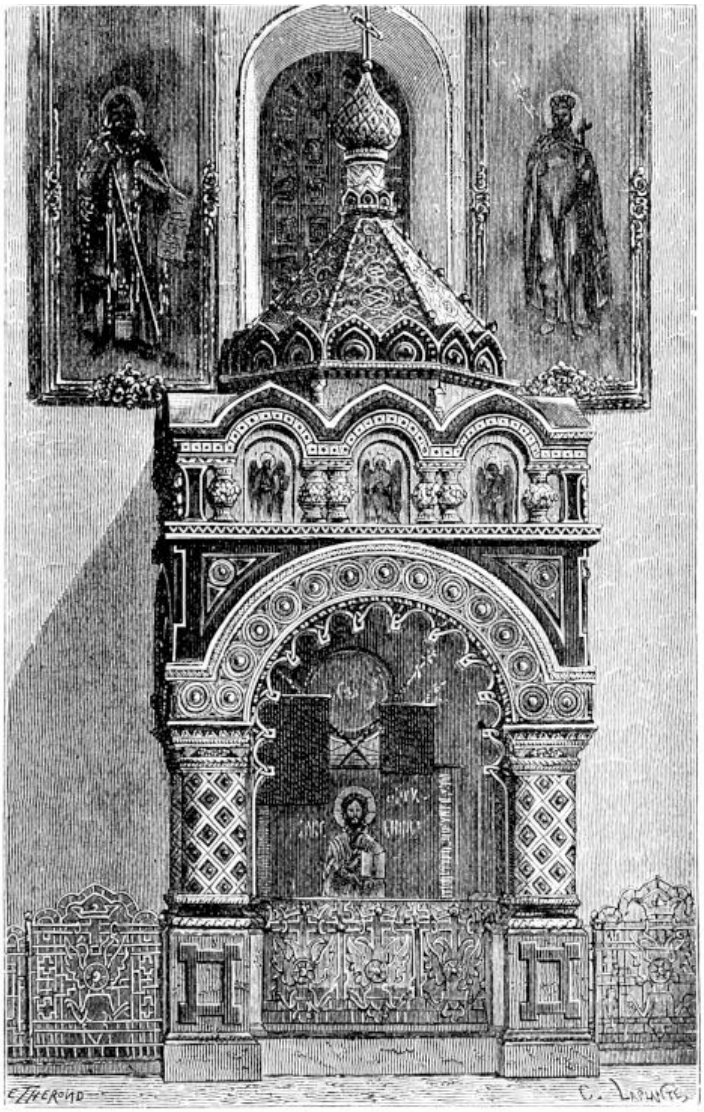
жители завели торговлю мелочами, которая постепенно расширялась; выгодный сбыт товаров привлек сюда, с первой половины семнадцатого века, много купцов русских и азиатских, и таким образом устроилась Макарьевская ярмарка, обороты которой постоянно увеличивались; до Петра Великого все доходы от сбора за помещение и торговой пошлины поступали в пользу монастыря. Однако, ярмарочное поле, удаленное от больших городов, расположенное в местности, затопляемой водою и окруженной сыпучими песками, затруднявшими подвоз товаров, представляло большие неудобства, и когда в 1816 году ярмарочные строения были истреблены пожаром, правительство воспользовалось этим случаем, чтобы перевести ярмарку в Нижний Новгород, занимающий столь выгодное положение при слиянии Волги и Оки, в точке пересечения торговых трактов прикаспийской России. Это, так сказать, авангард западного мира, стоящий в виду азиятских населений.

Местоположение, выбранное для этого города (сначала называвшагося «Новгородом Нпзовские земли»), достигает в высшей своей точке 300 футов над уровнем Волги. Старинный Кремль, вокруг которого сгруппировались первые дома верхнего города, окружает своими стенами и многочисленными красивыми башнями вершину горы, откуда открывается обширный и великолепный вид на Волгу и её бесконечную луговую сторону; у подошвы горы сливаются две большие, многоводные реки, а на левом берегу Оки раскинулся, на низменной песчаной косе, нижний ярмарочный город, с своими правильными строениями и дорогами, поднимающимися по оврагам на гору к верхнему городу. Часть Кремля занята садами, а далее на востоке по крутому высокому берегу Волги, тянутся аллеи парка. На главной реке еще нет моста, да и через Оку существует только пловучий мост, длиною около версты с четвертью, который на зиму разводится.

Ярмарочный квартал, построенный весь в нынешнем столетии, отличается чисто американской правильностью. В центре этого западного города расположен огромный базар длиною слишком в полторы версты, шириною более версты, разделенный бульваром и состоящий из 60 каменных корпусов с бесчисленными рядами лавок, где товары разложены по роду их и по месту происхождения: прогуливаясь в этом обширном квартале, переходишь последовательно из железного или шерстяного ряда в меховой, панский, суровский, москательный, китайский ряд; из линии Павловских слесарных фабрикантов попадаешь в линии, где продаются александровские или тульские изделия. Большое здание, где даются парадные банкеты, православный собор, армянская церковь, татарская мечеть возвышаются в ярмарочном квартале, который дополняют на востоке обширные амбары для склада рыбы, железа, зерновых хлебов, наполняющие продолговатый остров Оки. Для безопасности от пожара, вся постройка обведена каналом в форме подковы. Но так как каменных корпусов с их 3.000 лавок оказалось недостаточно для вмещения громадного количества товаров, привозимых на Макарьевскую ярмарку, то за каналом, на ярмарочной площади, возведены еще деревянные ряды, в которых заключается до 4.000 лавок и балаганов. Во время ярмарки около 200.000 приезжих прибавляется к постоянному населению Нижнего-Новгорода.В этой массе продавцов, покупателей и посетителей азиаты являются ныне в меньшем числе против прежнего времени, так как теперь почти все торговые сделки производятся чрез посредство коммисионеров; однако, все еще приезжает много грузин, персиян, бухарцев и т. д.

Между разнообразными товарами, привозимыми на Нижегородскую ярмарку, первое место, по количеству и ценности, занимают произведения подмосковных ткацких фабрик: ситцы и другие бумажные ткани, а также шерстяные, пеньковые, льняные; затем следуют металлы и металлические изделия; мехов и кож, галантерейных товаров также продается на много миллионов рублей; но привоз китайских чаев сухим путем через Кяхту, все еще весьма значительный (около ста тысяч цибиков), сильно уменьшился в эти последние годы, по причине больших удобств, которые представляет доставка чая морем из Шанхая и Кантона в Одессу. На долю азиатских товаров, в общем количестве привозимых на Нижегородскую ярмарку, в среднем приходится ценность около 20 миллионов рублей, и эта сумма с каждым годом возрастает. В целом, торговые обороты этого годового рынка постоянно увеличивались

с каждым десятилетием. В половине прошлого столетия сумма проданного товара на Макарьевской ярмарке составляла всего только около полумиллиона рублей; в 1817 году, на первой Нижегородской ярмарке, общая ценность продаж поднялась уже до 15 миллионов рублей; теперь она далеко переходит за сто миллионов (в 1890 году из всего привезенного количества товаров было продано на 174 миллиона; в 1895 году—на 155 с половиной миллионов рублей), и количество непроданных товаров не превышает цифры, какая существовала пятьдесят лет тому назад. Однако, ярмарка, вообще говоря, становится менее оживленной, чем бывала в прежние годы. Дела на ней совершаются теперь быстрее, и всего чаще чрез посредников; но она попрежнему остается рынком-регулятором для всей Европейской России



Гробница Минина въ склепѣ Спасо-Преображенскаго собора.

и даже для части Сибири[1]. Когда Нижний-Новгород перестанет быть передовой станцией на северо-востоке сети русских железных дорог, когда он утратит свою роль обязательного сборного пункта на торговой границе Европы и Азии, ему, вероятно, придется изменить свои привычки, и, чтобы сохранить свое важное значение, он должен будет позаботиться о развитии у себя промышленной деятельности, очень незначительной в настоящее время; впрочем, и теперь уже он имеет судостроительные верфи и металлургические заводы. Нижний-Новгород—главное сборное место «низовых» бурлаков, как Рыбинск центр «верховых», т.е. ходящих вверх по Волге. Бурлаками (слово это значит «бродячие люди») называют работников, которые тянут суда бечевой вверх по течению. Они составляют между собой артели, что, однако, не мешает им быть в полной зависимости от судохозяина, который делает

1 Летом 1896 г. в Нижнем-Новгороде происходила всероссийская промышленная выставка.

артель ответственною за каждого её члена, и приказчик которого часто выбирается в старосты артели. Заработная плата бурлака за труд, продолжающийся от 8 до 16 недель, при плавании вверх по реке, от Астрахани до Нижнего, колеблется между 28 и 40 рублями.

Памятник в виде колонны, воздвигнутый на Кремлевской площади, на вершине высокого мыса, господствующего над слиянием Волги и Оки, и богато украшенная гробница в склепе древнего Спасо-Преображенского собора напоминают нижегородского мясника Кузьму Минина, который призвал в 1611 году отечество на освобождение Москвы, находившейся во власти поляков. Нижний есть также родина критика Добролюбова и механика Кулибина.

Города, посады и села бассейна Оки, имеющие свыше 5.000 жителей (население губ. городов показано по переписи 28 января 1897 г.):

Орловская губерния: Орел—68.575 жит.; Болхов—27.774; Мценск—16.294 жит.

Калужская губерния: Калуга—49.727 жит.; Жиздра—11.792; Боровск—10.419; Медынь—8.140; Козельск—6.894; Сухиничи—6.563; Мещовск—5.059 жит.

Тульская губерния: Тула—111.048 жит.; Белев—9.920; Богородицк—8.086; Ефремов—11.242; Одоев—5.638 жит.

Московская губерния: Москва (1897 г.)—988.610 жит.; Сергиевский пос.—31.413; Коломна—27.439; Серпухов—23.280; Подольск—10.919; Дмитриев—9.531; Клин—5.465; Верея—6.191 жит.

Рязанская губерния: Рязань—33.110 жит.: Касимов—15.914; Скопин—11.025; Егорьевск—7.088; Зарайск—6.169 жит.

Тамбовская губерния: Тамбов—48.134 жит.: Моршанск—22.050; Шацк—7.793; Елатьма—8.471: Кадом—7.388; Темников—6.995; Спасск—7.264 жит.

Пензенская губерния: Мокшан—13.076 жит.; Керенск—12.737; Нижний-Ломов—8.279; Краснослободск—8.418; Верхний-Ломов—7.181; Троицк—6.510; Наровчат—5.157 жит.

Владимирская губерния: Владимир на Клязьме—28.286 жит.; Муром—14.293; Шуя—20.400; Иваново-Вознесенск (97 г.)—35.930; Переяславль Залесский—8.943; Суздаль—8.845; Александров—6.509; Меленки 6.346 жит.

Нижегородская губерния: Нижний-Новгород—98.503 жит.; Арзамас—9.918; Павлово—7.414 жит

XIV. Средняя Волга и Кама.

Губернии Казанская, Вятская, Пермская, Уфимская.

В этой части Волжского бассейна Европа и Азия уже переплетаются своими населениями: рядом с славянами великоруссами живут татары в городах и окрестных селениях, тогда как финские племена занимают наибольшее протяжение лесистых пространств. Расы, слившиеся уже в верхнем бассейне Волги в одну нацию, являются здесь еще разрозненными, отличающимися одна от другой или наружностью, языком и образом жизни, или, по крайней мере, преданиями и некоторыми особенными чертами. Эти иноплеменные народцы, или, как их обыкновенно называют, инородцы, не успели, как западные финны, соединиться в сплоченную нацию. рассеянные на обширных равнинах, отделенные друг от друга великоруссами, без всякой национальной связи, без общих надежд и стремлений, они обречены на полное уединение нравственное и политическое. Единственно через посредство славянского элемента эти остатки старых рас, финнов, угров, тюрков, могут вступать во взаимные сношения и идти вперед по пути цивилизации.

Исследования, историков выяснили тот замечательный факт, что русское влияние на эти азиатские населения имело две главные исходные точки, на юге и на севере. С южной стороны, русские торговые люди, спускаясь по Оке, собирались в большом числе в столице Вели-

ких Болгарах, которую арабские писатели причисляют даже в десятом столетии к городам восточно-славянского государства. Различные предметы китайского и индийскаго происхождения, открываемые там и сям в древней Биармии, также как монеты пятого, шестого и седьмого века, сассанидские, индо-бактрийские, арабские, византийские, англо-саксонские, находимые вокруг древних торговых городов, свидетельствуют об обширной торговле, которая производилась тогда в этих странах. Постоянные посещения славянских купцов, а также экспедиции русских разбойников, которые пробирались по Волге до Каспийского моря[1], естественно должны были внести некоторые славянские элементы в этот восточный мир; но это влияние прекратилось в тринадцатом столетии, в эпоху татарских нашествий, которые оттеснили русских к западу. С северной стороны, этнографическое давление русских не останавливалось. Новгородцы, колонизовавшие берега Северной Двины и её верхних притоков, проникли затем этим же путем в бассейн верхней Камы и в долины Урала, куда они ходили на поиски соли, шкур, пушных зверей, «закамскаго» серебра. Даже когда москвитяне овладели реками и волоками, которыми следовали новгородские купцы, они должны были делать большой обход через Великий Устюг и по течению реки Вычегды, чтобы попасть в бассейн верхней Камы; до времен Петра Великого дела Пермской области были поручены «Новгородскому приказу», учрежденному в Москве, и военные походы производились либо через долину Вычегды, либо даже через долину Печоры: нижняя Кама катила свои воды по землям, занятым чувашами и башкирами. Обрусение туземных племен в этих странах началось лишь после взятия Казани, во второй половине шестнадцатого столетия; но еще и в наши дни русский элемент гораздо сильнее представлен в бассейне верхней Камы. Таким образом, финно-татарские народцы окружены кольцом русских, которое окончательно сомкнулось в восемнадцатом столетии, когда славяне овладели также юго-восточными степями и тем положили конец иммиграции из степных пространств, усиливавшей татарский элемент. Впрочем, обмены верований и нравов между русскими и инородцами были очень многочисленны, и многие обычаи восточных славян не могут быть объяснены ни чем иным, как только примером их соседей, магометанских и буддистских[2].

Мордва, или мордвины, может быть, даже составляют остаток одного из древних исторических народцев России, если позволительно видеть в них аорзов Птоломея, союзников царя Митридата: по крайней мере, одно из их главных племен до сих пор сохранило это название («эрзян»). Под нынешним их наименованием, мордвины упоминаются византийскими писателями, как многочисленный и независимый народ, и они часто одерживали верх над русскими, даже в правильных сражениях. Покоренные отчасти с четырнадцатого века, они после того часто подвергались нападениям со стороны ногайцев и калмыков, как подданные Московского государства, и были окончательно подчинены русскому господству только за триста лет до нашей эпохи. Мордва занимает еще, не сплошными массами, а островами и архипелагами, весь средний бассейн Волги от склонов Уральского хребта до истоков Оки; судя по географическим названиям мест, нужно заключить, что в старину это племя владело всей этой обширной территорией; но в настоящее время в некоторых губерниях мордвины составляют не более двадцатой или даже сотой доли населения; они образуют один из значительных элементов сельского населения только в соседстве Волги, преимущественно в губерниях Симбирской, Пензенской, Самарской и Нижегородской. Кеппен насчитывал всей мордвы только 400.000 душ[3], но можно безошибочно исчислить общее количество этого финского народца в 800.000 душ, даже в миллион душ, по Майнову[4], особенно если присчитать тех, весьма многочисленных представителей этого племени, которые по языку, религии, нравам совершенно отатарились. Так, например, мордвины, которых называют тюркским именем «каратай», сделались настоящими татарами, ничем неотличающимися от коренных татар.

1 Забелин, „История русской жизни".

2 „Пермский Сборник", I; Мозель, „Материалы для статистики и географии России. Пермская губерния"; С. В. Ешевский, „Русская колонизация Северовосточпого края", „Вестник Европы", 1866 г., I.

3 „Russlands gesammte Bevolkerung", 1838.

4 „Слово", 1879 г., № VI;—Майков, „Результаты антропологических исследований у мордвы-ерзи", 1883.

По Семенову[1], мордва распределена по губерниям следующим образом:

В Симбирской—110.000 душ; в Пензенской—125.000 душ; в Самарской—140.000 душ; в Нижегородской—110.000 душ; в Саратовской—94.000 душ; в Оренбургской—100.000 душ; в Тамбовской—50.000; в Казанской—15.000 душ.

Между восточными финнами России мордва наидалее выдвинулась к западу, где она перемешана с русским населением; оттого она во многих местах почти совершенно обрусела. Почти все мордвины сделались «православными»; в прежния времена правительство раздавало их в крепостное состояние помещикам, которые обязывались обращать этих инородцев в христианскую веру. Главная масса мордвинов приняла крещение в царствование Елизаветы Петровны, которая велела выдавать каждому новообращенному по рублю деньгами и по три образа и, если верить самим мордвинам, даровала им, сверх того, свободу от податей и воинской повинности. С начала нынешнего столетия большое число мордвинов разучилось говорить на своем родном языке[2]; есть между ними даже такие, которые нисколько на отличаются по одежде, и мужчин легко можно смешать с русскими мужиками; но женщины лучше сохраняют первоначальный тип и костюм. Западная мордва или мокша, мокшаны, отличные земледельцы, все более и более теряется в массе славянской народности, подобно тому, как потерялась меря, жившая в нынешних губерниях Владимирской и Московской; всего лучше сохранило свой тип племя «эрзя», в Пензенской и Симбирской губерниях. В смешанных селениях русские дети говорят по-мордовски с своими финскими товарищами; но, выростая, они привыкают мало-по-малу говорить природным языком, который есть в то же время язык цивилизации[3]. Смертность между мордовскими детьми очень велика; но превышает ли она смертность в русских семьях окружающего их населения?

Мордвины имеют вообще черные или темнорусые волосы, но глаза у них голубые, маленькие, наискось прорезанные. Роста они высокого, телосложения сильного, мускулистого, средний вес тела без малого пять пудов[4]. Растительность на подбородке довольно скудная, и всегда можно узнать с первого взгляда по густоте и длине бороды, до какой степени туземцы уже обрусели от смешения со славянской расой. Что касается одежды, то она чрезвычайно разнообразна, смотря по местностям; но большое число представителей этого племени живет еще, так сказать, в бронзовом веке, если судить по медным украшениям, которые они носят по обе стороны лица и на груди. Мордовки покрывают себе голову, уши, шею, руки всякого рода украшениями до заячьих хвостов и медвежьих зубов включительно, но все-таки преобладают монеты. Повязки, поясы, нагрудники, украшенные, подобно мордовским уборам, медалями, бронзовыми пуговицами, монетами, встречаются также у крестьян западных уездов Орловской губернии, на границе Черниговской, почти в 600 верстах от Мордовской земли: в этом сходстве костюма усматривают признак общности племенного происхождения.

Крещение не помешало мордве сохранить свою древнюю языческую мифологию, которую она прилаживает, как умеет, к учениям и обрядам христианской веры. Главный мордовский бог, Пас, или «бог богов», который в то же время означает солнце, имеет сына, называемого Иничи (культ последнего смешивается мордвинами с поклонением Иисусу Христу), и мать Озаку (в ней они видят Пресвятую Деву Марию); затем следуют другие, второстепенные божества, «мать-земля», Николай-угодник и все специальные святые, управляющие полевыми работами, пекущиеся об урожаях и о домашних животных. «Мордвины лучше нас умеют молиться», говорят русские, «их боги лучше внимают их молитвам». На самом деле это происходит оттого, что мордовские крестьяне обработывают поля и ухаживают за скотом с большими заботливостью и старанием, чем их славянские соседи[5]. Когда Никола-

1 Выше цитированное сочинение.

2 У русских существует поговорка: „у мордвы две морды (т.е. два языка), а шкура одна". *Прим.перев.*

3 Липинский, „Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния".

4 Майнов, „Известия Русского Географ. Общества", 1878 г., № 1.

5 Липинский, „Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния".

угодник исполнил свою обязанность, ниспослав хороший урожай, мордвины награждают его, помазав ему рот коровьим маслом или сметаной; если же они недовольны угодником, то запирают его в гумно или повертывают лицом к стене[1]. От язычества же остались у них некоторые годовые праздники, называемые «молянами».

Может быть, во всем свете нет народа, который бы символизировал более драматическим образом свою веру в продолжение жизни за гробом и в то же время свой страх злых дел со стороны усопшего. У племени мокша существует поверье, что покойник, тело которого они кладут на землю, в том месте, где будет вырыта его могила, посещает свой дом в продолжение сорока дней; он приходит всегда в один и тот же час и моется под окном из посуды, которую нарочно ставят для него с чистой водой. В сороковой день семья покойного отправляется на могилу и зовет его: «Останься еще с нами! Приходи есть пищу, которую мы тебе приготовили. Потом ты можешь упокоиться». И мертвец действительно приходит; по крайней мере, является тот из его друзей, который всего более походит на него и который оделся в его платье, принимает выражение его лица, старается подражать его голосу. Он входит в дом. «Не ешь нас!» вопят домочадцы; «возьми, что мы тебе дадим». Он принимает хлеб-соль и пьет, вместе с присутствующими, кровь барана, недавно зарезанного. Только вечером покойник возвращается на кладбище, в сопровождении своих родных, которые несут зажженные восковые свечи; он опять наполняет рот бараньей кровью, произносит таинственные слова благословения на домашних животных и ложится на могилу. Его покрывают белым саваном, который тотчас же снимается: мистерия совершилась, душа умершего схвачена в кусок теста, и с этой минуты покойник может войти в «пчельник матери-земли», один из трех «пчельников», на которые разделена вселенная[2]. Идеал мордвы—мир пчел, где все делается в определенном порядке.

Черемисы, число которых определяют различно, от 200.000 до 260.000 душ, известны только под этим оскорбительным наименованием, татарского происхождения, означающим «злые» или «негодяи», может быть, также «воины». Сами себя они называют «мори» или «мари», то-есть «люди»: может быть, таково же значение имени древнего суздальского народа «меря»[3]. В отдаленные времена черемисы занимали большую часть территории, простирающейся по обе стороны Волги и Камы, между низовьем Суры и устьем Вятки, и, вероятно, составляли часть большой болгарской нации[4]. Но уже в тринадцатом столетии новгородцы основали в их стране укрепленную факторию, и это начало колонизации послужило исходной точкой постоянных войн между аборигенами и завоевателями различной расы, с одной стороны—славянами, с другой—татарами. Черемисы не всегда бывали побежденными в этой вековой борьбе; даже в половине семнадцатого столетия они успели прервать всякое сообщение между Нижним Новгородом и Казанью[5]. В настоящее время эти инородцы, разделенные славянскими поселенцами на острова различного населения, после того, как они были окончательно покорены в конце семнадцатого века, не имеют более этнографической связи, исключая тех из них, которые живут на левом берегу Волги, ниже Ветлуги, до окрестностей Казани. «Луговые» черемисы (обитающие на луговой стороне Поволжья) легче могли сохранить свои древние нравы и обычаи, чем их единоплеменники противоположного берега, «горные» черемисы, названные так потому, что земля их ограничена нагорным берегом Волги. Эти последние, окруженные со всех сторон русскими, почти везде утратили свою национальную индивидуальность и все более и более сливаются с расой их новых властителей: они вообще благообразны, сложены стройно и крепко, честны, трудолюбивы. Женщины больше мужчин противятся перемене; но когда переворот, наконец, совершается, то он обыкновенно бывает внезапен; от традиционного костюма они вдруг переходят к одежде

1 Липинский, цитированное сочинение; Майнов, „Древняя и Новая Россия", 1878 г. № 10.
2 Майнов, там же.
3 Кастрен, „Die Altaischen Volker".
4 Кастрен, цитированное сочинение.
5 Народы России, „Мордва и Черемисы".

русских женщин[1].

У луговых черемис финский тип отличается еще довольно явственно от типа русских: они темнее кожей, смуглее лицом; нос у них вздернутый или приплюснутый, скулы сильно выдающиеся, глаза узкие и косолежащие, борода редкая. Вообще, черемиски, уже и без того очень некрасивые на взгляд их русских соседей, еще обезображены, как и суоми, жители Финляндии, болезнью глаз, подслеповатостью, причиняемой дымом печей (печи у черемисов без труб, так что дым выходит через двери и окна, покрывая стены избы толстым слоем сажи). Черемисы плохие земледельцы: находясь в переходном состоянии—между кочевым и оседлым образом жизни, они предпочитают добывать себе пропитание охотой, рыбной ловлей, скотоводством; впрочем, их оригинальная цивилизация совершенно утрачена: теперь они если научаются чему-нибудь, то не иначе, как через посредство русских. Встарину знаки, делаемые на палках, нечто в роде грубых рун, служили им письменами; они уверяют, кроме того, что будто бы у них существовали некогда писаные книги, «которые были сожраны большой коровой» (?)[2]. Но они сохранили некоторые из своих искусств, по части тканья, окраски и орнаментации тканей, и все еще носят свой костюм, замечательный в особенности обилием медных и серебряных блях и кожаных бахромок; женщины надевают на голову высокую остроконечную кичку, вышитую крупным бисером с кистями и оканчивающуюся сзади шлыком с украшениями из кожи и металла; кроме того, они носят нагрудник, простой или двойной, увешанный монетами, побрякушками, медными бляхами, которые составляют в одно и то же время украшения и амулеты; «нумизмат,—замечает А. Рамбо по поводу этого наряда,—сделал бы, может быть, немаловажные открытия в этих ходячих мюнцкабинетах».

Брак у черемис—действительное похищение жены, а не одно только подобие увоза, как у других их родичей; жених по-настоящему ворует невесту, и родители почти всегда не знают о том, что замышляется; часто даже сама девушка не бывает предуведомлена молодым человеком о предположенном похищении. Поэтому, свадьба справляется сначала только в семье мужа; уговор на счет приданого и общие для обоих семейств празднества делаются лишь через несколько недель после бегства. Впрочем, редко случается, чтобы стороны не поладили; Кузнецов говорит, что в Вятской губернии ему известен только один случай, когда отец-черемис, возмущенный похищением его дочери, протестовал судебным порядком против этого насилия[3]. У черемис-язычников развод устраивается очень легко, после очень простой церемонии. Несогласных супругов приводят пред лицо старейшин общины и связывают их спиной к спине, при помощи крепкой веревки; один из стариков берет нож, рассекает брачные узы, и освобожденные супруги убегают в разные стороны.

Черемисы, убежденные, что умерший переходит в лучшую жизнь, никогда не оплакивают своих близких, похищенных смертью. Зарывая покойника в могилу, они всовывают ему в одну руку палку, чтобы ему было чем на том свете отгонять змей, а в другую—несколько монет, чтобы он мог заплатить за «мать сыру землю»; кроме того, они кладут с покойником тютюн и оставляют в гробу маленькое отверстие, для того, чтобы усопший мог по временам бросить взгляд на покинутый им мир. В сороковой день после похорон делают визит покойнику, и все пляшут вокруг могилы[4]. Впрочем, нужно сказать, что в тех местностях и русские, почти такие же язычники, как черемисы, сохранили некоторые древние погребальные обряды; так, например, они пекут в честь своих покойников маленькие пирожки в форме лесенок, служащие символическим образом ступеней, по которым душа должна восходить, чтобы подняться на небо. В прежнее время бросали в могилу настоящие лестницы и когти животных, чтобы таким образом облегчить усопшему трудную работу восхождения на небо. До сего дня у некоторых раскольничьих сект существует обычай оставлять отверстия в могилах, чтобы можно было класть туда приношения умершему, состоящие из разных яств;

1 Mackenzie Wallace, „Russia".

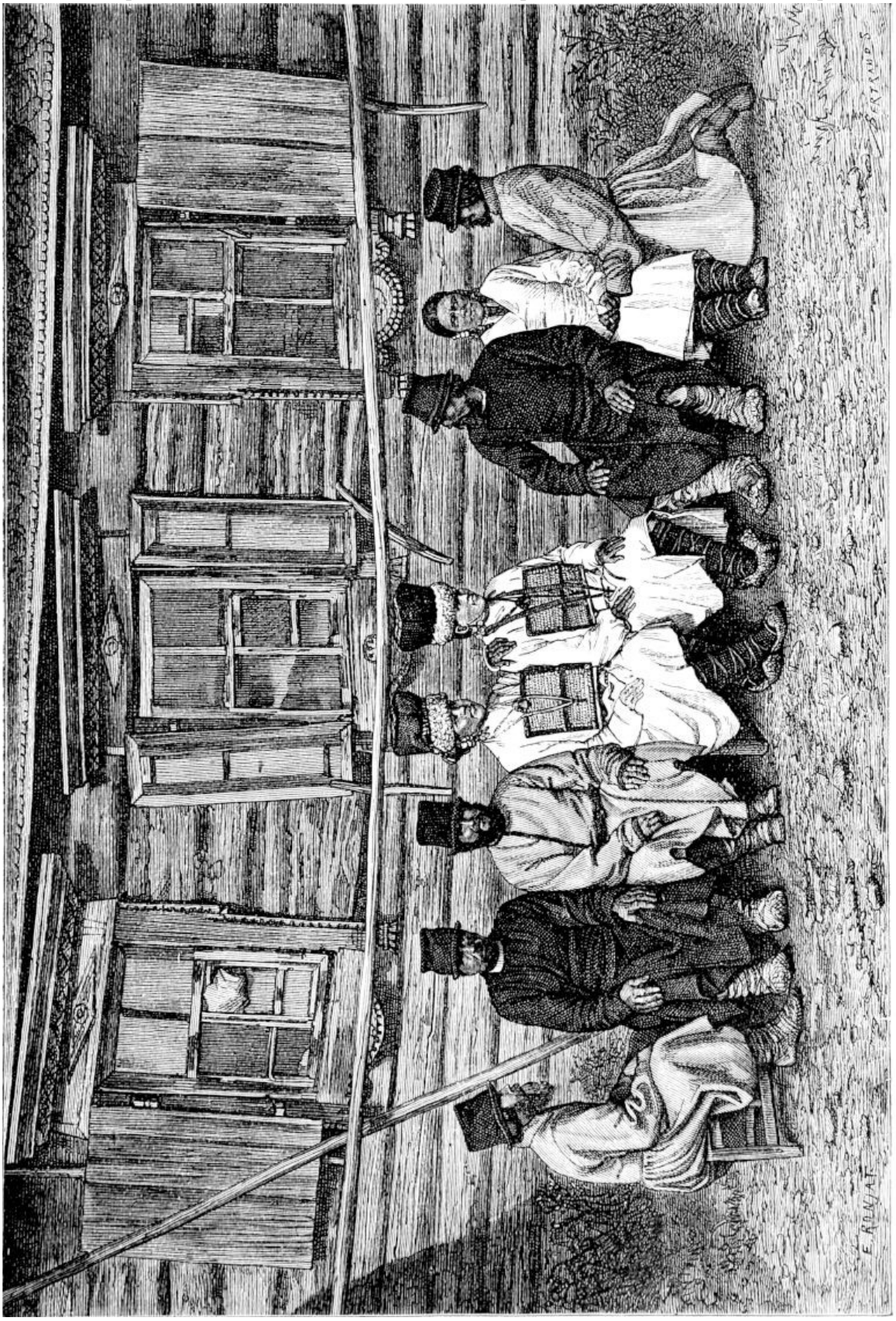
2 Paris, „Traduction de la Chronique de Nestor".

3 Ст. Кузнецов, „Очерки из быта черемис", „Древняя и Новая Россия", 1877 г., №8.

4 Мозель, „Пермская губерния".

углубления в форме чаш, выдолбленные в могильных камнях Скандинавии и Индии, имели, вероятно, подобное же назначение[1].

Религия черемис очень любопытна, так как первоначальная основа их верований под-



Черемисы Симбирской губерніи

верглась троякому влиянию: русского христианства, татарского магометанства и монгольского шаманства; для них, по выражению Лаптева, «семьдесят-семь религий семидесяти-

1 Майнов, „Слово", 1879 года, № 10.

семи народов» Российской Империи одинаково хороши[1]. Они называют себя «православными», хотя православие их ограничивается тем, что они справляют русские праздники приличными попойками, почитают Николая-угодника и других святых под именем Юмы или «бога», даже делают приношения Казанской Божией Матери[2]; но если бы властителями страны были татары, то черемисы с таким же правом могли бы именовать себя мусульманами, так как Магомет у них тоже считается пророком. И действительно, бывали случаи, что черемисы целыми селениями переходили в магометанство, не пугаясь строгой кары закона, который грозит каторжными работами за отпадение от православной веры. Однако, древние языческие божества все еще сохраняются: великий Юма, бог неба, и боги ветров, рек, льда, скота и даже деревьев. В Костромской губернии, близ деревни Адошнур, существовала священная береза, на поклонение которой черемисы ходили толпой еще в 1843 году. Когда ветер обламывал ветку с верхушки этого дерева и переносил ее на соседнее поле, то владелец последнего обязан был уродившийся на ниве хлеб оставлять на съедение птицам небесным[3]. Черемисы, особенно некрещеные, живущие в Пермской губернии, покланяются также огню и просят его перенести их молитвы Всевышнему: таким образом, мы находим у них религиозные обряды первых арийцев. Главное место в их молитвах занимает божество, которого они всего более боятся,—Кереметь, самый злой дух, виновник всех бед, какие с ними случаются: ему-то предназначаются отборные домашния животные при жертвоприношениях, ибо чтобы отвратить гнев этого грозного божества, чтобы умилостивить его, надо, по их понятиям, давать ему в изобилии все нужное для утоления его голода и жажды, а также доставлять ему коней для его путешествий. Во время торжественных жертвоприношений, карты, или наследственные жрецы, иногда закалывают по 80 лошадей, 50 коров, 100 других голов крупного рогатого скота, 150 баранов, 300 уток[4]. Белых коней приносят в жертву также на могилах людей богатых или пользовавшихся уважением за их добродетели[5]. Для жертвоприношений выбирают какую-нибудь липовую или березовую рощу, удаленную от славянских поселений: в этом священном месте ни один верующий не может явиться в русской одежде и не должно быть произнесено ни одно слово из языка господствующего народа. Женщины не допускаются в священную ограду, но они стараются подсмотреть издали, сквозь чащу деревьев, обряды жертвоприношения, совершаемого среди волнующейся толпы. Один из самых любопытных праздников у черемис—это так называемый Сорок-иол, или праздник «овечьей ноги», соответствующий святкам и представляющий празднество и религиозное, и общественное. Восседая за столом, уставленным яствами и питиями, карт олицетворяет собою в одно и то же время народ, верующих и божество, выслушивающее его просьбы. Он молит о даровании здоровья, об изобилии пива, хлеба, пчел, скота, денег, а также благополучного сбыта продуктов,—такого, чтобы «удалось продать их в три-дорога»; затем, в качестве бога, он удовлетворяет все эти молитвы: «даю! даю!» восклицает жрец. После того собравшиеся на празднество осмеивают русских оффициальных лиц, чиновников, попов, судей, офицеров[6].

Самые ближние соседи черемисского народа—чуваши. Это племя, название которого означает, как говорят, «жителей вод», довольно многочисленно в Казанской губернии, где оно составляет почти четверть населения; кроме того, оно рассеяно небольшими группами в соседних губерниях, Симбирской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Пермской. Общее число этих инородцев определяют различно—от полумиллиона до семисот тысяч. Это, может быть, тот самый народ, который упоминается у арабских географов под именем «буртасов», оттесненных на север татарско-монгольским нашествием тринадцатого века; впрочем, различные ученые признают их за мордву. По внешнему их виду (все чуваши среднего роста,

1 Лаптев, „Казанская губерния".
2 Makenzie, Wallace, „Russia"; Кузнецов, выше цитированная статья.
3 Максимов, „Древняя и Новая Россия", 1876 г. № 6.
4 „Народы России", живописный альбом. Издание Картографического Заведения А. А. Ильина.
5 Николай Тургенев, „La Russie et les Russes".
6 Кузнецов, см. выше.

со смуглыми лицами, немного выдающимися скулами, темными волосами, черными глазами, глядящими из узко прорезанных ресниц и из-под узенького лба), а также по небольшой части их словаря, исчисляемой в тысячу слов, и по некоторым их обычаям, они должны быть причислены к финскому племени, но по языку большое число из них сделались татарами, и эти последние называют их в своих песнях «братьями»[1]; тем не менее они еще имеют свой собственный язык, и с 1839 г. правительство, следуя в отношении восточных инородческих населений иной политике, чем в отношении западных подданных, дозволило преподавание чувашского языка в местных школах; даже ранее этой эпохи для них была напечатана, на их языке, целая духовная литература. Племя это подвергалось смешению с различными народами, последовательно покорявшими край, и, вероятно, приняло в себя остатки болгар, побежденных татарами в тринадцатом столетии. Чуваши—смышленые, трудолюбивые, отличные земледельцы и гораздо лучше обрабатывают свои поля, чем все их соседи, черемисы, татары, мордва и русские. Большинство чувашей одевается по-русски, и, за исключением нескольких сот душ, все они обращены в христианство уже слишком полтораста лет тому назад; но, подобно черемисам, они сохранили еще многие магометанские и языческие обряды и поверья; например, они не едят свиного мяса и еще недавно приносили своему древнему богу Тору жертвы, состоящие, впрочем, не из живых лошадей, как у черемис, а из грубо сделанных глиняных изображений этого животного: так измельчало древнее язычество. Чуваши, ростом ниже татар и по большей части жалкия на вид, голодные существа, так сказать, убегают перед русским; они живут среди лесов, в самых глухих, удаленных деревушках. Песни их проникнуты тихой грустью, как песни народа умирающего. Еще недавно чувашин, желая отомстить соседу за какую-нибудь кровную обиду, не задумывался повеситься у него на воротах[2], чтобы своей смертью накликать на него то, что они называют «сухой бедой», то-есть посещение следователей,—заставить соперника тягаться с судом и посидеть в тюрьме. Говорят также, будто чуваши не упускают случая надуть русского—не из алчности, а просто, чтобы насолить своим исконным врагам[3].

Из всех не-славянских рас, населяющих оба берега средней Волги, татарам удалось лучше прочих сохранить свое существование. Они не боятся жить в городах рядом с русскими, и во многих селениях составляют с русскими крестьянами одну мирную общину, имеющую одного и того же старосту и обсуждающую дела на одном и том же сходе, хотя обе народности разделены непереходимой преградой религиозных верований и обычаев. Если бы культ Магомета занимал в русском государстве такое же привилегированное положение, как религия Христа, финские населения страны, вероятно, обратились бы по большей части в магометанство, как это и сделали многие чуваши. Случалось, что татарские деревни, которые официально считались христианскими со времени насильственных обращений, применявшихся в восемнадцатом столетии, отпадали от церкви или отказывались принимать русских священников: благодаря своему религиозному образованию, которое, пожалуй, не уступает образованию православных миссионеров, они с упорством противятся христианской пропаганде[4]. Впрочем, татары не стараются создавать прозелитов: они держатся только в оборонительном положении, и дети их все без исключения посещают школы, где им преподают предписания Корана. До недавнего времени эти школы (медрессе), помещающиеся обыкновенно рядом с мечетью, имели почти исключительно религиозный характер; дети, хотя говорящие дома нечистым турецким наречием, употребляемым татарами, учились в школе читать и декламировать на арабском языке, более или менее классическом, на котором составлены их молитвы и учебники: только в 1772 году Радлов ввел в казанских школах руководства и элементарные книги, написанные им на местном татарском наречии[5].

1 J. G. Kohl, „Die Volker Europaš".
2 Alfred Ramband; Лаптев, „Казанская губерния".
3 Лаптев, то же сочинение..
4 Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. синода за 1875 год.
5 L. Leger, „Etudes slaves".

Казанские татары, пришедшие в начале тринадцатого столетия с монгольскими ханами, но очень мало смешанные с племенами их вождей, судя по чистоте их типа, происходят от кипчаков Золотой Орды. Со времени их прибытия в край они несомненно увеличились в числе: в 1870 году их было более миллиона, в настоящее же время их насчитывают по меньшей мере до миллиона двух сот тысяч душ, и из этого числа около половины приходится на Казанскую губернию. В 1870 году общее число казанских татар (1.050.000 душ) по губерниям было распределено следующим образом:

В Казанской—450.000 душ; в Уфимской—101.000; в Самарской—100.000; в Вятской—94.000; в Саратовской—55.000; в Пензенской—55.000; в Нижегородской—34.000; в Пермской—24.000; в Оренбургской—20.000; в Тамбовской—19.000; в других губерниях—10.000 душ.

Казанские татары приняли в себя некоторое число древних болгар и доныне часто называют сами себя «булгарлыками». Отличаясь от татар астраханских, крымских и литовских, которые принадлежат к другим отраслям тюркской расы, они вообще среднего роста, широкоплечи, крепкого телосложения; лицо у них красивой овальной формы, нос прямой, тонкий, красиво выгнутый, глаза черные, живые, острые, скулы немного выдающиеся, борода черная, редкая, шея толстая и короткая; голову они всегда бреют, отчего их прямые уши кажутся более длинными, чем на самом деле. Женщины имеют обыкновение белиться и румяниться, но они все более и более принимают русские моды. Татарки бедных семейств свободно выходят на улицу, с полуоткрытым лицом, а жены богатых татар ездят иногда в русский театр, в Нижний на ярмарку и в столицы, присутствуют на публичных увеселениях. Многоженство все еще существует, брак не перестал быть покупкой жены, и в брачных договорах, в составлении которых жених и невеста не участвуют, постоянно упоминается цифра калыма, уплачиваемого за молодую девушку. Однако, число татар-многоженцев понемногу уменьшается: если религии остаются разные, то, по крайней мере, нравы постепенно сближаются. По роду занятий, татары все более и более уподобляются русским, хотя они отличаются от последних тем, что лучше обращаются со своими женами; последние не занимаются тяжелыми полевыми работами[1]. Многие татары имеют в Казани значительныя фабрики (казанские мыльные заводы известны целой России; татарские мануфактуры кумачей и бумажных тканей производят большие обороты); другие делаются ремесленниками, половыми в гостиницах и ресторанах; еще гораздо большее число занимается торговлей, в особенности разносной, и извозным промыслом (перевозкой товаров). Некоторые отрасли отпускной торговли, например, торговля хлебом, солью, кожами (выделка кож—тоже любимый татарский промысел), соленой рыбой были почти монополизированы ими; в качестве толмачей, они служат естественными посредниками между русскими промышленниками и магометанскими покупателями, приезжающими в Казань и Нижний-Новгород из Бухары, Хивы, Персии[2].

В бассейне Камы население не менее разнообразно, чем на берегах средней Волги. В одной только Вятской губернии, которую местами ограничивает на западе река Вятка, приток Камы, насчитывают с десяток различных народностей, не считая евреев-торговцев, цыган и колонистов польских и немецких. Правда, великорусский элемент много превышает численностью все другие; но этим превосходством он, без сомнения, обязан отчасти обрусению туземцев, которые становятся «русскими» вследствие постепенной культуры.

Зыряне или «отверженные» (?), преобладающий этнографический элемент в верхних бассейнах Печоры и Вычегды, также представляют многочисленные группы на берегах верхней Камы и её притоков; но главную основу туземного населения этих стран составляют их единоплеменники, пермяки. Зыряне и пермяки, говорящие почти одним и тем же языком и совершенно сходные по наружному виду, суть потомки древних биармийцев, которые вели

1 Лаптев, цитированное сочинение.

2 L. Leger, „Etudes slaves".

торговлю с норманнами через Белое море. Они тоже называют себя «Коми-Морт»[1], то-есть «камским народом», и образуют, вместе с вотяками, особую группу между финскими племенами. Их название «пермяки» означает, как говорят, «горцы» и происходит от слова «парма», применяемого, на всей северной покатости, к лесистым горам и плоскогорьям. Определения их численности представляют большое разногласие, зависящее главным образом оттого, что племя это почти совершенно обрусело, так что очень трудно провести точную разграничительную линию между пермяком и русским: впрочем, можно составить себе понятие о неведении, в котором еще пребывает сама администрация относительно тех и других, по тому курьезному факту, что Соликамское земство недавно открыло в крае целую местность, жители которой оставались до сих пор совершенно неизвестными правительству и никогда не были ничьими подданными[2]. По исчислению Риттиха, финских инородцев, принадлежащих к биармийской или пермской расе, судя по крайней мере по их обыденному языку, было немногим более 66.000 в 1875 году, на обоих склонах Уральского хребта; число их, вероятно, увеличилось несколькими тысячами с половины текущего столетия. Словарь их очень беден, и для близких между собою понятий они принуждены употреблять одно и то же выражение. По этой причине они заимствовали много слов из русского языка, но переделав их на свой лад, так как в их азбуке недостает многих букв, нужных для передачи русских звуков. Впрочем, все пермяки говорят по-русски, хотя и плохо; по языку, так же, как по нравам, обычаям, образу жизни, приемам земледелия, они все более и более приближаются к великорусским поселенцам. Что касается их религии, то оффициально она та же самая, как и у их соседей, русских, уже с конца четырнадцатого столетия (просветителем их был св. Стефан, епископ пермский, умерший в 1396 г.); они даже соблюдают строго посты и читают молитву Господню. Пермяки совершенно оставили свой древний культ «Золотой бабы», божества, вероятно, подобного тому, которому, по рассказу барона Герберштейна, покланялись некогда вогулы на берегах Оби; но они разделяют все суеверия русских на счет духов и привидений; пуще всего боятся они злых проделок домовых и чертей, порчи, дурного глаза, колдовства, священных фраз, приносимых ветром, проклятых комков земли, бросаемых на их дороге[3]. Культ печки, столь же естественный в холодных областях Севера, как культ солнца в южных странах, сохранился до сего дня у пермяков: приятная теплота, испускаемая печью и поддерживающая жизнь обитателей избы впродолжении длинной, суровой зимы, осталась для них, как она была встарину для всего населения страны, одним из главных божеств. Пермяк, которому выпал жребий идти в солдаты и который отправляется на службу в армию, на прощаньи, обняв всех родных, отвешивает низкий поклон домашнему очагу. В дни поминок пермяки приносят на могилки горячия яства, потому что покойники, говорят они, любят вкушать парные блюда; кроме того, им льют пиво через трещины в земле и потчуют их, как потчивали при жизни. Говорят, что недавно такой же обычай существовал и у тамошних русских[4]. До освобождения крестьян, почти все пермяки были крепостные Строгоновых и других богатых уральских помещиков купеческого происхождения; только небольшое число их принадлежало короне. Может быть, этой продолжительной крепостной зависимости и следует приписать крайнюю беспорядочность их нравов.

Гораздо более многочисленны, чем пермяки, их родичи вотяки, или воть, живущие главным образом в бассейне реки Вятки, которая, вероятно, им обязана и своим именем; Флоринский насчитывал их более 250.000 душ в 1874 году. Число их, повидимому, не уменьшилось с той эпохи, когда в край прибыли первые русские поселенцы; но, по их преданиям, они когда-то давно были оттеснены к северу. Искусные и неутомимые земледельцы, вотяки распахивают плодородные и хорошо защищенные лощины по берегам рек, занимаются разведением скота, содержат многочисленные ульи пчел (вотяцкия борти дают отличный мед,

1 Кастрен, „Die altaischen Volker".
2 „Russische Zemstwo und Baltische Selbsverwaltung".
3 В. Лядов, „Европейская Россия в физическом и этнографическом отношениях".
4 Мозель, „Пермская губерния".

известный в целой России); вотяки главным образом и доставили Вятскому краю прозвище «крестьянской губернии». Вотяки в меньшей степени обрусели, чем пермяки, несмотря на то, что первые живут ближе к большим приволжским городам: это зависело, может быть, от более крепкой этнографической связи их племени, а также и от соседства татар; многоженство у них не запрещается. Христиане по имени, как черемисы, с которыми перемешаны многие из их групп, они сохранили, подобно своим родичам, различные обряды шаманства и стараются подобным же образом умилостивить злого духа Кереметь. Переходя через ручей, они всегда бросают в воду пучек травы, приговаривая: «не держи меня!» Это—скромная жертва, приносимая злому богу[1]. Финляндский ученый Альквист издал, в 1856 году, грамматику вотяцкого языка, очень близкого к зырянскому наречию.

Между другими инородческими племенами бассейна Камы есть много таких, которые различно классифицируются этнографами, причисляющими их то к финнам, то к тюркам, и которые, по всей вероятности, принадлежат к обеим этим расам вместе, вследствие смешений, вызванных в течение веков переселениями целых народов, завоеваниями и обращениями из одной веры в другую. Так, мещеряки кочевали прежде в бассейне Оки, преимущественно в областях, из которых образовались нынешния губернии Рязанская, Тамбовская, Нижегородская. До настоящего времени часть финской мордвы сохранила название мещеряков[2]. Когда этот народец был побежден и рассеян москвитянами, часть его перешла Волгу и удалилась на восток, на берега Камы и Белой и в долины Уральских гор. Те же, которые остались в Московском государстве, окруженные со всех сторон русскими, ославянились мало-по-малу, утратив свою религию, язык и нравы. В наши дни мещеряки Пензенской губернии, известные под этим именем только у татар, тогда как русские называют их чувашами, а чуваши—татарами, в действительности сделались совсем русскими, от которых они отличаются только преданием об иноплеменном происхождении да трудностью в произношении звука **ч**, заменяемого у них звуком **ц**; впрочем, некоторые находят в их облике черты, свойственные типу других финских племен, еще необрусевших. Мещеряки, поселившиеся на башкирских землях, теперь и сами превратились в настоящих башкир по языку, по религии и даже по физическому типу: вместе с башкирами они, по крайней мере часть их, бунтовали против русских, вместе с башкирами были побеждены, сделались подданными, как другие инородцы, и обязаны отбывать воинскую повинность. Подобно вотякам, они отличные, рачительные земледельцы, и семьи их постоянно возрастают. По Риттиху, общее число этих отатарившихся мещеряков простиралось, в 1875 году, до 138.000 душ. Что касается вогулов, некогда многочисленного и сильного племени, упорнее других противившагося русской власти и введению христианской веры, то почти все они были оттеснены на азиатскую сторону Уральского хребта, где живут дикарями и занимаются звероловством.

На европейском скате Урала, в губерниях Вятской, Пермской и Оренбургской, живут особыми деревнями тептяри (в количестве около 128.000 душ), тоже потомки беглецов разного рода и племени—татар, черемис, чувашей, вотяков,—которые прежде обитали на средней Волге, а после взятия Казанского царства должны были искать убежища на востоке между башкирами: в начале они платили последним поземельное, но когда башкиры взбунтовались, то, в награду за помощь, оказанную ими русским против своих хозяев, занятые тептярями земли были отданы им в полную собственность[3]. Самое название их, как говорят, означает «поселенцы», или «новопришельцы». Тептяри, все смешанной крови[4] (оттого и теперь каждое тептярское колено говорит своим наречием),—тоже мусульмане; они должны быть причислены к народам отатарившейся расы, между которыми главное место занимают башкиры.

Эти последние, которым приписывают угорское происхождение, одинаковое с мадьяра-

1 Лаптев, выше цитированное сочинение.
2 Майнов, „Древняя и Новая Россия”,1870 г., № 10.
3 Кеппен, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches”, von v. Baer und v. Helmersen, Bd. XIII.
4 Уйфальви, письмо к Майнову, „Russische Revue”, 1877, № 11.

ми, и которые смешивались также с финскими племенами, принадлежат тем не менее к тюркской расе по языку, религии и нравам: они говорят наречием довольно близким к диалекту казанских татар и считают себя потомками ногайцев[1]; на ногайцев они действительно походят некоторыми физическими чертами. Однако, киргизы называют их остяками и смотрят на них, как на соплеменников этих сибирских инородцев, смешанных с татарями. У горных башкир, вероятно, сохранивших первоначальный тип в наибольшей чистоте, голова маленькая, но относительно очень широкая; между ними встречаются рослые и сильные индивидуумы с правильными чертами лица, представляющие замечательное сходство с трансильванскими секлерами[2]. В венгерскую войну 1849 года уральские казаки, увидев в первый раз мадьяр, тотчас же прозвали их башкирами и не переставали называть их этим именем впродолжении всей кампании[3]. У большинства башкир лицо плоское, кругловатое, нос немного вздернутый, глаза маленькие, серые или карие, уши большие, борода редкая, физиономия добрая и приятная. В самом деле, они очень добродушны, доброжелательны, приветливы и принимают иноземцев с самым радушным гостеприимством, которое часто употребляли во зло. Медленные в работе, они далеко превосходят русских аккуратностью и исправностью. Подобно татарам, они должны покупать своих жен, но платеж калыма может быть рассрочен на несколько лет, и часто бывает так, что муж уводит свою живую собственность по уплате лишь половины вена. В течение первого года молодая жена не имеет права разговаривать со свекром и свекровью: таким образом, мы встречаем недалеко от полярного круга обычаи, о которых можно подумать, что они заимствованы у какого-нибудь чернокожего племени полуденной Африки.

Башкиры находятся теперь в периоде перехода от пастушеского состояния к земледельческому образу жизни. Большая часть рудников и горных заводов в губерниях Пермской и Оренбургской находятся на землях, принадлежавших прежде башкирам и уступленных ими за бесценок: так, например, вся территория Киштымского горнозаводского округа, пространством около 150.000 десятин, была продана, в 1756 году, за 150 рублей! Тщетно башкиры восставали восемь раз в течение семнадцатого века, четыре раза в течение прошлого столетия; тщетно разоряли и выжигали они русские селения, выкапывали даже русских покойников из могил, чтобы не оставалось ни одного московского человека, ни живого, ни мертвого, в их земле[4]. После каждого возмущения, русские опять приходили в большем против прежнего числе, основывая города и деревни, разработывая рудники, завладевая землями. В настоящее время башкиры имеют в своем владении не более трети прежних земель, а в некоторых уездах правительство даже принуждено было дать им новые земельные участки, с воспрещением отчуждать их каким бы то пи было способом[5]. Постепенное уменьшение пастбищ заставило башкир прибегать к земледельческому промыслу, сначала в качестве землевладельцев, отдающих свои земли, за известную ежегодную или единовременную плату, в аренду русским хлебопашцам, так называемым припущенникам, а затем они сами начали прилагать к жалкой сохе или неуклюжему сабану свои руки, привыкшие до того только к пастушьему посоху[6]. Но во многих степных местностях старые привычки еще сохранились, и даже башкиры-земледельцы продолжают отчасти вести пастушеский и кочевой образ жизни; они развели породу борзых собак, отлично выдрессированных для погони за лесным зверем, и, подобно исландцам, пользуются на охоте содействием сокола. Башкиры владеют большими стадами баранов, рогатого скота и в особенности табунами лошадей, которые служат им в одно и то же время верховыми конями, упряжными и ломовыми животными; стада дают им мясо, молоко (из кобыльего молока приготовляется кумыс) и кожи, из которых они делают себе одежду, кибитки, покрывала, ремни, мешки (турсуки). В преж-

1 А. Кастрен, „Ethnologische Vorlesungen, Die altaischen Volker".
2 Ujfalvy, письмо к Майнову.
3 Драгоманов, Рукописные заметки.
4 Игнатьев, „Congres archeologique de Kazan", „Revue scientifique" 17 mai 1879.
5 Кн. Васильчиков, „Землевладение и земледелие", II.
6 Флоринский, „Башкирия и башкиры", „Вестник Европы", 1874 г., № 12.

нее время не редкость было встретить башкир, считающих свое состояние сотнями, даже тысячами лошадей: зажиточный человек имел по меньшей мере до тридцати верховых коней; но теперь народ сильно обеднел, и бывали случаи, как, например, в тяжелую зиму 1865-66 годов, что смертность поднималась до 26, даже до 44 процентов населения[1]; тогда видели матерей, продающих своих детей. Башкиры—необыкновенно ловкие наездники; любимое из их воинских упражнений—конские скачки, представляющие такое зрелище, каким редко где можно любоваться. Пчеловодство также одно из любимых занятий этих инородцев, и некоторые этнографы старались перевести самое название их—Баш-Курт—словом «пчеловоды»; другие, напротив, полагают, что это название означает буквально «волчьи головы». До 1865 года башкиры и мещеряки обязаны были нести военную службу на тех же самых правах, как казаки, и каждая семья обязана была поставлять по одному человеку: на официальном военном языке они носили название Оренбургского казачьего войска. Башкиры были в числе тех казаков, которые поили своих коней в Сене, в 1814 и 1815 годах. Численность башкирского народа, который живет почти исключительно на западных скатах и на южной стороне Уральских гор, определена Риттихом приблизительно в 750.000 душ, в 1875 году. Если же считать вместе с ними тептярей и мещеряков, то общая цифра этих инородцев превышает миллион.

По религии, инородческие племена бассейнов Камы и средней Волги распределены следующим образом:

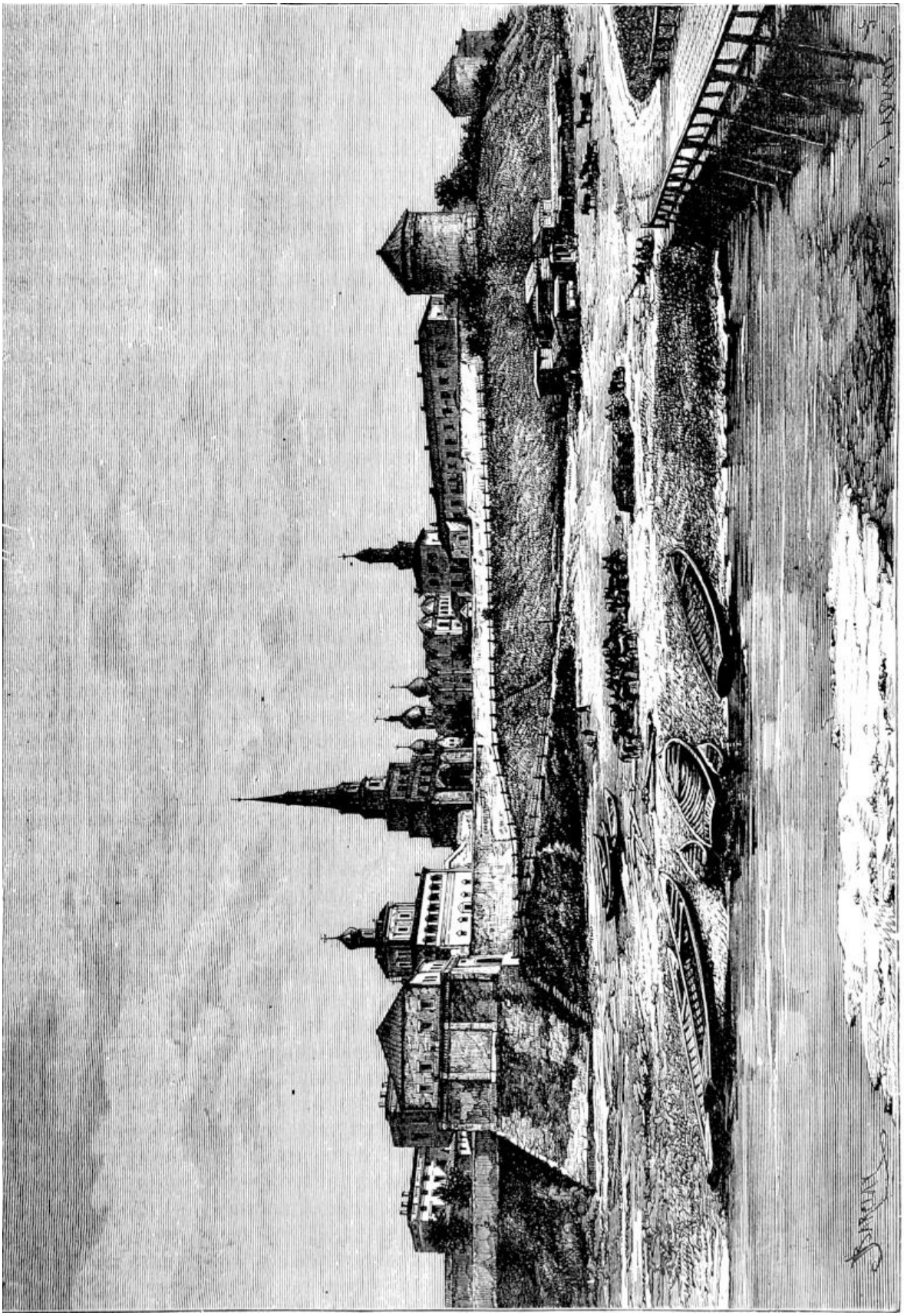
	Крещеных	Некрещеных.
Вотяков	213.678 душ.	37.555 душ.
Пермяков	68.763	-
Мордвы	687.988	1.563
Чувашей	542.145	14.928
Черемис	201.585	67.048
Татар казанских, мещеряков, тептярей	122 538	970.649
Башкир	827	999.818

За Нижним Новгородом главный приток Волги с правой стороны—Сура, которая в своем извилистом течении пересекает с юга на север землю мордвы и чувашей. Самый большой город в бассейне этой реки, Пенза, ныне административный центр губернии, был основан в начале семнадцатого столетия, в видах утверждения русского господства среди финских населений; но его выгодное стратегическое положение, при слиянии рек Пензы и судоходной Суры, оказалось в то же время благоприятным для торговли, и город Пенза стал быстро возрастать. Саранск и Починки (в Лукояновском уезде), города, находящиеся к западу от Суры, на боковых её притоках, были в начале семнадцатого века просто мордовские становища; но Алатырь, уездный город Симбирской губернии, при впадении реки того же имени в Суру, был построен уже в 1552 году, для сдерживания набегов казанских татар.

Область, простирающаяся к северу от Волги, между реками Унжей и Камой, известна под именем «Лесной»; и действительно, наибольшая часть её еще покрыта лесами. Крестьяне многих деревень проводят в этих лесных чащах всю зиму, занимаясь рубкой дерев, а весной дерут с молодых липок луб, из которого выходит лубье для коробок и лыко, употребляемое на выделку рогож, мочала, лаптей—обуви, которую носят почти все великорусские крестьяне; липовое дерево идет главным образом на доски для икон и на стулья, называемые «черемисскими». Один из главных рынков этой промышленности и в то же время одна из важнейших приволжских пристаней—обширное село Лысково, расположенное на правом берегу Волги, почти напротив Макарьевского монастыря и впадения р. Керженца. На берегах Керженца прежде существовали многочисленные раскольничьи скиты, пользовавшиеся у поповцев такой же славой, как скиты Выговской пустыни у сектантов беспоповщины; но в 1853 году население большей части этих монастырей было разогнано или воссоединено с православной церковью на началах единоверия; только некоторые места остались священными для старообрядцев этого края. Самым священным местом в области лесов почитается у

1 Флоринский, там же.

них озеро Светлое, или Светлояр, бассейн около 2 верст в окружности, находящийся к западу от села Воскресенского, на р. Ветлуге. По народному поверью, воды этого озера покрывают город «Большой Китеж», который, по воле Всевышнего, исчез во время татарского наше-



Кремль въ Казани.

ствия, чтобы избавиться от разорения; но обитатели его живут поныне в глубинах. Истинно верующие люди могут видеть дома и колокольни этого города под водами озера, и раскольники убеждены, что черемисы и теперь продолжают там торговать. Сюда стекается много на-

рода на поклонение этой святыне: в ночь с 22 на 23 июля толпа раскольников, молящихся на берегу с зажженными свечами в руках, затем совершающих крестный ход, окружает Светлое озеро кольцом света, который отражается в волнующейся поверхности вод[1]. Впрочем, в этой области, более, чем во всякой другой стране центральной России, сохранились древние обычаи и поверья. Так, во время скотских падежей деревенские бабы вечером выходят голые на улицу и бегают вокруг домов, как античные вакханки; если им в это время встретится кто-нибудь, они преследуют его с дикими криками, называя встреченного «смертью», и бьют его до тех пор, пока он не упадет под их ударами. Эта церемония, напоминающая на Западе английскую легенду о леди Годиве, известна под именем «опахиванья»[2]. В северных лесах Поволжья деревенские девушки устраивают каждый год такое же чародейское беганье вокруг засеянных полей, чтобы предохранить их от вредных насекомых и от засухи[3].

В более теплом климате и в гуще населенной стране местоположение, где стоит Козьмодемьянск (названный так в честь св. угодников Косьмы и Дамиана), на излучине Волги и ниже впадения в нее двух многоводных рек, Суры и Ветлуги, было бы, без сомнения, занято значительным городом; но только в 200 верстах ниже, в северо-восточном углу всей московской территории, ограничиваемой течением Волги, основался главный город страны, Казань, бывшая столица татарского царства. Она наследовала, как важный рынок между Европой и Азией, древнему городу Болгарам, занимавшему еще более выгодное положение, так как он находился ниже слияния двух могучих рек—Волги и Камы. Но в этих областях, еще почти пустынных, два могущественные города не могли бы, как в Бельгии или в Англии, вырости в таком близком расстоянии один от другого; Казань сменила столицу Болгарского царства, и теперь у подножия её кремля сходятся, если не воды, то по крайней мере торговые пути Волги и Камы.

Казань упоминается в первый раз в русских летописях под 1376 годом. Перенесенный в пятнадцатом столетии ближе к Волге,—ибо «Старая Казань» (по-татарски Иски-Казань) существует еще доныне верстах в пятидесяти выше по Казанке,—этот город бывает на берегу великой русской реки только в период половодья: тогда Волга разливается по луговой стороне до основания небольшого холма, на котором расположена Казань; но обыкновенно левый берег Волги удален от города слишком на пять верст[4]. Подтачивая постоянно свой правый берег, река не перестает медленно перемещаться к юго-западу. Город мог сохранить сообщение со своей волжской пристанью только благодаря речке Казанке, которая постепенно удлиннялась, по мере того как отступало течение Волги. Одно из городских предместий, все более и более удаляющееся от Казани, так сказать, идет следом за убегающим берегом. Но самый город не может перемещаться: главная его улица тянется вдоль вершины холмов, по скатам которых расположены ряды домов, группирующихся вокруг кремля, похожего на московский. В татарскую эпоху эта цитадель была обнесена деревянными стенами; на каменной ограде, воздвигнутой при Иване Грозном, после взятия города, уцелели только две башни, остальные же были разрушены в 1774 году во время занятия Казани Пугачевым. Впрочем, почти все постройки принадлежат новейшему времени. Только одно из старинных казанских зданий, может быть, относится к эпохе, предшествовавшей завоеванию города москвитянами: это—башня царицы Сумбеки, построенная из красного кирпича и состоящая из четырех ярусов в виде уступов; но и этот памятник, судя по его архитектуре, сооружен, вероятно, в позднейшую эпоху, то-есть после падения Казанского царства (в 1552 году). Татары-мусульмане, составляющие и теперь еще значительную часть городского населения, чтут, как святыню, эту древнюю башню, в которой будто бы похоронен один их святой, вы-

1 Мельников, „В лесах", т. IV; Гацисский, „Древняя и Новая Россия", 1877 г., № XI; Эльсниц, Рукописные заметки.

2 Якушкин, „Обычное право". I.

3 Мельников, цитированное сочинение, т. III.

4 На дороге от Волги к Казани стоит памятник, в виде каменной пирамиды, над костями убитых или взятии города Иваном IV. *Прим.перев.*

брасывающий ныне из своего полураскрытого черепа источник живой воды[1]. Центральные кварталы города населены исключительно русскими, так как татары были изгнаны оттуда в конце шестнадцатого столетия, по царскому указу, повелевавшему в то же время сжечь все их мечети.

Казань—университетский город. Университет его, основанный в 1804 году, имеет богатую библиотеку, астрономическую обсерваторию, анатомический амфитеатр, физический кабинет, химическую лабораторию, естественно-исторические коллекции, между которыми особенно замечательно собрание волжских рыб. Число слушателей в Казанском университете к 1 января 1894 года: студентов—781, посторонних слушателей—35, всего 816; библиотека: около 100.000 томов, 12.000 брошюр, 800 рукописей. С 1802 года в Казани существует татарская типография, из которой выходит большое число книг; кроме того, православное Гурьевское братство, основанное в 1867 году для обращения в христианство инородческих населений восточной России, издает руководства и книги духовного содержания на разных наречиях тюркских, финских, угорских. Казанская духовная академия, учрежденная в 1846 году, получила библиотеку Соловецкого монастыря, содержащую много письменных памятников, единственных по истории русского раскола. Казань есть в то же время очень важный торговый и промышленный центр: занимая выгодное положение в месте пересечения больших трактов сибирского, каспийского и балтийского, она старается отправлять товары по этим трем направлениям без посредства Нижнего-Новгорода. Около половины населения Казани живет промышленностью и торговлей. Кроме неизбежных винокуренных и водочных заводов, здесь существуют большие кожевенные заводы и сафьянные фабрики, приготовляющие лучший кожаный товар, далее—полотняные и кумачные мануфактуры, заводы салотопенные, свечные. мыловаренные, альбуминные. В 1879 г. в Казани было более 100 фабрик; общая ценность их производства простиралась до 7.700.000 рублей. Общий доход Казани по производству и распределению исчисляется Соловьевым в 87 миллионов рублей.

В наши дни существует лишь бедная деревушка на том месте, где некогда стоял большой, цветущий город Болгар, или Великие Болгары, древняя столица Болгарского царства и центр торговли между Европой и Азией. Развалины этого города, разрушенного Тамерланом в 1391 году, раскинуты к югу от деревни на значительном пространстве; валы и рвы городской ограды, остатки крепости, башни мечетей, фундаменты дворцов—все арабского стиля: здания Болгар были воздвигнуты в период с десятого по четырнадцатое столетие, но преимущественно в двенадцатом и тринадцатом веках. Лет сто тому назад, Паллас видел еще более сотни этих зданий; теперь их осталось только десятая часть. В грудах обломков окрестные крестьяне часто находят глиняную посуду, монеты, драгоценности; нищенствующие странники, бродя среди мусора руин, преклоняют колена на могилах своих святых, может быть, даже своих предков. В эпоху своего процветания, город Болгары стоял на самом берегу Волги, которая теперь течет в шести верстах западнее. Очевидно, река отошла от своего левого берега у Болгар, также как и у Казани. Есть предание, что Кама тоже передвинулась к западу, и до сих пор показывают место, называемое Старой Камой, верстах в десяти от нынешнего русла этой реки, из чего нужно заключить, что слияние двух рек переместилось по направлению к верховью[2]. Если это так, то возможно, что Болгары были построены в месте соединения Волги и Камы.

Города бассейна средней Волги, между устьями Оки и Камы, имеющие более 5.000 жителей:

Нижегородская губерния: Починки—7.894 ж.

Пензенская губерния: Пенза (1896 г.)—55.680 ж. Саранск—14.148 ж.

Симбирская губерния: Алатырь—13.466 ж.

---

1 Alfred Rambaud, „Revue litteraire et scientifique", 19 avril 1879.

2 С. М. Шпилевский, „Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии"; М. Мальцев, „Краткое сообщение IV-му Археолог. съезду в Казани об одной местности Казанской губ., Лаишского уезда - „Старой Каме"; Alfred Rambaud, „Revue scientifique", 3 mai 1879.

Казанская губерния: Казань (1897 г.)—131.508 жит.

В холодных, снежных пространствах бассейна Камы, из-за которых, однако, не раз велась борьба и проливалась кровь человеческая, города и большие села, образовавшиеся из прежних крепостей, торговые пункты и горнозаводские центры раскиданы на расстоянии сотен верст один от другого. Чердынь, первая, по времени основания, из этих колоний, известная у летописцев под именем «Великой Перми», занимает необходимое положение на одном из верхних притоков Камы, в том месте, где оканчивается судоходство по этой реке и начинаются волоки к Печоре, через которые еще не так давно существовал канал, впрочем слишком мелкий для того, чтобы приносить какую-нибудь практическую пользу. Этим каналом можно было пользоваться только во время половодья; но казна продала его шлюзы, а местные жители уничтожили остальное, чтобы присвоить себе монополию перевозки кладей сухим путем. Тем не менее, Чердынь продолжает отправлять хлеб в Архангельск, хлебные магазины которого иногда бывают наполнены доверху, тогда как в бассейне верхней Камы свирепствует голод. Город Соликамск, стоящий на Каме, ниже главных северных притоков этой реки, получил весьма важное значение, благодаря своим солеварням, которые, впрочем, менее производительны, чем соляные источники соседних мест, Дедюхина, Лейвы, Нового-Усолья; камские пароходы могут подниматься до этого пункта. В 1878 году добыча соли в названных местах представляла следующие цифры:

Соляные варницы Соликамска—1.486.000 пуд.; соляные варницы Дедюхина—1.934.000 пуд.; соляные варницы Нового-Усолья—4.164.000 пуд.; соляные варницы Лейвы—2,626.000 пуд.; соляные варницы Березняков—1.521.000 пуд.

Пермь, губернский город, на правом берегу Камы, немного ниже впадения в нее судоходной реки Чусовой, была бедной деревушкой в 1721 году, когда здесь основали медноплавильный завод. Благодаря своему счастливому географическому положению, город быстро вырос: он не только имеет в своем распоряжении прекрасный речной путь, Каму и даже Чусовую, по которой во время весеннего разлива вод, впродолжении семи или десяти дней, могут ходить большие барки, нагруженные рудой, но, сверх того, находится на главном сибирском тракте, напротив удобного перевала через Уральские горы, который во все времена был избираем как место прохода между Европой и Азией. Теперь Пермь исходный пункт Уральской железной дороги, которая, с 1879 года, пересекает часть горнозаводской области Урала, из бассейна Волги в бассейн Оби; в предвидении продолжения рельсового пути на восток от Нижнего Новгорода торговые экспедиторы уже открыли свою деятельность в Перми. Хотя западная часть Пермской губернии гораздо менее богата рудными месторождениями, чем восточные округа, лежащие на азиатском скате Урала, однако губернский город тоже принимает значительное участие в металлургической промышленности; в 2 верстах выше по течению Камы, в Мотовилинском посаде, устроен, в 1863 году, пушечно-литейный завод, где большая наковальня арсенала, отлитая с одного раза, весит не менее 40.000 пудов. В окрестностях уже около ста лет разработывают медные рудники, продукты которых отправляются на монетный двор в Екатеринбург (Ekaterinenburg); но по странному контрасту, происходящему от младенческого состояния русской промышленности, до сих пор еще не утилизируют каменноугольные залежи, толщиною до 6 сажен, которые находятся в бассейне верхней Камы, тогда как английский уголь, привозимый для Пермского арсенала, обходится в 45 рублей за тонну. На юго-востоке, на одном из притоков Чусовой, Кунгур, бывшая крепость, построенная против башкир, также получил довольно важное значение по сбыту своих мануфактурных произведений в горнозаводские округи: он посылает рудокопам восточных местностей сапоги и другой кожаный товар, железные и стальные инструменты, замки и разные металлические изделия. Сарапул, один из главных городов на берегах Камы, соперничает с Кунгуром промышленной деятельностью, особенно по производству сапожного товара, а в уезде его существуют обширные заводы (Камско-Воткинский механический, Ижевский оружейный), на которых строятся суда, машины, выделывается оружие. На

Ижевском заводе, принадлежащем казне, всегда работают тысячи рабочих. Большая часть Пермского края составляла прежде собственность новгородских купцов Строгоновых. В 1558 году один торговый человек этой фамилии получил от царя Ивана IV грамату на «пустые земли, черные леса, дикия реки и озера, не дававшие никакого дохода государевой казне». В семнадцатом столетии Строгоновы владели пространством земель, равным Богемии, и 120.000 душ крестьян: великоруссы, пленные литовцы, татары жили на их землях, но большинство их крестьян состояло из потомков новгородских поселенцев[1].

Река Белая, впадающая в Каму на юге от Сарапула, есть главный приток последней и пересекает почти всю обширную Уфимскую губернию, еще более богатую рудными месторождениями, чем другие уральские области западного склона. Златоуст (Золотоуст, т. е. «золотое устье»), на высоте 1.280 футов, в самой живописной долине Уральских гор[2], орошаемой рекой Ай, притоком Уфы, также имеет большой завод для приготовления белого оружия, охотничьих и боевых ружей, орудий из литой стали, а в окрестностях находятся богатые золотые россыпи и железные рудники; рудокопы и рабочие, выписанные из Золингена и Клингенталя, положили здесь основание многочисленной немецкой колонии. Уфа, стоящая при слиянии реки того же имени с Белой, некогда башкирская деревня, теперь цветущий город, благодаря деятельной торговле с горнозаводскими округами обоих склонов Урала, в особенности с своим соседом Благовещенском, находящимся вблизи рудников, из которых каждый год добывают около 1.600.000 пудов медной руды. Уфа, административный центр губернии, заключающей больше магометан, нежели христиан, есть местопребывание главного муфтия русских мусульман. На юге от Уфы, город Стерлитамак, на одном из верхних притоков Белой, приобрел довольно важное значение, как складочное место для соли и руды. Наконец, другой уездный город Уфимской губернии, Мензелинск, стоящий на небольшом южном притоке Камы, замечателен своей ярмаркой, на которую, с 1864 года, ежегодно привозится разного товара на сумму около 5 миллионов рублей (в 1868-72 г.г.—на 6,3, в 1894 г.—на 4,3 милл. рубл.).

Вятка, губернский город, есть одно из древнейших городских поселений в бассейне Камы, о существовании которых упоминают летописи. Он был основан в 1181 году новгородскими колонистами, на холме, или высоком берегу, господствующем над слиянием рек Вятки и Хлыновицы, и его дома, построенные первоначально по плану, имевшему в виду наиболее удобную оборону, до сих пор еще расположены таким образом, что внешними своими фасадами составляют непрерывную ограду. Сначала этому городу дано было название «Хлынов», по имени одной из двух соединяющихся здесь рек, а впоследствии он получил наименование другой реки; но татары постоянно называли его Ноуградом, то-есть «городом новгородцев». Это поселение составляло особую общину, которая имела новгородское устройство и управлялась собственным вечем; самостоятельность Вятской общины продолжалась около 300 лет. В торговом и промышленном отношении не менее важное значение имеет восточный сосед Вятки, уездный город Слободской (также пристань на р. Вятке), где существуют кожевенные и винокуренные заводы и выделываются полушубки и меховые рукавицы, отправляемые сотнями тысяч на Нижегородскую ярмарку и в Архангельск. Главный рынок Вятской губернии по торговле хлебом—Елабуга, город, построенный на маленьком боковом притоке Камы, недалеко от места соединения долины р. Вятки с долиной р. Лесной-Зай, где находится город Бугульма. В 3 верстах от Елабуги, на берегу Камы, стоит высокая башня с куполом, указывающая издали место, где некогда был расположен болгарский город, известный ныне под именем «Чертова-Городища». Немного выше по реке виден так называемый Ананьинский курган, один из самых богатых остатками бронзового века; при раскопках его нашли множество замечательных предметов, между прочим, могильный камень с изваяниями, изображающими одетого воина, с конусообразной каской и коротким

1 Мозель, „Материалы для географии и статистики России, Пермская губерния"; Карпович, „Замечательныя богатства России".

2 Акад. Гельмерсен, „Reise nach dem Ural und der Kirgisen-Steppe".

мечем. Чистополь—главная пристань на нижней Каме: это—первая важная станция пароходов и других судов (в числе около 800), которые должны подниматься вверх по Каме и её притокам, Вятке, Белой, Чусовой.

Значительнейшие города и горнозаводские селения в бассейне Камы (число жителей губернских городов показано по переписи 1897 г.):

Пермская губерния: Пермь—45.403 жит.; Кунгур—12.368 жит.

Уфимская губерния: Уфа—50.576 жит.; Златоуст—21.104; Стерлитамак—10.820; Бирск—9.253; Мензелинск—6.630; Благовещенск (Горный завод)—6.000 жит.

Вятская губерния: Вятка—24.894 жит.; Ижевск—21.500; Сарапул—15.866; Елабуга—11.255; Слободской—7.650 жит.

Казанская губерния: Чистополь—26.336 жит.; Лаптев—5.478 жит.

Самарская губерния: Бугульма—12.985 жит.

XV. Низовая Волга

Губернии Пензенская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская

В нижней части своего бассейна Волга не омывает земель столь многочисленных народов, как народы, населяющие область Камы. Почва в низовом Поволжья менее холмиста, имеет более ровный характер, и различные населения занимают там более обширные пространства. Населения эти не представляют, как на севере, хаоса народностей славянских, финских, татарских, имеющих смешанное происхождение.

Чуваши, мордва, татары—вот единственные не-славянские жители на юге от Казани и Чистополя до устья реки Большой Иргиз, в Самарской губернии; но далее начинаются немецкия колонии, занимающие, на обоих берегах Волги, пространство около 18.000 квадр. верст. В 1763 г., императрица Екатерина II, желая противопоставить живой оплот кочевым населениям низового Поволжья и заселить плодородные, но пустынные земли на востоке и юге Империи, призвала колонистов с запада Европы; это приглашение имело успех и привлекло несколько десятков тысяч иностранцев, почти исключительно немцев и швейцарцев; особенно много поселилось их в теперешней Самарской губернии. Между прибывшими было также несколько групп французов и шведов, но они давно уже затерялись в массе иммигрантов. Иностранные переселенцы получили пособия на первое хозяйственное обзаведение (продовольствие, семена, земледельческие орудия, скот) и разные льготы, между прочим, свободу от податей и поземельного налога на десять лет[1]. Менее богато одаренные, чем немецкия колонии Новороссийского края, иностранные поселения берегов Волги достигли, однако, более цветущего состояния, благодаря системе общинного землевладения, которое они ввели у себя, по примеру своих соседей, русских крестьян[2]. Первоначальные колонии (числом 102) с течением времени расплодились, как пчелинные рои, и теперь немцы распространены по всей стране и держатся там с замечательной связью, не утратив своих национальных особенностей, не забыв родного языка; они говорят им даже лучше, чем их предки, благодаря школам, которые они всегда содержали с большой заботливостью; но общее образование у них вообще очень неудовлетворительно. В последнее время, с распространением на них всеобщей воинской повинности, они стали заводить высшие училища, чтобы обеспечить своим детям преимущества, предоставленные тем из поступающих в военную службу, которые умеют говорить по-русски и получили известное образование. Теперь немецких колонистов в двух губерниях Саратовской и Самарской наберется, вероятно, свыше трехсот тысяч душ, ибо численность их довольно быстро увеличивается, вследствие перевеса числа рождающихся над числом умирающих.

1 Legrelle, „Le Volga", „Notes sur la Russie".

2 Клаус, „Наши колонии".

Почти все промежутки, оставшиеся между немецкими колониями, заняты поселениями малороссиян: мужчины в этих последних занимаются преимущественно, как и украинские чумаки, перевозной соли.

На юге и на востоке от большего Царицынского изгиба, русские живут только по берегам реки, тогда как область голых степей, простирающихся вправо и влево от Волги, принадлежит еще кочевым населениям: это явление объясняется свойством почвы, совершенно непригодной для земледелия. Даже русские чиновники, назначенные для надзора за инородцами, принуждены переезжать с места на место, вместе с бродячими деревнями. Самый южный из этих кочевых народцев, калмыки, называемые также элютами и ойратами, занимает пространство около 70.000 квадр. верст между Волгой и Кумой, в солончаковой низменности, которая некогда была покрыта водами Каспийского моря; кроме того, они кочуют по степям, прилегающим к левому берегу Дона, а некоторые из их родов живут в соседстве киргизов, на востоке от Ахтубы. Их насчитывают около ста пятидесяти тысяч душ на этой обширной территории бесплодных степей и пастбищ: военная служба и переселение в города несколько уменьшили их число с половины текущего столетия. Впрочем, переписи, произведенные в разные времена, повидимому, не вполне заслуживают доверия, так как женщины и особенно девочки часто не вносятся в списки. В противоложность общему факту, констатированному по отношению ко всем другим народам Европы, у калмыков, если верить переписям, мужчины гораздо многочисленнее женщин, именно превышают их на целую четверть (число калмыков в Астраханской губ. в 1869 году: 68.329 мужчин, женщин 51.267 (?); всего 119.956 душ). Подобное демографическое явление мало вероятно, но, кажется, не подлежит сомнению, что у этого племени действительно существует численный перевес мужского пола над женским. Очень немногие из калмыков достигают глубокой старости, и смертность между детьми громадна, особенно в восточной части занимаемой ими территории, где большинство этих инородцев служат работниками у рыбопромышленников[1].

Калмыки, представители монгольской расы, к которым, может быть, примешались некоторые племена тюркского происхождения, суть новые пришельцы в Европе[2]. Первые отряды, так сказать, разведчики калмыцкого народа, вышедшего с Алтайских гор, появились в первый раз в 1630 году, и только шесть лет спустя главная масса эмигрировавшего народа перенесла свои пятьдесят тысяч кибиток на западные берега Каспийского моря. В первые годы их пребывания каждое возвращение весны ознаменовывалось набегом в восточную Россию; поля были опустошаемы, деревни разоряемы, жители уводимы в неволю. Но не прошло еще периода одного поколения, как калмыки, сдерживаемые русским населением, должны были признать себя подданными московского царя, не переставая, впрочем, поддерживать сношения с своими азиатскими соплеменниками, даже с теми, которые жили в Тибете. Однако, вмешательство русских, становившееся все более и более тягостным, сделало жизнь этим сынам вольной степи совершенно невыносимой; раздраженные притеснениями чиновников, они, наконец, решили вернуться в отечество своих предков, на берега озера Балхаш, к подножию Алтая,—тех гор, которые предание описывало им как страну чудес. Почти весь кочевавший в России калмыцкий народ, исчисляемый различно—от 120.000 до 300.000 душ, тронулся в путь зимою 1770-71 года, переходя со своими многочисленными стадами по льду через Волгу, Яик, Эмбу и направляясь за Урал, в привольные степи Джунгарии. Дефилирование этого громадного каравана продолжалось целые недели, но арьергард не имел времени перебраться, лед на Волге сломался, киргизы и казаки, собравшиеся массами, чтобы воспрепятствовать переходу эмигрантов, успели разорвать шествие на многих пунктах. Несколько тысяч калмыков достигли, говорят, берегов желанного озера, но почти все инородцы этого племени, жившие в степях на Дону, Куме, Маныче, принуждены были вернуться в покинутые стойбища. Следствием этого великого исхода было то, что русское правительство окончательно утвердило свою власть над кочевьями калмыков, и даже тысячи

1 Илья Мечников, „Записки Ими. Русского Географ. Общества", 1873 г., № 10, „Russische Revue", 1874 г.

2 На тюркских наречиях, „калма", „калмак", „калмаклык" означает „отсталый", „отделившийся". *Ред.*

этих инородцев, обращенные в христианскую веру, были переведены в Ставропольскую колонию, между Симбирском и Самарой, а потом зачислены в Уральское казачье войско. Что касается других калмыков, оставшихся против воли русскими подданными, то территория, которую они занимали, была с того времени точно ограничена Волгой, Каспийским морем, Кумой и Доном. В 1839 году сделано распоряжение о воспрещении русским крестьянам селиться на землях калмыков; но после того смешанные колонии, основанные в Калмыцкой степи, сделались постоянными населенными местами и, так сказать, русскими островками среди кочующих азиатских населений. Впоследствии приступили к разделу степи, обширной пажити, которую, разумеется, можно делить только фиктивно; но этот раздел земли между калмыцкими «душами» произведен был весьма неравномерными долями, с тою целью, чтобы таким образом создать взаимно противодействующие интересы и ослабить коллективное могущество кочевников: в то время, как начальники, возведенные правительством в дворянское достоинство, получали от 200 до 1.500 десятин, простым калмыкам роздали доли в 30 десятин[1]. Из всей территории калмыцкого народа, составляющей около 7 с половиной миллионов десятин, десятая часть сделалась частной собственностью. Те из калмыков, которые находятся в области Донского Войска, обязаны нести службу наравне с казаками, но они не составляют особых полков: в войске их употребляют преимущественно для надзора за стадами и лошадьми[2].

До сих пор калмыки лишь в очень слабой степени поддались ассимилирующему влиянию славянского элемента, очень мало обрусели. Некоторые начальники калмыцких родов, возведенные в достоинство наследственных князьков или султанов, правда, выстроили себе богатые палаты, омеблировали их по-европейски, для воспитания своих детей приглашают русских учителей, но этим почти и ограничивается все их общение с цивилизацией. Большинство калмыков не понимает русского языка; они сохранили свой костюм, бурку, баранью шапку, длинную косу, заплетенную на затылке на китайский лад; все калмыцкия лица, с приплюснутым носом, высокими и выдающимися скулами, маленькими, узенькими глазами, с желтоватым цветом кожи, свидетельствуют о чистоте монгольской крови. Калмыки очень неприхотливы и неразборчивы на пищу: «в степи и навозный жук идет за дичину», говорит пословица, относящаяся к их образу жизни. Но баранину они предпочитают всякому другому мясу, и зажаренная баранья нога составляет обычное и главное блюдо на свадебном пиршестве: кость, оставшаяся от этой первой трапезы, хранится, как святыня, в кибитке новобрачных. В семье у калмыков деспотизм не так велик, как у магометан; обычай даже предписывает некоторые рыцарские приемы в обхождении с прекрасным полом. Так, например, когда кавалер приглашает даму плясать, он должен стать перед нею на колени; но говорят, что внутри кибитки правила супружеской вежливости часто забываются. В политическом отношении, в их среде господствует полный деспотизм, но дух прежней независимости сохранился в некоторых пословицах: «кипарис ломится, но не гнется; храбрец скорее умрет, чем унизится»[3].

Калмыки до сих пор остаются буддистами. Там и сям на территории их кочевьев возвышаются пагоды, а в их жилищах всегда можно найти этажерку с «молельными мельницами», которых постоянное скрипение несколько похоже на то, как будто бормочет человек. Правительство позаботилось о том, чтобы предупредить в среде инородческих племен всякое

1 Автор, очевидно, говорит о попытках (прибавим—почти совершенно неудавшихся) поселения калмыков на 28 участках, избранных для этой цели в губ. Астраханской, в числе 50 семейств на каждом, вместе с таким же числом семейств русских крестьян из малоземельных губерний. Никакого раздела степи не предполагалось; но, по инструкции 1846 г., назначено было отводить желающим водвориться в степи лицам привилегированных калмыцких сословий: нойонам-владельцам по 1.500 дес., зайсангам аймачным по 400 д. и безаймачным по 200 д. на каждое семейство; крестьянам же и калмыкам-простолюдинам по 30 дес. на каждую душу мужского пола. *Ред.*

2 Н. Краснов, „Земля Войска Донскаго".—Хорошкин и Штейн, „Die Russischen Kasakenheere".

3 Лядов, „Европейская Россия в физ. и этногр. отношениях"; Небольсин, „Калмыки Хошоутовского улуса".

религиозное уклонение, несовместимое с верностью престолу и отечеству; сама Верховная власть, утверждая великаго ламу в его достоинстве, тем самым является в действительности истинным представителем Будды на земле. Образ жизни проводит между кочующими буддистами и оседлыми христианами разграничительную линию, которая, без сомнения, еще долго не будет перейдена. Едва несколько сотен калмыков поселились, как постоянные земледельцы, на землях астраханской степи; кроме того, более тысячи калмыков живут хлебопашеством в области Войска Донского[4]; все же остальные инородцы этого племени—либо пастухи стад, либо рыболовы. Бродя с пастбища на пастбище, от одной рыбной ватаги к другой на бесчисленных рукавах Волги, калмыки едва-ли могли бы существовать, если бы у них не было спутников—домашних животных, особенно верблюдов, которые носят на себе их детей и походные жилища, и на которых они совершают самые трудные перекочевки по бесплодным местам (в 1880 году у калмыков насчитывалось около 47.000 лошадей, 145.100 голов крупного рогатого скота, 15.900 верблюдов, 470.730 баранов). Придя на место, выбранное для нового становища, они в несколько часов сооружают свои улусы, или временные поселения: прежде всего вбиваются жерди, составляющие остов палатки или кибитки; затем снаружи и внутри этого остова навешиваются рогожи и кошмы (войлоки), прикрепляемые сетью веревок и тесемок; животные привязываются к воткнутым в землю колам, и женщины живо приготовляют молочные или мясные кушанья. На расстоянии трех тысяч верст и через промежуток двух или трех столетий не произошло, кажется, никакой перемены между жизнью калмыков, обитавших на берегах озера Балхаш, и жизнью их потомков, кочующих в астраханских степях.

Киргизы—гораздо более многочисленный народ, чем калмыки, но главная масса их находится еще в Азии; те из киргизов, которые живут в Европе, между Волгой и рекой Уралом, составляют, так сказать, лишь крайний авангард киргизского племени: это—не более, как простой отдел Малой орды, или «Кичик-Юз»; их называют также Внутренней или Букеевской ордой, по имени султана Букея, который в 1801 году получил позволение перенести свои кочевья в песчаные равнины (Букеевская степь), опустевшие после бегства калмыков. В 1875 году Риттих определил цифру населения этой орды в 162.700 душ, тогда как Обручев насчитывал их до 186.000 душ. Киргизы Европейской России, принадлежащие к тюркской расе, как татары и башкиры, и, подобно им, исповедывающие Магометову религию, имеют, благодаря своим соседям и единоверцам, более точек соприкосновения, чем калмыки, с господствующей расой, и во многих местах уже можно наблюдать начало «обрусения» номадов. Слишком многочисленные для относительно тесного пространства пастбищ, которыми они владеют, и лучшие из которых находятся между реками Большой и Малой Узенью и Рынь-Песками, киргизы уже тысячами стали заниматься земледелием,—по крайней мере, впродолжении известной части года; другие нанимаются на работы к русским к качестве пастухов, жнецов или золотопромывальщиков. Живя вдали от родной кибитки, они выучиваются русскому языку, носят такую же одежду, как хозяева, а дети их воспитываются среди русских. С другой стороны, уральские казаки легко привыкают к нравам киргизов, с которыми им приходится иметь постоянные сношения, и часто трудно бывает различить, к какой расе принадлежат группы кочевников. Нередко можно встретить казаков, одетых совершенно по-киргизски и говорящих тюркским диалектом лучше, чем русским. По свидетельству Радлова, само киргизское наречие все более и более приближается к татарскому, смешанному с арабским, который употребляется в мечетях и училищах (медресе): слова корана быстро проникают в живую речь и постепенно изменяют ее.

На берегах нижнего течения Волги возвышаются многолюдные города, почти все сравнительно нового происхождения, и из которых иные, без сомнения, займут рано или поздно видное место между важнейшими городами Европы.

Самый северный из этих городов, Симбирск, ныне административный центр губернии,

4 К. Костенков, „Исторические и статистические сведения о калмыках", Спб., 1870.

есть, может быть, древний Симбир, упоминаемый в татарских летописях, но существование его как русского города начинается лишь с половины шестнадцатого столетия. Это—город замечательный по своему местоположению, так как он господствует с одной стороны над Волгой, с другой над Свиягой, двумя параллельными реками, которые текут в противоположном направлении на протяжении около 375 верст: в Симбирске Свияга проходит сажен на 20 слишком выше уровня Волги, так что очень легко было бы заставить ее низвергаться водопадом в главную реку через плиоценовые формации, некогда отложенные текучими водами. С Волги едва виден город, расположенный на высоте 560 футов, на вершине плато, которое спускается к западу пологим скатом. Симбирская крепость остановила в 1670 году победоносное шествие Степана Разина, предводительствовавшего донскими казаками и возмутившимися крестьянами: отсюда началось его бегство. Симбирск—родина Карамзина.

Самара, тоже губернский город, занимает выгодное положение на оконечности извилины Волги, так называемой Самарской луки, в точке естественного соединения дорог и при впадении реки, от которой она получила свое имя. Это слияние двух рек и было причиной появления значительного центра населения на низменной, луговой стороне Волги, тогда как почти все другие города выстроились на правом, нагорном берегу. Впрочем, несколько холмов, поднимающихся в этом месте на левом берегу, послужили Самаре опорной точкой, лежащей выше уровня наводнений в период разлива; город, состоящий еще из деревянных домов, построен, так сказать, только наполовину: по обеим сторонам его пыльных улиц еще встречаются обширные незастроенные пространства. В первый раз Самара упоминается в конце шестнадцатого века; но в следующем столетии она уже приобрела большую стратегическую важность, как оплот Московского государства против кочевого населения степей; она имела в то время такое же значение, какое впоследствии получила Оренбургская крепость; кое-какие остатки старинного укрепления, которое последовательно было занято Стенькой Разиным и Пугачевым, существуют до сих пор. В наши дни Самара важна преимущественно как торговый город, и деятельность её пристани не перестает возрастать, особенно по отправке хлеба (главным образом пшеницы), табаку, сала, мыла и кож (в 1879 году с Самарской пристани отправлено было этих продуктов около 20.375.000 пудов, на сумму 17.500.000 р.). Железная дорога из Петербурга в Оренбург (Оренбургская), которая со временем продолжится до центра Азии, проходит через Самару и поднимается вверх по долине реки того же имени через город Бузулук. Другой уездный город, Бугуруслан, находится в боковой долине, по которой течет река Кинель, тогда как город Сергиевск, приобревший известность благодаря целебным минеральным водам (холодные серные ключи) соседнего заведения, омывается рекой Сок, впадающей в Волгу у северо-восточного угла Самарской луки. Сергиевск, также как Самара и другие города этого края, хорошо известен в медицинском мире, как один из пунктов, где страдающие грудными болезнями лечатся, по калмыцкой и киргизской методе, кумысом—напитком, приготовляемым из кобыльего молока. Весь Самарский край получил печальную известность по голоду 1873 года, от которого погибло множество деревенского люда, в неизвестном числе.

Город Сызрань занимает у юго-западнаго угла Самарской луки и при устье реки того же имени почти такое же положение, как и Самара, вследствие чего он тоже сделался очень оживленным местом. Недавно здесь построен железнодорожный мост через Волгу (длиною около 1 версты 175 сажен), самый длинный во всей континентальной Европе и первое сооружение этого рода на всем среднем и нижнем течении великой русской реки; до постройки этого путевода, в Твери (то-есть за 2.000 верст выше) был последний постоянный мост на Волге. Нефтяные источники и залежи церезина, или минерального воска, довольно обыкновенны в этом крае; в окрестностях Сызрани, верстах в 17 к северо-востоку от неё, пласты, открытые Воейковым, имеют от 37 до 47 сажен толщины и продолжаются на пространстве около 18 верст. Полагают, что эти минеральные сокровища сделают современем промышленный центр из Сызрани, которая теперь имеет значение только как рынок для земледельческих произведений. Точно также города Хвалынск и Вольск, или Волжск, из которых первый построен на высокой известковой скале правого берега Волги, а второй при выходе

оврага между зеленеющими холмами, представляют важность только как пристани, отправляющие в большом количестве сельские продукты. Вольск окружен фруктовыми садами; почти против него в Волгу впадает река Большой Иргиз, близ которой начинаются немецкия колонии; в долине его расположен город Николаевск, славящийся своими табачными плантациями. Долина Иргиза была прежде местом убежища староверов; здесь возникли и долго существовали некоторые из знаменитейших раскольничьих скитов, где в восемнадцатом столетии собирались казаки Пугачева, которые замышляли «тряхнуть Москвой» и ниспровергнуть русское государство. Там же был посвящен на царство самозванец. В период с 1827 по 1837 г. эти скиты были обращены в единоверие.

Ниже, на правом берегу, встречаем Саратов, административный центр губернии и самый большой город на Волге: теперешняя цифра его населения около 135 тысяч. Основание его относится к концу шестнадцатого столетия (если только это не Сари-тау, древний город, упоминаемый татарскими летописцами); сначала он находился не на том месте, которое занимает в наши дни: он был расположен верстах в десяти выше, и при том на левом берегу Волги, там, где в нее впадает речка Саратовка. Политическая роль его состояла в наблюдении за кочевыми инородцами и казацкой вольницей, но сам он не раз попадал в руки мятежных шаек Стеньки Разина, Некрасова и, наконец, Пугачева. Саратов, несмотря на то, что окружен амфитеатром холмов, один из наименее живописных городов на берегах Волги: физиономия его имеет тот вульгарный характер, каким отличается большинство торговых и промышленных городов. С 1865 года количество грузов, отправляемых ежегодно с Саратовской пристани, простиралось до 9.000.000 пудов, но торговое движение еще более возросло с той поры, как для Саратова открылось прямое сообщение с Москвой и Петербургом посредством железной дороги. Саратов служит средоточием торгового обмена для немецких колоний и имеет фабрики и заводы всякого рода, хотя, впрочем, не отличается от других городов России какою-нибудь специальной промышленностью. Давно уже поговаривают об основании университета в этом главном центре населения низового Поволжья. Против города, на другой стороне реки, находится важное малороссийское поселение—слобода Покровская.

На юг от Саратова следуют один за другим по высоким утесам правого берега Волги: Камышин, Дубовка, Царицын. Дубовка, неимеющая даже титула города (Дубовский посад), была прежде главным местом волжских казаков; но последние за участие в восстании Пугачева были в 1771 г. сосланы в долины Кавказа и заменены в Дубовке малороссийскими поселенцами и беглыми из всех провинций. Около половины настоящего столетия Дубовский посад пользовался большим торговым благосостоянием, благодаря близости Дона, так как в этом месте две реки подходят одна к другой на расстояние менее 60 верст. В 1860 году многие сотни судов выгрузили в Дубовке около 6.200.000 пудов разного товара, а по дороге, ведущей к колену Дона, по так называемому Дубовскому волоку, беспрестанно тянулись обозы с кладью. Но это торговое движение почти совершенно прекратилось с того времени, как построена Волго-Донская железная дорога, исходным пунктом которой служит Царицын. Немного ниже этого последнего города, именно в том месте, где Волга, текущая перед тем вдоль крутых холмов Эргени, поворачивает к востоку и вступает в астраханскую степь, основалась в 1765 г. немецкая колония Сарепта, населенная «моравскими братьями», которым даны были очень большие льготы. Сарепта, окруженная фруктовыми садами, огородами, хорошо орошаемыми полями, представляет настоящий оазис среди пустыни; главная её промышленность—разведение и приготовление горчицы и табаку.

К востоку от Царицына, то-есть «города царицы», на восточном берегу Ахтубы стоит город нового происхождения, Царев, также напоминающий своим именем о господстве монгольских царей. Несколько искусственных возвышений почвы, земляных насыпей, могильные курганы, груды глазированных кирпичей, обломки разной глиняной посуды—все это, вероятно, остатки древнего Сарая, который был столицей обширного монгольского царства (Золотой орды) и в то же время местопребыванием русского епископа),—развалины города,

опустошенного Тамерланом и разоренного московским воеводой в 1480 году. Другие, вместе с Загоскиным, ищут город Сарай в Селитряном-Городке, стоящем верстах в 150 ниже, на Ахтубе; но возможно, что было два Сарая, которые оба служили резиденцией ханов. По направлению от востока к западу город, существовавший подле нынешнего Царева, занимал с своими предместьями пространство более 20 верст на левом берегу Ахтубы: все окрестные деревни построены из кирпича, взятого с развалин[1]. Царев—одна из пристаней, где грузится на суда соль, добываемая из озера Элтон. Другая пристань, Владимировка, находится южнее, тоже на берегу Ахтубы; с этой пристани отправляют соль, извлекаемую из озера Баскунчак, которое ныне разработывается деятельнее, чем Элтонские промыслы, по причине большей близости его от берегов Волги (добыча соли на Баскунчакских промыслах в 1889 г.: 13.534.700 пудов). До Владимировки в 1878 году распространялась, к ужасу всей Европы, чума, появившая первоначально на правом берегу Волги, в станице Ветлянке. В половине декабря многие селения были охвачены эпидемией, истребившей в них почти все население. Смертность, составлявшая при начале появления заразы около половины числа заболевающих, скоро стала поражать девять больных из десяти; в несколько дней одно местечко потеряло 520 жителей из 850[2].

Астрахань, административный центр обширной губернии, обнимающей прикаспийские степи, и торговый город при устьях Волги, не играет той важной роли, какая, казалось бы, должна принадлежать ему, как исходному порту бассейна, в три раза превосходящего пространством Францию и населенного слишком пятьюдесятью миллионами жителей. В некоторых отношениях Астрахань даже пришла в упадок: прежде она держала в своих руках монополию русской торговли с закаспийскими странами и получала драгоценные товары из Персии и Индии; но в наши дни сухопутные дороги, с одной стороны на Оренбург, с другой —на Тифлис, предпочитаются коммерсантами морскому пути: международная торговля все более и более обегает опасные бары Волги, и когда Оренбургская железная дорога будет продолжена до городов Туркестана, торговое движение, производимое от одного до другого берега Каспия через Астрахань, вероятно, прекратится, разве только прокопают боковой канал из Волги в море, предлагаемый Даниловым. И теперь уже конечный порт Волги перестал быть главным портом каспийских берегов: Баку превосходит его по важности. Судоходство, столь деятельное на средней Волге, в Рыбинске, Ярославле, Нижнем и до Саратова, постепенно уменьшается вниз от этого последнего города; а ниже Астрахани оно уже так незначительно, что не может идти в сравнение с судоходством многих маленьких портов Западной Европы, имя которых известно только соседним морякам.

Внешняя торговля Астрахани в 1884: ценность привоза—9, вывоза—5 миллионов рубл. Движение судоходства в 1882 г: 1.215.546 тон. Торговля с Персией 115 судов, вместим. 17.200 тонн. Каботаж—2.443 судна, вместим. 362.440 тонн.

Главное движение торгового обмена Астрахани производится с Кавказским краем по прибрежному пути; кроме того, этот город служит рынком для разноплеменных народностей, русских, татар, киргизов, калмыков, которые населяют окружающие области и представители которых, вместе с хивинцами, персиянами, армянами, все в своей национальной одежде, придают городу восточную физиономию. Армянская колония, очень многочисленная, так как она состоит приблизительно из пяти тысяч лиц, в действительности сделалась русской по языку и нравам. Приезжего поражает почти совершенное отсутствие женщин на астраханских улицах; и в этом отношении русский город сохранил еще восточный отпечаток[3].

Астрахань, в самом деле, старинный город, ибо он занимает у расходящихся рукавов дельты одно из тех господствующих положений, где необходимо должен был возникнуть складочный пункт. Правда, этот торговый пункт часто перемещался, вследствие войн, пожаров, изменении течения Волги. На вершине волжской дельты некогда находился, как пола-

1 Лопатин, „Казанский съезд"; Aflred Rambaud, „Revue scientifique", 3 mai 1879.

2 Д-р Доппнер; „Lancet", 10 fevr. 1879; „Progremedical", 8 fevr. 1879

3 Legrelle, „Le Volga, Notes sur la Russie".

гают, Атель илп Итиль (у русских Балангиар), один из главных городов могущественного хазарского царства, который действительно долгое время означался в грузинских летописях под именем Хазара; там же стоял и город Цитрахань, сделавшийся столицей татарского царства, которое было завоевано москвитянами в 1557 году. Город Хаджи-Тархань, стоявший на правом берегу Волги, предшествовал Астрахани, построенной на острове этой реки, между главным рукавом и несколькими второстепенными потоками, каковы Кутум, Скаржинка, Царевна, Луковка. Первоначально Астрахань была построена на «семи холмах», или, вернее сказать, на семи естественных горках или буграх; но впоследствии прибрежная почва мало-по-малу окрепла, и большая часть домов выстроилась на берегу Волги, над которой возвышаются здания кремля, кафедральный собор, дворец, монастырь, казармы; после взятия города Стенькой Разиным, с одной из кремлевских колоколен был сброшен, по приказанию Васьки Уса, астраханский митрополит Иосиф. Минареты татарских мечетей, возвышающиеся там и сям недалеко от христианских храмов, перемешиваются с позлащенными главами и куполами, и каналы, усеянные судами, придают Астрахани более разнообразный вид, чем каким отличается большинство других русских городов.

Значительнейшие города и слободы по нижнему течению Волги:

Симбирская губерния. Симбирск (1897 г.)—41.702 ж.; Сызрань (1897 г.)—32.377 ж.

Самарская губерния. Самара (1897 г.)—91.650 ж.; Бугуруслан—12.293 ж.; Покровская слобода—20.000 ж.; Бузулук—13.700 ж.; Николаевск—15.071 ж.

Саратовская губерния. Саратов (1897 г.)—133.116 ж.; Вольск или Волжск (1897 г.)—27.039 ж.; Царицын (1897 г.)—55.914 ж.; Хвалынск—16.345 ж.; Камышин—21.589 ж.; Дубовка (посад)—16.853 ж.

Астраханская губерния. Астрахань (1897 г.)—113.075 жит.

XVI. Юго-восточные степи, бассейн Урала

Губерния Оренбургская, Земля Уральского казачьего войска

Бассейны двух Узеней, Большой и Малой, между Волгой и Уралом, также имеют свою торговую метрополию—город Новоузенск, окруженный табачными плантациями; но главный рынок русского Востока, счастливый соперник Астрахани, стоит на реке Урале, почти около середины её течения и при впадении в нее Сакмары: это—город Оренбург. Основание его восходит не далее 1742 года. Уже в 1735 году русские воздвигли, при слиянии рек Оры и Урала, крепость этого имени (Орскую), которая имела назначение сторожить киргизов и башкирцев, сдерживаемых на севере укрепленным городом Верхне-Уральском, стоящим около истоков Урала; но так как основание «Орского городка» показалось туземцам угрозой против них, то вспыхнула война, и русские сочли за лучшее переменить место положения крепости: покинув слияние двух названных рек, где ныне находится город Орск, они выстроили новую цитадель в 175 верстах, потом в 70 верстах далее к западу, оставив ей прежнее имя (переделанное на немецкий лад в Оренбург), хотя оно уже не имело никакого смысла. Крепость, построенная на высоком, то-есть правом берегу Урала, утратила свою стратегическую важность с того времени, как граница России передвинулась за Туркестан, к высоким нагорьям Центральной Азии: зато Оренбург приобрел более деятельную торговую роль; с 1826 года караваны, общим числом в десять и более тысяч верблюдов, приходившие из Ташкента и других городов Туркестана, ежегодно привозили в Оренбург большое количество хлопка и других продуктов, а взамен их увозили в Среднюю Азию мануфактурные произведения. В Оренбурге находится теперь крайний пункт всей европейской сети железных дорог; на всем протяжении до Лиссабона и Кадикса в настоящую минуту (со времени постройки недавно оконченного самарского моста через Волгу) идет сплошная, нигде непрерывающаяся линия рельсового пути длиною около 6.500 верст,—линия, которая в скором времени имеет быть продолжена на восток большой средне-азиатской дорогой: направ-

ление этой проектированной дороги пока еще не определено окончательно на востоке от Орска, бывшего Оренбурга. Одно из главных естественных богатств Оренбургской губернии составляет соль: близ Илецкой Защиты, или Илецкого городка, стоящего верстах в 68 к югу от губернского города, на одном из притоков Урала, находится богатейший пласт каменной соли, залегающий сплошною массою на пространстве слишком 3 квадр. верст (глубина его исследована на 70 сажен, дальнейшая же разведка оставлена по причине твердости массы). Илецкие соляные промыслы дают средним числом слишком 1.240.000 пудов в год; но они могли бы доставлять в двадцать раз больше, то-есть количество, достаточное для покрытия потребления всей России, так как мощность слоя самородной соли исчисляют приблизительно в 100 миллиардов пудов[1].

Уральск, расположенный на крутом угле, образуемом рекой Уралом в том месте, где она поворачивает прямо на юг,—главный город уральских казаков, область которых простирается далеко на восток от реки, в азиатские страны. Этот город на рубеже Азии, рассматриваемый административно как лежащий вне Европы, хотя он находится на правом берегу Урала, отличается от других частей России в собственном смысле правами своих жителей и традициями военного устройства и быта. Главные промыслы тамошних казаков—скотоводство и рыболовство. Ниже Уральска они устраивают каждый год поперег реки Урала так называемый учуг, то-есть загородку из толстых кольев, которая не позволяет рыбе, идущей из Каспийского моря, подниматься дальше вверх по реке: этот учуг служит границей между верхними вольными водами, где все могут ловить рыбу, казаки, башкирцы или киргизы, и нижней частью, воды которой предоставлены в исключительное пользование казачьего войска; вдоль реки расставлены на известных расстояниях военные посты, обязанные удалять браконьеров и детей, крики которых могли бы испугать рыбу. Атаман назначает дни и места лова, и когда наступит назначенный момент, река вдруг покрывается казаками, вооруженными острогами (двуконечными вилами с зазубринами) и другими рыболовными снарядами: тогда начинается бой рыбы, который должен доставить войску годовое продовольствие.

Значительнейшие города бассейна Урала и степей.

Оренбургская губерния. Оренбург (1897 г.)—72.740 ж.; Орск—20.990 ж.

Самарская губерния. Новоузенск—12.924 ж.

Земля Уральского казачьего войска. Уральск (1897 г.)—36.597 ж.

Уральские казаки пришли из Великороссии по течению Волги. После разрушения татарских царств Казанского и Астраханского, низовая Волга сделалась сборным местом людей всякого рода и племени, хотя преобладали русские, которые называли себя «вольными казаками» и которых московское правительство именовало «казацкими разбойниками», «вольницей». Мало-по-малу воеводы прогнали их с берегов Волги, и в то время, как одни из них поднялись на север и пробрались в Сибирь по Каме и её притокам, другие отправились на своих стругах в Каспийское море и там пристали в устьях Яика. Они разрушили, в 1580 году, нагайский город Сарайчик, старинный складочный пункт генуэзских товаров, направлявшихся из Таны в Центральную Азию, и основали выше на Яике свой городок, Яицк, остатки которого Паллас видел еще в 1769 году. Не признавая над собой никакой посторонней власти, они, однако, вели войны именем московского царя и часто побеждали своих врагов; однажды они даже овладели городом Хивой и занимали его несколько дней, опередив таким образом нынешних русских[2]. В половине семнадцатого века московское правительство, желая обуздать и подчинить своей власти беспокойных казаков, велело построить близ главного устья Яика город Усть-Яицк, который вскоре после того переименовали в Гурьев, по фамилии купца, которому были предоставлены в пользование рыбные промыслы, и мало-по-малу казаки утратили свою гордую независимость; из номинальных подданных они сделались действительными подданными. «Вольные люди» познакомились с батогами и кну-

1 Мурчисон; Небольсин; Семенов, „Географическо-статистический словарь Российской Империи"; Коппен, „Горная и соляная промышленность России".

2 А. Рябинин, „Уральское казачье войско" Спб. 1866.

том, оренбургское правление дошло в своем усердии до того, что запретило им носить бороду, и даже употребляемому ими крестному знамению (между ними было очень много раскольников) угрожала опасность преследования. Оттого-то яицкие казаки одни из первых откликнулись на призыв Пугачева, лжецаря «Петра III», обещавшего пожаловать их «крестом и бородой, реками и лугами, деньгами и съестными припасами, свинцом и порохом и вечной волей». Побежденные, они утратили даже свое имя, и на месте главного их города Яицка теперь стоит Уральск; у них отняли право выбирать своего войскового старшину; их старинное устройство, их круг, или вече, были уничтожены, и они получили назначенного правительством наказного атамана, который с 1833 года даже не выбирается из среды войска, как делалось сначала; власть начальников была увеличена на счет вольностей простых казаков. С 1874 года, введена была обязательная военная служба на общем основании, тогда как прежде община посылала казаков по добровольному их согласию; недовольные этим преобразованием были сосланы в Сибирь и в Среднюю Азию.

В прежнее время воды и земли считались общей и нераздельной собственностью всего войска, но этот первобытный коммунизм, еще существующий в теории, на деле уже сильно изменился под влиянием сословных различий. Офицеры имеют право накашивать для своих стад количество сена большее того, какое получают простые казаки, и их доля труда может быть исполняема чрез посредство известного числа наемных работников; в то же время они присвоивают себе весьма значительную часть улова рыбы и получают от 30 до 40 десятин земли, тогда как другим казакам отводится только половина этого пространства[1]. В царствование императора Николая I, около половины уральских казаков-староверов, уступая административному давлению, воссоединились с православной церковью на началах единоверия; но между ними до сих пор осталось не мало раскольников, магометан и даже буддистов. Эта смесь религии указывает также на разноплеменный состав уральского казачества.

Население Уральской области в 1895 г. исчислялось в 548.284 души, в том числе слишком 400.000 киргизов, свыше 110.000 русских (казаков), остальные—татары, калмыки, башкиры. По религиям это население распределялось следующим образом: около 430.000 магометан, 56.000 православных, 54.000 раскольников, 1.300 ламаитов (буддистов) и пр. По переписи 28 января 1897 г., число жителей области определилось в 644.001.

XVII. Бассейн Дона, Азовское море

Губернии Воронежская, Харьковская; область войска Донского

Покатость Азовского моря не представляет особенной географической и этнографической области, ясно очерченной естественными границами и отличающейся от других покатостей языком или происхождением своего населения. Истоки Дона и его верхних притоков переплетаются с истоками данников Волги и Днепра; даже Медведица и другие реки, впадающие в Дон, следуют параллельно Волге на близком расстоянии, представляя в своем течении те же самые геологические свойства местности. В долине Дона черноземные пространства сменяются голыми степями по направлению с севера на юг, как и в долине Днепра и Днестра; население в первой распределилось подобным же образом, становясь все более и более редким, по мере уменьшения плодородия почвы. На севере и востоке великоруссы, на западе малоруссы, на юге колонисты всякой расы и языка, как в Новороссии, населяют покатость Азовского моря и делают эту страну общей территорией, где все жители России, за исключением финнов, могут найти своих соплеменников. Население в бассейне Дона реже, чем в бассейне Днепра и в центральной России, по причине большего протяжения, которое занимают там степи, но численность его быстро возрастает с каждым годом.

Три названные губернии, пределы которых приблизительно совпадают с границами бас-

1 Рябинин, цитированное сочинение; И. Железнов, „Уральцы". Москва, 1859 г.

сейна Дона, имеют:

	Пространство без значит. внутр. вод, в кв. верст.	Население по переписи 1897 г.	Сред. число жителей на 1 кв. вер.
Воронежск.	57.902	2.546.255 душ.	44,0
Харьковск.	47.875	2 509.811 „	52,4
Обл. войска Донскаго	144.586	2.575.818 „	17,9

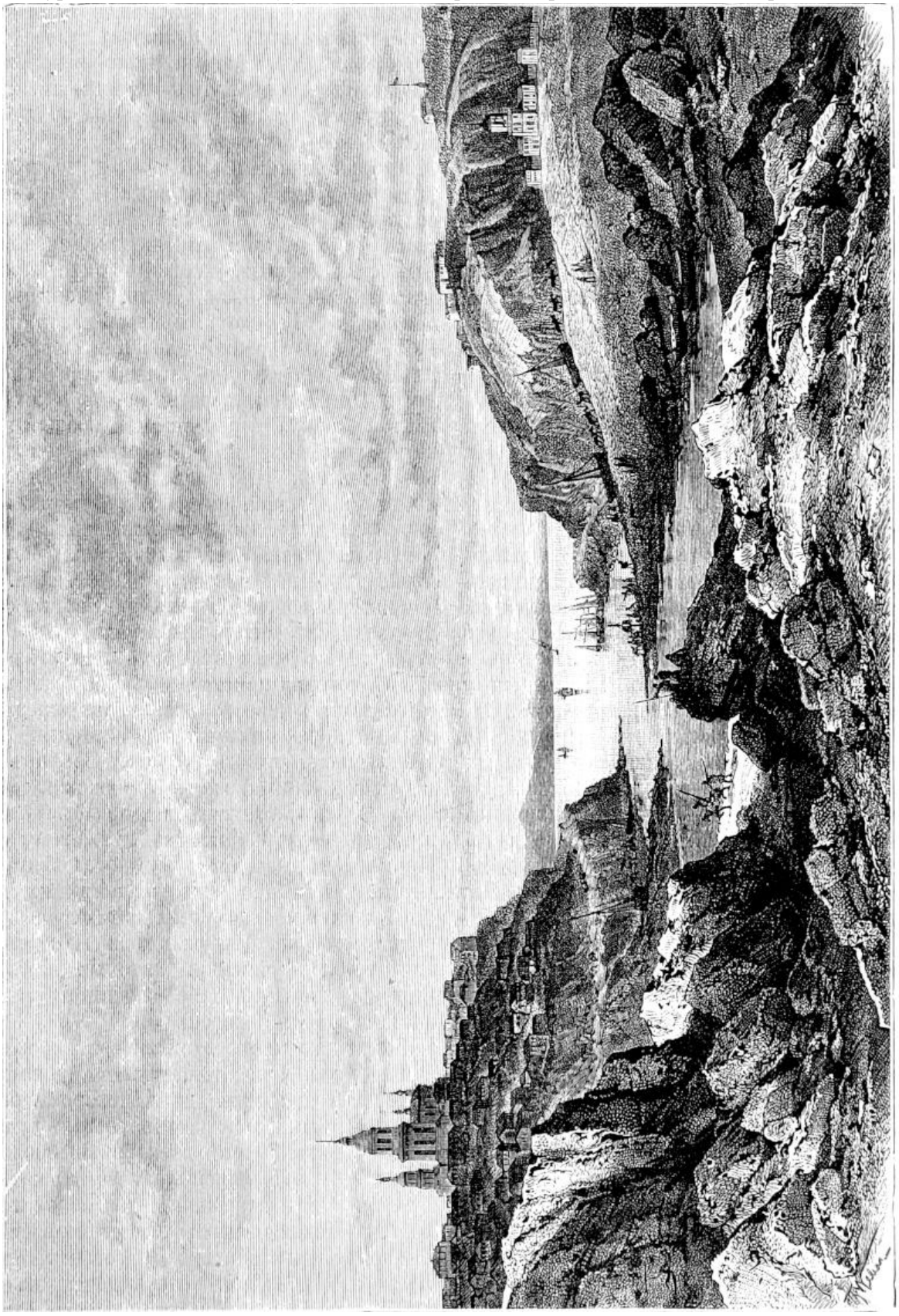
Различные геологические формации центральной России, эоценовые, меловые, девонские, продолжаются правильно в бассейне Дона; точно также пояс гранита, или Каменная гряда, образующая пороги на Буге и Днепре, продолжается на юго-восток почти до самого Азовского моря; но, кроме того, эта страна обладает обширными каменноугольными формациями, которые придают ей исключительную важность в промышленном отношении и, без всякого сомнения, привлекут на берега Донца значительное население.

Дон, в наименовании которого, вероятно, находится корень греческого названия Танаис, принадлежит, если не по обилию вод, то по крайней мере по длине течения, к числу больших рек Европы: с извилинами он имеет 1.500 верст в длину[1]. Он получает начало в Епифанском уезде, Тульской губернии, из небольшого озера Ивановского, и течет сначала на юг, затем, по принятии в себя почти параллельного притока, Воронежа, извивается к юго-востоку и даже к востоку, как будто идя на соединение с Волгой. Усиленный многоводными реками, Хопром и Медведицей, он подходит на расстояние почти 60 верст к могучему даннику Каспия, при чем средний уровень его почти на 20 сажен стоит выше поверхности Волги. Оба берега его имеют, подобно берегам Волги, нормальную форму, то-есть, правый—высокий нагорный, тогда как на левом расстилаются пространства, уже выровненные водами. Таким образом, Дон течет, так сказать, на террасе, подобной ступеньке лестницы, и возвышающиеся с западной его стороны береговые утесы, казалось бы, должны отбрасывать его к нижней реке; однако, он делает крутой поворот и направляется на юг, потом на юго-запад и, наконец, на запад к Азовскому морю. С торговой точки зрения можно сказать, что Дон продолжает собою течение Волги. Спускаясь к морю, которое, посредством четырех проливов: Еникальского, Константинопольского, Дарданельского и Гибралтарского, соединяется с Атлантическим океаном, Дон имеет над Волгой то громадное преимущество, что он не теряется, как эта последняя, в замкнутом бассейне. Оттого большая часть товаров, идущих вниз по Волге, выгружается на ближайшем к последней колене Дона и направляется на эту реку. Уже султан Селим II, осаждая Астрахань, пытался прорыть канал между двумя соседними реками, чтобы удобнее доставлять на Каспий военные материалы; Петр Великий возобновил попытку устроить канал для соединения этих важных рек, но предприятие было оставлено, как трудно осуществимое, и до половины настоящего столетия перевозка товаров производилась обозами по Дубовскому волоку до Качалинской пристани. С 1861 года Волга продолжается к Дону железной дорогой, построенной на протяжении 75 верст от Царицына до Калачевского затона. Первоначальная конно-железная дорога была впоследствии заменена двумя путями с паровой тягой.

Неравенства уровня вод Дона были одною из главных причин, мешавших до сих пор прорытию большого судоходного канала через перешеек, разделяющий две реки. Без сомнения, масса воды, которую катит Дон, довольно значительна, в среднем, чтобы питать канал, так как она исчисляется проф. Белелюбским в 8.575 кубич. фут. в секунду; но дело в том, что разность уровня между половодьем и мелководьем весьма велика (в Ростове количество протекающей в секунду воды составляет 366.275 кубич. фут.). Свободный от льда впродолжении около 240 дней у своей восточной излучины, Дон иногда бывает так мелок и усеян песчаными мелями, что судоходство по нему производится с большим трудом посредством маленьких плоскодонных судов; во время двух разливов,—«холоднаго», сопровождающего ледоход, и «теплаго», имеющего место во время летних дождей,—нижний Дон поднимается аршин на 7, на 8 и более против своего среднего уровня и покрывает водою все низины, все

1 По Стрельбицкому („Superficie de l'Europe").

лощины своей долины; во многих местах он разливается тогда верст на 30 в ширину: это— настоящее море в движении, и с середины его не видно берегов[1]. По сильным колебаниям своего уровня и объема вод, Дон походит скорее на горный поток: он попеременно то высту-



Старая волжско-донская конно-желѣзная дорога

пает из берегов, то мелеет не в меру. Некоторые из его притоков даже совершенно пересыхают летом. Хотя на европейском континенте долины и овраги этой части полуденной России

1 Павлович, „Материалы для географии и статистики России, Екатеринославская губерния".

представляют совершенно тот же характер, как уадисы некоторых сухих стран Азии и Африки,—реки этих оврагов делятся на «сухия» и «мокрыя», и даже последние по большой части суть не что иное, как ручьи, вода которых с трудом прокладывает себе дорогу в глинистой почве. Тем не менее, колодцы, выкапываемые на глубине от 25 до 37 сажен, везде дают в изобилии воду хорошего качества[1]. С того времени, как центральная Россия и лесистые области южной России были оголены на обширных пространствах и лишились своих лесов, регулировавших течение рек, эти уклонения в объеме вод Дона еще более усилились; может быть также, что и климат стал суше, как это замечено далее на западе, в бассейнах Днепра и Дуная, и на востоке—в бассейнах Урала, Эмбы, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Достоверно известно, что Донец, который течет параллельно главной реке с западной и южной сторон, был судоходной рекой в семнадцатом и в первой половине восемнадцатого столетия; суда поднимались вверх по его течению на пространстве нескольких сот верст; теперь же судоходство может быть совершаемо только в низовьях реки, и то только в период разливов; в обыкновенное время ширина её в некоторых местах не превышает 9 или 10 сажен, а между тем Донец протекает не менее 735 верст. Его называют Северным Донцом, хотя не существует никакого Южного Донца, если не считать одного рукава нижнего Дона, в области дельты. На юг от Донца степь является во всей её безотрадной наготе: там не только нет лесов, но даже не увидишь рощиц из мелкого дуба и дикой груши, какие растут на севере в защищенных местах. Лугов в собственном смысле тоже нет: трава здесь не расстилается сплошным дерновым ковром, а торчит пучками, рассеянными по земле. В этих гладких и голых равнинах бураны, или зимния вьюги, не встречая никакого препятствия, дуют со всей яростью; это в полном смысле метели, название которых, происходящее от слова «мести», как нельзя лучше выражает страшную силу степного ветра, который, словно метлой, очищает поверхность степи и часто загонял целые стада в воды Азовского моря или Сиваша.

Самая важная, но не самая обширная каменноугольная область России залегает, на пространстве около 25.000 квадр. верст, в Донецком бассейне и преимущественно в южной его части. С 1865 года в этом бассейне открыли на небольшой глубине до 650 слоев ископаемого угля, имеющих средним числом 30 сантиметров[2] толщины, но местами достигающих 10 аршин мощности, и состоящих из минерального топлива всевозможного качества, от антрацита почти чистого до жирного угля. Бесчисленные овраги, которыми изрезана вся эта местность, позволяют изучать образование и расположение этих пластов и облегчают работы рудокопов. Указанные в первый раз инженером Оливьери в 1827 г., затем тщательно исследованные Лепле[3] в 1837 году, месторождения Донецкого угля долго оставались без всякого употребления; во время Крымской войны русские, лишенные английского минерального топлива, не имели даже необходимых снарядов, чтобы добывать себе уголь, в изобилии находящийся в непосредственном соседстве с Азовским морем. Мало того: хотя железная руда существует в большом количестве в Донецком каменноугольном бассейне, металлургические заводы обработывали там единственно уральскую руду, и артиллерийские орудия и снаряды доставлялись из Петрозаводска, из Перми, с границ северных пустынь. Еще и в наши дни крестьяне каменноугольной области продолжают топить свои хаты скотским калом (кизяком) и соломой, вместо того чтобы употреблять уголь, который земля заключает в своих недрах вокруг их деревень. Со времен Крымской войны, добывание каменного угля, равно как и железной руды, в Донецком бассейне постоянно увеличивалось: в 1839 году оно не превышало 870.000 пудов, тогда как в наши дни одна только группа копей, Грушевская, доставляет этого продукта количество в пятнадцать раз более значительное, благодаря железной дороге, пересекающей округ, и соседству городов Новочеркаска, Ростова-на-Дону, Таганрога. Добыча на Донецких каменноугольных копях в 1893 году простиралась до 210 миллионов пудов. Пароходы Дона, Азовского и Черного морей употребляют донецкий уголь и тем

1 Акад. Гельмерсен, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome VIII, 1865 г.

2 Акад. Гельмерсен, цитированное сочинение.

3 Le Play, „Voyage dans la Russie meridionale et la Crimee", tome IV.

самым способствуют косвенно промышленному прогрессу и заселению страны.

Уменьшенная в протяжении геологическими переворотами, отделившими ее от Каспия, водная площадь, известная под именем Азовского «моря», съузилась еще в течение исторических времен,—гораздо менее, впрочем, чем можно бы было думать, основываясь на преданиях. Геродот, правда, говорит, что Palus Maeotis (древнее название Азовского моря) имело поверхность почти равную поверхности Понта-Эвксинского; но с тех пор, как эллинские мореплаватели обошли все это внутреннее море и основали колонии на его берегах, они убедились в незначительном протяжении залива в сравнении с открытым морем, и даже, кажется, большинство греческих писателей преувеличивали болотистый характер одной части этого бассейна. Так, например, говоря о нашествии варваров в пределы Европы, рассказывали, будто гунны перешли это море в брод, идя следом за ланью, которая пристала к крымским берегам, затем перебрались вплавь через узкий канал. Даже византийский историк Зосима утверждает, что в ту эпоху Босфор Киммерийский, ныне пролив Керченский, сделался твердой землей. Однако, не подлежит сомнению, что полторы тысячи лет тому назад Меотийское море было немного обширнее и глубже, чем оно есть в наши дни: наносы Дона постепенно съузили его бассейн и возвысили его дно. Профиль дельты совершенно изменился, и описания, которые нам дает Страбон, нисколько не соответствуют нынешней форме берегов[1].

Город Танаис, который греки основали у самого устья Дона и который во времена Птоломея находился уже в некотором расстоянии от моря, давно уже перестал существовать; но, благодаря архитектурным обломкам и надписям, Леонтьеву удалось отыскать, между Синявкой и деревней Недвиговкой или «хутором Недвиговским», местоположение, занимаемое некогда этим торговым городом: место это отстоит теперь почти на десять верст от древнего устья большого Дона, превратившегося в мертвый рукав («Мертвый Донец»). Главное течение реки перешло к югу, и на берегу этого нового потока стоит город Азов, бывший некогда преемником Танаиса по важности стратегической и торговой. Там, где воды текут в наибольшем обилии, и речные наносы отлагаются у берегов моря в наиболее значительных количествах. Можно даже удивляться, что струя Дона, постоянно несущая песок степей, среднее содержание которого составляет $^1/_{1200}$ воды, не удлиняет дельту в более быстрой прогрессии (годовое количество наносов исчисляется в 6.517.000 куб. метров): эту относительную медленность процесса засорения моря речными осадками приписывают бурным ветрам, дующим впродолжении столь значительной части года из восточных и северо-восточных областей[2]. Зыбь образуется в самом соседстве берегов, и твердые частицы, еще носящиеся в воде, даже кусочки земли, уже отложившиеся, и обширные тинистые мели, увлекаются волнением в открытое море и разносятся далеко по берегам. Таким образом, геологическая работа Дона состоит гораздо более в повышении дна морского, чем в образовании островов и в удлиннении полуостровов. По Гельмерсену, годовое приращение морской дельты составляет, в среднем, не более 9,38 аршин[3].

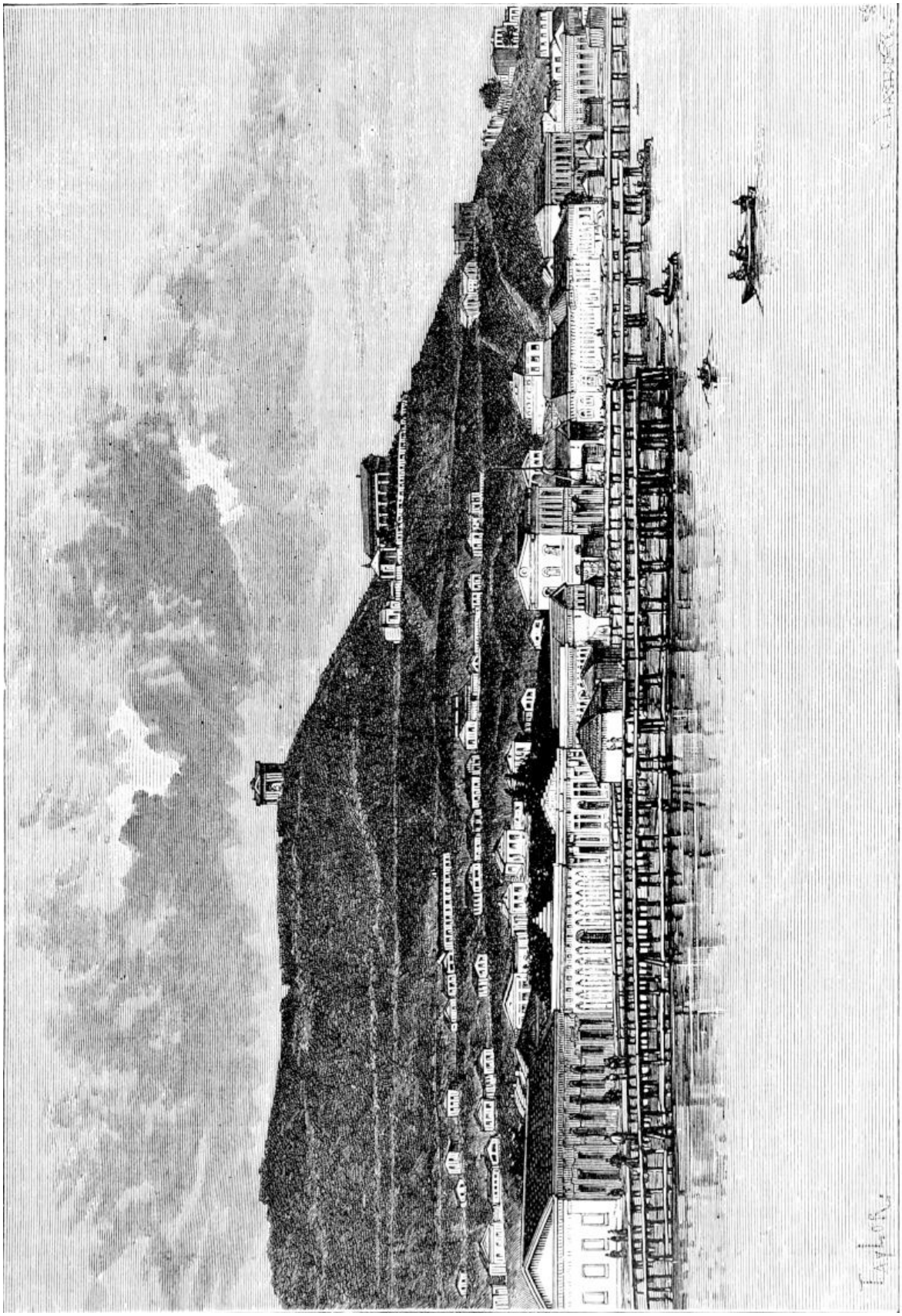
Восточная оконечность Азовского моря, то-есть залив длиною около 120 верст, который специально называют Таганрогским рейдом, может быть рассматриваем во всем его объеме как простое продолжение Дона, по пресному вкусу его вод, по его течению, по извилинам его судоходного фарватера, напоминающим излучины реки. Совокупность этого залива, где наибольшая глубина $10^1/_2$ аршин, но который, в среднем, представляет судам не более 10-13 фут глубины, повидимому, уменьшилась почти на полтора фута с того времени, как были составлены первые морские карты, в царствование Петра Великого; но очень трудно сравнивать промеры дна, произведенные в разные эпохи в главном бассейне Азовского моря, потому что измерительные приборы были бросаемы не в одних и тех же местах, и даже не из-

1 А. Сухомлин, „Лоция Азовского моря и Керчь-Епик. пролива". 1854 г.;—Борисяк, „Геологическо-гидрографическое исследование нижнего Дона".

2 К. Веселовский, „О климате России".

3 Акад. Гельмерсен, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", XI № 4.

вестно в точности, какую именно единицу длины употребляли первые измерители. При том, они должны были бы отмечать точным образом состояние погоды и особенно направление ветра во время операций, так как уровень моря изменяется иногда на несколько аршин под



Керчь и гора Митридата.

влиянием воздушного течения и атмосферного давления, а также вследствие неправильных качаний жидкой массы, в роде тех, какие бывают на Женевском озере, где они известны под именем «seiches». В сентябре 1850 года один моряк, Сухомлин, констатировал понижение

уровня на 10 футов у восточных берегов, и множество судов, которые плавали в полной безопасности вдали от берега, вдруг очутились на мели, стали неподвижно на дне; в подобных случаях уровень Дона может оказаться более низким, чем уровень моря[1]. В ноябре предъидущего года было наблюдаемо перед Таганрогом обратное явление: там, под влиянием бешеного юго-западного ветра, вода в море поднялась на две с половиной сажени. Дно Азовского моря, без сомнения, должно было несколько повыситься со времен греков, хотя измерения, данные Полибием, почти соответствуют недавним промерам для большей части протяжения бассейна: средняя глубина Азовского моря—около 33 футов, что, при поверхности равной 33.000 квад. верст, дает приблизительный объем 13.340 миллиардов кубич. футов или 311 кубич. верст, почти в четыре раза превосходящий объем Женевского озера. Самая значительная глубина, найденная лотом в Азовском море, в 1854 году, была 44 фута, тогда как в 1803 году она была 48 футов. Эта разница происходит, может быть, от каких-нибудь местных или временных обстоятельств, так как невозможно допустить, чтобы засорение бассейна речными осадками могло совершиться с подобной быстротой в течение полувека. Дно моря, состоящее из песка, смешанного с глиной, как и почва степей, и несодержащее ни одного камня, покрывается чрезвычайно медленно новыми тоненькими слоями, где органические вещества смешиваются с песчаными обломками берегов. Если бы наносы Дона не были отчасти увлекаемы течением в Черное море, то Азовский бассейн совершенно засорился бы в 56.500 лет.

Если трудно констатировать отложение наносов на дне Азовского моря, то это возможно было сделать без труда вокруг так называемых кос, то-есть узких и длинных полуостровов в форме изогнутого рога, которые опираются основанием об известковый, богатый ископаемыми берег и выдвигаются далеко в море. Многие мысы оканчиваются этими странными стрелками из подвижных песков и поломанных раковин[2], различно наклоненными, смотря по среднему направлению ветров и течений; но на северном берегу моря можно видеть следующие один за другим с замечательной правильностью пять таких продолговатых и остроконечных мысков, которые все изогнуты к юго-западу с ритмической волнистостью, все вооружены на западной их стороне маленькими боковыми крючками[3] и расположены от востока к западу по порядку величины; за исключением одной, где течение реки нарушает правильный порядок отложений, косы северного прибрежья имеют также гораздо более крутой скат на восточном их берегу, тогда как с западной стороны они опираются на обширные отмели: воды, ударяющиеся о морской берег, везде производят одинаковое полукруговое волнение, распространяющееся от одной косы до другой, при чем круг бывает тем больше, чем большую ширину имеет морской бассейн и чем значительнее сила толчка, получаемого волнами. Именно в соседстве этих кос, где отлагаются землистыя частицы, содержащиеся в водах течения, констатированы наиболее быстрые изменения рельефа: все стрелки удлинились, и окружающие пространства морского дна правильно повысились на несколько дециметров (1 дец.=4 дюйм.) или даже на целый метр (3,28 фут.) с начала настоящего столетия[4]. Таким образом, засорение песком и обмеление Азовского моря, которое уже Страбон рассматривал как простое расширение Дона, продолжается из века в век заметным образом, но, однако, не настолько быстро, чтобы можно было вычислить вероятную долговечность этого внутреннего моря, предполагая, что местные колебания почвы не изменят относительного уровня берегов и вод. Как справедливо сказал Аристотель, говоря именно об этом будущем засорении «Меотийского болота» (Palus Maeotis), «все народы, может быть, исчезнут с лица земли прежде, чем эта перемена совершится до конца».

Жидкая масса, приносимая Доном, гораздо больше, по объему, той, которую Азовское море теряет путем испарения; оттого весь этот залив может быть рассматриваем как морское

1 Борисяк, цитированное сочинение.
2 Акад. Гельмерсен, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome VII, 1864.
3 Акад. Гельмерсен, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome XI. 1867.
4 Акад. Бер, „Bulletin de l'Ac. des Sc. de S.-Pet.", t. V. 1863 r.

продолжение реки, да и сам он есть не что иное, как приток Понта Эвксинского: его мутные воды, цвет которых, может быть, и подал повод дать ему название «Синего моря», под каковым он был известен арабам и древним русским, изливаются через Керченский пролив с значительной силой, так что суда иногда с трудом преодолевают быстроту течения. По свойству своих вод, Меотийский залив есть в одно и тоже время и река и море. В Таганрогском рейде вода совершенно пресная, и моряки запасаются ею для своих судов—все равно как речной водой; на всем западном берегу скот ходит на водопой к морю, тогда как около середины бассейна вода уже соленая, хотя и в меньшей степени, нежели вода Черного моря. По Гебелю[1], удельный вес воды Азовского моря—1.0097, а Черного моря—1.01365.

На западе Азовского моря расстилаются, между плоской возвышенностью южных степей и Таврическим полуостровом, обширные болота Сиваш, вода которых сильно испаряется от действия солнца и ветров, и которые летом и осенью действительно заслуживают это название, означающее «Гнилое море». Эти болота, или мелкие озера, получающие пресную воду только из атмосферы, в виде дождей, содержат, средним числом, гораздо большее количество соли, чем Азовское море, и даже некоторые боковые лужи, пересыхающие летом в песках, оставляют на месте своего пребывания слои кристаллической соли. Сиваш доступен лишь плоскодонным судам, да и то только в северной своей части: в этом отношении он нисколько не изменился со времен Страбона. Ветры, дующие с той и другой стороны, беспрестанно изменяют очертание прудов, опоражнивая одни, засыпая другие песком; насыпь железной дороги, которую недавно проложили через всю эту область неопределенных пространств, послужила опорной линией для многочисленных наносов земли, на которых основались очень производительные соляные промыслы, доставляющие почти половину всего потребляемого в Империи количества соли[2]; смотря по надобностям продажи, из этих озер извлекалось от 6.000.000 до 24.000.000 пудов соли.

Добыча на Крымских соляных промыслах (в миллионах пудов): в 1873 г.—24; в 1874 г.—15; в 1875 г.—5; в 1876 г.—12; в 1879 г.—12. В 1893 г. значительнейшие из Крымских промыслов (озера Сакское и Сасык-Сиваское и Чонгарский промысел) дали 6.552.000 пуд. соли.

Сиваш, столь мало правильный в своих очертаниях, отделен от Азовского моря косой замечательной правильности, профиль которой отличается не меньшей отчетливостью, чем контуры упомянутых выше образований этого рода. Эта коса, называемая Арабатской по имени маленького порта, стоящего на южной её оконечности, тянется в длину на сто слишком верст (106 в.), имея в ширину от полутора до пяти верст, и почти сплошь состоит из песку, который ветер и волны распределили по правильным линиям, но она заключает также, преимущественно на севере, кряжи из глины и известкового камня, которые послужили столбами для песчаной насыпи, отложившейся от одного берега до другого. В настоящее время Гнилое море сообщается с Азовским посредством одного только протока, который открывается у северной оконечности Арабатской косы перед местечком Геническ, и ширина которого меняется, смотря по направлению ветров и намыву песков, приносимых то с Азовского моря, то с Сиваша, сообразно ходу течений. В 1860 году ширина канала в Геническом протоке была только 65 сажен. Между тем Страбон говорит о широком отверстия, соединяющем Гнилое море с Азовским: очевидно, форма Арабатской косы изменилась со времен древнего географа.

Можно сказать, что река, выходящая из Азовского моря через Еникальский пролив, имеет свой бар, как все вообще речные потоки, воды которых сталкиваются с водами открытого моря. На пороге этого пролива толщина слоя воды не более двух сажен, средним числом; но к югу от этого бара морское ложе, принадлежащее уже к Черноморскому бассейну, быстро углубляется: лот находит около $9^1/_2$ сажен на продолжении линии, образуемой полуденным берегом Крыма. На юге от этих ворот пролива, глубины увеличиваются очень правильно до

1 „Reisen in den Steppen des sudlichen Russland".
2 „Russische Revue, № 11".

рва глубиною в одну версту 370 сажен, который нашли между Керчью и Сухум-Кале, исследуя морское дно для проложения подводного телеграфного кабеля[1]. Поток, выходящий из Азовского моря, теряется, в общем движении вод Черного моря, направляющемся правильно вдоль берегов. На западе от Керченского пролива и Крымского прибрежья, это течение Понта Эвксинского увеличивается водами, которые ему приносят его притоки: Днепр, Буг, Днестр, Дунай. Облегченная от части жидкой массы течением, выливающимся через Босфор, морская река поворачивает к востоку, чтобы следовать вдоль берегов Анатолии и снова начать за Батумом круговорот Черного моря. Скорость этого течения варьирует от 420 сажен до двух верст 285 сажен в час, и увеличивается или уменьшается, смотря по направлению ветров[2].

Фауна Азовского моря и Понта Эвксинского, также как исследование выступивших из-под воды пространств, дает доказательство прежнего соединения двух бассейнов—Черного моря и Каспия, составлявших некогда одну непрерывную морскую площадь. В самом деле, странствующие рыбы, равно как рыбы, которые обыкновенно водятся в солоноватых водах, и наконец, те, которые живут безразлично в солоноватой или соленой воде, представляют в обоих этих бассейнах почти совершенное тождество. Весьма вероятно, что отделение Черного моря от Каспия совершилось задолго до того времени, когда открылся соединительный пролив между Понтом Эвксинским и Средиземным морем. Тогда как, вследствие продолжительного различия среды, рыбы одного и того же происхождения, обитающие в двух морях, разделенных понто-каспийским перешейком, уже дифференцировались несколько в разновидности и виды, рыбы Средиземного моря, проникшие в Черное, сохранили свой тип. Нужно заметить, что это переселение видов Средиземного моря по дороге, которую им открывают Дарданеллы и Босфор, продолжается и поныне, ибо теперь доказано существование у берегов России различных видов рыбы, свойственных Средиземному морю, которые ускользали от прежних исследователей. Впрочем, виды распределяются естественно по степени солености вод. В главном бассейне Понта Эвксинского животное царство состоит преимущественно из видов, свойственных Средиземному морю; напротив, в Одесском заливе, около устьев Дуная, Днепра и Днестра, в Азовском море, где воды менее солены, почти все виды принадлежат к каспийской фауне[3].

Между населением покатости Азовского моря особенно замечательно, по своей истории, нравам, обычаям и политической организации, донское казачество, которое происходит по большей части от великорусских беглецов; однако, к этому главному элементу несомненно были примешаны также татарские казаки из Азова: первый начальник или атаман донских казаков, о котором упоминают в 1549 году, носит именно татарское прозвище Сарыазман[4], и только сто слишком лет спустя, в 1653 году, они построили свою первую церковь; до восемнадцатого столетия церемония брачного обряда ограничивалась простым словесным заявлением супругов перед собранием казаков[5]. Крестьяне и посадские люди, обиженные помещиками и воеводами, несчастные, угрожаемые каким-нибудь поголовным истреблением, и впоследствии раскольники, преследуемые за приверженность к старой вере, обыкновенно искали убежища в привольных степях: спасшись бегством от своих притеснителей, они селились в какой-нибудь луговой низине, где-нибудь в глухом, отдаленном овраге, и, живя постоянно настороже, готовы были во всякое время бежать снова или сопротивляться вооруженной рукой, смотря по силе и численности врагов, мусульман или христиан, которые нападали на их пристанища; таким-то образом заселилось мало-по-малу все пространство, залегающее

1 „Известия Имп. Русского Географ. Общества", 1870 г., том V, № 8.

2 Шмит, „Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния".

3 Проф. Кесслер, „Russische Revue", 1875 г , 4-й вып

4 А. П. Соколовский, „Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом".

5 Е. И. Якушкин, „Обычное право". Ярославль 1875 г.

между слиянием Дона с Медведицей и Азовским морем,—область, бывшая еще пустынной в 1521 году. Уже в первой половине шестнадцатого века московские поселенцы на нижнем Дону стали настолько многочисленны, что образовали могущественную конфедерацию, платившую татарам набегом за набег; при этом, однако, было условлено между двумя нациями грабителей, чтобы никогда не выжигать травы в степях, которая прокармливала стада тех и других[1]. Впоследствии запорожские казаки и другие малороссияне присоединялись, в качестве равных, к казакам великорусского происхождения и селились по большей части на берегах нижнего Дона; даже в наши дни малороссийские казаки, которым случается во время своего странствования просить гостеприимства у казаков этой области, всегда встречаются последними как братья, тогда как великорусских крестьян донцы принимают только как гостей. Любопытно, что великоруссы, поселившиеся в низовьях Дона, отделены от главной массы своего племени пространствами, которые оставались пустынными до прибытия в край малорусских колонистов в семнадцатом столетии; эта этнографическая странность объясняется тем, что каждая шайка холопей и крестьян, бежавших от притеснения помещиков, старалась поселиться как можно дальше от своего отечества. Беглецы всякого рода и племени из восточной Европы и с берегов Черного моря искали убежища у этих удальцов, в одно и то же время разбойников и героев: все пришельцы охотно принимались, с условием носить имя казаков. Не без удивления встречаешь между прибрежными жителями Дона большое число немецких фамилий[2]: переселяясь из страны в страну, саксонцы и швабы кончали тем, что становились вольными казаками русских степей. Только в 1810 году правительствующий сенат запретил казакам принимать в свою среду польских шляхтичей.

Едва организовавшись в правильную общину, донские казаки признали над собой верховную власть московского царя: в 1570 году они отдали себя под покровительство Ивана Грозного, но еще долго после того повторяли свою поговорку «царь царствует в Москве, а казак на Дону». Донские казаки принимали участие во всех превратностях судьбы Московского государства, во всех важнейших событиях его истории: так, между прочим, они завоевали, под покровительством Ермака Тимофеевича, Сибирское царство; они же служили оплотом против турецкого могущества во всей юго-восточной области. Подобно днепровским запорожцам, донские казаки, сгруппированные там и сям в станицы, выбирали для своих сборных и оборонительных притонов преимущественно глухие острова, окруженные мелями, камышами, лесными чащами, где их трудно было преследовать. Но турецкая крепость Азов сильно стесняла их в отношении свободного обладания островами Дона; они успели овладеть ею на некоторое время в 1574 году, потом, в союзе с запорожцами, в 1637 году; но когда они опять взяли Азов в 1696 году, то это уже было при помощи инженеров и пушек Петра Великого, который должен был снова потерять ее. Однако, этот укрепленный пункт и устья Дона, столь важные в стратегическом и торговом отношениях, не были оставлены в их руках. Правительство, всегда смотревшее с недоверием на казачество, основало, в 1731 г., крепость Ростов. Но уже ранее основания Ростова донские казаки утратили свою независимость. Петр Великий, недовольный тем, что они принимали к себе и не выдавали беглецов из центральной России (тяглых людей, спасавшихся от рекрутчины и новых налогов), подавил казацкое возмущение (под начальством Булавина) с крайней строгостью. Начальник царских войск, кн. Василий Долгорукий разрушил до основания непокорные станицы и перевешал множество мятежников (по рекам пущены были плоты с повешенными на них казаками); семь тысяч казаков погибло при этом усмирении, и большое число их ушло искать убежища в Кубанской области, а оттуда в Турцию[3].

Нравы и образ жизни разных групп донских казаков зависят более от различия местности и климата, нежели от различия происхождения. Северные казаки, живущие выше слия-

1 Н. Краснов, „Земля Войска Донскаго". Спб., 1863 .

2 „Письма о путешествии Государя Наследн. Цесаревича от Петербурга до Крыма".

3 Один из предводителей восстания, Некрасов, ушел сначала на Кубань, потом с частью своих казаков перебрался в Добруджу, на нижнем Дунае, где потомки этих казаков известны теперь под именем некрасовцев. *Прим.перев.*

ния Дона и Медведицы, почти все оседлые земледельцы. Еще в начале восемнадцатого столетия казак-пахарь презирался своими собратами; а несколько ранее, в 1690 году, казацкое вече (круг), узнав, что на берегах Хопра и Медведицы сеют хлеб, запретило этот промысел под страхом смертной казни и конфискации имущества[1]. Однако, сила вещей взяла свое и заставила мало-по-малу приняться за плуг. Казаки ближайшие к центральной России научились у своих соседей утилизировать плодородный чернозем степей, которые сделались их отечеством. Казаки нижнего бассейна, где земли менее плодоносны, ограничиваются по большей части возделыванием виноградников, фруктовых садов, баштанов (полей, засеянных арбузами); кроме того, они занимаются рыболовством, коневодством, разработкой соляных озер, мелкой торговлей, городскими промыслами и ремеслами. У южных казаков, также как и у северных, чисто военное устройство все менее и менее соответствует их гражданской жизни, их земледельческой и торговой деятельности. По положению о земле Войска Донского, они разделены на полки. Все молодые люди казачьего сословия, по достижении семнадцатилетнего возраста, делаются солдатами или поступают на службу в войсковую администрацию, сообразно военным уставам; начальники их, за исключением станичных, назначаются правительством; войсковой атаман всегда выбирается между сановниками Империи, непринадлежащими к казачьему сословию, а титул казачьего атамана присвоен Наследнику престола. Однако, самый жизненный интерес для казаков представляет теперь не вопрос о рангах и повышениях, а вопрос о землевладении. Правительство решило его, учредив земельную аристократию: уже в 1775 году, по желанию Потемкина, дарованы были казачьим офицерам права дворянства, что позволило им иметь крепостных; после освобождения крестьян от крепостной зависимости, каждый начальник получил на свою долю от 100 до 1.500 десятин земли, смотря по чину, тогда как простые казаки сделались собственниками участков, все-таки весьма значительных,—в 30 десятин. В прежнее время вся территория донских казаков составляла коллективную собственность, и даже сами станицы, то-есть военные общины, не имели права овладевать тем или другим земельным участком для целой группы. Ныне земля везде разделена, станицы, бывшие первоначально сторожевыми постами, превращаются в города и неказацкое население все более и более примешивается к потомкам старого казачества, которые составляют ныне около двух третей общего числа жителей области[2]. Донские казаки еще помнят и воспевают в своих песнях подвиги предков, войны с татарами, взятие Азова, возмущение Степана Разина, который, по словам легенды, летал по воздуху на волшебном войлоке и обращался в рыбу, когда надо было переплыть Волгу; но сами они сделались такими же русскими подданными, как их соседи, хотя подчиненными более сложному управлению; от прежней вольности их теперь осталось только воспоминание. Во времена политических смут правительство, для усиления наружной полиции, употребляло преимущественно донских казаков как в Польше, так и в России.

Большая часть территории, простирающейся на северо-запад от области Войска Донского, также имела прежде казацкое устройство. Эта область обнимала нынешнюю Харьковскую губернию, с соседними частями губерний Курской и Воронежской. Принадлежа с давних пор к Московскому государству, эти земли оставались еще почти безлюдными, когда они были назначены, как место убежища, малороссийским крестьянам, убегавшим от своих польских помещиков. Эти переселенцы основали казацкия слободы, известные в тогдашнем Московском царстве под именем «черкасских», употребляемым еще и ныне; они также пользовались некоторой автономией и были разделены на полки, но не имели федеральной связи. Их самостоятельное устройство было уничтожено в 1765 году, одновременно с упразднением малороссийского гетманства; но казаки Слободской Украйны не сохранили своего имени, как казаки губерний Полтавской и Черниговской; очень многие из них даже были обращены в крепостное состояние и соединены с великорусскими холопами, приведенными в край московскими помещиками. Можно, однако, сказать вообще, что жители местностей,

1 Соколовский, цитированное сочинение.

2 В 1880 г, из общего числа жителей (около 1.405.000 душ), на долю лиц военного сословия приходилось. круглым числом, 950.000 душ. *Ред.*

составлявших некогда Слободскую Украйну, менее бедны, нежели жители центральной России; эти малороссы, потомки вольных казаков, имеют в своей среде очень большое число купцов и промышленников и отличаются в наибольшей степени «великорусскими» качествами—деятельностью и предприимчивостью[1]. Во многих деревнях две народности, малорусская и великорусская, живут одна подле другой, и две части селения, разделенные речкой или оврагом, представляют резкий контраст: с одной стороны вы видите раскиданные поодиночке хаты малороссиян, деревянные домики, обмазанные снаружи глиной и выбеленные мелом, окруженные садами и цветниками; с другой—длинные ряды русских изб, голых бревенчатых построек, без всякой зелени, придающей жилью более веселый вид.

Поселенцы прилегающих к Азовскому морю степей принадлежат, как и колонисты, заселившие Новороссийский край, к самым разнообразным расам и национальностям. Существуют также колонии евреев-земледельцев; да и татары по берегам моря не были совершенно вытеснены христианами. Затем здесь мы находим кавказцев различных племен, которые были переселены на север Азовского моря и таким образом сделались против воли обитателями этой страны. Наконец, в соседстве Мариуполя живут греки, вероятно, очень смешанные, которые почти совсем позабыли язык своих предков, но сохранили православное вероисповедание. Они происходят от жителей Таврического полуострова, которые переселились в Россию при Екатерине II и с той поры приняли язык, а отчасти и нравы своих господ, татар. Эти греки вообще слывут беспечными и ленивыми; они так сильно отличаются от других эллинов по характеру, что их можно считать как бы выродившимися или утратившими основные черты своей расы[2]. Сербы и калмыки, тоже поселенные в крае в восемнадцатом столетии, совершенно слились с массой русского населения.

В верхнем бассейне Дона одно из первых местечек—Куликовка, подле которой находится знаменитое Куликово поле, где союзные русские войска Москвы и Литвы, под предводительством великого князя, Дмитрия Донского, одержали в 1380 году блистательную победу над полчищами Мамая[3]. В этой области, одной из самых плодородных в черноземной полосе, города многочисленны и ведут большую торговлю земледельческими произведениями: Ефремов, Лебедянь, Ливны, Елец, Задонск, Землянск—значительные рынки, хорошо известные таганрогским и одесским купцам, по производимым ими отправкам хлеба и гуртов скота. Самый важный из этих городов и один из наиболее славящихся производством муки—Елец, на р. Сосне, западном притоке Дона. Народные пословицы говорят об елецких «ворах» и «конокрадах». Эта дурная слава про жителей Ельца и других соседних городов, находящихся в восточной части Орловской губернии, произошла, вероятно, от положения этого края на бывшей «украйне», долго оспариваемой, где конокрадство могло быть совершаемо гораздо легче, чем в других местах.

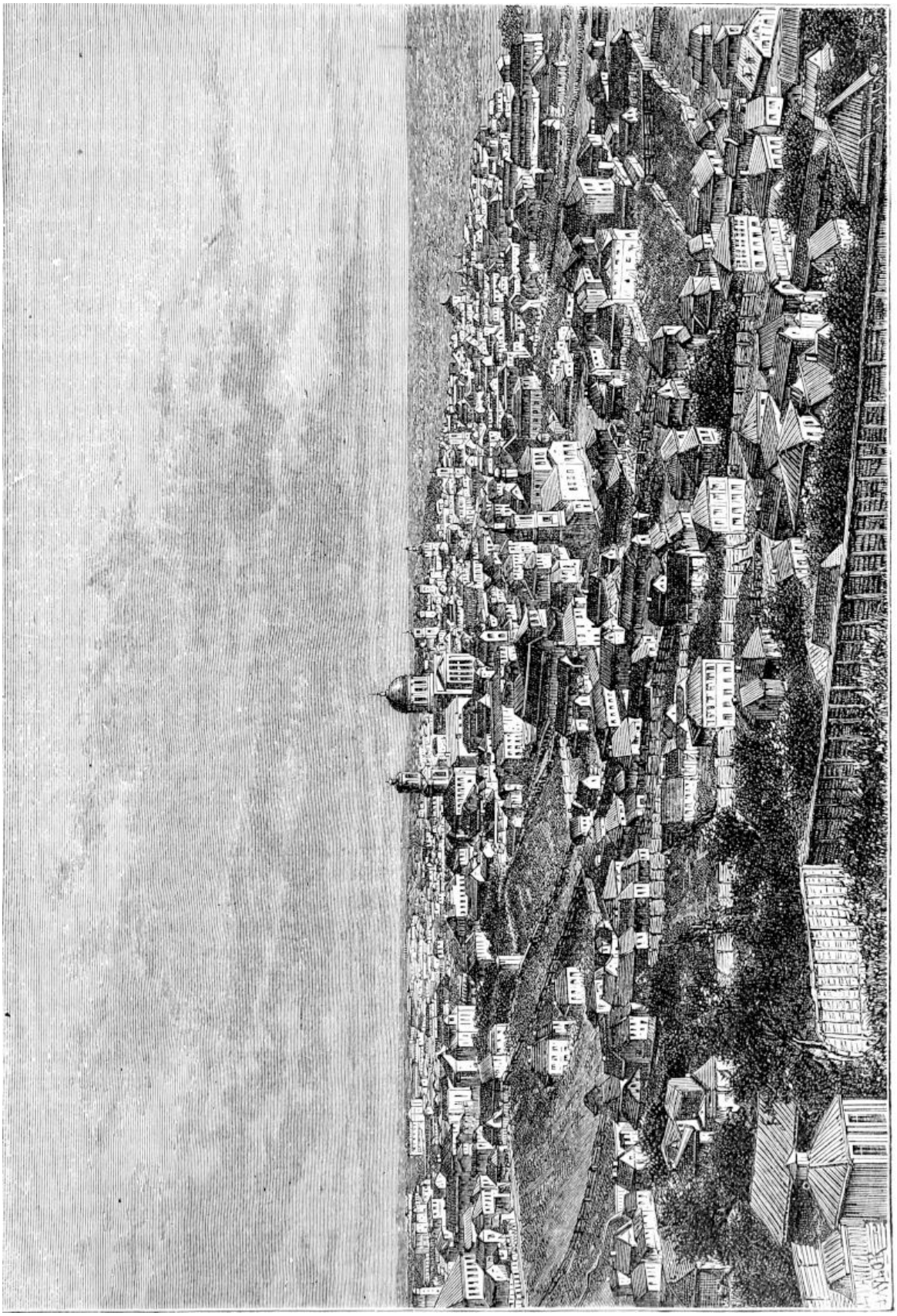
Воронеж, река-близнец верхнего Дона, также проходит через густо населенную область, где есть несколько важных городов, как, например, Козлов и Липецк, из которых последний известен своими минеральными (железистыми) водами. Губернский город Воронеж обязан своим важным торговыми значением преимущественно выгодному положению на реке того же имени, в небольшом расстоянии от слияния её с Доном. Он имел уже до 5.000 жителей в конце семнадцатого столетия, когда Петр Великий учредил в нем адмиралтейство, велел построить крепость, арсенал, верфи и соорудить целую флотилию из 55 судов, вооруженную слишком 2.500 пушек и имевшую до 4.000 человек обыкновенного экипажа. Тысячи рубщиков леса должны были переселиться с берегов Северной Двины на берега Воронежа, чтобы помогать при постройке кораблей в этом речном порте, очень бедном водой. Впрочем, вскоре пришлось перевести кораблестроительную верфь на Дон, ниже впадения Воронежа. В наши дни по этой последней реке ходят только барки. Город Воронеж принадлежит к числу наи-

1 В. Михалевич, „Воронежская губерния". Спб, 1862 г.

2 Mackenzie Wallace, „Russia".

3 На Куликовом поле воздвигнут памятник, открытый в день пятисотлетней годовщины событие, 8 сентября 1880 г. *Прим.перев.*

более посещаемых богомольцами мест в России и отличается своей литературной деятельностью между всеми великорусскими городами, неимеющими университета. На востоке, в обширных степях, по которым протекает река Битюг, маловодный приток Дона, находятся



Воронежъ.

важнейшие в России казенные конские заводы; здесь разводится знаменитая порода орловских рысаков.

Усмань (уездный город Тамбовской губ.), на северо-востоке от Воронежа, находится в

сравнительно небольшом расстоянии от административного центра губернии. На юге Коротояк, на правом берегу Дона, и Острогожск, на высоком крутояре одного притока, называемого Тихой Сосной, были прежде казацкими крепостями, защищавшими край от татарских набегов. Ниже Острогожска, на той же реке, стоит богатая и многолюдная слобода Алексеевка, жители которой занимаются главным образом культурой подсолнечника и приготовлением подсолнечного масла. Здесь существуют артели народных живописцев, которые изображают события из священной истории с большей свободой, чем другие иконописцы России, и малюют также комические сцены на стенах и в домах. Алексеевские живописцы по характеру письма имеют отдаленную связь с национальной школой живописи, существовавшей в Киеве в семнадцатом столетии.

Павловск, при слиянии Дона и Осереды, также был первоначально колонией «черкасских» казаков, где Петр Великий основал кораблестроительные верфи для своей флотилии Азовского моря. Бутурлиновка, или Петровская, местечко, растянувшееся верст на 12 по р. Осереде, представляет, подобно Алексеевке, промышленную слободу, жители которой занимаются преимущественно кожевенным и сапожным производством; между ремесленниками её есть также много живописцев. В 1842 году крепостное население Бутурлиновки выкупилось на волю, обязавшись заплатить, в тридцати-семилетний срок, московскому опекунскому совету долг своего помещика, составлявший 2.114.000 рублей с процентами; последний платеж внесен был в 1879 году,—следовательно, шестнадцать лет спустя после освобождения крестьян. Богучар, татарское название которого напоминает постоянные войны, опустошавшие страну, и Калач, славящийся своими ярмарками (торговля скотом), тоже были слободами, которые несколько раз заселялись московскими и черкасскими иммигрантами. Ниже, по течению Дона, следует ряд станиц, имевших такое же происхождение: каждая из них была первоначально военным становищем, которое было, так сказать, временно поставлено на почву его основателями, но затем мало-по-малу, благодаря земледелию, пустило корни и сделалось постоянным поселением. Что касается городов по верхнему Хопру и его притокам, как-то: Чембара, где родился Белинский, Кирсанова, Сердобска, Балашова, Борисоглебска, то все они, по причине отдаленности их от южных степей, могли возникать и расти более мирно. Новохоперск, расположенный в болотистой области, в том месте, где происходит соединение Хопра с другими реками и речками почти всего его верхнего бассейна,—один из тех городов, которые были основаны Петром Великим для устройства кораблестроительных верфей; ярмарки его в последнее время получили важное значение (в 1868 году торговые обороты Новохоперской ярмарки простирались до 7.667.000 рублей). Ярмарка в станице Урюпинской, стоящей на Дону ниже Новохоперска, производит почти столь же значительную торговлю. В бассейне р. Медведицы, притока Дона, город Петровск обязан своим названием Петру I, тогда как Аткарск, бывшая татарская колония, сохранил наименование, данное ему первоначальными жителями. Близ большего колена Дона видны груды обломков, которые считают остатками Саркела, укрепленного города хазар, построенного византийскими инженерами. На юго-западе, там, где Дон уже принял западное направление, сохраняемое им до самого впадения в море, замечательна станица Цымлянская, центр виноделия и фабрикации шипучего «шампанского».

В долине Донца находится Харьков, самый большой город того района, воды которого изливаются в Азовское море. Этот многолюдный губернский город, бывший простой деревней в половине семнадцатого столетия, обязан своим важным торговым значением счастливому географическому положению, делающему его естественным посредником торгового обмена между Доном и Днепром, между Одессой и Таганрогом. Он стоит почти в геометрическом центре всей области степей, между рекой Сеймом и плоскими возвышенностями, прилегающими к Азовскому морю: в этом месте, или в окрестностях, пересекались главные дороги чумаков, отчасти замененные ныне железнодорожными линиями. Харьковские ярмарки (четыре в году) принадлежат к самым деятельным в России; особенно важны Троицкая шерстяная, и Крещенская; сбыт товаров на последней простирается ныне до 14 миллионов рублей; эта ярмарка привлекает массу посетителей, негоциантов, земледельцев, евреев,

собирающихся десятками тысяч. Население города в это время удвоивается; до восьмидесяти тысяч саней приезжают сюда из всех точек горизонта. Харьковские промышленники фабрикуют или приготовляют сами большую часть товаров, продаваемых на ярмарке, в особенности полотна, мыло, свечи, войлоки, сахар, водку, табак. С точки зрения материальных удобств, город всего более терпит недостаток в воде для питья: хотя он окружен маленькими речками, впадающими в Донец, однако жители его принуждены были добывать себе, с большими затратами капитала, ключевую воду, все-таки недостаточную для покрытия потребления. Очень деятельный по своей торговле и промышленности, Харьков есть в то же время один из тех городов России, которые стоят во главе умственного движения. Его высшая школа сделалась в 1804 г., благодаря щедротам дворянства и купечества, цветущим университетом, куда хотели привлечь греков и южных славян; для занятия его кафедр приглашали даже таких европейских знаменитостей, как Лаплас и Фихте. Несмотря на последовавшую затем реакцию, Харьковский университет много содействовал пробуждению в России изучения славянских литератур. Он обогатился книгами, научными коллекциями, и теперь около тысячи студентов посещают его лекции (число слушателей в 1894 г.—1.090).

На севере и востоке от Харькова, в губерниях Курской и Воронежской, первые воды Донца и его верхних притоков орошают уже территории нескольких городов, каковы: Золочен, напоминающий город того же имени в Галиции (Злочев), Короча, Старый Оскол, действительно заслуживающий название «Стараго», так как летописи упоминают о нем уже в двенадцатом столетии: Волчанск, Валуйки, Уразова, главная хлебная пристань в Харьковской губернии, Белгород, получивший это название от меловой горы, из которой ломают мел. Ближайшие соседи Харькова—на западе Валки, а на востоке, в месте удобного перехода через Донец, Чугуев,—город, история которого представляет те же превратности, как и история всей этой страны. В окрестностях встречаются остатки многочисленных городищ, где часто находили римские монеты, из чего можно заключить, что край этот некогда был довольно густо населен. Однако, он снова стал пустынным в шестнадцатом столетии и оставался безлюдным даже в начале семнадцатого; Чугуев был в то время не что иное, как городище, груда развалин. Малороссийские колонисты, поселившиеся тут добровольно, равно как солдаты и каторжники, посылаемые московским правительством, могли работать на полях не иначе, как разделившись на две партии, из которых одна должна была стоять на страже против татар. Чугуев утратил свое торговое значение, которое перешло к Харькову.

Ниже города Изюма, вокруг которого уже встречаются виноградники, Донец принимает в себя реку Оскол; затем, продолжая следовать вдоль крутых, изрытых пещерами, меловых высот, которые образуют его правый берег и на одной из которых приютился живописный Святогорский монастырь, он соединяется с рекой Торец. При входе в долину, где течет эта река, стоит город Славянск, построенный на месте расположения Торского-Городища, которое, может быть, было основано торками или турками и которое впоследствии стали называть сокращенно Тор; нынешнее наименование было дано ему в честь славянского братства, так как колонисты, поселенные здесь в половине восемнадцатого столетия, принадлежали к сербской национальности. Главный местный промысел с давних пор составляют разработки маленьких соляных озер, рассеянных в окрестностях, особенно того из них, которое носит название Лимана; но до окончательной победы русских над ногайскими татарами часто приходилось прерывать работы по добыванию соли; озеро Лиман, которое, судя по его названию, некогда соединялось с Донцом, теперь наполовину занесено песком[1]. Город Бахмут, стоящий, как и Славянск, в боковой долине Донца и на той же самой геологической формации, извлекал прежде из своих соляных озер ежегодно до 600.000 пудов соли; но этот промысел теперь почти совсем оставлен. Русское имя Бахмут есть не что иное, как турецкое наименование Махмуд или Магомет: так изменилось в языке москвитян имя мусульманского пророка.

Славяносербск, построенный на мертвом рукаве Донца, в местности, где нет чистой воды,

1 „Congres archeologique de Kazan", 1877, par K. Leger.

был первоначально, как и Славянск, колонией сербов, переселившихся из австрийских владений в 1753 г. Этот город расположен уже в каменноугольном бассейне нижнего Донца, минеральное топливо которого утилизируется далее на западе в металлургических заводах Лугани или Луганска, основанных в 1795 г. англичанином Гаскойном для русского правительства. Это обширное заведение, хотя очень удаленное от моря, должно было поставлять для флота пушки, артиллерийские снаряды и различные машины; теперь тысячи рабочих, служащих на заводе, занимаются преимущественно приготовлением паровых машин и локомобилей. Однако, Луганск обязан своим важным значением еще более торговле скотом и хлебом, чем промышленной деятельности: это—главная торговая станция между Харьковом и городами низового Дона и Азовского моря. На севере от Лугани, Айдарская долина, где находится город Старобельск, соединяется с Донцом.

Главный город области Войска Донского, Новочеркаск, господствует с высоты своего крутояра над течением реки Аксай, северного рукава Дона, и над обширной равниной, где изменчивые потоки, выделяемые главной рекой, извиваются между островами и песчаными мелями. На юге от этих неопределенных пространств, периодически затопляемых разливами вод, и на берегах главного течения реки, находится Старо-Черкаск, бывший до 1806 года столицей донских казаков; но в этом году большинство его жителей должно было, по приказанию своего атамана, переселиться в новый город. Этот последний, состоящий из трех станиц, занимающих вместе пространство почти в 10 квадр. верст, не подвержен наводнениям, так как он расположен на высоком месте, почти на 50 сажен выше уровня вод во время разлива; но местоположение его представляло одно важное неудобство, именно отсутствие по близости годной для питья воды: на юге Аксай катит болотистую воду; на севере течет солоноватая река, как о том свидетельствует самое имя её, Тузлов, происходящее от татарского корня, означающего рассол; на северо-востоке овраг, служащий руслом речки Кадамовки, почти всегда бывает сухой. По этой причине городские казаки собирались было предпринять второе переселение, чтобы выбрать где-нибудь более удобное место жительства; но император Николай Павлович повелел в 1837 году оставить город на прежнем месте, на Новочеркасском крутояре; вследствие этого, были выкопаны цистерны, пробовали рыть артезианский колодезь, затем построили водопровод, длиною около 27 верст; вода берется на юго-западе, близ станицы Александровской и в овраге Большой Лог, и поднимается посредством паровых машин: таким способом ежедневно доставляется в Новочеркаск от 42.000 до 53.000 кубич. футов воды. Благодаря этому обилию чистой воды, благодаря каменному углю, привозимому по железной дороге из Грушевки, или станицы Грушевской, столица Войска Донского быстро разрослась, и многочисленные здания придали ей вид настоящего города. Предместья далеко продолжаются на западной стороне Новочеркаска, вдоль крутых берегов, отделенные одно от другого безводными оврагами, перерезывающими плоскую возвышенность степей, окраины которой везде усеяны древними курганами.

Выше Донской дельты в собственном смысле, расположены рядом два города-близнеца Нахичевань и Ростов, составляющие в действительности один город и служащие как бы продолжением длинного предместья Новочеркаска. Нахичевань, или просто Качевань, названная так её армянскими колонистами в память закавказской Нахичевани, стоит всего в двух верстах от Ростова, который отделен от неё старой крепостью (форт св. Дмитрия), воздвигнутой в одно и то же время против турок и против казаков. Нахичевань, долго пользовавшаяся особыми привилегиями. раскинута на значительном пространстве, большая часть которого занята садами. Население этого города и теперь еще состоит почти исключительно из армян, как в то время, когда основалась эта колония, около ста лет тому назад. Напротив, Ростов населен людьми всякой расы и национальности, великоруссами и малороссами, греками, армянами, татарами, евреями, западно-европейцами: итальянцами, французами, немцами. Это—город обширной и деятельной торговли, куда ежегодно приходит от трех до четырех тысяч каботажных судов за грузами хлеба, льна, шерсти, сала и других продуктов сельского хозяйства. Ценность вывоза из Ростова в 1895 г. выразилась цифрой 36.739.019 руб.; ценность привоза составляла 645.600 рублей.

Движение судоходства в Ростовском порте в 1895 г.: пришло—4.087 суд. в 827.160 т.; отошло—4.033 судна в 8.242.218 тонн[1].

Однако, Ростов представляет в торговом отношении то неудобство, что он имеет в своем распоряжении лишь речной порт, до которого суда не всегда могут подниматься с моря. Многочисленные промышленные заведения (особенно табачные фабрики) дают занятие нескольким тысячам рабочих. Рыбный промысел, и теперь еще весьма важный в водах дельты, значительно уменьшился против прежнего времени, и описания древних авторов относительно обилия рыбы, которая некогда массами кишела в устьях Дона, перестали соответствовать действительности с начала нынешнего столетия[2]. Ростов служит сборным местом для жнецов, косцов, виноградарей, которые являются сюда предлагать свои услуги земледельцам окрестных местностей и даже долин Кавказа. Летом население города увеличивается на несколько десятков тысяч. Этот пришлый люд ночует в грязных кабаках, а тысячи рабочих спят на голой земле, на улицах или на берегу реки. Тиф производит между ними страшные опустошения.

Старинный и знаменитый город Азов, стоящий на южном рукаве Дона, верстах в 14 от впадения его в море, утратил свое прежнее значение и даже свой ранг: он не пользуется более титулом города; с конца прошлого столетия он низведен на степень простого местечка, хотя по числу жителей превосходит многие поселения, носящие название городов. Остатки крепости, имевшей некогда столь важное стратегическое значение, видны еще в центре местечка; но не осталось никаких следов от древней Таны венецианцов, наследницы греческаго Танаиса.Тана была складочным местом товаров Персии и Индии и невольничьим рынком южных степей.

Значительнейшие города и слободы в бассейне Дона:

Тульская губерния: Ефремов—11.242 жит.;

Тамбовская губерния: Козлов (1897 г.)—28.062 жит.; Липецк—15.133; Борисоглебск—26.355; Усмань—8.170; Кирсанов—8.088; Лебедянь—6.462 жит..

Саратовская губерния: Аткарск—8.356 жит.; Сердобск—8.505; Петровск—15.611; Балашов—10.415 жит..

Воронежская губерния: Воронеж (97 г.)—84.015 жит.; Бутурлиновка (слобода)—21.694; Алексеевка (слоб.)—14.069; Калач (слоб.)—12.928; Острогожск—7.707; Задонск—6.907; Новохоперск—5.985; Павловск—5.835; Уразова (слоб.)—5.600 жит.

Курская губерния: Белгород—24.869 жит.; Старый Оскол—9.857; Короча—9.795 жит..

Харьковская губерния: Харьков (97 г.)—170.682 жит.; Изюм—24.294: Старобельск—12.060; Славянск—20.340; Волчанск—9.424; Чугуев—12.664; Валки—6.240, Золочен—6.543 жит..

Екатеринославская губерния: Бахмут—17.211 жит.; Луганск—22.918.

Область Войска Донского: Новочеркаск (97 г.)—52.005 жит.; Ростов-на-Дону (97 г.)—119.889; Нахичевань (97 г.)—29.312; Азов—25.488 жит.

Орловская губерния: Елец (97 г.)—37.455 ж.; Ливны—25.161 жит.

В наши дни главный торговый пункт Дона находится вне дельты: мелководный бар не позволил новому Танаису основаться на берегу реки, и суда проникают ныне с большим трудом даже в восточный залив Азовского моря, к Таганрогскому порту, где во времена Петра Великого могли свободно плавать до 200 судов. Теперь только маленькия суда подходят близко к Таганрогу; суда же, имеющие от 16 до 20 футов водоуглубления, должны бросать якорь верстах в 15 от берега, среди рейда, а самые большие корабли останавливаются даже верстах в 40 от таганрогских набережных. Уже в тринадцатом столетии пизанские купцы основали факторию на мысе, которому впоследствии было дано название «Мыс Таган» или Таган-рог. На этом береговом утесе, возвышающемся на 200 футов над уровнем моря, суще-

1 „Обзор внешней торговли России", за 1895 г.

2 Борисяк, „Геологическо-гидрографическое исследование нижнего Дона".

ствовала лишь сигнальная башня, когда Петр Великий основал тут, в 1698 году, крепость, которую пришлось потом покинуть, после громадных работ, стоивших жизни рабочим, пригнанным из центральной России десятками тысяч. Только в 1769 году город основался окончательно. Он быстро достиг цветущего состояния и, поднявшись на степень главного города юго-восточной России, является ныне, благодаря своей железной дороге, экспедиционным портом, ближайшим к черноземным степям Харьковской губернии и области Войска Донского. Между коммерсантами, толпящимися на его улицах, встретишь, как и в Ростове-на-Дону, много иностранцев,—греков, итальянцев, немцев. Таганрог получил также некоторую важность как промышленный центр. В административном отношении он не зависит от управления Екатеринославской губернии: город, вместе со своим округом, образует, подобно Одессе и Керчи, особое градоначальство. Движение судоходства и торговли в Таганрогском порте в 1895 году выразилось следующими цифрами[1]:

Пришло—3.005 судов, вместимостью 1.272.709 тонн, вышло 3.001 судно в 1.273.305 тонн.

Ценность отпуска в 1895 г.—15.181.739 р.; привоза—1.552.738 р.

Мариуполь, колония, основанная в 1779 г., имеет большие преимущества перед Таганрогом, так как рейд его удобнее для судоходства, так что большие суда могут бросать якорь в нескольких кабельтовах от берега; он еще долго будет доступен для судов, после того, как Таганрогский порт окончательно обмелеет и останется далеко внутри материка. Две реки соединяются в небольшом расстоянии выше города—Калмиус и Калчик, знаменитая Калка, на берегах которой монголы одержали, весной 1223 года, свою первую победу над русскими[2]. Несмотря на свои естественные преимущества, Мариуполь далеко не отличается такой обширной торговой деятельностью, как Таганрог, и ценность его привоза совершенно незначительна (отпускная торговля Мариупольского порта в 1895 году—на 9.970.789 рублей; движение судоходства в 1895 году: в приходе—2.013 судов в 721.522 тонны; в отходе—2.034 судна в 722.092 тонны). Что касается жителей Мариуполя, то обыкновенно говорят, что он населен преимущественно греками; но эти греки, пришедшие с Таврического полуострова, не все владеют эллинским диалектом. Базаряне, переселившиеся в Мариуполь из Херсонеса, говорят татарским языком: по мнению Григоровича, их следует считать потомками отатарившихся аланов[3].

Бердянск, построенный при основании одной из самых правильных и красивых по очертанию песчаных кос Азовского моря и у подножия крутых береговых утесов,—город более новый, чем оба его соперника в Меотийских водах: основание его относится к 1830 году. Несмотря на то, что еще не устроены железнодорожные сообщения с внутренностью страны, этот город получает большое количество хлеба, который он отправляет заграницу. Хорошее состояние рейда, значительная глубина гавани в сравнении с Мариупольским и особенно с Таганрогским портами, наконец, соседство большего восточного колена Днепра обеспечивают Бердянску постоянное торговое движение. Этот город может быть рассматриваем как порт Днепра на Азовском море: здесь оканчивается кратчайшая дорога, начинающаяся в Александровске, ниже Днепровских порогов. Ценность отпускной торговли Бердянска в 1878 году:—20.471.200 руб.; в 1895 году:—8.701.734 руб.; движение судоходства в 1895 году: пришло—1.376 судов, вместимостью в 418.566 тонн; отошло—1.385 судов, вместимостью в 419.640 тонн.

На западе от Бердянска, Ногайск, стоящий близ реки Обиточной и при основании косы того же имени, не оправдал, в отношении развития торговли, надежд своего патрона, герцога Ришелье, который возвел его на степень города, в 1814 году. Ногайские татары, от которых этот город получил свое название, не существуют более в стране. Мелитополь, на реке Молочной, имеет несравненно более важное значение, как средоточие торгового обмена многочисленных немецких колоний, рассеянных в окрестностях. Центр колониального управле-

1 „Обзор внешней торговли за 1895 г.", изд. Департам. Тамож. Сборов.

2 Акад. Куник, „Memoires de l'Academie des Sciences", 2-e vol. Ф. Брун, „Материалы для истории Сугдеи".

3 „Записки антиквара о поездке его на Калку и Калмиус". Одесса, 1874 г.

ния находится в Гальбштадте, населенном меннонитами.

Значительнейшие города северного берега Азовского моря:

Екатеринославская губерния: Мариуполь (1897 г.)—31.772 жит.

Таврическая губерния: Бердянск (1897 г.)—27.249 жит.; Мелитополь—14.666 жит.

Земля Войска Донского: Таганрог (1897 г.)—51.748 жит.

XVIII. Крым

По очертанию своих берегов, Крымский полуостров кажется почти независимым от России, так как он соединен с материком лишь узкой полосой земли, Перекопским перешейком. Однако, свойство формаций и почти совершенная горизонтальность почвы, которая продолжается под поверхностной площадью вод, доказывают, что степи северного Крыма составляют непосредственное продолжение равнин Новороссии и образуют вместе с нею одну и ту же геологическую область. Истинный Крым, т.е. тот, который по своим географическим условиям явственно отличается от остальной части славянской Империи, обнимает только южную, гористую оконечность полуострова, которая тянется от мыса Херсонес до Керченского пролива, и ось которой пересекает ось Кавказа на вулканических полуостровах Керченском и Таманском. Эта страна, особенно полуденный скат Таврических гор, находится, так сказать, совершенно вне России, как по своим горным породам и климатическим условиям, так и по своим историческим судьбам. Крым был уже связан своими легендами с греческим миром за много веков до той эпохи, когда обширная страна скифов стала выступать из мрака времен, да и впоследствии он не переставал принимать участие в великих исторических движениях цивилизованных народов, сгруппированных на берегах Средиземного моря. На Таврическом полуострове находилась столица Босфорского царства, основанного Митридатом, которому оно служило одною из главных опорных точек в его борьбе против Рима; там же возникли впоследствии колонии византийские, затем колонии пизанцев и генуэзцев, служившие посредниками между образованными нациями южной Европы и еще варварскими народами, населявшими область Волги. В новейшее время на этом же полуострове происходило страшное, кровопролитное столкновение армий между Россией и двумя могущественнейшими государствами Западной Европы. Для самих русских, еще недавно менее многочисленных в Крыму, чем потомки рас азиатских и рас средиземноморских, этот полуостров составляет, так сказать, внешнюю землю, колониальное владение: они отправляются туда как будто заграницу. Полуденный склон гор Тавриды, воспетый Пушкиным в его поэме «Бахчисарайский фонтан», является для жителей остальной России как бы второй Италией по его растительности, по климату, по виду земли и неба; Крым—один из тех благодатных уголков, которые наиболее способствовали развитию у современных русских любви к природе. Впрочем, это пространство, если его сравнивать с огромной массой России, имеет очень маленькие размеры. Гористая область составляет лишь пятую часть полуострова, да и весь Крым, приморский кусок Таврической губернии, в остальной её части континентальной, не занимает даже такого протяжения, как одна из больших водных площадей северной России, каково Ладожское озеро, а число его жителей не достигает даже цифры населения одного из главных городов Империи, каковы: Петербург и Москва. Вот пространство и население Крыма и всей Таврической губернии (население по переписи 28 января 1897 г.):

Крым—467 кв. миль (22.607 кв. верст=25.727 кв. клм.); 538.893 жит. Таврическая губерния—1.154 кв. миль (55.845 кв. верст=63.554 кв. клм.); 1.443.566 жителей.

Цепь известковых гор, которая развертывается на южной оконечности Таврического полуострова, на протяжении около 170 верст, от мыса Херсонес до Феодосийской бухты, представляет неправильную и извилистую линию. В целом эта горная цепь имеет вид груды обломков: она повсюду носит на себе следы глубоких размывов; скалы её—это только развали-

ны, горы—только обрывки некогда существовавшего обширного плато, разрезанного атмосферными деятелями. Однако, этот сохранившийся остаток древнего нагорья дает некоторое понятие об его первоначальной архитектуре: очень пологий с северной стороны, он постепенно понижается и, наконец, сливается с голою почвою степей, тогда как на юге он спускается к морю обрывистыми крутизнами. Только с этой стороны вершины известкового хребта представляют вид настоящих гор; очень близко придвинутые к морскому берегу, так как ось, соединяющая высшие выдающиеся точки гребня, удалена средним числом не более как на 6-11 верст от берегов,—они кажутся тем более высокими, что в этом узком пространстве следуют друг за другом неправильные уступы предгорий и мысов, а у подножия их расстилается синее море, без подводных камней или песчаных мелей, почти без водорослей и раковин: уже на небольшом расстоянии от берега веревка лота сматывается до глубины около 50 сажен.

Известковые скалы Крымских гор чередуются во многих местах со слоями жирной глины и глинистых сланцев; такое расположение пластов имеет следствием ускорение обвала скатов, обращенных к морю. Некоторые из этих залежей глинистых пород, постепенно размытые ключевыми водами, оставили после себя большие пустоты в горной цепи, и целые пласты обрушились, обнаруживая еще живой излом над хаотическими грудами камней. На берегах морские волны размыли скалы повсюду, где они представляют слой глины, и многие утесы, лишенные опоры, нависли над поверхностью моря, ежеминутно угрожая падением: каждый дождь отрывает от них большие глыбы или даже целые стены. Иной раз ливень, падающий в горах, производит внезапный поток, который приводит в движение все каменные поля долины: однажды отряд русских солдат, расположившийся на ночлег в ложе Альмы, был таким образом унесен потоками воды и камней[1]. Иногда случается также, что верхние пласты сползают по смоченным, скользким слоям глины, увлекая за собой дома и сады и образуя в море новый мыс. Когда Паллас путешествовал по Крыму, в 1794 году, ему показывали два мыса этого рода, образовавшиеся вследствие обвалов, которые случились за восемь лет перед тем. В некоторых местах слои жирной глины находятся даже в соседстве горных вершин, и присутствие их обнаруживается солеными водами, вокруг которых почва покрыта растениями, обыкновенно встречающимися на берегу океана[2]. Известковые ключи, бьющие из земли и окруженные сростками отлагающагося камня, также очень многочисленны в этой гористой области.

Самая высокая гора Таврического полуострова, которой русские оставили её татарское название—Чатыр-Даг, или «Шатер-гора», может быть взята за пример общего образования этой приморской известковой стены, изрезанной в виде зубцов старой крепости. Издали правильные, белые стены Шатер-горы действительно придают ей вид палатки; но если смотреть на нее с вершины, то она скорее заслуживает наименование «Стола» или Трапецос, которое ей дали греки. Уединенный со всех сторон (на востоке и западе—пропастями почти вертикальными, на севере и юге—цирками и образовавшимися путем размыва оврагами). Чатыр-Даг имеет форму четыреугольной массы, удлиненной в направлении меридиана, и обнимает поверхность около 20 квадр. верст. Эта обширная нагорная площадь, если не совершенно горизонтальна, то по крайней мере очень полого наклонена к южному краю «стола»; только там и сям образовались на ровной поверхности воронкообразные углубления, где теряются дождевые воды[3]. Горные пастбища или яйлы Чатыр-Дага и его соседей напоминают альмы (alpages) швейцарской Юры; но время оставило более глубокие следы разрушения на берегах Черного моря, чем над Невшательским озером: ни одна горная вершина гельветийской Юры не была обнажена атмосферными деятелями в такой сильной степени, как Шатер-гора. Пролом Ангар или Ангар-Богаз, открывающийся на восточной стороне Чатыр-Дага, дает начало Салгиру, притоку Сиваша и самой многоводной реке Крымского по-

1 Евг. Марков, „Пещерные города Крыма", „Вестник Европы", 1872 г., № VI, VII.

2 Авт. Паллас, „Краткое физическое и топографическое описание Таврической области".

3 J. G Kohl, „Reisen in Sud-Russland".

луострова. Ангарский перевал, лежащий ниже, чем все другие проходы горной цепи в собственном смысле, и через который с давних пор существует колесная дорога, во все времена облегчал сообщения между северными степями и южным побережьем; таким образом, это место является одним из жизненных пунктов полуострова. Вот высота главных вершин Крымских гор, по Парроту и Энгельгардту:

Чатыр-Даг—5.450 фут. (1.661 метр.); Бабуган-Яйла, на юге,—5.430 фут. (1.655 метр.); Ай-Вассилем—5.340 фут. (1.627 метр.).

Подобно большей части морских берегов, состоящих из известковых формаций, южное побережье Крыма развертывается в виде кривых, отличающихся замечательной отчетливостью контуров: некоторые из линий закруглены так правильно, как будто они начерчены циркулем. Старые, выступившие из-под воды берега, которые видны во многих местах на высоте нескольких сажен над нынешней поверхностью моря, свидетельствуют или о поднятии страны, или о быстром понижении уровня вод Понта-Эвксинского в ту эпоху, когда это море, открыв себе выход через Босфор, вылилось частию в бассейн Средиземного моря и отделилось от Каспия. Специальные исследования, произведенные в текущем столетии, доказали, что эти вышедшие из воды берега, состоящие по большей части из песку, смешанного с раковинами, имеют различную высоту, от 13 до 20 футов, и что они окружают всю полуденную часть Крыма, продолжаясь на востоке вдоль полуостровов Керченского и Таманского. Находимые в их почве раковины принадлежат все без исключения к видам, еще существующим в Черном море[1].

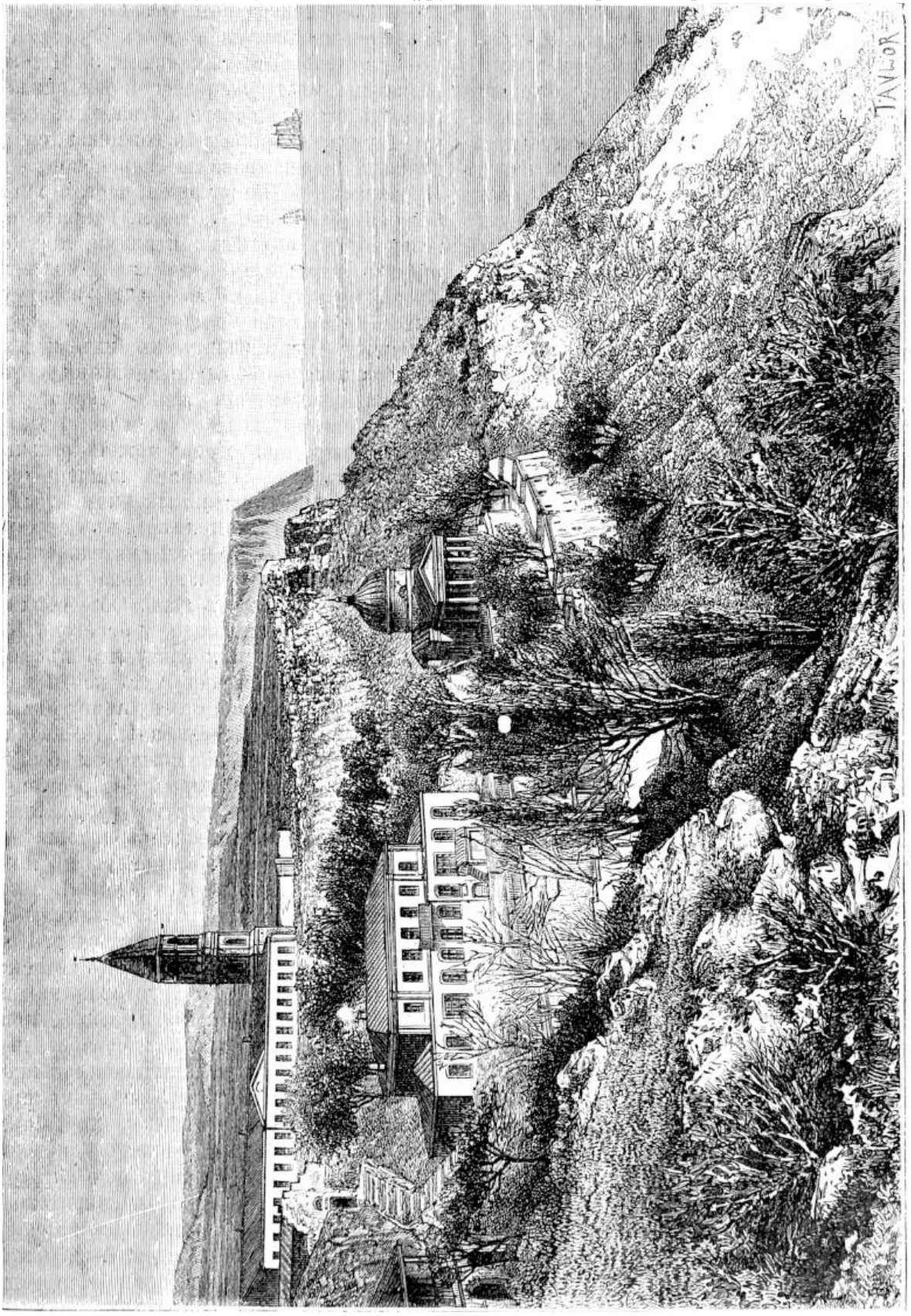
На обоих скатах известковой горной цепи и около обеих её оконечностей, там и сям выступают на поверхность почвы эруптивные породы; прежде эти формации принимали за офиты древнего происхождения, но потом, благодаря химическому анализу, убедились, что это базальты новейшего образования[2]: мыс св. Георгия, на юго-западной оконечности полуострова, есть одна из таких бальзатовых площадей, видвинувшихся далеко в море. Подземная деятельность, обнаруживающаяся время от времени извержениями, по обеим сторонам Керченского пролива, проявляется именно на оси соединения Крымских и Кавказских гор: без всякого сомнения, разрыву этой линии морской долиной и должно быть приписано вулканическое состояние глубоких слоев почвы. Горячие минеральные ключи, нефтяные источники, грязевые вулканы, подобные сицилийским маккалубам (Джирженти), до сих пор еще встречаются там и сям в гористой области окрестностей Керчи; но мощные залежи глины эруптивного происхождения доказывают, что излияния грязи происходили прежде с гораздо большей силой, чем в наши дни. На Керченском полуострове из многочисленных грязевых вулканов всего чаще бывают в действии Булганакские, находящиеся верстах в 6 к северу от города Керчи: когда грязь позволяет подойти близко к этим вулканам, можно видеть внутри кратеров, как пузыри газа вздуваются и лопаются, выбрасывая грязь на высоту нескольких дюймов. Смотря по степени жидкости веществ, вылетающих из отверстий почвы, эруптивные конусы бывают более или менее высоки и остроконечны: между ними есть и такие, которые имеют скорее форму плоскостей, слегка вздутых по средине. Температура жидкой грязи летом гораздо ниже температуры внешнего воздуха. По рассказам татар, местных жителей, извержения газа и грязи бывают тем сильнее, чем спокойнее море. Когда море бушует, вулканы утихают.

По своим береговым утесам, по высоким кручам, остров гор полуденного Крыма, которыя уже Плиний характеризовал как островной массив, резко отличается от остальной России, почти везде представляющей низменность или немного бугроватую равнину: но в особенности по характеру своей растительности Таврические горы могут быть рассматриваемы как особый мир. В Крымских степях, залегающих по берегам Гнилого моря, глинистая почва производит лишь отдельно торчащие пучки травы, да и те после двухмесячного прозяба-

1 Hermann Abich, „Ein Blick auf die Halbinseln Kertsch und Taman".

2 Фон Штукенберг, „Материалы для геологии России". Издание Русского Геологического Общества, том V.

ния рассыпаются в пыль, спаленные солнцем: можно подумать, что находишься среди бесплодной пустыни[1]. Но уже на первых косогорах северного склона гор, обращенного к голой степи, зеленеющие луга, кучки тополей, фруктовые сады, рощицы различных древесных по-



Утесъ и монастырь св. Георгія.

род украшают скаты, и в каждой долине журчат свежия воды, которые соседние жители отводят в свои сады, где они питают великолепную растительность. Леса на высотах еще не

1 Koppen, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches".

все истреблены, и еще можно увидеть там и сям группы прекрасных буков, напоминающие леса центральной Европы и Нормандии. Все большие деревья умеренной Европы растут здесь смешанно, дуб, бук, грабина, липа, вяз, ясень, рябина, осина, ива, боярышник, черешня, слива, дикая яблоня. На полуденном склоне самое обыкновенное дерево—приморская сосна (Pinus maritima); но на нижних скатах растительность напоминает Италию: перейдя через горы, как бы переносишься на несколько градусов к югу. Там ростут лавр, фиговое дерево, каркас (железное дерево), гранатовое, масличное и земляничное деревья, а дикий виноград обвивает стволы больших деревьев. Число растений, встречающихся на горах Тавриды, превышает на несколько сот цифру растительных видов, населяющих всю остальную Россию[1]. Усаженный шпалерами деревьев, склон хребта Яйлы образует как бы обширный ботанический сад, и в великолепных парках, которые следуют один за другим у подножия крутых утесов, стоило только прибавить к растениям окружающих природных лесов искусственно разводимые цветы, чтобы сделать их подобными чудесным садам Сицилии и Лигурии.

Слишком тесный, чтобы дать приют значительной фауне, Крымский полуостров гораздо менее богат животными, чем растительными видами. За исключением зайца, лисицы да мелких грызунов, дикия четвероногия там вообще редки; а некоторые из видов, свойственных остальной России, совершенно отсутствуют в Крыму: они были задержаны, в своих переселениях, голой степью. Олень, козуля, куница, встречающиеся в Крыму,—кавказского происхождения; они, вероятно пробрались сюда зимой, по льдам; но белка, проводящая зиму в спячке, не могла иммигрировать этим способом[2]. Но все домашния животные русских степей разведены и на полуострове, и двугорбый верблюд странствует по солончаковым равнинам берегов Сиваша, как по песчаным пустыням своей азиатской родины. Осенью перепела собираются массами на южном берегу Крыма, чтобы отправиться в компании за Черное море, затем следующей весной они опять прилетают сюда с берегов Анатолии; известно, что таким же образом совершаются периодические странствования перепелов между Провансом и Мавританией, через западный бассейн Средиземного моря. Таврида относительно бедна водяными птицами, пресмыкающимися, насекомыми, морскими моллюсками. Крымские устрицы, маленькия и треугольные, отличаются превосходным вкусом: академик Бер видит в них измельчавшую разновидность обыкновеннаго вида устриц; пропорция соли в воде Черного моря, именно от 17 до 18 частей на 1000, есть наименьшая, при которой может развиваться этот моллюск. Раковина шашень-древоточец составляет истинный бич крымских портов, так что, например, в Севастопольском порте среднюю продолжительность службы деревянного военного корабля считают всего только в восемь лет. Об обилии животной жизни, кишащей у берегов Крыма, можно судить по тому факту, что в декабре 1869 года Балаклавская бухта почти вся наполнилась несметной стаей анчоусов, которых преследовали дельфины. Не находя выхода, через который можно бы было пробраться в открытое море, и беспрестанно увеличиваемая новыми кучами рыбы, эта стая, наконец, образовала как бы сплошную твердую массу, которая во многих местах выступала выше поверхности воды. Все население Балаклавы только тем и занималось, что наполняло рыбой лодки, суда, бочки. Но вскоре пришлось также подумать об удалении из бассейна мертвой рыбы, которая накопилась в нем мириадами: тысячи людей, присланных из Севастополя, долго работали над очисткой берегов от загромождавших их гниющих веществ; в то же время прибегали даже к помощи пушек, чтобы прогнать дельфинов, которые блокировали вход в бухту, препятствуя таким образом бегству живых анчоусов. Впродолжении нескольких месяцев атмосфера была заражена; часть жителей Балаклавы принуждена была бежать из города от нестерпимой вони, распространившейся в воздухе. Впрочем, значительная масса рыбы, вместо того, чтобы подвергнуться гниению, превратилась в какое-то меловое вещество, белое и жирное на ощупь, как мыло, и вещество это постепенно отложилось на берегах в виде геологического

1 Паллас, цитированное сочинение.

2 Koppen, „Beitrage zur Kenntniss des Russ Reishes". 2 Folge, Petersb., 1882.

пласта[1].

По своим климатическим условиям, Крым принадлежит к теплым странам, и средняя зимняя температура на полуострове очень редко, только в исключительных случаях, опускается ниже точки замерзания даже в городах северной покатости. В Симферополе средняя температура: весны 11°,14 Ц.; лета 19°,85; осени 8°,46; зимы 0°,70; целого года 11°,65; средняя температура в Никитском саду (на Южном берегу) 12°,55 Ц.

Теплый климат и богатая растительность долин, естественно, должны были уже в самые отдаленные времена привлекать поселенцев к Таврическому полуострову; но географическое положение этой страны обеспечивало, сверх того, жителям особенные выгоды. Расположенный вне континента, сохраняя, однако, свободное сообщение с внутренними равнинами, Крым, так сказать, идет на встречу всем торговым путям и открывает им свои гавани. Будучи стражем Азовского моря и западных заливов Понта Эвксинского, он пользуется в одно и то же время выгодами торгового обмена между заморскими краями и бассейнами Дона и Днепра. В отношении нападения и обороны, Крым также занимает исключительно благоприятное положение, в центре Черного моря; заперев ворота перешейка, который соединяет его с материком, он может даже превратиться в настоящую крепость: таков именно и был, по мнению Форстера и Кеппена[2], смысл имени «крым», которое ему дали татары около конца тринадцатого столетия[3], и которое осталось за ним до наших дней, вместе с более древним наименованием Тавриды или Таврического полуострова. Хартахай (по происхождению, принадлежащий к крымским татарам) полагает, что это название близко подходит к монгольскому слову керем, которое означает стену.

Мы очень мало знаем о киммерийских фракиянах[4], которые населяли полуостров в эпоху, когда начинается заря всемирной истории, и которые были прогнаны скифским народом (таврами) и ушли опустошать Малую Азию. Может быть, этим-то первоначальным жителям, фракиянам, и были обязаны своим происхождением обширные пещеры, вырытые в виде настоящих подземных городов, в известковых стенах гор, и заключающия тысячи комнат[5], где некогда обитали целые поколения беглецов и отшельников. Несколько менгиров и многочисленные долмены, встречающиеся на высотах[6], особенно в горах юго-западной части полуострова, и похожие на древние могилы Галлии[7], тоже, может быть, должны быть приписаны этим аборигенам, в которых многие писатели хотели видеть кельтов, единоплеменников тех кельтов, которые вторглись в страны Западной Европы. Весьма вероятно, что население Тавриды в своей совокупности имело родственную связь с племенами Кавказа. По мнению Кеппена, жители местностей Крыма, заключающих долмены, похожи на людей, живших в крае в эпоху, к которой относится сооружение этих могил и должны быть рассматриваемы в большей части как их потомки[8].

В эпоху, когда эллинская цивилизация ввела народы Тавриды в круг древнего мира, господствующая раса страны, известная у греков под именем скифов, как все жители северных равнин Европы, принадлежала к арийской семье: скелеты, найденные в древних могилах, не оставляют никакого сомнения в этом отношении. Благодаря своим эллинским наставникам, скифы Таврического полуострова сделали удивительные успехи в искусствах, и некоторые из их изделий мало уступают замечательнейшим по благородству вкуса греческим произведениям, которые были найдены в тех же самых могилах, и которые теперь составляют славу музеев. Холмы, господствующие над Керчью, древней Пантикапеей миле-

1 Fritsche;—Brandt, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome III, 1861.
2 „Крымский Сборник".
3 Гаркави, „Russische Revue", 1866, X.
4 D'Arbois de Jubainville, „Les premiers habitants de l'Europe".
5 Евг. Марков, „Пещерные города Крыма".
6 Dubois de Montpereux, „Voyage en Crimee et au Caucase".
7 C. de Mortillet, „Races humaines et chirurgie religieuse a l'epoque des dolmens".
8 „Russische Revue", 1874, № 12.

тийцев, содержали недавно в своих древних могилах и катакомбах огромные сокровища, большая часть которых была перенесена в музей Эрмитажа, в Петербурге, и в некоторые частные коллекции. Уже более двух тысяч лет эти могилы, особенно могилы женщин, как самые богатые драгоценными металлами, эксплоатировались искателями кладов, и недавния раскопки привели даже к открытию двух из этих рудокопов, еще держащих лопаты в руках в тот момент, когда они были засыпаны обвалом земли. По рассказам туземцев, генуэзские купцы были особенно искусны в раскапывании древних могил, и именно во времена их господства была обобрана большая часть царских могил в окрестностях Керчи. Однако, оставалось еще много цельных, непрофанированных могил, и с 1816 года француз Поль Дюбрю начал с успехом ряд раскопок в керченских могилках; но капитальным археологическим событием было открытие, в 1831 году, обширной усыпальницы, скрытой внутри Куль-Обы, или «Горы Пепла», стоящей на севере от Керчи: там нашли вокруг двух скелетов, царя и царицы, целый музей драгоценных предметов—вазы, статуэтки, монеты, камни с резьбой, разное оружие, браслеты, всякого рода орудия и утварь, так как было в обычае класть с покойником в могилу все, что ему нравилось при жизни. К несчастию, эта гробница, также как нижний склеп, который, говорят, был еще богаче, были разграблены ночью сотнями людей, которых привлек слух о чудесных находках. Несмотря на оффициально объявленное общее прощение расхитителям и предложение заплатить на вес за все взятые из могилы вещи, большая часть этих сокровищ, переплавленных тайком в горниле, была потеряна для науки[1]. Но оставшиеся статуэтки, равно как скелеты, достаточно доказывают, что скифы, населявшие берега Босфора Киммерийского, принадлежали к арийской расе: некоторые даже хотели признать в них «истых казаков»[2]. Различные предметы, собранные в керченских могилах, повидимому, принадлежат к двум эпохам, соответствующим одна—царствованию Александра Македонского, другая—установлению римского владычества; но за этими веками эллинского влияния, продолжавшагося во все время царствования древней династии, следовал другой период, свидетельствующий о преобладании азиатского стиля. Фрески, открытые в 1871 году Стасовым в одной керченской катакомбе, доказывают, что в эпоху Митридата в Тавриде произошла реакция против западного искусства, в пользу искусства восточного[3]. Эта реакция продолжалась до четвертого столетия христианской эры; но тогда общее потрясение народов, известное под именем великого переселения, которое совершалось в направлении от востока к западу, изменило, по крайней мере отчасти, население Тавриды, и сообщения жителей полуострова с племенами северной России были прерваны на целый ряд веков. Именно благодаря этим сношениям, пантикапейские скифы имели возможность доставать те огромные количества золота, уральского и даже алтайского происхождения, которые были погребены ими в своих могильных курганах.

В то время, как в области степей пришедшие в движение народы, сталкиваясь друг с другом, нигде не останавливались и должны были беспрестанно перемещаться под напором своих соседей, племена, которые были отброшены боковым потоком этого общего переселения на Крымский полуостров, нашли там точку опоры в горах и могли долго сопротивляться, запертые в высоких долинах. Так, аланы, впрочем в небольшом числе, удерживались там более шести столетий под именем асов, асиасов, акасов или ясов, притом не как покоренный народец, а как люди «белые», то-есть вольные[4]. Марино Санудо упоминает еще об этих аланах в 1334 г., в эпоху, когда они уже давным-давно исчезли из всей остальной Европы, исключая прибрежных болотистых пространств Черного моря. Громадная империя готов, обнимавшая половину Европы, исчезла, как утекающая вода; напротив, маленький отряд этих самых готов, поселившийся в Крымских горах, держался более тысячи лет, сохраняя свой язык и национальность. В половине тринадцатого века, фламандец Рубруквис говорит опре-

1 К. Герц, „Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих". Изд. Дашковым, т. I.

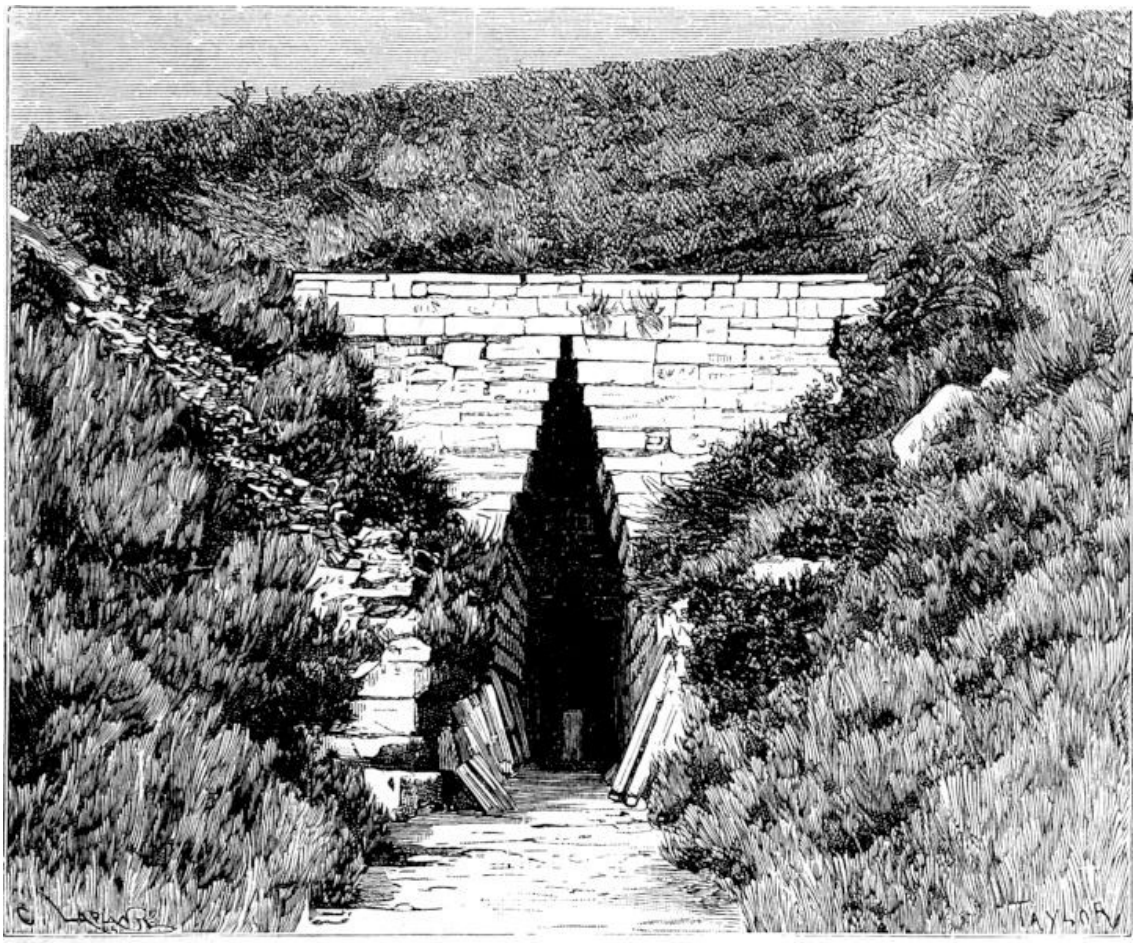
2 Beule, „Fouilles et decouvertes"; „Antiquites du Bosphore cimmerien".

3 Albin Kohn und C. Mehlis, „Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im ostlichen Europa".

4 Ф. Брун, „Материалы для истории Сугдеи".

деленно, что готы живут в большом числе на южном берегу Тавриды, называемом Готией, и что язык их тевтонского происхождения; многие слова этого языка, действительно, очень близкого к немецкому, приведены в описании путешествия одного австрийца, посетившего Крым в 1565 году. Еще в семнадцатом столетии одна из групп этого народа, жившая в западной части Крымских гор, вокруг старинной крепости Мангуп-Кале, отличалась своим германским языком от всех окружающих населений[1]. Одно кладбище в соседстве Бахчисарая и теперь еще известно у окрестных крестьян под именем готского или «готвейскаго»[2]. Могилы этого кладбища принадлежат к двум эпохам—языческой и христианской.

В средние века несколько колоний русских поселенцев, удаленных от главной массы своего племени, также были одним из наиболее прочно водворившихся населений Крыма, так что арабские писатели дали этой земле название «Русского полуострова»[3]. Равным об-



Гробница скиѳскихъ царей, близъ Керчи.

разом и крымские татары могли держаться гораздо долее в естественной твердыне, представляемой горами Тавриды, чем их соплеменники, жившие на континенте, в оврагах степей. Эти тюрки обязаны своим наименованием «ногайцев» хану Ногаю, из Золотой, или Кипчакской Орды, который отпал от монгольской империи около конца тринадцатого столетия и поселился между Тереком и Кумой со своими разноплеменными подданными—хазарами, печенегами, куманами и монголами[4]. В тринадцатом веке ногайцы овладели Крымом, из которого они сделали складочный пункт для торговли с Европой чрез посредство итальянских колоний, основанных преимущественно генуэзцами на берегах полуострова. Царство ногайских или крымских татар организовалось окончательно, когда Тамерлан разрушил Золо-

1 Ф. Брун, „Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России" („Записки Имп. Акад. Наук")—Alfred Rambaud, „La Russie epique".

2 Марков, „Пещерные города Крыма", „Вестник Европы", 1872 г., 6 и 7.

3 Проф. Иловайский; Гаркави, „Сообщение, читанное на Казанском археологическом съезде".

4 Castren, „Ethnologische Vorlesungen uber die altaischen Volker".

тую Орду на Волге; затем оно достигло высшей степени могущества и славы при династии Гиреев, которая царствовала на полуострове более трех столетий, с начала пятнадцатого века. Первые времена правления этой династии были самой счастливой эпохой для Крыма, благодаря полной терпимости, с которой дозволялось всем без исключения чужеземцам, русским или итальянцам, к какой бы расе, народности и религии они ни принадлежали, селиться и вести торговлю в крае[1]. Но все это изменилось с той поры, как турки овладели Каффой, и крымские ханы, ставшие их вассалами, принуждены были сделаться поставщиками невольников для стамбульских султанов: это было начало тех беспрестанных войн и набегов, которые долго опустошали южную Россию и обратили некоторые области её в безлюдные пустыни. Наконец. Екатерина II, в 1774 году, по Кучук-Кайнарджийскому трактату, заставила Турцию признать независимость Крымского ханства, которое, вследствие этого сделалось вассалом петербургского правительства; в 1783 году последний из династии Гиреев, Шагин-Гирей, убежденный агентами Екатерины, отказался от престола в пользу императрицы всероссийской и был отправлен на житье в Калугу.

С того времени, как полуостров должен был принять чуждых властителей, население его начало уменьшаться: многие местности обратились в пустыню, зато у победителей явились обширные имения. В 1736 году один венгерский резидент, французский консул Эворка, исчислял в 150.000 человек ратные силы Перекопской орды и, сверх того, насчитывал 40.000 семейств ногайских татар в стране[2]. В 1804 году оффициальные документы определяли только в 140.000 человек население Крыма, которое прежде превышало цифру полмиллиона[3], то-есть было вдвое многочисленнее, чем в наши дни. Вследствие войны, известной под именем «Крымской», в 1854 и 1855 г., потом с 1860 до 1863 года, татары массами эмигрировали, отправляясь искать убежища во владениях турецкого султана: более пятисот деревень и поселков совершенно опустели до последнего жителя, в этот период татарского исхода. При этом образовались два встречные потока переселения: в то время, как крымские магометане уходили селиться на оттоманской почве, болгары и другие христиане, подвластные Турции, приходили брать земли, покинутые на полуострове. Указ от 13 января 1874 года, обязывающий татар к военной службе, обучение русскому языку в школах[4], частое вмешательство чиновников, регламентация—все эти причины способствуют ослаблению татарского элемента: в то время, как другие расы, входящие в состав населения Крыма, увеличиваются в числе, татары, напротив, уменьшаются. В 1864 году они были многочисленнее, чем все другие обитатели Тавриды; в наши же дни пропорция изменилась в ущерб их народности: ныне они не составляют даже трети общего числа жителей полуострова.

Приблизительное население Крыма (по Риттиху):

Татары в 1864 г.—100.000: в 1874 г.—80.000. Русские (великоруссы, малоруссы и белоруссы) в 1864 г.—55.700; в 1874 г.—130.000. Другие народности (греки, евреи, болгары и проч.) в 1864 г.—39.200; в 1874 г.—38.000.

Во время прибытия на полуостров татары были далеко не чистой тюркской расы; в Крыму они смешивались все более и более, с одной стороны, с туземным населением, с другой—с пленниками, которые иногда приводились тысячами из России. Во многих местностях гористой области татары принадлежат к азиатскому племени только по имени и по религии: их прекрасный эллинский профиль сразу обличает в них греков и итальянцев по происхождению; это—принявшие ислам и отатарившиеся потомки древних населений Тавриды и генуэзцев Каффы[5]; по другому мнению, это—украинцы, потомки средневековых колонистов. Множество совершенно исчезло из их общин. Впрочем, какова бы ни была доля участия различных этнографических элементов, соединенных в их расе, все их соседи—русские, гре-

1 О. Хартахай, „Историческая судьба крымских татар“, „Вестник Европы“, 1866 г., II, и 1867 г, II.

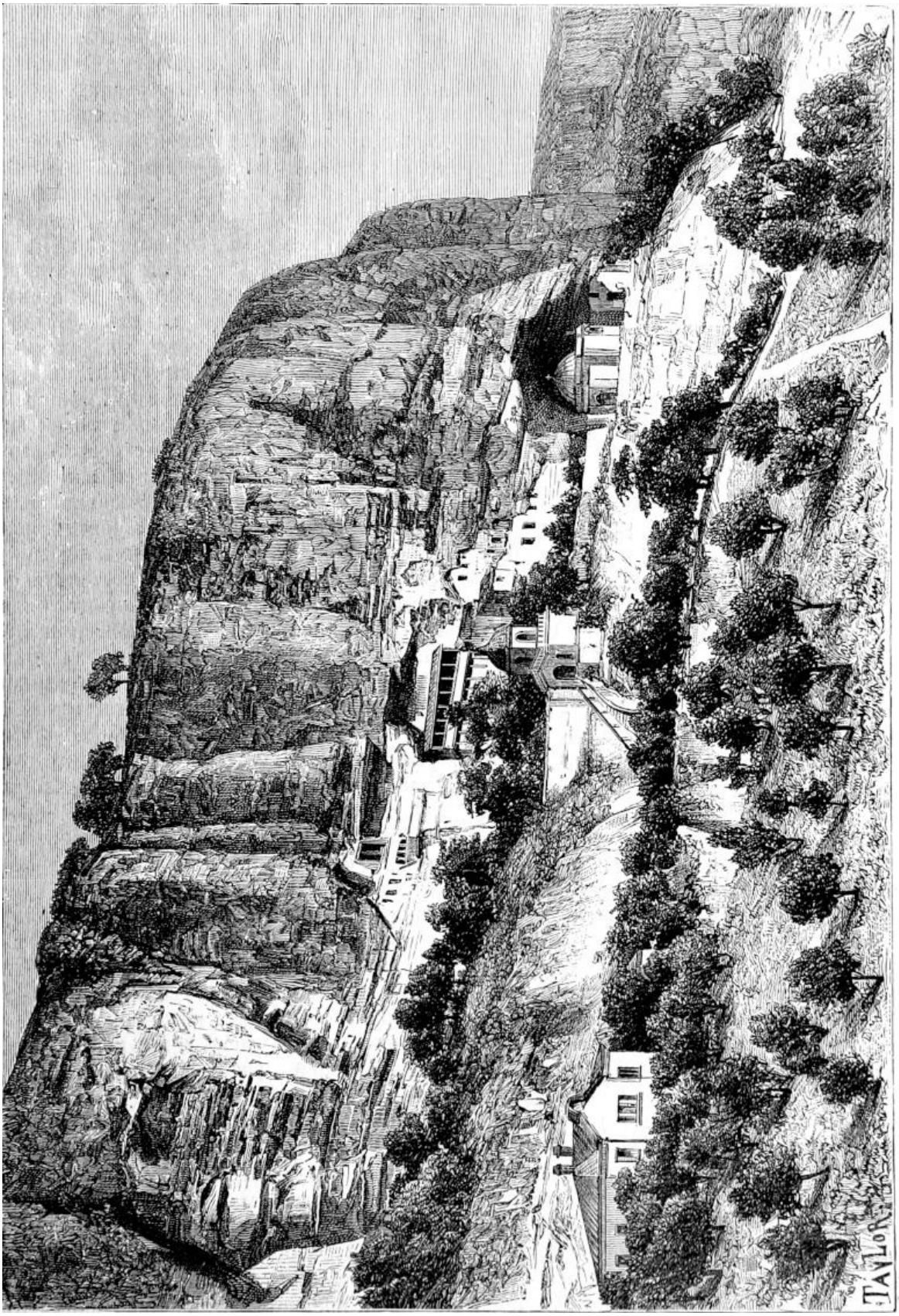
2 Ф. Брун, „Крым в половине XVIII столетия”.

3 В. А. Дашков, „Сборник антропологических и этнографических статей о России”.

4 „Неделя”, 1874 г., № 16.

5 Mackenzie Wallace, „Russia”;—Alfred Rambaud,—„Городские пос. в Росс. Имп”., IV.

ки, немцы или евреи—единогласно хвалят их прямодушие, честность и добросовестность, любовь к труду и порядку, трезвость, их уважение к человеческому достоинству. Теряя татар, Крым лишается своих лучших граждан.



Гроты Чуфутъ-Кале.

Крымские евреи, принадлежащие к особенной секте, известной под именем караитов или караимов, также пользуются общим уважением за их честность, простоту нравов, трудолюбие, настойчивость в начатых делах; однако, про них говорят, что они медлительны и лише-

ны инициативы; женщины их отличаются обыкновению большим обилием драгоценных украшений в наряде. Самое название их караимы, или караиты, которое означает «чтецы», начетчики, свидетельствует о постоянном чтении и изучении ими древних книг; но они отвергают толкования или талмуд, столь важный в глазах других евреев. Они вообще не сближаются с последними, которые, может быть, и не соплеменны им; тем не менее караимы очень ценятся образованными евреями Западной Европы, по причине заботливости, с которою они сохранили древние вероучения, и денежные пожертвования богатых французских евреев способствовали основанию и содержанию синагог и еврейских школ в Крыму[1]. Многие писатели видят в караимах потомков тех хазар, частию обращенных в иудейскую веру, которые некогда жили на обоих берегах Волги, в Крыму и у подножия Кавказских гор. Возможно также, что караимы смешались с крымскими татарами, судя по тому, что они носят татарский костюм и говорят татарским языком. Вообще, они больше походят на татар, чем на евреев в собственном смысле; впрочем, некоторый иудейский элемент несомненно существовал в Крыму, так как на полуострове найдены древнееврейские надписи, из которых иные относятся даже к первому веку христианского летосчисления[2].

Большое число караимов занимается земледелием; однако, большинство их посвящает себя коммерческой деятельности, но не разносному торгу подержанными вещами: главная их специальность—торговля колониальными товарами, и она производится преимущественно с Балканским полуостровом и областями Кавказа, где находятся их единоверцы. Евреи киевские и новгородские, о которых идет речь в средневековых летописях, главным образом по поводу секты «жидовствующих», существовавшей в Новгороде и в Москве, в пятнадцатом столетии, были, вероятно, караимы[3]. Их маленькия общины рассеяны в разных странах мира, от Галиции до Палестины; но главная масса караимов, более половины всего их числа, именно около четырех тысяч душ, живет в Крыму, где находится местечко Чуфут-Кале, которое можно назвать Иерусалимом их секты. Однако, караимы не живут теперь в этой метрополии; в 1876 году де-Мели видел там только два еврейских семейства[4]. Торговля и промышленность влекут караимов в большие, оживленные города; но они считают священным долгом часто посещать свою историческую столицу и полагают свое честолюбие в том, чтобы по смерти кости их покоились на соседнем кладбище. Одна долина в окрестностях Чуфут-Кале, окруженная скалами, почти без деревьев, усеяна надгробными камнями: это их «долина Иосафата». В крае есть также колонии цыган, оставивших бродячий образ жизни и занимающихся кузнечным или котельным ремеслом.

Перекоп (по-татарски Ор или Ур), город, охраняющий вход в Крым, если сам не древнего происхождения, то, по крайней мере, стоит на месте расположения предшествовавшего ему города, так как никакой другой пункт не мог быть выбран, чтобы сделать разрез (перекоп) через перешеек, соединяющий полуостров с материком: здесь находится самая узкая часть перешейка, и плато крымских степей сливается с глинистой почвой равнины. В пятнадцатом столетии ров Тафрос, отделявший Крым от континента, давно уже был засорен и древние укрепления заросли кустарником, когда хан Менгли-Гирей воздвиг новую крепостную стену и велел восстановить ров. Следы этих сооружений еще видны, но старые укрепления заменены новыми фортами и редутами, построенными во время Крымской войны. Встарину русские и поляки вообще называли «Перекопской ордой» и «перекопским царем» татар и ханов всего Крыма. Торговля перешейка сосредоточена не в городе Перекопе, а верстах в пяти южнее, в многолюдном местечке Армянске, или Армянском Базаре, основанном, как показывает самое имя его, армянскими купцами.

К югу от перешейка нет ни одного города ни в области степей, ни на берегах двух морей —«Мертвого моря» на западе и «Гнилого моря» на востоке. Нужно обогнуть порт Таркан-

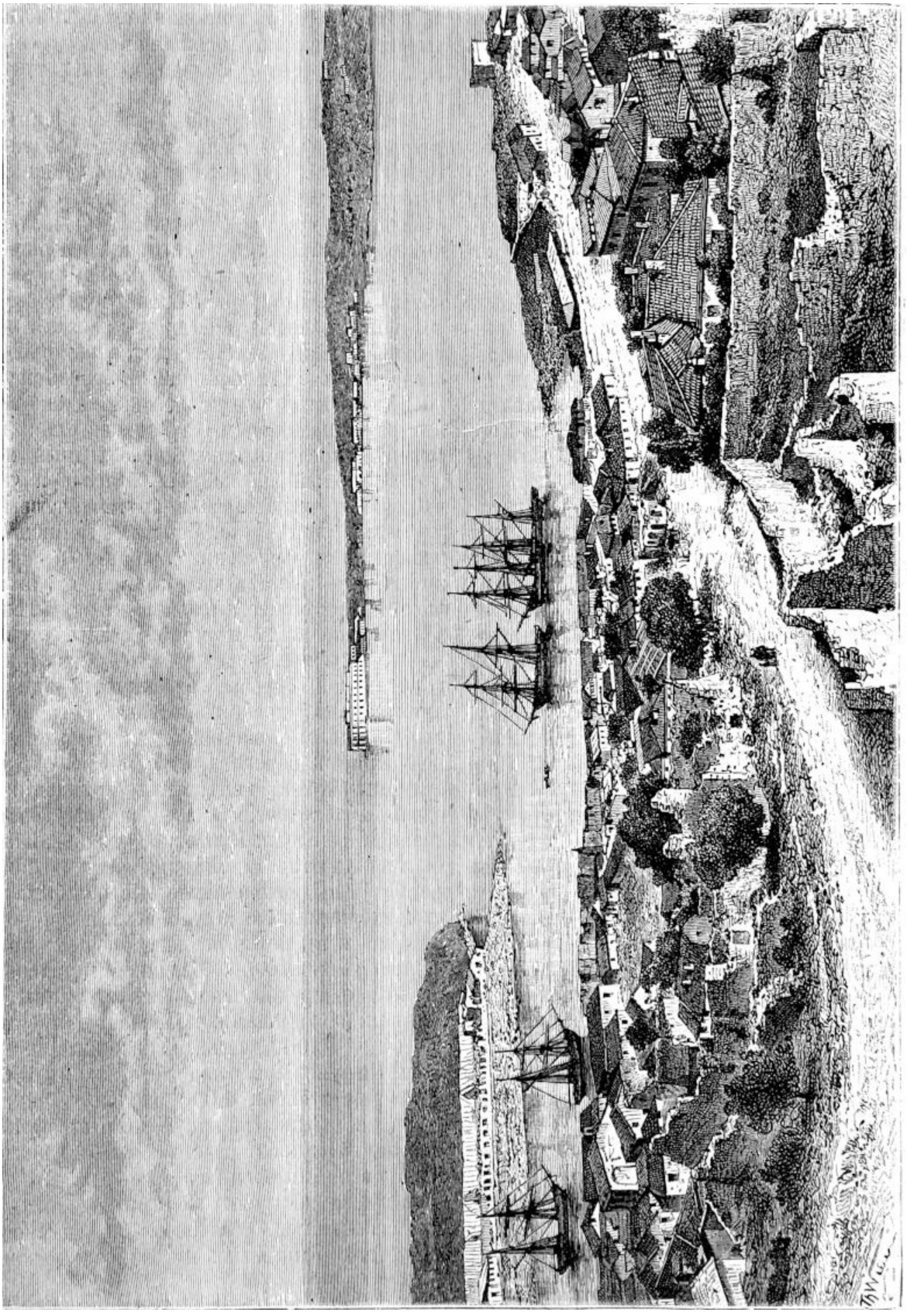
1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.
2 Григорович, „Записки антиквара о поездке на Калку и Калмиус".
3 Брун, „Записки Ими. Одесского общества истории и древностей".
4 „Tour du Monde", 1878, liv. 910.

Кут и дойти на юг до первых предгорий Таврических гор, чтобы встретить значительную группу населения: это—древняя Евпатория, город мусульманский, армянский, еврейский, менее всего русский, который получил свое имя от древней крепости, основанной в честь Митридата-Евпатора, но находившейся гораздо южнее, может быть, на нынешнем местоположении Севастополя[1]. Часто опустошаемая нападениями неприятелей, Евпатория должна была несколько раз перестраиваться. В пятнадцатом столетии она имела весьма важное торговое значение, да и теперь еще некоторое число судов каждый год приходит бросить якорь в её открытом рейде (в 1895 г. было в приходе—698 судов в 419.405 тонн, в отходе—701 судно в 423.862 тонны). Прежнее её название—Гезлев (переделанное русскими в Козлов), или «Сто-Глаз», было дано ей, как говорят, по причине множества светящихся в её домах огней, которые ночью видны издалека в голой степи. Соляные озера близ Евпатории деятельно разработываются, и на берегу одного из них (Сакского) находится заведение целительных грязей, посещаемое больными в сезон жаров. Известно, что на евпаторийском берегу, хорошо защищенном от северных ветров, высадились в 1854 году союзные войска, и оттуда направились к Севастополю; перейдя долину реки Альмы и обогнув Инкерманские высоты.

Главный город полуострова и всей Таврической губернии, Симферополь, находится не на этой дороге морского прибрежья. Он занимает центральное положение в плодоносной долине Салгира, самого большего ручья на полуострове, и у северной оконечности прохода, представляющего наиболее удобное сообщение с Южным берегом, на восток от горы Чатыр-Даг. Таким выгодным положением, естественно, должны были давно уже воспользоваться,—и действительно, в окрестностях находят остатки древних развалин. Татарские ханы основали в этом месте город Ак-Мечеть, то-есть «Белая Мечеть», который был сожжен русскими в 1736 году, затем вновь выстроен в 1784 году под греческим именем Симферополис, или Симферополь: некоторые ученые видят в нем наследника тавро-скифского города, носившего название Неаполис, или Неаполь. В Симферополе видны еще кое-какие татарские постройки, уцелевшие от общего пожара; но только один из крымским городов почти вполне сохранил свою восточную физиономию—Бахчисарай, или «Дворец Садов». Это—длинная извилистая улица, расположенная к юго-западу от Симферополя, в узкой лощине между двух высоких, скалистых известковых гор, на берегах ручья, который изливается в Черное море верстах в тридцати к западу. Бахчисарай—это русская Гранада; он тоже имеет свою Альгамбру, дворец ханов, с его изящными воротами, украшенными арабесками и резными надписями, с его комнатами, обтянутыми драгоценными материями, с его верандами, где цветущие южные растения качаются гирляндами, с его внутренними дворами и двориками, где вода фонтанов непрерывно журчит и льется на мраморный пол. Белые минареты все еще возвышаются над городом, поднимаясь выше верхушек раин или пирамидальных тополей, растущих группами в садах. Население Бахчисарая тоже по-прежнему гармонирует с окружающей средой: оно состоит главным образом из татар, греков, караимов, которые все очень трудолюбивы, деятельны, и большинство которых по профессии шорники, золотых дел мастера, садовники, виноградари; лавки наполнены цветными материями, сафьянными изделиями, различными предметами, напоминающими товары, какие обыкновенно раскладываются на базарах Смирны или Константинополя; одно из предместий населено цыганами-кузнецами. Над городом, с юго-восточной стороны, возвышается гора, отвесные стены которой все изрыты гротами, где насчитывают около тысячи комнат. В былые времена караимские торговцы города обязаны были с наступлением сумерок удаляться из Бахчисарая и идти на ночлег в свой пещерный город: отсюда и произошло наименование Джуфут-Кале, или «Жидовская крепость», данное этой горе, которую сами караимы называют Кирк-иер, или горой «Сорока человек». Теперь в эти пещеры только загоняют на ночь скот. Надписи доказывают, что Джуфут-Кале существовал уже с шестого столетия христианской эры. На юго-востоке стоит почти уединенно скала Тепе-Керман, или Тобе-Керман, господствующая над «готским» кладбищем, стены которой изрыты восемнадцатью ярусами галлерей, содержащих около де-

1 Брун, „Заметки, относящиеся к древней топографии Новороссийского края и Бессарабии".

сяти тысяч комнат[1]. Что касается знаменитой Мангуп-Кале, крутой горы, расположенной полукругом и представляющей форму стены, то теперь там видны лишь груды развалин, бесформенные остатки греческих храмов и готических замков, от которых Паллас видел еще



Севастопольская бухта.

хорошо сохранившиеся части. Эта крепость некогда господствовала над всей страной к востоку от Севастополя.

1 В. И. Майнов. „Первая антропол. выставка и конгресс в Москве", „Слово", 1879 г., № X.

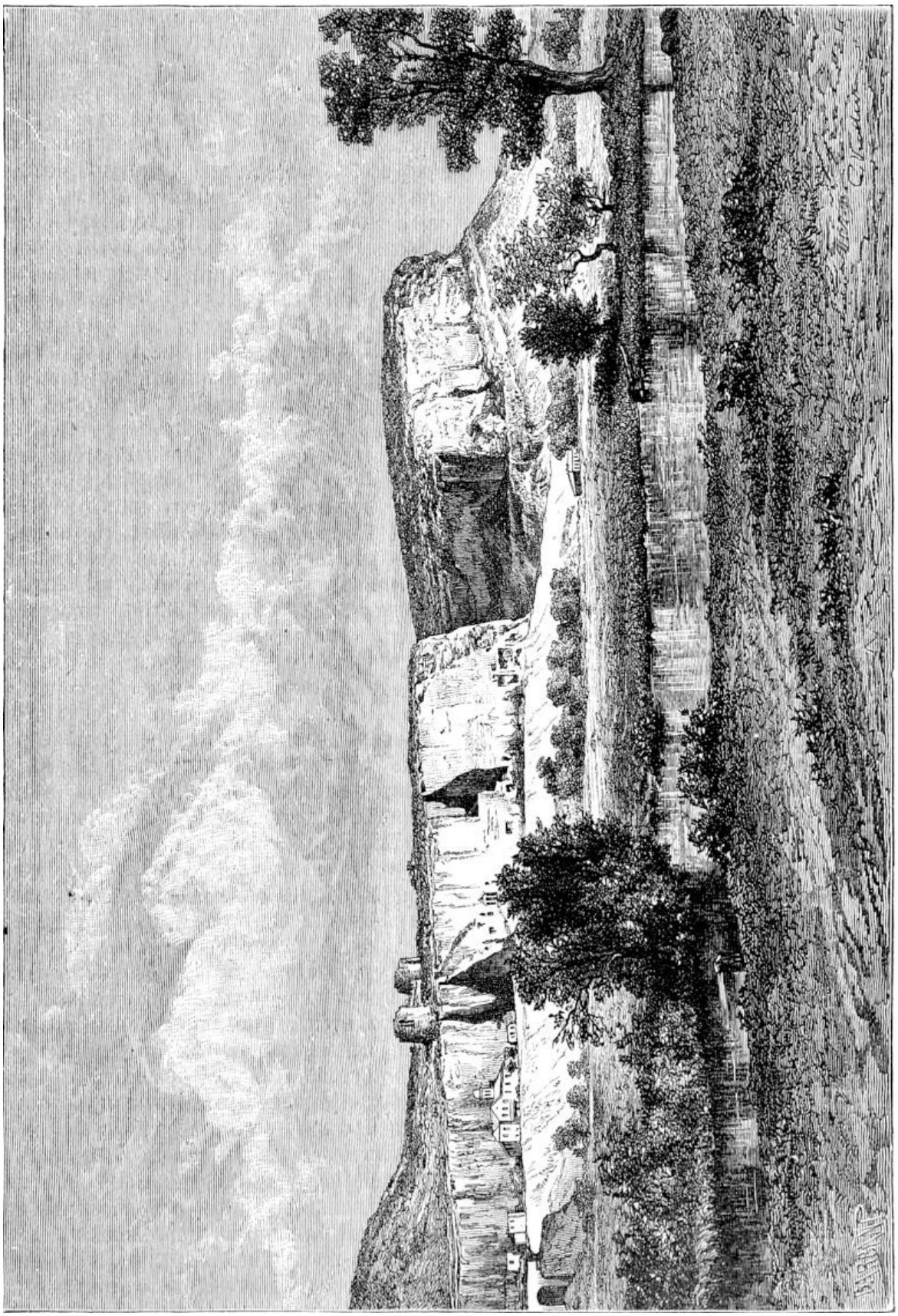
Юго-западная оконечность Крыма замечательна как местность, которая первая появляется в эпоху мифов и которая в то же время была театром, где происходило одно из самых кровопролитных столкновений новейшей истории. Эта часть полуострова, почти отделенная от остального Крыма глубокой вырезкой прибрежья, известна ныне под именем мыса Херсонес; недалеко оттуда колонисты из Понтийской Гераклеи построили город Херсон, имя которого русские переделали в Корсунь, а татары называли его Сары-Керман, но уже в то время когда, он был переведен на другое место, к северо-востоку, в соседство нынешнего Севастополя, свежия развалины которого смешались с древнейшими руинами, скифскими и греческими. На мысе Херсонес, говорят, скифы соорудили храм Дианы, в честь которой жрица Ифигения должна была приносить в жертву чужеземцев, выброшенных бурей на берега «Негостеприимного моря». Однако, многие археологи указывают на мыс, известный у средневековых итальянцев под именем Фиоравенти и лежащий южнее Херсонеса, как на Парфенион эллинов, и полагают, что тут именно происходила сцена Ифигении и Ореста, воспетая древними поэтами; по мнению этих археологов, монастырь св. Георгия, возвышающийся на мысу, стоит там, где в древности был храм Артемиды. Это место прославилось в русской истории крещением Киевского князя Владимира, который во время войны с греками осаждал Корсунь и, по взятии этого города, принял крещение, вместе со своими сыновьями и дружиной (988 г.)[1]. Далее на востоке—Балаклавский порт (Балаклава—это «Палакион» Страбона, «Чембало» генуэзцев), имеющий в длину около версты, при ширине около 100 сажен, открывается внутри береговых утесов, точно искусственный док, вырытый рукою человека. Каменная стена, длиною около девяти верст, отделявшая от остальной Тавриды весь Гераклейский полуостров и защищавшая также город Херсонес и его территорию от нападений скифов, начиналась от порта Палакион и направлялась на север к восточной оконечности бухты, на берегах которой теперь построен город Севастополь. Балаклава еще населена греками.

Всем известна форма этой знаменитой в истории нашего времени бухты, обладание которою русские и союзники оспаривали друг у друга с таким ожесточением. Она представляет морское ущелье, открывающееся между известковыми горами, выделяющее из себя меньшие боковые ущелья и продолжающееся на восток земным ущельем, над котором господствуют крутые, почти вертикальные стены Инкерманских высот. Севастопольская бухта, имеющая, в среднем, около версты в ширину и вдающаяся на 7 верст внутрь твердой земли (глубина её от 9 до 11 сажен), представляет превосходный порт, очень удобный для защиты, благодаря узкому входу и окружающим ее крутым возвышенностям; кроме того, боковые заливчики её извилистых берегов образуют маленькие порты, скрытые от взоров неприятеля, стоящего на море перед входом в бухту. В эпоху знаменитой 11-месячной осады, стоившей многих тысяч людей участникам этой кровопролитной борьбы, русским, французам,, англичанам, туркам, итальянцам, различные кварталы Севастополя, расположенные на полуденном берегу бухты, были окружены поясом фортов и внешних укреплений; над северным берегом возвышались бастионы главной цитадели. Известно, что после войны бывший Ахтиар ногайцев, «Августейший город»[2], выдержавший шесть страшных, опустошительных бомбардировок и три общих штурма, и в который было брошено врагами слишком 1.500.000 больших метательных снарядов, представлял одни развалины, окруженные кладбищами. Население, простиравшееся до 40.000 душ в половине текущаго столетия, уменьшилось до того, что в 1864 году не достигало и 6.000, и город не имел даже той важности,

1 От Корсуня, с его величественными храмами, дворцами, высокими стенами, остались засыпанные землею развалины, в которых открыли три церкви. Одну из этих церквей призвали за тот самый храм, где совершилось крещение Владимира, и над развалинами её теперь построен великолепный храм из Инкерманского белого камня во имя Равноапостольного князя Владимира. *Прим.перев.*

2 До присоединения Крыма к России на месте Севастополя стояла татарская деревушка Ахтиар. В 1783г. Екатерина II повелела „на месте деревни основать военный порт с адмиралтейством, верфью и крепостью" и назвала вновь основанный порт Севастополем, именем, которым, при господстве римлян, была названа, в честь Августа, древняя греческая колония Херсонес. *Прим.перев.*

какую он приобрел в первые годы после своего основания, как морская станция и военный арсенал. В новейшее время постройка железной дороги, которая соединяет Севастополь с континентальной сетью рельсовых путей посредством моста, перекинутого через Сиваш, из-



Инкерманскіе утесы.

менила положение дел, и Севастополь возрождается из развалин; теперь берега бухты окаймлены набережными, в соседстве гавани воздвигнуты обширные амбары для склада хлеба, на месте бывшего редута устроен монументальный железнодорожный вокзал, а про-

славившиеся в истории осады возвышенности, Малахов курган, Редан—обращены в общественные гульбища. Севастополь по-прежнему является грозной крепостью, но успехи артиллерии и фортификации заставили изменить положение оборонительных укреплений: теперь южные плато обставлены редутами, а мыс Херсонес вооружен батареями. защищающими подступы рейда. Что касается высот Инкермана (древняя Каламита), находящихся к востоку от Севастополя, по другую сторону болотистой долины, на дне которой струится Черная речка, то эти скалы постоянно аттакуются массами каменеломщиков, привлекаемых превосходным качеством извлекаемого здесь белого камня, который легко распиливается на плиты и отвердевает на воздухе. Под ударами этих каменеломщиков, вероятно, скоро исчезнет подземный город древних троглодитов, галлереи которого образовали настоящий лабиринт во внутренности холма: некоторые из подземных зал так обширны, что в них свободно может поместиться до пятисот человек.

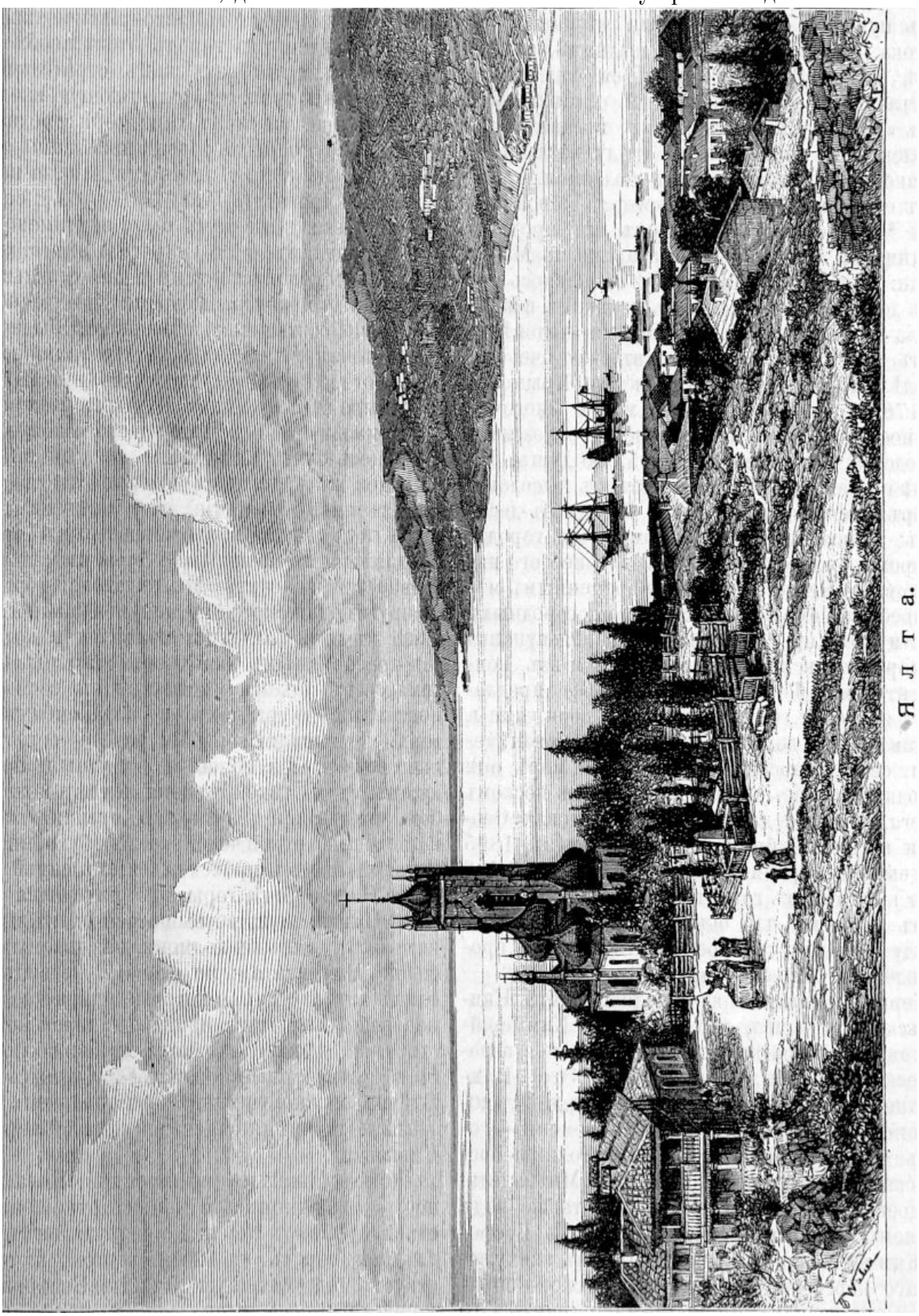
Торговое движение Севастополя в 1895 г. (по заграничному плаванию и каботажу): пришло—1.278 судов, в 1.145.651 тонну; отошло—1.282 судна в 1.151.809 тонн. Ценность вывоза—12.081.114 руб., ввоза—1.189.928 руб.[1]

Вдоль дороги, отлично содержимой, которая следует по южному берегу Крыма на восток от Балаклавы, рассеяны прелестнейшие виллы, среди необыкновенно живописных местностей. Эта дорога—«Карниз» Тавриды, почти столь же очаровательный, как «Карниз» Лигурии. То взбираясь на высокий мыс, то спускаясь на плоский морской берег, она вьется змейкой из оврага в овраг, и путешественник все время видит кругом себя горы, леса, море, все время созерцает обширную и грандиозную картину, которая быстро изменяется при малейшем повороте дороги. Близ мыса Ай-Тодор (Агиос-Теодорос), или св. Феодора, расположены великолепные дачи, Алупка, Орианда, императорский дворец Ливадия, Никитский Сад, окруженные роскошными парками, где собраны самые редкия растения, богато украшенные малахитами, драгоценными мраморами, статуями, произведениями искусства; здесь не раз объявлялись войны и заключались политические союзы. Маленький город Ялта, приютившийся у подножия амфитеатра покрытых лесом гор, господствует над рейдом, впрочем, не совсем удобным, где останавливаются военные корабли и яхты. (Движение судов в Ялтинском порте в 1895 г.: пришло—803 судна в 609.235 тон.; отошло—801 судно в 608.793 тон.)

На юго-востоке от Чатыр-Дага, бывшая генуэзская колония Алушта, окруженная виноградниками, которые производят лучшие сорты крымских вин, может быть рассматриваема как гавань Симферополя, от которого она удалена всего на сорок с небольшим верст. Несмотря на то, Алушта теперь не более как деревня, также как стоящий далее на востоке Судак, некогда могущественный и цветущий город, известный у греков под именем Сугдеи, у итальянцев—под именем Сольдаи; в русских летописях он назывался Сурож. Этот город, византийского происхождения (может быть, даже еще более древнего), занимал очень выгодное положение, на берегу полукруглой бухты, при выходе широкой и плодоносной долины (Судакской), в местности, имеющей удобное сообщение, через понижение в горной цепи, с северным скатом полуострова. В тринадцатом столетии венецианцы основали тут факторию, консул которой был в то же время консулом всей Хазарии или «Хазарской земли», то-есть всех областей, прилегающих к Черному морю с северной и северо-восточной стороны. Фамилия Марко-Поло (к которой принадлежал знаменитый путешественник этого имени) имела в Сольдае торговый дом, служивший ей посредником в сношениях со всеми азиатскими странами. Впоследствии венецианцы были прогнаны из Сольдаи, но вместо них пришли генуэзцы, которым татары уступили, в 1365 году, всю территорию города и окрестные селения. Двойная стена ограды, которую они воздвигли вокруг города и соседнего холма, существует еще до сих пор, с её готическими воротами, обставленными по бокам двумя зубчатыми башнями; этот памятник генуэзской архитектуры сохранился вполне: глядя на него, можно подумать, что видишь перед собой какой-нибудь лигурийский город средневековой эпохи. В

1 „Обзор внешней торговли России за 1895 г.“

четырнадцатом столетии торговое значение Сольдаи было так велико, что, по свидетельству арабского писателя Абульфеды, она не уступала в этом отношении даже Каффе; весь Крым назывался по её имени, да и Понт-Эвксинский известен был у арабов под названием «Су-



Ялта.

дакского моря»[1]; точно также и русские называли «Сурожским морем» Palus Maeotides (Азовское море), а иногда и Понт-Эвксинский. Разоренный турками в конце пятнадцатого

1 Брун, „Материалы для истории Сугдеи".

столетия, порт Сольдая или Судак утратил всю свою торговлю; теперь высокие городские стены защищают одни убогия лачуги, и немецкие колонисты, занимающиеся виноградарством, заменили итальянских негоциантов. Что касается древнего города «Старый Крым», или по-татарски «Эски-Крым», стоящего далее на востоке, то он уже несколько веков перестал быть столицей полуострова, и здания его лежат в развалинах. Почти все население его состоит из армянских поселенцев.

Каффа по крайней мере не потеряла свой ранг—города. Милезийцы, которые основали ее под именем Феодосии, очень удачно выбрали местоположение для своей колонии. Она расположена на берегу бухты, защищенной высоким мысом от ветров, как южных, так и западных; цепь Таврических гор оканчивается в этом месте, так что город командует, в одно и то же время, со стороны моря—торговлей южного берега Крыма, а со стороны суши—торговлей северной покатости полуострова. Вдобавок Феодосия занимает положение почти на самом перешейке, соединяющем Керченский полуостров с Крымским: находясь в соседстве с Азовским морем и с Сивашем, этот город, стоящий на берегу Понта-Эвксинского, имел в своем распоряжении рыбу и соль, доставляемую двумя названными внутренними морями. Опустошенная несколько раз вражескими нашествиями, Феодосия,—уже около семисот лет известная под именем крепости Каффы,—была куплена в тринадцатом веке генуэзцами, которые сделали из неё главный рынок Черного моря; одно письмо, адресованное к папе Каликсту III, в 1455 году, говорит, что Феодосия «превосходит Константинополь—не по протяжению городских стен, но по числу жителей»[1]; она в то время была складочным пунктом всей торговли «туранскаго» Востока. Каффа пала через двадцать-два года после взятия Магометом II её соперника, Константинополя: завоеванный османлисами, этот «Крым-Стамбул» был предан разграблению и обращен в груду развалин. Однако, город потом опять поднялся, главным образом благодаря торговле невольниками[2], и сделался базаром для продажи пленников, захваченных татарами в Малороссии: иногда на этом рынке скоплялось разом до 30.000 невольников, мужчин и женщин, предлагаемых торговцами человеческим мясом. Когда русские, в свою очередь, овладели Каффой, вместе со всем Крымом, в 1783 году, население её, менее многочисленное, чем оно было в эпоху генуэзского господства, простиралось до 85.000 душ. Но после того эмиграция турок, затем выселение татар уменьшили это число на девять-десятых; однако и теперь летом этот город, которому русские возвратили древнее его наименование Феодосии, делается временным местопребыванием большего числа иногородных посетителей, приезжающих сюда для купанья в море, из всех частей Крыма и из континентальной России. Старая Каффа предлагает им свои генуэзские стены, свои улицы, обставленные домами с аркадами, свои мечети, свой татарский квартал, а на море они находят отлогие, покрытые мелким песком берега, удобные для купанья. Торговля Феодосии не имеет большой важности (в 1895 году вывоз за границу, по ценности,—4.487.143 рубл.), хотя этот город служит экспедиционным портом для окружающих поселений, между которыми главное место занимает промышленный Карасубазар.

Керчь, стоящая при западной бухте Еникальского пролива, или «Босфора Киммерийскаго», еще древнее, чем Феодосия, и её историческая роль была еще важнее. Это—Пантикапея, основанная милезийцами за две с половиной тысячи лет до нашего времени,—город, возвысившийся на степень столицы Босфорского царства, после поражения Митридата; в древности она была известна также под именем Боспора (Bosporus). «Город Босфора Киммерийскаго», разоренный в эпоху великого переселения народов, не скоро оправился от погрома; но во времена генуэзского господства он снова приобрел обширную торговую деятельность, которая потом была им утрачена вследствие покорения страны турками и которую он опять успел возвратить себе только спустя полстолетия после присоединения Крыма к России. Керчь, естественный страж пролива, соединяющего Азовское море с Черным, занимает столь благоприятное для обороны положение, что город этот необходимо должны были выбрать

1 Брун, цитированное сочинение.

2 Michalon Lithuanus, „Fragmenta"; Хартахай, цитированное сочинение.

как стратегический пункт, как крепость, охраняющую вход в пролив; при военном характере города торговля, понятно, могла развиваться лишь очень медленно (в 1895 г. ценность вывоза по заграничной торговле—1.530.507 рубл.); сверх того, землевладение там было подчинено особым правилам, и до 1830 года никто, кроме греческих колонистов, не мог селиться на землях этого округа. Во время Крымской войны Керчь, сожженная союзниками, была временно покинута; но, вновь отстроенная вскоре после того, она быстро разрослась, и в 1870-м году была самым многолюдным и первым торговым городом Таврического полуострова. Теперь бухта защищена по всей ширине запрудой в уровень с поверхностью воды, и единственное отверстие этой запруды находится под выстрелами крепостных орудий. Гордая своим прошлым, Керчь имеет музей древностей на скате Митридатовой горы, на которую поднимаются по монументальной лестнице; в этой коллекции хранятся некоторые из драгоценных остатков старины, находимых в таком множестве в соседних могильных курганах и катакомбах. На верхней площадке горы Митридата естественные возвышения почвы и земляные насыпи курганов до такой степени похожи между собою, что издали невозможно отличить горки, возведенные рукой человека, от бугров, обязанных своим происхождением самой природе. На вершине горы, где находился акрополь Пантикапеи, возвышается один из таких округленных холмов, называемый «могилой Митридата»; по словам легенды, на один из утесов, о которые опирается этот надгробный курган, нередко садился могущественный понтийский царь, чтобы обозревать свои бесчисленные корабли[1]. С мыса Ак-Бурун можно разглядеть на дальнем горизонте подернутые синеватой дымкой вершины Кавказа.

Город Еникале (по-турецки «Новая Крепость») в административном отношении составляет часть Керчи, но он удален от последней верст на 12 к востоку и господствует над самой узкой частью Босфора Киммерийского; весь этот город представляет собрание крепостных сооружений, казарм и других казенных зданий. В древности здесь находился Парфенион греков.

Значительнейшие города Крымского полуострова, с цифрой населения по переписи 28 янв. 1897 г.:

Керчь и Еникале—43.726 жит.; Симферополь—18.821 ж.; Севастополь—54.442 ж.; Карасубазар (1892 г.)—15.282 ж.; Бахчисарай (1892 г.)—14.749 ж.; Феодосия—26.943 ж.; Евпатория (1892 г.)—17.757 ж.

XIX. Материальное и социальное состояние России.

Нынешнее народонаселение Российской Империи исчисляется, как мы знаем, в 100 слишком миллионов душ (по первой всеобщей переписи 28 января 1897 г., свыше 129 миллионов), из которых 86 миллионов (по переписи, свыше 106 милл.) находятся в Европе: это немного более общего числа людей, живущих в этой части света (теперь более трети). Россия, вместе с Великим Княжеством Финляндским, занимает поверхность, несколько превосходящую половину Европы; следовательно, населенность её (отношение числа жителей к пространству) сравнительно редкая, именно русские подданные почти вдвое реже размещены на территории, чем другие европейцы вообще, и в четыре до пяти раз более редко, чем французы. От Царства Польского до слияния двух великих рек, Волги и Камы, тянется пояс плотной населенности, который можно рассматривать как восточное продолжение густо населенной Европы. Простираясь в ширину средним числом без малого на 400 верст, пояс этот обнимает Волынь и Подолию, бассейн Днепра между Киевом и порогами, Великороссию от Твери до Воронежа и, съуживаясь мало-по-малу к востоку, разветвляется на две отрасли, из которых одна переходит за Казань, тогда как другая достигает Волги в Саратове. К северу, к югу и к востоку от этого пояса жители все менее и менее сконцентрированы, населенность

1 A. Demidoff, „La Crimee“.

становится все реже и реже: с этих трех сторон население уменьшается в числе, в прямой зависимости от суровости климата, неплодородия почвы и меньшей продолжительности периода, протекшего со времени включения данной местности в состав Империи. Плодоносные земли Новороссийского края, берегов Азовского моря и страны по сю сторону Кавказских гор еще очень слабо населены; при том же затруднения, поставляемые передвижению внутри государства подушной податью и паспортной системой, не позволяли крестьянам селиться в значительном числе на этих новых землях[1].

Приращение народонаселения идет очень быстро в большей части Российской Империи. В 1722 году, т.е. в эпоху, когда Европейская Россия по пространству была только на одну пятую меньше нынешней России, общее число подданных исчисляли приблизительно в 14 миллионов[2].

Шестьдесят лет спустя, в 1782 г.. Империя,—впрочем, увеличенная территориальными присоединениями с западной стороны,—имела уже вдвое большее население. Около 1830 года, оно опять удвоилось, а ныне число жителей в девять раз превышает ту цифру населения, которая оказалась при первой народной переписи. Судя по размеру возрастания, совершившагося с начала настоящего столетия, период удвоения числа жителей России составляет около 65 лет. Ежегодный естественный прирост народонаселения, происходящий от перевеса числа рождений над числом смертных случаев, превышает теперь миллион; в первое десятилетие девятнадцатого века он равнялся 500.000 душ[3]. Если прирост народонаселения будет продолжаться в той же пропорции, или даже в несколько меньшей, то нынешняя территория одной только Европейской России, без сомнения, будет иметь сотню миллионов жителей до конца текущего столетия. Впрочем, движение народонаселения сильно разнится по губерниям, смотря по различиям расы, климата, материального благосостояния, социальных условий. Так, оказывается, что браки наиболее многочисленны в южных губерниях государства; на востоке, в бассейнах Камы и низовой Волги, рождаемость наиболее сильна: в губернии Олонецкой, также как и в Московской, процент смертности достигает наибольшей величины. Средний вывод из отдельных демографических фактов дает нормальное приращение народонаселения во всех губерниях вообще; но переселения из провинции в провинцию уменьшали иногда, в несчастные годы, численность населения бедных губерний, какова, например, Витебская, и тех областей, где уже существует промышленный пролетариат, каковы губернии: Московская, Калужская, Тульская, Рязанская[4]. В Польше, на прибрежьи Черного моря и в Поволжьи, между Казанью и Саратовом, постоянно и быстро увеличивается численность населения.

Русские вступают в брак, вообще говоря, тотчас по выходе из юношеского возраста; число лиц, остающихся холостяками, относительно очень не велико. Статистические таблицы обнаруживают замечательный контраст, который представляют в этом отношении восточные славяне в сравнении с другими европейскими народами, особенно с баварцами, которые женятся поздно, в ущерб общественной нравственности.

Процентное распределение браков по возрастам[5]:

Мужчины:	Бавария (1870-1880)	Франция (1870-1879)	Европ. Россия (1867-1875)
Ранее 20 лет	0.12%	2.32%	37,34%
От 20 до 25 лет	17,06 „	24,64 „	30,97 „
От 25 до 30	37,03 „	36,82 „	11,82 „

1 О. Ф. Воропонов, „Вопрос о крестьянских переселениях“ Вестник „Европы", 1876 г., № 1.

2 По первой народной переписи, произведенной в 1722 г., оказалось 5.794.928 душ мужского пола податного звания; с присоединением же лиц женского пола, привилегированных сословий и населения некоторых областей, не вошедших в ревизию, все народонаселение, вероятно, простиралось до 14 миллионов. *Прим.перев.*

3 В. де-Ливрон, „Статистическое обозрение Российской Империи“.

4 А. А. Ильин, „Опыт статистического атласа Российской Империи”.

5 Бодио. „Popolazione. Movimento dello stato civile. Anno XIX. 1880. Confronti internazionali per gli anni 1865—1880“. Roma. 1882.

Мужчины:	Бавария (1870-1880)	Франция (1870-1879)	Европ. Россия (1867-1875)
От 30 до 40	30,93 „	25,68 „	12,21 „
От 40 до 60 и ст.	14,68 ,	10,54 „	7,36 „
Женщины			
Ранее 20 лет	5,70%	0,21	0,57
От 20 до 25 лет	34,26 „	38,67 „	26,31 „
От 25 до 30	30,15 „	20,74 „	7,10 „
От 30 до 40	21,42 „	14,09 „	6,39 „
От 40 до 60 и ст.	8,47 „	5,69 „	2,93 „

Причину этих ранних браков в России следует искать главным образом в богатстве страны удобными для культуры землями, которые ждут только рук, чтобы сделаться производительными: семьи землепашцев пользуются тем большим достатком, чем они многочисленнее. Но если браки у русских более ранние, чем у других европейских народов, то, с другой стороны, из всех стран Европы в России смертность детей наиболее значительна; бесхлебицы и голодовки вследствие неурожая, эпидемические болезни и отсутствие мало-мальски удовлетворительных гигиенических условий уносят в могилу более четверти детей на первом году жизни.

Из 100 родившихся средним числом умирает[1]:

	В возрасте одного года. %	В возрасте 1—5 лет. %
Норвегия	10,74	18,3
Шотландия	12,36	25,3
Швеция	13,69	09 9
Англия	15,11	24,9
Бельгия	17,35	28,3
Швейцария	18,94	26,2
Италия	21.35	38,1
Пруссия	21,77	33,4
Австрия	25,58	38,9
Европ. Россия	26,54	42,5

Следовательно, в России пятилетнего возраста не доживают даже три пятых из общего числа рождающихся детей. Точно также вероятная продолжительность жизни в России гораздо меньше, чем в других странах цивилизованной Европы: она равна 24 годам[2].

Так как Россия еще страна по преимуществу земледельческая, то города в ней сравнительно менее населены, чем города Западной Европы: городское население Российской Империи (без Финляндии), по предварительным результатам переписи 1897 г., определилось в 16.289.181, при общей цифре населения 126.111.736 душ; но в России, как и в других странах, по мере устройства более удобных путей сообщения и по мере развития промышленной и торговой деятельности увеличивается и число горожан. К шести городам, которые двадцать лет тому назад имели свыше 100.000 жителей,—именно: Петербург, Москва, Варшава, Одесса, Кишинев, Рига,—теперь нужно прибавить еще следующие города: Киев, Харьков, Саратов, Казань, Лодзь, Тифлис, Вильно, Ташкент, Екатеринослав, Ростов, Астрахань, Баку и Тулу. В 1880 году насчитывалось уже 225 русских городов, имевших более 10.000 жителей; но можно судить о контрасте, существующем между Россией и Западной Европой в распределении городов по территории, из того факта, что в Польше они удалены один от другого средним числом верст на 16 или 17, тогда как в остальной России среднее расстояние от города до города около 90 верст; кроме того, большое число административных центров, получивших название «уездных городов», населены исключительно крестьянами. Большая часть русских городов состоит из центрального ядра, которое есть не что иное, как первоначальной город, административный и военный центр, и из окружающих его предместий, или слобод; таковы слободы «кузнецов», «плотников», каменщиков»—крестьян, посе-

1 Таблица составлена по Бодио: „Popolazione. Movimento dello stato civile. Confronti internazionali", Roma, 1882.

2 В. де-Ливрон, цитированное сочинение.

лившихся в непосредственном соседстве города и теперь составляющих часть городского населения; названия некоторых слобод, каковы: «Стрелецкая», «Казацкая», Солдатская», «Канонерская» и даже «Ямская», напоминают времена не очень отдаленные, когда прибытие новых поселенцев в города было не всегда добровольное. Города некоторых губерний представляют весьма значительную несоразмерность между численным отношением полов. В России, как и во всех тех странах умеренного пояса, где исчисление народонаселения производилось более или менее тщательно, оказывается, что число женщин вообще превышает число мужчин. Рабочие и прислуга мужского пола устремляются к большим центрам, особенно к Петербургу и Москве, в столь значительном количестве, что там числовая разность между полами, в пользу мужчин, достигает одной пятой или даже целой четверти. То же самое и в южных степных губерниях, к которым постоянно направляются в большом числе новые колонисты. В губерниях же, из которых происходит отлив переселенцев, замечается обратное отношение: там женщины многочисленнее мужчин.

Числовое отношение женского пола к мужскому, по предварительным результатам переписи 1897 г.:

В всей империи (кроме Финляндии)—99,9 женщ. на 100 мужч.

Ярославская губерния (максимум)—133 ж. на 100 мужч. Петербургская губерния (минимум)—87,4 женщ. на 100 мужч. Бессарабская губерния—89,8 женщ. на 100 мужч.

Русские, как известно, отличаются любовью к путешествиям, и те из них, которые обладают достаточными средствами, почти никогда не отказывают себе в удовольствии побывать и пожить некоторое время за границей, особенно с тех пор, как заграничный паспорт не стоит огромной суммы—500 руб., как это было до 1857 года.

Движение путешественников на границе:

	Выбыло.	Прибыло.
1857 г.	116.952 лиц.	113.815 лиц.
1880 г.	805.282 лиц.	830.348 лиц
1894 г.	2.048.776 лиц.	2.043.760 лиц

В 1895 году, через европейскую и азиатскую границу, выбыло: по паспортам—344.437, по легитимационным билетам—2.618.595; прибыло: по паспортам—347.862, по легитимационным билетам—2.628.464[1].

Но между русскими мало таких, которые эмигрируют навсегда, исключая того случая, когда эмиграция бывает вынужденной: Россия так обширна, что и земледельцы, и промышленники всегда могут найти в собственном отечестве благоприятное место для переселения. В целом Россия получает более значительное число иностранцев, чем сколько посылает своих уроженцев в другие страны.

Пассажирское движение путешественников по европейской границе в период с 1857 по 1880 год:

	Приехало	Выехало	Излишек
Русских	3.560.443	4.185.437	уехавш. 624.994
Иностранцев	9.158.836	7.956.126	приехав. 1.202.710

В 1895 г. прибыло (по паспортам): русских—109.322, иностранцев—198.251; выбыло: русских—136.932, иностранцев—181.185[2].

Из иностранцев, немцы в наибольшем числе приезжают в Россию попытать счастья и поселяются в ней на постоянное жительство. В период с 1872 по 1881 год:

Общее число германцев и австрийцев прибывших в Россию—5.176.805 лиц; выбывших из России—4.515.025 лиц; излишек прибывших—661.780 лиц.

Австрийские подданные, между которыми значительный процент тоже состоит из германских элементов, представляют почти половину немецкой эмиграции; в двадцатичеты-

1 „Обзор внешней торговли России" за 1895 г.

2 Там же.

рехлетний период, с 1857 по 1880 год, число германцев, приехавших в Россию, превышало более чем на 600.000 число эмигрантов из России, принадлежащих к той же нации. В 1880 году, насчитывали всего только 178 французов, иммигрировавших в Россию впродолжении года, тогда как в тот же годовой промежуток времени 18.000 германцев и 30.000 австрийцев прочно водворились в ней, увеличивая собою число своих соотечественников, которое в славянской империи уже переходит за миллион. Число выбывших из империи за европейскую границу, по паспортам, в 1894 г. (в тысячах человек): германцев—76,9; австрийцев—74,9; французов—6,3; число прибывших: германцев—74,3; австрийцев—76,9; французов—6,8.

Без сомнения, финны гораздо многочисленнее немцев, но более половины этого племени состоит из народцев, отделенных друг от друга и тяготеющих к русским в отношении своей торговли и умственного развития. Что касается финляндской нации в собственном смысле, то два с половиной миллиона человек, которые ее составляют, живут как бы изолированные в мире и не могут опереться ни на какую соседнюю расу, ни на какой родственный народ. Татары, или по крайней мере инородцы различных языков и разного происхождения, обозначаемые этим общим именем, численно тоже превосходят немцев, но, как и финны, они рассеяны на окраинах России, вне национального тела великорусского племени, и связаны лишь ордами кочевников, бродящих по обширной территории, со своими азиатскими единоплеменниками, покоренными, как и они сами. Латыши и литовцы, окруженные славянами, финнами, немцами, точно также состоят в естественной зависимости от своих политических властителей, а поляки—впрочем, такие же славяне, как и русские, великоруссы, малороссы, белоруссы—были побеждены и поставлены в общие условия. Немцы чувствуют себя нравственно поддерживаемыми 60 миллионами своих единоплеменников в двух соседних империях—Германской и Австрийской; кроме того, они имеют в самой России около четырех миллионов союзников, которых дает им еврейская раса, благодаря общности языка: это—великая сила и опора для них, составляющая одну из причин, благодаря которым они занимают положение более независимое, чем то, каким пользуются другие не-славянские народности Империи. Как землевладельцы, немцы, правда, разделены на несколько групп, стоящих особняком от массы русской нации. Они владеют обширными имениями в прибалтийских губерниях и сгруппированы многочисленными земледельческими колониями на низовом Поволжьи, на нижнем течении Дона, в Крыму, в Новороссийском крае; но, как ремесленники, мастера и подмастерья, как профессора, учителя и чиновники, они встречаются везде в России. Впрочем, некоторые исторические причины много способствовали усилению влияния, приобретенного германцами, во вред самим русским. Дворянство прибалтийских губерний, пополняемое отчасти эмигрантами, приходящими из Германии, всегда пользовалось особенным покровительством и во многих случаях присвоило себе почти исключительную монополию некоторых должностей государственной службы. При дворе, в армии, в разных ведомствах на долю лиц немецкого происхождения приходится от одной пятой до половины и даже до трех-пятых, тогда как, соответственно их численности в составе народонаселения, немцы должны бы были иметь не более как одно место на восемьдесят. Впрочем, как бы ни была сильна реакция славянского духа против германского влияния, последнее не может не быть весьма значительным, пока просвещение в России будет распространяться столь медленно, как по настоящее время.

Вероятное число жителей Европейской России, вместе с Финляндией, в 1879 году, по расам:

Славяне. Русские: Великоруссы—40.000.000; Малороссы—16.370.000; Белоруссы—3.600.000. Болгары и сербы—150.000; Поляки—5.000.000.

Литовцы—1.900.000; Латыши—1.100.000; Румыны—750.000; Греки—75.000; Цыгане—15.000.

Германцы: Немцы—1.000.000; Шведы—286.000.

Монголы: Калмыки—120.000; Самоеды—4.000.

Евреи—3.000.000.

Армяне—36.000.

Финны, Лопари, Угры: Финляндские финны—1.840.000; Карелы (в России)—300.000; Эсты и ливы—800.000; Лопари—4.000; Пермяки и Зыряне—150.000; Мордвины—1.000.000; Чуваши—700.000; Черемисы—2 60.000; Вотяки—240.000; Мещеряки и Тептяри—270.000; Вогулы—2.000: Весь и друг.—28.000.

Тюрки: Татары казанские—1.050.000; Башкиры—750.000; Татары крымские—80.000; Киргизы—180.000.

В России промышленность обработывающая поглощает еще лишь незначительную часть народного труда; почти все свои источники существования, свои экономические рессурсы страна добывает либо звероловством и рыболовством, непосредственной эксплоатацией богатств природы, либо от земледелия и скотоводства. Большие группы населения Российской Империи, исключительно состоящие из рыболовов, звероловов или кочующих скотоводов, пребывают еще на первых стадиях промышленной цивилизации. Сотни тысяч людей: черемисы, зыряне, лопари, самоеды, башкиры, киргизы, калмыки, отчасти казаки уральские и донские, живут совершенно так же, как жили древние обитатели страны: в поисках за ежедневным пропитанием, одни плавают по рекам, другие пускаются в море, третьи бродят по лесам и тундрам. По размерам улова рыбы, Россия занимает первое место во всей Европе, хотя, пропорционально числу жителей, она стоит в этом отношении гораздо ниже Норвегии. Общий улов в водах Европейской России можно считать в 70 миллионов пудов.

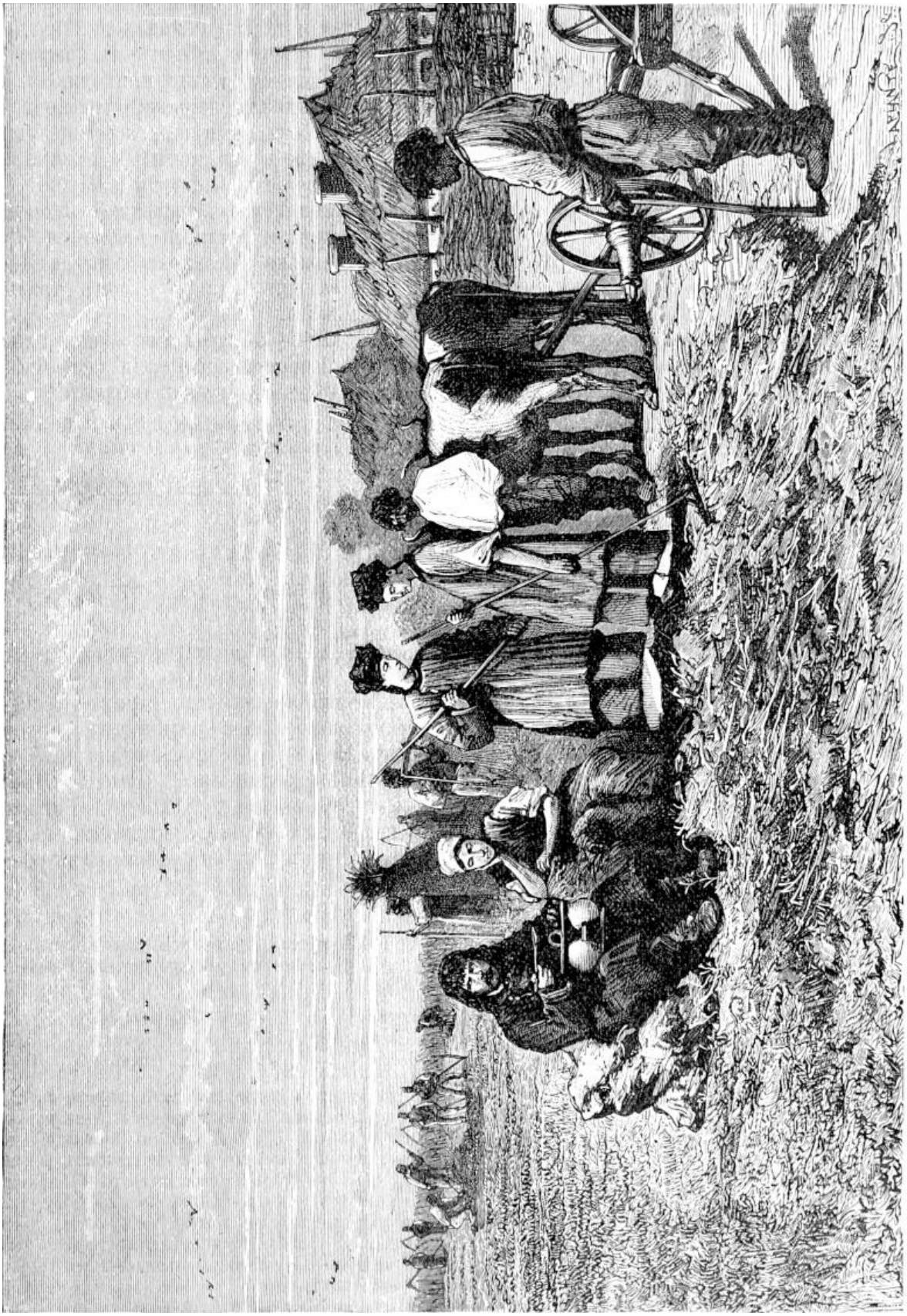
Добыча от рыбных промыслов в одном только Каспийском море по меньшей мере в два раза превышает количество рыбы, которое извлекают флотилии французская, английская и американская на мелях Ныо-Фаундленда[1]. Что касается звероловства, то оно имеет важность только в лесистых, редко населенных областях севера России; в последние два столетия оно значительно уменьшилось; некоторые виды диких животных, шкуры которых были в большой цене, совершенно исчезли; но и теперь еще в одной только Вологодской губернии зыряне продают каждый год по меньшей мере 400.000 штук дешевых мехов. Хищные звери, оспаривающие лесную дичь у охотников, еще очень многочислены в различных областях России. Смирный, безобидный медведь водится во всех лесистых местностях, тогда как волк, неутомимый в своих походах, рыскает по лесам, луговым равнинам и голым степям, охотясь на стада, часто также, во время зимних холодов, гоняясь за перепуганными путниками и лошадьми. По опустошениям, производимым волками, высчитали приблизительно в 175.000 неделимых число этих хищников, которые еще рыскают в лесах и полях России; они ежегодно пожирают 180.000 голов крупного скота, 560.000 овец и баранов, 100.000 собак,—общая ценность которых простирается до 15 миллионов рублей: таким образом, каждый волк истребляет ежегодно на 80 рублей! Сверх того, число людей, поедаемых волками, составляет в среднем выводе, 125 в год; в 1875 году оно достигло цифры 161. Теперь земства, в видах истребления волка, выдают денежную премию охотникам, приносящим хвост и уши этого хищника[2].

Земледельцы северных областей России не все еще перешли к совершению оседлому образу жизни: старинные приемы переложного (подсечного, лядного) хозяйства сохранились повсюду, где имеющиеся запасы свободной, пустующей земли дозволяют покидать истощенные земли и приниматься за новые, подсекая и выжигая растущий на них кустарник и даже лес. Понятно, что такая система земледелия, столь естественная в стране почти безлюдной, становится невозможною, как только население достигает известной плотности. Земледельцы одни за другими научаются прочно водворяться на возделываемой почве и с этого време-

1 Данилевский; акад. Бер; де-Ливрон.

2 Субботин, „Курс промышленной, экономической и коммерческой географии в связи с торгово-промышленной статистикой России и других стран". Спб. 1875 г.—Лазаревский, „Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка". Спб. 1876 г.—Bruckner, „Russische Revue".—Мордовцев, „Десятилетие русского земства".

ни стараются увеличивать урожаи лучшими способами культуры, а не распашкой девственных земель. Однако, даже в Бессарабии болгарские колонисты, очень богатые землями, держатся переложной системы полеводства, т.е. из года в год часть земли оставляют в залог, а



Сѣнокосъ въ Украйнѣ.

посев производят на участках, уже побывавших в залежи.

В настоящее время площадь, находящаяся под сельскохозяйственною культурою в Европейской России, составляет более одной пятой части всей поверхности её, тогда как земли

совершенно неудобные и бесплодные: песчаные степи, скалы или тундры,—занимают более 25% всей территории. Еще недавно леса покрывали более половины России; но распространение земледелия, расчистка лесных участков под пашни, пожары, беспорядочная эксплоатация значительно сократили лесную площадь; в наши дни она составляет не более двух пятых: многие большие леса исчезли бесследно, и на месте их образовалась голая степь. По берегам почти всех сплавных рек и речек уже нет высокоствольных лесов на расстоянии нескольких верст в обе стороны: там леса сплошь изведены, тогда как в местностях, более удаленных от водяных путей и вообще лишенных удобных средств перевозки, великолепнейший строевой лес без пользы гниет на месте. Об эксплоатации лесов в России и о совершенном почти отсутствии правильного лесоразведения можно судить по тому факту, что правительство получает с казенных лесов, средним числом, за вычетом всех издержек, чистого дохода 5 с небольшим копеек на десятину. В северных губерниях, где сосредоточено наибольшее количество казенных лесов, покрывающих громадные пространства, годовой доход от казенных дач едва превышает копейку с десятины[1]. Во Франции он превышает 30 франков с гектара (около 8 мет. рублей с десятины) в государственных лесах, а в лесах частных, при рациональном способе эксплоатации их, этот доход значительно больше. Пора уже положить конец расхищению лесных богатств России неразумным хозяйничаньем. В начале текущего столетия на каждого жителя, по валовому учету, приходилось леса около 14 десятин; теперь же—только 2 десятины, хотя, без сомнения, все еще гораздо больше, чем во всех других странах Европы, за исключением Норвегии и Швеции[2]; но если обезлесение будет продолжаться по-прежнему, то, при возрастании населения, Россия через несколько десятков лет сделается одною из самых бедных лесом стран нашей части света.

Распределение по угодьям общей площади территории Европейской России, без Финляндии, показано в следующей таблице[3]:

	По Янсону.		По Ермолову	
	тыс. дес.		тыс. дес.	
Пахотной земли	97.178	22,6%	95.000	21,58%
Под лугами и пастбищами	53.119	12,4%	55.000	12,49%
Под лесом	117.252	27,3%	177.160	40,23%
Под непроизводител. площадью	162.004	37,7%	113.140	25,70%

Из всех европейских стран Россия производит наибольшее количество зерновых хлебов. Недавно она производила их больше даже, чем Соединенные Штаты Северной Америки, но в эти последние годы положение дел изменилось, и теперь она занимает только второе место в свете по размерам производства хлеба.

Средний сбор зерновых хлебов в главнейших государствах:

	Общий сбор в четвертях.	На жителя четвертей.
Соединенные Штаты	318.000.000	6,3
Европ. Россия, без Финляндии	270.000.000	3,5

1 Проф. Янсон, цитированное сочинение.

2 На 1 жителя приходится лесной почвы (см. ст. проф. А. Рудзкого в „Историко-стат. Обзоре пром. России"):

В Норвегии	11 дес.	В Австрии	0,47 дес.
„ Швеции	2,7 „	Германии	0,33 „
„ России	2 „	Франции	0,2 „

Если же принять во внимание лишь лесную площадь в лесном управлении, то в северном, лесном крае на 1 жит. окажется $7^1/_2$ дес. леса, в Поволжья—столько же, сколько в Германии, а в остальных районах—менее, чем во Франции; специально же в промышленном центре России—всего 0,09 дес. на душу, т. о. более чем вдвое меньше, нежели во Франции. *Ред.*

3 Данные о распределении общей площади по угодьям весьма не точны. К началу восьмидесятых годов, площадь пахатных земель возросла до 100 милл. дес., а общая лесная площадь должна быть увеличена, по сведениям 1879—1881 г., сравнительно более точным,—до 183.701.000 дес., в том числе в лесном управлении 123.318.670 дес.; „удобной лесной почвы" считается 146.461.000 дес., или 79,7%. (См. „Историко-стат. Обзор пром. России", ст. проф. А. Рудзкого и И. Левитского). *Ред.*

	Общий сбор в четвертях.	На жителя четвертей.
Франция	120.000.000	3,2
Германия	128.000.000	2,8
Австро-Венгрия	81.000.000	2,2
Соединенное Королев	60.000.000[1]	1,7

В 60 губерниях Европ. России средний сбор хлебов за пятилетие 1892-96 г.г. составлял 2.891.976,6 тыс. пудов. Общий сбор зерновых хлебов, кроме бобов и чечевицы, в 71 губерниях и областях Европ. и Азиатск. России в 1897 г. простирался до 2.761.915,4 тыс. пуд.[2]

В России под культурою состоит земли гораздо больше, чем в других европейских государствах, и значительная часть её территории, именно черноземная полоса, кажется, предназначена сделаться сплошным хлебным полем; но способы обработки почвы и земледельческие орудия еще весьма неудовлетворительны. На большей части земель южной России культура ведется не постоянно,—там существует залежная система хозяйства; «кулаки» нередко снимают в аренду у казны и у частных владельцев земельные участки и на них ведут хищническую культуру: собирают 2-3 жатвы пшеницы, после чего сеют два года кряду лен, как известно, сильно истощающий почву. Еще в 1872 году Мекензи Уоллес проезжал, в Самарской губернии, по обширным имениям, принадлежащим казне, земли которых, очень плодородные от природы, отдавались в аренду частным лицам по 30 копеек за десятину[3]. Если бы сбор с каждой десятины хлеба был в России такой же, как в Великобритании[4], то жатва давала бы, в среднем, ежегодно не 300 милл. четвертей, как в настоящее время (урожай 1895 г. в Европейской России, близкий к среднему, дал 330,4 миллиона четвертей), а простиралась бы до одного миллиарда четвертей, и, следовательно, собранного хлеба достало бы для прокормления 500 миллионов людей. Урожаи в разных частях Империи различны и дают средним числом от трех до пяти зерен на одно посеянное, смотря по местностям, а между тем каждый год целая треть (на юге—даже значительно большая часть) пахатных земель остается под паром (или в залежи). Когда в одной губернии случится неурожай, либо вследствие засухи или чрезмерного обилия дождей, либо по причине появления вредных насекомых, производящих иногда страшные опустошения на полях, особенно в Малороссии и южной России, нужда, а иногда и настоящий голод вскоре проявляются с полною силою, тогда как губернии с обильным урожаем продолжают отправлять свой хлеб к иностранным портам; нередко и постигнутые неурожаем губернии все-таки отпускают хлеб: пример тому мы видели в 1873 и в 1884 г.г., во время самарского и пермского голода. Причина этого странного явления—бедность крестьян: они вынуждены продавать свой хлеб осенью для уплаты податей и не имеют возможности покупать его весной, по недостатку средств. Между различными зерновыми хлебами, возделываемыми в России, первое место принадлежит не пшенице; этот род хлеба занимает лишь третье место—после ржи и овса; в северных областях пшеницу заменяют рожь и ячмень, требующие для своего развития меньшей суммы теплоты сравнительно с пшеницей.

Зерновыми хлебами в Европейской и Азиатской России в 1897 г. было засеяно следующее количество десятин[5]:

Пшеницею, яровою и озимою—17.310.516 д.; Рожью—26.096.720 д.; Ячменем—7.503.985 д.; Овсом—15.638.034 д.; Гречихою—2.336.710 д.; Просом—2.749.993 д.; Кукурузой—961.691 д.; Горохом—1.159.742 д.; Полбой—438.514 д.; Всего—74.195.905 десятин.

Если Россия теперь занимает только второе место в свете по производству и отпуску зер-

1 В том числе почти половина овса. *Ред.*

2 „Статистика Российск. империи. Урожай 1897 г.", Изд. Центр. Статпстич. Комитета.

3 Mackenzie Wallace, „Russie", t. II.

4 В России средний урожай зерна на десятине равняется 4 четв., в Англии 15 и свыше. На счет продуктов, получаемых со 100 дес. утилизируемой в сельско-хозяйственном отношении земли, в России могут существовать всего 60 душ, во Франции и Германии 120, в Бельгии 210 челов. (А. Ермолов, „Организация полевого хозяйства", I). *Ред.*

5 „Урожай 1897 г.", изд. Центр. Статист. Комитета.

новых хлебов, то она все еще сохраняет первенствующее значение по возделыванию льна и конопли. Под льноводством в России состоит большая площадь, нежели во всей остальной Европе, а средний ежегодный сбор льняного волокна составляет почти половину производства его на всем европейском континенте, как это видно из следующих данных:

	Под культурою льна на волокно, дес.	Средний ежегодный сбор, пудов.
Европейская Россия.	800.000	20.000.000
Прочия государства Европы	580.000	11.700.000

За пятилетие 1890-94 гг. в России собиралось, в среднем, ежегодно 18.630.000 пуд. волокна и 2.500.000 четвертей семени. Губернии: Псковская производит около 2.600.000 пуд., а Вятская около 1.000.000 пуд. волокна. В южных губерниях лен возделывают не для волокна, а на семя. Общая ценность производимого льна (волокна и семян) исчисляется приблизительно в 100 миллионов рублей. Конопля имеет менее важное значение в сельском хозяйстве России; средняя ценность ежегодного сбора этого растения, как в виде волокна (пеньки), так и в виде семян, определяется в 40.000.000 рублей (средний годовой сбор за пятилетие 1890-94 гг. 10.050.000 пуд. волокна и 2.109.000 пуд. семени).

Культура свекловицы, имеющая чисто промышленный характер (для переработки на сахар), тоже получила в России обширное развитие, и ежегодное производство этого корнеплода представляет почти пятую часть сбора его во всей Европе; одна Киевская губерния доставляет всего количества, которое получается в Европейской России, со включением Царства Польского. По данным за пятилетие 1890-95 гг., под культурой этого растения было занято ежегодно, в среднем, 285.293 десятины и перерабатывалось на сахар 29.263.429 берковцев свекловицы. По размеру производства сахарной свеклы, Россия не отстает от Австро-Венгрии и в этом отношении уступает только Франции и Германии. Ценность ежегодного сбора свекловицы составляет приблизительно 15-20 миллионов рублей. Возделывание картофеля тоже значительно увеличилось в России с половины настоящего столетия, и сбор его, в среднем, за последнее десятилетие составлял 60.900.000 четвертей; в 1897 г. под этим корнеплодом было занято в Европейской России, с Царством Польским, 3.053.660 десятин, а сбор определился в 1.338.358,1 тыс. пудов; во всей империи (кроме Финляндии) площадь под картофелем: 3.177.674 дес., давших сбор в 1.381.159.600 пуд.[1]. В губерниях Западных, Привислянских и Прибалтийских картофель идет на винокурение, тогда как в других местах Империи для этой цели употребляется преимущественно ржаная мука. В общем, из картофеля выкуривается около четверти всего получаемого в Европейской России количества водки; но в последние годы винокурение из картофеля стало особенно возростать. Табаководство также в общем значительно усилилось в последнее время; сбор табаку в 1894 г. составлял 4.327 тыс. пуд.

Мы перечислили важнейшие отрасли земледелия в России. Что касается виноградарства, то оно имеет хозяйственное значение только в южной части страны, при чем почти три-четверти всего винограда, собираемого в Империи, получается вне пределов Европейской России, именно в бассейнах Терека и Кубани, преимущественно же в Кахетии, на полуденном склоне Кавказа. В Европейской России виноградники встречаются только в Бессарабии, главнейше в окрестностях Аккермана, на берегах Днепровского лимана, в Крыму, на берегах нижнего Дона и кое-где в Херсонской губернии. Границы культуры виноградников несомненно отодвинулись далеко к югу в течение двух последних столетий: прежде крестьяне собирали виноград в Подолии почти в расстоянии 300 верст к северу от тех виноградников России, которые ныне составляют крайний северный предел виноградарства[2]. Виноградная лоза и теперь еще растет в садах Подольской и Киевской губерний, но плоды её слишком кислы, чтобы можно было приготовлять из них вино[3]. Астраханский виноград, о котором

1 „Урожай 1897 г.“, изд. Центр. Статист. Комитета.

2 Blaise de Vigener, „Description du royaume de Pologne“.

3 А. Баталин, основываясь на удачных опытах культуры винограда, проводит предельную линию винограда чрез средину Волынской губ, далее на востока, южнее Чернигова, на Курск, Воронеж и до Камы-

Александр Гумбольдт говорит во многих из своих сочинений, тоже очень близок к исчезновению: виноградарство сделалось уже простым садоводством в этой части Волжского бассейна, и площадь виноградников занимает незначительное пространство, всего около 90 десятин, а сбор в нормальном 1870 году едва достигал 1.500 ведер[1]. Общее количество виноградного вина, производимого во всей Европейской России, составляет только около 8.000.000 ведер; но промышленность умеет умножать это количество и превращать простое вино в шампанское и другие знаменитые иностранные вина. В 1880 году в крымских виноградниках появилась филлоксера; но благодаря принятым мерам, дальнейшее распространение её было прекращено.

Россия очень богата домашними животными; она обладает гораздо большим абсолютным количеством скота, чем всякое другое из европейских государств, и по числу лошадей на 100 жителей превосходит все страны.

Число домашних животных в различных странах Европы (в тысячах голов):

Лошадей: Россия Европейская (92-94 гг.)—22.044; Германия (1892 г.)—3.837; Франция (95 г.)—3.382; Австро-Венгрия (90-95 гг.)—4.033; Соединенное Королевство (1896 г.) 2.116.

Рогатого скота: Россия—33.520; Германия—17.556; Франция—13.234; Австро-Венгрия—15.987; Соединенное Королевство—10.942.

Овец и коз: Россия—59.455; Германия—16.681; Франция—22.673; Австро-Венгрия—15.098; Соединенное Королевство—30.854.

Свиней: Россия—11.706; Германия—12.174; Франция—6.306; Австро-Венгрия—11.437; Соединенное Королевство—4.301.

Впрочем, нужно заметить, что превосходство России в отношении численности лошадей происходит именно вследствие сравнительно малого распространения в стране собственно земледельческой промышленности. Там, где населенность наиболее редка, где города и местечки наиболее удалены друг от друга, табуны лошадей пасутся в наибольшем количестве; в области степей, на юге и особенно на востоке они находят еще огромные травяные пространства, по которым бродят на воле. В русских владениях в Средней Азии число лошадей превышает число людей; в Европейской России, со включением Царства Польского, недавно насчитывали одну лошадь на каждых четырех жителей; теперь отношение уменьшилось, так что нужно считать только одну лошадь на пять человек, и по всей вероятности, уже не далеко то время, когда Россия будет иметь, как это мы видим в странах Западной Европы, не более одной лошади на десять или пятнадцать жителей. Благодаря успехам земледелия, рогатый скот увеличивается в числе, но не так быстро, как человеческое население; то же замечается и относительно овец.

Об изменении численности скота во времени можно судить из следующих данных:

В Европейской России (без Финляндии и Царства Польского):

	Лошадей	Кр. рог. скота	Овец
		тысяч голов	
1861	15.190	20.638	42.379
1880	15.750	21.652	45.662

Следовательно, увеличение числа лошадей составляло 0,37%, рогатого скота 4,9%, овец 7,7%; цифра же населения за тот же период времени увеличилась на 25%.

Впрочем, сравнивая количество скота в России и в Западной Европе, нужно принимать в соображение и то, что вес русского скота, получающего относительно плохой корм и обремененного непосильною работою, более чем на половину меньше веса скота английского или швейцарского. Точно также стада овец состоят главным образом из простых пород, еще необлагороженных путем скрещивания с усовершенствованными породами. Однако, сделаны уже большие успехи в разведении домашних животных, и успехи эти должны постоянно

шина на Волге. *Ред.*

1 Bock, „Russische Revue“, 1878 г., № X.

увеличиваться, в виду постоянного возрастания цен на мясо и шерсть. Общее количество производимой Россиею шерсти исчисляется приблизительно в 12 милл. пудов, которые представляют ценность около 50 миллион. рублей. Совокупность продуктов земледелия и скотоводства в Европейской России не может быть оцениваема менее, как в 2.000 миллионов рублей.

Известно, что с 1861 года производители этих богатств освобождены от крепостной зависимости и получили во владение часть обработываемых ими земель.

Распределение земельной собственности в России:

	До освобождения.	После освобождения.
	Процент	
Государственныя земли	64,6	45,6
Земли помещичьи и проч	30,6	22,6
Земли удельного ведомства		1,8
Земли крестьян и колонистов..	1,7	30 (выкупленные и невыкупленные).

Число крестьян мужского пола около эпохи отмены крепостного права: в 1857 году—9.765.163 на государственных землях; в 1863 году—1.624.799 на землях удельного ведомства; в 1857 году—10.696.139 на землях помещичьих.

Государственные крестьяне, которые пользовались относительно большей свободой, чем крестьяне частных землевладельцев, получили земельные участки, за которые они должны были платить оброчную подать, преобразованную впоследствии в выкупные платежи. Что касается бывших помещичьих крестьян или крепостных, то правительство, в видах содействия крестьянам по выкупу их наделов, выдает им долгосрочные ссуды (на 49 лет). Помещик получает эту ссуду процентными бумагами, при чем размер её определяется капитализациею (из 6%) установленного для разных местностей душевого оброка, с вычетом из общей, таким образом исчисленной капитальной суммы $^1/_5$ части, если выкупается полный надел, и $^1/_4$ части—в случае выкупа надела уменьшенного; крестьяне в течение 49 лет обязаны выплачивать 6% с полученной ими ссуды. Обязательный выкуп земель был установлен только в западных губерниях, которые были в 1863 году охвачены польским восстанием. К 1 января 1882 года, по 49 губерниям, поступило выкупных сделок 73.880, из коих утверждено 71.624; по этим сделкам, 5.618.425 ревизских душ выкупили 19.639.170 дес. земли, получив выкупную ссуду в 603.484.763 р. Сверх того, в 9 западных губерниях утверждено 23.453 выкупные сделки, при чем 2.493.065 ревизских душ приступили к выкупу 9.325.344 дес., на что им выдано в ссуду 160.839.290 р. Следовательно, к названному сроку всего было утверждено 97.334 сделок и актов. 8.111.490 ревизских душ приступили к выкупу своих наделов и получили в ссуду 764.324.053 р. В 37 собственно русских губерниях, к 1 января 1882 г., 5.999.187 душ, или 80,83% бывшего крепостного населения, перешли в разряд собственников; следовательно, в обязательных отношениях к помещикам осталось 1.422.012 душ, или около 19%. По указу 28 декабря 1881 г., и эти крестьяне (с 1 января 1883 г.) были переведены с оброчной повинности на выкупные платежи, т. е. сделались собственниками. По исчислению г. Тройницкого, 723.725 душ, записанных дворовыми, вовсе не получили своей доли земли. В имениях удельного ведомства более 860.000 ревизских душ получили земельные наделы. В южных степных и в черноземных нестепных губерниях большинство крестьян в состоянии были платить за свое освобождение, выкупить свои земельные участки, величина которых по губерниям различна (наименьшая величина надела—$1^3/_4$ десятины, наибольшая —10 дес.), и окончательно организовать мелкую земельную собственность; но нельзя того же сказать о губерниях северных и восточных, которые часто были постигаемы неурожаем. Вычислено, что в северных губерниях, по верхнему течению Волги, крестьяне должны были бы иметь не менее 8 десятин на душу (т. е. вдвое или втрое больше против того, сколько они имеют теперь средним числом),—чтобы жить в некотором довольстве и платить исправно подати и другие сборы. В этой части России сельские общества, не будучи в состояния заплатить выкуп непосредственно землевладельцам, оказываются слишком бедными и для

того, чтобы исправно вносить в казну выкупные платежи, они принуждены заключать займы под большие проценты, продавать хлеб на корню и снова закрепощаться—на этот раз уже не помещику, а ростовщику. Есть почти целые уезды, где крестьяне сделались неспособными к платежу податей, иногда превышающих весь получаемый ими доход. Указывают на деревни, покинутые жителями: все до одного ушли они искать себе заработков в других местах, так как крестьянского бюджета не хватает на покрытие издержек существования. Земледельческий пролетариат уже появился в России, тогда как в городах развивается в то же время пролетариат промышленный или фабричный[1]. В губерниях низового Поволжья, часть крестьян нанимается на продолжительные сроки в имениях крупных землевладельцев; такие долгосрочные договоры о личном найме обыкновенно называют кабалой, то-есть тем самым именем, которое употребляли для обозначения рабского состояния в ту эпоху, когда почти все сельское население России было прикреплено к земле и обращено в крепостное состояние[2].

Труд в России, не только на поприще земледелия, но отчасти также в области обрабатывающей промышленности и торговли, проявляется еще в таких формах, которые ясно отражают в себе влияние старинного общинного устройства. Однако, общинная организация, преобразовываясь с течением времени, сохранилась преимущественно по отношению к обработке почвы, к земледелию. Этой группой в Великороссии является мир, в Малороссии—громада; подобную же организацию, только под другими именами, мы находим у финно-татарских народцев, каковы мордвины, черемисы и чуваши[3], и даже немецкие колонисты на берегах Волги, хотя получили земли отдельно для каждой семьи, соединили их в общинные владения. Таким образом «мир» составляет общее учреждение в Империи, хотя наиболее оригинальные и всего лучше изученные формы его встречаются главным образом в великороссийских губерниях. Только в этой части Империи мы встречаем даже города, сохранившие старинный порядок распределения земель между своими членами. Так, например, жители города Мологи разделены на одиннадцать сотен; соответственно тому, и окружающие луга разбиваются на одиннадцать участков, так что каждая сотня выкашивает свой участок, а собираемое сено распределяется между всеми членами, соразмерно количеству платимых каждым налогом[4].

Не следует смешивать, как это часто делают, слово «мир» со словом «община» (commune): эти два понятия не вполне тождественны[5], ибо труд сообща практикуется только в некоторых временных земледельческих товариществах, или артелях, какова так называемая себерщина на низовой Волге[6] и в Малороссии. В некоторых раскольничьих общинах и именно у «общих» или общинников, одной из сект духоборцев, не существует раздела земли; принадлежащая общине земля обрабатывается сообща всеми, и жатва распределяется между членами пропорционально числу работников в каждой семье[7]. Вообще труд сообща и равномерный раздел продуктов наблюдается чаще в отношении лугов, чем в отношении пахотных

1 Кн. Васильчиков. „Землевладение и земледелие", II.

2 В. И. Гиляранский, „Общественно-экономические отношения в юго-восточной России". „Слово", 1878 г., №№ 3 и 4.

3 П. Ефименко, „Программа для собирания сведений об общинном землевладении", „Слово", 1878 г., №6. —Статьи Н. Г. Ч-го в „Современнике" „О поземельной собственности и общинном землевладении".—П. А. Соколовский, „Очерк истории сельской общины на севере России".

4 Е. И. Якушкин, „Обычное право".

5 Но еще чаще смешивают два понятия—общинное землевладение и общинное пользование землею у крестьян, забывая, что общинные земли иногда сдаются в частное пользование, а частные земли, снимаемые крестьянскими обществами, поступают нередко в пользование общества на общинном начале; наконец, имеются селения с наделенной в подворную, частную собственность землей и со всеми порядками общинного, чересполосного хозяйства (И. Стебут. „Статьи о русском сельском хозяйстве", 1883 г.). *Ред.*

6 Гиляранский, „Общественно-экономические отношения в юго-восточной России", „Слово", за 1878 г.

7 Кельсиев, „Материалы по расколу", IV; „Прыгуны", „Отечественные Записки", 1878 г, №№ X, XI; ,.Em. de Laveleye, „De la propieete et de ses formes primitives".

земель, и на арендуемых землях чаще, чем на землях, составляющих собственность общин. Слово «мир», означающее деревню и свет, отличается лишь правописанием от слова «мир»—покой и согласие. В самом деле, сельский мир есть общее соглашение семей деревни насчет распределения земель. Когда земельная территория обширна, как, например, в северных губерниях, земля принадлежит сообща нескольким деревням, соединенным в волость; так, в Олонецком уезде около 600 деревень сгруппированы в 30 сельских обществ. Одна только община-волость обнимает более ста деревень, и территория её, около 201.300 десятин, тянется по берегам Свири почти на 60 верст[1]. Там, если и ощущается в чем-либо недостаток, то, конечно, не в земле; напротив, семьи хлебопашцев в этой многоземельной стороне могут свободно перемещаться вправо и влево, чтобы выбрать себе наиболее подходящее место; им стоит только сделать знак, вырезать свою метку на деревьях, которые служат им временными границами; но необходимо соглашение между деревнями, чтоб ввести некоторый порядок в это кочевое земледелие, равно как в эксплоатацию рек. Земля Уральского казачьего войска также составляет огромную волость, где еще недавно каждый способный к труду человек волен был занимать гуляющую землю для ведения на ней полевого хозяйства; но теперь и там начинает мало-по-малу устанавливаться частная земельная собственность—последствие привилегий, вытекающих из военной иерархии[2]. Изучение исторических документов доказало, что соединение деревень в волость для пользования землей было общим явлением в древней Руси[3].

Феодальные нравы, с одной стороны, и влияние римского законодательства—с другой уничтожили во многих местах эту форму коллективного землевладения и заменили ее собственностью личной или частной. Это совершилось преимущественно в западной России, под литовским и польским владычеством; то же самое происходит теперь и у казаков Уральского войска; но почти во всей Великороссии «волость» естественным порядком раздробилась на отдельные «миры», или общины, вследствие возрастания числа хлебопашцев и уменьшения количества свободных земель; как только поселок делается деревней, соседния земельные угодья присвоиваются этою вновь образовавшеюся общиною и в конце концов переходят в её исключительную собственность: раздел земли должен производиться уже между её членами[4].

Совокупность жителей деревни составляет мир или общину. Мир, пользующийся самоуправлением в своих хозяйственных делах, есть собственник принадлежащей деревне земли, но в то же время несет ответственность за благосостояние всех членов общины; он должен обеспечить участок земли каждому способному работать. Часто леса и почти всегда выгоны и пастбища остаются в общем, нераздельном пользовании. Дом с землей, на которой он построен, и прилегающий к нему огород или сад, другими словами—то, что называется усадьбой, составляют частную собственность; но пока владелец не выкупил окончательно своего земельного надела у бывшего помещика, усадьба принадлежит общине, и он не может продать ни избы, ни огорода постороннему, не принадлежащему к миру, лицу, без согласия своих односельчан. В принципе, раздел земли должен производиться соразмерно числу работников мужского пола в каждой семье, и так как земля обложена податью по количеству душ мужского населения, то передел земли становится обязательным после каждой ревизии (народной переписи). Но колебания в числе членов, происходящие в каждой сельской общине, вследствие накопления мертвых душ, нарождения новых, переселений,—заставляют деревни прибегать к более частым переделам, при чем каждая деревня имеет свои обычаи и распорядки. В одной и той же губернии, в одном и том же уезде некоторые сельские общины приступают к разделу каждый год, тогда как другие производят новые переде-

1 П. А. Соколовский, „Очерк истории сельской общины на севере России". Ср. „Сел. поз. община Арханг. губ.", 1882 г., изд. Арх. Стат. Ком.

2 Рябинин, „Уральское Казачье Войско".

3 Соколовский, цитированное сочинение.

4 Соколовский, цитированное сочинение и „Экон. быт землед. населения России пред крепостным правом".

лы только через два-три или большее число (до 10-12) лет, или ждут передела в течение целых поколений. Для примера приводим сроки переделов в 278 сельских обществах Саратовской губернии;

Передел: каждый год—у 128 деревень; через каждые два года—у 22; через каждые три года—у 13; через каждые пять лет—у 21; через каждые шесть лет—у 20; через каждые восемь лет—у 2; через каждые десять лет—у 11; не было передела с 1858 г.—у 32; не было передела с 1862 г.—у 23 деревень.

Передел отменен в принципе у 1 дер.

Замечено, что общины, наиболее богатые и лучше других ведущие свое хозяйство, повторяют переделы земли менее часто, чем бедные общины[1].

Чтобы каждый член общины получил равную долю, землю обыкновенно делят на несколько участков, смотря по качеству почвы и удобствам обработки. При этом все берется в соображение—свойство почвы, расположение и наклон местности, близость или отдаленность от усадеб, дорог и ручьев; раздельные линии между участками проводятся таким образом, чтобы последние представляли возможно больше сходства между собою. Затем жребий решает, какие доли крестьянин получит в землях различных категорий, из «первой шапки», из «второй» и из «третьей»[2].

Вопреки предсказаниям многих публицистов, как русских, так и иностранных, со времени освобождения крепостных крестьян, русский сельский мир сохранился, и теперь, как прежде, согласуясь с интересами и убеждениями крестьян. Закон дозволяет сельским общинам производить окончательный раздел земель на отдельные участки, с отводом их в частную собственность, и таким образом упразднять общинное землевладение; но деревни, воспользовавшиеся этим разрешением, очень немногочисленны, и почти все они находились в особенных, исключительных условиях, при которых сохранение старой общины оказывалось очень стеснительным. В течение первых четырнадцати лет, следовавших за изданием Положения об освобождении крестьян, известно только около сотни примеров таких сельских обществ, которые оставили порядок общинного землевладения и перешли к системе частной земельной собственности; с другой стороны, указывают случаи, когда распавшиеся общины вновь организовались меньшими группами, но более выгодным образом; некоторые же общины увеличились, соединяя в один, более обширный, мир земли, выкупленные ими и приобретенные в полную собственность[3]. Старинный дух солидарности между членами одной и той же общины не исчез и поныне. «Мир жалеет всех», говорит крестьянин, и хотя государство, пред которым коллективная единица ответствует круговой порукой за исправный взнос податей, облагает без исключения все «ревизские души», то-есть все мужское население, однако община избавляет от платежа стариков и детей в семьях «без души», то-есть неимеющих ни одного способного к труду работника и неполучающих душевого надела; она дает содержание вдове, и во всяком случае каждый общинник может держать корову и овцу на общественном выгоне; иногда община оставляет надел земли «ослабевшей» семье, и обработка этого участка производится всеми соседями. Так сохраняются обычаи взаимного доброжелательства и круговой помощи, которыми искони отличались восточные славяне и которые поражают наблюдателей других национальностей[4].

Тем не менее можно положительно сказать, что русский сельский мир мало-по-малу преобразуется, и что общинная жизнь ослабевает и приходит в упадок под влиянием тех со-

1 В. Г. Трирогов.. „Податная десятина", „Вестник Европы", за 1878 г., № 11. Впрочем, значение приведенных цифр не вполне ясно: но сделано различия между коренными переделами и жеребьевками, при которых общинники лишь меняются полосами, не изменяя их числа. См. „Сборник материалов для изучения сельской поз. общины". Программа. *Ред.*

2 А. С. Постников, „Общинное землевладение", II; Потанин, „Никольский уезд Вологодской губернии", „Древняя и Новая Россия", 1876 г.,№ 10; В. Трирогов, „Наши общины" (в губерн. Саратовской и Астраханской), „Отечественные Записки", 1878 г., № 11 и 1879 г, № 3.

3 Кн. Васильчиков. „Землевладение и земледелие".

4 П. С. Ефименко, „Программа для собирания сведений об общинном землевладении".

циальных и фискальных условий, в которые поставлено крестьянство. Дело в том, что распределение земли делается не только для того, чтобы дать пропитание всем членам общины, но имеет в виду еще другую цель—обеспечить платеж податей, и все семьи разделяются самим миром на сильные, средственные, маломощные, или слабые, и семьи «без души», а быть «без души»—значит быть «без земли». Обыкновенно способный к работе мужик, обладатель пары лошадей, считается за две души; но какой-нибудь несчастный случай, напр. скотский падеж, может лишить его половины души, и тогда земельный надел его уменьшается на столько же[1]. Ростовщичество развилось в большом числе сельских общин; таких ростовщиков малороссы называют «дуками» (от старинного казацкого слова), а великороссияне дали им более выразительное прозвище—«мироедов»; эти же мироеды, между прочим, берут на себя земли семей ослабевших или «без души», с условием платить падающее на них количество податей и сборов. Обремененные долгами и должающие все более и более, чтобы уплачивать подати, многие члены общины кончают тем, что «продают свои души», или владеют ими только фиктивно, и снова впадают в своего рода крепостную зависимость[2]. Такова главная и самая опасная для мира причина дезорганизации сельской общины. Точно также артели или промышленные товарищества, занимающиеся рыболовством, производством грубых изделий, кустарной промышленностью, тягой судов или бурлачеством, нагрузкой, извозом,—сильно рискуют погибнуть от забора вперед денег, которые потом нужно уплатить десятерицей, и от порабощения, являющегося роковым следствием этой кабалы.

Добывание металлов и других минеральных продуктов, которое имело столь важное значение, две тысячи лет тому назад, в странах древней Скифии, как о том свидетельствуют металлические украшения и орудия, собранные во множестве в могильных курганах, никогда совершенно не прекращалось в России; но только в настоящем столетии горнозаводская промышленность снова получила большое значение в экономии русского народного хозяйства. Позолоченная пирамида, фигурировавшая в Петербурге на всероссийской мануфактурной выставке 1870 года, наглядно представляла количество чистого золота, добытого на Урале со времени первых разведок, сделанных в 1754 году: эта масса драгоценного металла, которая почти вся была извлечена из золотоносных песков и руд с 1816 года, представляет вес около 44.000 пудов и ценность в 615 миллионов рублей. Добыто в Российской Империи (с Финляндией) и отдельно на Урале:

	Золота		Платины	Меди	
	Всего	На Урале	На Урале	Всего	На Урале
		Пуд			
1860 г.	1.491	329	61 1/2	317.147	283.691
1870 г.	2.162 1/2	387 1/2	119	308.440	175.189
1880 г.	2.641 1/2	576 1/2	180	195.518	101.632

К этим сокровищам Урала нужно прибавить драгоценную платину, медь, железо, драгоценные камни и горные породы (малахит, яшма, топаз). В 1895 г. добыча шлихового золота в России составляла 2.509 1/4 пудов,платины—269 1/2 пуд., выплавка меди—340.050 пуд.[3]. В Азиатской России, в долинах Алтая и Забайкалья, сосредоточены главные месторождения свинцовой руды, содержащей серебро, и самые обширные залежи каменного угля; самые обильные источники нефти находятся на обеих оконечностях Кавказа, на берегах Черного моря и еще более—у берегов Каспийского моря. Главные минеральные богатства собственно Европейской России состоят в железе, ископаемом угле и соли: эти вещества находятся в недрах земли в количествах, так сказать, неисчерпаемых, но промышленность еще далеко не извлекает из них той пользы, какую извлекала бы из них, будь эти богатства в Западной Европе. В 1860 г. железа и стали было добыто всего в России 12.942.190 п., в 1870 г.—15.707.392 п.; в 1880 году—35.591,929 пуд.; в 1893 г.: железа—30.384.610 п., стали—

1 Трирогов, цитированная статья, а также „Община-тип". см. „Отечественные Записки", 1879 г., № IX.

2 Гиляранский, цитированное сочинение.

3 „Отчет Горного Д-та за 1895 год".

38.626.551 пуд.—

Производство чугуна (выплавка ведется главнейше на древесном угле) во всей Российской Империи: в 1860 г.—20.467.526 п.; в 1870 г.—21.949.417 п.; в 1880 г.—27.375.370 п.; в 1895 г.—87.000.000 пуд.

Сотни месторождений железной руды были открыты в северной озерной области, в бассейне Камы, в бассейне Дона, и железо, которое было извлечено со дна болот (так называемая болотная руда), в Олонецкой губернии, на Волыни, снова образуется мало-по малу в тех же местах.

Протяжение каменноугольных формаций, в Польше, в центральной России, в области Донецкого кряжа, еще не вполне исследовано, но, без всякого сомнения, оно гораздо значительнее площади каменноугольных бассейнов всякой другой европейской страны. Однако, эти залежи минерального топлива дают в настоящее время отечественной промышленности едва $^{1}/_{45}$-ую часть того количества, которое извлекается из каменноугольных копей Великобритании, и Петербург получает еще из Англии почти весь нужный ему каменный уголь. Точно также из-за границы, именно из Галиции, благодаря её соседству, привозится часть соли, употребляемой в России; но лиманы Бессарабии, озера астраханских степей (особенно Элтонское и Баскунчакское), соляные ключи в губерниях Пермской и Вологодской, ломки каменной соли (самые богатые около Илецкого-Городка) и в особенности крымские соляные озера содержат в огромном изобилии соль и с излишком могут покрывать потребности в этом продукте, как для продовольствия, так и для промышленных целей.

Добыча ископаемого угля в Российской Империи: в 1893 г.—всего 464.818.290 пуд.; из этого числа добыто в бассейнах: донецком—239.832 тыс. пуд., Домбровском—193.359 т. п., подмосковном—10.941 т. пуд., на Урале—15.899 т. п.

В 1895 г. общая добыча минерального угля составляла свыше 550 миллион. пуд.

Привоз каменного угля, кокса и т. п. в Россию: в 1871 г.—на 11.303.610 руб.; в 1880 г.—на 17.604.580 руб. (117.300.000 пуд.); в 1894 г.—на 15.718.000 руб.

Добыча соли в Российской Империи:

	Каменной	Выварочной	Самоосадочной	Всего
		Пуд		
В 1860 г.	1.352.182	7.723.157	17.157.162	26.232.500
1870 г.	2.887.319	12.164.892	13.961.247	29.013.458
1880 г.	2.875.356	15.232.580	29.463.980	47.571.918
1893 г.	17.910.507	22.184.800	42.386.730	82.482.037

В 1895 было добыто соли всего 94.500.000 пудов.

Привоз поваренной соли в Россию: в 1876 г.—17.250.000 пуд.: в 1881 г.—11.600.000 пуд.; в 1893 г. 422.000 пуд.

Что касается фабричной и заводской промышленности, то главные мануфактуры России обработывают сырой материал, добываемый не в самой стране, а получаемый из заграницы, и продукты их не могут соперничать, ни по количеству, ни по ценности, с произведениями промышленных стран Европы. На долю производства по обработке хлопка приходится около трети общей суммы производства крупной русской промышленности. Россия, хотя и самое обширное государство в свете, занимает, по размерам важнейшей отрасли своей фабричной промышленности—хлопчатобужной, лишь пятое место, следуя после Великобритании, Соединенных Штатов, Франции и Германии, как показывают следующие сравнительные данные о положении хлопчатобумажного производства: Британские острова (1890 год) —44.504.819 веретен и 615.714 механ. ткацк. станков; Соединенные Штаты (1890 год)—14.088.103 вер. и 324.866 ткацк. станков; Франция (1890 г.)—4.376.155 верет. и 103.189 ткацк. станков; Германия (1891 г.)—5.500.000 верет. и 300.000 ткацк. станков; Россия (1892 г.)—4.331.508 верет. и 100.634 ткацк. станков.

Главные бумагопрядильные мануфактуры сосредоточены в центральной области России, вокруг Москвы, Владимира-на-Клязьме, Костромы; Петербург, разумеется, принимает нема-

ловажное участие в этой отрасли народного труда, благодаря удобствам торгового сообщения. Вторую по степени важности мануфактурную промышленность России составляет фабрикация сукон и шерстяных материй; главные мануфактуры этого рода тоже сгруппированы преимущественно на верхней Волге и в бассейне Оки. Москва фабрикует тонкия сукна и, кроме того, выделывает грубые шерстяные материи, отправляемые в Китай и в Среднюю Азию; Польша, Лифляндии, Гродненская и Черниговская губернии также производят превосходные шерстяные ткани; далее, все губернии малороссийские, бассейна Дона и средней Волги участвуют в этой промышленности производством простых материй. Более сотни тысяч человек заняты переработкою шерсти в различных частях Империи. Фабрикация бумажных и шерстяных материй в значительной мере заменила собою прежнюю национальную промышленность, фабрикацию льняных тканей, которая в прошлом столетии и до тридцатых годов нынешнего была первою по важности отраслью русской обработывающей промышленности, и произведения которой, кроме внутреннего потребления, составляли предмет весьма значительного заграничного отпуска: русские полотна вывозились в большом количестве в Западную Европу, особенно в Великобританию, и даже в Америку. Но теперь во всех промышленных странах существуют собственные полотняные фабрики, и Россия должна довольствоваться вывозом за границу сырых материалов, льна и пеньки. Для внутреннего рынка, главные мануфактуры (производства льнопрядильное, полотняное, пенькопрядильное и т.д.) находятся в бассейне верхней Волги, в губерниях Костромской, Ярославской, Владимирской; простые же .льняные ткани, служащие для домашнего обихода, выделываются почти во всей России.

Во все времена кожевенное производство было одним из важнейших в России; как известно, березовая кора, употребляемая русскими кожевниками, имеет над большей частью других родов коры, которыми пользуются за границей при дублении, то преимущество, что она сообщает коже особенный, ценимый запах. Несмотря на то, что Россия ежегодно располагает большим числом сырых кож, чем другие европейские государства, её кожевенное производство стоит ниже сравнительно с тем же производством в больших промышленных странах Западной Европы; большинство кожевенных заводов представляют собою маленькия заведения, произведения которых обыкновенно находят сбыт только в окрестностях, и этих заведений не включают в общие списки фабрик и заводов. Так, центральный статистический комитет определил число кожевенных заводов лишь в 2.860, в 1868 году; по более же подробным статистическим данным, в 1872 году насчитывалось около 13.000 заведений этого рода, с производством более десяти миллионов выделанных кож[1]. В 1889 г. кожевенных заводов насчитывалось 2.604, а общая сумма кожевенного производства, заводского и кустарного, определялась в 104 миллиона рубл.[2]. Салотопление—одна из древнейших и важнейших отраслей русской промышленности. Салотопенные заводы, которые еще не так давно по большей части были не что иное, как рассеянные в степях зловонные сараи, послужили, подобно незатейливым дубильным ямам в лесных прогалинах, началом большой промышленности, которая развилась быстрее, чем кожевенное производство. В 1892 г. в Европейской России было 298 салотопенных заводов, изготовивших 1.233.230 пуд. сала, на 4.745.500 руб. В том же году насчитывалось мыловаренных заводов—445, с производством на 8.308 тыс. руб.; стеариновых—12, с производством на 9.284 т. руб.; свечносальных—48, с производством на 372 т. руб.

Техническая переработка зерна и заводское приготовление питательных веществ в такой стране, как Россия, имеет, конечно, огромное экономическое значение. Мукомольное производство еще мало преобразовалось: паровые мукомольни относительно не многочислены, зато существует около 100.000 маленьких водяных мельниц на запрудах в ручьях и речках и на каналах, отведенных из рек, и, кроме того, очень много ветряных мельниц. В 1890 г. насчитывали в империи крупных мельниц 7.003, с 9.623 водяными и 862 паровыми двигателя-

1 Киттары, „Leder-Industrie in Russland“, „Russiclie Revue“, № 10, 1875. А в т.

2 „Фабрично-заводская промышленность и торговля России“, изд. Д-та Торговли и Мануфактур.

ми и общим производством около 150 милл. пуд. Винокуренные заводы, которые доставляют казне самый верный доход, также были очень многочисленны, но акцизные правила, очень стеснительные для мелких заводчиков, благоприятствовали развитию крупных, коммерческих заводов, принадлежащих богатым спекулянтам, и исчезновению мелких, хозяйственных; в 1880-81 г. в России было 3.877 винокуренных заводов, с производством в общей сложности около $35^1/_2$ мил. ведер спирта, превращаемых в 89 милл. ведер водки 40° крепости.

В кампанию 1895-96 г. действовало 2.056 винокуренных заводов, на которых было выкурено 30.337 тыс. ведер безводного спирта.

Что касается выработки свекловичного сахара, которая требует больших капиталов, то она может быть производима лишь на больших заводах. В 1896 г. сахарных заводов насчитывали: в юго-западном районе—122, в центральном—68, в Царстве Польском—234. В 1895 г. всеми действовавшими заводами было выпущено разного рода сахарных продуктов 22.033.365 пуд.

Из этого беглого обзора видно, что Россия в отношении обработывающей промышленности вовсе не так далеко отстала от стран Западной Европы, как это обыкновенно думают; даже по части производства сложных машин она все более начинает обходиться без содействия Западной Европы. Уже в 1877 г. из общего числа 4.170 железнодорожных паровозов было 932 построенных в России.

Современное состояние более крупной заводско-фабричной промышленности в империи может быть охарактеризовано приблизительно следующими цифрами: общее число фабрик и заводов (1892 г.)—около 22.000; число рабочих—около полутора миллиона; общая сумма годового производства—около 1850 миллионов рубл.[1].

Распределение фабрично-заводской промышленности по главным производствам, в 1893 г.:

	Фабрик или заводов.	Сумма производства в тыс. рубл.
Производства но обработке хлопчатой бумаги (ватное, бумагопрядильное, бумаготкацкое и т. п.)	1.063	323.607
Производства по обработке шерсти (шерстопрядильное, ковровое, войлочное, суконное и др.)	1.278	123.775
Производства по обработке льна	217	33.491
Производства по обработке шелка	420	15.644
Производства по обработке бумаги (писчебумажное, обойное и разных изделий)	436	26.995
Производство химических продуктов	1.227	40.944
Производство стеклянное, фарфоровое и фаянсовое	307	16.099
Производства красильное, набивное и отделочное	542	124.310
По обработке дерева	1.373	15.666
Производство салотопенное и сальносвечное	1.138	35.229
Кожевенное	2.815	39.571
Машиностроительное	635	66.021
Чугуннолитейное	339	44.976
Железопередел. и стальное	465	121.847
Медно-бронзовое	401	15.345
Производство пищевых продуктов	13.345	500.525

Сбор табаку в Европейской России, с Царством Польским и Закавказским краем, в 1895 г. дал 3.918.349 пудов. Число табачных фабрик в 1894 г.—291, рабочих на них—32,894. Цифры, относящиеся к производствам по обработке дерева, по всей вероятности, ниже действительных, даже если не принимать весьма распространенных кустарных лесотехнических и древодельных промыслов.

1 „Фабрично-заводск. промышленность и торговля России“, Изд. Д-та Торговли и Мануфактур, 1896 г.

Почти все успехи русской обработывающей промышленности ведут начало с эпохи освобождения крестьян. В первое время после отмены крепостного права производство понизилось, вследствие общего кризиса на рынке труда; но с 1865 года снова замечается прогресс во всех отраслях промышленности, и с этой эпохи размер производства значительно увеличился (по некоторым отраслям не менее как в пять раз).

Очень трудно сделать оценку производительности мелкой русской промышленности, которую обыкновенно называют «кустарной»; предположительно, сумма ежегодного производства кустарных изделий определяется в 200—300 милл. рублей. Общее число «кустарей» исчисляют приблизительно в шесть с половиною миллионов, из которых около шести миллионов живут в деревнях, где они в то же время большею частью занимаются и хлебопашеством: они работают за своими станками или верстаками, в своих домашних мастерских только во время длинных зим, когда поля покрыты снегом. Некоторыми русскими писателями высказывалось мнение, что эта кустарная промышленность предохранит нацию от пролетариата, но эта надежда не оправдывается действительностью: централизация труда происходит также и в среде этих маленьких мастерских. Так, например, число работников, занимающихся на дому, в Шуйском уезде, Владимирской губернии, в 1842 году в пять раз превышало количество рабочих крупной фабричной и заводской промышленности; в 1862 году оно уже только вдвое превышало последнее; а в 1872 году обе категории работников сравнялись в числе[1].

Общая ценность оборотов по внешней торговле России за десятилетие 1885-95 г.г. по европейской и азиатской границе возрасла с 972 (в 1885 г.) до 1.228 миллионов рублей (1895 г.), при чем привоз с 434 (1885 г.) увеличился до 538,5 милл., а вывоз—с 537,9 (1885 г.)—до 689 милл. руб. (1895 г.). Общий оборот внешней торговли в 1896 г. по европейской границе, со включением черноморской границы и Кавказского края, а также торговли с Финляндией, простирался до 1.209.043.000 руб. (отпуск—668.776.000 рублей, ввоз—540.207.000 руб.).

Германская империя, сопредельная России на весьма значительном протяжении границы, занимает, естественно, первое место в ряду иностранных государств по размерам своей сухопутной торговли с восточной империей; но самая большая часть морской торговли России приходится на долю Великобритании, которая в этом отношении далеко оставляет за собою все другие страны. Франции принадлежит третье место: она несколько превосходит даже Австро-Венгрию, хотя Царство Польское, Волынь, Подолия соприкасаются с австрийскими владениями пограничной линией, имеющей более 600 верст длины. Точно также Голландия, эта маленькая страна, при том очень отдаленная от России, продает ей и покупает у неё гораздо больше, чем соседняя Турция, больше даже, чем громадная Китайская империя, граничащая с Сибирью на пространстве около семи с половиной тысяч верст.

По отношению к общему обороту внешней торговли России торгующие с нею государства за 1894 г. следуют в таком порядке (ценность показана в миллионах рубл.):

	По вывозу.	По привозу.	Сумма общаго оборота.
Великобритания	175,30	132/77	308,06
Германия	147,87	142,98	290,85
Франция	56,16	28,12	84,28
Австро-Венгрия	39,80	27,04	66,84
Голландия	53,01	5,93	58,94
Соединенные Штаты	1,67	45,71	47,38
Бельгия	26,76	17,02	43,78
Китай	4,49	38,50	42,99
Италия	26,91	14,49	41,40
Персия.	12,22	11,27	23,49
Персия и Сред-Аз. ханств.	0,25	6,46	6,71
Средне-Азиятские ханств.	3,29	1,36	4,65
Турция	16,09	7,19	23,28

1 Субботин, „Курс промышленной, экономической и коммерческой географии44.

	По вывозу.	По привозу.	Сумма общаго оборота.
Египет	1,91	21,12	23,03
Дания	12,35	1,60	13,95
Румыния	7,73	1,93	9,66
Швеция	4,15	5,34	9,49
Швейцария	0,18	8,48	8,66
Норвегии	4.77	3,48	8,25
Испания	5,77	1,49	7,26
Греция	0,69	2,41	7,10
Португалия	4,23	2,39	2,62
Бразилия	0,00	2,49	2,49
Прочия государства	47,85	11,13	58,98
Финляндия	15,30	18,88	34,18
Всего	668,75	559,57	1.228,32

Отпускная торговля России, указывающая, по статьям своим, на меньшее развитие её промышленности сравнительно с остальной Европой, состоит почти исключительно из вывоза земледельческих произведений, сырых и полуобработанных материалов, тогда как в привозной торговле главнейшее место занимают мануфактурные изделия. Так, в 1895 году привоз и отпуск представляли следующие цифры (в тысяч. руб.):

Вывезено жизненных припасов на 391.154 руб.; ввезено на 98.914 руб.; вывезено сырых и полуобраб. материалов на 261.078 руб., ввезено на 292.726 р.; вывезено животных на 15.556 р., ввезено на 5.186 р., вывезено изделий на 21.294 р., ввезено на 141.683 р.

Вывоз хлеба из России в 1895 году:—574.710.641 пуд. на 335.898.083 руб.

В общем обороте заграничной торговли России экспорт ныне постоянно превышает привоз. Разделенная на цифру народонаселения, общая ценность оборотов внешней торговли (по отпуску и ввозу), составляет только около 10 рублей на каждого жителя; следовательно, она относительно в 3-4 раза меньше, чем ценность торгового обмена Франции.

По оффициальным статистическим данным, отпускная торговля России, производимая морем, в два-три раза значительнее производимой сухим путем; но в привозной торговле равновесие в отношении путей восстановляется почти вполне; эта разница происходит оттого, что европейские мануфактурные изделия, ввозимые Россией, представляют, вообще говоря, более ценный и менее тяжелый и объемистый товар, чем продукты, продаваемые в обмен их: они посылаются большею частию прямо по железным дорогам, тогда как громоздкие отпускные товары отправляются преимущественно из приморских портов. Для сравнения приводим обороты, по весу и ценности, внешней торговли Европейской России за 1880 год:

Привоз морем: вес—162.745.000 пуд.; ценность—280.540.000 руб.

Вывоз морем: вес—297.134.000 пуд.; ценность—345.828.000 руб.

Привоз сухим путем: вес—74.309.000 пуд.; ценность—297.794.000 руб.

Вывоз сухим путем: вес—101.069.000 пуд.; ценность—130.537.000 руб.

Общий оборот: по весу—635.257.000 пуд.; по ценности—1.054.700.000 руб.

Самая значительная часть морской торговли России производится, конечно, через Балтийское море: во-первых, столица стоит на берегу этого моря; во-вторых, самая многолюдная область Империи, центральные губернии, пользуется, для отправки своих произведений, портами при этом море, наиболее близкими к цивилизованной Европе. Торговля, производимая через моря Черное и Азовское, гораздо менее значительна сравнительно с торговым движением на русской Балтике; однако, она представляет около одной пятой всех оборотов внешнего торгового обмена империи. Что касается морей Белого и Каспийского, то совокупность их торговых оборотов едва равняется торговле какого-нибудь третьестепенного порта. Обороты внешней торговли по отдельным морям выразились в 1894 г. следующими цифрами, по ценности (в миллионах рубл.).

Балтийское—361,2; Черное с Азовским—345; Белое—9,8.

Перевозка продуктов и товаров между русскими портами и портовыми городами других

приморских государств производится преимущественно на иностранных кораблях; при том между черноморскими судами, плавающими под русским флагом, есть много таких, которые в действительности принадлежат грекам и, по-настоящему, должны бы быть причисляемы не к русскому, а к эллинскому торговому флоту. Затем в Балтийском море финляндские суда, поднимающие свой собственный флаг, также служат очень деятельными посредниками в морской торговле России. Если не принимать в рассчет коммерческий флот Финляндии, который часто причисляют, хотя и ошибочно, к русскому торговому флоту, то оказывается, что Россия занимает девятое место между европейскими государствами по грузовместимости своих морских судов: хотя у неё нет недостатка ни в железе, ни в дереве, и хотя её береговая линия имеет большую длину, тем не менее она уступает, в отношении важности торгового флота, не только главным приморским державам Европы, но также Испании, Голландии и Швеции; даже в Балтийском море, на берегах которого находятся такие первоклассные порты, как Кронштадтский, Рижский, Ревельский, Россия имеет лишь незначительный, по грузовместимости, торговый флот. К 1 января 1896 года коммерческий флот России представлял следующий численный состав по морям:

Белое: 28 паров. судов в 3.137 тон. и 344 парусных в 19.074 тон.; Балтийское: 85 паров. судов в 17.672 тон. и 530 парусных в 73.115 тон.; Черное и Азовское: 280 паров. судов в 108.173 тон. и 754 парусных в 54.950 тон.; Каспийское: 181 паров. судов в 76.667 тон. и 507 парус., в 176.199 тон.; всего 522 паров. судов в 205.649 тонн и 2.135 парусных в 323.339 тонн.

Внутреннее судоходство, которое до постройки железных дорог составляло главное средство сообщения и перевозки товаров, и теперь еще сохранило большую важность в бассейне Волги и на других больших реках России. В среднем за пятилетие 1887-91 г. г. строилось ежегодно 72 парохода и 6.102 других судов, ценностью около 7,7 миллионов рубл. Суда эти носят разнообразнейшие названия, смотря по их форме или материалу, из которого они построены, по месту происхождения гребцов и т. д. (мокшаны, тихвинки, сомины, суряки, гусянки, коломенки, барки, полубарки, досчаники и пр.). На Волге некоторые суда поднимают более 120.000 пудов груза; но средняя их грузовместимость исчисляется только в 9.000 или 10.000 пудов; на Днепре они не могут, даже во время высокого стояния воды, поднимать более 12.000 пудов. а на Северной Двине и на Дону—более 24.000 пудов груза. Почти все мелкие суда строятся только на одну путину и не возвращаются назад: по прибытии на место назначения, они разбираются и продаются как строевой лес или на дрова.

Число речных судов, построенных в период с 1875 по 1880 год по бассейнам[1]:

Бассейны: Каспийского моря—19.543 судна; Балтийского моря—9.610; Черного моря—1.202; Азовского моря—1.267; Белого моря—1.576 судов.

По количеству пароходов, как и по количеству обыкновенных судов (баржей), Волга далеко превосходит другие большие реки России: две трети всех паровых судов плавают на этой реке, и их коллективная сила представляет три четверти общей паровой силы всего русского торгового флота. По переписи 1884 г., речной паровой флот Европейской России состоял из 1.246 пароходов в 72.105 номинальн. сил и в 6.099.581 пудов подъема; с 1885 по 1895 г. во внутренних водах Европ. России прибавилось 600 пароходов и к 1 января 1895 г. всего было 1.846 паровых судов.

Замечательно, что Днепр, могучий Борисфен, славянская река, которая первая служила водным путем для торговых сношений Востока со скандинавскими странами, в настоящее время имеет менее важности в отношении перевозки товаров, чем иная маленькая речка, как Молога, Шексна, Волхов. Правда, эти реки составляют часть линий судоходства между Петербургом и Астраханью, идущих через всю Россию от Балтийского моря до Каспийского.

Общее протяжение внутренних водных путей Европ. России (без Финляндии) исчисляется в 102.689 верст, в том числе судоходных: вообще—45.831 верст, пароходных—21.045 верст. По бассейнам, судоходные пути распределены следующим образом:

1 „Стат. Сборн. Мин. Путей Сообщ.“

Бассейны: Белого моря—5.612 верст; Каспийского моря—13.865; Черного и Азовского моря—8.267; Балтийского моря—6.875 верст.

Каналов и вообще искусственных водных путей (канализованных рек) в Европ. России всего—1.733 верст, что составляет одну версту на 40 в. естественных путей, но в числе каналов есть такие, которые по своей торговой важности равняются или даже превосходят некоторые большие реки. Впрочем, прорытие каналов было делом довольно легким, так как верхния течения рек близко соприкасаются в области озер и болот. Прорезы почвы, соединяющие Волгу и Северную Двину посредством их верхних притоков, имеют всего только около 13 верст в длину; точно также Тихвинский канал, принадлежащий к кратчайшему из трех водных путей, соединяющих Петербург с Волгой, проходит через водораздельную возвышенность, или волок, рвом, имеющим не более 15 в. длины. Несмотря на все удобства, представляемые свойством почвы для прорытия каналов, Волга еще до сих пор не соединена с Западной Двиной, с Неманом, с Днепром; она все еще остается отделенной от Дона, да и этот последний не соединен еще с Днепром; наконец, все каналы устроены со шлюзами, и наибольшая глубина их всего только 2 с половиной аршина; некоторые каналы, менее глубокие, перерезанные водопадами, сделались почти бесполезными. Сеть русской канализации еще весьма незначительна в сравнении с теми размерами, которые хотел придать ей Петр Великий, восхищавшийся голландскими каналами; как известно, некоторые из задуманных им предприятии этого рода и поныне еще не приведены в исполнение. Впрочем, перевозка грузов водой производится с величайшей медленностью, и все товары, имеющие большую ценность при незначительном весе, должны быть отправляемы по железной дороге, чтобы поспеть во-время. Из Петербурга в Астрахань, вниз по Волге, перевозка продолжается от двух до трех месяцев при самых благоприятных обстоятельствах. При том речное судоходство в России приостанавливается, средним числом, на 126 дней, то-есть слишком на четыре месяца: на шесть месяцев в северных губерниях, на два месяца в южных областях. Даже после того, как реки очистились от льда, соединяющие их каналы остаются запертыми впродолжении нескольких дней или даже недель, по причине недостаточно сильного течения. В то время, как Шексна бывает открыта для судоходства от 211 до 220 дней в году, соседние обходные каналы Онежского и Белого озер дают проход судам только впродолжении 189 и 178 дней[1].

Сеть железных дорог получила гораздо большее развитие, чем сеть каналов. Правда, в прежнее время косо и недоброжелательно смотрели на железнодорожное дело, считая его одним из тех революционных изобретений Запада, к которым следует относиться с недоверием; однако, император Николай Павлович, уступая желанию общественного мнения, повелел построить железную дорогу из Петербурга в Москву, и собственноручно начертил на бумаге неуклонно прямую линию, проект рельсового пути, непосредственно соединяющего две столицы через леса и болота. При кончине императора Николая I, в 1855 году, громадная русская Империя имела очень незначительную сеть, недостигавшую даже 1.000 верст в длину. Но, как доказали огромные затруднения в передвижении и продовольствии войск во время Крымской войны, стратегические интересы России настоятельно требовали постройки магистральных линий между крепостями, большими городами, главными земледельческими областями и горнозаводскими округами, и эти военные интересы, еще более, чем потребности торговли и промышленности, ускорили сооружение рельсовых путей, которыми теперь исполосована вся Европейская Россия. В два только года, 1870 и 1871, в то время, как Франция вела свою страшную борьбу с Германией, русское правительство, всецело занятое большими стратегическими приготовлениями, открыло одновременно торговле и своим армиям около пяти с половиной тысяч верст железных дорог.

К 1 января 1897 г. общее протяжение русской железнодорожной сети составляло 38.848 верст, в том числе казенных—24.155 в., принадлежащих 17 частным обществам—12.449 в. и в Финляндии—2.244 верст. К этому надо прибавить еще те дороги или участки, по которым

1 В. де-Ливрон, цитированное сочинение.

было открыто движение только временно, всего 1.795 в., так что к началу 1897 г. общая длина открытой для движения сети рельсовых путей в России равнялась 40.643 верст. Капитал, затраченный на устройство этих дорог, составлял в 1895 г. (при длине сети в 32.816 в.) около 3.660 миллионов рубл. Постройка железных путей оказалась в России гораздо более дорогостоющей, чем можно было предполагать, принимая во внимание почти совершенную горизонтальность местности, дешевизну земель, изобилие леса: единственные большие работы инженерного и строительного искусств на русских дорогах—это мосты через реки и земляные насыпи на болотах; большая часть железнодорожных компаний, поддерживаемых данной им со стороны правительства гарантией, то-есть обязательством, в случае недополучения прибылей, доплачивать их из доходов государства, могла щедро расходовать капиталы; так наприм. в 1880 г., правительство уплатило по гарантиям и т. д. более 53 милл. рублей. В настоящее время русская железнодорожная сеть, по общей длине, занимает пятое место во всем свете (после Северо-Американских Соединенных Штатов, Германии, Соединенного Королевства и Франции); но, пропорционально пространству территории или числу жителей, Россия в этом отношении стоит еще на довольно низкой ступени: по относительному развитию рельсовых путей ее превосходят даже такия маленькия страны, как Португалия и Румыния. Русские железные дороги, в сравнении с дорогами большей части других государств континентальной Европы, представляют ту невыгоду, что не все они имеют одинаковое расстояние между рельсами; но это неудобство для торгового движения есть в то же время преимущество в военном отношении, так как разность в ширине колеи не позволяет немецким вагонам проникать в Россию. На главных русских линиях ширина колеи равна 1,52 метр. Доходность русских железных дорог и движение на них грузов и пассажиров выразились в 1895 г. следующими цифрами[1]:

Валовая выручка—390,6 миллионов рубл.; на версту—12.437 руб.; общая сумма расходов—226,1 милл. руб.; на версту—7.199 р.; сумма годовой платы на капитал сооружения—149,6 милл. руб.; чистый доход—164,5 милл. руб.

Перевезено пассажиров—59.282.000, грузов малой скорости—5.544 миллион. пудов. Количество пассажиро-верст 8.012 милион.: количество пудо-верст грузов—1.283 миллионов.

Число ежегодных несчастных случаев в среднем за пятилетие 1876-81 г.: убито 455, ранено 979, итого 1.434.

Центральной станцией железных путей России является её первопрестольная столица: шесть главных линий, соединяющихся в Москве, делают этот город необходимым средоточием Империи и таким образом исправляют, с точки зрения централизации, старые естественные дороги, которые следовали по рекам и потому давали жителям страны некоторое стремление к децентрализации. По движению товаров и пассажиров, Москва имеет первенствующее значение и далеко превосходит все другие города России, не исключая и Петербурга.

С берегов Москвы-реки железные дороги продолжаются на запад до соединения со всеми главными линиями Центральной Европы; на юге они достигают моря в Одессе, Севастополе, Таганроге, и проникают в первые долины Кавказа, за который они со временем перевалят через Дарьял. На Востоке другие рельсовые пути достигают Волги в Царицыне, Саратове, Сызрани и переходят на другую сторону реки, где продолжаются до Оренбурга, и Уральска, но не доходят до Каспийского моря; Самаро-Златоустовская линия соединяется в Челябинске с Западно-Сибирской железной дорогой. На севере рельсовый путь проведен до Архангельска. Некоторые из главных русских линий пересекают страну, минуя города, не только маленькие, но даже губернские и представляющие значительную важность, каковы Тверь, Орел, Курск, оставленные далеко в стороне от станции (верстах в 5-10 и более), к большому стеснению купцов и пассажиров.

По странному контрасту, железные пути получили в России более обширное развитие, нежели обыкновенные большие дороги. Также как в Соединенных Штатах и в Аргентинской республике, рельсовый путь, в некоторых губерниях Российской империи, сменил

1 „Стат. Сборник Министерства Путей Сообщения“.

непосредственно не правильные, хорошо устроенные дороги, а первобытные колеи и непостоянные грунтовые пути. Оттого-то нередко бывает, что путешественник, только-что проехавший, благодаря пару, быстро и удобно несколько градусов широты, употребляет целые дни, чтобы добраться через топи и болота до деревни, которую он видит в нескольких верстах разстояния. Таким образом, Россия в отношении путей сообщения вступает прямо в современную индустриальную эру, минуя предшествующие стадии; то же самое можно сказать вообще о настоящем её развитии: в то время, как часть народа коснеет в первобытном варварстве, высший класс стремится стать впереди европейских обществ. Достигнет ли русская нация того же прогресса, как западные народы, не испытав тех же страданий? Во всяком случае движения её будут быстрее; история ускорит для неё свой ход.

В области народного просвещения мы опять находим такой же точно контраст, как в сфере промышленности. Высшие учебные заведения были уже организованы, и полные курсы наук преподавались во всех университетах, в то время как собственно народное образование почти совершенно отсутствовало. До тех пор, пока слишком двадцать миллионов жителей оставались в порабощенном состоянии, распространение образования в массе должно было считаться опасным.

В настоящее время состояние начального образования представляется в следующем виде[1]: всех начальных училищ в России, без Финляндии, насчитывается (к 1 янв. 1894 г.)—69.052, с общим числом учащихся 327.138. По районам училища эти распределены следующим образом:

Районы	Число		1 школа на жителей
	Школ	Учащихся	
Земские губернии	39.435	2.061.404	1.675
Сев. западн. край	7.424	310.812	1.236
Юго-западн.	5.894	246.149	1.423
Царство Польское	6.428	257.295	1.382
Прибалтийск.	3.073	141.544	782
Остальн. губернии	2.565	114.148	2.193
Кавказ	4.236	143.786	1.968
Всего	69.052	3.275.138	1.580

След. в Евр. России получает начальное образование около 3% населения.

Таким образом, процент учащихся в начальных школах, вместо того, чтобы составлял одну седьмую или даже одну шестую населения, как это мы видим в Голландии, в Вюртемберге и в других странах, в России не превышал тридцать третьей части общего числа жителей. Однако, обучение грамоте обязательно для всех солдат, в полковых школах, и можно сказать, что воинская повинность сделала для образования народа более, нежели министерство народного просвещения.

Средние учебные заведения, гимназии и прогимназии, реальные училища, военные корпуса, духовные семинарии и пансионы, были посещаемы в 1877 году 88.400 воспитанников; сверх того, 41.630 молодых людей воспитывались в специальных учебных заведениях различных министерств. В 1894 г. в средних учебных заведениях министерства народного просвещения (798 из общего их числа 878) насчитывалось 162.120 учащихся обоего пола. С конца восемнадцатого столетия были основаны так называемые «институты благородных девиц»; но эти заведения оставались закрытыми для молодых девушек неаристократических семейств. В 1857 году обнаружилось движение общественного мнения в пользу более широкого женского образования, и к 1876 году в России было уже 320 средних женских учебных заведений, с 55.620 воспитанницами; в 1894 г. насчитывалось женских гимназии—193, с 45.544 учащихся, прогимназий—150,с 18.819 учениц, институтов—27, с 7.426 воспитанниц, и епархиальных училищ—61, с 13.080 учащихся. В то же время у молодых девушек развивалось стремление к высшему образованию, и с 1861 года они находили доступ в аудитории университетов и медико-хирургической академии: одна из первых, получивших меди-

1 „Производ. силы России“, изд. под редакц. В. П. Ковалевского.

цинский диплом, воспитывалась в академии на стипендию, назначенную от башкирской нации. Молодые девушки подвергались, наравне с юношами, экзаменам для поступления на частные университетские курсы или женские медицинские курсы. С 1863 года был прекращен женщинам доступ в университеты; теперь для женщин существуют отдельные высшие курсы, бестужевские и педагогические, и медицинский институт. В промежуточный период много молодых девушек обучалось в заграничных университетах, преимущественно в швейцарских—в Цюрихе, Берне и Женеве, а также в Париже.

Восемь университетов Европ. России (без Финляндии), организованные по образцу немецких, имеют, сравнительно с этими последними, весьма незначительное число студентов. В 1894 г. общее число слушателей в этих университетах было 13.944; кроме того, в Томском —387. Распределение слушателей по факультетам: на медицинском—37%, на юридическом —36,9%, на физико-математическом—20,3%, историко-филологическом—5,2%, восточных языков—0,6%, богословском (в Юрьевском унив.)—1,6% общего числа слушателей. Сумма расходов на содержание университетов составляла в 1894 г. 4.544.081 руб., в том числе из казны—3.507.667 руб. Кроме того, существуют высшие специальные учебные заведения: 2 технологических института, горный, путей сообщения, гражданских инженеров, электротехнический, лесной, сельско-хозяйственный, политехнический (в Риге), духовные академии, военные академии, военно-медицинская академия и пр. Желание учиться так велико между молодыми людьми, что, не взирая на трудность поступления, воспитанники средних учебных заведений не перестают толпиться у университетов и других высших учебных заведений. Эта действительная любовь к науке, отличающая русских, проявляется еще и в том, что серьезные сборники и сочинения по истории, этнографии, вообще книги научного содержания читаются пропорционально гораздо более, нежели произведения так-называемой легкой литературы.

Число периодических изданий в России и ныне еще гораздо меньше, чем в странах Западной Европы. В 1895 г., в России выходило всего 802 периодических издания; в том числе в С.-Петербурге 247, в Москве 95, остальные 460 в провинции; 642 издания выходило на русском языке, 160—на других языках; типографий и литографий было 706. По почте было переслано период. изданий в 1894 году: по внутренней корресподенции—151.963.645 экземпляров. Ни одна из русских газет не считает своих подписчиков сотнями тысяч, как некоторые народные газеты Западной Европы и Америки; но журналы, имеющие действительное достоинство, усердно читаются тысячами подписчиков. По странному контрасту, в то время как Россия еще невежественная по массе своего народонаселения, едва пользуется услугами своей телеграфной сети и почтового сообщения, в сравнении с другими европейскими народами, книг в ней выходит более, чем в Австро-Венгрии, более даже, чем в Англии, как о том свидетельствуют следующие статистические данные:

Число телеграмм и писем на 100 жителей в 1895 г.:

	Телеграмм	Писем
Соединенное Королевство	207	5.528
Германия	67	3.475
Франция	106	2.340
Европейск. Россия	20	191

Количество книг, изданных в различных странах Европы:

Франция (1893 г.)—16.000; Германия (1893 г.)—16.000; Россия (1892 г.), без Финляндии.—9.588; Англия(1893 г.)—6.382.

Между произведениями печати, выходящими в Российской империи, сочинения, посвященные богословским вопросам, составляют незначительный процент, исключая, разве, католической Варшавы.

Из этого видно, что противоположности, характеризующие русский народ, в сравнении . с западными народами, встречаются во всей его жизни. Масса населения остается невежественной и суеверной, но в то же время нигде образованные люди нации не отделались бо-

лее совершенно от предразсудков и не приносят в сферу научного исследования ум более свободный от предвзятых идей. В России предания семейного быта оправдывают безусловно порабощение женщины, и в то же время ни в одной стране равенство полов в практической жизни не было требуемо более смело и признаваемо более охотно общественным мнением. Еще очень недавно две трети жителей государства были жалкими рабами, а между тем в той же самой России, у казаков: днепровских, донских, уральских, у крестьян-поморов, долее, чем где-либо, господствовали обычаи полного равенства между товарищами по труду и оружию, и теперь еще в русских сельских общинах равноправность всех общинников в отношении владения и пользования землею находит наиболее полное и действительное признание. Внешняя рамка России остается неизменной, тогда как внутреннее её развитие совершается с большей быстротой, нежели развитие всякой другой нации, беспрестанно изменяя идеи и нравы и таким образом подготовляя для более или менее близкого будущего неизбежные преобразования.

По религиям, народонаселение Европейской России распределяется приблизительно следующим образом:

Православных—71,0%; римско-католиков—9,0%; протестантов—5,2%; армян—0,8%; евреев—3,6%; магометан—9,0%; язычников и буддистов—0,7%.

Для обращения язычников, магометан, евреев и сектантов в православную веру существует учрежденное в Москве миссионерское общество, годовые расходы которого колеблются от 100 до 120 тысяч рублей; кроме того, имеется 8 миссий. Большинство принимающих господствующую религию обыкновенно состоит из язычников, исключая 1875 года—эпохи, когда происходило воссоединение массами польских униатов с православием. Число обращенных в православную веру в период с 1872 по 1877 год представляло следующие цифры:

В 1872 г.—10.538 лиц; в 1873 г.—8.272; в 1874 г.—7.481; в 1875 г.—257.009; в 1876 г.—12.340; в 1877 г.—11.299 лиц.

Русская армия была совершенно преобразована после франко-прусской войны. До 1874 г. войско пополнялось посредством рекрутских наборов, производимых между крестьянами и мещанами, вообще лицами податных сословий, к которым присоединялись вольноопределяющиеся и солдатские сыновья, или кантонисты. По новому закону, установившему всеобщую воинскую повинность, все молодые люди на двадцать первом году обязаны нести военную службу. Поступление на службу решается жребием. Заместительство не допускается. Телесное наказание в войсках отменено, исключая исправительных рот, где оно оставлено по-прежнему. Нормальный срок службы определен в восемнадцать лет, из которых пять лет действительной службы и 13 лет в запасе. Для лиц, окончивших курс в учебных заведениях 1, 2 и 3-го разрядов, установлены сокращенные сроки службы и дается отсрочка для окончания образования. Однако, народонаселение России слишком многочисленно, чтобы можно было содержать армию, которую оно могло бы поставить; поэтому около двух-третей рекрутов непосредственно зачисляются в ополчение, которое принадлежит к армии лишь в силу возможности его созыва в известных случаях. В ополчение также зачисляются молодые люди, пользующиеся раз на всегда определенными льготами: по семейному положению и телесным недостаткам; другие молодые люди, определяемые жребием, остаются на действительной службе только в течение времени, необходимого для того, чтобы пополнить кадры армии, и затем поступают в запас. По вступлении в запас, они обязаны служить лишь в военное время. Молодые люди, пользующиеся привилегией по своему воспитанию (окончившие курс высшего или 6 классов среднего учебного заведения), могут, в силу этого преимущества, освободиться от принудительного призыва к вынутию жребия, поступая в армию добровольно, в качестве так называемых вольноопределяющихся, начиная с семнадцатилетнего возраста и оставаясь на службе в течение одного года. Затем, они поступают в запас, если не пожелают сделаться офицерами в действующей армии или в запасных войсках; в послед-

нем случае они должны пройти специальный курс учения, чтобы получить офицерский чин. В Европейской России общее число молодых людей, вынимавших жребий для исполнения воинской повинности, колебалось около 700.000, а было назначаемо на службу около 200.000 (в 1897 г. контингент рекрут 282.900). Казаки донские, уральские, кубанские, терские и сибирские сохранили свою специально военную организацию. Каждое из этих казачьих войск обязано выставлять известное число полков, совершенно экипированных и долженствующих всегда быть в боевой готовности: мобилизация их должна быть окончена в десятидневный срок. К первому января 1880 года в Европейской России казаков, отправляющих военную службу, числилось около 40.000; но эта цифра могла бы быть увеличена до 100.000 чел. по первому призыву.

Численность русской армии изменяется в весьма значительной степени, смотря по мирному или военному положению её, смотря по ходу политики и отношениям держав, по состоянию государственного бюджета.

Из числа 812.484 нижних чинов, состоявших по спискам к 1-му января 1882 г., находилось: в пехоте—612.082 чел., в кавалерии—70.064 чел., в артиллерии—107.601 чел., в инженерных войсках—22.737 чел. В том числе: действующих войск—583.557 чел., резервных—71.696 чел., местных—93.173 чел., запасных—22.048 чел. Собственно действующие и резервные войска по роду оружия распределялись следующим образом:

Пехота: 934 батальона	507.714 чел., или 77,49%
Кавалерия: 234 эскадрона	49.681 чел., или 7,59%
Артиллерия: 1.604 орудия, 57 1/2 парков	78.117 чел., или 11.91%
Инженерные войска: 28 1/2 батальонов, 14 парков, 1 рота	19.741 чел., или 3,01%

Кроме того, к 1-му января 1882 г. состояло в запасе—1.161.498 чел.; наконец, к тому же сроку в населении находилось 1.985.639 чел. ратников, которые, на основании устава о воинской повинности, могут быть призваны, в случае мобилизации, на пополнение частей войск.

Наличный состав армии в мирное время, включая сюда казаков, войско Финляндии и туземное войско Кавказа, но кроме пограничной стражи, конвойных команд, жандармов и морского войска, исчисляется (1897 г.) в 3.600 офицеров и 860.000 нижних чинов; по штатам военного времени—61.100 офицеров и 3.400.000 нижних чинов.

Смертность в русской армии еще недавно была чрезвычайно велика; но в последнее время, именно с 1872 года, в этом отношении. благодаря введению в войсках более правильной гигиены и установлению более действительного контроля над поставщиками предметов продовольствия, произошло весьма значительное улучшение, как показывают следующие статистические данные. Смертность в русской армии:

В 1871 г.—17,60 на 1.000; в 1872 г.—16,66; в 1873 г.—12,49; в 1874 г.—10,19; в 1875 г.—10,03; в 1876 г.—9,47.

В мирное время теперь умирает не более одного русского солдата на сто, что, однако, еще слишком высокий процент для отборной части молодежи: благодаря преданности сестер и братьев милосердия и улучшению санитарной части, самая война ныне пожирает гораздо меньше жертв, чем бывало прежде.

Некоторые из русских крепостей, как известно, принадлежат к самым сильным твердыням Европы. Кронштадт, постепенно снабженный, так сказать, на глазах русских государей, всеми возможными средствами обороны, сделан поистине неприступным; точно также Свеаборг и Выборгская бухта едва-ли могут быть атакованы неприятельским флотом. как бы ни был он могущественен, с некоторым шансом успеха. Из сухопутных крепостей Модлин, или Ново-Георгиевск, и Варшава, в четыреугольнике Царства Польского, могут служить укрепленными лагерями для целых армий, и в скором времени новые крепости должны, вместе с существующими уже крепостями: Брест-Литовском, Бобруйском, Двинском и Киевом, служить им опорной точкой на западной границе России. На берегах Черного моря Севастополь, Керчь и в особенности Николаев составляют цепь укрепленных пунктов со стороны

юга. В Николаеве находятся кораблестроительные верфи, арсеналы и большая часть Черноморского военного флота. Кроме крепостей в собственном смысле, правительством устроены в разных частях России обширные лагери для летних занятий войск. Таков Вознесенск, при Южном Буге, где происходят большие кавалерийские маневры; затем, Меджибож, недалеко от границ австрийской Буковины и Румынии, Красное Село под Петербургом и другие.

Что касается морских сил, то Россия не имеет возможности, как Англия, соединять свои корабли в одном месте; она принуждена содержать специальные эскадры в каждом из омывающих ее морей, и при том два главные её флота, балтийский и черноморский, не могут выходить из своих замкнутых морей иначе, как через проливы, принадлежащие другим державам. Тем не менее Россия обладает первоклассным военным флотом, по числу судов и по силе вооружения; около двух третей её кораблей, и при том самые могущественные, сосредоточены в Балтийском море, где они прикрывают Петербург и Кронштадт и угрожают берегам Швеции, Дании и Пруссии. В Черном море в числе военных судов находятся две поповки, которые, впрочем, не принесли никакой пользы в последнюю турецкую войну. Морские военные силы, численность которых простирается до 38.000 человек (при 1.277 офицерах), пополняются, как и сухопутная армия, посредством рекрутских наборов; срок службы, продолжавшийся прежде 22 года, со введением всеобщей воинской повинности, сокращен до 9-ти лет, из которых 7 лет на действительной службе и 2 года в запасе.

Численность военных судов в Европейской России в 1897 г. (не считая портовых, транспортных, таможенных и т. п. судов):

Балтийский флот—208 судов, с 1.162 пушками (в том числе 53 броненосных судна, эскадренных и береговой обороны). Черноморский флот—63 судна, с 429 пушками (в том числе 10 броненосных, из них 2 поповки).

Эти грозные вооружения и содержание войск поглощают, вместе с процентами и погашением займов, заключенных для прежних войн, около половины общей суммы государственных доходов, хотя эти доходы значительно увеличились с половины текущего столетия. Первые правильные бюджеты России, перечисляющие в подробности все статьи доходов и расходов, равно как отчеты государственного контроля по исполнению росписи, публикуются только с 1866 года. Каждый год министерство финансов составляет приблизительную смету доходов и расходов на следующий год. В большей части этих государственных росписей, составляемых вперед, доходы превышают расходы, или по крайней мере получается равновесие между двумя частями бюджета; но в действительности с 1832 года до последнего десятилетия оказывалось, что непредвиденные, сверхсметные расходы или недоборы в доходах почти всегда заставляли склоняться баланс в сторону дефицита, и что государственный долг постоянно возрастал. Следующие цифры показывают увеличение бюджета Империи со времени Крымской войны:

	Поступило доходов. Рубли.	Произведено расходов. Рубли.
1855 г. (Крымская война)	264.120.000	525.969.000
1865 г	371.267.000	396.678.000
1875 г	576.493.000	543.221.500
1876 г	559.262.700	624.105.000
1877 г. (восточная война)	548.830.830	1.014.373.000
1878 г	625.973.000	1.008.654.000
1888 г	873.560.748	836.922.477
1895 г	1.244.362.202	1.129.439.236

Главный источник государственного дохода составляют косвенные налоги, и между этими неокладными сборами всего правильнее поступает питейный доход. Количество чистого спирта, выделываемое на винокуренных заводах и выпускаемое в продажу впродолжении года, оставалось приблизительно одно и то же со времени финансовых реформ 1865 года, и только с 1878 года оно значительно увеличилось; доход, получаемый казною от питейного акциза, увеличился с той эпохи более чем на 110 милл. руб., т. е. около 8 миллион. руб. в год. В 1895 году казна получила по этой статье доходов сумму свыше 298 миллионов руб.,

тогда как акциз с табаку дал 34.545.000 руб. Из других косвенных налогов таможенный сбор в 1895 г. принес казне 167.711.809 руб.; гербовый сбор—около 30.000.000 руб. Прямые налоги, менее важные, так как они, средним числом, составляют не более $^1/_{10}$ части государственных доходов, состоят преимущественно из податей, поземельного и лесного налогов и налога с недвижимых имуществ, патентного сбора и 5% налога на доходы от капиталов. Доходы, известные под именем «правительственных регалий», а именно: горные подати, монетный доход, почтовый и телеграфный, дали в 1895 г. в сложности около 43 миллионов руб., а доход от государственных имуществ и капиталов (оброчных статей, лесов, казенных заводов, железных дорог) составлял в 1895 г. 267.506.403 руб. Теперь к этим регалиям прибавилась еще винная монополия, т. е. казенная продажа питей.

Питейный доход приносил сумму почти вполне достаточную на покрытие расходов по военному ведомству, но только в мирное время. В 1876 году, предшествовавшем последней войне, военное министерство потребовало свыше 190 миллионов руб., а расходы морского министерства в том же году простирались до 27 миллионов слишком. В 1895 г. на военно-сухопутные силы израсходовано 285.229.599 руб., а на морские—57.135.732 р.; но каждая большая война удвоивает или утроивает сумму нормального военного бюджета. По росписям 1876-1879 гг., общая сумма чрезвычайных расходов, вызванных последнею турецкою войною, составляет 1.020.578.490 милл. руб., и проценты по сделанным для этой войны займам придется уплачивать русским, может быть, впродолжении многих поколений. Годовые расходы на проценты по национальным займам, заключенным главным образом на покрытие издержек по разным внешним войнам, потребовали от нации в 1882 году сумму около 108 миллионов руб.,—бремя, постоянно увеличивавшееся с того времени. По министерству Императорскаго Двора в 1895 г. израсходовано 12.678.056 р. Совокупность доходов от удельных имений, лесов, земель, рудников и пр. превышает пятнадцать миллионов рублей. Также, как во всех неограниченных монархиях, состоящие на государственной службе лица, кроме жалованья, получают значительные суммы в виде пенсий, вспомоществований, аренд и т. п.

Государственный бюджет России выше бюджетов Великобритании, Франции и Германии. Что касается государственного долга Империи, то он меньше долгов двух западно-европейских держав, Англии и Франции. К 1 января 1897 г. государственный долг России простирался до 6.050.770.092 руб. В 1895 г. по государственному долгу было израсходовано 284.898.447 руб. На 1898 г. на этот предмет, по росписи, назначено 272.092.732 руб. Выпущенных кредитных билетов в конце 1897 г.[1] было 999 миллионов руб.; золотая наличность государственного банка и государственного казначейства в то же время простиралась до 1.315 миллионов рублей.

Следующая таблица дает список губерний и уездов:

1 Всеподдан. доклад министра финансов о государств. росписи на 1898 год.

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Остзейский край				
Эстляндская				
Ревельский	79.060	78.849	157.909	65.036
Везенбергский	58.623	60.982	119.605	5.519
Вейсенштейнский	26.074	27.063	53.137	2.546
Гапсальский	39.768	43.305	83.073	3.214
	208.525	210.199	413.724	76.315
Лифляндская				
Рижский	197.778	195.416	393.194	281.884
Валкский	57.483	63.101	120.584	10.208
Венденский	60.024	65.336	125.360	6.300
Верросский	46.689	52.217	98.906	4.179
Вольмарский	53.576	59.413	112.989	7.241
Перновский	47.032	50.828	97.860	12.552
Юрьевский	91.918	98.829	190.747	41.627
Эзельский	28.469	32.743	61.212	4.343
Феллинский	47.633	52.155	99.788	7.706
	630.602	670.038	1.300.640	376.040
Курляндская				
Добленский	49.827	51.143	100.970	34.913
Бауский	24.020	26.406	50.426	6.641
Виндваский	22.954	25.297	48.251	8.724
Газеннотский	26.641	27.873	53.514	3.322
Гольдингенский	31.408	35.319	66.727	9.729
Гробинский	56.007	52.795	108.802	66.002
Иллукстский	32.832	33.865	66.697	—
Тальсенский	28.931	32.580	61.511	—
Туккумский	24.245	26.701	50.946	7.514
Фридрихштадский	31.013	33.777	64.790	11.289
	326.878	345.756	672.634	148.134
Царство Польское				
Варшавская				
Варшавский	417.579	402.678	820.257	631.440
Блонский	50.846	54.148	105.012	8.173
Влоцлавский	47.646	49.137	96.783	25.926
Гостынский	40.828	40.413	81.241	12.029
Гроецкий	53.675	53.872	107.547	10.216
Кунтовский	40.945	41.986	82.931	11.128
Ловичский	42.815	40.362	83.177	12.853
Нешавский	40.319	41.368	81.687	2.568
Новомпиский	47.842	46.082	93.924	15.698
Плонский	55.329	41.799	97.128	12.129
Пултусский	54.774	48.800	103.574	20.023
Радиминский	31.885	31.930	63.815	3.661
Скерневицкий	27.392	24.871	52.263	9.872
Сохачевский	32.002	32.348	64.350	6.030
	983.895	948.794	1.933.689	791.746

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Калишская				
Калишский	61.541	63.649	125.190	25.682
Велюнский	71.749	72.706	144.455	7.543
Кольский	47.267	48.995	96.262	12.539
Конинский	42.074	42.860	84.934	8.538
Ленчицкий	50.289	50.796	101.085	20.489
Слупецкий	41.244	42.629	83.873	3.998
Серадзский	61.517	62.436	123.953	26.746
Турекский	43.060	43.907	86.967	8.074
	418.741	427.978	846.719	113.609
Келецкая				
Келецкий	71.017	71.537	142.554	29.505
Андреевский	38.744	40.209	78.953	—
Влощовский	36.721	38.094	74.815	—
Меховский	56.257	58.166	114.423	4.077
Олькушский	55.654	58.188	113.842	3.397
Пинчовский	52.819	55.319	108.138	13.790
Стопницкий	62.163	66.858	131.021	7.045
	375.375	388.371	763.746	57.814
Ломжинская				
Ломжинский	65.623	53.370	118.993	26.600
Кольненский	36.603	37.602	74.205	5.048
Мазовецкий	36.690	36.811	73.501	4.319
Маковский	32.059	31.234	63.293	7.500
Островский	52.973	46.534	99.507	11.631
Остроленский	48.139	40.851	88.990	8.832
Щучинский	34.415	32.877	67.292	5.904
	306.502	279.272	585.781	69.834
Люблинская				
Люблинский	77.991	77.901	155.892	49.358
Белгорайский	48.152	48.687	96.839	6.266
Грубешовский	50.820	51.032	101.852	15.175
Замостский	61.455	58.312	119.767	16.979
Красноставский	51.276	49.669	100.945	9.213
Томашовский	48.873	49.745	98.618	6.218
Ново-Александрийский	77.328	65.930	143.168	—
Любартовский	43.477	43.464	86.941	9.411
Холмский	71.306	66.452	137.758	19.424
Яновский	59.819	57.864	117.683	16.122
	590.407	569.056	1.159.463	148.196
Петроковская				
Петроковский	77.615	76.950	154.565	30.984
Бендинский	124.716	118.603	243.319	20.573
Брезинский	49.882	50.235	100.117	28.694
Лаский	58.383	59.506	117.889	31.084
Лодзинский	212.644	220.804	433.448	333.883
Новорадомский	63.908	66.523	130.431	12.544
Равский	34.407	35.124	69.531	6.634

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г. Муж.	Жен.	Всего	В том числе в городах
Ченстоховский	80.217	79.527	159.744	45.303
	701.772	707.272	1.409.014	509.699
Плоцкая				
Плоцкий	50.965	49.433	100.398	31.368
Липновский	42.569	45.335	87.904	9.257
Млавский	45.568	44.881	90.449	13.755
Праснышский	33.961	33.265	67.226	9.261
Рыпинский	34.405	35.701	70.106	6.289
Серпецкий	33.833	34.802	68.635	8.674
Цехановский	37.472	34.687	72.159	11.217
	278.773	278.104	556.877	89.821
Радомская				
Радомский	75.104	72.456	147.560	30.329
Илжецкий	55.507	56.150	111.657	—
Козеницкий	57.097	54.433	111.530	5.309
Конский	59.220	59.936	119.156	21.296
Опатовский	63.269	64.866	128.135	16.915
Опоченский	49.892	51.577	101.469	6.037
Сандомирский	50.650	50.206	100.856	15.152
	410.739	409.624	820.363	94.318
Сувалкская				
Сувалкский	51.468	47.493	98.961	22.983
Августовский	42.569	39.171	81.840	13.332
Владиславовский	33.951	35.373	69.324	6.275
Волковышский	39.692	40.400	80.092	9.543
Кальварийский	37.081	36.138	73.219	8.386
Мариампольский	57.749	57.458	115.207	8.913
Сейнский	42.873	43.529	86.402	3.876
	305.383	299.562	604.945	73.308
Седлецкая				
Седлецкий	44.906	40.126	85.032	24.408
Бельский	39.761	37.235	76.996	17.265
Венгровский	36.267	36.559	72.826	8.800
Влодавский	49.083	48.504	97.587	13.647
Гарволинский	61.505	60.383	121.888	12.194
Константиновский	30.402	31.169	61.571	—
Луковский	51.799	51.907	103.706	8.409
Радинский	44.769	42.933	87.702	19.021
Соколовский	33.928	34.080	68.008	7.251
	392.420	382.896	775.316	110.995

Литва, Гродненская и Витебская губ.

Ковенская				
Ковенский	124.403	108.401	232.804	75.390
Вилькомирский	113.957	116.527	230.484	13.856
Новоалександровский	103.378	107.311	210.689	11.604
Поневежский	107.915	115.587	228.502	12.987
Россиенский	110.546	118.578	229.124	7.393
Тельшевский	86.761	96.261	183.022	6.160
Шавельский	114.382	125.437	239.819	20.488
	761.342	788.102	1.549.444	147.878
Виленская				
Виленский	180.223	175.632	355.855	158.876
Вилейский	103.489	105.355	208.844	6.032
Дисненский	103.349	104.913	208.262	11.539
Лидский	103.719	102.618	206.337	8.759
Ошмянский	115.369	117.505	232.874	6549
Свенцянский	86.205	89.695	175.900	6.264
Трокский	101.882	101.958	203.840	3.428
	794.236	797.676	1.591.912	201.447
Гродненская				
Гродненский	107.223	99.547	206.770	47.613
Брестский	115.385	104.378	219.763	46.961
Белостокский	110.523	99.609	210.132	74.436
Бельский	82.566	82.826	165.392	18.286
Волковыский	75.988	73.690	149.678	10.415
Кобринский	94.583	90.819	185.402	10.486
Пружанский	70.892	68.987	139.879	7.714
Слонимский	114.930	114.574	229.504	16.174
Сокольский	55.968	55.371	111.339	23.861
	828.058	789.801	1.617.859	255.946
Витебская				
Витебский	88.919	88.147	177.066	68.788
Велижский	49.901	51.606	101.507	12.629
Городокский	56.095	56.484	112.579	5.555
Двинский	123.674	115.574	239.248	72.636
Дриссенский	48.869	49.203	98.072	4.279
Лепельский	79.351	79.606	158.957	6.192
Люцинский	63.613	64.984	128.597	3.972
Невельский	54.487	58.096	112.583	10.260
Полоцкий	70.472	71.618	142.090	20.705
Режицкий	67.481	70.391	137.872	10.868
Себежский	46.156	48.189	94.345	4.285
	749.018	753.898	1.502.916	220.170

Белоруссия, Малороссия и Новороссия

Смоленская				
Смоленский	74.519	71.089	145.608	45.564
Бельский	80.136	86.806	166.941	6.936
Вяземский	49.896	56.715	106.611	15.206
Гжатский	44.582	57.808	102.390	6.243
Дорогобужский	50.608	56.357	106.965	7.002
Духовщинский	61.943	64.543	126.486	3.038
Ельнинский	68.256	73.969	142.225	2.332
Краснинский	50.271	52.931	103.202	2.752
Поречский	65.437	68.356	133.793	5.593

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Рославльский	92.971	97.025	189.996	14.431
Сычевский	46.388	56.192	102.580	4.300
Юхновский	57.163	67.108	124.271	1.989
	742.170	808.898	1.551.068	118.386
Могилевская				
Могилевский	78.267	78.407	156.674	42.864
Быховский	61.999	63.586	125.585	6.411
Гомельский	112.754	115.485	228.239	36.332
Горецкий	61.157	62.436	123.593	10.018
Климовенский	72.231	74.283	146.514	4.765
Мстиславский	51.301	53.052	104.353	8.297
Оршанский	94.142	94.805	188.947	14.278
Рогачевский	114.931	116.039	230.970	9.151
Сенненский	81.241	81.205	162.446	3.994
Чаусский	43.897	44.876	88.783	5.515
Черниковский	74.986	76.961	151.947	5.145
	846.906	861.135	1.708.041	146.752
Минская				
Минский	139.837	138.390	278.227	91.472
Бобруйский	129.931	125.910	255.841	35.631
Борисовский	121.021	119.743	240.764	18.707
Игуменский	117.248	118.411	235.659	4.545
Мозырский	89.790	90.957	180.747	10.486
Новогрудский	124.196	126.367	250.563	7.724
Пинский	115.878	114.860	230.738	27.691
Речицкий	109.961	112.576	222.537	9.379
Слуцкий	129.795	131.252	261.047	23.187
	1.077.651	1.078.466	2.156.123	228.822
Волынская				
Житомирский	219.928	214.797	434.725	65.424
Влад.-Волынский	136.963	137.860	274.823	9.576
Дубенский	98.966	96.265	195.231	13.605
Заславский	104.624	106.146	210.770	12.763
Ковельский	109.153	103.984	213.137	17.640
Кременецкий	112.901	108.498	221.399	18.002
Луцкий	128.472	123.532	252.004	15.671
Новоград-Волынский	175.428	174.753	350.181	16.888
Овручский	102.242	103.395	205.637	6.105
Острожский	85.520	84.427	169.947	14.580
Ровенский	139.904	134.903	274.807	24.593
Староконстантиновский	98.340	96.901	195.241	16.236
	1.512.441	1.485.461	2.997.902	231.083
Черниговская				
Черниговский	80.504	81.191	161.695	35.590
Борзенский	72.099	74.678	146.777	12.417
Глуховский	70.084	72.282	142.366	14.720
Городнянский	76.162	78.657	154.819	4.146
Козелецкий	67.144	68.878	136.022	5.037
Конотопский	78.254	79.005	157.259	19.272
Кролевецкий	64.880	67.292	132.172	16.714
Мглинский	69.031	71.789	140.820	7.742
Новгородсеверский	72.440	74.872	147.312	9.000
Новозыбковский	83.040	90.085	173.125	16.452
Нежинский	82.506	86.478	168.984	32.135
Остерский	75.764	77.415	153.179	5.545
Сосницкий	84.247	86.859	171.106	7.801
Стародубский	71.421	76.247	147.668	17.609
Суражский	92.529	96.067	188.596	3.930
	1.140.105	1.181.795	2.321.900	207.390
Курская				
Курский	113.293	112.550	225.843	52.955
Белгородский	89.016	87.745	176.761	21.806
Грайворонский	89.314	89.607	178.921	9.547
Дмитриевский	62.878	65.409	128.287	7.172
Корочанский	80.417	80.296	160.713	14.437
Льговский	65.328	66.557	131.885	5.426
Новооскольский	79.873	79.482	159.355	2.672
Обоянский	91.001	92.560	183.561	12.273
Путивльский	81.773	83.090	164.863	8.888
Рыльский	81.713	84.595	166.308	11.326
Старооскольский	72.993	75.051	148.044	16.539
Суджанский	76.119	76.072	152.191	20.862
Тимский	68.976	72.924	141.900	7.480
Фатежский	62.121	64.966	127.087	4.924
Щигровский	73.274	77.584	150.858	3.369
	1.188.089	1.208.488	2.396.577	199.676
Киевская				
Киевский	285.488	259.655	545.143	240.503
Бердичевский	138.556	141.746	280.302	53.134
Васильковский	156.925	160.773	317.698	18.083
Звенигородский	137.587	139.582	277.169	17.201
Каневский	132.386	138.372	270.758	8.688
Липовецкий	104.943	107.530	212.473	5.960
Радомысльский	158.912	160.104	319.016	11.094
Сквирский	123.643	125.630	249.273	16.505
Таращанский	121.813	124.210	246.023	11.398
Уманский	160.119	162.519	322.638	28.192
Черкасский	152.175	156.245	308.420	28.895
Чигиринский	112.075	115.137	227.212	9.986
	1.784.622	1.791.503	3.576.125	449.639
Полтавская				
Полтавский	113.913	113.657	227.570	51.965
Гадячский	72.750	73.153	145.903	7.515
Зеньковский	69.622	71.617	141.239	10.573
Золотоношный	112.367	115.944	228.311	8.781
Кобелякский	110.394	110.509	220.903	12.114
Константиноградский	116.066	114.816	230.882	6.371
Кременчугский	124.259	122.817	247.076	68.914

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Лохвицкий	74.829	77.315	152.144	8.896
Лубенский	68.160	69.267	137.427	9.872
Миргородский	78.645	80.516	159.161	9.895
Переяславский	91.421	94.000	185.421	14.672
Пирятинский	81.303	83.126	164.429	8.449
Прилукский	94.419	98.367	192.786	19.038
Роменский	93.032	94.498	187.530	25.713
Хорольский	86.811	87.134	173.945	8.591
	1.387.991	1.406.736	2.794.727	271.459
Екатеринославская				
Екатеринославский	181.933	170.200	352.133	119.716
Александровский	137.772	133.622	271.394	16.354
Бахмутский	176.558	153.317	329.875	19.080
Верхнеднепровский	107.632	104.523	212.155	11.529
Мариупольский	129.199	122.611	251.810	29.777
Новомосковский	133.800	131.943	265.743	12.678
Павлоградский	129.028	124.101	253.129	16.991
Славяносербский	92.638	83.774	176.412	23.566
	1.088.560	1.024.091	2.112.651	249.691
Херсонская				
Херсонский	300.005	285.852	585.857	171.899
Александрийский	211.589	208.416	420.005	25.431
Ананьевский	135.271	131.122	266.393	16.546
Елисаветградский	309.539	304.096	613.635	103.941
Одесский	320.521	285.556	606.077	419.112
Тираспольский	123.732	117.113	240.865	48.265
	1.400.657	1.332.175	2.732.832	785.094
Подольская				
Каменец-Подольский	133.811	133.374	267.185	34.520
Балтский	196.148	194.371	390.519	23.365
Брацлавский	121.384	122.062	243.446	8.054
Винницкий	127.604	121.299	248.833	29.029
Гайсинский	123.698	124.936	248.634	9.391
Летичевский	93.462	91.703	185.165	8.821
Литинский	104.558	106.201	210.759	24.367
Могилевский	113.858	114.913	228.771	32.622
Ольгопольский	143.576	145.712	289.288	8.212
Проскуровский	114.812	112.349	227.161	22.682
Ушицкий	111.787	112.644	224.431	12.799
Ямпольский	132.016	135.259	267.321	6.753
	1.516.760	1.514.753	3.031.513	220.615
Бессарабская				
Кишиневский	145.165	134.936	280.101	108.874
Аккерманский	134.356	131.656	266.012	28.365
Бендерский	99.286	93.579	192.865	32.120
Белецкий	109.008	101.679	210.687	18.341
Измаильский	126.126	118.008	244.134	69.199
Оргеевский	108.459	104.597	213.056	12.188
Сорокский	111.979	106.643	218.622	15.584
Хотинский	156.878	151.081	307.959	18.181
	991.257	942.179	1.933.436	302.852

Область великих озер

Псковская				
Псковский	113.513	116.009	229.522	29.582
Великолуцкий	60.356	65.966	126.322	8.223
Новоржевский	55.774	59.793	115.567	2.719
Опочецкий	67.137	70.247	137.384	5.637
Островский	79.577	83.498	163.075	6.193
Порховской	84.728	91.664	176.392	5.347
Торопецкий	47.134	50.706	97.840	7.432
Холмский	43.390	47.048	90.438	5.803
	551.609	584.931	1.136.540	70.936
Новгородская				
Новгородский	99.187	92.670	191.857	26.237
Боровичский	71.714	77.504	149.218	8.947
Белозерский	42.548	47.083	89.631	4.857
Валдайский	45.737	49.948	95.685	3.315
Демянский	38.851	42.754	81.605	1.668
Кирилловский	58.924	64.951	123.875	4.330
Крестецкий	49.602	53.617	103.219	2.502
Старорусский	93.333	102.904	195.937	15.204
Тихвинский	49.488	53.539	103.027	6.350
Устюженский	47.165	51.903	99.068	4.754
Череповецкий	76.147	83.664	159.811	6.745
	672.696	720.237	1.392.933	84.947
С.-Петербургская				
С.-Петербургский	705.777	584.163	1.289.940	1.234.640
Гдовский	68.854	78.989	147.843	2.017
Лужский	66.110	70.276	136.386	5.676
Новоладожский	43.651	48.284	91.935	4.122
Петергофский	90.481	58.453	148.934	80.968
Царскосельский	78.654	72.416	151.070	41.773
Шлиссельбургский	27.535	27.556	55.091	5.094
Ямбургский	44.057	42.435	86.492	20.849
	1.125.119	982.572	2.107.691	1.395.147
Олонецкая				
Петрозаводский	37.434	42.887	80.321	12.238
Вытегорский	26.525	29.189	55.714	4.411
Каргопольский	38.774	42.905	81.679	2.421
Лодейнопольский	22.093	24.282	46.375	1.476
Олонецкий	19.847	21.392	41.239	1.158
Повенецкий	12.379	13.878	26.257	1.293
Пудожский	16.662	18.468	35.130	1.415
	173.714	193.001	366.715	24.412

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Северная покатость				
Архангельская				
Архангельский	29.167	30.423	59.590	20.335
Кемский	17.194	19.174	36.368	1.673
Кольский	4.562	4.578	9.140	611
Мезенский	12.639	12.980	25.619	2.015
Онежский	17.247	21.306	38.553	2.396
Печерский	17.032	18.264	35.296	—
Пинежский	14.363	14.980	29.343	932
Холмогорский	16.074	19.405	35.479	1.124
Шенкурский	36.391	41.720	78.111	1.283
Новая земля	45	45	90	—
	164.714	182.875	347.589	30.369
Вологодская				
Вологодский	81.453	90.542	171.995	24.753
Вельский	51.101	54.725	105.826	1.843
Грязовецкий	49.515	58.516	108.031	3.108
Кадниковский	90.958	99.487	190.445	2.244
Никольский	110.808	117.382	228.190	2.361
Сольвычегодский	58.308	61.930	120.238	2.316
Тотемский	72.549	78.163	150.712	3.704
Устьсысольский	46.085	49.295	95.380	4.602
Велико-Устюгский	71.306	76.426	147.732	11.427
Яренский	22.574	24.464	47.038	1.049
	654.657	710.930	1.365.587	57.407
Бассейн Волги				
Тверская				
Тверской	79.391	89.295	168.686	52.275
Бежецкий	118.349	136.947	255.296	8.991
Весьегонский	72.033	85.831	157.864	5.492
Вышневолоцкий	85.595	97.260	182.855	16.436
Зубцовский	47.726	57.009	104.735	2.828
Калязинский	51.580	67.292	117.872	5.458
Кашинский	50.286	70.568	120.854	7.417
Корчевский	52.420	67.514	119.934	2.182
Новоторжский	66.937	83.232	150.169	12.188
Осташковский	63.707	72.373	136.079	10.348
Ржевский	70.416	77.634	148.050	21.074
Старицкий	67.815	81.616	149.431	5.073
	826.255	986.570	1.812.825	149.762
Калужская				
Калужский	55.703	58.963	114.666	47.611
Боровской	23.360	31.556	54.916	8.319
Жиздринский	123.859	131.598	255.457	5.783
Козельский	60.682	67.630	128.312	11.412
Лихвинский	42.030	47.152	89.182	1.743
Малоярославецкий	16.092	29.909	42.001	2.347
Медынский	53.782	63.585	117.367	4.257
Мещовский	45.318	55.624	100.942	4.655
Мосальский	77.284	85.999	163.283	2.503
Перемышльский	27.192	34.629	61.821	4.347
Тарусский	23.168	34.611	57.779	1.876
	548.470	637.256	1.185.726	94.853
Московская				
Московский	661.622	518.111	1.179.733	1.009.264
Богородский	108.703	114.658	223.361	10.937
Бронницкий	57.070	75.006	132.076	3.747
Верейский	25.247	32.469	57.716	3.708
Волоколамский	36.451	46.338	82.789	2.800
Дмитровский	56.597	67.590	124.187	4.295
Звенигородский	39.346	47.463	86.809	4.165
Клинский	53.403	65.675	119.078	4.955
Коломенский	50.918	61.731	112.619	20.893
Можайский	24.924	34.161	59.085	4.715
Подольский	37.241	49.177	86.418	3.610
Рузский	22.591	34.512	57.103	2.438
Серпуховский	50.460	61.892	112.352	24.077
	1.224.573	1.208.783	2.433.356	1.099.604
Тульская				
Тульский	107.969	101.963	209.932	109.836
Алексинский	32.484	42.845	75.329	2.249
Богородицкий	74.936	82.223	157.159	4.793
Белевский	35.582	43.175	78.757	9.538
Веневский	48.437	57.292	105.729	5.185
Епифанский	54.475	61.164	115.639	4.010
Ефремовский	82.476	89.196	171.672	8.975
Каширский	29.391	37.964	67.355	3.997
Крапивенский	49.320	55.215	104.535	6.879
Новосильский	68.970	75.134	144.104	2.838
Одоевский	42.670	51.077	93.747	4.354
Чернский	51.213	57.572	108.785	3.696
	677.623	754.820	1.432.743	166.350
Орловская				
Орловский	102.935	106.320	209.255	69.132
Болховский	66.157	72.987	139.144	20.883
Брянский	106.188	99.804	205.992	22.927
Дмитровский	52.071	55.221	107.292	5.291
Елецкий	137.749	146.177	283.926	36.873
Карачевский	66.937	69.376	136.313	15.126
Кромский	51.469	59.391	110.860	5.407
Ливенский	142.556	150.914	293.470	20.395
Малоархангельский	85.284	91.761	177.045	7.580
Мценский	49.570	55.129	104.699	9.238
Севский	75.647	78.807	154.454	9.064
Трубчевский	65.421	66.778	132.299	6.702
	1.001.984	1.052.765	2.054.749	228.618

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Рязанская				
Рязанский	104.226	111.315	215.541	44.264
Данковский	50.207	55.924	106.131	8.959
Егорьевский	74.539	82.874	157.413	18.849
Зарайский	51.673	63.621	115.294	7.857
Касимовский	80.519	93.143	173.662	13.308
Михайловский	71.200	82.382	153.582	9.127
Пронский	53.192	60.123	113.315	7.887
Раненбургский	74.661	79.048	153.709	15.109
Ряжский	67.315	72.291	139.606	12.750
Сапожковский	70.031	84.820	164.851	8.696
Скопинский	87.785	92.047	179.832	14.714
Спасский	70.106	84.497	154.603	4.602
	865.454	962.085	1.827.539	166.122
Тамбовская				
Тамбовский	210.297	215.477	425.774	47.291
Борисоглебский	153.592	155.097	308.689	21.480
Елатомский	66.307	76.108	142.415	4.407
Кирсановский	130.220	134.433	264.653	10.336
Козловский	166.372	172.255	338.627	39.523
Лебедянский	70.977	75.087	146.064	12.538
Липецкий	81.928	84.586	166.514	20.098
Моршанский	135.579	140.189	275.768	26.990
Спасский	60.247	63.829	124.076	5.895
Темниковский	68.311	73.382	141.693	12.357
Усманский	103.973	107.556	211.529	9.950
Шацкий	82.550	87.101	169.651	13.832
	1.330.353	1.385.100	2.715.453	224.697
Ярославская				
Ярославский	101.040	109.336	210.376	69.973
Даниловский	27.127	41.806	68.833	3.999
Любимский	25.491	38.981	64.472	2.908
Мологский	51.646	67.544	119.090	4.118
Мышкинский	34.748	51.636	86.384	2.271
Пошехонский	50.956	63.413	114.369	3.639
Романово-Борисоглебский	28.996	45.059	74.055	6.196
Ростовский	65.748	83.868	149.616	14.342
Рыбинский	39.096	51.651	90.747	25.031
Угличский	35.385	58.951	94.336	9.964
	460.233	612.245	1.072.478	142.441
Костромская				
Костромский	86.272	98.039	184.311	41.611
Буйский	33.319	49.983	73.302	2.643
Варнавинский	61.290	66.844	128.134	1.403
Ветлужский	60.890	66.073	126.963	5.175
Галичский	48.524	62.301	110.825	6.184
Кинешемский	70.869	77.417	148.285	7.203
Кологривский	51.889	60.406	112.295	2.354
Макарьевский	71.711	79.787	151.498	9.059
Нерехтский	69.333	83.811	153.144	6.372
Солигаличский	24.923	35.729	60.652	3.264
Чухломский	19.615	31.367	50.982	2.062
Юрьевецкий	59.614	69.223	128.837	6.558
	658.248	770.981	1.429.228	93.888
Владимирская				
Владимирский	78.669	85.142	163.811	27.969
Александровский	49.270	56.441	105.711	6.521
Вязниковский	42.675	49.076	91.751	7.187
Гороховецкий	44.074	54.215	98.289	2.726
Ковровский	52.316	62.125	114.441	14.205
Меленковский	69.442	77.862	147.304	8.824
Муромский	57.576	67.031	124.607	12.407
Переславль-Залесский	41.531	50.487	92.018	8.135
Покровский	76.517	86.546	163.063	7.527
Судогодский	48.055	53.581	101.636	3.370
Суздальский	51.579	59.179	110.758	7.872
Шуйский	78.740	83.269	163.009	72.127
Юрьев-Польский	42.777	52.558	95.335	4.895
	733.221	837.512	1.570.733	183.783
Нижегородская				
Нижегородский	108.303	114.015	222.318	91.878
Ардатовский	68.545	76.689	145.234	3.396
Арзамасский	65.008	77.147	142.155	10.631
Балахнинский	67.518	70.307	137.825	4.736
Васильсурский	61.459	69.286	130.745	3.498
Горбатовский	64.724	72.064	136.788	3.814
Килгининский	48.742	58.688	107.430	3.737
Лукояновский	94.059	101.649	195.708	11.668
Макарьевский	52.301	57.558	109.859	1.576
Семеновский	52.668	57.964	110.632	3.703
Сергачский	75.732	85.878	161.610	1.710
	759.059	841.245	1.600.304	140.347
Пензенская				
Пензенский	78.753	82.212	160.965	60.902
Городищенский	84.654	90.070	174.724	3.885
Инсарский	88.464	92.726	181.190	8.063
Керенский	51.342	56.121	107.463	4.115
Краснослободский	87.615	91.964	179.579	11.407
Мокшанский	53.493	58.099	111.592	10.087
Наровчатский	58.057	61.311	119.368	4.559
Нижне-Ломовский	75.165	79.848	155.013	16.087
Саранский	70.922	75.800	146.722	13.143
Чембарский	75.359	79.240	154.599	5.312
	738.824	767.391	1.491.215	137.560
Казанская				
Казанский	173.548	175.669	349.217	125.104
Козьмодемьянский	51.465	53.418	104.883	5.177

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Ланшевский	85.924	90.264	176.188	3.751
Мамадышский	96.985	99.775	196.760	4.010
Свияжский	61.680	67.880	129.561	2.221
Спасский	86.153	89.307	175.469	2.656
Тетюшский	92.183	95.270	187.453	4.442
Царевококшайский	55.001	58.240	113.241	1.477
Цивильский	82.263	83.642	165.905	2.270
Чебоксарский	63.869	65.240	129.109	4.435
Чистопольский	151.145	156.079	307.224	18.379
Ядринский	77.286	78.771	156.057	2.474
	1.077.503	1.113.555	2.191.058	176.396
Вятская				
Вятский	94.507	103.988	198.490	24.089
Глазовский	181.993	191.955	373.948	3.220
Елабужский	108.063	124.136	242.199	9.384
Котельничский	134.407	147.561	281.968	4.055
Малмыжский	137.128	146.918	284.046	3.303
Нолинский	88.777	102.435	191.212	4.148
Орловский	101.366	118.214	219.580	2.932
Сарапульский	199.482	208.743	408.225	20.696
Слободской	104.636	113.610	218.246	9.151
Уржумский	138.154	153.314	291.468	4.190
Яранский	175.281	198.125	373.406	5.737
	1.473.794	1.608.994	3.082.788	90.905
Пермская (Европ. скат)				
Пермский	128.173	137.031	265.204	43.363
Верхотурский	130.013	133.942	263.955	10.827
Екатеринбургский	202.431	216.474	418.905	54.459
Ирбитский	74.232	78.702	152.934	6.851
Камышловский	122.852	131.871	254.723	7.137
Красноуфимский	127.242	133.764	261.006	6.209
Кунгурский	66.474	72.308	138.782	13.909
Осинский	157.436	166.831	324.267	4.795
Оханский	127.199	141.952	269.151	1.835
Соликамский	109.597	120.471	230.068	7.321
Чердынский	51.067	53.860	104.927	3.581
Шадринский	153.941	165.345	319.286	15.968
	1.450.657	1.552.551	3.003.208	176.225
Уфимская				
Уфимский	187.072	188.646	375.718	48.584
Белебеевский	219.489	215.880	435.369	5.479
Бирский	253.247	251.198	504.445	8.354
Златоустовский	93.319	95.326	188.645	20.092
Мензелинский	192.066	192.305	384.371	7.316
Стерлитамакский	166.987	164.962	331.949	15.572
	1.112.180	1.108.317	2.220.497	105.667
Симбирская				
Симбирский	110.222	116.274	226.496	42.132
Алатырский	76.952	85.383	162.335	10.897

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Ардатовский	92.707	99.021	191.728	5.113
Буинский	92.008	93.200	185.208	4.448
Корсунский	107.323	114.612	221.935	3.926
Курмышский	78.855	85.670	164.525	3.314
Сенгилеевский	75.343	80.787	156.130	5.561
Сызранский	116.391	124.713	241.104	31.488
	749.801	799.660	1.549.461	106.882
Самарская				
Самарский	175.393	181.970	347.363	89.453
Бугульминский	150.232	152.989	303.214	7.276
Бугурусланский	200.491	208.309	408.800	14.489
Бузулукский	244.753	250.488	495.241	14.531
Николаевский	246.135	252.260	498.395	13.414
Новоузенский	210.715	205.741	416.456	15.586
Ставропольский	137.469	146.513	284.009	5.688
	1.365.215	1.398.263	2.763.478	160.437
Саратовская				
Саратовский	164.200	166.953	331.153	134.112
Аткарский	143.530	146.946	290.476	9.190
Балашовский	154.321	156.903	311.224	11.600
Вольский	90.466	96.865	187.331	26.543
Камышинский	153.239	156.080	309.319	15.270
Кузнецкий	88.793	93.123	181.916	20.093
Петровский	109.328	115.647	224.975	12.949
Сердобский	109.252	115.742	224.994	12.781
Хвалынский	96.301	101.170	197.471	15.312
Царицынский	79.497	81.528	161.025	54.754
	1.188.927	1.230.957	2.419.884	312.604
Астраханская				
Астраханский	111.569	102.344	213.913	111.066
Енотаевский	37.510	37.698	75.208	2.789
Красноярский	34.221	32.187	66.408	4.637
Царевский	98.614	99.588	198.202	8.947
Черноярский	49.964	50.158	100.122	4.944
Калмыцкая степь	66.342	61.434	127.776	—
Внутр. Киргизская Орда	111.038	102.108	213.146	—
	509.258	485.517	994.775	132.383

Бассейн Урала

Оренбургская				
Оренбургский	277.362	278.090	555.452	82.343
Верхнеуральский	113.205	111.534	224.739	11.354
Орский	106.587	101.974	208.561	14.017
Троицкий	101.482	102.117	203.599	23.205
Челябинский	204.300	212.737	417.037	18.454
	802.936	806.452	1.609.388	149.373

Уральск. область (европ. сторона)

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	
Уральский	151.258	140.117	291.375	40.901
Гурьевский	44.882	42.494	87.376	9.200
Калмыковский	89.226	80.906	170.132	2.973
Темирский	48.993	46.125	95.118	640
	334.359	309.642	644.001	1453.7

Бассейн Дона

Воронежская

Воронежский	134.948	137.456	272.404	82.307
Бирюченский	102.361	100.808	203.169	13.193
Бобровский	143.227	144.952	288.179	3.772
Богучарский	155.566	155.235	310.801	6.451
Валуйский	94.894	93.069	187.963	6.844
Задонский	60.896	64.100	124.996	8.389
Землянский	99.800	103.889	203.689	6.156
Коротоякский	78.085	79.762	157.847	9.152
Нижнедевицкий	83.338	85.244	168.582	2.358
Новохоперский	97.026	97.513	194.539	6.146
Острогожский	137.748	136.398	274.146	21.945
Павловский	79.170	80.770	159.940	7.194
	1.267.059	1.279.196	2.546.255	173.907

Харьковская

Харьковский	176.223	167.758	343.981	175.173
Ахтырский	81.237	79.754	160.991	23.511
Богодуховский	80.650	79.980	160.630	18.694
Валковский	72.962	72.660	145.622	8.891
Волчанский	84.855	82.901	167.756	11.221
Изюмский	144.966	142.143	287.109	28.543
Змиевский	118.919	114.863	233.782	16.543
Купянский	119.544	118.639	238.183	7.807
Лебединский	89.052	89.607	178.659	21.383
Старобельский	182.365	180.619	362.984	13.222
Сумский	116.146	113.968	230.114	42.615
	1.266.919	1.242.892	2.509.811	367.602

Область Войска Донского

Черкасск. окр.	122.368	116.818	239.186	67.220
Донецкий окр.	230.339	230.658	460.997	—
Первый Донской окр.	134.490	138.194	272.684	—
Второй Донской окр.	118.674	121.029	239.703	—
Ростовск. окр.	189.055	179.917	368.972	147.219
Таганрог. окр.	217.179	200.147	417.326	51.557
Усть-Медвед. окр.	122.452	125.368	247.820	—
Хоперский окр.	125.503	127.552	253.055	—
Сальский окр.	40.282	35.793	76.075	—
	1.300.342	1.275.476	2.575.818	265.896

Губернии и уезды	Население по переписи 28 янв. 1897 г.			В том числе в городах
	Муж.	Жен.	Всего	

Крым и континентальная Таврида

Таврическая

Симферопольский	116.903	84.767	201.670	130.760
Бердянский	155.728	150.208	305.936	34.068
Днепровский	108.147	104.504	212.651	9.076
Евпаторийский	33.360	29.081	62.441	17.621
Мелитопольский	195.971	190.115	386.086	14.803
Перекопский	24.323	22.112	46.435	5.132
Ялтинский	38.923	31.305	70.228	12.055
Феодосийский	87.037	71.082	158.119	60.092
	760.392	683.174	1.443.566	283.607

Оглавление

Том V....2
Предисловие к V-му тому....2
Глава I Северо-Атлантический океан....3
I....3
II....13
III....18
Глава II Бельгия....25
I....25
II....39
III....49
IV....84
V....102
Глава III Великое герцогство Люксембургское....109
Глава IV Нидерланды....114
I....114
II....122
III....135
IV....142
V....154
VI....179
VII....189
Глава V Дания....194
I....194
II....195
III....204
IV....207
V....216
IV....219
Г лава VI Скандинавский полуостров, Норвегия и Швеция....223
I....223
II....224
III....233
IV....238
V....242
VI....246
VII....254
VIII....258
IX....265
X....277
XI....286
XII....302
XIII. Правительство и администрация Норвегии....319
XIV. Правительство и администрация Швеции....323
Глава VII Острова европейского Ледовитого океана....329
Глава VIII Европейская Россия....345
I. Общий обзор....345
II. Финляндия....367
III. Прибалтийские губернии....391
IV*. Польша....407
V. Бассейны верховья Западной Двины и Немана....429
VI. Бассейны Днепра и Днестра....441
VII. Верхний Днепр, бассейн Припети....456
VIII. Средний Днепр, нижний Днепр, Южный Буг и Днестр....464
IX. Область великих озер....501
X. Покатость Ледовитого океана, русская Лапландия, северный Урал, Новая земля....526
Губернии Архангельская и Вологодская....526
Новая Земля....551
XI. Бассейны Волги и Урала, Великороссия....557

XII. Верхняя Волга до Нижнего Новгорода....586
XIII. Бассейн Оки....589
XIV. Средняя Волга и Кама....605
XV. Низовая Волга....623
XVI. Юго-восточные степи, бассейн Урала....630
XVII. Бассейн Дона, Азовское море....632
XVIII. Крым....650
XIX. Материальное и социальное состояние России....668